RISTO RÖNKÄ

У ИСТОКОВ РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ АСПЕКТОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Описание темпорально-аспектуальных систем от первых трактатов до Николая Греча и Александра Востокова

■

ACADEMIC DISSERTATION
To be presented, with the permission of
the Faculty of Humanities of the University of Tampere,
for public discussion Paavo Koli Auditorium of the University,
Kanslerinrinne 1, Tampere,
on May 21 st, 2005, at 12 o'clock.

Acta Universitatis Tamperensis 1074

ACADEMIC DISSERTATION
University of Tampere
School of Modern Languages and Translation Studies
Finland

Distribution
Bookshop TAJU
P.O. Box 617
33014 University of Tampere
Finland

Tel. +358 3 215 6055
Fax +358 3 215 7685
taju@uta.fi
www.uta.fi/taju
http://granum.uta.fi

Cover design by
Juha Siro

Printed dissertation
Acta Universitatis Tamperensis 1074
ISBN 951-44-6278-5
ISSN 1455-1616

Electronic dissertation
Acta Electronica Universitatis Tamperensis 429
ISBN 951-44-6279-3
ISSN 1456-954X
http://acta.uta.fi

Tampereen Yliopistopaino Oy – Juvenes Print
Tampere 2005

«Слово дано для того человеку,
чтобы свои понятия сообщать другому»
Ломоносов, «Российская грамматика»

Посвящается лектору Анне Николаевне Волковой-Ниссинен,
профессору Игорю Семеновичу Вахросу
и моей жизнерадостной семье.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ		9
0.	ВВЕДЕНИЕ	11
0.1.	Предмет и цель исследования	11
0.2.	Фон и метод	13
	Условные обозначения и сокращения	16
1.	ДРЕВНЕЙШИЙ ПЕРИОД СЛАВЯНСКОЙ ГРАММАТИКИ	19
1.1.	«Видь», «начрьтаніе» и «врѣме» в «Осьми честии слова»	19
1.2.	Аспектуальные атрибуты в «Донатусе» Дмитрия Толмача (1522)	28
2.	ЗАРОДЫШИ КАТЕГОРИИ АСПЕКТУАЛЬНОСТИ В ПЕРВЫХ ПЕЧАТНЫХ ГРАММАТИКАХ	41
2.1.	Перфектные и фреквентативные глаголы П. Статориуса (1568)	41
2.2.	Греко-славянская соотносительность в «Адельфотисе» (1591)	49
2.3.	Две аспектуальных основы Лаврентия Зизания (1596)	55
2.4.	«Начертаніе», «видъ» и «время» Смотрицкого (1619)	60
2.5.	Наследие Статориуса в восточнославянской грамматике Ужевича (1643)	75
2.6.	Опыт глагольной аспектуальности Крижанича (1666)	81
3.	РАННЯЯ ЧЕШСКАЯ ТРАДИЦИЯ	89
3.0.	Первая печатная грамматика чешского языка (1533)	89
3.1.	Видо-временные глагольные основы В. Б. Нудожера (1603)	89
3.2.	Двойная аспектуальная классификация глаголов Росы (1672)	95
3.3.	Признаки завершения и определенности у Долежала (1746)	111
4.	ДОЛОМОНОСОВСКОЕ ОПИСАНИЕ РУССКОЙ АСПЕКТУАЛЬНОСТИ	118
4.0.	Экскурс в грамматику Пор-Рояля (1660/1676)	118
4.1.	Аспектуальная глагольная деривация Лудольфа (1696)	121
4.2.	Отражение наследия Лудольфа в русской грамматике Жана Сойе (1724)	126
4.3.	«Славянороссийская грамматика» Копиевича (1706)	132
4.4.	Рукописные русские грамматики, написанные по-немецки	134
4.4.1.	Различительные знаки («notae») будущего времени в грамматике Э. Глюка (1704)	134
4.4.2.	Русская темпоральная парадигма Йоханна Пауса (1729)	136
4.5.1.	Четыре времени в грамматике Федора Максимова (1723)	137
4.5.2.	Пять времен в «Технологии» Федора Поликарпова (1725)	139
4.5.3.	Термин «прошедшее» в грамматике Ивана Афанасьева (1725)	140
4.6.	Данные петербургской немецкой грамматики М. Шванвица (1730)	142
4.7.	Наследие Лудольфа в отражении Адодурова (1731)	145
4.8.	«Россійская грамматика» Микаэля Грёнинга (1750)	149

5. ЛОМОНОСОВСКАЯ ТРАДИЦИЯ 158

5.1. Трехчленная аспектуальная система М. В. Ломоносова (1755) 158
5.2. Немецкая традиция грамматики Ломоносова 180
5.2.1. Немецкий перевод системы Ломоносова (1764) 180
5.2.2. Наследие Ломоносова в представлении Родде (1773) 189
5.2.3. Наследие Ломоносова в учебнике Хайма (1789) 195
5.3. Французская традиция ломоносовской грамматики 200
5.3.1. Ломоносовская система в учебнике Шарпантье (1768) 200
5.3.2. Фреквентативные и унифактивные глаголы в русской грамматике Модрю (1802) 207
5.4. Русская традиция грамматики Ломоносова 210
5.4.1. Совмещение идей Смотрицкого и Ломоносова у Курганова (1769) 210
5.4.2. Ломоносовское наследие в «Кратких правилах» русской грамматики (1773) 213
5.4.3. Шесть времен С. В. Сырейщикова (1787) 215
5.4.4. Новая темпоральная система Барсова (ок. 1788) 215
5.4.5. Смешанная парадигматика П. И. Соколова (1792) 225
5.5. Четыре аспектуальных признака в первой академической грамматике (1802) 232
5.5.1. Наследие Академической грамматики в учебнике Хайма (1804) 242
5.5.2. Академическая грамматика во французской редакции Г. Амоньера (1817) 247
5.5.3. Распад ломоносовской системы в свете грамматики Ивана Орнатовского (1810) 251

6. ВКЛАД ПОЛЬСКИХ И ЧЕШСКИХ ГРАММАТИСТОВ КОНЦА XVIII - НАЧАЛА XIX ВЕКА 257

6.1. Аспектуальные классы глаголов Копчинского (1778) 257
6.2. Двойная аспектуальная система Франца Томсы (1782) 262
6.3. Отражение чешской традиции в словацкой грамматике Антона Бернолака (1790) 268
6.4. Первые аспектуальные концепции Добровского 273
6.4.1. Признак длительности («Dauer») Добровского (1791) 273
6.4.2. Признак быстрого действия Добровского (1792) 276
6.4.3. Отражение латинской традиции в «формах» Добровского (1799) 277
6.5. «Verba singularia» - «verba plurativa» Пельцеля (1795) 281
6.6. Утрата видового признака в системе Томсы (1804) 288
6.7. Четыре аспектуальных разряда Неедлого (1804) 294
6.8. Глагольные классы в грамматике Добровского (1809) 302
6.9. Семантическая классификация глаголов Бандтке (1808) 314

7. РЕВОЛЮЦИЯ ГРАММАТИСТОВ ПЕРВОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XIX ВЕКА 324

7.1. Разработка классификационных принципов Фатером 324
7.1.1. Опыт всеобщей грамматики (1801) 324
7.1.2. «Verba perfecta» - «Verba frequentativa» Фатера (1805) 326

7.1.3. «Verba niedokonane» - «Verba dokonane» - «Verba frequentativa» Фатера (1807) 333
7.1.4. Зародыш привативного деления русских глаголов и аспектуальная система трех рядов у Фатера (1808) 335
7.2. Аспектуальные атрибуты глаголов Ивана Борна (1808) 349
7.3. Четыре глагольных класса - «Arten» А. В. Таппе (1810) 353
7.4. Начало формирования взглядов Николая Греча (1811) 369
7.5. Аспектуальные «роды» глаголов А. В. Болдырева (1812) 377
7.6. Бинарное деление «Verbum perfectivum» - «Verbum imperfectivum» Копитара (1808) 385
7.7. Данные общей, или универсальной, грамматики 390
7.7.1. «Побочныя обстоятельства» времени Ивана Рижского (1806) 390
7.7.2. Вклад философской грамматики Николая Язвицкого (1810) 391
7.7.3. Трехчленная система глаголов И. Ф. Тимковского (1811) 394
7.7.4. «Постороннія опредѣленія времени» Лудвига Якоба (1812) 396

8. ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ ОПИСАНИЯ 400

8.1. Видовое противопоставление глаголов в сербской грамматике Вука Караджича (1818). Перевод Якоба Гримма (1824) 400
8.2. Четырехчленная система «форм» в учебнике русского языка Эрстрёма и Оттелина (1814) 404
8.3. Интуитивная и концептивная аспектуальность К. Г. Шёстедта (1824) 412
8.4. Система «форм» Добровского в применении к русскому языку в пособии Пухмайера (1820) 417
8.5. Применение «форм» Добровского к старославянскому глаголу (1822) 423
8.6. «Branches - виды» в русской грамматике Ш. Ф. Рейфа (1821) 430
8.7. Четыре «branches» в русской грамматике Дж. Хэрда (1827) 442
8.8. Конкуренция и разнобой терминов в пособии А. С. Никольского (1830) 448

9. КАНОНИЗАЦИЯ ВИДА В ГРАММАТИКАХ НИКОЛАЯ ГРЕЧА И АЛЕКСАНДРА ВОСТОКОВА 452

9.1. Установление «видовъ» глагола в грамматике Н. И. Греча (1827) 452
9.2. «Виды глагола» в представлении Александра Востокова (1831) 469

10. НЕКОТОРЫЕ ОСНОВНЫЕ ЛИНИИ ОПИСАНИЯ АСПЕКТУАЛЬНЫХ ПОНЯТИЙ 483

11. ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ВЫВОДЫ 493

БИБЛИОГРАФИЯ 497

Словари 497
I. Источники 498
II. Исследования 508

ПРИЛОЖЕНИЕ
Хронологический указатель терминов и основных содержательных экспликаций 516

Risto Rönkä

U istokov russkoj i slavjanskoj aspektologičeskoj mysli. Opisanie temporal'no-aspektual'nyh sistem ot pervyh traktatov do Nikolaja Greča i Aleksandra Vostokova
Venäläisen ja slaavilaisen aspektologisen käsityksen lähteillä. Temporaali- ja aspektuaalijärjestelmien kuvaus ensimmäisistä traktaateista Nikolaj Grečiin ja Aleksandr Vostokoviin. Tampereen yliopisto, slaavilainen filologia 2005.

TIIVISTELMÄ

Tutkimus analysoi temporaalisuuden ja aspektuaalisuuden kuvauksen vanhimmista eteläslaavilaisista kielioppitraktaateista 1800-luvun alun venäjän kielioppeihin. Primaariaineistona ovat 86 kymmenen kielen (kanoninen kirkkoslaavi, muinaiskirkkoslaavi, venäjä, puola, tšekki, slovakki, sloveeni, serbia, keinotekoinen yhteisslaavi, määrittämätön itä- tai lounaisslaavi) kielioppia ja oppikirjaa, joita täydentävät 31 sekundaarilähdettä. Keskeiset järjestelmät kuvataan 53 struktuurikaaviossa. Tutkimus on osa slaavilaisten kielten kuvaustradition tutkimuskenttää, jonka piirissä mm. A. Mazon, V. Vinogradov, P. Kuznecov, H. Wissemann, D. Worth, V. Živov, H. Keipert, L. Newman ja B. Uspenskij ovat julkaisseet merkittäviä osatutkimuksia.

Kuvausjärjestelmät, käsitteet, niitä välittävät termit ja eksplikaatiot muodostavat kehityslinjoja, jotka ilmenevät yhtäältä kronologisena jatkumona ja toisaalta sisältöjen ilmenemismuotoina sekä eri kielioppitraditioiden vuorovaikutussuhteina.

Tutkimusjakson alussa klassisten kielten kielioppimallit valikoivat voimakkaasti slaavilaista kieliainesta, mutta vähitellen slaavilainen kieliaines muuntaa lähtökohtaista kielioppimallia tuottaen omaperäistä käsitteistöä ja termistöä. Eri vaiheissa ja tietyin edellytyksin sama kaksisuuntainen prosessi toimii slaavilaisen tradition sisällä.

Kuvausten erityispiirteiden mukaan havaitaan viisi laajaa periodia. Ensimmäisen jakson kirkkoslaavin kieliopeissa heijastuu voimakkaana kreikkalainen ja roomalainen traditio. Jo ensimmäiset kuvaukset, joissa slaavilaista kieliainesta sopeutetaan antiikin kielioppimalliin, osoittavat perfektiivin ja imperfektiivin tiedostamisen slaavin erityispiirteenä («Donatus» 1522, «Adelphotes» 1591, Zizanij 1596, Smotrickij 1619). Merkittäväksi osoittautuu 1600-luvun tšekkiläinen traditio, joka kvantitatiivin ja kvalitatiivin aspektuaalisuuden eriyttäen kuvaa onnistuneesti slaavin perfektiivin ja imperfektiivin verbikategorioina sekä aspektin suhteen temporaalijärjestelmään (Nudožer 1603, Rosa 1672). Kolmannen periodin muodostavat Lomonosovin venäjän kielioppi (1755) ja sitä seuraavat saksalais-venäläinen ja ranskalais-venäläinen traditio, joihin nivoutuu skandinaavinen alatraditio. Lomonosovin temporaaliaspektisen tradition hajoaminen tuottaa kuvauksen konservatiivin ja modernin linjan. Uusi kuvauslinja johtaa aspektuaalipiirteiden vakiintumiseen ja niiden klassifikaatioon verbikategorioina. Samaan aikaan läntisessä traditiossa säilyy verbikeskeinen luokittelu (Kopczyński 1778, Tomsa 1782, Bernolák 1790, Pelzel 1795, Bandtke 1808).

Neljännen periodin huomattavin uudistus on B. Kopitarin sloveenin verbin puhdas binaarijako «verbum perfectivum - verbum imperfectivum» (1808). Saman ajanjakson venäläisessä traditiossa käännekohdan muodostavat uudet aspektuaaliset verbiklassifikaatiot (Born 1808, Vater 1808, Tappe 1810, Greč 1811, Boldyrev 1812). Merkittäväksi välivaiheeksi osoittautuvat Charles Reiffin «branches» ja niiden venäjänkieliset paralleelit «vídy» (1821), jotka aspektuaalinen attribuutti klassifioi kuuteen verbiryhmään. Tutkimusjakson päättävissä Grečin (1827) ja Vostokovin (1831) kieliopeissa vid-kategoria kanonisoituu ja eriytyy selkeästi tempuskuvauksesta.

Yksittäisinä innovaatioina erottuvat mm. perfektiivin definiittiys («definitum», «certum») (Statorius 1568, Nudožer 1603, Rosa 1672, Ludolf 1696), frekventatiivi («učaščaemyi», «učaščatelnyj») ja inkoatiivi («načinatelnyj») (Tolmač 1522, Smotrickij 1619), kvantitatiivi aspektuaalisuus (Križanič 1666, Rosa 1672), kvalitatiivi oppositio «verbum imperfectum - verbum perfectum» (Rosa), Lomonosovin grammatisoitunut oppositio «neopredělennoe - odnokratnoe - soveršennoe» (indefiniitti - semelfaktiivi - perfektiivi) (1755), oppositio «słowo dokonane - słowo niedokonane» (Kopczyński 1778), kvantitatiivinen «Dauer», «formae verborum» (Dobrowsky 1791, 1799), «mnogokratnoe» (Akateeminen kielioppi 1802), oppositio «verbum perfectivum - verbum imperfectivum» (Kopitar 1808), «Arten der Verba» (Vater 1801, 1805, 1808), «Arten von Zeitwörtern» (Tappe 1810), oppositio «glagolъ nesoveršennyj - glagolъ soveršennyj» (Born 1808), «vidъ ograničennyj» (Greč 1811), «vidъ neograničennyj» (Tappe 1812), «två hufvudclasser» (Ehrström & Ottelin 1822), oppositio «forma intuituum - forma conceptuum» (Sjöstedt 1824), «vidъ neopredělennyj» ja «vidъ opredělennyj» (Reiff 1821), Vostokovin «vidъ neokončatel'nyj» ja «vidъ okončatel'nyj» (1831).

Aspektuaalisen attribuutin systemaattinen tarkastelu osoittaa kuvauksen asteittaisen siirtymisen tempuskeskeisestä kuvauksesta semanttiseen verbiklassifikaatioon.

Tiivistäen esitetään 18 keskeisen aspektuaalikäsitteen kehityskaaret, mm. «vidъ»-sanan aspektualisoitumisen seitsemän ja «soveršennyj»-attribuutin kaksitoista vaihetta. Liitteen kronologinen indeksi ilmaisee 12 kielellä n. 2500 termin ja eksplikaation ensimmäisen käyttäjän, käsitteiden elinkaaren ja siirtymisen traditiosta toiseen.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Замысел настоящего исследования зарождался несколько своеобразно. В первых числах января 1997 года в библиотеке Университета Турку нами была обнаружена диссертация, написанная на тему русского глагольного вида. В этом, казалось бы, ничего удивительного нет, - работ в данной области языкознания, как известно, немало. И все же, диссертация, невзирая на ее весьма скромный объем, оказалась во многих отношениях возбуждающей интерес. Она составлена и защищена на латинском языке в 1824 году при Академии Турку молодым финским ученым Карлом Густавом Шёстедтом. Особый интерес представляет то, что ее автор, как видно из заглавия работы, поставил своей целью рассмотрение «доктрины» видов русского глагола. У нас возник вопрос: какие учения о виде могли существовать за три года до выхода в свет известной грамматики Николая Греча, с именем которого принято связывать закрепление понятия и термина «вид» в русской грамматической традиции? Итак, возникла потребность выяснить, откуда происходят и что значат несколько загадочные слова «formae verborum», которыми автор обозначает, как оказалось при ближайшем ознакомлении с работой, именно глагольный вид, а не форму вообще, и какое отношение они имеют к общей грамматической традиции своего времени. Вскоре выяснилось, что данные слова и таившиеся за ними довольно оригинальные соображения берут свое начало в одном из первых учебников русского языка, составленном также финскими авторами за десять лет до защиты диссертации Шёстедта. В связи с этим рождались многие специфические вопросы хронологии, преемственности, содержательной взаимосвязанности, межъязыкового, в том числе славянского, взаимовлияния, в какой-то мере уже освещавшиеся в аспектологической литера-туре, но все же нуждавшиеся, как нам казалось, в более пристальном внимании и прежде всего в более целостном подходе.

Теперь мы должны признаться, что, приступая к выполнению настоящего исследования, нам и не мерещилась сложность и многогранность всех общих и частных систем и подсистем с их структурными и содержательными особенностями, описание которых мы захотели раскрыть.

Вводя наш труд в круг вспомогательных средств современной аспектологии, мы желаем выразить глубокую благодарность организациям и лицам, которые с более чем умеренным терпением оказывали неоценимую помощь и беспредельное сочувствие к нашим стараниям.

Особую признательность мы выражаем профессору Марье Лейнонен, заведующей кафедрой славянской филологии Университета Тампере, принявшей на себя научное руководство работы. Ее инициатива предопределила то, что наша работа вообще была начата и доведена до конца. В плодотворных консультациях профессор Лейнонен проницательным и воодушевляющим образом содействовала автору разглядеть существенное в иногда весьма хаотическом материале и внести ясность в изложение мысли руководимого.

Большую благодарность автор выражает рецензентам настоящей работы - профессору Е. В. Петрухиной (Москва) и профессору Йоуко Линдстедту (Хельсинки), сделавшим множество ценных замечаний по содержанию исследования. Особые слова благодарности мы адресуем лектору А. В. Зеленину (Тампере), принявшему на себя трудную задачу исправления языка работы. В процессе работы над книгой, особенно в минуты сомнений, автор чувствовал неизменную, ободряющую и надежную поддержку и помощь своей супруги Хелены, которой я теперь выражаю свои искренние слова благодарности.

0. ВВЕДЕНИЕ

0.1. Предмет и цель исследования

Ни одна грамматика не создается без опора на традицию. Один из многих парадоксов изучения славянского глагольного вида заключается в том, что ряд аспектологических понятий возник случайно. К этому факту примыкают существующие до сих пор заблуждения, идущие в далекое прошлое. Обратным парадоксом является то, что некоторые из принятых в прошлом якобы ошибочных решений оказались в конечном счете «случайно» правильными.

Одним из поводов настоящего исследования послужило то, что и в новейших работах встречаются расходящиеся, иногда даже противоречивые, сведения о происхождении и исконном содержании аспектологических терминов. Так, например, по мнению ряда исследователей, исходное латинское слово «*aspectus*» имеет значение 'внешний вид, облик'[1], тогда как лингвисты, акцентирующие установку и специфический уклон своего исследования, прибегают к истолкованию 'точка зрения, взгляд на что-л.' Чем обосновываются столь разнящиеся мнения, бытующие в истории лингвистики, будет выясняться в ходе настоящей работы.

Соблюдая преемственность, аспектологи, как и другие языковеды, ссылаются как на новейшие работы, так и на результаты, достигнутые в традиции. В большинстве случаев опора на традицию имеет единичный характер, иногда же обсуждается довольно длинный период разработки отдельной проблематики. Большинство из ссылок правдоподобно и верно. По той или другой причине, однако, некоторые из них проявляют чересчур поверхностную, иногда даже неправдоподобную интерпретацию данных. Нередко неточности и недоразумения обусловливаются использованием источниками и данными из вторых рук[2].

Типичным примером этого может послужить текст «Der Terminus [Aspekt] wurde erstmals (1928) in der deutschen Übersetzung einer philosophischen Grammatik des Russischen benützt, als Übersetzung des russischen *vid*» науковедческого исследования немецкой грамматики Науманна (1986: 276), в котором, к сожалению, неверны: а) язык грамматики и поэтому и сам термин (не немецкий «*Aspekt*», а французский «*aspect*»), б) дата издания перевода грамматики Греча (не 1928, а 1828), в) «филосовская» характеристика данной грамматики. К тому же, если придираться к тому, кто первым воспользовался немецким термином «*Aspekt*», то это пока что не совсем ясно. По-видимому, это был не кто иной, как Сигурд Агрелль лишь восемьдесят лет спустя после первого употребления французского прототипа.

За последние десятилетия аспектология, разрабатываемая на материале как славянских, так и ряда неславянских языков, выделилась в особую отрасль линвистических исследований. Несмотря на весьма солидную традицию аспектологических разысканий, пока, насколько нам известно, нет монографического исследования, в котором отдельные вопросы развития аспектуальной терминологии и связанных с

---

[1] Ю. С. Маслов (1990: 47).

[2] Например, вопреки утверждению Достала (1954: 40), «русского» термина «несовершенный» еще нет и не могло быть у Смотрицкого. Подобные неточности в очерке по истории вопроса объясняются, видимо, использованием источниками из вторых рук.

ней понятий рассматривались бы в диахронической совокупности. Вместе с тем очевидна необходимость более целостного и детализированного анализа указанной проблематики. В этой связи мы отдаем себе отчет в работах, в которых отдельные вопросы уже обсуждались[3].

Противоречия относятся к истории науки как ее естественная часть. Иногда и так называемые неправильные и даже противоречивые толкования лингвистических явлений могут оказаться весьма поучительными. Неизбежные «ошибки» прошлого представляют иногда весьма большой интерес для современного исследователя. Однако не всегда возможно с полной точностью и определенностью установить мотивы возникновения и все ступени развития отдельного понятия. В ряде случаев трудно сказать, кому принадлежит честь первооткрывателя явления и создателя его термина. Ряд инноваций носит явственно случайный характер. На фоне отдельных специфических вопросов важнейшими становятся общие линии длительного развития описания, которые, естественно, не могут создаваться вне пристального исследования деталей и стоящей за ними личности.

Эволюцию славянской аспектологической мысли необходимо и целесообразно рассматривать и в преломлении современных теорий. Наряду с традиционными темами возникают новые направления исследования, новые взгляды на характеристику протекания действия во времени. Вместе с тем по многим вопросам нет общепринятого мнения (opinio communis), в то время как нерешенных вопросов многое множество. В связи с этим, диахронический перспектив описания может пролить свет на некоторые заблуждения современной аспектологии, хотя отметим сразу, что это является лишь второстепенным аспектом настоящего исследования. На актуальные вопросы современной аспектологии мы ссылаемся лишь в связи с принятыми решениями и поворотными пунктами рассматриваемого здесь периода.

Любопытно, что, несмотря на весьма длительную традицию, многие современные концепции утвердились лишь к середине и во второй половине XX века. Так, например, формальное различие между грамматической имперфективацией и итеративным способом действия, с одной стороны, и значение имперфективации для функционирования видовых форм - с другой, описаны правильно не ранее известных работ Карцевского, Виноградова, Мазона и Маслова.

С самого начала описания трудно решимым оказался вопрос о том, являются ли виды формами одного слова или двумя самостоятельными глаголами, входят ли они в парадигму одной глагольной лексемы или составляется ли видовое противопоставление двумя соотносительными по виду глаголами. Как известно, данный круг вопросов вызывает полемику по сей день.

Следует подчеркнуть необходимость детального исследования. В частности, недавно опубликованные работы, охватывающие длительные периоды аспектологических исследований, обнаруживают необходимость более детализированного исследования

[3] В качестве основных исследований, трактовавших описание славянской аспектуальной мысли, отметим здесь следующие: Шафранов 1852, Некрасов 1865, Балицкий 1876, Крыгин 1889-90, Вейсман 1899, Булич 1904, Грунский 1910, Калинин 1940, Виноградов 1947/1972, Григорян 1955, Кузнецов 1958, Маслов 1959, 1978, 1984, Мазон 1913, 1931, 1958, Х. М. Сёренсен 1943, Регнелль 1944, Унбегаун 1958 и 1969, Виссеманн 1958, Исаченко 1962, Гонда 1962, Трифонова 1967, Нюман 1975, 1976, Бидерманн 1978 и 1981, Ворт 1983, Фрайдхоф 1983, Панцер 1983, Бинник 1991, Успенский 1992, Живов 1992.

данной проблематики в традиции отдельного языка или группы родственных языков. Например, в отличной работе Р. И. Бинника (1991), не отмечаются такие выдающиеся деятели, как Добровский, Фатер, Таппе, Рейф и многие другие, без которых славянская аспектология не обходится.

Основной целью настоящего исследования является выявить эволюцию описания славянских аспектуальных систем (славянской аспектологической мысли) с первых славянских грамматических трактатов до трудов грамматистов начала XIX века (Борн, Копитар, Фатер, Таппе, Болдырев) и далее до грамматик Николая Греча и Александра Востокова.

В основную цель входит истолкование в преемственной последовательности семантических характеристик отдельных аспектуальных систем и понятий, а также отражающих их терминов. С ней связан ряд частных вопросов, в том числе то, как новый термин отражает отдельный признак и категорию в целом, почему для выражения уже известного свойства вводится новый термин, какие инновации содержатся в грамматических описаниях определенного периода, в частности, древнейшего, каким образом так называемое грамматическое мышление проявляется в понятийной номенклатуре определенного периода, какие факторы повлияли на образование и преобразование аспектуальной смысловой системы. По мере возможности будут освещаться и вопросы, связанные с современными теориями аспектуальности. Например, вопрос о признаке определенности - неопределенности предоставляет интересные пункты соприкосновения с ними. Отнюдь не из последних есть вопрос о преемственности отдельных понятий и их первосоздателей.

Естественно, не всегда возможно показать надежно причину или преемственную связь, повлиявшую на инновацию или на новую фазу развития. В ряде случаев такой связи просто нет. Однако в плане длительных эволюционных линий проблемы прямой или косвенной преемственности имеют важный статус. Иногда затруднительно установить, сознательно или неосознанно отдельный грамматист пришел к новой идее, какие аргументы могли подавать повод перестройке старинного лада. В этой связи следует помнить, что исходным пунктом исследования, его главным мотивом, является понятие и его обозначение, мысль за обозначающим термином, их отношение к предшествующему и последующему положению дел, а не одностороннее суждение о правильности или неправильности хода мысли их создателя.

Итак, учитывая многогранность и сложность рассматриваемых вопросов, мы ставим своей целью: 1. выяснить основные этапы, поворотные пункты и линии описания разных учений об аспектуальности. 2. показать основные моменты в преемственности развиваемых понятий и терминов. 3. внести коррективы в ряд укоренившихся заблуждений. 4. вникнуть в грамматическое и аспектуальное мышление отдельных авторов в отдельные периоды.

0.2. фон и метод работы

Для достижения указанных целей, с учетом греко-латинской традиции, анализируются все релевантные работы в период от первых славянских филологов-

грамматистов до «Российской грамматики» М.В. Ломоносова, являющейся одним из ярких поворотных пунктов в русской грамматической традиции, и далее до замечательного времени русских и зарубежных грамматистов начала, в особенности первого десятилетия, XIX века. Рассмотрение завершается известными трудами Николая Греча и Александра Востокова, составляющими в известном смысле кульминацию аспектуального описания в России.

В общей установке нашего исследования аспектуальная терминология и связанная с ней смысловая (понятийная) структура занимает специфическую позицию в метаязыковом ядре рассматриваемых грамматик[4].

В настоящей работе не может соблюдаться какой-либо один априорный метод. На наш взгляд, применяемый здесь метод может называться просто комбинированным общесравнительным (дедуктивным) методом наблюдения и содержательного анализа, причем, по мере необходимости, применяются те общие приемы анализа и описания, которые известны аспектологическим исследованиям вообще. Из поставленных выше задач и исследуемого материала вытекает естественным путем потребность выявления содержания отдельного понятия с учетом описываемой целостной системы и его содержательной преемственности. В связи с этим могут выясняться и вопросы авторства в смысле, кто является преемником кого, почему и каким образом один автор мог повлиять на другого.

В плане содержания могут в самом общем виде постулироваться следующие элементарные фазы становления: 1. исходное означаемое содержание -> исходный означающий термин, 2. исходное содержание -> новый термин переходной фазы, 3. новый термин -> новое содержание конечной фазы.

Предварительно можно также предположить, что некоторые противоречия, мнимые или реальные «ошибки» возникают так, что, когда термин категории **x** языка **y** (напр. латинского) применяется к категории **z** языка **n** (напр. славянского), то содержание категории славянского языка соответствует только частично или же совсем не соответствует содержанию исходного термина.

Непосредственно из рассматриваемого материала, из естественного положения дел, вытекает, что при изложении категориальных свойств исследуемых явлений над всеми другими превалируют формальный и семантический принципы с сопряженной с ними деривацией[5].

В диахронической последовательности эволюция явлений изучается в двух основных взаимообусловленных планах описания: на формальном и семантическом уровнях словообразования и темпорально-аспектуального формообразования, включая употребление отдельных форм в отдельных системах.

С другой точки зрения, на протяжении истории описания наблюдаются по крайней мере следующие отчасти переплетающиеся и перекрещивающиеся, отчасти конкурентные направления, касающиеся трех основных сфер рассматриваемой проблема-

[4] О терминологии как о лексическом ядре метаязыка грамматики см.: Мечковская (1984: 58).

[5] *Деривация* понимается нами в широком смысле. Она включает в себя как префиксальные, так и суффиксальные словообразовательные и формообразующие операции.

тики: 1. собственно темпоральное, 2. акционсартное, 3. собственно видовое. Из них первое, как известно, представляет собой чисто грамматическую, второе - в основном лексическую (лексематическую), а третье - в основном грамматическую природу языка (здесь не могут разбираться многочисленные расхождения мнений). Вместе с тем данные направления связываются тесно с указанными выше приемами деривации.

Таким образом, теоретическая установка работы состоит из множества разнородных параметров, в том числе из моделей грамматической мысли каждой отдельной эпохи и ее развития в общем культурном окружении. В теоретическом плане параметры находятся в определенном преференциальном отношении друг к другу, имеют каждый определенный преференциальной статус в градуальной системе. С точки зрения настоящей работы самый высокий статус занимает, естественно, само понятие и термин, его первый создатель и время создания, первообраз (прототип), факторы содержательной мотивации и последующие семантические изменения. В действительности же не всегда и не все из данных параметров могут применяться в абсолютно строгой последовательности. По тем или иным причинам мы должны иногда довольствоваться весьма неполной возможностью их применения и поэтому довольно поверхностными сведениями.

В составлении целостной системной картины существенную роль играют релевантность понятия и термина, процесс их развития и изменения, а также само время и сроки их функционирования в синхронной языковой среде.

В метаязыке нашей работы рассматриваемые понятия и термины распадаются на три основных группы взаимоотношения:
1. **собственно темпоральные**: настоящее, прошедшее, будущее; praesens, praeteritum, futurum, 2. **собственно аспектуальные**, как видовые, так и акционсартные: совершенный, несовершенный, перфективный, имперфективный; однократный, единичный, многократный, итеративный; perfectivus, imperfectivus, singularis, frequentativus, iterativus и т. п. 3. их **комбинации** с акцентом либо на темпоральном, либо на аспектуальном элементе: а) темпорально-аспектуальные: прошедшее совершенное, будущее совершенное; praeteritum perfectum, praeteritum imperfectum, futurum perfectum и т. д. б) аспектуально-темпоральные: действие совершенное в прошедшем или в будущем; actio perfect(iv)a in praeterito vel in futuro и т. д.

Хотя настоящее исследование не носит терминоведческого характера, в нем, по мере необходимости, учитываются общие принципы изучения терминологии, способствующие выяснению ряда содержательных эволюционных процессов.

Применительно к исследуемому нами материалу родовидовой (классифицирующий) тип анализа значит[6], что родовое определение времени и его аспектуальное определение, называемое нами для краткости «атрибутом», например «время прошедшее неопредѣленное», составляют *комбинативный термин* (термин-словосочетание), компоненты которого репрезентируют самостоятельные категории со своими родовидовыми сериями: «время» -> «прошедшее», «настоящее», «будущее»; «прошедшее» -> «неопредѣленное», «однократное» и т. д.

[6] См. Шелов (1990: 30), Ахманова (1966: 4-12, 474).

Аутентичность и достоверность источников - необходимая предпосылка исследования данного типа. И все же мы признаемся, что, несмотря на многочисленные, весьма усердные усилия, некоторые источники оказались нам недоступными. Например, нам не удалось достать грамматик, составленных на основе труда Смотрицкого, в том числе анонимного издания 1648 г., грамматики Максимова и трудов Поликарпова. Мы надеемся, однако, что эти пробелы в материалах не меняют общей картины достигнутых результатов[7].

Наши структурные схемы, порой весьма скромные, составляют одно из основных средств анализа. Они преследуют цель показать наглядно и в виде общей межсистемной сопоставимости: 1. описанную в источнике систему, организованную нами по ядерному (главному) слову, 2. реальную аутентичную терминологию и, 3. элементарные примеры из самого подлинника. Поскольку в схемах все аутентично, в них кавычки не используются.

Предварительное пояснение самых частых терминов и условные обозначения:

actio	действие
definitivus	дефинитив(ный), определенный
frequentativus	фреквентатив(ный), многоактный
futurum	футурум, будущее
imperfectus	имперфект(ный)
indefinitivus	индефинитив(ный), неопределенный
imperfectivus	имперфектив(ный), несовершенный
imperfectus	имперфектный
iterativus	итератив(ный), многократный
limitativus	лимитатив(ный), ограниченный пределом
momentativus	моментатив(ный), мгновенный
multiplicativus	мультипликатив(ный), многоактный
perfectivus	перфектив(ный), совершенный
perfectus	перфект(ный)
plusquamperfectum	плюсквамперфект(ный)
praesens	презентный, настоящее
praeteritus	претерит(ный), прошедшее
semelfactivus	семельфактив(ный), одноактный
singularis	сингулярный, однократный

-	противопоставление или соотношение
:	привативное противопоставление
/	альтернативное отношение
-> <-	направление образования или изменения
*	предполагаемая форма
...	опущенная часть цитаты
[ ]	добавление в цитату
СВ	совершенный вид
НСВ	несовершенный вид

[7] В библиографии источники, которыми мы, в свою очередь, пользовались из вторых рук, обозначены звездочкой (*).

С целью минимизации терминологического разнобоя общая аспектуальная и темпоральная терминология в метаязыке настоящей работы употребляется в основном в том смысле, в каком она выступает в серии ТФГ (1987-1996) и в книге ТИК (1989).

Во избежание недоразумений, в целях хотя бы относительной однородности в осмыслении рассматриваемых явлений, нами принимается та общая содержательная установка, которая отражена в выше упомянутых трудах: общая классификация способов действий, предельность и непредельность глагола, ограниченность и неограниченность пределом, целостность и нецелостность действия, выражаемого видовой формой. Из задач исследования вытекает, что выявление смысловой установки оригинальных источников требует специфических разграничений и пояснений ad hoc.

Подчеркнем, однако, что слова *аспектуальность* и *аспектуальный*, помимо узкого применения к славянским языкам, могут употребляться и в широком смысле, охватывающем как собственно видовые, так и разнообразные акционсартные, в том числе акциональные явления самого общего характера. Нередко они употребляются недифференцированно просто как антонимы *темпоральности* и *темпорального*.

Под вариантными терминами «единичный» и «однократный» мы понимаем глагол или форму, обозначающую любое перфективное или имперфективное действие, имеющее место один раз и проявляющее признак единичности[8]. От «семельфактива» и «одноактного», обозначающих только перфективное действие типа *мигнуть*, и недифференцированного «однократного», используемого в литературе часто в значении лишь СВ, наши метаязыковые «единичный» и «однократный» отличаются способностью обозначать единичные действия обоих видов.

Действие мультипликатива, выражаемое такими глаголами, как *вилять*, *барабанить*, *дрожать* и т. п., характеризуется беспрерывной фреквенцией микроакта в пределах одного и того же действия. Некоторые из этих глаголов можно было бы называть «вибративами». Таким образом, роковые ломоносовские глаголы *колоть* и *двигать*, которыми неоднократно в течение десятилетий пользовались грамматисты русской традиции, представляют собой мультипликативы, действие которых состоит из серии через небольшие интервалы времени регулярно повторяющихся микродействий[9].

В аспектологической литературе «многократный» часто использовался как синоним «итеративного» и «фреквентативного» до установления Масловым (1965: 78) термина «мультипликативный» для обозначения глаголов *качать*, *толкать*, *мигать* и т. п., которые находятся в относительно регулярном взаимоотношении с «семельфактивными» (*качнуть*, *толкнуть*, *мигнуть*)[10]. В терминологии Исаченко (1962: 397) «фреквентативный глагол» соответствует «мультипликативному» Маслова и Храковского.

[8] О терминах «единичность» и «сингулярность» см. Долинина (1989: 260).

[9] См. Храковский (1989: 25).

[10] См. Храковский (1989: 25). Ср. ТИК (1989: 296-297).

Для разграничения метаязыка нашего исследования и анализируемых источников слово «многократный» употребляется нами для обозначения действия, имеющего место неоднократно, т. е. в значении, противоположном единичному (разовому) действию, обозначаемому словом «однократный» или «единичный». «Собственно итеративами» мы называем такие суффиксально маркированные бесприставочные глаголы, как *писывать*, *хаживать*, *сиживать*[11]. Для действия итератива характерно повторение одного и того же действия через отчетливые интервалы. Например, действие глагола *калывать* часто интерпретируется 'колоть время от времени'. Приставочные глаголы типа *покалывать* относятся к подгруппе итеративов, называемой в классификации Шелякина (1987: 84) «прерывисто-смягчительным способом действия».

В соответствии с общими деривационными принципами мы употребляем следующие вариативные соответствия: 1. (verbum) *primitivum* - (глагол) примитив, примитивный, первообразный, непроизводный, 2. *derivativum* - дериватив, дериват, деривативный, производный, суффиксальный, 3. *simplex* - симплекс, некомпозитивный, простой, бесприставочный, беспрефиксный, 4. *compositum* - композитив, композитивный, приставочный, префиксальный[12]. При передаче аутентичных терминов и понятий мы используем, по мере возможности, дословный перевод, например: «verbum perfectum» - перфектный глагол, «actio perfecta» - перфектное действие, «verbum singulare» - сингулярный глагол. Примеры даются нами курсивом и термины всегда в кавычках. Для разборчивости косой штрих, использованный в некоторых источниках (Статориус и др.), опущен нами или заменен запятой.

[11] См. Шелякин (1987: 83), Храковский (1989: 9-10). Ср. истолкование «zu schreiben pflegen, oft schreiben» глагола *писывать* у Исаченко (1962: 406).

[12] Ср. Ахманова (1966: 315 и сл.).

1. ДРЕВНЕЙШИЙ ПЕРИОД СЛАВЯНСКОЙ ГРАММАТИКИ

1.1. «Видь», «начрьтаніе» и «врѣме» в «Осьми честии слова»

1. В истории славянской грамматики первое место занимает переводный трактат, содержащий изложение о восьми частях речи и носящий поэтому название «Осьмь честии слова» (ОЧС). «Осьмь честии слова» - первый из сохранившихся славянских грамматических трактатов. По сведениям исследователей, древнейший список трактата (статьи) составлен по поздним греческим образцам в Сербии не позднее первой половины XIV века, откуда он попал в болгарские, «в особенности в молдовалахийские списки и далее в русскую литературу»[13]. Уже давно было показано, что данная грамматическая статья, известная до сих пор под названием «Псевдодамаскин», никакого отношения не имеет, ни к трудам византийского богослова Иоанна Дамаскина (ок. 675 - 753), ни к их переводам Иоанна экзарха болгарского IX в.[14]

В восточнославянских землях многочисленные списки статьи, пользовавшейся исключительным авторитетом в славянской книжности, распространялись в течение XVI-XVII вв[15]. С точки зрения русской (восточнославянской) традиции изданный Ягичем «сводный» текст русской редакции обнаруживает, хотя и медленное, но все же заметное, развитие по сравнению с древнейшим Хилендарским.

Наше «ОЧС 1400» представляет собой условное обозначение по предполагаемому датированию Хилендарского (или Хиландарского) списка. См. Ягич (1896: 39). На наш взгляд, трактат ОЧС (1500) написан (скорее переписан) на среднерусском литературном языке, в котором представлены элементы церковнославянского языка русской редакции. В частности, отмечаются формы аориста *предварихомъ*, *явихомъ*, *рѣхомъ* (с. 54), зато в сочетаниях с плавными «время», «пред-», отмечается «е» вместо церковнославянского «ѣ» и т. д. Сам переписчик трактата называет свой язык-объект «словéнскимъ» (с. 53)[16].

Терминологическое сопоставление показывает, что трактат послужил одним из источников «Азбуки» Ивана Федорова 1574 г. и предоставила определенную базу для работы Дмитрия Толмача (см. ниже).

В науковедческой литературе неоднократно отмечалось, что древнейшая славянская ветвь грамматического описания уходит корнями в греческую традицию с ее словообразовательной и формообразующей моделями[17]. Необходимо, однако, помнить,

---

[13] Ягич (1896: 76-77). См. также Мечковская (1984: 6, 35-38), Кульман (1917: 2-6).

[14] См. Ягич (1896: 38-40), Мечковская (1984: 36). В частности, еще Шафранов (1852: 65) указывал на «видъ» как перевод Иоанна Экзарха Болгарского. О его же переводе говорит также Балицкий (1876 А: 1-6).

[15] Мечковская (1984: 36). Текст «Словенской грамматики», «Кграматыка славеньска языка з газофилакіи славнаго града Острога», подготовленная на основе трактата «О осми́хь ча́стѣхъ сло́ва» и напечатанная в 1586 году в Вильне, не привносит существенно нового в восточнославянскую редакцию ОЧС 1500. См. Ягич (1896: 671), Ягич (1910: 23), Мечковская (1984: 36).

[16] Относительно языка-объекта см. Кукушкина и Ремнева (1984: 86-87). Ср. Живов (1986: 91).

[17] См. Мечковская (1984: 35).

что описание понятийного, в том числе аспектуального, аппарата вытекает стихийно из естественных свойств и построений индоевропейских языков-объектов. Словообразовательные и словоизменительные приемы, включая образование временных форм, функционируют каждый на своем уровне, но в тесном межуровневом взаимовлиянии. В рассматриваемый древнейший период внешний облик слова и его формы имеют более значительное положение, чем их значение в синтаксическом целом. При этом не следует забывать, что уже классифицирующее описание частеречных свойств слов является само по себе важнейшим средством определения их семантических потенций.

Анонимный пока славянский грамматист черпает свои знания из какого-то греческого источника, в котором отражаются идеи философов и грамматистов античного мира. В трактате «Осьмь честии слова» (ОЧС 1400) «сербского компилятора» и в его более поздних списках русской редакции (ОЧС 1500) ясно проявляются, в частности, передача «εἶδος» и «σχῆμα» Дионисия Фракийского, его схолиастов-комментаторов и последователей. Появляются первые аспектуальные признаки, восходящие к указанным словообразовательным и отчасти словоизменительным принципам. Вместе с тем в сфере темпоральной системной модели возникает необходимость передать временные особенности славянского языка-объекта и связанные с ними аспектуальные характеристики. Подчеркнем еще раз важность модели, представленной греческим прототипом составителю «ОЧС». Особый терминологический аспект представляет собой само слово «видь».

Бесспорная значимость трактата «Осьмь честии слова» заключается в том, что в нем впервые на славянском языке и в славянской среде передаются унаследованные от греческой традиции деривационные и темпоральные модели с их аспектуальными приметами.

Рассмотрим интересующие нас факты *по древнейшей южнославянской рукописи* XV-го века. Данные русских списков даются только в том случае, что они существенно отличаются от древнейшей рукописи (см. приложение).

Среди восьми частей речи интересующий нас глагол («рѣчь») занимает второе место: «Соуть же оубо слова честии осмь ѥлика глаголемь и пишемь· вьнѣ сихь ничтоже ѥсть. соуть же сїе· име, рѣчь, причестие, различіе, мѣсто-имене, прѣдлогь, нарѣчіе, сьоузь» (ОЧС 1400: 41). Восемь категориальных свойств глагола («послѣдоующа рѣчи») составляют «изложеніе», «залогь», «виды», «начрьтаніа», «числа», «образы», «врѣмена» и «соупроужьства» (с. 44).

Так, уже с первого славянского трактата начинается длительное шествие устойчивого выражения, употребляемого при указании тех категориальных свойств, которые относятся к отдельной части речи, в том числе к глаголу: «послѣдоующа рѣчи» (ОЧС 1400: 44), «послѣдствующа рѣчи» (ОЧС 1500: 50), «Послѣдуют жѐ сему [т. е. глаголу] о́смъ» («Адельфотис» 1591: 67), «Послѣдоуѭтъ жѐ семоу де́вѧт[ь]» (Зизаний 1596: 51) и наконец «Послѣду́ютъ гл[агол]у де́вать» у Смотрицкого (1619: 233). Оттуда данный стереотип «Послѣдуѭщїя глаго́лу» вместе с латинским аналогом «accidentia verbi» переносится далее в русскую грамматику Лудольфа (1696: 3). Нетрудно видеть, что «послѣдуютъ» переводит предикат «παρέπεται» в «Адельфотисе» 1591: 66) и даже буквально множественное число «παρέπονται» Ласкариса (1476: 26). Номинализованное

причастие «послѣдоующа» калькирует точно греческое «παρεπόμενα»[18]. От греко-славянской линии несколько отличается аналогичное выражение с двумя вариативными предикатами («пристоѧтъ» и «напа́даютъ») в переводе Толмача («Донатус» 1522: 534). Формула «сло́ву колицы пристоѭтъ» «Донатуса» (с. 551) передает дословно «verbo quot accidunt?» Доната («Ars minor», с. 359)[19].

Первое предложение о глаголе «Рѣчь же есть честь словоу непадающи» обнаруживает, что слово «рѣчь» имеет значение 'глагол', а «словом» обозначается 'речь' (ОЧС 1400: 43). Определение глагола как части речи содержит все его основные характеристики, в том числе времени в действительном и страдательном залогах:

> «Рѣчь же ѥсть честь словоу непадающи, сказателна лицоу и врѣмени, дѣиствоу же и страсти и обѣма вькоупѣ, оть коего лица дѣиствоуеть се или страждеть и вь кое врѣме. и сего ради глаголѥть се рѣчь, ꙗко разчинꙗающи лица же и врѣмена, дѣиство же и страсть и обоꙗ вькоупѣ. и ѥгда показоуѥть коегождо лица дѣиство, сице глаголѥть рѣчь. Петрь оучаше, Паѵль посилаше, Матьѳеи благовѣствоваше. и се ꙗви дѣиство мимошьдьшаго врѣмене. егда же ли глаголѥть· Петрь оучить, Павль посилаеть, Матьѳеи благовѣстоуѥть, се ꙗви дѣиство настоещаго врѣмене. егда же ли глаголѥть· тіи вамь боудоуть соудїе, ли ти вамь соудеть, ꙗви дѣиство боудоущаго врѣмене.
> Се ꙗви рѣчь дѣиство миноувьшаго и настоещаго и боудоущаго врѣмене. на три бо дѣлить се врѣме. ꙗви же и коего залога соуть, сирѣчь дѣиствьнаго· дѣиство бо више реченаа, а не страсть. страдалнаго же залога соуть сіа· Христось распеть се, сльнце помръче, каменіе распаде се· Христось распнеть се, сльнце помрькнеть, каменіе распадеть се. се яви рѣчь мимошьдьшаго и настоещаго и боудоущаго врѣмене страсть» (ОЧС 1400: 43-44).

2. «Осьмь честии слова» - это первый славянский трактат, где вид («видь») и начертание («начрьтаніе») употребляются в их деривационных функциях:

> «Видь же многообразнѣ глаголѥть се...что же ѥсть видь вь рѣчехь, ꙗвимь. видь глаголѥть се рѣчи дѣлимѣи на двоѥ, вь прьвообразное и прѣводное, ꙗко се· прьвообразноѥ пріимоу, хокю· прѣводноѥ же· вьсхокю, вьспріимоу· оть пріетіа бо вьспріетіе и прочаа таковаа.
> Подобно же и начрьтаніа многообразнѣ глаголють се. что же есть начрьтаніе вь рѣчехь, скажемь. начрьтаніе ѥсть знаменіе рѣчи, проста ли ѥсть или сложьна и(ли прѣсложьна). проста· дамь, сложна· вьздамь, прѣсложна· вьздамь ѥмоу» (с. 45).

---

[18] Ср. «Послѣдствующа...*Грамматический термин, обозначающий постоянные сопутствующие признаки - грамматические категории; соответствует греч. термину* παρεπόμενα» (СРЯ 11-17 вв. 17: 182). Ср. далее «Послѣдующия и Послѣдующа» (там же). О «Παρέπεται δὲ τῷ ῥήματι ὀκτώ» Дионисия Фракийского см. Ваахтера (1998: 53).

[19] См. глагол *пристояти* в значении 'принадлежать, относиться к кому-, чему-л.' (СРЯ 11-17 вв. 20: 36). Сюда же Бидерманн (1978: 91), Мечковская (1984: 86).

Как известно, славянский «видь» («прьвообразное» и «прѣводное») и славянское «начрьтаніе» («проста, сложьна или прѣсложьна») восходят к греческим понятиям и терминам «εἶδος» («πρωτότυπον» и «παράγωγον») и «σχῆμα» («ἁπλοῦν», «σύνθετον» и «παρασύνθετον») традиции Дионисия Фракийского[20].

Являясь одним из многих терминов, калькирующих греческие прообразы, «начрьтаніе» соответствует точно термину «σχῆμα» в смысле 'внешняя форма, которая образуется («начертава́етъсѧ») от чего-либо (добавлением чего-либо к началу простого слова)'. Ср. «σχηματίζεται» в «Адельфотисе» (1591: 48 и сл.). Таким образом, если «начрьтаніе» указывает в первую очередь на образование, то «видъ» обозначает 'наблюдаемое', 'классифицируемое' и «сорт» чего-л'[21]. В литературе рассматриваемого периода данные термины играют существенную роль вплоть до Греча и Востокова.

От исследователей ускользнул тот факт, что славянский грамматист, пытаясь перенести на славянскую почву греческую модель деривации и приспосабливая к ней славянский языковой материал, утерял идею суффиксальной деривации[22]. Его «видь» и «начрьтаніе» соответствуют, конечно, совершенно точно терминам «εἶδος» и «σχῆμα» оригинала, но приводимые им примеры *пріимоу* - *вьспріимоу*, *хокю* - *вьсхокю*, *дамь* - *вьздамь* и др. иллюстрируют на деле только префиксальное образование, т. е. относятся оба к «начертанию» (ОЧС 1400: 45)[23]. Ожидаемой при «виде» суффиксальной глагольной деривации у славянского грамматиста совсем нет. Возможно и то, что оба типа деривации совпали уже в исходном тексте. Такое же положение повторяется в русской редакции, где в качестве примера «вида» даются «первообразные» *хощоу̀*, *прїиму̀* и «преводные», т. е. производные, *восхощу́*, *воспріиму́*, а примерами «начертания» выступают правильно простое *да́мъ* и сложное *возда́мъ* (ОЧС 1500: 51). Не соответствует первоначальной идеи декомпозитива («παρασύνθετον») и пример «пресложного» *возда́мъ емоу̀*. Итак, южнославянский трактат дублирует приставочное образование как в «виде», так и в «начертании». (Правильное положение дел восстанавливается в «Адельфотисе» см. ниже).

Несмотря на утрату суффиксальной деривационной модели, указанные примеры «вида» и «начертания» свидетельствуют о том, что грамматисту было важно показать прием образования, в котором фигурируют формы славянского перфективного будущего. По-видимому, такие формы воспринимались довольно регулярным явлением в его родном языке.

---

[20] Ср. текст: «Είδη δὲ δύο, πρωτότυπον καὶ παράγωγον. πρωτότυπον μὲν οἷον ἄρδω, παράγωγον δὲ οἷον ἀρδεύω». - «Σχήματα τρία, ἁπλοῦν, σύνθετον, παρασύνθετον. ἁπλοῦν μὲν οἷον φρονῶ, σύνθετον δὲ οἷον καταφρονῶ, παρασύνθετον δὲ οἷον ἀντιγονίζω φιλιππίζω» (Дионисий Фракийский 13: 10, 12). О деривации у Дионисия Фракийского см. подробнее Ваахтера (1998: 52-59).

[21] По мнению Мечковской (1984: 62-63), с понятием «начертание» связывались внешние (формальные) различия между словами, в то время как «видъ» был в большей мере обращен к семантике слова.

[22] См. Ягич (1896: 72) и вслед за ним Ворт (1983: 17).

[23] См. сюда Мечковская (1984: 63). Ср. Бидерманн (1978: 108).

Выступающий два раза при имени атрибут «прьвобытно» (с. 42), «первобы́тно» (ОЧС 1500: 49), соответствует термину «прьвообразное» («первоо́бразное») глагольного «вида»[24].

Во всей последующей славянской традиции словом «видъ» классифицируются не только глаголы, но и другие части речи. В дальнейшем изложении мы ограничимся рассмотрением развития «вида» и «начертания» в основном при глаголе.

3. В полном соответствии с греческой традицией славянский трактат выделяет три основных временных плана. К античному представлению восходит также концепция о том, что между настоящим временем и имперфективным прошедшим существует естественное отношение. Темпоральная система в трактате описана так:

> «Врѣме же ѥсть сьпротезаемо мира сьставлѥніе, вь немже всако мѣрить се движеніе, ли звѣздьь, ли животь, ли что таковыхь. отьсоудоу и дѣиства рѣчи и страсти рѣчи и посрѣднѥѥ дѣиства и страсти рѣчи вь врѣменѣ бываемые врѣмена глаголють се. раздѣляѥть же се врѣме се на троѥ· вь прѣдьбывшеѥ, вь настоѥще, вь боудоущее. и пакы дѣлить се прьдьбывшее вь четыри· вь протеженое [теженое], вь непрѣдѣлное, вь надьпрѣдѣлѥмоѥ, вь прѣдьлежимоѥ. настоѥщеѥ же недѣлимо ѥсть. боудоущеѥ же вь двое дѣлить се· вь помалѣ бывающеѥ и вь боудоущее. глаголють же се врѣмена дѣиствьнѣ сице· прѣдьбывшее протеженьноѥ· биѩхь, непредѣлное же· бихь, двѣ же прочіи ѥзыкоу непріетнѣ. настоещаго же· бию, вь помалѣ бывающаго· бити кю, боудоущаго же· бити имамь. страдалнаго же залога врѣмена сице глаголють се· прѣдьбывшее протеженьное· биѩхоу ме, непрѣдѣлноѥ· бише ме, настоещее· биють ме, помалѣ бывающее· бити ме те, боудоущее· бити ме имоуть. по срѣдѣ же страсти и дѣиства сице глаголють се врѣмена· прѣдьбывшеѥ протеженьное· биѩхь се, непрѣдѣлноѥ· бихь се, настоещее· бию се, помалѣ бывающее· бити се кю, боудоущее· бити се имамь» (ОЧС 1400: 45-46).

Среди всех рассматриваемых нами систем трактат «Осьмь честии слова» чуть ли не единственный источник, в котором описание времен исходит не из настоящего, а из прошедшего времени. Порядок описания продвигается как бы по оси времени от прошедшего к будущему. По этой особенности он отличается и от Дионисия Фракийского, соблюдающего примат настоящего[25]. Сопоставление первых славянских наименований с их греческими прообразами показывает транспарантную преемственность обеих номенклатур:

---

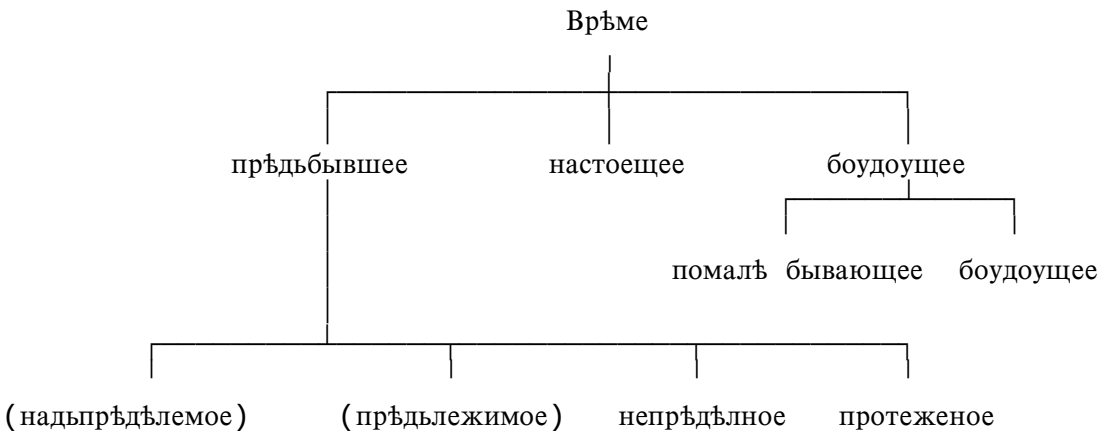
[24] См. Бидерманн (1978: 108), Ср. Ягич (1896: 62, 72).

[25] Ср. «Χρόνοι τρεῖς, ἐνεστώς, παρεληλυθώς, μέλλων. τούτων ὁ παρεληλυθὼς ἔχει διαφορὰς τέσσαρας, παρατατικόν, παρακείμενον, ὑπερσυντέλικον, ἀόριστον. ὧν συγγένειαι τρεῖς, ἐνεστῶτος πρὸς παρατατικόν, παρακειμένου πρὸς ὑπερσυντέλικον, ἀορίστου πρὸς μέλλοντα» (Дионисий Фракийский 13: 19-22). Из трех основных времен прошедшее имеет четыре разновидности («διαφορὰς τέσσαρας»), которые находятся в трех родственных отношениях: настоящее - имперфект, перфект - плюсквамперфект, аорист - будущее. Иначе говоря, из четырех прошедших времен каждое имеет парное коррелятивное время. В этих парах первый член занимает первичный статус.

ОЧС 1400	греческое соответствие	значение формы
настоещее	ἐνεστώς	'настоящее'
мимошьдьшее миноувьшее прѣдьбывшее	παρεληλυθώς	'прошедшее'
протеженое	παρατατικός	'имперфект'
непрѣдѣлное	ἀόριστος	'аорист'
надьпрѣдѣлемое	ὑπερσυντέλικος	'плюсквамперфект'
прѣдьлежимое	παρακείμενος	'перфект'
боудоущее	μέλλων	'будущее'
помалѣ бывающее	μετ' ὀλίγον μέλλων	'близкое будущее'

В восточнославянской редакции названия приобрели облик: «мимошéдшее» («миноýвшее», «предибы́вшее»), «настоѧщее», «боýдущее»; «протѧжéное», «непредѣлное», «надпредѣлѧемое», «предлежи́мое», «помáлѣ бывáющее» (ОЧС 1500: 50-52)[26]. Ср. вариантные написания в приложении.

Схема № 1. Система времен в ОЧС по Хилендарской рукописи XV в.[27]



[26] В хронологической последовательности в Азбуке Ивана Федорова (1574) отражается, еще до выхода в свет «Адельфотиса», ряд обозначений греко-славянской традиции, унаследованных из ОЧС. При всей сжатости изложения она является замечательным посредником между древнейшими трактатами и «Адельфотисом», причем названия пяти времен показывают неоспоримое (хотя и ожидаемое) сходство с ОЧС восточнославянской редакции. Вся релевантная информация содержится в следующих строках: «Страда́лна[ж] сýть тáко. бїѧсѧ. бїе́шисѧ. бїе́тсѧ. бїе́ваѕѧ. бїе́тасѧ. бїе́мсѧ. бїе́тесѧ. бїю́тсѧ. Страда́лнаго оýбо зало́га временà. си́це гл[агол]ютсѧ. предбы́вшее, протѧженое. бїѧхума. непредѣлное, би́хумѧ. настоѧщее, бїю́тъмѧ. помáлѣ бывáющее, би́тита хотатъ. бýдущее, би́тимѧ и́мутъ» (Федоров 1574: 19). Пагинация наша. - Р.Р. Ср. ОЧС (1500: 52). Аспектуальную оппозицию в прошедшем составляют имперфект «предбы́вшее протѧженое» *бїѧхумѧ* и аорист «непредѣлное» *би́хумѧ* (здесь *би́ху* вместо правильного *би́шѧ* или *би́ша*). Атрибутом «протѧженое» хорошо передается маркированная протяженность имперфекта, противопоставляемая неопределенности аориста.

[27] См. ОЧС (1400: 45-46). Ср. ОЧС (1500: 50-52).

Врѣме:

1. **прѣдьбывшее:**	дѣиствьнѣ	страдалнаго	по срѣдѣ
а) протеженое -	*биѫахь*	*биѫахоу ме*	*биѫахь се*
б) непрѣдѣлное -	*бихь*	*бише ме*	*бихь се*
в) прѣдьлежимое	-	-	-
г) надьпрѣдѣлемое	-	-	-
2. **настоещее** -	*бию*	*биють ме*	*бию се*

3. **боудоущее:**

а) помалѣ бывающее - *бити кю*, *бити ме те*, *бити се кю*

б) боудоущее - *бити имамь*, *бити ме имоуть*, *бити се имамь*

В соответствии с греческой традицией славянский трактат делит время натрое (на три временных плана) с тем лишь различием, что порядок их описания отличается от принятого в греческой традиции. С другой стороны, славянский порядок вполне логичен в том смысле, что время описывается в нем как протекающее «слева направо», из прошедшего в будущее[28]. Особое внимание обращают на себя выражения «вь кое врѣме» и «вь врѣменѣ», показывающие, что что-то происходит *во времени*.

Славянский грамматист не относился некритично к своему источнику. Обнаружив, что не всякая особенность языка-прототипа находит прямое соответствие в славянском языке-объекте, он констатировал, что среди форм времени «надьпрѣдѣлемое» и «прѣдьлежимое», т. е. 'плюсквамперфект' и 'перфект', - «езикоу непріетнѣ» (ОЧС 1400: 45). Ср. ОЧС (1500: 52).

Вполне закономерно, по образцу неизвестного греческого источника, возникают первые славянские атрибуты основных времен прошедшего и будущего, носящие аспектуальные признаки. Настоящее в подобных атрибутах не нуждается, так как оно «недѣлимо» (ОЧС 1400: 45, 1500: 52). Примыкающие к основному времени прошедшего «врѣме прѣдьбывшее» атрибуты дифференцируют его аспектуально. Итак, «прѣдьбывшее» - это стержневое слово, с которым «протеженое», «непрѣдѣлное», «прѣдьлежимое» и «надьпрѣдѣлемое» сочетаются как определяющие атрибуты[29].

---

[28] О порядке изложения времен и их греческих аналогах писали Ягич (1896: 67-68), Трифонова (1967: 7), Бидерманн (1978: 121), Ворт (1983: 16-18), Кукушкина и Ремнева (1984: 86). У Елитте (1972: 61-62) переводы «Perfekt» и «Plusquamperfekt» и их греческие эквиваленты передают в неправильном порядке «надъпрѣдѣляемое» (sic!) и «прѣдълежимое» (sic!) славянского трактата. Любопытно, что в этих работах «прѣдьбывшее» получило три разных написания, которые не приводятся нами здесь.

[29] В целях сопоставительного исследования мы приведем также систему стоиков (3 век до н. э.), в которой аспектуальные атрибуты определяют название времени в позиции главного компонента составного термина: А. времена **определенные** («χρόνοι ὡρισμένοι»): 1. «ἐνεστὼς παρατατικός» (*ποιῶ*) (настоящее протяженное), 2. «ἐνεστὼς συντελικός» (*πεποίηκα*) (наст. совершенное), 3. «παρῳχημένος παρατατικός» (*ἐποίουν*) (прошедшее протяженное), 4. «παρῳχημένος συντελικός» (*ἐπεποιήκειν*) (прош. совершенное), Б. времена **неопределенные** («χρόνοι ἀόριστοι»): 5. «παρῳχημένος ἀόριστος» (*ἐποίησα*) (прош. неопределенное), 6. «μέλλων ἀόριστος» (*ποιήσω*) (будущее неопределенное). В основном наша реконструкция основывается на работах Штайнталя (1890: 309-315), Поленца (1939: 176-177) и Шёпсдау (1978: 292-293). Ср. сюда же Бинник (1991: 158).

Формами «прѣдьбывшее протеженьноѥ» *биѧхъ* и «прѣдьбывшее непредѣлное» *бихъ* выделяется противопоставление имперфект - аорист, которые оба представлены имперфективными формами (с. 45). Вариантом термина «протеженое» является «протеженьное» (с. 45, 46).

Прямые переводы (кальки) довольно транспарантны и точно соответствуют своим греческим моделям. Так, «настоещее» (от гл. *настояти*) переводит точно греческий «ἐνεστώς»[30]. Вообще, «настоящее» является понятием и термином, который, как правило, не приобретает аспектуальных атрибутов на протяжении истории грамматического описания. Название близкого будущего «помалѣ бывающее» означает 'будущее (действие), наступающее *вскоре*'[31].

Так, из темпоральных терминов «настоящее» и «будущее» в качестве русских терминов двух основных временных планов устанавливаются уже в ОЧС 1500 и в «Донатусе» Дмитрия Толмача. Зато гораздо более сложным оказывается обозначение прошедшего, которое имеет три синонимических варианта: «мимошьдьшее», «миноувьшее», «прѣдьбывшее». (соотв. «мимошедшее», «миноу́вшее» в ОЧС 1500: 50), «предибывшее» («предбывшее», «предъбывшее» (там же: 52)[32]. В греческом языке термины выступают в мужском роде по слову «χρόνος», а в славянском в среднем по стержневому слову «врѣме» составного термина.

По своей структурной модели три обозначения претерита разбиваются на две группы, из которых в первую входят «мимошьдьшее» и «миноувьшее» на основании значения 'минования', т. е. того, что прошло мимо или миновало настоящий момент речи. Вторая разновидность, «прѣдьбывшее», характеризуется значением 'бытия до или прежде', т. е. того, что было до настоящего момента речи, причем компонент «бывшее» может иметь значение 'происшедшее'[33]. Однако «предбывшее» фактически образовано от *предбыти* 'быть ранее до настоящего' и означает то, что было до настоящего[34].

Таким образом, термин «мимошьдьшее врѣме» в ОЧС (1400), развившийся в «мимошедшее время» в ОЧС (1500), может быть буквальным переводом и точным соответствием двух греческих прообразов - «χρόνος παρεληλυθώς» и «χρόνος παρῳχημένος», хотя и восходит к «παρεληλυθώς» традиции Дионисия Фракийского.

---

[30] Термин «ἐνεστώς» восходит к глаголу *ἐνίστημι* 'ставить (поставить) в каком-л. месте', в медиальном зн. 'быть поставляемым, стоять в чем-л.' (Вейсман 1991: 438).

[31] Ср. «по малѣ μετ' ὀλίγον вскоре, немного погодя zanedlouho» (Благова и др. 1994: 321).

[32] Ср. неточные названия «протяжное», «неопределенное», «напредидеемое», «предложимое» в работе Кукушкиной и Ремневой (1984: 86). Неверно также утверждение авторов, что в ОЧС (1500: 50) будущее время иллюстрируется формами *распинается*, *померцает* (там же). Вызывают также сомнения греко-славянские соответствия авторов и неточности типа «περσυντέλικος» (Кукушкина и Ремнева 1984: 100, 101). Особо следует отметить, что в ОЧС совсем нет ни «неопределенного», ни «неопредѣльного», данного Ягичем (1896: 55). Зато правильное «непредѣльное» как вариант «непредѣлного» приводит Кульман (1917: 5).

[33] См. «Предбывшее время - грамматический термин: прошедшее время» (СРЯ 11-17 вв. 18: 179).

[34] Ср. слово *Предбывший* 'бывший, проявившийся ранее' (СРЯ 11-17 вв. 18: 178).

Примечательно, что в предложении, освещающем страдательные темпоральные формы «Христось распеть се, сльнце помръче, каменіе распаде се· Христось распнеть се, сльнце помрькнеть, каменіе распадеть се. се яви рѣчь мимошьдьшаго и настоещаго и боудоущаго врѣмене страсть» (ОЧС 1400: 44), примеры выступают в формах перфективного аориста и перфективного синтетического будущего. Так, в сербской редакции отсутствуют, пожалуй, случайно отпавшие формы имперфективного настоящего, которые наличествуют опять в русской редакции: «хсъ распина́етъсѧ, слнце померца́етъ, ка́меніе распада́етсѧ» (ОЧС 1500: 50). Если «русский» грамматист добавил примеры настоящего времени от себя, он показал правильное осмысление трех временных планов и функционирование в них темпорально-аспектуальных форм.

4. Так как инфинитив играет определенную роль в формировании и аспектуальной терминологии, мы обратим внимание на его первое славянское название. Помимо пяти основных наклонений, к ним причисляется еще инфинитив, имеющий название «изложеніе необавно» (с вариантами «необавноıе», «необавное»)[35]: «Изложеніе же ѥсть се· воля доуши износима гласомъ...есть же и дроугое изложеніе, еже зоветь се *необавно*. не бо можеть *изьявити* само о себѣ лица ли врѣмене или залога ни же иное кое послѣдоующихь рѣчи» (с. 44)(курсив наш. - Р.Р.). Как видим, функция инфинитива поясняется в подлиннике его невозможностью выразить таких «послѣдоующихь рѣчи» как лицо, время и залог.

Наименование «изложеніе необавно(е)» (ОЧС 1400: 44), получившее облик «изложе́ніе необа́вное» в ОЧС (1500: 51), калькирует точно «ἐγκλισις ἀπαρέμφατος», которое мы находим уже у Дионисия Фракийского[36]. Что касается славянского термина, его создание может освещаться аналогичным глаголом *обавити* (нсв - *обавляти*) со значением 'явить, открыть, показать, сделать известным'[37]. Следовательно «необавное изложеніе» значит изначально 'не изъявляющее лица, времени и залога', т. е. является «неизъявительным» и поэтому и неопределенным наклонением. Иными словами, оно связано с представлением о «неоконченности» слова и неопределенности, обусловленной отсутствием показателей лица, времени и залога в конце слова. С этой идеей связано и более позднее «неокончательное» Ломоносова. Наглядное греко-славянское соответствие предоставляет «Адельфотис» (1591: 66-67): «Апαρέμφατος. οἷον τύπτειν» - «Необа́вное. ꙗ́ко би́ти», которым и доказывается преемственная связь между ним и ОЧС. Вместе с примерами в славянскую традицию калькируется также типовой глагол *τύπτω* - *бити*, *бїю* (с. 45).

Как уже говорилось, судьбы славянской аспектуальной терминологии не могут быть освещены без учета таких соотношений, как «εἶδος» - «видъ» и «σχῆμα» - «начертание», которые в классических языках и в следующих им славянских

[35] См. «Необавное изложение - *неопределенное наклонение* (*глагола*)» (СРЯ 11-17 вв. 11: 188).

[36] «᾽Εγκλίσεις μὲν οὖν εἰσι πέντε, ὁριστική, προστακτική, εὐκτική, ὑποτακτική, ἀπαρέμφατος» (Дион. Фракийский 13: 5). Последнее наклонение (инфинитив) «ἀπαρέμφατος», как известно, связано с глаголом *παρεμφαίνω* 'показывать притом' (Вейсман 1991: 953). См. сюда Бидерманн (1978: 100), Штайнталь (1891: 281-286) и Ягич (1896: 71).

[37] СРЯ 11-17 вв. (12: 8). Ср. «обавити, обавлю - объявить, сдѣлать известнымъ» и «обавляти, обавляю - показывать, объявлять» (Срезневский II: 495, 496).

языках весьма последовательно применяются в описании процессов дериваций.

Помимо собственно аспектуальных и темпоральных терминов, мы сочли целесообразным отметить предварительно некоторые термины «универсального» характера, выступающие в дальнейшей славянской традиции. Так, среди них необходимо отметить общее частеречное значение глагола - действие в самом общем смысле, которое проявляется с древнейших времен в парах, ср.: «πράσσω» - «πρᾶγμα» (Дионисий Фракийский), «ago» - «actio» (Присциан), (Статориус 1568), «дѣяти» - «дѣиство» (ОЧС 1400), «дѣйство (ОЧС 1500), «Адельфотис» (1591), Зизаний (1596), «дѣла́нїе» (Зизаний 1596), «дѣяніе» и «дѣйствіе» (Ломоносов 1755). Русское лингвистическое «дѣйствіе» установилось в грамматике Ломоносова (1755: 526).

1.2. Аспектуальные атрибуты в «Донатусе» Дмитрия Толмача (1522)

1. Рассматриваемый памятник, который сохранился в двух списках, вписывается в круг переводных грамматик, составляющих значительный компонент в последовательной истории древнейшего периода славянской грамматики.

«Донатус», перевод на славянский язык грамматики Элия Доната, незаменим тем, что выполнивший этот труд Дмитрий Герасимов, «Толмач», как он сам себя называет[38], должен был ввести в него, хотя и в виде калек, множество инноваций, которые имеют непосредственное отношение к нашему исследованию. Когда Дмитрий Толмач переводил на славянский язык самую популярную грамматику средневековья, ему необходимо было создать термины, которые переносили в восточнославянскую грамматическую традицию понятия античных философов и грамматистов. Уже издатель «Донатуса» обратил внимание на перевод Толмача как источник западной латинской грамматической традиции, о которой «русская старина предшествовавших столетий ничего не знала»[39]. О том, что автору была знакома и греко-славянская традиция, свидетельствует его собственное указание на части речи «в Дамаскинѣ» («Донатус» 1522: 533).

Не вникая в сложную проблематику о языке-объекте «Донатуса», мы удовольствуемся констатацией, что в качестве примеров наш переводчик использует церковнославянские формы со среднерусскими элементами первой четверти XVI века[40].

[38] По мнению Ягича, Толмач «желал дать русскому юношеству в руки учебник латинского языка». О жизненном пути Дмитрия и об истории его труда см. Ягич (1896: 525 и сл.), Ворт (1983: 76), Мечковская (1984: 38-39). О римских грамматистах (Варрон, Донат, Харисий, Диомед, Присциан), имеющих отношение к нашей работе, см. подробнее Голлинг (1903: 6-17).

[39] Ягич (1896: 524). Изданный Ягичем казанский список, в котором перевод подлинника «Ars minor» оканчивается спряжением глагола *хощу́* (*volo*) (с. 584), дополняется разночтениями санкт-петербургского списка [O2].

[40] По мнению Живова (1986: 95), «мы должны исходить из того, что языком-объектом [в «Донатусе»] был церковнославянский». П.С. Кузнецов (1959: 264) говорит о «тогдашнем книжном церковнославянском языке». Напротив, кодификация церковнославянского языка в «Донатусе» отрицается Н.И. Толстым (1988: 73). Согласно Кукушкиной и Ремневой (1984: 87), Дмитрий Толмач пытался «приспособить древнерусский (sic!) язык к латинским теориям, а также осмыслить русский язык

Вместе с тем и в «старом», условно среднерусском языке употреблялись, в зависимости от стилистики, «древнерусские» формы аориста и даже имперфекта. Под древнерусским языком мы понимаем тот восточнославянский язык, который начинает формироваться в VI веке с распадом праславянского языка и получает письменное отражение в древнерусских памятниках XI-XIV вв. Условным названием «среднерусский язык» мы здесь указываем на русский язык, который со многими локальными, диалектными и другими литературными и нелитературными разновидностями развивается в процессе постепенного обособления от украинского и белорусского языков (с XIV-XV вв.) и охватывает, таким образом, период от конца XV в. до начала XVIII века.

С другой стороны, нецерковнослявянский аспект подчеркивается тем, что так называемые итеративные глаголы (основы), характеризующие передачу плюсквамперфектного значения в «Донатусе», не были свойственны церковнославянскому языку, а явились сравнительно новой, весьма продуктивной спецификой собственно русского, в частности, разговорного, отчасти и письменного (делового), языка времени составления перевода[41].

Название третьей части речи «слово» в значении 'глагол' представляет собой одну из многих переводных инноваций Толмача и открывает путь в западную традицию (с. 530 и сл.). От него переводчик создал прилагательное «словныи»[42], которым он регулярно передает именное определение в сочетаниях «образы словные» - «formae verborum», «роды словные» - «genera verborum», «времена словные» - «tempora verborum» и т. д. Нововведениями являются также «части вѣща́ниа» и его вариант «части рѣчи» (с. 533). Любопытно, что по крайней мере один раз слово «рѣчь» используется в качестве варианта и «вѣщаниа» и «слова» (там же).

Следует еще обратить внимание на одно устойчивое соответствие, которое в русской традиции выступает вплоть до начала XIX века. Имеется в виду слово «вещь», переводящее «res» при характеристике содержания имени как части речи[43]. Как будет видно ниже, в течение веков употребление данного слова распространяется и в область описания глагола.

При описании семантики основным «техническим» метаязыковым предикатом у Толмача становится глагол «знаменовати», который непосредственно калькирует «significare» Доната[44]. Таким образом, славянский эквивалент, который мы

через категории латинской грамматики».

[41] См. Кузнецов (1959: 264).

[42] Один раз встречается вариант «слове́сныи» («ко вре́менемъ слове́снымъ») (с. 566).

[43] Ср. аналоги: «Имя...е́сть...часть вѣща́ниа...тѣло илѝ ве́щъ... зна́меную» («Донатусъ» 1522: 534) - «Nomen...est...pars orationis...corpus aut rem...significans» (Донат, «Ars minor», с. 355). Ср. «вещь» далее у Смотрицкого (1619: 38 и сл.) и даже в РГ (1802). В латинскую грамматику «corpus» и «res» проникли, видимо, как кальки греческих «σῶμα» 'тело как нечто осязаемое, существенное, сущность предмета' и «πρᾶγμα» 'дело, то, что сделано или делается' от глагола *πράσσω* 'делать, совершать'. См. значения в словаре Вейсмана (1991: 1222, 1041).

[44] Ср. точные эквиваленты при определении глагола: «знаменуѧ» (Донатус 1522: 551) - «significans» (Донат, «Ars minor», с. 359) и «знаменуѧй» («Адельфотис» 1591: 67) - «σημαῖνον» (там же с. 66) (= Ласкарис 1476: 26).

увидим потом в той же функции в «Адельфотисе», имеет двоякое происхождение в латинском «significare» и греческом «σημαίνειν». При этом, все три глагола имеют смысловую связь с соответствующими существительными *знакъ*, *signum* и *σῆμα*.

В переводе Толмача на славянскую почву переносятся эквиваленты понятий и терминов трех уровней весьма развитой римской грамматической традиции, а именно: аспектуальные наименования глагольных разрядов, чисто темпоральные названия времен, аспектуальные атрибуты времен и их темпорально-аспектуальные комбинации. Поскольку ближайшая традиция Доната не содержит содержательных экспликаций, о значении отдельных форм можно судить главным образом по их названиям, системному статусу и использованным примерам.

2. Начало описания глагола раскрывает ряд славянских терминологических эквивалентов:

> «в. Слово что̀ е́сть; о[45]. ча́сть вѣща́ниа съ временемъ и лицемъ, безъ паденіа, или дѣяти нѣчто илѝ страда́ти[46], и еже есть терпѣти, илѝ о́бое знаменуа. в. сло́ву колицы пристоятъ; о. се́дмь. в. ко́и. о. ка́чество, согласие, родъ, число̀, о́бразъ, врема, лицѐ. в. ка́чество словное в чомъ есть; о. в чинѣхъ или в зало́зѣхъ и в о́бразѣхъ. в. чи́нове илѝ залоги кои суть. о. указа́тельныи, я́ко чтȕ, повели́тельныи, я́ко чтѝ, жела́емыи, я́ко да быхъ че́лъ. сло́жныи, я́ко егда̀ чту. некончалныи [О2 нескон'чателныи], я́ко чести. безличныи, яко чте́тся» (с.551).

В соответствии с сокращенной версией грамматики Доната перевод Толмача отмечает, что «качество» глагола заключается в «чинѣхъ и в образѣхъ», которые вместе конституируют глагольное свойство «качество» (с. 551)[47]. Так, слова «чинъ», «образъ» и «качество» переводят точно «modus», «forma» и «qualitas» в тексте Доната. Из вариантных названий инфинитива, имеющих определенные точки соприкосновения с описанием аспектуальности, мы отметим «чинъ некончалныи» (О2 нескон'чателныи) (*чести*) (с.552), «некончáтелныи» (с.553, 566), «неукончалныи» (с. 568), «неоукончáлныи» (с. 584)[48].

Для истории описания аспектуальных явлений существенным становится в первую очередь конституент «образъ», а именно «о́бразы сло́вные», под которыми понимаются известные глагольные разряды:

> «в. о́бразы сло́вные коли́цы суть; о. четыре. в. ко́и; о. соверше́ныи [О2 съвръшителныи], я́ко чту. любомудрственыи, илѝ поучателныи, илѝ прилéжныи,

[45] По типографическим причинам мы раскрываем надстрочные сокращения согласно орфографическим правилам текста Толмача: вместо *о́бра*^{з} мы пишем *о́бразъ*, вместо *пристоя*^{т} - *пристоятъ*. Не обозначаются знаки придыхания оригинала. «Вопросъ» и «отвѣтъ» сокращаются как «в.» и «о.», которые несколько отличаются от написаний с надстрочными буквами [с] и [т] Толмача.

[46] В ЭСРЯ (4.1972: 84) это определение глагола ошибочно приписывается «Адельфотису» 1591 г.

[47] Ср. текст «qualitas verborum in modis est et in formis» Доната («Ars minor», с. 359). Ср. сюда Бидерманн (1978: 100).

[48] Ср. «modus infinitivus» (*legere*) Доната (с. 359). Ср. также написания «некончальный» и «некончательный чинъ» 'неопределенное наклонение' в СРЯ 11-17 вв. (11: 155).

илѝ поглумателныи, яко да чту. илѝ учащáемыи, я́ко почитáю. начинателныи, я́ко разгрѣюсѧ, согрѣваюсѧ [О2 разгреваю, согреваю]» (с. 552).

Схема № 2. Аспектуальные «óбразы словные» в «Донатусе» (1522)[49]

Óбразъ:
1. совершéныи [О2 съвръшителныи] - *чту*
2. любомудрственыи...илѝ поглумателныи - *да чту*
3. учащáемыи - *почитáю*
4. начинателныи - *разгрѣюсѧ*, *согрѣваюсѧ* [О2 *разгреваю*, *согреваю*]

Перевод не содержит пятого «квазидиминутивного» «óбраза», так как его аналог «forma quasi diminutiva» входит только в пространную версию грамматики Доната. «Образъ совершеныи, яко чту» является дословным переводом первой аспектуальной группы подлинника «forma perfecta, ut lego» Доната (с.359).

Не удивительно, что Толмач колеблется при передаче разряда медитативных глаголов («любомудрственыи» и его варианты), которые не имеют ни морфологического, ни семантического соответствия в славянском. Относительно трех остальных дело обстоит иначе. Являясь инновационной калькой, каждая из них кладет начало длительному терминологическому развитию. Устанавливаются три преемственных соответствия: «óбразъ совершéныи» <- «forma perfecta», «óбразъ учащáемыи» <- «forma frequentativa», «óбразъ начинателныи» <- «forma inchoativa». Как известно, в данном историческом контексте данные разряды освещаются примерами, но не сопровождаются содержательными экспликациями[50].

Через кальки «учащáемыи» и «начинателныи» названия повторяемости и начинательности, а также инхоативности переносятся в славянскую грамматику. Создание «учащáемыи» Толмача сыграет значительную роль в истории описания аспектуальности вплоть до конца исследуемого нами периода[51]. Позже «учащаемыи» и его преемник «учащательный» Смотрицкого содействовали возникновению обозначения противоположного понятия, а именно собственно славянского «однократного» (см.

[49] «Донатус» (1522: 552).

[50] Ср. «various kinds of intraverbal aktionsart derivation» (Ворт 1983: 79, 95-96). На аспектуальную преемственность «forma» → «óбразъ» указывали уже Андерссон (1972: 18) и Бидерманн (1978: 101). Х. Елитте (1972: 63) приводит пять классов, в том числе «forma hortativa», которого нет в латинской традиции.

[51] Очевидно, что атрибут «учащáемыи» образован от глагола *участить* - *учащать*. См. *участити* и *учащати* 'часто делать что-либо' у Срезневского (III: 1333-1334). Ср. указание на «учащáтельный» как устаревший грамматический термин, означающий «частое повторяемое действие» в словаре Ушакова (IV: 1035).

ниже Роса 1672, Крижанич 1666 и Ломоносов 1755).

Примечательно, что атрибут «совершéныи» впервые фиксируется в сочетании «óбразъ совершéныи» (с. 552), т. е. в сфере словообразовательной суффиксальной деривации, а не в темпоральной системе. При этом важно, что он оказывается калькой латинского, а не греческого первообраза. На славянской почве данный атрибут «совершéныи», как увидим, проходит исключительно многообразные фазы содержательного развития. Подобно связи латинского атрибута «perfecta» с глаголом *perficio*, здесь точно устанавливается связь славянского соответствия с глаголом *совершить*. И все же тут «совершéныи» в значении непроизводного, прототипического слова (перекликаясь и с системой Дионисия Фракийского) имеет свое немаркированное положение в системе атрибутов в силу целостного состава терминов других глагольных «óбразов». В соответствии с греко-латинской традицией данное прилагательное выступает одновременно и в собственно видовой функции, о чем подробнее ниже.

В этой связи необходимо заметить, что при классификации глаголов вообще мы предпочитаем говорить о «глагольных разрядах», «классах» или «группировках». Правда, «óбразы» Толмача, как и «ви́ды» Смотрицкого, похожи на современные «способы действия», но ставить знак равенства между ними вряд ли можно. Или же нам необходимо признаться, что «способы действия» восходят к «óбразамъ» Дмитрия Толмача, и Смотрицкий не первый, кто пользовался ими[52].

Как уже говорилось, в словообразовательной аспектуальности важную роль играет также префиксальное образование глаголов, выражаемое в подлиннике термином «figura» («simplex» и «composita»). Однако Толмач, видимо, не сумел проникнуть в остроумную двойную систему античного словообразования, так как переводит вопрос «Figurae verborum quot sunt?» Доната («Ars minor», с. 360) теми же словами «óбразы словные колицы суть» (с. 554) как и вопрос «Formae verborum quot sunt?» («Ars minor», с. 359). На первый вопрос ученик должен был ответить: «два...единорѧдные, ꙗ́ко· чту. сложныи, ꙗ́ко· небрегу̀» (с. 554). Вариантом не укоренившегося в литературе термина «единорѧдныи» является известное с древнейших трактатов слово «простыи» (с. 535 и сл.).

Таким образом, не различая терминологически категориальных свойств «figura» и «forma» подлинника, термин Толмача объединяет в себе следующее двулинейное развитие: 1. «εἶδος» -> «forma» -> «образъ»$_1$, 2. «σχῆμα» -> «figura» -> «образъ»$_2$[53].

Так, среди седьми «акциденций» глагола непосредственными аналогами являются «figura» и «óбразъ», в то время как для инновации «formae verborum» Доната русский грамматист не нашел дифференцирующего термина. При этом первый «óбразъ» Толмача входит в акциденцию «качество», так же как «forma» входит в «qualitas» у Доната. Следовательно, аспектуальные «óбразы» находятся в подчиненном положении по отношению к «качеству».

[52] Ср. Живов (1992: 248-249).

[53] См. соотношение «figura verbi» → «óбразъ слóвныи» у Бидерманна (1978: 106).

Почему переводчик не воспользовался готовыми моделями «вида» и «начертанія», наличествовавших во всех списках трактата ОЧС, остается в тени истории. По-видимому, ему действительно до конца не открылась ни греческая, ни латинская идея деривации.

Таким образом, суффиксальная и префиксальная модели деривации с их аспектуальными особенностями проникали в славянскую грамматическую традицию с двух сторон, по греческой и латинской (римской) линиям описания. В той или иной разновидности эти модели пронизывают все важнейшие этапы и наслоения описания славянского глагола вплоть до грамматики Востокова.

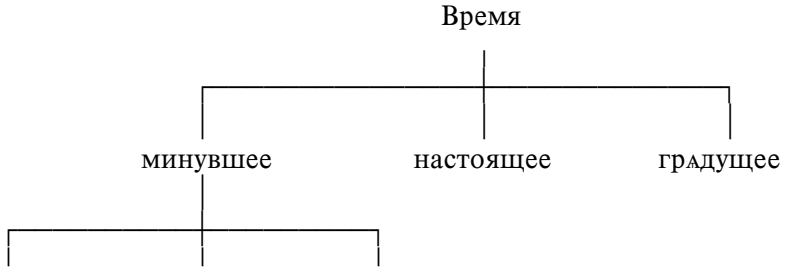
Переводя «genera verborum» Доната (с. 359), Толмач вводит сочетание «ро́ды словниї» (с. 553). Ср. залоговые «ро́ды» глаголов в «Адельфотисе» (1591: 67). На протяжении дальнейшего описания мы увидим также аспектуальные «роды» глаголов.

3. Следуя грамматике Доната, «времена сло́вные» русского «Донатуса» составляют типичное *темпорально-аспектуальное* построение с приматом описания темпусов, но с привлечением дифференциальных аспектуальных признаков в виде зависимых атрибутов претеритальных именований времен. В данном случае «настоящее» и «гр҃адущее» («будущее») не имеют при себе добавочной аспектуальной характеристики, так как такой нет и в переводимом подлиннике, ср.:

> «в. времена сло́вные коли́цы су́ть; о. трѝ. в. ко́и. о. настоя́щие, я́ко чтꙋ̀. мину́вшее, я́ко чтохъ. грядущие, я́ко почтꙋ̀. в. колицы су́ть времена во оуклонениї словномъ; о. пѧть. в. ко́и. о. настоящее, я́ко чту. мину́вшее несовершеное, яко почтохъ. мину́вшее совершеное, яко почтохъ [O2 чтохъ]. минувшее пресовершеное, я́ко читахъ. гр҃адущее, я́ко почту» (с. 554).

Этот абзац включает все основные понятия и термины данного раздела и составляет ядро рассматриваемой системы, представленной в схеме:

Схема № 3. Система времен в «Донатусе» (1522)[54]



Время во оуклонениї словномъ:
1. **настоя́щее** - *чтꙋ̀*
2. **мину́вшее** несовершеное - *почтохъ*

[54] См. «Донатус» (1522: 554). Ср. также определение: «Суть времена къ слову пристоя́щие пѧть, сирѣчь настоя́щие и минувшее несовершенное и минувшее совершенное и минувшее пресвершеное и гр҃аду́щее, сирѣчь бу́дущее, еже и́мать приитѝ» (с. 565).

3. мину́вшее совершеное - *почтохъ* [O2 *чтохъ*]
4. минувшее пресовершеное - *читахъ*
5. **градущее** - *почту*

Будучи переводом, противопоставление («мину́вшее») «несовершеное» - «совершеное» - «пресовершеное» Толмача калькирует оппозицию («praeteritum») - «imperfectum» - «perfectum» - «plusquamperfectum» Доната (см. сопоставление ниже).

Новой грамматической калькой является термин «градущее» (от гл. *грясти* 'идти, приходить'), заимствованный в русский язык из старославянского, где он явился семантической калькой греческого «ἐρχόμενος»[55]. Сам Толмач указывает на то, что «градущее илѝ будущее» являются вариантами (с. 558 и сл.).

По латинской терминологической модели на славянской почве зарождается способ обозначения бинарной оппозиции, в которой противоположный член понятия и термина образуется посредством негации. Однако вместе с неопубликованным «Донатусом» слово «несовершенное» на длительное время предается забвению (см. ниже). Так, у Толмача мы видим впервые оппозицию «совершенное» - «несовершенное», которая, однако, не является привативной, так как она входит в трехчленное противопоставление с понятием и термином «пресовершенное». В определенном смысле «несовершенное» и «совершенное» становятся конкурентными с «непредѣлным» и другими понятиями и терминами греко-славянской традиции.

Любопытно, что в функции аспектуального атрибута формы времени слово «совершеное» согласуется в среднем роде по главному компоненту терминологического сочетания. Фактически мы имеем здесь дело со своеобразной терминологической омонимией, обусловленной функциональной дифференциацией. Таким образом, в сочетании «о́бразъ соверше́ныи» атрибут «соверше́ныи» означает 'совершенный, абсолютный, непроизводный', в то время как в термине «мину́вшее совершеное» атрибут «совершеное» имеет значение 'то что совершено'.

Сопоставление систем «образъ», «форма», «фигура и «времен» у Толмача и Доната[56]

Образъ:	**Forma**:
1. соверше́ныи - *чту*	perfecta - *lego*
2. любомудрственыи - *да чту*	meditativa - *lecturio*
3. учаща́емыи - *почита́ю*	frequentativa - *lectito*
4. начинателныи - *разгрѣюсѧ*, *согрѣваюсѧ*	inchoativa - *fervesco*, *calesco*

Образъ:	**Figura**:
1. единорѧдныи [простыи] - *чту*	simplex - *lego*
2. сложныи - *небрегу́*	composita - *neglego*

[55] От гл. *ἐρχομαι* 'приходить, прибывать' (ЭСРЯ 4.1972: 189).

[56] См. «Донатус» (1522: 552, 554) и Донат («Ars minor», с. 359, 360), («Ars maior», с. 381, 382).

А. **Времена** сло́вные:	**Tria tempora** verborum:
настоя́щее - *чтꙋ̀*	praesens - *lego*
мину́вшее - *чтохъ*	praeteritum - *legi*
грядущее - *почтꙋ̀*	futurum - *legam*
Б. **Времена** во оуклонении словномъ:	**Tempora** in declinatione verborum:
настоящее - *чту*	praesens - *lego*
мину́вшее несовершеное - *почтохъ*	praeteritum inperfectum - *legebam*
мину́вшее совершеное - [*по*]*чтохъ*	praeteritum perfectum - *legi*
минувшее пресовершеное - *читахъ*	praeteritum plusquamperfectum - *legeram*
грядущее - *почту*	futurum - *legam*

В расположенных после «меньшего Донатуса» «бесѣдах о временех» наблюдаются терминологические варианты, которые относятся как бы к более новому слою, чем текст первоначального перевода грамматики (с. 558 и сл.). Они отражают признаки более развитой фазы развития, но без существенных различий в терминологическом содержании. Так, среди зависимых атрибутов главного компонента «минувшее» встречаются почти все возможные вариантные написания (здесь указывается только первое упоминание варианта): «несовершеное» (с. 554), «несовершенное» (с.565), «несъвершенное» (с. 568), «несвершеное» (с. 566), «несвершенное» (с. 570), несвршéнное (с. 583); «совершеное» (с. 554), «совершенное» (с. 565), «свершеное» (с. 569), «свершенное» (с. 571); «пресовершеное» (с. 554), «пресовершенное» (с. 568), «пресвершеное» (с. 566), «пресвершенное» (с.571), «пресъвръшеное» (с. 570)[57]. Явной опиской является «присвершенное» (с. 568).

В процессе терминологизации наблюдается адъективизация исконных причастных калек: «несовершеное» -> «несовершенное», «совершеное» -> «совершенное», «пресовершеное» -> «пресовершенное». С ней связана, видимо, и конкуренция основ *сверш-* и *соверш-*, отражающая постепенное преобладание «псевдоцерковнославянских» основ типа *соверш-*[58]. В этих вариантах заключается в уже достаточно прозрачном виде начало длительной истории базового аспектуального понятия «*совершенный - несовершенный*». Вместе с тем здесь начинается развитие двух линий, из которых одна базируется на понятии *совершения* действия без акцентуации его конца, а другая связана с представлением о *завершении* и законченности действия (о доведении его до конца). Разумеется, с самого начала обе линии имплицировали признаки друг друга.

[57] Словарь русского языка 11-17 вв. (19: 49) отмечает только вариант «пресовершеное» в соответствиях: «пресовершеное минувшее время» - «лат. praeteritum plusquamperfectum» - «греч. ὑπερσυντελικός». Здесь, однако, греческий эквивалент не совсем уместен в том смысле, что термин Толмача, на которого словарь ссылается, имеет непосредственную связь только с латинским прообразом. По нашим сведениям, Толмачу была знакома преемственность латинского термина от греческого, но, по всей вероятности, в его распоряжении не было готового греко-славянского грамматического аналога «ὑπερσυντέλικος» - «минувшее пресовершеное». Следовательно, «пресовершеное» должно быть инновацией Толмача.

[58] См. «pseudokirchenslavisch» в кн. «Russische historische Grammatik» I (1963: 99) В. Кипарского.

Таким образом, в сочетаниях «минувшее свершенное» и «минувшее пресвершенное» атрибутами обозначается действие, достигшее момента настоящего на оси времени, и действие, предшествовавшее другому действию, т. е. действие, находящееся дальше в прошедшем, чем момент действия перфекта. Следует, однако, подчеркнуть, что терминология обоих языков выражает именно **совершение** действия, возникающее в результате достижения подразумеваемого момента на линии времени. Как известно, оба глагола *совершить* и *perficere* означают в первую очередь целостное совершение действия и лишь имплицируют его конец[59]. Так, в отличие от отмеченной выше греко-славянской линии «ὑπερσυντέλικος» -> «надьпрѣдѣлемое», связанной с «пределом» («τέλος») действия, термин «пресовершенное» сочетается с представлением о «совершении» действия[60].

В качестве варианта термина «минувшее» в переводе впервые и вместе с тем только один раз выступает термин «*прешедшее*» (с. 566). Его терминологизация объясняется самым естественным образом как причастия прошедшего времени от церковнославянского *прѣити* по модели образования термина «*praeteritum*» от гл. *praeterire*. Семантически он близок к уже существовавшему «мимошедшее» и, конечно, к своей параллели «минувшее». Ниже мы увидим, что в области темпоральной номенклатуры вариант «прешедшее» будет играть весьма значительную роль. (Ср. Смотрицкий).

Как видно, в исходной системе Толмача «мину́вшее несовершеное» *почтохъ* является аористом, образованным от перфективной основы *почт-* (инф. *почести*, *почисти* или *почьсти*)[61]. Однако настоящий древнерусский и церковнославянский имперфект, который был бы естественным аналогом лат. *legebam*, имел, как известно, стяженную форму *чьтахъ* и нестяженную форму *чьтаахъ* или *чьтѣахъ*, образованные от исходной «неитеративной» основы *чьт-* (инф. *чьсти* или *чести*). При этом от вторичной «итеративной» основы *чита-* образовывался имперфект *читаахъ* и неперфективный аорист *читахъ*, который совпадал по форме с стяженным имперфектом *читахъ* от той же производной основы. От этой основы Толмач образовал свое «минувшее пресовершеное» *читахъ* (с. 554, 575)[62]. Как известно, собственно итеративная основа *читыва-*, которая в переводе Толмача выступает в форме *читывано* (с. 576), является сравнительно новым образованием от основы *чита-*.

Особенно важным оказывается аспектуальное отношение между настоящим временем и перфективным будущим, на возникновение которого структурная модель латыни не могла оказывать влияние. Так, в переводе форма *почту* отражает перфективное

[59] В дальнейшем ходе исследования мы будем обращать особое внимание на то, каким образом в отдельных источниках развивается описание перфективной семантики, для чего мы на этой стадии исследования условно выделяем три основных линии: а) **совершение и исполнение** действия («perficio», «perfectio»), б) **завершение и конец** действия («finio», «ad finem»), в) **достижение предела**, ограниченность пределом («ad terminum», «limitatus»). В отдельных источниках границы этих линий, разумеется, не всегда достаточно четко очерчиваются.

[60] Ср. сюда перевод «прѣсъвьршеныи» греческого «ὑπερτέλειος» в неграмматическом значении еще в XII-XIII веке (СРЯ 11-17 вв. 19: 49).

[61] См. СРЯ 11-17 вв. (18: 70).

[62] См. сюда Живов (1992: 248).

будущее (с. 554, 575), тогда как у Доната есть только одно аспектуально недифференцированное будущее *legam* (с. 360). Следовательно, Толмач чуть ли не первый славянский грамматист, выделяющий перфективное синтетическое будущее. Ср., однако, *хокю* -> *вьсхокю*, *дамь* -> *вьздамь* еще в первых трактатах, о которых речь шла выше.

Отметим здесь особо формы, образованные от приставочной основы *почита-*, которая в системе Толмача входит в итеративный «о́бразъ учаща́емыи»[63]. Данный итератив *почитати* противопоставляется предполагаемому делимитативу *почести* (см. ниже), от которого Толмач образует «мину́вшее несовершеное» *почтохъ* и «грядущее» *почту*. Таким образом, в пределах этих основ акционсартную оппозицию составляли итератив *почитати* и делимитатив *почести*, в то время как более или менее регулярную видовую пару без особых акционсартных оттенков составляли *прочести* - *прочитати* (*чести*).

Как было отмечено выше, ряд переводов Толмача или его последователей восходит, очевидно, к какому-то более позднему «Донатусу»[64]. Эти главы включают полные глагольные парадигмы: *любити*, *учити*, *слышати*, *хотѣти*, *быти*, *чути*, *начути* (*начую*) (ср. *amo*, *doceo*, *volo*, *esse*, *audio*, *nosco*)[65]. Не вдаваясь в рассмотрение всех русских и латинских языковых соответствий, мы ограничимся некоторыми существенными для нашей темы дополнительными наблюдениями[66].

Система пяти времен соблюдается последовательно при описании отдельных спряжений («согласий»), из которых мы ограничимся здесь примером первого («Бесѣда пе́рва∧ о временехъ...любити илѝ слы́шати»): 1. «вре́мя насто∧щее» *люблю́*, 2. «мину́вшее илѝ прешедшее несверше́ное время» *полюбихъ*, 3. «минувшее соверше́ное вре́м∧» *возлюбихъ*, *возлюбилъ ты*, 4. «мину́вшее пре-свершеное» *любливахъ*, *любливаше*, *любливалъ то́и*, 5. «грядущее илѝ бу́дущее» *возлюблю*, *возлюбиши*, *возлюбитъ тои* (с. 566). (ср. лат. *amo – amabam - amavi - amaveram - amabo*). То же самое повторяется последовательно в страдательных формах (с. 569 и сл.).

Существует мнение, что формы типа *полюбихъ* с префиксом *по* имеют делимитативное значение 'любил некоторое время, но перестал любить, теперь уже не люблю'. Следовательно, данной формой передается значение ограниченного во времени, но нерезультативного действия в прошедшем как одно из частных значений латинского имперфекта, образованного, в частности, от непредельного

[63] Отличный пример глагола *почитати* в итеративном значении с оттенком хабитуальности дает еще Лаврентьевский список летописи 1377 г.: «И бѣ Ярославъ любя црковныя уставы...и книгамъ прилежа и почитая е часто в нощи и въ дне» (СРЯ 11-17 вв. 18: 76).

[64] См. Мечковская (1984: 39).

[65] В частности, описание («бесѣда») времен третьего спряжения (*чту*) Толмача («Донатус» 1522: 575 и сл.) является точным переводом текста Доната с глаголом *lego* (Донат, «Ars minor», с. 360-362).

[66] См. подробный анализ в работе Ворта (1983: 95-158). Отметим, однако, что непредельные глаголы *amare* и *любити* плохо годятся для характеризации славянских аспектуальных различий.

глагола типа *amare*[67]. Ср. результативное ингрессивное значение формы *полюбил* в современном русском языке. При этом интересно, что имперфект *amabam* здесь не переводится просто формами *любилъ*, *любихъ* или даже *любляхъ*, несомненно знакомыми автору.

Специфически славянское явление мы находим в формах «минувшего совершеного» и «грядущего» («будущего»), которые Толмач образует от перфективной основы *возлюби-*. В отличие от предполагаемой делимитативной *полюби-*, основа с приставкой *воз-* обладает ингрессивной и вместе с тем перфективной семантикой, передаваемой современным русским 'полюбить'[68]. Занимательно тут то, что если *возлюбихъ* является как бы ожидаемым эквивалентом латинского перфекта *amavi*, то *возлюблю* отличается радикально от неперфективного будущего *amabo*. (Как известно, будущего перфектного ряда (*amavero*), которому форма Толмача соответствовала бы лучше, Донат не выделяет). Так, настоящие видовые различия возникают в парах [*любихъ*] - *возлюбихъ* и *люблю* - *возлюблю*. Посредством префиксальной основы Толмач стремится передать перфективное значение как в прошедшем (*возлюбихъ*), так и в будущем (*возлюблю*)[69].

Приведем еще примеры инфинитива, по которым легко восстановимы славяно-латинские соответствия: 1. «времени настоѧщего илѝ минувшаго несвершенаго» *любити* - *amare*, 2. «минýвшаго совершенаго и пресвершенаго» *любúти бы́ло* - *amavisse*, 3. «грѧдущего» *любимо быти илѝ возлюблено быти* - *amatum ire vel amaturum esse* (с. 568). Инфинитив *любливати* является общей формой «минувшаго свершéннаго и пресвершéннаго» (с. 584). Как видно, и здесь единственной перфективной формой является инфинитив будущего *возлюблено быти*.

Здесь уместно отметить, что эти образцы содержат зародыш объединения в темпорально-аспектуальную парадигму одного глагола форм разных самостоятельных глаголов (*любити*, *любливати*, *полюбити*, *возлюбити*), что в последующие триста лет устойчиво мешает правильному описанию аспектуальности.

Из парадигмы глагола *слышати* мы отметим лишь форму «минýвшаго несвершеннаго» *услы́шахъ* (с. 578), которой Толмач стремится передать действие имперфекта *audiebam*, т. е. действие, достигавшее, но пока не достигшее момента настоящего на оси времени говорящего. Это значение объясняется тем, что, по темпорально-аспектуальной концепции античных грамматистов (времени Доната), аспектуальность определялась не самостоятельным протеканием времени действия, а отдельными внешними ограничительными моментами на оси времени. Так, здесь форма *услы́шахъ*, вместо которой мы ожидали бы имперфективный эквивалент *слы́шахъ*, противоречит теории о передаче латинского имперфекта формой делимитативного глагола, о чем речь шла выше.

Таким образом, самым регулярным собственно видовым явлением во всех четырех спряжениях (1-4) индикатива оказывается оппозиция, которую составляют беспри-

[67] Ср. Ворт (1983: 99, 142).

[68] См. *Возлюбити* (*взлюбити*) в СРЯ 11-17 вв. (2: 294).

[69] На имперфективное настоящее и перфективное будущее у Толмача обратил внимание уже Кузнецов (1958: 16-17). Ср. Ворт (1983: 138).

ставочные или приставочные формы настоящего времени и префиксальные (все без исключения) формы будущего совершенного («грѧдущего»). Наиболее наглядными являются примеры: 1. *люблю* - *возлюблю* (с. 566, 567), 2. *учю̀* - *научю̀* (с. 572), 3. *чту* - *почту́* (с. 554, 575), 4. *слы́шу* - *услы́шу* (с. 578). Совершенно последовательно данное противопоставление повторяется и при индикативных формах пассива: 1. *любимъ е́смь* - *возлюблюсѧ* или *возлюбленъ буду* (с. 569), 2. *учи́сѧ* - *научюся* (с. 573, 574), 3. *почитаюсѧ* - *почтусѧ* (с. 576, 577), 4. *слышусѧ* - *услы́шусѧ* (с. 580). То, что некоторые из этих форм (напр. *услы́шусѧ*), пожалуй, реально не существовали в языке, не меняет основной идеи передачи видового противопоставления.

Из этого правила не составляет исключения и противопоставление парадигм настоящего *хощу́*, *хо́щеши*, *хо́щетъ*, *хо́щемъ*, *хощете*, *хотѧтъ* и «грѧдущего» *восхощу*, *восхо́щеши*, *восхо́щетъ*, *восхощемъ*, *восхо́щете*, *восхотѧтъ* в описании «безправилного» глагола (с. 583-584). К ним можно было бы добавить еще некоторые примеры из других наклонений.

Этот чисто славянский факт устанавливается лишь на основании примеров, он не обусловливается аспектуальными данными языка-источника и не отражается в терминологии ни римского грамматиста, ни переводчика его текста. В обоих языках для будущего приводится только один термин без зависимых атрибутов. Следует подчеркнуть, что это построение видовой оппозиции не обусловлено латинской моделью, так как в темпоральной схеме Доната налицо только одно аспектуально недифференцированное будущее («futurum»), иллюстрированное постоянно неперфективной формой типа *amabo*, *legam* (см. сопоставление). Противопоставление имперфективного настоящего и перфективного будущего мы увидим в важной роли и позже. Отметим также употребление аналитического будущего «грядущее илѝ будущее» (*чести и́мамъ*) (с. 558), «грядущее» (*будетъ любити*) (с. 569), *бу́дет[ъ] учити* (с. 573), которое, однако, не имеет системного статуса в переводе Толмача.

В плане прошедшего, где как бы господствуют темпоральные и акционсартные различия, собственно видовые различия так ясно не вырисовываются. В подаче примеров как-то утрачено даже первоначальное различие между имперфектом и перфектом, соблюдавшееся, однако, в терминологии. Порой выбор примеров как бы не соответствует содержанию понятий и терминов.

Что касается итеративного значения, приписываемого исследователями формам типа *любливахъ*, то надо отметить, что вряд ли «минувшее пресовершеное» Толмача имело отношение к собственно итеративности. Примерами таких образований служат: «мину́вшее пресвершеное» *любливахъ*, *любливаше*, *любливалъ то́и* (с. 566), *учивах*, *учиваше или ты̀ учивалъ*, *учивалъ то́и*...*учивахом*, *учивасте*, *учиваху* (с. 572), *хачивах*, *ха́чивал еси*, *ха́чивал*...*ха́чивахомъ*, *ха́чивасте*, *ха́чи(ва)ли* (с. 583)[70]. По-видимому, однако, такие синтетические формы как *любливах*, *хачивах*, *учивах* были единственными, которые приблизительно выражали значение латинских форм плюсквамперфекта *amaveram*, *volueram*, *docueram*.

[70] Об «итеративной основе» этих форм см. Живов (1992: 248), Ср. Живов (1986: 103), согласно которому, итератив типа *любливах* «не имеет в своем значении ничего общего с плюсквамперфектом». См. также Кузнецов (1958: 18).

На наш взгляд, в большинстве случаев указанные русские формы выражали скорее хабитуальность в (отдаленном) прошлом, чем собственно итеративность. Итак, Толмач, вероятно, осмыслил правильно темпоральное значение латинского плюсквамперфекта (предшествование одного действия другому прошедшему действию), который, как известно, сам по себе не имеет ничего общего с итеративностью.

У Толмача нет слова «*видъ*» в аспектуальном значении, как нет аспектуального «*species*» и у Доната. Зато данное слово передает точно «species» Доната в общеклассификационном употреблении, например, «видъ» имени существительного (с. 529). Следовательно, «видъ» употребляется Толмачем в недифференцированном значении «видъ»$_0$. Итак, латино-славянская линия «species»$_0$ -> «видъ»$_0$ Толмача ведет себя точно так же, как линия «εἶδος»$_0$ -> «видъ»$_0$ в греко-славянской традиции с тем лишь различием, что «видъ» Толмача не применяется к описанию глагола. При этом в переводе Толмача не возникло такого соответствия, какое наличествует в калькировании «εἶδος»$_1$ -> «видь»$_1$ в трактате ОЧС.

В науковедческой литературе остался почти без внимания тот факт, что в традиции Доната слово «perfectus», модифицируя значение стержневого слова двукомпонентного термина и согласуясь с ним по роду, могло иметь три разных функции в сочетаниях: а) «forma perfecta», б) «verbum perfectum» и в) «tempus perfectum». Из них две первых функции относятся к системе образования аспектуальных глагольных разрядов, в то время как последняя примыкает к собственно видовому элементу грамматической темпорально-аспектуальной системы. В первом случае атрибут называет исходный из четырех (пяти) деривационных классов, во втором же случае он является представителем этого класса. Следовательно, «forma perfecta» и «tempus perfectum» репрезентируют две аспектуальных категории, но обладают разными категориальными статусами. С атрибутом «совершеныи» эта полифункциональность переносится в славянскую традицию, порождая весьма сложную линию семантического развития.

Итак, аспектуально-деривационный атрибут «совершеныи» (с. 552) и темпорально-аспектуальное слово «совершеное» (с. 554) оказываются преемниками той многозначности, которая присуща еще античной традиции и проявляется в эволюции: «τέλειος»[71], «τέλειον» -> «perfecta», «perfectum» -> «совершеныи», «совершеное». При этом важно отметить, что предполагаемое нами как возможное сочетание **verbum perfectum* не засвидетельствовано у Доната, равно как нет возможного сочетания *«*слово совершеное*» в переводе Толмача.

[71] Ср. «τέλειος совершенный (о богах, людях и предметах), превосходный, отличный, отборный; без порока...конченный, исполнившийся, осуществившийся; полный, целый» (Вейсман 1991: 1233). Ср. далее «τελέω оканчивать, исполнять, совершать» (там же: 1234). О деривационных функциях слова «τέλειος» в греческой грамматической традиции, особенно у Дионисия Фракийского см. Ваахтера (1992: 26 и сл.).

2. ЗАРОДЫШИ КАТЕГОРИИ АСПЕКТУАЛЬНОСТИ В ПЕРВЫХ ПЕЧАТНЫХ ГРАММАТИКАХ

2.1. Перфектные и фреквентативные глаголы П. Статориуса (1568)

1. Первая польская грамматика на латинском языке Петруса Статориуса (Piotr Stojeński), родом из Франции, входит западнославянскую грамматическую традицию и соприкасается теснейшим образом с западноевропейской, прежде всего с латинской традицией[72]. Особая ценность грамматики Петруса Статориуса состоит в том, что в ней описывается не церковный, а современный, живой язык времени ее составителя. Немаловажное значение имеет и то, что она вышла в печатном виде и стала доступной любителям и специалистам грамматической науки.

С точки зрения терминологической преемственности немаловажно, что Статориус один из первых использует латинскую терминологию в метаязыке славянской грамматики. В его грамматике многие «интернациональные» метаязыковые элементы, «formare», «denotare», «designare», «significare», «significatio» и т. п. вписываются в славянскую грамматическую традицию (ср. «знаменовати» и «знаменованіе» у Толмача). Вместе с тем Статориус первым применяет слово «*actio*» к славянскому глаголу, причем данное слово, помимо общего значения 'любое действие', используется также в специфическом залоговом значении 'действие активное в противоположность действию страдательному и среднему' (ср. «Actio» - «Passio» - «Neutrum») (с. 103). С этого времени в описаниях западнославянской традиции слово «actio» и «actus» обнаруживают весьма последовательное употребление (см. приложение). Согласно латинской же традиции, слово «verbum» приобретает множество атрибутов, в том числе, помимо собственно залоговых «activum», «passivum», «neutrum», такие как «personale», «impersonale», «deponens» и т. п. (там же) (см. приложение).

Страдательные глаголы не имеет особого окончания, а пассив выражается описательно: «Passiva nullam propriè habent terminationem, circumlocutione exprimitur» (с. 104). Средние глаголы («Neutra») *siedzę* «sedeo», *stoię* «sto» (с. 103), составляющие уже здесь третий залоговый разряд глаголов, выражают скорее состояние, чем залоговое значение. Тут мы сталкиваемся впервые с соприкосновением залога и акционсартной аспектуальности. Это объясняется тем, что залоговые отношения вместе с некоторыми незалоговыми характеристиками описывались как свойства глагольных лексем.

2. Аспектуальные явления отражают западную традицию грамматической науки с ее латинской моделью классификации языковых явлений[73]. Судя по нашим источникам, термин «verbum perfectum» впервые применяется к славянской глагольной лексеме в грамматике Статориуса (с. 106). Статориус первым сознательно и самостоятельно применяет к славянскому материалу акционсартную деривацию «verbum perfectum» *robię* -> «verbum frequentativum» -> *rabiam* (с. 106). Вместе с тем, он в пределах той же модели и того же фреквентатива

[72] См. предисловие Курашкевича и Олеша к изданию (Статориус 1568), также Клеменсевич (1980: 412-413).

[73] Ср. Мечковская (1984: 41).

как бы случайно, может быть неосознанно, осуществляет образование собственно вида в процессе: св *dobić* -> нсв *dobijać* (с. 109).

При описании глагольной деривации мы находим в довольно чистом виде модель, созданную латинскими грамматистами, где «verbum perfectum» и «frequentativum» используются в смысле Доната и Присциана[74]. В данном случае от бесприставочного, и судя по примерам, имперфективного глагола (*robię*, *mowię*, *piję*, *jem*, *spię*) производится, не только новый бесприставочный (*rabiam*, *mawiam*, *piiam*, *jadam*, *sypiam*), но и приставочный фреквентатив: *wyparzam* от *párzę*, *zdzieram* от *drę*, *posylam* от *slę*, *záklinam* от *klnę* (с. 106). Как видно, здесь речь идет об акционсартной деривации нсв -> нсв. От «чистой» суффиксальной модели автор отклоняется образованием приставочного «фреквентатива» прямо от бесприставочного. Общей картины не меняет тот факт, что в одном из примеров, сознательно или случайно, описано и настоящее видообразование св -> нсв: от «verbum perfectum» *chwycę* образуются вариантные «verba frequentativa» *chwytam* и *chwatam* (с. 107), ср. текст автора:

> «A perfectis verbis derivantur frequentativa ut à Robię Laboro fit Rabiam. à Mowię Loquor, Mawiam. à Pijȩ Bibo, Piiam. ab Jem Edo, Jadam. à Spię Dormio, Sypiam. à Chodzę Eo, Chadzam. à Bijȩ Caedo, Bijam. à Widzę Video, Widam. Párzę Wyparzam. Poszczę Paszczam. Drę zdzieram. Trę Scieram. Pytam susciter, Slę Posylam. Klnę Záklinam. A Chwycę Capto, Chwytam et Chwatam» (с. 106).

Поясним вышеизложенное так. В деривативно-семантической системе Статориуса *spię* «dormio» (с. 106) является перфектным глаголом («verbum perfectum»), от которого производится фреквентатив («verbum frequentativum») *sypiam* «dormire soleo» (с. 106, 126). Здесь первообразный и фреквентативный глагол противопоставляются по признаку хабитуальности, приписываемому фреквентативному глаголу *sypiam*. Вместе с тем глаголы типа *spię* являются непроизводными («primitiva»), какими являются по внешней форме и некоторые фреквентативы, например, *szukam* «quaero», *spiewam* «cano» (с. 107). Кроме того, мы видим у Статориуса совершенно правильную акционсартную модель образования фреквентатива («frequentativum in ywam») *spiewywam* «cantito» от примитива («primitivum in am») *spiewam* «cano» (там же).

Как видим, одновременное употребление донатового «perfectum» и присцианового «primitivum» порождает путаницу, из которой как бы естественно вытекает постепенное семантическое обособление глаголов «verba perfecta» в противоположность морфологически и семантически маркированным «frequentativa».

Возникновению противопоставления, в котором фреквентативные глаголы противостоят примитивным (и перфектным) могло содействовать то обстоятельство, что из употребления постепенно вышла первая ступень классификации «primitiva - derivativa», и вместе с ней термин «derivativa», причем усиливался категориальный статус отдельных конституентов группы деривативов, в том числе «frequentativa».

---

[74] Ср. систему «species verborum» Присциана (с. 427-434): **Species primitiva** - *lego, ferveo, facio*. **Species derivativa**: 1. inchoativa - *fervesco, calesco, aresco, rubesco*, 2. meditativa - *lecturio, esurio, parturio*, 3. frequentativa - *legito, scripto, dicto, curso, fugito, agito*, 4. desiderativa - *viso, facesso, capesso*, 5. diminutiva - *sorbillo, garrulo, cavillo.*

Перфектный глагол («verbum perfectum») Статориуса представляет собой инновацию, положившую начало важнейшему терминологическому процессу в славянской традиции. Аспектуализация сочетания «verbum perfectum» могла зарождаться в среде, в которой оно попадает в оппозицию с функционально маркированным «verbum frequentativum».

Каким бы сложным ни был процесс становления понятия о «перфективном глаголе», в нем с древнейших времен играли роль вообще содержательные элементы акционсартных глагольных атрибутов и в особенности (в более позднее время и более сознательно) превращение слова «perfectum» из атрибута темпоральной формы в аспектуальный атрибут глагола. (О «verbum perfectum» Росы см. ниже).

Из синонимических терминов «verbum perfectum» и «verbum primitivum» первый относится к традиции Доната, а второй связан с «species» Присциана. На традицию Доната указывает также употребление слова «forma» в выражении «quaedam [verba] huius formae [frequentativae]» (с. 107), где речь идет об аспектуальном разряде глаголов.

Помимо значения презентного действия («actio praesens»), фреквентативы иногда выражают действие, характеризуемое словами «assiduitas», «conatus» и «habitus» (с. 107). По словарным толкованиям содержательные признаки этих слов можно обобщить так: «assiduitas» - постоянность, непрерывность, повтор, «conatus» - попытка и стремление, «habitus» - привычность, хабитуальность[75]. Ср. также «assidue», «assidua vis» фреквентативов у Диомеда (с. 344). Кстати, вслед за античными грамматистами под «actio praesens» в данном случае подразумевается действие имперфективное.

По мнению автора, значения привычного и частого действия могут передаваться по-латыни при помощи слов «soleo» и «saepe»: *pijam* «soleo bibere, vel saepe bibo» (с. 107). Чистая итеративность передается также наречием «frequenter»: *bywam w kosciele* «frequenter adsum in templo» (там же). Инновацию «soleo» + инф. и ее немецкого преемника «pflegen» + инф. в качестве толкования хабитуальности мы видим часто в последующей, особенно в чешской традиции (см. приложение).

Правило употребления аспектуальных форм в отрицании, сформулированное Статориусом, доказывает, что в группе «*verba perfecta*» действительно были настоящие приставочные перфективы, которые противостояли приставочным же фреквентативам «*verba frequentativa*»: *Záwrzy* «claude», *Nie záwieray* «ne claudas», *Odmow*, *Nie odmawiay* (с. 107)[76]. При этом данные приставочные перфективы указывают на изменившуюся функцию понятия «verba perfecta».

[75] Ср. «*assiduitas* 1. постоянная готовность к услугам, усердие, внимательность, 2. усердие, прилежание, 3. частое повторение, непрерывность, 4. постоянное присутствие» (Дворецкий 1986: 83). «*conatus* 1. попытка, 2. напряжение, усилие, 3. влечение, стремление» (там же: 170). «*habitus* 1. внешность, 2. платье, одежда, 3. положение, поза, 4. состояние, 5. свойства, особенности, расположение» (там же: 356).

[76] На видовое различие императивных форм у Статориуса обратили внимание В. Курашкевич и Р. Олеш в предисловии издания (с. XXIX).

Таким образом, у Статориуса фреквентативность («frequentativum») является именованием не только повторяющегося или непрерывного или привычного или же конативного действия (попытки), но и понятием имперфективности вообще. Зарождается категориальный статус разряда «forma frequentativa» как представителя общей имперфективности.

Решающим фактором зарождения противопоставления «perfecta» - «frequentativa», заключающего идею об оппозиции фреквентатив - нефреквентатив, является весьма ясная морфологическая (суффиксальная) однозначность и относительно яркое семантическое содержание фреквентативного разряда, в котором нет ни одного неимперфективного глагола. У Статориуса фреквентативность, представленная группой «verba frequentativa», шире имперфективности в современном смысле. В нее входят как настоящие имперфективные образования, так и акционсартная группа итеративов. От латинской традиции система Статориуса отличается явной тенденцией к поляризации фреквентативных и нефреквентативных глаголов. Фреквентативность служит здесь как бы прототипической моделью описания имперфективности в сфере славянского глагола. В темпоральной же системе наблюдается иной, конкурентный тип, имеющий свою линию развития.

О сознательном различении перфектных и фреквентативных форм свидетельствует также противопоставление безличных предикатов «perfectum» *Powiedano* и «frequentativum» *Powiedziano* (с. 150).

При определении инхоативов слово «forma» используется явно в значении донатовой традиции. Так, «форму» инхоативов («Inchoativorum formam») имеют глаголы, которые соединяются с препозитивом *pod* (*Podstárzał sobie* «senuit», *Podpil*, *Podiadł sobie*). Ту же инхоативную «форму» имеют также бесприставочные глаголы *śiwieię* «canesco», *stárzeię się* «senesco» и т. п. (с. 107).

Подобно Толмачу, который еще как-то неосознанно применял модель Доната к церковнославянскому языку русского извода, Статориус использует ту же модель (с рядом элементов традиции Присциана) вполне сознательно к описанию современного польского языка второй половины XVI столетия. Естественно, что в его грамматике отсутствуют медитативные и квазидиминутивные глаголы, не имеющие эквивалентов в польском языке. Так, деривативная система Статориуса включает только три группы: 1. «verba perfecta» («primitiva»), 2. «verba frequentativa», 3. «verba inchoativa».

Употребление терминологических сочетаний «verba perfecta», «frequentativa», «inchoativa» (с. 106 и сл.) кладет начало применения аспектуальных спецификаторов к славянскому глаголу. В особенности начинает подчеркиваться роль группы «verbum frequentativum», как относительно простых (*robię -> rabiam*) (с. 106), так и относительно сложных с двумя типами деривации: а) *pijȩ -> wypijam*, б) *dobić -> dobijać* (с. 109). Как видно, все исходные глаголы относятся к разным классам системы Статориуса: к перфектным, простым и сложным. С современной же точки зрения простой фреквентатив - настоящее акционсартное образование, тогда как первый тип сложных является «неправильным», а второй «правильным» видовым образованием. Автором не осознается расхождение в статусе каждого из образований.

Довольно обстоятельное описание глагольной префиксации («Figurae») (с. 109) восходит или к модели Доната (*scribo - describo*) («Ars maior», с. 384), или же к Присциану (*cupio - concupio*), который описал также способ декомпозиции приставочных глаголов (*concupio -> concupisco*) (с. 434). Декомпозитивную фигуру («Decomposita verborum figura») Статориус применяет к глаголам с двумя префиксами (*powykopáć, ponáspráwiáć*) (с. 122).

Так, в системе фигуры от простого глагола («verbum simplex») *bić* «caedo» образуются разными препозитивами приставочные глаголы («composita») *dobić, obić, odbić* и т. п., к которым автор советует добавить соответствующие фреквентативы с инфинитивом на *áć*: «His adde frequentativa quorum Infinitivus est áć, Dobijáć, Obijáć» (с. 109). Это же правило дается для формирования фреквентативов *opádáć, nápádáć* и др. к приставочным образованиям типа *opáść, nápáść*, образованным от симплекса *paść* «cadere» (с. 110). Сущности правила не меняет формулировка: «Adde frequentativa in dać» (там же). Следовательно, здесь «frequentativum» приобретает обобщенную функцию имперфектива.

В целом приемы деривации «forma» и «figura» Статориуса эксплицируют достаточно ясно и «почти» правильно аспектуальную (видовую) соотносительность в польском языке, и, следовательно, впервые в славянской грамматической традиции.

При анализе отдельных приставок и соответствующих глаголов наблюдаются некоторые характеристики, воздействовавших на описание перфективной семантики в целом. Например, глаголы с префиксом *do* обозначают («denotant») конец и совершение («finem & perfectionem aliquam») (*dobił*) и завершение и конец («absolutionem et finem») (*dopytáć, dopił*) (с. 110)[77]. Однако здесь, видимо, речь идет не о префиксальной перфективации в ее современном понимании.

В примере, характеризующем приставку *na* («verba perfecta...Nabyć, Násiać, Nádać») (с. 113), термин «verbum perfectum» обозначает перфектный глагол в противопоставлении фреквентативному глаголу. Вместе с тем, здесь термином «verbum perfectum» указывается как бы на непроизводный, а не на перфективный глагол, рядом ведь фигурируют как *nábyć*, так и *nábywać* (*pieniędzy*) (там же). Так, здесь не совсем ясно, желает ли автор указать на глаголы *nabyć, násiać, nádać* как на настоящие перфективы.

Перифраза «incepit esse ebrius», которой передается содержание инхоативного предиката с приставкой *pod* в предложении *Pan sobie podpił* (с. 114), перекликается с конструкцией «incipio» + инфинитив у Диомеда (с. 343) и ряда других грамматистов. Ср. экспликацию «initium actus» у Присциана (с.427). На связь с Диомедом и Присцианом указывает также сочетание «species inchoativorum» (с. 114).

[77] Ср. «perfectio» в экспликации действия перфекта *scripsi* у Присциана (с. 415). Отглагольному существительному *perfectio* Дворецкий (1986: 568) дает значения 'завершение', 'совершение', 'исполнение'.

Описывая значение приставки *przy* при императиве глагола *przywrzeć* 'притворить', Статориус использует чисто видовое выражение перфективности «actio minus perfecta» (букв. 'менее перфектное действие'): «Interdum significat [przy] actionem minus perfectam, ut Przywrzy Claude, quod minus est, quam si dicas, Záwrzy illud enim est, claude, sic tamen ut fores aliquatenus pateant, Záwrzy occlude penitus» (с. 117). Так как «меньшая» совершенность *przywrzy* противопоставляется здесь в полной мере перфективному же дейтвию *záwrzy*, перед нами одно из первых описаний аттенуативного способа действия[78]. Ср. выше тот же императив *záwrzy* 'закрой' (с. 107).

Приставка же *wy*, помимо значения 'ex', означает также совершенное и доведенное до конца действие («exacta actio»[79], «ad finem»): *wytrzymáć* «sustinere ad finem», *wypić* «ebibere», *wyczerpać* «exhaurire» (с. 119). Ср. также совершенное действие («actio perfecta»), выражаемое приставкой *roz* (с. 117).

Приставочные перфективы толкуются преимущественно приставочными латинскими эквивалентами: *spáść* «decidere», *spuścić* «demittere» (с. 119). Исключения из этого составляют *upáść* «cadere», *ubić* «caedere» (с. 120) и некоторые другие.

Выясняя и иллюстрируя примерами значение префиксации и различие между приставочными и бесприставочными образованиями, Статориус впервые в славянской грамматической литературе использует латинское содержательное выражение «perfecta actio», которому можно приписать настоящий видовой смысл перфективного действия:

> «Chwyćiłem go. Apprehendebam. Pochwyćiłem, Uchwyćiłem & Zachwyćiłem. apprehendi. Sunt autem haec **verba composita**, quae adhibentur ad declarandam **perfectam actionem**» (с. 135) (выделено нами. - Р.Р.).

Итак, здесь «actio perfecta» передается не перфектным глаголом («verbum perfectum»), а приставочным «verbum compositum», т. е. у Статориуса «actio perfecta» и «verbum perfectum», как уже говорилось, автоматически не соотносятся (ср. «actio minus perfecta» выше). Иногда «actio perfecta» передается и простым глаголом («verbum simplex»): *Gdzieś spał? Jam wiele czytał* (там же). В этом пояснении Статориуса можно видеть попытку интерпретировать общефактическое употребление имперфективной формы[80]. Экспликация «actio perfecta» имплицирует наличие выражения «actio imperfecta», которого, однако, нет еще у Статориуса.

Любопытно, как автор справляется с вопросом о префиксации формы и глагола: препозитивы присоединяются часто для различения перфектного прошедшего от

[78] По классификации Шелякина (1987: 76).

[79] Аспектуальный атрибут «exactus» восходит к глаголу *exigo* в его 13 значении 'совершать, завершать, оканчивать' (Дворецкий 1986: 301). См. также приложение.

[80] Об «общефактическом значении» см. Падучева (1998: 45).

имперфектного: «Praeterito perfecto praeponuntur praepositiones...ut ab imperfecto distinguatur» (с. 135). Перфективное значение проясняется добавлением префикса, так как значение бесприставочной формы может передаваться латинским имперфектом и перфектом (*piłem* означает «bibebam» и «bibi») (там же). В качестве сопоставительных примеров приводятся: *Miłowałem cię* «Amabam te», *Umiłowałem cię* «Amavi te». *Gdym przyszedł pan swego sługę bił, karał* «caedebat, castigabat». *Ubił, & Skarał pan sługę* «caecidit, castigavit» (там же). В обратном порядке это значит, что латинскому имперфекту соответствует только бесприставочная форма, тогда как перфект имеет в польском языке два эквивалента.

3. Темпоральная система глаголов («Verborum tempora»), в которой имперфект и перфект передаются идентичной имперфективной формой, состоит из настоящего, имперфекта, перфекта, плюсквамперфекта и будущего: «Praesens» (*piszę* «scribo»), «Imperfectum» (*pisałem*), «Perfectum» (*pisałem*), «Plusquamperfectum» (*pisałem był*), «Futurum» (*będę pisał*) (с. 108).

Согласно автору, имперфектное прошедшее («Praeteritum Imperfectum») и перфектное прошедшее («Praeteritum perfectum») совпадают по ударению и окончанию («voce & terminatione») (*jam czuł, szedłem*) (с. 132-133). Плюсквамперфект состоит из перфекта и прошедшего времени глагола существительного («verbum substantivum») (*pisałem był* или *jam był pisał*) (с. 136). Также инфинитивы противопоставляются по времени: «Infinitivus Praesens» (*milować* «amare») - «Infinitivus Futurum» (*będę miłował, mam miłować* «amaturum esse») (с. 144).

В разделе «De futuro» выделяются два будущего. Композитивное будущее («futurum compositum») (*urobię, nápiszę list*) «заимствуется» («mutuatur») у композитивных глаголов и приспосабливается к форме настоящего симплекса (*piszę list*). Перифрастическое же будущее описывается посредством формы будущего вспомогательного глагола *być* и перфектного прошедшего или инфинитива (*będę robił, będę pisał list, będę pisáć* (с. 136)[81]. Примечательно, что видовое различие *będę robił - urobię* автор передает аналогичными формами будущего «faciam» и «perficiam» двух разных глаголов *facere* и *perficere* (там же).

Семантически эти будущие различаются так, что описательное будущее выражает неопределенность и начало действия («quod indefinitum est, & actionis initium»), в то время как будущее сложного глагола означает определенное и завершенное дело («definitum et absolutum opus») (с. 136)[82]. Без сомнения, здесь просвечивает античное учение об общей неопределенности будущего, на которое опирается аспектуальное противопоставление неопределенности - определенности в польском языке. В славянской традиции оно получит дальнейшее развитие, и притом не только в плане будущего. Отметим тут еще прием

[81] На описательное будущее указаывается словами «circumloquor», «circumlocutio» (с. 136), «periphrasticos» (с. 137) и «futurum per periphrasin» (с. 138).

[82] Выступающие у Статориуса «absolutio» и в особенности «absolutus» восходят, очевидно, к грамматике Диомеда (см. приложение). Ср. глагол *absolvo* в его значении «доводить до конца, заканчивать, завершать (opus, libellos, rem inchoatam)» (Дворецкий 1986: 15).

«заимствования» одной формы из другой (соседней) категории, к чему отдельные грамматисты прибегают для дополнения дефектной парадигмы. Примечательно также, что здесь композитивное будущее, образованное по модели «фигура», кладет начало образованию перфективного будущего путем префиксации.

Таким образом, в плане будущего композитивное будущее со значением определенности и завершения противопоставляется перифрастическому будущему, для которого характерны неопределенность и начало действия. При этом следует отметить, что слова «definitum», «indefinitum» и «absolutum» используются как содержательные экспликации, а не как компоненты терминов. Отмети особо, что здесь впервые в славянской грамматике польского языка Петра Статориуса аспектуальное, и в данном случае действительно видовое противопоставление неопределенности - определенности описано латинскими словами «indefinitum» и «definitum».

При всем этом интересно, что сопряжение настоящего *zdzieram* и будущего *zedrę* в процессе совместного образования грамматических форм свидетельствует об их трактовке как аспектуальных коррелятов одной лексемы. Это мы видим также при описании нерегулярного («anomalum») будущего суплетивов, из которых *bior*ę имеет будущее («futurum») *wezm*ę (с. 137). Ср. далее формулировку «Wezmę, à themate Biorę» (с. 139).

Аналитическое имперфективное будущее приставочных глаголов особо не выделяется. Так, существует бесспорная аспектуальная пара *Upiek*ę *sobie pieczenia* - *Bę*dę *sobie piekł pieczenia* (с. 137), но недостает примера, в котором выступало бы будущее типа *bę*dę *dobijać*. Поскольку, однако, простой глагол *kupić* имеет будущее *kupi*ę, и форма *bę*dę *kupował* является будущим фреквентатива («frequentativi futurum») (там же), можно предположить, что фреквентативы вообще, в том числе и приставочные типа *dobijáć* образуют аналитическое будущее. К сожалению, это единственное место и единственный пример, где говорится о будущем фреквентативов.

Не совсем ясно, указывает ли рубрика «Paradigma Futuri simplicis» на будущее простого глагола («futurum verbi simplicis») или действительно на «futurum simplex» в смысле перфективного «простого» будущего (с. 137). Неясность заключается в том, что данная при этом парадигма «*Kupui*ę, *Kupisz*, *Kupi*. *Kupuiemy*, *Kupicie*, *Kupi*ą» содержит формы разных видов (от *kupować* и от *kupić*). Если под «futurum simplex» здесь понимается перфективное будущее, то и атрибут «simplex» используется здесь впервые в перфективном значении (см. подробнее ниже).

Таким образом, у Статориуса фактически три будущего: 1. «futurum simplex» («verbi simplicis») (*kupi*ę) (с. 137), 2. «futurum compositum» («verbi compositi») (*nápisz*ę *list*) (с. 136) и 3. «futurum per periphrasin» (*bę*dę *pisał list*, *bę*dę *pisáć*, *bę*dę *robił*) (с. 136, 138). Из этих будущих второе является перфективным (приставочным) и третье имперфективным аналитическим будущим.

Говоря последний раз о важном различии между примитивами и фреквентативами, Статориус приводит примеры, в числе которых выступают видовые пары в их современном смысле (с. 203). Теперь фреквентативы (*dawam*, *rozeznawał*, *wy-*

wodził, *przywodził*) противопоставляются не перфектным («perfecta»), а первообразным («primitiva»), которые в данном случае представлены примерами перфективных форм, притом бесприставочных и приставочных. ср. пары: *dam - dawam*, *rozeznał - rozeznawał*, *wywiodł - wywodził*, *przywiodł - przywodził* (с. 204). От ранее отмеченных фреквентативов часть этих образований отличается финалью *-wodził* (*-wodzić*).

Таким образом, в грамматике Статориуса «*frequentativum*» употребляется в качестве общего термина имперфектива (неперфектива). В виде данного термина имперфективы получают однозначное аспектуальное обозначение.

2.2. Греко-славянская соотносительность в «Адельфотисе» (1591)

1. Вышедший в 1591 г. во Львове «Адельфотис»[83], греческая грамматика с параллельным церковнославянским переводом, является исключительно важным источником, так как в ней грамматическая терминология второй (или третий) раз и весьма тщательно была переведена на славянский язык и сохранилась в печатном виде для последующих поколений[84]. Это один из редких источников, предоставляющих возможность для непосредственного сопоставления интересующих нас фактов. По способу возникновения терминологии «Адельфотис» представляет собой греко-славянский аналог латино-славянского «Донатуса» Толмача. В восточнославянской традиции «Адельфотис» примечателен также своим «универ-салистским подходом» к описанию языка[85].

Определение, согласно которому, речь («сло́во») («λόγος») состоит из слов («рече́нїй») и заключает целостную мысль («мысль самосовершéну») (с. 11), повторяется в последующей традиции у Зизания (1596: 16) и Смотрицкого (1619: 37)[86]. При этом слова «склонаются» («κλίνονται») или не «склонаются» и поэтому являются «склонаемыми» («κλιτά») и «несклонаемыми» («ἄκλιτα») (с. 11).

В «Адельфотисе» впервые в печатном виде установлены точные греческие и славянские аналоги восьми частей речи, в том числе соответствие «ῥῆμα» - «глаго́лъ» (с. 10-11). Нововведение «глаголъ» фиксирует и вместе с тем завершает возникновение грамматического слова, обозначающего данную часть речи: «ῥῆμα» -> «рѣчь» (ОЧС 1400) -> («verbum» ->) «слово» («Донатус» 1522) -> «глаголъ»

[83] Словом ᾽Αδελφότης 'братство' указывается на учеников ректора львовского братского училища, митрополита Арсения Элассонского, которые составили славянский перевод грамматики (Мечковская 1984: 40). См. также Горбач (1973: I-II).

[84] О связи «Адельфотиса» с греческими грамматиками Константина Ласкариса (1476, 1512), Филиппа Меланхтона (1544), Мартина Крузиуса (1566) и Николая Кленардо (1580) см. Кузнецов (1958: 9), Горбач (1973: XV), (Мечковская 1984: 40).

[85] Мечковская (1984: 41). Не приемлемо мнение, по которому кодифицируемым языком-объектом «Адельфотиса», Зизания и Смотрицкого является «древнерусский» (Ольховников 1985: 153-154).

[86] Ср. несколько иные толкования «сло́ва» и «реченїя» у Мечковской (1984: 136).

(«Адельфотис» 1591). Итак, греческое «ῥῆμα» послужило два раза исходным словом для славянской кальки: а) «ῥῆμα» -> «рѣчь» (ОЧС), б) «ῥῆμα» -> «глаголъ» («Адельфотис»). Перевод «verbum» -> «слово» Толмача составляет свою линию, которая, по-видимому, отражается в термине «slovo» западнославянской традиции[87].

Для исследователя систем двух языков «Адельфотис» уникальный памятник в том отношении, что в нем стоят рядом два текста, написанные одновременно авторами, которым было необходимо стремиться к передаче славянскими терминами и примерами грамматического содержания неславянского, но все же родственного языка. Само собой разумеется, что термины, возникающие в данном процессе, являются буквальными переводами исходных греческих.

Определение глагола как части речи охватывает все его релевантные свойства, в том числе такие «послѣдующіе», как «ви́дъ», начерта́нїе» и «вре́мѧ»: «Глаго́лъ е́сть ча́сть сло́ва склана́ема, съ разли́чными времены, дѣйство, илѝ стра́сть, илѝ сре́дне нѣчто знаменуа́й. Послѣдуют жѐ сему о́смъ. Изложе́нїе, Родъ, илѝ Зало́гъ, Ви́дъ, Начерта́нїе, Число́, Лицѐ, Вре́мѧ, и Супру́жество» (с. 67)[88].

2. Среди инноваций «Адельфотиса» устанавливается деривационный термин «**произво́дный**» («видъ»), который должен был соответствовать точнее греческому прообразу, чем его прецедент «прево́дное». Фактически существенная терминологическая пара «**видъ первообразный** - «**видъ произво́дный**» с новым термином «произво́дный» и с атрибутом «первообразный» в правильной форме мужского рода достигает своей окончательной формы именно в расматриваемой грамматике. Впервые пара «первообразный - произво́дный» наблюдается при описании «вида» имени, где примером первообразного существительного служит *небо* и производного прилагательного *небесный* (с. 16). Ср. *οὐρανός* - *οὐράνιος* (с. 15).

Параллельные деривационные модели глагола в «Адельфотисе» (1591: 66-68) таковы[89]:

Εἶδη δὲ δύο.	Ви́ды жѐ два.
Πρωτότυπον - *ἄρδω*	Первообразный - *напаа́ю*
Παράγωγον - *ἀρδεύω*	Произво́дный - *напава́ю*
Σχήματα δὲ τρία.	Начерта́нїа жѐ три.
Απλοῦν - *φέρω*	Про́стое - *несѹ̀*
Σύνθετον - *ἐπιφέρω*	Сло́жное - *наношѹ̀*
Παρασύνθετον - *προσεπιφέρω*	Пресложное - *произношѹ̀*

[87] См. ЭСРЯ (4.1972: 84), Суперанская и др. (1989: 178).

[88] Ср. «Ῥῆμα ἐστὶ μέρος λόγου κλιτὸν, μετὰ διαφόρων χρόνων, ἐνέργειαν, ἢ πάθος, ἢ ὐυδετερόν τι σημᾶινον. Παρέπεται δὲ ἀυτῶ, ὀκτὼ. Εγκλισις. Γένος, ἔιτε διάθεσις. Εἶδος. Σχῆμα. Αριθμὸς. Πρόσωπον. Χρόνος. καὶ Συζυγία» («Адельфотис» 1591: 66). Ср. Ласкарис (1476: 26).

[89] По типографическим причинам наше воспроизведение текста «Адельфотиса» не совсем точно. Диакритические знаки, сокращения и некоторые неясные ударения использованного нами издания остаются не обозначенными.

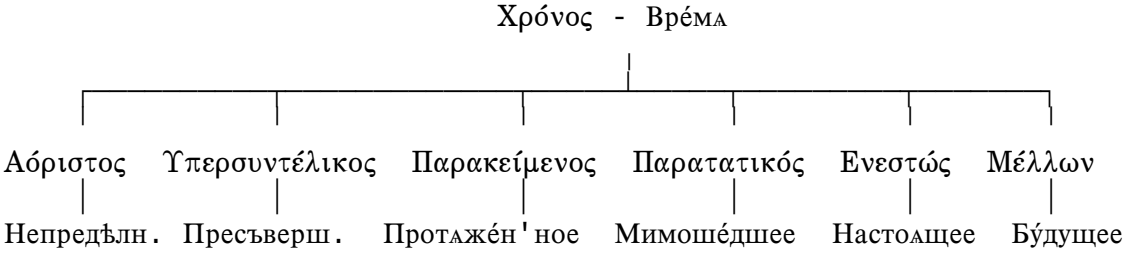
Соответствующие глагольные примеры обнаруживают как бы принудительное стремление передать идею суффиксальной деривации с некоторыми аспектуальными различиями (с. 67). Однако явная непоследовательность заключается в примере *напаѧю*, который не является первообразным. По словарным данным, глаголы *напавати* и *напаяти* в значениях 'поить, утолять чью-л. жажду' и 'орошать, поливать, увлажнять, напитывать влагой' являются синонимами[90]. Если бы авторы перевода сумели приписать к данной деривации настоящий аспектуальный элемент, они должны были бы прибегнуть к таким парам, как, например: *поити* - *напоити*, или *поити* - *паивати*, или же *напоити* - *напаяти*.

В сфере «начертанія» славянские соответствия передают идею осложняющейся префиксации простого глагола, но и здесь, следуя греческому источнику, «сложное» и «пресложное» образования касаются только глагольного словообразования. Особых аспектуальных инноваций здесь пока нет, но сама систематизированная префиксация как таковая создает предпосылки описания аспектуальной префиксации в славянской традиции. Так, церковнославянский пример *несѹ̀* переводит точно *φέρω*, но при «сложном» и «пресложном» не приводятся возможные формы типа *нанесу́*, которые отразили бы изменение вида в славянском, но не соответствовали бы темпоральному значению настоящего времени греческих *ἐπιφέρω* и *προσεπιφέρω*.

По греческой части грамматическая система «Адельфотиса» передает дословно, вплоть до примеров текст Ласкариса (1476: 26), который поэтому вместе с «Адельфотисом» приобретает своеобразное место межъязыкового (межграмматического) посредника в истории славянской аспектологии. Особо следует отметить роль систематизации префиксального словообразования глагола, введенного, видимо, именно Ласкарисом. В виде довольно точного и местами даже рабского перевода греческая система Ласкариса переносится в «Адельфотисе» на славянскую почву, терминология приобретает славянский облик.

3. Не все славянские термины рассматриваемой грамматики являются новыми. Безусловно, в распоряжении ее составителей были трактаты ОЧС, расмотренные нами выше. Сопоставим в схеме греческие и церковнославянские темпоральные системы:

Схема № 4. Система греческих и церковнославянских времен в «Адельфотисе» (1591)[91]



[90] СРЯ 11-17 вв. (10: 163, 169).

[91] См. «Адельфотис» (1591: 67-68).

Χρόνος:	**Вре́мѧ:**
1. Ενεστώς - *τύπτω*	Настоѧщее - *бїю*
2. Παρατατικός - *ἔτυπτον*	Мимошéдшее - *оубѝхъ*
3. Παρακείμενος - *τέτυφα*	Протѧжéн'ное - *биѧхъ*
4. Ὑπερσυντέλικος - *ἐτετύφειν*	Пресъвершéн'ное - *бїѧахъ*
5. Αόριστος - *ἔτυψα*	Непредѣлное - *бúхъ*
6. Μέλλων - *τύψω*	Бýдущее - *оубїю*

С первичной системой следует сопоставить выступающие в парадигмах первый и второй аорист (*ἔτυψα - ἔτυπον*, *бихъ*) и первое и второе будущее (*τύψω - τυπῶ*, *бити úмам - бити хощу*) (с. 71), в передаче которых аспектуальные различия размываются. Это не меняет общей картины о стремлении различать аспектуально настоящее и будущее, о чем речь будет идти ниже. Вне «официального» списка времен в типовых парадигмах отмечается близкое будущее: «μετ' ὀλίγον μέλλων» - «по мáлѣ бывáющее» (*да сѧ úмамъ позлатúти*) (с. 106) и его вариант «по мáлѣ будущее» (*да сѧ úмамъ положúти*) (с. 115). Ср. примеры (с. 124, 125, 132, 155).

Пары «ἐνεστὼς καὶ παρατατικός» и «настоѧщее и мимошéдшее» выступают всегда вместе. Вслед за Ласкарисом, в греческой системе «Адельфотиса» «παρατατικός» и «ἀόριστος» (первый и второй) функционируют без опущенного компонента претерита как времена с имперфективным и перфективным (или неопределенным) содержанием.

Вслед за темпорализированной системой Ласкариса, в которой все времена составляют как бы один недифференцированный ряд (одну вереницу)[92], из церковнославянской системы исчезло базовое и самостоятельное темпоральное деление: настоящее - прошедшее - будущее («настоѧщее» - «мимошедшее» - будущее»). Вследствие этого «мимошедшее» приобретает «неправильную» коннотацию, которая не соответствует содержанию иллюстративных примеров. Кроме того, из модели Ласкариса вытекает, что в «Адельфотисе» нет таких аспектуальных атрибутов, какие есть в «Донатусе» Толмача, а значения времен, в том числе аспектуальные, являются системно обусловленными. Таким образом, утрата однозначного термина для обозначения абсолютного претерита вызывает терминологическую многозначность и затушевывает предпосылки точной передачи аспектуальных различий при темпорально-аспектуальных формах.

Примечательно, что термин «совершенное», которым Толмач передает («tempus») «perfectum» и который был бы естественным аналогом греческого «παρακείμενος», в «Адельфотисе» не выступает (см. ниже).

Термин «пресъвершéн'ное» (с. 68), имеющий варианты «пресовер'шéное» (с. 71) и «пресовершéн'ное» (с. 74), «пресовершéное» (с. 85), должен быть или применением термина Толмача, или новым переводом греческого прообраза. Совпадение вариантов без редуцированных с аналогами Толмача говорит за связь с

[92] Ласкарис (1476: 27): «Χρόνοι δὲ ἕξ. ἐνεστὼς οἷον τύπτω. παρατατικὸς οἷον ἔτυπτον. παρακείμενος οἷον τέτυφα. ὑπερσυντέλικος οἷον ἐτετύφειν. ἀόριστος οἷον ἔτυψα. μέλλων οἷον τύψω». Темпорализацию системы показывает превращение исконно чисто аспектуального атрибута «παρατατικός» в самостоятельный темпорально-аспектуальный термин.

текстом «Донатуса».

По своей внутренней структуре термин «мимошéдшее» «Адельфотиса» совсем не соответствует своему греческому аналогу «παρατατικός», а отражает, как уже говорилось, скорее «παρεληλυθώς» Дионисия Фракийского (см. выше ОЧС). Также пример *оубихъ* никак не соответствует имперфективному содержанию презентной основы *τύπτ-* греческого аналога. Подходящим аналогом термина «παρατατικός» было бы «протажéн'ное», которым, однако, передается «παρακείμενος» греческой части грамматики. В свете примеров «протяжéн'ное» является всегда имперфективным и противопоставляется по содержанию другим формам прошедшего[93].

Парадигмы отдельных спряжений обнаруживают ряд форм, в которых наблюдаются определенные закономерности. Время «протажен'ное» всегда и последовательно иллюстрируется стяженными формами *имперфекта* бесприставочных и приставочных глаголов: *бїахъ*, *прїахъ*, *крашáхъ*, *писáхъ*; *глаголáхъ*, *плѣтáхъ*, *течáхъ*, *раждáхъ*; *пѣвáхъ*, *исполнахъ*, *кон'чáхъ* (с. 68-69)[94].

В первом спряжении формам настоящего времени *прїемлю*, *оукрашáю*, *пишѹ̀*, *бїю* соответствуют «ихъ же будущее» *прїймѹ̀*, *оукрашѹ̀*, *напишѹ̀*, *оубїѭ̀*. Аналогично во втором и третьем спряжениях настоящие *глаголю*, *плету*, *теку*, *рожду* имеют в качестве соответствуших будущих *реку*, *оуплету*, *потеку*, *оурожду*; настоящие *пою*, *исполнаю*, *кон'чáю*, или *кончу* - будущие *воспою*, *исполнѭ̀*, *скончáю* (с.69).

По этим примерам можно заключить, что тут мы имеем дело с весьма последовательным и регулярным соотношением имперфективного настоящего и перфективного будущего, которое соответствует (переводит) отношению настоящего и будущего подлинника (*λείβω* - *λείψω*, *γράφω* - *γράψω*, *τύπτω* - *τύψω* и т. п.) (с. 68). Со славянским положением дел примеры типа *напишѹ̀* находятся в полной согласованности, поскольку перфективная форма единственна, которая соответствует синтетической форме будущего в греческом языке. В то же время определенное противоречие (несоответствие) заключается в том, что греческое сигматическое будущее типа *γράψω* не обязательно выражает перфективность. Подобная ситуация повторяется последовательно во всех спряжениях «Адельфотиса» и свидетельствует о рано осознанном значении перфективного будущего[95]. (Точно такое же явление мы констатировали выше в переводе Толмача, ср. ниже у Зизания и Смотрицкого).

На основании этого можно утверждать, что формально маркированное будущее греческого языка стало как бы сопричастным к тому, что в славянской традиции перфективность уже рано ассоциируется с формой будущего (ср. *γράφω* - *пишу* и *γράψω* - *напишу*). На данном этапе описания речь идет именно о темпоральной

[93] О глагольных категориях, в том числе временах «Адельфотиса» см. Булич (1904: 171-172) и Кузнецов (1958: 12). Говоря о четырех прошедших временах «Адельфотиса» и других памятников, Н.Б. Мечковская (1984: 90) указывает на трудность точного определения греко-славянских соответствий. О дифференциации прошедших времен с помощью разных основ см. Живов (1992: 263-264, примечание 3).

[94] Следовательно, тут речь идет об имперфекте церковнославянского языка восточнославянской редакции.

[95] Ср. Кузнецов (1958: 24-25).

форме, не о глаголе в целом. Некоторое значение для перенесения модели настоящее - будущее в славянское описание может иметь и тот факт, что традиция классических языков как исходную словарную форму использует первое лицо настоящего времени, причем в грамматиках и словарях греческого языка принято давать и форму первого лица синтетического будущего. Так начинает выделяться перфективное будущее, которое систематизируется далее у Зизания и в особенности у представителей чешской традиции (см. ниже).

С другой стороны, «Адельфотис» стремится весьма последовательно использовать аспектуальные различия в формах инфинитива. Так, общий инфинитив *τύπτειν* «настоѧщего» и «мимошедшего» переводится имперфективным *бити*, инфинитив «протяжéн'ного» и «пресъвершéн'ного» *τετυφέναι* образованием от так называемой итеративной основы *бива́ти*, инфинитивы (*τύψαι* и *τύπειν*) первого и второго «непредѣлного» - *бити*, инфинитив первого «будущего» (*τύψειν*) - *бити хотѣти*, но инфинитив второго будущего *τυπεῖν* перфективом *вы́бити* (с. 74). Выбор трехчленного ряда *бити* - *бивати* - *вы́бити* не может быть случайным, а свидетельствует о более или менее удачном стремлении дифференцировать различия аспектуальных глагольных основ древнегреческого языка.

Отметим еще пример аналитического будущего с вспомогательным глаголом *буду*, где *бу́ду* вводится как вариант глагола *и́мамъ*. Аналитические обозначения *мудръствова́ти и́мам* и *мудръствова́ти бу́ду* (с. 84) переводят греческое (первое) будущее *φρονήσω* (с. 83). (ср. сводную историю аналитического будущего ниже).

Помимо указанных случаев, более или менее «правильные» аспектуальные (и даже подлинно видовые) различия наблюдаются в передаче отдельных форм многочисленных парадигм. Приведем в качестве примера следующие церковнославянские соответствия из парадигмы глагола *τίθημι* (с. 110): «Настоѧщее» *полага́ю*, «Мимошéдшее» *положихъ*, «Протѧжéное» *полагахъ*, «Пресовершéн'ное» *полагаахъ*, «Непредѣлное» первое *положихъ*, «Непредѣлное» второе *положихъ*, «Будущее» первое *положѹ̀*. С этими формами соотносятся, в частности, инфинитивы («необавное»): «настоящего» и «мимошедшего» *полага́ти*, «пресовръш(енаго)» *полагаа́ти*, «непредѣлнаго» второго *положити* и «будущего» первого *положити* (с. 112).

Как можно видеть, в этих формах выделяются также три ряда с тремя разными основами: *полага-*, *полагаа-*, *положи-*, из которых, по крайней мере в данном случае, отмечается, помимо известного противопоставления имперфективное настоящее - перфективное будущее (*полагаю*, *полагати* - *положѹ̀*, *положити*), передача форм аориста перфективными формами (*положихъ*, *положити*). Особо маркируется «удлиненная» основа *полагаа-*, выступающая исключительно в формах «пресовершен'ного». Подобные примеры можно было бы увеличить.

Явное аспектуальное (видовое) противопоставление наблюдается также у инфинитивов «среднѧго рода или залога»: «настоящее и мимошедшее» *твори́тисѧ* - «непредѣлное» первое и «бу́дущее» первое *сотвори́тисѧ* (с. 92), также *вопи́ти* - *воз'зопи́ти* (с. 95). Первое причастие будущего *сотвори́вый* (*ποιησόμενος*) (с.92) предваряет появление перфективного футурального причастия в славянской традиции (см. ниже).

Наиболее систематически аспектуальные (видовые) противопоставления выделяются в имперфективных парадигмах настоящего и в перфективных будущего и аориста: настоящее *вопїю* - будущее *возопїю* (с. 93), инфинитив настоящего *вопи́ти* - инф. будущего *возопи́ти* (с. 98), императив настоящего *вопи́й* - императив аориста *возопий*, оптатив настоящего *да̀ вопию̀* - опт. будущего *да̀ возопи́ю* (с.94) и т. д. Ср. далее: настоящее *позлаща́ю* (с. 101) - первое будущее *позлащу̀* (с. 102), первый аорист *позлатих*, императив настоящего и имперфекта *позлаща́й* - императив перфекта, плюсквамперфекта и первого аориста *позлатѝ* (там же), инфинитив первого будущего *позлати́тисѧ* (с. 107) и т. д.

Аспектуальные соответствия и различия могут рассматриваться в свете парадигм глагола *да́ти* - *дава́ти* (греческая терминология здесь нами не приводится): «настоѧщее» *даю* (*δίδωμι*), «мимошедшее» *да́хъ* (*ἐδίδων*), «протѧже́н'ное» *даѧх* (*δεδωκα*), «пресовершен'ное» *даѧах* (*ἐδεδώκειν*), «непредѣлное» 1 *дах* (*ἔδωκα*), «непредѣлное» 2 *дахъ* (*ἔδων*), «бу́дущее» 1 *да̀мъ* (*δώσω*) (второго будущего нет) (с. 127-130). Из неспрягаемых форм мы отметим здесь лишь инфинитивы: «настоѧщее и мимоше́дшее» *дава́ти* (*διδόναι*), «протѧж. и пресове́рш.» *дава́ти* (*δεδωκέναι*), «непредѣлное» 2 *да́ти* (*δοῦναι*), «бу́дущее» 1 *да́ти* (*δώσειν*) (с.130). Итак, и здесь перфективные инфинитивы аориста и будущего (*да́ти*) противопоставляются инфинитивам неперфективных основ (*дава́ти*). Подобная ситуация повторяется весьма последовательно в парадигматике других наклонений.

Таким образом, весьма однозначно перфективные формы связаны с описанием аориста и будущего, а имперфективные - настоящего. Славянское «мимоше́дшее» *да́хъ* находится как бы не на своем месте, так как в прошедшем «правильный» имперфективный противочлен аориста был бы *дава(а)хъ* (или *даѣа(а)хъ*). Эта «непоследовательность», однако, не меняет общей картины перфективной роли «непредѣлного» и «будущего» в осмыслении славянских авторов «Адельфотиса».

Для славянской системы неблагоприятным оказывается господствующий в описании синтетический тип греческого языка, который не позволяет внесения аналитических славянских форм *далъ* - *давалъ есмь*, *бѣхъ* и т. п.

2.3. Две аспектуальных основы Лаврентия Зизания (1596)

1. Между «Адельфотисом» и грамматикой Смотрицкого первая систематическая грамматика церковнославянского языка видного филолога своего времени, протоиерея Лаврентия Зизания составляет важное звено в эволюции описания аспектуальной мысли восточнославянской традиции. Систематизируя понятия и термины предшествующей традиции, «Грамматіка словенска» Зизания готовит почву для дальнейшего этапа развития, представленного Смотрицким[96].

[96] О жизни и деятельности Зизания и об отношении его грамматики к греческим грамматикам Ласкариса, Меланхтона и Мосхопула, а также к грамматикам латинского языка Доната и Меланхтона см. Мечковская (1984: 42-43). В наших источниках грамматика Зизания отмечена у Добровского (1822: LVII) и Греча (1827: 43).

У Зизания (1596: 16) сочетание «виды слова» в значении 'части речи' выступает только один раз наряду с общим «части слова». В данном случае сочетание «ви́ды сло́ва» употребляется впервые, и при этом «видъ» имеет общее значение «вид»$_0$, равно как если бы в греческом было сочетание «εἴδη τοῦ λόγου». При глаголе формула «части слова» не повторяется. Так, у Зизания слово «видъ» имеет две функции: 1. общеклассификационную: «о́смъ ви́довъ слова», т. е. восемь видов (частей) речи (с. 16), 2. специфическую, обозначающую тип суффиксальной деривации: «два ви́да» - «первоо́бразный» и «произво́дный» (с. 23, 43, 53, 81)[97].

Из девяти категорий, которые «послѣдоую́тъ глаголу», частеречным значением которого является «дѣлати нѣчто илѝ страда́ти» (*сѣкоу*, *сѣкоусѧ*), нас в грамматике Зизания интересуют в первую очередь «видъ», «начерта́нїе» и «вре́мѧ» (с. 51).

Словом «о́бразъ» Зизаний обозначает наклонение[98]. Инновациями являются названия «оуказа́тельный», «жела́тельный» и «непредѣлный о́бразъ» (с. 52)[99]. Названием инфинитива «*непредѣлный* о́бразъ», созданным как бы по лат. «infinitus modus», заменяется термин «необавный о́бразъ», выступающий у него еще как параллель («непредѣлный илѝ необавный») (там же). Новое название инфинитива оказывается не совсем удачным, так как оно сближается с наименованием «время непредѣлное», хотя и отличается от последнего по мужскому роду[100]. С нового термина «непредѣлный о́бразъ» начинается многоэтапная, отчасти конкурентная жизнь слов «непредѣльный» и «неопредѣленный» (Смотрицкого) в качестве модусных и аспектуальных атрибутов.

2. Глагол Зизания имеет «первоо́бразный» и «произво́дный» «ви́ды», но производный «видъ» глагола, в отличие от производного вида имени, не подразделяется далее на подвиды:

> «Ви́ды же двѣ, Первоо́бразный и Произво́дный. Пер"воо́бразный е́стъ, и́же ни́ от едина́го же происхо́дит. ѩко, глаголю, чита́ю. Произво́дный е́стъ, и́же от и́ноудоу происхо́дит. ѩко, оглаголоую́. оучи́товоуюсѧ. то́ е́стъ, в" чи́танїе оуправлаюсѧ» (с. 53)[101].

Новые примеры «вида» (*глаголю*, *чита́ю*) и «начерта́нїя» (*пишоу*) не воспроизводят «Адельфотиса», а перекликаются с *lego* и *scribo* латинской традиции (ср. выше)[102].

---

[97] Не совсем точно мнение Мечковской (1984: 63), согласно которому «Наиболее раннее и в общем сохраненное традицией толкование «вида» дано в грамматике Зизания».

[98] Помимо наклонения, «о́бразъ» применяется также к классификации шести производных «видов» (т. е. подвидов) имени (с. 23).

[99] Ср. Булич (1904: 174).

[100] Неверно утверждение Кузнецова (1958: 12), что «непредельное» (sic!) Зизания обозначает только инфинитив.

[101] Здесь текст подлинника (репринта) не совсем ясен, но наша реконструкция не меняет интерпретации рассматриваемых явлений.

[102] См. *оглаголати*, *оглаголю* и *оглаголаю*: «1. Обвинять (обвинить), сообщать (сообщить), 2.

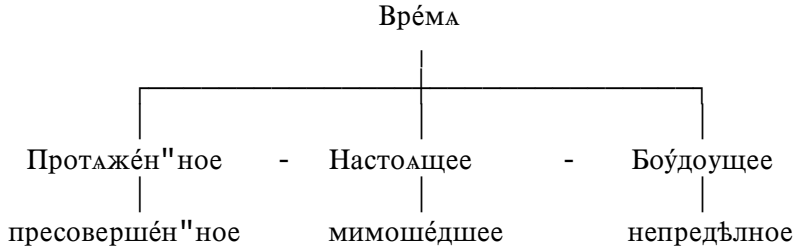
В отличие от имени, «преслóжное» не входит в начертание глагола Зизания: «Начертáнїй гла [глагола] éстъ двѣ. Прóстое. ꙗ́ко, пишоу, несоу. Слóжное. ꙗ́ко, Препúсоую, Нанóшоую» (с. 53).

Как можно видеть, суффиксальная деривация глагола не является «чистой» (ср. *нéбо -> небéс-ный* у имени) (с. 23), а представляет собой некоторое контаминированное префиксально-суффиксальное образование: *глаголю́ -> о-глагол-ую́*. То же самое наблюдается в начертании, где Зизаний, добавив от себя пример *пишоу -> препúсоую*, заменяет *несѹ̀ -> наношѹ̀* «Адельфотиса» префиксально-суффиксальным типом *несоу -> нанóшоую* (с. 53). Возможно, что данные примеры отражают родной язык, «просту мову» автора, в которой могли быть такие видовые пары, как *преписати - преписовати*, *наносити - наношувати* 'нанести - наносить'[103].

3. Темпорально-аспектуальная терминология шести форм Зизания заимствована без существенных изменений из «Адельфотиса»:

> «Временъ же три. Настоѧщее. Протѧжéн"ное. и Боýдоущее. Из них же и úнаѧ три раждáютсѧ. Изъ Настоѧщаго, мимошéдшее. Изъ протѧжéнънаго, пресовершéн"ное. Изъ Боýдоущаго, непредѣлное» (с. 53).

Схема № 5. Система времен Зизания (1596)[104]



Врéмѧ:
Настоѧщее - *ꙗвлѧю*; *спасáю*; *глашоѹ̀*
мимошéдшее - *ꙗвúхъ*, *ꙗвúлъ есú*; *спасóхъ*, *спáслъ есú*; *гласúхъ*, *гласúлъ есú*, *гласúлъ*
Протѧжéн"ное - *ꙗвлѧхъ*, *ꙗвлѧлъ есú*; *спасáхъ*, *спасáлъ есú*; *глашáхъ*, *глашáлъ есú*, *глашáлъ*
пресовершéн"ное - *ꙗвлѧáхъ*, *ꙗвлѧáлъ есú*; *спасаáхъ*, *спасаáлъ есú*; *глашаáхъ*, *глашаáлъ есú*, *глашаáлъ*
Боýдоущее - *ꙗвлю̀*, *спасоѹ̀*; *въз"глашоѹ̀*
непредѣлное - *въз"гласúхъ*

По словам автора, шесть времен возникают («раждáютсѧ») попарно в следующем порядке: 1. «Настоѧщее» -> 2. «мимошéдшее», 3. «Протѧжéн"ное» -> 4.

Оговаривать (оговорить)» и др. знач. (СРЯ 11-17 вв. 12: 234).

[103] Ср. *преписати - преписовати* «переписать - переписывать» в СРЯ 11-17 вв. (19: 18). О «простой мове» Зизания см. Мечковская (1984: 43).

[104] См. Зизаний (1596: 53, 57, 62, 68-72).

«пресовершéн"ное», 5. «Боýдоущее» -> 6. «непредѣлное»[105]. Интересно, что эти соотносительные пары соответствуют коррелятивным временам Дионисия Фракийского (см. выше).

Как уже говорилось, «протѧжéн"ное» калькирует греч. «παρακείμενος». Однако в системе Зизания «протѧжéн"ное» является амбивалентным, выражая в своем первичном значении 'прошедшее' в его противопоставлении настоящему и будущему, а во вторичном - 'перфектное прошедшее' (как бы: '«praeteritum perfectum»') в его отношении к «пресовершéн"ному». В свете примеров очевидно, что формы «протѧжéн"ного», так же как и «пресовершéн"ного», без исключения образованы от имперфективной основы глагола (*ꙗвлѧх*, *ꙗвлѧлъ есú*, *ꙗвлѧах*, *ꙗвлѧáл" есú* и т. д.) (с. 57). В грамматике Зизания завершается (кончается) история славянских терминов «протѧжéн"ное» и «пресовершéн"ное».

Знаменательно замечание автора, имплицирующее, что наличие времен зависит от семантики глагола. Так, не все глаголы имеют всех времен, у одних есть «мимошéдшее», но нет «непредѣлного», у других же дело обстоит наоборот: «Въ óвыхъ бѡ̀ непредѣлное лишáется, мимошéдшее же éсть. Въ óвыхъ же мимошéдшее лишáется, непредѣлное же éсть» (с. 53).

Зизаний первым в славянской традиции принимает только два спряжения: «пéр"вое (пéръвое) и втóрое соупроужество». Раскрытие спряжений и соответствующих глагольных форм базируется на временах «настоѧщее», «мимошéдшее» и «боудоущее», которые систематически даются в описании обоих спряжений. Приведем несколько типичных примеров: (1) *въставáю*, *въстáхъ*, *въстáну*; *избавлѧю*, *избáвих*, *избáвлю*; *спасáю*, *спасох*, *спасоу*; *омывáю*, *омых*, *омы́ю*; *презирáю*, *презрѣхъ*, *презроу*; *разумѣю́*, *разумѣх*, *зрозоумѣю́* илѝ *оуразумѣю́*; *прїймáю*, *прїѧх*, *прїймоу* (с. 54), (2) *лежоу*, *лежахъ*, *лагоу*; *глашоу*, *гласихъ*, *возглашоу*, *возгласихъ*; *сѣкоу*, *сѣкох*, *посѣкоу*; *плыноу*, *плыноух* илѝ *плых*, *поплыноу*; *виждоу*, *видѣх*, *оувúждоу*; *мол"влю*, *молвих*, *молвúти úмам* илѝ *боудоу*; *бїю́*, *бих*, *бúти úмам* илѝ *боудоу*; *покáзоую*, *показах*, *показáти úмам* илѝ *боудоу*; *послѣдоую́*, *послѣдовах*, *послѣдовáти úмам* илѝ *боудоу*; *болю*, *болѣх*, *болѣти úмам* илѝ *боудоу* (с. 55).

В виде этих трех рядов форм в обоих спряжениях Зизаний интуитивно, или скорее вполне осознанно, показывает бинарную систему основ, проявляющих необходимую аспектуальную (и собственно видовую) систему глагола описываемого языка. Так, типовые примеры Зизания показывают, что в спряжении одного глагола последовательно фигурируют имперфективная форма «настоѧщего» или аналитического будущего, имперфективная или перфективная форма «мимошéдшего» и перфективная форма синтетического «боудоущего» (см. схему и примеры обоих «соупроужествъ»).

Поскольку «мимошéдшее» представляет собой как бы амбивалентное по виду время (ср. формы *ꙗвúхъ*, *гласúхъ*, *сѣкохъ*), а «боудоущее» и «непредѣлное» всегда представлены перфективными формами, в системе Зизания выделяется подлинно

[105] В латинских терминах, к употреблению которых следует относиться с осторожностью, эти парные отношения выглядели бы так: 1. «praesens» → «imperfectum», 2. «praeteritum»/«perfectum» → «plusquamperfectum», 3. «futurum» → «aoristum». Ср. сюда замечание Мечковской (1984: 90) о влиянии на систему Зизания латинской трехчленной системы прошедших времен.

видовое противопоставление, в которой перфективная основа «боудоущего» и «непредѣлного» противопоставляется неперфективным (имперфективным) основам других времен, в первую очередь «настоѧщего». Иначе говоря, имперфективные основы «настоѧщего», «протѧжéн"ного» и «пресовершéн"ного» (*явлѧ-*, *спасá-*, *гласи́-/глаш-*, *омывá-* и т. д.) всегда совпадают, равно как всегда совпадают перфективные основы «боудоущего» и «непредѣлного» (*яви́-*, *спас-*, *въз"гласи́-/въз"глаш-*, *омы́-* и т. д.). Примечательно, что эта трактовка касается как бесприставочных, так и приставочных основ. Из этой последовательности у Зизания почти нет исключений (ср. «непредѣлное» причастие *бив"шíй* (с. 74)[106].

В ряде случаев спрягаемая форма времени «непредѣлного» не вводится, по-видимому, по той причине, что она совпала бы с формой «мимошéдшего» (см. схему). Например, при глаголе *явлѧти - явити* термином «непредѣлное» обозначаются только причастные формы, образованные от перфективной основы: *явл"ший*, *явл"ши*, *явл"шее* (с. 59), а также страдательный инфинитив *явлéноу бы́ти* (с. 62). То же самое касается глагола *спасати - спасти*[107].

Только парадигма типового глагола *глашоу* (*глашати*, *гласити*, *възгласити*) содержит также «непредѣлное»; лишь при этом глаголе Зизаний (может быть, просто для экономии места) представляет полный состав шести времен (см. схему)[108]. Так, перфективное «непредѣлное» *въз"гласи́хъ* и перфективное «боудоущее» *въз"глашоу* продолжают последовательную линию, сочетающую перфективную основу аориста и будущего уже в «Донатусе» (см. выше).

Особенно показательны инфинитивные формы («непредѣлнаго илѝ необáвнаго»), при которых противопоставляются имперфективное «настоѧщее» *явлѧти* и перфективное «боудоущее» *яви́ти* (с. 58). Столь же последовательно кодифицируются *спасáти - спастѝ* (с. 64), *въставáти - востáти* (с. 68), *глашáти - гласи́ти* илѝ *възгласи́ти* (с. 70). (Параллельность форм *гласи́ти* и *възгласи́ти* имплицирует двувидовость глагола *гласи́ти* в представлении Зизания).

Параллельные формы перфекта, образованные формой на *лъ* и вспомогательным глаголом *еси*, даются для «мимошéдшего», «протѧжéн"ного» и «пресъвершен"ного» (с. 68-69), но не для «непредѣлного», аористическое значение которого не имеет связи с настоящим.

В определенном смысле описание глагола у Зизания поразительно ясно. Последовательность изложения свидетельствует о том, что Зизаний оперирует в основном двумя основами *одного глагола*. Из этого следует, что осмысление имперфективной основы настоящего (*явля-*) и перфективной основы будущего и аориста (*яви-*) оказывается значительным моментом, разработанным в «Адельфотисе» и в грамматике Зизания. Этот логичный прием описания развивается дальше в грамматике Смотрицкого.

---

[106] На разграничение настоящего и будущего времени в видовых парах *спасáю - спасý*, *явлѧю - явлю́* у Зизания обратил внимание уже П. С. Кузнецов (1965: 305).

[107] Ср. сюда Кузнецов (1958: 12), Живов (1992: 264).

[108] Ср. Кукушкина и Ремнева (1984: 100), Живов (1992: 264).

Исходные позиции «Адельфотиса» и грамматики Зизания разнородны. Если славянские авторы «Адельфотиса» во всем, включая примеры, следуют греческому подлиннику и впадают порой в противоречие в применении славянского языкового материала к неславянской системе, то Зизаний мог сосредоточиться на описании чисто славянской (церковнославянской) системы со славянским материалом.

При этом следует учесть, что объектом кодификации Зизания не является его родной язык, а церковнославянский язык восточнославянской редакции (или русского извода), которому присуща, наряду с видовыми основами глаголов, сложнейшая темпоральная система. Вполне естественно, что Зизаний воспользовался предварительной работой «Адельфотиса», но применил вместе с тем и некоторые черты «простой мовы».

2.4. «Начертаніе», «видъ» и «время» Смотрицкого (1619)

1. Выдающийся лингвист своего времени архиепископ полоцкий, епископ витебский и мстиславский Мелетий Смотрицкий (1578-1633)[109], вошел в историю культуры как автор лучшей церковнославянской грамматики[110]. В грамматике Смотрицкого были объединены греко-славянская и латинская традиции. Источниками Смотрицкого отмечаются «Осьмь честии слова», «Адельфотис», Зизаний, а также грамматики Ласкариса, Филиппа Меланхтона, Альвара, Крузиуса, Доната, Присциана и Сигизмунда Лупула[111]. В свете нашего сопоставительного анализа Диомед оказывается одним из основных источников римской традиции у Смотрицкого. Мелетий Смотрицкий - первый славянский грамматист, который определяет все грамматические категории и вводит в описание продуманные содержательные экспликации[112].

Общее определение глагола соответствует в основном дефиниции «Адельфотиса» (с. 67): «Глаго́лъ е́стъ ча́сть сло́ва склан҄емаѧ со разли́чными наклоне́нїи и времены̀ дѣйство илѝ стра́сть илѝ сре́днее что знамену́ющаѧ» (с. 231). Ср. также «Verbum est pars orationis...» Доната (с. 381) и особенно Присциана (с. 369).

---

[109] Максим (Мелетий) Смотрицкий, сын первого ректора Острожской «академии» Герасима Смотрицкого, родился в Смотриче (Украина), учился в иезуитской академии в Вильне, преподавал затем в православных братских школах, был ректором Киевского братского училища. С заграничным научным миром Смотрицкий ознакомился в протестантских университетах Лейпцига, Нюрнберга, Виттенберга, по делам церкви более двух лет прожил в Константинополе и Иерусалиме. Подробнее о биографии, о грамматике Смотрицкого, а также о ее влиянии на славянскую и неславянскую грамматическую традицию см.: Горбач (1964), Горбач (1974), Нимчук (1979), Мечковская (1984: 43-45).

[110] О разных изданиях грамматики Смотрицкого см. Горбач (1964), Мечковская (1984: 45), Греч (1827: 43), Греч (1828: 30), Балицкий (1876 А: 12-19).

[111] См. Горбач (1974: III-IV), Нимчук (1979: 22, 28), Мечковская (1984: 87).

[112] По наблюдениям Мечковской (1984: 135), в грамматике Смотрицкого все определено «в наибольшей мере».

Среди девяти «послѣдующихъ» глагола новыми терминами Смотрицкого являются «наклоне́нїе» и «спрѧже́нїе», остальные же свойства, в том числе важные для нас «начерта́нїе», «ви́дъ» и «вре́мѧ» терминологическим изменениям не подвергаются (с. 233).

2. В описании славянских фактов следует учесть греко-славянскую и латино-славянскую традиции, которые обе, в разные времена, оказали влияние на развитие «вида» и «начертания». Так, «ви́дъ» и «начерта́нїе» Мелетия Смотрицкого представляют собой прекрасные славянские применения античных деривационных моделей «εἶδος» и «σχῆμα», «species» и «figura» (см. выше).

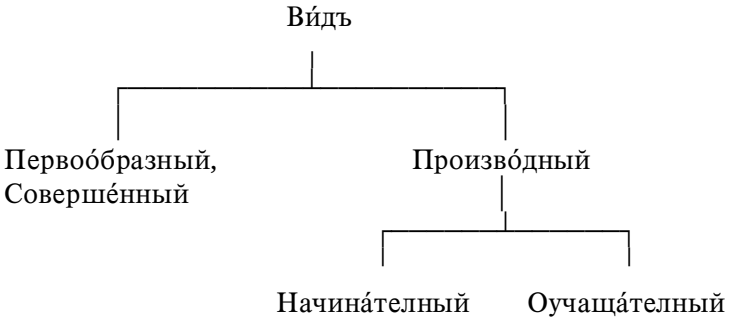
Общее определение «Начерта́нїе естъ про́стаго и сло́женнаго рече́нїѧ разли́чїе» (с. 59) Смотрицкого соответствует точно определению «Figura est discrimen simplicium dictionum et compositarum» Диомеда. При этом слова «различїе» и «рече́нїе» имеют точные соответствия в словах «discrimen» и «dictio» Диомеда (с. 301). В описании глагольного «начертания»: «Начерта́нїе глаголà е́стъ трегу́бо. Про́стое: ꙗ́ко, е́млю. Сло́женное: ꙗ́ко, прие́млю. Пресложенное: ꙗ́ко, восприе́млю» (с. 235), к этой модели весьма прозрачным образом приспосабливаются примеры *е́млю - прие́млю - восприе́млю*, которыми в трактате ОЧС (1500: 51) освещается «видъ» (**имꙋ̀ - прїимꙋ̀ - воспрїимꙋ́*) (см. выше). По-видимому, и для Смотрицкого здесь было важно показать роль приставки *воз*.

Любопытно, что, несмотря на наличие сочетания «начерта́нїе про́стое», в тексте Смотрицкого опять «случайно» не встречается, а как бы просто подразумевается сочетание *глаголъ про́стый. Вообще у Смотрицкого впервые наглядно фиксируются терминологические сочетания аспектуальных атрибутов со стержневым словом «глаголъ»: «глаголъ соверше́нный», «глаголъ произво́дный», «глаголъ сло́женный», «глаголъ начина́тельный», «глаголъ оучаща́тельный».

Согласно общему определению, «видъ» является различием («раздѣле́нїе») между первообразным и производным словом (с. 56). В описании «ви́да» глагола очевидна терминологическая преемственность «видов» Смотрицкого с «о́бразами» («соверше́ныи», «учаща́емыи», «начинателныи») в «Донатусе», но по сравнению с переводом Толмача подход Смотрицкого обнаруживает существенную самостоятельность в дальнейшем развитии целостной системы: Смотрицкий создает совсем новую остроумную систему, которая функционирует в согласии с формами времени церковнославянского языка. Текст о «видах глагола» имеет следующий, несколько сокращенный нами облик:

> «Ви́ди глаголà суть двà: Первоо́бразный: и́же и Соверше́нный: я́ко чтꙋ̀, стою̀: и Произво́дный. Произво́дный сугу́бъ е́сть, О́въ оу́бо Начина́тельный: я́ко, каменѣю, трезвѣю. О́вже Оучаща́тельный: я́ко, чита́ю, става́ю. Начина́тельный е́сть, и́же ве́щь начина́ему знамену́етъ, и обы́чнѣ кончитсѧ на ѣю: ꙗ́ко, теплѣю, жестѣю, бѣлѣю. Си́речъ, начина́ю те́плъ, жестокъ илꙑ̀ бѣлъ бы́ти. От соверше́нныхъ глъ, теплю̀, жещꙋ̀, бѣлю̀. Оучаща́тельный е́стъ, и́же ве́щь оучаща́ему знамену́етъ, и обы́чнѣ кончитсѧ на аю: и ꙗю: ꙗ́ко, бѣгаю, чита́ю, творѧю, храняю, лѣта́ю. Си́речъ, ча́сто бѣгъ илꙑ̀ чте́нїе либо творе́нїе и хране́нїе творю̀: От соверше́нныхъ глъ, бѣгꙋ̀, чтꙋ̀, творю̀, храню̀» (с. 235-236).

Схема № 6. Система «Ви́дъ» глагола Смотрицкого (1619)[113]



Ви́дъ:
Первоо́бразный, и́же и **Соверше́нный** - *чту҃*, *стою҃*; *теплю҃*, *жещу҃*, *бѣлю҃*; *бѣгу҃*, *творю҃*, *храню҃*
Произво́дный:
Начина́тельный - *каменѣю*, *трезвѣю*; *теплѣю*, *жестѣю*, *белѣю*
Оучаща́тельный - *чита́ю*, *става́ю*; *бѣгаю*, *творѧю*, *храняю*, *лѣта́ю*

При суффиксальной деривации глагола Смотрицкий вводит параллельные «видъ первоо́бразный» и «видъ совершенный». Не подлежит сомнению, что «первоо́бразный» восходит к греческому «πρωτότυπον» и латинскому «primitiva» («species primitiva»). Соответствуя точно термину «εἶδος πρωτότυπον», «ви́дъ первоо́бразный» Смотрицкого (с. 235) продолжает его судьбу в «Адельфотисе» и у Зизания.

С термином «ви́дъ соверше́нный» дело обстоит несколько сложнее. Интересно, что данное сочетание соответствует буквально гипотетическому сочетанию *«εἶδος τέλειον», которое, однако, не засвидетельствовано в наших источниках. Значение сочетания «ви́дъ соверше́нный» можно интерпретировать как 'готовый по себе вид', 'целостный, исходный вид слова'. По нашим наблюдениям, «ви́дъ соверше́нный» Смотрицкого, перекликаясь с «forma perfecta» Доната, имеет точный прецедент в последонатовом сочетании «species absoluta» Харисия (с. 562) и Диомеда (с. 342), и далее в термине «species perfecta» Харисия (с. 562), и в конце концов в переводе «о́бразъ совершеныи» Толмача[114].

[113] См. Смотрицкий (1619: 235).

[114] О «виде», «начертании» и «образе» см. Бидерманн (1981: 50, 72). По мнению Мечковской (1984: 65), различение Смотрицким «начинательного» и «учащательного» видов производных глаголов было началом разработки специфической славянской категории «вида». Ср. сюда Нюман (1980: LXV), Нимчук (1979: 57), Бидерманн (1978: 102), Тоболова (1968: 289). Согласно Кузнецову (1958: 13, 30), понимание вида Смотрицким «в целом восходит к александрийским грамматикам». Недоразумение вызывают немецкие эквиваленты «perfektiv», «iterativ» и в особенности «Aspekt», применяемые к видам Смотрицкого в работе Горбача (1964: 22, 24). Совершенно несправедливо говорить о путанице «аспектов» у Смотрицкого (там же). Ср. Горбач (1973: XV, примеч. 21). Говоря, что «Виды являются у Смотрицкаго совсем в новом значении, приближающемся до некоторой степени к современному», С.К. Булич (1904: 178) в свое время не раскрывал проблематики деривации, на которой базируется деление глаголов рассматриваемой грамматики. Сюда же относится «этимологическая форма» Виноградова (1947/1972: 379).

«Видъ совершéнный» - это значительная инновация, созданная Смотрицким совершенно сознательно для специфических целей. В деривации глагола и построении темпорально-аспектуальной системы сочетание «видъ совершéнный» оказывается необходимым и исключительно важным. Атрибут «*совершенный*» используется как категориальный атрибут, так и как атрибут представителя категории, т. е. «глагола». Вне описания глагола атрибут «совершéнное» применяется только один раз в качестве параллели термина «первоóбразное» к описанию непроизводного имени прилагательного (с. 40).

В этой связи мы обратим внимание на амбивалентность и категориальное различие атрибута, зависимое от главного (стержневого) слова составного термина. Как уже говорилось, не исключено существование таких греческих понятий и терминов, как *«εἶδος τέλειον», *«ῥῆμα τέλειον» и «χρόνος τέλειος», которым в латинском соответствовали бы «forma perfecta», «verbum perfectum» и «tempus perfectum» и в славянском «видъ совершенный», «глаголъ совершенный» и «время совершенное». Однако, как уже было отмечено, письменное наследие «Донатуса» доказывает бесспорно, что первое славянское, собственно **аспектуальное** слово «совершенное» восходит не к греческой, а к римской традиции Доната. Это подтверждается еще тем, что, кроме части термина «пре-съвершéн'ное», слово «совершенный» не выступает ни в «Адельфотисе», ни у Зизания, а появляется у Смотрицкого, как бы вслед за Толмачем в качестве параллели (альтернативы) атрибута «первообразный» к слову «видъ». Вместе с тем у Смотрицкого «совершенное» не выступает в позиции атрибута темпорального термина, у него нет сочетания «время **x** совершенное».

В аспектуально-темпоральной парадигматике «видъ первоóбразный» («совершéнный») и «видъ оучащáтелный» образуют противопоставление, в котором «видъ оучащáтелный» маркируется формально элементом *аю*, *яю* и семантически итеративностью, обозначенной экспликациями «вéщь оучащáема», «чáсто» (с. 236)[115]. В этой оппозиции системная значимость «вида совершéнного» вытекает из его противопоставления «оучащáтелному». В примерах он, как правило, представлен имперфективным или аспектуально недифференцированным глаголом. Иначе говоря, в этом случае исходный глагол остается по форме и по содержанию нейтральным, семантический статус которого вытекает из его соотношения со своими производными, т. е. глагол семантизируется в силу системного положения[116].

Примечательно, что в построении указанного акционсартного противопоставления «видъ начинáтелный» хотя и содействует установлению нулевой функции «вида совершéнного», в первичной оппозиции уже не принимает участия (см. схему). Заметим особо, что «видъ начинáтелный» не порождает ни одной формы в «парáдигмах» спряжений, описанных предельно тщательно Смотрицким (с. 247-374). В собственно аспектуальной (видовой) парадигматике основа «начинáтел-

[115] Некоторая связь может быть также между наречиями итеративности «frequenter» и «saepius» Диомеда (с. 344) и «чáсто» у Смотрицкого. О перифрастической (лексической) экспликации типа «начинаю теплъ быти» и «часто бегъ творю» у Смотрицкого см. Мечковская (1984: 129).

[116] Ср. Живов (1992: 249). В свое время И. А. Калинин (1940: 165) констатировал, что сперва глаголы Смотрицкого делятся формально «по образованию основы», а затем производные классифицируются по значению (эту мысль высказал уже Грунский 1910: 107).

ных» не имеет никакой роли. Образование формы времени от «начина́телныхъ» отмечает только один раз (без примера) (с. 240).

Фрагменты «видъ соверше́нный: ꙗ́ко, чтꙋ̀» и «видъ оучаща́телный: ꙗ́ко, чита́ю» соответствуют полностью известным выражениям «forma perfecta, ut lego» и «forma frequentativa ut lectito» Доната. Такое же тождество существует между примерами *бѣгꙋ̀*, *бѣгаю* - *curro*, *cursito* и **лѣчꙋ̀*, *лѣта́ю* - *volo*, *volito*. Аналогичным образом «видъ начина́телный» (с. 236), перекликаясь с «forma inchoativa» Доната, переводит точно «species inchoativa» Диомеда (с. 343) и Присциана (с. 427). Ср. также прозрачные акционсартные соответствия: *теплѣю* - *fervesco*, *calesco* и т. п. Ср. также «verbum inchoativum» в римской традиции (см. приложение)[117].

Из римской традиции Смотрицкий переносит на славянкую почву также начало действия («ве́щь начина́ема») как признак инхоативных глаголов. Так, у Смотрицкого мы находим впервые начало действия (вместо становления признака) как «неправильный» содержательный признак «начинательного вида». Это истолкование восходит к экспликациям «Inchoativa verborum species est quae *rem inchoatam*...significat et *vim incipiendi* in effectu habet» у Диомеда (с. 343) и «species inchoativa...quae *initium actus* vel passionis significat» у Присциана (с. 427). Вообще между указанными описаниями у Смотрицкого и Диомеда существует поразительное сходство.

«Оучаща́телный ви́дъ» и «оучаща́телный глаго́лъ» Смотрицкого кладут начало длительному и мощному шествию итеративной семантики в восточнославянской грамматической традиции. Вместе с тем собственно итеративными образованиями *чи́товалъ* (с. 253, 254, 256) и *чи́нивалъ* (с. 292, 294) «простой мовы» освещаются некоторые формы церковнославянского языка[118]. Ср. сильно маркированные итеративные сочетания «ча́сто чи́товалъ», «ча́сто чи́нивалъ» в пояснениях церковнославянских форм подчинительного и сослагательного наклонений (с. 256, 292).

Внесение в церковнославянскую грамматику античной модели деривации глагол -> глагол переносит на славянскую почву способ, который порождает формально и семантически маркированные аспектуальные разряды глаголов. В силу этого при анализе «видов» и их акционсартных значений у Смотрицкого следует помнить, что итеративное значение «учащательного вида» и инхоативное значение «начинательного вида» переносятся в славянскую грамматику вместе с переносом туда модели античной грамматики[119]. При этом любопытно, что акционсартная деривация Смотрицкого аналогична образованию деминутивов («оумали́телнаго ви́да») типа *сло́во* -> *словице́* (с. 58), где также часть речи не меняется при образова-

[117] По мнению Мечковской (1984: 64), производные «виды» Смотрицкого восходят к Донату.

[118] Согласно Кузнецову (1958: 30), образования на *ова* свойственны украинскому языку XVII в., когда глаголы на *ыва* выходили из употребления. О формах «простой мовы» *чи́товалъ* и *чи́нивалъ* у Смотрицкого см. также Мечковская (1984: 130).

[119] По мнению Живова (1992: 249, 264), «Категория способа глагольного действия впервые вводится в грамматическое описание Мелетием Смотрицким. Ср. Живов (1986: 111). О «прообразах будущих способов действия» у Смотрицкого см. Мечковская (1984: 92).

нии нового слова.

Фактически глагольных «видов» три: исходный «первообразный» («совершенный») и два «производных»: «начинателный» и «учащателный». Стоит еще отметить, что и Смотрицкий не производит от одного первообразного двух разных «видов», так как от «совершенного» *чту* невозможно суффиксальное образование «начинательного», и наоборот, от «совершенного» *теплю̀* не производится «учащательный» глагол посредством суффикса, хотя это теоретически возможно[120].

Подводя краткий итог сказанному, мы отметим следующие взаимовлияющие этапы становления «вида» и «начертанія» Смотрицкого (см. также приложение):
а) «εἶδος» -> «видь» (ОЧС 1400) -> «видъ» (ОЧС 1500, «Адельфотис» 1591, Зизаний 1596) -> «ви́дъ» (Смотрицкий (1619)
б) «εἶδος» -> «forma» (Донат) -> «о́бразъ» (Толмач 1522)
в) «εἶδος» -> «forma» (Донат) -> «species» (Диомед, Присциан) -> «ви́дъ» (Смотрицкий 1619)
а) «σχῆμα» -> «начрьтаніе» (ОЧС 1400) -> «начерта́ніе» (ОЧС 1500, «Адельфотис» 1591, Зизаний 1596, Смотрицкий 1619)
б) «σχῆμα» -> «figura» (Донат) -> «о́бразъ» (Толмач 1522) -> «начерта́нїе» (Смотрицкий 1619)

Атрибуты «вида» и «начертанія» имеют следующие фазы развития:
А. **Суффиксальная** деривация:
а) «πρωτότυπον», б) «παράγωγον» (Дион. Фрак.) ->
а) «primigenium» (Варрон), «principalis», «primitivum» (Присциан), б) «derivativum» (Присциан) ->
а) «прьвообразное», «первообразное», «первообразный», б) «прѣводное», «производное», «производный» (Смотрицкий).
Б. **Префиксальная** деривация:
а) «ἁπλοῦν», б) «σύνθετον», в) «παρασύνθετον» (Дион. Фрак.) ->
а) «simplex», б) «compositum», в) «decompositum» (Присциан) ->
а) «проста», «простое», б) «сложьна», «сложное», «сложенное», в) «прѣсложьна», «пресложное», «пресложенное» (Смотрицкий).

В целом акционсартные «виды» Смотрицкого вполне последовательно вписываются также в греческую традицию суффиксального глагольного словообразования, получившего постепенное развитие на славянской почве начиная с трактата ОЧС. Приемы деривации Смотрицкого распространяются далеко за пределы XVII века, вплоть до Греча и Востокова (см. ниже).

Анонимное московское издание 1648 г. грамматики Смотрицкого, которое долгое время считалось грамматикой Максима Грека, не содержит существенных измене-

[120] Согласно Калинину (1940: 165), «начинательные» производятся от каузативов и фактитивов» и «различие между производными глаголами начинательными и соответствующими простыми (т. е. *белить → белѣть*. - Р.Р.) не относится к различиям по виду». Однако, по Калинину, различие между производными «учащательными» и соответствующими простыми является «видовым» (т. е. *бѣгу → бѣгаю*). В связи с этим следует помнить, что во времена Калинина концепция способа действия не была достаточно разработана. Отметим при этом, что Калинин употребляет слово «простой» неправильно вместо «первообразного» (там же).

ний по части интересующих нас явлений[121]. Текст, процитированный Калининым (1940: 165), показывает, что в московском издании в «учащательные» глаголы добавлены два новых примера: *алкаю* и *полагаю*, производных от новых же «совершенных» *алчу* и *положу*. Последний из них представляет особый интерес потому, что в нем анонимный редактор сознательно или неосознанно создает настоящую видовую пару «совершенный» *положить* - «учащательный» *полагать*, какой нет в первом издании грамматики. Напротив, в паре *алчу* - *алкаю*, получившей широкое распространение в русской традиции (см. ниже), первоначальная идея аспектуальной деривации фактически утрачена.

3. Состав времен Смотрицкого входит прочно в ту славянскую традицию, которую составляют «Донатус», «Адельфотис» и грамматика Зизания. Вместе с тем многие факты свидетельствуют о влиянии латинской традиции на времена Смотрицкого. Согласно определению автора, время - это свойство глагола, которое выражает активное или пассивное действие в настоящем, прошедшем или будущем. Небезразлично то, что в первом определении «вре́мени» выделяются только три главных времени: «Врема́ е́стъ слу́чай[122], иже илѝ настоѧщее, илѝ Преше́дшее, илѝ гра́ду́щее дѣйство либо страда́нїе ꙗвлѧетъ» (с. 239). Выражением «гра́ду́щее дѣйство либо страда́нїе» указывается на естественное время, в отличие от грамматического времени, которое обозначается термином «бу́дущее». Такая же дифференциация наблюдается в употреблении слов «пре́шлое» и «прешедшее» в названиях претеритальных темпусов.

Установив три основных временных плана, Смотрицкий, не указывая особо расчленения «прешедшего», вводит состав шести времен «глагола»: «Временà гла суть ше́сть. Настоѧщее соверше́нныхъ и оучащателныхъ. Преходѧщее, Преше́дшее, Мимоше́дшее, Непредѣлное и Бу́дущее» (с. 239)[123].

Согласно установившейся традиции, в центре темпорально-аспектуальной системы стоит «вре́ма настоѧщее», которое в оригинальной концепции автора разбивается надвое в зависимости от «вида» глагола, от которого оно образуется: «соверше́нныхъ» (*чту́*) или «оучащателныхъ» (*чита́ю*) (с. 239, 247, 248).

В отличие от предшественников, Смотрицкий определяет содержание каждого отдельного времени. При этом небезразлична группировка времен по парам: 1. «настоѧщее» - 2. «преходѧщее», 3. «преше́дшее» - 4. «мимоше́дшее», 5. «непредѣлное» - 6. «бу́дущее» (ср. дискуссию выше). Эти времена характеризуются следующими содержательными дефинициями, в которых аспектуальный экспонент присоединяется к главному темпоральному элементу: 1. «настоѧщее дѣйство илѝ страда́нїе, 2. «несоверше́нно пре́шлое дѣйство илѝ страда́нїе», 3. «соверше́нно пре́шлое дѣйство илѝ страда́нїе», 4. «дре́вле соверше́нно преше́дшее дѣйство илѝ страда́нїе», 5. «в ма́лѣ соверше́нно пре́шлое дѣйство илѝ страда́нїе», 6. «гра-

[121] См. Кузнецов (1958: 34-35) и Горбач (1964: 1, 22). В нашем приложении терминология Смотрицкого (1648) дается по работам Калинина (1940) и Шафранова (1852: 3-5).

[122] «Слу́чай» отражает здесь «accidens» или «παρεπόμενον».

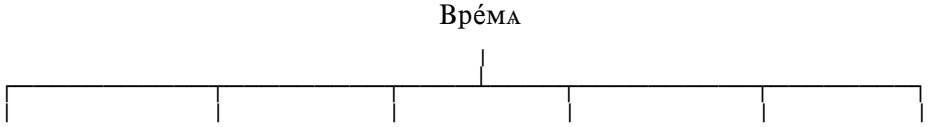
[123] Григорян (1955: 8) приписывает Смотрицкому термин «прошедшее», которого нет в славянской традиции до Афанасьева (1725).

дýщее дѣйство илѝ страда́нїе» (с. 239-240) (см. примеры в схемах).

Из глагольных примеров *бити*, *бїю* соединяет Смотрицкого с греческой традицией «Адельфотиса» (вариант А), в то время как *честѝ*, *чтý* (с. 247), *чита́ти*, *чита́ю* (с. 248), *творю̀* (с. 288), *творѧю* (с. 289) связаны с примерами *lego*, *lectito*, *facio*, *factito* в римской традиции Доната, Диомеда и Присциана (вариант Б).

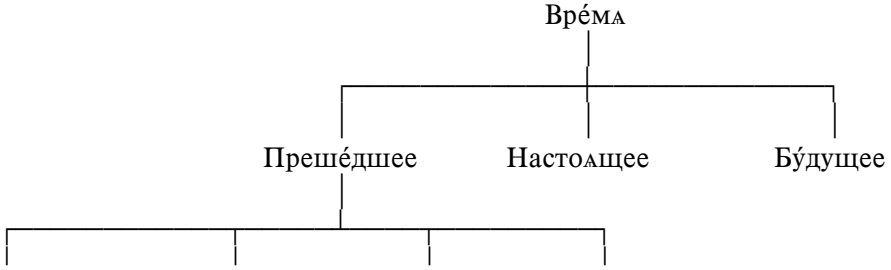
Схема № 7. Система времен Смотрицкого (1619)

Вариант А. По своей структуре наш первый вариант, в котором все времена расположены на одной линии (оси) времени, напоминает модель «Адельфотиса», с которой данная система должна иметь естественное отношение преемственности (см. выше)[124]. О консервативности описания свидетельствует употребляемый в качестве примера глагол *бїю̀*.



Вре́мѧ:
1. Настоѧщее - *бїю̀*, *бїю́сѧ*, *бїéнъ бывáю*
2. Преходѧщее - *би́хъ*, *би́хсѧ*, *бїéнъ éсмь* и *бы́хъ*
3. Прешéдшее - *бїѧхъсѧ*, *бїѧнъ éсмь* и *бы́хъ*
4. Мимошéдшее - *бїѧахъ*, *бїѧахъсѧ*, *бїѧнъ бывáхъ*
5. Непредѣлное - *поби́хъсѧ*, *побїéнъ бы́хъ*
6. Бýдущее - *побїю̀*, *побїю́сѧ*, *побїéнъ бýду*

Вариант Б. Данный вариант, сконструированный по описанию содержания отдельных времен и по примерам в спряжениях (с. 247 и сл.) с разбиением «прешедшего» на четыре, как у Дионисия Фракийского и в ОЧС, натрое у Доната, Присциана и Диомеда, обнаруживает существенный инновативный характер по сравнению с «Адельфотисом» и Зизанием. Сам Смотрицкий нигде прямо не говорит о делении прешедшего, но текст описания отдельных времен позволяет такое предположить[125].



[124] См. Смотрицкий (1619: 239). Так, не соответствует действительности заявление Тоболовой (1968: 280), что времена Смотрицкого просто заимствованы из грамматики Ласкариса.

[125] См. Смотрицкий (1619: 239-240). См. также парадигмы (с. 247-250, 288-289).

Врéмѧ:
1. **Настоѧщее**:
а. Настоѧщее совершéнныхъ (вúда совершéнна) - *чтỳ*; *творю̀*
б. Настоѧщее оучащателныхъ (вúда оучащáтелна) - *читáю*; *творѧю*
2. **Прешéдшее**:
а. Преходѧщее - *чтóхъ*, *чéлъ*; *творúхъ*, *творúлъ*
б. Прешéдшее - *читáхъ*, *читáлъ*; *творѧхъ*
в. Мимошéдшее - *читаáхъ*, *читаáлъ*; *творѧáхъ*
г. Непредѣлное - *прочтóхъ*, *прочéлъ*; *сотворúхъ*, *сотворúлъ*
3. **Бýдущее** - *прочтỳ*; *сотворю̀*

Расчленение «прешедшего» вытекает из определений отдельных времен, в которых устойчиво повторяется метаязыковое сочетание «прéшлое дѣйство» (три раза) и его вариант «прешéдшее дѣйство» (один раз) (с. 239-240)[126]. К этим темпоральным экспонентам примыкают специфические аспектуальные и темпорально-таксисные показатели.

Подобно своему латинскому прообразу («praeteritum» или «perfectum»), «прешéдшее» имеет первичную (общую) функцию обозначения претерита среди трех основных времен и вторичную специфическую задачу обозначения перфекта («praeteritum perfectum») в кругу четырех прошедших времен.

На наш взгляд, содержательное пояснение «совершéнно прéшлое» времени «прешéдшего» и его позиция в системе указывают на перфектное значение, а термин «непредѣлное» - на аорист, с которым согласуется и содержательный признак «в мáлѣ совершéнно прéшлое дѣйство»[127].

Терминология и данная автором содержательная характеристика позволяют установить коротко внутреннюю структуру шести времен: «Настоящее» и «преходящее» объединяются исключительно имперфективной семантикой. «Несовершéнно прéшлое дѣйство» соответствует весьма хорошо определению содержания (латинского) имперфекта, согласно которому прошедшее действие (пока) не полностью прошло, а находилось в процессе протекания. Фактически «преходящее» является единственным исключительно имперфективным прошедшим временем, т. е. противопоставляется всем остальным прошедшим по признаку «несовершенно». С другой стороны, «преходящее» противопоставляется специфическому перфектному значению «прешедшего» по тому признаку, является ли действие «совершéнно» или «несовершéнно» прошедшим. «Мимошéдшее» отличается от «прешéдшего» темпоральным (плюсквамперфектным) признаком отдаленности («дрéвле») от момента речи. Отличительным семантическим элементом «непредѣлного» является «в мáлѣ» ('недавно, только что'), которым данное время отличается от «прешéдшего» и «мимошéдшего». Среди прошедших времен «непредѣлное» оказывается исключительно перфективным и противопоставляется по этому признаку всем остальным прошедшим, прежде всего «преходящему». По определению, «бýдущее» характе-

[126] Экспликативного атрибута «прошлое», приписываемого временам Смотрицкого в работе Бидерманна (1978: 122), метаязык Смотрицкого не знает.

[127] Ср. иное истолкование, сопоставляющее «прешéдшее» с греческим «ἀόριστος», а «непредѣлное» - с «παρακείμενος», лат. «perfectum» (Нимчук 1979: 59).

ризуется только своим темпоральным значением «грядýщее», но на деле оно сопрягается по перфективному значению с «непредѣлным»[128].

В системе времен Смотрицкого, подвергавшейся обвинениям в неясности[129], выделяется тот неоспоримый факт, что времена «непредѣлное» и «будущее», судя по примерам как в списке времен (с. 239-240), так и в глагольных парадигмах, показываются автором грамматики регулярно и без исключения как перфективные категории[130]. Эти два времена включают сильно и однозначно маркированный содержательный признак совершенного вида. Формально они обозначаются присоединением приставки (исключения поясняются автором отдельно). Из этого вытекает, что в видовом отношении они противопоставляются, каждое в своем временном плане, всем остальным, неперфективным, временам. Итак, «непредѣлное» и «бýдущее» представляют собой единственные аспектуально однозначные категории совершенного вида в грамматике Смотрицкого (ср. сходное явление в «Донатусе», в «Адельфотисе» и у Зизания). Это обстоятельство, однако, не получает одинаково ясного отражения в терминологии, у Смотрицкого нет обобщающего категориального термина для перфективности.

Таким образом, помимо весьма ясной парной группировки, системное построение шести времен определяется, с одной стороны, принципом перехода, от **темпорально** немаркированного настоящего к маркированному прошедшему (включающему все четыре прошедших) и к наиболее сильно маркированному будущему. С другой стороны, в данной системе наблюдается переход от **аспектуально** (по виду) немаркированных «настоящего» и «преходящего» к аспектуально «слабо» маркированным «прешедшему» и «мимошедшему», и наконец, к наиболее последовательно и однозначно перфективно маркированным «непредѣлному» и «будущему». Имперфективного аналитического будущего Смотрицкий не приводит.

Если бы мы и не могли согласиться с тем, что автор сознательно руководствовался столь сложными принципами, мы не можем оспаривать ни исходной позиции настоящего в плане темпоральности, ни линии: имперфективное «настоящее/преходящее» -> перфективное «непредѣлное/будущее» в плане описания собственно вида.

Наиболее наглядно мы видим терминологическую преемственность шести «временъ» в сопоставлении их названий (соблюдается порядок экспозиции оригинала)[131]:

«Адельфотис»	Зизаний	Смотрицкий
1. Настоѧщее	Настоѧщее	Настоѧщее
2. Мимошéдшее	Мимошéдшее	Преходѧщее
3. Протѧжéн'ное	Протѧжéн"ное	Прешéдшее
4. Пресъвершéн'ное	Пресовершéн"ное	Мимошéдшее

[128] Ср. несколько иные истолкования Горбача (1964: 22-24).

[129] Ср. несправедливое замечание Булича (1904: 178) о сбивчивости времен у Смотрицкого и Зизания.

[130] См. Нимчук (1979: 58).

[131] Ср. Кукушкина и Ремнева (1984: 100). Ср. сюда же мнение Мечковской (1984: 90) о сложности реконструкции инвариантной системы времен в указанных памятниках.

5.	Непредѣлное	Боу́доущее	Непредѣлное
6.	Бу́дущее	Непредѣлное	Бу́дущее
7.	По ма́лѣ быва́ющее, По ма́лѣ бу́дущее		

Особенно ярко влияние средневековой греческой традиции сказывается в безатрибутной терминологии времен в этих трех грамматиках. По сравнению с предыдущими системами, у Смотрицкого наблюдается ряд существенных изменений. Из времен Зизания и «Адельфотиса» у Смотрицкого сохраняются «настоящее», «непредѣлное», «мимошедшее» и «будущее», причем добавляются новые «преходящее» и «прешедшее». При этом «мимошедшее» приобретает новую задачу выражения плюсквамперфектного значения, которое у Зизания обозначается термином «пресовершéн"ное». «Преходящее» становится на место «мимошедшего» Зизания в обозначении 'имперфекта', и «прешедшее» сменяет его «протажéн"ное».

Таким образом, развитие темпорального термина «*мимошедшее*» имеет три этапа и три отдельных значения: 1. 'прошедшее' (ОЧС), 2. 'имперфектное' («Адельфотис» и Зизаний), 3. 'плюсквамперфектное' (Смотрицкий). Его дальнейшее развитие можно проследить у Копиевича (1706), Поликарпова (1725), Афанасьева (1725) и др. (см. приложение). Новое «мимошéдшее» Смотрицкого, или скорее старый термин в новой функции, переносит весьма радикально содержательную основу термина от аспектуальной к темпоральной (ср. *мимо* + *шед-* и лат. *praeter* + *itum*).

«Прешéдшее» является инновацией Смотрицкого, так как у него термин выступает в новой функции в пределах целостной системы. Как уже было отмечено, в славянской традиции данный термин до Смотрицкого выступает только один раз в качестве варианта «минýвшего», которым Толмач скалькировал латинское «praeteritum». Термина «минýвшее» у Смотрицкого совсем нет. «Прешедшее» Смотрицкого должно было оказаться важным посредником и прецедентом в возникновении русского термина «прошедшее».

Нетрудно видеть, что по образованию обе инновации «преходѧщее» и «прешедшее» (о котором речь шла уже выше, см. Толмач) соответствуют точно латинским словам *praeteriens* и *praeteritum*. Весьма остроумно «преходѧщее» калькирует семантически латинское «imperfectum» и сответствует по месту в системе греческому «παρατατικός»[132]. Однако по внешнему образованию термин «врéмѧ преходѧщее» соответствует точно гипотетическому латинскому *«tempus praeteriens», отражающее представление о протекающем в прошедшем не совершенном действии. Ср. «praeteritum imperfectum tempus...in quo res aliqua coepit geri necdum tamen est perfecta» у Присциана (с. 406). Форма причастия настоящего времени глагола *прѣходити* 'переходить, проходить' (ср. лат. *praeterire*) содержит явную имперфективную импликацию и противопоставляется причастному же образованию «прешéдшее» от перфективной основы глагола *прѣити* (см. выше). Поскольку речь идет о претеритальном темпусе, мы ожидали бы термин *«преходившее». По всей вероятности, именно «прешедшее» дало толчок созданию «преходящего», ибо последнее не соответствует по структуре ни латинскому образованию «imperfectum», ни греческому «παρατατικός».

[132] Ср. неточное определение: «Преходящее (время) - прошедшее время глагола» в СРЯ 11-17 вв. (19: 81).

Экспликация недавнего времени «в ма́лѣ» времени «непредѣлного» (с. 240) противопоставляется признаку «дре́вле» времени «мимошедшего». По-видимому, данный признак, равно как и противопоставление «дре́вле» - «в ма́лѣ» в целом, восходит к оппозиции «multo ante» - «paulo ante» («modo») в описании греческого аориста у Присциана (с. 445). Ср. также «πάλαι» - «ἄρτι» у греческих грамматистов и «iam pridem» Диомеда (с. 336)[133].

В двух «схимати́смахъ» составления глаголов «соверше́нныхъ и «оучащателныхъ» (**А**) и глаголов «сло́женныхъ» (**Б**) (с. 241), в которых фактически отражается образование глагольных основ, выделяются три линии[134]: **А**) а) *бїю̀* -> *би́хъ* -> *поби́хъ*, б) *бїю̀* -> *бїаю* -> *бїахъ* -> *бїаа́хъ*, в) *бїю̀* -> *побїю̀*. **Б**) а) *бїю̀* -> *би́хъ* -> *разби́хъ*, б) *бїю̀* -> *бїаю* -> *разбїаю*, *разбїахъ*, *разбїаа́хъ*, в) *бїю̀* -> *разбїю̀*.

В этих «схиматисмах» исходную позицию занимает бесприставочная непроизводная форма первого дица настоящего времени «ви́да соверше́нна» (*бїю̀*). Показательно, что в обеих схемах крайние формы на левой стороне (*поби́хъ*, *разби́хъ*) (наша линия а) являются перфективными «непредѣлными» и соответствующие формы на правой стороне (*побїю̀*, *разбїю̀*) (линия в) - перфективными будущими. Все образования средней линии (б) - имперфективы.

Структурная серия *бїю̀* -> *бїаю* -> *разбїаю* показывает, что настоящее время *разбїаю* «сло́женного» глагола образуется присоединением приставки к настоящему времени *бїаю* «ви́да оучаща́телна», произведенного суффиксальным способом (*аю*) от исходного глагола «ви́да соверше́нна» *бїю̀*. Серии же *бїю̀* -> *побїю̀* и *бїю̀* -> *разбїю̀* составляют модель, канонизирующую префиксальный способ образования перфективного будущего в восточнославянской традиции. То же самое относится к перфективному прошедшему в серии (а).

В описании образования времен сочетаются принципы «вида» и «начертания». «Непредѣлное» и «будущее», как правило, образуются при помощи приставки, причем соединение приставки при образовании этих времен вызывает одновременно «сложенный» глагол, т. е. основу «сложенного» глагола. Три глагольных основы и образуемые от них времена возникают из суффиксальной и префиксальной деривации, ср.: «Ѳе́мата оу́бо глаго́лъ о́ва суть Соверше́нныхъ [*чт-*], о́ва Произво́дныхъ [*чита-*], о́ва Сло́женныхъ» [*прочт-*] (с. 240). Наследие античной традиции проявляется в том, что основа *чт-* «совершенного глагола» служит «исто́чникомъ» всех образований (там же)[135]. В парадигмах решающую роль играют регулярно повторяющиеся «соверше́нный» и «оучаща́телный» (с учетом «сло́женных»). Глагольные парадигмы показывают, что в одно спряжение могут входить такие соотносительные по виду основы («ѳе́мата»), как, *чт-*, *чита-* и *прочт-*.

[133] В СРЯ 11-17 вв. (2: 229) «вмалѣ» толкуется: 'недолго, непродолжительно (о времени)' и «не вмалѣ» - 'долго'. См. «въ малѣ» 'μικρόν, вскоре, zakrátko' (Благова и др. 1994: 321). Ср. выше «по ма́лѣ» при определении близкого будущего в ОЧС и «Адельфотисе».

[134] Ср. Балицкий (1876: 18), который воспроизводит схемы Смотрицкого, но с опечатками.

[135] Образование шести времен от трех глагольных «тем» (основ) у Смотрицкого (1648) отметил уже Шафранов (1852: 3).

В качестве примера первого спряжения приводится глагол «ви́да соверше́нна» *чту̀*. Здесь от бесприставочной и бессуффиксальной основы *чт-* образуются формы «настоѧщего» (*чту̀*, *чте́ши*, *чте́тъ*, *чте́ва*, *чте́та*...*чте́мъ*, *чтете́*, *чту́тъ*) и «преходѧщего» (*что́хъ*, *че́лъ*, *чте́*, *что́хова*, *что́ста*, *что́хомъ*, *что́сте*, *что́ша*) (с. 247). Формы «преходѧщего» напоминают формы аориста, кроме формы третьего лица *че́лъ*, имеющей как бы форму перфекта (на *лъ*) без формы вспомогательного глагола *быти* (без связки). Формула описания «Ви́да соверше́нна вре́мѧ настоѧщее» (с. 247), «Ви́да оучаща́телна вре́мѧ прше́дшее» (с. 248) и т. п. подразумевает, что именно «видъ» глагола предопределяет характеристику отдельного времени.

Так как и «оучаща́телный ви́дъ» имеет настоящее, существуют два настоящего, которые предстают в оппозиции «ви́да соверше́нна» *чту̀* (с. 247), *творю̀* (с. 288) - «ви́да оучаща́телна» *чита́ю* (с. 248), *творѧю* (с. 289), т. е. здесь фактически существует противопоставление «учащателное» - «неучащателное». В этой дихотомии «ви́дъ оучаща́телный» занимает позицию формально и семантически маркированного члена.

Описание парадигм раскрывает весьма любопытную картину. От «ви́да соверше́нна», т. е. от основы *чт-*, образуются **четыре** времени: 1. «настоящее» *чту̀*, 2. «преходящее» *что́хъ*, 3. «непредѣлное» *прочто́хъ* и 4. «будущее» *прочту̀* (два последних образуются присоединением «предлога»). От «вида учаща́телна», т. е. от основы *чита-*, образуются **три** времени: 1. «настоящее» *читаю*, 2. «прешедшее» *чита́хъ* и 3. «мимошедшее» *читаахъ* (с. 247-251).

Времена «настоѧщее» и «преходѧщее», которое на деле оказывается *имперфективным претеритом* «ви́да соверше́нна», образуются регулярно от общей имперфективной основы: *чту̀*, *что́хъ*, *че́лъ* (с. 247), *творю̀*, *твори́хъ*, *твори́лъ* и т. д. (с. 288). Подобно «настоящему вида учащателна» (*чита́ю*), формы «прешедшего» (*читахъ*) и формы «мимошедшего» (*читаахъ*) образуются от бесприставочной имперфективной основы «ви́да учаща́телна» *чита́-*. При этом «мимошедшее» (*читаахъ*, *читаа́лъ*, *читаа́ше*...*читаа́хомъ*, *читаа́сте*, *читаа́ху* или *читаа́ша*) образуется посредством расширения формы «прешедшего» *чита́хъ* («другимъ а́зомъ раствóрше») (с. 249).

Парадигма «прешедшего» содержит формы, похожие на аорист, имперфект и перфект (по терминологии совр. исторической грамматики). Следовательно, в процессе *чита́-ю* -> *чита́-хъ* одна форма времени образуется от формы другого времени. Это предвосхищает повторяющийся впоследствии неоднократно «ошибочный» способ деривации, который объясняется исходной позицией формы *первого лица настоящего времени*, от которой выводятся (почти) все другие формы.

Время от времени Смотрицкий приводит искусственные образования, которые ни в «классическом» старославянском, ни в церковнославянском не существовали. В частности, форма «мимошедшего» *читаа́ху* (с. 249) - это «почти правильная» форма 3-го л. мн. ч. имперфекта (в современном понимании), а ее параллельная форма *читаа́ша* (вместо «правильной» формы аориста *читашѧ*) вряд ли когда-либо существовала[136].

[136] Об искусственных образованиях у Смотрицкого см.: Мечковская (1984: 91) и Живов (1992: 249). На имперфектное (а не плюсквамперфектное) значение форм типа *читаахъ* обратил внимание уже

Перфективное «непредѣлное» составляется от «преходящаго» посредством «наращения» («предлога»): *чтóхъ* -> *прочтóхъ* (с. 249), и перфективное «будущее» образуется «наращением» от основы или «от перваго лица» глагола «вида совершенна»: *чтꙋ̀* -> *прочтꙋ̀* (с. 344). В качестве «наращéнїй бꙋ́дущаго» отмечаются *оу*, *из*, или *с*, *во*, *со*, *на*, *о*, *по*, *при*, *за*, *вос*, *рас* (с. 286).

Формы времен «непредѣлное» и «бꙋ́дущее», которые образуются «предлóгомъ» от основы «глагола совершенна» (с. 240-241, 343-344), являются всегда и однозначно перфективными в обоих спряжениях. В описании они представлены только примерами перфективных форм. Из этой закономерности в грамматике Смотрицкого нет исключений, она соблюдается во всех залогах и наклонениях, всех неспрягаемых формах и даже в примерах «простой мовы» автора (с. 247-356)[137]. Так, в пределах подлинной видовой системы (в современном понимании), наблюдаемой в первую очередь на оснований примеров грамматики Смотрицкого, перфективные формы «непредѣлного» и «будущего» противопоставляются всем остальным формам системы. Эта регулярность, которая не высказывается достаточно ясно в содержательных экспликациях времен, но показывается наглядно в «схиматисмах» автора (с. 241), продолжает последовательную линию, начатую еще Толмачем (см. выше).

Последовательная сопряженность перфективности с «непредѣлным» и «будущим» доказывается и бесприставочными глаголами, перечисленными как исключения («изꙗтїя») обоих спряжений. Так, глагол *плюю́* имеет будущее *плю́ну*, *дꙑ́шу* - *дхнꙋ̀*, *дмꙋ̀* - *дꙋ́ну*, *стою̀* - *ста́ну*, *дерза́ю* - *дерзнꙋ̀* и т. д. (с. 286). Исключение, как видим, состоит в том, что перфективное будущее создается без «предлога». Ср. формы *дви́гну* -> *дви́гноухъ*, *река́ю* -> *рекꙋ̀*, образуемые также без «предлога» (с. 344). В том же абзаце говорится о бесприставочных глаголах первого спряжения, которые «заимствуют» «будущее» и «непредѣлное» у глагола второго спряжения: *лиша́ю* - *лишꙋ̀*, *лишихъ*, *купꙋ́ю* - *куплю̀*, *купи́хъ*, *проща́ю* - *прощю̀*, *прости́хъ*. Или же глагол второго спряжения берет указанные времена у глагола первого спряжения: *сѣ́жꙋ̀* - *сѧ́ду*, *сѣ́дохъ*, *лежꙋ̀* - *лѧ́гу*, *легóхъ*, *ричю̀* - *рыкнꙋ̀*, *рыкнꙋ́хъ* (там же). Здесь перед нами один из первых случаев приема «заимствования», применимого на разных этапах разных традиций для дополнения (якобы) дефектной парадигмы.

Особенно ярко аспектуальные (акционсартные и видовые) различия отдельных основ проявляются в формах инфинитива, из которых *честꙋ̀* является инфинитивом «времени настоящего и преходящего вида совершенна», *чита́ти* - инфинитивом «настоящего и прешедшего вида оучащателна». Форма *читаа́ти* является инфинитивом «мимошéдшего» и *прочестꙋ̀* - общим инфинитивом «бꙋ́дущего и непредѣлного» (с. 258-259). Как видно, инфинитив «настоящее» имеет два «партнера» в зависимости от «вида»: 1. «настоящее - преходящее» в «совершенном виде» (*чести*), 2. «настоящее - прешедшее» в «учащательном виде» (*читати*). Эти формы могут быть освещены реконструированными нами соответствиями: *честꙋ̀* - *legere*, *чита́ти* - *legitare*, *читаа́ти* - *legitavisse*, *прочестꙋ̀* - *perlegere*, *perlegisse*.

Добровский (1822: 388).

[137] О формах «простой мовы» у Смотрицкого см. Мечковская (1984: 130).

Как можно видеть, инфинитивы составляют четырехчленный ряд *честѝ* - *чита́ти* - *читаа́ти* - *прочестѝ*, в котором *прочестѝ* выделяется закономерно как совместный перфективный инфинитив «непредѣлного» и «будущего» (с. 259). Заметим, что данная форма является образованием со «сло́женной» основой *прочт-*, как и другие формы «непредѣлного» и «будущего». Этим подтверждается лишний раз регулярность видовой оппозиции, которую формы «непредѣлного» и «будущего» составляют всем остальным формам.

Очень последовательно та же картина очерчивается и в формах второго спряжения: «настоѧщее» *творѧю*, «прешéдшее» *творѧхъ*, «мимошéдшее» *творѧáхъ*, «будущее» (*сотворю̀*), «непредѣлное» (*сотвори́хъ*, *сотвори́лъ*, *сотворѝ*...*сотвори́ша*) (с.289) (см. вариант Б схемы). Ту же последовательность мы видим в других наклонениях (с. 290-292), в инфинитивах *твори́ти* - *творѧти* - *творѧáти* - *сотвори́ти* (с. 295), а также в страдательном зало́ге (с. 298 и сл.).

Что касается названия инфинитива, оно претерпевает коренное преобразование, когда Смотрицкий вводит свое «наклонéнїе неопредѣлéнное» (с. 238), в котором оба компонента являются инновациями. Этим Смотрицкий вносит в него ясность таким образом, что, заменяя «непредѣлный образъ» Зизания своим термином[138], он все же сохраняет атрибут «непредѣлное» при наименовании «время непредѣлное». Смотрицкий стремится различить терминологически модальное «наклоненїе неопредѣленное» и темпоральное «время непредѣлное». Несмотря на это, термины все же остаются паронимическими. Итак, подводя краткий итог сказанному, мы констатируем, что с грамматикой Зизания (1596: 52) завершается судьба инфинитивного атрибута «необавное», «необавный», а с грамматикой Смотрицкого все еще продолжается история «непредѣлного» как атрибута одного из прошедших времен. Вместе с тем своей инновацией Смотрицкий начинает весьма сложную и влиятельную историю термина «неопредѣлéнное», который мы увидим ниже и в чисто аспектуальной роли (см. приложение). Говоря, что инфинитив не выражает числа, лица и рода, но выражает якобы «время» (с. 239), Смотрицкий имеет в виду фактически аспектуальные различия (см. ниже такой же способ описания в последующих традициях).

Таким образом, в образовании отдельных временны́х форм Смотрицкий руководствуется весьма строгими принципами их взаимодействия с глагольными основами, возникающими по «виду» и «начертанию». «Первое» настоящее (*чту̀*, *творю̀*) и «преходящее» (*что́хъ*, *твори́хъ*) образуются всегда от основы «совершенного» вида (*чт-*, *твори-*), «второе» настоящее (*чита́ю*, *творѧю*), «прешедшее» и «мимошедшее» - регулярно от основы «учащательного» вида (*чита-*, *творѧ-*), а «будущее» и «непредѣлное» всегда и без исключения от перфективной основы, как правило, приставочной (*прочт-*, *сотвори-*), в исключительных случаях также от бесприставочной (*ста́ну*, *лишу̀*, *лиши́хъ*). Та же последовательность соблюдается в описании неспрягаемых глагольных категорий. Этот принцип пронизывает наклонения, в том числе инфинитивы, причастия, деепричастия, и все формы залогов.

Отвлекаясь от суждения правильности или искусственности церковнославянских форм в грамматике Смотрицкого, мы констатируем, что в его аспектуальной

[138] «Неопредѣле́нное [наклоне́нїе], и́же вре́мя изъѧвлѧа, числà лицà и ро́да неопредѣлѧетъ: я́ко, би́ти, стоѧти: и прочаа» (Смотрицкий 1619: 239).

системе, рассматриваемой в целости, несколько неожиданно обнаруживается видовое противопоставление, которое перфективные формы (перфективные основы) «непредѣлного» и «будущего» составляют к неперфективным формам (неперфективным основам) «настоящего», «преходящего», «прешедшего» и «мимошедшего». Вместе с тем в пределах целостной системы элементы указанного действительного видового противопоставления взаимодействуют с акционсартными элементами суффиксальной деривации, в которой формы (основы) «ви́да оучаща́телна» производятся от форм (основ) «вида совершéнна». Эта весьма сложная картина не может быть случайной, она вытекает из анализа последовательного текста и очень многочисленных примеров Смотрицкого[139].

2.5. Наследие Статориуса в восточнославянской грамматике Ужевича (1643)

1. После западнославянских трудов Статориуса и Нудожера рукописная грамматика Ужевича 1643 и 1645 гг. оказывается одним из самых ранних серьезных описаний, в котором латиноязычная терминология применена к темпорально-аспектуальным данным восточнославянских языков.

Мнения исследователей о языке-объекте труда, существующего в двух рукописях[140], расходятся. По данным грамматики, Ужевич, студент теологии «Сла́вной Академїи Парижскоѝ»[141], описал восточнославянский язык как с украинскими, так и с белорусскими чертами. Среди источников эпохи Смотрицкого опыт Ивана Ужевича выделяется еще тем, что в ней впервые в юго-западной традиции описывается не церковный, а один из светских и вместе с тем более или менее «книжных» языков XVII века[142].

Неудивительно, что рассматриваемая грамматика имеет пункты соприкосновения со Статориусом, так как до прибытия в Париж Ужевич, по-видимому, учился в Краковском университете[143], где мог ознакомиться с печатной книгой Статориуса. С точки зрения преемственности немаловажным фактом является общий язык обоих грамматических трудов. Тем не менее, для оценки западной, юго-западной и отчасти также восточной славянской традиции большое значение имеет то, что

[139] Сокращенный вариант (Смотрицкий 1638) и два московских издания (Смотрицкий 1648) и (Смотрицкий 1721) не изменяют общей картины, составленной нами на основании первого издания (1619).

[140] Парижская рукопись, датированная автором 1643 г., находится в Национальной библиотеке в Париже, рукопись 1645 г. - в библиотеке города Аррас в северной Франции.

[141] Титульный лист грамматики.

[142] Мечковская (1984: 46). Согласно Мечковской, вопрос о языке-объекте едва ли разрешим окончательно, но основным предметом и точкой отсчета Ужевича при его сопоставлениях с другими языками был язык, на котором говорят «ruteni» (там же). Интересно замечание Добровского (1822: LXII): «video auctorem fuisse Polonum, aut Russum e Polonia, qui polonica slavicis miscuit».

[143] См. Мечковская (1984: 45).

грамматики Статориуса, Нудожера, Ужевича и Росы написаны на латинском языке, позволяющем сравнительно надежное наблюдение наследуемых фактов[144]. Естественно, Ужевич не мог пройти мимо славного Смотрицкого, которым и может быть вдохновлена краткая трактовка спряжения «святого языка» - «Coniugatio Linguae Sacrae» (Ужевич 1645: 51а)[145]. К сожалению, труд Ужевича остался ненапечатанным.

Весьма большой раздел о глаголе (с. 23а-47б) занимает около одной трети грамматики (с. 1а-71а). Из деривационной терминологии представлены «verbum primitivum» (с. 31б), «verbum simplex» (с. 47б), «verbum compositum» (с. 33б), «compositio verborum» (с. 45б). Не встречается только «verbum derivativum». Слово «forma» не выступает в таком (донатовом) употреблении, в каком оно есть еще у Статориуса.

2. Темпоральная система языка-объекта Ужевича состоит из настоящего («tempus praesens») *паную* «dominor», одного прошедшего, объединяющего латинские «praeteritum imperfectum, perfectum, plusquamperfectum» *пановалемъ*, и из двух будущих: первичного описательного («futurum») *буду пановати* «ero dominari», *буду писати*, и нерегулярного композитивного *напишу* (с.25а, 28а).

Соответственно в аррасской рукописи указывается, что отдельные времена каждого слявянского глагола («Omne Verbum Sclavonicum») в прошедшем различаются в основном только по форме лица. Так, «Praeteritum Imperfectum», «Perfectum» и «Plusquam Perfectum» выражаются формами *кова́лемъ*, *кова́лесь*, *кова́лъ*, которые все означают «cudi» (Ужевич 1645: 42а-43а).

От церковнославянского языка описание претерита радикально отличается тем, что для трех претеритальных форм латинского в описываемом Ужевичем языке существует, как правило, только одна форма прошедшего. Исключения составляют лишь такие различающиеся по виду формы, как *умарлемъ* и *умиралемъ* (с. 31б), *позволилемъ* и *позволялемъ* (с. 32а), к которым, однако, не применяются латинские составные термины, а просто «Praeteritum».

В плане будущего первым и первичным для Ужевича является аналитическое будущее, которое состоит из будущего вспомогательного глагола («verbum substantivum») и инфинитива «другого глагола» (формы двойственного числа автор приводит регулярно):

> «Futurum Indicativi per omnia genera idem, quod ex Futuro Verbi Substantivi Sum et Infinitivo alterius verbi coalescit S: буду пановати ero dominari, будешъ пановати, буде(т) пановати D: будева пановати, будета пановати, P: будемъ пановати, будете пановати, будуть панова́ти» (с. 25б).

Следуя, очевидно, грамматике Статориуса (1568: 136), Ужевич описывает способ образования как аналитического, так и синтетического будущего. При этом, передавая содержание образования *буду писати* аналитическим же сочетанием «ero scribere» (вместо «scribam»), автор нарушает правила латыни (с. 28а).

[144] Сопоставительные примеры греческого причастия глагола *τύπτω* (с. 29а) могут свидетельствовать также о грамматике Ласкариса в распоряжении Ужевича.

[145] Ср. Горбач (1974: VIII).

Так, по Ужевичу, будущее индикатива возникает из будущего вспомогательного глагола и инфинитива другого глагола. Для выражения будущего употребляется также форма *напишу*, которая составлена из препозитива *на* и из *пишу*, но эта композитивная форма («compositio») известна больше обыденному употреблению, чем науке («usu magis quam arte innotescit») (там же). В перечне глаголов это будущее добавляется, если такое у глагола вообще существует. Итак, синтетическое же будущее, которому из-за его нерегулярности (непредсказуемости) образования уделяется много внимания, занимает несколько вторичный статус в описании темпоральной парадигмы, но все же осознается необходимым видовым элементом в плане будущего.

Также в аррасской рукописи Ужевич (1645: 43б-44а) ясно и сознательно приводит как аналитическое, так и синтетическое будущее, из которых последнее содержит уже первый намек («simpliciter») на зарождающееся «простое» будущее, характеризующееся как специфическое («peculiare»), ср.:

> «Indicativi Futurum per omnia genera uniforme componiturque ex Futuro verbi Sum et infinitivo alterius verbi. ѣа будоу кова́ти cudam. Alii aliter hoc idem Futurum efferunt componendo Praeteritum alicuius verbi cum Futuro Verbi Substantivi sic Singula: буду кова́лъ» (1645: 43б). «Praeter hanc ...normam, unum quoque verbum habet peculiare Futurum simpliciter sonans, ut скую cudam ску́ешъ скуеть Et reliqua ad instar Indicativi Praesentis inflectendo» (1645: 44а).

На преемственность Ужевича со Статориусом указывает терминологическое тождество сложного и простого будущего, проявляющееся при описании второго спряжения в аррасской рукописи: «Futurum Indicativi *sive compositum sive simplex* uniforme est...буду варити Coquam» (1645: 48а). Здесь примером сложного будущего («Futurum compositum»), служит *буду вари́ти*, тогда как для простого будущего («futurum simplex») не приводится ожидаемая форма **сварю*, которая соответствовала бы форме *скую* в первом спряжении (с. 44а). Однако, несмотря на одинаковые термины Ужевича и Статориуса, в их употреблении наблюдается существенное расхождение, заключающееся в том, что под «Futurum compositum» Статориус понимает синтетическое будущее приставочного глагола (ср. выше).

Особого внимания заслуживает факт, что впервые среди наших источников в аррасской рукописи грамматики Ужевича встречается латинское сочетание «futurum simplex», которым бесспорно указывается на перфективное синтетическое будущее приставочного глагола: «[verbum] **хочу** volo...Futurum praeter communem formandi modum habet simplex **зхочу**. [verba] «**плету**...**мету**...habent etiam Futura simplicia, ut **уплету**, **умету**» (1645: 68б).

В свете данных грамматики Ужевича в сопряжении с ее предшественниками можно утверждать, что вполне сознательное, в некотором смысле даже акцентированное описание аналитического имперфективного будущего как необходимого элемента славянского видового противопоставления в плане будущего утверждается в национальных грамматиках живых западных и «юго-западных» славянских языков Статориуса, Нудожера и Ужевича. (ср. зарождение аналитического будущего на основе данных церковнославянского языка в «Адельфотисе» и у Зизания, которые, однако, не отражали живого узуса языка).

К сожалению, автор нигде не пытается определить словесно аспектуальные особенности и различия двух будущих, но семантическое различие между ними проявляется в многочисленных примерах отдельных глагольных типов, описанных в разделе «Congeries verborum» по внешнему виду их конечной части (финали): *аю*, *ꙗю*, *ую*, *юю*, *ию*, *ыю*, *ѣю*, *ою*, *бу*, *ку*, *лю*, *ну*, *шу*, *гу*, *ду*, *ру* и т. д. (с. 30б-44а). При этом особое внимание уделяется наличию синтетического будущего отдельных глаголов. Такими являются: *умру*, *дамъ* (с. 31б), *позволю* (с. 32а), *вылию*, *пролию* (с. 33б), *змолодѣю*, *насѣю* (с. 34а), *згóю*, *укрою*, *згною*, *оскубу* (с. 34б), *зпеку*, *зсеку*, *засмолю* (с. 35а), *постéлю* (с. 35б), *змелю* (с. 36а), *выкрешу* (с. 36б), *поѣду*, *пойду*, *положу* (с. 37б), *зважу*, *посажу* (с. 38а), *усмажу* (с. 38б), *зарѣжу* (с. 39а), *згрызу*, *повезу*, *полѣзу* (с. 39б), *збору*, *побору* (с. 40б), *запру*, *понесу* (с. 41а), *позлочу*, *заплачу*, *засвечу*, *зхочу* (с. 42а), *уплету*, *умету*, *окрещу*, *помощу* (с. 43а)[146].

Осмысление видового противопоставления подтверждается еще тем, что при отдельных глаголах особо отмечаются такие формы, которые, по мнению автора, уклоняются от общих правил образования. Так, например, обстоит дело с глаголом *даю*, который, согласно автору, часто, против общих правил («praeter communes regulas») принимает будущее *дамъ* «dabo», *даси* или *дашъ* «dabis»...*дадуть* «dabunt» (с. 31б). Так, своей нерасчлененной формой претерита на *л* и привлечением аналитического будущего Ужевич опережает многих грамматистов, в том числе Лудольфа.

Помимо настоящего времени, от типового глагола дается форма второго лица настоящего времени, форма прошедшего и будущего, императива, инфинитива, деепричастия и причастия, например: *спеваю* «canto», *спеваешъ*, *спевалемъ*, *спевати*, *спеванꙗ* и т. д. (с. 31а). Будущее приводится только в том случае, если оно оказывается аномалией («Anomalum»), т. е. представлено синтетической формой (там же). Во всяком случае здесь перед нами первая элементарная классификация глаголов восточнославянского языка, которая не является спряжением, а осуществляется способом перечисления всех видов конечной части (финали) слова[147]. При этом обнаруживаются и некоторые аспектуальные характеристики, обусловленные спецификой отдельного глагольного типа (ср. ниже классы Добровского).

3. В первой же группе глаголов на *аю* описывается явное видовое противопоставление «verbum perfectum - verbum inchoativum», которое, однако, не повторяется при других типах глаголов, может быть, просто потому, что они имеют иную конечную часть, ср.:

> «Item умира́ю: praeter: умарлемъ, si sit verbum perfectum sin autem Inchoativum dic умиралемъ, moriebar: Gerund: умира́нꙗ Futurum habet умру, cuius secunda in ешъ, At verbum крою Futurum dat укрою ...укроишъ» (с. 31б).

То, что под инхоативом *умиралемъ* действительно понимается имперфектив, пока-

[146] Ряд примеров с неясным написанием здесь опущен.

[147] Ср. аналогичные типы у Статориуса (1568: 128 и сл.).

зывает также перевод «moriebar». Указанное противопоставление перфектных и инхоативных глаголов подтверждается описанием глаголов на *аю*. Так, согласно автору, глаголы второй группы являются перфектными, если они оканчиваются в прошедшем («Praeteritum») на *илемъ* (*позволилемъ*), в инфинитиве («Infinitivum») на *ити* (*позволити*) и имеют будущее («Futurum») типа *позволю*, *позволишъ*. Инхоативами они являются, когда имеют формы типа *позволаю*, *позволаешъ*, прошедшее на *алемъ* (*позволалемъ*) и инфинитив на *ати* (*позволати*) (с. 32а).

К сожалению, этот в основном «правильный» способ трактовки видовой формы не развивается дальше и не иллюстрируется другими примерами, хотя Ужевич должен был осознавать аналогичное положение во множестве других глаголов. В аррасской рукописи данное противопоставление, к сожалению, совсем утрачено[148].

Как бы то ни было, в свете данного случая между Статориусом, Ужевичем и Росой складывается интересная линия содержательного развития составного термина «verbum perfectum»: его осмысление у Ужевича, занимая промежуточное положение, находится функционально ближе к Росе, чем к своему предшественнику тем, что оно не употребляется уже для обозначения непроизводного глагола.

Преемственность со Статориусом сказывается в том, что вдруг у Ужевича появляется «verbum frequentativum» (с. 32а, 33б) как очевидный вариант термина «verbum inchoativum». Остается неясным, различает ли Ужевич эти термины так, что под «verbum frequentativum» понимается бесприставочный глагол типа *ливаю* и под «verbum inchoativum» производный приставочный имперфектив типа *выливаю*.

В сложении глаголов с приставками (*про*, *пре*, *при*, *по*, *на*, *надъ*, *объ*, *одъ*, *о*, *до*, *роз*, *в*, *з*, *за*, *зе*, *у*, *вы*) на первом месте находится лексическое значение, которое префикс вносит в глагол. Освещая префиксацию латинскими примерами *iacio -> adjicio*, *rejicio*, *subjicio*, *injicio*, *projicio*, *objicio*, Ужевич приводит соответствующие славянские образования от глагола *даю*: *додаю* или *придаю* «addo», *надъдаю* и т. д. (с. 45б). Аналогичным образом глагол *падаю* «cado» соединяется со многими препозитивами, например, *нападаю*, *припадаю*, *допадаю*, *упадаю* (с. 46а).

Особо следует отметить акционсартную экспликацию «ad finem» и выражение совершения или достижения чего-либо («perfectionem assecutionemve»), обозначаемых глагольным префиксом *до*, а также интерпретации при помощи глаголов *perficio*, *perduco* в таких примерах, как *доставаю* «assequor», *допиваю* «ad finem bibo», *дорабля́ю* «perficio seu opus ad finem perduco» (с. 46б).

Примечательно, однако, что данные значения приписываются глаголу в целом, а

[148] Ср. «Porro умира́ю habet praeteritum умарлемъ Infinitivum умерти Gerundium умирана Futurum умру 2da Fu: умрешъ» (Ужевич 1645: 58а). Шагом назад является также пояснение, по которому *позволялемъ*, по сравнению с «Praeteritum perfectum» *позволилемъ*, кажется (скорее) имперфектом или плюсквамперфектом («magis praeteritum imperfectum vel plusquamperfectum videtur») (1645: 58б). Следовательно, автор здесь перешел от чисто аспектуальной терминологии к темпорально-аспектуальной.

не отдельной его форме. Ср. одинаковое истолкование Статориуса (1568: 110). Примеры показывают, что речь идет не о перфективации в современном смысле, а о лексическом значении, с которым сопряжен фазовый способ действия. Этим, однако, не исключается его употребление и в перфективной ситуации.

Далее у препозитива *о*, *объ* наблюдается значение тотальности действия: «quando circulariter seu *totaliter* res aliqua agere, pative significat»: *опадаютъ цвѣтки*...*опалилось дерево* «ambustum est lignum» 'полено догорело'. Сатуративность («abundantia») выражается препозитивом *на*: *насѣяти* «multum seminare», *наедатися* «satis comedere», *наскакатися* «satis saltare», *начиталсе* «satis legit» (с. 46б). Приставка *подъ* означает часто инхоативность («Inchoationem») в смысле начала состояния: *подпилъ* «parum inebriatus est» (с. 47а). Ср. тот же пример с тем же значением у Статориуса (1568: 107). Отражая некоторую незаконченность или имея иного адресата, аррасская рукопись не содержит описания приставочных глаголов и значений отдельных приставок.

Принимаясь также за описание спряжения церковнославянского языка («Sacra lingua Sclavonica»), Ужевич приводит систематически два нумерованных будущих, которые образуются в таком же порядке и таким же образом, как и в «народном» языке («lingua populari»): «Futurum Primum» *буду глаголáти* (1645: 52а), «Futurum Secundum cum praepositione compositum» *возглаголю̀* (с. 52б). Вместе с тем для прошедшего дается только одно общее время. В целом спряжение церковнославянского языка Ужевича содержит следующие времена: «Indicativi Praesens» *áзъ глаголю́* «dico» (с. 51а), «Praeteritum imperfectum Perfectum et plusquam perfectum» *áзъ глаголáхъ*...*глаголаша* или *глаголáху* (с. 51б), «Futurum Primum» *буду глаголáти* (с. 52а), «Futurum Secundum» *возглаголю́* «dicam» (с. 52б). Значения церковнославянских форм аориста, образованных от имперфективных основ, систематически передаются латинскими перфектами: *писахъ* «scripsi», *читахъ* «legi», *глаголáхъ* «dixi» (1643: 44а).

Забегая вперед, мы приводим здесь судьбу обозначения аналитического будущего, прослеженную нами от первых трактатов до граматики Ломоносова: *бити кю*, *бити имамь* (ОЧС 1400: 45), *би́ти хощю̀*, *би́ти и́мамъ* (ОЧС 1500: 52), *чести и́мамъ* (с. 558), *будетъ любити* (с. 569), *бу́дет[ъ] учити* («Донатус» 1522: 573), *będę pisał* (Статориус 1568: 108), *би́ти и́мам*, *бі́ти хощу* (с. 71), *мудръствова́ти и́мам*, *мудръствова́ти бу́ду* («Адельфотис» 1591: 84), *молви́ти и́мам илѝ боу́доу*, *би́ти и́мам илѝ боу́доу* (Зизаний 1596: 55), *psáti budu* (Нудожер 1603: 48б), *побїёнъ бу́ду* (Смотрицкий 1619: 240), *буду пановати* (с. 25б), *буду писати* (Ужевич 1643: 28а), *ꙗ буду кова́ти* (с. 43б), *бу́ду вари́ти* (48а), *буду глаголáти* (Ужевич 1645: 52а), *бу́ду јма́л*, *ве́л*, *водѝл* (Крижанич 1666: 77), *budu chytati* (Роса 1672: 137), *буду, стану здѣлатъ* (Лудольф 1696: 27), *я стану дѣлати*, *я буду любити* (Глюк 1704: 267, 281), *и́мать бы́ти* (с. 51), *бу́дешъ дѣлать* (Копиевич 1706: 65), *буду, стану писать* (Сойе 1724: 122), *буду иметь, любить* (с. 31, 37), *стану пребывать* (Афанасьев 1725: 34), *стану, буду, имѣю брать, вести* (Паус 1729: л. 119об), *буду, стану, имѣю писать* (Адодуров 1731: 39), *budu prosyti* (Долежал 1746: 76), *буду, стану, имѣю писать* (Грёнинг 1750: 130), *буду трясти, стану глотать, бросать, плескать* (Ломоносов 1755: 480).

2.6. Опыт глагольной аспектуальности Крижанича (1666)

1. Труд «Граматúчно изказанjе об рýском jезúку» хорвата по национальности Юрия Крижанича (ок. 1617-1683) написан в Тобольске для «славянской солидарности» на придуманном Крижаничем «общеславянском» языке, который автор назвал «руским», так как считал его «древнейшим из всех славянских языков и их общим корнем»[149]. По мнению ряда исследователей, труд Крижанича является грамматикой придуманного им языка, написанной на том же искусственном языке. На наш взгляд, его лучше было бы считать опытом сопоставительной теоретической грамматики славянских языков[150], в котором автор, исходя из своего родного языка, сопоставляет и применяет элементы нескольких славянских и неславянских языков. Рукопись датирована автором в 1666 году, но грамматика была издана впервые лишь в 1848 и 1859 гг. в Москве О. М. Бодянским[151].

Деривационные модели Крижанича представлены не очень удачно. В качестве примера префиксации («складéнjе) дается совершенно правильно *хóдим* -> *отхóдим*, а глагольная суффиксация («произведéнjе») иллюстрирована примером *хóдим* -> *хóдити* (с. 4)[152]. Вообще суффиксальная деривация злесь не применяется так последовательно, как префиксация (ср. ниже). Тем же примером *хóдим* иллюстрируется как простое слово «рич проста», так и первообразное (корневое) слово «рич коренúчна» (там же).

Термины обозначения суффиксальной и префиксальной деривации Смотрицкого как бы поменялись местами: «1. Простотá и Складéнjе, 2. Коренúка и Произведéнjе» (с. 3). Модели Смотрицкого, однако, применяются, в частности, к префиксальному видообразованию. Бесприставочный и приставочный глаголы называются «ричúна прóста» или «нескладена» (с.73, 74) и «ричúна складена» (с.77).

2. Темпоральная система Крижанича конституируется шестью временами. Крижанич исходит из трех основных времен, что видно лишь косвенно из определения глагола: *jмájу - jмáхи - jмáт хощù* (с. 2). В полной темпоральной системе формы прошедшего приобретают дополнительные определения с элементами как аспектуальности, так и темпоральности. Времена схематизированы нами следующим образом:

---

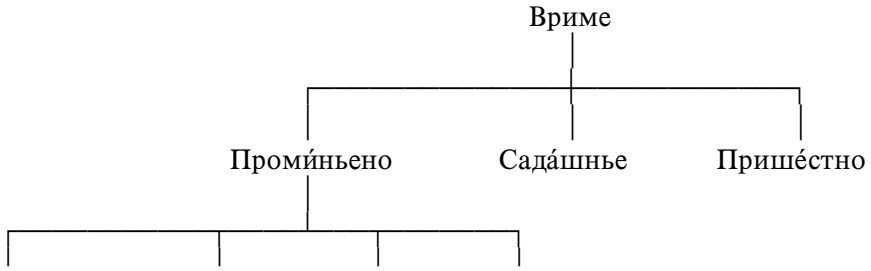
[149] О месте Ю. Крижанича в восточнославянской традиции см. Мечковская (1984: 47-50). В предшествующей литературе грамматика Крижанича отмечена в работах: Балицкий (1876: 4-12), Крыгин (1889: 409-414), Булич (1904: 179), Ягич (1910: 33).

[150] О модели «общеславянского литературного языка» Ю. Крижанича см. Запольская (1998: 267-289). Ср. определение языка-объекта Крижанича: «искусственный общеславянский (фактически русско-сербский) язык» (Маслов 1959: 168).

[151] См. Крыгин (1889: 409), Мечковская (1984: 47-48), Г. Фрайдхоф в предисловии к изданию «Крижанич» (1666: II).

[152] По типографическим причинам ударения текста Крижанича у нас не абсолютно точны.

Схема № 8. Система шести времен Крижанича (1666)[153]



Вриме:
Садáшнье - *јмам, ведѐм, вóдим*
Промúньено:
Крáтко - *јмàх, ведòх, водѝх*
Дóлго - *јмàхи, ведихи, воджахи*
Совершéно - *јмáл сем, вéл сем, водúл сем*
Пресовершéно - *бјахи јмáл, бјахи вéл, бјахи водѝл*
Пришéстно:
Пéрво - *јмáтщу, вéстищу, водúтщу*
Дрýго - *бýду јмáл, вéл, водѝл*

Противопоставляя краткость аористического «Промúньено Крáтко» долготе имперфектного «Промúньено Дóлго», Крижанич первым в славянской грамматике применяет количественный признак кратковременности - долговременности действия для различения аспектуальности двух прошедших времен.

В первой экспозиции все времена проиллюстрированы имперфективными примерами (с. 3). Однако, согласно Крижаничу, «пресовершеное» свойственно «однократным» глаголам и при неперфективных «обстойных» и «вножекратных» не выступает (с. 76). С другой стороны, от «однократных» имперфектное прошедшее «Промúньено Долго» не образуется, но на его месте, несколько неожиданно, употребляется плюсквамперфектное «Промúньено Пресовершéно», которое в системе Крижанича всегда перфективно по виду (там же). Данный способ субституции обусловлен, вероятно, свойственным обоим временам темпоральным признаком отдаленности от момента речи. Кстати, из указанного правила субституции следует, что глагольные классы Крижанича дефектны относительно прошедших времен.

Различаются перфективное синтетическое и имперфективное аналитическое будущее со вспомогательным глаголом *буду*, причем они называются, вероятно вслед за греческой грамматикой, «первым» и «вторым» (ср. «Адельфотис»). По Крижаничу, второе будущее, которое свойственно русским и «задунайцам», не употребляется с «однократными» глаголами, не говорят: *бýду дáл, бýдеш рéкел* и т. д. В русском же языке будущее «однократных» глаголов одинаково с настоящим и

[153] См. Крижанич (1666: 3), где примеры только «по хервáтску». В парадигмах спряжений (с. 74-82) часть примеров дается и «по рýску». В вводной статье Й. Хамма (J. Hamm) к изданию «Крижанич 1666/1984» (с. 14, 44) временам Крижанича даются сербохорватские соответствия: «prezent», «aorist», «imperfekt», «perfekt», «pluskvamperfekt», «futur».

выговаривается так: *Jà дàм*, *jà рекýj*, *jà ступльýj*, «J вь складенúх» *Jà возстáну*, *Ти прúдеш*, *Он учинúт* (с. 77).

В инфинитиве, называемом «неокончáниь нàчин» (с. 79, 82), аспектуальные различия, к сожалению, не выделяются. Например, инфинитивы в трех колонках (*спáти*, *спáт* - *спавáти*, *спавáт* - *поспáти*, *поспáт*) (с. 94) отражают явно аспектуальные (видовые) различия, которые автором не обозначаются, а видимо лишь подразумеваются. В колонке справа даются только приставочные перфективные формы.

3. В восточнославянской традиции Юрий Крижанич первым классифицирует не отдельные формы, а глаголы[154]. Для категории вида у Крижанича нет особого термина, а он использует составной термин «jеднокрáтна ричúна» о глаголах, выражающих однократную перфективность в противоположность в первую очередь многократной (итеративной) и хабитуальной имперфективности, а также общей нейтральной аспектуальности, обозначенным соответственно глаголами «вножекрáтна» и «обстojна ричúна».

В основном классификация глаголов Крижанича основывается на признаке кратности действия (однократности - неоднократности), которая реализуется в трехчленной системе: однократность - многократность - нейтральность относительно кратности. Однако содержание данных категорий обнаруживает, наряду с кратностью, и по крайней мере один собственно видовой признак - совершение действия. Очень вероятно, что порядок аспектуальных классов не случаен, а отражает весомость перфективности на первом месте описываемой системы. В отличие от многих других описаний, собственно аспектуальные характеристики в определении Крижанича не опираются на определенную точку или отрезок оси времени, а являются самостоятельными глагольными признаками. Их трехчленная система пронизывает систематически весь состав глагольного лексикона, составленного автором сопоставительной грамматики.

Начинательные глаголы определяются так: «Починáлнијe ричúни знаменýjут, терпúнје бúт пéчето (sic! вместо «пóчето»), и кь совершéнjу jдуще». Здесь имеются в виду инхоативные глаголы, для которых характерен постепенный переход начатого «страдательного» неактивного действия («терпúнје») к его совершению: *билújем* -> *обилéл*, *чернújем* -> *очернéл*, *медлújем* -> *омедлéл* (с. 73). Отметим здесь особо экспликативное слово «**совершенје**», отражающее мысль о достигаемой перфективности инхоативного действия. Ср. также отмеченные особо «починалные» глаголы на *ѣjу*: *медлѣjу*, *радѣjу*, *скудѣjу*, *гордѣjу*, *густѣjу*, *чернѣjу* (с. 97).

Как видно, у Крижанича инхоативное значение описано лучше, чем содержание «начинáтелных» у Смотрицкого. Ср. также вариантный термин «прочинáлнијe ричúни» и список, показывающий, что начинательные глаголы вкладываются в трехчленную видовую систему: *билújем* - *обилúвам* - *обилújем*, *богáтијем* - *обогатúвам* - *обогáтијем* и т. д. (с. 249). Там же особо напоминается об образовании «вножекратных» и «однократных» видов от перечисляемых начинатель-

[154] См. Маслов (1959: 168). На классификацию глаголов Крижанича обратили внимание уже Балицкий (1876: 9), Потебня (1941: 16), Грунский (1910: 19). У Крижанича нет форм *махнул*, *махивал*, *махал*, которые Григорян (1955: 8-9) повторяет вслед за Крыгиным (1889: 411).

ных. Итак, начинательные составляют совсем отдельную группу глаголов, выделяющихся формальным признаком конца на *ијем* и значением инхоативности.

Говоря, что почти («óб близу») все глаголы разделяются на «еднократные», «вножекратные» и «обстойные», Крижанич имеет в виду, что не все глаголы имеют всех аспектуальных разрядов, т. е. существуют и дефектные глаголы. Свою трехчленную глагольную систему Крижанич сформулировал так:

> «1. Всáка óб близу ричи́на раздильáјетсе на Једнокрáтну, Вножекрáтну, и Обстóјну[155]. Једнокрáтна ричи́на знаменýјет, дијáнје всé вь једен крáт би́т содијанó, и совершенó: кáкот, Сéдем, Лéжем, Стáнем, Засéдем, Полéжем, Возстáнем. 2. Вножекрáтна ричи́на знаменýјет, дијáнје внóже крат бивáт повтáрано, и бýдто оби́чно: кáкот, Си́дам, Ли́гам, Стáјем. Заси́дам, Поли́гам, Возстáјем. 3. Обстóјна ричи́на прóсто знаменýјет дијáнје: без обзóра на једен крáт, и́лити на внóже крáт: кáкот, Сиди́м, Лежи́м, Стоьи́м» (с. 73)[156].

Фактически «једнокрáтна ричи́на» характеризуется двумя признаками: однократностью и совершением действия («једен крáт би́т содијанó, и совершенó»). Два признака - многократность и хабитуальность - характеризуют и «вножекрáтна ричи́на». Третий же член соотношения, «обстојна ричи́на»[157], который просто называет глагольное действие («прóсто знаменýјет дијáнје») (с. 73), относится отрицательно к признакам двух маркированных членов. Следовательно, «обстојна ричи́на» является нейтральным (индифферентным) по отношению к признаку кратности.

По существу «обстојен» перекликается с термином «первообразный» (но не с «совершенным»), так как при именах он определяется так: «Обстојно јме јéст: кóје сàмо óб себи, без јного јмена вь беси́де стојат мóжет: кт, Бóг, Нéбо, Члови́к, Землѣ̀ (с. 46)». По примерам можно заключить, что Крижанич тут пользовался не Смотрицким (1619: 56), а скорее грамматикой Зизания (1596: 23), где в качестве примеров представлены слова «небо» и «земля».

Вероятно, термин «вножекрáтна ричи́на» возник как эквивалент целого сочетания «учащáтелный глагóлъ» Смотрицкого, причем атрибут «вножекрáтна» является одним из прецедентов гораздо более позднего «многократного» (см. ниже).

---

[155] Ср. неправильный перевод Потебни (1941: 16) или редакторов его книги: «почти всякий начинательный глагол...разделяется на однократный, многократный и неопределенный». Такой мысли у Крижанича, конечно, не могло быть, так как начинательные глаголы составляют самостоятельную акционсартную группу, видообразование которой Крижанич описывает весьма удачно (с. 73).

[156] Ср. транслит. текст в издании Хамма (Крижанич 1666/1984: 119) и интерпретацию Хамма в предисловии к данному изданию: («glagoli») «osnovne (*obstojne*), učestale (*vnožekratne*) i svršene (*jednokratne*)» (там же с. 20).

[157] Ср. перевод «самостоятельный» у Маслова (1959: 168), возникший видимо, вслед за Потебней, который истолковал «обстојна ричи́на» как «самостоятельный глагол», но предложил, однако, перевести его словом «неопределенный». «Неопределенный просто означает действие, без отношения к однократности или многократности... Название этих глаголов самостоятельными («обстојна ричи́на») оправдывается тем, что по общему правилу они первообразны, и от них производятся глаголы однократные и многократные» (Потебня 1941: 16-17).

Остроумный семантический принцип классификации сказывается и в примерах, в которых бесприставочные перфективы *се́дем*, *ле́жем*, *ста́нем* противопоставляются бесприставочным же имперфективам *си́дам*, *ли́гам*, *ста́јем* и приставочные перфективы *засе́дем*, *поле́жем*, *возста́нем* - аналогичным имперфективам *заси́дам*, *поли́гам*, *возста́јем* (с. 73), т. е. наличие или отсутствие префикса не влияет на первичное, собственно видовое деление глаголов. Выполняется тут и условие однородности лексического значения членов видовой пары. (Здесь мы отвлекаемся от рассуждений вопроса, представляют ли собой созданные для теоретической грамматики *се́дем* и *си́дам*, под которыми имеется в виду тип, представленный современными сербохорватскими *седнем* - *седам* и русскими *сяду* - *сажусь*, абсолютно правильные образования. Ср. также приставочную пару *засе́дем* - *заси́дам* Крижанича и сербохорв. *заседнем* - *заседам* 'засесть - засиживаться').

С формальной точки зрения приставочными могут быть как «однократные», так и «вножекратные» глаголы, а бесприставочными, за исключением перечисленных особо *зави́дим*, *ненави́дим*, *насто́ьим* и т. д. (с. 73), которых, впрочем, и современная грамматика не относит к приставочным образованиям, являются «обстойные» глаголы, составляющие основу аспектуальной системы и исходную базу для образования ее конституентов.

Наглядно аспектуальная система Крижанича раскрывается в свете описанных им процессов образования глаголов. Здесь в первую очередь примечательно, что по определенным правилам в префиксации возникают *глаголы другого вида, а не темпоральные формы*. Так, присоединение префикса к нейтральному «обстойному» глаголу порождает перфективный «однократный» глагол, который образуется также при помощи конечного элемента *нем* от бесприставочного «обстойного» глагола. Здесь впервые на восточнославянской (отчасти южнославянской) почве осуществляется процесс: **глагол** НСВ -> **глагол** СВ. Ср. аналогичные приемы уже у Статориуса. Весьма очевидно данный тип видообразования так или иначе связан с концепциями Смотрицкого. Ниже мы реферируем и прокомментируем пять основных принципов образования в изложении Крижанича:

1. Каждый «обстойный» глагол, к которому присоединяется приставка («предло́жок»), становится «однократным», например: *сиди́м* -> *посиди́м*, *бере́м* -> *јзбере́м*, *живем* -> *наживе́м*, *говори́м* -> *проговори́м*. (с. 73). Исключения составляют *зави́дим*, *ненави́дим*, *наслиду́јем*, *разуми́јем* и др., которые, несмотря на приставку, не становятся «однократными» (ср. выше).

2. Глаголы *во́дим*, *во́зим*, *го́ним*, *но́сим*, *хо́дим*, *ла́зим* и т. п. при префиксации приобретают двоякое значение («знаменова́нје»): «вножекра́тно» и «једнокра́тно». Так, например, *заво́дим* (с.73), образованный от «обстойного» *во́дим*, имеет, по современной терминологии, или исключительно перфективное значение (perfectivum tantum) *заводить* 'водя утомить' (простор.), или значение имперфективного члена видовой пары *заводить* - *завести*[158]. На деле речь идет о двух омоничных глаголах.

3. От многих «обстойных», например, от *верти́м*, *кричи́м*, *стоьи́м* создаются простые однократные на *нем* («прости́је једнокра́тније на **Нем**»): *вѐрнем*,

[158] Ср. неточное истолкование Потебни (1941: 17).

кри́кнем, *ста́нем*. Ряд же однократных глаголов на *нем* является корневыми («Кореничнн»): *ри́нем*, *де́нем*, *ки́нем*, а некоторые, наоборот, имеют «обстойное» значение: *ве́нем*, *га́снем*, *ги́нем* (т. е. инхоативы на *нем* однократными не являются) (с. 73).

4. Сложные глаголы, образованные от простых однократных, остаются однократными, и сложные, образованные от многократных, - многократными, например: *забу́дем*, *засе́дем*, *поста́нем*; *забива́м*, *заси́дам*, *поста́јем* (с. 73). Следовательно, в обоих случаях приставка не влияет на вид исходного глагола, не вызывает перфективации. Это значит, что и приставочные имперфективы, в данном случае самостоятельные глаголы НСВ, образуются префиксацией от нейтральных «обстойных» глаголов. При этом они не образуются от любого имперфектива, а именно от аспектуально нейтрального, в представлении Крижанича, «обстойного» глагола.

Тут важно подчеркнуть остроумный системный и вместе с тем семантический принцип, по которому приставка перфективирует только аспектуально нейтральный «обстойный» глагол. Если исходный глагол уже маркирован по виду, - является или «еднократным» или «вножекратным», - префикс уже не имеет влияния на вид, ср.: *бу́дем* -> *забу́дем*, *ста́нем* -> *поста́нем*, *се́дем* -> *засе́дем* 'сяду -> засяду'; *бива́м* -> *забива́м*, *си́дам* -> *заси́дам* 'сажусь -> засаживаюсь' (с. 73)[159].

5. Некоторые простые («нескладени») «вножекратные» глаголы употребляются как в «обстойном», так и в «вножекратном» значениях. Таковы, например: *пра̀шам*, *ку̀шам*, *жѐдам*, *дѝхам*, *стри́льам*, *ру́бам* и др. (с. 74).

Для образования «еднократных» и «вножекратных» глаголов от «обстойных» есть определенные правила, которые, однако, не даются, а приводится список (с. 189 и сл.) «обстойных» глаголов с соответствующими «множекратными» и «еднократными» (с. 74).

Приставочные «вножекратные» глаголы образуются путем изменения на *ујем* конца «обстойного» глагола первого спряжения и присоединением приставки к новому образованию: *вла̀дам* - *владу́јем* - *овладу́јем*, *ка́жем* - *казу́јем* - *указу́јем*, *пи́шем* - *пису́јем* - *попису́јем* и т. д. (с. 108). Как видно, речь идет о процессе, в котором от имперфектива (или нейтрального) образуется имперфектив. Процесс предваряет способ, в котором искусственное образование необходимо для образования приставочного имперфектива в порядке «слева направо».

При простых глаголах модель суффиксального образования бесприставочных «вножекратных» (глагол НСВ -> глагол НСВ) показана просто примерами без ожидаемого термина суффиксальной деривации (с. 108-109).

В обширном списке глаголов приводятся в трех колонках разряды глаголов в продуманном порядке аспектуальной значимости и образования[160]: «Обсто́јније» -

[159] Само собою разумеется, что модель Крижанича еще далека от «правильного» способа образования приставочных имперфективов, разработанного сравнительно недавно.

[160] «Разпи́с ричин Обсто́јних, и Вножекра́тних, и Једнокра́тних», называемая также «Рични́нниь

«Вножекра́тнијe» - «Једнокра́тнијe», например: *зовѐм* - *воззи́вам* - *воззовѐм* (с. 190), *молчи́м* - *умо́лкам* - *умо́лкнем*, *замолчи́м* (с. 209), *ме́рзнем* - *заме́рзам* - *заме́рзнем* (с. 216) и т. д. Общая картина не нарушается тем, что приставочная однородность везде не соблюдается, ср.: *да́вим* - *придавльам* - *уда́вим* (с. 221), *соли́м* - *пресáльам* - *осоли́м* (с. 230) и т. п. Вместе с тем приводятся и дефектные глагольные ряды, в которых, по замечанию самого автора, «обстойный» глагол отсутствует: *па́дам* - *па́днем* и др. (с. 217). Таким образом, здесь перед нами первый опыт аспектуального словаря одного из славянских языков, хотя и экспериментального.

Некоторые бесприставочные глаголы перемещения, которые не имеют своих «вножекратных», «заимствуют» их у других глаголов («јемльу́т от јних ричи́н»). Так, «обстойные» *ведѐм*, *јдем*, *везѐм*, *женѐм*, *несѐм* заимствуют «вножекратные» *ва́джам*, *ха́джам*, *ва́жам*, *га́ньам*, *на́шам* у «обстойных» же *во́дим*, *хо́дим*, *во́зим*, *го́ним* и *но́сим* (с. 219). Соответствующие же приставочные «однократные» *поведѐм*, *по́јдем*, *повезѐм* и др. образованы регулярно от исходных «обстойных» (там же). Это один из первых случаев «заимствования» отсутствующего парадигматического образования, которое необходимо для построения другого образования, в данном случае именно приставочного «вножекратного» имперфектива типа *прова́джам* (с. 222), *прохáджам* (с. 224), *проганьам* (с. 232), *пона́шам* (с. 240). Начинающееся здесь выделение глаголов движения с их семантической спецификой продолжается, как мы увидим потом, вплоть до конца рассматриваемого периода.

Крижанич не переносит трех аспектуальных характеристик глаголов в названия времен, а времена характеризуются самостоятельными темпоральными, отчасти также аспектуальными признаками (см. схему). В определении темпоральных значений отношение к моменту речи особо не указывается.

Таким образом, если у Смотрицкого «видъ» и «начертание» порождали процессы образования аспектуальных основ, роль которых открывается только анализом времен и спряжений, то Крижанич, прибегая в первую очередь к семантической, а не формальной, классификации глаголов и используя эффективно префиксацию в целях видообразования, создает трехчленную видовую систему глаголов (с. 73)[161]. В этой системе, анализируемой нами при помощи двух бинарных оппозиций, маркированные «однократные» и «вножекратные» вместе составляют противопоставление немаркированным «обстойным» глаголам. Далее, внутри двух первых «однократные» характеризуются двумя положительными признаками, - акционсартной однократностью (разовостью) и прежде всего видовым признаком совершения действия, ср. противопоставления:

1. однократные (+) : обстойные (--)
   вножекратные (+)
2. однократные (++) : вножекратные (-+)

Лексико́н» (с. 190-251), который Крижаничу пришлось составить из-за отсутствия словаря славянского языка (с. 189).

[161] Несправедливая критика Крыгина (1889: 409-414) показывает, что Крыгин не понял сущности семантической классификации глаголов Крижанича, того, что определение «однократного» включает и признак совершения действия, что «почина́лније» у Крижанича, также как и «начинателные» Смотрицкого, стоят вне основной системы видообразования.

Два «плюса» «однократных» вытекают из того факта, что они являются положительными в двух оппозициях, тогда как «обстойные» с двумя «минусами» оказываются отрицательными по отношению к двум положительным глагольным группам. Как видно, «вножекратные» могут быть противопоставлены «обстойным» по акционсартному признаку «многократность». Естественно, трехчленное отношение Крижанича может быть представлено и в линейном виде: «однократные» (++) - «вножекратные» (-+) - «обстойные» (--).

3. РАННЯЯ ЧЕШСКАЯ ТРАДИЦИЯ

3.0. Первая печатная грамматика чешского языка (1533)

В первой печатной грамматике чешского языка, увидевшей свет в Намеште в 1533 г.[162], систематического описания ни времен, ни глаголов еще нет. Для нас некоторый интерес представляет описание прошедших времен (другие времена не отмечены), терминологически не отличающихся от римской традиции Доната:

> «De praeterito imperfecto, perfecto et plusquamperfecto». «Poněwádž giná sau slowa temporis praeteriti imperfecti, a giná temporis perfecti, a giná plusquamperfecti: Tak že se dělij od sebe netoliko terminacione, ale y significacione. Neb giné gest řijcy přicházeli, a giné přissli, a giné byli přissli. Exemplum primi: Veniebant de cuncto populo ad audiendam sapientiam Solomonis: Přicházeli ze wsseho lidu, aby slysseli múdrost Ssalomúnowu. Exemplum secundi: Venerunt in sanctam ciuitatem, Přissli do swatého města. Exemplum tercij: Qui circa vndecimam horam venerant, acceperunt singuli denarium. Kteřijž při hodině gedenácté byli přissli, wzali geden každý po grossi» и т. д. (Оптат, Гзель и Филоматес 1533: 54a = 54b).

В грамматике действительно засвидетельствованы некоторые термины, связанные с нашей темой («verbum», «slowo», «primitivus», «derivativus», «significatio», «praeteritum imperfectum», «perfectum», «plusquamperfectum», «modus infinitivus») (см. приложение), но без категориальных определений и без содержательных экспликаций (в основном категории поясняются лишь примерами из библейского текста) они имеют лишь ограниченное значение для описания аспектуальности до выхода в свет грамматики Нудожера.

3.1. Видо-временные глагольные основы В. Б. Нудожера (1603)

1. Видный педагог своего времени, магистр («Mistr») Vavřinec Benedikt z Nudožer (1555-1615), родом из Словакии, издал первую нормативную грамматику чешского языка во время своей деятельности ректором школы в Немецком Броде (Německý Brod). В Карловом университете Нудожер преподавал с 1604 до своей кончины[163].

По мнению Станкевича (1984: 5), грамматика Нудожера составлена по системе латинской грамматики Петра Рамуса 1559 г.[164] Однако сам Нудожер ссылается и на других известных грамматистов - Варрона, Цицерона, Присциана, Меланхтона, Линацера. Вместе с тем ему были знакомы и другие славянские языки (ср.

---

[162] См. введение Г. Фрайдхофа к изданию: Оптат, Гзель и Филоматес 1533 (1974), особенно с. IX-XI. Краткий содержательный обзор чешских и словацких грамматик и учебников (с 1531 г.) содержит предисловие Добровского (1819: VI-XX).

[163] См. Шафарик (1826: 299, 385), Новак (1888) и Ягич (1910: 51).

[164] Petrus Ramus Veromanduus, Pierre de la Ramée, Grammaticae libri IV, Paris & Avignon 1559 (Голлинг 1903: 51).

«apud Moravos, Slavos, Polonos») (с. 36а). Некоторые факты указывают на связь с Статориусом.

Основной целью грамматики, состоящей из традиционных разделов этимологии, синтаксиса, орфографии и просодии, ставится искусство правильно говорить («ars bene loquendi») (с. 1). Необходимые суффиксальная и префиксальная деривации описываются как общие свойства слова. Первообразное и производное слово («vox primitiva aut derivativa») (*widjm* и *widěnj*) называются «species», фигуру («figura») составляют простое и композитивное слово («vox simplex aut composita») (*hodný* и *nehodný*) (с. 8, 8а). Кроме того, фигура и специес составляют общие свойства всех слов («omnium vocum affectiones») (с. 9), при помощи которых производятся все виды слов и избегается ненужная тавтология (с. 13а).

Общее определение глагола исходит из его частеречного изменения по лицам и временам: «Verbum est vox flexibilis, quae...flectitur secundum personas & tempora» (с. 47). Подобно другим словам, глагол имеет шесть акциденций («accidentia»), в том числе специес и фигуру (с. 50а).

Нудожер проводит различие между финитным, нефинитным и инфинитивным наклонением («modus») («finitus», «infinitus», «infinitivus»), причем отмечается противопоставление личного наклонения («modus finitus») неличному («modus infinitus») (с. 47). Неразличение категории лица и ряда других категорий придает инфинитивному наклонению («infinitivus modus») значение неопределенности. Из четырех наклонений инфинитив («Infinitivus perpetuus») образуется от претерита (*milowal -> milowati*) и противопоставляется другому инфинитному модусу: «Infinitivus participialis» (*čině*, *miluje* и т. п.) (с. 49). Ср. «perpetuus modus» (*legere*) у Диомеда (с. 340).

Настоящее и будущее входят в финитный модус, так как они различаются по личным формам конца слова. Время является категорией глагола, которая дифференцирует настоящее, будущее и прошедшее («Tempus est differentia verbi secundum praesens, futurum & praeteritum») (с. 48). Примечательно, что здесь порядок описания времен уступает приоритет настоящему и будущему благодаря аспектуальным функциям их основ.

По мнению автора, значения второго претерита (*psal sem byl*) и латинского плюсквамперфекта (*scripseram*) совпадают, а значение первого претерита (*psalsem*) охватывает значения латинского имперфекта (*sribebam*) и перфекта (*scripsi*) (с. 48).

Разумеется, Нудожер не мог не выделить фреквентативного глагола и его образования, столь характерного для чешского языка. Это единственная аспектуальная группа глаголов, отмеченная автором. Примечательно также, что Нудожер первым выделяет формант *wám* фреквентатива и указывает удлинение предшествующего гласного. Так, согласно автору, от претерита (*chowal*, *činil*, *bral*, *byl*) часто возникают («fiunt») фреквентативы («frequentativa») путем замены *l* на *wám* и удлинения предшестующего гласного (*chowáwám*, *činjwám*, *bráwám*, *býwám*) (с. 48). Как уже говорилось, в этом процессе новые глаголы возникают в пределах имперфективной аспектуальности. Ср. также *stáwám* как фреквентатив глагола *státi* (с. 60а). Однако фреквентативы не являются теми производными

основами настоящего (*dáwám* и т. п.), которых префиксы не превращают в перфективные в основы будущего (*přidáwám* и т. п.) (с. 48а). Если Нудожер осознал эту разницу, он является одним из первых, кто в зародыше понял идею суффиксальной имперфективации. Ср. также пояснение настоящего *nabjram* (с. 52а-53).

2. Учение о видо-временных основах Нудожера, согласно которому презентная основа обозначает имперфективную, а футуральная - перфективную основу, предвосхитил подобный подход у последующих представителей чешской традиции (см. ниже). Так как основа настоящего («thema praesens») и основа будущего («thema futurum») специализированы на выражении аспектуальных различий, слово «thema» имеет парадигматическое значение видовой основы. Две основы определяются так:

> «Thema est *praesens* aut *futurum*. Praesens thema fit, quando futurum indicativi suo fine definitum deest, ut činjm. Futurum thema fit, quando praesens, unde futurum regulariter formetur, deest, ut dám, lehnu, kleknu: nam dáwám, ljhám, klekám, horum themata a quibus regulariter formentur non sunt» (с. 48а).

Итак, основа настоящего (*činjm*) возникает («fit») тогда, когда глаголу недостает будущего индикатива (*učinjm*), определенного по отношению к пределу (или к концу) («suo fine definitum»)[165]. Основа же будущего возникает от того, что глаголу недостает настоящего, от которого будущее регулярно образуется, т. е. основа будущего бывает тогда, когда у глагола нет настоящего. Так, например, *dáwám*, *líhám*, *klekám* не являются основами, от которых формы *dám*, lehnu, *kleknu* образовывались бы регулярно, ведь регулярно основа будущего образуется препозитивом от непроизводной основы настоящего.

С аспектуальной основой связано важное правило, по которому перфективная основа будущего (*zachowám*) образуется лишь от непроизводной основы настоящего (*chowám*), в то время как присоединение приставки к производной основе («thema derivatum») (*dáwám*) вызывает имперфективную основу настоящего (*přidáwám*); по словам автора, в этом случае основа настоящего сохраняется («praesens thema manet») (с. 48а). Аналогичным образом сохраняется перфективная основа будущего, когда препозитив присоединяется к основе будущего: *dám -> přidám*, *dodám*, *udám*; *hodjm -> uhodjm*, *přehodjm*; *sednu -> přisednu*, *dosednu*, *usednu* (там же). Итак, существенным оказывается исключение, состоящее в том, что присоединение препозитива к производной основе настоящего времени (*dáwám*, *činjwám*, *býwám*, *bjhám*, *ljhám*, *klekám*) не вызывает основы будущего, а основа настоящего сохраняется.

Сюда же относится правило, по которому препозитивы, присоединяемые к первообразной основе настоящего («thema praesens primitivum») (*wedu*), порождают основу будущего (*zawedu*) (с. 71, 73). Иначе говоря, перфективная основа будущего вызывается присоединением префикса к первообразной основе настоящего

[165] Ср. Мазон (1931: 83). В основном система основ Нудожера описана в статьях А. Мазона (1913: 349) и (1931: 84), который отмечает и так называемые «préverbes vides» *v* (*u*), *po*, *pů*, двувидовые глаголы («l'ambiguité d'aspect de quelques *verbes*») и другие особенности грамматики. См. также Поллак (1960: 30-31), указывающий на комплементарный характер аспектуального противопоставления Нудожера.

(*wedu*). Наоборот, от производной презентной основы (*dáwám*) основы будущего присоединением префикса не создаются. Так, принципиальная значимость заключается в том, что основа настоящего является или первообразным («primitivum») или производным («derivatum»).

Композитивные (перфективные) основы («composita themata») представлены такими образованиями, как *zawolám*, *přiwolám*, *dowolám*, *zwolám*, *přidám*, *dodám*, *zachowám*, *přichowám*, *dochowám* (с. 57а). Так, перфективными основами будущего являются как бесприставочные (*dám*), так и основы, образованные префиксом от основы настоящего (*zawolám*) или от основы будущего (*přidám*).

Отсутствие противопоставления глаголов двух видов не следует считать недостатком аспектуальной системы Нудожера[166]. Он и не стремится к описанию двух разрядов аспектуально соотносительных глаголов, ибо ядро его идеи аспектуальности заключается именно в двух видовых основах («themata»).

В образовании как приставочных перфективов, так и приставочных имперфективов Нудожер придерживается старинного принципа «слева направо», сохраняющегося вплоть до XIX века. Суффиксальная деривация применяется только к образованию бесприставочной основы настоящего (*dám -> dáwám*). Суффиксальная имперфективация Нудожеру неизвестна. Пары типа *přidám - přidáwám* отмечаются (48а), но в них оба члена создаются путем префиксации (ср. выше Статориус).

Таким образом, основа настоящего является первичной («thema primarium»), к которой относятся имперфективные формы, а основа будущего - вторичной («thema secundarium»), от которой образуются перфективные формы глагола (с. 52а). Деление на две основы строго соблюдается в образцовых парадигмах спряжения: «Exemplum thematis praesentis» (с. 55а), «Exemplum thematis futuri» (с. 56а).

Очень вероятно, что в основу системы двух основ Нудожера легли «infecta tempora» и «perfecta tempora» Варрона, которые автор считает очень удобными («percommoda») для описания спряжения в латинской грамматике и весьма удобными также для чешской («et in Bohemica commoda esset») (с. 51, 52)[167].

Обсуждая вопрос, относятся ли формы *naberu* и *nabjrám* к спряжению одного и того же глагола, Нудожер констатирует, что форма *nabjrám*, имеющая одинаковое лексическое значение с *naberu*, имеет свои времена и другие свои формы («sua tempora in sua forma secum trahit») (с. 53).

Система видовых основ вызывает такую странность, что перфективные формы (*učinil*, *učiň*, *učiniti*, *klekl*, *klekni*, *kleknauti*) образуются от будущего («à futuro») (*učinjm*, *kleknu*) (с. 52а). Это мнимая непоследовательность обусловливается аспектуальной функцией слова «futurum». Ср. выше порядок

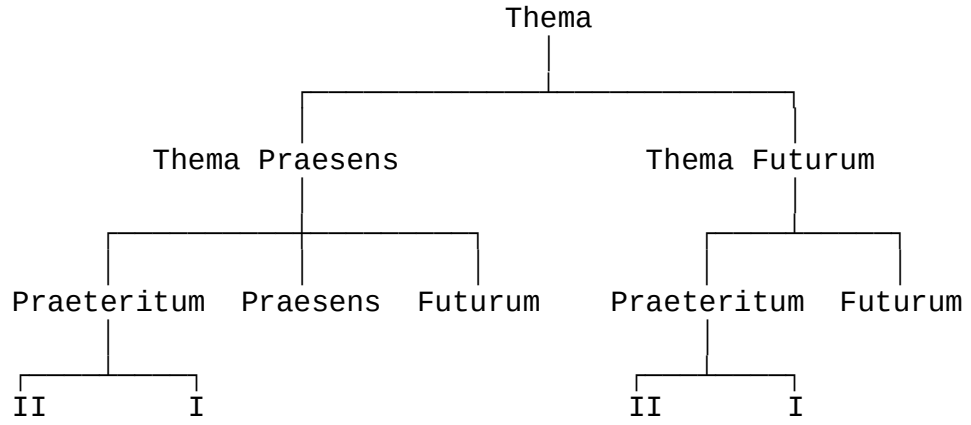
[166] Ср. Мазон (1913: 349) и Мазон (1931: 82-84).

[167] Ср. инфектный и перфектный разряды и соответствующие времена у Варрона (IX: 96, 99), (X: 48): «**Verbum Infectum**»: «praeteritum» (*discebam*), «praesens» (*disco*), «futurum» (*discam*), «**Verbum Perfectum**»: «praeteritum» (*didiceram*), «praesens» (*didici*), «futurum» (*didicero*).

«боудоущее» -> «непредѣлное» у Зизания.

3. Ядро аспектуально-темпоральной системы Нудожера (с. 55-70), описанной в спряжении, состоит из следующих единиц: А. формы основы настоящего: 1. «praesens» (*wolám*), 2. «praeteritum I» (*wolalsem*), 3. «praeteritum II» (*wolalsem byl*), 4. «futurum» (*budu wolati*). Б. формы основы будущего: 1. «futurum» (*dám*, *zawolám*), 2. «praeteritum I» (*dalsem*), 3. «praeteritum II» (*dalsem byl*).

Схема № 9. Система основ и времен Нудожера (1603)[168]



Thema Praesens:
Praesens - *wolám*, *činjm*
Praeteritum I. - *wolal-sem*, *činil-sem*
Praeteritum II. (Plusquamperf.) - *wolal sem byl*, *činil sem byl*
Futurum circumscriptum - *budu wolati*, *budu činiti*
Thema Futurum:
Futurum - *dám*, *učinjm*
Praeteritum I. - *dal sem*, *učinil sem*
Praeteritum II. (Plusquamperf.) - *dal sem byl*, *učinil sem byl*

Из главных времен («praesens», «futurum» и «praeteritum») прошедшее имеет две разновидности (I-II). Для выражения плюсквамперфектного прошедшего («praeteritum plusquamperfectum») к прошедшим временам добавляется вспомогательный глагол («Verbum Substantivum») *byl* (*psal sem byl* «scripseram») (с. 48б).

В плане будущего выделяются аналитическое будущее презентных основ и синтетическое будущее футуральных основ. Специфика описательного будущего («Futurum circumscriptum») (*psáti budu*) указывается тем, что оно образуется только от основы настоящего времени («tantum a themate praesenti»)(с. 48б). Отчасти описание аспектуальных (видовых) различий именно в будущем обусловливается сильной формальной маркированностью специфически славянского будущего с «budu». При этом порядок описания имперфективное настоящее - перфективное будущее с акцентированием роли будущего имеет далеко идущие следствия для аспектуально-темпоральной концепции в чешской традиции.

[168] См. Нудожер (1603: 48-59).

Система основ последовательно соблюдается в описании императивных, оптативных, инфинитивных и причастных форм: императив (*wolag*, *dag*), оптатив: «praeteritum I» (*wolalbych*, *dalbych*), «praeteritum II» (*wolalbych byl*, *dalbych byl*), инфинитив (*wolati*, *dáti*), причастие (*wolage*, *wolaw*, *dage*, *daw*) (с. 56-57а). Аналогическую систему составляет спряжение на гласный («conjugatio in vocalem»): *nesu*, *přinesu*, *ssigi*, *ussigi* (с. 61-67).

Перифрастические страдательные формы описываются только при имперфективном *chovati*: «praeteritum I» (*chowán gsem*), «praeteritum II» (*chowán gsem byl*), «futurum» (*chowán budu*), «imperativus futurum» (*chowán bud'*), «optativus praeteritum II» (*chowán bych byl*), «infinitivus» (*chowán býti* и *chowánu byti*) и т. д. Вместо глагола *gsem*, *býti* в качестве вспомогательного глагола может употребляться его фреквентатив *býwám*: [«praesens»] (*chowán býwám*), «praeteritum I» (*chowán sem býwal*), «infinitivus praesens» (*chowán býwati*) и т. д. (с. 67-69а).

Несмотря на то, что формальная классификация двух спряжений базируется на согласном или гласном первого лица настоящего времени (*wolá-m*, *nes-u*), типовые парадигмы с их пояснениями отражают последовательно характеристики как темпоральных, так и аспектуальных (видовых) систем.

Нудожер объединяет в один глагол две видовые основы глаголов, относящихся к двум разным спряжениям. Он перечисляет глагольные пары, члены которых спрягаются по-разному, но часто объединяются видовой соотносительностью. Например, *chytám* и *chytjm* принадлежат к разным спряжениям, причем основа первого является презентной («thema praesens»), основа же второго - футуральной («thema futurum») (с. 70а). Если глагол не может спрягаться в одном спряжении, он может дополняться композитивом (*činjm - učinjm*) или «заимствованием» отсутствующей формы из другого спряжения («vel aliunde repetes») (*zdwjhám - zdwihnu*, *kýwám - kynu*). Однако некоторые глаголы сохраняются в одном и том же спряжении (*dáwám - dám*, *obracým - obrátjm*) (с. 71). Так, здесь начинается в чешской традиции прием «заимствования» отсутствующих парадигматических, в том числе аспектуальных форм.

Некоторые глаголы с двойственной основой («ambigua in themate») указывают на *двувидовость*, что в концепции Нудожера означает, что одна и та же основа является и презентной, и футуральной, но может различаться в формах греческого и латинского языков: «Luc: 2: 10 Annuncio vobis. ἐυαγγελίζομαι. Zwěstugi wám. Hic Praesens est. Ioann. 16: 15. Et annunciabit vobis. ἐυαγγελέι. Zwěstuge wám: Hic futurum est» (с. 71)[169]. Это наблюдение Нудожера с тем же примером *zwěstugi*, к которому последующие грамматисты добавили ряд других биаспектуальных глаголов, проходит через всю чешскую традицию вплоть до Добровского. См. Долежал (1746: 77), Томса (1782: 276), Томса (1804: 21), Добровский (1809: 171).

Своеобразно различие имперфективного и перфективного действий выделяется в образовании четырех типов будущего: 1) описательное будущее («descriptione

[169] См. Мазон (1931: 84). Ср. совр. *zvěstovati* 'возвестить - возвещать, известить - извещать, провозгласить - провозглашать'.

Syntactica»): *pjssj -> psáti budu*, 2) будущее, образованное при помощи приставок («additis particulis»), а именно *u*, *po* и *pů*: *činjm -> učinjm*, *wleku -> powleku*, *gdu -> půgdu*, 3) будущее, образованное другими приставками, присоединенными к первообразной основе («primitivo themati»): *chowám -> přichowám*, *dochowám*, *zachowám*; *držjm -> přidržjm*, *zadržjm*, *zdržjm*, 4) будущее, возникающее путем изменения лишь какой-либо «буквы» в глаголе («mutata tantum aliqua verbi litera»): *kráčjm -> kročjm*, *obracým -> obrátjm*, *házým -> hodjm*; *sslapám -> sslapjm*, *padám -> padnu*, *sedjm -> sednu* (с. 71а-72). От форм второго разряда формы третьей группы отличаются тем, что имеют однозначное приставочное настоящее («praesentia composita») *přidržugi*, *zadržugi* и т. п. Кроме того, для выражения имперфектного действия («pro sua imperfecta actione») они образуют специфическое описательное будущее *přichowáwati budu*, *přidržowati budu* (с.72).

Итак, мы видим, что здесь описание будущего оказывается фактически исчерпывающим. Оно охватывает все основные случаи чешского будущего, и, кроме того, содержит отчетливое пояснение различия между имперфективным и перфективным действиями. По мнению автора, различие между формами основы настоящего, выражающими имперфектное действие («actio imperfecta»), и формами основы будущего, выражающими перфектное действие («actio perfecta»), иллюстрируется формами *činjm*, *činil sem*, *činiti budu*, *čiň*, *činil bych*, *činiti* и формами *učinjm*, *učinil*, *učiň*, *učinilbych*, *učiniti*, из которых последние означают бóльшую перфективность («perfectius sonant») (с. 72).

Несмотря на то, что Нудожер, по-видимому, дошел до выделения видовых основ самостоятельно на основе данных, заданных самым чешским языком, не исключено, что на его идеи оказывали влияние церковнославянские грамматики восточнославянской традиции (ср. выше). Однако, по всей вероятности, описание отношения *имперфективное настоящее - перфективное будущее* появилось самостоятельно в латино-славянской и в греко-славянской традициях.

Так, исходя из двух аспектуальных основ, Нудожер первым из славянских грамматистов описывает наглядно и конкретно бинарное видовое противопоставление, используя при этом однозначные содержательные экспликации (ср. выше дискуссию при Статориусе). Аспектуальное ядро системы Нудожера составляют морфологическое противопоставление «thema praesens - thema futurum» и его содержательный аналог «actio imperfecta - actio perfecta». Такие термины, как «verbum perfectum», по-видимому, сознательно избегаются автором. «Frequentativum» в последовательную систему двух основ не входит.

3.2. Двойная аспектуальная классификация глаголов Росы (1672)

1. В грамматике чешского языка, составленной пражским юристом и титулярным советником Иоанном Вацлавом Росой (1620-1689)[170], описание славянской аспектуальности впервые основывается на чисто семантической классификации глаголов.

[170] «Václav Jan Rosa, Appellationsrath in Prag» (Шафарик 1826: 356).

Солидная грамматика Росы, состоящая из традиционых разделов орфографии, этимологии, синтаксиса и просодии, выделяет восемь частей речи («dictionum differentiae, quae partes orationis appellantur»), разделяя их на склоняемые («declinabiles») и на несклоняемые («indeclinabiles») (с. 17).

Метаязыковые слова «res» и «opus» Росы имеют точные аналоги «вещь» и «дѣло» в восточнославянской грамматической традиции (см. ниже). Оба слова могут быть аналогами собственно «действия» («opus seu actum») (с. 198). При этом сопоставительное толкование примеров на латыни помогает осмыслению содержания отдельных категорий. В метаязыке Росы выделяется слово «significatio», которое в комбинации с атрибутами стало необходимым средством экспликации аспектуальных значений (см. приложение). Важным метаязыковым средством является также выступающий уже у Нудожера глагол «mutare», который может отражаться затем в «перемѣнять» Ломоносова.

Расхваливая преимущества чешского языка, Роса заявляет, что в сингулярном, фреквентативном, перфектном и имперфектном разновидностях чешского глагола есть такая прелесть и меткость («venustas & nervositas»), какими не обладает ни один другой известный ему язык (с. IX), что они обладают специфическим превосходством и удивительной меткостью («singularem virtutem & nervositatem admirabilem») для выражения человеческих действий («humanas actiones») (с. 197).

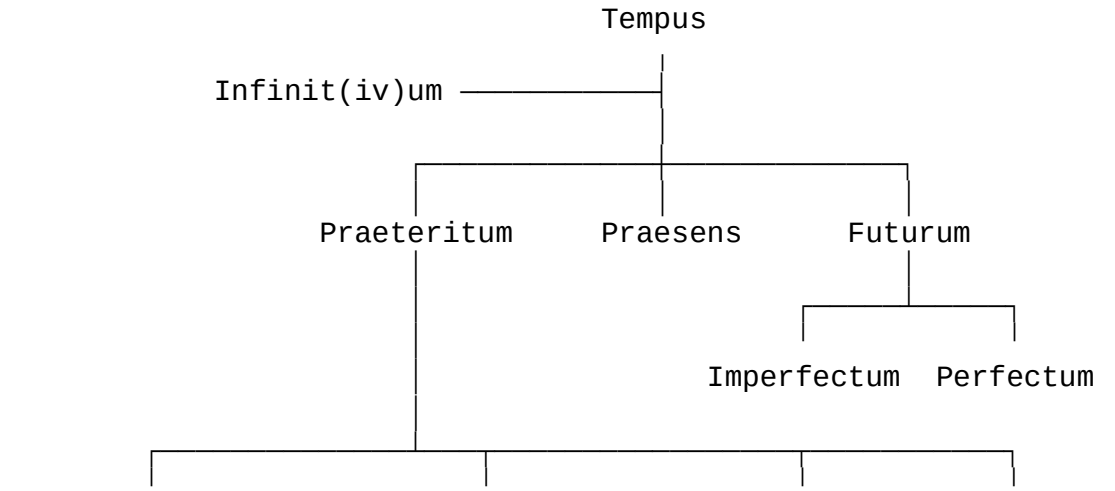
Согласно автору, глагол (*widěti*, *mluwiti*, *běžeti*, *ležeti* и т. д.) является словом, означающим действие («dictio, significans quandam actionem»). Пассивные глаголы, которых в чешском языке нет, выражаются лишь описательно («Passiva...tantùm circumscribimus») (с. 131). По количеству времен чешский язык ближе к греческому, чем латинскому языку. Однако в богемском языке значения глаголов перфектных, имперфектных, итеративных и фреквентативных («verba perfecta, imperfecta, iterativa, frequentativa»), отличаются от глаголов латинских, и поэтому их употребление и природу следует хорошо изучить, чтобы не путать их между собой (с. 59).

2. Чешский глагол («Slowo») имеет четыре времени («Cžas»): «Praesens», «Praeteritum», «Futurum» и «Infinitum». По описанию отношений между аспектуальными глагольными группами и временами, имперфектные, итеративные и фреквентативные глаголы имеют имперфектные времена («tempora Imperfecta») и глаголы перфектные - времена перфектные («tempora perfecta»). При этом перфектные глаголы, у которых нет сингулярного настоящего («singulare tempus praesens») (ведь каждое настоящее означает имперфектное действие), являются дефектными, и ни один глагол не имеет всех времен («nullum verbum haec omnia tempora habeat») (с. 138). Категориальное значение собственно видовых понятий и терминов «tempora imperfecta» и «tempora perfecta» подчеркивается тем, что в системе Росы, как правило, нет таких названий с акционсартными атрибутами, как *tempus singulare, *tempus iterativum.

Темпоральная система Росы учитывает последовательно аспектуальные (видовые) отношения чешского языка. В прошедшем времени противопоставляются по виду не только «Imperfectum» и «Perfectum», но и «Plusquam Imperfectum» и «Plusquamperfectum». В плане будущего видовое противопоставление выражается

атрибутами «imperfectum» и «perfectum»:

Схема № 10. Система времен Росы (1672)[171]



Tempus:
Praesens - *chytám*, *capio*
Praeteritum:
Imperfectum - *chytal*, *capiebat*
Perfectum - *chytil*, *caepit*
Plusquam Imperfectum - *chytal byl*, *caeperat*
Plusquamperfectum - *chytil byl*, *caeperat*
Futurum:
Imperfectum - *budu chytati*, *capiam*
Perfectum - *chytjm*, *capiam*
Infinitum или **Infinitivum** - *dělati*, *facere*

Следовательно, в темпорально-аспектуальной системе Росы, помимо настоящего, проницательно выделяются три пары форм, члены которых систематически противопоставляются по аспектуальным (видовым) признакам. Особенно наглядно это проявляется в двух формах плюсквамперфекта[172].

Настоящее время означает то, что происходит сейчас («actio nunc agi») (*chytám* «capio»). Из четырех прошедших времен имперфект означает не завершенное и не совершенное действие («actio non absoluta & non perfecta») или же продолжительность (длительность) действия («diuturnitas actionis») или буквально осуществляемую многими актами вещь («res per plures actus gesta») (*chytal* «capiebat»). Оба плюсквамперфекта маркируются по темпоральному признаку отдаленности («jam olim», «jam ante»). Перфективный плюсквамперфект выражает уже раньше (прежде) прошедшее совершенное действие («actio perfecta jam ante praeterijsse») (*chytil byl* «caeperat») (с. 137).

[171] См. Роса (1672: 136-138).

[172] Несправедлива оценка Мазона (1931: 84), упрекавшего Росу в утрате отчетливой системы Нудожера и в сложности темпоральной системы.

В целом среди имперфективных характеристик наблюдаются: незавершенность («actio non absoluta»), несовершенность («non perfecta»), («actio imperfecta»), длительность действия («diuturnitas actionis»), повторяемость («res per plures actus gesta»), («res in futurum imperfectum per plures actus vel per unum diuturniorem gerenda», «res quae non perficietur sive ad actum non perduceretur») (с. 137).

Вполне закономерно круг перфективных характеристик гораздо у́же по объему: «actio absoluta», «actio perfecta», «res quae certo vel perfecte fiet», «perfectum opus» (с. 137). В плане будущего выделяется особо противопоставление неопределенность - определенность: неизвестность о совершении действия противостоит уверенности в совершении действия («res quae certo vel perfecte fiet») (там же). Экспликация «ad actum perducere» не содержит (прямого) указания на конец действия, а подчеркивает совершение (там же). Ср. «rem perficere» 'совершить дело' (там же).

Особого внимания заслуживает экспликация «perfectio», которая используется в собственном смысле совершения будущего или прошедшего действия (с. 202). Значение полного совершения («tota perfectio») имеют перфектные глаголы, которые имеют только одно будущее (*přinesu*) и одно прошедшее (*přinesl*) (там же).

В отличие от большинства грамматистов, Роса относит «Infinitum» с его вариантом «Infinitivum» к временам, а не к наклонениям. Инфинитив приписывается временам, так как он, по мнению автора, означает неопределенность времени («temporis indefinitatem»), а не наклонения (с. 138). Среди причастий отмечается перфективное причастие будущего времени «participium futurum» *trhnaucý* «laceraturus» (с. 140).

Только у Росы мы находим термин «Plusquam Praeteritum» (*Byl gsem trhal* «laceraveram») (с. 145), (*Byl gsem činil*) (с. 147), который в четырех спряжениях, по-видимому сознательно, оставляет аспектуальный признак необозначенным (ср. схему времен).

3. В первой презентации глагольного значения («De Significatione Verbi») аспектуальность трактуется в тесной связи с залогом (с. 140). Трактовка аспектуальности рядом с залогом, как категории, имеющей как бы что-то общее с залоговыми особенностями глагола, восходит к античной грамматической традиции[173]. Особую значимость имеет здесь чисто семантический принцип классификации:

> «Significatio verbi est in triplici differentia, 1. aut enim significat actionem foras â subjecto, seu ab agente emanantem, ut *sladjm* dulcefacio, *studjm* frigefacio, *hřegi* calefacio, *kladu* pono, *stawjm* aedifico, *kazým* destruo, &c. aut immanenten & haerentem in ipso subjecto, seu in agente, ut *sladnu* dulcesco, *stydnu* frigesco, *hřegi se* calesco, *ležjm* jaceo, *stogjm* sto, *hynu* pereo, &c. illa activa, haec neutra dicuntur. 2. aut significat unam actionem, ut *sladjm kladu* ec. aut frequentem, ut *sladjwám*, *kládáwám* soleo dulcefacere, ponere, &c. illud singulare, hoc frequentativum verbum appellatur. 3. aut sig-

[173] Ср. «significatio vel genus» у Присциана (с. 373).

> nificat actionem rei, in fieri tantùm, ut *oslazowal*, *pokládal* dulcefaciebat, ponebat, aut in facto esse, ut *osladil*, *položil* dulcefecit, posuit, illud dicitur Imperfectum, hoc perfectum» (с. 140-141).

Так, по первичному делению **глагол** имеет три основных сферы значения («significatio»), каждая из которых состоит из двух (бинарных) разрядов. Первое (залоговое) различие состоит в противопоставлении активного и среднего глагола: «verbum activum» *sladjm* «dulcefacio» - «verbum neutrum» *sladnu* «dulcesco» (с. 140). Второе и третье деления касаются двух разрядов аспектуальности. Эта двойная (двухуровневая) классификация глаголов ничуть не случайна. Во взаимосвязи двух типов противопоставлений она предопределяет все дальнейшее построение аспектуальной системы Росы. В ней оба способа необходимы для построения целостной системы.

Согласно **первой** аспектуальной классификации, сингулярный глагол («verbum singulare») и фреквентативный глагол («verbum frequentativum») составляют в плане содержания оппозицию, в которой единичное действие («actio una») (*sladjm* «dulcefacio», *kladu* «pono») противостоит итеративному и/или хабитуальному действию («actio frequens») (*sladjwám* «soleo dulcefacere», *kládáwám* «soleo ponere») (с. 141). Итак, здесь сингулярные и фреквентативные глаголы, которые находятся в отношении суффиксальной деривации, составляют акционсартное противопоставление по признаку единичности - множественности действия.

Второе аспектуальное противопоставление составляют имперфектный и перфектный глагол («verbum imperfectum» - «verbum perfectum»), которые выражают действие или в процессе становления («actio rei in fieri tantùm») (*oslazowal* «dulcefaciebat», *pokládal* «ponebat») или соответственно действие как готовый факт («actio in facto esse») (*osladil* «dulcefecit», *položil* «posuit») (с. 141). Как видно, в данном случае перед нами подлинно видовая оппозиция, формируемая предикатами глаголов двух видов.

Соглашаясь с мнением Ю. С. Маслова о роли Росы в создании учения о славянском глагольном виде[174], мы обратим внимание на то, что в определении собственно видового противопоставления «imperfectum» и «perfectum» Росы функционируют именно в качестве аспектуальных атрибутов глагола («verbum»).

Особая значимость новаторства Росы состоит в сопряжении обозначения аспектуального элемента с глаголом и в двухступенчатой (и двупризнаковой) системе классификации глагольных лексем. Остроумная инновация состоит в построении двух разных классификаций, в двух противопоставлениях, основывающихся на количественном и неколичественном (качественном) признаках: 1. «verbum singulare» - «verbum frequentativum» и 2. «verbum imperfectum» -

[174] «Подлинный создатель учения о славянском глагольном виде чешский грамматист XVII в. Вацлав Иоанн Роса различает «verba perfecta» (*osladil*, *položil* = русск. *усладил*, *положил*) и «verba imperfecta» (*oslazowal*, *pokládal*), а также, независимо от этого деления, «verba singularia» (*sedjm* и *osednu*) и «verba frequentativa» и «iterativa» (*sedám*, *sedáwám*)» (Маслов 1959: 168). Ср. Маслов (1984: 74): «Уже три века тому назад чешский ученый Вацлав Иоанн Роса положил...семантическую оппозицию в основу своего определения вида». Несколько иное истолкование количественной аспектуальности у Росы имеет Петрачкова (1987: 164).

«verbum perfectum» (с. 141)[175]. Эти основные противопоставления строго различаются по своим аспектуальным статусам. С иной точки зрения аспектуальную систему Росы можно охарактеризовать и так, что, как правило, перфектные глаголы являются также сингулярными, но имперфектные глаголы могут обозначать как сингулярные, так и несингулярные (неединичные) действия.

Очень вероятно, что аспектуальное учение Росы во многом обязано грамматике Диомеда[176]. Так, можно предположить, что понятие «verbum *singulare*» Росы, возникновение которого обусловилось необходимостью создать противочлен понятиям «verbum frequentativum» и «verbum iterativum», восходит к экспликациям «semel» и «saepius» Диомеда (с. 342, 344). С грамматикой Диомеда описание глагола Росы связывает нововведение «iterativum», который будет играть существенную роль в чешской традиции (см. приложение). Однако, в отличие от Диомеда, «verbum frequentativum» и «verbum iterativum» Росы, различаясь по своим признакам, получают дифференцированные функции.

В парадигмах сознательно используются только имперфективные глаголы, что обусловливает отсутствие в них отдельных времен (см. пояснение Росы) (с. 100), а также описание спряжения перфектных глаголов (с. 205). С другой стороны, переводы указывают на то, что имперфективное прошедшее может соответствовать латинскому имперфекту и перфекту: *milowal gsem* «amabam, amavi» (с. 148). По-видимому, по концепции Росы, имперфективное прошедшее чешского языка может соответствовать имперфекту и перфекту в латыни, но перфективное прошедшее - преимущественно только латинскому перфекту. Чешские плюсквамперфекты передаются, естественно, их латинскими аналогами.

На темпоральные и аспектуальные различия как специфичность чешского глагола Роса обращает внимание уже в предисловии к грамматике[177]. Чрезвычайно важным является наблюдение Росы, согласно которому препозитивы, присоединяемые к настоящему времени, а именно **сингулярного** глагола, изменяют как значение глагола, так и значение времени, ибо время настоящее становится будущим и имперфектное (т. е. имперфективное) значение глагола превращается в перфектное (т. е. перфективное):

> «Et...in Lingua Boëmica, Praepositiones, ad Verbum Praesentis temporis, *significationis singularis*, appositae, mutant illud verbum, tam in tempore, quàm in significatione; fit enim ex tempore praesenti, futurum, & ex Imperfecta significatione, Perfecta significatio» (с. II). ср.: «omnis praepositio, ad verbum praesentis temporis, *verbi singularis*, apposita, mutat tempus praesens in futurum» (с. XXI).

Аналогичным образом устанавливается связь между итеративным (и фреквентативным) и имперфектным глаголом. О глубокой продуманности свидетельствует правило, по которому препозитивы, присоединяемые к **итеративным или фреквентативным** глаголам («ad verba Iterativa, vel frequentativa»),

---

[175] О количественной и качественной аспектуальности см. Маслов (1978: 10-21).

[176] Очевидно, источниками, написанными по-латыни, Росы были грамматики Диомеда и Присциана, а также славянские грамматики Статориуса и Нудожера.

[177] Пагинация предисловия (I-XXII) добавлена нами. - Р.Р.

превращают итеративное или фреквентативное значение глагола в имперфектное («ex Iterativa significatione faciunt imperfectam») (с. II).

Именно этими правилами создается связь между сингулярным и перфектным глаголом, с одной стороны, и между итеративным (фреквентативным) и имперфектным - с другой. Иными словами, устанавливается тесное взаимоотношение двух разрядов аспектуальности (количественной и качественной).

Следовательно, приставка превращает: 1) итеративный или фреквентативный глагол в имперфектный, 2) настоящее время сингулярного глагола в перфектное будущее и вместе с тем 3) сингулярный имперфектный глагол в перфектный (с. II, XXI). В этих процессах релевантной оказывается семантика того глагола, к которому приставка присоединяется. В первом случае исходным глаголом должен быть итератив или фреквентатив, во втором и третьем случаях в качестве исходного применим только глагол сингулярный. Все эти процессы осуществляются «слева направо». Примечательно, что в первом случае, в котором итеративное значение становится имперфектным, речь идет (в современном смысле) о замене непредельной семантики предельной.

Аспектуально значимая классификация, в которой вместо залога теперь учитываются структурные характеристики глаголов, состоит из трех противопоставлений. Первое противопоставление составляют простой и композитивный глагол («verbum simplex» - «verbum compositum»), второе - сингулярный и фреквентативный («verbum singulare» - «verbum frequentativum») и третье - перфектный и имперфектный глагол («verbum perfectum» - «verbum imperfectum»). К последним применяются также формулировки с указанием на перфектное и имперфектное значения: «perfectae significationis verbum», «imperfectae significationis verbum» (с. 197-199). (См. схему № 11). Сверх того, создав латино-чешские эквиваленты «verbum singulare» - «slowo gednotliwé» или «samotliwé», «verbum frequentativum» - «slowo častotliwé» (с. 197), «verbum iterativum» - «slowo opětliwé» (с. 207), Роса положил начало современной чешской терминологии.

Сингулярные глаголы («verba singularia») Росы означают единичное (разовое), в том числе имперфективное действие («actio unica») (*sedjm*, *ležjm*, *gdu*, *nesu* и т. п.) (с. 187). По количественному признаку единичности действия они противопоставляются фреквентативам («verba frequentativa») и итеративам («verba iterativa») (*sedám*, *sedáwám*, *sedáwáwám*, *odsedáwám*, *lehám*, *lýhám*, *chodjm*, *nosým*, *odlehάwám*, *odcházýwám*, *odnássíwám* и т. п.). Сингулярными являются и такие перфектные глаголы, как *odnesu*, *odegdu*, *odlehnu*, *odsednu*. В сингулярные глаголы могут входить также семельфактивы, но семельфактивность (в современном смысле) не является их отличительным признаком. В описании Росы семантика сингулярных, как и перфектных глаголов, не содержит признака быстроты или внезапности.

Для краткости мы воспроизведем здесь только описание перфектного и имперфектного глаголов:

> «III. Porrò omne verbum simplex & compositum, est vel Perfectae vel Imperfectae significationis. Perfectae significationis verbum dicitur, quod perfectum opus seu actum significat. ut dal dedit, nesl

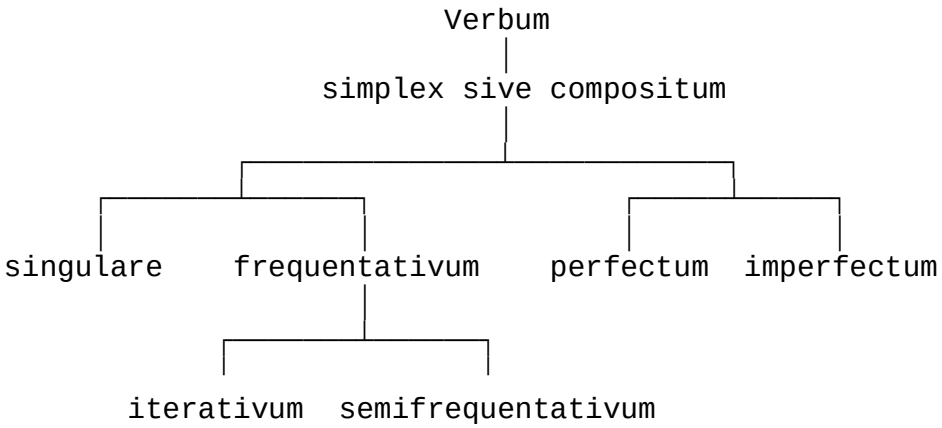
> tulit, kaupil emit, hodil projecit, & c. Sic wydal exposuit, odnesl abstulit, skaupil coëmit, uhodil projecit, seu percussit. & c. Imperfectae significationis verbum est, quod quidem actionem rei nobis significat, sed adhuc imperfectam, & opus non factum. (t. wyznamenáwá wěcy toliko konánj, ale ne dokonánj) ut dáwal dabat, nosyl ferebat, kupowal emebat, házel projiciebat, sic composita, wydáwal, odnássel, skupowal ec.» (c. 198).

Роса определяет глаголы с точки зрения формальной структуры и семантики, которые оба имеют отношение к аспектуальности. По формальному делению, каждый чешский глагол является или простым, или сложным (приставочным). В двойной семантической классификации применяются два критерия: количественный критерий кратности («unica actio» - «actus seu actionis iteratio & frequentia») и неколичественный критерий совершения действия («perfectum opus seu actus» - «actio imperfecta & opus non factum») («konánj, ale ne dokonánj wěcy») (c. 197-198). Все три дефиниции строятся на строго бинарном способе описания, причем каждое определение подчеркивает охват всего состава глаголов («omne verbum Boëmicum») (там же).

Помимо признаков итерации и частоты («iteratio & frequentia») (c. 197), на значение хабитуальности фреквентативного глагола указывается перифразами с глаголом «soleo», ставшим устойчивой приметой описания глаголов данного типа, ср.: «soleo sedere, soleo jacere, soleo ire, soleo ferre», а также в сочетании с наречием «saepe»: «soleo saepè, vel saepissimè sedere, jacere, ire, ferre» (c. 198).

При этом как сингулярные и фреквентативные, так и перфектные и имперфектные глаголы могут быть или бесприставочными, или приставочными («sive sit simplex, sive compositum») (c. 197, 198), т. е. в принципе аспектуальные группировки (и отдельные глаголы) независимы от префиксации. Таким же образом взаимно независимыми являются количественные и неколичественные группировки, между которыми, однако, существует своеобразная связь, влияющая на образование перфектных и имперфектных глаголов, см. схему:

Схема № 11. Аспектуальная система глаголов Росы (1672)[178]



[178] См. Роса (1672: 141, 196-199).

Verbum:
I.
а) **Simplex** - *sedjm sedeo, ležjm jaceo, gdu eo, nesu fero*
б) **Compositum** - *posedjm parùm sedebo, poležjm parùm jacebo, odegdu abibo, odnesu auferam*

II.
а) **Singulare** - *sladjm, kladu*; *sedjm, ležjm, gdu, nesu*; *odnesu, odegdu, odlehnu, odsednu*
б) **Frequentativum** - *sladjwám, kládáwám*; *sedám, lehám* vel *lýhám, chodjm, nosým*; *sedáwám, léháwám, chodjwám, nosýwám*; *sedáwáwám, lýháwáwám, chodjwáwám, nosýwáwám*; *odsedáwám, odleháwám, odcházýwám, odnássjwám*
б1) **Iterativum** - *sedám, lehám, sýlám*
б2) **Semifrequentativum** - *házým, krágjm, chápám, skáčjm, chytám, střljm, sázým*; *chodjm, gezdjm, nosým, wozým, wodjm, honjm*

III.
а) **Perfectum** - *osladil, položil*; *dal dedit, nesl tulit, kaupil emit, hodil projecit*; *wydal exposuit, odnesl abstulit, skaupil coëmit, uhodil projecit seu percussit*
б) **Imperfectum** - *oslazowál, pokládal*; *dáwal dabat, nosyl ferebat, kupowal emebat, házel projiciebat*; *wydáwal, odnássel, skupowal*

Роса подчеркивает необходимость осмысления четвероякого семантического деления глаголов. Он заявляет: Каждый, желающий выучить богемский язык и хорошо говорить по-богемски, должен знать каждый богемский глагол в этом четвероякомзначении («in hac quadruplici significatione»), а именно в сингулярном, фреквентативном, перфектном и имперфектном значениях («Singulari, Frequentativa, Perfecta, & Imperfecta»). Тот кто знает это, знает все («Hoc sciens, sciet omnia») (с. 199).

От «verbum perfectum» Статориуса (см. выше) перфектный глагол Росы отличается существенно своим отчетливым системным статусом в бинарном противопоставлении к глаголу имперфектному.

Каждое настоящее является имперфектным, ибо то, что происходит, не есть готово и не совершено, и поэтому время настоящее означает всегда несовершенное дело («imperfectum opus»), и все от него произведенные времена имеют имперфектное значение. Имперфектным же значением обладает каждое будущее, образованное вспомогательным глаголом «budu» (с. 199). Имперфектными являются и все приставочные глаголы («omnia composita»), имеющие настоящее время: *přinássjm* «adfero», *přinássel* «adferebat», *budu přinásseti* «adferam»; также *přinássjwám, přinássjwal, budu přinássjwati* (с. 200). Отметим, что фактически форма *přinássjwati* является настоящим фреквентативом от приставочной имперфективной основы *přináss-eti*. Отсюда следует, что, поскольку настоящее время по значению имперфектное, чешские перфектные глаголы («verba significationis perfectae») не имеют ни настоящего времени, ни будущего с частицей «budu» (там же). Это значит, что перфектные глаголы по отношению к времени дефектны.

Из четырех вариативных обозначений действия наиболее часто употребляются близкие синонимы «actio» и «actus», реже - «opus» и «labor». Между ними могут быть обнаружены и некоторые семантические различия. В славянской традиции инновациями Росы являются «actus» и «labor». Самым широким семантическим объемом обладает «actio». Приведем (без кавычек) все случаи, в которых данные слова выступают в релевантных контекстах и конструкциях:

1. «**actio**»: quandam actionem (c. 131), absolutam & perfectam actionem, diuturnitas actionis, actionem imperfectam, praeteritam absolutámque actionem, actionem perfectam (c. 137), actio imperfecta (c. 138), peracta unius operis actione (c. 139), actionem foras â subjecto...emanantem, actio seu operatio facta est (c. 140), unam actionem aut frequentem, actionem rei in fieri tantùm...aut in facto esse (c. 141), humanas actiones (c. 196), unica actio, actionis iteratio & frequentia (c. 197), actionem rei...adhuc imperfectam (c. 198), frequentiam actionis, multae res & actiones (c. 202), terminum, seu metam & finem actionis (c. 310), perfectam actionem (c.338).

2. «**actus**»: res per plures actus gesta (c. 136), ad actum perducere (c. 137), actûs iteratio & frequentia (c. 197), perfectum actum (c. 198, 201, 202, 331), actum imperfectum & indeterminatum (c. 201), actum imperfectum (c. 201, 202), per ipsum actum (c. 202), frequentia actûs (c. 202, 207, 213, 217), per plures actus (c. 215, 216, 220), per unum diuturnum actum (c. 215), per unicum actum (c. 215, 220), per unum actum (c. 215, 216).

3. «**opus**»: futurum imperfectum opus, futurum perfectum opus (c. 137), perfectum opus, opus non factum (c. 198), imperfectum opus (c. 199), opus praesens vel imperfectum (c. 204), praesens imperfecti operis (c. 205), opus praesens...adhuc imperfectum (c. 213), absolutum opus (c. 338).

4. «**labor**»: frequentiam laboris (c. 213, 217), laborem perfectum & executum (c. 213), terminum, seu metam & finem...laboris (c. 310).

Осмысляя значение аспектуальных основ Нудожера, Роса, однако, не применяет их систематически к своей классификации, хотя и говорит об основах перфектных глаголов («perfectorum verborum themata») (*dám*, *kaupjm*, *padnu* «cadam», *sednu* «sedebo»), которые сами по себе имеют значение будущего («ipsa themata...sunt futuri temporis») (c. 200).

Поскольку простых перфектных глаголов («verba simplicia perfectae significationis») ограниченное количество, они перечисляются по спряжениям. В первом спряжении они таковы: *dám* «dabo», *nechám* «relinquam»; во втором - *hodjm* «projiciam», *kaupjm* «emam», *kročjm* «passum faciam», *lapjm* «capiam», *lomjm* «frangam», *lupjm* «percutiam», *pustjm* «dimittam», *skočjm* «saltabo» и др.; в третьем - *káži* «mandabo», *kázal* «mandavit». В четвертом спряжении к ним относятся все глаголы, оканчивающиеся на *nu* с предшествующим согласным: *padnu* «cadam», *kleknu* «flectam», *lehnu* «jacebo», *tnu* «secabo», *minu* «praeteribo», *trhnu* «lacerabo» (c. 203-204).

Интересно, что новое терминологическое выражение «verba *perfecta tantum*» (*dáti*, *chytiti*, *trhnauti*) (с. 136), возникшее, пожалуй, случайно у Росы, наводит на мысль о современном «verba *perfectiva tantum*».

В составном термине «verbum iterativum» («slowo opětliwe») Роса первым вводит в славянскую традицию атрибут «**iterativum**» и дифференцирует его формально и семантически от «frequentativum». Так, от фреквентативных итеративные глаголы отличаются тем, что они выражают меньшую частоту действия («non tantam frequentiam actûs denotant») (с. 207), («minorem frequentiam [actus] habet, quàm frequentativum» (с. 217) и не имеют слога *wám*. Несмотря на это, итеративы трактуются под рубрикой фреквентативов («sub nomine frequentativi») (с. 207).

От глаголов первого спряжения на *chám*, *dám*, *hám*, *kám*, *mám* и др. возникают перфектные глаголы, оканчивающиеся на *nu* (*trhám -> trhnu*) (с. 185). Этот процесс, в котором перфектный глагол («verbum perfectum») *trhnu* производится от имперфектного («verbum imperfectum») *trhám*, представляет собой правильный способ образования при помощи элемента *nu*, но относится к сфере словообразования (ср. в русском языке: *дергать -> дернуть* и т. п.).

К образованию бесприставочных и приставочных перфектных глаголов, образованных от глаголов первого спряжения, применяется деривация «неправильного направления» (нсв -> св) *chytám* capio -> *chytjm* (с. 185), *skákám -> skočjm*, *dáwám -> dám* (с. 186), *zapjrám -> zapru* (с. 185) и т. д. Ср. однако образование фреквентатива в ином направлении: перфектный *chytjm ->* нерегулярный фреквентатив («extra regulam») *chytám* (с. 208). Следовательно, существует и деривация порядка: имперфектный глагол первого спряжения *skákám* (с. 186) и глагол третьего спряжения *skáči* (с. 192) -> перфектный *skočjm* (с. 186, 192) -> нерегулярный фреквентативный *skáčjm* (с. 208).

Регулярные фреквентативы образуются во всех спряжениях при помощи форманта *wám* от прошедшего на *l* («formatio regularis»): *trhám -> trhal -> trháwám*, činjm -> *činil -> činjwám*, *milugi -> milowal -> milowáwám*, *beru -> bral -> bráwám* (с. 207). Вместе с тем простые перфектные глаголы образуют фреквентативы нерегулярно: *hodjm -> házým*, а последние образуют далее регулярные фреквентативы: *házým -> házýwám* (с.208). Итак, существует линия деривации: «verbum perfectum» *hodjm* -> «verbum frequentativum» *házým* -> «verbum frequentativum» *házýwám*; аналогичным образом ведет себя «perfectum» *kaupjm -> kupugi -> kupowám* (там же). Сюда же относится деривация глагола движения: «verbum singulare» *gdu* -> «semifrequentativum irregulare» *chodjm* -> «frequentativum regulare» *chodjwám* (с. 197).

Нерегулярный фреквентатив («frequentativum irregulare») *běhám*, *sedám* образует далее регулярный фреквентатив («frequentativum regulare») *běháwám*, *sedáwám* (с. 108). Нерегулярность здесь обусловлена отсутствием форманта *wá*. Регулярный фреквентатив («frequentativum regulare» или «ordinarium») называется также «frequentativum secundum» (с. 216).

Правильными фреквентативами, образованными от имперфективной основы приставочного глагола, являются *wyhánjwám*, *poslaucháwám*, *wytápjwám* и др.,

возникающие так: нсв *wyhánj-m*, *wytápj-m* -> фреквентатив *wyhánj-wám*, *wytápj-wám* (с. 209).

Выделяя впервые бесприставочные глаголы перемещения («verba simplicia, quae significant motum & transitum de loco ad locum») (с. 216, 320), Роса показывает также деривационное отношение между ними. Так, сингулярные глаголы движения *gdu*, *gedu*, *nesu*, *wezu*, *wedu* и т. п. образуют фреквентативы (точнее - семифреквентативы) *chodjm*, *gezdjm*, *nosým*, *wozým*, *wodjm* нерегулярно («irregulariter») (с. 212). При этом нерегулярные фреквентативы типа *cházým*, *hánjm*, *wázým*, производимые также от *gdu*, *ženu*, *wedu* (там же), не употребительны сами по себе («non sunt in usu»), а выступают исключительно в составе имперфективного композитива (*wycházým* «exeo»), которому соответствует «perfectum» (*wygdu* «exibo», *wyženu*, *wy-wedu*) (там же). Следовательно, так Роса трактует видовую пару *wycházým* - *wygdu*.

Поскольку в пределах деривации типа *gdu* -> *chodjm*, *nesu* -> *nosým* сингулярные представлены имперфективными глаголами, процесс является в современном понимании совершенно «правильным» акционсартным приемом глагольного словообразования. Этот способ деривации сохраняется и в последующей чешской традиции (см. ниже).

Так, форма *chodjwám* представляет собой регулярный фреквентатив, образованный от семифреквентатива *chodjm*, в то время как нерегулярный фреквентатив *cházým* выступает только в приставочных имперфективных образованиях (*wycházým*) и не обладает экспонентом *wám* регулярного фреквентатива (с. 209). Впрочем, сходное явление наблюдается в русской традиции, где в таких парах, как *вы́-ходить* - *вы-хаживать* (*больного*) выступает как бы (омонимичный) бесприставочный итератив *хаживать* (см. ниже). Однако Роса описал данное положение вещей в чешском языке правильно уже в 1672 г. (с. 208, 212).

Композитивный глагол перфектного значения («verbum perfectae significationis») (т. е. приставочный перфективный глагол) образуется от сингулярного глагола при помощи препозитива: *wolám* «voco» -> *zawolám* «vocabo», *wy-wolám* «evocabo», *swolám* «convocabo» и т. д. Перфектные глаголы означают совершенное и выполненное «дело» («laborem perfectum & executum») или определенно и действительно совершимое и выполнимое «дело» («*certissimè & revera perficiendum & exequendum*») (с. 213).

Здесь выделяется следующее общее правило: каждый раз, когда приставки присоединяются к настоящему времени сингулярных глаголов, они становятся будущими с перфектным значением («futura perfectae significationis»): *trhám* «lacero» -> *roztrhám* «dilacerabo» ('разорву') (с. 214). Следовательно, препозитивы превращают не только настоящее в будущее, но и сам глагол из имперфектного в перфектный.

Когда же препозитивы присоединяются к итеративам, они превращают итеративное значение глагола в имперфектное («ex significatione iterativa ad significationem imperfectam»), т. е. препозитивы превращают фреквентативные или итеративные глаголы в глаголы имперфектные (с. 217): *sedám* -> *od-sedám*, *nássjm* -> *přinássjm*. Описание содержит оригинальную мысль, что

процесс префиксации, при котором происходит переход итеративного глагола в имперфектный, вызывает также изменение аспектуального статуса глагола: из акционсартного в видовой, например, «verbum iterativum» *sedám* -> «verbum imperfectum» («singulare») *odsedám*.

Свою мысль автор поясняет следующим образом: от фреквентативов, итеративов и семифреквентативов, которые всегда по значению имперфектны («semper imperfectae significationis»), имперфектный глагол отличается своим сингулярным значением. Например, от перфектных *roztrhám*, *roztrhnu* возникает посредством *ugi* имперфектное сингулягное настоящее («praesens imperfectum singulare») *roztrhugi* (с. 218), а не фреквентативное настоящее время («praesens tempus frequentativum»), которое образуется присоединением препозитива к регулярному фреквентативу (*trháwám*) (там же). Следовательно, настоящее время приставочного фреквентатива возникает в процессе: *trhám* -> «frequentativum secundum seu regulare» *trháwám* -> «frequentativum compositum» *roztrháwám* или *roztrhowáwám*. Ср. также *roztrháwáwám* (с. 219). Единственная (мнимая) непоследовательность в остроумном ходе мысли Росы заключается в том, что форма *roztrháwám* трактуется также как вариантное имперфектное настоящее перфектного *roztrhám* (там же).

Композитивные глаголы первого спряжения приобретают настоящее с имперфектным сингулярным значением («imperfectae singularis significationis») двояким образом: 1. посредством изменения окончания *ám* перфектного будущего (будущего перфектного глагола) на *ugi* (т. е. суффиксальным способом): «futurum perfectum» *roztrh-ám* -> «praesens imperfectae singularis» *roztrh-ugi*, или, 2. присоединением препозитива к фреквентативу простого глагола: *trhám* -> «frequentativum verbi simplicis» *trháwám* -> «praesens imperfectae singularis» *roz-trháwám* (с. 218-219).

Аналогичным образом во втором спряжении настоящее имперфектного сингулярного значения образуется: 1. посредством суффиксального элемента *ugi*: *uhod-jm* -> *uhoz-ugi*, *pokaup-jm* -> *pokup-ugi*, 2. посредством префиксации особого фреквентатива («frequentativum extraordinarium») без форманта *wám*: *hánjm* -> *wy-hánjm*, *pausstjm* -> *wypausstjm* и т. п. Приставочный фреквентатив образуется так: *tápjwám* -> *wytápjwám* (с. 220). Как видно, в этих процессах речь идет о видовой паре «compositum perfectum» (*wytopjm*) - «compositum imperfectum» (*wytápjm*) и акционсартном образовании «compositum frequentativum» (*wytápjwám*). Примечательно, что Роса различает строго «verbum compositum imperfectae significationis» и «verbum compositum frequentativum».

Как уже говорилось, присоединяемые к итеративным глаголам препозитивы превращают итеративы в имперфектные сингулярные глаголы настоящего времени («imperfecta singularia praesentis temporis») (с. 220). Однако в соединении с приставками семифреквентативы *házým*, *krágjm*, *lapám*, *lámám*, *lupám*, *skáčjm*, *střjljm*, *chápám*, *slapám*, *chwátám*, *chytám*, *sázým* и т. п. становятся перфектными будущими («futura perfecta») *wýházým*, *rozkrágjm* и т. п. (там же). Важно отметить, что здесь описывается образование приставочных глаголов perfectiva tantum: *házým* -> *wyházým* 'повыбрасываю', *wychytám* 'переловлю' и т. д. Эти дистрибутивные перфективы

Роса называет также «semifrequentativa» (там же)[179]. Ср. ниже перфективное итеративное будущее Неедлого (1804) и Добровского (1809).

Немногочисленные (дистрибутивные) перфективные глаголы (*wyházým*) называются семифреквентативами благодаря их значению множества действий («per plures actus»). По этому значению будущее *wyházým* отличается от перфективного же будущего *wyhodjm*, которое имеет значение единичного действия («per unicum actum») (с. 220).

Семифреквентативами («verba semifrequentativa») являются также такие глаголы (движения), как *chodjm*, *gezdjm*, *nosým*, *wozým*, *wodjm*, *honjm*, которые в соединении с препозитивами образуют перфективное будущее типа *dowodjm*, *donosým* (с. 223). Вследствие этого два перфективных будущего *dowodjm* и *dowedu*, *donosým* и *donesu* и т. п. различаются по действиям «per plures actus» и «per unum actum» (с. 223, 215). Особенность семифреквентативных глаголов заключается в том, что они не имеют формального признака *wá* собственно фреквентатива и выражают меньшую степень повторения действия и образуют присоединением приставки перфективное будущее типа *dowodjm*, *donosým* (с. 223).

Сложные глаголы четвертого спряжения *oděgi*, *užigi*, *pomilugi*, *pohragi* и т. д. приобретают настоящее время с имперфектным сингулярным значением («tempus praesens imperfectae singularis significationis») посредством присоединения препозитива к регулярному фреквентативу («frequentativum regulare»): *o-djwám*, *u-žjwám*, *po-milowáwám*, *po-hráwám*. Иные же глаголы этого спряжения присоединяют препозитив к нерегулярному фреквентативу («irregulare frequentativum»), например, *po-sýlám*, *wy-sýlám*, *po-bjgjm*, *při-pjgjm*. От них могут быть далее образованы такие сложные фреквентативы («frequentativa composita»), как *wysýláwám* и т. п. Нерегулярный фреквентатив типа *sýlám*, *pjgjm* имеют лишь очень редкие глаголы (с. 221-222).

Таким же образом возникают композитивные глаголы четвертого спряжения со значением имперфектного сингулярного значения в настоящем времени («verba composita praesentis temporis, significationis singularis imperfectae») (*umjrám* «morior», *naříkám* «conqueror», *wyhánjm* «expello» и т. д.), от которых образуются далее такие регулярные композитивные фреквентативы («frequentativa composita»), как *umjráwám*, *nařjkáwám* и т. п. (с. 223). Посредством *ugi* образуют настоящее такие глаголы, как *zableskugi* от *blesknu* «fulguresco», *oddechugi* «respiro» от *oddechnu*, *zahrnugi* «involvo» от *zahrnu*. Такое же настоящее производится от следующих перфектных глаголов с формой будущего на *nu* («à verbis perfectis futuris nu finitis»): *wytahugi* «extraho» от *wytáhnu*, *wytrhugi* «evello» от *wytrhnu* и др. (там же).

Представляется, что на данной стадии описания приема, который мы здесь и в дальнейшем называем **предварительной (прототипической) моделью суффиксальной**

[179] Ср. сюда Маслов (1978: 17).

имперфективации, Роса осмысляет финаль *ugi* как показатель имперфективации[180], а именно как средство образования настоящего времени приставочных глаголов (*oddechnu -> oddechugi*, *zahrnu -> zahrnugi* и т. п.) (с. 223). Однако, как уже говорилось, это у него не единственный способ приобретения указанной формы.

Очень поучительны сводные примеры спряжений всех простых и композитивных глаголов («omnium verborum simplicium, & Compositorum») (с. 227-228), в которых последовательно указываются исходный сингулярный глагол, производный фреквентатив и соотносительные по виду приставочный перфектный и имперфектный глаголы. Мы ограничимся здесь примером глагола первого спряжения (с. 227) (сокращенные термины Росы раскрыты нами):

«Singulare»	*trhám*	
«Frequentativum»	*trháwám*	
«Compositum Perfectum»	*roztrhám*	«sicut *dám*»
«Imperfectum»	*roztrhugi*	«sicut tertia Conjugatio»

Этот пример спряжений акцентирует аспектуальную семантику глагола, научное описание которой справедливо считается большой заслугой Росы. Особенно наглядно в нем выделяются противопоставления количественной и неколичественной аспектуальности: «singulare - frequentativum», «perfectum - imperfectum». В формах настоящего времени композитивных имперфектных глаголов выделяется особенно финаль *ugi* (*roztrhám - roztrhugi*). Здесь автор намеренно не приводит бесприставочных перфективов, ни приставочных фреквентативов, причем и времена здесь не играют никакой роли.

Столь же сознательно тип спряжения определяется исключительно по сингулярному глаголу: 1. «Singulare trhám», 2. «Singulare učjm», 3. «Singulare pjssi», 4. «Singulare táhnu» (с. 227). Однако это обстоятельство, которое будет повторяться на протяжении всей западнославянской традиции, показывает в свою очередь несовместимость аспектуальности и собственно спряжения, ибо каждая аспектуальная деривация, кроме префиксации, вызывает изменение типа спряжения.

С другой стороны, для Росы спряжение («conjugatio») служит средством аспектуального образования: «omne verbum quadruplici modo conjugari debeat» (с. 228). Иными словами, в каждом из четырех спряжений каждый глагол «спрягается» в виде четырех аспектуальных разрядов: как сингулярный, фреквентативный, перфектный и имперфектный. Ср. также выражение «conjugatio perfecta» (с. 186). В этом может заключаться мысль о том, что четыре «аспектуальных» способов спряжения являются своеобразно соотносительными.

В целом, вместе с «verba semifrequentativa» состав глаголов состоит из шести семантических группировок: «imperfecta, iterativa, frequentativa, perfecta, singularia» (с. 229). При этом «iterativa» и «semifrequentativa» не составляют самостоятельных глагольных разрядов (с. 207).

[180] О вторичной имперфективации в славянских языках см. Петрухина (2000: 89-104).

Образование инхоативов относится к чистой суффиксальной деривации, где посредством форманта *-atjm* образуется новый глагол от неглагольной части речи (*wlas-atjm*, *zub-atjm* и т. п.). Семантически инхоативы характеризуются началом действия и возрастанием признака («Inchoativa vim incipiendi & augendi significant») (с. 229). От прилагательных производятся инхоативы на *nu*: *blednu* от *bledý*, *bohatnu* «ditesco» от *bohatý*, *chladnu*, *stydnu*, *sladnu* «dulcesco», *mladnu* «juvenesco» и др. (с. 230). Примечательно, что в собственно аспектуальном строении Росы инхоативы никакой роли не играют. Ср. об этом же у Смотрицкого.

Немало аспектуальной характеристики содержит описание значений префиксов. В частности, в приставке *do* выделяется значение предела («terminus seu meta») и достижения конца действия («finem actionis & laboris») с примечательным оборотом «ad finem» (*doskočiti*, *dopsati* «saltando, scribendo, venire ad finem») (с. 310). Ср. экспликации «finem», «ad finem» у Статориуса (1568: 119) и Ужевича (1643: 46б).

В связи с этим Роса первым применяет к глаголу настоящую приставочную перфективацию. В его метаязыке мы находим впервые аспектуально-технический глагол «perfectionare» со значением 'перфективировать'. Так, по мнению автора, препозитив *s*, присоединяемый к претеритам и футурам простых глаголов, часто не означает одновременность или соединение («simultaneitatem, vel aliquam congregationem»), а лишь перфективирует глагол, т. е. переводит его из имперфектного значения в перфектное (т. е. перфективное) («sed solùm perfectionat verbum, hoc est facit ex imperfecta significatione perfectam»), например, *působil* «faciebat» -> *spůsobil* «confecit», *spůsobjm* «conficiam», *patřil* -> *spatřil* «conspexit», *spatřjm* «conspiciam» (с. 327).

Иллюстрируя свою мысль примерами форм в разных временных планах и их латинскими переводами, Роса сознательно говорит об аспектуальной (видовой) роли приставки и перфективации глагола[181], а не об отдельной форме времени. (Ср. выше Статориус и Ужевич). Аналогичная функция принимается для приставок *u* и *z*, которые, делая из имперфектного глагола перфектные («solùm ex verbo imperfecto, facit perfectum»), означают перфектное действие («actum perfectum») (*ubil ho*) (с. 331), перфектное действие и завершенное дело («Perfectam actionem, & absolutum opus») (*zlámal* «fregit»), (*zlámám* «frangam») (с. 338). Таким образом, трактовка префиксов (*s*, *u*, *z*) объединяет признаки совершения и завершения (достижения конца). Композитив *posedjm* «parum sedebo» представляет собой пример будущего делимитативного глагола (с. 197).

Одним из первых славянских грамматистов Роса использует в определении аспектуальной семантики признаки *определенности* и *неопределенности*, обозначенные им в экспликациях «revera & certissimo» (с. 201), «certissimè & revera» (с. 213), «certò», «actus indeterminatus» (с. 201). Ср. «indefinitum» и «definitum» у Статориуса (1568: 136). Вместе с тем Роса первым указывает на то, что выбор аспектуальной формы зависит от намерения (замысла) («intentio») говорящего выразить или неопределенное имперфектное

[181] Роса здесь предвосхитил современное учение о «чистовидовых приставках».

действие, или действие определенное и перфектное (там же).

В грамматике Росы аспектуальным атрибутом впервые сознательно и последовательно характеризуется глагольная лексема и противопоставление аспектуально значимых глаголов. Суть описания глагола состоит в аспектуальной классификации глагола (всех глаголов), которая переносится в темпоральную систему и влияет на количество времен. Одной из примет перфективности становится синтетическое будущее, тогда как формальной характеристикой имперфективности является аналитическое будущее и в особенности настоящее.

Так как в описании Росы термины «singularia», «frequentativa» и «iterativa» имплицируют количественный, а «perfecta» и «imperfecta» - качественный подход к классификации глаголов, данное описание явилось первым систематическим и последовательным различением количественной и неколичественной аспектуальности, которое, к сожалению, было затемнено в последующей традиции.

В славянской традиции Роса первым использует четко и последовательно противопоставление «verbum imperfectum» - «verbum perfectum», а также аналогичное количественное отношение «verbum singulare» - «verbum frequentativum» («iterativum»). Обособляя аспектуальную характеристику от темпоральной системы, Роса первым осуществляет принципиально важный процесс «tempus perfectum», «tempus imperfectum -> «verbum perfectum», «verbum imperfectum», в котором атрибуты «perfectum» и «imperfectum» становятся исключительно аспектуальными атрибутами глагола.

3.3. Признаки завершения и определенности у Долежала (1746)

1. В своей грамматике чешского языка, написанной на латыни, Павел Долежал (1700-1778)[182] применяет аспектуальную классификацию глаголов, заимствованную в основном из грамматики Росы, отмеченной самим автором (с. 75).

2. Особенность метода Долежала состоит в том, что аспектуальные разряды описываются внутри (вершинного) залогового распределения глаголов, аспектуальность пронизывает все диатезы: «Activa» - «Neutra» - «Passiva». Например, глагол *osladiti* определяется «verbum activum singulare perfectum», глагол *sladnu* «dulcesco» получает характеристику «verbum neutrum singulare», глагол «verbum passivum frequentativum» представлен примером *milowán býwám* и т. д. Однако в описании Долежала только действительный залог освещен полным составом аспектуальных разрядов, в то время как разряды «Neutra» и «Passiva» имеют только деление на «Singularia» и «Frequentativa» (с. 74-75). В нашей схеме мы ограничимся системой действительного залога.

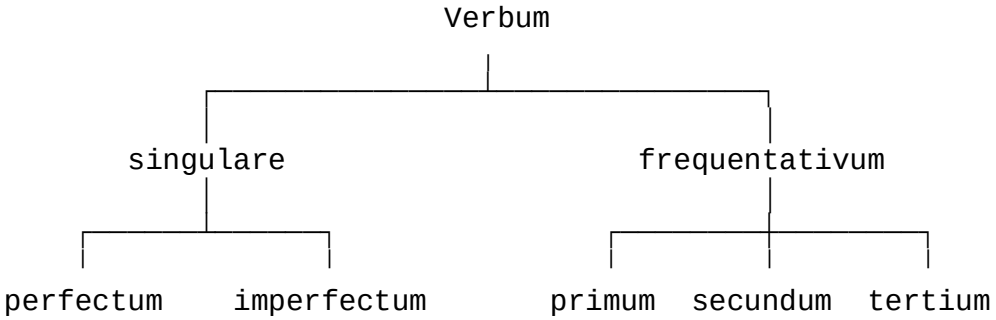
> «Verba Personalia alia sunt. I. *ACTIVA*, quae actionem aliquam ab agente foras prodeuntem significant, & sunt vel **Singularia**, quae unam

[182] «Paul Doležal aus Skalic, zuletzt Pred. in Boca» (Шафарик 1826: 391). См. также Добровский (1819: IX). Аспектуальность в грамматике Долежала исследована Мазоном (1931: 84).

> & Singularem actionem significant: atque talia sunt vel **Perfecta**, significantia actionem vel finitam, vel certo finiendam, ut: *osladiti*, *osladil*, *osladjm*: *dáti*, *dal*, *dám*. **Imperfecta**, significantia actionem in fieri, ut: *oslazowati*, *oslazowal*, *budu oslazowati*: *dáwati*, *dáwal*, *budu dáwati*. **Frequentativa**, quae frequentem actionem vel conatum significant, suntque vel **Prima**, ut: *sladjwám* soleo dulce facere. **Secunda**, seu a primis orta, ut: *sladjwáwám*, soleo frequenter dulce facere» (с. 74).

От Росы система Долежала отличается в первую очередь тем, что перфектные и имперфектные глаголы лишены самостоятельности и подчинены количественной аспектуальности сингулярных глаголов, см. схему:

Схема № 12. Система глаголов Долежала (1746)[183]



Verbum:
I. **Singulare**:
а) **perfectum** - *osladiti*, *osladil*, *osladjm*; *dáti*, *dal*, *dám*
б) **imperfectum** - *oslazowati*, *oslazowal*, *budu oslazowati*; *dáwati*, *dáwal*, *budu dáwati*

II. **Frequentativum**:
а) **primum** - *sladjwám*, *soleo dulce facere*
б) **secundum** - *sladjwáwám*, *soleo frequenter dulce facere*
в) **tertium** (frequentior iteratio actus) - *wjdáwám*, *wycházýwáwám*

Итак, сингулярный глагол подразделяется на перфектный и имперфектный, фреквентативный же глагол - на первый, второй и третий фреквентатив. Одно единичное действие («una & singularis actio») сингулярного глагола (*sladiti*) противостоит повторяемости действия или попытке («frequens actio vel conatum») фреквентативного глагола *sladjwám*. Возникающий («ortum») от первого второй фреквентатив *sladjwáwám* отличается от первого большей частотностью («frequenter»). Хабитуальность, выражаемая фреквентативом, интерпретируется посредством конструкции «soleo» + инфинитив.

Перфектный глагол («verbum perfectum») означает действие уже завершенное или будущее определенно завершенным («actio vel finita, vel certo finienda»). Имперфектный же глагол («verbum imperfectum») имеет значение действия в процессе совершения («actio in fieri») (с. 74-75).

[183] См. Долежал (1746: 74-80).

В плане содержания систему Долежала отличает от Росы признак завершения (конца) действия («actio vel finita, vel certo finienda»), приписываемый перфектному глаголу (с. 74, 76). (ср. употребление слова «absolutus» у Росы). По признаку завершения описание Долежала перекликается с «tempus finitum est» Диомеда (с. 336). От терминов «verbum iterativum» и «verbum semifrequentativum» Росы Долежал отказался, но восстановил «verbum primitivum» и «verbum derivativum» (и «derivatum»), отсутствующие у Росы.

Так, строго говоря, в системе Долежала главное место как бы заняло противопоставление «verbum singulare - verbum frequentativum»[184]. Однако следует учесть тот факт, что, поскольку, по определению, «verbum perfectum» и «verbum imperfectum» являются всегда сингулярными, они приобретают фактически значительный статус в целостной системе. Это отражается в построении аспектуально-темпоральной системы спряжений, где количественная аспектуальность не играет никакой роли. Для дальнейшего развития решение Долежала имеет определенные последствия (см. ниже).

Не все теоретически возможные терминологические комбинации встречаются в тексте грамматики. Например, «verbum singulare perfectum», «verbum singulare imperfectum» не представлены в тексте Долежала, видимо потому, что «verbum perfectum» и «verbum imperfectum» - всегда сингулярные (ср. ниже Бернолак).

Совершенно верно замечание Долежала, что имперфектный и перфектный глагол находятся во взаимном отношении образования и сверх того часто не сохраняются в одном и том же спряжении: «Verbum Imperfectum ex Perfecto & vice versa factum, raro manet ejusdem Conjugationis» (с. 75).

Поясняя значение аналитического будущего и описывая при этом содержание имперфектного глагола, Долежал (с. 76) впервые в славянской грамматике использует экспликацию «actus continuatio» для обозначения продолжения действия. Здесь же впервые приводится правило, по которому будущее с вспомогательным глаголом образуется только от имперфектных глаголов[185]:

> «Infallabilis nota Verbi Imperfecti est futurum formatum ex Infinitivo & Verbo Auxiliari *budu*, *eš*, *e*, ec. ubicunque ergo formare possum futurum per Infinitivum et Verbum *budu*, *eš*, *e*, (quod vel sex annorum pueris, in gente hac educatis, notum est) illud verbum pro Imperfecto habendum erit. Nam quia dicere possum e. g. *budu prosyti*, hinc colligo Verbum *prosyti*, *prosyl*, *prosým*, *prosyw*, *prose*, *pros*, esse Imperfectum, & significare actus continuationem: contra quia non possum dicere: *budu poprosyti*...hinc colligo, verbum *poprosyti*...in omni Modo & Tempore esse Perfectum, hoc est actionem vel finitam, vel certo finiendam denotare» (с. 76).

[184] По мнению Мазона (1931: 84-85), подчинение «verba perfecta» и «verba imperfecta» сингулярным глаголам нарушает исконную систему Нудожера. Ср. также несправедливую оценку Мазона: «La confusion des questions de sens et d'aspect est complete; le système n'apparait pas» (там же).

[185] См. Мазон (1931: 85). То же правило с той же формулировкой повторяет Бернолак (1790: 75).

По нашим наблюдениям, признаки длительности («diuturnitas actionis») и продолжения («continuatio actus») в славянских грамматиках до чешской традиции Росы и Долежала не выступают. Ср. ниже «verba durativa» у Пельцеля (1795: 75)[186].

Темпоральная дефектность, обусловленная видом глагола, описывается так: у перфектного глагола («Verbum Perfectum, seu perfectae significationis») отсутствует настоящее время, так как каждая форма настоящего времени имеет имперфектное значение или означает имперфектное дело («imperfectum opus»). Напротив, перфектный глагол означает или завершенное действие, или действие, будущее определенно завершенным («actionem vel finitam, vel certo finiendam»). Таким глаголом является, в частности, *wyprosyti*, *wyprosyl*, *wyprosým*. Под «futurum proprium» понимается синтетическое перфективное будущее, которого нет («caret») у имперфектных глаголов (с. 76). Имперфектный же глагол описывает будущее при помощи инфинитива и глагола *budu*: *budu prosyti*, *budu kupčiti*, *budu choditi* (там же).

Поясняя разницу между перфектным и имперфектным глаголом, Долежал сопоставляет их претеритальные значения с имперфектом и перфектом в латинском языке, в котором, как известно, нет перфектных и имперфектных глаголов. В силу этого проявляется ряд системных различий в описании. В отличие от латинского («praeteritum imperfectum», «perfectum»), в описании языка-объекта автора аспектуальные атрибуты прилагаются к глаголу («verbum»). Точное содержательное различие данных глаголов указывается так:

> «nam illud [Verbum Imperfectum] actionem vel Passionem in fieri, hoc [Verbum Perfectum] vero jam absolutam significat, e. g. milowal sem amabam, est Praeteritum Verbi Imperfecti, zamilowal sem, domilowal sem amavi Praeteritum Verbi Perfecti» (с. 76).

Формулировка «milowal sem amabam, est *Praeteritum Verbi Imperfecti*» передает исключительно точно статус и значение формы *milowal sem* как прошедшее имперфектного глагола *milowati* (с. 76). Достаточно ясно отмечается также, что данное семантическое различие глаголы имеют или ингерентно («per se»), или приобретают в приставочной композиции и/или в суффиксальной деривации («per Compositionem Derivationemque») (с. 77).

Простые первообразные глаголы перфектного значения («Verba Perfectae significationis Simplicia») *hodjm*, *kročjm*, *kaupjm*, *kleknu*, *padnu*, *trhnu* и др. (с. 77) составляют ограниченный круг глаголов и могут быть перечислены. Многие простые перфектные глаголы образуются посредством окончания («terminatione») от имперфектных на *hám*, *dám*, *kám* и т. д.: *sednu* <- *sedám*, *potknu se* <- *potýkám se*, *zapŕu* <- *zapjrám* и т. п. (там же). При этом двувидовость глаголов *djm* «dico & dicam», *ráčjm* «dignor & dignabor» и *zwěstugi* «denuncio & denunciabo» показывается латинскими формами настоящего и будущего (там же) (см. двувидовость у Нудожера).

[186] В дальнейшем исследовании мы будем пристально прослеживать описание таких содержательных различий, как **длительность**, **продолжение** и **протяжение** действия. Для различения этих понятий мы заметим, что, в отличие от продолжения, длительность не обязательно предполагает начала действия.

Для выражения соответствующего настоящего времени и имперфекта («Tempus Praesens vel Imperfectum») используется форма имперфектного глагола, производного от перфектного глагола, или глагола, имеющего сходное с ним значение: *házým*, *kráčjm*, *krágjm*, *lámám* и *lámi*, *lupám*, *pausstjm*, *skákám* и *skáči*, *sázým*, *wracým*, *chytám*, *chápám*, *chwátám*, *kupugi* и т. д. (с. 77). Ср. Роса (с. 204).

Согласно правильному наблюдению автора, препозитивы не перфективируют уже перфектных глаголов (*wypadnu*), а несколько лишь видоизменяют («aliquantum variant») его значение, но превращают имперфектный глагол в перфектный («ex Imperfectis Perfecta faciunt»): *činjm -> učinjm* (с. 77). Следовательно, здесь речь идет о настоящей приставочной перфективации глагола, разработанной уже Росой (см. выше).

Имперфектные глаголы («Verba Imperfecta») являются или первообразными или производными, простыми или сложными («vel Primitiva vel Derivativa, vel Simplicia vel Composita») (с. 78). В имперфектные входят также все пассивные или инхоативные глаголы («Passiva seu Inchoativa») на *nu* (*mladnu*, *sladnu*), производные от прилагательных (*mladý*, *sladky*) (с. 77). Ср. Роса (с. 230).

Развивая далее принципы деривации Росы, Долежал с учетом даже изменений согласных глагольной основы, описывает совершенно правильно образование приставочного перфектного глагола и соответствующую суффиксальную деривацию (имперфективацию), порождающую настоящие видовые пары: а) *kausám -> wy-kausám -> wykus-ugi*, *sladjm -> o-sladjm -> oslaz-ugi*, б) *kaupjm -> kup-ugi* (с. 78). Кроме того примечательно, что Долежал совершенно сознательно производит имперфектив *dosahugi* от другого имперфектива *dosáhám* без участия перфектива *dosáhnu* («sine interveniente Perfecto dosáhnu»), ср.:

> «Vertuntur autem [Imperfecta] ordinarie prius in Perfecta, ut: kausám vel kaussi, Perfectum wykausám vel wykaussi, hinc Imperfectum wykusugi...sladjm osladjm oslazugi... chwátám rozchwátám rozchwatugi. A quibusdam tamen, sed paucis, etiam *sine interveniente Perfecto* deduci possunt, ut: a dosáhám (Perfectum dosáhnu) dosahugi. Huc pertinent & Perfecta simplicia: kaupjm kupugi...Ab nu venientia n abjiciunt, ut: potáhnu potahugi, wytrhnu wytrhugi» (с. 78).

Этому остроумному приему мешает лишь «ошибка», заключающаяся в том, что имперфектные глаголы образуются препозитивом также от первых фреквентативов: *trháwám -> roztrháwám* («a trháwám fit roztrháwám, quod idem est ac roztrhugi») (с. 78).

По мнению Долежала, простые глаголы в составе таких приставочных, как *wychází́m*, *wyhánjm*, *wywádjm* и т. п. не употребительны («non sunt in usu») (с. 78). В действительности они никогда и не существовали, так как, как известно, «квазиглаголы» типа **cházým*, **hánjm*, **wádjm* возникали только «случайно» в процессе имперфективации. В грамматике они были необходимы для пояснения образования приставочных имперфективов типа *wycházým*.

Принципиально важное правило, сформулированное уже Росой, заключается в том, что посредством приставки каждый имперфектный глагол может превратиться в

перфектный, но ни один фреквентатив в перфектный не превращается: «Omne Imperfectum, mutari potest in Perfectum per Compositionem, & *nullum Frequentativum mutatur in Perfectum*» (с. 79). Так, например, первообразные имперфектные глаголы *chodjm*, *gezdjm*, *nosým*, *wozým*, *wodjm*, *honjm*, означающие значительную продолжительность действия («continuationem notabiliorem actus»), но называемые некоторыми грамматистами семифреквентативами (имеется в виду Роса), становятся перфектными («Perfecta») *dochodjm*, *pochodjm*, *wychodjm* и т. д. (там же).

И Долежал не замечает, что форма *přidáwám* не образуется приставкой прямо от «глагола» *dáwám*, а от перфективной основы *přidá-m*, также как форма *rozwodňugi* не образуется от другого «глагола» **wodňugi*, а от перфективного *rozwodň-jm* (с. 79).

Фреквентативы образуются: 1. от имперфектных глаголов на *m* присоединением перед конечной буквы *m* слога *wá*: *trhám - trháwám*, *činjm - činjwám*, *hledám - hledáwám*, 2. от семифреквентативов путем изменения *ugi* на *ůwám* или *owáwám*: *ohledám*, *ohledugi - ohledůwám*, *oslazugi - oslazůwám*, *kupugi - kupůwám*, *milugi - milůwám*, *pracugi - pracůwám* или *pracowáwám*, 3. от формы прошедшего некоторых глаголов путем изменения *l* на *wám* или *áwám*: *stál - stáwám*, *bral - bráwám* (с. 79). В первом случае перед нами «правильное» акционсартное образование нсв -> нсв, во втором - семифреквентатив, от которой фреквентатив *ohledůwám* также «правильно» образуется, является (в современном смысле) имперфективным членом видовой пары *ohledám - ohledugi* (совр. *ohledám - ohledávám*). (В принципе это не отличается от Росы, см. выше).

Немногочисленными нерегулярными фреквентативами («frequentativa irregularia») без финали *wám* являются *djrám*, *gjdám*, *gjždjm*, *kládám*, *mjrám*, *metám*, *pádám*, *pekám*, образованные от *dru*, *gjm*, *gezdjm*, *kladu*, *mru*, *metu*, *padnu*, *peku* и т. д. (с. 80).

Чешский язык допускает и вторые фреквентативы («Frequentativa Secunda») и даже третьи («Tertia Frequentativa»), в которых заложена более частая итерация действия («frequentior iteratio actus») (*wjdáwám*, *wycházýwám*, *wycházýwáwám*) (с. 80). Так, образование фреквентативов можно подытожить так: 1. «Frequentativa prima» *sladjwám* (<- *sladjm*), 2. «Frequentativa secunda» *sladjwáwám* (<- *sladjwám*) (с. 74), 3. «Frequentativa tertia» *wjdáwám* и *wycházýwáwám* (<- *wycházýwám*) (с. 80).

Остроумно указывается структурное и семантическое различие имперфектного и перфектного глаголов во взаимоотношении времени и вида. Так, изъявительное наклонение охватывет собственно лишь три времени: прошедшее, настоящее и будущее, причем настоящее и будущее имеют одно и то же окончание. Например, имперфектный глагол на *ati* (*wolám*) имеет настоящее на *ám* и описательное будущее, тогда как перфектный глагол на *ati* (*zawolám*), у которого нет настоящего, имеет будущее на *ám* (с. 87).

Согласно Долежалу, для выражения имперфекта («Tempus Imperfectum») в чешском языке употребляется прошедшее имперфектного глагола («Praeteritum Verbi Imperfecti»), для выражения же перфекта («Tempus Perfectum»)

используется прошедшее перфектного глагола («Praeteritum Verbi Perfecti») (с. 89). Долежал обращает внимание на то, что в чешском языке для выражения этих значений существуют два глагола, в отличие от «других» языков, в которых для этого имеются времена одного и того же глагола («in aliis lingvis per unius ejusdemque Verbi Tempora indicari potest»). По этой же причине в чешском языке возможны два плюсквамперфекта «*Plusquam Imperfectum*» и «*Plusquam Perfectum*» (там же). Ср. ниже Бернолак (1790: 77).

В соответствии с традицией, в спряжениях глаголы представляются по весьма удобным видовым парам (нсв - св) (*wolati - zawolati*) (с. 98), которые все же являются случайными, так как в них лексические значения не всегда одинаковы, и более того приставочные перфективы обладают на деле соответствующими приставочными имперфективами, ср. например в шестом спряжении *hrnauti* 'литься ручьями' - *zahrnauti* 'заполнить' (которому соответствует имперфектив *zahrnovati* 'заполнять').

Как было отмечено выше (Роса), аспектуальность и время совместимы в одном и том же типе спряжения только тогда, когда перфектный глагол видовой пары представлен приставочным глаголом. Так обстоит дело и в шести спряжениях Долежала: 1. *wolati - zawolati*, 2. *milowati - zamilowati*, 3. *ležeti - doležeti*, 4. *učiti - wyučiti*, 5. *pjti - wypjti*, 6. *hrnauti - zahrnauti* (с. 98). См. ниже у Томсы (1782 и 1804). Однако здесь следует учесть то обстоятельство, что данная «техника» экспозиции спряжения, имеющая свои преимущества, не противоречит аспектуальной классификации глаголов. Приведем в качестве примера первое спряжение: «**Verbi Imperfecti**», «Infinitivus Modus» *wolati*, «Praeteritum» *wolal*, «Praesens» *wolám*, «Futurum» *budu wolati*. «**Verbi Perfecti**», «Infinitivus Modus» *zawolati*, «Praeteritum» *zawolal gest*, «Praesenti caret», «Futurum» *zawolám* (с. 100).

В виде содержательной экспликации «actio vel finita, vel certo finienda» Павел Долежал канонизирует признак завершения (конца) в чешской традиции. Этим он ввел в славянскую грамматическую традицию завершение (конец) действия как регулярный признак перфективного глагола и сопряженный с ним в плане будущего признак определенности. Дальнейшее отражение эти признаки получили, в частности, в последующей немецкоязычной традиции славянской грамматики (см ниже).

4. ДОЛОМОНОСОВСКОЕ ОПИСАНИЕ РУССКОЙ АСПЕКТУАЛЬНОСТИ

4.0. Экскурс в грамматику Пор-Рояля (1660/1676)

Перед тем как перейти к рассмотрению фактов ломоносовского периода, целесообразно кратко ознакомиться с системой «Общей и рациональной грамматики Пор-Рояля», сыгравшей определенную роль в формировании славянской грамматической мысли[187].

Сперва в грамматике выделяются три основных времени, которые называются простыми («simples»): «Il n'y a que trois temps simples; le Present, comme *amo, j'aime*; le Passé, comme *amavi, j'ay aimé*; & le Futur, comme *amabo, j'aimeray*» (Арно и Лансло 1676: 108). Словом «passé» обозначается прошедшее как один из основных трех времен и временных планов, слово же «preterit» употребляется авторами в составных терминах: «preterit définy», «preterit indéfiny» и т. д. Ср. употребление слов «l'avenir» и «le passé» (с. 111).

Основное время прошедшего («passé»), несмотря на название «простое» («simple»), иллюстрируется синтетическим перфектом *amavi*, но аналитической французской формой *j'ay aimé*. Этой же формой обозначается определенное действие, совершенное только что: «préterit...qui marque la chose precisément faite, & que pour cela on nomme définy, comme, *j'ay écrit*, *j'ay dit*, *j'ay fait*, *j'ay disné*» (с. 108). Этому времени в прошедшем противопоставляется неопределенное время, аорист, который «marque [la chose] indéterminément faite, & que pour cela on nomme indéfiny, ou aoriste; comme *j'écrivis*, *je fis*, *j'allay*, *je disnay*» (там же). Следовательно, неопределенность обусловливается неизвестностью момента совершения данного действия, оно произошло в неопределенном прошлом[188]. Таким образом, форма *j'ay écrit*, имея двоякую функцию, обозначает: 1. основное время в противоположность основным же настоящему и будущему, 2. определенное прошедшее в противопоставлении неопределенному прошедшему времени (*j'écrivis*).

[187] Нами использовано издание: Арно и Лансло (1676), обозначенное в приложении сокращением A & L 1676.

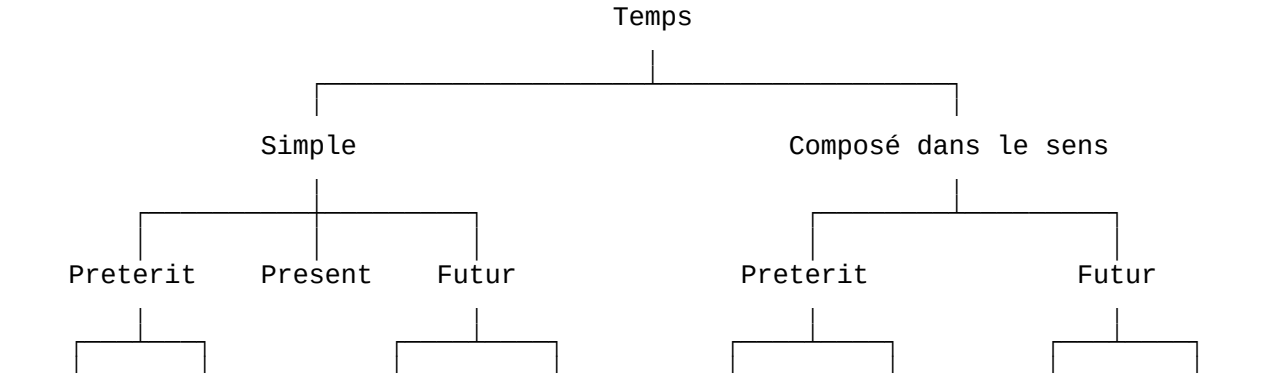
[188] Ср. Арно и Лансло (1990: 160-161).

В плане будущего выступают два аналогичных различия[189], примерами которых авторы приводят греческое близкое будущее («paulopost futur, μετ' ὀλίγον μέλλων») (*πεποιήσομαι, je m'en vas faire*), и будущее вообще (*ποιήσω, je feray*) (с. 109)[190]. Таким образом, признаком определенного будущего является скорое наступление действия, обусловливающее также временну́ю локализацию будущего действия (см. схему).

[189] «Le futur peut aussi recevoir les mesmes differences» (Арно и Лансло 1676: 109).

[190] В издании Арно и Лансло (1676: 109) в качестве примера близкого будущего приводится форма *ποιήσομαι*, а в Арно и Лансло (1990: 161) - *πεποιήσομαι*.

Схема № 13. Система времен в грамматике Пор-Рояля (1676)[191]



Temps:
I. **Simple**:
Present - *amo, j'aime*
Preterit:
définy - *amavi, j'ay aimé, j'ay écrit, j'ay dit, j'ay fait, j'ay disné*
indéfiny ou aoriste - *j'écrivis, je fis, j'allay, je disnay*
Futur:
définy, paulopost, μετ' ὀλίγον μέλλων - *πεποιήσομαι, je m'en vas faire*
indéfiny - *amabo, j'aimeray, ποιήσω, je feray*

II. **Composé dans le sens**:
Preterit:
preterit imparfait - *cum intravit, coenabam, je soupais lors qu'il est entré*
plus que parfait - *coenaveram, j'avois soupé*
Futur:
futur parfait - *coenavero, j'auray soûpé*
deuxième futur - *cum coenabo intrabis, vous entrerez quand je souperay*

[191] См. Арно и Лансло (1676: 108-111), Ср. Арно и Лансло (1990: 160-164).

В свете этого описания среди простых времен как в прошедшем, так и в будущем выделяется маркированное время, характеризующееся признаком *определенности* действия на оси времени по отношению к моменту речи. В плане прошедшего им является определенное прошедшее (выражаемое перфектом), в плане будущего - близкое будущее. Оба определенных времени противопоставляются немаркированным временам, каким в прошедшем является аорист и в будущем нейтральное «общее» будущее. Неопределенность обусловливается тем, что время действия на оси времени не установлено.

Итак, в группу простых («simples») входит пять времен: настоящее, прошедшее определенное, прошедшее неопределенное или аорист, определенное близкое будущее и неопределенное общее будущее. Вторая же группа, времена сложные по значению («temps composés dans le sens»), охватывает: имперфектное прошедшее, плюсквамперфект, перфектное будущее и второе будущее[192]. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что эта группа не содержит настоящего времени.

Из описания прошедших времен в грамматике Арно и Лансло возникает представление, что «preterit indéfiny ou aoriste» (*j'écrivis*) и «preterit définy» (*j'ay écrit*) являются оба как бы способными к выражению перфективного действия. Из них определенное («preterit défini») является «преимущественно» перфективным (СВ), а неопределенное «indéfini» - амбивалентным относительно перфективности (±СВ). Им противопоставляется «Preterit imparfait» (с.110), выражающее всегда и однозначно имперфективность (НСВ) в прошедшем.

Один раз термином «futur simple» указывается на неопределенное общее будущее в латинском языке, употребляемое в имперфективном таксисном контексте: *cum coenabo, intrabis, vous entrerez quand je souperay* (с. 111).

В общеклассификационном смысле грамматика Арно и Лансло использует, как правило, «*sorte, sortes*» (с. 33 и сл.), в то время как слово «*espèce, espèces*» применяется, в частности, к залоговым разрядам глагола (с. 120). См. ниже Сойе (1724), Шарпантье (1768), Борн (1808) и особенно Язвицкий (1810).

4.1. Аспектуальная глагольная деривация Лудольфа (1696)

1. В доломоносовской традиции особое место занимает первая печатная грамматика русского языка Генриха Вильгельма Лудольфа (1655-1712)[193].

[192] Ср. в переводе Бокадоровой: «прошедшее несовершенное», «давнопрошедшее», «будущее совершенное», «второе будущее» (Арно и Лансло 1990: 162-163).

[193] Родившийся в Эрфурте Лудольф учился в городской гимназии и получил образование благодаря деятельному участию своего дяди, крупного ориенталиста Иова Лудольфа. Окончив в 1675 г. университет Йена, Генрих Вильгельм совершил поездку в Англию, где он с 1680 года входил в состав датского посольства в Лондоне. Прослужив позже секретарем датского принца Георгия, Лудольф в 1691 г. вышел на пенсию. Путешествуя по Европе, Лудольф, который владел многими иностранными языками, в январе 1693 года прибыл в Россию. Русский язык он изучал еще до своей поездки. Из Москвы Лудольф привез с собой материалы для своей русской грамматики, которая была составлена

В грамматике Лудольфа античная модель суффиксальной деривации в ее модифицированном виде впервые применяется к глаголу русского языка. Без учета данной модели аспектуальной концепции Лудольфа невозможно понять правильно. Из деривационного принципа, применяемого Лудольфом, вытекает, что производные фреквентативы не находятся в разрыве от примитивов, а между производящими и производными существует осознанное автором аспектуальное соотношение[194]. При этом важно то, что Лудольф образует не отдельные формы, а парные глаголы, которые могли бы, в современной терминологии, называться соотносительными по виду, т. е. видовыми коррелятивами. Это, конечно, не значит, что он сумел применить этот принцип правильно ко всем без исключения глаголам в пределах всей глагольной системы.

Учитывая терминологическую сложность, производные «фреквентативы» Лудольфа нецелесообразно называть «итеративами»[195], так как они на деле таковыми не являются. Настоящих бесприставочных итеративов, равно как и слова «iterativum», у Лудольфа совсем нет. Более того, «фреквентативы» Лудольфа не могут быть «первообразными», так как они - «Derivativa».

Между Смотрицким и Лудольфом очерчивается следующая существенная разница: если у Смотрицкого (1619: 236) «учащательными» являются такие бесприставочные глаголы («на аю и аю»), как *читаю*, *ставаю*, *бѣгаю*, производные от бесприставочных же *чту*, *стою*, *бѣгу*, то у Лудольфа (1696: 26) производными фреквентативами («derivativa frequentativa») в качестве примера выступают уже префиксальные глаголы *умыватъ*, *обманиватъ* с элементом -ыва-[196].

Настоящих бесприставочных итеративов (*брасывать*, *мывать*, *шивать* и т. п.), возникающих в процессе суффиксального словообразования, и, как известно, очень продуктивных в разговорной речи конца XVII века[197], Лудольф совсем не кодифицирует. Их нет даже в словарном составе ситуаций обиходной жизни русско-латинских диалогов грамматики. Не упоминаются также ни маркированные семельфактивы, ни «начинателные», несомненно знакомые Лудольфу из грамматики Смотрицкого.

на латинском языке и издана в Лондоне. О жизни и деятельности Лудольфа см. Кульман (1932), статью «О Генрихе Лудольфе и его книге» в издании Ларина (1937: 9-40), Обнорский (1937/1960: 145-146), введение Унбегауна к изданию: Лудольф (1696: XIII-XV). См. также Яхнов (1984: 716). В наших источниках грамматика Лудольфа известна Добровскому (1820: XIX), считавшему объектом кодификации Лудольфа русский разговорный язык - «die russische Redesprache».

[194] Согласно Унбегауну (1958: 103), Лудольф не вполне разобрался в механизме вида, а классифицировал на чисто морфологической основе первообразные и производные глаголы, в том числе фреквентативы. Там же Унбегаун цитирует неточно «Derivata» вместо «Derivativa» Лудольфа.

[195] См. Живов (1992: 255). Таким образом, наша интерпретация несколько отличается от мнения, что Лудольф, «выделив итеративы как отдельную категорию глаголов, не включает их в парадигму глаголов «первообразных», т. е., видимо, рассматривает данное деление как словоклассифицирующее» (Живов 1992: 255).

[196] См. Рёнкя (1998: 25).

[197] См. Кузнецов (1959: 258-266). Ср. также пример от 1684 г.: «Она Марьица на него Дмитрея работывала, шивала и мывала» (СРЯ 11-17 вв. 9: 329).

Из славянской терминологии видно, что Лудольф пользовался грамматикой Смотрицкого[198], но откуда происходят его латинские соответствия, мы не знаем. Может быть, они из какого-то издания грамматики Доната или Присциана того времени[199]. Сопоставления «Ви́дъ - Species», «первоо́бразныи - Primitivum», «произво́дныи - Derivativum» Лудольфа (с. 2) исключают Доната, у которого еще не было терминов «species primitiva», «species derivativa».

На самом деле Лудольф, хотя и не писал по-русски, в своем списке терминов переносит в русскую грамматику церковнославянскую грамматическую терминологию. Например, в его грамматике впервые применяются к русскому материалу слова «производныи« и «глаголъ», явившиеся церковнославянскими инновациями в «Адельфотисе»[200].

В русской традиции Лудольф замечателен тем, что он первым кодифицирует славянские и латинские терминологические эквиваленты, отмечая, в частности, такие основные для настоящей работы пары, как «Глаго́лъ - Verbum», «Ви́дъ - Species», «первоо́бразныи - Primitivum», «произво́дныи - Derivativum», «Начерта́нїе - Figura», «про́стое - Simplex», «сло́женое - Compositum», «Послѣдую́щїя глаго́лу - accidentia verbi», «Наклоне́нїе неопредѣле́нное - Modus Infinitivus», «Вре́мѧ - Tempus», «Настоѧщее - Praesens», «преходѧщее - Praeteritum», «бу́дущее - Futurum», «Учаща́телныи - Frequentativum» (с. 1-3).

Тот факт, что автор среди основных славянских терминов, унаследованных у Смотрицкого, приводит («глаголъ») «учаща́телныи», но упускает «начинателныи» может обусловливаться тем, что именно первый из них является значимым для описания аспектуальной корреляции первообразного и производного глагола.

2. Ядро аспектуальной концепции Лудольфа заключается в первом абзаце главы «De Verbo», где в предельно сжатой форме дается основной принцип аспектуальной деривации и его семантическая установка. Как видим, там к русскому материалу удачно применяется терминологический аппарат предшествующей традиции:

> «Verba sunt vel Primitiva vel Derivativa. Inter Derivativa creberrimus est usus frequentativorum, quibus semper utuntur, quando de actione indeterminata loquuntur. v. g. **обманивать** Frequentativum est ab **обманить** fallere. Sic dico **на силу наидешъ человѣка которои не обманиваетъ** vix reperis hominem, qui non fallit. Sed si loquar de certo actu, tunc dico **ты обманилъ менѧ** tu me fefellisti. Sic **Умывать** Frequentativum est ab **Умыть** lavare» (с. 26).

[198] Согласно Горбачу (1974: IX), в распоряжении Лудольфа было анонимное издание грамматики Смотрицкого (1648).

[199] Согласно Ларину (1937: 24), Лудольф, кроме терминологического перечня, ничего не заимствовал у Смотрицкого, а на него как и на других славянских грамматистов влияли «общие латинские и греческие образцы», представленные, например, Донатом и Ласкарисом.

[200] О слове «Производный» см. СРЯ 11-17 вв. (20: 138).

Как видим, Лудольф оперирует не формами, а глаголами[201]. По дефиниции автора, глаголы *обманиватъ* и *умыватъ* являются фреквентативами, производными от первообразных *обманитъ* и *умытъ*. Как первообразные, так и производные имеют одинаковое лексическое значение («fallere» и «lavare»).

Примечательно, что, несмотря на префикс, глагол *умытъ*, на основании указанной тождественности лексического значения, является примитивом (точнее: композитивным примитивом), от которого производится композитивный дериватив («derivativum») *умыватъ*. Следовательно, фреквентатив *умыватъ* Лудольфа, - это сложный глагол (в качестве «species»), производный от первообразного сложного же глагола *умытъ*[202]. Не подлежит сомнению, что автор сознал здесь префикс *у-*, ведь в списке типовых глаголов фигурирует бесприставочный глагол *мытъ*, *мою*, *мылъ* «lavare» (с. 37), который должен был бы иметь дефиницию «primitivum simplex».

Суффиксальная деривация Лудольфа примечательна тем, что она по модели глагол -> глагол порождает фреквентативный глагол *умывать* от приставочного перфектива *умыть*. Итак, Лудольф первым применяет к русскому языковому материалу прием предварительной модели суффиксальной имперфективации. При этом у него парные фреквентативы образуются суффиксальным способом от перфективных приставочных глаголов, а не путем префиксации бесприставочных глаголов или искусственных образований.

В плане содержания аспектуальное противопоставление, которое в свете примеров оказывается двучленным и собственно видовым, заключается в словах «*actio indeterminata*» и «*actio certa*». К этим содержательным интерпретациям, в которых Лудольф положил начало семантическим признакам неограниченности, неопределенности и определенности, мы вернемся ниже.

Указывая на неограниченное и/или неопределенное действие («actio indeterminata»), «Frequentativum» Лудольфа является специфическим грамматическим термином, которым обозначается глагол имперфективного действия. Поэтому в списке терминов значится также соответствующий славянский (в данном случае русский) эквивалент «учащателный». Кроме аспектуальной, пара «учащателный - frequentativum» у Лудольфа никакой другой функции не имеет[203].

---

[201] Об отношении формы, глагола и понятия «formae verborum» см. выше. Если бы Лудольф стал сознательно говорить об *умывать* и *обманивать* как о «formae frequentativae», он, пожалуй, решил бы проблему вида за 250 лет до аспектологов прошлого века.

[202] Ср. неточный перевод Ларина (1937: 126): «Глаголы делятся на простые [должно быть: первообразные] и производные. Из производных чаще всего употребляются многократные, ими пользуются всегда для указания на действие неопределенное...».

[203] Замечание «Нельзя ставить в вину Лудольфу, что он не разобрался в видовых формах русского глагола» показывает, что и Ларин (1937: 26) интерпретировал неправильно аспектуально коррелятивные глаголы Лудольфа. Ср. сходное мнение Обнорского (1937/1960: 155). Согласно более справедливому мнению Калинина (1940: 166), под фреквентативами Лудольфа выделяются «глаголы несовершенного вида».

Фактически сочетание «actio indeterminata» Лудольфа ничего не говорит об итеративности действия, а соотносится довольно точно с более общей неограниченностью пределом и с вытекающей из нее неопределенностью[204]. У Лудольфа (как и позже у Сойе) нет ни одного содержательного указания на количественную аспектуальность. Иными словами, объем термина «frequentativum» Лудольфа шире одной лишь повторяемости действия. Если бы Лудольф захотел подчеркнуть итеративность, ничто не помешало бы ему использовать выражение «actio iterata».

Согласно автору, для выражения определенного действия («de certo actu») говорят «ты обманилъ меня tu me fefellisti» (с. 26). Ср. противопоставление «certus» - «incertus» еще у Присциана (с. 405 и сл.). По-видимому, вся латинская терминология Лудольфа («species», «figura», «primitiva - derivativa», «certus actus» и т. п.) восходит к Присциану.

В соответствии с традицией Смотрицкого после суффиксальной деривацией описывается приставочное образование глаголов. По мнению Лудольфа, приставочные частицы специфицируют значение глагола («Particulae verbis compositis additae specificant verbi significationem»): *снести* «portare», *принеси ключъ* «affer clavem huc», *понеси ключъ къ замочку* «porta clavem ad fabrum ferrarium» (с. 26).

В префиксации, которая освещается приставками *с*, *при*, *по*, *вы*, *воз/вз*, *про* (с. 26), изменение аспектуального значения указывается лишь косвенно; характеристики приставок освещаются иноязычными сопоставительными примерами, из которых весьма удачные немецкие эквиваленты применяются и в более поздней традиции: «Про respondet Germanicae particulae *ver* in verbis compositis. питъ bibere пропитъ bibendo absumere, Germ. *vertrinken*. проигратъ *verspielen* ludo perdere» (с. 27).

В списке примеров вместо ожидаемой имперфективной формы выступает иногда перфективная претеритальная форма. Так, в частности, наряду с «правильной» серией *бежатъ - бегу - бежитъ - бежалъ* или *закрытъ - закрою - закрыетъ - закрылъ*, фигурируют «неправильные», смешанные серии: *забыватъ - забываю - забываетъ - забылъ* (вместо *забывалъ*), *привозитъ - привожу - привозитъ - привезъ* (вместо *привозилъ*) (с. 36-39). Ср. также замечание автора относительно глагола *давать*: «дамъ & даю, далъ & давалъ dare» (с. 36). Возникает представление, что автору как бы недоставало места для внесения всех необходимых парных форм.

Лудольф первым применяет к русским языковым фактам два процесса, принципиально важных для описания аспектуальных явлений: 1. Суффиксальную деривацию («видъ», «species»): *обманитъ -> обманиватъ*, *умытъ -> умыватъ*. 2. Префиксальное образование («начертаніе», «figura») и с сопряженную с ней содержательную спецификацию значения глагола: *нести -> снести*, *понести*, *вести -> привести*, *повести*, *ити -> выити*, *питъ -> пропитъ* и т. д. По своей части

[204] Ср. толкования в словаре Дворецкого (1986): *indeterminatus* 'неопределенный', 'беспредельный' (с. 392). Глагол *determino* 'ограничивать, отделять, отмежевывать, определять' (с. 243) является производным от слова *terminus* 'пограничный камень', 'межевой знак', 'граница', 'предел' (с. 767). Экспликация «actio indeterminata» имплицирует, конечно, наличие сочетания *«actio determinata».

сопоставлением терминов «ви́дъ» и «species» Лудольф сознательно или неосознанно усиливает аспектуальную коннотацию у слова «видъ».

В качестве детали отметим, что Лудольф переводит русские имперфективные формы прошедшего латинским перфектом вместо ожидаемого имперфекта: *спалъ*, *писалъ*, *держалъ*, *жилъ* - «dormivi, scripsi, tenui, vixi» (с. 34).

3. Описывая русскую темпоральную систему, Лудольф ограничился тремя основными временами («tempora tria»), не приводя каких-либо аспектуальных характеристик: настоящее («Praesens»), которое оканчивается на *у* или *ю* (*здѣлаю*), прошедшее («Praeteritum»), которое, как правило («regulariter»), оканчивается на *л* (*а здѣлалъ* «feci»), будущее («Futurum»), которое обычно («ordinario») возникает («fit») путем присоединения к инфинитиву слов «буду» или «стану» (*буду здѣлатъ* «faciam») (с. 27)[205].

В списке терминов Лудольф приводит параллель «преходѧщее - Praeteritum», тогда как «прешедшее», «мимошедшее» и «непредѣлное» Смотрицкого, осознанные, по-видимому, чуждыми для русского языка, упущены (с.3). Спрашивается, почему у Лудольфа именно «преходѧщее», а не «прешéдшее», сопоставляется с «Praeteritum», и почему термина «Imperfectum» совсем нет?

«Неопредѣленное» как последнее из шести наклонений связывает Лудольфа с инновацией Смотрицкого, причем Лудольф первым применяет данный термин и его латинский эквивалент «Modus Infinitivus» к русскому инфинитиву (с. 3).

4.2. Отражение наследия Лудольфа в русской грамматике Жана Сойе (1724)

1. Среди наших источников рукописная грамматика, датированная в 1724 году в Париже Жаном Сойе (Jean Sohier), переводчиком церковнославянского, русского и польского языков при Королевской библиотеке, представляет собой первую русскую грамматику на французском языке[206]. В явной преемственности с Лудольфом Сойе естественным образом переносит многое из латиноязычного наследия в описание на французском языке[207]. Кроме того, в связи с обязательным вводным разделом «Осмъ части слова - les huits parties d'Oraison» Сойе включает в свою работу славянские термины Лудольфа и снабжает их теперь аналогами своего родного языка (с. 25-29). Вне этого раздела эти уже русифицирующиеся термины не употребляются.

[205] О трех временах Лудольфа см. Ларин (1937: 26). Ср. Виноградов (1947/1972: 426), который пишет: «Учение о трех временах русского глагола впервые намечено в грамматиках Лудольфа (1696) и Ададурова» (1731). Ср. сюда же Живов и Кайперт (1996: 14).

[206] Сведения о грамматике Сойе имеются уже у Добровского (1822: LXII), Греча (1827: 49) и (1828: 36). Подробнее см.: Унбегаун (1958: 105), Успенский (1987: III-IV), Успенский (1988), Успенский (1992: 82).

[207] По мнению Успенского (1987: IX), первая часть грамматики Сойе «должна считаться переработкой грамматики Лудольфа, а не ее переводом».

После славяно-русско-латинской терминологии Лудольфа в грамматике Сойе впервые выступают русско-французские терминологические соответствия, в том числе важные для нашей темы «Послѣду́ющїя Глаго́лу - Les Accidents du Verbe», «Видъ - Espece», «Перво́образный - Primitive», «Произво́дный - Derivative», «Начерта́нїе - Figure», «Про́стое - Simple», «Сло́женое - Composée» (с. 26)[208].

В отличие от «praeteritum» Лудольфа, «преходя́щее» Смотрицкого получило у Сойе эквивалент «passé»: «Настоя́щее - Present», «Преходя́щее - Passé», «Бу́дущее - Futur» (с. 29). Среди шести «наклоне́нїй» последним является «неопредѣленное - infinitif». Неудачно пара «учаща́телное - frequentative» попала в одну группу со словами «пра́вилное» и «стропо́тное», относящимися к «спряже́нїю» (там же). Инхоатива у Сойе, как и у Лудольфа, совсем нет.

2. Обширная глава о глаголе охватывает более 250 страниц (с. 112-370). Там Сойе переводит дословно и даже с ошибками текст Лудольфа (см. выше), в котором описывается аспектуальное противопоставление первообразных и производных глаголов:

> «Les verbes sont primitifs ou derives: entre les derives les frequentatifs sont le plus en usage; on s'en sert toujours, lorsqu'on parle d'une action indetermineé, comme **обманивать** frequentatif de **обманить** tromper: ainsi je dis **На силу наидешь человека, которой не обманиваетъ** on trouve à peine un homme qui ne trompe. Mais si je parle d'une action certaine, alors je dis, **ты обманилъ меня** tu m'as trompé. De même **умывать** est frequentatif de **умыть** laver, **обчесывать** de **чесать** peigner, **оцѣнять** de **цѣнить** estimer» (с. 112-113).

Вслед за Лудольфом аспектуальное противопоставление, выражаемое глаголами *обманивать* и *обманить*, *умывать* и *умыть*, опирается на признак неопределенности и определенности («une action indetermineé - une action certaine»).

Таким образом, у Сойе, как и у Лудольфа, фреквентативными глаголами являются в первую очередь суффиксальные образования типа *обманивать*, *умывать*, *забывать*, *покупать*, т. е. производные от префиксальных первообразных глаголов, которые в свете приведенных примеров и пояснений по содержанию являются перфективными (*обманить*, *умыть*) (с. 112). В качестве фреквентативов приводятся также *обчесывать* и *оценять*, которые, однако, производятся от бесприставочных примитивов *чесать*, *цѣнить* (с. 113), а не от ожидаемых *обчесать*, *оценить*. Как видим, эти новые примеры не изменяют общей картины фреквентативов как производных приставочных глаголов, по современной терминологии, - вторичных имперфективов. Можно предположить, что Сойе просто опустил здесь известную ему фазу префиксации *чесать* -> *обчесать*.

Осмысление аспектуальной соотносительности отдельных форм сказывается также в том, что формы *даю* и *давалъ* (с. 358) вводятся как настоящее и имперфект глагола *дать* (с. 361), причем, однако, аналитические будущие *буду/стану давать* в парадигму не включены.

---

[208] В дальнейшем транслитерации «Vid» и т. п., составленные Сойе, опускаются нами.

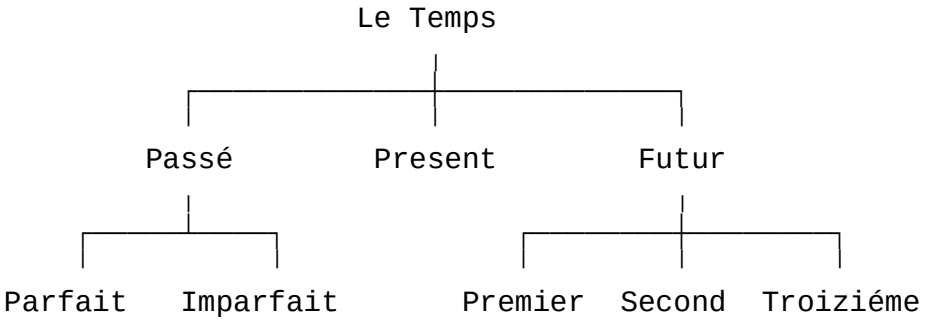
Присоединяемые к глаголам частицы или препозитивы («Particules ou Prepositions») специфицируют значение глагола («specifient la signification du verbe»): *несть* «porter» - *принеси ключь* «apporte icy la clef» (с. 113). Ср. то же у Лудольфа.

3. Времена и их аспектуальные характеристики отличаются от Лудольфа. Базовая темпоральная система состоит из четырех основных времен: «le Present», «l'Imparfait», «le Parfait» и «le Futur» (с. 116). Слово «preterit» выступает только один раз (с. 124).

Видимо, по модели французского языка Сойе вводит снова расчлененные прошедшие времена имперфект, перфект и плюсквамперфект, которых нет у Лудольфа. За исключением второго имперфекта прошедшие времена имеют в индикативе синтетическую форму. Основное противопоставление составляют имперфект и перфект, а плюсквамперфект, который не входит в состав четырех основных времен прошедшего, занимает как бы подчиненное положение по отношению к перфекту. Сойе нигде не поясняет, как он отличается от перфекта. Его значение выражается, может быть, только контекстом.

> «L'Imparfait n'est qu'un frequentatif du parfait par l'addition d'une syllabe au milieu du mot, comme ночевовалъ je passois la nuit est frequentatif du parfait ночевалъ j'ai passé la nuit, дивовался j'etois surpris, de дивился j'ai eté surpris, вставалъ je me levois de всталъ je suis levé, забывалъ j'oubliois de забылъ j'ai oublié, крывалъ je couvrois de крылъ j'ai couvert &c.» (с. 117).

Схема № 14. Система времен Сойе (1724)[209]



Temps:
Present - *прошу*, *плыву*, *несу*, *люблю*, *стою*, *читаю*, *ночую*, *забываю*
Passé:
Imparfait - *ночевовалъ*, *дивовался*, *крывалъ*, *вставалъ*, *забывалъ*
Autre Imparfait - *бывало я читаю*, *бывало я забываю*
Parfait ou/et Plusqueparfait - *я оцѣнилъ*, *походилъ*, *прогналъ*, *забылъ*, *ночевалъ*
Futur:
Premier - *оцѣню*, *поживу*, *прогнаю*, *познаю*, *поночую*, *забуду*
Second - *буду писать*, *знать*, *буду ночевать*, *забывать*
Troiziéme - *стану читать*, *знать*, *стану ночевать*, *забывать*

[209] См. Сойе (1724: 29, 116-122) и обстоятельную парадигматику двух спряжений (с. 143-370).

Второй имперфект, состоящий из имперфекта глагола *быть* и формы настоящего времени главного глагола (*бывало я читаю* «il étoit je lis», «je lisois») (с. 118), употребляется в разговорной речи, и реже, чем первый. Перфект или плюсквамперфект образуется, как правило, путем присоединения одного из препозитивов *о*, *по*, *про*, *вы*, *у*, *со*, *за*, *пере* и т. д. к форме на *лъ*, которым заменяется финаль *ть* инфинитива, например: *цѣнить* -> *оцѣнилъ*, *ходить* -> *я походилъ* «j'ai marché», *гнать* -> *я прогналъ*, *чесать* -> *вычесалъ*, *бить* -> *убилъ* «j'ai tué», *любить* -> *возлюбилъ*, *лгать* -> *солгалъ*, *пѣть* -> *запѣлъ*, *слать* -> *переслалъ* (там же).

Указывая, что имперфект образуется от перфекта «добавлением слога в середину слова» («par l'addition d'une syllabe au milieu du mot»), Сойе одним из первых в восточнославянской традиции использует суффиксальный способ образования аспектуальной формы. (ср. элемент *wám* в чешской традиции). Форма имперфекта однозначна, она не совпадает с формой какого-либо другого времени.

На наш взгляд, итеративная форма, которой Сойе пользуется регулярно и без исключений для образования синтетического имперфекта изъявительного наклонения, особо не предназначена ни для передачи значения отдаленности действия от момента речи, ни плюсквамперфектного значения (такие функции нигде не указываются), а противопоставляется в смысле итеративного или неперфект(ив)ного прошедшего перфекту-плюсквамперфекту. Вне имперфекта индикатива бесприставочные суффиксальные образования не встречаются. В частности, они не употребляются в имперфектных формах субъюнктива типа *я резалъ бы* (с. 194). Плюсквамперфектному значению в системе Сойе посвящена своя форма, называемая «Plusqueparfait».

Вне частого бесприставочного имперфекта образования с суффиксальным элементом *-ва-*, *-а-* выступают в формах фреквентативных глаголов типа *покупать*, *занимать*, *запирать*, *забывать* (с. 278). Таковы, например, настоящее *забываю*, имперфект *я забывалъ*, второй имперфект *бывало я забываю* (с. 286), второе будущее *буду забывать* (с. 287), третье будущее *стану забывать* (с. 288), второе настоящее субъюнктива *чтобы, дабы мнѣ забывать* (с. 289), инфинитив *забывать* (с. 291), причастие настоящего времени *забывающи*, деепричастие настоящего времени *забывая*, страдательное причастие настоящего времени *забываемый* (с. 292). В отличие от имперфекта, образование фреквентативного глагола, его деривация от первообразного («primitif») фактически никак не описывается, а просто показывается примерами.

Систематичность форм типа *цѣнивалъ*, *резывалъ*, а также *забывалъ*, *вставалъ*, *давалъ*, показывает, что Сойе последовательно перенес идею фреквентатива Лудольфа, или его аспектуальную деривацию в целом, на темпоральную парадигму, но одновременно изменил (расширил) первоначальную идею так, что маркированными фреквентативами в прошедшем становятся почти исключительно бесприставочные суффиксальные образования, которых, как уже говорилось, у Лудольфа совсем нет[210].

[210] Согласно Успенскому (1987: XIV), Сойе впервые отмечает как *факт русского языка* употребление форм итератива (*ночевовалъ*, *дивовался* и т. п.) в значении «какого-то особого прошедшего времени».

Вместе с тем формы имперфекта отчетливо противопоставляются другой форме прошедшего, перфекту-плюсквамперфекту, с которым они сопряжены формальным процессом образования.

Индикативные формы, называемые «Imparfait», представлены следующими примерами: *я бывалъ* (с. 143), *я имѣивалъ* (с. 151), *я знавалъ* (с. 163), *я цѣнивалъ* (с. 172), *я ночевовалъ* (с. 182), *я резывалъ* (с. 191), *я любивалъ* «j'aimois» (с. 199), *я дивовалъся* «je m'étonnois» (с. 206), *я хоживалъ* «je marchois» (с. 214), *я носивалъ* «je portois» (с. 222), *я грозивалъ* «je menaçois» (с. 230), *я пущивалъ* «je permettois» (с. 238), *я сыпалъ* «je dormois» (с. 247), *я живалъ* «je vivois» (с. 254), *я могалъ* (с. 264), *я текивалъ* (с. 271), *я купивалъ* (с. 279), *я забывалъ* (с. 286), *я занималъ* (с. 293), *я запиралъ* (с. 300), *я крывалъ* (с. 309), *я мывалъ* (с. 314), *я пѣвалъ* (с. 318), *я зывалъ* (с. 322), *я крадывалъ* (с. 326), *я носилъ* (с. 330), *я водилъ* (с. 334), *я ѣзжывалъ* (с. 342), *я ростывалъ* (с. 346), *я миралъ* (с. 350), *я вставалъ* (с. 354), *я давалъ* (358), *я биралъ* (с. 362), *я емивалъ* (с. 366).

Таким образом, имперфектами являются не только бесприставочные формы типа *ночевовалъ*, *знавалъ*, *давалъ*, но и формы приставочных фреквентативов типа *обманивалъ*, *забывалъ*, *занималъ*, *запиралъ*[211].

При всей мнимой однородности и однозначности имперфекта следует отметить, что способ ее образования, «добавление слога» в форму перфекта, включает с современной точки зрения как бы два принципиально разных процесса. В одном случае (*имѣлъ* -> *имѣивалъ*) речь идет об акционсартном процессе, в котором вид глагола не меняется. В другом же случае перед нами как бы «случайно» правильное грамматическое видообразование (*забылъ* -> *забывалъ*). Иными словами, при понятных и притом отчасти новых правилах формообразования и сравнительно «правильных» результатах (большинство форм, называемых Сойе имперфектами, по всей вероятности, реально существовало) «ошибка» их создателя заключается в том, что одна темпоральная форма образуется от другой темпоральной же формы. Этот прием, имеющий аналог и в образовании первого будущего, повторяется в дальнейшем у многих грамматистов.

Особую группу составляют неоднонаправленные глаголы движения, имперфекты которых не содержат особого формального признака. Так, *носилъ* является имперфектом глагола *несу* (с. 330), *несть* (с. 333) и *водилъ* - глагола *вѣду* (с. 334), *вѣсть* (с. 337). В то же время *носивалъ* оказывается имперфектом глагола *ношу* (с. 222), *носить* (с. 227) и *ѣзжывалъ* (с. 342) - глагола *ѣду* (342), *ѣхать* (с. 345).

В индикативе формально не различающиеся перфект и плюсквамперфект, как правило, трактуются вместе («Parfait ou/et Plusqueparfait»). При этих категориях, выражаемых одной общей формой, так называемая итеративная форма глагола ни разу не используется, ибо имперфект регулярно образуется от формы перфекта: *ночевовалъ* <- *ночевалъ*, *вставалъ* <- *всталъ* (с. 117).

[211] Об оношении «parfait» - «imparfait» (*пустилъ* - *пущивалъ*, *купилъ* - *купивалъ*, *забылъ* - *забывалъ*) см. подробнее: Успенский (1988: 102), Успенский (1989: 241), Успенский (1992: 82 и сл.).

Под перфектом-плюсквамперфектом Сойе должен был понимать в первую очередь перфективную категорию, так как ее формы, по описанию автора, регулярно образуются префиксами *о*, *по*, *про*, *вы*, ср. процесс: *оцѣнилъ* <- *цѣнилъ* <- *цѣнить* (с. 118). Это подтверждается аналогичным правилом образования первого будущего: *цѣню* -> *оцѣню*, *живу* -> *поживу*, *росту* -> *выросту*, *дѣлаю* -> *здѣлаю* (с. 121), освещаемого также исключительно перфективными примерами и противопоставляемого по виду двум аналитическим будущим.

Таким образом, нет сомнения в том, что имперфект и перфект (плюсквамперфект) составляют бинарное аспектуальное (и даже видовое) противопоставление, которому в плане будущего соответствует оппозиция: аналитические будущие - синтетическое первое будущее. Выделение видовых различий в плане прошедшего и в плане будущего позволяет заключить, что Сойе одним из первых, хотя и в пределах темпоральной парадигмы и в недостаточно разработанных терминах, весьма удачно описывает видовую систему русского языка.

Однако последовательность системы нарушается многими имперфективными примерами перфекта-плюсквамперфекта в парадигмах отдельных глаголов: *зналъ* (с. 163), *цѣнилъ* (с. 172), ср. «правильный» *оцѣнилъ* (с. 119). С другой стороны, перфективная форма перфекта и плюсквамперфекта выступает в неиндикативных формах: перфект субъюнктива *чтобы я позналъ* (с. 167), первый плюсквамперфект субъюнктива *я бы позналъ* (с. 168), второй плюсквамперфект субъюнктива *какъ бы я позналъ* и т. д. Эти факты приводят к мысли, что Сойе не удалось довести до конца своей системы, сначала так ясно описанной. (Правда, не исключено, что в отдельных контекстах приводимые формы типа *зналъ* действительно могут выражать перфектное или плюсквамперфектное значение). Или же Сойе все еще колебался между темпоральным и видовым значением данных форм.

Несмотря на множество разных по своей структуре форм, каждый описываемый глагол имеет только одну форму инфинитива. Например, *сплю*, *сыпалъ*, *бывало я сплю* (с. 247), *посплю* (с. 248), *буду*, *стану спать* (с. 249), *чтобы я поспалъ* (с. 251), *поспавъ* (с. 253) организуются все вокруг инфинитива *спать* «dormir» (с. 253). Перфективных инфинитивных форм Сойе, как правило, не вводит (за исключением *купить*, *дать* и некоторых других). Такая же картина открывается при глаголе второго спряжения *цѣнить* (с. 171-180).

Поразительную особенность темпоральной системы Сойе составляют три будущего, различающиеся как формально, так и по значению (см. схему). Первое, синтетическое, образуется препозитивом, присоединяемым к форме настоящего времени: *цѣню* -> *оцѣню*, *крою* -> *закрою*, *дѣлаю* -> *здѣлаю*. По способу образования оно соотносится с перфектом, при котором фигурируют те же приставки (с. 119). Второе и третье будущие различаются по вспомогательным глаголам *буду* и *стану* и противопоставляются первому как имперфективные. В плане темпоральности будущие различаются так, что первым выражается действие без определения его времени по отношению к моменту речи («sans determiner le temps», «un jeur»), тогда как второе будущее выражает относительно близкое будущее действие («dans peu» 'вскоре', «bientôt» 'скоро'), а третье - действие, осуществимое сразу, немедленно («sur le champ», «tout à

l'heure», «à l'instant»)[212].

Как уже было отмечено, описывая времена, Сойе не повторяет аспектуальной дихотомии, представленной при первом определении двух типов глаголов. Однако на основании способа образования и системного положения в противопоставлении двум аналитическим будущим, а также в свете приведенных автором типовых примеров можно полагать, что первое будущее считается аспектуально перфективным. Небезынтересным является сопряжение именно с ним значения долженствования или обязательности («l'action qu'on doit faire») (с. 121). По сравнению с Лудольфом, тип первого будущего Сойе с его системным статусом оказывается весьма прогрессивным нововведением в истории русской грамматики[213]. По части будущего метаязык Сойе отличается исключительным стремлением к точности.

4.3. «Славянороссийская грамматика» Копиевича (1706)

1. В последовательности восточнославянской грамматической традиции скромное руководство Ильи Федоровича Копиевича (1651-1714) занимает особое место своей параллельной славяно-латинской терминологией. Свое «Руководенїе въ грамматыку», которое не считается грамматикой русского языка[214], Копиевич, родом, по-видимому, из Белоруссии, издал в Штольценберге шесть лет спустя после своей латинской грамматики[215]. Свое пособие Копиевич, который не был ученым-языковедом, составил для чисто практических или скорее для коммерческих целей. Поэтому оно имело лишь ограниченное значение в развитии восточнославянской грамматической мысли.

Грамматический текст пособия по «славяноросїискому» языку обнаруживает явную связь с традицией Смотрицкого[216], но практическим характером книги объясняется то обстоятельство, что в нем нет ни следа от остроумной деривационной системы Смотрицкого.

---

[212] Ср. Успенский (1987: XIII) и (1992: 88).

[213] Мы не знаем, была ли грамматика Ужевича, у которого наблюдается почти аналогичное различение будущих, известна Сойе. Ср. также «notas» будущего у Глюка (1704: 267). См. сюда же Успенский (1992: 80).

[214] См. Успенский (1992: 64, 132).

[215] См. Мечковская (1984: 53-56). На белорусское происхождение Копиевича указывают Унбегаун (1958: 106), Унбегаун (1969: VI), Горбач (1974: IX), Мечковская (1984: 53). По мнению Мечковской, вышедшая в Амстердаме «Latina grammatica» Копиевича (1700) явилась первой печатной восточнославянской грамматикой латинского языка (там же).

[216] По мнению Горбача (1974: IX), источником пособия Копиевича послужило московское издание грамматики Смотрицкого (1648). Так, кроме вопроса «Чтѡ е́сть глаго́лъ - Quid est Verbum?» (с. 45), славянский текст определения глагола как части речи в основном соответствует Смотрицкому (1619: 231) (или соответствующему месту в издании 1648 г.). Не исключено, что в распоряжении автора была также русская грамматика Лудольфа.

2. После Лудольфа Копиевич одним из первых вводит в славянскую грамматику параллельную, хотя и неполную, латинскую терминологию. Итак, определенная значимость книги Копиевича состоит в том, что в ней в печатном виде наличествуют латинские соответствия «Praesens», «Imperfectum», «Perfectum», «Plusquamperfectum», «Futurum» славянских терминов «настоящее», «преходящее», «прешедшее», «мимошедшее» и «будущее» (с. 46-47). Как видно, среди времен отсутствует «непредѣлное».

Придерживаясь традиционной номенклатуры Смотрицкого, пособие Копиевича содержит пять славяно-латинских соответствий:

1. «Време настоящее, Tempus praesens» - *Áз*, *Я́ е́смь*, *Ego sum*
2. «Вре́ме преходя́щее, Imperfectum tempus» - *Я́ бы́лъ*, *Ego eram*
3. «Прешéдшее, Perfectum» - *Я́ бы́лъ*, *fui*
4. «Мимошедшéе, Plusquamperfectum» - *Я́ бывáлъ*, *fueram*
5. «Бу́дущее, Futurum» - *Я́ бу́ду*, *Ero*. (с. 46-47, 50).

Все указанные формы относятся к парадигме глагола *быти*, который и является единственным представителем спряжения в пособии. От Лудольфа Копиевич отличается так, что он дифференцирует терминологически три разных претерита, из которых «преходя́щее, Imperfectum» (с. 46) и «прешéдшее, Perfectum» представлены одной славянской формой *я былъ*, а «Мимошедшéе, Plusquamperfectum» имеет однозначную форму *я бывалъ* (*fueram*) (с. 47).

Тот же состав времен дается в сослагательном наклонении: «Настоя́щее, Егда Есмь - praesens, Cum sim. Преходя́щее, Егда я былъ - Imperf. Cum essem. Си́цеже и прешедшее спрягается. Sic & praeteritum conjugatur (с. 49). Мимошéдшее Е́гда я бывáлъ - Plusquamperfectum Cum fuissem. Бу́дущее Е́гда я бу́ду - Futurum Cum fuero» (с. 50).

Из времен Смотрицкого Копиевич опустил «непредѣлное», которое не нашло аналога в русском языке[217]. Вместе с тем примечательно, что поскольку у Лудольфа (1696: 3) имеются лишь аналоги «преходѧщее» - «Praeteritum», «настоѧщее» - «Praesens», «бу́дущее - «Futurum» (см. выше), то латинские соответствия прошедших времен Смотрицкого оказываются своего рода славяно-латинскими кальками, использованными впервые Копиевичем. Текст пособия позволяет заключить, что «прешедшее» имеет как значение «praeteritum» (с. 49), так и значение «perfectum» (с. 47), т. е. «прешедшее» употребляется в двух значениях. Иначе говоря, варианты «praeteritum» и «perfectum» с общим значением «praeteritum perfectum» имеют один однозначный славянский эквивалент «прешедшее».

По латинской модели *esse - fuisse - futurum fore* Копиевич приводит три инфинитива: 1. «неоопредѣлнаго (sic!) настоящее и преходящее, Бы́ти - praesens & imperfectum, Esse» (с. 50), 2. «Мимошéдшее, Яко бы́лъ, Что бывáлъ - Plusquamperfectum, Fuisse», 3. «Бу́дущее, Имать бы́ти, илѝ Яко бу́детъ Что̀ бу́детъ - Futurum. Fore vel futurum esse» (с. 51). Обозначение

[217] Отсутствие у Копиевича «непредѣльного» отметили уже Балицкий (1876 А: 22) и Вейсман (1899: 113).

«Неоопредѣлнаго» («Infinitivi») (с. 50) является опечаткой, которой автор улавливает «неопредѣленное» Смотрицкого.

Следует отметить, что элемент *-ва-* наличествует только в форме «мимошедшего» *бывáлъ* (с. 47) (даже инфинитива *бывати* в пособии нет). Ср. такое же соответствие в сослагательном наклонении *Éгда я бывáлъ* - *Cum fuissem* (с. 50). С точки зрения роли так называемых итеративных образований любопытно, что в грамматике латинского языка Копиевича (1700: 192, 215, 248, 267) примеры плюсквамперфекта переводятся синтетическими формами *оучивали*, *прочитывалъ*, *слыхивалъ*, *бывалъ* или же аналитическими образованиями от итеративных глаголов типа *любивалъ былъ*, *оучивалъ былъ* (1700: 171, 192)[218]. Любопытно, что указанный пример *любивалъ* Копиевича встречается и позже в русской грамматической литературе (см. ниже). Так, вероятно, что в доломоносовский период форму *бывалъ* для передачи латинского плюсквамперфекта *fueram* использовал первым именно Копиевич (1700, 1706).

4.4. Рукописные русские грамматики, написанные по-немецки

4.4.1. Различительные знаки («notae») будущего времени в грамматике Э. Глюка (1704)

В неопубликованной грамматике русского языка переводчика и директора основанной в Москве (1703) гимназии пастора Йоханна Эрнста Глюка (1652-1705)[219] проявляется явная тенденция приспособления русских языковых фактов к латино-немецкой модели описания. В качестве основных источников автор использовал московское издание грамматики Смотрицкого (1648), немецкоязычный компендий латинского языка Йоханна Г. Зейбольда (конец XVII в.), причем под рукой автора должна была быть также грамматика Лудольфа[220].

К сожалению, раздел о глаголе в грамматике Глюка не содержит ни следа аспектуальности предшествующей традиции Смотрицкого и Лудольфа. В ней ни одним словом не высказывается содержание глагольной аспектуальности. Не приводится также параллельная славяно-русская терминология, с которой Лудольф желал ознакомить своего читателя.

Грамматика содержит пять латино-немецких наименований времен: «Praesens», «Imperfectum», «Perfectum», «Plusquamperfectum», «Futurum». В темпоральных парадигмах перфект и плюсквамперфект всегда отождествляются с имперфектом. Приведем в качестве примера формы глаголов *дѣлати* и *любити*: «Praesens» (*дѣлаю* «Ich mache»), «Imperfectum» (*я дѣлалъ* «Ich machete»). Перфект и плюсквамперфект тождественны имперфекту *я дѣлалъ* («gehen wie das Imperfectum») (с. 266). «Futurum» (*я сдѣлаю*, *я стану*

[218] См. Успенский (1989: 232) и Живов (1992: 255).

[219] К биографии и деятельности Э. Глюка см. Кайперт, Успенский и Живов (1994: 19-26).

[220] См. Кайперт, Успенский и Живов (1994: 32). Ср. Успенский (1992: 81).

дѣлати) (267). «Praesens» *люблю*, «Imperf.» *я любилъ*, «Perf: & Plusquam wie das imperf.», «Futurum» *я буду любити* (с. 281). Ср. далее *колю* «Ich stehe», *я кололъ*, *я буду колоти* (с. 287).

Даже прошедшее перфективного глагола обозначается как «Imperfectum», с которым перфект и плюсквамперфект совпадают, ср. времена: «Praesens» *я одолѣю* «Ich überwünde», «Imperfectum» *я одолѣлъ* «ich überwandt», «Perf: & plusquamperf: wie das imperfectum», «Futurum» *я буду* (*стану*) *одолѣли* (так вместо *одолѣти* или *одолѣвати*) (с. 274). Данные примеры говорят о том, что Глюк не осмыслил перфективного значения данного русского глагола[221].

В аспектуальное описание грамматика Глюка вносит мало нового. Лишь при описании будущего автор стремится различить синтетическое и аналитическое будущее. По его наблюдениям, будущее время имеет некоторые «знаки» («einige *notas*»), которые необходимо выучить на практике («ex usu»). В этой связи приводятся примеры: *я здѣлаю* «Ich werde oder will mache[n]», *я увижу*, *Богъ тебя осудитъ*, *я стану дѣлати* «Ich werde oder will machen» (с. 267). Таким образом, под словом «nota» имеется в виду знак, которым различаются две формы будущего. В качестве формальных признаков синтетического будущего указываются приставки *з* (*сдѣлаю*), *у* (*увижу*) и *о* (*осудитъ*), общим же знаком будущего («nota Futuri») является *стану* или *буду* (там же)[222].

Аналитическое будущее *я стану дѣлати* (с. 267), *я буду колоти* (с. 287) и т. д. Глюк составил по модели «буду vel стану здѣлатъ» Лудольфа (1696: 27, 30)[223]. Как было отмечено выше, в славянской традиции данная модель развивалась давно. Об одном из редких аспектуальных различий говорят, пожалуй, «Praesens» *помѣну* и «Futurum» *я буду поминати* (с. 293).

В индикативе все без исключения претеритальные времена, как имперфективные, так и перфективные, называются имперфектами, вследствие чего «imperfectum» означает на деле 'прошедшее'. Словом «Praeteritum» характеризуются только формы причастия прошедшего времени: *бывшiй* (с. 265), *любивый* (с. 283), *коливый* (с. 289), *поминавый* (с. 294). Этот способ отличается существенно от Лудольфа (1696: 27), который совершенно сознательно отказался от перфекта и плюсквамперфекта, как категорий, так и терминов, но сохранил, т. е. вернее приспособил «Praeteritum» к новой безатрибутной функции однозначного русского прошедшего.

Ориентация Глюка на латино-немецкие термины и в особенности неудачное применение слова «Imperfectum» в значении общего прошедшего означают существенный шаг назад в описании русских темпоральных форм. Привнося в русскую грамматику латино-немецкий темпоральный инвентарь, Глюк не пытается

[221] Очевидная видовая пара *одолѣти* - *одолѣвати* зарегистрирована еще в Лаврентьевской летописи 1377 г. (СРЯ 11.-17 вв. 12: 292).

[222] См. Кайперт, Успенский и Живов (1994: 97).

[223] Ср. Живов и Кайперт (1996: 14).

приспособить к нему ни аспектуальную специфику языка-объекта, ни даже темпоральные различия при помощи так называемых итеративных основ.

4.4.2. Русская темпоральная парадигма Йоханна Пауса (1729)

К сожалению, составленное на немецком языке руководство по изучению славяно-русского языка Йоханна Вернера Пауса (1670-1735), преемника Эрнста Глюка в Московской гимназии, не было опубликовано. В существующем только в рукописи пособии русский и церковнославянский языки описаны в пределах одной грамматики[224]. В качестве источника Паус, как и Глюк (1704), использовал московское издание грамматики Смотрицкого (1648), к которой и восходит славянская глагольная парадигма рассматриваемой грамматики. Русскую парадигму Паус составил самостоятельно[225].

В грамматике Пауса засвидетельствованы славянская и русская парадигмы времен с параллельной латино-немецкой и славянской терминологией, вышедшей из-под пера автора[226]:

А. Славянская парадигма:
«praesens» («настоящее») - *люблю*
«praeteritum imperfectum» («прошлое») - *любихъ* или *любилъ*
«indefinitum» («непредѣльное») - *возлюбихъ* или *возлюбилъ*
«perfectum» - *любляхъ* (русск. *люблялъ*)
«plusquamperfectum» («мимошедшее») - *любляахъ* (русск. *любляалъ*)
«futurum» («будущее») - *возлюблю* (Паус 1729: л. 103).

Б. Русская парадигма:
«praesens» («настоящее») - *люблю*
«praeteritum imperfectum» («прошлое») - *любихъ* или *любилъ*
«indefinitum» («непредѣльное») - *возлюбихъ* или *возлюбилъ*
а) «futurum» («будущее») - *возлюблю*. б) «futurum circumscribirt» - *стану*, *буду*, *имѣю брать*, *вести* (Паус 1729: л. 103, л. 119 об).

Общими основными временами как русского, так и славянского глагола являются: «praesens» («настоящее»), «praeteritum imperfectum» («прошлое»), «indefinitum» («непредѣльное») и «futurum» («будущее»). В обеих парадигмах «непредѣльное» представлено последовательно перфективными формами. Явно видовое противопоставление составляют в русской парадигме «прошлое» и «непредѣльное». Из наших источников в грамматике Пауса латинский атрибут «indefinitum» выступает впервые в позиции аспектуального атрибута.

[224] Живов и Кайперт (1996: 5).

[225] Живов и Кайперт (1996: 12-13).

[226] Парадигмы восстановлены по тексту Живова и Кайперта (1996: 13-14). Неясным остается, имеет ли «perfectum» славянский (русский) аналог «прешедшее».

По наблюдениям Пауса, «plusquamperfectum», «мимошедшее» *любляахъ* употребляется весьма редко и имеет в качестве русского соответствия форму *любляалъ*. Русским аналогом перфекта является *люблялъ* (л. 103). Аналитическое будущее со вспомогательными глаголами составляет специфику русского языка, в описании которого Паус следует Лудольфу (1696: 27) и Глюку (1704: 267).

От Максимова система Пауса отличается наличием в обеих парадигмах «непредѣльного», соответствующего функционально перфективному «прешедшему» Максимова, и наличием в церковнославянской парадигме «мимошедшего», которого совсем нет у Максимова (см. ниже). Специфическую черту составляет также «прошлое», получившее в описании Пауса статус терминологического слова[227].

В последовательном развитии описания особую значимость получило то обстоятельство, что две темпоральные парадигмы Пауса являются среди наших источников последними, в которых «мимошедшее» и «непредѣльное» фигурируют в качестве слагаемых темпорально-аспектуальной системы.

Однако в церковнославянской традиции времена Смотрицкого продолжают фигурировать в тех или иных вариациях. Например, в анонимной грамматике 1773 г., напечатанной в Почаевском монастыре (Украина), приводится система пяти времен (без, однако, «непредѣлного») и их латинские эквиваленты, но, к сожалению, без примеров: «Настоѧщее - Praesens», «Преходѧщее - Imperfectum», «Прешедшее - Praeteritum perfectum», «Мимошедшее - Praeteritum plusquamperfectum», «Будущее - Futurum»[228].

В последующей традиции русской грамматики в связи с отказом от церковнославянского канона с его неприменимостью к русским языковым фактам, а именно в период, предшествующий грамматике Ломоносова, происходит упрощение глагольной парадигмы и сокращение количества обозначений времен, «темпорализация» глагольной системы, обусловленная отчасти латино-немецким влиянием, но прежде всего структурой самого языка-объекта.

4.5.1. Четыре времени в грамматике Федора Максимова (1723)

Изданная в Санкт-Петербурге Грамматика церковнославянского языка, составленная иподиаконом Софийского собора и преподавателем Славяно-греко-латинской школы в Новгороде Федором Максимовым, восходит «извлечениями» к московскому изданию грамматики Смотрицкого (1648)[229].

---

[227] Ср. мнение Живова и Кайперта (1996: 14) о близости четырех основных времен и в особенности двух прошедших у Пауса и у Максимова (1723: 35).

[228] См. Нимчук (1979: 104).

[229] Из наших источников грамматику Максимова отмечают Грёнинг (1750: 10) и Греч (1827: 45), Греч (1828: 32). См. далее: Балицкий (1876 А: 23), Кульман (1917: 28-29). Булич (1904: 179) говорит о «второй переделке» московского издания грамматики Смотрицкого (1648). См. также Унбегаун (1958: 98). По мнению Мечковской (1984: 55), грамматика Максимова была вполне актуальной грамматикой для русских.

Темпорально-аспектуальная система грамматики Максимова (1723: 47) состоит из следующих времен[230]:
(а) «глаголъ первообразный» (*чту*): «настоящее» - *чтет*, «преходящее» - *чте*, «прешедшее» - *прочте*, «будущее» - *прочтет*.
(б) «глаголъ учащательный» (*читаю*): «настоящее» - *читает*, «преходящее» - *читаше*, «прешедшее» - *прочита*, «будущее» - *прочитает*.

Время «мимошедшее» Максимов устранил из глагольных времен[231], но нет в составе времен и «непредѣлного» Смотрицкого, функцию которого у Максимова усвоило перфективное «прешедшее». С устранением «мимошедшего» из числа глагольных форм исчезли образования с удлиненной основой *читаа-*. Таким образом, исходным, как бы техническим моментом аспектуализированного подхода для Максимова послужило как раз устранение двух времен и вместе с тем третьей аспектуальной основы из системы грамматики Смотрицкого, что фактически привело к дихотомической трактовке темпорально-аспектуальных форм. Из примеров видно, что в качестве видовых у Максимова фигурируют лишь основы *чт-* (*чита-*) и *прочт-* (*прочита-*). В свете этих данных видовую оппозицию в плане прошедшего составляют «преходящее» и «прешедшее», а в плане настоящего-будущего - «настоящее» и «будущее». К сожалению, нам не известна полностью картина деривационных систем в грамматике Максимова.

Между тем интересно, что «преходящему» сам Максимов приписывает значения повторяемости («частое дѣйство») и «несовершенно прошлого дѣйства», ср.: «Настоѧщее оубо часто, или всегда знаменуетъ бывати, а не единою токмо... Подобнѣ и преходѧщаго частое дѣйство бываетъ, но знаменуетъ несовершенно прошлое дѣйство, ꙗко Лука [10: 30] члвѣкъ нѣкій схождаше... Феофилактъ толкуѧ, не рече, ꙗко сниде, но схождаше...» (Максимов 1723: 51-52)[232].

Как известно, церковнославянским имперфектом, помимо повторяющегося и не повторяющегося (единичного) действия, передавали также хабитуальное действие в прошлом. Пояснение Максимова относительно повторяемости действия не касается введенного им примера «преходѧщаго», так как в данном фрагменте предикат «схождаше» представляет собой типичное употребление имперфекта для обозначения единичного имперфективного и при этом актуально локализованного действия как фона других действий или вернее всей ситуации в прошедшем. Об итеративности здесь не может быть и речи. Форма аориста *сниде* (или *съниде*) была бы здесь невозможна. Зато слова Максимова, согласно которым *схождаше* означает «несовершенно прошлое дѣйство», вполне соответствуют идее о единичном действии 'сходил', 'спускался'. По-видимому, Максимов имеет в виду, что «преходящее» способно выражать как «частое дѣйство», так и «несовершенно прошлое дѣйство», причем последнее не всегда и не обязательно является «частым»[233]. Если однако «частое дѣйство» Максимова действительно содержит

[230] Времена цитируются по Живову (1992: 250). На четыре времени - «настоящее» (*бию*), «преходящее» (*бихъ*), «прешедшее» (*побихъ*) и «будущее» (*побию*)» - Максимова (1723: 35) указывают также Живов и Кайперт (1996: 14).

[231] См. Живов (1992: 250).

[232] Цит. по Живову (1992: 248).

[233] Ср. сюда дискуссию об «итеративной семантике» у Живова (1992: 248, 263).

указание на итеративность, выражаемую «преходящим», то он тем самим отличается от Смотрицкого (1619: 239), у которого в определении «преходящего» об итеративности ничего не говорится (за исключением известных примеров, в которых наречие «часто» налицо). Ср. «ча́сто» в составе определения (*глагола*) «ви́да учащателного» Смотрицкого (1619: 236).

Заслуживает внимания еще следующее обстоятельство в терминологическом развитии. У Максимова первого в наших источниках появляется слово «*прошлое*» («прошлое дѣйство») (с. 51-52). Правда, это слово употребляется не в качестве терминологического атрибута, а как содержательная интерпретация. В этой позиции «прошлое» заменяет церковнославянское «пре́шлое» в тексте Смотрицкого (1619: 239-240).

4.5.2. Пять времен в «Технологии» Федора Поликарпова (1725)

Русский филолог, писатель, переводчик и директор Московского печатного двора и Синодальной типографии Федор П. Поликарпов-Орлов (ок. 1670-1731) известен как автор славяно-греко-латинского букваря (М., 1701) и знаменитого «Лексикона треязычного» (М., 1704). Вместе с тем мы знаем его как редактора московского издания грамматики Смотрицкого (1721), которое воспроизводит оригинал 1619 г.[234] Дошедший до нас лишь в рукописи трактат Поликарпова (1725) не представляет собой грамматики, а является пособием для учителя к разбору церковнославянского текста[235].

В «Технологии» Поликарпова 1725 г. засвидетельствованы следующие пять времен[236]: «настоящее» *я пишу*, «преходящее» *я давеча писалъ*, «мимошедшее» *я давно писывалъ*, *дѣлывалъ* (с. 124), «прешедшее» *я онагда написалъ*, «будущее» *я напишу*. Инфинитив называется «неопредѣленнымъ наклоненіемъ», *писать*, *написать* (с. 117).

В наших источниках термин «прешедшее» выступает последний раз в печатной грамматике Максимова (1723) и в рукописной «Технологии» Поликарпова (1725).

В точки зрения системной эволюции интересно, что в данной системе Поликарпова отсутствует время «непредѣлное» церковнославянской традиции, причем времена иллюстрируются чисто русскими примерами. Подобно Максимову, «прешедшее», объединившее перфективную функцию «непредѣлного», противопоставляется аспектуально (по виду) в первую очередь «преходящему», а вторично также «мимошедшему». Кроме того, в представлении автора прошедшие времена составляют трехчленное темпоральное отношение, маркированное лексическими

[234] См. Успенский (1992: 114), Мечковская (1984: 16, 55), Нимчук (1979: 100).

[235] Поскольку неполная рукопись (Поликарпов 1724) не содержит существенно новых фактов, мы будем трактовать лишь сведения по рукописи 1725 г. См. Успенский (1992: 114).

[236] См. Успенский (1988: 102), (1989: 233) и (1992: 117).

метаязыковыми показателями «оногда», «давеча» и «давно», обозначающими отдаленность времени действия от момента речи[237].

В предложении Поликарпова (1724: 230) и (1725: 107) «мимошедшее, еже простѣ точію употребляемо, - что давно дѣлывалъ» наречие «давно» сочетается с «мимошедшим» с так называемой итеративной основой[238]. Таким образом, в темпоральной системе Поликарпова наречиями «давно» - «давеча» - «оногда» обозначается трехчленная система противопоставлений со значениями: «давно» 'много времени тому назад', задолго до настоящего времени', «давеча» 'немного времени тому назад', 'незадолго перед этим' (ср. выше дискуссию о лат. «modo»), и «оногда» 'когда-то' (или 'когда-нибудь')[239]. Из этих наречий «оногда» оказывается нейтральным по отношению к моменту речи, т. е. действие формы *написалъ* может представляться отдаленным или неотдаленным от момента речи.

Насколько нам известно, первый раз Поликарпов использует русское наречие «давно» в конструкции с так называемыми итеративными образованиями в отредактированной им издании грамматики Смотрицкого (1721), где он заменил церковнославянское слово «дрéвле» русским «давнó» (о «дрéвле» см. выше)[240]. Так, учение о функциях темпоральных наречий Аполлония Дискола и Присциана перенесено на *русскую* почву Федором Поликарповым. Таким образом, описание аспектуальности у Поликарпова во многом основывается на старинном классическом представлении об ограниченности или неограниченности действия на оси времени и об его отдаленности или неотдаленности от момента речи.

4.5.3. Термин «прошедшее» в грамматике Ивана Афанасьева (1725)

Автор сохранившейся лишь в рукописи «Грамматіки рускаго і немецкаго языков» Иван Афанасьев служил при русском посольстве сначала в Вене, а затем в Лондоне (с 1717 г.), куда он был направлен по повелению Петра I. За составление своей грамматики Афанасьев принялся, оставшись без места работы после прекращения дипломатических отношений между Россией и Англией. Немецким языком Афанасьев, по-видимому, овладел в московской немецкой школе, основанной Э. Глюком[241]. По мнению Успенского (1992: 118), «Федор Поликарпов и Иван Афанасьев являются первыми *русскими* авторами, которые занялись описанием *русского языка*» (курсив наш. - Р.Р.).
Афанасьев различает «настоящее», «преходящее», «прошедшее», «мимошедшее» и

[237] Ср. Успенский (1992: 117).

[238] См. Успенский (1989: 233), Успенский (1992: 89, 117-118).

[239] Значения наречий *давно* и *давеча* см. (МАС I: 362, 361), *оногда* (СРЯ 11-17 вв. 12: 375).

[240] Согласно Горбачу (1964: 23), в указанном издании 1721 г. засвидетельствованы следующие конструкции с «давно»: «jéżeli by ja davnó pročítyval (120b), da by azъ davnó čítyvalъ (122b)».

[241] О судьбах И. Афанасьева и его грамматики см. подробнее: Успенский (1989: 222-223), Успенский (1992: 94).

«будущее» время. «Непредѣлного», которое функционально соответствовало бы в первую очередь «прошедшему», в грамматике Афанасьева уже нет. В индикативе формы «преходящего» и «прошедшего» времени, как правило, совпадают[242]. Перфективного синтетического будущего Афанасьев не вводит. Инфинитив носит название «неопредѣленное». Так, состав времен состоит из форм: «настоящее время» *я люблю*, «преходящее время» *я любилъ*, «прошедшее время» *я любилъ* (один раз также *я пребылъ*), «мимошедшее время» *я люблівалъ* «ich hatte geliebet», *я имеевалъ* «ich hatte gehabt», «будущее время» *буду любить*, *буду иметь*, *стану пребывать* (Афанасьев 1725: 31, 34, 37)[243]. По мнению Успенского (1992: 100), здесь «классификационная схема латинского языка, принятая в немецких грамматиках, накладывается на видо-временную систему русского глагола и определяет членение русского языкового материала». Во избежание недоразумений необходимо отметить, что грамматическая терминология Афанасьева существует только на русском языке, а примеры, кроме русского, параллельно на немецком[244].

Если бы термины Афанасьева действительно имели латино-немецкие параллели, то в его системе «прошедшее», соотносясь якобы с лат. «perfectum»[245], имело бы позицию латино-немецкого перфектного прошедшего («praeteritum perfectum»), т. е. функцию как общего прошедшего, так и перфекта. Вследствие этого «прошедшее» Афанасьева занимало бы и системную позицию прошедшего совершенного, противопоставляемого аспектуально «преходящему» («imperfectum»).

Особый интерес представляет собой вопрос, откуда появился новый *русский* термин «*прошедшее*», выступающее в наших источниках впервые у Афанасьева (с. 31). Мы склонны думать, что инновация Афанасьева появилась просто как русский перевод латино-немецкого «praeteritum» и вместе с тем как удачная замена «прешедшего» традиции Смотрицкого.

Следует подчеркнуть, что в системе Афанасьева так называемые итеративные образования (*я имеевалъ* «ich hatte gehabt», *я люблівалъ* «ich hatte geliebet») передают «мимошедшее» русского языка[246], в то время как у Шванвица (1730) они освещают немецкий имперфект (*ich liebte*), и наконец у Грёнинга (1750) в первую очередь «Imperfectum» в русском языке (*я любливалъ* «jag älskade»), которым в случае необходимости передается также плюсквамперфектное значение. В отношении к модели Шванвица Афанасьев представляет собой более старинную фазу, но, по-видимому, переход итеративной формы из плюсквамперфекта в имперфект **немецкого** языка является как раз идеей Шванвица, которую Грёнинг переносит далее в грамматику **русского** языка (см. подробнее ниже).

---

[242] Успенский (1992: 100).

[243] Примеры даются по Успенскому (1989: 230-234).

[244] См. Успенский (1992: 94).

[245] О соотносительности с латинскими временами см.: Успенский (1989: 231) и (1992: 100).

[246] Успенский (1992: 100).

4.6. Данные петербургской немецкой грамматики М. Шванвица (1730)

Немецкая грамматика («Teutsche Grammatica»), составленная в Петербурге из разных источников Мартином Шванвицем (умер в 1740 г.), оказала существенное воздействие на формирование русской грамматической традиции доломоносовского периода[247]. В первую очередь влияние на русское грамматическое мышление связано с именем В. Е. Адодурова, который участвовал активно в редактировании второго (1734) и третьего (1745) изданий грамматики Шванвица[248]. Следы Адодурова отпечатались во втором издании 1734 г., где довольно нескладная терминология Шванвица коренным образом преобразована (эти же следы видны и в тексте самого Адодурова 1738 г.).

В грамматике Шванвица (1730) засвидетельствованы следующие названия и примеры имперфекта, перфекта и плюсквамперфекта[249]:

«*імперфектумъ* я бывалъ ich war» (с. 227), «я хваливалъ ich lobete» (с. 237), «я записывалъ ich schrieb auf» (с. 283).
«*перфектумъ* я былъ ich bin gewesen» (с. 227), «я хвалилъ ich habe gelobet» (с. 237), «я записалъ ich habe aufgeschrieben» (с. 283).
«*плусквамъперфектумъ* я давно бывалъ ich war gewesen» (с.227), «я хваливалъ ich hatte gelobet» (с. 217), «я давно хвалилъ ich hatte gelobet», «я давно записалъ ich hatte aufgeschrieben» (с. 237), «я умирывалъ ich war gestorben» (с. 217, 259)

В целом в данной грамматике отмечаются следующие противопоставления русских форм с неитеративными, итеративными, имперфективными и перфективными основами, соответствующих *немецкому* перфекту (*ich habe gelobet*) и имперфекту (*ich lobete* и т. п.): *хвалилъ - хваливалъ* (с. 237), *любилъ - любливалъ* (с. 217), *былъ - бывалъ* (с. 227-229), *умеръ - умиралъ - умирывалъ* (с. 259), *записалъ - записывалъ* (с. 283), *говорили - говоривали* (с. 287), *былъ голоденъ - бывалъ голоденъ* (с. 291), *соизволилъ - соизволялъ* (с. 293), *писали - писывали* (с. 295)[250].

Коррективы, внесенные Адодуровым в издание 1734 г., устраняют итеративные формы из плюсквамперфекта: *хваливалъ -> хвалилъ*, *умирывалъ -> умеръ* или

[247] Возникновение этой грамматики и биография ее составителя подробно описаны в статье Кайперта (1983). Шванвиц составлял и немецкоязычную грамматику русского языка «Compendium Grammaticae Russicae», фрагмент рукописи которой существует от 1731 г. («Компендиум» 2002). См. Кайперт (1992), Живов (2004).

[248] Третье издание отредактировано Адодуровым и Я. Штелиным, который, по-видимому, редактировал немецкий текст грамматики (Кайперт 1983: 92 и сл.), (Успенский 1992: 104, 168). Для нашей темы не знаменательна анонимная грамматика французского и русского языков, приписываемая в свое время Ивану Горлицкому (1730). См. Успенский (1992: 67 и сл.), Дюрович (1992: 179).

[249] Цитируются по: Успенский (1989: 240-241). Цифра в скобках указывает на издание (Шванвиц 1730).

[250] См. Живов (1992: 256-257, 266). Ср. парадигматику Шванвица (1730: 236-239), воспроизведенную Кайпертом (1983: 106): «ich lobe - я хвалю, ich lobete - я хваливалъ, ich habe gelobet - я хвалилъ, ich hatte gelobet - я давно хвалилъ».

давно умиралъ, а также из имперфекта: *я жигалъ* «ich brennete, brannte» -> *я жегъ*, *я гаривал* «ich brannte» -> *я горѣлъ*, *любивалъ меня* «es liebete mich» -> *любилъ меня*[251]. Часть итеративных образований Адодуров восстанавливает в редакции 1745 года, так как иначе интерпретация имперфекта совпала бы с немецким перфектом, значение которого никогда не передается русской итеративной формой.

Содержание немецкого плюсквамперфекта Шванвиц передает, как правило, русской конструкцией «давно» + перфект: *давно хвалилъ*, *давно записалъ*, *давно говорили*, *былъ давно голоденъ*, *давно соизволилъ*, *давно писали* (Шванвиц 1730: 239, 283, 287, 291, 293, 295). Только в одном случае «давно» сочетается с имперфектом: *давно бывалъ* (там же с.229). (Ср. конструкцию «мимошедшего» с «давно» у Поликарпова). Однако один раз встречается тройное противопоставление: перфектум - имперфектум - плюсквамперфектум: *умеръ* - *умиралъ* - *умирывалъ* (Шванвиц 1730: 259), которое Адодуров исправил на форму: *умеръ* - *умиралъ* - *давно умиралъ* (Шванвиц 1734: 215)[252].

Особо следует отметить, что итеративные формы (*хваливалъ*) и имперфективы (*записывалъ*) передают *имперфект* («Imperfectum») немецкого языка. *Плюсквамперфект* же толкуется, как правило, конструкцией «давно» + перфектум, иногда (редко) одной только итеративной формой (*умирывалъ*, *хваливалъ*). По этим данным можно заключить, что в рассматриваемой грамматике перфект немецкого языка никогда не передается русской так называемой итеративной формой и немецкий имперфект - никогда перфективной формой русского языка. Зато немецкий перфект может соотноситься как с перфективом (*записалъ*), так и с неитеративным имперфективом (*хвалилъ*) русского языка.

Поскольку у Шванвица выступают формы немецкого глагола *loben*, было бы необходимо выяснить, в какой латинской грамматике выступают соответствующие формы глагола *laudare*, которые должны были послужить образцами для Шванвица. Конечно, парадигму глагола *loben* Шванвиц мог заимствовать и непосредственно из какой-то грамматики немецкого языка.

В редакции 1734 г. Адодуров, меняя весьма существенно названия времен Шванвица (1730), как бы возвращается к терминологии Поликарпова и Максимова. При этом он сохраняет «прошедшее» в качестве эквивалента термина «Perfectum», но без аспектуального показателя «совершенно»[253]. В нашем сопоставлении ниже важнейшие термины «несовершенно прошедшее», «совершенно прошедшее» и «прошедшее пресовершенное» в издании 1730 г. цитируются по работе Бауманна (1973: 651), отмечающего также их замену под влиянием Смотрицкого в редакции Адодурова 1734 г. Параллельные транслитерированные названия первой колонки приводятся по: Успенский (1989: 240-241). Предполагаемые нами термины настоящего и будущего отмечены звездочкой:

[251] См. Успенский (1989: 241).

[252] См. Живов (1992: 266).

[253] См. Бауманн (1973: 651).

Шванвиц 1730	Шванвиц 1730	Шванвиц 1734
*презенсъ	*настоящее	*настоящее
імперфектумъ	несовершенно прошедшее	преходящее
перфектумъ	совершенно прошедшее	прошедшее
плусквамъперфектумъ	прошедшее пресовершенное	мимошедшее
*футурумъ	*будущее	*будущее

С этими терминами могут быть сопоставлены названия третьего издания (1745), указывающие, в частности, неразличение в русских эквивалентах немецких «praeteritum» и «perfectum»: «Tempus praesens, imperfectum, praeteritum, perfectum, plusquamperfectum, futurum - время настоящее, преходящее, прошедшее, прошедшее, мимошедшее, будущее»[254].

Почему Шванвиц не принимает в качестве русских вариантов уже укоренившихся «преходящее», «прешедшее» и «мимошедшее», объясняется, пожалуй, тем, что они слишком ассоциировались с церковнославянской традицией, а Шванвиц ведь составлял грамматику немецкого языка. На это разграничение двух традиций может намекать и его инновация, состоящая в замене «прешедшего», которое фигурирует еще у Максимова (1723) и у Поликарпова (1725), на «прошедшее», принятое впоследствии и Адодуровым (1738).

Очевидно, что русские эквиваленты Шванвица соотносятся с терминами «praeteritum imperfectum», «praeteritum perfectum» и «praeteritum plusquamperfectum» латино-немецкой традиции, причем в них выделяются существенные для имперфекта и перфекта аспектуальные экспоненты «несовершенно» и «совершенно», которые остаются эксплицитно не выраженными в соответствующих терминах Смотрицкого, но фигурируют в их содержательных экспликациях (см. выше). При этом не исключено, что комбинации «несовершенно прошедшее» и «совершенно прошедшее» отражают «(nicht) völlig» или «(nicht) vollkommen vergangene» в какой-то немецкой грамматике.

Итак, редактируя второе издание грамматики Шванвица, Адодуров, кроме «прошедшего», которое было принято без какого-либо атрибута, отказался от русских эквивалентов Шванвица и как будто вернулся к церковнославянской традиции. Однако возможно и то, что в соответствии с латино-немецкой грамматической традицией Адодуров и в русских соответствиях стремился к *однокомпонентным* терминам. Иначе говоря, с одной стороны Адодуров руководствовался славянизацией (русификацией) терминологии, а с другой - стремлением к применению однокомпонентных терминов.

Не оспаривая оснований решения Адодурова, важно помнить, что при редакции второго издания (Шванвиц 1734) Адодуров использует для описания грамматических фактов *немецкого* языка терминологию, создававшуюся в *церковнославянской* традиции Смотрицкого. К тому же следует отметить, что, кроме «настоящего» и «прошедшего» в тексте, приписываемом Адодурову (1738), мы не знаем, какой именно *русской* темпорально-аспектуальной терминологией он пользовался бы в работе, написанной на русском языке. Ведь фактически мы не обладаем ни одним

[254] См. Кайперт (1983: 139). На грамматику Шванвица (1730, 1734, 1745), в которой приводятся (в скобках) параллельные иноязычные термины, указывают Бауманн (1973: 650) и Кайперт (1983: 110).

целостным описанием глагола, которое носило бы имя Адодурова. Несмотря на это, в основном нами принимаются и учитываются результаты, достигнутые за последние годы относительно роли Адодурова в развитии описания интересующих нас явлений.

Что касается инфинитива, то в грамматике Шванвица используется «неопредѣленное наклоненіе» в качестве эквивалента термина «modus infinitivus» в соответствии с традицией Смотрицкого[255].

Разрабатывая дальше русский грамматический метаязык, Шванвиц и Адодуров оказывали определенное влияние на формирование взглядов и терминологии Ломоносова[256].

4.7. Наследие Лудольфа в отражении Адодурова (1731)

Известный грамматический очерк русского языка первого адъюнкта Академического университета Императорской Академии Наук Василия Евдокимовича Адодурова (1709-1780) был издан при Вейсманновом Немецко-Латинско-Россійском Лексиконе[257]. С именем Адодурова связана также рукопись русской грамматики, дошедшей до нас только в тетрадях Ивана Сердюкова и называемой «пространной грамматикой» Адодурова (1738)[258].

Как уже говорилось, на формирование терминологии «Anfangsgründe» Адодурова повлияла Немецкая грамматика Мартина Шванвица (1730). В разделе о глаголе («Von dem Verbo») (с. 37) автор сопоставляет русский, немецкий и латинский языки. Словообразовательные термины «Simplicia» и «Composita» (с. 39) Адодуров использует без категориальных «Figura» и «Species» (см. ниже).

Отметив два спряжения и перечислив залоговые группировки глаголов («Genera Verborum»), автор описывает соотношение первообразных и производных глаголов в русском языке:

> «Ferner sind die Verba entweder Primitiva, von denen andere herstammen, oder Derivativa, die von einem Primitivo begleitet werden. Letztere werden wiederum in *Verba Inchoativa und Frequentativa* unterschieden. Der Inchoativorum Endigung pflegt gemeiniglich in Praesenti *ѣю* zu seyn, so wie bey den Frequentativis die Endigung *аю* oder *яю* im

[255] См. список терминов у Кайперта (1983: 137).

[256] См. Кайперт (1983: 111-112, 115, 120).

[257] В наших источниках грамматический очерк Адодурова (1731) отмечен у Добровского (1820: XXII) и Греча (1827: 50), (1828: 37) с пометой: «Сказываютъ, что она сочинена была однимъ изъ первыхъ тогдашнихъ знатоковъ Русскаго языка».

[258] См. Успенский (1975: 12). Наиболее полно анонимный очерк (1731) и его связь с именем Адодурова, а также «пространная граматика» Адодурова (1738) исследованы в работах Б. А. Успенского (1975), (1992: 64 и сл.). Об источниках «Anfangsgründe» см. также Дюрович (1992).

> Gebrauch ist. Diese werden häuffig gebraucht, vornehmlich wenn von einer *unbezirckten* Handlung die Rede ist» (с. 38) (курсив наш. - P.P.).

Не трудно видеть, что этот абзац с его аспектуальной характеристикой перекликается с грамматикой Лудольфа (см. выше)[259]. Однако наличие инхоативных глаголов («Inchoativa»), которых нет у Лудольфа, показывают, что автор пользовался также какой-то грамматикой традиции Смотрицкого. Такими могут быть или Смотрицкий, (1721) или Максимов (1723)[260].

По изложению Адодурова, фреквентативы («Frequentativa») на *аю* и *яю* употребляются тогда, когда речь идет о неограниченном действии («eine unbezirckte Handlung») (с. 38). В этом определении атрибут «unbezirckt» связан с глаголом *bezirken*[261]. При этом данный атрибут отражает («actio») «indeterminata» Лудольфа и («une action») «indetermineé» Сойе. Любопытно, что «eine unbezirckte Handlung» Адодурова является первым выражением, в котором содержание фреквентативного (и имперфективного) глагола передается словом, связанным с представлением о пределе действия, а не термином, указывающим на завершение действия, которые появляются позже (см. ниже «Ende», «Vollendung», «vollendet» и т. п.). Можно, конечно, постулировать существование и противоположного понятия: «eine bezirckte Handlung». Таким образом, признак неограниченности относится к третьей, сравнительно новой группе описания аспектуальности (см. выше).

По содержанию аспектуальное противопоставление Адодурова «eine unbezirckte Handlung» (с. 38) - «eine determinirte Action» (с. 43) граничит с оппозицией «actio indeterminata» - «actus certum» Лудольфа (см. выше). Однако у Адодурова наблюдается как бы сдвиг по направлению к «пределу» действия (ср. ниже Грёнинг).

Содержательная экспликация «eine determinirte Action» приводится в связи с пояснением парадигмы первого спряжения: «Ist von einer *determinirten Action* die Rede, so gebraucht man an statt dieses Verbi Simplicis [*дѣлать*] dessen Compositum *здѣлать* machen, conficere; es hat aber dieses Compositum kein Praesens Indicativi» (с. 43). Данная экспликация имеет или значение 'определенное' (вытекающее из ограниченности), или 'законченное действие'. Если это место заимствовано у Лудольфа (1696: 26), то и здесь подразумевается определенность действия. Ср. «de certo actu» выше. Вместе с тем можно, конечно, предположить, что пояснение «eine determinirte Action» относится и к другим перфективным формам.

По мнению исследователей, в определении состава временных категорий Адодуров следовал за Лудольфом[262]. При типовых спряжениях Адодуров приводит только три

---

[259] Ср. Бауманн (1964: 190).

[260] Ср. Живов (1992: 265).

[261] См. гл. *bezirken* «отграничивать, ограничивать» (БНРС I: 259).

[262] Живов и Кайперт (1996: 24). Сомнительно предположение Грунского (1910: 17-18), что Адодуров якобы воспользовался латинской грамматикой иезуита Альвара. Emanuel Alvarus (Alvarez), De

основных времени: «Praesens», «Praeteritum», «Futurum». О сознательном решении свидетельствует замечание автора:

> «Von dem Imperfecto und Plusquamperfecto wissen die Russischen Verba eigentlich nichts, wo aber dergleichen Expressionen vorkommen, pflegt man zu dem Perfecto die Adverbia *недавно* nicht längst, und *давно* längst, hinzuzusetzen, als: ich lass я недавно читалъ; ich hatte gelesen я давно читалъ» (с. 39).

Так, добавление наречия «недавно» к перфекту («zu dem Perfecto») вызывает имперфектное значение 'я недавно (только что) читал', а добавление к нему слова «давно» - соответственно значение плюсквамперфекта. Тут следует учесть, что «zu dem Perfecto» означает здесь явно то же, что «zu dem Praeterito», т. е. имеется в виду, что «недавно» и «давно» добавляются к форме недифференцированного прошедшего. Точно таким же образом это описывается у Грёнинга (1750: 129)[263].

Текст грамматики позволяет заключить, что «Praeteritum» напоминает перфект, является «перфектообразным», несмотря на то, что его примером служит имперфективная форма *читалъ*. Его значение может специфицироваться (локализироваться) наречиями «давно» и «недавно» таким же образом, как в греческом наречия «ἄρτι» и «πάλαι» могут определять значение аориста, и в латинском «modo» и «olim» (или «iam pridem») значение формы перфекта (см. выше). Ср. употребление наречий «давеча» - «давно» - «оногда» у Поликарпова (см. выше).

Если же конструкция «давно» + перфект передает немецкий плюсквамперфект Шванвица (1730)[264] и если одним из источников Адодурова (1731) оказывается эта грамматика, то Адодуров переносит конструкцию с «давно» *из немецкой грамматики в описание русского языка*. Бесприставочные итеративные образования типа *любливалъ* у Адодурова (1731) не выступают. У Шванвица же конструкция с «давно» может восходить к Поликарпову или же просто переводить непосредственно латинское «olim» или немецкое соответствие с «längst» («längst vergangene») (см. выше)[265].

Описывая синтетическое будущее, автор показывает, каким образом оно образуется присоединением определенных частиц («Particuln») к настоящему времени. Об аспектуальном значении автор здесь ничего не говорит. Так, при некоторых глаголах будущее образуется присоединением частиц *по*, *на* и им подобных к настоящему времени, например *пойду* «ich werde gehen» образуется от *иду*, *налью* «ich werde giessen» - от *лью*. Будущее композитивных глаголов («Verba Composita») на *нуть*, *овать* или *ѣять* формируется таким же образом, как настоящее «их» простых: *нагнуть* -> *нагну*, *изтолковать* -> *изтолкую*,

---

institutione grammatica latina, Lissabon 1572. См. Голлинг (1903: 50).

[263] Ср. Живов (1992: 267).

[264] См. Живов (1992: 266), Ср. Кайперт (1983: 106).

[265] Указанные латинские наречия могут фигурировать в латинских грамматиках начала XVIII в. («Vollständigere lateinische Grammatica Marchica» и др.). См. Живов (2004: 147) (позже также в переводе «Сокращеніи грамматики латинской» Лебедева (1746).

посѣять -> *посѣю*. Будущее глагола *ночевать* тождественно настоящему времени, т. е. *ночую* означает «ich übernachte» и «werde übernachten» (с. 39). Пояснение здесь формы *ночую* как настоящего и будущего имплицирует двувидовость данного глагола в представлении автора.

Не лишено перфективного смысла также образование будущего посредством приставки *по* во втором спряжении (*Я повѣрю* «ich werde glauben»). Однако текст Адодурова не разграничивает значений аналитического и синтетического будущего: примеры *я буду вѣрить* и *я повѣрю* переводятся одинаково «ich werde glauben» (с. 43). Вместе с тем введение и сопоставление двух разных будущих говорит об осмыслении аспектуального различия между ними. Аналогичным образом различие двух форм прошедшего показывается просто примерами *Я вѣрилъ oder повѣрилъ* «ich habe geglaubt» (с. 41).

Аспектуальные различия, несомненно осмысленные Адодуровым, не получают у него отдельного описания, но выявляются прямо или косвенно в следующих моментах: 1. По модели суффиксальной деривации возникают «Verba Inchoativa» и «Frequentativa», из которых последние означают «eine *unbezirckte* Handlung». 2. Композитивы (*сдѣлать*) выражают «eine *determinirte* Action». 3. Префиксация форм настоящего времени порождает такие формы будущего, как *пойду* и *налью*, которые соотносятся с аналитическими формами *буду* (*стану*, *имѣю*) *писать*. Соотносительные пары типа *буду лить* - *налью* не приводятся, но зато составлен отличный пример *спишу* - *буду списывать* «ich werde abschreiben» (с. 39), без, однако, пояснения содержательных различий между синтетической и аналитической формой. Указание на перфективное значение композитивов заключается в сопоставлении русского *здѣлать* и латинского *conficere* и в замечании автора, что композитив *здѣлать* не имеет настоящего времени в индикативе (с. 43). Это сопоставление приставочных глаголов двух языков может быть связано со стремлением указать на сужение и уточнение значения бесприставочного глагола посредством префикса.

В качестве детали мы отметим, что среди наших источников Адодуров первым описывает русские глагольные действия немецкими словами «Handlung» (с. 38) и «Action» (с. 43) (см. приложение).

В свете данных Шванвица и Адодурова необходимо вернуться к термину «*прошедшее*». Как уже говорилось, термин «прошедшее время» засвидетельствован уже в грамматике Ивана Афанасьева (1725) (см. выше). Подобно Афанасьеву, Шванвиц (1730) заменяет церковнославянское «прешедшее» традиции Смотрицкого термином «прошедшее» со значением 'praeteritum' и 'praeteritum perfectum'. На наш взгляд, Афанасьев и Шванвиц пришли к своим решениям независимо друг от друга. Историю «прошедшего» продолжает в редакции грамматики Шванвица (1734) Адодуров, который использует его также в своей *русской* грамматике, ср.:

> «Глагол *вожу* когда онъ есть учащателный глагола *везу* тогда съ своими сложными перемѣняет *ж* въ настоящем и въ прошедшем времени на *з* на прим: *вожу*, *возишь*, *возилъ*, *перевожу*, *перевозишь*, *перевозил*, но когда онъ есть учащателный глагола *веду*, тогда съ своими сложными *ж* в' помянутых времѣнах перемѣняет на *д* напр: *вожу*, *водишь*, *водил*, *навожу*, *наводишишь* (sic!), *наводил*» (Адодуров 1738: 103).

Итак, первыми термин «прошедшее» в значении претерита в грамматике *русского* языка употребляют Афанасьев (1725: 31) и Адодуров (1738: 103). В печатной грамматике данный термин канонизирован Ломоносовым (1755: 414). Судьбу «прошедшего» можно подытожить так: «παρεληλυθὼς» (Дион. Фрак.) -> «минувьшее», «мимошьдьшее», «мимошедшее» (ОЧС 1400, 1500); «praeteritum» (Донат, с. 360) -> «мину́вшее» (Толмач/«Донатус» 1522: 554), «прешедшее» (Толмач/«Донатус», с. 566) -> «прешéдшее» (Смотрицкий 1619: 239) -> «проми́ньено» (Крижанич 1666: 3) -> «прошедшее» (Афанасьев 1725), (Шванвиц 1730), (Адодуров 1738: 103).

С указанным выше текстом связан еще такой интересный факт, что в нем впервые, в предполагаемом авторстве Адодурова (1738: 103) тексте *русские* глаголы движения *возить*, *водить* описываются как «учащателные глаголы», производные от своих пар *везти*, *вести*. Ср. ниже трактовку «учащательных» типа «вожу̀», «ношу̀» у Барсова (1788: 560) и Греча (1811).

Критики упрекали Адодурова в том, что он якобы не сумел заменить описание глагола Смотрицкого лучшим и поэтому охарактеризовал русский глагол «очень кратко и неполно»[266]. Мы сказали бы, что Адодуров сознательно устранил из учения о глаголе Смотрицкого нерелевантные для русского языка элементы и при этом не добавил ничего, что противоречило бы русским языковым фактам.

4.8. «Россійская грамматика» Микаэля Грёнинга (1750)

В кодификации аспектуального описания собственно русского языка эпохи, завершаюшей традицию Смотрицкого и непосредственно предшествующей ломоносовской, увидевшая свет в печатном виде «Россійская грамматика» Микаэля Грёнинга (1714-1778) имеет неоспоримую ценность[267]. Она предоставляет отличную точку опоры в сопоставлении данных последней фазы доломоносовского периода и последующего за ним во многих отношениях поворотного времени[268]. Без данной грамматики сведения многих неопубликованных трактатов первой половины XVIII века не приобрели бы должной достоверности, повисли бы в воздухе. Вписываясь в поколение молодых академических грамматистов Петербурга, Грёнинг великолепно кодифицирует его достижения в области универсальной грамматической модели и

[266] Булич (1904: 213).

[267] Микаэль Грёнинг родился 26-го ноября 1714 г. в городе Вааса (Финляндия). По смерти отца мать с сыном переехали в г. Лаппеенранта, откуда Микаэль в 1729 г. отправился в Петербург. Получив там начальное образование, Микаэль устроился помощником и переводчиком французского астронома и картографа Ж. Н. Делиля. С 1743 г. он занимает должность переводчика французского, немецкого, шведского и финского языков в царской канцелярии. Почти одновременно Грёнинг начинает преподавать иностранные языки в Академической гимназии. В 1748 году Грёнинг выезжает в Стокгольм, где с начала 1750-х годов занимает должность штатного переводчика и составляет свою грамматику русского языка. Микаэль Грёнинг умер 2.12.1778 (подробнее см. Рёнкя 2000).

[268] Любопытен вопрос, перекликается ли название «Российская грамматика» Ломоносова с тем же названием у Грёнинга и «Grammatica Russica» Грёнинга с идентичным заглавием у Лудольфа.

вместе с тем предвосхищает наступающий период Ломоносова[269]. Для нашей тематики его пособие, пожалуй, не обнаруживает каких-либо революционных открытий, но служит достоверным печатным источником фактов, подтверждающих ряд предположений относительно развития аспектуального описания.

Единственными источниками, на которые ссылается автор (с. 10), являются грамматики Смотрицкого (1648) и Максимова (1723). Однако сравнительный анализ показывает, что источниками Грёнинга послужили также грамматический очерк 1731 г. и первая часть (орфография) «пространной грамматики» Адодурова (1738). Вместе с тем интернациональная (латинская) терминология и некоторые другие факты, указывают на то, что Грёнинг пользовался также данными немецкой грамматики Шванвица[270]. В данной терминологии отражаются общие принципы, бывшие в обиходе в европейской грамматической практике начала XVIII века[271].

Из восьми глагольных свойств суффиксальная деривация («Species»: «Primitivum», «Derivativum») и префиксальное образование («Figura»: «Simplex», «Compositum») освещаются в глагольной морфологии. Первый раз они поясняются в самом начале этимологической части грамматики («Etymologien»), где в качестве примера глаголов даются «Simplex, enkelt» *учу* и «Compositum, sammansatt» *обучаю*. Примером производного глагола («Derivatum») здесь служит *королевствую* «jag regerar» (от *король*) (с. 72).

С традицией Смотрицкого Грёнинга связывают сами глаголы, выступающие в качестве примеров суффиксальной деривации: «Verba Primitiva» *чту*, *бѣгу*, «Verba Derivativa» - «Verba Inchoativa» *теплѣю*, *согрѣваюся*, «Verba Frequentativa» *читаю*, *бѣгаю* (с. 127)[272].

Воспроизведенное ниже ядро глагольной деривации Грёнинга содержит в виде латинских (латино-шведских) эквивалентов всю основную номенклатуру традиции Смотрицкого и в русифицированном виде многие из его подлинных примеров:

> «Verba äro antingen Primitiva, ifrån hwilka andra härstamma, såsom: чту, **jag läser**; бѣгу, **jag löper**; eller Derivativa, som af the förra härledes, til Exempel: читаю, бѣгаю. Uti Swenskan är emellan them ingen åtskillnad. Derivativa warda åter i Verba Inchoativa och Frequentativa indelte. The senare hafwa ändelserne аю eller яю, och bemärka en oftare uprepning eller någon förrättning, såsom: читаю, **jag läser**, росказываю, **jag förtäljer**; men Inchoativa lyktas på ѣю och

[269] В европейской языковедческой традиции первые сведения о грамматике Грёнинга передавали Добровский (1820: XXII) и Рейф (1821: XII).

[270] По мнению Успенского (1975: 19), (1992: 72-73), грамматика Грёнинга просто перевод «пространной грамматики» Адодурова (1738), но обнаруживает все же «больше сходства со вторым изданием грамматики Шванвица (1734), чем с первым ее изданием» (Успенский 1992: 147, примеч. 91).

[271] См. список терминов у Кайперта (1983: 134 и сл.).

[272] То что Грёнинг прибег здесь именно к славянскому источнику, подтверждается тем, что в немецко-русском списке терминов Шванвица ни «Verbum Frequentativum», ни «Verbum Inchoativum», ни их русские соответствия не числятся (см. Кайперт 1983: 134-140). По-видимому, они и не ощущались особенно нужными для немецкой грамматики. Ср. Живов (1992: 258).

> ся med Particulis со och разъ föransättande, och betyda något, som å nyo börjas, til Exempel: теплѣю, **jag wärmer**; согрѣваюся, **jag wärmer mig**; разгораюсь, **jag brinner**; разнемогаюсь, **jag blifwer siuk**.
> Verba hafwa twenne Figuras, Simplex, såsom мѣряю, **jag mäter**, composita: размѣряю, **jag utmäter**» (с. 127).

Вряд ли случайно у Грёнинга в качестве производного инхоатива фигурирует *согрѣваюся* «jag wärmer mig» (с. 127), ведь точно тот же «начинателныи» *согрѣваюся* служит примером у Толмача («Донатус» 1522: 552). Вместе с тем и второй пример инхоатива *разгораюсь* «jag brinner» перекликается с примером Толмача *разгрѣюся* (*разгрѣваю* в петербургском списке) («Донатус»: там же). По-видимому, однако, Грёнинг здесь следует грамматике Максимова. В соответствии с традицией Смотрицкого инхоативу приписывается значение начала действия («något, som å nyo börjas»).

С церковнославянской традицией явно связана также экспликация «en oftare uprepning» (с. 127) фреквентативного глагола, передающая слова «ча́сто... творю̀» у Смотрицкого (1619: 236). Здесь важно отметить, что данная экспликация частой итерации касается лишь производных фреквентативных глаголов (*читаю*, *бѣгаю*, *росказываю*) с финалями *аю* и *яю*. Слово «förrättning» (от *förrätta* 'делать, исполнять, совершать') соответствует «творенію» Смотрицкого (там же). Необходимо отметить, что в аналогичном месте Адодуров (1731: 38) говорит не об итерации, а о неограниченном («unbezirckte») действии. Так, по сравнению с предыдущей традицией (Лудольф, Сойе, Адодуров), Грёнинг единственный грамматист, который употребляет наглядную экспликацию, указывающую на частое повторение действия фреквентативного глагола.

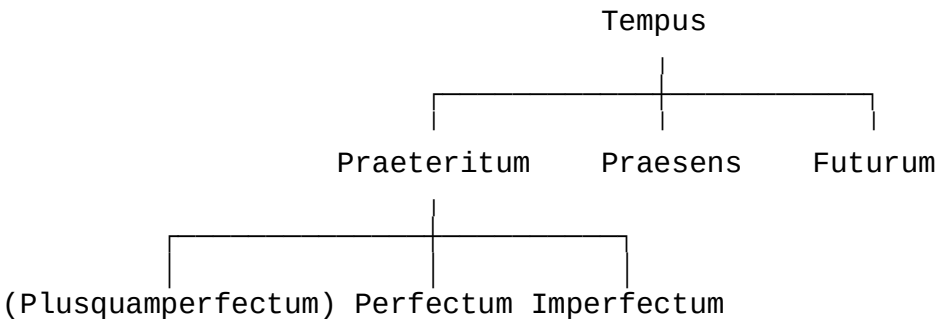
В префиксальном образовании («Figura») простой глагол *мѣряю* приобретает приставку *раз*, которая в данном случае изменяет только лексическое значение исходного глагола, и, судя по примеру, не влияет на вид производного *размѣряю*, т. е. префиксация *мѣряю* -> *размѣряю* происходит в пределах НСВ.

Времена Грёнинг описывает так:

> «Tempus är fyrahanda, nemligen: Praesens, Imperfectum, Perfectum och Futurum. Praesens är then närwarande tiden, såsom: *люблю*, jag älskar, *учуся*, jag blifwer underwisad. Imperfectum betyder något, som icke är fullkomligen förbi gått...: *я любливалъ*, jag älskade; *я учивался*, jag blef underwisad. Perfectum utmärker en tid, som fullkomligen är förfluten, såsom: *я любилъ*, jag hafwer älskat; *писалъ*, jag hafwer skrifwit; *прочолъ*, jag hafwer genomläsit. Futurum wisar något, som skie skal...: *прочту*, jag wil eller skal genomläsa; *напишу*, jag wil eller skal skrifwa; *выучу*, jag wil eller skal lära. Uti ryskan blifwer ock Plusquamperfectum stundom brukadt, til at anwisa en tid, som länge sedan är förbi eller fulländad, ock hafwer samma ändelse som Imperfectum» (с. 128).

Здесь примерами будущего даются только перфективные формы, ср. парадигмы *я буду дѣлать* (с. 130, 137). Данное исчисление, однако, не передает целостной структуры временной системы в целом, которая представлена нами в схеме:

Схема № 15. Темпоральная система Грёнинга (1750)[273]



Tempus:
Praesens - *люблю*, *учуся*
Praeteritum:
Imperfectum - *я любливалъ*, *я учивался*; *говаривалъ*, *сказывалъ*
Perfectum - *я любилъ*, *писалъ*, *прочолъ*; *говорилъ*, *сказалъ*
(Plusquamperfectum - **я давно любилъ*, *писалъ*, *говорилъ*)
Futurum - *буду*, *стану*, *имѣю писать*; *прочту*, *напишу*, *выучу*

Наряду с исчислением четырех времен, Грёнинг вводит также «Praeteritum» (с. 129), в которое входят имперфект и плюсквамперфект, т. е. ему известно не только основное деление времени на «praesens», «praeteritum», «futurum», но и его латино-немецкий вариант «Praesens» - «Praeteritum Perfectum» - «Praeteritum Imperfectum» - «Futurum», в котором «Perfectum» иногда исполняет также роль претерита.

За исключением глаголов *быть*, *имѣть*, *бывать*, в глагольных парадигмах систематически противопоставляются два терминологически дифференцированных претерита и два будущего, которые разными терминами не различаются, ср. формы: «Praesens» *Я Дѣлаю*, «Praet. Imperfectum» *Я дѣлывалъ*, «Praet. Perfectum» *Я дѣлалъ*, «Futurum» *Я буду дѣлать* **или** («**Eller**») *Я Здѣлаю* (с. 136-137).

От Адодурова (1731: 39, 43), довольствовавшегося одним недифференцированным «Praeteritum», темпорально-аспектуальную систему Грёнинга отличает прежде всего систематическое разбиение прошедшего на «Praeteritum Imperfectum» и «Praeteritum Perfectum» (с. 137, 138, 140)[274]. Форма *бывалъ* от фреквентатива *бывать* глагола *быть* называется просто «Praeteritum» (с. 134), по-видимому потому, что при глаголах *быть* и *бывать* нет противопоставления имперфекта и перфекта.

В свете отдельных примеров «Perfectum» Грёнинга может быть представлено как перфективной, так и имперфективной формой прошедшего. В частности, в разделе орфографии выступает множество имперфективных форм, называемых «Perfectum»: *возилъ*, *ходилъ*, *перевозилъ*, *рѣзалъ* (с. 19), *водилъ*, *писалъ*, *просилъ*, *грѣшилъ*, *слышалъ*, *свѣтилъ*, *стучалъ* (с. 20), *мучилъ*, *плакалъ*, *крестилъ*,

[273] См. Грёнинг (1750: 128-130, 132-140).

[274] См. Успенский (1992: 89).

искалъ, *хлесталъ*, *трепеталъ* (с. 21), *мелъ*, *сѣлъ* (с. 29), которым в тексте Адодурова (1738: 103-110) без исключения соответствует «время прошедшее». К сожалению, Грёнинг в данном месте совсем не переводит (или не учитывает) «учащательного глагола» (*возить* и *водить*) Адодурова (1738: 103). Так, под «Perfectum» подразумевается общая претеритальная форма, которой, судя по данным второй части, противопоставляется маркированный имперфект.

По всей вероятности, «прошедшее» Адодурова (1738) «подражает» термину «Praeteritum» Адодурова (1731), а также терминам «Praeteritum» и «Perfectum» Шванвица (1734). Так, соответствуя также термину «Perfectum» Шванвица (1734), «Perfectum» Грёнинга переводит в разделе по орфографии «прошедшее» Адодурова (1738). Если Грёнинг вообще воспользовался указанной немецкой грамматикой, то он, по-видимому, взял систему имперфекта и перфекта оттуда как таковую. Подобное деление прошедшего мы видели также у Сойе (см. выше), но между ним и Грёнингом вряд ли есть какая-либо связь преемственности.

Содержательными моделями «icke fullkomligen förbi gått» имперфекта и «fullkomligen förfluten» перфекта Грёнинга послужили «несовершенно прошедшее» и «совершенно прошедшее» Шванвица (1730), являющиеся как бы русскими аналогами немецких «nicht völlig» или «nicht vollkommen vergangene» и «völlig» или «vollkommen vergangene» (см. выше). Вместе с тем «icke fullkomligen förbi gått» Грёнинга представляет собой старинное толкование имперфекта, восходящее к Присциану и далее к «ἀπὸ μέρους γεγονότα» 'teilweise geschehen' Аполлония Дискола[275] (ср. «halbvergangen» и т. п.). Точное преемственное соответствие показывают наречия «vollkommen» - «совершенно» - «fullkomligen».

Экспликация «som icke är fullkomligen förbi gått» как дифференциальный признак имперфекта противопоставляется признаку «fullkomligen förfluten» действия перфекта, т. е. несовершенно (не полностью) или совершенно (полностью) протекшее мимо настоящего момента речи составляет дифференциальный признак между действиями имперфекта и перфекта. Иначе говоря, в описании прошедших времен перфект и имперфект составляют формальное и семантическое противопоставление по признаку полного и неполного минования действия («fullkomligen förfluten» - «icke fullkomligen förbi gått»). Это противопоставление выражается формами перфекта *любилъ*, *писалъ*, *прочолъ* и формами имперфекта *любливалъ*, *учивался* (с. 128)[276].

Таким образом, противопоставление имперфекта и перфекта восходит к грамматике Шванвица (1730, 1734), причем содержательная экспликация имперфекта может восходить к немецкой характеристике «halbvergangene» или «nicht vollkommen vergangene».

[275] См. Шёпсдау (1978: 287).

[276] Согласно Успенскому (1987: XIV), Грёнинг и здесь просто перевел текст Адодурова (1738), который, отказавшись от своего нерасчлененного претерита (1731), в своей неизданной грамматике расчленил прошедшее время на «перфект» и «имперфект». Очевидно, однако, прав Живов (1992: 258), утверждающий, что «определения значений этих времен [имперфекта и перфекта] представляют собой непосредственный перевод формулировок Шванвица» (1730, 216; 1734, 170).

В свете примеров действие перфекта понимается как полностью минувшее, но не обязательно всегда перфективное, ср. перфекты: *любилъ* «jag hafwer älskat», *прочолъ* «jag hafwer genomläsit». Ср. в латино-немецкой традиции: *amavi* «habe geliebt», *perlegi* «habe durchgelesen». Так, представляется, что интерпретация имперфекта (*я любливалъ*) указывает на хабитуальное и непредельное действие, тогда как перфект (*прочолъ*) обозначает однозначно перфективную результативность.

У Грёнинга пример *я любливалъ* «jag älskade» иллюстрирует имперфект, который противопоставляется перфекту *я любилъ* «jag hafwer älskat» (с. 128). Так, именно имперфект, образуемый посредством конечного элемента *валъ* от формы перфекта на *лъ* (с. 130), представлен без исключений так называемыми итеративными образованиями *любливалъ*, *учивался* (с. 128), *говаривалъ*, *сказывалъ* (с. 130), *дѣлывалъ* (с. 137), *хваливалъ* (с. 138). Однако, несмотря на формальный признак (*ы/и*)*валъ*, текст Грёнинга не содержит упоминания об итеративности в семантике имперфекта.

При этом важно отметить, что, согласно Грёнингу, плюсквамперфект может выражаться в предложении формой перфекта в сопряжении с наречием «давно» «länge sedan» (с. 129). Из этого вытекает, что плюсквамперфект, а именно плюсквамперфектное значение может обозначаться двумя способами: или формой имперфекта (*любливалъ*), или же формой перфекта в сочетании с наречием «давно» (*я давно любилъ*) (пример сконструирован нами. - P.P.).

По-видимому, добавление слов «давно» и «недавно» к перфекту для выражения плюсквамперфектного («länge sedan») и имперфектного («nyligen») значений у Грёнинга (с. 129) восходит к Адодурову (1731: 39), у которого, однако, нет истолкования семантики завершения (см. выше). Если же толкование восходит к Шванвицу (1730, 1734), инновация Грёнинга «fulländad» может отражать «совершенно(е)» или «vollendet» немецкой грамматической традиции.

В содержании плюсквамперфекта выделяются два традиционных признака, из которых на темпоральность указывает сочетание «länge sedan» и на аспектуальность - «är förbi eller fulländad» (букв.: 'есть мимо или завершено'). Вторая часть аспектуального признака, указывающая на завершение действия («fulländad»), вполне закономерно равнозначна признаку перфекта. Данный признак перфекта и плюсквамперфекта связывает Грёнинга с традицией, для которой характерно представление о завершении (конце) перфективного действия. Примечательно, что на итеративную содержательную характеристику ни имперфекта, ни плюсквамперфекта в рассматриваемой грамматике нигде не указывается. Фактически содержательная экспликация плюсквамперфекта весьма близка к определению перфекта («är fullkomligen förfluten») (с. 128), от которого плюсквамперфект отличается по признаку отдаленности («länge sedan»). С другой стороны, в отношении к имперфекту перфект и плюсквамперфект маркированы по одному и тому же аспектуальному признаку полного минования и завершения («är fullkomligen förfluten», «är förbi», «är fulländad») (с. 129).

Если «Imperfectum» Грёнинга, наряду с предполагаемым немецким (латино-немецким) термином, имеет какой-то славянский аналог, им должно быть «преходящее», включенное Адодуровым в издание (Шванвиц 1734). «Преходящее»

встречается среди параллельных терминов Шванвица. По этому же источнику можно установить и соответствия «tempus praeteritum» - «прошедшее время», «tempus perfectum» - «прошедшее время», «tempus plusquamperfectum» - «мимошедшее время» и «tempus futurum» - «будущее время»[277]. Указанные термины выступают или одни, или в сочетании с словами «praeteritum» или «tempus», «прошедшее» или «время», т. е. «praeteritum imperfectum» или «tempus imperfectum», «прошедшее преходящее» или «время преходящее» и т. д. Особо следует отметить двойную функцию русского термина «прошедшее время», имеющего в немецкой терминологии два аналога: «tempus praeteritum» и «tempus perfectum», т. е. аспектуальный элемент «perfectum» не находит отражения в русском соответствии. При данном сопоставлении следует помнить, что, хотя сам Грёнинг и не приводит русских (славянских) параллелей, их опосредствованное влияние на его изложение все же, видимо, должно существовать[278].

На том основании, что ни в очерке Адодурова (1731), ни в его других трактатах ничего не говорится об итеративной основе русского имперфекта или плюсквамперфекта, можно констатировать, что имперфект с элементом *ива* (*Я хваливалъ* «jag berömte») (с. 138), как и вся парадигма глагола *хвалить* (с. 138-140), составлены по модели «ich lobete, я хваливалъ» немецкой грамматики Шванвица (1730: 237) (или ее второго издания) (Шванвиц 1734)[279]. Таким же образом имперфект (*я любливалъ* «jag älskade») Грёнинга (с. 128) подражает немецкому имперфекту «ich liebte» Шванвица (1730: 217, 1734: 187-189) и перфект (*я любилъ* «jag hafwer älskat») Грёнинга (там же) соответствует немецкому перфекту «ich habe geliebt» у Шванвица (там же).

Таким образом, прием Грёнинга различать «итеративной основой» русский имперфект (*я любливалъ*, *я учивался*) от перфекта (*любилъ* и т. п.) заимствован у Шванвица, который при помощи русской «итеративной» формы отличал немецкий имперфект от немецкого перфекта[280]. Это значит, что Грёнинг сознательно или неосознанно переносит в грамматику русского языка модель имперфекта, созданную первоначально для грамматики немецкого языка.

Используя прием суффиксального образования имперфекта от перфекта при помощи элемента *валъ*, Грёнинг применяет предварительную модель описания имперфективации: «Imperfectum härledes ifrån Perfecto, när man förändrar *лъ* i *валъ*, såsom: *говорилъ*, jag hafwer talt, *говаривалъ*, jag talte; *сказалъ*, jag hafwer sagt, *сказывалъ*, jag sade» (с. 130).

Правда, на деле здесь осуществляются два разнородных процесса: акционсартная деривация (*говорилъ* -> *говаривалъ*) и «случайно» правильная видовая имперфективация (*сказалъ* -> *сказывалъ*). Вместе с тем здесь одна темпоральная форма производится от формы другого времени. Ср. образование имперфекта *ночевовалъ*

[277] См. Кайперт (1983: 138, 139).

[278] Ср. Успенский (1989: 241).

[279] Ср. Кайперт (1983: 106).

[280] См. Кайперт (1988: 91), Живов (1992: 258), Успенский (1992: 89, 142, 147).

у Сойе.

Таким образом, имперфект Сойе (1724), Шванвица (1730) и Грёнинга (1750) объединяется тем общим фактом, что он иллюстрируется так называемой итеративной формой[281]. Наоборот, в «Донатусе» (1522) такой формой передается предполагаемое плюсквамперфектное значение «минувшего пресовершеного», у Афанасьева и Поликарпова - значение «мимошедшего».

Аналитическое будущее составляется из инфинитива и глаголов *буду*, *стану* или *имѣю*: «буду, стану eller имѣю писать jag wil eller skal skrifwa» (с. 130). Будущее многих глаголов образуется присоединением приставок *по*, *на*, *разъ* и т. п. к настоящему времени: *иду* «jag går», *пойду* «jag wil gå», *пишу* «jag skrifwer», *напишу* «jag wil skrifwa» (там же). Композитивные глаголы («Verba Composita»), имеющие инфинитив на *нуть*, *овать* и *ѣять*, образуют будущее, которое одинаково с настоящим временем простого глагола, от которого оно производится: *истолковать*, *истолкую* «jag wil förklara», *натянуть*, *натяну*, *посѣять*, *посѣю* и т. д. (с. 131).

По этому же правилу образуется будущее таких композитивов, как *удерживаю -> удержу*, *переплываю -> переплыву* (с. 131). Ряд глаголов образует будущее специфическим образом («på ett särskildt sätt»): *сижу - сяду*, *лежу - лягу*, *буду сидеть*, *буду лежать* (там же). Глаголы *дую* и *сую* имеют в будущем формы *дуну* и *суну*, но (двувидовой) глагол *ночую* сохраняет там форму *ночую* (с. 145). Ср. Адодуров (1731: 39).

В описании времен глагола первого спряжения Грёнинг, вслед за Адодуровым, ясно и однозначно выделяет аспектуальное (видовое) различие в прошедшем и в будущем. В плане прошедшего перфективное значение указывается в специальном замечании, согласно которому значение формы перфекта *здѣлалъ* отличается от значения перфекта («Praet. Perfectum») *Я дѣлалъ* ограниченностью (или определенностью) действия («en determinerad Action»): «När man om en determinerad Action talar, så brukas i Perfecto здѣлалъ» (с. 137).

Содержательных интерпретаций двух различных будущих Грёнинг, как и Адодуров (1731: 39), не дает, но определенные различия могут просто подразумеваться под альтернативами *здѣлаю* (с. 137), *похвалю* (с. 139), противопоставляемыми формам *буду дѣлать*, *буду хвалить* (там же). Этот же способ применяется в описании второго спряжения («Я буду хвалить **Eller** Похвалю, jag wil berömma» (с. 138).

В списке глаголов («Verborum Samling») (с. 141-146), в котором глаголы представляются по их финали (*аю*, *ѣю*, *ою*, *ью*, *ую*, *яю* и т. д.), приводится параллельно ряд форм двух видов, преимущественно бесприставочных глаголов. Такими являются *бросалъ* и *бросилъ*, *бросать* и *бросить*, *кидалъ* и *кинулъ*, *кидать* и *кинуть*, *ступалъ* и *ступилъ*, *ступать* и *ступить*, *толкалъ* и *толкнулъ*, *толкать* и *толкнуть* и т. д., ср. *лишаю - лишилъ - лишить* (с. 142).

Говоря о глаголах на *яю*, Грёнинг приводит замечание «Men skulle bemälte Verba bemärka Frequentativa, så antaga the i Praeterito ändelsen

[281] Ср. Успенский (1989: 241).

лялъ, uti Imperativo яй, och i Infinitivo лять» (с. 146), под которым явно подразумевается предварительная модель суффиксальной имперфективации. В данном случае фреквентативы *валялъ*, *валяй*, *валять*, *позволялъ*, *позволяй*, *позволять*, *уподоблять*, *увѣдомлять* образуются от соответствующих *валилъ*, *валить*, *позволилъ*, *позволить*, *уподобить*, *увѣдомить* (с. 145). Таким образом, данная модель, развиваемая в русской традиции Лудольфом, Сойе и Адодуровым, нашла дальнейшее отражение в грамматике Грёнинга. Так, постепенно формально и семантически маркированные фреквентативные глаголы приобретают все более веский статус на уровне глагольного слова.

5. ЛОМОНОСОВСКАЯ ТРАДИЦИЯ

5.1. Трехчленная аспектуальная система М. В. Ломоносова (1755)

1. «Россійская грамматика» Михайла Васильевича Ломоносова (1711-1765), первая подлинно научная и вместе с тем первая нормативная грамматика русского языка, написанная на русском языке и изданная в России[282]. Влияние ломоносовской грамматики распространялось далеко за пределы XVIII века. Она выдержала около 14 изданий и служила долго источником, из которого черпали сведения позднейшие составители грамматических руководств[283].

Для истории русской грамматики немаловажное значение имеет то обстоятельство, что М. В. Ломоносов учился (с 1731 г.) в московской Славяно-греко-латинской академии и был зачислен в 1735 г. в петербургский Академический университет. В 1736 г. Ломоносов поехал учиться в Марбург. Во время составления своей «Россійской грамматики» (ок. 1749-1755) Ломоносов занимал должность профессора (академика) химии при Императорской Академии Наук. На эту должность он был назначен в 1745 году вскоре после возвращения из-за границы[284].

Как известно, основной целью М. В. Ломоносов поставил кодификацию русского литературного языка в отрыве от церковнославянского. С другой стороны, в пределах эпохи универсальной грамматики, начавшейся с Общей и рациональной грамматики Пор-Рояля (1660), труд Ломоносова явился как частное применение данного направления к описанию одного из европейских языков[285]. Об ориентации на общую европейскую традицию, в том числе на грамматику Пор-Рояля, свидетельствуют слова самого Ломоносова (1755: 420), указывающие вместе с тем на необходимость составления национальной, «особливой россійской» грамматики. Не подлежит сомнению, что Ломоносов знал также петербургскую немецкую грамматику 1730-1745 гг.[286]

Первопроходческий труд Ломоносова - это первая русская грамматика на русском языке, существующая в надежном печатном виде по сей день. По сравнению с недописанными и неизданными материалами, в том числе с «пространной грамматикой» Адодурова (1738) грамматика Ломоносова - незаменимое сокровище, эпохальное значение которой доходит до конца исследуемого нами периода.

Общая классификация Ломоносова базируется на делении всего видимого мира на «бытие двоякого рода»: «Первого рода суть чувствительные в нем вещи, второго

---

[282] В использованном нами издании 1952 г. метаязык Ломоносова, к сожалению, модернизирован. Для однородности и сопоставимости с остальными источниками мы воспроизводим исконную орфографию основных терминов. Фотомеханическое издание 1975 г. (Лейпциг) сохраняет подлинную орфографию, но отличается несколько от состава академического издания 1952 г.

[283] См. Булич (1904: 216), Макеева (1971: 56).

[284] Подробнее см. Макеева (1971).

[285] По мнению Мечковской (1984: 41), влияние универсальной грамматики в европейском языкознании продолжалось вплоть до конца XVIII в.

[286] См. Кайперт (1983: 113).

рода суть оных вещей разные деяния» (с. 405).

Глаголы являются «*изображениями* словесными деяний». «Знаменательные части слова» - имена и глаголы - «*знаменуют* вещь и деяние» (с. 406). Слово «вещь» Ломоносова продолжает историю употребления данного слова, начиная с перевода Толмача (см. выше). Ср. также «res» и «opus» в чешской традиции Росы (1672: 137) и слово «chose» у Арно и Лансло (1676: 108), восходящее функционально к «res». Прозрачна связь между словами «деяніе» - «actio», «сила» - «vis» или «potestas», «понятие» - «notio», «знак» - «signum».

Здесь формулируется также принцип естественного построения человеческой речи от малого (прототипического) к крупному, возрастание объема образуемой единицы в приемах суффиксальной и префиксальной дериваций, называемых «произвожденiем» и «сложением». «Произвождение состоит в наращении складов» (*гора* - *горница*, *гористъ*, *горной*). «Сложение бывает от совокупления двух или многих речений воедино». Так, глагол *распространяю* состоит из «предлогов» *раз*, *про* и имени *страна* (с. 409).

Ломоносов не пользуется категориальным термином, указывающим на аспектуальный «видъ». Термины «родъ» и «видъ» Ломоносова переводят латинские «genus» и «species», и ими классифицируются понятия и «вещи» на родовидовом уровне. Общая родовидовая классификация Ломоносова исходит из мысли, что «Все вещи на свете совокупляются в некоторые общества *ради взаимного подобия*, которое называется одним именем» (с. 408). Виды могут быть «верхние» или «нижние», причем «верхние виды» могут сами выступать как «роды» и иметь «нижние виды». Например, в ряду *человек - судья - Иван*, *Яков*, *Федор судья* является видом человека и одновременно *родом* для *Ивана*, *Якова* и *Федора* (с. 409). Не исключено, что «роды» и «виды» Ломоносова имеют какое-то отношение к «sortes» грамматики Пор-Рояля (см. Арно и Лансло 1676: 33, 35). У Ломоносова нет комбинации *«виды слова», так как в его метаязыке «слово» означает 'речь', и «реченіе» имеет значение 'слово', ср.: «слово человеческое имеет осмь частей знаменательных» (с. 408)[287].

В соответствии с деривационными принципами традиции Смотрицкого, но без применения терминов «видъ» и «начертание» глаголы разделяются Ломоносовым на «первообразные» и «производные», и далее на «простые» и «сложенные» (с. 479). «Первообразными» являются, например, глаголы *знаю* и *иду*. «Производные» от имени, местоимения, наречия или междометия глаголы представлены примерами *странствую*, *сво́ю*, *поздаю* и *охаю*. Как видим, во всех четырех случаях глагол производится от неглагольной части речи. В данной классификации отсутствует важная модель глагол -> глагол, порождающая аспектуальные группы глаголов. Образуемые именно по этой модели «учащательные» глаголы Ломоносов трактует в другом месте (с. 483). «Простыми» и «сложенными» могут быть как первообразные, так и производные глаголы (там же).

[287] В своей статье Г. Фрайдхоф (1990: 14), видимо, не заметил, что в предложении «Слово дано для того человеку, чтобы свои понятия сообщать другому» Ломоносов (1755: 406) под «словом» имеет в виду человеческую речь.

При описании «сложенного» глагола Ломоносов приводит разные комбинации с примерами *отдаю*, *прославляю*, *преодолѣваю*, *разопредѣляю* и т. д. (с. 479), которые впоследствии повторяются у Курганова и Барсова. При этом Ломоносов слил в одно «сложенное» или описал обобщенно «сложное» и «пресложное» Смотрицкого. Ср. «пресложное» опять у Курганова (1769).

2. Уже в первом «наставлении» общей (философской) части грамматики, Ломоносов ясно и весомо выражается о трех основных временах. Представление о трех естественных временах («время...натурою натрое разделенное») восходит, по всей вероятности, к идеям всеобщей грамматики конца XVII - начала XVIII века, может быть прямо к грамматике Пор-Рояля. См. Арно и Лансло (1676: 108-109, 1990: 160-162), ср.:

> «Глаголы изображают деяния, в которых прежде всех представляется время, натурою натрое разделенное, то есть на *настоящее*, на *прошедшее* и на *будущее*, ибо человек, сообщая свои мысли другому, изъявляет, что есть ныне, например: *читаю*; или что было прежде: *читалъ*; или что впредь будет: *прочитаю*. Всех сих времен знаменование должно быть во всяком языке довольно. Меньшее число недостаток, большее избыток причиняет» (с. 414) (курсив Ломоносова).

Использованный здесь термин «прошедшее» и замена атрибута «неопредѣленное» на «неокончательное» при инфинитиве показывают, что Ломоносов вовсе не был «консервативным», как иногда утверждается[288]. Для этой смены терминов Ломоносов имел свои обоснования.

Ломоносов сопоставляет времена в разных языках, в частности в еврейском, греческом и латинском. Для нас представляют интерес прежде всего данные греческого языка в их сопоставлении с русскими на русском и немецком языках. В переводе 1764 г. приводятся также латинские соответствия. См. сопоставление ниже.

[288] См. Кайперт (1983: 115).

Сопоставление названий времен греческого и русского языков в грамматиках Ломоносова

Времена греческого языка:

Ломоносов 1755 (с. 414)	Ломоносов 1764 (с. 36)
1. настоящее	1. die gegenwärtige, praesens
2. прошедшее несовершенное	2. die unvollkommen vergangene, imperfectum
3. будущее первое	3. die erste zukünfftige, futurum primum
4. будущее второе	4. die zwote zukünfftige, futurum secundum
5. неопределенное первое	5. die erste unbestimte, indefinitum primum
6. неопределенное второе	6. die zwote unbestimte, indefinitum secundum
7. прошедшее совершенное	7. die völlig vergangene, praeteritum perfectum
8. давнопрошедшее	8. die länst vergangene, praeteritum plus quam perfectum
9. вскоре будущее	9. die bald zukünfftige, paulo post futurum.

Времена русского языка:

Ломоносов 1755 (с. 480)	Ломоносов 1764 (с. 168)
«От простых»:	«Aus den einfachen»:
1. настоящее	1. die gegenwärtige Zeit (tempus praesens)
2. прошедшее неопределенное	2. die unvollkommen vergangene (praeteritum imperfectum)
3. прошедшее однократное	3. die einmalig vergangene (praeteritum singulare unitatis)
4. давнопрошедшее первое	4. die erste vorlängstvergangene (plusquamperfectum primum)
5. давнопрошедшее второе	5. die zweyte vorlängstvergangene (plusquamperfectum secundum)
6. давнопрошедшее третие	6. die dritte vorlängstvergangene (plusquamperfectum tertium)
7. будущее неопределенное	7. die unvollkommen zukünfftige (futurum imperfectum)
8. будущее однократное	8. die einfach zukünfftige (futurum simplex)
«От сложенных»:	«Von den Zusammengesetzten»:
9. прошедшее совершенное	9. die vollkommen vergangene (praeteritum perfectum)
10. будущее совершенное	10. die vollkommen zukünfftige (futurum perfectum).

Поскольку мы не знаем, какой греческой грамматикой Ломоносов пользовался, мы предполагаем, что греческие термины в основном восходят к Ласкарису и «Адельфотису» (см. выше)[289]. В связи с этим мы обратим внимание на латинские параллели «futurum primum» и «futurum secundum», а особенно на «indefinitum primum» и «indefinitum secundum» вместо возможных и ожидаемых «aoristus primus», «aoristus secundus». К сожалению, мы не знаем, содержал ли греческий источник Ломоносова латинский термин «indefinitum». Как бы это ни было, с точки зрения преемственности «indefinitum» в грамматике Ломоносова (1764) оказывается весьма значительным. Тут формируется последовательная линия развития терминов: «ἀόριστος» (χρόνος) -> «indefinitum» (tempus) -> «неопредѣленное» (время) -> «unbestimmte» (Zeit) (1764: 36), в которых все атрибутивные выражения *неопределенности* являются аспектуальными.

Что касается античных прообразов терминов русской грамматики Ломоносова, то особо следует выяснить, какое отношение к ним имеют, в частности, «παρακείμενος» и «παρεληλυθώς» и «praeteritum perfectum». Во всяком случае можно установить, что *по своей системной позиции* инновация «прошедшее совершенное» Ломоносова соответствует греческому перфекту (а не плюсквамперфекту или аористу), который «Адельфотис» (1591: 71) в традиции Дионисия Фракийского обозначает термином «παρακείμενος» и переводит «протаже́н'ное» (см. схему № 4). Однако лучше всего «прошедшее совершенное» соответствует латинскому «praeteritum perfectum».

В материалах Ломоносова (1755а: 680) представлены восемь времен «простыхъ глаголовъ». В них полностью отсутствуют «совершенное» и «однократное», а главное противопоставление в «прошедшем» и «будущем» составляют «неопредѣленное» (*трясъ*, *буду трясти*) и «опредѣленное единственное» (*тряхнулъ*, *тряхну*), т. е. оппозиция конституируется признаком неопределенности, противопоставляемой единичной определенности. Ср. также десять времен с главным словом «прешедшее», но без атрибута «совершенное» (с. 698).

Отвлекаясь здесь от проблемы «давнопрошедшего», мы отметим следующее существенное для данной системы обстоятельсто: в системе Ломоносова только «настоящее», «прошедшее» и «будущее» в качестве трех основных времен соответствуют классическому делению темпоральных форм. Зато примыкающие к ним аспектуальные определения (атрибуты) представляют собой специфически *русскую* особенность, описанную впервые Ломоносовым. Например, «прошедшее неопредѣленное» не является механическим аналогом латинского «praeteritum imperfectum», так как атрибут «неопредѣленное» не может употребляться один без главного слова подобно латинскому «imperfectum» или греческому «παρατατικός». Поэтому атрибуты «неопредѣленное», «однократное» и «совершенное», составляющие весьма гармоничную систему, являются в целом продуманной инновацией Ломоносова. Этому не противоречит факт, что из них каждый в отдельности вписывается в длительную доломоносовскую традицию.

[289] Безусловно, в распоряжении Ломоносова были «Адельфотис» и грамматика Зизания. Грамматику Смотрицкого (издание 1648 или 1721 г.) Ломоносов знал на память (Мечковская 1984: 45). О роли грамматики Смотрицкого как источника для Ломоносова см. также Обнорский (1940/1960: 162).

Ломоносов ввел в описание систематический аспектуальный элемент, который регулярно связан с грамматической формой и тем самим существенно отличается от «вида» Смотрицкого, но во многом похож на то подлинно видовое осмысление, которое и Смотрицкий описал без категориального названия при «временах» (см. выше).

Аспектуальные концепции Ломоносова долгое время заслонялись неправильным осмыслением сложной темпоральной системой его грамматики. Совершенно несправедливы обвинения по поводу отсутствия «вида» и неразличения аспектуальных характеристик у Ломоносова[290]. Наоборот, Ломоносов, различая в сущности строго акционсартную и грамматическую аспектуальность, оперирует, хотя и без категориального термина «видъ», трехчленной системой аспектуальности с ее высокой степенью грамматической регулярности. По сравнению с церковнославянской системой Смотрицкого аспектуальное построение, разработанное Ломоносовым для русского языка, является существенным шагом вперед[291].

Ломоносов не перенес прямо и некритично темпоральной терминологии из других языков в русскую грамматику (как утверждали его критики), а применил умело существующую информацию к созданию новой системы с опорой на русские языковые факты. *Это проявляется отчетливо на фоне сопоставления терминологии Ломоносова и латино-немецкой традиции доломоносовской эпохи*, представленной грамматиками Лудольфа, Глюка, Паузе, Афанасьева и Адодурова.

По сравнению с Афанасьевым и с другими, преимущественно темпорально ориентированными описаниями (включая Адодурова), система Ломоносова с ее строго научными аспектуальными наименованиями носит значительный инновационный характер и является шагом вперед в описании русской языковой специфики[292].

Для аспектуальных атрибутов Ломоносова характерно обозначение специфическим термином морфологизированного славянского семельфактива - «однократного» и морфологически маркированного (и реже немаркированного) «совершенного». У Ломоносова термин «совершенный» не выступает атрибутом слова «глаголъ», так как он сознательно специфицируется в роли аспектуального терминологического

---

[290] См. Балицкий (1876 А: 31). Так, говоря в основном лишь о «промахах» Ломоносова, М. Крыгин (1889: 414-419) утверждает, что «вопрос о видах русского глагола в грамматике Ломоносова не только не освещен, но и совсем не затронут» (с. 417). Ср. Булич (1904: 215). Неверно также утверждение Грунского (1910: 24), по которому Ломоносов говорит о десяти временах «славянского глагола» и якобы запутался в вопросе о временах, не использовав «наблюдений и предчувствий видов русского глагола» Мелетия Смотрицкого. Одинаково ошибочно Грунский (1910: 108) навязывает Ломоносову время «прошедшее опредѣленное». Интересно, что даже недавно было высказано мнение, что грамматика Ломоносова полностью игнорировал аспект (Бинник 1991: 140).

[291] Согласно справедливой оценке Калинина (1940: 166-167), Ломоносов применяет «временной и видовой принципы деления», хотя у него и есть «в одном спряжении до четырех различных глаголов». По мнению Григоряна (1955: 9-10), Ломоносов не выделяет категории вида, но в основе его системы времен лежит значение вида. Однако Григорян не заметил, что Ломоносов совершенно отчетливо определил формальное и семантическое различие между «совершенным» и «однократным». Согласно Тоболовой (1968: 280), Ломоносов первым отказался «от слепого подражания античной теории глагольных времен».

[292] Ср. правильную оценку Трифоновой (1967: 15).

экспонента формы времени. Между тем бросается в глаза отсутствие среди трех атрибутов термина, которым обозначалось бы только повторяющееся действие. Атрибутом «неопределенное» Ломоносов указывает на продолжение и итерацию, а также на собственно неопределенность, выражаемую имперфективными предикатами. Многофункциональностью «неопределенного» легко обусловливается и его системная немаркированность как исходного члена.

В тексте Ломоносова мы видим впервые русские содержательные интерпретации «продолжение» и «учащение» действия, которые могут отражать «continuatio actus», «iteratio actionis» и «iteratio actus» в чешской традиции Росы и Долежала (см. выше):

> «Прошедшее неопределенное время заключает в себе некоторое деяния продолжение или учащение и значит иногда дело совершенное: *Гомеръ писалъ о гнѣвѣ Ахиллесовѣ*; иногда несовершенное: *онъ тогда ко мнѣ пришолъ, какъ я писалъ*; прошедшее однократное значит деяние, совершенное однажды; давнопрошедшие времена заключают в себе учащение или продолжение, как прошедшие неопределенные, и имеют знаменование одно старее другого; будущее неопределенное значит будущее деяние, которого совершение неизвестно; будущее однократное значит деяние, которое только однажды совершится; прошедшее и будущее совершенное значат полное совершение деяния» (с. 480-481).

Для последующей истории описания аспектуальности особое значение имеет описанный впервые Ломоносовым потенциал имперфективной формы (*писалъ*) означать перфективное значение («дѣло совершенное»). Это употребление мы для краткости и совершенно условно называем «общефактическим»[293].

Функционально и терминологически «прошедшее неопредѣленное» имеет два прецедента: «ἀόριστος» и «imperfectum». Ближайший прообраз мы находим у самого Ломоносова (с. 414), где греческий имперфект обозначается русским термином «прошедшее несовершенное», а названия первого и второго аористов содержат атрибут «неопредѣленное» (см. сопоставительную таблицу). Почему для обозначения русского имперфективного прошедшего было избрано именно «неопредѣленное», а не «несовершенное», объясняется тем, что форма русского имперфективного прошедшего обладает сходными свойствами как с имперфектом, так и с греческим (имперфективным) аористом. На колебание между этими атрибутами указывает пример самого Ломоносова (с. 480).

От «непредѣлного» Смотрицкого данное ломоносовское время отличается прежде всего по видовому значению. В плане семантики «неопредѣленные» времена противопоставляются «однократным» и «совершенным» временам в прошедшем и будущем, а также в неспрягаемых категориях инфинитива, причастия и деепричастия. В последующей традиции термин «неопредѣленное» оказывал влияние, распространяющееся вплоть до грамматик Греча и Востокова. История термина «несовершенный» имеет особое положение в формировании терминологии ломоносовского периода и позже.

---

[293] На два значения «прошедшего неопредѣленного» (*писалъ*) у Ломоносова обратил внимание еще Б. Н. Головин (1950: 269). Об аспектуальных концепциях Ломоносова, в частности, о немаркированном «прошедшемъ неопредѣленномъ» см. Нюман (1976: 40-43).

Формулировка «знаменование одно старее другого» (с. 481) включает в себя собственно темпоральный признак плюсквамперфекта: отдаленность действия по отношению к моменту другого действия[294]. Действие «третьего давнопрошедшего» находится на самом отдаленном расстоянии, занимает самую отдаленную позицию от момента речи на оси времени. Так, «давнопрошедшие времена» отличаются друг от друга темпоральной отдаленностью (временны́м интервалом). К тому же, им приписываются автором альтернативные аспектуальные признаки: «учащение или продолжение», которыми же характеризуется, в обратном лишь порядке, и «прошедшее неопредѣленное» (с. 480). Следовательно, итеративность («учащение»), первоначально не считается Ломоносовым специфическим различительным признаком давнопрошедшего, по крайней мере сознательно не акцентируется им. Вместе с тем, согласно подлиннику, «давнопрошедшие времена» (с. 481) не различаются между собой по однократности и многократности, посредством которых их стремится дифференцировать перевод 1764 г. (подробнее см. ниже).

Выражения «*однажды* совершенное» и «только *однажды* совершится» содержат в себе показатель единичности (и в свете примеров - семельфактивности), который вместе с термином «однократное» восходит к традиции Росы и Долежала. Фактически определение Ломоносова содержит два признака: акционсартный признак семельфактивной однократности и видовой признак совершения действия. Характеристика «деяние, которое только однажды совершится» «будущего однократного» не содержит эксплицитного показателя модальности, как не содержит его и «будущее совершенное» (с. 481).

Содержательная характеристика «полное совершенiе», приписываемая «прошедшему совершенному» и «будущему совершенному», является инновацией, которая не содержит указания на завершение (конец) действия (с. 481). Здесь очевидна преемственность «дѣло совершенное» <- «opus perfectum» (Роса 1672: 198).

Отметим особо, что Ломоносов первым вводит признак внезапности и неожиданности действия, обозначаемый наречием «вдругъ». По мнению автора, «особливым свойством простого русского языка» являются образования, выражающие «скорые действия» (*глядь*, *брякъ*, *хвать* и т. п.). Так, например, *хвать его за руку* означает «вдругъ хватилъ его за руку» (с. 539).

В соответствии с общей темпорально-аспектуальной системой выделяются и «пять времен» причастий: «настоящее», «прошедшее неопределенное», «прошедшее единственное», «прошедшее совершенное», «давнопрошедшее» (с. 546), среди которых обращает на себя внимание вариантное «единственное» вместо «однократного».

Следует подчеркнуть, что «*учащательный*» не имеет регулярного грамматического статуса в темпорально-аспектуальной системе Ломоносова. Собственно «учащательными глаголами» являются *бѣгаю*, *даваю*, *летаю*, *роняю*, *таскаю*, которые производятся от первообразных *бѣгу*, *даю*, *лечу*, *роню*, *тащу* (с. 483) (здесь *даваю* представляет собой новый пример). Помимо этих, в качестве «учащательныхъ» первого спряжения отмечаются глаголы *брякаю*, *глотаю*, *дрогаю* (с. 513). Отметим особо, что среди «учащательных» нет ни одного образования с элементом

[294] Ср. экспликация плюсквамперфекта «Ex eo [praeterito perfecto] nascitur plusquamperfectum, si *inveteraverit* res a nobis perfecta» у Присциана (с. 415).

ива/ыва. При этом Ломоносов ничего не говорит о значении «учащательных» (см. об этом ниже). В современном понимании многие «учащательные» являются скорее мультипликативами, чем итеративами. За исключением единичного «совершенное учащательное» (с. 526), в подлинной системе Ломоносова «учащательное» не выступает как аспектуальный атрибут темпоральной формы. Атрибут «учащательный» засвидетельствован также в «Материалах» Ломоносова (1755а: 696-697).

Атрибут «учащательный» выступает всего пять раз: «глаголъ учащательный» (с. 483), «отъ своихъ учащательныхъ» (с. 513), «наклоненіе неокончательное учащательное» (с. 519), «неопредѣленное учащательное» (с. 521), «совершенное учащательное» (*отдергалъ*, *откидалъ*) (с. 526). Фактически «учащательный глаголъ» Ломоносова продолжает деривационный принцип и значение традиции Смотрицкого с тем лишь различием, что он уже не имеет противочлена «глаголъ совершенный». В связи с этим необходимо обратить внимание на название «наклонение неокончательное учащательное» инфинитивов *вертѣть* (с. 519) и *быть верчену* (с. 521), в которых вместо «учащательного» ожидалось бы слово «неопредѣленное». По-видимому, «учащательное» здесь указывает неправильно на лексическую семантику глагола *вертѣть*, а не на категориальное свойство инфинитива. Этот явный недосмотр повторяется в «Кратких правилах» (КПР 1773: 57, 60), но будет затем исправлен в КПР (1784: 178) в форму «Наклоненіе неокончательное неопредѣленное» (*вертѣть*).

Важно отметить, что ни в грамматике Ломоносова, ни в ее «Материалах» нет терминологического слова «многократный» (нет ни глагола, ни времени «многократного»). Поэтому в рассматриваемой грамматике вообще нет аспектуального термина, которое составляло бы однозначное системное противопоставление «однократному» (ср. ниже РГ 1802). «Начинательный глаголъ» (*начать говорить*) упоминается только один раз (с. 566).

Особо следует отметить наличие термина «единственное» (с. 515, 516, 546, 547, 549) в качестве параллели термина «однократное». Впервые «единственное» выступает в сочетании «будущее единственное» (*давну*, *крикну*, *гряну*) (с. 515). Из вариативных названий «единственное» не укоренилось (см. приложение).

Прообразом «единственного» и далее «однократного» является «singulare» с его содержательным обозначением «per unum actum» Росы (1672: 141, 197). Не исключена, естественно, и связь с тем же термином у Долежала. Однако преемственная связь с Росой свидетельствуется фрагментом «Singulare et frequentativum» в материалах грамматики Ломоносова (1755а: 696). Возможно также, но не очень вероятно влияние со стороны самобытного термина «једнокра́тна» (ричи́на) Крижанича (1666: 73). В принципе «једнокра́тна» Крижанича мог сказываться в «однократном» с той лишь разницей, что у Ломоносова термин присоединяется к форме времени. Поскольку грамматика Крижанича не была издана до времени Ломоносова, связь между их терминами не вероятна. Не правдоподобно и воздействие термина Крижанича на возникновение «singulare» Росы. Спекулировать можно, конечно, мыслью, что «једнокра́тна» и «однократное» бытовали в устном филологическом обиходе задолго до их кодификации в печати. Итак, инновация Ломоносова отражает или даже переводит «singulare» традиции Росы (1672) и Долежала (1746). Однако от «singu-

lare» чешской традиции «однократное» и «единственное» Ломоносова, как и его немецкие соответствия отличаются в двух принципиальных отношениях: термин русской грамматики сочетается, как правило, с темпоральной формой и указывает исключительно на перфективную семельфактивность[295].

Нам неизвестно, к какой грамматике восходят «inceptiva, desitiva, augmentativa, solutiva, acquisitiva» Ломоносова (1755a: 696), которые там же переводятся как «начинательныя, совершительныя, умножительныя, учащательныя, умалительныя» и «учащательный, начинательный, увеличительный, умалительный, кончательный, удоволственный» (1755a: 697, 707).

Новый аспектуальный атрибут «однократное» выступает впервые в сочетаниях «прошедшее однократное» и «будущее однократное» (с. 480). Ломоносовское «однократное» - это в первую очередь аспектуальный экспонент двух отдельных форм времени. Кроме того, он выступает также при неспрягаемых глагольных категориях, например, при инфинитиве «неокончательное однократное», что отдаляет его от темпоральности и сближает с глаголом как лексической единицей. У Ломоносова нет «однократного глагола», так как «однократное», равно как и «неопределенное» и «совершенное», являются аспектуальными показателями, сознательно встроенными в «спряжение», т. е. в грамматическую словоизменительную систему глагола. Во-вторых, под «однократными» формами времени понимаются исключительно формы семельфактивного глагола СВ типа *тряхнуть*[296].

Такие атрибуты, как «простой», «сложенный», «первообразный», «производный», а также «учащательный» (с. 483) и «начинательный» (с. 566) выступают логически в позиции атрибута слова «глаголъ» как единицы лексики в пределах двух систем словообразования. Таким же образом с «глаголомъ» как с лексической единицей сочетаются все залоговые компоненты: «действительный» (с. 481), «страдательный», «средний», «взаимный» (с. 482) и т. п.

Создавая собственно русское «давнопрошедшее» (с. 414, 480), Ломоносов отказался от имевшего церковнославянский оттенок «мимошедшего». Любопытно, что в немецкой грамматике Шванвица (1745: 201, 411) «мимошедшее» еще соответствует термину «plusquamperfectum»[297]. Прозрачность термина «давнопрошедшее» позволяет установить, что он не является калькой латинского «plusquamperfectum» и его преемников, а содержит два специфических элемента «давно» и «прошедшее», которые оба имеют свою историю. На семантическое содержание термина Ломоносова могли, естественно, влиять категориальные признаки ряда других языков. Функционально «давнопрошедшее» строится на правиле употребления слова «давно», которое встречается весьма регулярно у нескольких грамматистов, в том числе у Адодурова (1731: 39) и Грёнинга (1750: 129). Ср. также Поликарпов (1725)[298]. Первая часть термина содержит

[295] Из атрибутов «единственное» и «однократное» ни тот ни другой не имеет аналога в грамматике Шванвица (1730, 1745) (см. НГ 1745). Ср. также Булич (1904: 737).

[296] Единственное исключение без назального элемента составляет *бросить* (с. 480).

[297] См. Кайперт (1983: 138-139).

[298] Ср. Успенский (1989: 240, примеч. 32 и 33), Успенский (1992: 117).

темпоральный компонент «давно», которым Поликарпов в 1721 г. заменил «дрéвле» Смотрицкого (см. выше). Во второй же части заключается инновация «прошедшее» Афанасьева и Шванвица, которую Адодуров (1738) ввел в русскую грамматику. Без этого «прошедшего» термин Ломоносова получил бы иной облик.

Последовательная хронология «давнопрошедшего» такова[299]: «παρῳχημένος συντελικός» (стоики) -> «ὑπερσυντέλικος» (Дионисий Фракийский 13: 20) -> «надьпрѣдѣлѥмоѥ» (ОЧС 1400: 45), «надпредѣлѧемое» (ОЧС 1500: 52); «praeteritum plusquamperfectum» (Донат с. 360) -> «минувшее пресовершеное» (Толмач 1522: 554); «ὑπερσυντέλικος» (Ласкарис 1476: 27, «Адельфотис» 1591: 68) -> «пресъвершéн'ное» («Адельфотис» 1591: 68) -> «пресовершéн"ное» (Зизаний 1596: 53) -> «мимошéдшее» (Смотрицкий 1619: 239), (1638: 20), (1648) [Поликарпов (1721, 1725), Афанасьев (1725)] -> «промúньено пресовершéно» (Крижанич 1666: 3) -> «давнопрошедшее» (Ломоносов 1755: 414, 480).

Одну из значительных инноваций Лосоносова содержит слово «неокончательное», созданное для дифференциации модусного термина инфинитива от аспектуального «неопредѣленного». Итак, «неокончательное» Ломоносова относится к наклонению, а его «неопредѣленное» - это важнейший аспектуальный термин. Ср. «некончалныи», «некончателныи», неукончáтелныи чинъ» Толмача и «наклоненіе неопредѣленное» Смотрицкого. Реликтом от Смотрицкого должны считаться два употребления «неопределенного» вместо «неокончательного» (с. 415, 521). Своеобразно один раз встречается нововведение «окончательное наклонение» - очевидно, в значении наклонения изъявительного (с. 555). См. то же самое почти буквально в КПР (1773: 78).

Наряду с «продолжением» и «учащением» слово «несовершенное» употребляется как один из признаков «прошедшего неопредѣленного» (с. 480). Однако в данном случае «несовершенное» фигурирует как добавочное пояснение содержания «прошедшего неопредѣленного времени».

Многие последователи ломоносовской традиции не сумели проникнуть в суть трехчленного аспектуального построения, не поняли, что «неопредѣленное», «однократное» и «совершенное» - это признаки регулярных грамматических форм.

Трехчленное аспектуальное противопоставление Ломоносова (1755: 480) предстает совершенно последовательно в прошедшем и будущем: «прошедшее неопредѣленное, однократное, совершенное» - «будущее неопредѣленное, однократное, совершенное». Кроме того, то же противопоставление проводится систематически в описании императива и инфинитива[300]. Применение аспектуальных характеристик к неспрягаемым формам свидетельствует об обособлении аспектуальной семантики, об освобождении ее от темпоральной семантики, связанной с представлением об оси времени. В этом заключается существенная разница по отношению к предшест-

[299] Для краткости вариативные образования и стержневые слова «χρόνος», «tempus», «врѣме», «время», «вриме» здесь не приводятся.

[300] На нетемпоральное значение трех атрибутов «неопредѣленное», «совершенное» и «однократное» Ломоносова указывает Панцер (1983: 147).

вующей традиции. Наиболее наглядно тернарная аспектуальность системы Ломоносова показана и освещена формами «полного» глагола *колоть* (с. 535-537).

В системе Ломоносова значительную роль играет «полный - неполный» глагол (с. 482). «Полный глаголъ» имеет *все* наклонения и времена, все формы лица и числа. Например, типовой «полный» глагол *колю* имеет все десять форм времени: 1) *колю*, 2) *кололъ*, 3) *кольнулъ*, 4) *покололъ*, 5) *калывалъ*, 6) *бывало кололъ*, 7) *бывало калывалъ*, 8) *буду колоть*, 9) *кольну*, 10) *поколю* (с. 535-538)[301]. У «неполного глагола» какая-либо из указанных категорий отсутствует. Например, глагол *очутился* не имеет настоящего времени (с. 483). Позже именно модель ломоносовского «полного глагола» *колоть* с его «совершенными» временами *покололъ* и *поколю* (с. 536-537) послужила поводом для построения таких же парадигм при глаголе *двигать* и др. у Соколова (1792) и в Академической грамматике (1802) (см. ниже). Ср. также различие между «неполным» и «недостаточным» глаголом в последующей традиции.

Из того факта, что «полный глаголъ» *колю* объединяет в свою парадигму также приставочные формы, следует, что три (и даже четыре) основных аспектуальных класса оказываются в пределах парадигматики одного глагола. Наиболее ярко объединение аспектуальных признаков в одном глаголе проявляется в названиях инфинитивов, ср.: «наклонение неокончательное», «неопредѣленное» (*колоть*), «единственное» (*кольнуть*), «совершенное» (*поколоть*), «сомнѣнное» (*калывать*) (с. 537).

Сам Ломоносов сомневался в возможности образовать десять времен от каждого глагола. Говоря о малочисленности «полных глаголов» в русском языке (с. 535), Ломоносов имел в виду, что, как правило, «простые глаголы» имеют свои времена и «сложенные» - свои.

Вместе с тем и форма *показывалъ* «сложенного» глагола определяется как «прошедшее неопредѣленное» (1755: 524) (ср. «unbestimt vergangene») (Ломоносов 1764: 265). Как «неопредѣленные» характеризуются и другие формы этого же глагола[302]: «причастие прошедшее неопредѣленное» - *показывавший* (с. 525), «деепричастие прошедшее неопредѣленное» - *показывавъ* (с. 526), «будущее неопредѣленное» - *я буду показывать* (с. 524), наконец инфинитив *показывать* является «наклоненіемъ неокончательнымъ неопредѣленнымъ» (с. 525). Аналогичным образом «неопредѣленными» отмечаются формы композитива *пріучать*, *пріучалъ*, *буду пріучать* (с. 527)[303].

Важно отметить, что между бесприставочной формой *писалъ*, *бросалъ*, *казалъ* и приставочной *показывалъ* нет функционального различия, а они оба репрезентируют «неопредѣленное», которое противостоит прошедшим временам «однократное»,

[301] Еще Потебня (1891/1941: 16, примеч. 2) отметил десять времен глагола *колоть* Ломоносова.

[302] Одновременно данный глагол *показываю* - *покажу* служит примером глагола «постоянного», который, в отличие от «преходящего» *пріучаю* - *пріучу*, не меняет типа спряжения при отдельных темпоральных формах (Ломоносов 1755: 523).

[303] В современном языке глагол представлен парой *приучить* - *приучать*. Глагол *приу́чивать* засвидетельствован в говорах (СРНГ 32: 45) с пометой «Р. Урал».

«давнопрошедшее» и «совершенное». Следовательно, парадигмы глаголов «сложенных» (*показываю*) (с. 523 и сл.), не имеющих «однократного» элемента, могут считаться двучленными вариантами исходной тернарной аспектуальной системы Ломоносова.

Важнейший в развитии терминологии *прием присоединения аспектуальных атрибутов к неспрягаемым глагольным категориям*, а именно к «неокончательному наклонению», начинается с грамматики Ломоносова. Ср. термины: «наклонение неокончательное неопредѣленное» (*знать*) (с. 494), «неокончательное однократное» (*дерзнуть*, *стукнуть*), «неокончательные наклонения совершенные» (*огорчать*), «неокончательное сомнѣнное» (*писывать*) (с. 495)[304].

Наглядно роль аспектуального атрибута выделяется в инфинитиве типовых парадигм: «Наклонение неокончательное *неопредѣленное*» (*двигать*), «Наклонение неокончательное *однократное*» (*двинуть*), «Наклонение неокончательное *сомнѣнное*» (*двигивать*) (с. 503). То же самое мы видим в пассиве: *быть двигану*, *быть двинуту* (с. 505), *бывать двигану* («сомнѣнное») (с. 506) и в «возвратном залоге»: *двигаться*, *двинуться*, *двигиваться* («сомнѣнное») (с. 508). Ср. во втором спряжении: «Наклонения неокончательные», «учащательное» (*вертѣть*), «однократное» (*вернуть*), «сомнѣнное» (*вертывать*) (с. 519). В страдательном залоге: «Неопредѣленные» (sic! вместо «неокончательные»), «учащательное» (*быть верчену*), «однократное» (*быть вернуту*), «сомнѣнное» (*быть верчивану*) (с. 521).

Поскольку «глаголъ сложенный» *показываю* не имеет форм «однократного» и «сомнѣнного», он имеет только две формы инфинитива: («наклонение неокончательное») «неопредѣленное» (*показывать*) и «совершенное» (*показать*) (с. 525). В примере же глагола *пріучаю* отсутствует только «однократное» и поэтому в одной парадигме объединяются три инфинитива «неопредѣленное» (*пріучать*), «совершенное» (*пріучить*) и «сомнѣнное» (*пріучивать*) (с. 528).

Вместе с более или менее нерегулярными «учащательное», «сомнѣнное», «сомнительное» и «единственное» в сочетании с инфинитивом оказывается даже семь разных атрибутов. Первичными (наиболее регулярными) из них, однако, должны считаться «неопредѣленное», «однократное» и «совершенное» (тем более, что «единственное» - вариант «однократного» и «сомнительное» - вариант «сомнѣнного»). Терминологический атрибут «сомнѣнное» употребляется только в названии инфинитива (с. 495, 503, 519, 537). В плане чисто терминологической денотации на итеративность из них указывает только случайное «учащательное» (см. выше). Атрибут «сомнительное» встречается и при деепричастии: «прошедшее сомнительное» (*будучи двигиванъ*) (с. 506), но зато *будучи вертыванъ* имеет название «деепричастие давнопрошедшее» (с. 522). Ср. еще «Сомнительное неокончательное наклонение» (*бывать ли мнѣ въ отечествѣ*) (с. 566), которое точно соответствовало бы лат. «modus infinitivus dubitativus».

[304] Ср. сюда Булич (1904: 215): «Некоторые же термины [Ломоносова] не привились, напр., неудачное различие четырех видов наклонения неокончательного (т. е. инфинитива. - Р.Р.): учащательного, неопределенного, однократного и *сомненного*» (курсив Булича). Существенное у Ломоносова (1755: 525) «наклонение неокончательное *совершенное*» у Булича опущено.

Заметим особо, что словом «сомнѣнное» никак и нигде не указывается на итеративность. Ср. еще дословный текст Ломоносова в КПР (1773: 66) и «сомнѣнное» у Барсова (1788: 548), Хайма (1789: 89) и Соколова (1792: 119).

Под «целым глаголом» Ломоносов понимает такие «сложенные» глаголы, которые образуются в словообразовательном процессе приставкой от первообразных глаголов. Он предостерегает от смешивания форм «целых», т. е. собственно приставочных глаголов, с формами, возникающими в процессе образования форм времени при помощи приставок, т. е. прошедшего и будущего совершенного. Например, форму *расписался* как время «целого» глагола *расписываюсь* со значением 'даю расписку' следует различать от омонимичной формы *расписался* 'отчасу сталъ писать охотнѣе и проворнѣе' глагола *расписаться* (с. 531)[305].

3. Рассмотрим еще *некоторые вопросы деривации* и образования форм. Здесь и в дальнейшем вопросы деривации и образования отдельных форм времени рассматриваются только в том случае, что они оказываются релевантными для темы исследования. В целом для образования аспектуально-темпоральных форм характерно, что одни темпорально-аспектуальные формы производятся от других темпорально-аспектуальных же форм. Деривационные приемы «перемѣна», «перемѣненіе», «перемѣнять» репрезентируют суффиксальную деривацию и «приложеніе предлога» - префиксальное образование. Исходную базу образования грамматических форм составляет первое лицо настоящего времени бесприставочного глагола. Эта форма занимает господствующее положение в грамматических построениях Ломоносова. Ее естественный статус, как уже говорилось, коренится глубоко в античной грамматической традиции.

1) «Прошедшее неопредѣленное» глагола первого спряжения образуется следующим образом: *вѣда-ю* -> *вѣда-лъ*, *зна-ю* -> *зна-лъ*, *хвата-ю* -> *хвата-лъ*, *мо-ю* -> *мы-лъ* и т. д. (с. 485). Во втором спряжении в процессе участвует также форма второго лица настоящего времени: *бодрю*, *бодри-шь* -> *бодри-лъ* (с. 512).

Для образования приставочных имперфективов принципиально важным оказывается заявление Ломоносова: «прошедшее неопределенное сложенных глаголов [т. е. *показывалъ*] происходит от давнопрошедших простых [*казывалъ*] с присовокуплением напереди предлога [*по-*]» (с. 524). Образование же необходимого здесь «давнопрошедшего» поясняется так: «На жу, чу, шу кончащиеся переменяют своего прошедшего алъ на ывалъ или ивалъ, например:...кажу, казалъ, казывалъ» (с. 492). Итак, форма «давнопрошедшего», необходимая для образования прошедшего неопределенного «сложенного» глагола, образуется от «прошедшего неопредѣленного» простого глагола. Таким образом, форма *показывалъ*, по Ломоносову, порождается процессом: *кажу* -> *казалъ* -> *казывалъ* -> *показывалъ*, в котором позицию исходной формы занимает первое лицо настоящего времени *кажу*. С этого приема Ломоносова начинается потребность создания и применения искусственных итеративных образований в формировании имперфективных форм (см. ниже).

2) При образовании «совершенных» времен, Ломоносов указывает на то, что некоторые *простые* глаголы заимствуют «прошедшее совершенное» у другого, а именно приставочного глагола. Здесь «заимствование» отсутствующей в

[305] Ср. сюда Григорян (1955: 9).

темпорально-аспектуальной парадигме формы функционирует как средство деривации. Например, *хвалю* заимствует форму *похвалилъ* от глагола *похваляю* (с. 489), глагол *ворочу* заимствует *поворотилъ* от *поворачиваю*, *гоню* - «прошедшее совершенное» *прогналъ* у «сложенного глагола» *прогоняю* (с. 513).

Обычно же «прошедшее совершенное» образуется приставкой, которая присоединяется к «прошедшему неопредѣленному»: *алкаю* -> *алкалъ* -> *взалкалъ*, *вѣдаю* -> *вѣдалъ* -> *увѣдалъ*, *дѣлаю* -> *дѣлалъ* -> *здѣлалъ* (с. 489), *пишу* -> *писалъ* -> *написалъ* (с. 490), *божусь* -> *божился* -> *побожился*, *варю* -> *варилъ* -> *сварилъ* (с. 513), *люблю* -> *любилъ* -> *полюбилъ* (с. 514) и т. д. Аналогичным образом «будущее совершенное» образуется присоединением тех же «предлогов» к «настоящему» (с. 493). Ср. ниже Ломоносов (1764: 190), Шарпантье (1768: 118, Соколов (1792: 112, 139). Особо отмечается, что данные глаголы не имеют приставочных форм настоящего времени (**взалкиваю*, **здѣлываю*, **написываю* и т. п.) (с. 489). Иначе говоря, данные глаголы не имеют приставочных (совр. «вторичных») имперфективов. В некотором смысле речь идет об исключениях, которые могут быть перечислены (ср. список с. 489-490).

При этом ряд простых глаголов «имѣетъ» бесприставочное «прошедшее совершенное» или его «силу» («безъ приложения предлога»), *бросаю* - *бросилъ*, *пускаю* - *пустилъ*, *даю* - *далъ* и т. д. (с. 490), ср. также «будущее совершенное» *дамъ* (с. 534) от «неправильного глагола» *даю* (с. 533); так же во втором спряжении: *велю* - *велѣлъ*, *вижу* - *видѣлъ*, *врежу* - *вредилъ*, *женю* - *женилъ*, *рѣшу* - *рѣшилъ* (с. 514). Интересно, что форма *бросилъ* фигурирует под двоякой терминологией: «прошедшее однократное» (с. 480) и «прошедшее совершенное» (с. 490).

С процессами «заимствования» отсутствующей формы непосредственно связан отмеченная выше «общефактическая» функция «прошедшего неопредѣленного»: «Которые глаголы прошедшего совершенного не имеют ни простого, ни сложенного и от сложенных **занять** не могут, тем вместо оного служить может прошедшее неопределенное» (с. 490). Здесь выделяются два важных принципа: 1) темпорально дефектные «неполные» глаголы могут «заимствовать» отсутствующие времена у другого глагола, 2) в определенных условиях «прошедшее неопредѣленное» может функционировать как «совершенное», т. е. Ломоносов первым указывает на более широкий функциональный потенциал немаркированной формы. Ср. определение значения «прошедшего неопредѣленного» (с. 480). Кроме того, формулировка показывает, что «прошедшее совершенное» может быть как «простым», так и «сложенным».

Эти принципы, или, по крайней мере один из них, повторяются широко в ломоносовской традиции: в переводе грамматики Ломоносова («entlehnen») (1764: 195), в КПР (1784: 160), у Хайма (1789: 98), (1804: 85) и даже у Таппе (1810: 133). Особенно популярным становится «заимствование» приставочных имперфективных форм настоящего времени у Добровского (1809).

В целом указанные принципы, находящие отражение на всем протяжении послеломоносовского периода, можно подытожить так: 1. ряд «простых» глаголов имеет свои «совершенные» времена (*бросить* - *бросилъ*, *брошу*), 2. ряд «простых» же глаголов «заимствует» данные времена у родственных «сложенных»

глаголов (*хвалю* заимствует *похвалилъ* и *похвалю* у глагола *похваляю*), 3. другие «простые» глаголы образуют данные времена посредством приставки (*дѣлать* - *здѣлалъ*, *здѣлаю*), 4. «полные глаголы» имеют свои «совершенные» времена (*колю* - *покололъ*, *поколю*), 5. Если у глагола нет ни одного из этих способов, для выражения времени «прошедшего совершенного» используется «прошедшее неопредѣленное».

3) Поскольку глагол *ахаю* «имѣетъ» регулярное «прошедшее неопредѣленное» *ахалъ*, то формулировка «Прошедшее однократное имеют следующие глаголы: ахаю, ахнулъ...» (с. 488) указывает именно на то, что форма «прошедшее однократное» *ахнулъ* как одна из нескольких входит в состав форм указанного глагола *ахать*, *ахаю*. «Будущее однократное» производится от «прошедшего однократного»: *дерзну-лъ* -> *дерзну*, *махну-лъ* -> *махну* (с. 493).

4) «Давнопрошедшее» образуется двояким образом: или 1) от первого лица *настоящего* времени: *думаю* - *думывалъ*, *двигаю* - *двигивалъ* (с. 491), *колю* -> *калывалъ* (с. 492), *бросаю* -> *брасывалъ* (с. 493), или 2) от «прошедшего неопредѣленного»: *дремлю* -> *дремалъ* -> *дремывалъ*, *кажу* -> *казалъ* -> *казывалъ* (с. 492), *скачу* -> *скакалъ* -> *скакивалъ* (с. 493). Ср. также «исключения» и некоторые формы без элемента *ыва/ива*: *знаю* -> *знавалъ*, *грѣю* -> *грѣвалъ* (с. 491), *дую* -> *дувалъ* (с. 492). Во втором спряжении «давнопрошедшие времена» производятся от первого лица настоящего времени, когда «*ю* переменяется на *ивалъ*»: *браню* -> *бранивалъ*, *люблю* -> *любливалъ* и т. д. (с. 514). Исключениями являются *брякивалъ*, *видалъ*, *летывалъ*, *таскивалъ*, которые производятся от «учащательных» глаголов: *брякаю*, *бѣгаю*, *видаю*, *летаю*, *таскаю* (там же). По-видимому, по семантическим или структурным причинам ряд глаголов (*алкаю*, *вѣдаю*, *величаю*, *вѣнчаю*, *ветшаю*, *голодаю* и т. д.) (с. 491) не имеет первого «давнопрошедшего».

5) «Будущее совершенное» создается «предлогом» из формы настоящего остроумно *как бы через прошедшее совершенное*: *хочу* -> (*захотѣлъ*) -> *захочу*, *пишу* -> (*написалъ*) -> *напишу*. Этим процессом гарантируется то, что «прошедшее» и «будущее совершенное» сохраняются в пределах одной и той же лексемы. Под неудачной формулировкой (§ 331) автор просто имеет в виду (с. 493), что при образовании «будущего совершенного» к форме настоящего времени присоединяются те же «предлоги», как при образовании «прошедшего совершенного» (ср. с. 489, 513). Это подтверждается тестом образования «повелительного будущего совершенного» (с. 494)[306].

6) «Будущее неопределенное составляется из неокончательного первого» (т. е. «неопредѣленного») и вспомогательных глаголов *буду* и *стану* (*буду писать*, *стану знаться*) (с. 493). Сюда относятся также такие формы, как *я буду показывать* (с. 524) и *я буду пріучать* (с. 527).

7) Инфинитивные формы производятся от формы прошедшего (с учетом настоящего, от которой образуется форма прошедшего): *знаю* -> *зналъ* -> *знать* (с. 495). В связи с этим также инфинитив приобретает соответствующую аспекту-

[306] О будущем времени Ломоносова ср. Кайперт, Успенский и Живов (1994: 98) и Живов и Кайперт (1996: 14).

альную характеристику, ср.: «прошедшее неопредѣленное» *зналъ* -> «наклоненіе неокончательное неопредѣленное» *знать* (с. 494), «прошедшее однократное» *дерзнулъ* -> «неокончательное однократное» *дерзнуть* (с. 495), «прошедшее совершенное» *огорчалъ* -> «неокончательное наклоненіе совершенное» *огорчать*[307], «давнопрошедшее» *писывалъ*, *знавалъ* -> «неокончательное сомнѣнное» *писывать*, *знавать* (там же).

Последовательно осуществляется префиксальное образование глагола: *даю* -> *отдаю*, где от формы первого лица настоящего времени *даю* образуется «предлогом» форма первого лица настоящего времени нового «сложенного» глагола *отдаю* (с. 479). В данном процессе всегда возникает новый глагол. Вместе с тем у Ломоносова суффиксальная модель деривации глагол -> глагол как бы отсутствует. Ср. «учащательные глаголы» (*даю* -> *даваю*) (с. 483), которые даются вне описания собственно «производных».

Говоря о префиксации *глагола*, Ломоносов указывает на изменение «знаменования» глагола и на добавление слога к концу глагола («приращение складов»): *теку* -> *про-тек-а-ю*. Однако без «приращения» производятся: *хожу* -> *от-хожу*, *ношу* -> *воз-ношу*. «Наращение» же выделяется из первого «давнопрошедшего» при изменении финали *лъ* на *ю* («лъ перемѣняется на ю»): *тек-у* -> *тек-а-лъ* -> *про-тек-а-ю*, *бер-у* -> *бир-а-лъ* -> *из-бира-ю*, *пою* -> *пѣвалъ* -> *попѣваю*, *клюю* -> *клевыва-лъ* -> *по-клевы-ва-ю* (с. 522-523). Следовательно, существует также образование «сложенного» глагола: *кажу* -> *по-казыва-ю*. Важно отметить, что в этих случаях словообразования вид глагола не изменяется.

Описание образования форм «глаголов сложенных» можно проиллюстрировать процессом типа *зна-ю* -> *зна-ва-лъ* -> *по-зна-ва-ю*, в котором форма *знавалъ* получила «наращение» от первого давнопрошедшего. Вместе с тем темпоральная форма будущего *познаю* образуется от темпоральной же формы настоящего *познаваю* «потеряв наращение» (*ва* или *а*): *познаваю* -> *познаю* (с. 523). Этот несколько странный прием объясняется тем, что речь идет о «сложенных» глаголах. Сходный прием деривации мы видим также в бесприставочных: *лишаю* -> *лишу* (там же). Так, префиксация применяется и к словообразованию глаголов (без изменения вида глагола), и к образованию времен.

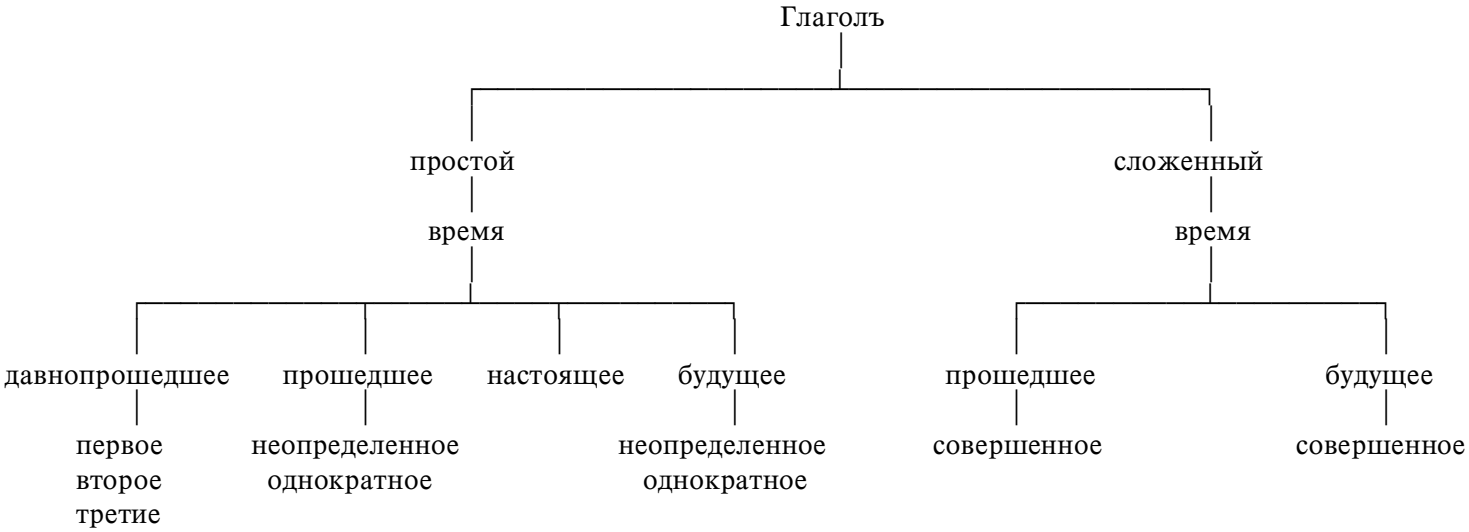
Как известно, классификация, которая объединяет как суффиксальную, так и префиксальную деривацию осложняется по той простой причине, что перфективными и имперфективными могут быть как приставочные, так и бесприставочные формы глаголов. Данные грамматики Ломоносова показывают, что ее автор хорошо осознавал данную проблематику и великолепно справился задачей согласования структурного и семантического принципов.

Основным принципом схематизации ломоносовской темпорально-аспектуальной системы должно быть деление глаголов на «простые» и «сложенные», отражающее старинную модель «начертания». В этой схеме темпоральные признаки группиру-

[307] Заметим, что глагол *огорчать* 'огорчиться' - перфектив, которому соответствует имперфектив *огорчавать* 'огорчаться' (СРЯ 11-17 вв. 12: 253).

ются горизонтально и аспектуальные вертикально. Некоторую статусную значимость - первичность или вторичность - имеет порядок терминов в схематизируемой системе.

Схема № 16. Первичная темпорально-аспектуальная система Ломоносова (1755)[308]



«От простых»:

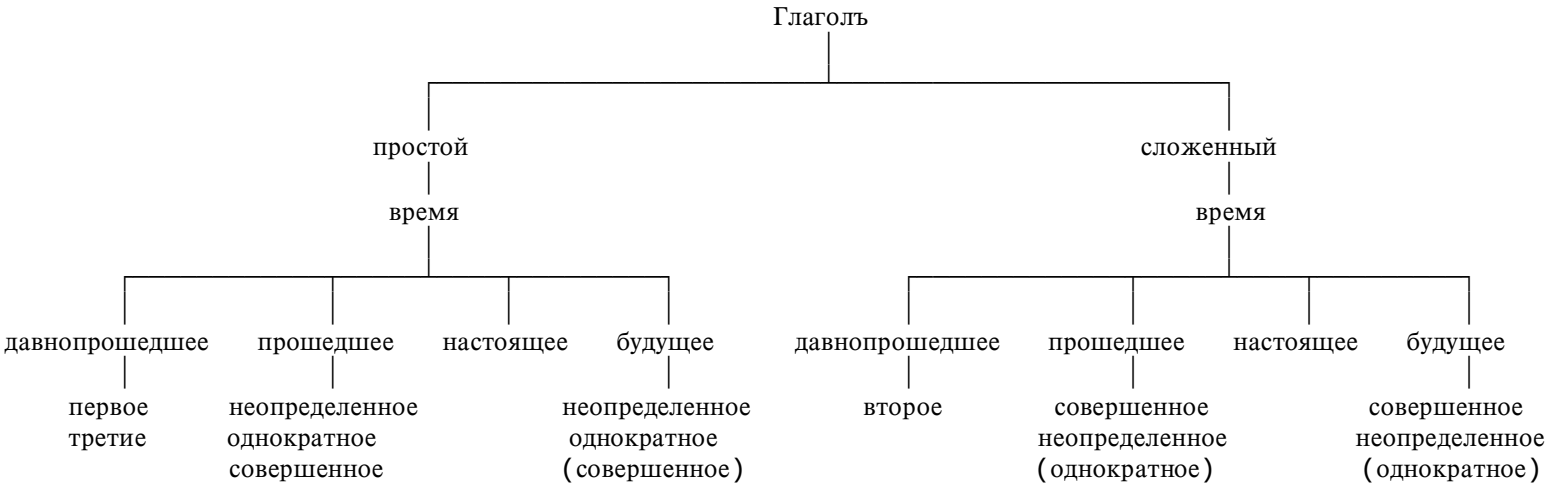
1) настоящее - *трясу*, *глотаю*, *бросаю*, *плещу*
2) прошедшее неопределенное - *трясъ*, *глоталъ*, *бросалъ*, *плескалъ*
3) прошедшее однократное - *тряхнулъ*, *глонулъ*, *бросилъ*, *плеснулъ*
4) давнопрошедшее первое - *тряхивалъ*, *глатывалъ*, *брасывалъ*, *плескивалъ*
5) давнопрошедшее второе - *бывало трясъ*, *глоталъ*, *бросалъ*, *плескалъ*
6) давнопрошедшее третие - *бывало трясывалъ*, *глатывалъ*, *брасывалъ*, *плескивалъ*
7) будущее неопределенное - *буду трясти*; *стану глотать*, *бросать*, *плескать*
8) будущее однократное - *тряхну*, *глотну*, *брошу*, *плесну*

«От сложенных»:

9) прошедшее совершенное - *написалъ* («от пишу»)
10) будущее совершенное - *напишу*

[308] Ломоносов (1755: 480).

Схема № 17. Вторичная расширенная темпорально-аспектуальная система Ломоносова (1755)[309]



I (1) **Настоящее** - *двигаю*, *колю*; *показываю*, *пріучаю*; *даю*
II. **Прошедшее**:
(2) **неопределенное** - *двигалъ*, *кололъ*; *показывалъ*, *пріучалъ*; *давалъ*
(3) **однократное** - *двинулъ*, *кольнулъ*
(9) **совершенное** - *покололъ*; *показалъ*, *пріучилъ*; *далъ*
IIa. **Давнопрошедшее**:
(4) **первое** - *двигивалъ*, *калывалъ*; *пріучивалъ*; *давывалъ*
(5) **второе** - *бывало двигалъ*, *кололъ*; *бывало показывалъ*, *пріучалъ*
(6) **третие** - *бывало двигивалъ*, *калывалъ*; *бывало пріучивалъ*
III. **Будущее**:
(7) **неопределенное** - *буду двигать*, *колоть*; *буду показывать*, *пріучать*
(8) **однократное** - *двину*, *кольну*
(10) **совершенное** - *поколю*; *покажу*, *пріучу*; *дамъ*

[309] Схема вторичной системы опирается на глагольные парадигмы Ломоносова (1755: 501-502, 524-527, 533-537). Нумерация времен первичной системы сохраняется здесь.

В качестве дополнительных примеров мы приведем следующие «прошедшие совершенные»: *бросилъ*, *далъ*, *простилъ*, *пустилъ*, *плѣнилъ*, *стрѣлилъ*, *хватилъ*, *свободилъ*, *дѣвалъ* (с. 490), *велѣлъ*, *видѣлъ*, *вредилъ*, *женилъ*, *рѣшилъ* (с. 514), *придвинулъ*, *задвинулъ*, *надвинулъ* (с. 501), *навидался* (с. 531) и «будущие совершенные»: *захочу*, *уцѣлѣю* (с. 493), *навидаюсь* (с. 531).

Вторичная система обнаруживает то интересное обстоятельство, что, кроме «однократных», во времена входят как бесприставочные, так и приставочные формы. Так, например, в «неопредѣленные» времена входят также приставочные *показывалъ*, *буду показывать*, в «совершенные» входят приставочные *покололъ*, *показалъ*, *поколю*, *покажу* и бесприставочные *бросилъ*, *далъ*, *простилъ*, *пустилъ*, *дамъ* и т. д. Некоторое противоречие составляют три плюсквамперфекта *пріучивалъ*, *бывало пріучалъ* и *бывало пріучивалъ* (с. 527), ведь, согласно исходной модели, сложный глагол имеет только второй (аналитический) плюсквамперфект *бывало показывалъ* (с. 524). На наш взгляд, вторичная система говорит достаточно ясно о семантическом факторе, который наличествует в классификации аспектуальных форм у Ломоносова.

Особого внимания заслуживают приставочные формы типа *показываю*, *показывалъ*, *буду показывать*, *показалъ*, *покажу* (с. 524), которые с современной точки зрения составляют парновидовые формы в пределах одного «спряжения» *показывать - показать*.

Глагол *двигать* представляет собой такой сознательно отобранный пример, который допускает почти все бесприставочные формы ломоносовской глагольной системы. В парадигмах данного глагола (с. 501-509) нет форм типа *сдвигалъ* (о которых см. ниже), так как у Ломоносова глаголы *двигать* и *вертѣть* являются «неполными», в то время как «полный» глагол *колоть* имеет все десять времен, в том числе приставочные (с. 535-538).

С парадигмы первого спряжения простых глаголов начинается более чем полувековое шествие типового глагола *двигать*, ставшего одной из примет ломоносовской традиции. С этим глаголом связано множество недоразумений, которые не должны быть поставлены в вину Ломоносову. Мы подытожим судьбу *я двигаю* и других форм этого глагола в работах: Ломоносов (1755: 501) -> Ломоносов (1764: 217) -> Шарпантье (1768: 137) -> Курганов (1769: 32) -> КПР (1773: 46) -> Родде (1773: 90) -> КПР (1784: 149) -> (Соколов 1788) -> Барсов (1788: 543, 604) -> Родде (1789: 91) -> Хайм (1789: 86) -> Соколов (1792: 108) -> Курганов (1793: 32) -> РГ (1802: 192) -> Модрю (1802: 192) -> Хайм (1804: 108) -> Фатер (1805: 115) -> Соколов (1806: 116) -> Фатер (1808: 64) -> Копитар (1808: 303) -> РГ (1809: 199) -> Грамматика (1809: 46) -> Орнатовский (1810: 127) -> Таппе (1810: 108) -> Эрстрём и Оттелин (1814: 125) -> Фатер (1814: 120) -> Вельцын (1816: 113) -> Амоньер (1817: 180) -> Пухмайер (1820: 239).

То же самое касается «полного» глагола *колоть - покололь* (с. 535), с помощью которого Ломоносов великолепно продемонстрировал, как следует понимать его систему в целом, в частности, взаимодействие приставочных и бесприставочных форм в ней.

Приводя время «совершенное учащательное» (*отдергалъ*, *откидалъ*), под которым понимается перфективное действие с добавочным признаком повторяемости («действие во многие [разы] совершается») (с. 526), Ломоносов проводит количественное акционсартное различие внутри перфективности. После «крáт» Крижанича Ломоносов здесь первым применяет показатель количественной аспектуальности «разъ». При этом экспликация «действие въ одинъ разъ» (*отдернулъ*, *откинулъ*) Ломоносова, которая имеет точный аналог в «вь jеден крáт» Крижанича (1666: 73), составляет количественное противопоставление указанному «действию во многие [разы]».

Описание «предлогов» выявляет ряд акционсартных значений, в том числе начала и конца, которые повторяются в дальнейшей традиции в качестве собственных аспектуальных признаков: «*За* значит...начинание деяния» *захрапѣлъ*, *захрапѣть*. «*Отъ* просто значит окончание действия» *отъигралъ* «пересталъ играть» (с. 530). Ср. переводы «Anfang» и «die Endigung einer Handlung» (Ломоносов 1764: 277, 278). Приставка *по* означает «умаление» и деминутивную итерацию действия («умалительное учащение») (*пописывать*, *похаживать*, *попевать*) (с. 529). Ср. перевод «eine verringernde Vervielfältigung», *пописывать* «offt (etwas weniges) schreiben» (Ломоносов 1764: 279).

Подводя итоги относительно темпорально-аспектуальной системы Ломоносова, мы констатируем, что начатая еще Смотрицким на церковнославянском материале и примененная Лудольфом и Сойе к русскому глаголу суффиксальная и префиксальная деривация по античной модели и вытекающее из нее классификация глаголов совершенно сознательно переносится Ломоносовым на задний план и релевантная аспектуальная характеристика сопрягается в виде атрибутов с временны́ми формами. Поэтому в системе Ломоносова «учащательный», «начинательный» и т. п. имеют лишь второстепенный статус. Основная трехпризнаковая аспектуальная семантика сконструирована так, что она строится внутри темпорально-аспектуальной системы спряжения, чем избегается потребность в аспектуальной классификации глаголов. Система Ломоносова оправдывается тем, что в ней аспектуальные признаки неопределенность, однократность и совершенность, обладая максимальной регулярностью, приобретают высокую степень грамматичности. Кроме однократности, один из трех признаков наличествует, как правило, в каждом высказывании, в каждом предикате. При этом знаменательно, что по своей структуре русские темпорально-аспектуальные термины Ломоносова вполне идентичны терминологии современных грамматик[310].

В связи с этим следует учесть тот отмеченный выше факт, что и у Смотрицкого существовала последовательная видовая система внутри темпоральных форм, для которой и у него не было особого термина. Если Ломоносов (как мы полагаем) осознал эту особенность, то он в действительности развил дальше, расширил и применил к русским фактам исходные идеи Смотрицкого и вместе с тем снабдил видовые понятия категориальными названиями. В свете этого рассуждения об иностранных прототипах ломоносовской темпорально-аспектуальной концепции нуждаются в коррективах; грамматисты более позднего времени слишком придирались к множеству времен Ломоносова, не осознав сути встроенной в системе аспектуальности.

[310] См. Бондарко (1971: 55), РГ (1980: 626-628).

5.2. Немецкая традиция грамматики Ломоносова

5.2.1. Немецкий перевод системы Ломоносова (1764)

1. Большое значение для развития интернациональной взаимосвязи и установления терминологии заключается в том, что отдельные авторы, осмыслившие терминологическую шаткость и возможность недоразумений, приводили параллельные иноязычные термины. В ломоносовской традиции мы видим их на латинском, немецком, французском, польском и даже новогреческом языке[311]. В переводе 1764 года вся основная терминология снабжена параллельными латинскими соответствиями, причем осмысление грамматических деталей существенно облегчается переводами примеров.

В переводе многие глагольные термины получают первое немецкое и латино-немецкое отражение применительно к русскому языковому материалу: «vollständige», «unvollständige Zeitwörter», «verba completa», «verba defectiva», «richtige», «unrichtige Zeitwörter», «regularia», «irregularia» (Ломоносов 1764: 175), «Stamm-Zeitwörter», «Verba primitiva», «*abgeleitete* Zeitwörter», «Verba *derivativa*», «einfache» («simplicia»), «*zusammengesetzte*» («*composita* verba») (с. 166-167) и т. д. То же самое касается таких основных приемов деривации, как «Ableitung» («Derivatio») и «Zusammensetzung» («Compositio») (с. 27) (см. приложение).

На уровне общей терминологии обнаруживается достаточно прозрачная связь между терминами «species» и «видъ», с одной стороны, и между «видъ» и «Art» - с другой. Говоря о классификационных понятиях «родъ» и «видъ», Ломоносов (1755: 408) применяет общеупотребительную в науке того времени (включая его собственные труды на латинском языке) модель со словами «genus» и «species». В немецком переводе «виды» в свою очередь передаются словом «Arten», сопровождаемым пояснительной латинской параллелью «Species»: «Johann, Jacob und Friedrich...welche nur wirklich *Species* oder *Arten* sind» (с. 26).

В общей классификации мы сталкиваемся также с представлением о подвидах («*Nebenarten*»), которые по тексту перевода организуются в порядке: «Geschlecht» (*Mensch*) -> «Art und Geschlecht» (*Richter*) -> «Arten und Nebenarten» (*Johann*, *Jacob*, *Friedrich*) (с. 26). Поучительно также прямое немецко-латинское соотнесение синонимов: «Arten» - «Gattungen» - «Species» (с. 25)[312]. Таким образом, на общеклассификационном уровне как «видъ», так и «Art» Ломоносова имеют естественную преемственность со «species» латинской традиции.

---

[311] О переводах и переделках грамматики Ломоносова см.: Балицкий (1876 А: 26), Станкевич (1984: 118). К сожалению, нам не удалось достать ни польского издания грамматики Ломоносова (Лубович 1778), ни ее греческой переделки (Анастас 1796).

[312] Ср. истолкования 'вид', 'порода', 'род', 'тип', 'сорт', 'категория', 'серия' слова *Gattung* (БНРС I: 517).

Однако глаголов ни тот ни другой термин не классифицирует. Несмотря на как бы сознательное решение автора избегать аспектуального «вида» Смотрицкого, его грамматики предвосхищают соотносительное развитие модели: «species **x**» - «виды **x**» - «Arten der **x**», ср. «verschiedene Arten der **x**», т. е. разные виды любого объекта классификации (с. 45).

Помимо общеклассификационной функции, интересующее нас слово «Art» используется как категориальный термин наклонения: «die anzeigende Art Modus indicativus», «*die unbestimmte Art*» («modus infinitivus») (*писáть*) (с. 38) и т. д. В последующей традиции мы увидим «*Die Arten der Verba*» также при обозначении аспектуальных группировок глаголов (см. ниже). Это обстоятельство объясняется как бы сходными пунктами соприкосновения у модальности и аспектуальности, а именно: а) наличием в «инфинитивном модусе» разных глаголов (*нести* - *принести*), б) семантическими (часто мнимыми) тождествами, которые отражаются в употреблении таких атрибутов, как «bestimmt» и «unbestimmt», но особенно, в) приемом описания способа действия («modus actionis»), причем любой способ осуществления действия похож как бы на специфический акционсартный способ протекания действия[313].

2. Для истории описания темпорально-аспектуальных понятий и терминов русского языка на немецком языке существенное значение имеет перевод:

> «Die Russischen Zeitwörter haben zehen Zeiten (tempora): acht entstehen aus den einfachen Zeitwörter, und zwey aus den zusammengesetzten. Aus den einfachen kommen her 1.) die gegenwärtige Zeit (tempus praesens), трясу́ ich schüttere, глота́ю ich schlucke, броса́ю ich werfe, плещу́ ich klatsche, platsche mit den Händen auf das Wasser 2.) die unvollkommen vergangene (praeteritum imperfectum), трясъ ich schütterte, глота́лъ ich schluckte, броса́лъ ich warf, плеска́лъ ich platschete 3.) die einmalig vergangene (praeteritum singulare unitatis), тряхну́лъ ich habe (einmahl) geschüttert, глону́лъ ich habe (einmahl) geschlucket, бро́силъ ich habe (einmahl) geworfen, плесну́лъ ich habe (einmahl) geplatschet 4.) die erste vorlängst vergangene (plusquamperfectum primum), тря́хивалъ ich habe (mehrmahlen) geschüttert, гла́тывалъ ich habe geschlucket, бра́сывалъ ich habe geworfen, пле́скивалъ ich habe geplatschet 5.) die zweyte vorlängst-vergangene (plusquamperfectum secundum), быва́ло трясъ ich habe (vorzeiten einmahl) geschüttert gehabt, быва́ло глота́лъ geschlucket gehabt, быва́ло броса́лъ geworfen gehabt, плеска́лъ geplatschet gehabt 6.) die dritte vorlängst vergangene (plusquamperfectum tertium), быва́ло тря́сывалъ ich hatte (vorzeiten mehrmahlen) geschüttert gehabt, быва́ло гла́тывалъ - geschlucket gehabt, быва́ло бра́сывалъ - geworfen gehabt, быва́ло пле́скивалъ - geplatschet gehabt 7.) die unvollkommen zukünfftige, (futurum imperfectum), бу́ду тряст́и ich werde schüttern; ста́ну глота́ть ich werde schlucken, броса́ть werfen, плеска́ть platschen 8.) die einfach zukünfftige (futurum simplex) тряхну́ ich werde (nur einmahl) schüttern, глону́ ich werde (einmahl) schlucken, бро́шу - werfen, плесну́ - platschen. Von den Zusammengesetzten entstehen 9.) die vollkommen vergangene (praeteritum perfectum), als написа́лъ ich habe (völlig) geschrieben von пишу́ ich schreibe. 10.) Die vollkommen zukünfftige futurum perfectum, als

[313] Это обстоятельство отразится позже в известной характеристике акционсартов «*die Art und Weise wie die Handlung vor sich geht*» Штрайтберга. См. Wilhelm Streitberg, Urgermanische Grammatik. Heidelberg (1896: 276).

напишу́ ich werde (völlig, gewiss) schreiben, von писа́ть schreiben» (с. 168-170).

Слова «einmahl», «mehrmahlen», «vorzeiten einmahl», «vorzeiten mehrmahlen», «nur einmahl», «völlig», «völlig gewiss» (с. 169-170) не имеют эквивалентов в подлиннике, а добавлены переводчиком (может быть, с согласия автора) для разграничения содержательных характеристик отдельных времен[314]. Среди них отметим особо «mehrmahlen», стимулировавшее чрезмерное и даже неверное подчеркивание итеративности в значении плюсквамперфекта. Кстати, значение второго плюсквамперфекта уточняется, наоборот, словом «einmahl», указывающим на единичность действия. В литературе на немецком языке акцентирование итеративности достигает вершины в термине «plusquamperfectum frequentativum» Хайма (1804: 81) и вслед за ним у Глинки (1805: 52), у которых атрибут воплощает просто желаемое, но не соответствующее действительности значение грамматической формы.

Уточняющие содержание будущего совершенного наречия «völlig» и «gewiss» (с. 170) 'полностью и безусловно' встречаются впоследствии неоднократно в литературе на немецком языке. Особой популярностью пользуется «gewiss» (см. ниже).

Терминологическое создание «futurum imperfectum», в котором аспектуальная и темпоральная терминология достаточно не различаются, показывает несовместимость латинской темпорально-аспектуальной терминологии с русскими языковыми фактами. Вообще нежелательное многообразие отражается в том, что даже четыре термина «die unvollkommen zukünfftige», «futurum imperfectum», «Unbestimmt zukünfftige» и «Futurum Dubium» (с. 170, 220) выступают эквивалентами «будущего неопредѣленного» (*буду трясти*, *буду двигать*) подлинника.

Переводы Штафенхагена «praeteritum *imperfectum*» и «futurum *imperfectum*», равно как и «*unvollkommen* vergangene» и «*unvollkommen* zukünfftige» (с. 169), искажают идею неопределенности, предусмотренную в «неопредѣленном» Ломоносова. Неосознанно или намеренно в переводе не фигурируют латинские параллели «praeteritum *indefinitum*» и «futurum *indefinitum*», которые точно соответствовали бы однозначным «прошедшее неопредѣленное» и «будущее неопредѣленное» Ломоносова (1755: 480)[315].

Однако следует отметить особо вариант «die *unbestimmt* vergangene Zeit» («praet. imperf.») (с. 181, 187, 190, 199), который употребляется наряду с «официальным» и неточным «die *unvollkommen* vergangene» («praeteritum imperfectum») (с. 169). Таким образом, с перевода грамматики Ломоносова (1764) начинается история немецкого аспектуального атрибута «unbestimmt», калькирующего ломоносовское «неопредѣленное». Ср. ниже «правильное» «die unbestimmt vergangene Zeit» у Родде (1773: 78), «die unbestimmt völ-

[314] Ср. *vorzeiten* поэт. 'в старину, встарь' (БНРС II: 562). *mehrmahlen* 'много раз, неоднократно', *einmahl* '(один) раз, однократно' (БНРС I: 395). *vorlängst* 'давным-давно, с давних пор' (БНРС II: 557).

[315] Полный список немецко-русских и русско-немецких соответствий составлен М. Шютрумпфом (1983). Ср. Бидерманн (1981: 128), Бидерманн (1978: 122).

lig vergangene Zeit» у Хайма (1789: 80) и наконец латино-немецкое «Praeteritum indefinitum» у Хайма (1789: 86), использованное сразу после термина «praeteritum indefinitum» Барсова (1788: 544), который вряд ли был известен Хайму. В особенности следует учесть заслугу Хайма (1789: 86, 88) и Хайма (1804: 80, 106), который в опубликованной грамматике вводит «indefinitum» и таким образом исправляет недосмотр Штафенхагена. Ср. также Фатер (1805: 136).

Таким же образом, наряду с первичным «die *vollkommen* vergangene» (с. 170) перевод приводит три раза вариативное название «die *völlig* vergangene» Zeit (с. 190, 194, 195). Последний термин «die *völlig* vergangene Zeit», выступающий впоследствии широко в литературе на немецком языке (Родде, Томса, Хайм, Неедлый и др.), утрачивает смысл самостоятельного аспектуального компонента «совершенное». Ведь термин «völlig vergangene» 'целиком, полностью прошедшее', который акцентирует темпоральный элемент, не равносилен тому, что означает «прошедшее совершенное», ни даже термину «praeteritum perfectum». То же самое касается перевода «die vollkommen vergangene», который не гарантирует передачи значения перфективности. Так, переводчик или не осознал содержания «совершенного» или просто не нашел точного эквивалента совершенному действию в плане прошедшего. С перевода грамматики Ломоносова (с. 170) начинается сложный путь развития ряда немецких атрибутов, «vollkommen», «vollbracht», «vollendet» и т. п., которыми улавливается смысл русского «совершенный» (см. подробнее ниже).

Неточный перевод «*einfach* zukünfftige», определяющий формы *покажу* и *пріучу* (с. 267, 274), обусловливает то, что в типовых глагольных парадигмах совсем отсутствует правильный и ожидаемый термин «die *vollkommen* zukünfftige» («futurum perfectum»), который составил бы противопоставление термину «die *unvollkommen*» или «*unbestimmt* zukünfftige» («futurum imperfectum»). Ср. также «Einfach zukünfftige» *я дамъ* (с. 286), но «правильное» «Völlig zukünfftige» *я поколю́* (с. 292) (= «Будущее совершенное» 1755: 537). Грубая ошибка переводчика заключается в том, что «Будущее *совершенное*» (*я навидаюсь*) Ломоносова (1755: 531) переводится «*Unbestimmt* zukünfftige» (с. 282).

Вместо «die *einmalig* vergangene» в первичном перечне времен (с. 169) в переводе используется также вариант «die *einfach* vergangene» (*а́хнулъ*) (с. 188). При парадигме глагола *колоть* в плане прошедшего акционсартно различаются «*Einfach* vergangene» *кольну́лъ* и «*Völlig* vergangene» *поколо́лъ* (с. 289-290) и в плане будущего «*Einfach* zukünfftige» *кольну́* и «*Völlig* zukünfftige» *поколю́* (с. 292). Так, синтетические (перфективные) формы будущего все чаще определяются словом «einfach», на обобщение которого повлиял и параллельный термин «единственное» самого Ломоносова.

Таким образом, в переводе Штафенхагена как немецкие «einmalig» и «einfach», так и латинские «singulare» и «simplex» оказываются все эквивалентами «однократного» и его варианта «единственное». Самое точное соответствие устанавливается между «однократным» и «einmalig» и «singulare». Атрибут «singulare», отражающий чешско-латинскую традицию, восстановлен, может быть, самим Ломоносовым для перевода грамматики. В то же

время первоначально чисто словообразовательный «simplex» начинает отождествляться с значением однократности, возникшей в переводе у слов «einfach» и «einmalig».

Имплицируя единство и целостность, слово «*unitas*» предвещает современную «целостность» действия[316]. Кстати говоря, «unitas» оказывается как бы лишним добавлением переводчика, ибо «singulare» уже соответствует ломоносовскому «однократному». Ср. ниже инновацию «das Futurum unitatis» Добровского (1792: 16).

Одним из интереснейших процессов терминологизации является начинающееся с перевода 1764 г. превращение параллельных атрибутов «einfach» и «simplex» из структурного термина в атрибут с аспектуальным содержанием. Строго говоря, речь идет о возникновении у них новой параллельной функции, так как их старая задача в системе словообразования («simplex» - «compositum», «einfach» - «zusammengesetzt») (с. 167) сохраняется. Аспектуальная функция атрибута «simplex» представлена следующими примерами: «futurum simplex» - *тряхну* и др. (с. 170), *дви́гну* (с. 220), *двинь* (с. 221), «praeteritum simplex» (с. 171) и вариант «perfectum simplex» - *дерзну́лъ*, *стукну́лъ* (с. 206). Вместе с тем это один из первых случаев латино-немецкого употребления «perfectum» вместо «praeteritum» в грамматике русского языка.

Особенно наглядно новая функция проявляется в названии инфинитива «infinitivus simplex» - *дерзну́ть*, *стукну́ть* (с. 206). Аналогичным образом употребляется «einfach» (с. 170, 188, 203, 206, 212, 218, 220-223, 225-228, 230, 231, 241, 247, 253, 255-261, 267, 274, 275). Показательно, в частности, описание инфинитива «Einfach дви́нуть bewegen (einmal)», где данный атрибут указывает однозначно на однократность формы *дви́нуть* (с. 221).

Особого внимания заслуживает факт, что с указанных терминов «futurum simplex» и «praeteritum simplex» и их взаимодействия со словами «einfach» и «einmalig» начинается процесс отождествления атрибута «simplex» с понятием перфективного единичного действия, которое завершится полной аспектуализацией данного слова в грамматиках начала XIX века (см. ниже)[317].

Несмотря на то, что новые «einfach» и «simplex» переводят систематически «однократное» подлинника, имеется ряд «ошибок», в которых словом «einfach» непоследовательно переводится «совершенное» Ломоносова: «Einfach zukünfftige» *я покажу* (с. 267), *я прїучу* (274). Как увидим ниже, «einfach» и «simplex» получат дальнейшее развитие у Родде (1773, 1789), Хайма (1789,

[316] Ср. «*unitas* 1) единство, единение, 2) одно (единое) целое: mundi, quae nunc partes sunt, aliquando unitas fuit...земля, разделенная ныне на части, некогда была одним целым, 3) одинаковость, однородность, однообразие...» (Дворецкий 1986: 798).

[317] Как видно, современное «*будущее простое*» соответствует буквально сочетанию «die einfach zukünftige (futurum simplex)», переводящему «будущее однократное» подлинника. В качестве противочлена «будущего сложного» современный термин «будущее простое» как бы вернулся в старую функцию системы «начертания», а в плане содержания он а) перешел из формальной сферы в аспектуальную и б) расширил свой объем из акционсартного в видовую. Следовательно, со времен Ломоносова мы имеем дело с развитием: «будущее однократное» → «die einfach zukünftige (futurum simplex)» → совр. «будущее простое».

1804) и других.

На немецком языке функции отдельных времен получили следующий облик:

> «Das Tempus praeteritum imperfectum drucket eine Handlung aus, die entweder lange fortgesetzet, oder mehrmahlen wiederhohlet wird; bedeutet auch zuweilen eine vollkommen fertige oder geendete Verrichtung, als: Гомéръ писáлъ о гнѣвѣ Ахиллéсовѣ Homerus hat von des Achilles Zorn geschrieben; zuweilen aber auch nur eine unvollkommene Arbeit, als: онъ тогдá ко мнѣ пришóлъ, какъ я писáлъ er kam zu mir, eben da ich schrieb. Das praeteritum simplex zeiget eine aber vollkommen vergangene Handlung an, die nicht mehr als einmahl geschehen ist; die plusquamperfecta bedeuten wie das imperfectum verlängstvergangene (sic!) Handlungen, die aber entweder lange fortgesetzet oder auch öffters wiederhohlet worden sind; unter sich selbst aber ist die Bedeutung der einen Zeit immer älter, als der andern. Das futurum imperfectum begreift eine künfftige Handlung, deren Vollendung noch ungewiss ist; und das futurum simplex eine Verrichtung, die nur ein einzigesmahl geschehen wird; dagegen das perfectum praeteritum und futurum perfectum eine vollkommen verrichtete, oder eine zu verrichten gewiss bestimmte, Handlung andeuten» (с. 170-171).

Перевод обнаруживает множество выражений, которые повторяются и развиваются в последующей немецкой традиции русской грамматики: «lange fortgesetzet, oder mehrmahlen wiederhohlet wird», «vollkommen fertige oder geendete Verrichtung», «eine unvollkommene Arbeit», «vollkommen vergangene Handlung», «nicht mehr als einmahl geschehen», «Das praeteritum simplex», «entweder lange fortgesetzet oder auch öffters wiederhohlet», «Vollendung» «ungewiss», «gewiss bestimmte» и т. д. Одним из самых значительных моментов является перенос признака «продолженія» в немецкоязычную литературу «lange fortgesetzet». При этом перевод сохраняет остроумное наблюдение Ломоносова об «общефактическом» значении предиката типа *писалъ*. Перевод «Das Tempus praeteritum imperfectum drucket eine Handlung aus, die entweder *lange fortgesetzet*, oder *mehrmahlen wiederhohlet* wird» (с. 170) содержит излишнее слово количественности «lange».

Укажем также соответствия в подлиннике: «eine *unvollkommene* Arbeit» - «дело несовершенное», «eine *vollkommen* fertige oder geendete Verrichtung - «дело совершенное» (1755: 480), «Vollendung» - «совершение», «Handlung, die nicht mehr als einmahl geschehen ist», «Verrichtung, die nur ein einzigesmahl geschehen wird» - «деяние, которое только однажды совершится», «eine zu verrichten gewiss bestimmte Handlung» - «полное совершение деяния» (1755: 480-481)[318]. Ср. выражение «gewiss bestimmte» с выражением определенности «certo» у Долежала, а также «gewiss» в грамматике Готтшеда (1748). Особо следует отметить содержательную экспликацию «Vollendung» («der Handlung») применительно к славянскому перфективному действию, которая в анализированных нами славянских источниках засвидетельствована впервые здесь у Ломоносова (с. 171).

[318] См. *verrichten* 'исполнять', 'совершать', *Verrichten*, *Verrichtung* 'исполнение', 'совершение' (БНРС II: 525).

Сопоставление терминов (1764: 170) и (1755: 480) показывает наглядно трудность перевода аспектуальных элементов метаязыка Ломоносова. В результате этого появляются некоторые искажения или просто невольные ошибки, которые вызывают начало распада ломоносовской аспектуальной системы. В этом процессе значительная роль принадлежит новому содержанию термина «simplex», ср.: 1. «Das Tempus praeteritum imperfectum» <- «прошедшее неопредѣленное время», «Das futurum imperfectum» <- «будущее неопредѣленное» (теряется элемент неопределенности), 2. «Das praeteritum simplex» <- «прошедшее однократное», «Das futurum simplex» <- «будущее однократное» (аспектуализируется слово «simplex» и в термине теряется полностью элемент единичности), 3. «Die plusquamperfecta» <- «давнопрошедшие времена» (в перевод добавлен содержательный элемент итеративности).

Кроме того, в текст добавляются элементы «gewiss», «bestimmt», «öffters», которых нет у Ломоносова, перевод здесь многословнее подлинника. Перевод Штафенхагена включает в семантику плюсквамперфекта подчеркнутую итерацию (с. 171), которая в дальнейшей традиции имела весьма роковые последствия для развития аспектуальной системы в целом. Переводчик грамматики, как и ее последователи, кажется, не поняли, что «знаменование одно старее другого» (1755: 481) есть главный дифференциальный признак ломоносовского плюсквамперфекта (см. выше).

Сравнение с текстом подлинника обнаруживает значительные изменения, заключающиеся в противопоставлении «*unvollkommen*», «*imperfectum*» - «*vollkommen*», «*perfectum*» («vergangene»/«zukünftige», «praeteritum»/«futurum») (с. 169-170), которым переводится исходная оппозиция («прошедшее»/«будущее») «*неопредѣленное*» - «*совершенное*» Ломоносова (1755: 480).

Немецкое противопоставление «unvollkommen - vollkommen», оказывающееся инновацией перевода 1764 года, является фактически вполне логичным в том смысле, что оно ближе к термину «несовершенное - совершенное», чем ожидаемый буквальный перевод «unbestimmt - vollkommen (или bestimmt)», и от него было бы легко перейти далее к термину «unvollendet - vollendet», связанному позже с глагольной характеристикой (см. ниже). Как бы то ни было, с переводом «неопредѣленного» словом «unvollkommen» содержание термина, отодвигаясь от неопределенности, становится как бы ближе к «несовершенному». Ср. выступающий в качестве параллели «die *unbestimmt* vergangene Zeit (praet. imperf.)» (1764: 181, 187)[319].

[319] С временами Ломоносова могут быть сопоставлены данные грамматистов немецкой традиции XVIII в. Ср. «sieben Zeiten» в грамматике Й. Хр. Готтшеда (1748/1762: 351), где в глаза бросается логичность классического тернарного деления прошедшего, а особенно, противопоставление неопределенного и определенного будущего («ungewiss - gewiss», «incertum - certum»), ср.: «1. Die gegenwärtige Zeit, (tempus praesens), 2. Die kaum vergangene, (praeteritum imperfectum), 3. Die völlig vergangene, (praeteritum perfectum), 4. Die längst vergangene, (praeteritum plusquamperfectum), 5. Die ungewiss zukünftige, (tempus futurum incertum), 6. Die gewiss zukünftige, (tempus certum), 7. Die bedingt künftige, (tempus conditionatum)». Ср. также «die kaum vergangene Zeit» Готтшеда и «die jüngstvergangene» и «die halbvergangene» в послеломоносовской славянской традидиции (см. ниже). Типовым примером у Готтшеда служит глагол *loben*. Ср. далее восемь времен у Айхингера (1754: 290): 1. «praesens», 2. «imperfectum», 3. «perfectum», 4. «plusquamperfectum», 5. «*futurum simplex*», 6. «futurum imperfecto mixtum», 7. «futurum perfecto mixtum», 8. «futurum plusquamperfecto mixtum», которые

Термин «Futurum *simplex*» обозначает синтетическую форму будущего без логического соответствия (аналитического) «futurum *compositum*», тогда как «*futurum perfectum*» в качестве параллели термина «die vollkommen zukünfftige» переводит ломоносовское «будущее совершенное» (*напишу*) «сложенного» глагола. Ср. «Das praeteritum *simplex*» (с. 171), который также без аспектуального экспонента передает «прошедшее однократное» Ломоносова (1755: 480).

Подобно современному «будущему простому», вполне возможно было бы развитие, в котором переводный термин «Praeteritum simplex» Ломоносова (1764: 171), далее Хайма (1789: 86, 106-116) и Хайма (1804: 109, 121), вызвал бы русский *«прошедшее простое», если бы рядом был аналог *«прошедшее сложное». Так это фактически получилось у Шарпантье (1768). В грамматике Ломоносова структурный атрибут «простой» не сочетается с терминами времен.

Бесспорно, существенное влияние на развитие аспектуальной мысли ломоносовской традиции имеет тот факт, что в переводе 1764 года к глагольным парадигмам, начиная с популярнейшего примера *двигать* (с. 217), добавляются слова (наречия) с количественным акционсартным и темпоральным содержанием, при помощи которых переводчик пытается дифференцировать тонкие аспектуальные и темпоральные различия отдельных форм. К сожалению, эти добавочные определения, весьма полезные для нашей темы, оказываются не всегда удачными. Порой они не соответствуют смыслу русского подлинника, иногда даже искажают его. Такими словами и их комбинациями, которые даются нами в контексте несколько сокращенных примеров, являются: «Я двигалъ, ich bewegete (habe *mehrmahlen* beweget)» (с. 217), «Я двинулъ, ich habe (*einmahl*) beweget», «Я двúгивалъ, ich hatte (*mehrmahlen*) beweget» (с. 218), «Я бывáло двúгалъ, ich hatte (*vorlängst*) beweget», «Я бывáло двúгивалъ, ich hatte (*vorlängst mehrmahlen*) beweget» (с. 219), «Я бýду двúгать, ich werde (*mit der Zeit und mehrmahlen*) bewegen», «Я двúгну, ich werde (*gewiss und einmahl*) bewegen» (с. 220), «Я двúгался, ich bewegete mich, (habe mich *mehrmahlen* beweget)» (с. 227). Те же наречия наблюдаются при пассивных формах: «Я бýду двúнутъ, ich werde (*einmahl gewiss*) beweget werden» (с. 225) и т. д. (курсив наш - Р.Р.).

Далее наречия повторяются устойчиво при трех инфинитивных формах (одного глагола): «Unvollkommen bestimte (sic!) двúгать bewegen (*mehrmahlen*)», «Einfach двúнуть bewegen (*einmahl*)» (с. 221) и «Zweifelhafft (dubium) двúгивать bewegen (*mehrmahlen und zu verschiedenen Zeiten*)» (с. 222). Так, здесь все инфинитивы имеют базовое значение «bewegen», определяемое акционсартными наречиями «mehrmahlen», «einmahl», «mehrmahlen und zu verschiedenen Zeiten». Ср. то же самое в страдательном залоге: «Unvollkommen bestimt, быть двúгану (*mehrmahlen*) beweget werden», «Einfach, быть двúнуту (*einmahl*) beweget werden», Zweifelhafft, бывáть двúгивану (*zu verschiedenen Zeiten und wiederhohlten mahlen*) beweget werden» (с. 226).

иллюстрируются примерами: 6. *ich würde gehen*, 7. *er wird es überstanden haben*, 8. *ich würde dich besucht haben*. (Цит. по: Науманн 1986: 278-279).

Те же определения с незначительными изменениями и с некоторой вариативностью мы видим во втором спряжении: *Я быва́ло ве́ртывалъ* «ich hatte (*vorzeiten mehrmahlen*) gedrehet» (с. 254), *Я бу́ду вертѣть* «ich werde (*künfftig*) drehen» (с. 255) и т. д. Ср. инфинитивы: «Vielfach вертѣть, drehen, (*mehr als einmahl*)», «Einfach верну́ть, drehen, (*einmahl*)», «Zweifelhafft ве́ртывать, drehen, (*zu wiederholten mahlen und verschiedenen Zeiten*)» (с. 256), наконец, страдательный инфинитив «быть ве́рчивану, gedrehet werden, (*vielmahl*)» (с. 261). Ср. еще «nur einfach oder nur einmahl», противопоставляемое выражению «in vielen mahlen» (с. 270).

Как уже говорилось, на передний план выдвигается количественное противопоставление «mehrmahlen» - «einmahl». Так, при форме *двигалъ* (с. 217), способной, безусловно, в определенной среде выражать и повторяющееся действие, наречие «mehrmahlen» акцентирует несоразмерно многократность и отодвигает на задний план альтернативный семантический компонент продолжения действия, приписанный данной форме в подлиннике. То же самое касается инфинитива *дви́гать* - «bewegen (mehrmahlen)» (с. 221).

Явно неправильной является характеристика «Unvollkommen bestimte» инфинитива *двигать* (с. 221), в которой на месте слова «bestimte» должно быть «unbestimmte», так как речь идет о «die unbestimte Art» («Infinitivus»). Неудачный перевод отражает сложность исходной терминологии в случае, когда два негативных атрибута попадают в одну комбинацию. Ср. «Наклонение неокончательное неопредѣленное» Ломоносова (1755: 503).

В парадигме сложного глагола («zusammengesetzte Zeitwort») *показать* - *показывать* (с. 264-269) встречаются три основных наречных слова: «Vollkommen vergangene» *Я показа́лъ* «ich habe (*einmahl*) gezeiget», «Vorlägst vergangene» *Я быва́ло пока́зывалъ* «ich hatte (*mehrmahlen*) gezeiget» (с. 266), «Unbestimt zukünfftige» *Я бу́ду пока́зывать* «ich werde (*mehrmahlen*) zeigen», «Einfach zukünfftige» *Я покажу́* «ich werde (*gewiss*) zeigen» (с. 267). Ср. также «mehrmahlen» - «ein mahl» - «gewiss» - «vielmahl und zu veschiedener Zeit» (с. 294). Наречие «gewiss» является показателем будущего приставочных глаголов типа *покажу* (с. 267), *поколю* (с. 292) и т. п. Помимо отмеченного выше неточного и нарушающего систему перевода «Einfach zukünfftige» (ср. «будущее совершенное» оригинала), тут бросается в глаза, с одной стороны, непоследовательное употребление наречия «einmahl» при толковании «совершенной» формы *показалъ*, а с другой - отсутствие слова «völlig», которое в «официальном» списке десяти времен определяет «совершенные» времена: «vollkommen vergangene» и «vollkommen zukünfftige» приставочных глаголов (с. 170), и которое, наряду с «vollkommen», наиболее точно соотносится с исходным «полное совершение» Ломоносова (1755: 481).

При этом следует обратить внимание на то, что, вслед за подлинником, аспектуальные атрибуты группируются при инфинитивных формах: «Unbestimt» (*колоть*), «Einfach» (*кольнуть*), «Vollkommen» (*поколоть*), «Zweifelhaft» (*калывать*) (с. 294)[320]. Ниже мы увидим, что это обстоятельство будет играть

[320] См. комбинации «einfach unbestimmte Art», «gewiss unbestimmte Art», «unbestimmt unbestimmte Art», «völlig unbestimmte Art» и др. у Шютрумпфа (1983: 173-174).

значительную роль в постепенном формировании аспектуальности в русской традиции.

Эти факты указывают на то, что продуманная трехчленная аспектуальная система Ломоносова начинает затушевываться. Непоследовательность, лишняя вариативность или же просто *неразработанность* передачи ломоносовских аспектуальных характеристик подрывает целостность исходной системы.

5.2.2. Наследие Ломоносова в представлении Родде (1773)

1. После Ломоносова (1764) и Шарпантье (1768) вышедший в 1773 году в Риге учебник русского языка, составленный секретарем и переводчиком магистрата Риги Якоба Родде (1725-1789), - одна из первых грамматик ломоносовского наследия, изданных на иностранном языке[321]. Несмотря на сильное подражание Ломоносову, она занимает неоспоримое место в закономерной эволюции русской грамматической мысли.

Особый интерес учебника заключается в том, что Родде, воспользовавшись в первую очередь переводным изданием грамматики Ломоносова и следуя тесно ее идеям и даже формулировкам, упрочивает в четырех изданиях в течение длительного периода для международной (нерусской) аудитории понятия русской грамматики на латинском, отчасти на немецком языке. Отказ от большинства параллельных немецких терминов Ломоносова (1764) обосновывается латынью как интернациональным языком школы («die Schulsprache»). К тому же, согласно автору, латинская терминология в обиходе и во французских и немецких грамматиках[322]. Фактически во многих случаях перед нами смешанный латино-немецкий метаязык, отражающий сильное влияние латинской грамматики на немецкую[323].

Упуская немецкие термины, Родде «латинизирует» терминологию русской грамматики, но в то же время вносит ясность в достаточно сложный двуязычный слог предшественника. Это мы видим, в частности, в названиях времен, которые даются систематически и точно на латыни, реже в скобках по-немецки. Подобно переводу 1764 г., параллельной русской терминологии в книге нет.

Говоря о разнице между изобилующими («abundantia») и фреквентативными («Frequentativa») глаголами, Родде реферирует дословно текст Ломоносова

---

[321] Учебник и деятельность Родде освещены в работах: Добровский (1820: XXV), Рейфф (1821: XIV), Шафарик (1826: 144), Греч (1827: 50), Греч (1828: 37), Балицкий (1876: 19-20), Бидерманн (1981: 108), особенно предисловие Г. Фрайдхофа и Б. Шольца к репринту Родде (1773) (1982), Фрайдхоф (1983: 20-25). Родде принадлежит также словарь «Deutsch-Russisches Wörterbuch. Лексиконъ Россійский съ Немецкимъ и Немецкій съ Россійскимъ I-II». Рига 1784. (Фрайдхоф 1983: 41).

[322] См. предисловие к учебнику (с. X-XI).

[323] Это видно и в оригинальном согласовании латинских терминов с немецким синтаксисом, обиходном в грамматиках того времени: «Von dem Verbo» (Родде 1773: 75), «Nach den Temporibus» (с. 79), «in den temporibus praeteritis» (с. 81), «vor den Futuris imperfectis» (84), «die Derivation der temporum» (с. 90) и т. д.

(1764: 176). В качестве фреквентативов даются *бѣгу́* «ich laufe», *бѣга́ю* «ich laufe oft», *лечу́* «ich fliege», *лета́ю* «ich fliege oft», *ро́ню* «ich lasse fallen», *роня́ю* «ich lasse oft fallen» (с. 75).

2. В основном термины Родде совпадают с терминами Ломоносова (1764: 168). Опустив образцовые глаголы *трясу́* и *плещу́* и сохранив лишь латинские термины подлинника, Родде смог предоставить систему десяти времен в относительно разумном объеме:

> «Die russischen Verba haben zehn Tempora: achte entstehen aus den einfachen, und zwey aus den zusammengesetzten. Aus den einfachen kommen her, 1) Praesens, *глота́ю* ich schlucke, *броса́ю* ich werfe. 2) Imperfectum (die unbestimmt vergangene Zeit), *глота́лъ*, *броса́лъ* ich schlukte, ich warf. 3) Praeteritum singulare unitatis (die ein mal vergangene Zeit), *глону́лъ* ich habe ein mal geschlucket, *броси́лъ* (sic!) ich habe ein mal geworfen. 4) Plusquamperfectum primum, *гла́тывалъ* ich habe ehedem mehrmalen geschlucket, *брасывалъ* - - geworfen. 5) Plusquamperfectum Secundum, *быва́ло глота́лъ* ich habe vorzeiten geschlucket, *быва́ло броса́лъ* - - geworfen gehabt. 6) Plusquamperfectum tertium, *быва́ло гла́тывалъ* ich habe vorzeiten mehrmalen geschlucket gehabt, *быва́ло бра́сывалъ* - - geworfen gehabt. 7) Futurum Imperfectum, *бу́ду глота́ть* ich werde (künftig mehrmahlen) schlucken, *броса́ть* - - werfen. 8) Futurum Simplex, *глону́* ich werde ein mal schlucken, *брошу́* (sic!) - - werfen. Von den zusammengesetzten entstehen 9) Praeteritum perfectum, als: *написа́лъ* ich habe völlig geschrieben, von *пишу́* ich schreibe. 10) Futurum perfectum, *напишу* ich werde völlig schreiben» (с. 78).

Вместо «die gegenwärtige Zeit (tempus praesens)» Ломоносова (1764: 168) Родде дает только «Praesens», вместо «die unvollkommen zukünfftige (futurum imperfectum)» - только «Futurum Imperfectum» и т. д., т. е. Родде опустил большинство первичных немецких параллельных терминов Ломоносова (1764). Из этого составляют исключение «Imperfectum» и «Praeteritum singulare unitatis», которые поясняются параллельно по-немецки «die unbestimmt vergangene Zeit» и «die ein mal vergangene Zeit». В глагольных парадигмах выступают только «Imperfectum» и «Praeteritum unitatis» (с. 91). Несколько странно то, что Родде, повторяя «die *unbestimmt* vergangene Zeit» (с. 78) Ломоносова (1764) не вводит латинского «indefinitum». Ср. ниже Хайм (1789). Примечательно, что для «прошедшего однократного» ни перевод 1764 г., ни его последователи не изобрели однозначного латинского термина.

При плюсквамперфектах Родде, опустив признак «einmahl» второго плюсквамперфекта, утратил частично противопоставление однократность (единичность) - многократность («einmahl - mehrmahlen») между вторым плюсквамперфектом и первым и третьим, характеризующимися многократностью в переводе (Ломоносов 1764: 169). Как уже говорилось, данного противопоставления, введенного (напрасно) для пояснения различий между тремя плюсквамперфектами, совсем нет в русском подлиннике (см. дискуссию выше). Своим упущением Родде содействует акцентированию значения повторяющегося действия у ломоносовского давнопрошедшего. Словом «ehedem», которое добавлено в толкование первого плюсквамперфекта (с.78), подчеркивается значение далекого прошлого, давности.

У Родде повторяется терминологическая непоследовательность, согласно которой форма *покажу* определяется как «Futurum Simplex» (с. 137) вместо ожидаемого «Futurum Perfectum». Таким же образом трактуется *прїучѹ̀* (с. 143). Ср. также «futurum simplex» *я дамъ* (с. 151). Наряду с ними страдательная форма *я былъ пока́занъ* определяется как «Praeteritum Perfectum» и *я бу́ду пока́занъ* - «Futurum perfectum» (с. 139). Эта непоследовательность может отражать унифицирующую тенденцию, в которой «futurum simplex» (и вообще «simplex») распространяется на обозначение приставочных перфективов. Атрибут «simplex» продолжает «неправильную» унификацию атрибута «einfach» Ломоносова (1764). Не подлежит сомнению, что это содействует дальнейшей аспектуализации термина «simplex», начавшейся в переводе грамматики Ломоносова (1764: 170). См. Родде (1773: 79), Родде (1789: 79), далее у Хайма (1789: 141). Сходное явление наблюдается в терминах «prétérit simple», «futur simple» у Шарпантье (1768: 78) во французской традиции.

С другой сторны, сочетания «Verba simplicia» (с. 128) и «Futurum Simplex» указывают на двоякое употребление атрибута «simplex». Ср. «Verbum compositum» (с. 133).

Также у Родде парадигма одного глагола состоит из ряда *двигать* - *двинуть* - *двигивать*. Однако в их число не входит *сдвигать*, так как у Родде, как и у Ломоносова, приставочные и неприставочные глаголы не смешиваются. Только приставочные глаголы имеют, как правило, времена «Praeteritum perfectum» и «Futurum perfectum». Следовательно, у Ломоносова и Родде глагол *двигать* еще неполный глагол («Defectivum», «unvollständig») (с. 75), которому недостает «прошедшего и будущего совершенного». Отсутствие ожидаемой формы *сдвигалъ* Родде констатирует так: «Praeteritum Perfectum caret» (с. 91). Однако аналогичной пометой автор должен был бы снабдить и отсутствие будущего *сдвигаю* (с. 93). Этот «недостаток» будет исправлен потом у Соколова (1792: 112), в Академической грамматике (РГ 1802: 192) и у Хайма (1804: 109) (см. ниже).

Заслуживает внимания предложение Родде сократить количество времен и наклонений путем объединения «Tempora frequentativa» (т. е. «Imperfectum» *дви́галъ*, «Plusquamperfectum primum» *дви́гивалъ*, «Futurum Imperfectum» *бу́ду дви́гать*) в особую глагольную группу под названием «*Verba frequentativa*» (с. 80). Сразу же, однако, отмечается, что вследствие этого число особых глаголов увеличилось бы до бесконечности. По-видимому, данная идея Родде, повторяющаяся в издании 1789 г., опирается на «Verba frequentativa» в переводе Ломоносова (1764: 176, 242, 246), и вместе с тем предвосхищает повышение статуса фреквентативности, хотя у подлинного Ломоносова «времен учащательных» нет.

В большом разделе о глаголе (с. 75-196) обширные списки нерегулярных глаголов («Verba irregularia») первого и второго спряжения Родде (с. 154-177, 178-195) заимствованы у Шарпантье (1768: 92-117, 156-171)[324]. В описании двух спряжений Родде пользуется образцовыми глаголами *двигать* (с. 90) и *вертѣть* (с. 117), терминологией и содержательными экспликациями Ломоносова (1764).

[324] См. Фрайдхоф (1983: 20).

Констатируя лаконично, что большинство русских глаголов является дефективными («Defectiva») относительно темпоральных форм, Родде перечисляет глаголы, имеющие только «Praeteritum unitatis» (*а́хаю*, *а́хнулъ*, *болта́ю*, *болтну́лъ* и т. д.) (с. 107). Ср. тот же список глаголов с вариантным названием «Die *einfach vergangene Zeit*» в переводе (Ломоносов 1764: 188).

Поскольку и во втором спряжении фигурирует «неправильный» термин «das Praeteritum perfectum» вместо «Praeteritum unitatis» (*глянýлъ*, *давнулъ* и т. п.) (с. 128), разница между временами «praeteritum perfectum» и «praeteritum unitatis» как бы затушевывается.

Дальнейшему укреплению темпорального уклона, с одной стороны, и количественной аспектуальности, с другой, содействует опущение ряда терминов Ломоносова. У Родде повторяется экспозиция Ломоносова (1764: 221) с тем различием, что к инфинитивам («Infinitivus modus») *двúгать*, *двúнуть* и *двúгивать* не добавляются аспектуальные атрибуты «unbestimmt» и др., но сохраняются дословно акционсартные наречия «mehrmalen», «einmal», «mehrmalen, und zu verschiednen Zeiten» (с. 95, 100, 106). Так, базовое значение «bewegen» указанных инфинитивов модифицируется и дифференцируется указанными количественными наречиями. С незначительными изменениями те же экспликации повторяются при глаголе *вертѣть*: «drehen (mehr als einmal)», *верну́ть* «drehen (einmal)», *ве́ртывать* «drehen (zu wiederholten malen, und verschiedenen Zeiten)» (с. 121). Наречие «vielmal» мы видим при страдательном *быть ве́рчивану* «vielmal gedrehet werden» (с. 127). В неизмененном виде то же самое повторяется у Родде (1789).

Подобно Ломоносову, ряд неполных глаголов образует перфектное прошедшее («Praeteritum perfectum») (напр. *взалка́лъ*) присоединением к форме имперфекта (*алка́лъ*) префикса (*вз*), которого форма настоящего времени того же глагола не имеет (с. 110). См. списки (с. 110-115, 128-131).

Первый плюсквамперфект, образуемый от настоящего времени исходного глагола, иллюстрируется ломоносовскими примерами *бра́нивалъ*, *вѣривалъ*, *гла́живалъ*, *лю́бливалъ*, *лѣчивалъ*, *сыпа́лъ* (с. 132).

В наших источниках любопытная форма *любливахъ*, *любливалъ* с так называемой итеративной основой имеет весьма длительную судьбу в роли примера разных категорий. Ср. «мину́вшее пресвершеное» *любливахъ* в «Донатусе» (1522: 566), «мимошедшее время» *я люблівалъ* «ich hatte geliebet» (Афанасьев 1725: 31), далее *любливалъ* в качестве перевода немецкого имперфекта у Шванвица (1730: 217), как пример русского импефекта у Грёнинга (1750: 128), пример первого «давнопрошедшего» у Ломоносова (1755: 514), (1764: 246), Шарпантье (1768: 172), Родде (1773: 132), Родде (1789: 130), Барсова (1788: 617), «неокончательное многократное» *любливать* (РГ 1802: 169), плюсквамперфект *любливалъ* у Фатера (1808: табл. III), далее инфинитив *лю́бливать* глагола итеративного «branche» у Рейфа (1821: 129).

Для освещения обозначения завершения и конца действия необходимо отметить выражение «zu Ende», которое встречается впервые у Родде при пояснении значения приставки *до*: «До bedeutet die Endigung dessen, was an einer Sache noch gefehlet»: *я дописа́лъ* «ich habe das, was noch fehlte, *zu*

Ende geschrieben» (с. 145). Ср. Ломоносов (1764: 276), где данной приставке дается несколько иное значение без обстоятельства «zu Ende». В издании (1789: 143) добавлен еще пример *доко́нчить* «vollends zu Ende bringen». Завершение («Endigung») обозначается и приставкой *от* (Родде 1773: 147 = Ломоносов 1764: 278).

Употребление наречия «einmal» для экспликации содержания формы *прїучилъ* показывает, что Родде (с. 232) приписывал значение единичности не только однократным формам, тогда как «zu mehreren malen» (наряду с неопределенностью) сохраняется в качестве интерпретации имперфекта («das Imperfectum») (с. 231).

Некоторые глаголы «заимствуют» отсутствующие времена у других глаголов. Например, *превосхожу̀* имеет «свой» имперфект *превосходи́лъ*, но заимствует перфектное прошедшее *превзошо́лъ* (sic!) и перфектное будущее *превзойду̀* у глагола *иду̀*, *шолъ* (с. 153).

Заимствованный у Шарпантье список (таблица) глаголов и их форм Родде (1773: 154-195) получил сильно расширенный объем в издании Родде (1789: 152-369). Здесь мы рассмотрим лишь некоторые особенности по изданию 1789 г. Поводом внесения списка послужила, по мнению составителей, нерегулярность большинства русских глаголов и отдельных темпоральных, а также неспрягаемых глагольных форм. Таблица Родде включает следующие рубрики (примеры даются нами выборочно): «Praesens» (*алка́ю*, *беру̀*, *пры́гаю*, *впры́гиваю*), «Imperfectum» (*алка́лъ*, *бралъ*, *пры́галъ*, *впры́галъ*), «Praeteritum unitatis» (*взялъ*, *пры́гнулъ*, *впры́гнулъ*), «Praeteritum perfectum» (*взалка́лъ*, *вобралъ*), «Futurum» (*взалка́ю*, *возьму̀*, *пры́гну*, *впры́гну*), «Imperativum» (*алка́й*, *берѝ*, *пры́гай*) и «Infinitivum» (*алка́ть*, *брать/взять*) (с. 152) *пры́гать/пры́гнуть* (с. 278), *впры́гивать/впры́гать/впры́гнуть* (с. 162). Среди глаголов второго спряжения (с. 326-369) почти полностью отсутствует время «Praeteritum unitatis».

Поскольку подобной таблицы нет у Ломоносова, она во многом отражает соображения Родде и Шарпантье. В свете данных глагольных таблиц очевидно, что последовательное формальное и семантическое деление на бесприставочное «praeteritum singulare unitatis» и приставочное «praeteritum perfectum» Ломоносова (1764) затемнено, отчасти утрачено. Это видно, в частности, из того, что в колонке «praeteritum singulare unitatis» рядом с правильными формами (на *нулъ*) *зѣвну́лъ* (1789: 202), *кри́кнулъ* (с. 340) и т. п. фигурируют такие формы, как *благослови́лъ* (с. 154), *взлома́лъ* (с. 156), *возложи́лъ* (с. 160), *впусти́лъ* (с. 162), *вступи́лъ* (с. 164), *вы́бросилъ* (с. 166), *запека́талъ* (с. 194), *нали́лъ* (с. 216), *отвали́лъ* (с. 236), *пересади́лъ* (с. 246), *прида́лъ* (с. 264), *разосла́лъ* (с. 284) и множество других, в то время как колонка «praeteritum perfectum» часто пустует.

На наш взгляд, это обстоятельство говорит о стремлении к одной претеритальной форме «praeteritum unitatis». Ср. редкие случаи, в которых «Praet. unitatis» и «Praet. perf.», по мнению автора, четко различаются: *колну́лъ* (sic!) и *уколо́лъ* (с. 211). Ср. соответствующие «einfach vergangene» *кольну́лъ* и «völlig vergangene» *поколо́лъ* у Ломоносова (1764: 289-290). Вместе с тем в разряд «Imperfecta» попадают бесприставочные и приставочные

формы: *дава́лъ* (с. 180), *выдава́лъ* (с. 168), *вари́лъ* (с. 328), *вноси́лъ* (с. 328), *ско́вывалъ* (с. 294), *слѣдовалъ* (с. 249) и т. д. Не различаются также в колонке будущего «Futurum Simplex» и «Futurum Perfectum»: *ло́пну*, *махну̀*, *наберу̀* (с. 213), *пры́гну*, *спря́чу* (с. 279), *шле́пну*, *пошлю̀* (с. 325), *умру̀* (315) и т. д.

Однако большая значимость таблицы заключаеся в том, что инфинитивы бесприставочных и особенно приставочных глаголов начинают устраиваться по видовым парам: *броса́ть*, *бро́сить* (с. 155), *дава́ть*, *дать* (с. 181), *лиша́ть*, *лиши́ть* (с. 211), *вбѣга́ть*, *вбѣжа́ть* (с. 155), *загиба́ть*, *загну́ть* (с. 189), *одѣва́ть*, *одѣ́ть* (с. 229), *передѣлывать*, *передѣлать* (с. 245), *ско́вывать*, *скова́ть* (с. 295) и т. д. Попарно наличествуют также *дѣлать*, *сдѣлать*, *жалѣ́ть*, *сожалѣ́ть* (с. 185), *красть*, *украсть* (с. 211), *болта́ть*, *болтну́ть* (с. 155), *маха́ть*, *махну́ть* (с. 213) и т. д. Парные инфинитивные формы говорят об осмыслении некоторой видовой дихотомии, чему, однако, противоречат такие (сравнительно редкие) непоследовательно устроенные серии форм, как *ду́ю*, *ду́нулъ*, *поду́ю* (с. 185), *колю̀*, *колну́лъ*, *уколо́лъ*, *уколю̀* (с. 211).

Несмотря на парное описание инфинитивов и объединение перфективной семантики в прошедшем в одной форме «*praeteritum unitatis*», Родде не был готов вывести заключение о видовой дихотомии и отказаться от ломоносовской системы.

В семантике имперфектных времен и наклонений выделяются признаки повторяемости и неопределенности. Согласно автору, имперфект употребляется во временах и наклонениях тогда, когда речь идет о неопределенном действии («von einer unbestimmten Handlung»), которое повторялось или повторяется несколько (много) раз («die zu mehreren malen wiederholet worden, oder zu wiederholen ist»). Это значение иллюстрируется примером *Ему нынѣ прислать и впредь присылать вѣдомости* «er soll die Nachrichten so wohl jetzt, als künftig allemal einsenden» (Родде 1773: 231) (= Родде 1789: 407). Использованная здесь формулировка «das Imperfectum in den Temporibus und Modis» и пример *присылать* указывают на то, что «Imperfectum» понимается здесь шире темпоральной формы (с. 231).

Также первый плюсквамперфект характеризуется неопределенностью. Он употребляется для обозначения неопределенно долгого промежутка в прошедшем времени («von einer unbestimmten langen Folge der vergangenen Zeit»), в особенности в отрицательном высказывании: *никогда столко знатныхъ людей не умирало* «es sind niemahls so viele berühmte Leute gestorben»; *я сего никогда не видывалъ* «ich habe dergleichen niemahls gesehen» (с. 232). Ср. Родде (1789: 314). Фактически здесь, как видим, никакого плюсквамперфектного значения нет.

Значение определенности приписывается как перфектному прошедшему («Praeteritum perfectum»), так и прошедшему «Praeteritum unitatis». Это общее значение заключается в содержательной экспликации определенности действия по отношению к времени («wenn von einer in Absicht der Zeit *bestimmten* Handlung geredet wird»): *гордымъ отвѣтомъ раздраженный Владимиръ подвинулъ всю свою силу на полоцкую землю* (с. 233) (= Родде 1789: 409). Таким образом, начавшееся в переводе грамматики Ломоносова важное противопоставление неопределенности - определенности («eine unbestimmte - eine

bestimmte Handlung»), получает дальнейшее развитие в грамматике Родде.

Распад последовательной системы Ломоносова, первые симптомы которого появляются еще в переводе 1764 года, продолжается в грамматиках Родде 1773 и 1789 гг.

5.2.3. Наследие Ломоносова в учебнике Хайма (1789)

1. Вышедший в 1789 году учебник «Russische Sprachlehre für Deutsche» профессора Московского университета Й. Хайма примечательна для эволюции аспектуального описания в нескольких отношениях[325]. Входя в традицию Ломоносова, учебник придерживается принципа обозначения аспектуального признака атрибутом в составе времени.

В свете современного науковедческого исследования многие критические замечания в адрес рассматриваемого учебника, не учитывавшие закономерности эволюции и не вникавшие в сложность описываемой системы, оказываются несправедливыми[326]. С точки зрения настоящей работы немаловажной оказывается параллельная русская терминология, которую Хайм включил уже в первое издание своего учебника и которой, как уже было отмечено, не было ни в переводе Ломоносова (1764), ни у Родде.

Термины «Primitiva oder Simplicia (*знаю*), Derivativa oder Composita» (*знаю*, *странствую*, *свою*, *поздаю*, *отдаю*, *обоготворяю* и т. д.) (с. 77) воспроизводят точно, до примеров, ломоносовскую терминологию (см. выше). Русские термины «первообразный» и «производный» Хайм отмечает лишь применительно к существительным (с. 17), «простой» и «сложный» («сложенный») совсем не употребляются.

В пособии Хайма мы впервые сталкиваемся с формулой «Arten der Verborum» (с. 78), которая в дальнейшем оказывается весьма существенной в немецкоязычных описаниях русских глагольных систем (см. ниже). В соответствии с ней глаголы разбиваются на восемь более или менее традиционных классов («Arten»), из которых последний составляют «Frequentativa», «учащательные»:

> «Man theilet die Verba in Personalia (личные)...*двигаю*. 2. In Impersonalia (безличные) *надлежитъ*. 3. In Perfecta (полные) welche *alle* Tempora, Personen und Numeros haben, *колю* ich steche. 4. In Defectiva (неполные) d.i. solche denen entweder Tempora oder Modi fehlen, *бываю*. 5. In Regularia (правильные) welche nach den allgemeinen Regeln gehen, *двигаю*. 6. In Irregularia (неправильные)...*хочу*. 7. In Abundantia

[325] Johann Heym, Иван Андреевич Гейм (Брауншвейг 1759 - Москва 1821), профессор мировой истории, статистики и географии в Московском университете, четыре раза его ректор. Преподавал также немецкий язык с 1781 г. (Фрайдхоф 1983: 25).

[326] Так, например, согласно Балицкому (1876: 21), учебник Хайма, несмотря на некоторые достоинства, мало вносил света в «мракъ русскихъ глаголовъ, какъ выражались немцы, которые волею судеб вынуждены были учиться Русскому языку».

(изобилующїе) *величу* und *величаю*. 8. Frequentativa (учащательные) welche die *Fortdauer* oder *Wiederholung* einer Handlung anzeigen, als: *бѣгаю* ich laufe, *летаю* ich fliege» (с. 78) (курсив наш. - Р.Р.).

Инновациями Хайма оказываются здесь содержательные экспликации «Fortdauer» и «Wiederholung» (с. 79), возникшими как кальки слов «продолженіе» и «учащеніе» Ломоносова.

Любопытно, что у Хайма глаголы «Verba Perfecta» («полные») (*колю*) противопоставляются «неполным» глаголам («Defectiva») (с. 78). На первый взгляд, «Verba perfecta» Хайма отражает как бы древние «ῥῆμα τέλειον» и «forma perfecta», но, как видно, термин Хайма не соответствует содержанию античных терминов (см. дискуссию выше). По-видимому, на его месте должен был быть «Verbum plenum» или «Verbum completum» (как есть у Родде), или же он представляет собой просто неправильный перевод слов «vollständig» и «полный» Ломоносова (1764: 175), (1755: 482). В последовательной истории термина «verbum perfectum» сочетание «Verba perfecta» Хайма занимает изолированное положение, так как оно не имеет никакого отношения к аспектуальности.

2. Мы ограничимся здесь перечислением десяти времен Хайма: «1. Das Präsens (настоящее), 2. Die unbestimmt völlig vergangene Zeit (прошедшее совершенное неопредѣленное), 3. Die einfach völlig vergangene Zeit (прошедшее совершенное однократное) Praeteritum indefinitum (sic!), 4. Das Praeteritum Perfectum (прошедшее совершенное), 5. Das erste Plusquamperfectum, 6. Das zweyte Plusquamperfectum, 7. Das dritte Plusqumperfectum, 8. Das unbestimmte Futurum, (будущее неопредѣленное), 9. Das Futurum simplex, 10. Das Futurum perfectum» (с. 80-82).

По-видимому, в результате опечатки в данном списке времен латинская параллель «Praeteritum indefinitum» занимает неправильное место. Ср. правильный термин «praeteritum indefinitum» (*я двигалъ*) в парадигмах (с. 86) и один раз даже «Imperfectum indefinitum» (*вѣдалъ*) (с. 94).

В названии «Die unbestimmt völlig vergangene Zeit (прошедшее совершенное неопредѣленное)» излишними являются слова «völlig» и особенно русское «совершенное» (с. 80). Данный термин является просто недоразумением или непониманием ломоносовской терминологии. Путаница обусловливается тем, что в немецких грамматиках этого и предшествующего времени «perfectum» употреблялось и в значении 'praeteritum' и 'völlig vergangene'. Времени «прошедшее совершенное неопредѣленное» нет и не может быть в системе Ломоносова, но с иной функцией оно появится потом у Соколова (1792: 157) и в РГ (1802: 216) (см. подробнее ниже). (ср. также «halb vergangene»). Позже Хайм (1804: 80) исправил свою ошибку, устранив «совершенное».

Перечень времен позволяет выделить следующие содержательные экспликации: 1. «eine gegenwärtige Zeit» (*я пишу*), 2. «die Fortdauer einer Handlung oder eine oft wiederhohlte Handlung» (*я двигалъ*, *бросалъ*), 3. «nur einmal vollzogene Handlung einer Sache» (*двинулъ*, *бросилъ*), 4. «eine völlig geendigte Sache» (с. 81), (*написалъ*, *перевелъ*) (с. 168), 5. «eine fortdauernde und öfters wiederhohlte, obgleich schon vor einer

geraumen Zeit geschehene Handlung» (*брасывалъ* «ich habe geworfen», *я у него часто бывалъ* «ich bin (oft) bey ihm gewesen»), 6. «pflegte» (*бывало заперли двери* «man pflegte sonst diese Thüre zu zuschliessen»), 7. «eine vor noch längerer Zeit erfolgte und wiederholte Handlung» (*бывало брасывалъ*), 8. «die Fortdauer oder die öftere Wiederholung einer künftigen Sache» (*буду писать* «ich werde schreiben», 9. «eine Handlung, die nur einmal vollzogen werden soll» (*двину*), 10. «die künftige gewisse Beendigung einer Sache» (*напишу* «ich werde (gewiss) schreiben») (с. 80-82).

Экспликация «vollzogene Handlung» относится к признаку «совершения» действия. Ср. «vollbracht» у Томсы (1782: 248).

В грамматике Хайма впервые в русской традиции к экспликации второго ломоносовского плюсквамперфекта применяется перифраза «*pflegen zu*» + инф.: *бывало заперли двери* «(sonst) schloss man diese Thür zu» или «man pflegte sonst diese Thüre zu zuschliessen» (с. 81).

Экспликация «Fortdauer einer Handlung» Хайма (с. 80) передает «продолжение деяния» Ломоносова (1755: 480) точнее, чем описательное «eine Handlung, die lange fortgesetzet wird» в переводе Ломоносова (1764: 170). В дальнейшем описании «Fortdauer» и «Wiederholung» будут играть значительную роль в толкованиях русских имперфективных форм.

В темпоральных парадигмах появляется термин «Praeteritum simplex» (с. 86, 89, 92), который является новым по сравнению с «Praeteritum singulare unitatis» и «Praeteritum unitatis» в переводе Ломоносова (1764) и в грамматике Родде (1773: 91) и Родде (1789: 78). Однако, как было отмечено выше, в качестве варианта «Das praeteritum simplex» фигурирует один раз еще в переводе Ломоносов (1764: 171).

Хайм упрочивает и вместе с тем развивает дальше признак завершения (конца) перфективного действия («geendigt», «eine völlig geendigte Sache») (с. 80). Вместе с тем в учебнике Хайма (с. 168) «zu Ende» впервые употребляется для экспликации аспектуального содержания времени «Das Praeteritum Perfectum (прошедшее совершенное)». Ср. выше дискуссию относительно «zu Ende» у Родде (1773), а также «Endigung» (с. 278) и «geendete Verrichtung» у Ломоносова (1764: 170). Определенным образом данный признак предвосхищает немецкое «vollendet» и соотносится и с русскими «завершение» и «конец» действия, и наконец, как мы увидим, с «окончательным» Востокова. Кстати, здесь наблюдается любопытный случай непосредственного воздействия русского описания на немецкий: «совершится» (Ломоносов 1755: 481) -> «sich vollziehen» (Хайм 1789: 81). Ср. Хайм (1804: 81).

Добавочное определение «gewiss», которое затем будет жить долго в немецкоязычной традиции русской грамматики, восходит к переводной ломоносовской терминологии, где оно появляется впервые именно в связи с определением содержания будущего «die vollkommen zukünftige, futurum perfectum» (Ломоносов 1764: 170).

Повторяя пример композитива *показать - показывать* Ломоносова, Хайм (1789: 140) термином «Futurum simplex» (*покажу*) повторяет терминологию Родде (1773: 137) и вместе с тем необоснованное употребление термина «Einfach zukünfftige» (Ломоносов 1764: 267) вместо правильного «Die vollkommen zukünfftige» («futurum perfectum») (см. выше). То же самое касается формы *прїучу* приставочного глагола *прїучать - прїучить*, которая у Ломоносова (1755: 527) обозначается «будущее совершенное», а в переводе (Ломоносов 1764: 274) - «Einfach zukünfftige» и далее «Futurum Simplex» у Родде (1773: 143, 1789: 141) и у Хайма (1789: 142) (см. выше).

Несмотря на префиксацию, также «Praeteritum indefinitum» (*показывалъ*) у Хайма (1789: 140) соответствует точно «прошедшему неопредѣленному» Ломоносова (1755: 524) и «Unbestimmt vergangene» в переводе (Ломоносов 1764: 265). Точно также определяется форма «прїучалъ» (Хайм 1789: 142). Ср. Ломоносов (1755: 527) и Ломоносов (1764: 271).

Так как «praeteritum indefinitum» и «futurum indefinitum» не используются в переводе грамматики Ломоносова (1764), данные сочетания с латинским атрибутом «indefinitum» оказываются фактически опубликованными инновациями Хайма (1789: 86, 88, 89, 92, 94, 140, 141), у которого они, повторяясь в последующих изданиях грамматики, воздействовали и на интернациональную терминологию. Ср. Барсов (1788: 544).

Хайм восстанавливает утраченный Родде прием описания трех (четырех) аспектуальных атрибутов при инфинитиве. Но теперь, в отличие от Ломоносова (1764), атрибуты вводятся на латинском языке: «Infinitivus Indefinitus» (*двигать*), «Infinitivus Simplex» (*двинуть*), «Infinitivus Incertus (сомнѣнное)» (*двигивать*) (с. 89), «Infinitivus dubius» (*вертывать*) (с. 122), (*быть верчивану*) (с. 124), «Infinitivus Perfectus» (*подумать*) (с. 91). Ср далее: «Infinitivus Incertus» (*подумывать*) (с. 91), «Infinitivus Indefinitus» (*показывать*) и «Infinitivus Definitus» (*показать*) (с. 141). Здесь наблюдается инновация «Infinitivus *Incertus*», который вместе с «Infinitivus *dubius*» передает ломоносовский инфинитив с атрибутом «сомнѣнное» (см. выше). Особого внимания заслуживает «Infinitivus *definitus*» (вместо ожидаемого «perfectus») (*показать*) (с. 141), составляющий пару с «Infinitivus Indefinitus» (*показывать*).

Препозитивами *за* и *отъ* выражаются начало и конец (прекращение) действия. Приставка *за* означает «Den *Anfang*» (*захрапѣлъ* «ich habe anfangen zu schnarren»), в то время как *отъ* выражает «die *Endigung* einer Handlung» (*отъигралъ* «ich habe abgespielet», *откушали* sie haben abgegessen») (с. 143). Ср. те же «Anfang» и «Endigung» у Хайма (1804: 132-133) с примерами *захрапѣлъ* «er fing an zu schnarchen», *отъигралъ* «ich habe ausgespielt», *откушали* «sie haben abgespeiset».

В разделе об употреблении времен Хайм приводит ставший популярным у многих грамматистов пример, который освещает значение настоящего исторического: *Довольно долгое время пользовались мы благоприятнымъ вѣтромъ: но внезапно мрачная туча сокрываетъ небо отъ очей нашихъ, молнїя со всѣхъ сторонъ блещетъ, море пѣнится* (с. 167). Однако этот, как и ряд других примеров,

должен быть заимствован из грамматики Соколова (1788). Ср. Соколов (1792: 196) и почти дословно, но шире у Хайма (1804: 164), далее у Соколова (1806: 204) и Пухмайера (1820: 255).

Неопределенное прошедшее («Das Präteritum indefinitum») употребляется, когда действие повторяется много раз или продолжается долго («wenn die Handlung...mehrmal wiederholt oder lange fortgesetzt ist»): *я вамъ подавалъ добрые совѣты, но вы ихъ пренебрегли* «ich habe ihnen (oftmals) guten Rath gegeben, aber sie haben ihn verachtet» (с. 167). Вслед за Ломоносовым, Хайм указывает на «общефактическую» функцию этого времени. Например, в предложении *Ломоносовъ писалъ эпистолу о пользѣ стекла* форма *писалъ* имеет значение полностью завершенного дела («eine völlig geendigte ...Arbeit»). Этому значению противопоставляется значение незавер-шенного действия («eine noch unvollendete Arbeit», «noch nicht geendigte»), выражаемое той же формой *писалъ* в примере *Онъ пришелъ ко мнѣ въ то время, как я писалъ* (там же). Ср. Хайм (1804: 164) и Соколов (1806: 205), где «общефактическое» описывается по Академической грамматике (1802: 154).

Для пояснения полностью протекшего и единичного («einmal») действия, обозначенного формой «das Praeteritum simplex» (с. 168), Хайм первым использует экспликацию «eine völlig *verflossene* Handlung» (от гл. *verfliessen* 'протечь - протекать'). Ср. Хайм (1804: 164). Кроме того, при иллюстрации времен «Praeteritum simplex» и «Futurum simplex», видимо, совсем сознательно используются примеры, которые, наряду с традиционными *молнїя блеснула*, *громъ грянулъ*, не являются семельфактивами. Такими служат *открылъ*, *встрѣтился*, *попросите*, *здѣлаю* и др. (с. 168-169). Ср. Соколов (1792: 197-198). В силу этого, вместе с утратой формальной маркированности, аспектуальная разница между (временами) «simplex» и «perfectum» затушевывается и размывается.

Перфектное прошедшее («das Präteritum Perfectum») означает полностью доведенное до конца действие («eine völlig geendigte Handlung»): *я написалъ письмо* «ich habe den Brief geschrieben, d. h. völlig zu Ende», *я перевелъ сїю книгу* «ich habe dies Buch übersezt» (с. 168).

В пояснении значений плюсквамперфектов выделяется признак давности («schon längst vergangene Handlungen»), который сочетается с понятием продолжения и/или повторения («mit dem Begriffe einer Fortsetzung oder Wiederholung»): *онъ мнѣ часто говаривалъ, но я его не слушалъ*; *я отъ роду этого не слыхивалъ* (с. 168), *вы бывало хаживали къ намъ, а нынѣ совсѣмъ перестали* (с. 169). Ср. Соколов (1792: 197, 198), Хайм (1804: 165), Соколов (1806: 206). Любопытно, что у Хайма экспликация «продолжение» Ломоносова получила два преемника: «Fortdauer» и «Fortsetzung».

Новую содержательную экспликацию «fortdauernd oder wiederholend» неопределенного будущего («Das Futurum indefinitum») Хайм модифицировал по пояснению неопределенного прошедшего. Вместе с тем сохраняется компонент неопределенности относительно завершения действия («eine künftige Handlung ...deren Vollendung aber doch noch *ungewiss* ist»): *отнынѣ всегда слѣдовать буду вашимъ совѣтамъ* (с. 169). В пояснении значения перфектного

будущего («Das Futurum Perfectum») объединяются признаки необходимости, уверенности и определенности («eine noch gewiss zu verrichtende bestimmte Handlung»): *завтра напишу письмо* «ich werde morgen den Brief (den bestimmten Brief und zwar gewiss) schreiben» (с. 170). Ср. Хайм (1804: 166).

Постепенный распад ломоносовской системы очевиден как в немецкой, так и в параллельной русской терминологии.

5.3. Французская традиция ломоносовской грамматики

5.3.1. Ломоносовская система в учебнике Шарпантье (1768)

1. Четыре года спустя после немецкого перевода грамматики Ломоносова выходят в Петербурге «Основания» русского языка, составленные в соавторстве с Гр. Мариньяном неким Charpentier, имя которого осталось неизвестным[327].

Несмотря на уничтожающую критику Греча (1827: 50), согласно которой грамматика Шарпантье «Самая пустая книга, употреблявшаяся по неимению лучшей», весьма обширный труд (368 с.) петербургского автора является второй грамматикой русского языка, которая находится в теснейшем отношении к ломоносовской традиции и которая напечатана не на русском языке. Немаловажное науковедческое значение заключается в том, что грамматика вообще была напечатана и выдержала даже пять изданий в 1768, 1787, 1791, 1795, 1805 гг.[328] Пользовался ли Шарпантье и немецким изданием грамматики Ломоносова, неизвестно, но вполне возможно, что данное издание послужило поводом приступить к составлению французской версии ломоносовской грамматики. От перевода 1764 года грамматика Шарпантье отличается тем, что в ней приводятся параллельные русские термины, в том числе все названия темпоральных форм (см. схему) (ср. выше Сойе).

Шарпантье не стремится к научному описанию языка, а исходит скорее из потребности составить - на основании грамматики Ломоносова - практический учебник для обучения «по простому и легкому методу говорить на русском языке».

Десятая очень обширная глава «des Verbes» касается третьей части речи («partie du discours») (с. 72-208), в составлении которой автор целиком («pied à pied») следовал Ломоносову (с. VI). В общеклассикационном смысле о глаголах говорится как о видах («les especes du verbe») (с. 73) и разновидностях («sortes de verbes») (с. 74).

---

[327] В предисловии Шарпантье (1768: IV-V) готов считать свою книгу больше трудом господина «de Marignan», чем своим. Шарпантье жил в 1740-1800 гг. (Бидерманн 1981: 109).

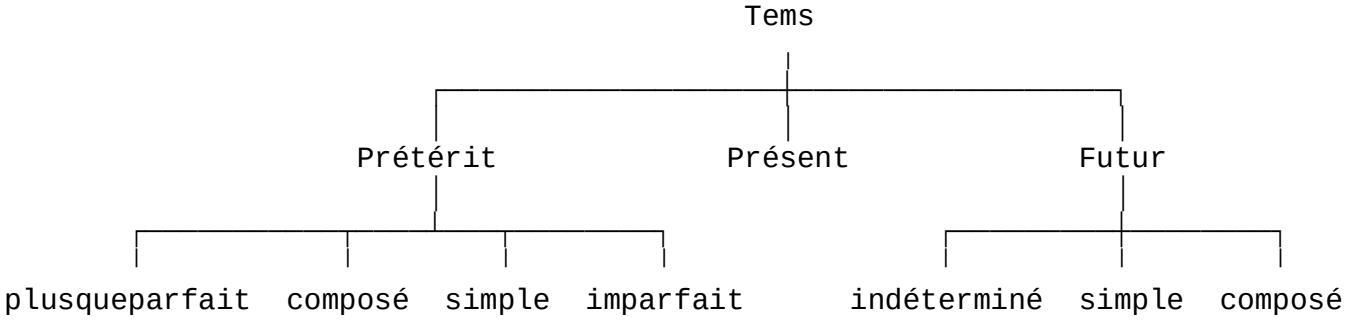
[328] Грамматика отмечена в работах: Добровский (1820: XXV), Рейф (1821: XIV), Шафарик (1826: 144), Греч (1828: 37), Балицкий (1876: 18), Бидерманн (1981: 109), Фрайдхоф (1983: 20). Станкевичу (1984: 116) известно также русское название «Grammatika rossijskaja na francuzskomъ jazykě, izdannaja Gr. Marin'janom i Šarpant'e», которого нет в использованном нами первом издании.

К французским структурным терминам «verbe primitif», «verbe dérivé», встречающимся впервые у Сойе 1724, Шарпантье, вслед за подлинником добавил «verbe simple» и «verbe composé». Из-за неточного представления о паре «primitif - derivé» в качестве примера первообразного и производного дается неправильная пара *знаю* - *признаю* (с. 73), следовательно, принцип суффиксальной деривации размывается (у Ломоносова такой ошибки нет). К тому же, переводя неточно или просто не понимая текста Ломоносова, Шарпантье теряет смысл весьма сложной, но точной системы образования сложного, в том числе приставочного глагола. Например, по Шарпантье, сложный глагол *отдаю* образуется от одного препозитива, тогда как его составляющими, конечно, являются приставка и глагол (см. Ломоносов 1755: 479). Таким же образом *благодарю* будто бы образуется из одного имени существительного, тогда как Ломоносов указывает на имя и глагол в качестве его составляющих (там же). Точный научный стиль Ломоносова искажается.

2. К определению времен применяются два структурных («simples ou composés») и два семантических («absolus & relatifs») критерия. Простое время допускает лишь изменение окончания, а сложное время создается путем присоединения или вспомогательного глагола, или препозитива. Абсолютное время только соотносит событие («l'évenement») с предметом речи, а релятивное время имеет отношение к событию, о котором говорили до или после другого события. Согласно автору, событие может быть по природе представлено только в трех формах времени («comme présent, ou comme passé, ou comme futur»), но с учетом отдельных времен и обстоятельств («le tems & les circonstances») и их взаимных отношений русский язык имеет восемь времен (с. 77).

Наша схема показывает наглядно, что, пытаясь приспособить к системе Ломоносова французскую (или смешанную) терминологию, Шарпантье почти полностью теряет не только темпоральные, но в особенности аспектуальные характеристики продуманной ломоносовской системы.

Схема № 18. Система времен Шарпантье (1768)[329]



Tems:

Présent	Настоящее - *я трясу*, *ты глотаешь*, *онъ бросаетъ*
Imparfait	прошедшее не совершенное - *я трясъ*, *ты бросалъ*, *онъ глоталъ*
Prétérit simple	прошедшее простое - *я тряхнулъ*, *ты глонулъ*, *онъ бросилъ*
Prétérit composé	прошедшее сложное - *я нарисовалъ*, *я письмо написалъ*
Plusque-parfait	давно прошедшее - *трясалъ*, *брасывалъ*, *ламывалъ*
Futur indéterminé	будущее неопредѣленное - *буду писать*, *стану бросать*
Futur simple	будущее простое - *я брошу*, *я плюну*
Futur composé	будущее сложное - *напишу*, *осную*

[329] См. Шарпантье (1768: 77-80). Здесь сохраняется написание «tems» вместо современного *temps*.

На основании редкости употребления Шарпантье первым отодвигает на задний план второе и третье давнопрошедшее (с. 78). В системе Шарпантье три будущего («futur indéterminé», «futur simple» и «futur composé») соответствуют по содержанию ломоносовским «будущее неопредѣленное», «однократное», «совершенное», в то время как из прошедших времен только «plusqueparfait» сохраняет связь с ломоносовским «давнопрошедшее», а в остальных «imparfait», «prétérit simple», «prétérit composé» уже мало общего с терминами Ломоносова. Под влиянием латино-французской традиции Шарпантье использует «imparfait» вместо ожидаемого *prétérit indéterminé, и создает ему, видимо, вслед за текстом Ломоносова, русский аналог «прошедшее не совершенное». Как бы то ни было, «прошедшее не совершенное», если признать в нем прочтение «*несовершенное*», - это инновация, которая выступает *впервые* в учебной грамматике русского языка Шарпантье и которая начинает конкурировать с «прошедшим неопредѣленным».

Отвлекаясь от содержательной экспликации имперфекта, мы укажем лишь на опущение значения «учащения» и на описание «общефактического» значения, которое автор передает так: «quelquefois il [l'imparfait] exprime *un fait absolument accompli*, comme Гомеръ описалъ гнѣвъ Ахиллесовъ, Homere a décrit la colere d'Achille» (с. 79). Заменяя здесь имперфективный предикат *писалъ* примера Ломоносова на перфективный *описалъ*, т. е. на слово с другим лексическим значением и с иной синтаксической конструкцией, Шарпантье искажает мысль Ломоносова о вторичной «общефактической» функции форм типа *писалъ* (см. выше).

Французский атрибут «accompli», использованный впервые Шарпантье, восходит к «совершенному» Ломоносова: «un fait absolument accompli» (ср. «дело совершенное» Ломоносова), «tout-à-fait accompli» 'совсем, полностью совершенное' (с. 79). Впервые у Шарпантье мы видим также в экспликации глагол «s'accomplir» (с. 80), переводящий «совершиться» Ломоносова.

Простое прошедшее («le préterit simple») означает просто завершенное действие («une action purement & simplement terminée»): *я тряхнулъ* «j'ai secoué», *онъ бросилъ* «il a jetté» (с. 79).

Шарпантье, видимо, не понимая основных идей источника, совсем теряет важные русские атрибуты «однократное» и «совершенное». Внесение новых темпоральных терминов, а именно русских, уничтожает логичность и гармонию ломоносовской системы и способствует ее выветриванию. Значение единичности совсем не отражается в прошедшем, экспликация «une fois» характеризует лишь форму будущего «futur simple» (с. 80).

Как уже говорилось, у Ломоносова «простой» и «сложный» не присоединяются к формам времени и не приобретают аспектуальных коннотаций. Шарпантье же изменяет и русскую терминологию так, что структурные атрибуты, как французские «simple» и «composé», так и русские «простое» и «сложное» употребляются впервые в функции аспектуальных атрибутов в составе времен (с. 78) (см. схему).

Здесь слова «simple» и «composé» утратили свою прежнюю функцию указывать, с одной стороны, на синтетическую и аналитическую форму времени или же на

бесприставочный или приставочный глагол. Ср. «simple - composé» в грамматике Арно и Лансло (1676) (см. выше).

В связи с этим обратим особое внимание на «прошедшее простое» и «будущее простое», в которых русское слово «простое» впервые применяется в чисто аспектуальной функции (с. 78). В терминологическом компоненте «простое», который и без этого многозначен, полностью теряется прямая информация означающего, которое содержит меткое «однократное» Ломоносова. То же самое касается русского атрибута «сложное». Таким образом, аспектуальные термины «прошедшее простое», «прошедшее сложное» и «будущее простое», «будущее сложное» оказываются инновациями Шарпантье. При этом устанавливается первая фаза постепенной аспектуализации слова «простой» и его эквивалентов: «einfach», «simplex» (Ломоносов 1764: 170) - «simple», «простое» (Шарпантье 1768: 78).

Поскольку «simple» и «composé» употребляются также как структурные (словообразовательные) атрибуты (ср.: «verbe simple», «verbe composé») (с. 85, 148, 185), их новые аспектуальные функции вызывают терминологическую многозначность, которой у ломоносовских терминов «простой» и «сложенный» нет. Терминологическая амбивалентность проявляется, в частности, в формулировках типа: «Les verbes simples empruntent ordinairement de leurs composés le prétérit composé» (с. 118). Аналогичное развитие мы видим в немецкоязычной традиции у Родде и Хайма.

Плюсквамперфект Шарпантье не содержит указания ни на продолжение, ни на итерацию действия, а означает отношение одного прошедшего действия («l'action passée») к другому прошедшему действию: *трясалъ* «j'avais secoué», *брасывалъ* «j'avais jetté», *ламывалъ* «j'avais rompu» (с. 79). Ср. также *любливалъ* «j'avais aimé» (с. 172).

В названии «futur indéterminé» (*буду писать*) мы видим впервые атрибут «indéterminé», переводящий ломоносовское «неопредѣленное». От других будущих времен это будущее отличается своей неопределенностью («sans rendre compte ni du tems, ni des circonstances») (с. 80).

Аспектуальное будущее простое («futur simple») Шарпантье отличается радикально от будущего, обозначенного тем же термином в грамматике Арно и Лансло (1676: 108, 111). Согласно автору, это будущее означает событие, готовое совершиться (исполниться) (или: должно совершиться) один раз («l'évenement comme prêt à s'accomplir une fois»): *я брошу* «je jetterai», *я плюну* «je cracherai» (с. 80). Как видно, «будущее «простое» совмещает видовой признак совершения («s'accomplir») с акционсартным признаком однократности («une fois»). Выступающая здесь впервые содержательная экспликация «une fois» повторяется затем у Модрю (1802: CXVI), Болдырева (1812: 73) и Рейфа (1821: 117).

Характеризующая «прошедшее сложное» («le préterit composé») экспликация «l'action absolument terminée» относится к интерпретации завершения (конца) действия. При этом этому времени приписывается дополнительное значение повторяемости («la fréquence»). Ср. примеры: *я нарисовалъ* «j'ai tout dessiné», *я письмо написалъ* «j'ai fini d'écrire ma lettre» (с.

79). По мнению автора, будущее сложное («futur composé») (*напишу* «j'écrirai») означает многократное событие (виденное) в отдаленном будущем («la fréquence dans l'évenement qu'on voit dans l'éloignement») (с. 80). Так, приписывая многократность («fréquence») «сложным» временам прошедшего и будущего, Шарпантье обнаруживает весьма странное истолкование содержания ломоносовских примеров *написалъ* и *напишу*.

Так как число глаголов, которые имеют время «prétérit simple», не очень велико, Шарпатье составил алфавитные списки глаголов двух спряжений, у которых вообще могут быть нерегулярные формы времен и наклонений (с. 92-117, 156-171). Эти обширные списки, составление которых должно было потребовать много труда и которых нет в таком виде в научной грамматике Ломоносова, повторяются затем во многих грамматиках русского языка. В грамматике, ориентированной на практическое владение языком, подобные таблицы явились даже очень полезными для изучения трудного русского глагола.

За недостатком места в таблице даются только формы настоящего времени, имперфекта, прошедшего простого, прошедшего сложного, только одного будущего, императива и инфинитива. Например, у первого глагола *алкать* есть формы *алкаю*, *алкалъ*, *взалкалъ*, *взалкаю*, *алкай*, *алкать* (с. 92-93), но отсутствует как раз «prétérit simple». Список обнаруживает, как трудно уложить отдельные глаголы и их формы в рамки, составленные автором. Например, глагол *дуть* (с. 96) обладает всеми необходимыми формами: настоящее *дую*, имперфект *дулъ*, прошедшее простое *дунулъ*, прошедшее сложное *подулъ*, будущее *дуну*, императив *дуй* и инфинитив *дуть*, но почему-то только одно будущее и один инфинитив. Все формы, в том числе и прошедшее сложное *сдвинулъ* и будущее *сдвину* (а не *двину*) имеет и глагол *двигать* (с. 96-97), о котором в другом месте отмечается, что он будто прошедшего сложного не имеет (с. 138)[330]. Столбец будущего весьма произволен по составу: будущее глагола *колоть* - *поколю*, глагола *клевать* - *клюну*, а глагола *клясться* - *буду клясться* (с. 100-101). Таблица глаголов второго спряжения обнаруживает почти полное отсутствие у них формы «prétérit simple». Одно из редких исключений составляет глагол *свищу*, имеющий, помимо настоящего, «imparfait» *свисталъ*, «prétérit simple» *свиснулъ* (sic!), «prétérit composé» *засвисталъ*, «futur» *засвищу*, «impératif» *свисти*, «infinitif» *свистать* (с. 166-167).

Вообще таблицы Шарпантье с большим числом «официально» существующих темпоральных форм показывают наглядно «дефектность» многих глаголов и заставляют заполнять «пустые клетки» одних глаголов формами других. Вероятно, именно подобные списки вместе с типовыми спряжениями привели потом отдельных грамматистов, в частности Болдырева, к обсуждению вопроса, какие формы могут входить в спряжение одного глагола.

В соответствии с принципами, сформулированными Ломоносовым (см. выше), простые глаголы обычно «заимствуют» («empruntent») прошедшее сложное («le prétérit composé») у «своих» сложных глаголов, например, *хвалю* получает *похвалилъ* от глагола *похваляю*, *падаю* берет *упалъ* от *упадаю*. Многие другие глаголы формируют данное время присоединением препозитива к имперфекту (с.

[330] Как увидим ниже, «официально» приставочные образования включаются в парадигму глагола *двигать* не ранее Академической грамматики (1802).

118).

В связи с этим также Шарпантье отмечает правило «общефактичности», по которому имперфективное прошедшее может субституировать отсутствующие перфективные формы: «lorsque les verbes n'ont ni prétérit simple ni composé & qu'ils ne peuvent l'emprunter de leurs composés, on doit se servir de l'imparfait au lieu de celui qui manque» (с. 118). В данном случае Ломоносов (1755: 490) говорит об отсутствии только «прошедшего совершенного», причем о «простом и сложенном», т. е. о приставочном *или* бесприставочном «прошедшем совершенном». Следовательно, Шарпантье добавил от себя «prétérit simple» к числу форм, вместо которых может употребляться имперфект.

Способы образования отдельных форм (с. 119-124) не отличаются от Ломоносова и не повторяются нами здесь.

И Шарпантье не обходится без парадигмы глагола *двигать* (с. 137-139). В соответствии с концепцией Ломоносова Шарпантье констатирует, что данный глагол *двигать* не имеет «сложных» форм прошедшего и будущего («prétérit composé», «futur composé») (с. 140).

Имперфекты пяти глаголов *велю - велѣлъ*, *вижу - видѣлъ*, *врежу - вредилъ*, *женю - женилъ*, *рѣшу - рѣшилъ* имеют в речи «силу» прошедших сложных («la force des prétérits composés») (с. 154). Ср. Ломоносов (1755: 514).

Типовому сложному глаголу *показывать* Шарпантье, как и перевод Ломоносова (1764), дает названия времен, которые не соответствуют оригиналу. Так, «Imparfait» (*я показывалъ*) (с. 187) соответствует принятой Шарпантье системе, но «Prétérit» (*я показалъ*) вместо ожидаемого «prétérit composé» (с. 187) и «Futur simple» (*я покажу*) вместо «futur composé» (с. 189) отклоняются от системы.

Парадигма «нерегулярного» глагола *даю* (с. 197-199) содержит настоящее *я даю* «je donne», имперфект *я давалъ* «je donnais», «Plusqueparfait» *я давывалъ* «j'avais donné», но «Prétérit simple» *я далъ* «j'ai donné» и «Futur simple» *я дамъ* «je donnerai», хотя данные формы не содержат назального элемента *ну*, которым регулярно характеризуются «простые» времена у Шарпантье. Ср. «будущее» и «прошедшее совершенное» у Ломоносова (1755: 534). Почему-то не приводится будущее *буду давать*, которого нет и у Ломоносова. Так же непоследовательно глагол *я ѣмъ*, имеющий «Imparfait & Prétérit» *я ѣлъ*, «Plusqueparfait» *я ѣдалъ*, «Futur Indéterminé» *я буду ѣсть*, не обладает ни прошедшим сложным *съѣлъ*, ни будущим сложным *я съѣмъ*, которые вполне соответствовали бы системе Шарпантье. Число подобных непоследовательностей можно было бы умножить.

Не зная пока способа имперфективации, Шарпантье пытается различить случаи, в которых препозитив необходимо относится ко (всему) глаголу во всех его временах и наклонениях («dans tous les tems & les mœufs») (*выбираю*, *отдѣляю*, *переношу*) (с. 205), от случаев, в которых препозитив привносит в сложные времена («tems composés») значения, отсутствующие у «их» времен простых

(«tems simples»). Например, *гляжу* имеет значение «je regarde», но *выгляделъ* означает «j'ai contemplé» (с. 206). ср. выше образование «сложенных» глаголов и отдельных времен у Ломоносова.

По-видимому, темпорально ориентированная система Шарпантье не позволяет сочетать аспектуальные атрибуты с инфинитивом, или же он не осмыслил их подлинного значения в системе Ломоносова. Ср. «Infinitif, Présent» *двигать двинуть*, «Prétérit» *двигать было*, *двинуть было* (с. 141).

Вслед за Ломоносовым препозитив *за* означает начало «дела» (действия) («le commencement de quelqu'affaire»): *какъ скоро онѣ на постелю легли, захрапѣли* «aussitot qu'elles surent couchées, elles commencerent à ronfler», *засмѣяться*, *засвистѣть* «commencer à rire, à siffler» (с. 206). Аналогично препозитивом *отъ* выражается конец (прекращение) события («la fin de quelqu'événement»): *отпѣли* «on a fini de chanter» (с. 207).

5.3.2. Фреквентативные и унифактивные глаголы в русской грамматике Модрю (1802)

1. Вместе с Шарпантье «Рациональные начала русской грамматики» Модрю входят во французскую традицию грамматики Ломоносова и составляют одну из вех в последовательном развитии описания аспектуальных явлений. До предела умозрительная грамматика бывшего профессора нормальной школы Сенского департамента (округа), члена многих научных обществ, Жана-Баптиста Модрю вышла в Париже в 1802 году[331].

Все грамматисты устрашаются новой терминологии Модрю. Добровский (1820: XXVI) считает ее «abschreckend». По мнению Рейфа (1821: XV), мало у кого есть времени усвоить новую, может быть и очень ученую терминологию Модрю, которая не вносит принципиальной ясности в систему русского глагола. Однако не совсем справедливо мнение Греча (1827: 50), по которому труд Модрю - «прекрасно напечатанная копия Грамматики Шарпантье, с странною и малопонятною терминологиею». Ср. Греч (1828: 37).

Во введении («Introduction») (где русские примеры не даются) три основных времени («tems») обозначаются словами «présent», «parfait» и «futur» (с. XLI). Там же излагаются девять времен французского языка, среди которых вместо собственно имперфекта вводится «présent relatif», ср.: «1. présent absolu - j'écris, 2. présent relatif - j'écrivois, 3. parfait indéfini - j'ai écrit, 4. parfait antérieur indéfini - j'ai eu écrit, 5. parfait défini - j'écrivis, 6. parfait antérieur défini - j'eus écrit, 7. plusqueparfait - j'avois écrit, 8. futur absolu - j'écrirai, 9. futur antérieur - j'aurai écrit» (с. XLIII-XLIX).

Переходя к описанию русского глагола, автор приводит сопоставление русских и французских названий («Nomenclature comparée»), где оказываются термины Шарпантье, в том числе залоговые названия «дѣятельный, la voix active»,

[331] О грамматике Модрю см. Бидерманн (1981: 109).

«страдательный, la passive», «среднїй, la neutre», а также «спряженїе, conjugaison» и «неопредѣленное наклоненїе», l'infinitif» (таблица с. 192).

2. При этом Модрю вводит девять времен, из которых времени «прошедшее, le parfait» нет у Шарпантье: «Настоящее, le présent», «прошедшее, le parfait», «прошедшее несовершенное, l'imparfait», «прошедшее сложное, le prétérit composé», «прошедшее простое, le prétérit simple», «давно прошедшее, le plusqueparfait», «будущее простое, le futur simple», «будущее сложное, le futur composé», «будущее неопредѣленное, le futur indéterminé» (с. 192). (ср. выше дискуссию о «praeteritum» и «perfectum» в латино-немецкой традиции).

Однако в таблицах типовых форм, в частности в таблице № 11 с примером глагола *колоть* и в таблице № 12 с неизбежным *двигать*, Модрю вводит систему времен, которые как терминологически, так и по содержанию коренным образом отличаются от выше приведенных Шарпантье (порядковый номер добавлен нами. - P.P.): 1. «Présent» - *я колю*, *двигаю*; *кажу*, *показываю*, 2. «Relatif» - *я кололъ*, *двигалъ*; *казалъ*, *показывалъ*, 3. «Indéfini» - *я покололъ*, *двигнулъ*, *двинулъ*; *показалъ*, 4. «Défini» - *я кольнулъ*, [отсутствует], [отсутствует], 5. «Plusqueparfait» - *я калывалъ*, *двигивалъ*, *казывалъ*, *бывало показывалъ*, 6. «Futur» - *я поколю*, *кольну*, *двигну*, *двину*; *покажу*, 7. «Futur complexe» - *я буду колоть*, *буду двигать*; *показывать*[332].

Эта система представляет собой попытку приспособить к русскому языковому материалу (французскую) систему, представленную автором во введении (с. XLIII-XLIX). Не вдаваясь в разбор этой системы, отметим лишь, что одна из очевидных непоследовательностей заключается в том, что «Indéfini» охватывает формы *покололъ* и *двигнулъ*, а «Défini» только *кольнулъ*. Вообще различие между ними здесь туманно. Атрибуты «défini» и «indéfini», которых нет у Шарпантье и которые, видимо, восходят к темпоральным формам французской грамматики, может быть, к системе грамматики Пор-Рояля (см. выше), относятся оба к перфективным формам (*кольнулъ* и *покололъ*) и не различаются аспектуально.

3. Однако более существенно то обстоятельство, что в тех же таблицах серии форм от *поколоть*, *кольнуть* и *двигнуть* (*двинуть*) входят в ряд глаголов, называемых «unifactif», а серии от *калывать* и *двигивать* соответственно в ряд глаголов - «frequentatif». Это значит, что в своей чрезмерно сложной или скорее в недостаточно ясно изложенной системе Модрю фактически обнаруживается бинарное противопоставление «unifactif» - «fréquentatif» (форм) двух рядов глаголов, в котором первый разряд «unifactif» охватывает все перфективные формы (семельфактивные и несемельфактивные). Особенно важно отметить применение данных терминов к разным глаголам, а не к отдельным формам.

Термин «unifactif», указывающий вместе с «frequentatif» на количественную аспектуальность, является инновацией Модрю (1802: 222) и восходит естественным образом к «однократному», но отличается от него тем, что описывает аспектуальный характер глагола, а не одной формы.

[332] Здесь Модрю приводит также неправильное будущее *буду показать* унифактивного глагола *показать*.

Примечательно еще то, что в описании темпоральной системы аспектуальные атрибуты глаголов не сочетаются с названиями темпоральных форм, аспектуальность которых определяется только их системной позицией и соответствующим названием, т. е. определенный темпус относится всегда только к глаголу того или другого вида (см. схему). Например, «relatif» образуется исключительно от фреквентативного глагола, бесприставочного или приставочного.

Особо важно отметить тот факт, что противопоставление унифактивных и фреквентативных глаголов базируется на семантическом признаке однократности, разовости: «Unifactif comme сказать *dire* (en latine *dicere*) ou fréquentatif comme сказывать *dire souvent* (en latin *dictitare*)» (с. 222). Ср. определения во водной части книги: «Unifactif, verbe qui sert à exprimer une action faite une fois» (с. CXVI). «Fréquentatif, verbe qui sert à designer une action faite plusieurs fois» (с. CXIV). Этого или какого-либо сходного противопоставления у Шарпантье нет. Фактически такое обнаруживается только в чешской и польской традициях, где оно, все же, носит акционсартный, а не видовой характер, как у Модрю (ср. выше «verba singularia» - «verba frequentativa»).

Примечательно, что термин «unifactif», который этимологизируется из латинских «*unus et factum*», должен отражать «однократное» (время) Ломоносова, ведь русского термина «однократный глаголъ» во время Модрю еще нет.

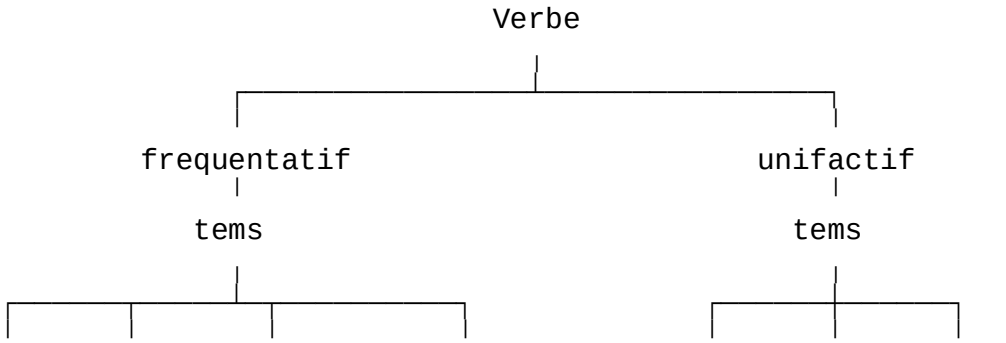
Наиболее ясно классификация глагола проявляется в собственных словах автора в разделе «Sur la nature du verbe et sur ses accidents»:

> «On peut considérer le verbe sous deux principaux aspects, sous lesquels, sous le premier, il est 1. primitif comme разить *frapper*, ou dérivé comme дѣлать *faire*, de дѣло *chose*, *affaire*. 2. Simple comme знать *savoir* ou composé comme признать *reconnoître*. 3. Unifactif comme сказать *dire* (en latine *dicere*) ou fréquentatif comme сказывать *dire souvent* (en latin *dictitare*)» (с. 222).

Одним из первых Модрю здесь сопоставляет русское глагольное противопоставление *сказать - сказывать* с латинским *dicere - dictitare*.

От Шарпантье и других последователей ломоносовской традиции Модрю отличается прежде всего бинарным делением *глаголов* на «unifactif» и «fréquentatif», которое не имитирует классификации традиции Смотрицкого, а является, видимо, самостоятельным умозаключением Модрю. Если это верно, то Модрю оказывается *первым*, кто в послеломоносовский период применяет аспектуальную (видовую) классификацию к русскому глаголу (ср. выше дискуссию о противопоставлении глаголов у Лудольфа и Сойе). Систему Модрю можно схематизировать так:

Схема № 19. Система глагола и времени Модрю (1802)[333]



Verbe frequentatif: **Tems**:
Présent - *я колю*, *двигаю*, *кажу*, *показываю*
Relatif - *я кололъ*, *двигалъ*, *казалъ*, *показывалъ*
Plusqueparfait - *я калывалъ*, *двигивалъ*, *казывалъ*, *бывало показывалъ*
Futur complexe - *я буду колоть*, *двигать*, *показывать*
Verbe unifactif: **Tems**:
Indéfini - *я покололъ*, *двигнулъ*, *двинулъ*, *показалъ*
Défini - *я кольнулъ*, [отсутствует], [отсутствует]
Futur - *я поколю*, *кольну*, *двигну*, *двину*, *покажу*

Перфективное будущее унифактивного глагола не имеет при себе особого эпитета, хотя и противопоставляется сложному будущему («futur complexe»), которое само по себе никакой семантической коннотацией не обладает.

По мнению автора, глаголы *двинуть*, *двигать*, *двигивать* обладают все лексическим значением «agiter», но глаголы *двигать* и *двигивать* имеют еще добавочное значение повторения действия («l'idée accessoire d'une fréquence dans l'action»), которое менее в глаголе *двигать*, чем в глаголе *двигивать* (с. 218). В последующей традиции «*l'idée accessoire*» действия Модрю получает дальнейшее развитие (см. ниже). При этом Модрю правильно указывает на то, что отдельные образования от фреквентативов часто не выражают никакой многократности действия («fréquence dans l'action») (там же).

К сожалению, интересные идеи Модрю оказались слишком трудными для понимания, и его система не получила дальнейшего развития.

5.4. Русская традиция грамматики Ломоносова

5.4.1. Совмещение идей Смотрицкого и Ломоносова у Курганова (1769)

1. Первая часть (с. 1-54) «Россійской универсальной грамматики» Николая Курганова содержит весьма тщательно составленный сокращенный вариант морфологии

[333] См. таблицы № 7, 11 и 12 на отдельных листках (Модрю 1802: 192).

ломоносовской грамматики[334]. Примечательно, что собственно грамматический материал данной грамматики явился первым русским, порой даже дословным, применением ломоносовских идей. Об удачном выполнении задач, поставленных себе автором, свидетельствуют многочисленные переиздания, которые книга Курганова, переименованная в 1777 г. «Писмовником», выдержала до 1837 г.[335]

После Ломоносова Курганов (1769: 27) первым возрождает к жизни «видъ и начертанїе глагола» традиции Смотрицкого, разграничивая при этом русское и «славенское» «начертанія»:

> «Глаголы двоякаго вида: первообразные и производные. Первообразные ни отъ какой другой части рѣчи не происходятъ: *знаю*, *иду*, *стою*, *читаю*. Производные начинательные, какъ: *каменѣю*, *трезвѣю* и пр. Производные учащательные, какъ: *читаю*, *встаю* и пр. Первообразные и производные глаголы суть двоякаго начертанїя: простые и сложенные. Простые состоятъ сами собою: *даю*, *ставлю*... По-славенски глаголы троякаго начертанїя: простаго какъ, *емлю* или беру, сложеннаго *прїемлю*, пресложеннаго *воспрїемлю*» (с. 27-28)[336].

Среди «учащательных» глаголов *бѣгу*, *бѣгаю*; *лечу*, *лѣтаю*; *роню*, *роняю*; *вижу*, *видаю* появляется новый пример *вижу*, *видаю* (с. 30). Ср. Ломоносов (1755: 483). Вместе с тем Курганов допустил «ошибку», включая *читаю* как в «первообразный» (с. 27), так и в «производный учащательный» глагол (с. 28).

Между тем, восстанавливая терминологический аппарат традиции Смотрицкого, Курганов применяет его к материалам русского языка, почерпнутым из грамматики Ломоносова. В силу этого в пределах «вида» и «начертанїя» у Курганова фигурируют собственно русские «учащательные» и «начинательные» глаголы. Фактически, однако, это не отличается от Ломоносова, который лишь обошелся без старинных терминов «видъ» и «начертаніе».

2. В описании времен Курганов полностью следует ломоносовской системе, за исключением загадочного «прошедшее не совершенное», появляющееся как бы случайно, ненамеренно, в списке десяти времен (с. 28). Однако в парадигмах спряжений сохраняется ломоносовское «прошедшее неопредѣленное» (с. 32, 34, 36, 38, 40, 43). То же самое повторяется в издании 1793 года (с. 28 и сл.) с тем лишь различием, что «несовершенное» тут пишется слитно.

Во всяком случае Курганов оказывается первым, кто в «официальной» парадигме русской грамматики, написанной по-русски, использует «прошедшее не совершенное». Ср. пару «l'imparfait - прошедшее не совершенное» у Шарпантье (1768: 78).

---

[334] Просветитель и педагог Николай Гаврилович Курганов (1726-1796) родился в Москве, учился в Школе навигационных наук и окончил петербургскую Морскую Академию (Морской корпус) ок. 1744 г. В Академии он преподавал затем разные предметы математических и навигационных наук, был удостоен звания профессора в 1774 г. См. предисловие В. Сечкарева к репринту пятого изд.: Курганов (1793). См. также: Добровский (1820: XXV), Кузнецов (1958: 65), Станкевич (1984: 116).

[335] См. Балицкий (1876 А: 34), Грунский (1910: 30-32).

[336] Ср. Смотрицкий (1619: 235). Согласно Станкевичу (1984: 116), Курганов пользовался грамматикой Максимова (1723).

В качестве примера отдельных времен Курганов использует *скачу*, *скакалъ*, *скакнулъ*, *скакивалъ*, *поскакалъ*, *поскачу* и т. д. (с. 28), в то время как в парадигмах мы сталкиваемся опять с неизбежным *двигать* (с. 32)[337]. Преимуществом нового типового глагола является как будто то, что все времена могут быть образованы от «полного» глагола *скакать* (ср. выше *двигать*, *вертѣть* и *колоть* у Ломоносова), ср.:

> «Временъ имѣютъ глаголы десять: осмь отъ простыхъ, да два отъ сложенныхъ. Отъ простыхъ 1) настоящее, скачу; 2) прошедшее не совершенное, скакалъ; 3) прошедшее однократное, скакнулъ; 4) давно прошедшее первое, скакивалъ; 5) давно прошедшее второе, бывало скакалъ; 6) давно прошедшее третїе, бывало скакивалъ; 7) будущее неопредѣленное, буду, или стану скакать; 8) будущее однократное, скакну. Отъ сложенныхъ, 9) прошедшее совершенное, поскакалъ; 10) будущее совершенное, поскачу» (с. 28).

Содержания отдельных форм времени повторяют почти дословно Ломоносова (см. выше). Единственное исключение составляет «прошедшее неопредѣленное», которое утратило признаки «продолженіе или учащеніе» («дѣянія»), но сохранило отмеченную еще Ломоносовым вариативную способность выражать «иногда дѣло совершенное», «иногда [дѣло] несовершенное» (с. 29). Упущение признаков объясняется, видимо, тем, что они могут рассматриваться как входящие в более общее «дѣло несовершенное». Однако указанные признаки сохраняются у «давнопрошедших временъ» и тем самим способствуют закреплению за ними, в частности, «учащения» действия[338].

Среди производных глаголов Курганов приводит «глаголы двоякого вида»: «начинательные» и «учащательные» (с. 27-28), тогда как, в отличие от Смотрицкого, «совершенный видъ» не фигурирует в качестве параллельного термина «первообразного» (см. выше). С «совершенным видом» мы, однако, сталкиваемся в пояснениях отдельных предикатов молитвы «Отче нашъ». Например, предикат «да приідетъ» (с. 51) определяется как «глаголъ наклоненїя желательнаго; залога средняго; начертанїя сложнаго; *вида совершеннаго*», т. е. перед нами как бы действительно форма СВ. Такими же «глаголами вида совершеннаго» являются *да святится* (там же), *даждь*, *остави* (с. 52), *введи*, *избави* (с. 53), тогда как *оставляемъ* (там же) - это «глаголъ вида учащательнаго». «Неправильный глаголъ» *еси* определяется как «начертанїя простаго» и «вида первообразнаго» (с. 51), форма *да будетъ* (с. 52) определения начертания и вида не имеет, хотя «подобенъ бываетъ глаголу да прїидетъ». В неизмененном виде то же самое повторяется в издании 1793 г. (с. 50-54).

Может быть, не совсем случайно у Курганова указанные действительные перфективные формы, включая *да святится* от двувидового *святитися*[339], как «глаголы вида совершеннаго» противопоставляются единственному в данной молитве «учащательному» - *оставляемъ*[340]. Это тем более вероятно, что «учащательный»,

---

[337] Ср. Кузнецов (1958: 65-67).

[338] Ср. Кузнецов (1958: 67).

[339] Ср. глагол «святитися» в СРЯ 11-17 вв. (23: 210).

[340] Впрочем, как видно, текст Курганова весьма ощутимо страдает отсутствием метаязыкового

как правило, имеет неперфективное истолкование, и «совершенный» всегда перфективное значение в парадигматике глаголов. Таким образом, терминологическая комбинация «глаголъ вида совершеннаго» в применении к настоящей перфективной форме и в противопоставлении сочетанию «глаголъ вида учащательнаго» засвидетельствована впервые у Курганова (1769: 51).

Вместе с тем, говоря «о глаголахъ сложенныхъ обоего спряженїя», Курганов приводит типовой глагол *избираю* и вместе с тем сознательное или неосознанное видовое противопоставление: «неопредѣленное» *избирать* - «совершенное» *избрать* (с. 40).

Новый способ употребления «совершенного вида» подтверждается как раз тем, что Курганов не отмечает глаголов «совершенного вида» типа *чтѹ*, *стоѭ* Смотрицкого (1619: 235). Любопытно все же, что эта своего рода случайная инновация, предваряющая дальнейший путь развития «совершенного вида», возникла вне собственной грамматики и создалась в результате применения достижений двух крупных традиций - Смотрицкого и Ломоносова.

5.4.2. Ломоносовское наследие в «Кратких правилах» русской грамматики (1773)

По тексту титульного листа «Краткія пра́вила Россійской грамматики» были составлены для обучения русскому языку в гимназиях Императорского Московского университета. О пригодности и популярности пособия свидетельствуют более десяти изданий, выдержанных книгой[341].

Рассматриваемые здесь издания (КПР 1773, КПР 1784) являются анонимными, но, «согласно установившейся традиции», автором пособия считается А. А. Барсов[342]. По мнению Шютрумпфа возможным автором «Кратких правил» 1773 г. является Вукол Федотович Романов, преподаватель русского языка Университетской гимназии[343]. В обращении «Къ читателю» автор «Кратких правил» ссылается на Ломоносова и на «начальныя основания Российской Грамматики при Вейсманновомъ Нѣмецкомъ Лексиконѣ», т. е. на Адодурова (1731).

«Видъ» глагола в «Кратких правилах» отличается от Смотрицкого тем, что «производные» не отмечаются подкатегориальными терминами. При них просто указывается часть речи исходного слова. Поскольку глагол не входит в исходные «первообразные» слова, то и здесь утрачена связь с моделью глагол -> глагол, порождающей отглагольные глаголы и акционсартные группировки, ср.: «Глаголы раздѣляются на первообразные и производные. Первообразные...*знаю*, *иду*.

термина «форма».

[341] Из наших источников пособие упоминают Добровский (1820: XXV), Шафарик (1826: 144) и Греч (1827: 48), (1828: 34).

[342] См. Успенский (1981: 9). Об авторстве Барсова КПР 1773 см. Ягич (1910: 922).

[343] Вводная статья к репринтному изданию КПР (1773: IX).

Производные раждаются...отъ именъ: *странствую*...отъ мѣстоименій: *сво́ю*... отъ нарѣчій: *поздаю*...отъ междуметій: *охаю*» (КПР 1773: 38). Ср. «*По виду* глаголы раздѣляются на первообразные и производные. Первообразные глаголы ...*знаю*, *иду*. Производные...*странствую*...*сво́ю*...*поздаю*...*охаю*...» (КПР 1784: 137).

«Начинательных глаголов» в «Кратких правилах» нет. Как у Ломоносова, «учащательные глаголы» *бѣгу*, *бѣгаю*, *лечу*, *летаю* В КПР (1773: 42) приводятся в отдельности от «производных», в то время как в издании 1784 г. «учащательных» совсем нет. Подобно грамматике Ломоносова, «первообразные» и «производные» глаголы являются «простыми и сложенными» (КПР 1773: 38). Ср. «По начертанію глаголы какъ первообразные такъ и производные суть или простые, или сложенные» (КПР 1784: 138).

Темпоральная система в КПР (1773: 39-40) и в (КПР 1784: 143-144) идентична системе Ломоносова, но значения отдельных времен ни в том ни в другом пособии не приводятся. Поэтому в них не встречается атрибут «несовершенное». Только в издании 1784 г. (с. 160) возобновляется ломоносовская «общефактическая» функция «прошедшего неопредѣленного»: «Которые глаголы прошедшаго совершеннаго времени не имѣютъ и отъ сложенныхъ занять не могутъ, тѣ замѣняютъ недостатокъ сей прошедшимъ неопредѣленнымъ». Ср. ниже Соколов (1792: 112) и Соколов (1806: 121).

Инфинитив имеет два названия: «*неопредѣленное* наклоненіе» (с. 39) и (в парадигмах) - «*неокончательное* наклоненіе» (с. 48, 54, 57 и сл.). Как и у Ломоносова, вместо обычного «изъявительного» встречается также «окончательное наклоненіе» (с. 78) (= КПР 1784: 217). В качестве примеров первого и второго спряжений простых глаголов сохраняются неизбежные *я двигаю* (с. 46-55) и *я верчу* (с. 55-60). Сохраняются также ломоносовские «Наклоненіе неокончательное Сомнѣнное» *двигивать* (с. 48) и «учащательное» *вертѣть* (с. 57, 60).

Для дальнейшего развития роли аспектуальных атрибутов существенно, что в парадигматике «полного глагола» *колю* сохраняются четыре инфинитива с четырьмя аспектуальными атрибутами: «Наклоненіе неокончательное», «неопредѣленное» (*колоть*), «единственное» (*кольнуть*), «совершенное» (*поколоть*), «сомнѣнное» (*калывать*) (КПР 1773: 66) (= Ломоносов 1755: 537). Так же как у Ломоносова «единственное» фигурирует в значении «однократного» (с. 66, 69, 71). В издании 1784 г. глагол *колю* как, и параллельное «единственное» устранены (см. приложение).

В примере для «грамматическаго разобранія» (с. 97) «видъ» и «начертаніе» не указываются. Однако они фигурируют в «Таблице, Показывающей сво́йство и принадлежности каждой изъ осьми частей рѣчи, Россійскаго сло́ва», помещенной на ненумерованных страницах в конце книги (КПР 1773), ср.: «Залоговъ глаголъ имѣетъ шесть... *Видовъ и начертаній* какъ въ имени два. Спряженій два. Наклоненій три, изъявительное, повелительное, неокончательное. Временъ десять».

5.4.3. Шесть времен Е. Б. Сырейщикова (1787)

В 1787 году Е. Б. Сырейщиков (1757-1790), профессор русского языка в главном народном училище, составил «по высочайшему повелению» «Краткую россійскую грамматику» для народных училищ[344], в которой описывается система шести времен: 1. «настоящее» (*кидаю*), 2. «прошедшее несовершенное» (*кидалъ*), 3. «прошедшее однократное» (*кинулъ*), 4. «давнопрошедшее» (*кидывалъ*), 5. «будущее неопредѣленное» (*буду кидать*), 6. «будущее однократное» (*кину*)[345].

Входя в ломоносовскую традицию, система Сырейщикова (1787) придерживается ее основных характеристик с тем лишь различием, что в ней существует только одно «давнопрошедшее», а важный атрибут «совершенное» совсем устранен из системы, т. е. «совершенное» и «однократное» слиты в одно «однократное». Так, аспектуальными атрибутами оказываются «несовершенное», «однократное» и «неопредѣленное», из которых «несовершенное» вместе с «неопредѣленным» отчетливо противопоставляются перфективному «однократное». «Прошедшее несовершенное» Сырейщикова, указывающее на возможность связи с Кургановым (1769), говорит о постепенном отвоевании места атрибутом «несовершенное» у «неопредѣленного». Если верны наши сведения из вторых рук, то Сырейщиков проявил стремление сократить количество форм времени до Барсова.

5.4.4. Новая темпоральная система Барсова (ок. 1788 г.)

1. «Россійская грамматика» Антона Алексеевича Барсова (1730-1791), профессора словесности Московского университета, вошла в русскую традицию ломоносовской грамматики наиболее полным описанием русского языка XVIII в. Вместе с грамматиками Адодурова и Ломоносова она определяет основные вехи в развитии русской грамматической мысли и кодификации русской речи. В изучении грамматики русского языка Барсов был учеником и последователем Лосоносова, а также Адодурова и Тредиаковского[346]. К сожалению, грамматика Барсова, существующая в трех списках, осталась недоделанной и в свое время неопубликованной и не могла оказать надлежащего влияния на непосредственно последующую традицию. Наш анализ основывается на данных главы «О Глаголѣ» в «Ленинградском списке» издания: Барсов (1788: 538-648)[347].

---

[344] См. Кульман (1917: 47). Грамматика Сырейщикова отмечена также в работах Добровского (1820: XXV), Шафарика (1826: 144), Балицкого (1876 А: 36), Тоболовой (1973), Успенского (1981: 9), Станкевича (1984: 117) и Живова (1992: 261). К сожалению, из них темпоральная система выделяется только у Кульмана.

[345] См. Кульман (1917: 47, 56). Ср. сюда (Живов 1992: 261).

[346] См. Успенский (1981: 3-11). Жизнь и творчество Барсова основательно освещены в работах Нюмана (1980: XXI-LXXXVI) и Успенского (1981).

[347] Пагинация нашего условного обозначения «Барсов 1788» дается по изданию 1981 года.

Для нашего исследования небезразлично, что Барсов довольно последовательно внес в свой текст параллельную латинскую терминологию, в которую он, наряду с немецкой, проник, переводя весьма обширную грамматику Целлария и Геснера[348].

В описании «измѣня́емых ча́стей рѣчи»[349] Барсов (вслед за Курга новым) восстанавливает словообразовательную систему и терминологию традиции Смотрицкого, которые были опущены (или скорее модернизированы) Ломоносовым. В частности, Барсов использует такие центральные термины, как «видъ (Species)», «первообра́зныя (primitiva)», «произво́дныя (derivata)», «начерта́ніе (Figura)», «просты́я (simplicia)», «сло́жныя (composita)» (с. 408) и некоторые другие. «Пресло́женного» начертания Барсов все же не приводит.

2. Важное наблюдение Барсова заключается в том, что каждое сложное слово является и производным, но не каждое простое слово является первообразным (с. 408). По-видимому, настоящими нововведениями Барсова являются «корень», «коренное слово» (= «первообразное слово») (там же), «коренныя глаголы» (с. 609), хотя «коренное слово» мы находим один раз еще у Курганова (1769: 7)[350].

В определении глагола как части речи Барсов *первым* в русской традиции употребляет слово *состоя́ніе*: «Глаголъ есть часть сло́ва показывающая состоя́ніе лица̀ или вещи, то есть бытіѐ, дѣйствіе или страда́ніе» (с. 550). Десять «принадлежностей глагола», заменяющих «послѣду́ющія глаго́лу» Смотрицкого, включают «видъ», «начертаніе», «время», «наклоненіе» и т. д. (с. 539).

Барсов возобновляет классификацию глаголов «по виду» на «первообразные» (*зна́ю*, *иду̀*, *чту*, *даю̀*) и «производные» (*странствую*, *каменѣю*, *чита́ю*, *дава́ю*) (ср. Курганов). Вместе с тем восстанавливается способ суффиксальной деривации традиции Смотрицкого, по которому один глагол производится от другого: *чту* -> *чита́ю*, *даю̀* -> *дава́ю* (с. 539). В связи с этим пара глаголов *а́лчу* - *алка́ю* (там же) свидетельствует об использовании московского издания 1648 г. грамматики Смотрицкого (см. выше).

Между тем Барсов является последним, кто в описании русской грамматики использует «глаголъ совершенный» в рамках словообразовательной модели традиции Смотрицкого. Параллельное употребление синонимических, по заявлению автора, терминов «глаголъ совершенный» и «глаголъ первообразный» (с. 539) мешает правильному понимаю целостной аспектуальной системы, в которой «совершенное» функционирует и как собственно аспектуальный атрибут. В сранении с Ломоносовым это означает шаг назад в развитии описания аспектуальных явлений.

---

[348] См.: Целларий и Геснер (1762), второе изд. 1771, третье - 1787. Ср. Булич (1904: 355), Голлинг (1903: 57). К сожалению, нам не удалось достать данного перевода. Ср.: Christoph. Cellarii erleichterte Lateinische Grammatic, von neuem ausgefertiget und an vielen Orten vermehret von Herrn Joh. Matth. Gesner. 5. Aufl. Berlin 1743 (Кайперт, Успенский и Живов 1994: 165).

[349] Здесь «*измѣняемыя* части рѣчи» Барсова (1788: 408) заменяет «склоняемыя части слова» Ломоносова (1755: 418) и «склоняемыя части рѣчи» (КПР 1773: 6).

[350] Ср. Тоболова (1973: 561).

Несмотря на то, что в рассматриваемой грамматике наличествует «глаголъ совершенный», там «случайно» не встречается возможное категориальное название «видъ совершенный», как нет и терминов «видъ начинательный» и «видъ учащательный». Так, в этих случаях термином обозначаются прямо классифицируемые материальные объекты, а не сами категории. То же самое касается «начертанія», где нет уже сочетаний «начертаніе простое, сложенное, сложное», и «сложный глаголъ» постепенно вытесняет старинный «сложенный глаголъ» Смотрицкого и Ломоносова[351].

В соответствии с традицией Смотрицкого «учащательные» глаголы *бѣгаю*, *чита́ю*, *алка́ю*, *ле́таю* (sic!), *дава́ю*, *проша́ю*, *валя́ю* производятся от «совершенных» *бѣгѹ̀*, *чтѹ̀*, *а́лчу*, *лечѹ̀*, *даю̀*, *прошѹ̀*, *валю̀* (с. 539). Семантическим признаком этих глаголов является «учащеніе состоянія», формальным - финаль *аю* и *яю* (там же). «Учащательный глаголъ» *творяю* - искусственное («неупотребительное») образование, необходимое для образования «глагола сложного» *затворяю* (с. 563). Таким же образом *бываю* является «глаголомъ учащательнымъ» «некоего утраченного глагола совершенного или первообразного» (с. 551).

Образование глаголов от отдельных частей речи описано несколько шире, чем у Ломоносова (с. 479). Особенно важно включение в «по виду производные» глаголы модель образования глаголъ -> глаголъ, по которой создаются «учащательные» *читаю*, *даваю*. В результате воспроизведения наглядного описания систем Смотрицкого глагол *даю̀* завоевывает свое прежнее положение примера в обеих словообразовательных системах: в системе «вида» он фигурирует как «первообразный», а в системе «начертанія» - как «простой».

«Видъ» и «начертание» описываются в основном по Смотрицкому, частично по Ломоносову. К грамматике Смотрицкого восходят, в частности, примеры *чтѹ̀* - *чита́ю*, *даю̀* - *дава́ю*. Подобно Смотрицкому, «производные» подразделяются на «начина́тельные» («inchoativa») и «учаща́тельные» (латинский эквивалент не вводится) (с. 539).

Характеристика «начатіе состоянія» «производного начинательного» глагола (*теплѣю*, *жестѣю*, *бѣлѣю* и т. п.) (с. 539) перекликается с признаком начала действия, известным в славянской традиции со времен Смотрицкого (см. выше). Ср. также множество «глаголов начинательныхъ» (*богатѣю* и т. п.) (с. 558), которые в современном понимании являются инхоативами, означающими постепенный переход из одного состояния в другое. В темпорально-аспектуальной парадигматике «начинательные глаголы» не участвуют.

«Учащательные глаголы» соотносятся с «совершенными» или «первообразными», последние из которых не находятся уже в таком аспектуальном отношении к первым, как в системе Смотрицкого. Интересное наблюдение касается роли «совершенных» и ряда неупотребительных «учащательных» глаголов в образовании приставочных имперфективов (имперфективной формы приставочного глагола): «Почти каждый глаголъ совершенный или первообразный имѣетъ свой учащательный, но не каждый учащательный самъ собою употребителенъ, а многие употребляются только для составленія глаголовъ сложныхъ». Например, «учаща-

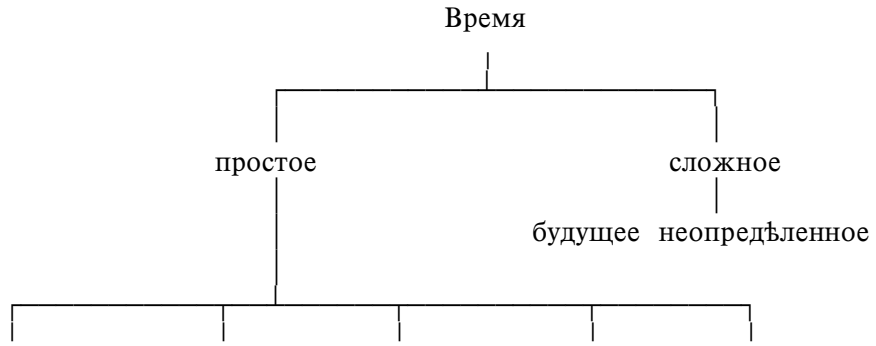
[351] По всей вероятности, «сложный глаголъ» впервые используется наряду со «сложенным» в немецкой грамматике, отредактированной Адодуровым (Шванвиц 1734).

тельные» *становляю*, *творя́ю*, *храня́ю*, *писую*, *стана́вливаю*, *чесываю*, *велѣва́ю* служат только для образования «сложныхъ» *остановляю*, *останавливаю*, *затворяю*, *сохраня́ю*, *напису́ю*, *причёсываю*, *повелѣва́ю*» (с. 539, 559, 704).

3. Важнейшее наблюдение Барсова заключается в том, что число времен не должно быть сопряжено со структурой глагола: является ли глагол «простымъ» или «сложнымъ» (с. 546). Это открытие проявляется в темпоральной системе Барсова, особенно в приведенных им примерах (см. схему). Темпоральную систему русского языка Барсов описал так:

> «Временъ въ Россійскихъ глаголахъ прямо счислять можно шесть, въ томъ числѣ 1. пять простыхъ, которыя въ самихъ глаголахъ, какъ простыхъ такъ и сложныхъ образуются... 2. Одно сложное, называемое *будущее* жъ *неопредѣленное* (futurum indefinitum)...» (с. 543).

Схема № 20. Темпорально-аспектуальная система Барсова (ок. 1788)[352]



Время простое:
1. **Настоящее** (praesens) - *дви́гаю*, *трясу̀*, *глота́ю*, *броса́ю*, *плещу̀*, *гоню̀*, *гоня́ю*; *подвига́ю*, *потряса́ю*, *стря́хиваю*, *поглоща́ю*, *прогла́тываю*, *сбра́сываю*, *упле́скиваю*, *прогоня́ю*
2. **Преходящее** (Imperfectum) - *дви́галъ*, *трясъ*, *глота́лъ*, *броса́лъ*, *плеска́лъ*, *гна́лъ*, *гони́лъ*, *гоня́лъ*; *подвига́лъ*, *потряса́лъ*, *стря́хивалъ*, *поглоща́лъ*, *прогла́тывалъ*, *сбра́сывалъ*, *упле́скивалъ*, *прогоня́лъ*
3. **Прошедшее** (praeteritum) - *дви́нулъ*, *тряхну́лъ*, *глону́лъ*, *плесну́лъ*, *бро́силъ*; *подви́нулъ*, *потря́съ*, *стряхну́лъ*, *поглоти́лъ*, *проглоти́лъ*, *сброса́лъ*, *сбро́силъ*, *уплесну́лъ*, *прогна́лъ*, *прогони́лъ*
4. **давно прошедшее** (plusquamperfectum) - *дви́гивалъ*, *тря́хивалъ*, *гла́тывалъ*, *бра́сывалъ*, *пле́скивалъ*, *га́нивалъ*
5. **будущее** (futurum) - *тряхну̀*, *глону̀*, *бро́шу*, *плесну̀*; *подви́ну*, *потрясу̀*, *стряхну̀*, *поглощу̀*, *проглочу̀*, *сбросаю*, *сбро́шу*, *уплесну̀*, *прогоню̀*

Время сложное:
6. **будущее неопредѣленное** (futurum indefinitum) - *бу́ду* или *ста́ну дви́гать*, *трясть*, *глота́ть*, *броса́ть*, *гна́ть*, *гони́ть*, *гоня́ть*; *потряса́ть*, *потря́хивать*, *поглоща́ть*, *прогла́тывать*, *сбра́сывать*, *упле́скивать*, *прогоня́ть*

[352] См. Барсов (1788: 543-547).

В принципе времена Барсова можно было бы представить в таком же варианте, как времена Смотрицкого, где «прошедшее» выполняет две функции: 1. «прошедшее» и 2. «прошедшее совершенное». Ср. пояснение Барсова: «Для краткости названныя здѣсь просто времена: *преходящее*, *прошедшее*, и *давнопрошедшее* всѣ три въ сáмой вещи показываютъ <вообще> прошедшее время, но разнымъ образомъ» (с. 544). Следовательно, «прошедшее» означает и «прошедшее вообще» и «прошедшее въ особенности», а именно «прошедшее совершенное (praeteritum perfectum)» (там же).

Наша схема не совсем справедливо относится к Барсову, который, следуя модели Ломоносова, выделяет аспектуальные (видовые) различия в прошедшем и будущем. Так, в прошедшем противопоставляются «преходящее», называемое иначе «прошедшее неопредѣленное» («praeteritum indefinitum») и «прошедшее», т. е. «прошедшее совершенное» («praeteritum perfectum») (с. 544). В плане будущего аналогичную оппозицию составляют «будущее неопредѣленное» («futurum indefinitum») (с. 544) и «будущее», т. е. «будущее совершенное» («futurum absolutum») (с. 546)[353]. Здесь латинский эквивалент «futurum absolutum» подчеркивает признак завершения действия.

От Ломоносова базовая система Барсова, кроме терминологии, отличается прежде всего устранением прошедшего и будущего однократного и двух аналитических типов плюсквамперфекта[354]. Иначе говоря, Барсов совершенно правильно слил (перфективную) однократность в совершенность, что хорошо видно из его примеров. Кроме того, у него префиксация («начертаніе») глагола не играет такой предопределяющей классификационной роли, как в первичной системе Ломоносова. За исключением «обычного» давнопрошедшего, в качестве примеров сознательно даются как бесприставочные, так и приставочные формы, т. е. форма времени в принципе не связана с наличием или отсутствием префикса, не прикована к наличию или отсутствию префикса. Ср. вторичную систему времен Ломоносова в схеме № 17.

Что касается первичных терминов Барсова, следует констатировать, что они, будучи применением латинской (латино-немецкой) модели с восстановлением отброшенного Ломоносовым «преходящего», лишаются непосредственного аспектуального содержания, все же осознанного Барсовым. Термины «преходящее» и «прошедшее», с одной стороны, и «будущее» и «будущее неопредѣленное», - с другой, как таковые видового противопоставления не отражают. Особо это касается термина «прошедшее», о двоякой роли которого в латино-немецкой традиции речь шла выше. Само противопоставление «преходящее - прошедшее» с параллельным «imperfectum - praeteritum» вместо «imperfectum - perfectum» может восходить непосредственно к указанному выше переводу Барсова[355].

Кстати, «преходящее» и «прошедшее» как безатрибутные термины отмечались нами в немецкой грамматике, отредактированной Адодуровым (Шванвиц 1734), с

[353] Ср. Нюман (1976: 45).

[354] О шести временах Барсова см. Живов (1992: 261). Ср. Тоболова (1968: 284).

[355] См., однако, выше дискуссию об аналогическом противопоставлении «преходящее» - «прешедшее» у Смотрицкого.

тем лишь различием, что «прошедшее» там является преемником «перфектума» (см. выше). Итак, можно предположить, что по крайней мере «преходящее» Барсова, если оно не идет прямо от Смотрицкого, обусловлено традицией Адодурова.

С Барсовым связано и чрезмерное подчеркивание «учащения» в семантике русского давнопрошедшего, которое «заключаетъ въ себѣ учащеніе дѣянія въ давномъ времени» (с. 546). В этом определении сознательно упущены тонкие идеи Ломоносова, что, как уже говорилось, вытекает из непонимания или сознательного упрощения идей Ломоносова.

Вместе с «преходящим» шесть времен Барсова (с. 543) напоминают систему Смотрицкого, но, с другой стороны, Барсов пользуется терминами и примерами Ломоносова, включая неизбежный *двигаю*. Латинские параллельные термины Барсов мог просто заимствовать из перевода грамматики Ломоносова (1764).

Сначала Барсов описывает («для краткости») (с. 544) темпоральную систему шести времен и применяет к ней смешанную терминологию с элементами от Смотрицкого и Ломоносова, но постепенно возвращается все больше к ломоносовским терминам, по-видимому по той причине, что его собственная упрощенная терминология оказывается, очевидно, недостаточной для описания данных русского языка. В конце концов, в ходе изложения грамматического материала у Барсова повторяются все три аспектуальных атрибута, введенных еще Ломоносовым: (прошедшее и будущее) «неопредѣленное» (с. 544), «однократное» (с. 588), «совершенное (с. 544, 546).

В частности, адекватному описанию мешает амбивалентность терминов «прошедшее» и «будущее», которые, с одной стороны, обозначают два из трех основных времен, а с другой стороны, противопоставляются по виду «преходящему» и «будущему неопредѣленному» соответственно. Иными словами говоря, его сама по себе логичная система, заключающая рад разумных инноваций, не подходит практическому описанию русских данных.

По всей вероятности, темпорально-аспектуальная система Барсова разработана на основании грамматик Смотрицкого (1648) и Ломоносова (1755). Латинская же терминология во многом восходит к переводу грамматики Ломоносова, но содержит также ряд инноваций[356].

Значительными инновациями Барсова являются «praeteritum indefinitum» и «futurum indefinitum», которые, однако, приводятся не совсем последовательно: «praeteritum indefinitum» отмечается только в «примечаниях» (с. 544). В свете наших данных здесь впервые фиксируются сочетания с весьма существенным атрибутом «indefinitum», которые должны были возникнуть уже в переводе грамматики Ломоносова как эквиваленты русских «прошедшее и будущее неопредѣленное» (см. выше).

Параллель «praeteritum indefinitum» можно сравнить с «indefinitum primum» и «indefinitum secundum» при греческих аористах у Ломоносова (1764:

[356] По мнению Ольховникова (1985: 162), «грамматика Барсова как бы возвращается к идеям «Грамматики словенской» Ф. Максимова (1723).

36). Конечно, Барсов мог и сам просто перевести на латинский язык «прошедшее неопредѣленное» Ломоносова. Слово «несовершенное» у Барсова не встречается в качестве атрибута и не употребляется для описания содержания.

Атрибуты «простое» и «сложное» употребляются Барсовым в новых «структурных» значениях как атрибуты, присоединяемые к стержневому слову «время». Однако в результате инновации Барсова оба атрибута становятся бифункциональными, используются двояким образом: «простой глаголъ», «простое время», «сложный глаголъ», «сложное время». Ср. «сложное», т. е. аналитическое время (с. 544). Хотя «простое время» и «сложное время» изменяют обозначение времен в русской традиции, следует подчеркнуть, что сами атрибуты «простое» и «сложное» у Барсова не имеют такого аспектуального значения, как у Шарпантье (см. выше), а указывают в первую очередь на структуру временны́х форм.

Обратим внимание на «продолженіе» в качестве однозначного аспектуального признака «прошедшего неопредѣленного» у Ломоносова 1755, Курганова 1769 и Барсова 1788. Это касается, конечно, и параллелей «прошедшее не совершенное» у Курганова 1769, и «преходящее» у Барсова 1788. Со значением «продолженіе» интересно сравнить значение «несовершéнно прéшлое» времени «преходя́щего» у Смотрицкого (1619: 239).

У Барсова мы находим прекрасное определение содержания «преходящего» («прошедшего неопредѣленного, praeteritum indefinitum»), в котором сопряжены темпоральный и аспектуальный элементы: «нѣкоторое бытія, дѣянія или страданія продолженіе прошедшее ужѐ тогда, когда о немъ говорится; но еще не окончанное въ то время о которомъ говорится»: *Я тогда̀ учи́лся, когда онъ гуля́лъ*; *онъ тогда̀ писа́лъ, какъ вы къ нему пришли*. На неопределеность указывается отрицанием точного «объявленія объ окончаніи» (с. 544).

В определении «прошедшего совершенного» к признаку «полное совершеніе» Ломоносова (1755: 481) Барсов добавляет вариативное значение «окончаніе дѣянія» (с. 544), т. е. ставит «окончаніе» в один ряд с признаком «совершение». Следовательно, признаки совершения и завершения (конца) действия становятся здесь равноправными. Ср. «окончаніе дѣйствія» Ломоносова, Курганова и др. только в связи с префиксом «отъ». По меткому наблюдению автора, «въ сложныхъ» формах (*подви́нулъ*, *стряхнулъ*, *сбросилъ*, *потрясъ*, *сброса́лъ*) «совершеніе дѣянія» показывается «полнѣе», чем в простых (с. 546).

С помощью наречия «вдругъ» передается признак внезапности как в прошедшем («совершеніе...однократно и вдругъ») (*двинулъ*) (с. 544), так и в будущем («совершеніе...единократно, или вдругъ, или въ скоромъ времени послѣдовать имѣющее») (*дви́ну*) (с. 546). Итак, у Барсова данные значения описаны именно в зависимости от характера глагола, в данном случае от «простого»[357]. (См. ниже «вдругъ» у Соколова и других).

Согласно неудачному способу «заимствования» простой глагол *вяжу* (*вязать*) «заимствует» «прошедшее совершенное» *связалъ* у сложного глагола *связываю* (т. е. *связывать*). Таким же образом простой глагол *пишу* «заимствует» «прошедшее совершенное» *написа́лъ* от неупотребительного сложного *напи́сываю* или от

[357] Ср. иначе у Тоболовой (1968: 286).

«славенскаго», т. е. церковнославянского *написýю*, а также неизбежный *алкáю* «заимствует» *взалкáлъ* от неупотребительного *взалкиваю* (с. 545).

Однако Барсов приводит и более простой способ образования «прошедшего совершенного», а именно префиксацию формы «преходящаго простаго»: *писáлъ* -> *на-писáлъ*, *желалъ* -> *по-желалъ*, *воз-желалъ*, *алкалъ* -> *взалкалъ*» (с. 545). Как видно, и этот способ относится к тем, в которых одна темпоральная форма образуется от другой темпоральной формы, причем в данном случае словообразовательным средством.

Описывая «общефактическое» употребление «преходящего» простого глагола (*писалъ*, *строилъ*), Барсов использует, вместо «прошедшего совершенного», термин «сложное прошедшее» (*написалъ*, *построилъ*). В качестве примеров приводятся: *Гомéръ писáлъ Илiáду, а Виргúлiй Энеиду*. *Я писáлъ о тебѣ къ брáту*. *Царúцынской дворéцъ строúлъ Бажéновъ* (с. 546). Следовательно, у Барсова форма *написалъ* может характеризоваться даже тремя разными названиями: 1. «прошедшее» (с. 543), 2. «прошедшее совершенное» (с. 544) и 3. «сложное прошедшее» (545).

По наблюдению автора, особенно часто в таком «общефактическом» употреблении выступают следующие «преходящие», из которых многие являются формами совр. двувидовых и даже перфективных глаголов: *обѣдалъ*, *ýжиналъ*, *бѣжáлъ*, *казáлъ*, *говорúлъ*, *женúлъ*, *женúлся*, *плѣнúлъ*, *рѣшúлъ*, *смотрѣлъ*, *ходúлъ*, *ѣздилъ*; *вúдѣлъ*, *обѣщалъ*, *велѣлъ*, *вершилъ*, *купúлъ* (с. 546). Помимо «общефактического» значения в прошедшем, Барсов отмечает такое же употребление в будущем. Так, например, «будущее неопредѣленное» *буду писать о тебѣ брату* употребляется иногда вместо «будущего совершенного» *напишýˆ* или *отпишýˆ* («глаголовъ сложныхъ») (там же).

Значение «будущего неопредѣленного» Барсов характеризует как неизвестность о «совершенiи» будущего действия: «о совершенiи котораго точно не извѣстно, послѣдуетъ ли оное» (с. 546).

Инновация «единократное» Барсова (с. 546), которая входит в одну серию с «единственным» и «однократным» Ломоносова, не укоренилась и не отмечается словарями. При этом вариативные «прошедшее единократное» и старое «прошедшее однократное» выступают у Барсова в одном предложении (с. 576).

Инфинитивы имеют три «времени»: «неопредѣленное», «совершенное» и «сомнѣнное». В силу этого неудачного применения аспектуальных атрибутов при инфинитиве появляются странные терминологические комбинации: «время неопредѣленное» (*колóть*, *покáлывать*), «время совершенное» (*кольнýть*, *поколóть*), «время сомнѣнное» (*кáлывать*) (с. 548-549), которые, конечно, непонятны без стержневого категориального названия «наклоненiе неокончательное» («infinitivus»). Любопытно, что в наших источниках инфинитив «наклоненiе неокончательное сомнѣнное» *бы́вывать* и «давнопрошедшее» *я бы́вывалъ* встречаются впервые у Барсова (1788: 553)[358].

[358] Ср. сюда «не бывывалъ» в языке Котошихина (1667) (СРЯ 11-17 вв. 1: 363).

Ущерб, обусловленный непоследовательным отказом от аспектуальных атрибутов, особенно заметен в названиях инфинитивов, в которых необходимы минимум два атрибута, которые должны соответствовать аспектуальной характеристике глагольной системы в целом. При описании инфинитивных форм Барсов вынужден вернуться к ломоносовской аспектуальной номенклатуре. Несмотря на утверждение, что инфинитив «неокончáтельное наклоненіе» («infinitivus») якобы имеет «три времени» (с. 549), Барсов приписывает к нему атрибуты, которые в системе Ломоносова носят аспектуальное содержание.

Своеобразным камнем преткновения в терминологии Барсова становится многозначность неизбежного атрибута «совершенный, совершенное», который в сочетании «глаголъ совершенный» (с. 558) трактуется по традиции Смотрицкого, но в термине «прошедшее совершенное» (с. 544) следует традиции Ломоносова. Здесь Барсову, конечно, следовало бы отказаться от терминологии Смотрицкого или же вложить в новое содержание в «глаголъ совершенный».

Следовательно, упрощая ломоносовскую темпорально-аспектуальную систему, Барсов вместе с тем стремится развить дальше аспектуальные противопоставления, введенные Ломоносовым[359].

Говорить о «глаголах совершенного и несовершенного видов» у Барсова (как и у Ломоносова) нельзя[360]. У Барсова нет глаголов ни того ни другого вида, а аспектуальный (если угодно видовой) показатель все еще присоединяется, хотя и «во вторичном порядке», в примечаниях, и к тому же порой непоследовательно, к темпоральному слову «время», точно так же как и у Ломоносова. При этом, частичное восстановление старой терминологии при ряде остроумных инноваций искажает ломоносовскую систему.

Итак, «ошибкой» Барсова оказывается восстановление и употребление слова «совершенный» в смысле традиции Смотрицкого («глаголъ совершенный или первообразный») (с. 551). Следовательно, у Барсова «совершенный» и «совершенное» выполняют две совершенно разных функции, чего нет у Ломоносова, у которого «совершенный» не примыкает к «глаголу». Строго говоря, «совершенный глаголъ» Барсова не имеет никакого отношения к перфективному виду.

В некотором отношении терминология Барсова означает шаг назад по сравнению с Ломоносовым. Отчасти терминология Барсова консервативна по сравнению с Ломоносовым. С другой стороны, «преходящее» Барсова (вместе с другими его инновациями в номенклатуре времен) отражает стремление создать для русской грамматики однословный термин, который соответствовал бы «imperfectum» латинских и немецких учебников и грамматик времени Барсова.

Вместо ломоносовского «перемѣна», выступающего еще в «Кратких правилах» 1784 г., Барсов первым использует слово «измѣненіе» («измѣненіе окончаній»)

[359] Ср. весьма смелое заявление Нюмана (1975: 296): «Не [Барсов] was...the first Russian grammarian to sense the perfective/imperfective opposition». По мнению же Кузнецова (1958: 71), Барсов еще не дошел «до понимания противопоставления совершенного и несовершенного вида как основного в нашей видовой системе».

[360] Ср. Тоболова (1968: 286-287).

(с. 550).

Кроме того, Барсов выделяет и перечисляет в качестве парных «*совершенных*» и «*учащательных*» восемь пар бесприставочных глаголов однонаправленного и неоднонаправленного движения, из которых «учащательные» характеризуются не формальным признаком *аю* или *яю*, а только своим значением (и тем, что относятся ко второму спряжению). Так, здесь перед нами один из первых случаев, когда русские «учащательные» *глаголы движения* типа *ношу̀* производятся от «совершенных» типа *несу̀*, ср. пары: *бреду̀* - *брожу̀*, *веду̀* - *вожу̀*, *везу̀* - *вожу̀*, *волоку̀* - *волочу̀*, *лѣзу* - *ла́зю* или *ла́жу*, *несу̀* - *ношу̀*, *ѣду* - *ѣжжу*, *иду̀* - *хожу̀* (с. 560). Ср. Греч (1811).

Вообще, без учета традиции Смотрицкого осмысление «совершенного» у Барсова непонятно. Ср. неправильные «совершенные» *вѣмь* и *и́мамь* и их производные «учащательные» *вѣдаю* и *имѣю* (с. 561).

Приставочные имперфективы производятся всегда приставкой как от «совершенных» (*зна́ю* - *признаю̀*, *даю̀* - *выдаю̀*) (с. 562), так и от «учащательных» (*бѣгаю* - *выбѣга́ю*) (с. 561), (*ношу̀* - *выношу̀*) (с. 562), в которых оба производящие являются несовершенными, и производный остается без изменения вида. Суффиксальный способ образования приставочных имперфективов пока неизвестен.

В духе ломоносовской традиции характерная особенность образования темпорально-аспектуальных форм заключается в том, что, кроме настоящего, отдельные времена производятся посредством суффиксальных элементов или префиксацией от других форм времени: «преходящее» от «настоящего», «прошедшее совершенное» от «преходящего» или от другого «прошедшего совершенного», «давно прошедшее» от «преходящего», «будущее совершенное» от «прошедшего совершенного», от «будущего совершенного» или от «настоящего времени простаго глагола» (с. 582). Исключения не составляет даже «будущее неопредѣленное», которое, по словам Барсова, «составляется изъ неопредѣленнаго времени неокончательнаго наклоненія и вспомогательныхъ будущихъ же...бу́ду или ста́ну дви́гать» (с.588).

Для краткости мы отметим схематически образование отдельных форм времени лишь в первом спряжении у Барсова: 1. «настоящее»: а) *дви́га-ю*, б) *подвига́-ю* (с. 543), 2. «преходящее»: а) *зна́-ю* -> *зна-лъ* (с. 566), *дви́га-ю* -> *дви́га-лъ*[361], б) *подвига́-ю* -> *подвига́-лъ* (с. 571), 3. «прошедшее совершенное»: а) *дви́г-алъ* -> *дви́г-нулъ* и *дви́-нулъ* (с. 573), *броса́лъ* -> *бро́силъ* (с. 575), б) *дви́нулъ* -> *по-дви́нулъ* (с. 581), в) *трясъ* -> *по-тря́съ* (с. 582), 4. «давно прошедшее»: а) *дав-а́лъ* -> *да́в-ывалъ* (с. 576), *зналъ* -> *знава́лъ* (с. 577), *дви́г-алъ* -> *дви́г-ивалъ* (с. 578), *люблю̀* -> *лю́бливалъ* (с. 617), б) *присыл-а́лъ* -> *присы́л-ывалъ* (с. 580), 5. «будущее совершенное»: а) *дви́ну-лъ* -> *дви́н-у* (с. 580), б) *дви́ну* -> *по-дви́ну*[362], в) *трясу̀* -> *по-трясу̀* (с. 546), *чита́ю* -> *прочита́ю* (с. 582), 6. «будущее неопредѣленное»: а) *бу́ду* или *ста́ну дви́гать*, б) *бу́ду* или *ста́ну подвига́ть*, *потряса́ть*, *потря́хивать*, *сбра́сывать* (с. 588).

[361] Данный процесс не представлен среди примеров Барсова, но может быть реконструирован на основании, например, «преходящего» - *двигалъ* (с. 543, 604).

[362] Ср. варианты: *дви́гну-лъ* → *дви́гн-у* (с. 580), *дви́гну* → *по-дви́гну* (с. 582).

В отличие от Ломоносова, даже некоторые «сложные глаголы» имеют синтетическое «давнопрошедшее». Так, например, от «преходящего» *присыла́лъ* образуется «давнопрошедшее» *присы́лывалъ* (с. 580).

Вслед за Ломоносовым у Барсова, в особенности в его тщательных списках (с. 576-579), элемент *ывалъ* (*ивалъ*) приобретает специфическую роль в образовании русского синтетического и бесприставочного «давнопрошедшего». Примечательно, что и данная форма образуется от другой формы прошедшего, у Ломоносова от «прошедшего неопредѣленного», у Барсова от «преходящего».

Барсов не совсем последователен в применении тех правил, которые он создал в начальной части раздела «Глаголъ». С современной точки зрения и у Барсова в спряжение одного глагола входят три разных глагола: *двигать*, *двинуть* и *двигивать* (с. 604-608), ср. пример первого спряжения простого глагола: 1) «Время настоящее» (*дви́гаю*), 2) «преходящее» (*двигалъ*), 3) «прошедшее совершенное» (*дви́гнулъ* и *дви́нулъ*), 4) «давно прошедшее» (*дви́гивалъ*), 5) «будущее совершенное» (*дви́гну* и *дви́ну*), 6) «будущее неопредѣленное» (*бу́ду дви́гать*) (с. 604).

В этой «вторичной» системе названий Барсова, которая стоит ближе к системе Ломоносова, чем его «первичная», отсутствуют все-таки ломоносовские термины: «прошедшее неопредѣленное», «прошедшее однократное», «первое», «второе» и «третие» «давнопрошедшее» и «будущее однократное». Говоря точнее, «прошедшее неопредѣленное» заменено «преходящим», «прошедшее однократное» и «прошедшее совершенное» - одним перфективным «прошедшее совершенное», три «давнопрошедших» - одним синтетическим «давно прошедшим» типа *двигивалъ*, *знавалъ*, и наконец «будущее однократное» и «будущее совершенное» объединены в одно перфективное «будущее совершенное» (ср. схему Ломоносова).

Смешанный терминологический характер сказывается и в примерах второго спряжения, где «прошедшее» используется вместо ломоносовского «прошедшее совершенное», но зато ломоносовское «будущее совершенное» употребляется вместо «будущего» первичной номенклатуры Барсова (с. 628-629).

5.4.5. Смешанная парадигматика П. И. Соколова (1792)

1. Солидный учебник «Начальныя основанїя россїйскїя грамматики» преподавателя русского языка, будущего академика Петра Ивановича Соколова был предназначен для учащихся Академической гимназии при Императорской Академии Наук в Петербурге[363].

[363] См. титульный лист книги. Первое издание вышло в 1788 г. Анализируемое нами второе издание имеет 254 страниц. См. Станкевич (1984: 117). Ср. Кульман (1917: 47, 51), который пишет: «Начальныя основанія россійской грамматики» П. Соколова являются наиболее объемистым учебником Екатерининской эпохи. Содержание учебника Соколова было настолько сложно, что начиная с третьего издания он ввел в него «Сокращение российской грамматики для детей» (с. 56-57). По мнению Греча (1827: 48), в книге «заключаются многие хорошие наблюдения и правила». В свете данных грамматики Соколова мы не исключаем возможности, что ее автор использовал в качестве источника рукопись Барсова. Ср., в частности, «измѣненїе окончанїя» (с. 105), которое Соколов вводит в обиход как бы по Барсову (1788: 550).

В соответствии с традицией Ломоносова залоговые различия описываются как свойства глаголов. Однако, в отличие от Ломоносова (1755: 415-416, 481), Соколов устанавливает ясную дихотомию между «дѣйствительными» и страдательными» глаголами (с. 97), причем «действительные» разделяются далее на собственно «дѣйствительные» и на «возвратные, среднїе, общїе и взаимные» (с. 98). Ср. ниже РГ (1802: 148).

Вслед за Ломоносовым глагол в грамматике Соколова является «полнымъ» или «неполнымъ». При этом все «Россїйскїе глаголы неполны», так как им недостает «или прошедшаго однократнаго, или совершеннаго, либо давнопрошедшаго, и отъ нихъ произходящихъ» (с. 100, примечание).

«Учащательными глаголами» являются *бѣгаю*, *летаю*, *таскаю*, *постукиваю*, *побѣгиваю*, которым Соколов первым приписал значение «нѣкоторое дѣянїя продолженіе и учащеніе» (с. 100). Ср. выше «учащеніе состоянія» Барсова (1788: 539). Сознательно или неосознанно, но, по-видимому, под влиянием грамматики Ломоносова (1755: 530) Соколов создает понятия «увеличительный» и «уменшительный», под которыми понимаются близкие к современным «аугментативному» и «делимитативному» способам действия, ср.:

> «Учащательные глаголы, сложенные съ предлогомъ *по* въ прошедшемъ и будущемъ совершенномъ времени могутъ быть и *увеличительными* и *уменшительными*, на пр. *Походилъ*, *побѣгалъ*, *пописалъ*, *поиграл*ъ; *побѣгаю*, *попишу*, *поиграю*, т. е. много, довольно, или нѣсколько, немного *ходилъ*, *бѣгалъ*, *писалъ*, *игралъ* и проч.» (с. 100).

Правда, согласно автору, эти значения выступают в формах «прошедшего и будущего совершенного», а не как характеристики самостоятельных глаголов. Между тем и наречия «много», «довольно», «нѣсколько», «немного» (с. 101) с акционсартным, в том числе с делимитативным значением, свидетельствуют о том, что раздел глагола в Академической грамматике (1802: 151) написан Петром Соколовым. См. также Соколов (1806: 106).

2. Помимо деления на три основных времени «настоящее», «прошедшее» и «будущее» (с. 101), приводится ломоносовский состав десяти времен, который состоит из настоящего, шести прошедших и трех времен будущего (см. схему, вариант А). Ср. сокращенное число прошедших времен в РГ (1802: 154) и у Соколова (1806: 108).

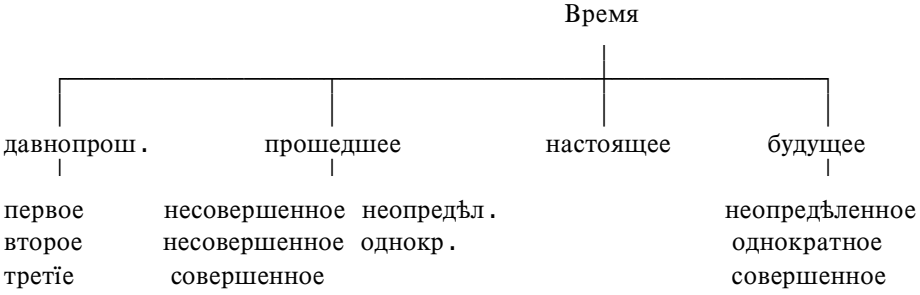
Любопытное новаторство заключается в двойных аспектуальных атрибутах-терминах, при помощи которых Соколов стремится различить отдельные семантические характеристики темпорально-аспектуальной формы. Так, своим нововведением «прошедшее *несовершенное неопредѣленное*» Соколов, по-видимому, стремится отграничить бесприставочную форму *двигалъ* (с. 102) от приставочного «*прошедшего несовершенного*» *выдвигивалъ* (с. 157). Непоследовательность термина «прошедшее несовершенное однократное» (*двинулъ*) (с. 102) свидетельствуют о непонимании идей Ломоносова или о неудачной попытке развить их дальше. Примечательно, однако, что атрибут «несовершенное» выступает здесь как главный аспектуальный компонент сложного термина.

Вызывает удивление также содержание «прошедшего несовершенного однократного», которое якобы, помимо единичности («единожды»), выражает «дѣянїе неокончанное» (с. 103). Ср. также пример *Молнїя блеснула и громъ тотчасъ грянулъ* (с. 197). Без примера термин «прошедшее однократное» встречается один раз (с. 100). «Будущему однократному» придается значение единичности действия («дѣянїе единожды совершиться имѣющее») (*двину*) (с. 104).

Несмотря на атрибуты «несовершенное неопредѣленное» (*двигалъ*) (с. 109) и «несовершенное» (*выдвигивалъ*) (с. 159), при названии соответствующего инфинитива используется одно лишь «неопредѣленное»: «наклоненїе неокончательное неопредѣленное» (*двигать*) (с. 97), (*быть двигану*) (с. 135), (*вертѣть*) (с. 143), (*выдвигивать*, *вывертывать*) (с. 164) и т. д.

Борьба «неопредѣленного» и «несовершенного» сказывается в том, что Соколов заменил «прошедшее неопредѣленное» у простых глаголов как бы компромиссным термином «прошедшее несовершенное неопредѣленное» (с. 102) и термином «прошедшее несовершенное» у сложных (с. 157). Эта инновация значит усиление позиции атрибута «несовершенное», приобретение им «полуофициального» статуса. Несмотря на это, в «Сокращенїи Россїйской грамматики» Соколова (1806: 274) опять фигурируют «прошедшее неопредѣленное» (*писалъ*) и «будущее неопредѣленное» (*буду писать*).

Схема № 21. Темпорально-аспектуальная система Соколова (1792)
Первичный вариант А.[364]



Время:
Настоящее - *я пишу*; *Я двигаю*
Прошедшее:
несовершенное неопредѣленное - *двигалъ*, *плескалъ*, *стучалъ*
несовершенное однократное - *двинулъ*, *плеснулъ*, *стукнулъ*
совершенное - *простилъ*, *даровалъ*, *содвигалъ*, *содвинулъ*, *написалъ*; *Я одичалъ*
Давнопрошедшее:
первое - *Я двигивалъ*
второе - *Я бывало двигалъ*
третїе - *Я бывало двигивалъ*
Будущее:
неопредѣленное - *буду писать*, *читать*; *Я буду двигать*
однократное - *двину*, *тряхну*, *стукну*
совершенное - *прочту*, *напишу*; *Я одичаю*

[364] См. Соколов (1792: 101-104, 108-116).

Вторичный вариант Б.[365]

Время:
Настоящее - *Я выдвигиваю*, *Я вывертываю*
Прошедшее:
несовершенное - *Я выдвигивалъ*, *Я вывертывалъ*
совершенное неопредѣленное - *Я вы́двигалъ*, *Я вы́вертѣлъ*
совершенное однократное - *Я выдвинулъ*, *Я вывернулъ*
Давнопрошедшее - *Я бывало выдвигивалъ*, *вывертывалъ*
Будущее:
неопредѣленное - *Я буду выдвигивать*, *вывертывать*
совершенное - *Я вы́двигаю*, *Я вы́верчу*
совершенное однократное - *Я выдвину*, *Я выверну*

Поскольку некоторые «простые» глаголы имеют «свои» «совершенные» времена и вместе с тем не имеют времен «однократных», то в пределах таких глаголов, как *бросаю - брошу*, *рѣшаю - рѣшу* и т. п. возникает поневоле «чистое» противопоставление «несовершенных (неопредѣленных)» и «совершенных» форм, ср.: «свое прошедшее совершенное» *бросилъ*, *лишилъ*, *кончилъ*, *родилъ*, *простилъ* (с. 111), *рѣшилъ* (с. 140) и «свое будущее совершенное» *брошу*, *кончу*, *лишу*, *рожу*, *ступлю*, *пущу*, *лягу*, *дамъ* и т. п. (с. 115-116). Однако эти случаи считаются еще скорее исключениями, отмечаемыми лишь в замечаниях, чем регулярными языковыми фактами.

С другой стороны, «всѣ прочїе» простые глаголы, в том числе *двигать*, не имеют «своего прошедшего совершенного». Этот «недостатокъ» они компенсируют («дополняют») двумя способами: 1) «заимствованием» отсутствующей формы у «своего» сложного глагола (с учетом его значения), т. е. недостающая форма субституируется заимствованием, или 2) образованием отсутствующей формы приставкой от «прошедшего несовершенного времени» («приложенїемъ къ прошедшему несовершенному времени какаго либо предлога») (с. 112). Так, глагол *двигать* «заимствует» форму *выдвинулъ* у глагола *выдвигиваю*, форму *сдвинулъ* у глагола *сдвигаю* и т. д. Глаголы же *мужать*, *петь*, *старѣть* и др. образуют «прошедшее совершенное» приставкой: *мужалъ* -> *возмужалъ*, *пѣлъ* -> *спѣлъ*, *смѣлъ* -> *посмѣлъ*, *старѣлъ* -> *устарѣлъ* (там же).

Таким образом, *выдвинулъ*, *сдвинулъ* и *придвинулъ* в специфическом значении, обозначенном префиксом, могут фигурировать как «заимствованные» формы «прошедшего совершенного» в парадигме «простого» глагола *двигаю*. Согласно автору, для приема «заимствования» «от своих сложных» нет надежных правил (с. 112).

[365] Времена «сложных глаголов» (Соколов 1792: 157-163).

Аналогичным образом эти *простые* глаголы образуют и «будущее совершенное время» приставкой от настоящего времени. Такие глаголы первого спряжения *алкалъ - взалкалъ, взалкаю...яснѣлъ - пояснѣлъ, поясню* перечислены в «Росписи» (с. 122-126) и соответствующие глаголы второго спряжения *блудилъ - наблудилъ, наблужу, варилъ - сварилъ, сварю, сварить...ѣздилъ - съѣздилъ, съѣзжу* (с. 146-148).

Для практических целей эти ряды форм весьма целесообразны, но обусловливаются на деле тем фактом, что в них входят глаголы (или ряды форм), которые не образуют т. н. вторичного имперфектива в современном понимании, но все же осознаются грамматистом более или менее лексически сходными и вместе с тем так или иначе аспектуально соотносительными. Так, форма *сварилъ* осознается и действительно соотносится автором с формами *варилъ, сварю, сварить*, а также с подразумеваемым первоисточником всего ряда - *варю*.

Так же обстоит дело при простых глаголах второго спряжения. Например, глагол *строю* может заимствовать «прошедшее совершенное» *построилъ* у приставочного глагола *построиваю* для выражения в данном времени значения сооружения (с. 139). Если же используется второй способ субституции, недостающее время образуется так: *божился -> побожился, злился -> озлился* (там же). Иногда приставочный способ компенсации «недостатка» оказывается даже обязательным, так как большинство из отмеченных глаголов просто не имеет такого «сложного» родственника, у которого заимствование было бы возможно.

Эти два способа показывают, каким образом взаимодействуют словообразовательная деривация и образование грамматических аспектуально-темпоральных форм. При этом в особенности прием «заимствования» отражает стремление восполнить пробелы в аспектуально-темпоральной системе спряжения глагола, стремление сконструировать полные глагольные парадигмы. В последующей традиции эти приемы - «заимствование» и образование якобы отсутствующих «совершенных форм» для простого глагола - оказываются факторами, обусловившими возникновение смешанной парадигмы глагола. Кроме того, Соколов повторяет ломоносовское правило о том, что если у глагола нет «прошедшего совершенного ни простаго, ни сложеннаго, и отъ сложныхъ занять не могутъ», то вместо них может служить «прошедшее несовершенное Неопредѣленное или Однократное» (с. 112). Здесь, однако, новый термин и добавление «или однократное» нарушает первоначальную идею Ломоносова (1755: 490) об «общефактической» функции «прошедшего неопредѣленного» (см. выше).

Что же касается словообразования, то исходные *простые* глаголы типа *двигать* имеют «свои» глаголы сложные, которые образуются посредством префиксации по словообразовательной модели нсв -> нсв. Процессы типа *двигаю -> вы-двига́ю, с-двига́ю, при-двига́ю* и т. д. имплицируются текстом Соколова (с. 112) и обусловливаются его собственными правилами: *даю -> придаю* (с. 37), *теку -> вытекаю, протекаю* (с. 154). В этом процессе образования приставочного глагола не происходит перфективации.

Отметим также названия инфинитива («наклоненїе неокончательное»), в которых все еще фигурирует ломоносовский атрибут «сомнѣнное», и «совершенное» снабжено примерами *одичать* и *завладѣть*: «неопредѣленное» (*двигать, колоть*),

«однократное» (*двинуть*, *кольнуть*, *ахнуть*, *дернуть*), «совершенное» (*одичать*, *завладѣть*), «сомнѣнное» (*двигивать*, *калывать*, *писывать*) (с. 117-119).

В типовых спряжениях «совершенные» формы первого спряжения *одичалъ* (с. 111), *одичаю* (с. 115), *одичай* (с. 117), *одичавши*, *одичавъ* (с. 121) и *одичать* (с. 118) четко отличаются от форм глагола *двигать*, *двинуть*, *двигивать*. Естественно, они не могут описываться как формы одного простого глагола *двигать*. Этот прием предваряет вторжение приставочных «совершенных» форм в парадигму простого глагола в Академической грамматике (см. ниже).

«Глаголы сложные», образованные путем префиксации, или совсем не образуют настоящего времени (*поалѣть*, *вспотѣть*), или изменяют для его образования «конечныя свои буквы» (*прописываю*, *списываю*) (с. 154). Некоторые глаголы применяют к образованию «настоящего сложного» (*выдвигиваю*) элемент «давнопрошедшего первого» (*двигивалъ*) (с. 155). Необходимость в настоящем времени нового «сложного глагола» как бы принуждает к суффиксальному способу «перемѣнять конечныя буквы» или использовать элемент *ыва* «давнопрошедшего». В этих приемах можно видеть симптомы предварительной модели имперфективации.

Состав времен «сложныхъ глаголовъ» схематизирован нами в варианте Б нашей схемы. В связи с этим мы отметим особо комбинированные термины «прошедшее совершенное неопредѣленное» (*я вы́двигалъ*, *вы́вертѣлъ*) (с. 157, 159) и «прошедшее совершенное однократное» (*я выдвинулъ*, *вывернулъ*) (с. 157, 160), в которых атрибуты «неопредѣленное» и «однократное» функционирует как добавочные акционсартные определения главного элемента «совершенное». Так, и здесь совмещение двух аспектуальных элементов затуманивает ломоносовскую систему, в которой «совершенное» всегда употребляется без дополнительных определений.

При обозначении формы *я выдвигивалъ* термин «прошедшее *несовершенное*» Соколова (с. 159) будет позже заменен термином «прошедшее *неопредѣленное*» в Академической грамматике (1802: 216, 218). Поскольку в будущем в аналогической позиции все же сохраняется «неопредѣленное», возникают нелогичные терминологические соответствия «прошедшее несовершенное» (*я выдвигивалъ*) (1792: 159) и «будущее неопредѣленное» (*я буду выдвигивать*) (с. 161). Кроме того, Соколов обозначает форму *я вы́двигаю* просто «будущее совершенное» (с. 162). В примерах времен глаголов сложных встречается только «прошедшее совершенное» (*я вы́двигалъ*) (с. 159) вместо полного термина «прошедшее совершенное неопредѣленное» «официального» списка (с. 157).

Некоторые «сложные глаголы», которые, согласно автору, не имеют настоящего времени, оказываются действительно одновидовыми perfectiva tantum. Таковы, в частности, «начинательные» *затрещать*, *захрапѣть*, *возгремѣть*, а также глаголы, означающие «изобиліе» (*навидался*, *написался*, *набѣгался*) (совр. сативный способ действия) или «увеличеніе охоты къ чему» (*разписался*, *разходился* (совр. интенсивный сд.) (с. 158). Ср. РГ (1802: 216).

Среди содержательных экспликаций времен выделяются «некоторое продолженїе или учащенїе» и «несовершенно еще кончено» - «прошедшего несовершенного неопредѣленного» (*двигалъ*) (с. 102) и «продолженїе или учащенїе» «будущего

неопредѣленного» (*буду писать*) (с. 104). В примерах «продолжение» толкуется далее количественно «нѣкоторое время», а «учащение» - «нѣсколько разъ» (с. 103). От Ломоносова (1755: 480) эти содержательные экспликации отличаются новым дополнительным признаком отрицаемого завершения (конца) («дѣянїе вещи не совсемъ еще кончено») (с. 196). При этом Соколов не применяет содержательного элемента неопределенности. Эти времена иллюстрируются примерами: *Я вамъ подавалъ добрые совѣты; но вы ихъ пренебрегали* (с. 196). *Отнынѣ всегда совѣтамъ вашимъ послѣдовать буду* (с. 198).

Характерный для Соколова признак полноты действия («совершенно исполнившееся дѣянїе», «полное совершенїе дѣянїя») (с. 103), («дѣянїе...совершенно исполнилось») (с. 197) приписывается только «совершенным» временам: «прошедшему совершенному» (*простилъ*) (с. 103) и «будущему совершенному» (*напишу*) (с. 104). Эти времена иллюстрируются также примерами: *Христосъ воскресилъ Лазаря изъ мертвыхъ, изцѣлилъ...очистилъ. Я вамъ открылъ мои нужды, прибѣгнулъ къ вашему покровительству* (с. 197). Перфективное содержание «будущего совершенного или однократнаго» определяется при помощи отрицания: «без продолженїя времени или без учащения» (Ср. нем. «ohne Dauer»), ср. пример *Удовлетворимъ всѣмъ твоимъ требованїямъ, естьли только онѣ окажутся справедливыми* (с. 198).

В этой связи Соколов приводит случаи двух «прошедших совершенных» (*сдви́галъ*, *сдвинулъ*) и аналогичных двух «будущих совершенных» (*раздви́гаю*, *раздвину* или *сдви́гаю*, *сдвину*) у тех «сложенных глаголов», которые имеют «однократные времена» (с. 103-104, 112). Здесь «совершенные» формы *сдви́галъ* и *сдвинулъ* различаются терминами «неопредѣленное» и «однократное» (с. 103), причем *сдви́галъ* означает «совершившееся дѣйствїе надъ многими и съ нѣкоторымъ продолженїемъ времени, а не вдругъ», а *сдвинулъ* - «дѣянїе совершившееся вдругъ, за одинъ прїемъ и надъ одною токмо вещїю» (там же). Примечательно, что Соколов здесь канонизирует наречие «вдругъ» для обозначения единичного внезапного действия. Ср. «вдругъ» у Барсова (1788).

«Давнопрошедшим временам» приписывается только темпоральный признак отдаленности («давно» и «знаменованїе одно старѣе другаго») (с. 103) без (вторичных) признаков «учащения или продолжения» Ломоносова (1755: 481). Так, в этом издании у «давнопрошедшего» Соколова нет еще ни атрибута «многократное», ни содержательных показателей итерации. Однако итеративность и хабитуальность отражают примеры «употребления»: *Онъ мнѣ часто говаривалъ, но я его не слушалъ. Ты бывало хаживалъ, къ намъ, а нынѣ совсѣмъ пересталъ* (с. 197). В издании после Академической грамматики (1802) атрибут «иногократное» и «многократно» приобретают сильно акцентированное выражение также у Соколова (1806: 206).

Весьма удачным является определение актуального настоящего в момент речи говорящего: «въ то самое время, когда объ ней [вещи] говоримъ» (*Я говорю дѣло, а ты не слушаешь*) (с. 195). Ср. «въ то самое время, какъ оное происходитъ» в РГ (1802: 278).

В последующей традиции русской грамматики многие из указанных выше примеров, введенных автором в разделе «О употреблении времен» (с. 195) и выступающих, вероятно, уже в первом издании грамматики Соколова (1788),

стали ходячими. См. Хайм (1789: 167 и сл.), Хайм (1804: 164 и сл.).

Специфическими чертами метаязыка Соколова являются атрибут «минувшее» (с. 196, 197), предикат «миновалось» (с. 197), экспликация «единожды» (с. 103, 104, 197) и глагол «исполниться» при передаче содержания «совершенных» времен (с. 103, 197) (см. приложение). Во избежание тавтологии Соколов выражает словом «минувшее» дейктическое содержание самого действия. Следовательно, здесь произошел значительный переход от «минувшего времени» Толмача к сочетанию «минувшее дѣяніе» (с. 196, 197), в котором время действия осмысляется абстрагированным и самостоятельным.

Итак, пытаясь развить дальше ломоносовскую систему, Соколов стремится согласовать элементы бесприставочных и приставочных глаголов и элементы аспектуальности. При этом он пользуется «заимствованием», а вместе с тем *насильственным внесением приставочных «совершенных» времен в парадигмы бесприставочных глаголов*. Наиболее наглядно это видно из форм инфинитивов, в число которых у простых глаголов включено (в качестве четвертого) «наклоненїе неокончательное совершенное» (*одичать*, *завладѣть* и т. п.) (с. 118). Кроме того, создавая парадигмы приставочных глаголов с элементом однократности (*выдвигивать*, *вы́двигать*, *выдвинуть*), Соколов нарушает ясную ломоносовскую систему сложных глаголов типа *показывать* - *показать* и предваряет неудачный путь развития, приведший к противоречиям в Академической грамматике 1802 г. (см. ниже).

5.5. Четыре аспектуальных признака в первой академической грамматике (1802)

1. Знаменательное звено в ломоносовской традиции представляет собой «Россійская грамматика, сочиненная Императорскою Россійскою Академіею» (Академическая грамматика 1802)[366]. В основных чертах в ней соблюдаются основы ломоносовской грамматики в переработке П.И. Соколова. С точки зрения нашей тематики в грамматике отмечаются явления, дополняющие общую картину эволюции. Развивая дальше ломоносовскую темпорально-аспектуальную систему, Академическая грамматика одновременно содействует ее распаду. С другой стороны, она предвещает новую эпоху и новый подход к некоторым явлениям языка. В частности, мы увидим ниже, что она оказала значительное воздействие на формирование аспектуального комплекса в грамматике Таппе.

[366] Первая академическая грамматика (РГ 1802) отражает проблему общей и частной грамматики, потребность в академической нормативной грамматике в России, возникшую еще в XVIII веке. Об аналогичном положении во Франции см. Бокадорова в Арно и Лансло (1990: 249). Главными составителями грамматики были протоиерей И.И. Красовский и академики П.И. и Д.М. Соколовы. См. Булич (1904: 690), Грунский (1910: 47), Нюман (1980: 380), Ольховников (1985: 156, 270). Во многих науковедческих работах Академическая грамматика напрасно обходится молчанием. Не совсем справедлива оценка, по которой она «представляет собой обычное школьное руководство, довольно обширных размеров, но вполне лишенное научного характера» (Булич 1904: 689). Рецензия Николая Греча (1819) на третье издание Академической грамматики освещает вопросы, связанные с поздней ломоносовской традицией, и предвещает мысли, которые находят отражение в грамматике Греча 1827 г.

Помимо традиционных систем классификации, в «словопроизведеніи» сжато, в одном предложении, излагаются правила словообразования и словоизменения. «Слова бываютъ: *первообразныя* или *производныя*, *простыя* или *сложныя*, *измѣняемыя* или *неизмѣняемыя*» (РГ 1802: 38)[367]. Из старой терминологии «начертаніе» совсем не используется, а у «вида» наблюдается общая классифицирующая функция: «восемь видовъ слов» как частей речи (с. 39), «три вида имени: существительное, прилагательное и числительное» (с. 43), «причастіе есть видъ имени прилагательнаго» (с. 237). По той или иной причине при описании глагола слово «видъ» совсем не встречается. Так, Академическая грамматика, как и вся ломоносовская традиция, не содействует прямо аспектуализации термина «видъ», хотя и способствует переносу обозначения аспектуального признака от темпоральной формы к глаголу как части речи. Особенно это наблюдается в трактовке инфинитивных форм. Можно утверждать, что ломоносовская традиция, в особенности ее последняя фаза, когда весьма ощутима потребность в специфическом термине, выступает как скрытый период в терминологизации аспектуального «вида».

Это обстоятельство позволяет нам сделать следуюший вывод: с упущением стержневого слова «видъ» как нейтрального классификационного термина атрибуты «первообразный» и «производный» занимают позицию непосредственно перед знаменательным словом составного термина: «*первообразный видъ* глагола» -> «*первообразный* глаголъ», «*производный видъ* глагола» -> «*производный* глаголъ». В связи с этим функция атрибута меняется: он приспосабливается к свойствам стержневого слова. Например, при глаголе атрибут может приобретать только такие квалитеты, которые находятся в согласии с глаголом как части речи. Особенно ярко это видно в деривационных процессах, в которых возникают новые классы слов, в том числе глаголов.

Опредение залога как лексического глагольного свойства допускает фактически беспредельное деление глаголов подобно тому, как позже глаголы классифицируются по разным акционсартным признакам. Так и в Академической грамматике ряд глаголов (*ходить*, *сидѣть*, *краснѣть*) рассматривается в пределах залоговой глагольной группы и определяется по их значению «положеніе или состояніе лица или вещи» (с. 148, 149). Далее глаголы подразделяются «на изобилующіе и учащательные», из которых для нас интерес представляют глаголы «учащательные» (*бѣгать*, *летать*, *похаживать*, *посматривать*) (с. 151).

Равно как у Ломоносова «учащательный» обозначает здесь чисто лексикосемантическое свойство глагола и одну глагольную группировку. Однако от «учащательныхъ» Ломоносова их отличает содержательная экспликация «нѣкоторое въ дѣяніи продолженіе или учащеніе» (с. 151), приписанное им Соколовым (1792: 100). Примечательно, что в наших источниках «учащательное», как правило, не выступает атрибутом формы времени. Примеры *похаживать*, *посматривать* перекликаются с приставочными глаголами *пописывать*, *похаживать*, *попѣвать* Ломоносова (1755: 530), у которого они, в связи с описанием «предлога» *по*, а не глаголов «учащательныхъ», означают «умалительное учащение». Ср.

[367] «Измѣненіе» наряду с ломоносовским «перемѣна» как термин именного и глагольного словоизменения встречается впервые у Барсова (1788: 407 и сл.). В грамматике упущен словообразовательный термин «сложеніе» Ломоносова и «произвожденіе» заменено на «произведеніе». Ср., однако, «произвожденіе временъ» (РГ 1802: 170).

«учащательные» *постукиваю*, *побѣгиваю* у Соколова (1792: 100). Вслед за Соколовым (1792: 101) глаголы «учащательные сложные съ предлогомъ *по* въ прошедшемъ и будущемъ совершенныхъ временахъ» *походилъ*, *пописалъ*, *попишу*, *побѣгаю* имеют «увеличительное и уменшительное знаменованіе» (с. 151)[368].

Нелегкой задачей для авторов Академической грамматики было согласование четырех аспектуальных элементов, четырех спряжений, трех наклонений и трех временных планов. Из трех наклонений особое значение имеет занимающее первую позицию «неокончательное» с его аспектуальными атрибутами:

> «Наклоненіе неокончательное показываетъ существованіе дѣйствія или страданія вещи, не опредѣляя ни времени, ни лицà, числà. Въ Россійскомъ языкѣ бываетъ оно четверояkое: 1 е неопредѣленное: *писать*, *ходить*, *двигать*, *колебаться*, *быть движиму*. 2 е Однократное: *двинуть*, *кольнуть*, *быть двинуту*. 3 е Совершенное *написать*, *уколоть*, *сдвинуть*. 4 е Многократное: *писывать*, *хаживать*, *быть двигивану*» (с. 152).

Здесь «наклоненіе» инфинитива разбивается на четыре разряда исключительно по четырем аспектуальным признакам[369]. Примечательно, что здесь только «наклоненіе неокончательное совершенное» освещено приставочными формами.

Четвертая группа инфинитивов «наклоненіе неокончательное многократное» представляет собой значительную инновацию. В ней впервые зафиксирован и канонизирован в русской грамматической традиции аспектуальный атрибут «*многократное*». Тут небезразлично, что он выступает впервые при названии инфинитива (с. 152).

Помимо инфинитива, «многократное» стало атрибутом «давнопрошедшего времени» и вместе с тем одной из ее содержательных характеристик («многократное или учащательное дѣйстіе») (*писывалъ* и т. п.) (с. 155). Термином «давнопрошедшее многократное» обозначаются также такие аналитические формы, как *бывало посѣщалъ*, *бывало сказывалъ* (там же), *Я бывало выдвигивалъ* (с. 218). «Многократными» являются также причастия *двúгивавший* (с. 196), *двигиванный* (с. 212) и деепричастия *двигивавши* (с. 196), *бывъ двигиванъ* (с. 213).

---

[368] В своей рецензии на третье издание Академической грамматики Николай Греч (1819: 308) заметил, что наряду с собственно «учащательными» (*ходить* и т. п.) надо было бы привлечь и *итти* и т. п., которые имеют одинаковое дексическое значение, «но не суть учащательные». По его мнению, не «учащательными», а «сложными» являются глаголы *похаживать* и *пописывать* с приставкой *по* (с. 309). В связи с глаголами «учащательными сложными» (*походилъ*, *пописалъ*, *попишу*, *побѣгаю*), Греч спрашивает: «Какимъ образомъ глаголъ *писать* попалъ въ списокъ учащательныхъ?» (там же). Так, не принимая мысли Академической грамматики (Соколова) сочетать аспектуальные и лексические значения, рецензент показывает, что такие формы, как *пописалъ* не являются «учащательными» ни в старом смысле данного термина, ни в том значении, которое Греч ввел в своем «Опыте» 1811 г. Вообще рассуждение Греча (с. 308-309) приводит к мысли, что он сам уже отказался от «учащательного».

[369] На четыре «видовых» термина при обозначении инфинитивов обратил внимание уже Булич (1904: 690): «О видах глагола в разбираемой грамматике еще не говорится, хотя некоторое предчувствие их можно видеть в обозначении четырех видов неокончательного наклонения терминами: *неопредѣленное*, *однократное*, *совершенное*, *многократное* (с. 152). Обозначение это не представляется, однако, новостью и встречается уже в грамматиках XVIII века». К заявлению Булича можно добавить, что указанные обозначения, как было указано еще при рассмотрении грамматики Ломоносова, выступают систематически и вне описания инфинитивов.

Ниже мы увидим, что атрибут «многократное», присоединенный к «давнопрошедшему», вызывает существенное изменение в содержании данного времени. Сочетания «прошедшее многократное», ожидаемого по модели названий других форм претерита, в Академической грамматике нет. Атрибутом слова «глаголъ» «многократный» становится позже (см. ниже).

В инфинитивных названиях «многократное» заменяет не прививщийся ломоносовский атрибут «сомнѣнное», внутренняя форма которого не содержит коннотации итеративности. Ср. «сомнѣнное» еще у Соколова (1792: 119, 133, 144). На основании рассмотренных фактов очевидно, что «многократное» является инновацией академика П.И. Соколова. По всей вероятности при помощи нового термина можно было отталкиваться от укоренившегося «глагола учащательного», имеющего свою сферу употребления. Некоторое воздействие на возникновение «многократного» мог оказать существовавший уже и в русской традиции «frequentativus», но вряд ли «вножекра́тна» Крижанича.

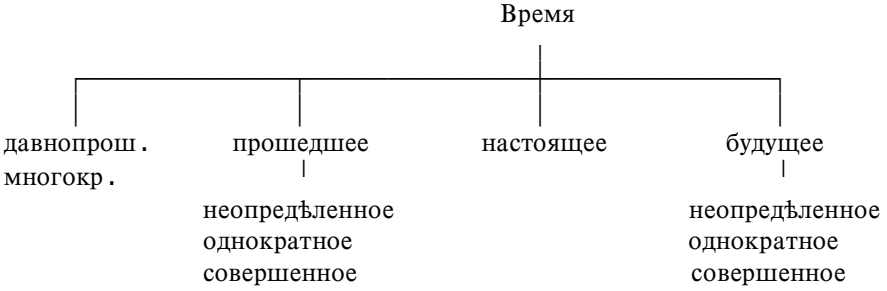
Таким образом, аспектуальные признаки обозначались атрибутами как спрягаемых, так и неспрягаемых форм. Обозначение аспектуальной характеристики также при неспрягаемых и неиндикативных категориях свидетельствует о сознательном размежевании аспектуальности и темпоральности. Особая значимость заключается в инфинитивных формах, при которых аспектуальные элементы обособляются от темпоральных форм и постепенно приобретают все большую самостоятельность.

2. В определении «времени» дейктическое «когда» противопоставляется внутреннему времени самого действия («какое»): «Глаголы сверхъ главнаго понятія о дѣйствіи, страданіи или состояніи вещи представляютъ еще другое о времени, т. е. когда какое дѣйствіе совершается». Отсюда вытекает «понятіе о времени *настоящемъ*, *прошедшемъ* и *будущемъ*» (с. 153).

Основная система Академической грамматики состоит из одного настоящего, четырех прошедших и трех будущих (с. 153-156). В силу отказа от разных давнопрошедших максимальное количество времен («полного глагола») сузилось от десяти до восьми. У отдельных «недостаточных» глаголов количество времен может быть и меньше. Кроме «четырех прошедших времен» (с. 154), Академическая грамматика нигде не говорит о точном количестве временных форм.

Схема № 22. Темпорально-аспектуальная система Академической грамматики (1802)

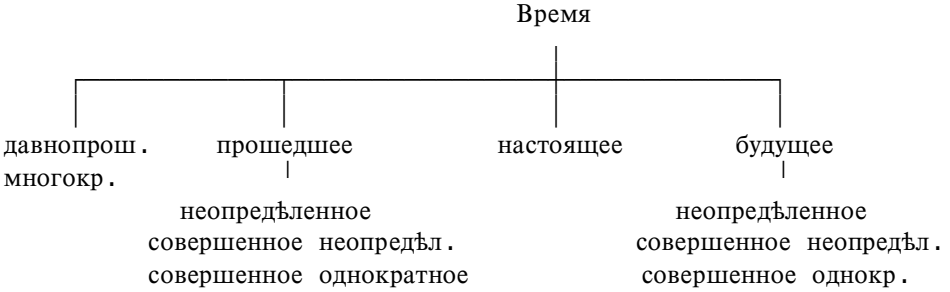
Первичный вариант А.[370]



[370] См. РГ (1802: 153-156, 192-195).

Время:
Настоящее - *пишу*, *хожу*, *говорю*, *стараюся*; *Я двигаю*
Прошедшее:
неопредѣленное (несовершенное) - *писалъ письмо*; *Я двигалъ*
однократное - *молнїя блеснула*, *вѣтръ дунулъ*; *Я двинулъ*
совершенное - *даровалъ*, *сталъ*, *написалъ*, *сказалъ*; *Я сдви́галъ*
давнопрошедшее многократное - *писывалъ*, *хаживалъ*, *говаривалъ*; *Я двигивалъ*; *бывало посѣщалъ*, *бывало сказывалъ*, *бывало хаживалъ*
Будущее:
неопредѣленное - *буду читать*, *буду говорить*; *Я буду двигать*
однократное - *стукну*, *блесну*; *Я двину*
совершенное - *сдѣлаю*, *скажу*, *напишу*, *прочту*, *пошлю*; *Я сдви́гаю*

Вторичный вариант Б.[371]



Время:
Настоящее - *Я выдвигиваю*
Прошедшее:
неопредѣленное - *Я выдвигивалъ*
совершенное неопредѣленное - *Я вы́двигалъ*
совершенное однократное - *Я выдвинулъ*
давнопрошедшее многократное - *Я бывало выдвигивалъ*
Будущее:
неопредѣленное - *Я буду выдвигивать*
совершенное неопредѣленное - *Я вы́двигаю*
совершенное однократное - *Я выдвину*

Выступающее только два раза вариативное название «прошедшее несовершенное» (с. 154, 163) отражает длительную конкуренцию атрибутов «неопредѣленное» и «несовершенное». Ср. статус «несовершенного» у Соколова (1792). О дальнейшем развитии «несовершенного» см. ниже Греч (1811).

В парных атрибутах (введенных Соколовым 1788, 1792) терминов «прошедшее совершенное неопредѣленное» - «прошедшее совершенное однократное», «будущее совершенное неопредѣленное» - «будущее совершенное однократное» проявляется стремление различать акционсартные признаки неопределенности и однократности в пределах перфективных («совершенных») форм. Сопоставление варианта Б с системой Соколова (1792) показывает, что в Академической грамматике различение форм по этим признакам распростнанено на формы будущего.

Реликтом традиции Смотрицкого в Академической грамматике встречается один раз «преходящее время» (*пѣлъ*) (с. 19), которое мы последний раз до этого видели

[371] Времена «полныхъ глаголовъ сложныхъ» (РГ 1802: 216-220).

у Барсова (1788: 543 и сл.)[372].

Содержательные экспликации отдельных времен обнаруживают следующие характеристики. В отличие от Соколова (1792), «неопредѣленные» времена прошедшего и будущего характеризуются одним лишь наречием «**неопредѣленно**» (с. 154, 156). В «употребленіи» времен неопределенность прошедшего выражается отрицательно «не опредѣляя точности въ исполненіи» (с. 278). Там же «будущему неопредѣленному времени» приписываются «нѣкоторое продолженіе или повтореніе» (с. 280).

Аспектуальное определение самого действия отражает формулировка в примере «общефактического» значения формы «прошедшего неопредѣленного» *писалъ*: «въ семъ примѣрѣ: *я къ нему о семъ писалъ*, глаголъ *писалъ* означаетъ прошедшее совершенное дѣйствіе» (с. 154). Этому значению противопоставляется значение «прошедшее несовершенное или не опредѣленное время», которое форма *писалъ* имеет в примере *когда я къ нему пришелъ, тогда онъ писалъ* (там же). В этой связи необходимо отметить сознательный или случайный прием описания, при котором говорится о «глаголах сего времени», имеющих «силу временъ прошедшихъ совершенныхъ» и о «глаголах», означающих что-л. (там же).

Бесприставочное «однократное» время означает семельфактивное действие без признака завершения, присущего «совершенному» времени. Характерными для него экспликациями, указывающими на единичность (разовость) действия, являются «дѣйствіе вещи единократно произведенное» (*молнія блеснула*) (с.154), «дѣйствие единожды или однимъ разомъ совершится» (*двину*, *стукну*, *блесну*) (с.156). Ср. также «дѣйствіе...которое единымъ произведено разомъ» (*грянулъ громъ*) (с.279), «дѣйствіе...которое долженствуетъ единымъ совершиться разомъ» (*блеснетъ молнія*, *грянетъ громъ*) (с. 280). «Въ просторѣчіи» некоторые формы (*толкнулъ -> толкъ*, *брякнулъ -> брякъ*) означают «скоропостижность дѣйствия» (с. 176). Это наблюдение перекликается со «скорыми действиями» у Ломоносова (1755: 539) и с признаком внезапности «вдругъ» Соколова.

«Прошедшее совершенное» и «будущее совершенное» характеризуются признаками завершения, полного совершения и исполнения действия. Так, «прошедшее совершенное» «изображаетъ дѣйствіе...совершенно окончанное» (*даровалъ*, *написалъ* и т. п.) (с. 154), «будущее совершенное» означает «полное будущее совершение дѣйствія» (*сдѣлаю*, *напишу* и т. д.) (с. 156). В инструкциях по «употребленію» эти времена получили характерные для Соколова экспликации с наречием «совершенно» и глаголом «исполниться»: «дѣйствіе, совершенно уже исполнившееся» (*Помрачился воздухъ, неистовая возстала буря, море... возшумѣло*) (с. 279), «дѣяніе...должно совершенно исполниться» (*Скорѣе голосъ ослабѣетъ, языкъ притупится и слово оскудѣетъ...*» (с. 280).

Одной из значительных инноваций Академической грамматики является экспликация «исполненіе» действия (с. 278). Вообще «исполненіе», «исполниться», «исполнившееся» (с. 279) и «совершиться» являются характерными для Академической грамматики метаязыковыми выражениями, отражающими в ее составлении роль П.И. Соколова. Ср. Соколов (1792, 1806).

[372] О «преходящемъ времени» ср. едкое замечание Греча (1819: 225).

Время «давнопрошедшее многократное» имеет значение «давно совершившегося многократного или учащательного действия» (с. 155). Отдаленность действия акцентирует экспликация «дѣйствіе, которое давно произходило» (*читывалъ во многихъ книгахъ*) (с. 279). Ср. экспликацию «дѣяніе давно уже миновало, многократно произходило» Соколова (1806: 206).

Отдельно указываются глаголы, у которых нет «давнопрошедшего многократного простого» и которые компенсируют это «вспомогательнымъ глаголомъ бывало» и формой «прошедшее неопредѣленное время» (*бывало посѣщалъ*, *бывало сказывалъ*) (с. 155). Интересно, что тот же пример *бывало посѣщалъ*, который создан Соколовым (1792: 114) для показа «второго давнопрошедшего», мы видим позже у Хайма (1804: 81), Таппе (1810) и у Амоньера (1817: 132).

В Академической грамматике существует следующая закономерность: если у глагола есть инфинитив «наклоненіе неокончательное многократное», то у него есть и «давнопрошедшее многократное» (с. 155). Вероятно, по необходимости образования приставочных имперфективных форм «давнопрошедшее время» отмечается во всех типовых парадигмах, в том числе «неправильных» (с. 223 и сл.)[373].

В сокращенной версии Академической грамматики[374] содержательные экспликации времен несколько отличаются от издания 1902 г. Так, «неопредѣленные» времена утратили признак «неопредѣленно», который был заменен, по-видимому под пером Соколова, «учащеніемъ или продолженіемъ». В «однократных» и «совершенных» временах признаки грамматики 1802 года повторяются с незначительными изменениями: «дѣйствіе...одинъ разъ произведенное», «однажды совершиться имѣющее», «совершенно исполнившееся и окончанное дѣйствіе», «полное или совершенное окончаніе дѣйствія». В последних временах сочетаются признаки исполнения и завершения (конца) действия (Грамматика 1809: 40-41, 58).

Таким образом, аспектуальные признаки нового состава (Грамматика 1809) могут быть охарактеризованы так: обозначая семельфактивное действие, но без признака совершения или завершения (конца), «однократное» выделяется по указанному признаку от «совершенного». Следовательно, единичность и совершенность дифференцируются семантически и морфологически как разные категории. С другой стороны, однократность отличается от (предполагаемой) итеративности «давнопрошедшего многократного» в плане прошедшего и вместе с тем от совершенности в прошедшем и будущем. «Неопредѣленное» и «совершенное» противостоят друг другу по признакам «продолжение»/«учащение» и «исполнение»/«окончание». Одновременно неопределенность и совершенность противопоставляются семельфактивной однократности.

Бесприставочные «простые» глаголы (*бросать* и т. п.) «имѣютъ» бесприставочный инфинитив «неокончательное совершенное» (*бросить* и т. п.) (с. 162) таким же образом, как бесприставочные *двигать*, *дергать*, *ахать* «имѣютъ» бесприставочное

[373] Отрицательное отношение к «давнопрошедшему времени» показывает едкий вопрос Греча (1819: 310): «Развѣ есть давнопрошедшее однократное?».

[374] Грамматика (1809), изданная «Главным правлением училищ», составителем которого, на наш взгляд был П.И. Соколов, отмечена в работах Добровского (1820: XXXI) («Russische Grammatik von der Schuldirection») и Греча (1828: 35) («un abrégé de la grammaire de l'Académie russe 1802»).

«неокончательное однократное» *двинуть*, *дернуть*, *ахнуть* и т. п. (с. 161).

Так как одни «*простые*» глаголы (в отличие от *бросать* и т. п.) не имеют «неокончательнаго совершеннаго наклоненія» (с. 162), этот «недостатокъ» компенсируется двумя способами: 1. «заимствованіемъ» указанного инфинитива у приставочных глаголов с одинаковым значением. Например, простой глагол *колоть* в значении 'бодать' «заимствует» инфинитив «неокончательное совершенное» *уколоть* у приставочного («сложнаго») глагола *укалывать* (с. 163). 2. «приложеніемъ предлога» к «неокончательному неопредѣленному наклоненію»: *бледнѣть* - *побледнѣть*, *жалеть* - *пожалеть* и т. д. (с. 163). Ср. выше те же два приема еще на уровне темпоральных форм у Соколова (1792: 111, 122, 146). В отличие от Соколова, Академическая грамматика и Хайм (1804: 85 и сл.) уже не трактуют этого процесса по спряжениям.

В «полной росписи» таких глаголов (с. 163-167) выступают: *алкать* - *взалкать*, *алѣть* - *поалѣть* (с. 163), *воровать* - *своровать* (с. 164), *жалить* - *ужалить* (с. 165), *платить* - *заплатить* (с. 166), *шутить* - *пошутить* (с. 167) и др. Как видно, в данном списке перечисляются только такие пары глаголов разных спряжений, которые в современном понимании не имеют вторичного суффиксального имперфектива. При этом приставочные глаголы «не имѣютъ ни настоящаго, ни прошедшаго *несовершеннаго* времени» (с. 163).

Инфинитив «неокончательное многократное» бесприставочного глагола производится элементом *ивать* или *ывать* от другого инфинитива, а именно от «неокончательного неопредѣленного», которое считается исходной единицей деривации (с. 167). В принципе данный процесс является суффиксальной глагольной деривацией. Ср. выше образование инфинитива «неокончательное сомнѣнное» (*писывать*) от «давнопрошедшего» (*писывалъ*) у Ломоносова (1755: 495). Однако формы типа *говаривать* (с. 167) не представляют собой самостоятельные глаголы, так как о них говорится как об «неокончательных наклонениях» глагола **х**, т. е. *говаривать* является «неокончательным многократным» глагола *говорю*, подобно тому как *калывать* - это «неокончательное многократное» глагола *колю*.

В качестве примеров образования этого наклонения приводятся: *бѣгать* -> *бѣгивать*, *сажать* -> *саживать*, *толкать* -> *талкивать*, *бросать* -> *брасывать*, *колоть* -> *калывать* (с. 168), *сидѣть* -> *сиживать*, *вертѣть* -> *вертывать*, *верчивать*, *любить* -> *любливать*, *ловить* -> *лавливать*, *будить* -> *буживать* (с.169), *красить* -> *крашивать*, *носить* -> *нашивать*, *води́ть* -> *ва́живать*, *лома́ть* -> *ла́мывать*, *ла́мливать* (с. 170) и др.

Бесприставочные перфективные формы будущего («будущее совершенное простое») имеют глаголы *бросать* - *брошу*, *ворочать* - *ворочу*, *дѣвать* - *дѣну*, *кончать* - *кончу*, *ложиться* - *лягу*, *лишать* - *лишу*, *плѣнять* - *плѣню* и т. п. Глагол *дать* имеет формы «будущего совершенного» *дамъ*, *дашь*, *дастъ* и т. д. (с. 177-178).

Особо понимание термина осложняется тем, что к его главному (стержневому) слову присоединяется множество разнородных атрибутивных определений. Например, в четырехкомпонентном «неокончательное совершенное наклоненіе простое» (с. 162), «неокончательное наклоненіе» означает инфинитив, «совершенное» - аспектуальность и «простое» - бесприставочность формы. В подобных комбинациях

присоединение атрибута к категориальному термину может привести к странностям типа «совершенное наклоненіе» (там же), где аспектуальность приписывается наклонению. В трехсловном терминологическом сочетании «будущее совершенное простое» сопрягаются элементы времени, аспектуальности и структуры (с. 177). Очевидно, что в качестве посредника данное сочетание участвует в развитии современного «будущее простое».

Особую значимость имеет тот факт, что в Академической грамматике «**простой**» глагол *двигать* превратился в глагол «полный» путем добавления к его парадигме приставочных «совершенных» форм, которых у него не было в грамматике Ломоносова. В целом в парадигму типового глагола *двигать* первого спряжения проникают приставочные формы: «наклоненіе неокончательное совершенное» *сдви́гать* (с. 192), «прошедшее совершенное» *я сдви́галъ* (с. 193), «будущее совершенное» *я сдви́гаю* (с. 194), а также соответствующие «совершенные» формы императива, причастия и деепричастия (с. 195-197). Так, впервые *сдви́гать*, *сдви́галъ* и *сдви́гаю* выступают в составе парадигмы **простого** глагола *двигать* в Академической грамматике (1802: 192-194) (см. вариант А нашей схемы).

Симптомы этого процесса мы видели уже у Соколова (1792: 103 и сл.). Вместе с тем оказывается, что указанные «совершенные» формы *сдви́галъ* и *сдви́гаю* в Академической грамматике являются продуманными заменами соответствующих форм *одичалъ* и *одичаю* в грамматике Соколова (1792: 111, 115) (см. выше). По всей вероятности, данный «корректив» в Академической грамматике внесен самим Соколовым. Ср. также Соколов (1806: 120, 127). Таким образом, в силу неразработанности критериев в парадигму одного глагола попали формы разных самостоятельных глаголов, что предвосхитила трактовка глагола *колоть* еще у Ломоносова. Как известно, в последующих описаниях это обстоятельство вызвало не только путаницу, но и справедливую критику. Ср. Хайм (1804: 108 и сл.), Фатер (1805: 114) и др.

При этом важно отметить случаи, в которых оба приставочные формы, представляющие все еще простой глагол *двигать*, являются «совершенными», но различаются *добавочными признаками* дистрибутивности («надъ многими вещами») (*надви́галъ*, *сдви́галъ*, *накида́лъ*) и единичности («однимъ разомъ») (*надвинулъ*, *сдвинулъ*, *накинулъ*) (с. 155). Правило дистрибутивности сформулировано Соколовым (1792: 103). Ср. Соколов (1806: 166-167). Ср. также Греч (1811: 16). Вместе с тем сопряжение «двух прошедших совершенных» (*сдви́галъ* и *сдвинулъ*) (с. 155) и «двух будущих совершенных» (*сдви́гаю* и *сдвину*) (с. 156) свидетельствует об осмыслении аспектуальных различий в разных временных планах.

Взамен ломоносовского «неполного» в рассматриваемой грамматике вводится термин «недостаточный» (с. 156), который более удачен, чем «недостаточествующій» Барсова (1788: 550). Так, полный состав наклонений и времен имеют «полные глаголы», остальные же являются в этом отношении «недостаточными».

Новая система четырех спряжений привела к тому, что количество времен стало зависимым от типа спряжения и от наличия или отсутствия отдельных аспектуальных характеристик (в понимании, конечно, авторов грамматики). Например, парадигмы глаголов *двигать* (с. 192), *колоть* и *дуть* (с. 206) имеют полный

состав восьми времен, так как у них есть «однократное» и «многократное». Наоборот, поскольку глаголам *грѣть* (с. 200), *строить* (с. 203), *воевать* и *мѣрять* (с. 197) и др. недостает, в первую очередь по семантическим причинам, «прошедшего и будущего однократного», они имеют только шесть форм времени. Примечательно, что, кроме «неправильных» глаголов (*итти* и т. п.) (с. 228), все спряжения обладают неизбежным «давнопрошедшимъ многократнымъ» (*двигивалъ*, *грѣвалъ*, *строивалъ*, *калывалъ*, *дувалъ*). С другой стороны, отбор парных приставочных форм отражает случаи (*строить* - *построить*) (с. 203), в которых действительно нет суффиксальной имперфективации[375].

Принципиальную важность имеют два правила образования перфективных и имперфективных инфинитивов. Так, как бы предварительная модель перфективации заключается в правиле, по которому присоединение «предлога» превращает инфинитив «неокончательное неопредѣленное» (*звать*, *вѣрить*, *мѣрять*) **или** «неокончательное однократное» (*вергнуть*) простого глагола в «неокончательное совершенное наклоненіе» (*назвать*, *позвать*, *призвать*; *повѣрить*, *свѣрить*; *вы́мѣрять*, *смѣрять*; *повергнуть* (с. 214). Заметим, что вторая часть правила содержит новаторский прием, согласно которому также «однократное» (*вергнуть*) превращается в «совершенное» (*повергнуть*). К подобным формам в типовых парадигмах систематически применяется двукомпонентный атрибут «*совершенное однократное*» (с. 217). Так, результатом в обоих случаях является «*совершенное*», но во втором случае (*вергнуть* -> *повергнуть*), где никакой перфективации на деле нет, главный аспектуальный компонент «совершенное» получает добавочную дефиницию в виде «*однократного*». Как видно, этот процесс нарушает логичность системы Ломоносова, в которой самостоятельные «совершенное» и «однократное» не сочетаются в характеристике одной формы.

По второму правилу присоединение «предлога» «къ неокончательному многократному наклоненію» (*писывать*, *говаривать*, *знавать*) превращает данный инфинитив в «наклоненіе неокончательное неопредѣленное» (*выписывать*, *выговаривать*, *познавать*) (с. 214). Итак, в результате этого правила возникают как бы соответствующие имперфективные образования. Следует подчеркнуть, что в этих правилах образования, которые находят дальнейшее отражения в грамматиках Амоньера и Рейфа (см. ниже), речь идет об инфинитиве, а не о спрягаемой форме[376].

Также состав инфинитивных форм («наклоненіе неокончательное») «неопредѣленное» (*выдвигивать*), «совершенное» (*вы́двигать*), «однократное» (*выдвинуть*) показывает нарушение ломоносовской исходной системы тем, что «однократное» проникает в парадигму одного приставочного глагола (с. 217).

---

[375] Однако не совсем справедливо мнение Балицкого (1876 А: 39): «И в этой грамматикѣ система спряжений сбивчива и не представляетъ улучшения сравнительно съ предложенными Ломоносовымъ десятью временами».

[376] В своей рецензии Н. Греч (1819: 311) советует образовать все наклонения и времена от инфинитива бесприставочного исходного глагола. Имея в виду «неокончательное многократное наклоненіе», Греч спрашивает: «Есть ли у насъ въ языкѣ это наклоненіе?» (с. 313). При этом он указывает на то, что такие формы, как *писывать*, *зывать* не самостоятельны, а необходимы только для образования: а) бесприставочного «времени прошедшего многократного» (*писывалъ*) и б) приставочных «времен несовершенных» (*записывалъ*), т. е. приставочных имперфективных форм (с. 314). Ср. «время несовершенное» у Греча (1811).

Парадигмы глаголов показывают, что выбор примеров отнюдь не произволен. В них наглядно проявляется стремление включить в состав одного и того же глагола аспектуально взаимосвязанные «пары» или так или иначе коррелятивные глаголы. В ряде случаев авторы грамматики создают, случайно или сознательно, как бы правильные видовые пары типа *дать - давать* (с. 225), *грѣть - согрѣть*, *смотрѣть - посмотрѣть* и т. п. (с. 200), которые, однако, нарушаются наличием «многократных» образований *давывать*, *грѣвать*, *сматривать* (там же). При этом любопытно, что в одну парадигму как бы правильно попадают «совершенное» *лечь* и «неопредѣленное» *ложиться*, но и эта соотносительность нарушается третьим «многократнымъ» инфинитивом *лаживаться* (с. 222). Прием «заимствования» применяется и к формам «неправильных глаголов». Например, глагол *брать* заимствует «прошедшее совершенное» *взялъ* и «будущее совершенное» *возьму* у глагола *взять* (там же).

Таким образом, мы можем установить, что внесение и канонизация четвертого аспектуального признака «многократное» происходит в Академической грамматике 1802 г. В целом это ознаменовывает закрепление итеративного элемента в русской традиции описания. Вместе с немецким аналогом «frequentativus» Хайма (1804: 80 и сл.) это обстоятельство послужило поводом тому, что в грамматике Таппе (1810: 105) возникает четвертая аспектуальная группа глаголов «Verba frequentativa». Указанная связь преемственности очень ясна и последовательна.

Устанавливая «многократное», включая в парадигму «простого» глагола *двигать* приставочные формы типа *сдвигать* и создавая отдельные недостаточно обоснованные терминологические комбинации, Академическая грамматика нарушает принципы грамматики Ломоносова. Вместе с тем она прямо не содействует функциональному развитию понятия и термина «видъ», а составляет «скрытую» фазу развития русской аспектуальной мысли.

Эти обстоятельства вызывают две основных линии развития: 1) размывающая ломоносовскую систему линия, в которой, как и прежде, функционируют аспектуальные атрибуты при значительном количестве времен. 2) новая линия, в которой аспектуальная характеристика примыкает к «глаголу» как лексической единице и приведет позже к «глагольному виду». Во втором случае время как грамматическая категория уступает место постепенно устанавливающемуся кругу аспектуальных характеристик. Однако неразработанным остается межкатегориальный статус отдельных аспектуальных признаков. Оба переплетающиеся и отчасти взаимодействующие направления функционируют параллельно на рубеже XVIII-XIX вв., особенно в начале XIX столетия.

5.5.1. Наследие Академической грамматики в учебнике Хайма (1804)

1. Уже Добровский (1820: XXVI) отметил, что два первых издания своего учебника Хайм составил в соответствии с грамматикой Ломоносова и Соколова, а в последнем следовал Академической грамматике[377]. Поскольку Хайм (1804)

[377] Ср. «заимствование» («Entlehnung») и идентичностость примеров у Хайма (1804: 85), в РГ (1802: 163) и в Грамматике (1809: 63-64).

порой просто переводит текст Академической грамматики, для нашего исследования существенно, что новый учебник Хайма первым передает на немецком языке некоторые новые концепции, сформулированные в Академической грамматике[378], и служит таким образом релевантным звеном для грамматической традиции начала XIX в.

Хайм объединяет в одной деривации суффиксальное и префиксальное образование: «Primitiva» (*знаю*, *иду*), «Derivativa, oder Composita» (*странствую* и т. д.) (с. 78). Слово «Simplicia» здесь не приводится, так как «simplex» теперь терминологически занят как аспектуальный атрибут и поэтому не может использоваться в своей исконной деривационной функции.

Общая классификация глаголов Хайма (1804: 79) существенно не отличается от издания 1789 г. Однако восемь глагольных группировок называются теперь «Klassen» и слово «Defectiva» заменено на «Anomalia» («неполные») (см. выше).

В свете данных учебника Хайма установимы интересные терминологические переходы в словах «Arten», «Modi» и «Klassen»: в первом издании (1789: 78) «*Arten* der Verborum» означает восемь общих глагольных группировок, а «der Modus, Modi» - три наклонения (1789: 80). В издании (1804: 79) те же глагольные группировки обозначаются термином «Klassen», а три наклонения - параллельными словами «Modus oder die Art, наклоненїе», в том числе «die unbestimmte Art» (der Infinitiv, неокончательное наклоненіе») (1804: 80). Таким образом, в этом развитии слово «*Art*» имеет общее значение «*Art*»$_0$ и специфическое значение «*Art*»$_1$, вытекающее из примыкающих к нему атрибутов. В этих сочетаниях само слово «*Art*» подвергается специфической терминологизации (см. ниже).

Поскольку описание теперь во многом восходит к Академической грамматике, в фреквентативные глаголы («Frequentativa») попали также приставочные образования, означающие продолжение или частое повторение действия («die Fortdauer oder öftere Wiederholung einer Handlung»): *бѣгать* «laufen», *похаживать* «gehen (viel)», *посматривать* «besehen (lange)» (с. 79). Ср. экспликацию «нѣкоторое въ дѣяніи продолженіе или учащеніе» глаголов «учащательных» в Академической грамматике (1802: 151).

Как и в первом издании, «Verbum perfectum» переводит «полный глаголъ», в силу чего слово «perfectus» становится многозначным, оказываясь в трех разных функциях, из которых как раз первая не имеет отношения к аспектуальности, ср.: 1. «Verbum perfectum» (с. 79), 2. «Infinitivus perfectus» (с.80) и 3. «Präteritum perfectum» (с. 81) и «Futurum perfectum» (с.82).

2. По модели Академической грамматики (1802) аспектуальные обозначения «unbestimmt», «indefinitus», «simplex», «perfectus», «frequentativus» (с их русскими параллелями) выступают при четырех инфинитивах, которые

[378] См. также Рейф (1821: XIV), Греч (1827: 51), Греч (1828: 37), Балицкий (1876: 21-22), Бидерман (1981: 109-110). К сожалению, нам оказался недоступным польский перевод учебника Хайма, вышедший во Вроцлаве (1809). Весьма основательный список «поправок», предложенных к учебнику Хайма Фатером (1808: XXIX-XL), не касается аспектуальных вопросов.

распределяются по аспектуальному признаку на четыре разряда. При этом атрибут «unbestimmt» становится многозначным модусным и аспектуальным термином:

> «a) der *unbestimmte*, (неопредѣленное), als: писать, schreiben; b) der Infinitivus *simplex*, (однократное), als: двинуть, bewegen; c) der Infinitivus *perfectus*, (совершенное), als: написать, schreiben; und d) der Infinitivus *frequentativus*, (многократное наклоненіе), als: писывать, oft schreiben» (с. 80).

Для дальнейшего описания особое значение имеют четыре названия инфинитива: 1. «Infinitivus indefinitus» (с. 111), 2. «Infinitivus simplex», 3. «Infinitivus perfectus», 4. «Infinitivus frequentativus» (с. 80, 111 и сл.)[379].

Особого внимания заслуживает латино-немецкий термин «der Infinitivus frequentativus», который, калькируя русский «наклоненіе неокончательное многократное», оказывается инновацией автора данного учебника русского языка для немцев. Как будет показано ниже, становление здесь слова «frequentativus» по статусу самостоятельным четвертым аспектуальным атрибутом воздействовало, вместе с аналогичным положением «многократного» в Академической грамматике, на возникновение глагольной группы «Verba frequentativa» у Таппе (1810) (см. ниже).

Как уже говорилось, в первом издании учебника у Хайма не было ни немецкой, ни параллельной русской аспектуальной терминологии при инфинитиве. Они добавляются в новое издание, обновленное на лад новой Академической грамматики.

3. В темпорально-аспектуальной системе Хайма впервые на немецком языке находит отражение система восьми времен Академической грамматики. Так, «скалькированная» система Хайма содержит следующие времена: «1. Das Präsens, (настоящее), oder die gegenwärtige Zeit, 2. Die unbestimmt nicht völlig vergangene Zeit (прошедшее неопредѣленное, Präteritum indefinitum), 3. Die einfach vergangene Zeit, (прошедшее однократное, das Präteritum simplex), 4. (прошедшее совершенное), das Präteritum perfectum, 5. Das Plusquamperfectum frequentativum, 6. Das unbestimmte Futurum, (будущее неопредѣленное), 7. Das Futurum simplex, (будущее однократное), 8. Das Futurum perfectum oder exactum» (с. 80-

[379] В скромном учебнике русского языка (1805) Грегор Глинка, профессор русской литературы в Университете Дорпата повторяет почти дословно темпорально-аспектуальную систему Хайма (1804). См. предисловие Глинки. Ср. Станкевич (1984: 119). Интересную деталь составляет деление времен на «Haupt-Tempora» («Präsens», «Präteritum», «Futurum») и на восемь «Unterabtheilungen» (с. 51), которое соответствует обычному делению на «Haupt-Tempora» и «Historische Tempora» (или «Nebentempora») в грамматиках того времени, например, у Буттманна (1792/1805: 95). Во всех комбинациях: «modus infinitivus indefinitivus» (sic!), «infinitivus simplex», «infinitivus plusquamperfectum» и «modus infinitivus perfectum» (sic!) (с. 50) эпитеты не могут быть осмыслены иначе, как аспектуально. Строго говоря, здесь даже «plusquamperfectum» превратился в аспектуальный атрибут. Ср. «Infinitivus frequentativus» у Хайма (1804: 80). Так, Глинка вносит в описание «коррективы», которые лишний раз показывают трудность понимания и сложность передачи по-немецки терминов «наклоненіе неокончательное неопредѣленное, однократное, многократное и совершенное» Академической грамматики (1802: 152). Вслед за Хаймом отдельные аспектуальные характеристики выступают при формах времени, которые не повторяются здесь (см. приложение).

82). Уже укоренившегося русского термина «будущее совершенное», как и русского названия плюсквамперфекта Хайм не приводит.

Вместо ожидаемого «Präteritum indefinitum» у Хайма один раз фигурирует термин «Perfectum indefinitum» (*Я двигалъ*) (с. 108), в котором время описывается двумя аспектуальными словами. Данное употребление отражает отмеченную выше немецкую традицию с двойной функцией термина «Perfectum». Ср. «правильные» термины «Präteritum perfectum» (*я сдвигалъ*) (с. 109) и «Präteritum indefinitum» (*я воевалъ*) (с. 113), а также «Futurum indefinitum» (*я буду двигать*) (с. 110).

Любопытный атрибут «definitum» (вместо ожидаемого «perfectum») выступает только один раз в качестве варианта слова «simplex»: «Das Präteritum definitum oder simplex...я перевелъ» (с. 165). Здесь появившийся как бы украдкой атрибут «definitum» оказывается интересным созданием Хайма. Ср. «Infinitivus *definitus*» у Хайма (1789: 141). В свете этого определения и примера представляется, что Хайм связывает признак «definitum» как с семельфактивным, так и с перфектным прошедшим.

В содержательных экспликациях указанных времен (1-8) выделяются следующие характеристики: (1) настоящее время (*пишу*, *хожу*), (2 и 6) неопределенная длительность («welche die Dauer einer Handlung unbestimmt anzeigt») и итерация («mehrmahl und zu verschiedenen...Zeiten») «прошедшего и будущего неопредѣленного» (*я двигалъ*, *я буду писать*), (3 и 7) единичность и совершение действия («nur einmahl erfolgte oder vollzogene Handlung») «прошедшего и будущего однократного» (*молнiя блеснула*, *вѣтръ дунулъ*, *двину*), (4 и 8) полностью завершенное действие или состояние («eine völlig geendigte Handlung oder eine völlig geendigte Zustand») (*даровалъ*, *написалъ*) и определенно завершимое действие («eine gewiss zu erfolgende oder zu beendigende Handlung») «прошедшего совершенного» и будущего «Futurum perfectum oder exactum» (*напишу* «ich werde schreiben, ich werde geschrieben haben») (с. 80-82). Осознанную определенность действия подчеркивает пример *завтра напишу письмо* «ich werde morgen den Brief, (den bestimmten, bewussten Brief, und zwar gewiss) schreiben» (с. 166).

Примечательно, что в экспликации «die Dauer einer Handlung» впервые в русской традиции выступает слово «**Dauer**» (с. 80), которое, по-видимому, переносится сюда из чешской традиции (см. ниже). В содержательной экспликации «eine völlig *geendigte* Handlung oder eine völlig *geendigte* Zustand» выявляется завершение (конец) действия перфектного времени. Ср. «дѣйствiе или состоянiе совершенно *окончанное*» (РГ 1802: 155). То же самое касается соответствующего будущего. Экспликация «die völlige Ende» передает значение приставки *до* (*доплатилъ до послѣдней копейки*) (с. 132).

Формулировка «vollziehen nur einmahl oder in einem Mahle» (с. 82) переводит дословно «единожды или однимъ разомъ совершится» (РГ 1802: 156) с тем лишь различием, что Хайм добавил от себя модальный элемент «welche...vollzogen werden *soll*». Ср. ниже «vollziehende Handlung» у Фатера (1805: 136)

В пособии Хайма понятие и термин «Plusquamperfectum frequentativum», калькирующий «давнопрошедшее многократное» Академической грамматики (1802: 155), достиг официального статуса в немецкоязычной терминологии. Ср. ниже Таппе (1810: 107). Особую значимость имеет экспликация этого времени, подчеркивающая частую итерацию действия («eine oft wiederhohlte, schon vor geraumer Zeit erfolgte Handlung») *я писывалъ* «ich habe (sic!) (oft) geschrieben» (с. 81). Вместе с тем содержание аналитического фреквентативного плюсквамперфекта передается описательно при помощи конструкции «*pflegen*» + инфинитив: *бывало хаживали къ намъ* «sonst pflegten sie doch zu uns zu kommen, ehemals kamen sie doch zu uns» (там же). Так, если в чешской традиции данным сочетанием принято передавать хабитуальное значение фреквентативного глагола (Томса 1782), то в традиции русской грамматики им здесь поясняется явно такое же значение времени «Plusquamperfectum frequentativum». Ср. выше Хайм (1789).

Семантическое различие между приставочными формами *накида́лъ* и *накинулъ* заключается в противопоставлении добавочных признаков итерации и единичности («eine völlig beendigte, obgleich *vielmahl wiederhohlte* Handlung» - «nur *einmal vollzogene* Handlung») (с. 81). Как уже говорилось, это различие, описанное впервые Соколовым (1792: 112), выступает также в Академической грамматике (1802: 155). В русской традиции оно развивается дальше Гречем (1811: 16), Амоньером (1817: 131), Рейфом (1821: 180), Гречем (1827: 322, 324), особенно в грамматике Востокова (1831: 200) (см. ниже).

Немецкий (латино-немецкий) термин «Präteritum simplex» составляет в плане времени регулярное противопоставление термину «Futurum simplex» в тех случаях, когда глагол имеет эти времена и соответствующие неспрягаемые формы (с. 109-110, 121-123). Атрибут «simplex», как и его вариант «einfach», приобретает аспектуальное значение семельфактивности. При этом он применяется не только к бесприставочным *двинулъ*, *двину* (с. 109-110), но и к таким формам, как «Präteritum perfectum simplex» (*я вы́двинулъ*) и «Futurum perfectum simplex» (*я выдвину*) приставочного глагола *выдвигиваю* (с. 129). Это обстоятельство ознаменовывает завершающуюся аспектуализацию атрибута «simplex» в грамматике Хайма (1804) (см. выше Хайм 1789)[380].

По модели «прошедшее совершенное неопредѣленное» (*я вы́двигалъ*) Академической грамматики (1802: 218) Хайм создал (скалькировал) поликомпонентный термин «Präteritum indefinitum perfectum» (*я выдвигалъ*), а также «Futurum perfectum indefinitum» (*я выдвигаю*) (с. 129), в которых «indefinitum» теперь занимает позицию добавочного аспектуального атрибута в названии перфективной формы. Ср. «Präteritum indefinitum» (*я выдвигивалъ*) и «Fu-

[380] Являясь переделкой грамматики Хайма, новая практическая грамматика русского языка (1816) титулярного советника Самуила Вельцына входит в консервативную ветвь грамматической традиции начала XIX века. Вельцын не приводит параллельной русской терминологии, а как бы переводит на немецкий язык латино-немецкую терминогогию Хайма. Так, вместо слова «simplex» семельфактивность (*двинулъ*, *двину*) обозначается атрибутом «einfach» (с. 114). Из-за недостатка места пособие Вельцына нами более подробно не анализируется. Грамматика отмечена в работах: Добровский (1820: XXXIII), Рейф (1821: XIV), Шафарик (1826: 145), Греч (1828: 37), Балицкий (1876: 21), Бидерманн (1981: 110).

turum indefinitum» (*я буду выдвигивать*), при которых «indefinitum» имеет функцию первичного аспектуального атрибута (там же).

Вслед за Академической грамматикой «недостаток» отдельных глаголов (*колоть*, *алкать* и т. п.) компенсируется или 1) «заимствованием» («durch Entlehnung») перфектного инфинитива («Infinitivus perfectus») (*уколоть*) и соответствующих перфектных форм времени («Präteritum perfectum» и «Futurum perfectum») у приставочного глагола с однородным значением (*укалывать*) (с. 85) или 2) образованием перфектных форм присоединением приставки к бесприставочному глаголу: *алкаю*, *алкать* -> *взалкать*, *взалкалъ*, *взалчу* (86-87) ...*яснѣю*, *яснѣть* -> *пояснѣть*, *пояснѣлъ*, *пояснѣю* (с. 92-93). Ср. выше Соколов (1792: 111, 122, 146) и РГ (1902: 162-167).

Итак, у Хайма наличествуют четыре немецких (латино-немецких) аспектуальных атрибута: 1) «indefinitus», «indefinitum», 2) «simplex» с вариантом «einfach», 3) «frequentativus», «frequentativum», 4) «perfectus», «perfectum» с его «случайным» вариантом «definitum».

В итоге важно отметить, что в учебнике Хайма отражается в новом свете воздействие русской терминологии на немецкую, а именно той стадии ломоносовской традиции, которой она достигла в академической грамматике 1802 года. Итак, после перевода грамматики Ломоносова переделанный учебник Хайма 1804 года представляет собой как бы второй раунд воздействия русской аспектуальной терминологии на немецкую и все еще в пределах традиции Ломоносова.

5.5.2. Академическая грамматика во французской редакции Г. Амоньера (1817)

1. Напечатанная в Париже русская грамматика Г. Амоньера (1817) представляет собой адаптацию или, как отмечают критики, во многих местах просто перевод Академической грамматики 1802 или 1809 г.[381] В предисловии автор ссылается на Шарпантье и Модрю, но обходит молчанием Академическую грамматику. Весьма солидная книга (404 с.) составлена лицом, о котором мы можем судить только по списку его публикаций в конце грамматики, содержащему, в частности, французско-русский словарь, грамматику французского языка для русских, сборник русско-французских разговоров и т. д.

Для нас представляет интерес французская аспектуальная терминология, созданная на основании фактов Академической грамматики до выхода в свет книги Рейфа. Параллельной русской терминологии Амоньер не приводит. Так, уже определение глагола «Le verbe est une partie du discours qui exprime une action faite ou soufferte, un état ou une situation» (с. 124) переводит дословно до примеров текст Академической грамматики (1802: 148).

2. По значению («d'aprés leur signification») глаголы разделяются на активные, пассивные, средние и т. п. Средние глаголы («les verbes

[381] См. весьма отрицательные оценки Рейфа (1821: XV), Греча (1828: 38), Балицкого (1876: 34).

neutres») (*ходить*, *сидѣть* и т. п.) маркируют состояние или ситуацию лица или вещи («l'état ou la situation d'une personne ou d'une chose» (с. 126). По структуре глаголы разделяются на простые («les verbes simples») и композитивные («les verbes composés») (с. 127).

Перевод «la *durée* ou la *répétition* d'une action» Амоньера (с. 128) вводит во французскую терминологию непосредственно содержательную экспликацию «*продолженіе* или *учащеніе* въ дѣяніи», которой Академическая грамматика (1802: 151, 1809: 158) описывает «учащательные глаголы».

Примечательно, что применительно к русским фактам в описании повторяемости на французском языке начинает распространяться французская калька «fréquentatif» Амоньера (этого атрибута у Шарпантье нет) (см. приложение). Вместе с тем, в силу неразличения в переводе атрибутов «учащательный» и «многократное» Академической грамматики слово «fréquentatif» приобретает у Амоньера две функции: 1. «verbe fréquentatif» (с. 128 и сл.) и 2. «infinitif fréquentatif» (с. 129 и сл.), «prétérit fréquentatif» (с. 130 и сл.). Этим затушевывается в своем роде остроумная идея Академической грамматики выделять новым термином «многократное» грамматическую аспектуально-темпоральную форму.

Вслед за подлинником Амоньер создает четыре названия инфинитива с четырьмя аспектуальными атрибутами: «indéfini», «simple», «parfait» и «fréquentatif»:

> «L'infinitif a en russe quatre formes particulières; savoir: 1. l'infinitif indéfini, двигать, remuer; 2. l'infinitif simple, двинуть; 3. l'infinitif parfait, сдвигать; 4. l'infinitif fréquentatif, двигивать» (с. 129).

За исключением слова «fréquentatif», те же атрибуты фигурируют при формах императива, имеющего лишь три специфические формы («trois formes particulières»): «l'impératif indéfini» (*двигай*), «l'impératif simple» (*двинь*) и «l'impératif parfait» (*сдвигай*) (с. 129). Равно как и в Академической грамматике, все аспектуальные атрибуты пронизывают и неспрягаемые формы причастий и деепричастий (с. 135).

3. Для нас особый интерес представляют также французские эквиваленты восьми времен Академической грамматики в переводе Амоньера: 1. «le présent» (*двигаю*), 2. «le prétérit *indéfini* ou *imparfait*» (*я читалъ книгу*), 3. «le prétérit *simple*» (*вѣтръ дунулъ* «le vent a soufflé»), 4. «le prétérit *parfait*» (*написалъ* «j'ai écrit», *сходилъ* «j'ai marché»), 5. «le prétérit *fréquentatif* ou *plusqueparfait*» (*писывалъ* «j'avais écrit», *читывалъ* «j'avais lu») (с. 130, 132), 6. «le futur *indéfini*» (*буду читать* «je lirai», *буду говорить* «je parlerai»), 7. «le futur *simple*» (*вѣтръ дунетъ* «le vent soufflera»), 8. «le futur *parfait*» (*напишу* «j'écrirai, j'aurai écrit») (с. 133).

В соответствии с подлинником времена сложных глаголов имеют **двойные** аспектуальные характеристики («indéfini» и «simple»), различающие два перфектных прошедщего и два перфектных будущего: 1. «Présent» (*я*

выдвигиваю), 2. «Prétérit indéfini» (*я выдвигивалъ*), 3. «Prétérit parfait indéfini» (*я выдвигалъ*), 4. «Prétérit parfait simple» (*я выдвинулъ*), 5. «Prétérit plusqueparfait ou fréquentatif» (*я бывало выдвигивалъ*), 6. «Futur indéfini» (*я буду выдвигивать*), 7. «Futur parfait indéfini» (*я выдвигаю*), 8. «Futur parfait simple» (*я выдвину*) (с. 247-249). Так как сложные глаголы не имеют синтетического фреквентатива, у них есть только три инфинитива: «Infinitif indéfini» (*выдвигивать*), «Infinitif parfait» (*выдвигать*) и «Infinitif parfait simple» (*выдвинуть*) (с. 247). Ср. РГ (1802: 216-220).

Из содержательных экспликаций мы отметим следующие: при помощи экспликации «actuellement ou habituellement» освещается действие в настоящем времени (с. 130). Однократные времена с атрибутом «simple» характеризуются краткой длительностью и отсутствием итерации («n'a été que de peu de durée ou ne s'est pas répété»), перфектные же времена выражают исполнение действия («s'est entièrement accompli», «s'accomplira entièrement»). Фреквентативному прошедшему (плюсквамперфекту) приписывается значение многократного действия («s'est répété plusieurs fois») в отдаленном прошедшем («dans un temps passé éloigné») (с. 131-132).

Не пропускается и «общефактическое» значение неопределенного прошедшего («le prétérit indéfini»), которое описывается по Академической грамматике (1802: 154). Так, в предложении *я къ нему о семъ писалъ* «je lui en ai écrivé» неопределенное прошедшее *писалъ* употребляется в смысле перфектного прошедшего («le prétérit parfait» (с. 131).

При бесприставочных образованиях глагола единственным однозначным показателем имперфективности оказывается атрибут «indéfini». Однако эта однозначность теряется при композитивных глаголах, где данный атрибут имеет две разные задачи: 1. обозначение неопределенности имперфективной формы (*выдвигивалъ*, *буду выдвигивать*) и 2. обозначение неопределенности перфективной формы времени (*выдвигалъ*, *выдвигаю*) (с. 248-249). Как уже отмечалось, в последнем случае «indéfini» служит дополнительным признаком перфектного времени («prétérit parfait», «futur parfait»).

Подобно «несовершенному» Академической грамматики, «imparfait», как правило, не употребляется в качестве аспектуального атрибута. Так, в частности, у Амоньера нет такого термина, как «infinitif imparfait». Однако параллельными являются названия прошедшего «le prétérit imparfait» и «le prétérit indéfini» (с. 130 и сл.). Альтернативными терминами являются также «prétérit fréquentatif» и «plusqueparfait» (с. 131).

Вслед за Академической грамматикой (1802: 155) два перфектных прошедших («deux prétérits parfaits») и два перфектных будущих («deux futurs parfaits») имеют *композитивные* глаголы, образованные от таких простых глаголов, которые имеют прошедшее однократное («un prétérit simple») (132-133). Акционсартное различие этих форм, объединяюшихся значением полного совершения («s'est entièrement accompli»), Амоньер видит в некоторой длительности или итерации («qui a eu quelque durée, ou s'est répété plusieurs fois») (*сдвигалъ*, *сдвигаю*) и в краткой длительности и

отсутствии итерации («n'a été que de peu de durée, ou ne s'est pas répété») (*сдвинулъ*, *сдвину*) (с. 132).

Аугментативное или делимитативное значение («une signification augmentative ou diminutive») перфектного прошедшего (*пописалъ*) и перфектного будущего (*попишу*) фреквентативных глаголов с приставкой *по* передается словами «beaucoup» и «un peu» (с. 132, 134). Ср. «глаголы учащательные сложные съ предлогомъ по» и «много», «немного» в РГ (1802: 151).

Если бы Амоньер переводил точно, ему следовало бы ввести термин *«plusqueparfait fréquentatif», который соответствовал бы термину «давнопрошедшее многократное» источника и «das Plusquamperfectum frequentativum» Хайма (1804: 81). Во всяком случае «многократное» Академической грамматики обусловливает достаточно сильное проявление фреквентативности в немецком и французском описаниях русского давнопрошедшего и сопряженных с ним неспрягаемых форм.

Особый интерес представляет атрибут «simple» (с. 129, 130, 131, 133 и сл.), переводящий систематически «однократное» Академической грамматики. Амоньер единственный грамматист, у которого фигурируют аспектуальные термины «infinitif simple» (*ахнуть*) (с. 138), (*двинуть*) (с. 180) и «Infinitif parfait simple» (*выдвинуть*) (с. 247), (*быть выдвинуту*) (с. 251). Так, подобно латино-немецкому «simplex», атрибут «simple» в грамматике Амоньера стал полностью аспектуализированным французским атрибутом.

Список образований типа *ахать* -> *ахнуть*...*юркать* -> *юркнуть* (с. 138-144) Амоньер взял из грамматики Фатера (1808: 103-107). Кроме того, перечисляются глаголы, имеющие бесприставочный перфектный инфинитив («un infinitif parfait simple») *бросить*...*явить* (с. 144). Здесь «simple» имеет структурное значение по слову «простое» в четырехкомпонентном термине «неокончательное совершенное наклоненіе простое» (РГ 1802: 162). Академическую грамматику (с. 163-167) дублирует также список глаголов, которые образуют перфектный инфинитив («leur infinitif parfait») препозитивом от инфинитива неопределенного («de leur infinitif indéfini») (*алкать* -> *взалкать*... *яснѣть* -> *пояснѣть*) (с. 144-152).

Прямо принудительным образом и с подчеркнутой ролью фреквентатива аспектуализируются также формы глагола *быть*: «Infinitif indéfini» (*бывать*), «Infinitif parfait» (*быть*), «Infinitif fréquentatif» (*бывывать*) (с. 176), «Prétérit plusqueparfait ou fréquentatif» (*Я бывывалъ* «j'avais été») (с. 178). Ср. РГ (1802: 189, 190).

Для дальнейшего описания образования аспектуально-темпоральных форм особое значение имеет то обстоятельство, что рассматриваемая грамматика передает те два правила образования перфективного и имперфектного инфинитивов приставочного глагола, о которых говорилось в связи с рассмотрением Академической грамматики. Благодаря однокомпонентному термину «infinitif», перевод Амоньера способен описать этот процесс несколько проще, чем подлинник (РГ 1802: 214). Так, в терминологии Амоньера перфектный инфинитив сложного глагола («l'infinitif parfait d'un verbe composé») (*назвать* и т. п.) образуется препозитивом от неопределенного или однократного инфинитива («infinitif

indéfini ou infinitif simple») простого глагола («un verbe simple») (*звать*) (здесь упущен пример *вергнуть* -> *повергнуть*). Соответствующий неопределенный инфинитив («l'infinitif indéfini») (*выписывать* «extraire» и т. п.) формируется от фреквентативного инфинитива («infinitif fréquentatif») (*писывать*) простого глагола (*писать*) (с. 245).

Ряд терминов Амоньера оказывается значительными (весьма даже удачными) французскими инновациями, применяемыми к русским аспектуальным фактам. Через перевод Амоньера Академическая грамматика оказывает влияние на французскую терминологию грамматики Рейфа, а также на некоторые ее содержательные экспликации типа «durée», «peu de durée», «entièrement accopli». В строении же аспектуальной системы Рейфа Академическая грамматика вряд ли сыграла какой-либо существенной роли (см. ниже).

5.5.3. Распад ломоносовской системы в свете грамматики Ивана Орнатовского (1810)

1. Первые симптомы распада ломоносовской темпорально-аспектуальной системы появились сразу с выходом в свет перевода грамматики Ломоносова (1764), а также в других грамматиках ломоносовской традиции. В частности, отступления от системы Ломоносова мы видим в параллельных русских терминах Хайма (1789). Одним из главных факторов распада ломоносовской системы оказалось то, что вместо терминов с аспектуальными атрибутами отдельные авторы ввели в продуманное ломоносовское строение старые темпоральные и структурные термины, которые не отражали однозначно фактов русского языка. Особо это относится к таким словам, как «einfach», «simplex», «simple», «composé».

Рассматривая разложение ломоносовской системы в свете данных «Новѣйшего начертанія правилъ Россійской грамматики» Ивана Орнатовского (1810), мы подытоживаем лишь основные моменты, ставшие релевантными для дальнейшего развития описания и составившие своего рода конфронтацию новым идеям начала XIX века. В связи с процессом, называемом нами «распадом», необходимо отметить также отдельные нововведения, которые на отдельных этапах описания оказываются плодотворными для пересмотра языковых фактов.

Автор рассматриваемого труда, который входит в направление универсальной грамматики в России[382], знает многие европейские и неевропейские языки. К тому же, он хорошо знаком с грамматической традицией, отмечая, в частности, Лудольфа. По сравнению с описаниями нового направления, в частности с Таппе (1810), система Орнатовского «старомодна» и несколько противоречива. Орнатовский следует во многом Академической грамматике (ср. «исполненное дѣйствие»), причем многие примеры «употребленія временъ» (с. 240-241) просто скопированы из РГ (1802: 278-280).

2. Помимо параллельных латинских терминов, связь с античностью выявляет сопоставление времени с «рѣкою вѣчно текущею и никогда неостанавливающеюся»

[382] См. ЛЭС (1990: 622), Бидерманн (1981: 123).

(с. 126), которое отражает слова «tempus fluvii more instabili volvatur cursu» Присциана (с. 405). При этом Орнатовский придерживается традиционного представления о трех главных временах, из которых прошедшее и будущее разделяются на части по отдаленности или близости действия к настоящему моменту. С этими отрезками времени связаны «продолжительнѣйшія и кратчайшія части» (с. 126), под которыми понимаются аспектуальные различия отдельных времен. Отдаленность или близость действия к настоящему (говорящего) вызывает появление «нѣсколькихъ побочныхъ или дополнительныхъ временъ» (с. 127). Идея трех временных планов иллюстрируется предикатами *ударяетъ - ударилъ - ударитъ*, которые, однако, не однородны по виду (с. 126). Термином «роды (genera) глаголовъ» (с. 117, 118) указывается на залоговую классификацию глаголов.

Подход Орнатовского к темпоральным системам проявляется в его восклицании с указанием на «степени времени»: «проницательнымъ изобрѣтеніемъ различныхъ степеней времени Россійскій языкъ по Греческомъ превосходитъ всѣ древніе и новѣйшіе языки въ Европѣ» (с. 127). По изложению автора, у сложных глаголов есть восемь, у простых шесть времен (там же). В целом система Орнатовского осложняется отмеченным нами выше фактом: *чем больше аспектуальных разрядов, тем больше аспектотемпоральных форм*.

Схема № 23. Система времен Орнатовского (1810)[383]

Время:
Настоящее - *я черпаю, радуюсь; строю*

Прошедшее:
неокончательное или несовершенное - *я черпалъ, радовался; строилъ*
окончательное или совершенное или однократное - *я черпнулъ, возрадовался; построилъ*
Давно прошедшее или многократное - *я черпывалъ, строивалъ*
второе (первое) - *я бывало черпалъ*
третье (второе) - *я бывало черпывалъ*

Будущее:
неокончательное или многократное - *я буду черпать; буду строить*
окончательное или однократное или совершенное - *я черпну, возрадуюсь*

[383] См. Орнатовский (1810: 126-130, 135-202).

Вариативными аспектуальными атрибутами оказываются, с одной стороны, «неокончательное», «несовершенное», «многократное, а с другой - «окончательное», «совершенное», «однократное».

Указанные в схеме времена имеют следующие латинские соответствия: «tempus praesens» (с. 127), «praeteritum tempus» (с. 128), «futurum tempus» (с. 129), «praeteritum imperfectum, vel indefinitum», «praeteritum perfectum tempus», «tempus plus quam perfectum» (с. 128), «futurum indefinitum» (с. 129), «futurum finitum» (с. 130)[384]. Латинских эквивалентов не имеют «однократные» времена. Инновацией среди латинских терминов оказывается «futurum finitum», составленный, по-видимому, по модели «Präteritum indefinitum» и «Futurum indefinitum» Хайма (1804: 80, 110). По-видимому, атрибут «finitum» (от гл. *finio*) просто неточно переводит «совершенное». «Будущее совершенное» («futurum finitum») не выступает в глагольных парадигмах и в дальнейшем тексте Орнатовского.

Орнатовский единственный русский грамматист, который использует составной термин «будущее многократное» (с. 136, 159, 171). По-видимому, данный термин выступает у него как синоним «неокончательного» и «несовершенного». (Ср. ниже Никольской).

Самыми значительными нововведениями Орнатовского явились аспектуальные атрибуты «неокончательное» и «окончательное» в составных терминах «прошедшее неокончательное» (с. 128), «будущее неокончательное» (с. 129), «прошедшее окончательное» (с. 143), «будущее окончательное» (с. 145). Новые атрибуты, как и содержательные экспликации Орнатовского, подчеркивают завершение (конец) действия. Эти новшества отразились также в последующей традиции (см. ниже).

Появление аспектуального термина «неокончательное» может быть обусловлено просто переводом латинского «imperfectum» или немецкого «unvollendet», «noch nicht vollendet», или же автор вложил новое содержание в старый термин с целью разграничения его от категориального модусного названия «неопредѣленное». Ср. тот же атрибут затем у Никольского (1830) и потом в термине «неокончательный видъ» у Востокова (1831). Термин «окончательное» может отражать немецкий «geendigt», «beendigt» или «vollendet», или же он восходит к латинскому «exactum» (см. приложение).

Из имперфективных наименований господствующими являются «прошедшее неокончательное» и «будущее неокончательное». Наряду с «прошедшим неокончательным» выступает «прошедшее несовершенное», которое в русской традиции постепенно обобщается и завоевывает сферу употребления у «прошедшего неопредѣленного» (которого нет у Орнатовского). Однако пока все еще нет термина «будущее несовершенное». В прошедшем имперфективное действие обозначается атрибутами «неокончательное» и «несовершенное» (время), а в будущем атрибутами «неокончательное» и «многократное», но не словом «несовершенное».

[384] О виде, временах и их латинских соответствиях у Орнатовского см. Бидерманн (1981: 127-130). В свое время Балицкий (1876 А: 45) писал, что Орнатовский якобы «наложил на русский материал готовую рамку латинской грамматики». Кульман (1917: 89) считает книгу Орнатовского «обычной школьной грамматикой».

Укажем некоторые признаки и содержательные экспликации отдельных времен. Действие настоящего времени (*я двигаю*, *братъ спитъ*, *сердце мучится*) характеризуется локализацией «въ сію самую минуту» (с. 127). Экспликация «состояніе продолжающееся и несовершенно оконченное» «прошедшего неокончательного» (*я двигалъ*, *братъ спалъ*, *солнце восходило*, *сердце мучилось*) (с. 128) является типичной дефиницией содержания имперфекта, в которой фигурируют признаки продолжения и незавершенности (ср. «halbvergangene Zeit»). Для «будущего неокончательного» характерна неизвестность о завершении действия («окончится ли оно или нѣтъ») (с. 129). Элемент повторяемости здесь не приводится.

Действие «прошедшего совершенного» представляется «совершенно исполненнымъ» и «совсемъ отдаленнымъ» от настоящего (с. 128). Параллельным термином «praeteritum perfectum tempus» это время отличается от времени «perfectum praesens». Словами «однажды произшедшее» характеризуется «прошедшее однократное время», примеры которого (*я двинулъ*, *солнце взошло*, *сердце замучилось*) свидетельствуют о неразличении (смешении) автором семельфактивного и несемельфактивного действий (там же).

Вслед за Академической грамматикой, многокомпонентное название «давно прошедшее или многократное» приписывает времени, обозначенному синтетическими формами *я двигивалъ*, *братъ сыпалъ*, *солнце всхаживало*, *сердце мучивалось*, значение сильно акцентированной итерации, выраженное также в пояснении «многократно повторенное» (с. 129). Ср. Соколов (1806). Вместе с тем, по мнению Орнатовского, первое (аналитическое) «давнопрошедшее» типа *я бывало черпалъ* характеризуется неповторяемостью, что обозначается своеобразно и атрибутом «однократное» в названии этого темпуса: «давно прошедшее однократное первое» (с. 144). «Второе давнопрошедшее» (*я бывало двигалъ*) означает действие «несовершенно окончившееся», а третье (*я бывало двигивалъ*) - действие «очень давнее и многократно происходившее» (с. 129).

Признак определенности или уверенности, сочетающийся с совершением действия в значении «будущего совершенного» выражается наречием «непремѣнно» («будущее состояніе, имѣющее непремѣнно совершиться») (с. 130), в котором может отражаться «gewiss» в немецкоязычном описании (ср. Хайм и др.).

Неразработанность аспектуальной терминологии вызывала использование темпоральных атрибутов в аспектуальных функциях в описании неиндикативных форм. Наглядно это проявляется в таких формулировках, как «Наклоненіе повелительное. Время многократное» (*Бывай*, *пусть он бываетъ*) (с. 141), «Повелительное наклоненіе. Время многократное» (*Ты черпай*, *сѣки*, *радуйся*) (с. 145).

Итак, при описании неиндикативных и неспрягаемых категорий аспектуальные признаки обозначались теми же атрибутами, как и при спрягаемых формах изъявительного наклонения, причем обозначение аспектуальности постепенно обособлялось от дейктического времени и переходило к неиндикативным и к неспрягаемым формам глагола. Обособление аспектуальных атрибутов от дейктического времени повлекло за собой появление комбинаций, в которых собственно не было темпорального элемента, ср.: «*время неокончательное*» и «*время окончательное*» «неопредѣленного наклонения», которыми обозначались инфинитивы *мучить*, *давить*, *строить* и *замучить*, *давнуть*, *построить* (с. 172).

Также Орнатовский образует одни времена от других темпоральных форм. Время «прошедшее окончательное» образуется приставкой от «прошедшего неокончательного»: *алкалъ -> вз-алкалъ*, *чахнулъ -> из-чахнулъ* и т. д. (с. 153). В этой функции выступают 11 «предлогов» (с. 153-157), упущены приставки с явно пространственным значением. Любопытно, что приставка *съ* в соединении с глаголами показывает «*совершенное окончаніе* дѣйствія» (*со-вралъ*, *с-горѣлъ*, *с-пѣлъ* и т. п.), В том же значении употребляется приставка *у*. (с. 157), приставка *изъ* выражает «дѣйствіе до последней точки» (*из-баловалъ*) (с. 154).

Вслед за Академической грамматикой Орнатовский стремится дифференцировать семельфактивное действие в прошедшем и будущем экспликациями «однажды произшедшее» (с. 128), «имѣющее совершиться однажды» (с. 130). Аналогичное стремление различить семельфактивное значение при помощи «однократного» наблюдается в типовых парадигмах, ср.: «прошедшее совершенное окончательное, или однократное» (*я замучилъ*, *давнулъ*, *построилъ*) (с. 171). «Прошедшее совершенное или *окончательное* 1.» (*я разсѣкъ*, *настроилъ*), «прошедшее совершенное или *однократное* 2.» (*я разсѣкнулъ* (с. 192), «будущее окончательное I.» (*я разсѣку*, *настрою*), «будущее окончательное II.» [однократное] (*я разсѣкну*) (с. 193).

Система Орнатовского показывает, что автор руководствовался не до конца продуманными идеями, колебался в названиях темпоральных форм. Орнатовский осложняет и без того достаточно громоздкое описание, содействуя этим дальнейшему распаду описания темпорально-аспектуальной системы ломоносовской традиции. Объединив функционально «совершенное» и «однократное» Академической грамматики (1802, 1809), Орнатовский добавил к ним еще третий перфективный атрибут «окончательное» (с. 171). В целом Орнатовский относится к консервативному направлению описания русской грамматики. Аспектуальной классификации глаголов, как и глагольной деривации Орнатовский не уделяет внимания.

6. ВКЛАД ПОЛЬСКИХ И ЧЕШСКИХ ГРАММАТИСТОВ КОНЦА XVIII - НАЧАЛА XIX ВЕКА

6.1. Аспектуальные классы глаголов Копчинского (1778)

1. Рассматриваемые здесь данные описаны в учебнике польского языка, составленном по поручению Комиссии по просвещению Онуфрием Копчинским (1735-1817), ученым членом ордена Пиаристов. Фактически Копчинский написал параллельный учебник польского и латинского языков для обучения в трех классах народных школ. Три части вышли в 1778-1783 гг. в Варшаве[385]. Мы ограничимся анализом и данными лишь первого издания учебника для первого класса (1778), в котором наилучшим образом раскрываются концепции Копчинского.

Копчинский славится тем, что он ввел множество польских грамматических терминов, существующих по сей день: «słowo jednotliwe» и «częstotliwe», «niedokonane» и «dokonane» и др.[386] Для нас интерес представляют также латинские параллели аспектуальных понятий и терминов. Основные аспектуальные термины Копчинского восходят прямо к терминам Росы[387]. Инновации «*słowo niedokonane*» и «*słowo dokonane*» являются чистыми кальками латинских «verbum imperfectum» и «verbum perfectum», а также «konánj - ne dokonánj» у Росы. К чешской традиции восходят и «słowo jednotliwe» («singulare») и «słowo częstotliwe» («frequentativum») польского грамматиста.

На Росу как на предшественника указывают как раз его чешские параллели, которые Копчинский приспособил к польскому языку, сохраняя латинские в качестве параллельных названий (см. приложение). Несмотря на то, что в сфере глагола создаются многие грамматические термины при помощи элемента *-owanie* (ср. лат. *-atio*) «osobowanie», «liczbowanie», «rodzaiowanie», «czasowanie», «trybowanie» и т. п. (с. 28-30), категориального термина вида и Копчинский не ввел.

Приемам суффиксации и префиксации глаголов Копчинский не уделяет много внимания. Просто указываются простые («Słowa Niezłożone», «simplicia») и сложные глаголы («Złożone», «composita»): *kładę* «pono» - *składam* «compono», *chodzę* «gradior» - *przechodzę* «transgredior», *piszę* «scribo» - *wpisuię* «inscribo», *mowię* «loquor» - *wymawiam* «eloquor» (с. 32). Примечательно, однако, что приставочные глаголы совершенно правильно даются в форме НСВ.

2. Количественная классификация глаголов («słowa jednotliwe, singularia» - «słowa częstotliwe, frequentativa») маркируется семантическим противопоставлением «ieden raz» - «częste bywanie» и иллюстрируется примерами: *dać - dawać*, *brać - bierać*, *być - bywać*, *mieć - miewać*, *jeść - iadáć*, *pić - piiáć* (с. 32). Кроме того, в случае отсутствия соответствующего глагола

[385] См. Ягич (1910: 54-55), Клеменсевич (1980: 666).

[386] См. Клеменсевич (1980: 668).

[387] На зависимость Копчинского от чешской традиции указывал уже Маслов (1959: 169).

фреквентативное значение («częste lub ustawiczne bycie, czynienie lub branie czego») может быть выражено описательно наречием или другими средствами: «nigdy nie kłamię, często wątpię, wszystko roztrząsam» и т. д. («Przypisy» с. 156)[388].

Видовые пары, состоящие из имперфективных и перфективных глаголов - «słowa niedokonane» («imperfecta») - «słowa dokonane» («perfecta»), иллюстрируются примерами бесприставочных и приставочных глаголов. При этом формой прошедшего указывается независимость темпоральности от аспектуальности: *dawać*, *dawałem - dać*, *dałem*, *robić*, *robiłem - zrobić*, *zrobiłem*, *płacić*, *płaciłem - zapłacić*, *zapłaciłem*, *pisać*, *pisałem - napisać*, *napisałem* (с. 33).

Имперфективные глаголы означают действие несовершенное («czynienie niedokonane»), перфективные - совершенное действие («czynienie dokonane») (с. 33). Видовое противопоставление устанавливается по первичному признаку совершения. Признак завершения и конца указывается автором как вторичный, дополняющий и поясняющий первичный признак совершения. Само собою разумеется, что атрибуты «dokonane» и «niedokonane», как и существительные «dokonanie», «niedokonanie» (с. 157), восходят к глаголу *dokonać* 'совершить', соответствующему глаголу *perficere* в метаязыке Росы.

Так, первый класс Копчинского устанавливается по количественному признаку единичности - неединичности (многократности), в то время как второе деление представляет собой собственно видовую классификацию с делением глаголов на два класса по признакам совершения и/или достижения конца действия, ср.: «rzecz dokonana czyli skończona», «rzecz niedokonana czyli niedokończona» («Przypisy» с. 157), «dokończone», «rzecz przyszła...skończona czyli dokonana będzie» (с. 160).

В соответствии с двойной классификацией чешской традиции Росы оба деления глаголов являются самостоятельными, перфектные и имперфектные глаголы не подчинены сингулярным и фреквентативным. Глаголы семантических классификаций могут быть как простыми, так и сложными. Таким образом, все аспектуально значимые классификации, как словообразовательные, так и собственно аспектуальные заимствованы у Росы и применены очень искусно к польскому языковому материалу: I. «Słowa Jednotliwe» («singularia») - «Słowa Częstotliwe» («frequentativa»): *dać - dawać*, *brać - bierać*. II. «Słowa Niedokonane» («imperfecta») - «Słowa Dokonane» («perfecta»): *dawać - dać*, *robić - zrobić*, *płacić - zapłacić*, *pisać - napisać* (с. 32-33).

Остроумными примерами обоих классов (*dać - dawać* и *dawać - dać*), показывается, что в одном глаголе могут быть сопряжены как акционсартные, так и собственно видовые характеристики. По-видимому, также приставочные имперфективы типа *dodawać* трактуются автором как «niedokonane».

По модели латинских *amare*, *praebere*, *petere*, *audire* (с. 64) термин «forma» Копчинского, заимствованный в функции типа спряжения у Росы (1762: 200), классифицирует глаголы в четыре спряжения, но не порождает новых глаголов. Более важно и действительно релевантно для описания польского языка

[388] Комментарий «Przypisy» имеет отдельную пагинацию.

то обстоятельство, что аспектуальность указывается глагольной парой *в каждом отдельном спряжении*, например *kochać - ukochać* в первом спряжении (с. 55). Эта последовательность, по-видимому, не осложняется тем фактом, что в принципе коррелятивные глаголы разных видов могут входить и в разные типы спряжения.

Особо следует отметить, что в спряжениях последовательно приводится видовое различие «dokonany» - «nedokonany» в прошедшем и будущем, в то время как количественное противопоставление сингулярных и фреквентативных глаголов в темпоральных формах спряжений не фигурирует. Видовое противопоставление пронизывает все глагольные категории, даже причастие будущего: *mający kochać* или *ukochać* (с. 58). В польской традиции Копчинского особо не выделяются семельфактивное прошедшее и семельфактивное будущее (типа ломоносовского «однократного»).

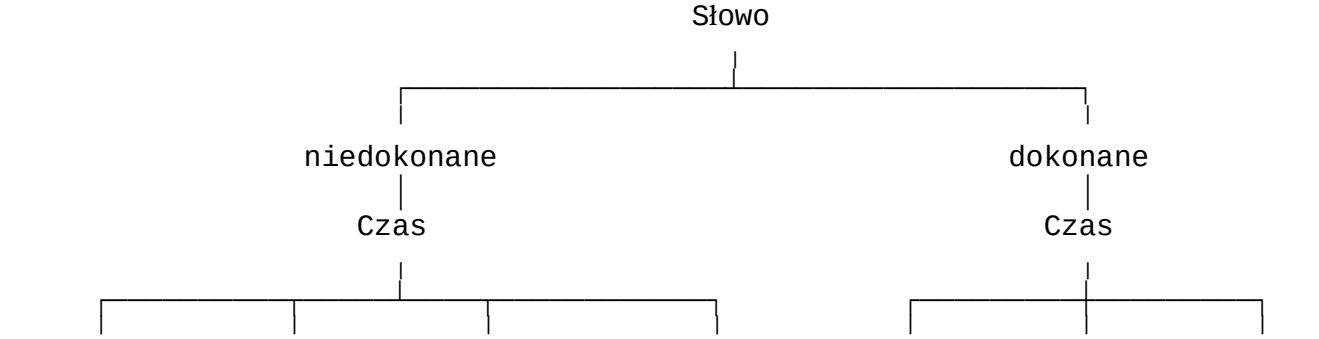
3. Четвертое изменение глагола («Czwarta słow odmiana»), описывающее темпоральные различия, обнаруживает непоследовательное выражение прошедшего и будущего перфективной формой, и даже латинской формой второго будущего, в одном примере имперфектом, в другом перфектом, ср.: *jestem, byłem, będę* - «sum, fui, ero», *stoję, stałem, stanę* - «sto, stabam, stetero», *robię, zrobiłem, zrobię* - «ago, egi, egero» (с. 30).

Согласно автору, в польском языке есть, строго говоря, только три времени - настоящее, прошедшее и будущее («Teraźnieyszy, Przeszły i Przyszły» («Przypisy» с. 139). В соответствии с традицией Росы, Копчинский придерживается принципа, по которому глагол того или другого вида имеет или имперфективные, или перфективные формы (один глагол не совмещает форм двух видов), т. е. состав темпоральных форм зависит от вида глагола (ср. ниже Бандтке):

> «**Słowa Niedokonane** maią Czasòw cztery: 1. Teraźnieyszy, piszę 2. Przeszły, pisałem 3. Zaprzeszły, pisałbym był 4. Przyszły, pisać będę, lub będę pisał, lub mam pisać. **Słowa Dokonane** maią Czasòw trzy: 1. Przeszły, napisałem 2. Zaprzeszły, napisałem był 3. Przyszły, napiszę, lub mam napisać» (с. 160) (выделено нами. - Р.Р.).

В полном виде комбинированные названия видо-временных форм следующие (с. 55-57): «Czas teraźnieyszy» («praesens»), «Czas przeszły niedokonány» («imperfectum»), «Czas przeszły dokonány» («perfectum»), «Czas zaprzeszły» («plus quam perfectum») [niedokonany или dokonany], «Czas przyszły» («futurum») 1. «Niedokonany», 2. «Dokonany». При названии плюсквамперфекта аспектуальные атрибуты просто не повторяются, а подразумеваются на основании примеров, данных последовательно в обоих видах (см. схему). См. также «Przypisy» (с. 157, 160).

Схема № 24. Видо-временная система Копчинского (1778)[389]



Słowo niedokonane:
Czas:
teraźnieyszy (praesens) - *kocham*, *daię*, *proszę*, *słyszę*
przeszły (imperfectum) - *kochałem*, *dawałem*, *prosiłem*, *słyszałem*
zaprzeszły (plus quam perfectum) - *jam był kochał*, *dawał*, *prosił*, *słyszał*
przyszły (futurum) - *będę kochał* (*będę kochać*), *dawał*, *prosił*, *słyszał*

Słowo dokonane:
Czas:
przeszły (perfectum) - *ukochałem*, *dałem*, *uprosiłem*, *usłyszałem*
zaprzeszły (plus quam perfectum) - *jam był ukochał*, *dał*, *uprosił*, *usłyszał*
przyszły (futurum) - *ukocham*, *dam*, *uproszę*, *usłyszę*

[389] См. Копчинский (1778: 33, 55-57, 160).

Необходимость дифференциации акционсартных и видовых различий с учетом также структуры глагола прекрасно показывается в пояснительном комментарии отдельных глагольных форм: «Tknąć, iest Słowo Jednotliwe i Dokonane: ma czas przeszły Tknąłem, czas przyszły Tknę...Podobne mu w znaczeniu Tykać, iest Słowo Częstotliwe i Niedokonáne...Chcieć, Ginąć, Naśladować, są Słowa Jédnotliwe, i Niédokonáne...Spytać się, rozgniewać się, są Słowa Złożone, Jédnotliwe, Dokonane» (с. 93). Здесь бросается в глаза выделение глаголов типа *chcieć*, *ginąć* и *naśladować*, в которых единичность совмещается с несовершенностью.

В соответствии с последовательным бинарным противопоставлением глаголов Копчинский выделяет также имперфективное и перфективное давнопрошедшее (*Dawałbym był*, *Dałem był*). По мнению автора, для выражения давнего времени используется прошедшее время вспомогательного глагола, которое соединяется с прошедшим временем несовершенного или совершенного глагола по различию в мысли («według różności myśli»). Такая глагольная форма спряжения называется «Czas zaprzeszły (plus quam perfectum)» («Przypisy» с. 157).

Являясь сопоставительной грамматикой польского и латинского языков, грамматика Копчинского раскрывает занимательные наблюдения относительно выражения аспектуальности в этих языках. Так, описывая четыре латинских спряжения, Копчинский приводит последовательное сопоставление, в котором первому латинскому будущему («Futurum primum, przyszły niedokonany») *amabo* соответствует имперфективное польское будущее *będę kochał*, а второму перфективному латинскому («Futurum secundum, przyszły dokonany») *amavero* - перфективное будущее *ukocham* в польском языке (с. 66).

Существенно замечание относительно выражения аспектуальности различным способом в латинском и польском. В латинском языке выражение трояких различий («wyrażanie troistey okoliczności») в прошедшем происходит изменением окончаний *одного глагола* (*dabam*, *dedi*, *dederam*), но в польском языке - *двумя разными глаголами* (*brałem* и *wziąłem*)[390]. В таком случае аналитический плюсквамперфект в польском языке также совершенно последовательно образуется при помощи прошедших двух глаголов разных видов (с. 158).

По мнению автора, прошедшее время никогда не выражается само собой, а всегда с отношением *совершения или несовершения* к высказываемогу суждению («ze względem dokonania lub niedokonania tego, o czem się sądzi»). Однако не для каждого суждения имеется несовершенный или совершенный глагол. Часто совершенные глаголы употребляются вместо несовершенных, и наоборот («Przypisy» с. 157). Такое же отношение совершения или несовершения выражается не только в глаголах, но и в отглагольных именах (с. 158).

И не всегда столь заметное различие найдется между совершенными и несовершенными глаголами, как между глаголами *brać* и *wziąć*. В силу экономии польского языка изменением, удалением или добавлением буквы или слога от совершенного глагола составляется несовершенное, и наоборот, например: *dać*, *dałem* ->

[390] Кстати, из слов Копчинского можно заключить, что, поскольку видовые формы в латинском являются образованиями одного глагола, в латинском языке нет глаголов несовершенного и совершенного вида.

dawać, *dawałem*, *zjeść*, *zjadłem* -> *jeść*, *jadłem*, *uczić*, *uczyłem* -> *czić*, *czyłem* («Przypisy» с. 157).

Совершенные и несовершенные времена возникают от совершенных и несовершенных глаголов: «co są Słowa Dokonane, a co Niedokonane, z czego nasze Czasy Dokonane, i Niedokonane wynikaią» (с. 174). При этом, как уже говорилось, указывается на то, что глаголы того или другого вида не имеют тех или других времен.

Совершенные глаголы не имеют настоящего времени, которое означает начатое дело или продолжение начатого дела («rozpoczęcie lub ciągnienie rozpoczętey rzeczy»), так как то, что завершено, не может начинаться («nie można poczynać, co iuż iest dokończone»). И поэтому совершенные глаголы имеют будущее время, ибо будущая вещь иногда считается в этом состоянии законченной или совершенной («rzecz przyszła w tym stanie iak skończona czyli dokonana będzie») (с. 160).

Описанное автором правило негации предполагает, что при императивной негации с «nie» однократные и совершенные глаголы (утвердительного предложения) меняются на многократные и несовершенные (в запрещающем предложении): *Wstań -> Nie wstaway*, *Wyiedź -> Nie wyieżdżay* (с. 164). Ср. Копчинский (1780: 45), где говорится только о замене перфектива формой имперфективной. Это правило мы видели еще у Статориуса (1568: 107).

6.2. Двойная аспектуальная система Франца Томсы (1782)

1. Значительный этап чешской грамматической традиции конца XVIII века представляет собой солидный учебник чешского языка (418 с.) крупного филолога Франца И. Томсы (1753-1814)[391].

По своей классификации глаголов Ф. Томса относится еще к «старому» поколению чешской традиции Росы и Долежала. Особый интерес представляет собой немецкий метаязык учебника, являющийся первым среди наших западнославянских источников и имеющий немаловажного предшественника в переводе грамматики Ломоносова (1764)[392].

2. Темпоральная система Томсы состоит из пяти времен, специфические значения которых, однако, не описываются:

> «Tempora oder Zeiten sind fünf: 1) Präsens oder die gegenwärtige Zeit; 2) Imperfektum oder die jüngstvergangene Zeit; 3) Perfektum oder die völligvergangene Zeit; 4) Plusquamperfektum oder die längstvergangene Zeit; 5) Futurum oder die zukünftige Zeit» (с. 247).

[391] Помимо учебников чешского языка, Франц Томса известен как директор издательства в Праге и автор немецко-чешского словаря (1789) и чешско-немецко-латинского словаря (1791), составленных под руководством Добровского. См. Шафарик (1826: 364), Ягич (1910: 94), Станкевич (1984: 20).

[392] К сожалению, в нашем распоряжении не были написанные по-немецки грамматики Иоанна Вацлава Поля (Pohl) 1756 и 1773 гг., отмеченные Станкевичем (1984: 7).

И темпоральная терминология («völligvergangene», «längstvergangene») Томсы обнаруживает некоторое сходство с Ломоносовым (1764). Откуда происходит «jüngstvergangene», встречающийся в наших источниках только у Томсы, мы не знаем. Может быть, оно заимствовано из какой-то грамматики немецкого или латинского языка. Если термин - инновация Томсы, то он образован как протипоставление термину «längstvergangene» и «vorlängst vergangene» Ломоносова. (Ср. аналогичные поиски подходящего термина у Готтшеда (1748/1762: 351) «die kaum vergangene (praeteritum imperfectum)».

В названиях времен отражается ярко традиционное представление, что времена осмысляются расположенными на оси времени в порядке налево и направо (вернее - назад и вперед) от настоящего: «längstvergangene» <- «völligvergangene» <- «jüngstvergangene» <- «gegenwärtige» -> «zukünftige».

Схема № 25. Система пяти времен Томсы (1782)[393]

Tempus oder die Zeit:
1. Präsens oder die gegenwärtige Zeit - *wolám*
2. Imperfektum oder die jüngstvergangene Zeit - *wolal sem*
3. Perfektum oder die völligvergangene Zeit - *wolal sem*, *zawolal sem*
4. Plusquamperfektum oder die längstvergangene Zeit - *byl sem wolal*, *wolal sem byl*
5. Futurum oder die zukünftige Zeit - *budu wolati*, *zawolám*

Так, имперфект содержит исключительно имперфективные формы, которые, однако, в парадигмах называются регулярно попарно «Jüngst- und völligvergangene Zeit» (*wolal sem*) (с. 255), (*milowal sem*) (с. 270) и т. д. Этим указывается на двойное значение (имперфектное и перфектное) форм данного типа. Парадигмы перфективных глаголов содержат только «Völligvergangene Zeit» (*zawolal sem*) (с. 266) и синтетическое будущее «Zukünftige Zeit» (*zawolám*) (с. 267). Две формы будущего терминологически не различаются (см. схему).

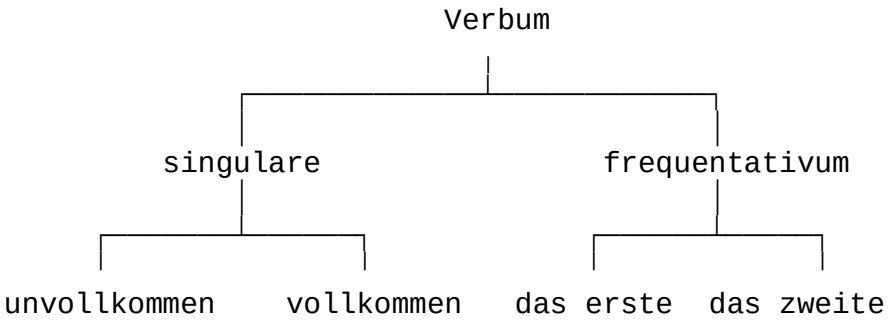
Исходный фактор описания парадигматики (спряжения) заключается в бинарном делении глаголов на два аспектуально соотносительных класса (имперфективный и перфективный), предопределяющим состав темпоральных форм. См. «Muster der unvollkommenen Zeitwörter» (*wolati*) (с. 254) в его противопоставлении к «Muster der vollkommenen Zeitwörter») (*zawolati*) (с. 266). Самостоятельность соотносительного глагола проявляется в дефектности отдельного глагола по отношению к временам, не все глаголы имеют всех пяти времен (с. 247).

3. В порядке преемственности чешской традиции Долежала описывается следующая система глаголов, где глаголы «vollkommen» и «unvollkommen» подчиняются

[393] См. Томса (1782: 247, 254-320).

рязряду сингулярных глаголов. В отличие от Долежала, система Томсы имеет лишь два фреквентатива:

Схема № 26. Система глаголов Томсы (1782)[394]



Verbum:
I. **Singulare**:
а) unvollkommen - *dělat*, *dělám*, *dělal sem*, *budu dělat*; *chytat*
б) vollkommen - *udělat*, *udělal sem*, *udělám*; *chytit*

II. **Frequentativum**:
а) erste - *děláwati*, *bráwati*, *křičjwati*, *sedjwati*, *prosýwati*
б) zweite - *bráwáwati*, *sedjwáwati*, *mjwáwati*, *prosýwáwati*

Выделяются три типа и ступени классификации: 1. акционсартный по количественному признаку единичности - неединичности (однократности - неоднократности), 2. видовой по признаку перфективности - имперфективности («vollkommen - unvollkommen»), 3. акционсартный по формальному признаку «степени» деривации (на семантическое различие первого и второго фреквентатива не указывается).

По первичной классификации все глаголы распадаются на сингулярные и фреквентативные. Из них «*verba singularia*» со значением единичного действия («eine einzige Handlung») (с. 248) являются перфективными или имперфективными. При этом перфективные («die vollkommenen Zeitwörter») являются не обязательно семельфактивами. Итак, на первой ступени классификации сингулярные глаголы составляют акционсартное противопоставление глаголам фреквентативным. Единичное (однократное) имперфективное действие выражают бесприставочные, единичное перфективное - приставочные глаголы (см. схему). Если фреквентативы понимаются одновременно как несовершенные, они состоят вместе с собственно имперфективами («unvollkommene») в оппозиции собственно перфективным («vollkommene»). Это, однако, у Томсы эксплицитно не сказано, видимо потому, что в созданном Росой построении типичная для чешского языка количественная аспектуальность является весьма сильной.

Парные аспектуальные атрибуты сочетаний «die vollkommenen - unvollkommenen Zeitwörter» (с. 248, 254, 266, 270, 276, 279, 287, 290, 297, 304, 308, 311, 315), переводящие «verba perfecta - imperfecta» Росы и Долежала, используются и здесь как атрибуты глагольных лексем. По всей

[394] См. Томса (1782: 248-250).

вероятности, они перекликаются с грамматикой Ломоносова 1764 г., где те же прилагательные, однако, определяют формы времени (см. выше). Следовательно, у Томсы данные «старые» атрибуты выступают в новой функции и вместе с тем предвещают будущие «vollendet» и «unvollendet» (см. ниже). (Между учебником Томсы и переводом грамматики Ломоносова наблюдаются и другие соответствия, которые вряд ли являются случайными: «Zeitwort», «Abwandlung», «Art», «gewiss», «längstvergangene», «völligvergangene», «zukünftige Zeit» и т. д.). Основную классификацию глаголов Томса сформулировал при помощи сопоставления с немецким языком:

> «Die Zeitwörter sind entweder persönlich oder unpersönlich...Hierin kömmt die böhmische Sprache mit der deutschen überein; in folgendem aber hat jene vor dieser grossen Vorzug. Sie hat nemlich Verba *singularia* und *frequentativa*. Singularia sind entweder *vollkommen* oder *unvollkommen*. Frequentativa sind entweder die ersten oder die zweiten» (c. 248).

Итак, если сингулярные глаголы являются или перфективными, или имперфективными, то исключительно перфективные представлены глаголами «Die vollkommenen Zeitwörter». В семантическом плане возможна оппозиция, в которой глаголы «die vollkommenen singularia» противопоставляются разрядам «die unvollkommenen singularia» и «frequentativa» вместе (на том условии, что у Томсы нет перфективных фреквентативов).

Итак, Томса придерживается классификации Долежала, по которой «die vollkommenen - unvollkommenen Verba» не совсем самостоятельны, а, подчиняясь разряду сингулярных, находятся в зависимом положении от первичного количественного деления глаголов. Также он сохраняет принцип, по которому сингулярные глаголы могут быть имперфективами или перфективами со значением единичного действия.

Сингулярные несовершенные («die unvollkommenen») глаголы означают единичное действие в процессе совершения («die Handlung im Geschehen»), совершенные же («die vollkommenen») выражают или совершенное действие или действие, которое определенно будет совершено. Свои центральные концепции относительно значений этих глаголов Томса сформулировал так:

> «Singularia zeigen eine einzige Handlung an; und zwar die **unvollkommenen** zeigen die Handlung im Geschehen an, z. B. dělat, machen, thun; dělám, ich mache; dělal sem, ich machte, ich habe gemacht; budu dělat, ich werde machen. Chytat, fangen; chytám, ich fange; chytal sem, ich wollte fangen, (bemühete mich zu fangen); budu chytat, ich will fangen (ich werde mich bemühen zu fangen). Die **vollkommenen** zeigen eine Handlung an, die entweder vollbracht ist, oder die gewiss vollbracht werden soll, z. B. udělat, machen, thun; udělal sem, ich habe gemacht, ich habe gethan; udělám, ich werde machen, ich werde thun. Chytit, fangen; chytil sem, ich fing, ich habe gefangen; chytjm, ich werde fangen» (c. 248) (выделено нами. - Р.Р.).

Совершенно очевидно здесь определение содержания перфективных глаголов отражает дефиницию «actio vel finita, vel certo finienda» Долежала (1746: 74). Однако, в отличие от атрибута «finita» Долежала, «vollbracht» (от гл. *vollbringen*) Томсы не подчеркивает завершения действия. Конативность

отражают такие толкования как «ich wollte fangen, bemühete mich zu fangen» (с. 248). Ср. ниже «Bestrebung nach» у Томсы (1804: 10).

Вместе с тем обозначающие определенность «certo» Долежала и «gewiss» Томсы перекликаются с «gewiss» в той же функции в переводе Ломоносова, где данное наречие передает значение времен «praeteritum perfectum» и «futurum perfectum»: «eine vollkommen verrichtete, oder eine zu verrichten gewiss bestimmte Handlung» (Ломоносов 1764: 171). Так, «certo» Росы и Долежала фигурирует как «gewiss» у Ломоносова и Томсы, причем линия «certo» -> «gewiss» оказывается существенным показателем в развитии признака определенности - неопределенности («gewiss - ungewiss»).

Так, в эволюции обозначения перфективности Роса и Долежал могут быть общими источниками Ломоносова и Томсы, ср.: «verbum perfectum» (Роса, Долежал) -> «прошедшее/будущее совершенное» (Ломоносов 1755), «vollkommen vergangene/zukünfftige», «praeteritum/futurum perfectum» (Ломоносов 1764) -> «die vollkommenen Zeitwörter» (Томса 1782). Как уже говорилось, по своей позиции при «времени» атрибуты Ломоносова составляет в этой эволюции как бы «исключение».

Если бы Франц Томса сумел окончательно разграничить глаголы второй классификации от первой, количественной аспектуальности (способа действия), он решил бы и один из кардинальных вопросов, получивших правильное решение только в XX веке. Дело в том, что он совершенно правильно описывает соотношение перфективных и имперфективных глаголов с учетом решающей роли суффиксации в образовании так называемых вторичных имперфективов, ср.[395]:

> «Einige Wörter sind in sich selbst entweder vollkommen oder unvollkommen, z. B. *chytat*, fangen, ist ein unvollkommenes; *chytit*, fangen, ist ein vollkommenes Zeitwort. Andre sind in sich selbst unvollkommen, sie werden aber durch die Zusammensetzung mit Vorwörtern vollkommen, z. B. *dělat*, machen, thun, ist ein unvollkommenes, *udělat*, machen, thun, ein vollkommenes Zeitwort.
> Es werden aber auch aus denen, die durch die Zusammensetzung vollkommen geworden sind, unvollkommene gemacht, z. B. von *držet*, halten, einem unvollkommenen Zeitworte ist *zdržet*, aufhalten, ein vollkommenes, und von diesem ist *zdržowat*, aufhalten, wieder ein unvollkommenes Zeitwort» (с. 249).

Кроме суплетивной пары, в этом фрагменте даются все типы возникновения парновидовых глаголов. Во всех трех разновидностях осуществляется условие одинакового лексического значения у соотносительных по виду глаголов, тогда как между *držet* 'halten' и *zdržet* - *zdržowat* 'aufhalten' указывается совершенно правильная разница в лексическом значении. Просто счастливой случайностью это не может быть.

Здесь же наблюдается впервые удлинение гласного в имперфективной форме глагола («das verkürzte a, i, y» -> «ein langes á, j und ý» *rozdati* -> *rozdáwati*) (с. 252-253), что впоследствии приводит к отождествлению длинной формы и длительного действия и краткой формы и кратковременности

[395] Об имперфективации см. (Маслов 1978: 40).

действия. (О соотносительности объема формы и действия см. ниже).

Примечательно еще то, что Томса не создает вторичного имперфектива посредством префикса от фреквентатива и не «заимствует» его от другого глагола, как это делается во многих других работах на разных этапах грамматического описания. К сожалению, эта морфологическая инновация осталась на долгое время без должного внимания и затмевается даже в его собственном исследовании чешского глагола (Томса 1804: 52) (см. ниже).

Фреквентативы означают частое действие или частое стремление («eine öftere Handlung oder ein öfteres Bestreben»), которое передается перифразой «pflegen + инфинитив»: *děláwat* «pflegen zu machen, pflegen zu thun», *chytáwat* «pflegen zu fangen» (с. 249). Здесь немецкая перифраза впервые заменяет «soleo + инф.» Долежала (см. выше).

Первый фреквентатив производится от несовершенного глагола («von unvollkommenen Zeitwörtern») заменой конца *ati* и *áti* инфинитива на *áwati*: *dělati -> děláwati*, *bráti -> bráwati*, *prosyti -> prosýwati*, *přicházeti* «kommen» -> *přicházýwati* «pflegen zu kommen» (с. 249)[396]. Второй фреквентатив производится от первого фреквентатива заменой *áwati* на *áwáwati*, *jwati* на *jwáwati*: *bráwati -> bráwáwati*, *sedjwati -> sedjwáwati*, *prosýwati -> prosýwáwati* и т. д. (с. 250). Как видно, внутри несовершенного вида наблюдается деривация, состоящая из трех фаз: имперфектив *prosyti ->* первый фреквентатив *prosýwati ->* второй фреквентатив *prosýwáwati* (с. 249-250).

Два коррелятивных по виду глагола могут быть включены в одно спряжение только тогда, когда перфективный глагол «пары» образуется посредством префикса, ср. спряжения: I. *wolati - zawolati*, II. *milowati - zamilowati* (двувидовой *zwěstowati*) (с. 276), III. *ležeti - doležeti*, IV. *učiti - wyučiti*, V. *pjti - wypiti*, VI. *hynauti - zahynauti* (с. 254-321).

Выбор примеров в спряжениях показывает наглядно стремление порождать соотносительные по виду глаголы, но вместе с тем сами спряжения доказывают невозможность объединить удовлетворительно словоизменительное спряжение и видообразование, так как при имперфективации возникает «глагол» (глагольная основа), который попадает часто в иной тип спряжения, чем исходный «глагол» с перфективной основой. Иными словами говоря, словоизменительное спряжение и собственно видообразование не совместимы в одном спряжении по той причине, что суффиксальная имперфективация порождает «глаголы», относящиеся к другому спряжению, чем исходный перфективный «глагол». Из этого следует, что описание спряжения, вида и времени как шесть единых типов спряжения возможно лишь в тех исключительных случаях, в которых выступают двувидовые глаголы (*zwěstowati*) или пары с «чистовидовой» приставкой (*wolati - zawolati*), т. е. когда соотносительный перфектив порождается приставкой.

Обращая внимание на двувидовой глагол *zwěstovati*, Томса совершенно правильно описывает функционирование его форм: «Zwěstovati oder zwěstovat,

[396] Пример *přicházeti → přicházýwati* (нсв → нсв) соответствует русскому *приходить → прихаживать*. Ср.: «Онъ, бывало, прихаживалъ, а теперь давно не былъ» (Даль III: 456).

verkündigen, ist ein unvollkommenes und zugleich vollkommenes Zeitwort» (с. 276). Ср. выше Нудожер и Долежал.

6.3. Отражение чешской традиции в словацкой грамматике Антона Бернолака (1790)

1. Как известно, в кодификации словацкого литературного языка вышедшая в Братиславе грамматика Антона Бернолака (1762-1813) сыграла значительную роль. Относительно описания аспектуальности первая грамматика словацкого языка Бернолака (1790) входит в последовательную традицию Росы, Долежала, Томсы и других представителей чешской традиции. В основных чертах Бернолак опирается на систему Долежала[397], но вместе с тем обнаруживает и самостоятельное новаторство.

Исходные позиции описания глагольных категорий заключаются в следующем общем определении: «Verbum (slowo) est pars orationis declinabilis, quae actionem personae aut rei significat, estque in genere duplex: activum et neutrum». Отложительных глаголов («verba deponentia») у славян нет, и пассивные («verba passiva») они описывают («circumscribunt») посредством причастия прошедшего времени и вспомогательного глагола *sem*, *bíwám*, *bíwáwám* (Бернолак 1790: 72). Одним из редких грамматистов Бернолак указывает на возможность существования как простых, так и сложных первообразных глаголов («Primitiva tum simplicia tum composita») (с. 75).

2. Вслед за Долежалом, аспектуальная классификация четырех глагольных разрядов осуществляется по двум разным критериям. В первом случае перед нами акционсартная классификация по количественному признаку единичности - неединичности (однократности - неоднократности) действия. Вторая классификация устанавливается по собственно видовому признаку завершения, достижения конца. Заметим, что также у Бернолака под однократностью, выраженной сингулярным глаголом («verbum singulare»), понимается или имперфективное, или перфективное действие, имеющее место один раз.

В весьма сжатом и точном виде данная система глаголов описана так: активный глагол («verbum activum») является или сингулярным (*slad'it'* «dulce-facere», *nosit'* «ferre»), или фреквентативным (*slad'íwat'* «solere dulce facere», *nosíwat'* «solere ferre»). Сингулярный глагол подразделяется на перфектный (*oslad'it'* «dulce reddere») и имперфектный (*písat'* «scribere»), в то время как фреквентативный глагол делится на первый (*slad'íwat'*) и второй (*slad'íwáwat'*) фреквентатив (с. 73).

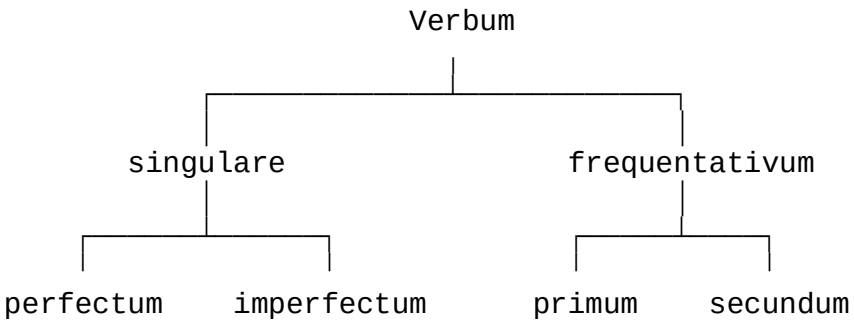
В плане содержания одно единичное действие («una et singularis actio») сингулярного глагола противостоит итерации действия («actionis iteratio») фреквентативного глагола. Помимо формального показателя *wá*, второй фреквентатив отличается от первого по более частой итерации действия («frequentior

[397] Об общей взаимосвязи грамматик Бернолака и Долежала см. Добровский (1809: XII), Ягич (1910: 727), Станкевич (1984: 25).

iteratio actus») (с. 73). Подобно Долежалу, итеративные глаголы в систему не входят.

Сингулярный перфектный глагол («verbum singulare perfectum») означает действие уже законченное или будущее скоро и определенно законченным (завершенным) («actio vel jam finita, vel certo proxime finienda»). Здесь наречие «proxime» добавлено Бернолаком. Сингулярный же имперфектный глагол («verbum singulare imperfectum») имеет значение действия в самом процессе совершения («actio primo in fieri tantum») (с. 73).

Схема № 27. Классификация глаголов Бернолака (1790)[398]



Verbum:
I. **Singulare** - *slad'it' dulcefacere*, *nosit' ferre*:
а) **perfectum** - *oslad'it' dulce reddere*
б) **imperfectum** - *písat' scribere*

II. **Frequentativum** - *slad'íwat' solere dulce facere*, *nosíwat' solere ferre*:
а) **primum** - *trháwat'*, *slad'íwat'*
б) **secundum** - *trháwáwat'*, *slad'íwáwat'*

Как видно, система Бернолака, сохраняющая подчиненный статус перфектных и имперфектных глаголов, мало отличается от классификации Долежала (см. выше). Примеры приставочных имперфектных глаголов (*posílat'*, *odňimat'*, *wiháňat'* и т. п.) отмечаются только в отдельных спряжениях (с. 104 и сл.). Имперфектив *osladzowat'* «dulcefacere» приводится лишь при описании префикса *o* (с. 220).

Чтобы показать, что аспектуальное деление касается всех без исключения глаголов, Бернолак совершенно сознательно приводит в качестве примера среднего («verbum neutrum») сингулярного глагола несовершенный инхоатив *schnut'* «arefieri» (совр. *schnút'*) 'становиться сухим, сохнуть' (с. 74)[399]. Так, полный семантический состав данного глагола, определенный в терминах самого Бернолака, выглядел бы так: «verbum neutrum, inchoativum, singulare, imperfectum». Аспектуальными разрядами среднего, но неинхоативного глагола *plakat'* являются первый фреквентатив *plakáwat'* «solere flere», второй фреквентатив

[398] См. Бернолак (1790: 72-74).

[399] Совершенно верно автор отмечает, что, несмотря на финаль *nut'*, инхоативы типа *schnut'* не имеют перфектного значения («significatio perfecta») (с. 75).

plakáwáwat' «frequenter solere flere», перфектный *wiplakat' sa* и имперфектный - *plakat'* «flere» (там же).

Согласно автору, для правильного понимания речи во всех временах и наклонениях должны строго соблюдатся правила употребления четырех сигнификативных классов («quadruplices significationum classes»), а именно сингулярного, фреквентативного, перфектного и имперфектного, в особенности двух последних (с. 74).

Простые бесприставочные глаголы перфектного значения («Verba perfectae significationis simplicia») представлены немногочисленной группой глаголов: *dat'*, *hod'it'*, *chibit'*, *chit'it'*, *chwat'it'*, *kročit'*, *kúpit'* и др. Сюда же входят все глаголы на *nut'* с предшествующим согласным: *hnut'*, *kl'eknut'*, *padnut'*, *trhnut'* и т. д. (с. 74).

Перфектные глаголы являются чаще всего композитивами с препозитивами *do*, *na*, *ob*, *od*, *po*, *pod*, *pre*, *pri*, *pu*, *roz*, *u*, *w*, *wi*, *z* (*s*), *za*. Приставки или несколько изменяют значение уже перфектного глагола (*wipadnut'*, *dosáhnut'*) или же превращают имперфектные глаголы в перфектные (*učiňit'*, *wiučit'*) (с. 75).

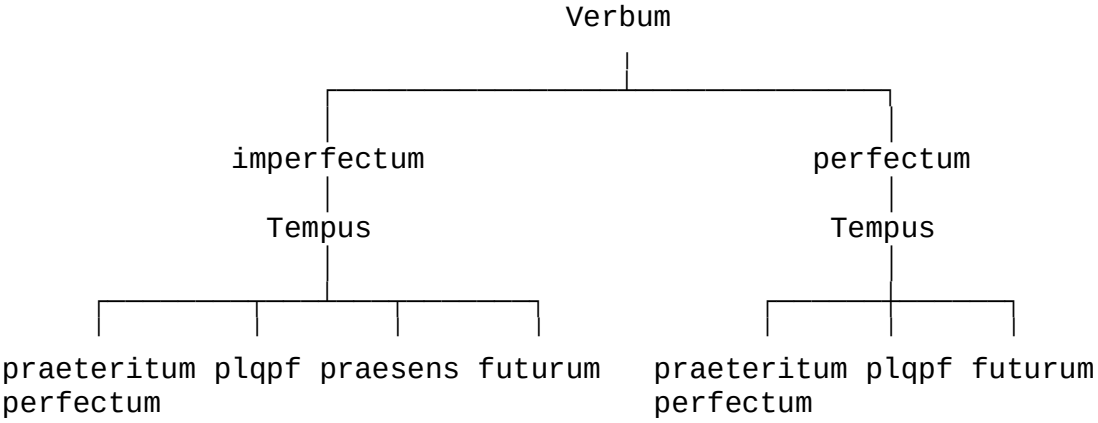
Всякий имперфектный глагол может быть превращен в перфектный посредством препозитива, но ни один фреквентатив в перфектный не переводится, ибо каждый фреквентатив, простой или композитивный, является имперфектным глаголом по природе (с. 75). Определение имперфектных глаголов указывает на то, что данные глаголы не имеют формальных признаков. Являясь первообразными или производными, простыми или композитивными, они изучаются лишь в употреблении. Их надежным признаком является возможность образования будущего посредством инфинитива и вспомогательного глагола («per indefinitum et verbum auxiliare *bud'em*, *eš*, *e*») (там же). Здесь Бернолак повторяет правило Долежала (см. выше).

Так, согласно дефиниции Бернолака, классификация перфективов и имперфективов не касается фреквентативных глаголов, которые по природе всегда имперфектны (с. 75). Примечательно, что только сингулярные имперфектные глаголы способны перфективироваться присоединением префикса. Здесь Бернолак повторяет слово в слово правило и даже примеры Долежала (1746: 76, 79). Правило Бернолака «nullum frequentativum mutatur in perfectum; quia quodlibet frequentativum, sive sit simplex sive compositum, ex natura sua est verbum imperfectum» (с. 75) содержит два важных принципа: а) только имперфектные *сингулярные* глаголы поддаются приставочной перфективации, б) также приставочные фреквентативы являются имперфектными. Следовательно, в целом в имперфективы входят собственно «verba imperfecta» и все «verba frequentativa». Ср. выше Роса (1672: 213, 215, 218) и Долежал (1746: 79).

3. Видо-временная система Бернолака не совпадает с системой Долежала, а, видимо, в основном модифицирована по системе Росы. В системе Бернолака времена подчиняются господствующему видовому делению глаголов. «Официальная» система не содержит имперфекта («tempus imperfectum») и перфекта («tempus perfectum»), средство и способ выражения которых описываются отдельно (с. 77). Термины количественной аспектуальности «singulare» и «frequentati-

vum» в темпоральных названиях не выступают. См. схему:

Схема № 28. Видо-временная система Бернолака (1790)[400]



Tempus:
Praeteritum perfectum verbi imperfecti - *chital sem*
Praeteritum perfectum verbi perfecti - *chit'il sem*
Praeteritum plusquamperfectum verbi imperfecti - *chital bol*
Praeteritum plusquamperfectum verbi perfecti - *chit'il bol*

Praesens - *dáwám*, *chitám*, *wolám*

Futurum verbi imperfecti - *bud'em chitat'*
Futurum verbi perfecti - *chit'ím*

Неудачным латино-немецким термином «praeteritum perfectum» (вместо «praeteritum») обозначается прошедшее как имперфектного (*wolal sem*) (с. 101), (*plakal sem*) (с. 107), так и перфектного глагола (*zawolal sem*) (с. 104), (*oplakal sem*) (с. 110). В результате этого получается громоздкий и даже противоречивый термин «praeteritum perfectum verbi imperfecti» (с.77), ведь речь идет об имперфективной форме. Оправдывается «praeteritum perfectum», видимо, аналитической структурой обозначаемой формы и стремлением различить перфект и плюсквамперфект. В первую очередь термин создан для различения перфекта и плюсквамперфекта.

Несмотря на неудачный «praeteritum perfectum», различие между двумя претеритами и двумя видами исключительно ясно. Глаголы обоих видов имеют оба претерита. У перфектных глаголов («verba perfecta, seu perfectae significationis») нет настоящего времени (с. 77).

От времени «praeteritum perfectum» значение плюсквамперфекта глаголов обоих видов дифференцируется темпоральным признаком давности («jam olim», «pridem») (с. 77). Ср. Роса (1672: 137).

Не совершенное длительное действие («res imperfecta diutius gesta») (*chital* «capiebat») прошедшего времени имперфектного глагола противопостав-

[400] См. Бернолак (1790: 72-78, 101 и сл.). Для презентации названий времен в том виде, который они имеют в подлиннике, наша схема здесь несколько отличается от предыдущих.

ляется завершенному действию («actio absoluta») (*chit'il* «cepit») прошедшего перфектного глагола (с. 77). Здесь значение большей длительности («diutius») не тождественно с понятием продолжения («continuatio»). Ср. «diuturnitas» у Росы. В дальнейшем длительность времени начинает выделяться в слове «Dauer» Добровского (см. ниже).

Совершенность или определенность («res, quae perfecte, vel certo fiet»), выражаемые будущим перфектного глагола (*chit'ím* «capiam») противопоставляются нескольким признакам, в том числе несовершенности, итеративности и неопределенности («res, quae agetur actione imperfecta, vel per plures actus, vel per unum diuturniorem, vel actione dubia de effectu»), которые характерны для формы будущего имперфектного глагола (*bud'em chitat'* «captabo») (с. 78).

Весьма оригинального названия инфинитива «modus indefinitus» (с. 79) нет ни у кого другого грамматиста в наших источниках. Итак, в чешской традиции латинское название инфинитива развивается и варьируется следующим образом: «modus (infinitus) infinitivus» (Нудожер 1603: 47) -> «tempus infinitum» (Роса 1672: 138) -> «modus infinitivus» (Долежал 1746: 82) -> «modus indefinitus» (Бернолак 1790: 79). Не укоренившийся термин Бернолака соответствует точно «наклоненію неопредѣленному» в традиции Смотрицкого.

В шести типовых парадигмах систематически противопоставляются парадигмы имперфектного и перфектного глаголов, которые представлены соотносительными бесприставочными и приставочными глаголами и даже их латинскими переводами: *wolat'* «vocare» - *zawolat'* «advocare», *plakat'* «flere» - *oplakat'* «deflere», *slišat'* «audire» - *wislišat'* «exaudire», *sát* «seminare» - *zasát'* «inseminare», *pit'* «bibere» - *wipit'* «ebibere», *milowat'* «amare» - *zamilowat'* «adamare» (с. 101-131). Как уже говорилось, это вызвано тем обстоятельством, что иначе парные по виду глаголы не входили бы в одно и то же спряжение. Последовательно отмечается также отсутствие настоящего времени у перфектных глаголов (с. 105 и сл.).

Среди истолкований префиксов выделяется ряд значимых аскционсартных экспликаций. В частности, приставка *o* означает совершение действия («actionis perfectio») (*osladzowat'* «dulcefacere», *obrátit'* «convertere», *obesit'* «suspendere») (с. 220). Ср. Роса (1672: 372). Препозитив *do* означает предел действия («actionis *terminum*») (*dopisat'*), выгодную или невыгодную цель («exitum utilem vel inutilem») (*dopil*), *po* выражает продолжительность («continuationem») (*popisowat'*) и делимитативное действие («modici temporis actionem») (*posed'et'* «aliquantum sedere»). Приставка *z*, *ze* (*s*, *se*) означает завершенное и совершенное действие («*actionem absolutam et perfectam*») (*zlámal* «fregit, *skal'il* «maculavit», *zhlúpel* «stupidus evasit», *zmrtwel* «mortuo similis factus», *zbud'it'* «excitare»). Приставка *za* означает начало действия или начатое действие («actionis initium vel actum inchoatum») (*gak l'en zawolal* «quamprimum acclamavit»), исполнение действия («actionis complementum») (*zabil* «occidit», *zamordoval* «interfecit») (с. 223)[401].

[401] В этой связи мы отметим, что в конечном счете современный термин «Aktionsart», судьба которого

Термины «verbum singulare perfectum» и «verbum singulare imperfectum» показывают, что и Бернолаку (1790) были необходимы двукомпонентные термины «singulare perfectum» и «singulare imperfectum», так как один «singulare» обозначал лишь единичное действие без различения собственно вида. Ср. переводы «einzelnthätige vollkommene» и «einzelnthätige unvollkommene» у Бернолака (1817/1849: 93). Ср. также Роса, Долежал и Томса.

В свете данной системы можно установить, что из грамматистов второй половины XVIII века Бернолак является последним, кто сохраняет и развивает дальше основные принципы глагольной классификации, созданные изначально Росой.

6.4. Первые аспектуальные концепции Добровского

6.4.1. Признак длительности («Dauer») Добровского (1791)

Вводная статья о происхождении и структуре славянского, в особенности чешского языка, написанная Добровским к чешско-немецко-латинскому словарю Франца Томсы (Прага 1791), содержит данные, отражающие начальный этап формирования аспектуальных концепций Добровского[402].

В данной статье выступают также многие неаспектуальные понятия и термины, которые характерны для более позднего метаязыка Добровского: «Wurzelwort» (кстати, впервые у Хайма 1789: 17), «Stammsylbe», «Grundbegriff» и т. п. Он применяет и развивает дальше принцип образования (и анализа) языковых единиц от основной (исходной) к более крупной, т. е. «складывание» слов «от малого к крупному», отмеченное нами еще у Ломоносова. Так, слово делится на слоги, из которых корневой слог («die Stammsylbe») содержит основное понятие (лексическое значение) слова («den Grundbegriff des Wortes»). Если корневой слог оказывается «чистым», без каких-либо добавок («rein, ohne allen Zusatz»), то слово является подлинным корневым словом («ein ächtes

до инновации «Zeitart» Курциуса (1852) пока что не выяснена, можно возвести к «modus actionis» в грамматике Бернолака. Ср.: «*Na* in compositione significat, 1mo *modum actionis*, ut: naložit' impendere, expendere, imponere; nabehat' sa incursare» (Бернолак 1790: 219). Как видно, слово «modus» не обладает здесь ни залоговым, ни модусным значением, а общим значением 'modus$_0$', т. е. «modus actionis» означает 'вид', 'разряд' или, если угодно, 'способ действия'. В немецком переводе термин приобрел аналог «die Art der Handlung»: «*Na* zeiget an...*die Art der Handlung*, als: naložit, aufladen, ausgeben, nabehať sa herumlaufen» (Бернолак 1817/1849: 247). Итак, в целостной истории устанавливаются фазы: «Modus actionis» Бернолак (1790: 219) → «Zeitart» 'вид времени' (Пельцель 1795: 80) → «die Art der Handlung» (Бернолак 1817/1849: 247) → «Zeitart» 'вид действия' (Курциус 1852: 187) → «видъ действия» (Шафранов 1874: 94) → «die Art der Handlung» (Дельбрюк 1874: 19) → *Handlungsart (Дельбрюк около 1879 г.) → «Aktionsart» (Бругманн 1885: 96). В этом процессе терминологизации заслуживает внимания тонкое наблюдение Шафранова (1874: 94, примечание): «Вернее было бы, кажется, назвать это [«Zeitart» Курциуса] *видом действия*, а не видом времени, так как речь идет не о различии каких-либо свойств времени, а о различии известных свойств самого действия». Вполне возможно, что сам Шафранов постулировал переходную фазу «вид времени действия». На окончательное формирование термина Бругманна текст Шафранова вряд ли оказывал влияние.

[402] Основатель славянской филологии Иозеф Добровский (1753-1829) родился в городе Дьярмат (Венгрия) и получил степень магистра философии в Пражском университете в 1771 г. К биографии и научной деятельности Добровского см. Ягич (1910: 100-137).

Wurzelwort»), которые составляют материальную основу языка («das Materielle, den Ur- oder Grundstoff einer Sprache») (Добровский 1791: 11). Например, корневым слогом четырехсложного слова *ne-smrt-edl-ný* «unsterblich, immortalis» является *mr*. Наиболее в чистом виде этот корневой звук («Wurzellaut») выступает в глаголе *mr-u* «morior» (с. 12).

Для описания аспектуальных явлений примечательна концепция, согласно которой исходные звуки речи являются подражаниями природным звукам: «Die Urlaute sind Nachahmungen der Naturtöne» (с. 12). Позже это отразится в идее Добровского, что внешняя форма языковой единицы может быть отражением ее внутренней формы (значения) (см. ниже). Не случайно предложение *pes chytil wlka* с перфективным предикатом употребляется для иллюстрации не только субъектно-объектного отношения, но и определенности времени действия («bestimmt») (с. 20).

В описании содержания действия слово «*vollendet*» используется впервые среди наших источников в предложении Добровского: «Bloss die Stellung des Verbi und des Pronominis zeigt im Slawischen, wie im Hebräischen an, das die Handlung vorausging, folglich vollendet und geschehen ist» (с. 21). Ср. «*unvollendete*» впервые у Хайма (1789: 167).

Добровский обращает внимание на весьма важное явление: в самом процессе деривации («Ableitung», «derivatio») изменение отдельного понятия («die Art des Begriffes») обозначается часто заменой гласного, т. е. замена гласного другим вызывает модификацию основного исходного понятия («eine *neue Modifikation des Grundbegriffes*») (с. 24). Так, при образованиях от корневых слов («der Wurzelwörtern») уже замена гласного другим или добавление гласного вызывает весьма тонкие добавочные понятия («*sehr feine Nebenbegriffe*»), в том числе различие более короткой или более долгой длительности, выражаемой перфектными и имперфектными глаголами («verba perfecta & imperfecta»), и продолженного действия и частого повторения действия, выражаемого итеративами и фреквентативами («iterativa & frequentativa»), например: *mr-u* «morior», *mořjm*, *mařjm* «ich bringe um», *umjrám* «ich bin im Sterben begriffen» (там же). Добровский описывает глаголы по парам, но как отдельные слова. В деривации новое слово, производное от простого корневого слова, приобретает разные определения и добавочные понятия («verschiedene Bestimmungen und Nebenbegriffe») (с. 25). Ср. в дальнейшем описании «Nebenbestimmung», «Nebenbedeutung» и т. п.

Особого внимания заслуживает обозначение признака «чистой» длительности словом «*Dauer*», использованным в наших источниках впервые Добровским (1791: 24). На такую длительность указывают атрибуты «kürzere» и «längere», которыми «Dauer» определяется более короткой или более долгой. Введенный Добровским признак длительности (кратковременности перфективного и долговременности имперфективного действия), радикально отличается от признака достижения конца («actio finita vel finienda») и признака развивающегося процесса («actio in fieri») в предшествующей чешской и словацкой традициях. В традиции русской грамматики термину «Dauer» предшествует родственное, но не тождественное выражение беспрерывного продолжения действия («Fortdauer einer Handlung») Хайма (1789: 80) (см. выше).

Часто длительность действия сопрягается с повторением действия. Так, например, *wádjm*, *házým*, *máčjm*, *táčjm* указывают на бóльшую длительность или повторение действия («eine *längere Dauer* oder eine *Wiederholung* der Handlung»), чем соответствующие первообразные («Primitiva») *wodjm*, *hodjm*, *močjm*, *točjm*, от которых они отличаются только изменением гласного и чередованием согласного (с. 25). Здесь Добровский еще прямо не составляет аналогии по квантитативности действия и единицы, которой оно выражается, а говорит лишь об изменениях аспектуальных значений, вызываемых изменением или вставкой гласного («durch Veränderung oder Einschaltung eines Vokals») (там же).

Итак, в данной статье Добровского, помимо краткой и долгой длительности («kürzere» vs. «längere Dauer»), продолжающееся действие противопоставляется повторяющемуся («fortgesetzte Handlung» vs. «Wiederholung»), однократное - повторяющемуся («einmal» vs. «öfter») и продолжающееся - прекратившемуся («fortdauernd» vs. «abgebrochen») (с. 24-25). Здесь примечательно, что данные признаки определяются отношением действия ко времени («in Rücksicht auf die Zeit»), под которым понимается не темпоральное время действия, а впервые высказывается мысль об аспектуальном времени действия (с. 25). Так, например, все действия *sednu*, *sedjm*, *sedám*, *sedáwám* имеют значение «sitzen», но означает ли действие по отношению к времени разовое или частое, продолжающееся или прерванное (прекратившееся) действие, может быть обозначено лишь производными образованиями от корневого слова («Wurzelwort») *sed* (там же). Несмотря на противопоставления «verba perfecta - verba imperfecta», «iterativa - frequentativa» и т. д., здесь термин «singulare» нет выступает.

Часто при деривации к корневому слову присоединяются звуки («Ableitungslaute») или слоги для обозначения разных видов понятий («um die verschiedenen Arten der Begriffe auszudrücken») (с. 25). Например, деривационный звук *l* означает завершенное действие («Eine vollendete Handlung, eine Beschaffenheit») (*psa-l*, *psa-la*, *psa-lo*, *ospa-l-ý*) (с. 26). Словом «Beschaffenheit» указывается на свойство или качество, возникшее в результате действия, например: *ospalý* 'сонный, вялый'. В наших источниках слово «Zustand» выступает впервые у Добровского (1791: 28).

Деривационный звук *t* имеет разные функции обозначения, в том числе свойства и состояния («eine Beschaffenheit, ein Umstand») (*boh-at-ý*), в качестве усиления корневого звука («eine Verstärkung des Wurzellauts») данный звук означает длительность, («eine Dauer») (*živ-ot*), состояние и свойство («einen Zustand, eine Eigenschaft») (*slep-ota*) (с. 28). Любопытно, что деривационный звук *n* обозначает как начало действия и будущее («Der Anfang des Wirkens, die Zukunft») (*tup-n-u*, *bod-n-u*), так и завершение («die Vollendung») (*čt-en*) (там же).

Далее Добровский показывает, как из корневого глагола *státi* посредством 17 препозитивов образуются композитивные глаголы («zusammengesetzten Verba»), как из производных существительных и прилагательных возникает огромное количество слов. При этом последовательно различаются производные и композитивные (сложные) слова («abgeleitete» и «zusammengesetzte Wörter») (с. 31).

Для исследования последующей чешской традиции особое значение имеет тот факт, что после 1791 года в аспектуальном описании Добровского перфектные и имперфектные глаголы («verba perfecta - verba imperfecta») не используются (см. приложение).

6.4.2. Признак быстрого действия Добровского (1792)

В своей истории чешского языка и литературы Добровский, помимо настоящего времени, выделяет четыре будущего и столько же прошедших. Так, в соответствии с отдельными «формами» славянин образует четыре будущего: 1. первообразное будущее («das ursprüngliche») (*hodjm* «iaciam»), в котором лишенное длительности действие («die Handlung ohne Dauer») не допускает настоящего времени, 2. будущее «das Futurum unitatis» на *nu* (*padnu* «cadam»), 3. будущее, образованное посредством препозитива *po* (*ponesu* «feram») и 4. составное будущее («das Futurum compositum» *budu milowati* «amabo») (Добровский 1792: 16).

Слова «nach verschiedenen Formen» предваряют глагольные классы, разрабатываемые Добровским позже (см. ниже). Кроме второго будущего, аспектуальные значения отдельных времен здесь не определяются. Термин «das Futurum unitatis», которым указывается на семельфактивное будущее, является инновацией Добровского. Данный термин возник, несомненно, под влиянием ломоносовской модели «praeteritum unitatis», которая в данном сокращенном облике впервые засвидетельствована у Родде (1773: 91) (см. выше). Исключительно имперфективным является четвертое будущее.

Среди наших источников очень кратковременное действие (*hodjm*), которое совсем лишено длительности («die Handlung ohne Dauer»), выделено впервые здесь у Добровского (с. 16).

Для аналитического имперфективного будущего Добровский использует латино-немецкое название «das Futurum compositum» (с. 16). Впервые, но в ином смысле, мы видели латинское наименование «futurum compositum» уже у Статориуса 1568 (см. выше). Ср. у Росы (1672: 215). Однако перфективное синтетическое «futurum compositum» (*влїю*, *налїю* «infundam») в старославянском мы увидим опять у Добровского (1822: 376).

Четыре прошедших («Präterita») называются «imperfectum», «perfectum simplex», «perfectum compositum», «plusquamperfectum» (с. 16).

Аспектуальную специфику славянских языков Добровский описывает так:

> «Ganz eigenthümlich ist ihm [dem Slawen] der Unterschied einer *schnell vorübergehenden* Handlung und einer Handlung von *längerer Dauer* und einer solchen, die *öfter wiederholet* wird. In anderen Sprachen wird dieser Unterschied durch Adverbia oder durch das Zeitwort *soleo*, welches dem Slawen mangelt, bezeichnet. Er thut es an dem Verbo selbst durch eigene Formen, die es annehmen kann: *nesu*, *nosým*, *nássjm*, *nosýwám*; *močjm*, *máčjm*; *bragi*, oder *brám*, *bráwám*; *tluku*, *tlaukám*; *řku* (*řeku*), *řjkám*, *řjkáwám*, wo überall dieselbe Bedeutung

> bleibt, nur dass die Handlung in Rücksicht der *kürzeren oder längeren Dauer* als verschieden betrachtet wird. Man kann hierinn die glückliche Nachahmung der Natur, *durch das gedehnte wá das Frequentativum*, oder *durch die Verlängerung des Vocals die längere Dauer* auszudrücken, gewiss nicht verkennen» (с. 18) (курсив наш. - Р.Р.).

Отметим особо, что здесь Добровский первым вводит в славянскую грамматическую традицию выражение быстро минующего действия («eine *schnell vorübergehende* Handlung») (с. 18), т. е. признак быстроты, сопряженный с отсутствием длительности. Отсюда впоследствии развивается вообще быстрота как признак действия в сфере перфективности. Любопытно, что данная немецкая формулировка, игравшая немаловажную роль в аспектуальных описаниях, является не изобретением Добровского, а заимствована им, по всей вероятности, из какой-то греческой грамматики, может быть, Ф. Буттманна (1792/1805: 315), где им интерпретировалось содержание «momentan und vorübergehend» аориста[403].

Добровский устанавливает естественное (природное) отношение между действием и его отражением в языке: длинная форма - долгая длительность, короткая форма - краткая длительность. Удлиненный (длинный) слог *wá* соответствует итерации действия, а удлинение гласного звука - большей длительности («die längere Dauer») действия[404].

6.4.3. Отражение латинской традиции в «формах» Добровского (1799)

В трактате, посвященном славянскому глаголу, рассмотренному сквозь призму чешского, Добровский вводит впервые свое учение о «формах». Принципы образования «форм» глаголов («formae verborum»), которых нельзя отождествить с спряжением[405], Добровский развивал, вероятно, с начала 1790-х годов, но издал их первый вариант на латыни лишь в 1799 г. в трактате о чешском глаголе[406], где они имеют следующий облик (с. 2):

---

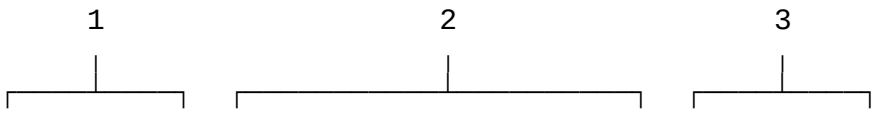
[403] В конечном счете понятие о быстром действии восходит к неоднократно цитированной в аспектологической литературе экспликации «μὴ ἐμμένειν τῇ παρατάσει, ἀνύσαι δὲ τό γράφειν» 'не задерживайся, не медли с писанием, а соверши, доведи писание до конца', которыми Аполлоний Дискол (Синтаксис III. 102. с. 358) поясняет значение формы императива аориста γράψον. См. подробнее: Шёпсдау (1978: 286), Дельбрюк (1897: 2).

[404] Итак, соотношение «звукового символизма» и аспектуальности, которое Виноградов (1947/1972: 385) приписывает диссертации «Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка» М. Каткова (Москва 1843: 205), было обнаружено Добровским уже в 1792 г. и нашло отражение также в других работах чешской традиции. Не подлежит сомнению, что именно «звуковой символизм» чешской традиции отразился позже в «общем законе» о «степенях», сформулированном Н. П. Некрасовым (1869: 25): «бóльшая или меньшая степень продолжительности действия фонетически выражается бóльшим или меньшим усилением вокализма всей этимологической формы глагола».

[405] Ср. «Slovo Slavenicum...в коем имеется суждение о системе чешского спряжения» (Ягич 1910: 115). См. также Вондрак (1928: 110).

[406] Примечательно, что свое учение о «формах» Добровский развил задолго до эпохальной работы о спряжениях Франца Боппа (1816).

«Formae verborum»



Inf.	-ti	-ati	-eti	-iti	-owati
Praet.	-l	-al	-el	-il	-owal
Praes.	-u	-ám	-jm	-jm	-ugi

wézti	*hádati*	*wáleti*	*choditi*	*panowati*
wezl	*hádal*	*wálel*	*chodil*	*panowal*
wezu	*hadám*	*wáljm*	*chodjm*	*panugi*

Первая «форма» имеет три разновидности («tres species»), которые в основном различаются по первому лицу настоящего времени (мы укажем здесь только ряд примеров): а) *la-gi*, *ply-nu*, *g-du*, б) *hn-u*, *mr-u*, *ber-u*, в) *klad-u*, *wez-u*, *táh-nu* (с. 2).

Так, система чешского глагола, в представлении Добровского, состоит из трех разрядов «форм» (с тремя подразделениями, «species», первой «формы») и двух типов спряжения. В первое спряжение входят глаголы первой и третьей «форм», во второе лишь глаголы второй «формы» (с. 4). Два спряжения определяются в основном по форме настоящего времени. Для метаязыка Добровского характерны формулировки типа «verbum formae primae» (с. 4), которыми не указывается на спряжение («conjugatio»).

Аспектуальные характеристики представлены разрозненно, так как они не совпадают ни с «формами», ни с спряжениями, за исключением третьей «формы» на *owati*, в которую входят глаголы со сравнительно однородным значением итеративности или фреквентативности («Verba Iterativa seu Frequentativa») (с. 4).

Вообще аспектуальные, в первую очередь акционсартные, свойства в глагольной классификации Добровского обусловлены тем фактом, что «формы» определяются только по формальному облику исхода слова, формантами, которые добавляются к корню или к основе «справа налево». Префиксы к классификации «форм» не имеют никакого отношения. Основной критерий классификации составляет тот элемент (гласный или согласный), который в конце слова предшествует показателю инфинитива, а также настоящего и прошедшего времени. По своей позиции данный элемент соответствует признакам «форм» в латинском языке. По-видимому, однако, и здесь формальная классификация (деривация) приводит к осознанию семантических различий, реально вытекающих из формальных.

Термином «forma iterativa» указывается на маркированные итеративные глаголы третьей «формы». Так, в частности, форма прошедшего *kowal* образована от итеративной «формы» («forma iterativa») *kowati*, *kowám*, форма *osnowal* образована от производной формы («a derivata») *osnugi*, *osnowati* (с. 4). Любопытно, что сочетание «forma iterativa», которое мы увидим снова у самого Добровского (1822: 527) (см. ниже), засвидетельствовано впервые в римской традиции у Диомеда (с. 344).

Третья «форма» глаголов на *owati* функционирует в качестве своеобразного средства имперфективации приставочных перфективных образований будущего (с. 4). Так, процесс образования приставочной формы настоящего времени происходит так: настоящее *chránjm* второй «формы» -> будущее *ochránjm* второй же «формы» -> настоящее *ochranugi* третьей «формы». Тот же принцип применяется и к бесприставочному *kupowati*, *kupugi* от *kaupjm* (там же).

В этом трактате сочетание «actio momentanea» (с атрибутом «momentanea») применяется впервые к обозначению мгновенного действия, выражаемого глаголами типа *státi*, *stanu*. Для Добровского характерно, что данное сочетание используется о будущем мгновенном действии («Futur. actionis momentaneae stanu») (с. 5).

Аспектуальное противопоставление составляют глаголы «singularia» и «iterativa». Итеративами на *ati* являются, например *běhati*, *chytati*, *hljdati*, *sedati*, *ljhati* и т. п. (с. 9). В сингулярные глаголы Добровского входят как имперфективные, так и перфективные глаголы, означающие единичное действие.

Фреквентативы (*čjtáwám*, *chodjwám*, *činjwám*) образуются посредством «аугмента» *wá* («augmentum wá») как от итеративных (*čjtám*, *chodjm*), так и от сингулярных глаголов (*činjm*). Формальным экспонентом фреквентатива является как раз «аугмент» *wá*, который носит семантический признак хабитуальности, интерпретирумый при помощи латинского глагола «soleo» (с. 9).

Любопытно, что, в отличие от начала («initium actus») (см. выше), признаком инхоативного глагола на *eti* (*bůgněti*, *lačněti*, *leněti se*, *lyseti*, *tučněti*) определяется продолжение, континуативность действия («actio continuata»), ставшая инновацией латинского метаязыка Добровского (с. 10).

Следовательно, у Добровского мы находим «Iterativa in eti» (*scházeti*), «Inchoativa in eti pro ati» (*bůgněti*) и «Verba singularia in eti» (*běžeti*) (с. 10), которые все входят во второе спряжение и в одну «форму», но различаются по аспектуальности, т. е. аспектуальность и спряжение (или внешняя форма) не совпадают. В глаголы «neutra» входят имперфективы, из которых многие являются глаголами состояния (*boleti*) (с. 11).

В соответствии с традицией Росы ограниченная группа итеративных глаголов движения (*choditi*, *gezditi*, *honiti*, *nosyti*, *woditi*, *wozyti*) производится от сингулярных глаголов первой «формы» (*gdu*, *gedu*, *ženu*, *nesu*, *wedu*, *wezu*) (с. 11, 12).

Одну из существенных характеристик грамматического описания Добровского составляет подробное описание будущего, где наиболее ярко выделяются аспектуальные, в том числе собственно видовые характеристики (но без адекватной терминологии). Так, и в рассматриваемом трактате выделяются четыре будущего, из которых три (в современном понимании) перфективные, а одно - имперфективное: 1. тематическое» будущее («futurum thematis») составляют глаголы *hnu*, *minu*, *tnu*, *tknu*, *dám*, *djm*, *chybjm*, *chytjm*, *chopjm*, *hodjm*, *kaupjm* и т. п. бесприставочные перфективы, 2. будущее, образованное при помощи *nu* и означающее единичное действие («unicum actum») (*bodnu*, *klesnu*, *kopnu*,

leknu, *leknu se*, *padnu* и т. п.), 3. будущее, составленное посредством препозитива (*půgdu*, *pogedu*, *polezu*, *ponesu*, *porostu*, *possli*, *poreku*, *powezu*, *poženu*, *umru*, а также *naleznu*, *dorknu*, *odemknu* и т. д.), 4. описательное будущее («futurum circumscriptum») (*budu spáti*) образуется так, что *budu* присоединяется к инфинитиву глагола итеративного или способного выражать более долгое время, букв.: 'долгий отрезок времени' («Infinitivo verbi Iterativi aut longioris morae capacis») (с. 11-12). Здесь же Добровский заменяет «diuturnior» Росы компаративом «longior» (с. 12).

Согласно автору, форма *dám* является собственно будущим вышедшего из употребления *dagi*, вместо которого в чешском употребляется фреквентатив («frequentativum») *dáwám* (с. 9).

При образовании третьего будущего препозитивы, помимо своего основного значения, так определяют и ограничивают настоящее единичного действия сингулярных глаголов, что оно переходит в обозначение будущего («Praesens thematis verborum singularium ita determinant & ad actum unicum restringunt, ut in Futurum transeat»). В качестве сингулярных здесь отмечаются как раз такие однонаправленные глаголы движения, как *gdu*, *gedu*, *lezu*, *nesu*, *wezu*, *ženu* (с. 12). Так, это будущее называется «futurum compositum», которым обозначается синтетическое *перфективное* будущее приставочного глагола. Примером этого будущего служит также *ochránjm*, от которого производится итератив или фреквентатив *ochranugi* (с. 4). Мысль об определяющем и ограничивающем влиянии приставок при образовании перфективного будущего повторяется во всех работах по славянскому глаголу Добровского (см. ниже).

Весьма решающим для всей грамматической традиции Добровского и его последователей оказывается то обстоятельство, что, разрабатывая систему глагольных «форм» в статье 1799 г., Добровский вслед за Пельцелем отказывается от перфектных и имперфектных глаголов («verba perfecta», «verba imperfecta») и тем самым порывает со старинной чешской традицией. Так как Пельцель использовал материалы Добровского, возможно и то, что первым от перфектных и имперфектных отказался сам Добровский уже в 1792 г. (см. выше).

Трактат «Slovo Slavenicum, in specie Czechicum» доказывает бесспорно, что по основным принципам глагольная классификация Добровского уходит корнями в систему традиции Доната (или вернее - Диомеда). Исходя из модели суффиксальной деривации этих грамматистов, Добровский создал свою модификацию формальной, отчасти семантической, классификации «formae verborum» чешского глагола.

Подытожим здесь судьбу сочетания «formae verborum». Как было показано выше, сочетание «formae verborum» продолжает системную модель суффиксальной деривации, порождающую акционсартные группы самостоятельных глаголов от исходного непроизводного (первообразного) глагола. Деривация данного типа отличается радикально от: а) словоизменительного спряжения, б) образования временных форм, в) словообразовательной префиксации и г) образования собственно видовых основ глаголов. В славянской традиции слово «forma» и сочетание «formae verborum» применяются у Статориуса (1568) и в особенности у Добровского (1799, 1822). Немецкое преобразование сочетание получает в «Formen der Verba» Фатера (1805) и в «Formen der Zeitwörter»

Добровского (1809). В ветви финской традиции донатовый оригинал «formae verborum» возобновляется в диссертации Шёстедта (1824).

6.5. «Verba singularia» - «verba plurativa» Пельцеля (1795)

1. Вышедший в 1795 году довольно обширный труд (более трехсот страниц) об основаниях чешской грамматики, составленный первым профессором чешского языка в Пражском университете Ф. М. Пельцелем, оказывается важным связующим звеном между ранними и более поздними работами Добровского. В составлении своей грамматики Пельцель воспользовался рукописными материалами, уступленными ему Добровским[407]. Очень вероятно эти материалы содержали и эскиз глагольных «форм» Добровского. Весьма вероятно Пельцелю, кроме работ чешских грамматистов, было знакомо первое издание учебника Хайма (1789), а также перевод грамматики Ломоносова. На это указывают некоторые факты собственно терминологии и метаязык автора.

При всем этом глагольные «формы» Добровского не отражаются у Пельцеля. Его описание глагола, которое считается весьма исчерпывающим[408], основывается на прежней традиции классификации глаголов. Отражая некоторые идеи Добровского 1791-1792 гг., аспектуальность в представлении Пелцеля проявляет и ряд индивидуальных черт, например, «verbum plurativum», «futurum plurativum» и «futurum singulare», подчеркивающие количественную аспектуальность. Новыми являются также термины «verbum durativum» и «verbum prolongatum» Пельцеля.

Один из принципиальных вопросов в анализе грамматических взглядов Пельцеля состоит в трактовке перфективного понятия «verbum singulare» в его бинарном противопоставлении группе «verba plurativa» как обобщающему разряду исключительно имперфективных глаголов как бесприставочных, так и приставочных (ср. ниже Томса 1804 и Неедлый 1804).

В довольно ясном изложении автора глаголы трактуются по трем делениям, из которых первое касается структуры и образования («Einfache, Simplicia, Abgeleitete, Derivata, Zusammengesetzte, Composita») (с. 72). Вторая классификация посвящена аспектуальному распределению глаголов по признаку длительности («Dauer») (с. 74). Третье деление описывает глаголы по залоговости («Verba Activa, Passiva, Neutra, Reciproca, Inchoativa») (с. 78).

Первое распределение, которое обусловливается способом возникновения глаголов («in Betracht der Entstehung») (с. 72), осуществляется по двум старинным принципам суффиксальной и префиксальной деривации. Тут бросается в глаза отсутствие термина «primitivum», место которого в суффиксации занял «simplex», т. е. слово «simplex» приобрело функцию в обоих типах деривации: «simplex -> derivatum», «simplex -> compositum». Здесь перед нами один из способов возникновения многозначности (полифункциональности) термина.

[407] См. Ягич (1910: 92, 114).

[408] «is particularly exhaustive in the study of the verb» (Станкевич 1984: 9).

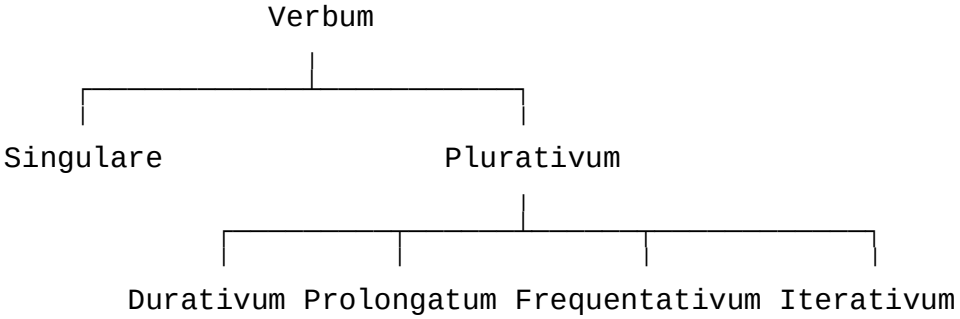
Согласно первому делению, большинство глаголов происходит от других глаголов. Например, глаголы *wodjm*, *wádjm*, *wádjwám*, *wádjwáwám* происходят от *wedu*; *nosým*, *nosýwám*, *nássjm*, *nosýwáwám* от *nesu*; *střjljm*, *střelugi*, *střjljwám*, *střjljwáwám* от *střeljm* (с. 73). В какой разряд входят глаголы типа *nosým*, остается здесь неясным. Перфективность сингулярных глаголов в системе Пельцеля размывает возможность производить глаголы движения типа *nosým* от имперфективного сингулярного глагола *nesu* (ср. выше).

Присоединяемые к глаголам префиксы привносят в них более подробное определение, причем глагол приобретает более узкое и более определенное значение («eine nähere Bestimmung»). Так, например, от глагола *dělám* возникают такие композитивы («die Composita»), как *dodělám*, *nadělám*, *oddělám*, *zdělám*, *zadělám* и др. (с. 73).

2. Согласно аспектуальному делению, чешские глаголы способны выражать не только время («die Zeit»), но и длительность действия («die Dauer der Handlung») (с. 74). Совокупность глагольных разрядов Пельцель описывает так:

> «Daher giebt es, in Rüksicht auf die Dauer der Handlung, fünf Gattungen von Zeitwörtern. Nämlich 1) Einzelne oder *Singularia*. 2) Dauernde oder *Durativa*. 3) Verlängernde oder *Prolongata*. 4) Wiederholende oder *Frequentativa*. 5) Selten wiederholende oder *Iterativa*» (с. 75).

Схема № 29. Система глаголов Пельцеля (1795)[409]



Verbum:
1. **Einzeln oder Singulare** - *hodjm*, *skočjm*, *pustjm*, *padnu*, *kleknu*, *dám*, *chytjm*, *sljbjm*, *strčjm*, *wrátjm*
Plurativum:
2. **Dauernd** oder Durativum - *wedu*, *nesu*, *worám*, *sekám*, *klečjm*, *mysljm*, *pigi*, *bigi*
3. **Verlängernd** (verlängert) oder Prolongatum - *wádjm*, *střjljm*, *házým*, *slýchám*, *ljhám*, *sázým*, *gjždjm*, *ljtám*, *wjdám*, *řjkám*
4. **Wiederholend** oder Frequentativum - *bývám*, *psáwám*, *hráwám*, *chodjwám*, *nosýwám*
5. **Selten wiederholend** oder Iterativum - *děláwáwám*, *běháwám*, *chodjwáwám*

Новым атрибутом «einzeln» 'единичный', представляющим собой параллель латинского «singulare», Пельцель стремится обособить аспектуальное понятие от

[409] См. Пельцель (1795: 74-77).

словообразовательного «einfach» 'простой'. Ср. выше «einfach» у Ломоносова 1764.

Сингулярными являются как бесприставочные (*hodjm*), так и приставочные глаголы (*zawolám*) (с. 75). Из схемы видно, что «verbum singulare» и «verbum plurativum» образуют первичную (вершинную) бинарную оппозицию по квантитативному признаку единичности - множественности действия. Это было достигнуто так, что автор устранил оппозицию «verbum perfectum - imperfectum», которую мы находим еще у Бернолака, и слил в одно количественную и неколичественную характеристику, вследствие чего, по крайней мере с терминологической точки зрения, в новом противопоставлении сильно акцентируется количественный признак. С другой стороны это значит, что, объединив в себя функции перфектного глагола, «verbum singulare» одновременно и расширил свой семантический объем. Аналогичное расширение касается и плюративного глагола. Группа плюративных глаголов состоит из четырех подгрупп, из которых как бы главной является разряд дуративных. По-видимому, так или иначе акцентирование количественной аспектуальности отражает идеи Добровского.

По всей вероятности, обобщающее название «verba plurativa» глаголов, выражающих множество действий («mehrere Handlungen», «actiones plures») (с. 77), представляет собой настоящее нововведение Пельцеля, не имеющее непосредственных предшественников. По содержанию оно, однако, восходит явно к «plures actus» Росы, о чем говорилось выше.

В соответствии с предыдущей чешской традицией в составе аспектуальных признаков Пельцеля сохраняется квантитативный признак единичности - множественности. Вслед за Добровским (1791) вводится признак длительности действия («die Dauer der Handlung») (с. 74), с которым сочетается введенный Добровским же (1792: 18) признак быстроты действия с одновременным отсутствием длительности, ср. экспликацию: «eine Handlung, die nur einmal geschieht, *schnell vorüber geht*, und fast ohne Dauer ist» (Пельцель 1795: 75). В результате устанавливаются три признака сингулярных глаголов Пельцеля: единичность, быстрота и отсутствие длительности. Вместе с тем характеристика данных глаголов здесь *не содержит ни признака совершения, ни признака завершения (конца) действия*, которые, видимо, утрачены вместе с глаголами «verba perfecta». Ср. Томса (1782: 248), Бернолак (1790: 73). Ср., однако, «eine Handlung...ganz vollbracht» у Пельцеля (с. 170).

Вместе с единичностью («nur einmal») быстрота минования и сопряженное с ней отсутствие длительности составляют характеристику, в силу которой сингулярные глаголы Пельцеля, в отличие от предыдущей традиции, являются исключительно перфективными и, составляя поэтому единственный перфективный разряд, противопоставляются группе плюративных глаголов (с. 75, 77). Благодаря этому у Пельцеля возникает созданное им сознательно бинарное противопоставление «verba singularia» - «verba plurativa». При этом «singulare» Пельцеля не дифференцирует семельфактивных и несемельфактивных глаголов.

По сравнению с предыдущей чешской традицией инновация Пельцеля носит принципиальный характер (ср. Томса и Бернолак выше). На существенное изменение роли сингулярных глаголов у Пельцеля указывает еще тот факт, что такими становятся именно *дуративные* глаголы, к настоящему времени которых

присоединяется префикс: *wedu*, *nesu*, *worám -> zawedu*, *powedu*, *přinesu*, *donesu*, *zaworám*, *doworám* и т. д. (с. 76), т. е. префиксация в данном случае вызывает два категориальных изменения, в которых возникают: а) приставочный сингулярный глагол, и б) перфективное будущее («futurum singulare») (см. схему). Ср. с этим правило Росы (1672: 213), согласно которому *перфектные* глаголы возникают из сочетания (имперфектного) *сингулярного* глагола с препозитивом: *wolám -> zawolám*. Почти то же самое у Долежала (1746: 79). Таким образом, если в системе Росы *wolám* является сингулярным имперфективом, от которого префигируется перфектный *zawolám*, то у Пельцеля *wolám* - глагол дуративный, и *zawolám* соответственно глагол сингулярный.

Следует подчеркнуть, что префиксация и превращение настоящего времени дуративного глагола в будущее глагола сингулярного касается только этих двух групп глаголов; от других подклассов плюративных сингулярные, согласно автору, префиксами не образуются (с. 76).

По форме сингулярные глаголы имеют время настоящее, а по значению они являются (перфективными) будущими. Некоторые из них (*hodjm*, *skočjm*, *pustjm*, *padnu* и т. д.) имеют это значение как первообразное («schon ursprünglich»), другие же приобретают его в присоединении препозитива: *donesu*, *wyberu*, *zawolám*, *napjssi* и т. д. (с. 75).

В наших источниках аспектуальный компонент «durativus» в сочетании «verba durativa» встречается впервые у Пельцеля. Дуративные глаголы (*wedu*, *nesu* и т. п.) означают действие, которое длится некоторое время и имеет место много раз («eine Handlung, die einige Zeit dauert, und mehrmal geschieht») (с. 75). «Iterativa» восходит к Добровскому (1791).

Продолжительные (букв. «продленные») глаголы («Die verlängerten Zeitwörter, Prolongata») *wádjm*, *střjljm*, *házým* и т. п. означают длительное действие. По мнению Пельцеля, действие этих глаголов длится дольше («dauert länger»), чем действие глаголов *wedu*, *střeljm*, *hodjm* и т. п., от которых они производятся. При этом глаголы «Prolongata» в префиксации не переходят в глаголы сингулярные (с. 76). Инновация «prolongatum» создана как калька по параллельному термину «verlängerte», который также оказывается созданием Пельцеля (с. 75, 76). Однако идея об удлинении формы и ее соответствии в действии восходит, как уже было отмечено, к Добровскому (1792: 18).

Фреквентативные глаголы (*býwám*, *psáwám*, *chodjwám* и т. п.) означают повторение действия («dass die Handlung wiederholt wird»). Их значение хабитуальности интерпретируется словами «soleo», «ich pflege»: *psáwám* «soleo, ich pflege zu schreiben» (с. 76). Эти глаголы образуются слогом *wám* от формы прошедшего времени дуративного и продолжительного глаголов: *byl -> býwám*, *psal -> psáwám*, *sedě̌l -> sedjwám*, *házel -> házýwám* и т. д. (там же).

Итеративные глаголы (*děláwáwám* и т. п.), образуемые повтором слога *wá* от фреквентативов, представляют собой удлинение («eine Verlängerung») по отношению слова как и действия. По-немецки их значение передается сочетанием

«ich pflege manchmal»[410], например: *chodjwáwám tam* имеет значение «ich pflege manchmal hin zu gehen» (с. 77). Так, здесь хабитуальность сочетается с признаком «время от времени».

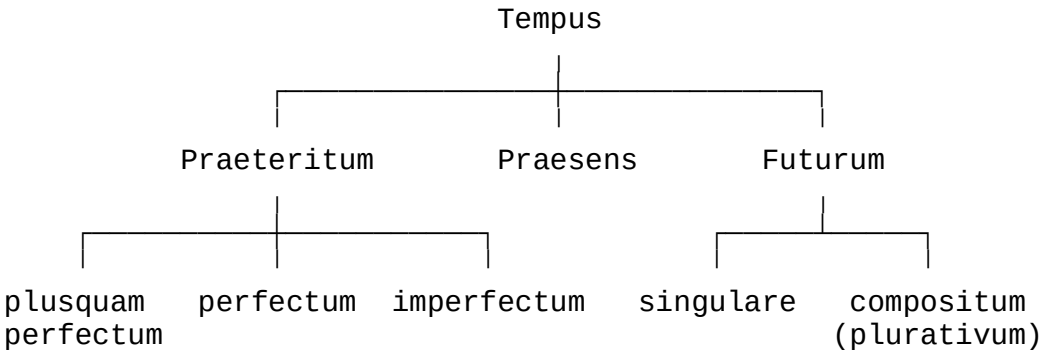
Используя мысль и слова Добровского (1792: 18) о счастливом подражании природе («die glückliche Nachahmung der Natur»), Пельцель поясняет, что в продолжительных, фреквентативных и итеративных глаголах гласный удлиняется по мере того, как удлиняется действие (т. е. время действия), обозначенное этими глаголами (с. 77).

Согласно третьему распределению глаголов, инхоативные глаголы («Inchoativa») составляют пятый залоговый класс, которому приписывается признак начала действия в самом предмете: «wenn die Handlung in der Sache selbst zu wirken anfängt» (*sladnu* «ich fange an süss...zu werden» (с. 78). Несколько иное и более верное указание на внутреннее изменение предмета («eine innere Veränderung der Dinge»), без указания на начинательность, дается в другом месте, при описании образования прошедшего данных глаголов (*autljm -> autlel* и др.) (с. 115). О начале действия как признаке инхоативного глагола см. выше.

3. Темпоральная система Пельцеля состоит из шести «видов времени»:

> «In der böhmischen Sprache giebt es sechs *Zeitarten*: 1) tempus praesens. 2) Praeteritum imperfectum. 3) Praeteritum perfectum. 4) Praeteritum plusquam perfectum. 5) Tempus Futurum singulare. 6) Futurum compositum oder plurativum» (с. 80).

Схема № 30. Шесть времен («sechs Zeitarten») Пельцеля (1795)[411]



Tempus:
1. **Praesens** - *wedu*, *slyssjm*, *házým*, *ljhám*, *chodjwám*, *nosýwám*, *chodjwáwám*, *běháwáwám*
Praeteritum:
2. imperfectum - *wedl*, *slyssel*, *házel*, *ljhal*, *chodjwal*, *nosýwal*, *nosýwáwal gsem*
3. perfectum - *hodil*, *střelil*, *dal*, *padl*, *přinesl*, *zawolal*
4. plusquam perfectum - *byl gsem hodil*, *byl gsem házel*
Futurum:

[410] См. *manchmal* 'иногда', 'порой' (БНРС II: 54).

[411] См. Пельцель (1795: 80-81). См. выше наше замечание о становлении термина «Aktionsart».

5. singulare - *chytjm*, *powjm*, *kaupjm*, *bodnu*, *leknu se*, *umru*, *zawolám*, *wysekám*, *donesu*, *přinesu*
6. compositum oder plurativum - *budu psáti*, *čjti*, *hledati*, *slysseti*, *budeš házeti*, *zbjwati*, *bude chodjwati*, *nosýwati*, *budeme chodjwáwati*, *nosýwáwati*

С устранением уже традиционных в чешской грамматике «verbum perfectum» и «verbum imperfectum» времена «praeteritum perfectum» и «imperfectum» попадают в один ряд с новыми терминами «futurum singulare», «futurum compositum», «futurum plurativum». Кроме того, поскольку атрибуты «perfectum» и «imperfectum» сочетаются только с формами прошедшего, а «singulare», «compositum» и «plurativum» только с названием будущего, темпорально-аспектуальная номенклатура становится весьма пестрой, вместе с тем как теряется аспектуальная соотнесенность между прошедшим и будущим (см. схему времен выше).

Время «Das Praeteritum perfectum, vollkommen vergangene Zeit» выражается как бесприставочными (*hodil*, *střelil*, *dal*), так и приставочными (*přinesl*, *zawolal*) формами сингулярных глаголов (с. 81). Определяющий прошедшее («praeteritum») атрибут «perfectum» можно считать видовым, так как в системе Пельцеля «Praeteritum perfectum» образуется исключительно от сингулярных глаголов. Зато немецкий термин «vollkommen vergangene» («Zeit»), отмеченный выше у Ломоносова (1764: 170), как уже говорилось, автоматически перфективности не гарантирует.

К сожалению, в парадигмах трех спряжений (с. 92-118) как бы сознательно размыто аспектуальное различие в прошедшем: вместо «Praeteritum imperfectum» (или «Imperfectum») и «Praeteritum perfectum» отмечаются регулярно только «Praeteritum» (*nesl gsem*, *wolal gsem*, *učil gsem*) и «Plusquam perfectum» (*nesl gsem byl* и т. д.), причем оба иллюстрируются имперфективными примерами. В плане же будущего систематически приводятся противопоставляемые аспектуально «Futurym Singulare» (*ponesu*, *zawolám*, *wyučjm*) и «Futurum Plurativum» (*budu nésti*, *wolati*, *učiti*). Эта непоследовательность оговаривается в пояснениях образования прошедшего («Praeteritum») отдельных глагольных групп (с. 97).

Употребление одного «Praeteritum» без аспектуальной дефиниции восходит, как уже отмечалось, к латино-немецкой традиции описания темпоральных форм. Ср. сюда замечание автора, по которому чешский язык, подобно немецкому и латинскому, имеет три претерита («drey Präterita), а именно «das Imperfectum», «Perfectum» и «Plusquam perfectum» (с. 169).

Все плюративные глаголы имеют имперфект (*wedl*, *slyssel*, *házel* и т. д.) и все глаголы, в том числе сингулярные, образуют плюсквамперфект («Das Präteritum plusquam perfectum») (*byl gsem hodil*, *byl gsem házel*) (с. 81).

Одной из инноваций Пельцеля является образуемое только от сингулярных глаголов «das Futurum singulare». И это будущее, означающее единичное (разовое) действие («eine Handlung, die nur einmal geschehen wird» (с. 81), проиллюстрировано бесприставочными и приставочными перфективными формами

chytjm, *zawolám* и др. (см. схему).

Любопытно, что составной термин «das Futurum compositum» (*budu psáti* и т. п.), противопоставляемый термину «Futurum singulare», приобретает, наряду со структурным признаком, аспектуальное значение длительного времени («die künftige verlängerte Zeit») (с. 81). Это значение поддерживается, естественно, параллельным термином «plurativum».

Бинарное аспектуальное (видовое) противопоставление проявляется также в зависимой позиции темпоральных форм от двух группировок сингулярных и плюративных глаголов. Так, согласно автору, сингулярным глаголам свойственно перфектное прошедшее и сингулярное будущее («das praeteritum perfectum und das futurum singulare»), а для плюративных глаголов характерно настоящее, имперфект и составное будущее («das praesens, imperfectum und futurum compositum») (с. 81).

Итак, атрибуты «singulare» и «plurativum» выступают как в сочетании с глаголом, так и в сочетании с формой времени, чего «perfectum» и «imperfectum» в системе Пельцеля уже не могут делать.

Из заявления Пельцеля, что в чешском языке, в отличие от немецкого и латинского, имперфект, перфект и плюсквамперфект выражаются разными глаголами (с. 169), вытекает лишний раз, что аспектуальные различия представлены разными глаголами, и, далее, что в принципе эти разные глаголы могут входит в одну темпоральную парадигму (ср. сряжения). Однако соотношение сингулярных и плюративных глаголов в концепции Пельцеля, вероятно, не столь строго, как соотносительная парновидовость в современном понимании.

Значение имперфекта понимается Пельцелем все еще в духе античной традиции так, что действие, с точки зрения момента речи (говорящего), пока не полностью протекло («Das Tempus imperfectum, nicht vollkommen vergangene Zeit, die noch fort dauert») (с. 81), («die noch nicht ganz verflossene Zeit») (с. 169). Для выражения этого не полностью протекшего времени используется глагол дуративный или другие плюративные глаголы (там же). Ср. «verflossene» впервые у Хайма (1789: 168). При этом значение имперфекта иллюстрируется параллельными латинскими примерами (переводами): *Když gsem k němu přissel, ležel a spal* «Als ich zu ihm gekommen, lag er und schlief. Jacebat & dormiebat» (с. 169).

По мнению автора, перфект (перфектное значение) («das tempus *perfectum* oder die ganz vergangene Zeit») выражается только формой сингулярного глагола, например: *Wčera gsem k němu přissel* «Ich bin gestern zu ihm gekommen». *Uhodil psa kamenem* «Er hat den Hund mit einem Steine geworfen» (с. 170). Согласно пояснению автора, эти формы прошедшего (*přissel*, *uhodil* и т. п.) относятся к сингулярным глаголам (*přigdu*, *uhodjm*), которые означают единичное полностью совершенное (совершимое) действие («eine Handlung, die nur einmal geschieht, und ganz vollbracht vird») (там же).

Особенно в будущем на передний план выдвигается количественная аспектуальность (единичность - многократность), в то время как признак совершения и признак

конца оттесняются на задний план. Так, сингулярное будущее («Das Futurum singulare») означает действие, которое имеет место только один раз и будет сразу же исполнено («eine Handlung, die nur einmal geschehen und gleich vollbracht seyn wird»): *Zeytra wám přinesu penjze*. *Až přigdu k wám, powjm wám nowinu* (с. 171). Ср. немедленное совершение быстрого единичного действия («eine Handlung, die nur einmal, schnell ohne alle Dauer geschehen und gleich vollbracht seyn wird»): *zastřeljm tě* «ich werde dich (nur einmal) erschiessen» (с. 340). Плюративное будущее указывает на действие, которое будет иметь место много раз и продолжаться («eine Handlung, die mehrmal geschehen und fortdauern wird») (*budu nosyti*, *budu powjdati*) (с. 171).

Несмотря на терминологическую пестроту, замечание Пельцеля, что сингулярное будущее относится к плюративному будущему так же, как перфектное прошедшее к имперфекту, говорит достаточно ясно за бинарную аспектуальную оппозицию в будущем и в прошедшем: «Das Futurum *singulare* verhält sich gegen das Futurum *plurativum*, wie das praeteritum *perfectum* gegen das *imperfectum*» (с. 170). Этот текст Пельцеля повторяется дословно у Неедлого (1804: 340).

От всей предыдущей чешской традиции система Пельцеля отличается изменением статуса сингулярных глаголов, ставших исключительно перфективными. Глагольная система Пельцеля свидетельствует о сознательном создании бинарного противопоставления сингулярных и плюративных глаголов, продолжающего в более простом виде оппозицию перфектных и имперфектных глаголов чешской традиции. Более того, оно указывает на попытку заменить сложность и некоторую амбивалентность старых терминов новыми, применимыми именно к глаголу. Хотя это новое, можно сказать, видовое, противопоставление и не привилось, оно выявляет правильный путь в поисках надежного специфического способа классификации глаголов.

6.6. Утрата видового признака в системе Томсы (1804)

1. Аспектуальная система, описанная в вышедшем в Праге монографическом исследовании о значении, спряжении и употреблении чешского глагола Франца Томсы (1804), отличается существенно от его учебника 1782 года[412].

Не применяя «форм» Добровского, Томса классифицирует глаголы по их аспектуальным признакам, среди которых выделяются в первую очередь количественная кратность и длительность («Dauer»), укоренившаяся в чешской традиции. Соотносительность длинной формы и длительного действия отражают идеи Добровского и Пельцеля, у которого Томса вообще усвоил многое.

Обстоятельное описание шести глагольных разрядов идет от наиболее маркированного перфективного (по признакам единичности и совершения «einmal vollbrachte Handlung») к наиболее маркированному имперфективному (по итерации время от времени и хабитуальности «manchmal», «pflegen manchmal»).

[412] Предисловие исследования Томсы (6.12.1803) датировано полугодом раньше грамматики Неедлого (3.6.1804), с которой оно имеет пункты соприкосновения.

В классификации глагольных разрядов признак завершения (конца) не фигурирует. Как бы вторичным семантическим компонентом наряду с единичностью у сингулярных глаголов является признак совершения (исполнения), выраженный атрибутом «vollbracht» (с. 9). Относительно атрибута «voll-bracht» см. выше.

Собственно сингулярные глаголы («reine einzelne Zeitwörter») означают единичное совершенное действие без добавочного значения дистрибутивности, которое свойственно несобственно сингулярным глаголам («unreine einzelne Zeitwörter»). Собственно сингулярными являются *kročím* «ich werde einen Schritt gethan haben», *skočím*, *padnu*, *dám*, *chytím*, *hodím*, *odejdu*, *doplním*, *rozhodím*, *střelím* «ich werde einen Schuss gethan haben» и др. (с. 9). Несобственно сингулярные глаголы с элементом дистрибутивности («mehrere auf einmal vollbrachte Handlungen») освещаются примерами: *rozházým* «ich werde nach und nach aus einander geworfen haben», *schytám* «ich werde ein Stück nach dem andern zusammen gefangen haben», *uskačí* «sie werden nach und nach weggesprungen sein» и др. (с. 10). Так, инновация Томсы «unreine einzelne Zeitwörter» указывает на дистрибутивное перфективное действие, которое состоит из отдельных последовательных действий.

Дуративные глаголы означают действие, которое длится некоторое время («einige Zeit dauert»), или конативность («eine Bestrebung nach etwas»): *kráčím* «ich schreite, bin im Begriffe einen Sprung zu thun», *padám* «ich falle, bin im Begriffe zu fallen», *dáwám* «ich gebe, will geben», *obauwám* «ich ziehe...an» и т. д (с. 10). Фактически глагол *obauwám* представляет собой (в современном смысле) видообразование св *obauti* -> нсв *obauwám*, в то время как итеративный глагол *obauwáwám* репрезентирует результат словообразовательного процесса нсв *obauwám* -> нсв *obauwáwám*.

В качестве параллельных названий сингулярных и дуративных глаголов Томса приводит «vollkommene Zeitwörter, verba perfecta» и «unvollkommene Zeitwörter, verba imperfecta» (с. 9-10) (ср. Томса 1782).

Для продолжительных глаголов («*verlängerte* Zeitwörter, verba prolongata») характерны продолжительность и повторяемость («öfters») действия. Судя по примерам, в этот разряд входят главным образом глаголы разнонаправленного движения: *chodím* «ich gehe hin und her oder öfters», *jezdím* «ich fahre, reite hin und her, oder mehrmals» *nosým* «ich trage hin und her, oder mehrmals», *wodím*, *wozým*, *wláčím*, *honím*, *lítám* и т. д. (с. 10). По замечанию автора, глаголы однонаправленного движения (*jdu*, *jedu*, *wedu*, *wezu*, *letím*) принадлежат к дуративным (там же).

Фреквентативные глаголы («*wiederholende* Zeitwörter, verba frequentativa») выражают повторяющееся действие, которое Томса интерпретирует указывающей на хабитуальность перифразой «pflegen zu + инф.»: *chodíwám* «ich pflege zu gehen», *jezdíwám* «ich pflege zu fahren, zu reiten», *hráwám* «ich pflege zu spielen» и т. д. (с. 11). Глаголы *líhám* и *wídám* являются одновременно продолжительными и фреквентативами («fortsetzend und zugleich wiederholend»), глагол *sedám* характеризуется как «dauernd, fortsetzend und wiederholend» («fortsetzend» здесь вариант атрибута «verlängerte») (там же). Фреквентативы образуются посредством слога *wat* (*wám*)

от имперфекта дуративных и продолжительных глаголов: *bral -> bráwat*, *psal -> psáwat* и т. д. (там же).

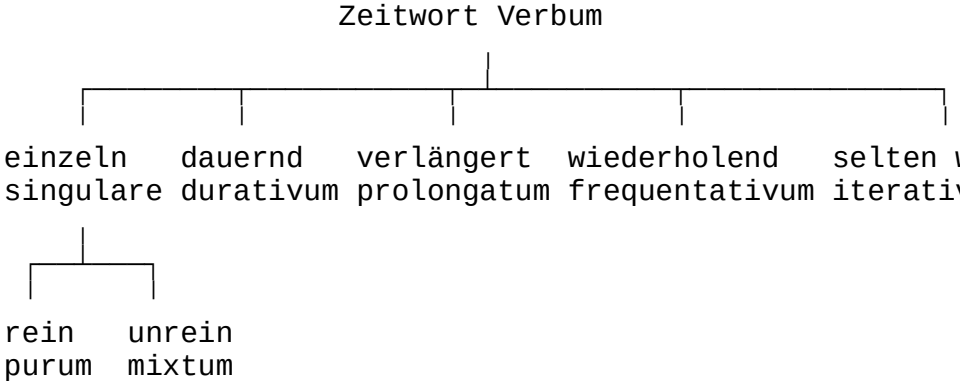
Итеративные глаголы («selten wiederholende Zeitwörter, verba iterativa») образуются посредством слога *wá* от фреквентативов и передаются регулярно сочетанием «pflegen manchmal zu + инф.»: *chodíwáwat* «pflegen manchmal zu gehen» и т. д. (с. 12). Ср. выше Пельцель (1795: 75).

Подытоживая состав глагольных разрядов, Томса принимает длительность («Dauer») за главный критерий классификации:

> «Es giebt daher im Čechischen in Rücksicht auf die *Dauer der Handlung* sechserlei Zeitwörter, nemlich: einzelne, reine und unreine, dauernde, verlängerte, wiederholende und selten wiederholende Zeitwörter» (с. 12).

Как у Пельцеля, сингулярные глаголы («*einzelne Zeitwörter*», «*verba singularia*») Томсы (с. 9) составляют единственный перфективный разряд глаголов, которому противопоставляются четыре имперфективные группы «*Verba durativa*», «*prolongata*», «*frequentativa*» и «*iterativa*». Однако, в отличие от Пельцеля, у Томсы нет эксплицитной объединяющей группы неперфективов:

Схема № 31. Система глаголов Томсы (1804)[413]



Zeitwort Verbum:
1. **einzeln** singulare:
а) rein purum - *skočím*, *padnu*, *dám*, *chytím*, *hodím*, *odejdu*, *uteku*
б) unrein mixtum - *rozházým*, *schytám*, *useku*, *uskačí*
2. **dauernd** durativum - *skači*, *padám*, *dáwám*, *chytám*, *házým*, *obauwám*
3. **verlängert** prolongatum - *chodím*, *jezdím*, *nosým*, *wodím*, *wozým*
4. **wiederholend** frequentativum - *chodíwám*, *jezdíwám*, *hráwám*, *líhám*
5. **selten wiederholend** iterativum - *chodíwáwat*, *sušíwáwat*, *wozýwáwat*, *obauwáwat*

Поскольку количественная аспектуальность вместе с признаком длительности («Dauer») заняли первичные исходные позиции в глагольной классификации, система самого Томсы (1782) была подвергнута существенным изменениям. В связи с этим был утрачен видовой признак «vollkommen», в силу чего

[413] См. Томса (1804: 9-12).

размывается также привативный характер вида. Вместе с тем затушевываются старинные принципы Росы и Долежала. Удлинение формы и длительность действия («verlängern» и «Dauer») Пельцеля и Добровского приводят к неправильному критерию классификации.

2. Темпоральная система чешского глагола в представлении Томсы состоит из пяти времен, в которых отчетливо противопоставляются имперфективные и перфективные формы:

> 1. «die gegenwärtige Zeit oder Präsens» (*sem* «ich bin»), 2. «die jüngstvergangene Zeit oder Imperfekt» (*byl sem* «ich war»), 3. «die völligvergangene Zeit oder Perfekt, welche auch die längstvergangene Zeit oder das Plusquamperfekt anzeig» (*pobyl sem* «ich bin gewesen, und ich war gewesen»), 4. «die dauernde zukünftige Zeit oder das futurum durativum» (*budu* «ich werde sein»), 5. «die vergangene zukünftige Zeit oder das futurum exactum» (*pobudu* «ich werde gewesen sein») (с. 13-15).

По сравнению с первым изданием (1782) существенную разницу составляют: 1. выделение однозначного имперфекта нсв, 2. выделение перфективного перфекта, способного выражать также плюсквамперфектное значение, 3. дифференциация длительного и перфективного будущего.

Комбинированный термин «die vergangene zukünftige Zeit», в котором темпоральный атрибут «vergangen» попадает в неуместную аспектуальную функцию, переводит укоренившийся и меткий «futurum exactum» (с. 15) и показывает, что темпоральный атрибут «vergangen» (ср. «jüngstvergangen», «völligvergangen») не подходит к обозначению аспектуального элемента. Ср. также «die als vergangen vorgestellte zukünftige Zeit» (с. 16 и сл.). Аналогичную модификацию «die künftig vergangene Zeit (futurum perfectum oder exactum)» мы видим у Неедлого (1804: 231).

По мнению Томсы, в чешском языке перфект, выражая завершенное действие («vollendet»), означает также плюсквамперфект (с. 14). Вместе с тем Томса признается, что сам ошибался, принимая в своем учебнике (1782) имперфект и перфект за тождественные и *byl sem wolal* за плюсквамперфект (с. 15) (ср. ниже Неедлый).

Указывая на Нудожера и на русских грамматистов, Томса поясняет сущность перфекта и плюсквамперфекта (с. 14, примеч.). По мнению Томсы, Нудожер (1603: 48) ошибался, объединяя имперфектное и перфектное значения («*scribebam*» и «*scripsi*») в одной (имперфективной) форме прошедшего *psal sem*, и приписывая (имперфективной же) форме *psal sem byl* плюсквамперфектное значение («*scripseram*»). Далее Томса, имея в виду плюсквамперфект Ломоносова (1764: 273) и Родде (1789: 140), констатирует, что и русские грамматисты ошибочно принимали *я бывало прїучивалъ* за плюсквамперфект, а не за имперфект фреквентативного глагола («ein Imperfekt von [verbum] Frequentativum») *прїучивать* (подобно чешскому имперфекту *přiučowal* фреквентатива *přiučowat*). По мнению автора, и в русском языке перфект и плюсквамперфект по форме никак не различаются, следовательно, *я прїучилъ* («ich habe und hatte mehr abgerichtet») является перфектом и плюсквамперфектом глагола *прїучить*, подобно чешскому перфекту и плюсквам-

перфекту *přiučil* сингулярного глагола *přiučit* (там же).

Поскольку многие продолжительные глаголы («prolongatum») и все фреквентативные и итеративные не могут иметь ни форм «futurum exactum», ни форм перфекта и плюсквамперфекта, должно совершенное действие («die Handlung als vollbracht») в подобных случаях быть выражено формами соответствующих сингулярных глаголов (с. 16).

В содержательном описании времен основное аспектуальное противопоставление составляют «Dauer» и «Vollendung» (вместе с «Vollbringung»), ср.: «die gegenwärtige Dauer», «die vergangene Dauer», «die Dauer der zukünftigen Handlung» - «die Vollendung der Handlung», «die Vollbringung der zukünftigen Handlung» (с. 16).

По данному описанию, перфект и плюсквамперфект («die völlig- und längstvergangene Zeit») являются по содержанию перфективными временами, которые образуются только от сингулярных глаголов и противопоставляются имперфекту («die jüngstvergangene Zeit»), образуемому только от неперфективных глаголов (с. 16).

Очень обстоятельно Томса показывает, каким образом значения темпоральных форм варьируют в зависимости от аспектуального разряда глагола («die Handlungen der verschiedenen Zeiten *auf verschiedene Art*»). Его пример содержит фактически все экспоненты отдельных аспектуальных признаков итерации, хабитуальности, определенности и т. п.: *jdu* «ich gehe», *chodím* «ich gehe hin und her oder mehrmals», *chodíwám* «ich pflege zu gehen», *chodíwáwám* «ich pflege manchmal oder zuweilen zu gehen», *šel sem* «ich ging», *chodil sem* «ich ging hin und her oder mehrmals», *chodíwal sem* «ich pflegte zu gehen», *chodíwáwal sem* «ich pflegte manchmal, oder zuweilen, oder sonst zu gehen», *došel sem* «ich bin hingekommen, ich war hingekommen», *dochodil sem* «ich bin oder war bis zur bestimmten Zeit gegangen», *půjdu* «ich werde gehen», *budu chodit* «ich werde hin und her oder mehrmals gehen», *budu chodíwáwat* «ich werde pflegen manchmal zu gehen», *dojdu* «ich werde hingekommen sein», *dochodím* «ich werde bis zur bestimmten Zeit mehrmals gegangen sein» (с. 16-17).

Аналитическое длительное будущее («das dauernde Futurum») образуется вспомогательным словом *budu* и инфинитивом настоящего времени: *budu mluvit* «ich werde reden», *budu učit* «ich werde lehren» (с. 19). С другой стороны, некоторые «dauernde Infinitive», выражающие беспрерывное действие («eine ununterbrochene Handlung») *jít*, *téc*, *plynaut*, *běžet*, *jet*, *letět*, *nést* и др. (здесь имеются в виду в основном глаголы однонаправленного движения), образуют то же длительное будущее, но посредством префикса *po* (*poteku*, *pojedu* и т. д.) (там же).

Ряд двувидовых глаголов имеет одинаковые формы настоящего и перфективного будущего («das futurum exactum»): *daruji*, *dím* «ich sage und ich werde gesagt haben», *naději se* «ich vermuthe, ich hoffe, und ich werde vermuthet, gehoft haben», *raním*, *zwěstuji* (с. 21).

Описывая формы спряжения, Томса объединяет правильно в пары, хотя и на

темпоральном уровне (настоящее - перфективное будущее), бесприставочные *dawám* и *dám*, *kupuji* и *kaupím*, а также фактически непарные *bodu* и *bodnu*, *kopám* и *kopnu* «ich werde einmal gehackt haben» и др. (с. 22). «Правильную» приставочную видовую пару представляют собой *zdwíhám* «ich bin im Begriffe, ich bestrebe mich aufzuheben» и *zdwihnu* «ich werde aufgehoben haben» (с. 23).

3. Чрезвычайно важным оказывается правило, по которому префиксация именно *дуративного* глагола порождает *чисто сингулярный* глагол, причем настоящее становится временем «futurum exactum»:

> «Wenn ein *dauerndes* Zeitwort mit einem Vorworte zusammengesetzt wird; so wird daraus ein *einzelnes reines* Zeitwort, das Präsens wird also zum futurum exactum. Z. B. jdu, ich gehe, dojdu, ich werde hingegangen sein» (с. 51). Ср. «dauernde Zeitwörter werden zu einzelnen Zeitwörtern, wenn der gegenwärtigen Zeit ein Vorwort vorgesetzt wird» (с. 65).

Так, собственно *сингулярный* глагол образуется присоединением приставки к настоящему времени *дуративного* глагола. Данное правило не касается других глагольных разрядов. При этом подчеркнутую позицию получает соотношение настоящего и перфективного будущего. Ср. выше подобный прием префиксации у Пельцеля.

«Имперфективация» описана менее удовлетворительно: поскольку префиксация дуративного глагола порождает сингулярный глагол с новым значением, то для пробретения настоящего времени и других подобных времен необходимо удлинить этот новый приставочный глагол («so muss ein solches zusammengesetztes Zeitwort verlängert werden») (с. 52), например: *kázat* «befehlen», «predigen» -> *wzkázat* «sagen lassen» -> *wzkazowat*. Ср. «Um Präsens von *wzkázat* zu bekommen, muss *wzkázat* in *wzkazowat* verlängert werden» (с. 62). Процесс «удлинения» («verlängern»), которое диктуется потребностью в форме настоящего времени нового сингулярного глагола, предвосхищает суффиксальную имперфективацию.

С другой стороны, Томса перечисляет те приставочные имперфективы («verlängerte Zeitwörter») (с. 56-64), в которых префикс не превращает исходного глагола в сингулярный перфектив, т. е. приставочные имперфективы трактуются как приставочные образования от глаголов «prolongata»: *slýchat* -> *doslýchat*, *dáwat* -> *přidáwat* и т. д. (с. 56). Однако данные образования не сочетаются автором в действительных видовых парах типа *přidat* - *přidáwat* и т. п. Иными словами, отдельные имперфективы группируются по финали глагола, но не как аспектуально соотносительные образования (ср. более удачную трактовку у Томсы 1782: 249).

Эти глаголы перечисляются по их исходу в инфинитиве («nach ihrem Ausgange des Infinitivs» (с. 56): *acet*, *domlacet*, *nawracet*, *omlacet*, *obracet* и т. п. Так, в частности, глаголы на *ítat* (*namítat*, *přemítat*, *rozmítat* и др.) являются, как правило, продолжительными, но сингулярными («einzeln»), т. е. perfectiva tantum: *nalítat* «viel hinein geflogen sein», *nalítat se* «viel geflogen sein», *přelítat* «darüber geflogen sein», *polítat* «einige Zeit geflogen sein» (т. е. делимитатив) и т. д. (с.61).

Иногда удлинение глагола («Verlängerung der Zeitwörter») оказывает влияние на его значение. Так, *pobolet* означает болеть некоторое время («eine Weile weh gethan haben»), а *pobolíwat* имеет значение частого действия («oft anfangen weh zu thun») (с. 64). При этом Томса, называя форму *pobolet* инфинитивом прошедшего времени («Infinitiv der vergangenen Zeit») и *bolet* - инфинитивом настоящего времени («Infinitiv der gegenwärtigen Zeit»), использует темпоральную терминологию для описания аспектуальных фактов.

В соответствии с западнославянской традицией система двух спряжений иллюстрируется парами бесприставочных и приставочных глаголов. Примером первого спряжения служит пара *mnu - wymnu*, *mnaut - wymnaut*, в описании которой бросаются в глаза темпоральные термины в аспектуальной функции: «Gegenwärtige Zeit» (*mnu*), «Zukünftige als vergangen vorgestellte Zeit» (*wymnu*), «Jüngstvergangene Zeit» (*mnul sem* «ich rieb»), «Völligvergangene und längstvergangene Zeit» (*wymnul sem* «ich habe und hatte ausgerieben»), «Dauernde zukünftige Zeit» (*budu mnaut* «ich werde reiben»). Инфинитив («Die unbestimmte Weise»): «Gegenwärtige Zeit» (*mnaut* «reiben»), «Völligvergangene Zeit» (*wymnaut* «ausgerieben haben») (с. 72-75). Соответствующими парными примерами второго спряжения даются *wolám - zawolám* (с. 89), *činím - učiním* (с. 93), *ležím - poležím* (с. 97) и т. д.

6.7. Четыре аспектуальных разряда Неедлого (1804)

1. В своей грамматике чешского языка доктор юридических наук и ординарный профессор чешского языка и литературы в Карловом университете Йоханн Неедлый (1776-1834)[414] развивает дальше идеи, внесенные в чешскую традицию Добровским и Пельцелем[415].

Повторяя мысли Добровского (1791: 24), Неедлый констатирует, что уже путем изменения гласного возникают новые слова с новыми понятиями («der neue Begriff»), а в глаголах также весьма тонкие добавочные понятия («sehr feine Nebenbegriffe») (с. 35), в том числе аспектуальные. Корневые слоги составляют основной материал слова, к которому примыкают словоизменительные и производные слоги, составляющие его формальный материал, форму («die Form») (с. 29). Одним из первых Неедлый говорит об отличительных признаках слов («unterscheidende Merkmahle» (с. 30).

В первом, вводном описании словообразования глаголов и его влияния на глагольную семантику выделяются глагольные разряды и их признаки: 1. краткая

[414] «Johann Negedly, Doctor der Rechte, und k. k. öffentlichem und ordentlichem Professor der Böhmischen Literatur an der Karl-Ferdinandeischen-Prager Universität» (титульный лист грамматики). По сообщению Добровского (1819: XIII), Неедлый, «один из самых прилежных и старательных учеников Пельцеля», принял кафедру чешского языка в Пражском университете по смерти Пельцеля и начал читать лекции в ноябре 1801 г.

[415] «В грамматике Неедлого (1804) принято во внимание участие Добровского в грамматике Пельцеля» (Ягич 1910: 118).

и долгая длительность действия («*kürzere* und *längere* Dauer einer Handlung» («verba singularia & durativa»), 2. продолжение и повторение («die fortgesetzte Handlung und öftere Wiederholung») («verba prolongata & iterativa»), 3. хабитуальность и частое повторение действия («die dann und wann nur zu Zeiten oft geschehende Handlung») («verba iterativa secunda») (с. 35). Заметим, однако, что собственная система автора не содержит ни глаголов «iterativa secunda», ни глаголов «verba prolongata» (см. схему).

Неедлый не различает по статусу фреквентативной и имперфективной формы глагола. Укажем, в частности, на перфективные приставочные образования (*nadjti* и т. п.) корневого глагола («Wurzelwort») *djti*, имперфективные образования (*nadjwati* и т. п.) которых носят название «die frekventativen Zeitwörtern» (с. 38-40).

В соответствии с традиционной структурной классификацией все глаголы разделяются на первообразные («ursprüngliche», «primitiva») и производные («abgeleitete», «derivata)», а также на простые («einfache, «simplicia») и сложные («zusammen gesetzte», «composita») (с. 219). Первообразные глаголы представлены, в частности, ономатопоэтическими *sypám* «ich schütte», *bǔmjm* «ich donnere», производные образуются от существительных (*pán -> panugi*) и от прилагательных (*slepý -> slepnu* «ich werde blind») (с. 220). Ср. Пельцель (1795: 72).

По модели глагол -> глагол производятся *wodjm* «ich führe längere Zeit» и *wodjwám* «ich pflege zu führen» от *wedu* «ich führe». Так, вместо «правильных» образований *wedu -> wodjm* и *wodjm -> wodjwám* Неедлый производит два (новых) глагола прямо от одного первообразного *wedu*. Аналогичным образом производятся от перфективного сингулярного *střeljm* «ich werde (einmal) schiessen» глагол *střljm* со значением «ich schiesse längere Zeit» и глагол *střljwám* с хабитуальным значением «ich pflege zu schiessen» (с. 220). Ср. выше Пельцель.

В соответствии с идеей Добровского и Пельцеля, в префиксации простой или производный глагол приобретает более узкое (уточняющее) значение («eine nähere Bestimmung») (с. 221). В префиксации возникают разные приставочные образования с разными значениями, в том числе акционсартными. Например, присоединение отдельных приставок к глаголу *dělám* порождает такие глаголы, как *dodělati* «fertig (zu Ende) machen», *nadělati*, «viel machen», *odělati* «umarbeiten», *vdělati* «einmal machen», *zdělati* «fertig machen» (там же). Бóльшая длительность («eine längere Dauer») приписывается глаголам *náležeti*, *nenáwideti*, *přjležeti* «bey etwas liegen» и т. п. (с. 222).

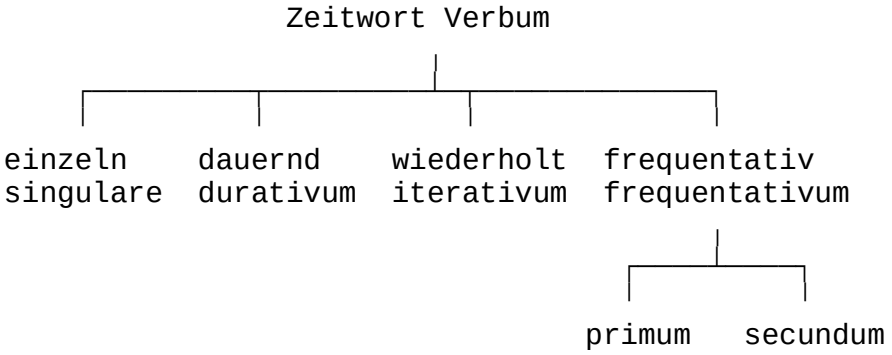
Являясь одной из пяти залоговых групп («Arten (genera) der Zeitwörter»), инхоативы не входят в собственно аспектуальную классификацию глаголов (с. 222). Ср. Пельцель (1795: 78).

Согласно автору, неоспоримое превосходство перед другими языками состоит в способности чешского глагола выражать не только частое или редкое действие («die *öftere* oder *seltnere Handlung*»), но и долгую или краткую длительность («*die längere oder kürzere Dauer*») этих действий (с. 224).

На отдельные разряды глаголы разделяются именно по этим признакам.

2. Система глаголов состоит из сингулярных, дуративных, итеративных и фреквентативных («prima & secunda») глаголов:

Схема № 32. Аспектуальная система глаголов Неедлого (1804)[416]



Zeitwort Verbum:
1. **einzeln** singulare - *hodjm*, *střeljm*, *skočjm*, *sednu*, *donesu*
2. **dauernd** durativum - *pigi*, *wezu*, *worám*, *klečjm*, *pletu*
3. **wiederholt** iterativum - *chodjm*, *nosým*, *wozým*, *sedám*, *ljhám*
4. **frequentativ** frequentativum:
а) primum - *děláwám*, *házýwám*, *chodjwám*, *spáwám*, *psáwám*, *stáwám*
б) secundum - *děláwáwám*, *chodjwáwám*

С системной точки зрения четыре группы описываются как взаимно равноправные разряды без особых внутренних подчинительных отношений (за исключением подразделений фреквентатива).

Глагольную систему Неедлого можно рассматривать по градации признака единичности как континуум от самого редкого к самому частому проявлению кратности (от однократности к многократности). В системе господствуют признак кратности (в сопряжении с признаком быстроты в группе сингулярных) и признак длительности. В ней не используются признаки, которые указывали бы на совершение или конец действия.

Сингулярные глаголы («einzelne Zeitwörter», «verba singularia») охватывают бесприставочные и приставочные перфективы (*hodjm*, *sednu*, *donesu*, *wyberu*, *zawolám*, *zaworám* и т. п.), которые в свете примеров и содержательного описания противопоставляются по виду остальным разрядам глаголов, в первую очередь дуративным («verba durativa»). Итак, в соответствии с новаторством Пельцеля (1795), «*verbum singulare*» Неедлого, как и Томсы (1804), является исключительно перфективным глаголом единичного и вместе с тем нередко быстрого действия. Признак единичности («einmal») стал исключительно признаком перфективного действия, перфективности. Вторым компонентом единичного действия является быстрота, которая аннулирует возможность длительности (с. 224).

Сингулярные глаголы означают единичное действие, которое так быстро минует

[416] См. Неедлый (1804: 224-228).

(«so schnell vorübergeht»), что действие не способно к выражению длительности («Dauer»). См. ниже описание будущего.

Единичное действие («eine einzelne Handlung») означают также дуративные глаголы, но, обладая по природе способностью выражать длительность, они имеют настоящее время: *pigi* «ich trinke (eine längere Zeit)», *nesu*, *wezu*, *wolám*, *worám* и т. д. (с. 224).

Итеративные глаголы выражают итеративное или продолжительное действие (*chodjm* «ich gehe länger, ich pflege zu gehen», *nosým* «ich pflege zu tragen» и т. д.) (с. 225). Здесь содержательные экспликации («pflegen») Неедлого указывают также на хабитуальное значение глаголов данного разряда.

Оканчивающиеся всегда на *wám* фреквентативные глаголы означают повторяющееся действие. Они образуются от глаголов с инфинитивом на *ati* (*áti*), *jti*, *eti*, *iti* при помощи удлинения гласного перед *ti* и переводятся на немецкий язык глаголом *pflegen*: *děláwám*, *házýwám* «ich pflege zu machen, zu werfen» и т. д. (с. 225). Глаголы «frequentativa secunda» образуются вставкой еще одного слога *wá* перед *wám*: *děláwáwám*, *chodjwáwám*. Их значение передается по-немецки «*ich pflege öfters* zu machen, zu gehen», причем формы прошедшего времени *chodjwáwal gsem*, *děláwáwal gsem* истолковываются как «ich pflegte vor Zeiten (vor langer Zeit) *öfters* zu gehen, zu machen» (с. 225). Следовательно, слог *wá* компенсирует отсутствующий в славянском аналог глагола *ich pflege* (*soleo*) (там же). Таким образом, в соответствии с традицией отличительными признаками фреквентативов являются формальный элемент *wám* (*wáwám*) и сопряженные с ним повторяемость и хабитуальность в плане содержания.

Так, критериями глагольной классификации оказываются исключительно количественные признаки: 1. единичность в ее сопряженности с быстротой, 2. длительность (краткая и долгая), 3. повторяемость и хабитуальность («pflegen»). Обобщенно данные признаки могут определяться как кратность, длительность и хабитуальность.

Своеобразная символическая соотносительность внешнего облика (и деривации) и аспектуального содержания (разработанная Добровским) поясняется так, что длинные «формы» («die längern Formen»), т. е. итеративы и фреквентативы, производятся от более коротких сингулярных и дуративных глаголов именно для того, чтобы выражать более короткую или более долгую длительность действия («die *kürzere oder längere Dauer* der Handlung») (с. 225). В связи с этим Неедлый приводит таблицу, показывающую деривационные отношения («Ableitung») шести «форм» («Formen») глаголов:

1.	2.	3.	4.	5.	6.
-ti	-auti	-iti	-eti	-ati	-owati
sedu	sednu	saditi	(seděti)	sedati	wysazugi

Заслуживает внимания употребление слова «Form», которым Неедлый указывает именно на данные классы глаголов (с. 226-228). Эти классы, в которых глаголы производятся в порядке от короткого до длинного, иллюстрируются примерами: *sedu -> sednu -> saditi -> seděti -> sedati -> wysazugi*

(*wysazowati*) (с. 226). Однако не от всякого корневого слога («Stamm-sylbe») образуются все «формы» (там же). Идея о глагольных «формах» и об отношении краткости и длины «формы» к аспектуальности заимствована, естественно, у Добровского, который представил первый вариант своих «formae verborum» еще в 1799 году (ср. выше). Ср. далее Добровский (1809: 158). К итеративам пятой «формы» Неедлый относит также такие префиксальные образования, как *zbjrám* и *zbádám*, образованные от *beru* и *bodu* (с. 227).

Естественное (природное) соотношение формы и содержания: короткая форма - краткое действие, длинная форма - (долгое) длительное действие, также как и их формальная и семантическая организация «слева направо», «от короткого к длинному и длительному», восходит к идеям Добровского, развившего их в связи с описанием глагольного словообразования (см. выше).

Не все глаголы имеют всех «форм». В неполной серии позицию первообразного («primitivum») занимает тот глагол, от которого вообще производятся другие (последующие) «формы». Например, первообразным является *hoditi* третьей «формы», от которого производится *házeti* четвертой «формы», так как глаголов первой или второй «форм» здесь нет (с. 226).

Немногочисленные итеративные глаголы движения третьей «формы» *choditi*, *gezditi*, *honiti*, *nosyti*, *woditi*, *wozyti* производятся от дуративных глаголов первой «формы» *gdu*, *gedu*, *ženu* (*hnáti*), *nesu*, *wedu*, *wezu* (с. 224, 226). Примечательно, что *gdu*, *gedu* и т. п. не могут быть сингулярными, которые у Неедлого являются глаголами перфективными.

Чаще производятся итеративы четвертой «формы» на *eti* от глаголов третьей «формы» (на *iti*): *hoditi -> házeti*, *pustiti -> pausstěti*, а также *choditi -> scházeti*, *nosyti -> snásseti* (с. 226), *woziti -> wywážeti* (с. 227). Так, по Неедлому, существует деривационная серия: дуратив *nesu ->* итератив *nosyti ->* итератив же *snásseti* (ср. совр. «правильную» деривацию *snésti -> snášeti*).

Очень многочисленны итеративы пятой «формы» на *ati*, которые производятся от четырех первых «форм». Например, от первой и второй «форм» производятся: *dýmám* от *dmu*, *zbjrám* от *beru*, *pomáhám* от *mohu*, *kývám* от *kynu* и т. п., а также от сингулярных и дуративных глаголов третьей и четвертой «форм»: *hljdati* от *hleděti*, *ljtati* от *letěti*, *staupati* от *staupiti* и т. д. (с. 227). (ср. совр. *stoupnouti - stoupati*). Не менее часто глаголы шестой «формы» производятся от третьей, реже от четвертой и пятой «форм»: *posazugi* от *posadjm*, *zplozugi* от *zplodjm*, *uwozugi* от *uwodjm*, *posluhugi* от *poslaužjm* и т. д. (там же). Фреквентативы на *wám* образуются от всех глаголов третьей, четвертой, пятой и шестой «форм» (там же).

3. Темпоральная система («die Zeit») Неедлого (с. 230-231, 338-340) состоит из пяти (шести) времен, из которых прошедшее делится натрое, а будущее распадается по виду на синтетическое перфективное и аналитическое имперфективное. Названия будущих имеют несколько вариантов: 1. «die gegenwärtige (tempus praesens)» - *wedu*, *pigi*, *konám*, *nosým*. 2. «die halbvergangene (imperfectum)» - *psal gsem*, *wcházel gsem*. 3. «die völlig vergangene (praeteritum perfectum)» - *hodil gsem*, *dal gsem*,

spálil gsem. 4. «die längstvergangene (plusquamperfectum)» - *byl gsem hodil*, *byl gsem dal*. 5. «die künftige (futurum)»: а) «die einzelne künftige (futurum singulare)», «die künftig vergangene (futurum perfectum или futurum exactum)» - *chytjm*, *stŕeljm*, *dám*, *umru*, *přinesu*, *začnu*. б) «die zusammen gesetzte (futurum compositum)», «die länger dauernde künftige Zeit (futurum plurativum)» - *budu psáti*, *čjsti*, *běhati* (с. 230-231, 340).

Одно из названий будущего - «die *künftig vergangene Zeit*» («futurum perfectum oder exactum») (с. 231) со словом «vergangene» в роли аспектуального атрибута - является столь же странным, как «die *vergangene zukünftige Zeit*» у Томсы (1804) (см. выше). В метаязыке Томсы «futurum exactum» используется как более короткий термин наряду с многокомпонентным «als vergangen vorgestellte zukünftige Zeit» (с. 16). Ср. «Tempus Futurum singulare» Пельцеля (1795: 80).

Первый «официальный» список времен Неедлого не содержит ни одной имперфективной формы прошедшего времени (с. 230). В последующем изложении плюсквамперфект освещается также такими формами, как *byl gsem nesl*, *byl gsem psal* (с. 236), *byl gsem milowal* (с. 340).

По значению имеется три прошедшего («halbvergangene», «völlig vergangene», «längstvergangene»), а *по форме* различаются только два претерита, перфект (*hodil gsem*) и плюсквамперфект (*byl gsem hodil*), в то время как имперфект (от глаголов с длительным значением) и перфект совпадают по форме (*psal gsem*, *wcházel gsem*) (с. 230, 231, 339).

В определении значения имперфекта («die halbvergangene Zeit») сказывается старое представление о «полупрошедшем» времени («eine noch nicht ganz verflossene Zeit») (с. 339).

Значение полного совершения или определенного (неминуемого) завершения («eine vollkommen erfolgte, oder gewisse Beendigung einer Handlung») приписывается перфективному будущему приставочных глаголов («Die künftig vergangene Zeit», «futurum perfectum oder exactum»). Здесь компонент содержательной экспликации «gewisse» фигурирует как показатель определенности перфективного действия. Это время автор иллюстрирует примером на четырех языках: *až přigdu do Prahy, bis ich werde nach Prag gekommen seyn*, *cum venero Pragam*, *quand j'aurai venu à Praque* (с. 231). С приставочными образованиями будущего связана также определенность действия («eine bestimmte Handlung») (с. 237).

В описании аспектуально-темпоральных форм наблюдается сильное акцентирование форм будущего и количественных признаков, в первую очередь кратности, а также длительности (долгой и краткой) и ее полного отсутствия (с. 236). Подчеркнутая роль будущего обусловливается тем, что именно в будущем наиболее ярко выделяется бинарное видовое противопоставление как славянская специфика и вообще аспектуальные различия, которые в плане прошедшего как бы затмеваются темпоральными признаками и традиционной (латино-немецкой) темпоральной терминологией.

Отдельные формы прошедшего и будущего характеризуются множеством аспектуальных признаков, из которых многие совпадают с признаками, отмеченных при глаголах. При имперфективных формах прошедшего и особенно будущего выделяется в первую очередь длительность («Dauer») и ее количественная мера, долгота, ср. более длительное будущее время («die künftige längere Zeit») (с. 230). Длительное и вместе с тем плюративное будущее («Die länger dauernde künftige Zeit», «futurum plurativum») означает также повторение действия («eine Handlung...die wiederholt wird») (с. 340).

Перфективным формам будущего приписываются значения преимущественно количественной аспектуальности: а) однократность, б) быстрота минования, в) отсутствие (лишение) длительности («ohne Dauer»), а также г) определенность («eine einzelne *bestimmte* Handlung») (с. 224, 230, 236). Такое будущее имеют: а) сингулярные первообразные глаголы, которые означают единичное и столь быстро минующее действие, что оно совсем лишено длительности («Die einzelnen ursprünglich künftigen Zeitwörter (verba singularia primitiva futura) die nur eine einzelne so schnell vorübergehende Handlung anzeigen, dass sie gar keiner Dauer fähig ist»): *dám* «ich werde geben», *djm*, *darugi*, *hnu*, *hodjm* «ich werde (einmal schnell) werfen» и т. д. (с. 224, 236), б) глаголы, образованные посредством слога *nu*, выражающего единичное действие («eine einzige Handlung»): *bodnu* «ich werde stecken», *sednu*, *lehnu*, *kleknu* и т. д., в) все приставочные глаголы, образованные приставкой от дуративных глаголов: *donesu* «ich werde (einmal) bringen», *wynesu* «ich werde heraustragen» и т. д. (с. 224, 237), а также г) (перфективные итеративы) *wyházým* «ich werde hinauswerfen» и т. п. (с. 239). Одним из самых оригинальных терминологических сочетаний оказывается указанное здесь «die einzelnen ursprünglich künftigen Zeitwörter, verba singularia primitiva futura» (с. 236), совмещающее характеристики глагола и времени.

Немногие приставочные глаголы имеют перфективное итеративное будущее (*wyházým* «ich werde hinauswerfen») (с. 239). Ср. это уже у Росы. Ср. ниже Добровский.

Аналитическое будущее приобретают все глаголы, которые означают некоторую длительность действия («eine Handlung von einiger oder längerer Dauer»), а именно дуративные, итеративные и фреквентативные: *budu státi* «ich werde stehen», *budu hráwati* «ich werde spielen», *budu ležeti*, *budu střjleti* (с. 239). По признаку «Dauer» данные глаголы противопоставляются сингулярным глаголам с признаком абсолютной недлительности («ohne alle Dauer») (с. 224, 340).

Глаголы *gdu*, *gedu*, *ženu*, *nesu*, *wedu*, *wezu* не имеют аналитического будущего с *budu*, так как у них есть установленное в языке синтетическое будущее типа *půgdu*, *pogedu* и т. п. Вместе с тем соответствующие итеративы имеют будущее *budu choditi*, *gezditi*, *honiti*, *nosyti*, *woditi*, *wozyti*, когда речь идет о продолжительном или повторном действии («von einer fortgesetzten oder wiederholten Handlung») (с. 240).

Итак, по сравнению с прошедшим, описание будущего охватывает целую гамму средств для обозначения детальных аспектуальных значений, причем любопытно,

что слова «Vollendung» и «vollendet» в метаязык Неедлого не вошли (см. приложение). Вообще в описании будущего, где все сингулярные формы освещаются приставочными перфективными формами, подчеркивается оппозиция «einmal - länger».

Значение имперфекта («eine *noch nicht ganz verflossene* Zeit und Handlung») связано с дуративным, итеративным и фреквентативным *глаголом*, которые означают или более долгую длительность, или повторяемость («Zeitwörter von einiger oder längerer Dauer, oder derjenigen, die eine wiederholte Handlung bezeichnen») (с. 339). Эти же значения могут выступат также в будущем (с. 340). Концепция о полупрошедшем («*halb*vergangene») в его противопоставлении полностью прошедшему («die *völlig* vergangene») основывается на древнем представлении о линии времени, центр которого составляет настоящее.

Перфективное прошедшее («die *völlig vergangene*», «praeteritum perfectum») означает нечто полностью прошедшее («etwas völlig vergangenes»): *hodil gsem*, *dal gsem*, *spálil gsem* (с. 230), а также единичное полностью завершенное дело («eine einzelne völlig geendigte Sache»): *střelil po zagjcy a chybil se ho* «er hat nach dem Hasen geschossen, und hat ihn verfehlt» (с. 339).

Также у Неедлого мы сталкиваемся с попыткой применения суффиксальной имперфективации (с предварительной моделью суффиксальной имперфективации). Дело в том, что у него приставочные имперфективные формы, образованные посредством «слога» *wám* от приставочных сингулярных глаголов (а не приставкой от фреквентатива), являются (префиксальными) фреквентативами («weil sie vermittelst der Sylbe wám zu frequentativen gemacht werden»): *wyworati -> wyworáwati* (с. 237), *budu wyworáwati* (с. 239-240). Возникшие таким образом фреквентативы выражают бóльшую длительность и повторяемость действия («längere Dauer und wiederholte Handlung»).

Такие итеративы и фреквентативы Неедлого, как *dokazowati*, *nasazowati* оказываются суффиксальными образованиями от перфективных (сингулярных) глаголов, а не образованными при помощи приставок от соответствующих простых. И все же они являются итеративами и фреквентативами, так как у Неедлого нет другого общего имперфективного знаменателя, ср.: «Die Iterativa und Frequentativa» (с. 347): *dokazowati <- dokazati* (с. 345), *podáwati <- podati*, *posylňovati <- posylniti* (с. 346), *udělowati <- uděliti* (с. 347) и т. д.

В описании аспектуальных характеристик длительность («Dauer») традиции Добровского постепенно превращается из длительности времени в его отношении к моменту речи (на оси времени) в самостоятельную *аспектуальную длительность действия*, т. е. аспектуализируется.

6.8. Глагольные классы в грамматике Добровского (1809)

1. Грамматика, или руководство («Lehrgebäude»), Добровского с ее обновленной системой глагольных классов («Die sechs Formen der Zeitwörter») относится к концу второго периода научной деятельности Добровского[417]. В рукописи она должна была существовать еще в 1793-1795 гг.[418]

Описание грамматических фактов, в том числе глагола Добровского делится на три основных раздела, называемых «Bildung», «Biegung» и «Gebrauch», из которых глава об образовании глаголов («Bildung der Zeitwörter») содержит не только учение о «формах» (с. 114-159), но и образование времен с учетом их семантики (с. 159-180). Словоизменение («Biegung») глагола (с. 288-324) описывает семь спряжений («Conjugationen der Zeitwörter»): 1. *wezu*, 2. *pigi*, 3. *gnu*, 4. *hledjm*, 5. *honjm*, 6. *wolám*, 7. *wáljm* (таблица с. 294).

Принципиальная разница между «формами» и спряжением состоит в том, что «формы» относятся к суффиксальному образованию слова («Bildung»), в то время как спряжения трактуются как флексии слова («Biegung»), при которых семантические элементы, как правило, не рассматриваются. Несовпадение «форм» и спряжений видно, в частности, из того, что глагол *milowati*, *milugi* шестой «формы» спрягается в настоящем времени по второму спряжению, глаголы же второй «формы» (*sednu*) входят в третье спряжение (с. 294, 296).

2. Классификация глаголов Добровского основывается на внешнем облике исхода глагольного слова. На нее никакого влияния не имеет начало слова (префиксация), и поэтому основа «формы» не совпадает с видовой основой, в определении которой семантика является необходимым критерием. Формальными критериями классификации «форм» являются основа настоящего времени и основа инфинитива. Говоря точнее, тип глагольной «формы» определяется по тому расширяющему элементу, который примыкает к корневому слогу перед окончанием инфинитива или настоящего времени[419].

Как уже говорилось, по формальному критерию в одну «форму» могут входить глаголы (или формы) двух видов. С другой стороны, парновидовые формы одного глагола (или двух соотносительных глаголов) могут попасть в разные «формы» в силу мены спряжения при имперфективации в ее современном смысле. Так, например, краткое будущее *stanu* глагола *stogjm* первой «формы» относится ко второй «форме» (с. 119, 163).

---

[417] См. Ягич (1910: 118).

[418] См. Добровский (1819: XI).

[419] По мнению Исаченко (1962: 211), глагольные классы Добровского (1809 и 1822) явились первой попыткой составить научно пригодную схему классификации славянского глагола. Эти классы развиваются далее Миклошичем (1850: 33-35) и А. Шлейхером (1850: 730-751). Классификация Добровского (особенно 1822 г.) предвосхитила известную классификацию А. Лескина, которая также плохо годится для описания аспектуальных характеристик. Из пяти классов Лескина (1955: 121) первый, второй, четвертый и отчасти пятый (по атематичности) соответствуют в основном «формам» Добровского (1809: 114), (1819: 92) и (1822: 346).

Являясь фактически немецкой калькой термина «formae verborum» самого Добровского (1799), «Formen der Zeitwörter» вписываются в латинскую традицию Доната (см. выше). В новом и окончательном виде шесть глагольных «форм» имеют следующий облик (с. 114 и сл.):
«Erste Form»: *dáti* (*dám*), *znáti* (*znám*), *pjti* (*pigi*)
«Zweite Form»: *sednu*, *sednauti*, *padnauti*, *kleknauti*
«Dritte Form»: *seděti*, *widěti*, *klečeti*
«Vierte Form»: *platiti*, *mučiti*, *prositi*
«Fünfte Form»: *řesati*, *mazati*, *kázati*, *pausstěti*
«Sechste Form»: *kupugi*, *kupowati*, *radowati se*.

Глаголы отдельных «форм» являются бесприставочными или приставочными. Наличие или отсутствие приставки не влияет на классификацию глаголов. При этом в отдельные «формы» могут входить и приставочные перфективные глаголы. Например, глаголами первой «формы» являются: *nadjti se* «hoffen», *odjti*, *obauti* «anziehen» (с. 116), *přispěti* «zu Hülfe eilen» (с. 118).

Во втором издании «Formen des Verbi» приобрели лишь несколько уточненный облик: I. а) *nes-u*, *nes-ti* «tragen», б) *pi-gi*, *pj-ti* «trinken». II. *sed-nu*, *sed-nauti* «sich setzen». III. *sed-ěti*, *sed-jm* «sitzen». IV. *sad-iti*, *sad-jm* «setzen». V. *sed-ám*, *sed-ati* «oft sitzen». VI. *kup-ugi*, *kup-owati* «kaufen». Порой аспектуальные экспликации типа «oft sitzen» как бы мимоходом вкрапливаются в изложение формальных свойств (Добровский 1819: 92).

Шесть глагольных классов содержат ряд словообразовательных характеристик, которые объединяются в определенные акционсартные элементы, но не характеризуются регулярными грамматическими значениями. Об этом свидетельстует, в чатности, потребность «заимствовать» формы настоящего времени (НСВ) для некоторых приставочных образований у другого класса. Попытка объединить в глагольных классах аспектуальные (акционсартные) элементы показывает несогласованность аспектуальных характеристик и реальных аспектуальных значений с внешними морфологическими показателями. Добровский не описывает образование или суть аспектуальности как особую категориальную сущность, но аспектуальные признаки выступают разрозненно, они рассыпаны по разным глагольным категориям.

С глаголами второй «формы» с элементом *nu* (*padnu*) связан особый признак внезапного минования действия («eine Handlung, die *plötzlich* vorübergehen kann») (с. 126). Какие простые глаголы с элементом *nu* имеют значение настоящего или будущего, можно узнать лишь по их значению и употреблению. Если глагол означает беспрерывно продолжающееся действие, которое не может миновать вдруг (внезапно) («eine fortwährende Handlung, die nicht plötzlich vorübergehen kann»), или нуждающееся в длительности состояние («einen Zustand, der notwendich eine Dauer erfordet»), то элемент *nu* не указывает на (перфективное) будущее. Таковы, в частности, *wládnu* «ich herrsche», *mrznu* «ich friere» и др. (с. 126), особенно инхоативы *wadnu* «ich welke», *blednu* «ich werde bleich», *sladnu* «ich werde süss» и т. п. (с. 127). Ср. Роса (1672), Неедлый (1804). Наречие «plötzlich» выступает впервые у Копитара (1808: 348). Ср. атрибут «augenblicklich» у Фатера (1808: 102), а также «*schnell* vorübergehende Handlung» (с.163).

Добровский возобновляет свою мысль, по которой при префиксации настоящее первообразного глагола («Primitivum») превращается в будущее в силу того, что препозитив придает действию бóльшую определенность (с. 127, 159, 160, 169). Такими будущими (*zblednu*, *wystydnu*, *vschnu* и т. п.) становятся, в частности, простые инхоативы («die einfachen Inchoativa») (*blednu* и т. п.), которые определяются препозитивом («*genauer bestimmt* werden») (с. 127).

Все итеративы и фреквентативы относятся к пятой «форме» и производятся от других глагольных «форм», в том числе от четвертой (*stawiti -> stawěti*) (с. 131).

По мнению автора, четвертая «форма» предназначена для активных и фактитивных глаголов (с. 135). Однако с современной точки зрения в четвертую «форму» входят семантически очень разнородные глаголы от непредельных (*robiti*, *nositi*) (с. 133, 135) до предельных имперфективов (*buditi*) (с. 133), двувидовых (*roditi*) (с. 134) и даже перфективных (*pustiti*, *postawiti*) (с. 134, 135).

В специфической и ограниченной группе глаголов движения итеративы четвертой «формы» *choditi*, *nositi*, *honiti* и т. п. производятся от сингулярных глаголов первой формы *gdu*, *geti*, *nesu*, *nesti*, *ženu*, *hnáti* и т. д. (с. 138, 144, 157, 162)[420]. Примечательно, что, по мнению автора, итеративы четвертой «формы» (*nosjm*) производятся суффиксальным способом (*jm*) от глаголов первой «формы» (*nesu*) (с. 144). Глаголы типа *nesu* называются сингулярными («Verba singularia») и глаголы типа *nosjm* итеративами («Iterativa») по поводу их временнóго определения («Zeitbestimmung») (с. 138).

Таким образом, в сфере глаголов движения суть сингулярных глаголов проявляется в их противопоставлении к итеративам, т. е. «verbum singulare» и «verbum iterativum» составляют акционсартное противопоставление внутри имперфективности (с. 138). Ср. «verbum singulare» *gdu* - «verbum frequentativum» *chodjm* уже у Росы (1672: 212).

Особого внимания заслуживает слово «Zeitbestimmung», которое здесь имеет специфическое значение внутреннего аспектуального времени действия, ср.: «in Rücksicht der Zeitbestimmung Iterativa» (с. 138), «in Rücksicht der Zeitbestimmung wahre Frequentativa» (149), «die kürzere...längere Zeitbestimmung» (с. 160) и т. д. Ср. «Zeitbestimmung» в ином значении у Фатера (1805).

Остроумно Добровский иллюстрирует семантическое различие данных глаголов при помощи двух признаков: актуальности («jetzt, diesmal») - неактуальности («gewöhnlich», «pflegt zu») и однократности («einmal») - многократности («mehrmahlen»):

[420] В статье (Добровский 1814) показывается также линия образования, в которой от корневого слова («Wurzelwort») *gnu* производится фактитив первой «формы» *gnati* (*ženu*) и далее итератив («das Iterativum») *goniti* «jagen», «treiben» (с. 53). Так, итеративами называются глаголы движения (*goniti*, *choditi*), производные от соответствующих *gnati*, *iti* (с. 54), но фрекветативами («frequentativum») глаголы типа *čerpati* (с. 47).

> «Nese knihu, er trägt ein Buch (jetzt, diesmal, einmal), nosj dlauhý kabát, er trägt (gewöhnlich) einen langen Rock. Gdu do Prahy, ich gehe nach Prag, gesstě chodj do sskoly, er geht (pflegt zu gehen) noch in die Schule; gedu na koni, ich reite, wenn es nur einmal geschieht; gezdjm, ich reite, wenn es mehrmahlen geschieht» (с. 138).

Применение количественного критерия ярко очерчивается в описании глаголов пятой «формы». Согласно автору, длинным исходом *ám* глагола обозначалось когда-то прежде множество действий («mehrere Handlungen») или одно длительное действие («eine Handlung von längerer Zeit»), а кратким исходом *i* - действие краткой длительности, совершимое в точно определенное время («eine Handlung von kurzer Dauer, die in genau bestimmter Zeit vollbracht wird») (с. 141).

Однако более частыми являются итеративы («die Iterativa») пятой «формы», образованные посредством форманта *ati* по определенным аналогиям («nach gewissen Analogien») от глаголов четырех первых «форм» (с. 142). В связи с этим Добровский подчеркивает, что итеративами являются именно *производные* на *ati*. Ср. Неедлый (1804: 226-227).

Три аналогии Добровского представляют собой фонетические и морфологические процессы образования глаголов отдельных «форм». В *первой* аналогии удлиняется гласный основы («Stammlaut») и элемент *wám* заменяет финаль *gi* или *m*, например: *budu -> býti -> býw-ám*, *obýwám*, *dugi -> dauti -> dauwám*, *nadauwám* (с. 142). Во *второй* аналогии отсутствующий гласный основы компенсируется (длинным) *j* или *ý*, и финаль *u* меняется на *ám*: *mru*, *umru -> umjrám*, *tru*, *potru -> potjrám* (с. 143). В *третьей* аналогии гласный основы удлиняется и переходит в другой гласный или остается без удлинения: *beru*, *seberu -> zbjrám*, *metu*, *ometu -> ometám*, *wymetám* (с. 144).

Фреквентативное значение имеют также простые глаголы с элементом *wam* после удлиненного гасного (*mý-wam*, *zau-wám*), в то время как *plowám*, *snowám*, *kowám* не являются настоящими итеративами от глаголов *plugi*, *smugi*, *kugi*, так как в них гласный не удлиняется (с. 143).

Примеры позволяют установить (с. 141-143), что приставочные имперфективные формы образуются (по крайней мере здесь) от итеративов пятой «формы», ср.: глагол первой «формы» (*mýti*) *mygi ->* бесприставочный итеративный глагол пятой «формы» *mýwám ->* приставочный итератив пятой же «формы» *umýwám* (с. 142).

Аналогии Добровского служили бы своеобразной суффиксальной деривацией, если бы они применялись систематически к образованию имперфективов от (приставочных) перфективов. Этому, однако, противоречат образования *čtu -> čjtám*, *řku -> řjkám* (с. 143) и другие случаи акционсартного уровня.

Итеративами являются также приставочные типа *zbjrám*, в которых приставка присоединяется к настоящему итератива: *beru -> bjrám -> zbjrám* (с. 144). Однако прямой деривации **zberu -> zbjrám* у Добровского нет, так как *zberu* - форма перфективного будущего, которую Добровский образует посредством префиксации настоящего *beru*. (за исключением случаев, в которых форма «настоящего» первообразного глагола является будущим (*dám*) и без префиксации).

В образовании итеративов от глаголов второй «формы» удлиняется гласный до слога *nu*, который заменяется формантом *wám* по первой аналогии: *manu -> má-wám*, *máwati*, *stanu -> stá-wám*. Если перед слогом *nu* нет гласного, то итератив образуется добавлением гласного *j* по второй аналогии: *načnu -> nač-j-nám*, *začjnám*, *počjnám* (с. 145). От третьей и четвертой «форм» итеративы на *ati* производятся по третьей аналогии: *widěti -> wjdati*, *leteti -> létati*, *ljtati*, итеративы на *ěti* (*eti*) вместо *ati* (с. 147), *honiti -> wy-hán-ěti*, *prowoditi - prowázeti* (с. 148).

Фреквентатив («Frequentativum») отличается от итератива («Iterativum») по формальному фреквентативному «аугменту» *wá* и по значению хабитуальности, толкуемой посредством «pflegen» и «solere». Как фреквентативы, так и итеративы относятся к пятой (удлиненной) «форме» глаголов: *honjm -> honjwám* «ich pflege zu jagen», *dělám -> děláwám* «ich pflege zu machen», *wy-cházjm -> wycházjwám* «ich pflege auszugehen», *sedám -> sedáwám* «ich pflege zu sitzen» (с. 149). Здесь *wycházjwám* представляет собой глагол с настоящим хабитуальным значением, образованный от имперфектива *wycházjm*. В прошедшем времени выступают часто и фреквентативы с удвоенным *wá*: *honjwáwali*, *chodjwáwali* «sie pflegten (jemals, vor Zeiten) zu jagen, zu gehen», *milowáwal*, *pracowáwal*, *kupowáwal* «er pflegte (jemals, vor Zeiten) zu lieben, zu arbeiten, zu kaufen» (там же).

Фреквентативное настоящее («das frequentative Präsens») *slitowáwam se* двувидового глагола *slitowati se* (с. 150) маркирует имперфективное настоящее, для которого не было своего термина, так как настоящее принималось всегда за природно имперфективное.

Формальным признаком глаголов шестой «формы» является удлинение («verlängert») корневого слога в настоящем времени посредством *-ugi*, в инфинитиве *-owati* (с. 114). Глаголы шестой «формы» (*kupowati*, *kupugi*), которые, как правило, производятся от других частей речи, обладают итеративным значением («eine iterative Bedeutung») (с. 150). От существительных производятся *panowati*, *kralowati* «als König herrschen», *darowati* «schenken», *obdarowat* «beschenken», *nocowati* (с. 151) и т. д. Сюда же относятся заимствованные слова *malowat*, *kosstowat*, *ssturmowat* и др., а также производные от прилагательных *milowati*, *radowati se* и т. п. (с. 152).

Шестая «форма» предназначена для образования настоящего времени большей длительности («die gegenwärtige Zeit von längerer Dauer») от тех глаголов кратких «форм», которые присоединением препозитива превращаются в будущие («von den Zeitwörten kürzeren Formen, die durch vorgesetzte Präpositionen in Futura übergehen») (с. 152). В представлении Добровского этот процесс имеет следующие этапы: 1. глагол второй «формы» *winu* -> 2. приставочное перфективное будущее второй «формы» *roz-winu* -> 3. приставочное имперфективное (длительное) настоящее шестой «формы» *rozwin-ugi* (инф. *rozwin-owati*) (там же). Таким же образом настоящее образуется от глагола четвертой «формы»: приставочное будущее *oznámjm* -> приставочное имперфективное настоящее шестой «формы» *oznamugi* (с. 153). См. список, в котором рядом приводятся перфективное *будущее* и соответствующее имперфективное *настоящее* (с. 152-154). Именно по этой причине количество глаголов шестой

«формы», образованных от глаголов четвертой «формы», огромно («ungeheuer») (с. 152).

Итак, с одной стороны, шестая «форма» образует новые глаголы от слов других частей речи, а с другой стороны, служит для создания необходимых форм других глаголов (в частности, имперфективного настоящего), т. е. субституирует прием образования отсутствующих форм. Изобретению «правильной» имперфективации мешает строгая взаимная сопряженность системы «форм».

Однако первообразные пятой «формы» (*wolati*), которые не выступают в предыдущих «формах», приобретают в приставочных образованиях для образования настоящего времени удлинение *áwati* (*powoláwati*), так как приставочный *powolám* является будущим («weil powolám mit der Präposition ein Futurum ist») (с. 155), т. е. они не переходят в шестую «форму». Таким же образом можно представить возникновение формы *očekáwám*: примитив и итератив пятой «формы» *čekám* -> фреквентатив пятой же «формы» *čekáwám* -> приставочный фреквентатив пятой «формы» *očekáwám*, который употребляется без собственно фреквентативного значения в качестве настоящего времени (перфективного) глагола (и будущего) *očekám* (с. 155).

Два имперфектива производятся в направлении от перфектива к имперфективу: *uděliti -> udjleti* и *uděłowati*; *odstaupiti -> odstaupati* и *odstupowati* (с. 157). Так, от глагола четвертой «формы» *uděliti* (с. 148) производится итератив пятой «формы» *udjleti* и итератив шестой «формы» *uděłowati* (с. 153, 157). В этих процессах образуются видовые формы, в то время как в «формах», как правило, речь идет о способах действия.

Разработанная Добровским, но опубликованная уже Неедлым (см. выше) таблица шести «форм» «die Übergänge aus einer Form in die andere» (с. 158) хорошо прояляет принципы глагольного словообразования и связанную с ним акционсартную специфику. Не различаются, однако, достаточно ясно грамматические и лексические категории. Поскольку эти переходы рассмотрены нами выше, мы ограничимся здесь некоторыми содержательными экспликациями. Так, наречия «eben jetzt», «diesmal» указывают на локализованность и актуальность действия *sedjm* в противоположность нелокализованности и неактуальности, выявляющихся в экспликациях итератива («ich setze mich oft, ich sitze oft, zu wiederholten Malen») (*sedám*) и фреквентатива («ich pflege zu sitzen») (*sedáwám*) (с. 158). Ср. ниже Пухмайер (1820: 165).

Исходной позицией всех деривационных процессов служит первое лицо ед. ч. настоящего времени корневого слова («Stammwort»). Вместе с тем Добровский указывает на семантические изменения и уточнения (т. е. модификации) основного значения («Grundbedeutung»), которые имеют место, когда корневое слово переходит из одной «формы» в другую, и которые привносят при этом приставки (с. 159).

Принципы глагольной деривации Добровского и связанные с ними аспектуальные изменения можно подытожить и так:

1. исходное слово *wleku* -> 1. итератив *wláčeti* (*wláčjm*)
2. исходное слово *wleku* -> 2. итератив *wljkati* (*wljkám*)
3. 2. итератив *wljkati* -> приставочный (нсв) *swljkati*
4. 1. итератив *wláčeti* -> приставочный (св) *swláčeti*
5. исходное слово *wleku* -> приставочное будущее (св) *swleku*
6. 1. итератив *wláčjm* -> описательное будущее *budu wláčeti*
7. приставочный (нсв) *nawljkati* -> краткое будущее (св) *nawljk-nu* (с.159).

Здесь интересно сопоставить: «das zweyte Iterativum» (*wljkám*) Добровского (с. 159), «iterativum secundum» Неедлого (1804: 35) и «frequentativa» *wlékám*, *wlýkám*, *wláčjm* Росы (1672: 212).

Приставочный имперфектив *powljkati*, *obljkati*, *swljkati* и т. п. производится посредством префикса от второго итератива *wljkati*. По-видимому, и в чешской традиции «вторые итеративы» часто представляли собой искусственные элементы в составе приставочных имперфективных образований, в то время как «первые итеративы» были действительными лексемами, возникшими в суффиксальном словообразовании.

С этим следует сопоставить образование *композитивного итератива* («das zusammengesetzte Iterativum») *wysazugi, wysazowati* от итератива *sázeti*, *sázjm* «oft setzen» (с. 158). Следовательно, здесь наблюдаются следующие процессы: глагол четвертой «формы» *saditi*, *sadjm* «setzen» -> итератив пятой «формы» *sázeti* -> фреквентатив пятой «формы» *sázjwám* «ich pflege oft zu setzen», итератив пятой «формы» *sázeti* -> композитивный итератив шестой «формы» *wysazowati* (там же).

Итеративами являются глаголы пятой «формы», с незначительными исключениями глаголы шестой «формы» (*panowati*, *pracowati* и т. п.) (с. 150), а также те специфические глаголы четвертой «формы» (*nositi*, *woditi*), которые производны от соответствующих глаголов первой «формы» (*nésti*, *wésti*). По второму изданию, глаголы типа *nositi* выражают итерацию («Wiederholung») или бóльшую длительность («längere Dauer») действия (Добровский 1819: 105).

Можно утверждать, что, с одной стороны, старый, весьма удачный способ аспектуальной классификации чешского глагола, созданный еще Росой и развитый дальше его последователями, размывается новой системой глагольных «форм» Добровского, не способной учитывать достаточно семантическую характеристику категории вида.

3. Полный состав темпоральных форм вводится лишь в описании спряжений, где - в отличие от прошедшего - отмечается характерное для Добровского аспектуальное различие краткого и длинного будущего. Темпоральная система Добровского состоит в индикативе из следующих компонентов: «Präsens» (*ženu*, *honjm*), «Präteritum» (*hnal sem*, *honil sem*), «Präteritum II» (*byl sem hnal*, *byl sem honil*), «Futurum»: «Kurzes» (*požnu*), «Langes» (*budu honiti*) (с. 301).

Пристрастие Добровского к будущему, правильное употребление которого подчеркивается уже в предисловии к учебнику (с. XVI), объясняется, с одной стороны,

трудностями, вызываемыми аспектуальными особенностями глагольных классов, а с другой - наличием двух разных форм будущего. Согласно Добровскому, в чешском языке выделяются два будущего: 1. длинное, т. е. аналитическое незавершенное будущее («das lange», «längere», «*unvollendete* Futurum») (*budu spáti*), 2. краткое, т. е. синтетическое завершенное будущее («das kurze», «kürzere», «*vollendete* Futurum») (*pospjm*) (с. 161 и сл.).

Добровский замечает, что такие образования, как *začjnám*, *prozpjwám*, *obauwám*, *prostjrám*, *posýlám* являются итеративами («Iterativa») (от) глаголов *začnu*, *prospěgi*, *obugi* и т. д. и образуют длинное будущее вспомогательным словом *budu* и инфинитивом (*budu začjnati*) (с. 160).

По-видимому, все бесприставочные формы настоящего времени являются имперфективными формами, которые присоединение приставки превращает в перфективное будущее, а соответствующее новое настоящее «заимствуется» от более длинных итеративов и фреквентативов пятой и шестой «форм».

Если время и предмет действия не определены («unbestimmt»), то используется более длинное будущее («das längere Futurum»), например: *giž wjce nebudu krásti* «больше не буду красть». Если же действие будет определено точно («genauer bestimmt») или совершено одним разом («mit einem Male vollbracht»), то употребляется краткое будущее (с. 160).

Например, в первой «форме» длинное имперфективное будущее («das längere Futurum») имеют глаголы, означающие по природе («ihrer Natur nach») долго продолжающееся действие, которое не завершимо одним разом («eine *länger währende* Handlung, die *nicht mit einem Male vollendet* wird») *spjm*, *budu spáti*, *moci* и т. п. (с. 161). Итак, «по природе» для имперфективного глагола характерна долгая длительность действия, которое не осуществимо одним разом, т. е. содержание глагола определяется акционсартными признаками количественной аспектуальности. Атрибут «während» употребляется Добровским только здесь (см. приложение). Ср. также «Währung» (с. 155).

Атрибуты «singulare», «iterativum», как и ряд аспектуальных характеристик, выделяются отчетливо при описании будущего. Так, сингулярные глаголы («Die Singularia») *gdu*, *gedu*, *ženu*, *wedu*, *wezu*, *nesu* довольствуются приставкой *po*, а «их» итеративы («Iterativa») четвертой «формы» способны образовать более длинное будущее («das längere Futurum»): *gjti*, *půgdu*, *budu choditi* «ich werde gehen» (с. 162). В этих образованиях приставка *po* функционирует исключительно формантом будущего времени, ср. примеры: *Ponesu kabát ku kregčjmu* «ich werde den Rock zum Schneider tragen», *celý den budem nositi wodu* «den ganzen Tag werden wir Wasser tragen» (там же).

Краткое перфективное будущее, которое, согласно Добровскому, соответствует «Futurum exactum» других языков, освещается примерами: *když umře* «wenn er gestorben seyn wird», *když kráwy požerau* «wenn die Kühe werden gefressen haben» и т. д. По сравнению с кратким, определенным («bestimmt») будущим (*když požnem, dožnem gečmen*) длинное будущее (*když budem žjti*) означает неопределенное («unbestimmt») будущее действие: «wenn wir schneiden werden, wenn wir im Schneiden begriffen seyn werden» (с. 162).

Перфективное будущее глаголов второй «формы», образованное при помощи *nu*, означает единичное и определенное, быстро минующее действие («eine einzelne bestimmte, *schnell vorübergehende Handlung*»). Иначе эти будущие называются завершенными или целостными («vollendete (perfecta), oder *Futura der Einheit* (unitatis)») (с. 163). Здесь новым термином «Das Futurum der Einheit», «futurum unitatis» обозначается единичное семельфактивное действие в будущем: *gak lehnu, tak usnu* «wie ich mich niederlege, schlafe ich gleich ein» (там же). ср. далее *drhnu*, *klepnu*, *kausnu* (с. 164). Ср. выше Роса (1672) и слово «unitas» в прошедшем времени у Ломоносова (1764). В другом месте формы типа *sednu*, *lehnu*, *umlknu*, *kleknu* получили характеристику «Die *vollendeten* Futura» (с.165).

В связи с описанием краткого будущего проявляется также делимитативное значение действия. Так, для выражения кратковременного сна («nur eine kurze Weile schlafen») у приставочного глагола *pospjm* «заимствуется» краткое будущее *pospjm* «ein wenig schlafen» (с. 161).

Итеративы четвертой «формы» (*honiti*, *gezditi*, *woditi*, *choditi*, *woziti*, *nositi* и т. п.) «заимствуют» («entlehnen») краткое будущее («das kurze Futurum») (*poženu*, *pogedu*, *powedu* и т. д.) из первой «формы» (с. 166).

Первообразные сингулярные глаголы («die Primitiva singularia») четвертой «формы», значение которых объединяет ряд единичных действий («mehrere einzelne Handlungen») или нуждается в бóльшей длительности («eine längere Dauer»), могут иметь длинное незавершенное будущее («das lange unvollendete Futurum»): *zwonjm - budu zwoniti*, *ženiti se - budu se ženiti* и т. п. (с. 166). Если же эти глаголы (*zwonjm*, *ženjm se*, *mluwjm*, *činjm* и т. п.), означают единичное действие («eine einzelne Handlung») с целью выражения скорее завершения («die Vollendung»), чем длительности («die Währung»), то тогда употребляется краткое завершенное будущее («das kurze (vollendete) Futurum») (*zazwonjm*, *oženjm se*, *promluwjm*, *učinjm*), образуемое приставками *o*, *u*, *po*, *z*, *za* и др. (там же).

Формулировка «das kurze (vollendete) Futurum» (с. 167) показывает, что слово «kurz» стало уже эквивалентом слова «vollendet» и перешло из термина внешней структуры в область семантики. Ср. также соотносительность: длинная форма - длительность действия («Dauer»), короткая форма - краткость действия уже у Добровского (1792: 18) и далее у Неедлого (1804: 225-226).

Некоторые простые глаголы четвертой «формы» (*pustjm*, *skočjm* и т. п.) являются первообразными краткими будущими («ursprüngliche kurze Futura»), настоящее время и длинное будущее («längeres Futurum») которых выступает только в пятой и шестой «форме» (с. 168). Так, например, *pustjm* «заимствует» свое настоящее *pausstjm* у глагола *pausstěti*, глагол *skočjm* «заимствует» *skákám*, *skáči* у глагола *skákati* и т. д.

«Заимствование» презентных форм для перфективных глаголов служит как прием имперфективации. Так, настоящее время (*postačugi*) и длинное будущее (*budu postačowati*) глагола *postačjm* четвертой «формы» необходимо заимствовать у глагола *postačowati* шестой «формы» (с. 168). Возможно также обратное «заимствование» перфективного будущего для имперфективного глагола, например,

глагол *pospjchám, budu pospjchati* заимствует краткое будущее *pospjssjm* у глагола *pospjssiti* (с. 170).

В одном случае аспектуальная (и даже собственно видовая) характеристика приписывается глаголу. Говоря о форме *ráčjm* (от *ráčiti* 'изволить'), Добровский утверждает, что она выступает или как будущее, или как настоящее в зависимости от того, сочетается ли она с глаголом завершенного или незавершенного значения («mit einem Zeitworte von vollendeter oder unvolledeter Bedeutung») (1809: 169, 1819: 125). (Двойственная аспектуальность сочетания с *ráčjm* отмечена уже у Росы и Долежала). Однако это единственное место у Добровского, где атрибуты «vollendet» и «unvollendet» указывают на глагольную лексему.

Простые сингулярные глаголы пятой «формы» (*djwám se, wolám, čekám* и т. п.), которые как неопределенные глаголы («als *unbestimmte Zeitwörter*») имеют только длинное будущее (*budu se djwati* и т. д.), превращаются, однако, в сочетании с более подробно определяющим префиксом («wenn sie durch vorgesetzte Partikel *näher bestimmt* werden») в будущие завершенные («in vollendete Futura») (*podjwám se, zawolám, počkám*) (с. 169).

Таким образом, в учебнике чешского языка Добровского (1809) термином «*singulare*» («verbum singulare») указывается в первую очередь на определенное единичное действие, которому, в частности, в пределах глаголов движения (*nesti - nositi* и т. п.) противопоставляются действия итеративных и фреквентативных глаголов суффиксального образования. Итак, «verbum singulare» Добровского не обязательно перфектив, а употребляется, как правило, в том же значении, как у Росы. У Добровского «verbum singulare» встречается первый раз в его статье (1799: 9), далее в учебнике (1809: 138), а также в «Institutiones» (1822: 357 и сл.). Его нет в работах Добровского 1791 и 1792 гг.

Одной из самых значительных особенностей чешской традиции является *перфективное* итеративное будущее («*ein iteratives Futurum*») (с. 175). Так, путем префиксации итератива *házeti, házým*, производного от глагола *hoditi* четвертой «формы» (с. 148), образуется перфективное итеративное будущее *wyházým*.

> «Selbst dann, wenn die iterative Bedeutung nicht verloren geht, wird manchmal das Präsens der einfachen Iterative durch eine Präposition näher bestimmt, und geht sodann in *ein iteratives Futurum* über» (*lámati, lámi, polámi, ljtati, ljtám, naljtám, házeti, házjm, wyházjm* и т. п.) (с. 175).

В зародыше это наблюдается уже у Росы (1672: 220) и Неедлого (1804: 239). После Добровского мы видим это будущее у Пухмайера (1820: 176) и «Futurum iterativum» у Добровского (1822: 378). Ср. сюда русские перфективные эквиваленты *поломаю, налетаю, выбросаю*. Особенность перфективного итеративного будущего заключается в том, что его целостное действие состоит из ряда единичных моментов («mehrere einzelne Momente»): *Dlauho budeš házeti, až wssecko z okna wyházýš* «du wirst lange werfen, bis du alles aus dem Fenster herauswerfen wirst» (с. 175).

Термин «Plusquamperfectum» употребляется как параллель названия «Präteritum II» только при глаголе *býti*: *byl sem byl* (индикатив) (с. 298) и *bylbych byl* (оптатив) (с. 299), хотя аналогично также второе прошедшее индикатива *byl sem hnal* (с. 302) и второе прошедшее оптатива *bylbych hnal* (с. 303) могли бы иметь название «Plusquamperfecta» вместо «Präteritum II».

Осмысление системы как целостной аспектуально-темпоральной системы затрудняется отсутствием таких парных форм, как *napsal - psal sem*, *dal - dával sem byl*. Ср. «das vorher vergangene Perfectum», «das Imperfectum» (с. 178).

В разделе синтаксиса поясняется также принцип выбора видовой формы, в котором существенное значение придается признаку определенности. Так, употребление «формы» глагола зависит от того обстоятельства, говорится ли об определенном или неопределенном времени («ob man von einer *bestimmten oder unbestimmten Zeit sprechen will*»); «формы» не должны смешиваться произвольно, а должны быть употреблены согласно разным временны́м определениям («nach Massgabe der verschiedenen *Zeitbestimmungen*» (с. 340) (курсив наш. - Р.Р.).

4. В грамматике Добровского (1809) выступают следующие основные акционсартные и видовые признаки и содержательные экспликации, которые мы условно разделяем на «имперфективные» и «перфективные»:

А. «имперфективные»: «die iterative Form (с. 117), eine fortwährende Handlung (с. 126), ein Zustand, der notwendig eine Dauer erfordert (с. 126), ein Iterativum von mehreren Handlungen, oder von längerer Zeit (с. 131), gewöhnlich (с. 138), pflegen zu gehen (с. 138), mehrmalen geschehen (с. 138), mehrere Handlungen oder eine Handlung von längerer Zeit (с. 141), eine frequentative Bedeutung (с. 143), zu wiederholten Malen (с. 149), er pflegte (jemals, vor Zeiten) zu lieben (с. 150), das frequentative Präsens (с. 150), eine/die iterative Bedeutung (с. 150, 175), die gegenwärtige Zeit von längerer Dauer (с. 152), Zeitwörter von einiger Währung, oder von unbestimmter (längerer) Zeit (с. 155), eine längere Beschäftigung (с. 155), eine wiederholte Handlung (с. 157), eine unbestimmte (fortwährende) Handlung (с. 160), eine längere Zeitbestimmung (с. 160), zu verschiedenen Malen (с. 160), eine länger währende Handlung (с. 161), in Rücksicht der längern unbestimmten Dauer (с. 164), ein langes (umschriebenes) Futurum (с. 160), das unvollendete Futurum (с. 164, 165), das lange (unvollendete) Futurum (с. 166), das längere Futurum (с. 167, 168, 169), langes Futurum (с. 202), eine längere Dauer (с. 166), die Währung (с. 166), eine Zeitwort von unvollendeter Bedeutung (с. 169), eine unbestimmte Zeitwort (с. 169), eine unbestimmte Zeit» (с. 171, 340).

Б. «перфективные»: «plötzlich vorübergehen (с. 126), nur einmal geschehen (с. 138), eine Handlung von kurzer Dauer, die in genau bestimmter Zeit vollbracht wird (с. 141), eine plötzlich vorübergehende Handlung (с. 157), eine bestimmte Handlung (с. 160), eine kürzere Zeitbestimmung (с. 160), ein kurzes (zusammengesetztes) Fu-

turum (c. 160), mit einem Male (c. 160, 161), bestimmter, als ganz und gleichsam auf einmal vollendet (c. 161), eine kurze Weile (c. 161), eine einzelne bestimmte, schnell vorübergehende Handlung (c. 163), in Rücksicht der kürzern bestimmten Zeit (c. 164), das vollendete Futurum (c. 164, 165), plötzlich (c. 165), einmalig (c. 165), eine kürzere Zeitbestimmung (c. 165), die Vollendung (c. 166), das kurze (vollendete) Futurum (c. 167), eine Zeitwort von vollendeter Bedeutung (c. 169), das kürzere Futurum (c. 170), die ganze Dauer der Handlung (c. 170), ein Moment der Handlung (c. 170), bestimmtes Futurum (c. 171), eine bestimmte Zeit (c. 171, 340), ein iteratives Futurum (c. 175), kurzes Futurum (c. 202), das kurze Futurum» (c. 163, 342)[421].

Итак, у Добровского фактически нет единого описания аспектуальной системы чешского языка, а отдельные аспектуальные, в том числе видовые характеристики, проявляются в шести глагольных классах, в системе времен, особенно в описании будущего. Несмотря на то, что в отдельных классах действительно объединяются глаголы одного и того же способа действия, это вызывает трудности при описании целостной аспектуально-темпоральной системы с собственно видовыми характеристиками, которые все же не распределяются по формальным классам. Одно из главных противоречий заключается в том, что в один класс могут входить глаголы разных видов. Например, во вторую «форму» входят имперфективный *wáznu* (c. 126) и перфективный *kausnu* (c. 164), в четвертую «форму» - имперфективный *tagiti* (c. 132) и перфективные *hoditi*, *kaupiti* (c. 133) и т. д.[422]

Описание аспектуальности осложняется известным направлением деривации «слева направо», в которой выделяется функция приставки превращать настоящее в «краткое» перфективное будущее (c. 162, 165 и сл.). При этом необходимо в свою очередь «заимствовать» форму настоящего времени (и имперфективную основу в целом) с соответствующим лексическим значением из предназначенных для них «форм». Вместе с тем применяется «заимствование» и обратного порядка, когда отсутствующая перфективная форма будущего заимствуется из другой «формы». Суффиксальная деривация применяется, как и прежде, для образования акционсартных группировок, в том числе фреквентативов и собственно итеративных глаголов, т. е. новых лексем. Как правило, она не используется систематически для образования грамматических видовых форм.

В частности, присоединение семельфактивного признака к одному из шести глагольных классов вызывало определенные трудности в трактовке неперфективных группировок в целостной системе. Иными словами, в глагольной классификации применялись разнородные критерии разных уровней грамматичности.

---

[421] Отмечая, что в славянских языках препозитив *wz*, присоединяемый к настоящему времени, образует чаще, чем другие приставки, определенное будущее перфектного значения («das bestimmte Futurum», «Futurum perfectae significationis». «Futurum actionis unius») (*wezmu* «accipiam, nämlich einmal, diessmal»), Добровский (1814: 31) объединяет в данном будущем признаки определенности, перфективности (совершения) и единичности действия. Данным признакам противопоставляется бóльшая длительность («die längere Dauer») (*buduse báti*) (там же). Отметим также, что глагол *počiju* «quiescam» называется «Verbum compositum futurum», *pokojiti* «paccare», - «Verbum compositum», и *spokojiti* «befriedigen», - «Verbum decompositum» (Добровский 1814: 51).

[422] Ср. сюда (Мазон 1931: 85).

Наряду с длительностью, выражаемой словами «Dauer» и (реже) «Währung», основными признаками глагольных «форм» являются акционсартные итеративность и фреквентативность, в то время как собственно видовые различия выделяются в темпорально-аспектуальной системе, где наблюдаются: а) противопоставление двух типов будущего («краткого и длинного») и б) противопоставление перфективного будущего и имперфективного настоящего.

Примечательно то, что содержание и собственно видовых категорий описывается количественным признаком долгой и краткой длительности. Как и раньше (ср. Добровский 1792: 18), физические краткость и длина формы соотносятся с краткостью и длительностью действия. При образовании будущего выделяется особо семельфактивный признак глаголов второго класса (*bodnu*) (с. 163).

В соответствии с чешской традицией, итератив и фреквентатив четко различаются формальным признаком *wá* и значением хабитуальности («pflegen», «soleo»), приписывемых фреквентативу. Следовательно, в отношении к итеративу фреквентатив маркирован в плане выражения и в плане содержания. Однако часто количественные характеристики трактуются как равносильные грамматическим видовым признакам и приобретают в системе непомерную весомость и неправильный статус. С внесением глагольных «форм» с их акционсартными характеристиками в описании глагола утрачивается видовое противопоставление перфектного и имперфектного глаголов в старинной чешской традиции.

В свете изложенного можно сказать, что в чешской традиции Пельцеля (1795), Томсы (1804), Неедлого (1804) и Добровского (1791-1809) обозначение собственно видовых аспектуальных признаков («Vollendung») постепенно переносится к описанию аспектуально-темпоральных форм, особенно будущего. Главным стимулом этого развития послужили концепции Добровского, в первую очередь его «Dauer» и другие количественные признаки, развиваемые в пределах глагольных классов и описания будущего. Вместе с тем у ряда чешских грамматистов сохраняется (с некоторыми модификациями) глагольная классификация, созданная Пельцелем. В определенном смысле эта тенденция противоположна новым направлениям, возникающим, в чатности, в польской и русской традициях начала XIX века[423].

6.9. Семантическая классификация глаголов Бандтке (1808)

1. В западнославянской традиции грамматика польского языка Г. С. Бандтке (1768-1835), ректора Школы Святаго Духа во Вроцлаве и члена Верхнелужицкого научного общества[424], продолжает традицию Копчинского. Помимо Копчинского (1778), в качестве источников, которые начинали различать глаголы

[423] Ср. сюда выводы А. Мазона (1931: 85): «...vers la fin du XVIIIe siècle et le début du XIXe, en Bohème comme en Russie, le verbe slave est ramené à la mesure des langues latines et germaniques, et l'on n'admet point qu'il se singularisé: il y a comme une éclipse de la doctrine de l'aspect».

[424] Титульный лист грамматики Бандтке (1808). Третье исправленное издание от 1824 года не содержит изменений в концепции аспектуальности Бандтке. О жизни и деятельности Бандке см. Ягич (1910: 146-147). По мнению Ягича (с. 119), грамматика Бандтке составлена по методу изложения Добровского (1809), что, однако, не нашло отражения в классификации глаголов Бандтке.

незавершенного и завершенного действия, Бандтке (1808: 294, примечание), указывает и на грамматики Адамовича (1796) и Кассиуса (1797).

В соответствии с «фигурой» («der Figur nach») в польском языке имеются простые и сложные слова, в том числе глаголы: «einfache Wörter, *simplicia*, słowa niezłożone» (*czytać*), «zusammengesetzte, *composita*, złożone» (*przeczytać*). Кроме того, имеются еще «*decomposita*, doppelt zusammengesetzte Wörter», под которыми понимаются глаголы типа *poprzestawać*, *pozabiiać*. По происхождению или форме («Der Abstammung oder Gestalt nach») слова являются первообразными («Stammwörter, *primitiva*, wyrazy pierwotne») (*Pan*) и производными («Ableitungswörter, [*derivativa*], wyrazy pochodne») (*panować*, *opanować*) (с. 31).

2. Классификация глаголов осуществляется в следующем порядке: 1. значение, 2. сложение, 3. деривация. Это значит, что самый значительный статус имеет семантический критерий значения («Bedeutung») (с. 234). Кроме того, в отличие от Копчинского и чешской традиции, в презентации Бандтке первое место занимает собственно видовое противопоставление.

Совершенно верно Бандке подчеркивает, что по значению **все** без исключения **глаголы** («alle verba») входят в два главных семантических класса (в тот или иной из двух главных классов) («in zwey doppelte Hauptclassen») (с. 234, 235). В подлинном виде основная аспектуальная система Бандтке наличествует в терминологии на трех языках:

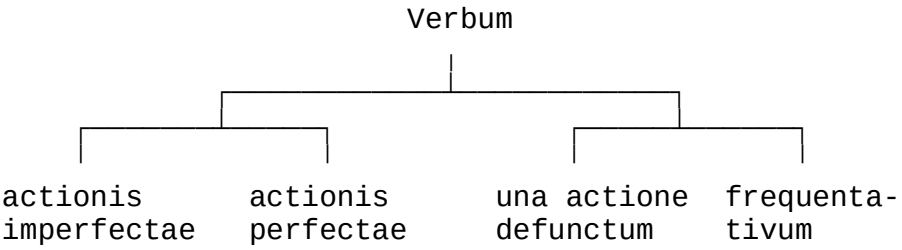
> «I. Eintheilung in Rücksicht der *Vollendung*. I) Die Zeitwörter der unvollendeten Handlung, *verba actionis imperfectae*, słowa niedokonane. II) Die Zeitwörter der vollendeten Handlung, *verba actionis perfectae*, słowa dokonane.
> II. Eintheilung in Rücksicht der *Frequenz*. I) *Verba una actione defuncta*, słowa iednotliwe, Zeitwörter der einzelnen einfachen Handlung. II) *Verba frequentativa*, słowa częstotliwe, Zeitwörter der mehrfachen Handlung» (с. 234).

Помимо этих двух «подходов» («Rücksichten»), глаголы польского языка разделяются по их приставочному образованию («Zusammensetzung») на (1) простые («einfache Zeitwörter, słowa niezłożone, *verba simplicia*»), (2) сложные («zusammengesetzte, słowa złożone, *verba composita*») и (3) декомпозитивные («doppelt zusammengesetzte, słowa dwa razy złożone, *verba decomposita*»). По происхождению («Abstammung»), т. е. суффиксальной деривации глаголы распадаются на (1) первообразные («*Primitiva*, Stammzeitwörter, słowa pierwotne») и (2) производные («*Derivativa*, abgeleitete Zeitwörter, słowa pochodne») (с. 234).

Итак, классификация глаголов Бадтке состоит из четырех противопоставлений, из которых формальные непосредственно не влияют на аспектуальную систему глаголов: А. **Семантические**: 1. «verba actionis imperfectae - verba actionis perfectae», 2. «verba una actione defuncta - verba frequentativa». Б. **Формальные** (деривативные): 3. «verba simplicia - verba composita - verba decomposita», 4. «verba primitiva - verba derivativa».

Для краткости и лучшей сопоставимости мы схематизируем систему Бандтке в его латинских терминах:

Схема № 33. Аспектуальная классификация глаголов Бандтке (1808)[425]



I. **Verbum**:
actionis imperfectae - *stać*, *czytać*, *pić*, *siedzieć*
actionis perfectae - *wstać*, *przeczytać*, *wypić*, *usiąść*
II. **Verbum**:
una actione defunctum - *stać*, *spać*, *pić*
frequentativum - *stawać*, *sypiać*, *pijać*

В семантической классификации отчетливо различаются видовой признак завершения («Vollendung») и акционсартный признак частотности («Frequenz») (с. 234), составляющие однозначные критерии двухуровневого описания глаголов. Здесь небезразличен порядок описания данных характеристик.

По модели «dokonane - nedokonane» Копчинского в грамматике Бандтке как бы естественным образом (но все же фактически как кальки) входят в обиход немецкие атрибуты «*vollendet*» и «*unvollendet*», указывающие на характеристику глагола и соответствующего действия. Ср. Фатер (1807). Итак, в рассматриваемой грамматике атрибуты «vollendet» и «unvollendet» приобретают впервые положение регулярного (и «официального») атрибута в составе грамматической терминологии. Однако, в отличие от польских атрибутов, они не примыкают непосредственно к слову «Zeitwort» или «Verbum», а обозначают видовую характеристику действия («Handlung»). Буквально Бандтке говорит о глаголах незавершенного и завершенного действия: «Zeitwort der unvollendeter - vollendeter Handlung», «verbum actionis imperfectae - verbum actionis perfectae» (с. 234, 235, 236).

Не подлежит сомнению, что первое разделение глаголов, охватывающее «zwey doppelte Hauptclassen» (с. 234), покоится на аспектуально-семантических признаках. Господствующим является первое противопоставление «*verba actionis imperfectae*» - «*verba actionis perfectae*». Вторая семантическая классификация, которая не участвует в организации аспектуально-темпоральных форм, выделяется по количественному признаку единичности - неединичности. По этому ранжиру система Бандтке существенно отличается от чешской традиции Пельцеля и его последователей (см. выше).

Примечательно, что в целях разграничения аспектуальной и темпоральной терминологии Бандтке не использует (а наоборот - как бы избегает) латинских

[425] См. Бандтке (1808: 234-237).

сочетаний «verbum imperfectum», «verbum perfectum». Кроме того, от всей чешско-польской традиции Бандтке отличается тем, что он не использует термина «verbum singulare», а вводит вместо него новое выражение «verbum una actione defunctum» (с. 235)[426], под которым, однако, не понимается ни семельфактивный, ни даже перфективный глагол.

Признаком перфективного действия, обозначенного глаголом завершенного действия («Zeitwort der vollendeten Handlung») (*wstać* «aufstehen», *przeczytać* «durchlesen», *wypić* «austrinken», *usiąśdź* «sich niedersetzen»), Бандтке считает минование («vorbey seyn») (букв. 'быть позади'). Глаголом же незавершенного действия («Zeitwort der unvollendeter Handlung») (*stać*, *czytać*, *pić*, *siedzieć*) выражается имперфективное значение неминования («nicht vorbey seyn»), а также повторение и продолжение («was mehrmahls geschieht und was fortdauert») (с. 235). Вместе с тем перфективные формы времен характеризуются определенностью («bestimmt»), имперфективные - неопределенностью («unbestimmt», «allgemein») (с. 238-239). Ср. Фатер (1808).

Противопоставление минования - неминования поясняется так: когда я читаю, тогда действие еще не миновало, а продолжается («wenn ich lese, so ist die Handlung des Lesens noch nicht vorbey, sondern sie dauert fort»), а когда я прочитаю что-то, тогда действие миновало («wenn ich etwas durchlese, so ist die Handlung des Lesens vorbey») (с. 235).

Большинство простых первообразных глаголов («verba simplicia primitiva») относится к глаголам незавершенного действия, большинство же приставочных деривативов («derivativa composita») - к глаголам завершенного действия. Однако в бесприставочные глаголы входят и такие перфективные глаголы («actionis perfectae»), как *siąśdź*, *sieśdź*, *dadź* (с. 236).

В сфере количественной аспектуальности выделяются характеристики беспрерывной единичности, повторяемости и хабитуальности («pflegen»). Глагол единичного действия («ein *verbum* der einzelnen einfachen Handlung, *słowo iednotliwe*») характеризуется беспрерывностью единичного действия, между тем как для фреквентативного глагола («*słowo częstotliwe*») характерна повторяемость и хабитуальность («was mehrmahls wiederholt wird, mehrmahls zu geschehen pflegt») (с. 236).

Злесь важно отметить, что в системе Бандтке ясно и верно показывается возможность совмещения и совместного функционирования в одной форме видового и акционсартного элементов, которые строго различаются в двойной классификации (в двух семантических противопоставлениях) глаголов. Так, имперфективные глаголы единичного действия («*słowa niedokonane iednotliwe*, Zeitwörter der unvollendeten einfachen Handlung») (*stać*, *spać*, *pić* и т. п.) могут быть использованы также в смысле повторяющегося действия («im Sinn der mehrmals wiederholten Handlung») (т. е. в итеративной ситуации), например, *często spi na dworze, pije nadto* (с. 236). Глаголами же незавершенного многократного действия («słowa niedokonane częstotliwe,

[426] От глагола *defungor* 'справиться, завершить, совершить, окончить, выполнить' (Дворецкий 1986: 230).

Zeitwörter der unvollendeten mehrfachen Handlung, *frequentativa actionis imperfectae*») являются *stawać* «mehrmals stehen bleiben», *sypiać* «zu schlafen pflegen», *pijać* «zu trinken pflegen» и др. (там же).

Совмещение имперфективности и итерации в одном действии Бандтке поясняет так: то, что многократно происходит («mehrmahls geschieht»), то и продолжается, и то, что часто повторяется, то не еще миновало («ist noch nicht vorbey» (с. 236).

Большинство фреквентативов являются глаголами незавершенного действия («Zeitwörter der unvollendeten Handlung»): *przeczytywać* «mehrmals durchlesen», *przepijać* «mehrmals vertrinken», *przestawać* «aufhören in mehreren Pause, dann und wann», *biegać* «hin und her laufen», *prześladować* «verfolgen» (с. 236)

Следовательно, приставочные имперфективы (*przeczytywać*) у Бандтке являются префигированными фреквентативами, которые отличаются от приставочных перфективов (*przeczytać*) своими измененными окончаниями («durch eine veränderte Endung») *awać*, *ywać*, *ować*; *awam*, *aię* (с. 237). Однако в этом не заключается идея «правильной» суффиксальной деривации (*przeczytać -> przeczytywać*), так как в данном случае глагол *przeczytywać* образуется путем префиксации фреквентатива (*czytywać -> przeczytywać*). Ср. сюда описание спряжения, где отсутствующие у глагола *przeczytać* времена субституируются или соответствующим имперфективным примитивом («durch das verbum primitivum unvollendeter Handlung») (*czytać*), или производным фреквентативом («durch das derivativum frequentativum») (*przeczytywać*) (с. 261). Таким образом, такой приставочный имперфектив, как *przeczytywać* - это приставочное образование «verbum frequentativum» от *czytywać*. Примечательно, что словом «derivativum» указывается здесь не на суффиксацию, а на префиксацию.

Из этого вытекает, что и в системе Бандтке приставочные имперфективы не находят себе надлежащего места, а их необходимо или «заимствовать», или субституировать. Ср. также глаголы второго спряжения с формантом *ywać*: *rozwięzywać*, *zawięzywać*, *dochowywać*, *wymazywać*, *wyskakiwać*, *zasługiwać*, которым автор приписывает «фреквентативное значение» (с. 271). По-видимому, именно «фреквентативность» мешает Бандтке составить ясное представление о видовых парах. Особенно это видно из определения статуса приставочных имперфективов, которые оказываются в ином типе спряжения, чем соотносительные перфективы.

Впервые у Бандтке мы находим фреквентативы завершенного действия («słowa dokonane częstotliwe», «frequentativa vollendeter Handlung») (*wygotować*, *przegotować*, *nabrać* «auskochen, durchkochen, überkochen, zusammenraffen») (с. 237). Перфективными фреквентативами являются также декомпозитивные глаголы («verba decomposita») с двумя префиксами (*pozabiiać* «alle, alles todtschlagen», *ponabierać*, *powydawać*), которые по современной терминологии являются настоящими глаголами «perfectiva tantum» (глагол *pozabiiać* 'перебить', 'поубивать' является перфективным дистрибутивом). Ср. также перфективные «frequentativa derivativa» *pobiegać*, *wyczerpać*, *poszukać*, *schować*, *potrzymać*, образованные от фреквентативов

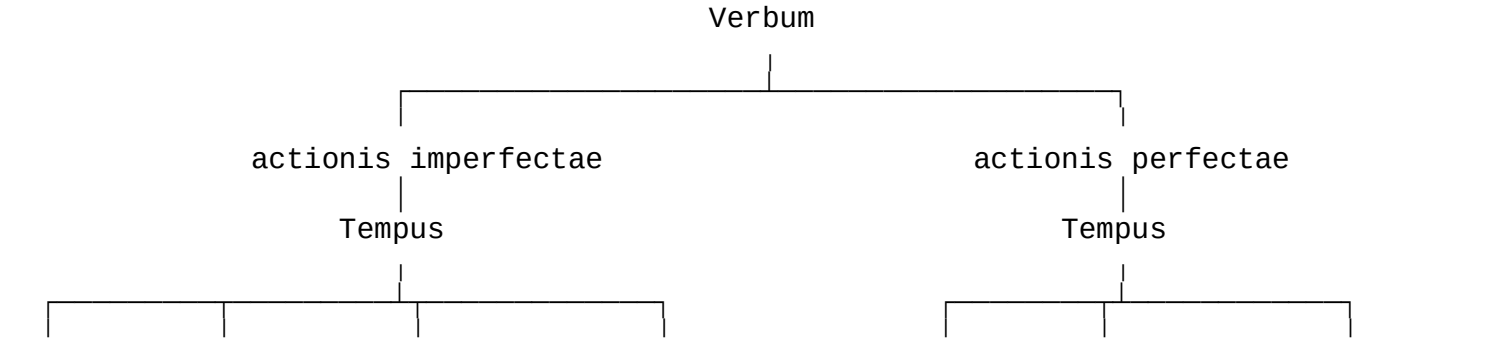
biegać, *czerpać*, *szukać*, *chować*, *trzymać* (с. 265). Весьма проницательно автор поясняет акционсартное различие внутри перфективности: если глаголы *wstać*, *wypić*, *usiąść* являются исключительно глаголами совершенными однократными («słowa dokonane iednotliwe»), то глагол *przeczytać* может быть и совершенным однократным и совершенным фреквентативом («słowo dokonane częstotliwe»), т. е. он оказывается амбивалентным по кратности (с. 237).

Средними инхоативами («neutra inchoativa»), образованными от прилагательных, являются глаголы *blednieć*, *jasnieć*, *słabieć* и т. п. (с. 288). У Бандтке мы видим впервые термин «verbum continuativum» (*kipieć* и т. п.) (с. 308).

3. В рассматриваемой грамматике темпоральная система одного глагола имеет максимум четыре времени («vier tempora») (с. 234). Это значит, что, например, глагол второго спряжения *piec* имеет времена: 1. «Praesens» *piekę*, 2. «Imperfectum» *piekłem*, 3. «Plusquamperfectum» *piekłem był* и 4. «Futurum compositum» *będę piekł*. У соответствующего же ему перфектива *upiec* есть лишь три времени: 1. «Praeteritum perfectum» *upiekłem*, 2. «Plusquamperfectum» *upiekłem był* и «Futurum simplex» *upiekę* (с. 279-281).

В соответствии с первичной видовой классификацией глаголов семь аспектуально-темпоральных форм делится на два ряда: «tempora imperfecta - tempora perfecta», «unvollendete - vollendete Zeiten», «czasy niedokonane - dokonane» (с. 238-239), т. е. первичным критерием классификации аспектуально-темпоральных форм является аспектуальный (видовой) признак, а вторичным - темпоральный. При этом количественная аспектуальность, как и формальная классификация глаголов, в основной аспектуально-темпоральной системе не фигурируют.

Схема № 34. Видо-временная система Бандтке (1808)[427]



Verbum actionis imperfectae:
Tempus:
Praesens - *czytam*
Imperfectum, praeteritum imperfectum - *czytałem*
Plusquamperfectum actionis imperfectae - *czytałem był*
Futurum compositum - *będę czytał, czytać będę*

Verbum actionis perfectae:
Tempus:
Praeteritum perfectum - *przeczytałem*
Plusquamperfectum actionis perfectae - *przeczytałem był*
Futurum simplex - *przeczytam*

[427] См. Бандтке (1808: 234-240). Для краткости здесь не приводятся параллельные польские и немецкие термины.

При обозначении времени именно два основных аспектуальных атрибута переносятся в сферу темпоральности, где они примыкают к названиям времени. Мы ограничимся здесь констатацией наименований времен в множестве их вариантов и группировании по двум видам. Так, глагол завершенного действия («Das sł. nd., Das Verbum actionis imperfectae, das Zeitwort der unvollendeten Handlung») имеет все незавершенные времена («alle unvollendete Zeiten, *tempora imperfecta*, czasy niedokonane»): 1) «*Praesens*, czas teraźnieyszy, die gegenwärtige Zeit» (*czytam*), 2) «*Imperfectum*, *praeteritum imperfectum*, czas przeszły niedokonany, die halbvergangene Zeit» (*czytałem*), 3) «*Plusquamperfectum actionis imperfectae*, czas zaprzeszły niedokonany; die längst vergangene Zeit unvollendeter Handlung» [*czytałem był*], 4) «*Futurum compositum*, czas przyszły niedokonany oder złożony, die unvollendete zukünftige Zeit» (*będę czytał*, *będę czytać*) (c. 238).

На имперфективную характеристику настоящего времени указывает факт, что оно само по себе не может быть минувшим («позади») («die an sich nicht vorbey seyn kann») (c. 238). Вариантное название (или содержательная экспликация) имперфекта «die halbvergangene Zeit», который иллюстрируется латинским имперфектом «legebam», связывает терминологию Бандтке с Неедлым (1804: 230). Для имперфективного будущего характерны итеративность и неопределенность («mehrmahls», «unbestimmt», «im Allgemeinen») (c. 238).

Глагол завершенного действия («Das sł. d. das Zeitwort vollendeter Handlung») может иметь только завершенные времена («die vollendeten tempora»), причем он не имеет настоящего времени и имперфекта: 1) «*Praeteritum Perfectum*, czas przeszły dokonany, die wirklich vergangene Zeit» (*przeczytałem*) («perlegi»), 2) «*Plusquamperfectum actionis perfectae*, czas zaprzeszły dokonany; die längst vergangene Zeit vollendeter Handlung» [*przeczytałem był*], 3) «*Futurum simplex*, czas przyszły dokonany, niezłożony, die einfache künftige Zeit» (*przeczytam*) (c. 239).

Вслед за Копчинским термин «Futurum compositum, czas przyszły niedokonany oder złożony» Бандтке обозначает аналитическое имперфективное будущее (c. 238). По сравнению с Копчинским новым является латинское название «futurum compositum». При обозначении будущих времен латинские атрибуты «compositum» и «simplex» стали полностью аспектуальными экспонентами несовершенного vs. совершенного, причем «futurum simplex» не указывает на семельфактивность, а объединяет все перфективные формы будущего.

В отличие от русской традиции этого периода, у Бандтке, как и во всей польской традиции, в аспектуально-темпоральной парадигматике не выделяются семельфактивные темпоральные формы. Этот факт вытекает из первичной классификации глагола.

По мнению автора, в системе времен существенное различие составляют имперфектные и перфектные времена («*tempora imperfecta*» и «*tempora perfecta*»), из которых перфектные являются более определенными («bestimmter»), чем более общие («allgemeiner») имперфектные. Эта разница освещается примерами: *listy pisać będę, iak mi się podoba* «ich werde Briefe schreiben, wie es mir gefällt»; *napiszę te listy, iak mi się podoba*

«ich werde diese Briefe niederschreiben, wie es mir gefällt» (c. 239). Вместе с тем Бандке показывает аспектуальную разницу между предложениями *gdy list pisał, przyszedł do mnie* «als ich den Brief schrieb, so kam er zu mir» и *gdy list napisałem, przyszedł do mnie* «als ich den Brief geschrieben hatte, so kam er zu mir», приводя при этом удачное латинское сопоставление «litteras quum scriberem» - «quum perscripsissem» (там же).

Различие между перфективным и имперфективным плюсквамперфектом иллюстрируется примерами: *gdy pisałem był - gdy napisałem był*, *gdy czytałem był - gdy przeczytałem był* «da ich gelesen hatte - da ich durchgelesen hatte» (c. 240). При этом имперфективный плюсквамперфект характеризуется неопределенностью («unbestimmt»), перфективный - определенностью («bestimmt»).

В образовании глаголов выделяются наречия «mehrmals» и «einmal», из которых последним поясняется не только перфективное, но и имперфективное действие глагола *usiadać* («sł. nd. ied. und cz.») (c. 240). ср. «fest» и «gut» при глаголе *usiąść* («sł. d. ied.») (c. 241). Содержательная экспликация «völlig zu Ende» приводится как модификация лексической единицы с приставкой *do*: *dorobić*, *dorabiać*, *domalować* и т. п. (c. 243) (ср. иную функцию «völlig zu Ende» у Хайма (1789: 168), (1804: 165) и у Фатера (1808: 60).

В первое спряжение входят такие глаголы, как *czytać* и *przeczytać*, из которых последний находится под рубрикой «Paradigma verbi actionis perfectae primae conjugationis» (c. 257). Таким же образом рядом как *соотносительные по виду* даются парадигмы и формы *двух разных глаголов* - *czytać* и *przeczytać* (c. 263). См. далее «I. Słowo niedokonane piec», «II. Słowo dokonane upiec» (c. 281). Однако независимо от типа спряжения два соотносительных по виду глагола даются систематически при описании префиксов: *dorobić - dorabiać*, *nałożić - nakładać*, *pokazać - pokazywać*, *zebrać - zbierać* и т. д. (c. 242-245).

Описание Бандтке показывает лишний раз, что в системе спряжения, включающей темпоральную систему, параллельное представление перфективного и имперфективного глаголов как бы диктуется угрозой дефектности парадигмы. С одной стороны, спряжение интегрирует парновидовые характеристики, а с другой, соотносительные по виду глаголы могут относиться к разным спряжениям. Ср. об этом в чешской традиции.

В описании Бандтке собственно видовое противопоставление представлено в первую очередь разными глаголами. Вместе с тем видовое противопоставление выделяется отчетливо в терминах, которыми обозначаются глагол, само действие и время: «verbum actionis perfectae» - «verbum actionis imperfectae», «actio perfecta» - «actio imperfecta» (c. 238), «tempora imperfecta» - «tempora perfecta» (239).

У Бандтке один аспектуальный признак и три или четыре времени являются всегда свойствами **одной глагольной лексемы**, что обусловливает дефектность перфективных глаголов. Отсутствующие темпоральные формы компенсируются первообраз-

ными глаголами или производными фреквентативами (с. 261).

Также описание времен показывает, что Бандке группирует *глаголы* по коррелятивным по виду парам, но придерживается вместе с тем строго принципа, согласно которому один глагол имеет только один аспектуальный признак и определенное число времен в зависимости от аспектуальной характеристики (вида) глагола. Следовательно, принцип «один глагол - один вид - определенное число времен» описан у Бандтке за два года до Таппе (1810) (см. ниже). В польской традиции принцип, по которому один глагол имеет только или имперфективные, или перфективные формы сформулирован впервые Копчинским (1778) (см. выше).

7. РЕВОЛЮЦИЯ ГРАММАТИСТОВ ПЕРВОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XIX ВЕКА

7.1. Разработка классификационных принципов Фатером

7.1.1. Опыт всеобщей грамматики (1801)

Для классификации отдельных грамматических явлений работы по всеобщей грамматике начала XIX столетия профессора теологии и восточных языков Университета Халле Йоханна Северина Фатера (1771-1826)[428], будущего составителя известной грамматики русского языка, предоставляют необходимые фоновые сведения. Еще в своем опыте всеобщей грамматики, который не содержит славянского языкового материала, Фатер (1801) выдвигает ряд фактов, освещающих формирование аспектуальной мысли его составителя.

Классификационная формула «Arten der Verba», «Arten der Substantive» -> «Arten der **x**», явившая характерной чертой грамматических трудов Фатера, продолжает последовательно модель «εἴδη ὀνομάτων», «εἴδη ῥήματων» -> «εἴδη **x**» греческой традиции Аристотеля, Дионисия Фракийского и др. В области глагола она восходит в первую очередь к «formae verborum» Доната, а, видимо, также к «species verborum» Присциана (с. 427) (см. выше).

Формула «Arten der **x**» употреблается Фатером для классификации как понятий («Begriffe»), так и отдельных частей речи, вообще языковых средств, посредством которых выражаются понятия. Так, например, в его опыте всеобщей грамматики встречаются следующие типичные для его научного стиля формулы: «Hauptarten der Begriffe» (Фатер 1801: 163), «Arten der Laute», «eine Unterart eines andern» (с. 167), «Arten von Begriffen» (с. 169), «Unterarten jener Hauptarten der Begriffe», «Arten der Substantive» (с. 174), «Arten der Pronominen» (с. 189), «Arten der Adjektive» (с. 198). Аналогичным образом обозначаются и значимые в аспектуальном отношении «Arten der Verba» (с. 204), «Klassen der Verballaute» [= «Klassen der Verba»] (с. 207). Здесь наличествуют также необходимые для подклассификации «Hauptarten» и «Unterarten jener Hauptarten» (см. выше)[429].

Вполне естественно, что тем самым общая классификация «Arten der Verba» (с. 204) предвосхищает и аспектуальную классификацию глаголов, для которой указанное терминологическое сочетание составляет вершинное понятие по отношению к «Klassen der Verba» (с. 207) и в особенности к «Formen der Verballaute», под которыми понимаются сами глаголы, глагольные группы в латинском языке: «Verba inchoativa, frequentativa, desiderativa» (*ditesco*, *senesco*, *albesco*, *factito*, *ventito*, *esurio*) (с. 208).

Нетрудно видеть, что идея текста, в котором автор в качестве примеров приводит указанные глагольные разряды, восходит непосредственно к «formae verborum» Доната или «species verborum» Присциана, с тем лишь различием, что у Фатера нет здесь разряда «perfecta» и глаголы «desiderativa» заменяет

[428] См. Винтер и Эйхлер (1984: 4).

[429] В том же «опыте» мы находим и некоторые другие термины, например «Merkmal» 'признак' (с. 204), которые лишь позднее будут иметь аналоги в славянской лингвистической литературе.

«meditativa».

Не случайно Фатер также говорит об общих понятиях и классификациях, применяемых, в частности, к временам и видам (способам) действия («der Zeiten und *Arten der Handlung*» (с. 132).

Зародыши описания глагольной аспектуальности заключаются в первую очередь в абзаце, в котором рассматривается выражение понятий начала, длительности, конца, повтора и др.:

> «Bei Verbalbegriffen, welche den Begriff der Wirkung in Bezug auf Zustand, seinen *Anfang, Dauer und Ende*, bezeichnen, z. B. hervorbringen, endigen, anfangen, fortsetzen, wiederhohlen, werden, im Begriff seyn» (с. 208) (курсив наш. - Р.Р.).

Фатер говорит о понятии времени и о временно́м отношении (отношении времен) («der Begriff der Zeit», «Zeit-Verhältnis»): «Gegenwart eines Zustandes - Tempus Praesens, ich rede, dico, Vergangenheit eines Zustandes - Tempus *Praeteritum, Perfectum*, ich habe geredet, dixi, Zukunft eines Zustandes - Tempus Futurum, ich werde reden, dicam» (с. 213-214). Ср. сюда определение времен у Присциана (с. 416). Взамен «Tempora» Фатер предлагает термин «Zeit-Formen» (с. 213).

В соответствии с латино-немецкой традицией в описании абсолютных времен, прошедшего, настоящего и будущего название прошедшего «Praeteritum» отождествляется с «Perfectum», т. е. оба названия даются как синонимы:

> «Wenn die Sprachgewohnheit bestimmte Laute für das Zeitverhältniss der Vergangenheit eines Zustandes eingeführt hat: so ist dies (der Begriff und die Form des) Tempus Praeteritum, Perfectum; ich habe geredet, dixi» (с. 215).

Вместе с тем примечательно, что тут в описании *абсолютных* времен («Tempora absoluta») прошедшее дается как (бы) перфективное «Praeteritum, Perfectum» (*ich habe geredet*, *dixi*), ср. «perfectum historicum» (с. 219).

Три темпоральных отношения («drei Verhältnisse»), при определении которых не учитывается отношение к другим состояниям (действиям), называются *абсолютными* временами («Tempora *absoluta*») (с. 215). От них отличаются *относительные* времена («die Tempora *relativa*»), т. е. темпоральные отношения действий, место которых во временно́м ряду определяется их отношением к другим действиям: «diejenigen Zeitverhältnisse der Zustände, deren Platz in der Zeitreihe durch die *Rücksicht auf andere Zustände* bestimmt ist» (там же). Ср. современное учение о таксисных отношениях действий.

В этой связи появляется впервые в наших источниках значимое слово «*Währung*» (от гл. *währen* 'продолжаться, длиться'), которым Фатер указывает на длительность протекания действия (с. 216). Также впервые у Фатера встречается сам глагол «*währen*» («Der Zustand währt noch») (с. 218) и атрибут «*während*» для обозначения длительности состояния (действия) глагола («Verba, deren Bedeutung die *eines währenden Zustandes* ist») (с. 220). При этом отлично поясняются аспектуальные значения (*спал* - *засыпал* - *заснул*)

относительных времен при помощи латинских примеров: *dormiebat - obdormiebat - obdormiit*, из которых последняя форма иллюстрирует «Perfectum historicum» и переводится по-французски «il s'endormit») (там же).

Выражение минувшего и дошедшего полностью до конца действия («ist vorüber, ist ganz zu Ende», «ist ganz zu Ende gekommen») является экспликацией относительных времен, плюсквамперфекта и будущего «futurum exactum» (с. 218, 219): «Der frühere Zustand...ist vorüber, **ist Ganz zu Ende**, bevor der andre anhebt» (с. 218) (ср. выше экспликацию «ad finem»).

Признаком быстроты («Die Schnelligkeit der Folge») характеризуются последующие друг за другом действия *venit*, *vidit*, *vicit* (с. 220) (ср. выше «schnell vorübergehende Handlung»).

7.1.2. «Verba perfecta» - «Verba frequentativa» Фатера (1805)

В науковедческой литературе была высказана мысль, что вышедшая в Галле (1805) всеобщая грамматика Фатера была якобы издана в 1907 году в русском переводе Лубкина[430]. Вероятно, русский перевод действительно существовал, но мы не знаем, где и когда он был издан. Как бы то ни было, для нас интерес представляет дальнейшее развитие аспектуальных концепций Фатера, на которое теперь проливает свет довольно обильный славянский материал, почерпнутый им из грамматик, входящих в круг анализируемых нами источников, но не включенных в список литературы автором учебника (Фатер 1805: 9). Безусловно, для составителя всеобщей грамматики славянский языковой материал должен был оказаться исключительно ценным.

Вообще подход Фатера можно считать функциональным, который исходит из понятия или его разновидности («Arten von Begriffen») (см. выше), выражаемых определенными языковыми средствами. Характерная для метаязыка Фатера классификационная формула «Arten der **x**» применяется теперь последовательно к глаголу («Arten der Verba») (с. 104), («Verba dieser Art») (с. 109).

Множество русских и польских примеров почерпнуто из грамматик Хайма (1804) и, по-видимому, Копчинского (1778 и сл.). Не подлежит сомнению, что основная латино-немецкая терминология Фатера в ее применении к русским языковым фактам восходит к грамматике Хайма (1804), причем Фатеру, вероятно, был известен и перевод грамматики Ломоносова (1764).

У Фатера производные глагольные классы объединяются под обобщающим термином «*Modalitäten der Zustände*» (с. 109), которым указывается на глаголы как на способы разных состояний или действий. Не вдаваясь в рассуждение о зародыше «способа действия» у Фатера, мы просто обратим внимание на эти модалитеты, указывающие на модифицируемые разновидности исходного глагольного действия. Так, например, глагол неопределенного значения (*facio*) имеет «модалитет» (*factito*), представляющий собой один из «взглядов» («Betrach-

[430] См. Кульман (1917: 94).

tungsweise») по отношению к исходному глаголу. Вместе с тем эти «модалитеты» могут рассматриваться как определения («Bestimmungen») неопределенных исходных глаголов.

Если глагольное понятие, например начало действия, выражается не отдельными словами (*coepi dicere*), а глагольными «формами», то эти «формы» («diese Formen») являются производными глаголами («Verba derivativa») (*dictito*) от первообразных («Verba primitiva») (*dico*)[431]. Таким образом, «eine Form» Фатера представляет собой отдельный производный глагол, а не глагольную форму вообще. При этом очевидно, что составной термин «Formen der Verba» Фатера (с. 109) соответствует точно выражению «formae verborum» Доната, тогда как терминологическая пара «verba primitiva - verba derivativa» отражает инновацию Присциана.

С античной традицией связано также обстоятельство, что в качестве примеров производной от существительного или прилагательного глагольной «формы» Фатер приводит глаголы («Verba derivativa») *φιλιππίζειν*, *latinisiren*, *schneidern* (с. 110), из которых *φιλιππίζω* использован как пример сложного глагола («παρασύνθετον») у Дионисия Фракийского (13: 12). Ср. сюда же *graecisso*, *architector* и т. п. в качестве отыменных глаголов у Доната (с. 382) и Присциана (с. 433).

Любопытно, что аспектуальные различия в сфере наклонений Фатер освещает давно отмеченным описанием императивных форм у Аполлония Дискола (синт. III. 102. с. 358): «γράφε sage ich zu dem, der anfangen oder fortfahren soll zu schreiben, γράψον zu dem, der aufhören soll; σκαψάτω τὰς ἀμπέλους, ist gleichsam: er soll schon gegraben haben, die Vollendung wird befohlen» (с. 166) (см. выше).

Согласно Фатеру, «степени», т. е. фазы протекания действия, составляют его начало и намерение, занятость чем-либо, продолжение и прекращение: «Grade des Fortschreitens des Zustandes liegen in dem: anfángen, μέλλειν, begriffen seyn (z. B. im Zeichnen), fortfahren, aufhören» (с. 110). Так, аспектуальную фазовость составляет естественная трехчленная система: начало - длительность (занятость) - конец (прекращение) действия («Anfang - im **x** begriffen seyn - Endigung» (с. 113). Ср. «Anfang» - «Dauer» - «Ende» у Фатера (1801: 208). Помимо фазовости, Фатер указывает на количественные отношения единичности и повторяемости в ее сопряжении с хабитуальностью («Einmal wirken, und wiederhohlen, pflegen»), а также на намеренное конативное действие («im Begriff seyn, conari») (с. 110).

Рассматривая обозначение характерных черт производных глаголов в отдельных языках, Фатер делает ряд интереснейших аспектуальных замечаний. Учение о глагольной деривации Фатера со своими «Formen der Verba» опирается прямо и целиком на «formae verborum» Доната и его последователей (вообще на донатовую традицию). К этому учению Фатер применяет данные польского и русского глаголов. Система «figura» столь ясно не ощутима. При этом «Arten der Verba» соответствует великолепно канонизированному Присцианом (с. 427)

[431] Ср. сопоставление «dicere - dictitare» у Модрю.

сочетанию «species verborum». Весьма заманчиво было бы думать, что между этими сочетаниями существует непосредственная преемственность. Вместе «Formen der verba» и «Arten der Verba» предвосхищают в естественном порядке классификацию русских языковых фактов в грамматике Фатера (1808).

В соответствии с функциональным подходом Фатер описывает, какими средствами в разных языках обозначаются начало, занятость чем-либо и конец действия. Так, в английском языке занятость действием *я иду* («Ich bin im Gehen begriffen»), выражается экспрессивно словами *I am going* (с. 113). В латинском языке начало состояния (действия) обозначает форма на *sco* (*senesco*, *albesco*, *lucescit* и т. д.), в греческом *γηράσκω* (от *γηράω*) (там же). Тут Фатер, вслед за многими другими, ошибочно приписывает значение начинательности латинским инхоативным глаголам. Вместе с тем начинательность относится им неправильно и к польским, и русским настоящим инхоативам со значением становления признака: *słabieć* «schwach werden», *kopcieć* «rusig werden» (там же).

Вместе с тем Фатер, указывая на префикс *za* польских глаголов *zaświstać*, *zachrapać* и русских *zaswistiet*, *zachrapiet* (sic!), совершенно правильно отмечает одно из словообразовательных средств выражения начинательности («Anfang eines Zustandes») в славянском глаголе (с. 113). Таким образом, неправильное толкование латинского инхоатива переходит в правильную передачу славянской начинательности посредством префикса со значением начала действия.

Подобно немецким приставочным глаголам *ausbrauchen*, *ausessen* с препозитивом *aus*, польский язык выражает прекращение действия («Die *Endigung* eines Zustandes») сложными перфектными глаголами («die zusammengesetzten Verba»), («*Verba perfecta*»), причем их форма настоящего времени имеет значение будущего, например: *przeczytam* «ich werde *durchlesen, zu Ende lesen*» (с. 113). Здесь «Verbum perfectum», которым обозначается действительно перфективный глагол, вписывается в длительную традицию, в которой атрибут «perfectum» присоединяется к слову «verbum» (см. приложение). При этом истолкование «ich werde durchlesen, zu Ende lesen» относится к семантике «полного прохождения» и достижения конца действия. Ср. «zu Ende» у Фатера (1801: 218), Хайма (1804: 165) и Неедлого (1804: 237).

Таким образом, аспектуальный термин и понятие «Verbum perfectum» (*przeczytam*) (с. 113) Фатера противопоставляется термину «Verbum frequentativum», под которыми, однако, понимаются недифференцированные имперфективные, в том числе итеративные образования (*czytywam*, *przeczytywam*) в польском (с. 114) и плюсквамперфект «die frequentative Form» *dwigiwał* (т. е. *двигивалъ*) (135) в русском языке. И здесь Фатер был явно введен в заблуждение фреквентативным плюсквамперфектом Хайма (1804: 81, 109). Термина «Verbum imperfectum», который составил бы «правильный» противочлен термину «Verbum perfectum», в рассматриваемой книге нет.

По примерам начала («Anfang») и конца («Endigung») действия можно установить весьма интересную преемственность с предшествующей традицией. Так, пример «zachrapiet, anfangen zu schnarchen» Фатера (с. 113) заимствован у Хайма (1804: 132), (ср. Хайм 1789: 143). Тот же пример мы видим у

Родде (1773: 146), (1789: 144) и у Ломоносова (1764: 277) и в конце концов впервые у Ломоносова (1755: 529) в качестве примера префикса *за*, обозначающего «начинание деяния»: *захрапѣлъ*, *захрапѣть*. Ср. несколько иначе в КПР (1784: 193): «*За* значитъ...нача́ло дѣла: *захрапѣлъ*, т. е. началъ храпѣть». К Ломоносову восходит и значение «die Endigung einer Handlung», «окончание действия», обозначаемое префиксом *отъ*: *отъиралъ* «пересталъ играть», «ich habe aufgehöret zu spielen» (Ломоносов 1755: 530) и (Ломоносов 1764: 278). Следовательно, признаки начала («Anfang») и конца («Endigung»), по крайней мере в данном контексте Фатера (1805: 113), обнаруживают историю, восходящую через Родде (1773: 146-147), (1789: 144-145) и Хайма (1789: 143), (1804: 132-133) к грамматике Ломоносова (1764: 277-278), (1755: 529-530).

Это, конечно, ничуть не умаляет значения описания аспектуальной фазовости Фатером, а, наоборот, свидетельствует об умелом использовании материала разных языков, в том числе славянских; Фатер просто обобщает удачно частные случаи приставочной семантики, описанной Ломоносовым. Насколько нам известно, здесь впервые указывается на фазовые признаки в пределах трехчленной оппозитивной системы на примере славянских приставочных глаголов.

Обоснованный вопрос, почему препозитив не вызывает значения завершения («Vollendung») действия при фреквентативных глаголах («Verba frequentativa»), а форма *przeczytywam* является регулярным настоящим («ein ordentliches Praesens») со значением беспрерывного продолжения («Fortwährung»), Фатер решает так, что понятию завершения препятствуют значения повторения и хабитуальности («wiederhohlen», «pflegen») данной формы глагола (с. 114). Здесь впервые словом «Fortwährung» значение формы *przeczytywam* противопоставляется значению завершения («die Vollendung») перфективной формы *przeczytam*[432].

При этом интересно истолкование Фатера, почему некоторые немецкие приставочные формы настоящего времени заключают в себе возможность выражения значения будущего. Так, в частности, форма настоящего времени *ich brauche aus* обозначает еще длящееся завершение («die noch währende Endigung des Gebrauchs»), причем заключающаяся в слове идея завершения («die wirkliche Vollendung») относится к будущему (с. 113).

Описание ряда польских и русских темпоральных форм Фатера (с. 114) предвосхищает полемику относительно включения в одну парадигму, в спряжение одного глагола форм разных глаголов, в частности приставочного (*сдвигалъ*, *сдвигаю*) и бесприставочного (*двигать*). Русские примеры «Praeteritum perfectum» (*sdwigał*) и «Futurum perfectum» (*sdwigaiu*) (с. 114) связаны с типовыми парадигмами Хайма (1804: 109, 111). Ср. также РГ (1802: 193, 194). Критическое замечание Фатера относительно описания приставочных форм *sdwigał* и *sdwigaiu* как времена исходного глагола («Stamm-Verbum») *двигать* справедливо, но вместе с тем автор ошибается, считая форму *sdwigaiu* настоящим временем. Эта «ошибка» обусловлена тем, что Хайм (1804: 111) опустил то необходимое ударение, которым Академическая грамматика (1802: 194) маркирует форму *сдви́гаю*, как форму «будущего совершенного». (По-

[432] Ср. сюда Мазон (1913: 351-352).

видимому, в языке того времени была видовая пара *сдви́гать* (или *сдви́нуть*) - *сдви́гивать* (или *сдвига́ть*) или же она была искусственным образованием грамматистов (Соколова). Ср. совр. пару *сдви́нуть* - *сдвига́ть* (МАС IV: 65).

В латинском языке повторение выражается часто «формой» глагола: «cursi*to* von curro, facti*to* von facio, sal*to* von salio und dicti*to* von dico» (с. 114). Из своего родного языка Фатер приводит в качестве примеров слова *streicheln*, *witzeln*, которые выражают повторение действия («die Wiederholung einer Handlung») (там же). Таким образом, *cursito* является «формой» («eine Form») глагола *curro*, но одновременно и самостоятельным глаголом, возникшим в деривации *curro -> cursito*. Примечательно, что здесь выделяются свойства глагола, а не темпоральной формы. Ср. «tres gradus» (*curro - curso - cursito*) у Доната (с. 382) и у Диомеда (с. 345).

По мнению автора, повторяемость, продолжение и привычное действие (хабитуальность) («Wiederholung, Fortfahren und Pflegen») являются примыкающими друг к другу понятиями, для выражения которых польский и русский языки образуют почти от каждого приставочного, часто также и от бесприставочного, глагола фреквентативную форму («eine Forma frequentativa») (с. 114).

В буквальном смысле слова Фатера означают, что почти от каждого приставочного (и, по-видимому, перфективного) глагола образуется для выражения близких значений повторяющегося, продолжающегося или обычного действия отдельная «фреквентативная форма», но на деле, однако, имеется в виду образование фреквентативного глагола («Frequentativum»). Очевидно, однако, Фатер видит определенное различие между латинским фреквентативом и славянской «фреквентативной формой», так как он подчеркивает принудительное употребление и значение долгой длительности действия («eine längere Dauer der Handlung») в славянском (с. 115). С другой стороны, Фатер говорит о более чем 150 корневых глаголах («Stammverbum») (*dwigał*, польск. *dźwigałem*), которые образуют «форму», выражающую однократное событие («das einmalige Geschehen einer Handlung») (*dwinuł*, польск. *dźwignąłem*) «ich habe einmal bewegt» (там же). Содержательную экспликацию «eine längere Dauer der Handlung» мы видели впервые у Добровского (1791: 24), затем у Неедлого (1804: 269). «Dauer» и «Fortdauer» (с. 115) идут от Хайма (1804: 79 и сл.) (см. выше).

Источником и моделью производных глаголов *πατριάζω*, *patrisso*, *sapoźniczaiu* [т. е. *сапожничаю*] «ich schustere» Фатера (с. 116) послужил текст «sunt etiam frequentativa de nomine venientia, ut patrissat graecissat» Доната («Ars maior», с. 381). Однако здесь у Фатера эти глаголы не приводятся как фреквентативы. С другой стороны, Фатер отмечает в качестве деминутивных глаголов с оттенком повторяемости («Wiederholung») немецкие *lächeln*, *spötteln* и лат. *cantillo* (с. 117). Составной термин «Forma desiderativa» (*esurio*, *mincturio*) Фатера (с. 116) является как бы контаминацей донатового «forma» и инновации «desiderativa» Присциана. При этом «Forma desiderativa» Фатера стоит на месте «species desiderativa» Присциана.

Фатер замечает, что в одном языке эти производные образования составляют особые (отдельные) глаголы («besondere Verba»), а в другом являются только производными формами исходного корневого глагола («abgeleitete Formen des Stamm-Verbi») как, например, форма *dicturus sum*, которая является так называемой описательной формой спряжения («Conjugatio periphrastica») в латинском языке (с. 117). В связи с этим Фатер ссылается на теорию времен Харриса[433], в которой особенно выделяются начало, длительность и завершение (конец) действия («*Anfang, Währung und Vollendung* der Handlung») (там же).

При обстоятельном описании абсолютных («Tempora absoluta») и относительных времен («Tempora relativa») (с. 126-131) Фатер использует выражения «nicht ganz zu Ende», «das Ereigniss als ein Raum, in seiner Währung betrachtet» (с. 127), которые явно отражаются в описании собственно аспектуальных фактов.

С относительными временами связаны специфические определения времени («nähere Bestimmungen»), которые проявляются во взаимных отношениях предшествования или следования ряда прошедших или будущих событий («mehrere vergangene/zukünftige Ereignisse») (с. 126). Ср. «dabei stehenden *Bestimmungen*» (с. 135). Дальнейшее развитие эти «добавочные определения» получают в виде «Nebenidee» у Таппе (1810: 137) и «Nebenbestimmungen» у Якоба (1814: 135, 187) (см. ниже).

Говоря о выражении абсолютных и относительных времен в славянских языках, Фатер приводит в качестве примера абсолютных времен польские *czyta* «er liest», *czytał* «er hat gelesen», *będzie czytał* «er wird lesen». В повествовании форма *czytał* употребляется часто также в качестве имперфекта («Imperfectum») и составляет вместе с глаголом существительным плюсквамперфект *czytałem był* «ich hatte gelesen» (с. 135).

Отмечая, что в русском языке плюсквамперфект («das Plusquamperfectum») выражается обычно претеритом глагола фреквентативной формы (dvigi*wał*) (с. 135), Фатер двояким употреблением слова «die Form» лишний раз выдвигает «фреквентативную форму» в значении донатовой классификации глаголов. Здесь же латинский термин приобрел впервые чисто немецкий облик «die frequentative Form», факт, который не остался без последствий в дальнейшем развитии[434]. Форма прошедшего *dwigał* (т. е. двигалъ) первообразного глагола («des Verbi primitivi») соответствует имперфекту, а также абсолютному прошедшему в повествовании («Praeteritum absolutum bei der Erzählung») (там же).

В изложении прошедшего в русском и польском языках выделяются три случая, которые в соответствии с грамматикой Хайма (1804: 80 и сл.) определяются по

[433] Ср. перевод «Hermes oder philosophische Untersuchung über die allgemeine Grammatik» (Галле 1788) известной книги Дж. Харриса (1751).

[434] См. «die frequentative Form» у Добровского (1809: 155, 156), аспектуальный «Form» у Таппе (1812: 178), далее «en Form» с его *русским* эквивалентом «Форма» у Эрстрёма и Оттелина (1814: 103), и наконец «Form» как прямой эквивалент, немецкий и шведский, слова «видъ» в переводах (Греч 1828б: 67) и (Греч 1829а: 72).

признакам: а) единичности («eine *einmalige* Handlung») (в смысле совр. семельфактивного) (*dvinuł*), б) повторяемости («eine Wiederholung») (*bywało dwigiwał*) и в) неопределенности («unbestimmt») (*dwigał*). Согласно автору, при этом необходимо всегда учитывать контекст и его определения («Bestimmungen»). Эти же различия касаются будущего, где *budu dwigat* является неопределенным («steht unbestimmt») и форма *dwinu* необходима для выражения только один раз завершенного действия («eine nur einmal zu vollziehenden Handlung») (с. 136).

Фатер замечает, что фактически *dwinu* является формой настоящего, но в речи «ich bewege nur einmal» она совмещает значение намерения («den Entschluss») и действие переносится в будущее. Иногда эта форма может быть переведена «ich bin im Begriff [zu bewegen]». Помимо значения единичности, данная форма имеет также значение «Futurum exactum», которое, как правило, выражается той разновидностью разряда композитивных глаголов («durch *die Art* der Verba composita») (*przeczytam*), о которых говорилось выше. Аналогично прошедшее («das Praeteritum») *dwinuł* имеет иногда значение «ich habe eben bewegt» (с. 136).

Таким образом, согласно Фатеру, в русской грамматике устанавливаются «Praeteritum indefinitum» *dwigał*, «Praeteritum perfectum» *sdwigał*, «Futurum perfectum» *sdwigaiu*, «Perfectum simplex» *dwinuł* и «Futurum simplex» *dwinu* (с. 136). Поскольку и Фатер употребляет «Perfectum» вместо «Praeteritum», то для формы *dwinuł* появляется странное обозначение «Perfectum simplex» (с. 136) вместо ожидаемого «Praeteritum simplex», которое мы видим у Хайма (1804: 109). Ср. вариантный термин «perfectum simplex» (*дерзну́лъ*, *стукну́лъ*) уже у Ломоносова (1764: 206).

Использованное в аспектуальном значении слово «unbestimmt» (с. 135) восходит к грамматике Хайма (1804), Родде (1773) и далее к переводу (Ломоносов 1764). Обозначение «praeteritum indefinitum» (с. 136) перекликается с текстом Хайма (1789: 86), (1804: 108). Эти факты показывают, что уже в 1805 году Фатер знал такое аспектуальное значение атрибутов «unbestimmt», «indefinitum», «perfectum» и «simplex», какого они достигли в русской грамматике Хайма (1804).

Итак, в своей всеобщей грамматике Фатер вводит в немецкоязычное грамматическое описание, в немецкую традицию, аспектуализованную комбинацию «verbum perfectum» (с. 113), оставляя вместе с тем неотмеченным «verbum imperfectum». В 1805 году Фатер находится еще как бы в плену у фреквентатива; существует мнение, что ему еще не были известны инновации «słowo dokonane - niedokonane» («verbum perfectum - imperfectum») Копчинского (1778)[435]. Как бы то ни было, аспектуальный термин «verbum perfectum» обусловлен спецификой славянского глагола.

Как уже говорилось, происходит смена роли аспектуального эпитета (или возникновение функциональной двойственности атрибута) - переход от позиции в составе времени в позицию при глаголе как части речи: «tempus perfectum» - «tempus imperfectum» -> «verbum perfectum» - «verbum imperfectum» -

[435] См. сюда Мазон (1913: 351).

«verbum frequentativum». Определенным образом этот процесс связан с «forma perfecta» Доната (см. выше). Любопытно также, что термина *tempus frequentativum в сущности никогда не существовало, за исключением сокращения у Росы (1672) и кальки «plusquamperfectum frequentativum» у Хайма (1804) (см. выше).

7.1.3. «Verba niedokonane» - «Verba dokonane» - «Verba frequentativa» Фатера (1807)

Вместе с учебником всеобщей грамматики (1805) грамматика польского языка Фатера создает и поддерживает связь между западнославянской и восточнославянской грамматическими традициями. Вообще Фатер содействует распространению западных течений в описании славянских грамматических явлений и развивает немецкоязычное описание польской грамматической терминологии и фактов польского языка[436].

Несмотря на то, что Фатер знаком с традицией Копчинского, он все еще не проводит принципиального различия между количественной и собственно видовой аспектуальностью, в частности между имперфективностью и итеративностью: он находится в плену у фреквентатива. Любопытно, что Фатер не принимает парного термина «verbum perfectum - verbum imperfectum», использованного в качестве параллели Копчинским, а прибегает к весьма оригинальным латино-немецко-польским названиям «Verbum dokonane», «Verbum niedokonane».

Фатер совмещает два класса разного аспектуального статуса Копчинского (1778: 32). В классификации Фатера (1807: 25) устранены сингулярные глаголы первого количественного разряда («Słowa Jednotliwe») («singularia»), а «frequentativa» включены в качестве третьего члена в один ряд с глаголами «Niedokonane» и «Dokonane» второй, собственно видовой классификации Копчинского (см. выше). Вследствие этого в разряд фреквентативов попадают и собственно фреквентативы (*pisywam*) и парновидовые имперфективы (*rozdzieram*), а в группу «Niedokonane» почти одни только бесприставочные имперфективы (*piszę*, *drę*). Однократность, как и длительность действия («so wohl einmalige als dauernde Handlung») отмечаются при глаголах *zwyciężam* и *zwyciężę* (с. 26), но без надлежащего системного статуса этих признаков.

Отказываясь от двойной четырехчленной системы Копчинского, Фатер составляет смешанную трехчленную систему: «Verba niedokonane» - «Verba dokonane» - «Verba frequentativa», которая иллюстрируется примерами *powołuię* - *powołam* - *powoływam* «ich berufe oft», *równam* - *porównam* - *porównywam* «ich vergleiche oft», *poznaię* - *poznam* - *poznawam* «ich erkenne mehrmals» (с. 25), *piszę* - *napiszę* - *pisywam* «ich schreibe oft» (с. 26) и т. д. В ряде случаев в тройках примеров отсутствует или «Verbum niedokonane» (*puszczę* - *puszczam* «ich lasse oft») (там же), или же «Verbum dokonane» (*mam* - *miewam*, *biegę* - *biegam* «ich laufe oft») (с. 25). Колонка же фреквентативов никогда не пустует. Если даже глагол не имеет

[436] В предисловии Фатер (1807: III) ссылается на свою книгу от 1805 г. и на учебник Копчинского (1778).

формы фреквентатива («Frekventativ-Form»), для выражения повторяющегося действия добавляется слово *często* «oft» или же для обозначения как единичного, так и повторяющегося действия употребляется глагол «das Verbum niedokonane», например *dogadzam* (с. 27). Помимо самого частого «oft», фреквентативы толкуются наречиями «mehrmals», «wiederholt», а также словами «fortdauernd», «fortfahrend» (с. 25-27), которые итерации не означают.

В качестве примеров глаголов «Verba niedokonane» и «Verba dokonane» Фатер приводит в первую очередь бесприставочные имперфективы и приставочные перфективы типа *równam - porównam*, которые, как известно, видовой пары не образуют.

По мнению Фатера, приставки часто выражают одно лишь понятие завершения («den Begriff der Vollendung»): *dokonać* «vollendet haben», *nachodzić* «genug gegangen seyn», *naieść*, *podieść się* «sich satt gegessen haben», *odrabiać* «abgearbeitet haben» и т. д. (с. 28). Следовательно, Фатер описывает здесь процесс приставочной перфективации, причем он признает и приставочное образование фреквентативов. Понятие завершения в смысле перфективного действия отражается и в таких истолкованиях, как *przeczytać* «durchgelesen haben» (там же).

Трехчленное деление Фатера показывает наглядно, что фреквентативы приобретают равноправное положение с парновидовыми имперфективами и затушевывают первичную видовую оппозицию перфективов и имперфективов. Так, глагол *puszczę* находится в группе «Dokonane» (с. 26), а *puszczam* «ich lasse oft» занимает место в колонке «Frequentativa», хота его правильное место было бы среди глаголов «Niedokonane». С другой стороны, наряду с глаголом «niedokonane» *wynoszę* фигурирует лишь фреквентатив *wynaszam* «ich trage oft hinaus (там же), а глагол *wyniosę* в список примеров совсем не включен. Вместе с тем трехчленная система Фатера подрывает основы подлинной, довольно удачной классификации Копчинского, и вообще чешско-польской традиции. Следует, однако, обратить внимание на то, что вслед за Копчинским и Фатер придерживается аспектуальной классификации *глаголов*, а не времен[437].

Все это говорит о том, что, несмотря на терминологическую пару «dokonane - niedokonane», понятие о видовой соотносительности глаголов в смысле Копчинского, как и система Копчинского в целом полностью не открылись Фатеру, а фреквентатив завоевал себе статус, который ему не надлежит. Порой получается впечатление, что видовую пару Фатер означает словами «Verba dokonane» и «Verba frequentativa», но, как было показано выше, и эти термины применяются к языковому материалу непоследовательно. По всей вероятности, на возникновение трехчленной системы Фатера оказал влияние новый статус фреквентатива в русской грамматике Хайма (1804).

В работах Фатера, как и во многих трудах его предшественников и последователей мы сталкиваемся с известным подходом к парновидовости, который ставит на

[437] К сожалению, в нашем распоряжении не было таблицы «Tempora der Verba dokonane und niedokonane» (с. 33), и поэтому мы не знаем, какое место фреквентативы занимают в темпоральной системе.

первое место префиксальную перфективацию, но не учитывает гораздо более важной суффиксальной имперфективации. Как уже говорилось, одной из причин этого было неразличение грамматического имперфектива и омонимического акционс-артного фреквентатива.

7.1.4. Зародыш привативного деления русских глаголов и аспектуальная система трех рядов у Фатера (1808)

1. На фоне изложенных выше работ и деятельности Йоханна Северина Фатера не подлежит сомнению, что он обладал наилучшими теоретическими предпосылками для правильного описания русского глагола.

Глубокое знание традиции славянской грамматики мы видим в обширном введении к русской грамматике, где автор рассматривает основные теоретические предпосылки описания глагольных категорий сквозь призму данных предшествующих эпох. Так, реферируя славянскую грамматику традиции Смотрицкого[438], Фатер говорит о первообразном («primitivum») по «виду» глаголе, называемом иначе перфектным («perfectum») (*чту*, *стою*), и производном («derivativum») по «виду» глаголе, который является или инхоативным («inchoativum») на *ѣю* (*каменѣю*, *белѣю*) или фреквентативным («frequentativum») на *аю* или *яю* (*читаю*, *творяю*) (с. XXIV). Там же Фатер приводит «видъ совершенный» («perfectus») (*чту*) и «видъ учащательный» («frequentativus») (*читаю*, *творяю*) Смотрицкого, сопоставляя их с «forma perfecta» и «forma frequentativa» Доната (с. XXV). Как видно, в этих терминологических комбинациях только атрибут «perfectus» не имеет при себе стержневого слова. Так, здесь у Фатера как бы нет подходящего латинского слова для перевода слова «видъ» (ср.: «видъ совершенный» = «**x** perfectus»). «Правильными» соответствиями были бы «species perfecta» или «forma perfecta»[439], из которых последнее (в соответствии с донатовой традицией) действительно употребляется Фатером для передачи термина «видъ совершенный» (там же). Здесь же приводятся шесть времен Смотрицкого, из которых нас интересует лишь «непредѣлное, ἀόριστος, was вмалѣ совершенно vergangen ist: *прочтохъ*, *творяахъ* (sic!)» (там же).

Таким образом, Фатер оказывается чуть ли не единственным грамматистом начала XIX века, который для предварительного пояснения основных принципов изложения, использует «видъ совершенный d.i. perfectus» и «видъ учащательный d.i. frequentativus», а также «начертанїе» и ряд других терминов в старинном значении традиции Смотрицкого (с. XXII-XXVI).

В грамматике Фатера появляется наконец (временно) «пропадавшее» соответствие «verbum perfectum» - «ῥῆμα τέλειον» (с. XXII), о котором говорилось выше. Фактически мы находим у Фатера точные соответствия традиций Смотрицкого, Дионисия Фракийского и Доната, ср.:

---

[438] Об отмеченной Фатером грамматике 1719 г. см. Добровский (1822: LXI). О грамматиках традиции Смотрицкого, использованных Фатером, см. Булич (1904: 734).

[439] О термине «species perfecta», которого, в частности, нет у Присциана, см. в приложении.

> «Es soll nämlich bei dem Verbum betrachtet werden 1) **залогъ** d. i. im Griechischen διάθεσις, nämlich ob das Verbum activum sey oder passivum u. s. w. 2) **начертанїе** d. i. σχῆμα, nämlich ob das Verbum simplex od. compositum sey, 3) **видъ** d. i. εἶδος, nämlich ob das Verbum primitivum (первообразный) und perfectum (совершенный, τέλειος), oder derivativum sey, welches letztere wiederum entweder inchoativum oder frequentativum ist, 4) der Numerus, 5) die Person, 6) **наклоненїе** d. i. der Modus, 7) die Zeit, 8) das Geschlect, 9) die Conjugation, welche entweder regulär oder irregulär ist» (c. XXII).

Несмотря на то, что, по мнению Фатера, большинство из этих категорий все еще сохраняется в русской грамматике (там же), нам следует помнить, что здесь речь идет о фоновых сведениях, предшествующих описанию собственно русских категорий Фатером[440].

При этом существенно также указание на трактовку польского глагола в грамматике Копчинского, по которой Фатер проверил свои собственные исследования по русскому глаголу (c. XXIV). По собственным словам Фатера (c. XXXI), он пользовался также переводом русской грамматики Ломоносова (1764). В разделе «Berichtigungen der Heymischen Grammatik» (c. XXIX) Фатер комментирует учебник Хайма (1804) без особых нововведений.

2. Переходя к описанию фактов русского языка, Фатер вводит один из своих основных принципов, по которому в русском языке от одной основы («von Einem Stamme») обычно производится ряд глаголов, из которых каждый имеет свою форму настоящего, прошедшего и будущего, свой императив, инфинитив, причастие и деепричастие. Имея в виду Академическую грамматику и Хайма (1804), Фатер отмечает попытки объединить в один глагол («in *Ein Verbum*») разные глаголы с их разными инфинитивами и разными образованными от них временами[441]. В качестве примера Фатер здесь приводит форму *двинулъ*, которая, по мнению автора, по лишь своей форме не находится в прямом отношении к *двигаю* (c. XXII). В связи с этим Фатер приводит употребление, узус («Sprachgebrauch») в качестве существенного критерия определения того, когда разные формы относятся к одному глаголу (там же).

Фатер задается вопросом, почему к русскому глаголу не применялся такой же подход, как к греческому, в котором формы разного происхождения, например *ἐτύφθην* и *τύπτω*, признаются формами одного глагола (c. XXIII). Согласно Фатеру, для русского языка это еще более необходимо, так как в русском языке, в отличие греческого, в *объединение времен одного глагола* («Verein der Tempora zu Einem Verbum») почти всегда входит еще и приставочная форма (там же). При этом особо подчеркивается, что в этих языках формы разного проис-

[440] Согласно Х. М. Сёренсену (1943: 221), Фатер (1808) якобы использовал «vid» применительно к оппозиции русских перфективных и имперфективных глаголов, и у Рейфа (1821) якобы фигурировал «aspekt» (sic!) в качестве эквивалента русского «vid». Одинаково ошибочно утверждение автора, что «vid» в русской (sic!) грамматике Смотрицкого (1619) отражает различие между «durative og iterative verber» (там же). Неточные данные Сёренсена относительно «вида» у Фатера повторяются затем у Дитриха (1973: 119).

[441] Еще Добровский (1820: XXIV) обратил внимание на то, что Копитар (1808: 303) и Фатер (1808: XXII) в одно и то же время критиковали метод русской грамматики «mehrere Formen zusammen zu werfen», где под словом «Formen» понимаются глагольные классы, а не формы вообще.

хождения, т. е. формы, образованные путем разной деривации от одной основы («von Einem Stamme»), срослись в одном глаголе в употреблении («durch den Gebrauch zu Einem Verbum zusammen gewachsen sind») (там же).

Итак, в русском языке эти троякие или четвероякие отрасли времен («die drei- oder viererley Branchen der Tempora»), которые теперь срослись в одном глаголе («die itzt zu Einem Verbum zusammengewachsen sind»), идут совершенно параллельно, и каждая отрасль («Branche») имеет столько же одинаково образованных времен, как и другая (т. е. настоящее, прошедшее и будущее). Фатер задает вопрос: не естественно ли было сказать, что так называемый «Infinitivus indefinitus» со своим настоящим, прошедшим и описательным будущим, «Infinitivus perfectus», отчасти «Infinitivus simplex», и наконец так называемый «Infinitivus frequentativus» со своими формами времен составляют каждый свою отдельную отрасль? («jedes eine Branche für sich») (с. XXIII). Отметим особо, что здесь говорится о разрядах времен, а не глаголов.

Итак, под выражением «jedes eine Branche für sich» понимается разряд, который объединяет отдельные темпоральные формы и некоторые формы инфинитива и императива в соответствии с одним из трех или четырех аспектуальных признаков, обозначаемых атрибутами «indefinitus», «perfectus», «simplex» и «frequentativus» (с. XXIII)[442].

Для настоящего неопределенного («Präsens indefinitum») на *аю* или *яю* (*двигаю*) характерно, что оно не выражает полностью совершенного действия («keine völlig vollbrachte Handlung»), а отличается неопределенностью действия («die Unbestimmtheit») от времен со значением полного или однократного завершения («entweder völlige, oder eben und einmal geschehene Vollendung»), связанных с инфинитивами «Infinitivus perfectus» и «Infinitivus simplex» (с. XXIV).

Свое представление о первообразных и производных глаголах Фатер поясняет так: Все глаголы на гласный *ю* или на *у*, которому предшествует согласный (*бѣгу*, *валю*), являются первообразными («ursprüngliche»), а остальные глаголы на *аю*, *яю* (*двигаю*, *мѣряю*, *валяю*), а также глагол с «Infinitivus simplex» на *нуть* и его времена - производными («abgeleitete»). Производным считается также заведомо фреквентативный («das anerkannt frequentativische») *бѣгаю*, возникший как производная «форма» («die abgeleitete Form») от первообразной «формы» («die ursprüngliche Form») *бѣгу* (с. XXIV).

Употребление здесь слова «die Form» в функции «вида» Смотрицкого и «forma» Доната позволяет нам установить у Фатера преемственность: «εἶδος» - «видъ» - «forma» - «die Form» (с. XXII-XXIV).

Подобно польскому языку, русский язык имеет весьма многие фреквентативные формы («Frequentativform») с *ываю* или *иваю*. Однако не все глаголы с этими формантами выражают повторяемость действия («die Wiederholung der Handlung») (с. XXVII). Так как исключительно многие производные глаголы

[442] Ср. сюда реферат текста Фатера (1808: XXII-XXIV), осложненный словами «неопредѣленное» и «неокончательное» у Булича (1904: 734-736).

образуются посредством *ываю* или *иваю*, глаголы на *аю* и *яю* оказались как бы в положении первообразных («primitiva»). Вместе с тем почти все такие производные образуются от глаголов на *ю* или *у*, которому предшествует согласный (там же).

Несмотря на то, что Фатер предостерегает от двоякого значения слова «simplex», он сам оказывается первым, кто как бы случайно, по недосмотру, использует сочетание «verbum simplex» в его чисто аспектуальном значении семельфактивного глагола: «...*сталъ* hat zu seinem unmittelbar verwandten Futurum *стану*, welches die Form eines *Verbi simplicis* ist» (с. XXVIII). Так, проявляя последовательно конечный этап аспектуализации атрибута «simplex», важнейшие новшества «Verbum actionis simplicis», возникшее из него «Verbum simplex» и наконец «actio simplex» Фатера (с. XXVIII и сл.), предваряют становление глаголов «Verba simplicia» у Таппе (1810).

Мы считаем бесспорным, что выражением «drei- oder viererley Branchen der Tempora» Фатер указывает на три или четыре семантические разновидности аспектуального характера (совр. неопределенность, семельфактивность, перфективность и итеративность), причем формы типа *двигалъ*, *двинулъ*, *двигивалъ* рассматриваются им как формы, которые срослись в одном глаголе, т. е. входят в *объединение времен одного глагола* (с. XXIII) (о приставочных образованиях типа *повалилъ*, *повалю* см. ниже). Из этого следует, что слово «Branche» в указанной функции представляет собой один из основных прецедентов категориального названия собственно грамматического вида[443].

Первое чисто формальное деление глаголов («Arten der Verba der Form nach») заключается в том, что по формам первого и второго лица настоящего времени (и с незначительными изменениями вслед за Академической грамматикой и Хаймом) выделяются четыре спряжения. Во-вторых, Фатер представляет классификацию, в которой глаголы разбиваются по форме первого лица настоящего времени на *ю* и на *у* и по разным чередованиям предшествующих им звуков, на 17 типов: *двигаю*, *воюю*, *мѣряю*, *валю*, *пеку*, *сохну*, *пишу* и т. д. (с. 55-59)[444]. Для нас особый интерес представляют собой метаязыковые выражения

[443] В литературе по русской грамматике аспектуальные концепции Фатера обсуждались неоднократно. Еще Шафранов (1852: 14, 58) полемизировал с Фатером и Таппе по канонизации самостоятельных глаголов на *нуть* и *ывать*. На Фатера и Таппе как первых, кто «учуял особенность учения о видах русского глагола», указывал уже Н. Некрасов (1865: 10, 118). По мнению Балицкого (1876: 25), за Фатером «остается честь указания и возобновления видов в русских глаголах». О грамматике и аспектуальных концепциях Фатера писали также Крыгин (1889: 419), Вейсман (1899: 114), Булич (1904: 537, 733, 734, 735, 736, 1010, 1023, 1024), Мазон (1913: 351, 353). По мнению Калинина (1940: 169), Фатер «не справился с задачей расчленения ломоносовского спряжения и тем самым обесценил свои теоретические положения». См. далее Регнелль (1944: 9-10), Григорян (1955: 12), Виссеманн (1958: 351, 363), Поллак (1960: 31), Тихонов (1965: 93). По мнению С.-Г. Андерссона (1972: 19), Фатер первым трактует русскую аспектуальную систему как самостоятельную категорию. Согласно Бидерманну (1981: 110), современная русская грамматика обязана осмыслением и описанием видовой системы в конечном счете Фатеру и Таппе, Болдыреву и Капнисту (ср. наш «Аноним» 1816). По Виноградову (1947/1972: 380), на Фатера и далее даже на Таппе оказывали якобы влияние взгляды Болдырева через переписку Фатера с Болдыревым (ср. Болдырев 1816: 113-114).

[444] В своей рецензии Добровский (1814a: 201) упрекает Фатера в сложности 17 глагольных парадигм, отмечая возможность объединения их в трех «парадигмах» по окончанию *em*, *om* и *im* в форме настоящего времени страдательного причастия: 1. *dwigaju*, *wladieju*, *moju*, *koliu*, 2. *gnu*, *pletu*, *peku*, 3.

«Arten der Verba», «Hauptklassen» и «Unterarten», применяемые Фатером к этим классам и подклассам глаголов.

Однако гораздо более важным оказывается деление глаголов по их значению («Arten der Verba in Betreff ihrer Bedeutung») (с. 59), по которому собственно фреквентативными глаголами («Verba frequentativa») являются: *бѣгаю* «ich laufe oft und viel» от *бѣгу́* «ich laufe», *дава́ю* от *даю́*, *лета́ю* от *лечу́*, *роня́ю* от *роню́* (с. 60). Так, здесь содержание фреквентативных глаголов обозначается словами «oft und viel». При этом указывается на множество глаголов на *ываю* и *иваю*, которые часто имеют нечто фреквентативное («etwas frequentativisches») в своем значении (там же).

По словам автора, самое важное распределение русских глаголов по значению («Die wichtigste Abtheilung der Russischen Verba») заключается в том, что одни глаголы означают продолжительно (длительно) происходящее действие (или полностью не доведенное до конца действие), а другие - полностью доведенное до конца действие. Это основное аспектуальное противопоставление Фатер описывает словами: «eine fortdauernd geschehende Handlung (eine noch nicht völlig zu Ende gebrachte Handlung)» - «eine völlig zu Ende gebrachte Handlung» (с. 60, 61). Ср. «die völlig zu Ende kommende Handlung» (*я повали́лъ*) (с. 65), «eine völlig zu Ende zu bringende Handlung» (*повалю́*) (с. 66).

Примечательно, что именно к этому, бесспорно, самому существенному семантическому делению глаголов на две разновидности Фатер применяет терминологическое сочетание «Arten der Verba». Данное противопоставление, которое в основном проявляется в пределах дихотомии «tempora indefinita - tempora perfecta», пронизывает всю весьма сложную темпорально-аспектуальную систему во всех наклонениях и как в действительном, так и в страдательном залоге. Однако в тексте Фатера регулярные аспектуальные термины фигурируют только при темпорально-аспектуальных формах. Вместе с тем такой категории и термина, как «tempora frequentativa» у Фатера нет[445].

Сочетание «Arten der Verba» Фатера приобретает особую значимость именно в силу его применения не к любому глагольному разряду, а к специфической аспектуальной классификации глаголов. Знаменательно, что эта специфичность обусловливается довольно ограниченным числом глагольных разрядов. По сути дела «Arten der Verba», отражающий общий принцип классификации, оказывает дальнейшее влияние на формирование взглядов Таппе, Греча, Болдырева и других.

Примечательно, что при двух разрядах глаголов, отмеченных в «важнейшем делении русских глаголов» (с. 60), Фатер не говорит ни о «глаголах», ни о «формах» глаголов, не приводит специфических названий, а глаголы опреляются только по содержанию:

---

waliu, liubliu. При этом формулировка «tempora perfecta oder simplicis actionis» Добровского (1814a: 204), указывающая на списки глаголов Фатера (1808: 85 и сл.), показывает ясно, что атрибут «simplex» превратился полностью в аспектуально-семантический термин.

[445] Ср. выше «Tempora frequentativa» у Родде (1773: 80).

> «Die wichtigste Abtheilung der Russischen Verba, welche aber durch die gegenwärtige Formation derselben gewissermassen verwischt ist, ist die, dass sie I) theils eine fortdauernd geschehende Handlung bedeuten, II) theils eine Handlung, in so fern ihr völliges zu Ende bringen betrachtet wird. Die Wörter der ersteren Art haben in ihrem Begriffe etwas frequentativisches, ob sie wohl deshalb nicht alle eigentliche Frequentative sind, sondern oft noch Frequentative neben sich haben; sie bedeuten immer eine noch nicht völlig zu Ende gebrachte Handlung, und das von ihnen gebildete Praeteritum ist daher immer nur ein Imperfectum, oder Praeteritum indefinitum. Diese ganze erstere Art endigt grösstentheils auf Аю, sehr oft auch auf ыВАю (ИВАю), oder auf Яю, und hat häufigst neben sich ein anderes Verbum von eben demselben Stamme, welches aber a) entweder nach dem Endconsonanten (statt jenes аю oder яю) blos у oder ю hat, oder b) mit einer Präposition zusammengesetzt ist, und wovon dann sowohl a als b die Eigenthümlichkeit hat, dass diese Praesens-artige Form auf у od. ю oder des zusammengesetzten Verbi die Bedeutung eines Futuri (exacti) hat» (с. 60).

В качестве примеров приводятся следующие глаголы и их формы (мы сохраняем здесь порядок подлинника, играющий определенную роль в презентации целостной системы): «Praesens» (*раздѣля́ю*, *ука́зываю*, *валю́*, *учу́*), «Praeteritum indefinitum oder Imperfectum» (a) (*раздѣлялъ*, *указывалъ*) (b) (*валилъ*, *училъ*), «Praeteritum perfectum» (*раздѣлилъ*, *указалъ*, *повалилъ*, *научилъ*), «Futurum perfectum» (*раздѣлю*, *укажу*, *повалю*, *научу*) (с. 61). Примечательно, что аналитическое будущее «Futurum indefinitum (imperfectum)» здесь не отмечается.

Как видно, неопределенными прошедшими (имперфектами) являются как приставочные (*раздѣлялъ*, *указывалъ*), так и бесприставочные формы (*валилъ*, *училъ*). Прошедшее неопределенное *валилъ*, перфектное прошедшее *повалилъ* и перфектное будущее *повалю* являются формами бесприставочного глагола *валю́*, тогда как *раздѣлялъ*, *раздѣлилъ* и *раздѣлю* - это формы приставочного глагола *раздѣля́ю*, а не глагола *дѣлю* (с. 61).

Кроме указанных выше, значительное количество глаголов на *аю* или *яю*, или на *ю* или *у* (*дыхаю*, *колю*) имеют при себе еще глагол от той же основы («ein anderes Verbum desselben Stamms») (*дыхну*, *кольну*), который имеет значение единичного, а также полностью доведенного до конца действия или события («die Bedeutung einer einmaligen, aber auch völlig zu Ende gebrachten Handlung oder Begebenheit») и вместе с тем в форме, сходной с настоящим временем, значение будущего «Futurum exactum» (*дыхну*, *кольну*) (с. 61). Ср. определения этих форм во втором издании: «Perfectum actionis simplicis» (*дыхнулъ*, *кольнулъ*), «Futurum actionis simplicis» (*дыхну*, *кольну*) (Фатер 1814: 116).

Здесь знаменательно сочетаются значения единичного и полностью завершенного действия, причем признак полного завершения («*völlig zu Ende* gebrachte Handlung») (с. 61) характеризует как глаголы (и формы глаголов) типа *раздѣлить*, *указать*, *повалить*, *научить*, так и такие глаголы, как *кольнуть*, которые имеют добавочный признак единичности (однократности). Ср. экспликацию «die völlig vollendete Handlung» (*повалилъ*, *повалю*, *повалить*, *укололъ*, *уколю*, *уколоть*) с атрибутом «*vollendet*», который встречается только в таблице № IV.

Во второе издание Фатер добавил пояснение, каким образом форма настоящего в присоединении приставки приобретает значение перфективного будущего (*раздѣлю*, *повалю* и т. д.): как только смысл настоящего соединяется с понятием завершения («mit dem Begriff der Vollendung»), то оно будет перенесено в будущее (1814: 115).

Каждый из этих двух или трех глаголов, относящихся к одной и той же основе, образует времена по правилам своей парадигмы. Однако эти времена, фактически разного происхождения, принимаются, как при греческом глаголе, за *времена одного глагола* («Tempora *Eines Verbi*») (с. 61). Ср. также «Tempora *eines und ebendesselben Verbums*», «in *Ein Verbum*» (с. XXII), «als *Ein Verbum* betrachtet» (с. 62), подчеркивающие объединение определенных темпоральных форм в одном глаголе. Иными словами, Фатер говорит о «близкородственных» глаголах, объединяемых общей основой (*двиг-*, *кол-* и т. п.), времена которых вместе взятыми составляют *объединение темпоральных форм одного глагола*. Из множества аспектуальных признаков вытекает и значительное количество времен в русском языке («Bedeutende Anzahl der Tempora des Verbi im Russischen») (с. 61).

Весьма важное наблюдение заключается в том, что в пределах *главного деления глаголов по значению* («Hauptabteilung der Verba in Betreff ihrer Bedeutung») глаголы со значением полностью доведенного до конца (завершенного) действия и единичного действия («beiden *Arten von Verbis*») типа *раздѣлить* и *кольнуть*) противопоставляются всегда глаголам на *аю* или *яю* (*раздѣлять*) (с. 61).

Во втором издании Фатер несколько изменил определение «самого важного деления» русских глаголов, добавив, по-видимому, под влиянием Таппе (1812), к двум разрядам содержательное противопоставление неопределенности («unbestimmt») и определенности («bestimmt»): «eine mit *unbestimmter* Fortdauer geschehende Handlung») - «die in sich selbst *bestimmte*, in sich selbst abgeschlossene und vollendete Handlung» (Фатер 1814: 114, 115).

Там же выражение «eine unbestimmte Dauer» противопоставляет неопределенное действие единичному («mit Einem Male») и определенно завершенному или завершимому действию («eine bestimmt zu Ende gegangene oder gehende Handlung») (Фатер 1814: 126). Ср. также «Verba von unbestimmter Bedeutung» (с. 140, 144). Заимствованным у Таппе термином «Verbum indefinitum» указывается на собственно приставочные глаголы типа *показываю* (с. 140). Единственное место, где Фатер использует атрибут «definitum», касается значения перфектного прошедшего *взалкалъ* (1814: 128).

В разделе, в котором описывается образование времен и наклонений, Фатер приводит интересную систему трех рядов времен, составленную по их аспектуальным свойствам. Оперируя основным составом времен Ломоносова и желая подчеркнуть аспектуальную характеристику целостной системы (осознанную и самым Ломоносовым), Фатер перегруппировал десять времен в три аспектуальных ряда: «indefinitum» - «simplex» - «perfectum»:

«1. das Praesens.

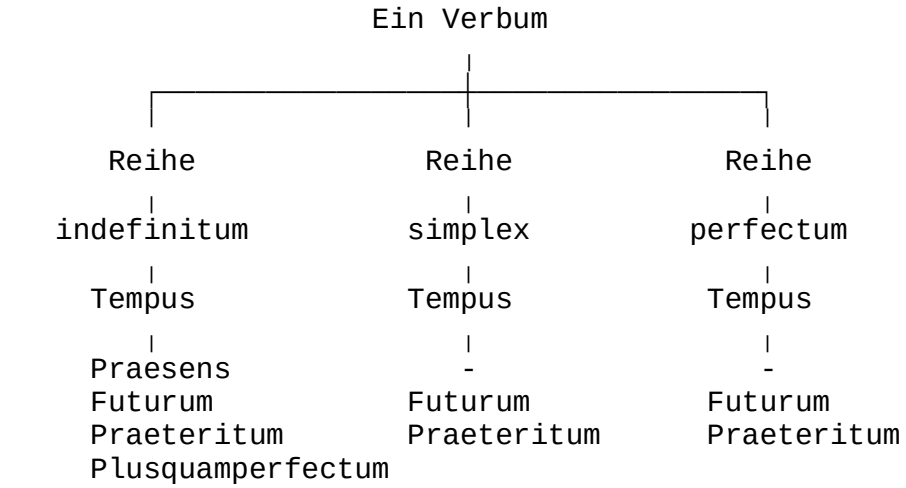
8. Futurum indefinitum (imperfectum)	9. Futurum simplex	10. Futurum perfectum
2. Praeteritum indefinitum od. Imperfectum	3. Praeteritum simplex d.i. einer mit einem Male zu endenden Handlung	4. Praeteritum perfectum d.i. einer völlig zu endigenden Handlung

5-7. Plusquamperfectum, I. (II. III.)» (с. 62).

Здесь небезразличен порядок описания форм. Вертикально расположены основные времена «Praesens», «Futurum», «Praeteritum», а в горизонтальном порядке, слева направо, представлены три аспектуальные группы с характеристиками: «indefinitum» (с вариантом «imperfectum»), «simplex» и «perfectum» (с. 62)[446]. Любопытным образом и в этом расположении базовые немаркированные позиции занимают «Praesens» и «indefinitum» («imperfectum»). Место настоящего времени говорит о его специфическом статусе как исходного базового темпуса. Согласно автору, второй и третий плюсквамперфект не выступают часто (с. 63).

Синонимическими терминами являются «Praeteritum indefinitum» и «Imperfectum», в то время как обозначение «Praeteritum imperfectum» не используется Фатером. Обратим внимание на то, что настоящее время и плюсквамперфект находятся в ряду «indefinitum» (ср. «Präsens indefinitum») (с. XXIV). Плюсквамперфекту приписывается постоянный признак повторяемости действия («der Begriff einer wiederholten Handlung») (с. 62).

Схема № 35. Система трех аспектуально-темпоральных рядов («drei Reihen») Фатера (1808)[447]



[446] См. сюда Виссеманн (1958: 363-364).

[447] См. Фатер (1808: 62-67), Фатер (1814: 117-122), где глагол валю́ заменен глаголом палю́.

Ein Verbum: **Reihe**:
indefinitum: Tempus:
das Praesens - *дви́гаю, валю́*
Futurum indefinitum - *бу́ду дви́гать, бу́ду вали́ть*
Praeteritum indefinitum od. Imperfectum - *я дви́галъ, я вали́лъ*
Plusquamperfectum - *я дви́гивалъ, я ва́ливалъ*
simplex: Tempus:
Futurum simplex - *двину*
Praeteritum simplex - *я дви́нулъ*
perfectum: Tempus:
Futurum perfectum - *повалю́*
Praeteritum perfectum - *я повали́лъ*

Как видим, сами типовые глаголы *двигать* и *валить* разных типов спряжения обнаруживают значительную дефектность. Глаголу *двигать* недостает форм «Praeteritum perfectum» и «Futurum perfectum[448], глагол же *валить* не имеет времен «Praeteritum simplex» и «Futurum simplex». Ср. выше включение в парадигму простого глагола *двигать* приставочных образований типа *сдвигать* в РГ (1802: 192-194) и у Хайма (1804: 109-111).

Следовательно, подобно Ломоносову, три основных ряда Фатера устанавливаются по аспектуальным характеристикам, обозначенным атрибутами при темпоральных формах и инфинитивах. Вместе с тем данные атрибуты не применяются к глаголу, и поэтому в пределах основной системы Фатера сочетания *verbum indefinitum, *verbum simplex, *verbum perfectum не фигурируют[449].

В неспрягаемых формах выступают следующие названия инфинитива: 1. «Infinitivus indefinitus» (*двигать*) (табл. III), (*показывать, выдви́гивать*) (с. 118), 2. «Infinitivus simplex» (с. XXIII), ср. «Infinitiv des Praet. simplex» (*двинуть*) (табл. IV), 3. «Infinitivus perfectus» (*показать, выдвига́ть*) (с. 118), ср. «Infinitiv des perfecti» (*повалить*) (табл. IV), 4. «Infinitivus frequentativus» (с. 63), (*двигивать*) (табл. III).

Каждый из трех рядов («drei Reihen») образует свой императив, инфинитив, деепричастия и причастия, и таким образом русский глагол распадается как бы на три системы образования («gleichsam in die drei Systeme der Formation»), которые вкладываются друг в друга так, что они рассматриваются как один глагол («als *Ein Verbum*»), который состоит из 10 времен и трояких императивов, инфинитивов и трояких деепричастий и причастий (с. 62). Помимо основной трехчленной системы, Фатер говорит о фреквентативном инфинитиве («Infinitivus frequentativus») (*валивать*), о плюсквамперфекте (*валивалъ*), который имеет всегда фреквентативное значение, и об фреквентативных образованиях (глаголах) на *иваю* (*валиваю*), которые составляют как бы четвертую

[448] Ср. трактовку форм «сдви́галъ» и «сдви́гаю» в Академической грамматике (1802: 193, 194).

[449] Не соответствует действительности утверждение Виноградова (1947/1972: 380), что Фатер якобы различал «три основных вида - несовершенный (с тремя временами), совершенный (с двумя) и учащательный, или многократный», так как, во-первых, слово «учащательный» не входит в систему, описанную Фатером, и во-вторых, передача слова «Frequentativ» Фатера «учащательным» приводит к неправильному пониманию его аспектуальной установки. Кроме того, «совершенный» и «несовершенный» передают неточно «perfectum» и прежде всего «indefinitum» Фатера.

систему образования («gleichsam ein viertes System der Formation») (с. 63).

Фактически перед нами остроумная экспозиция трехчленной аспектуальной классификации, которая, естественно, восходит к системе Ломоносова, правильно осмысленной Фатером. Сопоставим латино-немецкие термины времен Фатера (1808: 62, 64-66) с латинскими параллелями в переводе грамматики Ломоносова (1764: 168) и у Хайма (1804: 80-82):

Ломоносов 1764:	**Хайм** 1804:
1. tempus praesens	Präsens
2. praeteritum imperfectum	Präteritum indefinitum
3. praet. singul. unitatis (praeteritum simplex)	Präteritum simplex
4. praeteritum perfectum	Präteritum perfectum
5. plusquamperfectum I	Plusquamperf. frequentativum
6. plusquamperfectum II	-
7. plusquamperfectum III	-
8. futurum imperfectum	Futurum indefinitum
9. futurum simplex	Futurum simplex
10. futurum perfectum	Futurum perfectum oder exactum

Фатер 1808:
1. Praesens, 2. Praeteritum indefinitum od. Imperfectum, 3. Praeteritum simplex, 4. Praeteritum perfectum, 5. Plusquamperfectum I. (6. Plusquamperfectum II.), (7. Plusquamperfectum III.), 8. Futurum indefinitum (imperfectum), 9. Futurum simplex, 10. Futurum perfectum.

Существенным фактом является установление атрибута «indefinitum», т. е. корректива, осуществленного Барсовым и в особенности Хаймом. Одинаково наглядно выделяется окончательная аспектуализация слова «simplex» в обозначении перфективной однократности. Название плюсквамперфекта не сопровождается атрибутом «frequentativum», хотя значение повторяемости этому времени и приписывается Фатером (с. 62-63).

Так, несмотря на семантическое деление, Фатер вводит парадигматику десяти времен (с. 63-67), которая в основном не отличается от системы, зафиксированной в переводе грамматики Ломоносова (1764: 168) и Хайма (1804) (см. схему и сопоставление). Мы ограничимся здесь содержательными экспликациями, освещающими концепции Фатера. Так, экспликации однократных («simplicia») и перфектных («perfecta») времен (с. 65) объединяются общим признаком завершения, достижения конца («zu Ende kommende), а различаются акционсартным признаком разовости («mit einem Male»). Экспликации второго и третьего плюсквамперфектов (с. 63) различаются в основном по однократности («vorlängst *einmal*») и многократности («vorlängst *mehrmals*») (см. выше Ломоносов 1764).

Русский глагол, сросшийся из столь многих и разнообразных форм («aus so vielerlei verschiedenartigen Formen zusammengewachsen»), часто не имеет всех десяти времен, а только некоторые глаголы являются полными («vollständig») по отношению к временам (с. 69). В этой связи Фатер, вслед за многими, констатирует возможность употребления неопределенного

прошедшего в случае, когда глаголу недостает времени «Praeteritum simplex» или «Praeteritum perfectum» (там же).

Впервые у Фатера мы сталкиваемся с весьма оригинальным наблюдением признака мгновенного наступления действия, противопоставляемого продолжительному (продолжающемуся) действию. По мнению автора, это различие существует в настоящем времени: «алчу» говорят «von einem *augenblicklichen und eben eingetretenen* Hunger», а формой *алкаю* выражается продолжительный голод («eine *fortdauernde* Hunger»). Сходное соотношение существует и между настоящими *даю* и *даваю*, *веду* и *вожу*, *везу* и *вожу*, *несу* и *ношу* (с. 101-102). В силу этого настоящие *алчу*, *даю* и т. п. могут называться настоящими единичного действия или события («Praesentia der *einmaligen* Handlung oder Begebenheit»). По значению настоящее первого типа является более узким («das Praesens mit der engeren Bedeutung»), чем настоящее второго типа («das Praesens mit der weiteren Bedeutung») (с. 102).

Вместе с тем, значение многих производных глаголов на *аю* (*алкаю*) колеблется между понятиями продолжения и повторения («zwischen dem Begriffe der *Fortdauer* und dem der *Wiederholung*»), так что эти глаголы не всегда просто фреквентативы, а обозначают также постоянное продолжение действия или состояния («das *Fortwähren* der Handlung oder des Zustandes») (с. 102).

В некотором смысле это наблюдение Фатера соприкасается с развивающимся описанием различия между предельными однонаправленными и непредельными неоднонаправленными глаголами движения (см. ниже). К сожалению, нам не удалось выяснить, имеет ли данный признак мгновенного наступления прецедент в предшествующей традиции.

В связи с однократными настоящими, Фатер странным образом приписывает значение «*Praeteritum actionis simplicis*» претеритальным формам *велъ*, *везъ*, *несъ*, утверждая, что оно тождественно значению форм на *нулъ* глаголов, имеющих времена «Tempora actionis simplicis» (с. 102). Среди глаголов данного типа исходным считается *носить*, однократным прошедшим («actionis simplicis») которого является *несъ* и неопределенным прошедшим («indefinitum») - *носилъ*, перфектное же прошедшее [*понесъ* и т. п.] образуется префиксом от *несъ* (с. 102-103). Фатер прав в том, что формы первого типа (*несу*, *несъ*) действительно имеют более узкое значение единичного действия, но ошибается в том, что данные формы якобы означают перфективную семельфактивность. Одним из поводов этого «заблуждения» послужила, по всей вероятности, как раз аспектуализация слова «simplex», о чем речь шла уже выше.

Описывая это же явление во втором издании, Фатер говорит об ограниченной группе глаголов, из которых одни служат для обозначения фреквентативного значения («die frequentative Bedeutung») (*хожу*, *вожу*, *ношу* и т. д.), а другие (*иду*, *веду*, *везу*, *несу* и т. п.) имеют более узкое и ограниченное значение («die *engere und beschränktere* Bedeutung») (Фатер 1814: 177). Относительно значения Фатер теперь выражается осторожнее, говоря, что более узкое значение, при котором повторяемость действия («Wiederholung der Handlung») немыслима, довольно близко к значению единичного действия («die einmalige Handlung») (там же). Нетрудно видеть, что здесь более объемное (фреквентативное) и более ограниченное значения связаны с терминами

«учащательный», «ограниченный», «die illimitirte», «unbeschränkte», «неограни́ченный» и т. п. Греча и Таппе, о которых речь будет идти ниже.

Некоторые глаголы имеют рядом с простым прошедшим на *нулъ* (*двинулъ*) сложное прошедшее на *нулъ* (*сдвинулъ*). Из них *сдвинулъ* является перфектным прошедшим («das Praeteritum perfectum»), а *двинулъ* - прошедшим временем один раз совершающегося действия («das Praeteritum der einmal geschehenen Handlung») (с. 108).

Так, согласно Фатеру, глаголы («die Verba»), образующие времена один раз совершающегося действия («Tempora der einmal geschehenden Handlung») добавлением элемента *ну*, *нулъ*, *нуть*, являются одинаковыми по значению в том смысле, что они в большинстве случаев указывают на действия, означающие какое-либо движение или звук; выражают часто однократность или мгновенность движения или звука («das Einmalige oder das Augenblickliche der Bewegung oder des Schalles»), например, «ich habe eben, ich habe einmal mit dem Kopfe genickt, eben, einmal gehustet, geniest» (имеются в виду формы *я кивнулъ*, *кашлянулъ*, *чихнулъ*) (с. 108).

3. Рассмотрим еще некоторые вопросы образования. В описании префиксального образования следует различать способ словообразования и способ грамматического формообразования. Основной принцип образования префиксом собственно сложного глагола, с одной стороны, и перфектных форм будущего и прошедшего - с другой, заключается в следующем правиле Фатера: почти ни один *собственно сложный глагол* (*списываю*, *показываю*) не возникает из присоединения препозитива к глаголу на *ю* или *у* с предшествующим согласным (*валю*, *пишу*, *кажу*), а препозитивы для образования собственно сложного глагола присоединяются без исключения к производным образованиям на *ываю* и *иваю* (*писываю*, *валиваю*, *казываю*), а часто также к производным на *аю* и *яю* (*бѣгаю*, *мѣряю*, *дѣляю*, *валяю*) (с. XXVII). В данном случае темпоральные формы *списываю*, *списывалъ*, *списалъ* и *спишу* входят в парадигму сложного глагола *списываю*. Эти глаголы составляют группу (a) Фатера (с. 61). См. также список этих глаголов (с. 85-100). Сюда относятся и некоторые бесприставочные глаголы (*являюсь*, *явился*) (с. 100).

Наоборот, присоединение приставки к глаголу на *ю* или *у* с предшествующим согласным (*валю*) вызывает перфектное будущее («Futurum perfectum») (*повалю*) или перфектное прошедшее («Praeteritum perfectum») (*повалилъ*) (с. XXVII). Следовательно, в данном случае формы *валю*, *валилъ*, *повалилъ* и *повалю* входят все в парадигму простого глагола *валю*. Ср. группу (b) Фатера (с. 61) и список этих глаголов (с. 70-81).

Кроме того, и собственно сложные глаголы на *ываю* или *иваю* образуют перфектные времена от «своих» первообразных («von ihren primitiven»), например глагол *списываю* имеет форму перфектного будущего *спишу*, образованную от примитива *пишу* (с. XXVIII). Аналогично перфектное прошедшее *списалъ* образуется от *писалъ*. С этим процессом связано «заимствование» префигируемых форм типа *пишу*, *кажу* и *писалъ*, *казалъ* (с. 81).

Так, говоря о префиксации, Фатер разграничивает два важных процесса. Собственно сложные глаголы («Verba compositа») (*списываю*, *вымѣряю*)

образуются, как правило, приставкой от производных глаголов («Verba derivativa») на *ываю*, *иваю* или на *аю*, *яю* (*писы-ваю*, *мѣр-яю*), тогда как присоединение приставки к простому глаголу с окончанием *ю* или *у*, которому предшествует согласный (*пиш-у*), влечет за собой или «Futurum perfectum» (*спишу*) или «Präteritum perfectum» (*списалъ*) (с. XXVII-XXVIII).

Здесь у нас нет ни возможности, ни даже необходимости, вникнуть во все «неправильные» моменты в данных приемах деривации. Укажем лишь на то, что, по мнению Фатера, изменение вида в префиксальной перфективации происходит в пределах формообразования, в префиксации темпоральных форм, тогда как в образовании собственно сложного глагола значение префикса добавляется к глаголу без какого-либо аспектуального изменения в новом сложном глаголе.

Хотя Фатер уделяет много внимания префиксации и суффиксации глагола и его форм времени, он не доходит до идеи суффиксальной имперфективации приставочного и бесприставочного перфектива.

Обратим внимание еще на образование темпоральных форм «Praeteritum perfectum» и «Futurum perfectum» (с. 69). От формы прошедшего и настоящего времени *бесприставочных* глаголов они образуются при помощи префикса так: *валилъ* -> *повалилъ*, *валю* -> *повалю* (с. 71). См. списки таких глаголов (с. 70-81). Здесь имеются в виду случаи, в которых, как правило, нет вторичной имперфективации в современном понимании: *алка́ю* - *взалкалъ* - *взалкаю* (с. 70), *валю* - *повалилъ* - *повалю* (с. 71)...*яснѣю* - *пояснѣлъ* - *пояснѣю* (с. 81).

Если же образование данных форм касается *приставочных* глаголов («Composita») на *ываю*, *иваю* или на *аю*, *яю*, то процессы образования происходят несколько иначе. Например, композитивные глаголы *выламываю* и *наваливаю*, которые имеют «свои» «Tempora indefinita», образуют эти времена заменой конечной части *аю*, *яю* на *ываю*, *иваю* так: *лом-аю* -> *вы-лам-ываю*, *вал-ю* -> *на-валиваю* (с. 82). От этих времен перфектные времена («Tempora perfecta») образуются следующим образом. Сперва образуется перфектное прошедшее («Praeteritum perfectum»): *вылам-ываю* -> *вылом-илъ*, *навал-иваю* -> *навал-илъ* (там же), от которого далее образуется перфектное будущее: *вылом-илъ* -> *выломл-ю*, *навал-илъ* -> *навал-ю* как бы по форме настоящего («als ob es dessen Praesens-Form wäre») (там же). См. соответствующие списки в основном приставочных глаголов типа *наваливаю* (с. 85-100), а также бесприставочные: *бросаю* - *бросилъ* - *брошу* (с. 85), *являю* - *явилъ* - *явлю* (с. 100).

При образовании собственно сложного глагола типа *наваливаю*, *отваливаю* приставка не означает завершенности («den Begriff der Vollendung») (с. 115). Чтобы объяснить, каким образом от *валю* получается собственно сложный глагол *отваливаю*, Фатер прибегает к форме плюсквамперфекта: *вал-ю* -> *вал-ивалъ* -> *валиваю* -> *от-валиваю* (там же). От этого (нового) композитива образуются далее «свои» неопределенные темпоральные формы *отваливалъ* и *буду отваливать*. При образовании приставкой перфектного прошедшего и перфектного будущего необходимо «заимствовать» формы корневого глагола: *валилъ* -> *от-валилъ*, *валю* -> *от-валю* (с. 116). В этой связи можно говорить о «неправильном направлении» деривации, которое привело к недоразумениям и неправильному осмыслению

системы.

В некоторых деталях способы образования глагола и данных времен могут вызывать серьёзные возражения. Во втором издании Фатер, который сам осознавал сложность вопроса, внес пояснение, по которому в образовании типа *алкалъ* -> *взалкалъ*, *взалкаю* функция приставки состоит исключительно в выражении завершенности («Vollendung der Handlung»), а в случае типа *показываю* - *показалъ*, *покажу* речь идет об образовании собственно композитивных глаголов («eigentliche Verba composita»), в которых значение приставки, подобно префиксам в других языках (нем. *zu*, *an*, *bey*, *vor* и т. п.), входит в глагол в целом («zu dem Begriffe des Verbums») (Фатер 1814: 140). Небезразлично замечание Фатера, что глаголы типа *показываю* являются производными («Verba derivativa») (там же), а именно композитивными деривативами («Verba composita derivata») (с. 142).

В парадигме композитивного глагола (*пока́зываю*, *выдви́гиваю*) Фатера, содержащей шесть времен (1808: 117), отсутствуют второй и третий плюсквамперфекты, а также времена «Praeteritum simplex» (*выдвинулъ*) и «Futurum simplex» (*выдвину*), которые еще фигурируют как «совершенные однократные времена» в РГ (1802: 218-219) и как «Prät. perf. simpl.» и «Futur. perf. simpl.» у Хайма (1804: 129).

Отказ здесь от однократных («simplex») форм обусловливает действительное видовое противопоставление, наличествующее в множестве форм, определяемых атрибутами «indefinitus» и «perfectus» («Infinitivus indefinitus» *пока́зывать*, *выдви́гивать*, «Infinitivus perfectus» *показа́ть*, *выдвига́ть* и т. д.) (с. 118). Ср. дихотомию «неопредѣленное» (*показывать*) - «совершенное» (*показать*) у Ломоносова (1755: 524-525) и ее первое нарушение атрибутом «einfach» в переводе (Ломоносов 1764: 267). Однако установлению «чистого» видового противопоставления у Фатера, как и у Ломоносова препятствует сохранение в данной парадигме плюсквамперфекта *я быва́ло пока́зывалъ*, *я быва́ло выдви́гивалъ* (с. 118).

Примечательно, что при экспликации форм типа *покажу* наречием «einmal» уточняется содержание перфектной формы: «Futurum perfectum» *покажу́* «ich werde zeigen (einmal)», *выдвига́ю* «ich werde ausziehen (einmal)», «Imperativus perfectus» *покажи* «zeige (einmal)», *выдвига́й* «ziehe aus (einmal)», «Infinitivus perfectus» *показа́ть* «zeigen (einmal)», *выдвига́ть* «ausziehen (einmal)» (с. 118).

При всех достоинствах анализа русской аспектуально-темпоральной системы у Фатера нет последовательного обозначения двух основных аспектуальных разрядов при глаголе. О дальнейшем развитии по линии: «Arten der Verba» (Фатер 1801: 204, 1805: 100) -> «Branchen der Tempora» (Фатер 1808: XXIII) -> «Arten von Zeitwörtern» (Таппе 1810) см. ниже.

7.2. Аспектуальные атрибуты глаголов Ивана Борна (1808)

1. Основатель «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств» (1803), писатель и педагог, автор «Краткого руководства къ россійской словесности» Иван Мартынович Борн (ок. 1778-1851) преподавал русский язык и литературу в «Главном немецком училище Св. Петра» и поэтому написал свой учебник с основной терминологией на трех языках для «чужестранного юношества» данного училища[450].

Категориального термина для аспектуального вида не имеет и Борн. Слово «видъ» в его общеклассификационном смысле применяется к классификации имени (с. 15) и к обозначению залоговых различий глагола: «дѣйствіе в глаголѣ различнымъ образомъ выражается, и по тому глаголы бываютъ разныхъ **видовъ** или *залоговъ* (Art, espèce)». Ср. также: «Глаголы *возвратные*, *взаимные* и *общїе*, суть разные **виды** глаголовъ дѣйствительныхъ и среднихъ» (с. 18) (выделено нами. - P.P.). Тут «espèce» как залоговый термин может вести начало от всеобщей грамматики Пор-Рояля или вообще от известной Борну французской традиции[451]. Ср. залоговое «genera verbi», немецкое залоговое, а также модусное «Arten» и «виды» Болдырева, о которых речь идет ниже.

Среди «наклоненій» выделяется инфинитив «наклоненіе неопредѣленное» («die *allgemeine* Sprechart», «l'infinitif»), которое выражает действие «неопредѣленно» в противоположность «опредѣленію дѣйствія во времени» индикатива, «наклоненія изъявительного», («die *bestimmte* Sprechart», «l'indicatif») (с. 23). Так, противопоставление по неопределенности - определенности здесь связано лишь с наклонением. Признаком индикатива считается его определенное положение «во времени». Три времени составляют «настоящее» («die Gegenwart», «le présent»), «прошедшее» («die Vergangenheit», «le passé»), «будущее» («die Zukunft», «le futur») (там же). При описании форм времени комбинированные темпорально-аспектуальные термины не используются.

Борн проводит последовательную дифференциацию атрибутов «несовершенное» и «неопредѣленное»: слово «неопредѣленное» относится исключительно к наклонению без какого-либо аспектуального задания; обозначение инфинитива «неопредѣленное наклоненіе» Борна знаменует возврат к традиции Смотрицкого.

2. Отвлекаясь здесь от старинного «глагола учащательного», мы можем установить, что в русской грамматической традиции Иван Борн, присоединяя собственно

---

[450] См. Борн (1808: IX). К биографии и деятельности И.М. Борна см.: Энциклопедический словарь под ред. И.Е. Андреевского. т. IV. СПб. (1891: 427), БСЭ т. 3, М. (1970: 572), Н.М. Гайденков, «Русские поэты XIX века», М. (1960: 111). Вообще следует учесть, что И.В. Борн, А.Х. Востоков и Н.И. Греч составляют единый круг русских грамматистов начала XIX века. Востоков, член общества, организованного Борном, не только принимал участие в составлении его учебника, но и составил рецензию «Опыта» Греча, который в свою очередь поступил на службу в то же самое училище, где раньше работал Борн. К сожалению, нам не был доступен французский перевод пособия, составленный Ж. Лангеном (1811). См. Станкевич (1984: 121).

[451] Ср. текст: «Des Verbes...Adjectifs & de leurs differentes **especes**: Actifs, Passifs, Neutres» в кн. Арно и Лансло (1676: 120), который мог быть известен Борну и по изд. 1803 г. В русском переводе (Арно и Лансло 1990: 172) говорится лишь «о различных залогах» без эквивалента слова «especes».

аспектуальный атрибут к стержневому слову «глаголъ», первым образует аспектуальные разряды глаголов (с. 39). Вследствие этого возникает противопоставление «несовершенный - совершенный (глаголъ)», классифицирующее глаголы аспектуально на две группы[452]. В формальном плане выражения данное противопоставление имеет аналог: «глаголъ простой» - глаголъ сложный», из которого исключение составляют бесприставочные «простые совершенные глаголы» (с. 53), ср. текст Борна:

> «Глаголы вообще бываютъ простые и сложные. Первые не имѣютъ впереди слитныхъ предлоговъ, на пр. *читать*, *писать*, и я называю такие глаголы по дѣйствію *несовершенными*; вторые составлены съ предлогами, на пр. *прочитать*, *написать*, которые называю я *совершенными*» (с. 39).

Уточнение «по дѣйствію» указывает, что автор имеет в виду не формальную, а именно содержательную характеристику. Это подтверждается бесприставочными перфективами, которые называются «по дѣйствію совершенными» (с. 53).

Так, после длительной традиции Смотрицкого, точнее после Барсова (1788), сочетание «глаголъ совершенный» употребляется Борном (с. 39) впервые в совершенно новом, в чисто аспектуальном значении. Что касается «несовершенного», то его новая функция у Борна ознаменовывает как бы вре́менную победу «несовершенного» над «неопредѣленным» в конкуренции за позицию и статус выражения неперфективной аспектуальности (ср. дискуссию выше).

Содержания самих понятий «несовершенный» и «совершенный» не раскрываются, но при описании префиксации (с. 47-53) обнаруживается, что приставки *съ* и *у* (одни или вместе с частицей *ся*) означают, помимо ряда других значений, и «просто *свершеніе* дѣйствія» (*сдѣлать*, *умыться*, *увидѣть* и *усмотрѣть*) (с. 52). Ср. «совершеніе дѣянія» Ломоносова (1755: 481) и «совершеніе дѣйствія» в РГ (1802: 156).

Помимо «несовершенных» и «совершенных», в четырехчленную классификацию Борна входит две группы, различающиеся количественным признаком:

> «Еще бываютъ глаголы в русскомъ языкѣ *учащательные* или *многократные* и *однократные*. Первые показываютъ дѣйствіе *продолжающееся*; а вторые дѣйствіе однимъ разомъ свершающееся. Сіи последніе кончатся на *нуть*» (с. 39).

Здесь «*многократный глаголъ*» представляет собой инновацию Ивана Борна. На переход аспектуального элемента «многократный» в атрибуты глагола воздействовала уже давно существовавшая модель - «учащательный глаголъ». По той же модели возникли и указанные «несовершенный», «совершенный» и «однократный глаголъ». Кстати, у Борна слово «учащательный» выступает только этот единственный раз. Примечательно, что признаком «учащательного или многократного глагола» является продолжение («продолжающееся»), а не итерация действия[453]. Бесприставочные собственно итеративные глаголы особо не выделяются. Ср., однако, *бывать* и формант *ывать* (с. 43), который необходим для образования

[452] Ср. Нюман (1976: 48).

[453] См. Мазон (1913: 354).

настоящего *передѣлываю* (с. 47).

У Борна «учащательный» и «многократный» явились вариантами (терминологическими дублетами) как раз с переходом последнего из категории времени в атрибуты акционсартной группы глагола[454]. Выступавшее искони в позиции глагольного атрибута слово «учащательный» обособляется в свою линию развития, и, сохраняя довольно долго свою изначальную задачу, будет в конце концов вытеснен «многократным».

Среди пяти атрибутов Борна - «несовершенный», «совершенный», «учащательный», «многократный», «однократный» - нет ни одного нового терминологического слова (см. приложение), а новаторство и значимость идей заключается здесь целиком в новом способе применения этих слов в качестве определений глагольного слова как грамматической единицы аспектуальной системы.

Признак однократности «дѣйствіе однимъ разомъ свершающееся» (с. 39) отражает весьма точно выражение «дѣйствіе однимъ разомъ исполненное» Академической грамматики (1802: 155), переведенное в свою очередь Хаймом (1804: 82) так: «Handlung...einmahl oder in einem Mahle vollzogen». Обратим внимание на выступающие у Борна экспликации «свершающееся» (с. 39) и «свершеніе» (с. 52).

В соответствии с традицией и Борн отмечает, что не все глаголы на *нуть* (*пухнуть*) являются «однократными», не показывают однократного действия и их (перфективное) будущее образуется от «совершеннаго глагола» (*разпухнуть* -> *разпухну*) (с. 41).

С новой системой классификации согласуется приставочная перфективация по модели: глагол нсв -> глагол св, в которой впервые в русской традиции создаются перфективные глаголы, а не отдельные формы аспектуально-темпоральной системы. Новый способ перфективации автор сформулировал так: «Предлоги, совершенные глаголы составляющіе, суть слѣдующіе; безъ (безо), во (въ)...со (съ), у» (с. 48). При этом приводится настоящее время новых перфективов: *обезпокоить*, *обезобразить*, *обезпечить* -> *обезпокоиваю*, *обезображиваю*, *обезпечиваю* (там же). Этому новаторскому правилу противоречит старый способ образования перфективных форм посредством префикса от имперфективных форм в системе времен: «будущее время [однократных глаголов] дѣлается приложеніемъ къ настоящему несовершеннаго глагола, какого нибудь изъ предлоговъ, которые ниже сего показаны будутъ» (с. 41).

Описание приставок проявляет также ряд акционсартных значений: «предлогъ *за* показываетъ *начало* дѣйствія» (*заговорить*, *засвистѣть*) (с. 49). Приставка *отъ* означает «*окончаніе* дѣйствія» (*отписать*), а с «частицею» *ся* - «освобожденіе» (*отплакаться*) (с. 50).

Итак, в системе Борна *дѣлать* представляет собой бесприставочный «несовершенный глаголъ», а приставочный *передѣлать* - «глаголъ совершенный», обладающий прошедшим *передѣлалъ* и будущим *передѣлаю*. При этом приставочное

[454] Как известно, в современной аспектологии «многократный» опять лишился статуса грамматической категории.

имперфективное образование *передѣлывать* характеризуется как «наклоненіе неопредѣленное многократное» и *я передѣлываю* - как настоящее время указанного «совершенного» *передѣлать* (с. 52). Форм *передѣлывалъ* и *буду передѣлывать* данный пример Борна не содержит. Следовательно, проблематичным все еще оказывается системный статус приставочных имперфективных форм, установлению которого препятствует многократный элемент в целостной системе.

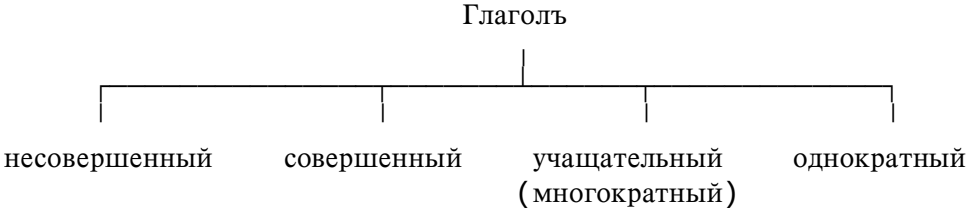
В основном разряд «совершенные глаголы» Борна определяется формально приставкой. Однако, вслед за другими, он перечисляет группу бесприставочных глаголов, которые также являются «по действію совершенными» и называются «простыми совершенными глаголами»: *бросить*, *велѣть*, *воротить*, *дать*, *дѣть*, *досадить*, *женить*, *кончить*, *купить*, *лечь*, *лишить*, *начать*, *обидѣть*, *пасть*, *простить*, *пустить*, *плѣнить*, *родить*, *рѣшить*, *свободить*, *спасти*, *стать*, *ступить*, *явить*, а также *послать* (с. 52-53). Ср. тот же список у Хайма (1804: 85). Эта несопряженность перфективности с префиксом содействует обособлению семантической классификации от внешнего облика слова, характерного для старинной классификации по модели «начертание».

Если *передѣлывать* - глагол «учащательный или многократный», то перечисленные отдельно *помогать*, *процвѣтать*, *протекать*, *угнетать*, *проѣдать*, *выкладывать*, *перегрызать*, *вылезать*, *потрясать*, *сберегать*, *увлекать*, *высѣкать* и др. называются «правильными несовершенными глаголами», образованными от «неправильных» *мочь*, *цвѣсть*, *течь* и т. п., так как они не имеют показателя многократности *ыва* (с. 54). Исключение здесь составляет *выкладывать*. См. список неправильных глаголов, содержащий как бесприставочные имперфективы, так и приставочные перфективы с их формами будущего: *идти*, *весть*, *беречь*, *печь*, *жечь*, *расти*, *цвѣсть*, *ѣсть*, *ѣхать*, *взять*, *сѣсть*, *лечь*, *стать*; *возьму*, *сяду*, *лягу*, *стану* и т. д. (там же). Фактически только по этому месту можно заключить о намерении включить в «несовершенные» также приставочные имперфективы.

Даже Борн не обходится без «давнопрошедшего»: «Прошедшее многократное или давнопрошедшее кончится на *ывалъ* или *ивалъ*, либо къ прошедшему прибавляется ...слово *бывало*» (с. 41). Здесь «прошедшее многократное» оказывается инновацией Борна.

Таким образом, у Борна мы находим четыре глагольных разряда, из которых два указывают на неколичественную и два на количественную аспектуальность. При определении этих разрядов аспектуальный атрибут примыкает к «глаголу», см. схему:

Схема № 36. Четырехчленная система глаголов Борна (1808)[455]



[455] См. Борн (1808: 39).

Глаголъ:
несовершенный - *читать*, *писать*; *помогать*, *протекать*
совершенный - *прочитать*, *написать*, *передѣлать*, *бросить*
учащательный или многократный - *передѣлывать*
однократный - *кинуть*

Итак, основной, *первичной* аспектуальной парой у Борна является бесприставочный имперфектив - приставочный перфектив, а *вторичную* пару составляют «многократный» и «однократный» глаголы. При этом проблематичными остаются приставочные имперфективы типа *передѣлывать*, *дочитывать*, а также содержательное толкование «дѣйствіе продолжающееся» глаголов «учащательных или многократных» (с. 39), которое, судя по тексту, как бы не касается «несовершенных». Толкования, указывающего на повторение действия, у Борна совсем нет. Согласно автору, настоящее время *переписываю* «совершенного глагола» *переписать* образуется посредством «многократного окончания» *ывать* инфинитива (многократного глагола) *переписывать* (с. 47). Из этого можно сделать заключение, что *переписывать* - это «многократный глаголъ» с элементом *ыва*, а его настоящее время функционирует одновременно как настоящее «совершенного глагола» *переписать*.

Так, количественная аспектуальность занимает излишне подчеркнутое положение в целостной системе Борна. По количеству четыре аспектуальных разряда Борна и Таппе весьма близки друг к другу.

7.3. Четыре глагольных класса - «Arten» A. B. Таппе (1810)

1. Составитель учебника русского языка для немцев, доктор Август Вильгельм Таппе (1778-1830) был старшим преподавателем религии, философии, антропологии и библейской экзегезы в Выборгской гимназии (1805-1810)[456]. По-видимому, с 1810 г. Таппе преподавал русский язык в Главном Немецком училище Св. Петра в Петербурге, где Н. И. Греч занимал должность главного преподавателя русского языка, унаследованную им от Ивана Борна[457]. По словам автора, учебник, рукопись которого Николай Греч прочитал до сдачи в печать, создавался с 1808 года[458]. Второе переделанное издание вышло в 1812 г. После четвертого издания (1815) учебник был переиздан еще в 1819, 1825 и даже в 1836 г.[459]

[456] См. Таппе (1810: V), Булич (1904: 733), Мазон (1913: 355), Виссеманн (1958: 352).

[457] См. Греч (1811: 3) и Таппе (1812: VIII).

[458] Таппе (1810: X).

[459] Булич (1904: 733). Весьма похвальный отзыв учебника дал в своем сообщении Греч (1815: 163): «сія Грамматика [Таппе 1815] въ числѣ изданныхъ для иностранцев, занимаетъ во всѣхъ отношеніяхъ первое мѣсто». Ср. отрицательное отношение Шафранова (1852: 14-15, 28-41, 58). Любопытно подозрение Шафранова (1852: 149), что Таппе пришел к открытию своих видов по грамматике Копитара. «Таппе разделяет с Фатером честь возобновления видов в русских глаголах» (Балицкий (1876: 27-29). См. далее Крыгин (1889: 420-427). Уже Булич (1904: 733) заметил достоинства описания аспектуальных данных: «В книге Таппе впервые у нас после М. Смотрицкого вполне категорично было выставлено учение о видах русского глагола в форме очень близкой к современной». См. далее:

В качестве источников описания глаголов Таппе (с. 133) указывает на Ломоносова, Академическую грамматику и Фатера (1808), а также на книги: Rambach: Sprachlehre, Mitau 1808. Schade: Nouvelle grammaire allemande, Leipzig und Paris 1808 (с. 30). Некоторое воздействие могли оказывать работы Неедлого (1804) и Добровского (1809).

Система «vier Arten von Zeitwörtern» («der Verba») явилась, видимо, результатом сравнительно самостоятельной мыслительной разработки, в которой плодотворно применяются новые течения начала XIX века[460]. Так как учебник писался с 1808 года, аспектуальные соображения его автора складывались и были опубликованы за несколько лет до статей Болдырева[461]. В свете нашего анализа можно установить неоспоримые точки соприкосновения (как сходства, так и различия) с Академической грамматикой и учебниками Хайма (1804) и Фатера (1808), т. е. с собственно русской и с «немецко-русской» традицией. В описании аспектуальных данных особое влияние должен был оказать учебник Хайма (1804), послуживший посредником репертуара аспектуальных признаков Академической грамматики.

2. Основная идея Таппе состоит в том, что каждый глагол со всеми своими формами относится к одному из четырех аспектуальных разрядов, к одной из четырех аспектуальных групп глаголов, называемых «Arten von Zeitwörtern» (или «Verba»). Эта мысль радикально и принципиально отличается от ломоносовской традиции, придерживавшейся академической грамматикой[462]. Иными словами, каждый глагол, именно глагол, обладая только одним аспектуальным значением, является в данной системе в современном смысле непарным одновидовым и следовательно дефектным. Например, однократные и перфектные глаголы не имеют настоящего времени. Несмотря на то, что Таппе не сумел сделать следующий шаг и свести виды в формальную и семантическую дихотомию, его новый классификационный способ действительно революционен.

На основании сформировавшегося в длительной традиции состава аспектуальных признаков в его системе господствует иерархия от наименее определенного к

Мазон (1913: 355), Бидерманн (1981: 110), Станкевич (1984: 120). Справедлива и правильна оценка Виссеманна (1958: 351 и сл.). Ср. данные пятого издания (Таппе 1819: 156) по Фрайдхофу (1983: 35).

[460] Относительно нового подхода к русскому глаголу в работах других грамматистов, в первую очередь Фатера, Таппе (1810: VII) пишет: «Die...*neue Ansicht der russischen Verba* rührt ganz von dem Verfasser her, obgleich er fast zu gleicher Zeit mit einem andern sehr würdigen Gelehrten auf mehrere gleichartige Resultate gekommen zu sein scheint...Erst im Mai 1809 kam dem Verfasser in Wiburg die neue russische Grammatik [1808] des gelehrten und selbstdenkenden Herrn Professor Vater...in die Hände» (курсив наш - Р.Р.). См. Виссеманн (1958: 357-358, 371), отстаивающий самостоятельность аспектуальных концепций Таппе.

[461] Из хронологии публикаций совершенно очевидно, что на классификацию Таппе никак не могли влиять взгляды Болдырева, статьи которого вышли два года спустя после первого издания учебника Таппе. Ср. Виноградов (1947/1972: 380). В хронологии отдельных инноваций, в том числе русских параллелей значимых терминов, роль играет также датировка «St. Petersburg am 10. Januar 1812» ко второму изданию (Таппе 1812: VI), которое, видимо, вышло, до первой статьи Болдырева или одновременно с ней.

[462] Отстаивая ломоносовские начала, Шафранов (1852: 14 и сл.) порицает Таппе за его обособление отдельных «Arten der verba» из спряжения одного глагола в самостоятельные глагольные группы.

наиболее определенному, т. е. градация от наименьшей до наибольшей определенности (совершенности).

Не подлежит сомнению, что для постепенного формирования русского термина «видъ» определенное значение имеют терминологические ряды «Die erste Art», «Die zweite Art», «Die dritte Art», «Die vierte Art» Таппе. Определенное, пожалуй решающее воздействие на содержательное развитие слова «*видъ*» должно было оказать параллельное немецко-русское употребление терминов «Art» и «видъ» у Таппе (1812: 178), которые подготавливают почву для шести параллельных французско-русских классов «branches - виды» Рейфа (1821). (см. ниже). Ср. выше иной смысл сочетания «drey Arten von Zeitwörtern» у Пельцеля.

Видимо, однако, проблемы классификации решались совсем не просто, а вызвали у автора появление множества седых волос. Так, в области глагола обнаруживаются по крайней мере следующие обозначения: 1. «*Arten* der Zeitwörtern» («Verba») (1810: 104), 2. (вслед за Фатером) «17 *Klassen* der Verba» (с. 106), «17 verschiedene *Branchen* von Verbis» (1812: 194), 3. «sechs verschiedene *Formen* des Präsens» и 4. (вслед за Борном) «nur eine *Conjugation*» (с. 106). Ни одна из них не классифицирует межтемпоральных отношений. Не вникая в подробности каждого отдельного термина, отметим еще лишь «Arten» и «Hauptarten» (с. 134), которые могут предвещать возникновение отношений «видов» и «подвидов» в русской традиции (ср. выше «Unterarten» у Фатера).

Любопытно, что в первом издании термином «Branche» (Таппе 1810: 106) указывается на шесть формальных классов по форме настоящего времени, а во втором издании «*vier Branchen von Verbis*» (Таппе 1812: 178) является синонимом аспектуального выражения «vier Arten». Ср. сюда «Branche» Фатера (1808: XXIII).

В уже вводном разделе Таппе высказывает мысль, по которой *один глагол* не обладает более, чем тремя временами: «Das Tempus, oder die Zeitbestimmung, ist *bei einem Verbum* im Allgemeinen eigentlich nur von *dreierlei Art*» (с. 28). Там же употребление слова «Perfectum» вместо «Präteritum» отражает старинную латино-немецкую традицию (см. выше). Этот недосмотр исправлен во втором издании (Таппе 1812: 42).

Перечисляя времена ломоносовской традиции, Таппе удивляется, почему грамматисты приписывали временам характеристики и определения, которые относятся к природе и сущности разных глаголов. Вместе с тем в его собственной системе состав (количество) времен отдельного глагола зависит от аспектуального разряда каждого отдельного глагола. Аспектуальная семантика предопределяет состав времен глагола определенного разряда. Глаголы первого разряда («indefinita») имеют полный состав времен - настоящее, прошедшее и будущее, глаголы второго разряда («simplicia») - прошедшее и будущее, глаголы третьего разряда («frequentativa») - только прошедшее и глаголы четвертого разряда («perfecta») - прошедшее и будущее (с. 106-107).

Так, все разряды, кроме первого, являются дефектными по отношению к формам времени. Например, глагол второго аспектуального разряда («simplex»)

(*двинуть*) имеет только одно прошедшее («nur ein Präteritum»), одно будущее («ein Futurum») и один инфинитив («einen Infinitiv») (с. 132).

Наиболее важным фактом является то, что аспектуальные разряды («Arten») Таппе представлены разными глаголами. В аспектуально-темпоральной системе Таппе один глагол одного разряда характеризуется только одним аспектуальным признаком и имеет определенное число времен в зависимости от аспектуальности глагола. В определенном смысле все глаголы данной системы являются одновидовыми (perfectiva или imperfectiva tantum), но между собой родственными. Система состоит как бы из четырех одновидовых, но все же аспектуально соотносительных «родственных» глаголов[463]. Ср. Таппе (1812: 156).

Для системы Таппе характерно, что глаголы аспектуальных разрядов, будучи самостоятельными глаголами, являются производными от другого глагольного же разряда в пределах целостной системы. Неопределенный разряд («Verba indefinita») функционирует как основа[464], на которой строится все остальное. Ср., в частности, правило образования глаголов второго разряда:

> «Abgeleitet werden diese Verba [simplicia] vom Präterito der Verba indefinita, indem лъ umgewandelt wird in нулъ, ну, нуть u.s.w... z. B. aus я дви́галъ, кололъ, кли́калъ, ich bewegte, stach, rief, wird я дви́нулъ, кольну́лъ...кли́кнулъ, ich habe einmal bewegt, gestochen, gerufen» (с. 133).

Дефектность по отношению к образованию аспектуальных разрядов проявляется, в частности, в следующем: «Nicht von allen Zeitwörtern kann man diese Verba [simplicia] einer einmaligen Handlung ableiten» (с. 133). Этим заявлением указывается на такие исходные глаголы, семантика которых не допускает деривации однократного. Такими являются, например, глаголы *бѣгать* и *мѣшкать*, семантике которых противоречит понятие единичности и мгновенности («Begriff des Einmaligen und Augenblicklichen») (там же).

Согласно автору, в русском языке выделяются четыре разных разряда глаголов («vier verschiedene Arten von Zeitwörtern»), которые различаются по форме инфинитива, но прежде всего по семантике[465]. Заслуживает внимания подлинная формулировка автора:

«Es giebt in der russischen Sprache vier verschiedene Arten von Zeitwörtern, die das Eigenthümliche ihres Wesens schon in den vier verschiedenen Infinitivendungen (z. B. дви́г-ать, дви́-нуть, дви́г-ивать, с-дви́г-ать), andeuten, und welche also in keiner andern europäischen Sprache Statt fin-

[463] По мнению Виноградова (1947/1972: 380), «виды» Таппе, как и у Фатера, являются «соотносительными словообразовательными типами разных глаголов с одной и той же основой». Характерно, как неясно представляются разряды Таппе, реферируемые словами: (глаголы) «простые, или неопределенные», «однократные», «учащательные», «совершенные, или сложные» (там же). Неуместно также утверждать, что на взгляды Таппе (1810) оказывал влияние Болдырев (1812) (там же).

[464] Ср. неточный термин «verba infinita» вместо «indefinita» у Крыгина (1889: 420-, 505, 512).

[465] Ср. отличный анализ концепций Таппе у Виссеманна (1958: 359-360).

den.

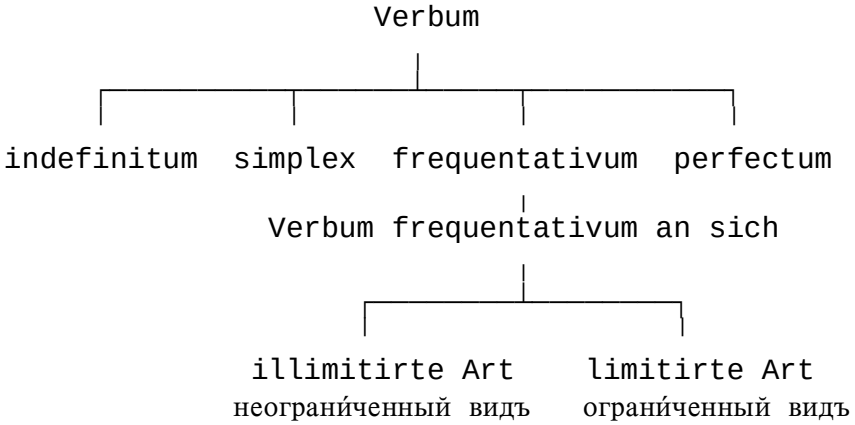
Die erste Art derselben sind *Verba indefinita*, oder unbestimmte Zeitwörter, welche *nur im Allgemeinen und ohne alle besondere Bestimmung* von einer Person oder Sache irgend Etwas aussagen. Von dieser Art und Natur sind fast alle deutschen, französischen, englischen und lateinischen Verba, z. B. дви́гать, bewegen, mouvoir, to move, movere u. s. w.

Die zweite Art sind *Verba simplicia*, oder solche Zeitwörter, welche mittelst einer gewissen Endung den Begriff eines nur *einmaligen* Handelns oder eines Leidens ausdrücken, und die der russischen Sprache allein eigenthümlich sind, z. B. дви́нуть, einmal bewegen u. s. w.

Die dritte Art sind *Verba frequentativa*, oder solche Zeitwörter, die den Begriff eines *öftern und wiederholten* Handelns oder Leidens in sich fassen, wie дви́гивать, oft und zu wiederholten Malen bewegen. Es entsprechen dieselben den Verbis frequentativis im Lateinischen, z. B. cursitare statt currere; factitare statt facere u. s. w.

Die vierte Art endlich sind *Verba perfecta*, oder solche Zeitwörter, die den Begriff der *Bestimmtheit und der Vollendung* in sich tragen, im Gegensatze der unbestimmten Verba der ersten Art[466]. Gebildet werden sie entweder a) durch ein Augment, d. h. durch irgend eine vorgesetzte Partikel oder Präposition; oder auch b) mittelst irgend eines andern Stamm-Verbums, z. B. я сдви́галъ, ich habe völlig bewegt, statt я дви́галъ, ich bewegte (im allgemeinen gesprochen); oder я раздѣлилъ (von дѣлю́), ich habe völlig zertheilt, statt я раздѣля́лъ (von раздѣля́ю), ich fuhr fort zu zertheilen, oder (als Imperfectum überhaupt) ich zertheilte. Am besten können diese Zeitwörter mit dem Piel der Hebräer (nämlich Etwas ernstlich, fest und fleissig thun oder leiden) verglichen werden. - Я дѣлалъ heisst: ich habe es gethan, aber unbestimmt, obiter, nur so so, bon gré, malgré; я сдѣлалъ aber heisst: ich habe es ganz, bestimmt, vollkommen und gern gethan» (с. 104-106).

Схема № 37. Система глагольных разрядов Таппе (1810) и (1812)[467]



Verbum:
1. **indefinitum** - *дви́гать*
2. **simplex** - *дви́нуть*

[466] Ср. несколько иначе во втором издании: «Die vierte Art endlich müsste man Perfecta, Composita, oder vollendete, zusammengesetzte Verba (соверше́нные, сло́жные) nennen, indem sie einen Begriff der Bestimmtheit und der Vollendung in sich tragen, welcher bei den unbestimmten Verbis der ersten Klasse nicht statt findet» (Таппе 1812: 156).

[467] См. Таппе (1810: 104-105) и (1812: 156). Ветвь «Verbum frequentativum an sich» описана у Таппе (1812: 178) по модели Греча (1811).

3. **frequentativum** - *дви́гивать*
3a Verbum frequentativum an sich:
3a1: illimitirte (unbeschränkte) Art, неограни́ченный видъ - *бѣгаю*, *валя́ю*, *вожу́*, *воро́чаю*, *лета́ю*
3a2: limitirte (begränzte) Art, ограни́ченный видъ - *бѣгу́*, *валю́*, *веду́*, *везу́*, *ворочу́*, *лечу́* [468]
4. **perfectum** - *сдви́гать*

Поразительное сходство и бесспорная связь преемственности проявляется между названиями «Verbum indefinitum», «Verbum simplex», «Verbum frequentativum», «Verbum perfectum» четырех глагольных разрядов Таппе (1810: 105) и наименованиями (кальками) «Infinitivus indefinitus» («simplex», «perfectus» и «frequentativus») четырех инфинитивов Хайма (1804: 80, 94), восходящими прямо к Академической грамматике (1802: 152). Отчасти это сходство касается также плана содержания. Суть дела не меняется иным порядком изложения Таппе.

Таппе канонизирует фреквентативность как четвертый аспектуальный разряд **глаголов**. Основным поводом тому, что разряд «Verba frequentativa» приобретает статус одной из аспектуальных групп глаголов в системе Таппе, послужило возникновение четвертого аспектуального признака «многократное» в Академической грамматике 1802 года[469].

Схема показывает наглядно, что глаголы перемещения, неудачно называемые «Verba frequentativa an sich», неудачно также подчиняются собственно итеративам («учащательным» - по русской терминологии Таппе), ибо подчинительной связи порядка *хаживать* -> *ходить*, *идти*, конечно, нет. Таппе (1812: 179) ведь сам производит «учащательный» *хаживать* от «неограниченного» *ходить*. Как видно, терминологически «Verba frequentativa an sich» калькирует «глаголы учащательные» Греча.

[468] Наряду с «Art» в группе (3a) употребляются теримины «Branche» и «Form» (Таппе 1812: 178).

[469] На основании стиля и терминологии рецензентом за буквой «Ч.» второго изд. учебника Таппе можно с высокой степенью вероятности считать Николая Греча. Ср. Булич (1904: 738). За авторство Греча говорят, в частности, такие термины и выражения, как «движеніе собственно учащательного глагола», «прошедшее многократное» и др. (см. приложение). По мнению рецензента, Таппе следовал преимущественно теориям Никольского, Борна и Греча. Вместе с тем Таппе упрекается за то, что он «дѣлаетъ изъ прошедшихъ многократныхъ временъ» (*хаживалъ* и т. п.) особые «учащательные глаголы» (*хаживать*, *говаривать*) (Ч. 1812: 352). Согласно рецензенту, указанные формы не употребляются в инфинитиве, но «образуютъ два корня или неокончательныя наклоненія глаголовъ сложныхъ вмѣстѣ съ простыми» (т. е. *говорить* → *уговорить*, *говаривать* → *уговаривать*) (с. 353). В этом заключается мысль, что многократные «корни» необходимы для образования приставочных имперфективов. Кроме того, «Ч.» указывает на русский термин «учащательный», который Таппе (1812: 156) ввел в качестве эквивалента своего разряда «Verba frequentativa» (*дви́гивать*). Как уже говорилось, у Таппе (1812: 178) подкласс фреквентативов составляют «Verba frequentativa an sich», подразделяющиеся далее на «неограниченные» (*бѣгать*, *ходить*) и «ограниченные» (*бѣжать*, *идти*). Вслед за Гречем (1811) рецензент считает глаголы перемещения типа *ходить*, *ѣздить*, *плавать* - «собственно учащательными, которыхъ отличительный признакъ есть означеніе движенія», тогда как *хаживалъ*, *говаривалъ* являются «прошедшими многократными временами» (Ч. 1812: 352). Следовательно, так же как и у Греча, термин «многократное» рецензента относится к аспектуально-темпоральной системе, а не классификикации глаголов.

В первом издании (Таппе 1810: 107) термин «учащáтельное» выступает только как параллель атрибута «многократное» при времени «давнопрошéдшее многокрáтное oder учащáтельное (двúгивалъ)», а со второго издания (1812: 156, 1815: 156) также как атрибут фреквентативного класса: глаголы «учащательные», вследствие чего возникает определенное терминологическое противоречие. Любопытно, что у Таппе (1810: 107) старый термин глагольной классификации «учащательный» оказался вдруг в новой позиции при названии времени старой системы Академической грамматики[470].

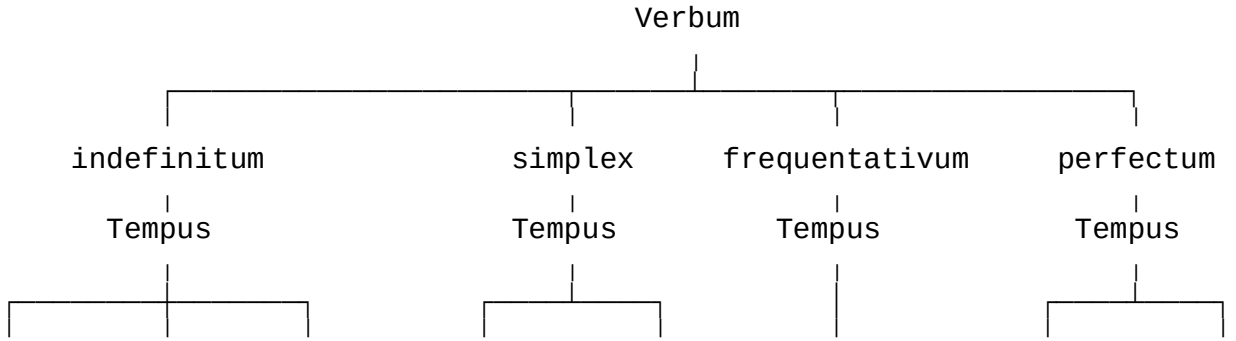
3. Принципиально важно детальное описание, где указываются темпоральные формы, которыми может обладать глагол каждого отдельного разряда:

> «Tempora, oder Zeitverhältnisse, giebt es für die Verba der ersten Art (двúгать) drei, nämlich ein Präsens, Präteritum und Futurum. - Für die der zweiten Art (двúнуть) zwei, ein Präteritum und ein Futurum. - Für die der dritten Art (двúгивать) ein, nämlich ein Präteritum. - Für die der vierten Art (сдвúгать) zwei, ein Präteritum und ein Futurum» (с. 106).

Это значит, что Таппе целиком отделил аспектуальную характеристику от темпоральной, от отдельных форм времени. Таппе установил полную самостоятельность глагольной лексемы, подчинил темпоральную семантику аспектуальной. Эмансипация аспектуальной семантики перевернула категориальные статусы вида и времени в описании русского глагола.

[470] Ср. полемику Шафранова (1852: 34).

Схема № 38. Аспектуально-темпоральная система Таппе (1810)[471]



Verbum:
indefinitum: Tempus:
Präsens - *я дви́гаю*, *ich bewege*
Präteritum - *я дви́галъ*, *ich bewegte, oder ich habe bewegt*
Futurum - *я бу́ду*, *ста́ну дви́гать*, *ich werde bewegen*
simplex: Tempus:
Präteritum - *я дви́нулъ*, *ich habe ein Mal bewegt*
Futurum - *дви́ну*, *ich werde ein Mal bewegen*
frequentativum: Tempus:
Präteritum - *я дви́гивалъ*, *ich hatte oft bewegt*
perfectum: Tempus:
Präteritum - *я сдви́галъ*, *ich habe völlig bewegt*
Futurum und Präsens - *сдви́гаю*, *ich bewege*, *oder werde völlig bewegen*

[471] См. Таппе (1810: 106-109). Здесь не учитывается ветвь «Verbum frequentativum an sich» 1812 г., имеющая времена по первому разряду.

Благодаря новой классификации, в технику описания времен Таппе, как правило, не входят такие «старые» комбинированные термины, как «Präteritum indefinitum», «Präteritum simplex» и т. д. (см. перечень категорий разряда «Verbum simplex») (с. 132). Однако в ряде случаев (для краткости изложения) Таппе прибегает к комбинированным темпорально-аспектуальным терминам, но в таком случае, как «Futurum perfectum» (с. 143), обозначается будущее перфектного глагола («verbum perfectum»).

Несмотря на то, что Таппе не принимает системы времен Академической грамматики (1802), Хайма (1804) и даже Фатера (1808), заслуживают внимания отдельные содержательные характеристики, которые отмечаются при временах «старой» системы и в особенности при описании его собственной «новой» системы:
1) «*Präteritum indefinitum*», «прошедшее неопредѣленное»: «fortdauernd», «unvollendet», «unbestimmt», «wiederholend», «ungewiss» (с. 107), «nur im Allgemeinen und ohne alle besondere Bestimmung» (с. 105), 2) «*Präteritum simplex*», «прошедшее однократное»: «nur einmal, oder mit einem Male» (с. 107), «Begriff eines nur einmaligen Handelns» (с. 105), «etwas nur Einmaliges und Augenblickliches (с. 132), «Verba einer einmaligen Handlung, «der Begriff des Einmaligen und Augenblicklichen» (с. 133), 3) «*Präteritum frequentativum oder Plusquamperfectum*», «давнопрошедшее многократное oder учащательное»: «oft, ehemals, pflegen» (с. 107), «der Begriff eines öftern und wiederholten Handelns», «oft und zu wiederholten Malen», в качестве давнопрошедшего: «längst vergangene Zeit» (с. 134), 4) «*Präteritum perfectum*», «прошедшее совершенное» и «Futurum perfectum», «будущее совершенное»: «ganz oder völlig», «bestimmt und gewiss», «der Begriff der *Vollendung* und *ganz zu Ende* oder völlig hinter sich gebrachten Handlung» (с. 142), «das Vollendete» (с. 143).

У Таппе наблюдаются следующие наречия, определяющие аспектуальное содержание формы перфектного глагола: *навалить* «*bestimmt* darauf wälzen», *выключить* «*völlig* ausschliessen», *выключу* «ich werde *ganz gewiss* ausschliessen», *вы́грести* «*ganz* ausgraben» (с. 145-146). Ср. выше «gewiss» еще у Ломоносова (1764) (см. приложение). Ср. также экспликации во втором издании: *я подви́гаю* «ich werde bestimmt bewegen», *я дви́ну* «ich werde einmal bewegen», *я подви́ну* «ich werde völlig, ganz und bestimmt, mit einem Male bewegen» (Таппе 1812: 185).

Кроме того, имеются бесприставочные глаголы *велю́*, *даю́* (sic! вместо *дамъ*), *женю́*, *плѣню́*, *рѣшу́*, *дарю́*, которые без каких-либо изменений, по их природе и значению («schon ihrer Natur und Bedeutung nach») считаются перфектными глаголами (с. 143). Ср. «Verba perfecta an sich» (Таппе 1812: 186). При содержательной экспликации этих глаголов Таппе прибегает к формулировке «etwas Ganzes und schon an sich Vollkommenes» (1810: 143), предвосхищающей целостность в более поздней (современной) традиции. По мнению автора, завершенность («Das Vollendete») содержится в самом значении этих глаголов (там же).

Основным семантическим признаком неопределенного разряда («Verba indefinita») является неопределенность, которая противопоставляется определенности и

завершению («Bestimmtheit und Vollendung») перфектных глаголов («Verba perfecta») (с. 105). Само собой разумеется, что противопоставление «unbestimmt - bestimmt» Таппе соотносится с «indefinitum» - «definitum» Хайма (1804), а также с «неопредѣленным» Академической грамматики (1802).

Особое значение имеет противопоставление первого и четвертого разрядов, которое сохраняется с незначительными изменениями во всех изданиях учебника: «*я дѣлалъ* (Indefinitum) heisst: ich habe es gethan, aber unbestimmt, obiter, nur so so, bon gré, malgré; *я сдѣлалъ* (Perfect.) aber heisst: ich habe es ganz, bestimmt, vollkommen und gern gethan» (Таппе 1810: 105, 1812: 157, 1815: 157) (слова в скобках добавлены во втором издании).

В учебнике русского языка Таппе (1810) слово «simplex» укоренилось в качестве однозначного аспектуального термина для обозначения глаголов второго разряда со значением перфективного семельфактивного действия; завершилась аспектуализация слова «simplex». В итоге развитие атрибута «simplex» проходит так: *структурный* атрибут словообразования -> аспектуальный атрибут формы времени в переводе Ломоносова (1764) -> «verbum actionis simplicis» (Фатер 1808: XXVIII) -> *приглагольный* аспектуальный атрибут у Таппе (1810: 105) (см. приложение). Сюда же относится также новый термин «Perfectum simplex» у Таппе (1812: 185). Так завершается аспектуализация сочетания «verbum simplex» (ср. ниже его дальнейшее употребление).

По мнению Таппе, признак глаголов «Verba simplicia» составляет единичность и сопряженная с ней мгновенность действия («der Begriff eines *nur einmaligen* Handelns») (с. 105), («nur einmal geschehene Handlung»), («etwas nur Einmaliges und *Augenblickliches*») (с. 132). Этого признака нет у перфектных глаголов («Verba perfecta»), которым свойственно совмещение определенности и завершения действия («die Bestimmtheit und die Vollendung») (с. 105), («der Begriff der Vollendung und einer ganz zu Ende oder völlig hinter sich gebrachten Handlung») (с. 142).

Как известно, по современной акционсартной классификации глагол «Verbum frequentativum» Таппе *дви́гивать* является итеративом[472], а *дви́гать* - это многоактный мультипликатив, находящийся в регулярном акционсартном отношении к одноактному семельфактиву *дви́нуть*.

Почти все глаголы на *ѣю* являются инхоативами («Inchoativa»). От первообразного *бѣлю́* «ich weisse» образуется инхоатив *бѣлѣю* «ich werde weis», который характеризуется признаком становления или начала действия («ein *Werden* oder ein *Anfang*») (с. 134). Ср. Таппе (1812: 177). Заметим, однако, что инхоативы производятся не от других глаголов, а от той же основы прилагательного *бѣл-*, от которой образуются и фактитивы типа *бѣлить*. То есть, глаголы *бѣлить* и *бѣлѣть* не находятся во взаимном отношении деривации.

Так, хотя инхоативы составляют как бы пятую аспектуальную группу глаголов, они не обладают системным статусом «Art». Ср. «начинательные» у Болдырева (1812). Совершенно правильным является толкование «werden», тогда как «anfangen» отражает старинное представление о значении инхоативных глаголов (ср.

[472] Современные словари уже не отмечают *двигивать*, см. Даль (I: 418).

выше). Фреквентатив от инхоатива производится редко, ср., однако, у Таппе: *грѣю* -> *я грѣвалъ* «ich hatte gewärmt» (с. 135).

Неудачно производные бесприставочные фреквентативы («Frequentativa») называются также «Plusquamperfecta». В качестве таких форм даются: *колю́* -> *ка́лывалъ* «ich hatte gestossen, oder ich stach oft», *сма́тривалъ*, *двигивалъ*, *мѣривалъ*; *пеку* -> *я пекалъ* «ich hatte gebacken» и т. д. (с. 135). Ср. также «Plusquamperfectum frequentativum» *я бы́вывалъ* «ich war oft gewesen», образованное от фреквентатива *быва́ть* «вспомогательного» глагола *быть* (с. 110).

В этой связи автор замечает, что большинство глаголов на *аю* и *яю*, и в особенности все глаголы на *ывать* или *ивать* имеют обычно также фреквентативное значение («eine *frequentative Bedeutung*») (с. 135). Несмотря на то, что не все такие глаголы являются фреквентативами, в них почти всегда содержится понятие продолжения или повторяемости действия («der Begriff der *Fortdauer* oder der *Wiederholung*») (там же). Однако, по-видимому, Таппе просто имеет в виду, что все глаголы на *аю*, *яю*, особенно глаголы на *ывать* или *ивать*, в том числе приставочные имперфективы, могут означать длительность или повторение.

Вслед за Фатером (1808: 102) Таппе утверждает, что глаголы типа *а́лчу*, которые противопоставляются глаголам типа *алка́ю* со значением продолжения («Fortdauer»), имеют значение мгновенности («augenblicklich») (с. 135). Это недоразумение Фатера повторяется далее у Пухмайера (1820: 149). Ср. также приставочный *взалкать* с признаком быстроты у Рейфа (1821: 169) и даже «начинательный видъ» (*взалкать*) у Востокова (1831: 151).

При этом устанавливается весьма целостная линия выражения продолжения словами «fortdauern», «Fortdauer» от Хайма (1789), (1804) до Добровского (1791), Пельцеля (1795), Фатера (1801, 1805, 1808), Таппе (1810) и далее до Караджича/Гримма (1824).

По сравнению с предшествующей традицией русской грамматики особую значимость имеет то обстоятельство, что в соответствии с новой системой Таппе было необходимо описать также образование аспектуально маркированных глаголов, а не темпоральных форм. В своей сложности очень поучительно глагольное словообразование. Так, сначала Таппе образует производные («Derivata»), («Plusquamperfecta Frequentativa»): *кол-ю́* -> *ка́л-ывалъ*, *смотр-ю́* -> *сма́тр-ивалъ*, *дви́г-аю* -> *дви́гивалъ*, *мѣр-яю* -> *мѣр-ивалъ*, *грѣ-ю* -> *грѣвалъ*, *пек-у́* -> *пек-алъ* (с. 135). Затем образуются «Frequentativa Compositа»: *лом-а́ю* -> *вы-ла́м-ываю*, *вал-ю́* -> *на-ва́л-иваю*, *мѣр-я́ю* -> *вы-мѣр-иваю* (с. 136-137), т. е. приставочные фреквентативные глаголы (современные имперфективы) составляются префиксом (и суффиксом) *непосредственно от исходного глагола*. С этим процессом связывается еще замена финалей *аю*, *яю* или *ю* на *ываю*, *иваю*. Таким же образом глагол *вы-дви́г-иваю* образуется от *дви́г-аю*, а не префиксом от фреквентатива *дви́гиваю* (с. 137). Процесс образования проходит всегда «слева направо»: в первом случае (*дви́г-аю* -> *дви́г-ивалъ*, *дви́гивать*) получается бесприставочный «Verbum Frequentativum» («Plusquamperfectum») (с. 135), а во втором - приставочный «Verbum Compositum Frequentativum» (*дви́г-аю* -> *вы-дви́гиваю*) (с. 137).

Здесь важно отметить, что в системе Таппе глаголы типа *выдвигивать* (*я вы́двигиваю*, *вы́двигивалъ*, *буду выдвигивать*) отождествляются с глаголами разряда «Verba indefinita», и от неопределенного приставочного глагола *выдвигивать* могут быть далее образованы глаголы «Verbum simplex» (*я вы́двинулъ*) и «Verbum perfectum» (*я вы́двигалъ*) (с. 137) (здесь формы инфинитива не приводятся).

Приставочный перфектный глагол («Verbum perfectum») образуется двумя способами: или (1) присоединением префикса к форме прошедшего неопределенного глагола («Verbum indefinitum», «Stammverbum»): *дви́галъ* -> *сдви́галъ*, *вали́лъ* -> *повали́лъ*, *коло́лъ* -> *уколо́лъ*, *вы́мылъ*, *сбере́гъ*, *заколоти́лъ*[473], или (2) устранением окончания («Endung») *ываю*, *иваю*, *аю*, *яю* композитивного фреквентатива («von einem Frequentativo Compositо») и добавлением окончания *-илъ*, *-ить*: *нава́л-иваю* -> *навал-и́лъ*, *навал-и́ть*, *вы́ключ-аю* -> *вы́ключ-илъ*, *выключ-ить*, *вы́гребаю* -> *вы́гребъ*, *вы́гресть* (с. 144-145). Ср. сюда образование у Таппе (1812: 184): «indefinitum» *дви́гать* -> «Perfectum» *сдви́гать*, «simplex» *дви́нуть* -> «Perfectum simplex» *сдви́нуть*, «frequentativum» *дви́гивать* -> «Frequentativum Compositum» *сдви́гивать*. Ср. составной термин «mit einer Präposition zusammengesetzte Frequentativa» (там же).

Что касается форм времени, то перфектное будущее («Futurum perfectum») создается своеобразно от перфектного прошедшего («Präteritum perfectum»), т. е. от формы прошедшего перфектного глагола: *навал-и́лъ* -> *навалю́*, *вы́ключ-илъ* -> *вы́ключу* «ich werde ganz gewiss darauf wälzen, ausschliessen» (с. 145). Ср. список примеров (с. 146).

При описании приставочных глаголов наблюдается множество аспектуальных признаков, выражаемых препозитивами. Так, модифицированная добавочная идея («eine modifizirte Nebenidee») (с. 137) сопоставляется с префиксами в немецком языке. Наряду с локальным значением приставка *воз*, *взо*, *вз* означает начало (начальную фазу) чего-либо («den *Anfang* von Etwas») (с. 138). Приставка *до* указывает на достижение цели («ein Ziel») и на конец (завершение) действия («eine Abmachung oder Beendigung dessen, was an eine Sache noch fehlt»), *дойти́* «*bis zum Ziele* gehen», *дочита́ть* «zu Ende lesen», *дописа́ть* «*bis zu Ende* schreiben», *додѣлать* «völlig fertig machen» (с. 139). Приставка *за* обозначает начало чего-либо («Den *Anfang* von Etwas») *заговори́ть* «zu sprechen anfangen», *на* означает исполнение действия («das *Vollbringen* einer Handlung schlechtweg») *наброса́ть* «auf-werfen», *написа́ть* «*fertig* schreiben», *нарисова́ть* «*fertig* zeichnen», с частицей *ся* она имеет значение изобилия («einen Ueberfluss») *наигра́ться* «sich satt spielen», *наговори́ться* «sich satt sprechen» (там же). *Про* имеет значение продолжения действия («die *Fortdauer* einer Handlung») *пробы́ть* «verweilen» (с. 141) и т. д.

Содержательные элементы, выражаемые приставками, не столь существенны и регулярны, как аспектуальные признаки четырех глагольных разрядов, но все же некоторые из них стали позже общеупотребительными выражениями аспектуаль-

[473] В этой связи приводятся лишь препозитивы *вы-*, *до-*, *за-*, *из-*, *на-*, *от-*, *по-*, *про-*, *раз-*, *с-*, *у-* (с. 144). Из подразумеваемых инфинитивных форм этой группы Таппе отмечает только *сдви́гать* (с. 145).

ности. Вообще проанализированные работы позволяют сделать вывод, что в описании отдельных явлений специфические элементы разного рода, в частности приставок, дополняют общее категориальное значение, не имея, однако, такой же регулярности и мощности, как общий категориальный элемент. Часто терминологические расхождения у грамматистов обусловливались неразработанностью категориального статуса описываемого явления языка.

Разряды «Arten» представляют собой не словоизменение одного глагола, а один глагол обладает только одной аспектуальностью во всех своих формах. Таким образом, в системе Таппе, например, форма *кольнулъ* не входит в парадигму глагола *колоть*. В пределах своей системы Таппе был прав, когда описал *хаживать* как самостоятельный, хотя и дефектный глагол. Порождая новые глаголы путем суффиксации и префиксации, образование аспектуальных разрядов Таппе представляет собой процесс словообразования и как бы предвосхищает систему Болдырева (1812).

Не от всех глаголов производятся все разряды. Из этого вытекает деление исходных глаголов на «vollständige» и «unvollständige» (с. 109). Ср. «полные», «неполные» и «недостаточные» глаголы в предшествующей русской традиции. Ср. также указание Таппе на семантические факторы («selbst der Natur derselben wegen») (с. 109), которые ставят запреты образованию глаголов отдельных разрядов.

Также неизбежный типовой глагол *двигать* является полным («ein vollständige Zeitwort») (с. 108), так как он имеет три основных времени и допускает образование глаголов всех аспектуальных разрядов. Однако в системе Таппе такие формы, как *двигаю*, *двигалъ* и *буду двигать* представляют собой времена неопределенного глагола *двигать* (ср. «die Tempora der Verba indefinita») (с. 108), в то время как темпоральные формы *двигалъ*, *двинулъ*, *двигивалъ* и *сдвигалъ* репрезентируют прошедшие времена четырех разных глаголов. Ср. иную трактовку этого глагола в традиции Академической грамматики.

Таппе обособляет, отделяет аспектуальную характеристику от темпоральной формы и переносит ее в глагол. Поводом этого переноса послужило его наблюдение, что один и тот же признак, например «simplex», фигурирует самостоятельно, в неизмененном виде в разных временных планах (см. Таппе 1810: 107-108, 1815: 158).

Исходная идея аспектуальной концепции Таппе (1810: 107) получила следующую формулировку:

> «Da man den hier §. 100 allererst bestimmten wesentlichen Unterschied, der in der Natur der russischen Verba gegründet ist, bisher nicht darstellte, wohl aber lange schon alles Formelle in den Biegungen der vollständigen Verba aufgefasst hatte, so legten alle Grammatiker zeithero die Charactere und Bestimmungen, die der Natur und dem Wesen der verschiedener Zeitwörter angehören, man weiss nicht warum, in das Tempus, und nahmen auf diese Art 8 bis 10 verschiedene Tempora an, nämlich: 1) Ein Präsens (настоя́щее вре́мя); z. B. дви́гаю, ich bewege...» (с. 107).

Ядро аспектуальной системы Таппе, заключающееся в мысли «verschiedene

Zeitwörter» (с. 107) вместо прежней «verschiedene Tempora», оказывается действительно значительным этапом в развитии аспектуального описания русского глагола, русской грамматической традиции.

Показав превосходство своей системы, Таппе все равно не осмеливается полностью отказаться от старого, а приводит как бы на всякий случай (или для наглядности своей инновации) «старую» систему восьми времен (с. 107), которую он заимствовал из грамматики Хайма (1804) (см. выше). При этом Таппе создал одну инновацию, а именно русский термин «давнопрошедшее учащательное» (с. 107). Так, если «давнопрошедшее многократное» - инновация Академической грамматики, то «давнопрошедшее учащательное» является «старомодным» созданием Таппе по содержанию текста Академической грамматики: «Давнопрошедшее многократное означаетъ многократное или учащательное дѣйствие или страданіе вещи давно совершившееся» (РГ 1802: 155, РГ 1809: 162). При этом примеры плюсквамперфекта *я бывало посѣщалъ* «ich *hatte* ehemals besucht» Таппе (1810: 107) и *бывало посѣщалъ* «ich *habe* ihn wohl ehemals besucht» Хайма (1804: 81) восходят оба к РГ (1802: 155) (и к Соколову 1792).

Как раз место (с. 108), где указывается, какими формами времени обладает каждый отдельный аспектуальный разряд, доказывает, что в представлении Таппе аспектуальность является независимой от времени категорией. Ср. Копитар (1808), Борн (1808), Бандтке (1808).

Принципиальная разница между Фатером и Таппе состоит в том, что если Фатер стремится решить вопрос, каким образом три или четыре аспектуальных признака могут совмещаться в формах, в основном в темпоральных, одного глагола («Ein Verbum»), то Таппе весьма радикально выделяет четыре аспектуальных класса глаголов, каждый из которых обладает собственной системой времен. С точки зрения решения этого существенного вопроса, системы Фатера и Таппе представляют собой теоретически совершенно противоположные подходы[474]. Таппе показывает возможность отказаться от ломоносовской традиции описания, закрепившейся в Академической грамматике. Канонизируя четвертый аспектуальный признак, Таппе в то же время отрывает обозначение аспектуальности от формы времени и присоединяет ее к глагольной лексеме.

Подводя итог изложенному, скажем, что во многом четырехчленный состав глаголов Таппе (1810) продолжает четырехчленную же систему Академической грамматики (1802) и ее последователей. Однако у Таппе применяется такой же принцип глагольной классификации, какой мы видели и в западной традиции, в частности у Бандтке (1808). От Бандтке система Таппе отличается в том отношении, что в ней четыре глагольных разряда являются между собой равноправными, в то время как у Бандтке перед количественой аспектуальностью высший статус занимают имперфективность и перфективность («Vollendung»). В дальнейшей истории описания два из четырех разрядов начинают выделяться как «главные» (см. ниже).

***

[474] Ср. Калинин (1940: 170): «Таким образом, Таппе сделал то, с чем не справился Фатер...он разчленил ломоносовское спряжение и положил начало новому учению о русских глаголах - теории видов».

Во втором издании вслед за Бернхарди (1805: 158) Таппе (1812: 42-43) поясняет сущность времен сопоставлениями «die Zeit als aine Linie», настоящее как «Central-Punct dieser Linie» (с. 43). Там же указывается на «Anfangspunct», «Mittelpunct» и «Endpunct» у Бернхарди (1805: 158), пространство времени «Zeitraum» (с. 44), ср. также Фатер (1808: 187). Там же поясняется, почему «Verba simplicia» не могут иметь настоящего времени: «Ein Präsens haben die Verba simplicia deshalb nicht, weil keine einmalige Handlung, gleichsam *wie ein mathematischer Punct*, in der Gegenwart, welche fliesst und fortläuft, statt finden kann, *car le moment où je parle est déjà loin de moi*. Nur in der Vergangenheit und Zukunft kann der Punkt als ruhend gedacht werden» (Таппе 1812: 175). Здесь сопоставление однократного действия с математическим пунктом перекликается со сходным выражением у Бернхарди (1805: 156). А к кому восходит французский текст, повторяющийся буквально у Рейфа (1821: 124), мы не знаем.

Выход в свет второго издания учебника Таппе (1812) ознаменовывает ряд новых фактов, отражающих дальнейшее развитие центральных идей нового направления описания аспектуальности. Так, если в 1810 году Таппе изменяет коренным образом темпорально-аспектуальную систему Академической грамматики (1802), то во втором издании он в свою очередь, сохраняя свою классификацию глаголов, приспосабливает свою систему по Гречу (1811), вводит в качестве параллельной его русскую терминологию, в частности его «два вида». При этом Таппе использует примеры Греча и добавляет в незначительно модифицированном виде к своим глагольным разрядам русскую терминологию Греча: 1. «просты́е, и́ли неопредѣле́нные глаго́лы», 2. «однокра́тные», 3. «учаща́тельные», 4. «соверше́нные, сло́жные» (Таппе 1812: 156). Как видим, по сравнению с Гречем (см. выше) Таппе лишь устранил из второй группы неудачную параллель «полные», поменял местами атрибуты четвертой группы, но сохранил «учащательные» как эквивалент своего «Frequentativa».

На термины Греча указывает прежде всего структура, в которой атрибут сочетается со словом «глаголъ». В такой позиции, например, атрибут «неопредѣленный» до Греча не встречается (ср. одновременно у Тимковского 1811). В связи с этим мы можем установить ряд взаимовлияний: «прошедшее и будущее неопредѣленное» (Ломоносов 1755) -> (РГ 1802 и 1809) -> «Präteritum indefinitum» и «das unbestimmte Futurum» (Хайм 1804: 80-81) -> «Praeteritum indefinitum» и «Futurum indefinitum» (Фатер 1808) -> «Verbum indefinitum» (Таппе 1810) -> «глаголъ неопредѣленный» (Греч 1811, Тимковский 1811, Таппе 1812).

Одно из существенных различий между системами Греча и Таппе заключается в том, что термин третьей группы глаголов «учащательные» обозначает у Греча (1811: 11) новую группу глаголов движения типа *ходить - идти*, а у Таппе (1812: 156) - бесприставочные собственно итеративные глаголы глаголы типа *двигивать*, *хаживать*. Таким образом, во втором издании Таппе (1812) русский термин «учащательный глаголъ» со значением собственно итератива типа *двигивать*, *хаживать* достигает как бы официального статуса аспектуального разряда, который продолжается до того, как Рейф (1821) заменяет его термином «многократный» («видъ») с тем же денотатом бесприставочного итератива. В дальнейшей традиции «учащательный» постепенно выходит из употребления (см. ниже).

Под влиянием («глаголы сложные или совершенные») Греча (1811) старый структурный термин «compositum» также у Таппе (1812: 184) в сочетании «Verba perfecta und composita» приобрел аспектуальное содержание, аналогичное комбинации «Verbum Simplex».

Один раз во втором издании учебника используется атрибут «durativ» для обозначения таких фактически инхоативных глаголов, как *пу́хнуть*, *со́хнуть*, *тону́ть* и *зя́бнуть* (Таппе 1812: 165). Ср. Борн (1808: 41). Пример глагола «simplex»: *Увидевъ его, я крикнулъ* «als ich ihn erblickte, that ich einen Schrei» Таппе (1812: 174) заимствовал у Греча (1811: 11). Среди наших источников метаязыковое выражение Таппе (1812: 174) «Ein inneres characteristisches Merkmal [der Verba simplicia]» применительно к определению семантического содержания глагольного разряда представляет первый случай аспектуального описания, где говорится о внутреннем отличительном признаке.

В сложном развитии описания аспектуальности несколько загадочное на первый взгляд новшество «неограниченный» оказывается созданием Таппе (1812: 178). Это обстоятельство объясняется так, что Таппе включил особую группу глаголов движения (*идти*, *ходить* и т. п.) лишь во второе издание, переводя «ограниченный видъ» и «ограниченные глаголы» Греча (1811: 11) на «die limitirte (begränzte) Art», «die limitirte (begränzte) Verba». При этом он составил ему остроумный логический противочлен «die illimitirte (unbeschränkte) Art», «die illimitirte (unbeschränkte) Verba» (Таппе 1812: 178, Таппе 1815: 179).

Таким образом, во втором издании своего учебника Таппе, наряду с немецкими терминами «die erste, illimitirte, unbeschränkte, Art» и «die zweite, limitirte, begänzte Art», создает и **русское** противопоставление «неограниченный - ограниченный видъ» (там же). Как видим, указанное нововведение сменило не совсем удачную оппозицию «учащательный - ограниченный видъ» Греча, в то время как термин «учаща́тельные» перешел у Таппе (1812: 156) в русскую параллель третьей группы глаголов «Verba Frequentativa», т. е. приобрел функцию, которой у него еще не было в первом издании. При этом фиксируется и тернарное терминологическое отношение «Bransche - Art - видъ», ср: «zwei verschiedene Branschen, von welchen wir die erste Art (видъ) die illimitirte (unbeschränkte, неограни́ченный), und die zweite die limitirte (begränzte, ограни́ченный), nennen wollen» (Таппе 1812: 178, 1815: 179). Следовательно, во втором издании Таппе заимствовал у Греча (1811: 11) русский параллельный термин «видъ» для обозначения двух разрядов глаголов движения[475].

Во втором издании своей книги Таппе вводит идею префиксальной перфективации глагола и вместе с тем первым использует слово «*Perfection*». Так, по мнению автора, приставка или модифицирует значение *глагола* или, выражая только перфективацию («nur eine Perfection»), придает глаголу («dem Verbum») понятие завершения («der Begriff der Vollendung») и полностью доведенного

[475] Таким образом, не соответствует фактам утверждение Булича (1904: 1010), что Греч якобы целиком заимствовал глагольную систему у Таппе. Вернее следует говорить о теснейшем взаимовлиянии обоих авторов. Ср. предисловие Таппе (1812: VIII), свидетельствующее о сотрудничестве с Гречем.

до конца действия («einer ganz zu Ende und völlig hinter sich gebrachten Handlung») (Таппе 1812: 180). Ср. «ganz zu Ende» выше.

Во второе издание Таппе включил также целый абзац, связанный с проблематикой статуса приставочных форм (1812: 185). Абзац, который заимствован целиком из «Опыта» Греча (1811: 14-15), имеет такой результат, что перфективы приобретают семантический признак, обозначенный словами «Beendigung», «beendigt», «geendigt». Таким образом старое содержательное обозначение «vollendet» становится параллельным с новым атрибутом «beendigt». Ср. «die Handlung ist beendigt», а также «eine völlig beendigte Handlung» Таппе (1812: 185, 186), соответствующие точно исходному «дѣйствіе...совершенно кончено» Греча (1811: 15). Есть и другие подобные аналогии.

Вместе с тем Таппе создает менее удачный термин («Verbum») «*Perfectum simplex*» (1812: 185), в котором соединяются признаки глаголов «Verbum perfectum» и «Verbum simplex», причем «simplex», как и прежде, указывает на семельфактивность. Своим новым термином Таппе дифференцирует глагол *сдви́нуть* от «Verbum Perfectum» *сдви́гать*, *переписать* и т. п.

Итак, переход от описания русских аспектуальных атрибутов временных форм к классификацию глаголов, бывший в зародыше в «Руководстве» Ивана Борна 1808 г., достигает решающего момента в первом издании учебника Таппе (1810) и получает дальнейшее развитие в «Опыте» Греча (1811) - словом, развивается в тесном сотрудничестве Таппе и Греча в 1811-1812 г. Этот способ канонизируется с выходом второго издания учебника Таппе (1812) с его русскими параллелями наименований аспектуальных глагольных разрядов. Научное филологическое оформление новый способ классификации приобретает в статье Болдырева 1812 г.

7.4. Начало формирования взглядов Николая Греча (1811)

1. В русской филологии первой трети XIX века журналист, писатель и филолог Николай Иванович Греч (1787-1867) известен как автор одной из первых историй русской литературы и составитель первой пространной научной грамматики русского языка (1827), увидевшей свет после Академической грамматики (1802)[476]. Деятельность Греча, как и его современников-грамматистов Востокова, Борна и Рейфа, связана с Санкт-Петербургом.

Среди звеньев развития аспектологических понятий и терминов «Опыт» Греча занимает неоспоримое место. Трактат Греча и первые издания учебника Таппе (1810, 1812) составляют для настоящего исследования неделимое единство. Так или иначе к этому бесспорному взаимоотношению относится и одновременное пособие по философскому познанию русского языка Тимковского 1811 г. Немаловажное значение должно иметь и тот факт, что Иван Борн работал в том же училище, где впоследствии преподавал и Николай Греч.

По всей вероятности, поводом составления «Опыта» послужили новые мысли, зародившиеся в работах Фатера, Борна и Таппе. Новый подход к аспектуальным

[476] О филологической деятельности Греча см. подробнее Добродомов (1987).

вопросам вызывался работами, в которых отражалась постепенная эмансипация вида от времени. Пусть Греч следовал, как утверждается, системам Борна и даже Таппе, но все равно в его «Опыте» отражается принципиально важное направление перехода, стремление к классификации глаголов, без чего, может быть, и не возник «видъ глагола». Когда Греч в начале своего трактата ссылается на «теории» Борна (с. 3), это значит, что он принялся классифицировать именно глаголы, а не времена.

2. Четыре глагольных разряда Греча отражают зарождение аспектуальных взглядов известного грамматиста. В становлении именно четырех разрядов Греча существенную роль играют «vier Arten» Таппе. Разительное, но во многом лишь мнимое сходство с классификацией Таппе (1810) заключается, помимо некоторых существенных принципиальных различий в содержании, в количестве и в иерархии описания классов[477].

Несмотря на то, что Греч исходит из классификации глаголов, его система представляет собой переходный тип, который пытается согласовать новый способ классификации глаголов с временами. «Опыт о русских спряжениях» 1811 г. ознаменовывает промежуточную и вместе с тем начальную фазу в том терминологическом преобразовании, в котором классификационное содержание «die Art» («von Zeitwörtern») Таппе (1810) постепенно переносится в «видъ» («глагола») Греча.

Следует учесть тот факт, что, характеризуя свои четыре разряда, Греч (1811: 5 и сл.) присоединяет русский аспектуальный атрибут («неопредѣленный», «однократный, «учащательный», «совершенный») к глаголу, а не только к названию времени. Вместе с тем при инфинитиве используются атрибуты «несовершенное» и «многократное»: «неокончательное несовершенное» (с. 13), «неокончательное многократное» (с. 6, 9). Здесь его «Опыт» коренным образом порывает с ломоносовской традицией, хотя и находится еще как бы на грани двух традиций.

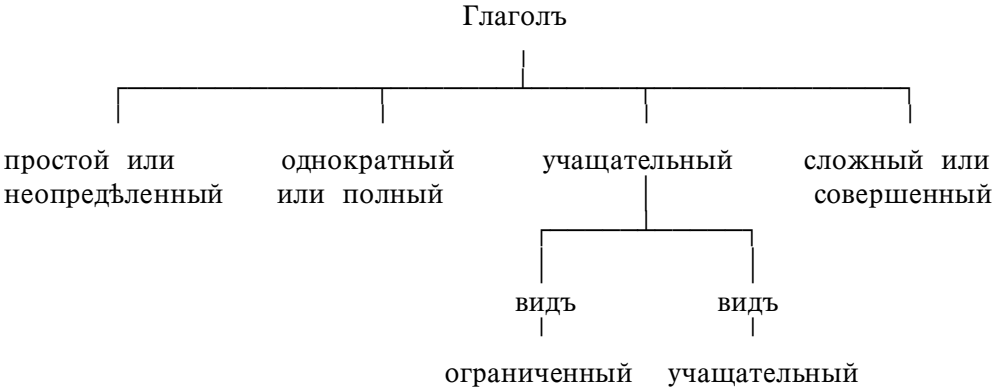
На примере одного из атрибутов могут быть показаны наличествующие одновременно три разных типа, в которых как бы устанавливаются и три фазы обозначения аспектуальности: 1. «прошедшее неопредѣленное», 2. «неокончательное неопредѣленное», 3. «глаголъ неопредѣленный». Как видно, «несовершенный» и «многократный» в третьей позиции у Греча пока не выступают. Вообще «Опыт» Греча подтверждает отмеченное нами выше явление, что аспектуальные атрибуты переходят в атрибуты слова «глаголъ» через наименование инфинитива и других неспрягаемых форм. Так обстоит дело и с «несовершенным», проникающим в эпитеты глагола через инфинитив.

Как бы в соответствии с ломоносовскими принципами описание Греча продвигается от простого к сложному, от неопределенного к специфическому, от «простого или неопредѣленного глагола» к «сложному или совершенному» (с. 5). Отчасти данный принцип объясняет и сущность глаголов второго разряда («однократные»), имеющих дополнительный назальный элемент *н* с его специфическим значением. Классификация - «свойства русскихъ глаголовъ» - содержит глаголы четырех аспектуальных разрядов:

[477] Трактат Греча отмечен в работах Булича (1904: 1010-1011), Ягича (1910: 175) и Виноградова (1947/1972: 381), которые, однако, во многом передают его содержание недостоверно.

«Глаголы дѣйствительные и средніе (возвратные...общіе) по свойству спряженій своихъ, раздѣляются на слѣдующіе четыре разряда: 1. Простые или неопредѣленные. 2. Однократные или полные. 3. Учащательные. 4. Сложные или совершенные» (с. 5).

Схема № 39. Разряды глаголов Греча (1811)[478]



Вариант А:
Глаголъ:
1. Простой или неопредѣленный - *я читаю, я дѣлалъ, я буду ѣсть*
2. Однократный или полный - *я крикнулъ, громъ грянулъ*
3. Учащательный:
а) видъ (глаголъ) ограниченный - *я иду въ садъ*
б) видъ (глаголъ) учащательный - *я хожу въ садъ*
4. Сложный или совершенный - *получать, я сказывалъ, я буду переписывать, получить, я перепишу*

Вариант Б с формами времени:
I. **Глаголъ** простой или неопредѣленный - *я читаю, я дѣлалъ, я буду ѣсть*. **Время**: 1. Настоящее [*читаю*][479]. 2. Прошедшее неопредѣленное [*читалъ*]. 3. Будущее неопредѣленное [*буду читать*]. 4. Прошедшее многократное [*читывалъ*], *игрывалъ*.

II. **Глаголъ** однократный или полный - *я крикнулъ, онъ шагнулъ, громъ грянулъ*. **Время**: 1. Настоящее [*кричу*]. 2. Прошедшее неопредѣленное [*кричалъ*]. 3. Прошедшее многократное [*крикивалъ*]. 4. Прошедшее однократное [*крикнулъ*]. 5. Будущее неопредѣленное [*буду кричать*]. 6. Будущее однократное [*крикну*].

III. **Глаголъ** учащательный:
а) видъ (глаголъ) ограниченный - *я иду въ садъ*.
б) видъ (глаголъ) учащательный - *я хожу въ садъ*.
Время: Имеет времена «простого» глагола, за исключением «прошедшего многократного», которого нет у «ограниченного» вида.

[478] См. Греч (1811: 5).

[479] Примеры в квадратных скобках реконструированы нами по смыслу текста подлинника.

IV. **Глаголъ** сложный или совершенный. **Время**: 1. Настоящее [*переписываю*]. 2. Прошедшее несовершенное [*переписывалъ*]. 3. Прошедшее совершенное [*переписалъ*]. 4. Будущее несовершенное (*буду переписывать*). 5. Будущее совершенное (*перепишу*).

Без более точного содержательного определения и без системного противопоставления термин «неопредѣленный глаголъ» оказывается не совсем удачным. Однако он составляет базу, от которой производятся другие типы глаголов. Так, термин «неопредѣленный» применяется к глаголам первого разряда, слово же «опредѣленный» в метаязык Греча здесь не входит[480].

Своими инновациями «будущее несовершенное» (с. 14, 15), «наклоненіе неокончательное несовершенное» (*переписывать*) (с. 13, 21) и «повелительное несовершенное» (с. 14) Греч существенно расширяет сферу употребления атрибута «*несовершенное*» (хотя и не употребляет его при глаголе, как Борн). Ср. также «времена несовершенные», которые противостоят «временам совершенным» (с. 21). По сравнению, например, с Соколовым (1792, 1806) и Орнатовским (1810), не говоря об Академической грамматике, это является значительным обобщением данного атрибута.

Здесь важно отметить, что атрибут «несовершенное» выступает только в пределах четвертого разряда глаголов Греча. Итак, «прошедшее несовершенное» и инновация «будущее несовершенное» репрезентируют только «глагол сложный или совершенный», в то время как «прошедшее неопредѣленное» и «будущее неопредѣленное» относятся к глаголу «простому» и «полному», отчасти «учащательному».

Признак определенности - неопределенности не характеризует форм приставочных глаголов четвертого разряда, которым свойственно присутствие или отсутствие признака завершения (конца) действия. На «совершенно конченное» действие указывают времена «прошедшее и будущее совершенное». Признак «конца» сохраняется и в более поздних описаниях Греча (см. ниже).

Вслед за Борном, Греч систематически использует выражение «прошедшее многократное», а не «давнопрошедшее многократное» Академической грамматики и некоторых ее последователей. Так, «прошедшее многократное» (*хаживалъ въ Марьину рощу*, *игрывалъ въ мячи*) характеризуется тремя признаками: 1. повторяемостью («нѣсколько разъ»), 2. отдаленностью («давно»), 3. хабитуальностью («pflegte») (с. 8). Ср. «pflegte» также у Таппе (1810: 107).

Второй разряд называется «полнымъ», потому что именно однократность, времена и неспрягаемые «однократные» формы, дополняют уже существующий репертуар аспектуальных признаков, делают его (более) «полным». Существенным оказывается новый содержательный признак «*физическое дѣйствіе*» (с. 8), отличающий эти глаголы от «полных» в предшествующей традиции. Наряду с «*движеніемъ съ мѣста*» этот признак приобретает особую значимость.

[480] По мнению Добровского (1820: XXXII), деление глаголов на: «1. einfache, 2. volle, 3. frequentative, 4. zusammengesetzte» Греча учитывает скорее большую или меньшую длительность, чем собственно спряжение («mehr die längere und kürzere Dauer, als die eigentliche Biegung»). Здесь выражение «die längere und kürzere Dauer» типично для метаязыка Добровского.

«Однократные времена» означают действие, которое «совершилось или совершится однажды» (*я крикнулъ*, *Онъ шагнулъ*. *Il fit **un** pas*. *Громъ грянулъ Es erfolgte **ein** Donnerschlag*) (с. 10). Согласно автору, в немецком и французском языках данное значение единичности может выражаться «особенными оборотами и прибавленіемъ наречій» (с. 11). Здесь «обороты» и «наречия» предвещают «périphrases» и «adverbes» Рейфа (1821: 146) и далее «постороннія обстоятельства» Греча (1827: 245) (см. ниже).

В пределах четвертого глагольного разряда с применением двух атрибутов «несовершенное» и «совершенное» (и «совершенный») впервые в русской традиции описывается «почти» правильно дихотомия аспектуальной системы как при формах времени, так и при неспрягаемых формах глагола:

> «Несовершенное прошедшее и несовершенное будущее означаютъ дѣйствіе, которое происходило или будетъ происходить, не показывая, кончено или кончится ли оно. Я *сказывалъ*, ich sagte. Je disois. Я *буду переписывать* до семи часовъ. Ich werde mich bis sieben Uhr mit dem Abschreiben beschäftigen. Je m'occupperai à copier jusqu'à sept heures. - Совершенные же времена, прошедшее и будущее, означаютъ дѣйствіе, которое было или будетъ совершенно кончено. Я *перепишу* все это до семи часовъ. Bis sieben Uhr werde ich alles dies abgeschrieben haben. À sept heures j'aurai copié tout cela» (с. 15).

Признак разовости выделяется и в приставочных формах, которые все равно остаются глаголами четвертого разряда. Если префикс присоединяется к «однократному», т. е. семельфактивному «времени», то в действии *столкнулъ* объединяются «два смысла» - совершенности («совершенно») и однократности («въ одинъ разъ») (с. 16). Кроме того, тут однократность противопоставляется многократности (множественности) формы *столкалъ* («сбросилъ многими толчками») (там же). В современном смысле речь идет об акционсартных различиях в сфере перфективности. Вообще весьма интересно иллюстрируются различия между значениями форм *столкнулъ*, *столкалъ*, *толкнулъ*, *сталкивалъ* и *толкалъ*[481] Здесь отмечается и значение конативности и безуспешной попытки формы *сталкивалъ*[482]. Ср. Таппе (1812: 185), который заимствовал все это до примеров и создал новый термин «Perfectum simplex» для глаголов типа *столкнуть*. То же самое мы увидим у Рейфа (1821: 180). Ср. трактовку форм типа *сдви́галъ* и *сдвинулъ* в РГ (1802: 155). Позже данное акционсартное различие *внутри совершенного вида* подробно описывается Гречем 1827 и Востоковым 1831 (см. ниже).

Перенос аспектуального атрибута от формы времени к глаголу наблюдается и в том, что «глаголами *совершенно-простыми*» называются бесприставочные перфективы типа *бросить* (с. 16), будущее которых в РГ (1802: 177) и у Соколова (1806: 124) носит название «будущее *совершенное простое*».

Исходной базой («корнем»), от которой образуются формы глагола, является «неокончательное неопредѣленное наклонение», т. е. инфинитив «простого или

---

[481] Современные словари МАС (IV: 272) и Ушаков (IV: 529) отмечают пару *столка́ть* - *ста́лкивать* наряду с *столкну́ть* - *ста́лкивать* как «просторечную», причем глаголу *столка́ть* дается то же значение множественности, которое содержится в толковании «многими толчками» Греча (с. 16).

[482] О конативности и безуспешной попытке см. Маслов (1978: 16).

неопредѣленного» глагола (*читать* и т. п.). За исключением «учащательных», от этой базовой формы производятся также инфинитивы других глагольных классов. Так, настоящее и неопределенные времена образуются от инфинитива неопределенного (простого) глагола, а «прошедшее многократное» - от «неокончательного многократного» (с. 17).

Принципиальное значение имеет факт, что образование глагольных разрядов совершается при инфинитиве (как бы на уровне лексемы) (*толкать* -> *толкнуть*) (с. 19), (*писать* -> *переписать*, *писывать* -> *переписывать*), а формы времени образуются от инфинитива (*переписывать* -> *переписывалъ*, *буду переписывать*) (с. 21), а не от других форм времени. В своем замечании Греч, однако, приводит напрасно старое правило, которое противоречит его правильной идее производить формы времени от двух инфинитивов (с. 22). Там же отмечается повторяющаяся впоследствии неоднократно необходимость в «многократном» инфинитиве для образования «несовершенного» инфинитива, т. е. отсутствие «многократного» оказывается причиной аспектуальной и темпоральной дефектности.

В основе формальной классификации Греча лежит принцип ломоносовской традиции делить глаголы на простые и сложные, который доводится в исправленном виде до грамматики 1827 года.

По сравнению с ломоносовской традицией функции терминов «совершенный», и в особенности «несовершенный» изменились так, что они могут относиться и к слову «глаголъ». Однако переходная стадия описания сказывается в такой непоследовательности, что «совершенный» глагол имеет «наклонение несовершенное» (с. 13). В первичной системе Ломоносова такого противоречия не возникало, так как у него «сложенный» и «совершенное» имели разные функции.

Мнимое терминологическое противоречие вытекает из несколько неудачного совмещения в одном именовании атрибутов двух разных категорий. «Сложные или совершенные глаголы» Греча (1811) являются всегда приставочными, но не обязательно перфективными глаголами. Это объясняется тем, что при «глаголе» атрибут «совершенный» обозначает приставочный глагол, а в составе со словом «время» - перфективную темпорально-аспектуальную форму, например «прошедшее совершенное» в его противопоставлении «прошедшему несовершенному» от приставочного («сложного или совершенного») глагола *переписывать* - *переписать*. Этой, бесспорно, неудачно сформулированной идеи, осложненной толкованием союза «или», критики Греча не поняли.

Система Греча не содержит «глаголовъ многократныхъ» (ср. Борн), так как атрибут «многократное» сочетается только со словами «прошедшее» (6, 7, 8, 9, 10) и с «неокончательным наклоненіемъ» (6, 9) в качестве стержневого элемента составного термина. Ряд глаголов (*чувствовать* и т. п.) не имеет «многократнаго неокончательнаго наклоненія» (с. 7).

От прежней традиции «простые глаголы» Греча отличаются так, что, помимо приставки, им недостает также «однократного окончанія на нуть» (с. 6). Следовательно, Греч обратил внимание на сходные свойства приставки и элемента *нуть*. Первый разряд составляет семантически нейтральный исходный класс, который не допускает добавочных элементов перфективности.

В своей скромной брошюре Николай Греч первым в истории описания русского глагола выделил особую группу глаголов движения, называемых им «учащательными». Как известно, в последующей традиции им посвящена огромная исследовательская литература. Весьма любопытным образом, как увидим ниже, с этой инновацией сопряжена история слова «видъ» и категоризация глаголов.

> «Русский языкъ имѣетъ еще особый родъ глаголовъ, котораго не находимъ въ другихъ языкахъ - глаголовъ *учащательныхъ*. Глаголы сіи всегда означаютъ какое нибудь движеніе съ мѣста. Сіи глаголы имеютъ по два вида: *учащательный* и *ограниченный*, изъ коихъ каждый, имея наклоненія и времена простаго, спрягается, какъ особый таковый глаголъ» (с. 11).

Терминологически глаголы «учащательные» Греча, естественно, восходят к инновации Смотрицкого, сохранившейся на протяжении всей ломоносовской традиции. Их содержательная связь с предшествующей традицией выявляется в том, что уже среди «учащательных» Смотрицкого были глаголы перемещения *бѣгаю* и *лѣтаю*, к которым Ломоносов добавил *таскаю*. Ср. Ломоносов (1755: 483), РГ (1802: 151), РГ (1809: 158). Если же идея об «учащательных» глаголах движения Греча перекликается с сингулярными и итеративными глаголами перемещения Добровского (1809: 138), то и «видъ» Греча имеет связь с «формами» Добровского. Однако в свете анализа грамматики Фатера нам представляется, что в новой функции «учащательных глаголов» Греча, а именно в новом термине «ограниченный», отражается функциональное различие, установленное в терминах «die engere Bedeutung» и «die weitere Bedeutung» Фатером (1808: 102) (см. выше).

Определение различия между «ограниченным» и «учащательным» действиями основывается на признаке локализованности (актуальности) - нелокализованности (неактуальности) действия во времени[483]:

> «Оба вида означаютъ одно и тоже дѣйствіе съ тою разницею, что *ограниченный* глаголъ опредѣляетъ самое то время, въ которое дѣйствіе совершается, а *учащательный* показываетъ только обыкновеніе или способность къ дѣйствію...Я *иду* въ садъ значитъ: ich gehe (jetzt eben) in den Garten; я *хожу* въ садъ: ich habe die Gewohnheit, ich pflege in den Garten zu gehen» (с. 12).

Не исключено, что выделение признаков локализованности и актуальности восходят к толкованиям Соколова (см. выше).

От «Verba frequentativa» (*двигивать*) Таппе (1810: 105) «учащательные глаголы» с их «двумя видами» Греча (1811: 5, 11, 20) отличаются коренным образом тем, что они охватывают совершенно иную группу глаголов движения типа *идти - ходить*. «Ограниченный видъ» и «глаголъ» (*иду*) и «учащательный видъ» и «глаголъ» (*хожу*) представляют собой два подразделения третьего самостоятельного глагольного разряда в системе Греча. Здесь «учащательный» выступает одновременно в функции рода и вида, тогда как «ограниченный» функционирует лишь как видовой и вместе с тем как новый русский термин, введенный Гречем. Система Греча не содержит термина «неограниченный». Эту неловкость Таппе (1812) устранил во втором издании своего учебника (см. выше).

[483] О данных признаках в современной аспектологии см. Лейнонен (1982).

Греч изменил также содержание, которое «учащательный глаголъ» имел в традиции Смотрицкого и Ломоносова. Теперь данному глаголу придается новая функция («движеніе съ мѣста»), определяемая исключительно на семантическом основании (с. 11). Так, новая задача «учащательного» целиком отличается от старого определения, базировавшегося, помимо значения, на деривационной финали *аю*, *яю* (*бѣгаю*, *читаю*)[484]. Это значит, что «учащательный глаголъ» Греча обособился также от собственно итеративных глаголов[485].

В системе Греча глагол «учащательного вида» (*ходить*) отличается принципиально и четко от многократности отдельной формы, например, инфинитива «неокончательное многократное (*хаживать*) и формы «прошедшее многократное» (*хаживалъ*). «Многократные» формы могут иметь глаголы отдельных разрядов, например, первого, второго и даже глаголы «учащательного вида» третьего разряда (но не глаголы типа *идти* «ограниченного вида»). Итак, согласно Гречу, «прошедшее многократное» *хаживалъ* является формой глагола «учащательного вида» третьего глагольного разряда *ходить*. Таким же образом, *игрывалъ* - это «прошедшее многократное» от «простого неопредѣленного» глагола первого разряда *играть* (с. 8) и т. д.

Новаторство Греча заключается в различении «учащательных глаголов» нового типа. В свете этого неудивительно, что многие грамматисты и науковеды не понимали сущности системы Греча, которая по вразумительным причинам не прославилась продуманной ясностью изложения.

Через глагольные «разряды» аспектуальная классификация Греча вписывается в одну и ту же *новую* линию описания с Борном и Таппе. Однако, по сравнению с Таппе (1810), «Опыт» Греча выявляет существенные различия, в особенности по части новых функций «учащательных глаголов»[486]. Несмотря на это, «видъ» (и/или «разрядъ») Греча может находиться в преемственном отношении со словом «Art» Таппе.

Бесспорным фактом является то, что в 1811 году Греч первым использовал слово «*видъ*» в специфическом аспектуальном применении к двум подгруппам его же «глаголовъ учащательныхъ». На этом историческом этапе термин «видъ», однако, выступает фактически в функции подвида. Ср. сюда же оценка Востокова (1811).

---

[484] В своем «разсмотреніи» А. Х. Востоков (1811: 24) обращает внимание на «достопримѣчательное различіе *глаголовъ* неопредѣленныхъ, полныхъ, учащательныхъ и совершенныхъ» Греча. Востоков ошибается, утверждая, что «учащательные глаголы» нового типа Греча якобы образуются «перемѣною окончанія изъ нѣкоторыхъ неопредѣленныхъ» (с. 29). В наше приложение включены лишь те основные случаи, в которых Востоков дублирует терминологию Греча.

[485] Согласно Виноградову (1947/1972: 381), Греч впервые точно отделил «учащательные» (*ходить* и т. п.) от «категории многократного вида», т. е. от итеративов типа *хаживать*. Тут Виноградов, реферируя Греча по Буличу и Крыгину, упустил из виду важнейшую инновацию Греча, заключающуюся в том, что «учащательный» и «ограниченный» виды составляют вместе единую акционсартную группу глаголов движения, названных намного позже «однонаправленными» и «неоднонаправленными». Ср. Мякиля (1988: 19-20). Категории «многократный вид», о котором говорит Виноградов, в 1811 году еще не могло быть.

[486] Ср. несколько иное мнение Виноградова (1947/1972: 381).

На примере «Опыта» Греча можно также установить, что атрибут начинает воздействовать на семантику стержневого слова составного термина. Устанавливается следующее двунаправленное влияние: «ограниченный видъ учащательныхъ глаголовъ» -> «глаголъ ограниченного вида» -> «**глаголъ** ограниченный», «**видъ** ограниченный» <- «ограниченный видъ учащательныхъ глаголовъ».

7.5. Аспектуальные «роды» глаголов А. В. Болдырева (1812)

В период продолжающегося распада ломоносовской традиции и продвигающейся революции аспектуального описания неоспоримое место занимают статьи о русском глаголе профессора Московского университета Алексея Васильевича Болдырева (1780-1842). Общая науковедческая значимость классификации глаголов и нового определения соотношения аспектуальности и спряжения Алексея Болдырева состоит в том, что они изложены в серьезной научной статье, написанной по-русски русским ученым-филологом.

Известная критика Болдырева по поводу описания русского глагола состоит в демонстрации дефектности и избыточности глаголов, описанных по системе Академической грамматики (1802), вообще в несостоятельности описания аспектуально-темпорального состава русского глагола в данной грамматике, обусловленной отсутствием аспектуальной глагольной классификации в традиции Ломоносова.

Так как «число недостаточных [глаголов] чрезвычайно велико», многие глаголы не имеют полного состава восьми времен (с. 67). Так, согласно Болдыреву, «давнопрошедшего» не имеют такие глаголы, как *поражать*, *страдать*, *вянуть*. Глаголы *знать*, *дѣлать*, *велѣть*, *красть* и т. п. не имеют «прошедшего и будущего однократного», глаголы *разхаживать*, *здравствовать*, *бывать* и др. не имеют «прошедшего и будущего совершенного», у глаголов *нагуляться*, *набегаться*, *насмотреться*, *заснуть* и др. нет «настоящего времени» и т. д. (там же). Говоря о «полных» и «недостаточных» глаголах в Академической грамматике, Болдырев констатирует: «я не знаю, найдется ли десять полныхъ глаголовъ» (с. 68, замечание). Ср. об этом уже у Ломоносова (1755: 499, 535). Болдырев считает странным, что одному и тому же глаголу приписываются четыре инфинитива (с. 68). В отличие от русского, в других языках в спряжение простого глагола не входят формы сложного глагола (там же). Ср. *воевать* и *завоевать* в РГ (1802: 197-199). Грамматика не указывает, от какого из сложных глаголов *обругать*, *изругать*, *выругать* и т. п. должны быть «заимствованы» «прошедшее и будущее совершенное» для простого глагола *ругать* (с. 69)[487].

Мысли Болдырева по поводу темпоральной дефектности большинства русских глаголов и включения в спряжение одного глагола форм разных глаголов означали поворот в русской традиции аспектуального описания. На основании своей критики Болдырев предлагает обратный порядок описания, по которому нам сперва необходимо составить аспектуальную классификацию всех глаголов («всѣ **роды** глаголовъ»), а лишь потом «разберемъ самое спряженїе» (с. 70).

[487] О критических замечаниях Болдырева см. подробнее: Шафранов (1852: 17-22), Крыгин (1889: 427-432), Булич (1904: 1013-1014), Калинин (1940: 170), Виноградов (1947/1972: 380-381).

Старинная идея суффиксальной деривации у Болдырева находит отражение в противопоставлении «первоначальный» - «производный», в котором «первоначальный» соответствует, конечно, «первообразному»: «Глаголы можно раздѣлить по наружному ихъ виду на два класса: на первоначальные и производные» (с. 70). «Первоначальными» являются *дергать*, *сидѣть*, *колоть* и т. д., «производными» - *дернуть*, *сиживать*, *кольнуть*, *калывать*, *грубѣть*, *каменѣть* и др., «которые берутъ начало отъ другихъ словъ», в том числе от других глаголов (там же). Не используя слова «начертаніе», Болдырев лаконично лишь констатирует наличие «простыхъ или сложныхъ» глаголов (с. 71). Название инфинитива «неопредѣленное наклоненїе» у Болдырева (с. 72) относится к традиции Смотрицкого.

Таким образом, слово «видъ» выступает лишь в неоднократно отмеченном исследователями сочетании «по наружному ихъ виду» (с. 70), в котором данное слово «видъ» содержит лишь импликацию на традиционную суффиксальную деривацию, порождающую разные глагольные группы в духе традиции Смотрицкого. Однако в данном случае данное слово употребляется в общем значении «вид»$_0$. Аналогичное употребление «наружного вида» фигурирует у Болдырева (1812а: 36, 37). Иначе обстоит дело с термином «родъ» («всѣ роды глаголовъ) (с. 70, 71), который применяется к классификации глаголов по их аспектуальным признакам[488]. В той же функции Болдырев совершенно правильно использует «классы» глаголов (с. 70).

По собственным словам Болдырева (1812а: 31), определенное воздействие на его концепции по глаголу оказывала «всеобщая грамматика», получившая официальный статус в учебных заведениях России начала XIX в.[489] Ср. также «образец всеобщего спряжения» Болдырева 1812а: 32). Так, по всей вероятности, термин «*роды глаголовъ*» Болдырева соприкасается со словом «роды» у Язвицкого или же восходит непосредственно к «sortes» грамматики Пор-Рояля. На связь с этой грамматикой указывают также некоторые обороты при описании будущего (1812а: 39), особенно «случиться вскорѣ», ср. Язвицкий (1810: 89). Ср. также «особый *родъ глаголовъ*...учащательныхъ» у Греча (1811: 11).

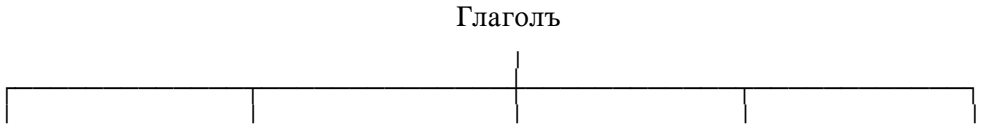
На основании семантических характеристик выделяется «пять классовъ» глаголов, которые определяются следующим образом:

> «**Начинательные** показываютъ начало состоянїя или дѣйствїя, на пр. *сѣдѣть*, *бѣлѣть*, *твердѣть*, *грубѣть* и проч. **Неопредѣленные** выражаютъ нѣкоторое продолженїе состоянїя или дѣйствїя, на пр. *дѣлать*, *любить*, *терпѣть*, *бѣгать* и проч. **Учащательные** показываютъ дѣйствїе, повторенное нѣсколько разъ и притомъ въ разные времена, на пр. *дѣлывать*, *двигивать*, *калывать*, *хаживать* и проч. **Однократные** показываютъ дѣйствїе, случившееся одинъ разъ, на пр. *дернуть*, *свиснуть*, *толкнуть*, *хлопнуть* и проч. Наконецъ **совершенные** выражаютъ дѣйствїе, которое должно быть произведено вдругъ, на пр. *срубить*, *придѣлать*, *разбить*, *вырвать*, *запереть* и проч.» (с. 71).

[488] Термин «роды глаголовъ» Болдырева соответствует точно латинскому термину «genera verborum», но отличается от него указанием на аспектуальность вместо залоговости. Ср. «родъ, роды» в качестве классификационного слова у Язвицкого и Орнатовского.

[489] См. Кульман (1917: 61).

Схема № 40. Пятичленная система глаголов Болдырева (1812)[490]



Глаголъ:
начинательный - *сѣдѣть*, *бѣлѣть*, *твердѣть*, *грубѣть*
неопредѣленный - *дѣлать*, *любить*, *терпѣть*, *бѣгать*
учащательный - *дѣлывать*, *двигивать*, *калывать*, *хаживать*
однократный - *дернуть*, *свиснуть*, *толкнуть*, *хлопнуть*
совершенный - *срубить*, *придѣлать*, *разбить*, *вырвать*, *запереть*

Как семантическая, так и формальная классификация Болдырева касается самостоятельных глаголов, имеющих самостоятельную же темпоральную систему двух времен настоящего и прошедшего. Как уже у Борна (1808), Таппе (1810) и Греча (1811), аспектуальные атрибуты у Болдырева, примыкая к «глаголу», определяют его как стержневое слово[491].

В свете примеров *сѣдѣть*, *белѣть* и т. п. под «начинательными» со значением начала действия подразумевается ограниченная акционсартная группа инхоативов (с. 71), которые, как уже говорилось, были сознательно оставлены вне регулярной аспектуальной (видовой) системы уже Смотрицким (см. выше).

В представлении Болдырева, как и у Таппе, все глаголы являются одновидовыми. Сопоставление классификаций Болдырева и Таппе (1810: 105) обнаруживает поразительное сходство как в именовании, так и в содержании, ср. соответствия: «неопредѣленные» - «indefinita», «учащательные» - «frequentativa», «однократные» - «simplicia», «совершенные» - «Verba perfecta». Единственную отличительную группу составляют «начинательные», которые у Таппе не входят в собственно аспектуальные разряды и которых сам Болдырев (1812а) исключил из состава своей классификации. Однако и те могут восходить к «Verba inchoativa» Таппе (1810: 134). Немаловажным фактом является и порядок экспозиции - от «начинательных» и «неопредѣленных» к «совершенным». При этом следует учесть, что аспектуальная терминология Болдырева не содержит ни одного новшества. Следовательно, сочетание «неопредѣленный глаголъ» с аспектуальным атрибутом при «глаголе» выступает у Болдырева лишь после Греча (1811: 5) и Таппе (1812: 156) (ср. выше).

Интересно, что Болдырев прибег к сочетанию «глаголы неопредѣленные», хотя ему должно было известно название «глаголы несовершенные» Борна. То же самое

[490] См. Болдырев (1812: 70-71).

[491] Об аспектуальных разрядах и новой системе времен Болдырева писали Грунский (1910: 108), Мазон (1913: 355-357), Калинин (1940: 170), Виноградов (1947/1972: 380), Григорян (1955: 10). Гонда (1962: 9). В своем изложении теории Болдырева Бинник (1991: 140) использует английские переводы терминов Болдырева. Любопытно, что в свое время Потебня (1891/1941: 18) сопоставил классификации Болдырева и Крижанича и обратил внимание на экспликацию «вдругъ» «совершенных» глаголов Болдырева. Такое же сопоставление было сделано уже Балицким (1876: 9-10).

касается «глаголов учащательных, замененных фактически еще Борном на «глаголы многократные».

Мы не знаем, выделяет ли Болдырев сознательно «состояніе или дѣйствіе» при описании двух первых групп, и только «дѣйствіе» для остальных глагольных разрядов. Содержательным признаком «неопредѣленных» глаголов считается «продолженіе» действия, которое наблюдается уже у Ломоносова в качестве содержания «прошедшего неопредѣленного». Экспликация «действіе, которое должно быть произведено вдругъ», приписываемая автором «совершенным глаголам», отражает сравнительно поздно укоренившийся признак внезапного и неожиданного действия (ср. выше Соколов).

Одна из центральных идей Болдырева, подчеркивающих самостоятельность глагола, заключается в том, что каждый отдельный глагол, «какого бы рода онъ ни былъ, долженъ спрягаться отдѣльно отъ другихъ», т. е. глагол каждого аспектуального класса имеет свое собственное спряжение со своими формами времени (с. 72).

При помощи глаголов *дуть*, *дунуть*, *сдуть* и *дувать* Болдырев доказывает (с. 72), что речь идет о четырех разных глаголах, а не о спряжении одного глагола, как это описано в РГ (1802: 206-209). Так, если Академическая грамматика вообще не указывает, какую позицию должны занимать такие формы, как *сдувать* и *укалывать*, то Болдырев доказывает, что форма *сдуваю* является настоящим временем «сложного глагола» *сдувать*, который образуется префиксом от «учащательного» *дувать* (с. 74)[492]. Аналогично форма *завоевываю* является настоящим временем сложного глагола *завоевывать*, в образовании которого участвует «учащательный» *воевывать* (с. 76).

Акционсартные различия глаголов великолепно освещаются при помощи французского и немецкого языков: «*Дунулъ* не значитъ просто: il souffla, но il souffla une fois. *Сдулъ* получаетъ также новую идею, которая не была заключена въ значенїи глагола *дуть*; ибо онъ значитъ: il souffla de dessus, il emporta en soufflant; или какъ Нѣмцы говорятъ er hat weggeblasen. Форма *дувалъ* не значитъ: il avoit soufflé, но souffla plusieurs fois, à plusieurs reprises» (с. 73). Ср. Модрю выше.

Показывая, как Академическая грамматика (1802: 197) вмещает в спряжение одного глагола «три различныхъ глагола»: «неопредѣленный» *воевать*, «сложный совершенный» *завоевать* и «учащательный» *воевывать*, Болдырев доказывает, что «учащательный» *воевывать* не входит в спряжение глагола *воевать* «по своему роду» (с. 75), т. е. именно по своей аспектуальной характеристике[493]. Любопытно, однако, что в контексте, на который ссылается автор, совсем нет «учащательного глагола», а инфинитив «наклоненіе неокончательное многократное» (*воевывать*) (РГ 1802: 197). Эта терминологическая сложность объясняется

[492] Согласно Ю.С. Маслову (1959: 169), «Болдырев доказал лишь то, что глаголы разного способа действия - разные глаголы. Вопроса же о виде как таковом он просто не затрагивает».

[493] Позже эти наблюдения Болдырева принял в своей рецензии Академической грамматики Н. Греч (1819: 317), отмечая, что в спряжение одного глагола могут входить только формы (*завоевалъ*, *завоюю*, *завоевывалъ*, *завоевываю* и т. д.) с одинаковым лексическим значением.

отсутствием «многократного» в глагольной системе и метаязыке Болдырева.

Итак, идеи Болдырева относительно отношения глагола и его спряжения можно подытожить так: одним из критериев различения глаголов у Болдырева является то, что в спряжении одного глагола не допускается двух или более временных форм одного и того же временного плана, в частности форм настоящего времени. На основании этого критерия *дуть*, *дувать*, *сдувать* (как и *раздувать*, *продувать*, *надувать*) и *дунуть* - разные глаголы, так как каждый из них имеет свое настояшее время: *дую*, *дуваю*, *сдуваю* и даже *дуну*, которое также считается Болдыревым «настоящим временем» (с. 75) или по новой терминологии «неопредѣленным» (Болдырев 1812а: 45).

Болдырев считает «учащательные глаголы» *дувать*, *воевывать*, *калывать*, *двигивать*, *хаживать* и т. п. несамостоятельными, «неупотребительными сами по себѣ», которые выступают только в составе сложных глаголов типа *раздувать*, *продувать*, *надувать*, *сдувать*, *завоевывать* (с. 74-75). Ср. его мысли о глаголах типа *выкалываю* (с. 79), об отношении глаголов *дувать* и *раздуваю* (Болдырев 1812а: 33) и наконец о сложных глаголах *разхаживаю*, *высиживаю*, *пересаживаю*, *завоевываю*, которые составлены от «простых сами по себѣ не употребительных учащательных» *хаживаю* и т. д. (Болдырев 1816: 123). Таким образом, в системе Болдырева также имперфективные сложные глаголы типа *раздувать*, *завоевывать* должны относиться к группе «неопредѣленных».

***

В своей второй статье Болдырев стремится «исправить ошибки», обусловленные тем, что «Грамматика [1802] назначила для глагола больше времен, нежели онъ имѣетъ» (Болдырев 1812а: 32). С этой целью Болдырев предлагает «правильно отдѣлить одинъ глаголъ отъ другаго, сыскать подлинное число временъ и составить образец всеобщего спряжения» (с. 32 и сл.).

Чтобы показать «правильное» число форм, Болдырев, отказываясь теперь от «начинательных глаголов», приводит четыре глагольных разряда и соответствующие формы спряжения (мы опускаем здесь формы повелительного наклонения, причастий и деепричастий): «Неопредѣленный» *дуть*, 1. *дую*, 2. *дулъ*, 3. *буду дуть*, «Однократный» *дунуть*, 1. *дуну*, 2. *дунулъ*, «Совершенный» *сдуть*, 1. *сдую*, 2. *сдулъ*, «Учащательный» *дувать*, 1. *дуваю*, 2. *дувалъ*, 3. *буду дувать* (с. 33). Вместе с тем Болдырев как бы готов уже отказаться также от «учащательных» или же объединить «неопредѣленные» и «учащательные», с одной стороны, и «однократные» и «совершенные», с другой стороны (с. 34).

Свою центральную мысль, в которой сопрягаются аспектуальный «родъ глагола» и шесть форм «всеобщего спряжения» Болдырев сформулировал так: «всякой глаголъ, какого бы роду онъ ни былъ, непремѣнно и необходимо долженъ имѣть всѣ сїи 6 формъ» (с. 35).

Болдырев первым разграничивает строго словообразовательные и словоизменительные процессы, разграничивая при этом лексико-семантические и грамматические значения. Важнейшее и совершенно новое наблюдение заключается в том, что присоединение приставки («частицы») к настоящему времени простого глагола может изменить значение самого глагола, но «не имѣетъ и не должна имѣть

никакого влїянїя на перемѣну времени» (с. 38), т. е. приставка, формируя сложный глагол, не имеет влияния на значение времени нового образования, не вызывает значения будущего, так как «время не перемѣняется...ни в иностранных языках, ни в русских *ношу - подношу*, *даю - придаю*» (с. 37-38). Следовательно, Болдырев признает только чисто словообразовательную функцию префиксации и порывает с весьма длительной традицией, в которой одна форма времени образуется префиксом от другой формы времени (см. выше).

По справедливому замечанию автора, русские *ношу* и *подношу*, *даю* и *придаю*, *гоню* и *загоню*, *страдаю*, *сострадаю* и *пострадаю* являются формами настоящего времени, равно как и иноязычные «λέγω, συλλέγω, voco, advoco, convoco, io fido, io confido, je fais, je refais; ich gehe, ich entgehe, I move, I remove» (с. 38). Поскольку не все глаголы имеют «будущего сложного времени» (*буду дуть*), это время можно «выбросить изъ спряженїя» (с. 45).

Итак, «образец всеобщего спряжения» глагола *дѣлать* содержит, по Болдыреву, следующие шесть форм: 1. *дѣлать*, 2. *дѣлаю*, 3. *дѣлалъ*, 4. *дѣлай*, 5. *дѣлающій*, *дѣлавшій*, 6. *дѣлая*, *дѣлавъ*. Те же шесть форм имеют приставочные глаголы, например, *развѣдать*, *развѣдаю*, *развѣдалъ*, *развѣдай*, *развѣдающий* (*развѣдавшій*), *развѣдая* (*развѣдавъ*) (с. 45-46). Проблематичными должны были оказаться перфективы типа *сдѣлать*, для которых вряд ли могут приниматься такие формы, как **сдѣлая*, **сдѣлающій*. Ср. замечание автора о возможных формах *возведущій*, *возведя* и т. п. (с. 44).

Наконец, Болдырев (1812а: 45) даже захотел назвать «неопредѣленнымъ» форму настоящего времени, которая выражает «то настоящее, то будущее время». Вследствие этого у него возникает суженная до предела темпоральная система с минимальным противопоставлением «неопредѣленное» - «прошедшее», ср. примеры: *дѣлаю - дѣлалъ*, *дѣлающій - дѣлавшій*, *дѣлая - дѣлавъ*; *развѣдаю - развѣдалъ*, *развѣдающій - развѣдавшій*, *развѣдая - развѣдавъ* (с. 45-46)[494].

Таким образом, «всеобщее спряжение» Болдырева содержит только две формы времени, «неопредѣленное» и «прошедщее», но, по словам автора, «что языкъ теряетъ въ формахъ, вознаграждается глаголами» (с. 49). В свете этой оригинальной инновации Болдырева оказывается, что в ходе развития описания атрибут «неопредѣленный», помимо названия инфинитива и глагола, использовался при названиях всех временных планов (см. выше). Правда, у Болдырева он, заменяя «настоящее», характеризует непосредственно стержневое слово «время», а не «прошедшее» или «будущее», как в традиции Ломоносова.

***

В своем «Ответе на замечания» анонимного рецензента (Аноним 1816)[495]

[494] Ср. совр. *разведать - разведывать* (МАС III: 589).

[495] По мнению Бидермана (1981: 110), «анонимным читателем» был В. Капнист, но скорее критиком Болдырева является И. И. Давыдов, болеющий за «неопредѣленные времена» и говорящий о «разах» и «кратах», т. е. о количественных дифференциальных признаках (ср. Аноним 1816 и Давыдов 1817). Главную цель «рассуждений» Болдырева (1812) анонимный рецензент (1816: 103) видел в устранении из спряжения одного глагола времен «прошедшего и будущего однократного и прошедшего совершенного». Явная ошибка Анонима заключается в том, что он выделяет четыре имнфинитива

Болдырев (1816), повторяя свои тезисы о глагольных классах, доказывает, что «неопредѣленные наклоненія не выражаютъ времени», глаголы *дуть*, *дунуть*, *сдуть* «показываютъ только различное дѣйствіе, а не время» (с. 117). Следовательно, и «*кольнуть* вовсе не заключаетъ въ себѣ будущаго времени, а показываетъ только *дѣйствіе однократное*» (с. 120).

Придерживаясь своего тезиса о разных глаголах, которые спрягаются отдельно, Болдырев прибегает к сопоставлению, по которому латинские «учащательные» *factito* и *rogito* происходят от глаголов *facio* и *rogo* таким же образом, как русский *кольнуть* происходит от *колоть*: «они оба составляютъ различные глаголы и должны спрягаться отдельно» (с. 119). Согласно автору, «раздѣленіе глаголовъ на пять классовъ» сделано именно для того, что такие глаголы, как *хлопать* и *хлопнуть*, *рубить* и *срубить*, «имѣя свое сходство и свое различіе въ дѣйствіи, должны спрягаться особенно, а не вмѣстѣ» (с. 120). Различие глаголов *дунуть* и *сдуть* автор иллюстрирует сопоставительными примерами *dico* и *dictito*, *volo* и *abvolo*, *sagen* и *vorsagen*, *mêttre* и *remêttre*, в которых «есть нѣчто общее и въ то же время есть нѣчто особенное, что ихъ отличаетъ одинъ отъ другаго» (с. 121). По-видимому, Болдырев первым ввел также сопоставительный пример двух аспектуально различных настоящих в английском и латинском языках: *I go*, *I am going*, *albesco*, *albeo* (с. 122, примеч.). Ср. примеры *I am going* и *albesco* у Фатера (1805: 113).

***

В своей статье «Объ изданіи словаря», написанной по поручению Общества любителей российской словесности составить общие принципы составления нового «Россійскаго Словаря», Болдырев (1817) систематически развивает «методу» классификации глаголов и отношения к ней спряжения, в особенности форм времени (настоящего и прошедшего). Для структуры словаря решение этого вопроса имело принципиально важное значение, так как «Въ разсужденіи глаголовъ остается еще решить весьма важной вопросъ: послѣдуемъ ли мы старой методѣ, или новой? или наконецъ изберемъ средину между той и другой?» (1817: 128).

Отказавшись от «старой методы» с ее смешанной системой восьми времен, Болдырев рассматривает «среднюю» и «новую» системы, из которых «средняя» является компромиссом между «старой» и «новой». И в этот раз Болдырев использует критерий дефектности темпоральной системы, констатируя отсутствие у многих глаголов (*завизжать*, *нагрубить*, *набѣгаться*) настоящего времени (с. 127). При этом два времени, настоящее и прошедшее, производятся от «не-

одного глагола и приписывает им темпоральные значения (чего не делает даже Академическая грамматика): «*дуть* есть неопредѣленное настоящее, flare; *сдуть* прошедшее, flavisse; *дунуть* будущее, flaturum esse; *дувать* есть Греческой аористъ, πνεύσασθαι» (с. 104). В духе грамматики греческого языка Аноним навязывает русской системе «неопредѣленное» будущее *дуну*. Вообще аргументация рецензента при помощи аналогов из классических языков неудачна. Доказывая, что *колоть* и *кольнуть* входят в спряжение одного глагола, он пишет: «...глаголы *колоть* и *кольнуть* удерживаютъ одно и то же значеніе, и логически можно назвать ихъ видами одного и того же рода» (с. 106). Однако словом «видъ» указывается на два «вида» родового лексического значения 'pungere', т. е. Аноним не понял идеи Болдырева о разных глаголах и их разных аспектуальных значениях. «Раздѣленіе глаголовъ на пять классовъ кажется мнѣ сомнительнымъ...» (с. 106), - писал анонимный рецензент, добавляя, что «свойство глаголовъ нашихъ нѣсколько отлично отъ иностранныхъ тѣмъ, что они показываютъ *разы* или *краты* дѣйствія, кромѣ времени» (с. 107).

опредѣленного наклоненія», которое является «настоящим корнемъ» образования (там же).

По компромиссной «средней методѣ» один глагол может охватывать «времена однократныя и учащательныя», но не времена сложных глаголов. Зато сложные глаголы имеют свои «однократные» и «учащательные» формы (с. 128), ср. примеры: *Вертѣть*, *верчу*, *вертѣлъ*, *вернулъ*, *вертывалъ*, *верну* (5 форм времени одного глагола), *Завертывать*, *завертываю*, *завертывалъ*, *завернулъ*, *завертѣлъ*, *заверну*, *заверчу* (6 форм одного глагола). *Бѣжать*, *бѣгу*, *бѣжалъ* (2 формы времени), *Бѣгать*, *бѣгаю*, *бѣгалъ*, *бѣгивалъ* (3 формы времени), *Прибѣгать*, *прибѣгаю*, *прибѣгалъ*, *прибѣгивалъ*, *прибѣжалъ*, *прибѣгнулъ*, *прибѣгу*, *прибѣгну* (7 форм времени одного сложного глагола) (с. 129).

По «новой методе», разработанной Болдыревым уже в 1812 г., каждый отдельный глагол, независимо от суффиксальной и префиксальной деривации, имеет систему времен, состоящую только из двух форм времени: настоящего и прошедшего. По этому методу все глаголы по современной терминологии являются одновидовыми. От других систем этого времени это отличается отчетливо минимальным количеством темпоральных форм, обусловленным отсутствием формы будущего, ср. примеры Болдырева: *Вертѣть*, *верчу*, *вертѣлъ*; *Завертѣть*, *заверчу*, *завертѣлъ*; *Вернуть*, *верну*, *вернулъ*; *Завернуть*, *заверну*, *завернулъ*; *Вертывать*, (*вертываю*), *вертывалъ*; *Завертывать*, *завертываю*, *завертывалъ* (с. 129-130).

Сопоставление «старого», «среднего» и «нового» методов Болдыревым (1817: 128-131) показывает отлично, каким образом многоликая аспектуальная дифференциация влияет на количество темпоральных форм, а именно на «не одинаковое число временъ въ глаголахъ» в пределах старой и средней системы (с. 130).

В полемике с Давыдовым (1817)[496] основным критерием Болдырева (1817: 131-132) является как раз однородность (числа и характера) времен у каждого отдельного глагола: «Сложный глаголъ долженъ представить столько же временъ, сколько имѣетъ простой, и притомъ соотвѣтствующихъ временамъ простаго глагола» (с. 132). В связи с этим у Болдырева возникают такие термины, как «однократное будущее» (*дуну*) и даже «неопредѣленное настоящее» (*веду*) (с.

[496] Статья молодого И. И. Давыдова (1794-1863), будущего академика и автора «Опыта общесравнительной грамматики русскаго языка, изданного Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ» (СПб. 1852), была составлена по тому же поручению, как и Болдырева (1817). Оригинальным образом Давыдов предлагает исключить из спряжения «прошедшее и будущее совершенное», сохранить «давнопрошедшее или учащательное время» (*дувалъ*, *важивалъ*, *нашивалъ*, *двигивалъ*) и аналитическое будущее (*буду дуть*, *водить*, *носить*, *двигать*), и, наконец, дополнить систему двумя «неопредѣленными», которые якобы соответствуют двум аористам в греческом языке: «неопредѣленное первое (*дуну*, *веду*, *несу*, *двину*), «неопредѣленное второе» (*дунулъ*, *велъ*, *несъ*, *двинулъ*). В целом предложение Давыдова связано с «неопредѣленным» Болдырева (1812а: 45) и его идеями исключить из спряжения разные аспектуально маркированные времена, а также с критикой «усердного читателя» (наш Аноним 1816) теорий Болдырева. См. Давыдов (1817: 118-119). Итак, предлагаемая Давыдовым система состоит из шести времен: «настоящее» (*дую*) - «прошедшее» (*дулъ*) - «давнопрошедшее или учащательное время» (*дувалъ*) - «неопредѣленное второе» (*дунулъ*) - «неопредѣленное первое (*дуну*) - «будущее» (*буду дуть*). В статье бросается в глаза включение в парадигму глагола *носить* таких форм, как *ношу*, *носилъ*, *нашивалъ*, *несъ*, *несу*, *буду носить* и сопоставление их как однородных с формами *двигаю*, *двигалъ*, *двигивалъ*, *двинулъ*, *двину*, *буду двигать* одного же глагола *двигать* (с. 119). Ср. справедливое замечание Болдырева (1817: 132) по поводу форм *веду* и *дуну* как однородных «неопредѣленных» у Давыдова.

132), под которыми он имеет в виду, по своей системе, будущее время «однократного глагола» *дунуть* и настоящее «неопредѣленного глагола» *вести* (см. Болдырев 1812: 71).

7.6. Бинарное деление «Verbum perfectivum» - «Verbum imperfectivum» Копитара (1808)

Грамматика словенского языка Варфоломея (Ернея) Копитара (1780-1844) представляет собой первый крупный труд и вместе с тем одну из редких осуществившихся идей известного слависта, первого издателя Клоцова сборника (1836). Великолепную грамматику своего родного языка Копитар, преподававший словенский язык «одной даме», написал во время своей деятельности секретарем барона Цойса и домашним учителем его племянника в Любляне[497].

Не подлежит сомнению, что повод для пересмотра описания славянской аспектуальной системы Копитару подали Академическая грамматика русского языка и ее последователи. Так, объединение в одно спряжение формы разных глаголов («mehrere Formen, vom Hause aus verschiedener, Verborum zusammenzuwerfen»), Копитар считает путаницей[498]. Чтобы показать ошибочность этого приема, он перечисляет восемь времен (в том числе *сдвигалъ* и *сдвигаю*) глаголов *двигаю* и *грѣю* из грамматики Хайма (1804: 108-118) (с. 303). Здесь уместно отметить, что это обстоятельство Копитар установил за несколько лет до известной критики Болдырева. По мнению автора, объединение в один глагол четырех «форм» («vier Formen») несправедливо, так как из них каждая, по крайней мере *dvigam*, *dvigujem*, *dvignem* и *sdvigam* в словенском языке, имеет свое спряжение и свое специфическое, хотя и родственное с другими, значение (с. 305). Здесь метаязыковые «vier Formen» указывают не на темпоральные, а на четыре аспектуально различных формы.

Отсутствие того или иного времени у глагола считается автором обстоятельством, вытекающим из природы глагола. Следовательно, существуют перфективные и имперфективные глаголы, которые могут быть природно дефектными в отношении времен (с. 305).

Славянскую природную особенность глагольной аспектуальности (вида) Копитар удачно освещает при помощи межъязыковых сопоставлений. Согласно автору, форма *dvigam* соответствует имперфекту других языков, а *dvignem* великолепно заменяет французский и итальянский «Parfait simple» (*je levai*, *io levai*) (с. 306).

Сопоставляя одним из первых славянский перфектив и греческий аорист, Копитар приводит греко-словенский пример *ἄγκυρας ἆραι*, *mazhke vsdígniti* vs. *ἄγκυρας αἴρειν*, *mazhke vsdigáti* (или *vsdigváti*), в котором оба члена противопоставления переводятся «die Anker lichten» (с. 306, примеч.). Это

[497] О жизни и деятельности Копитара см. Ягич (1910: 186-214).

[498] См. справедливое замечание Добровского (1820: XXIV).

сопоставление Гримм (1824: L) считает весьма удачным и добавляет из сербского языка пару *дигнути* - *дизати*[499].

Копитар показывает, что два аспектуальных значения могут совмещаться в одной форме глагола: обе «формы» *dvigam* и *dvignem* означают в словенском языке 'поднимать', но из них *dvignem* имеет еще добавочное значение однократности («Einmahlthun») и завершения («Vollendung»), в то время как *dvigam* означает лишь занятость процессом «поднимать» без добавочного понятия завершения («Nebenbegriff des Vollendens») (с. 306).

Копитар конструирует последовательную бинарную систему двух глаголов («zwey Verba»), из которых один выражает завершение («Vollendung») и другой - просто занятость тем, что означает глагол («die blosse Beschäftigung mit dem, was das Verbum besagt») (с. 307). По структуре эти глагольные пары являются: а) модификациями глагольной основы (*dvignem* и *dvigam* «heben», *vmèrjem* и *vmíram* «sterben», *oblézhem* и *oblázhim se* «sich ankleiden», *vmíem* и *vmívam*), б) префиксальными образованиями (*poklízhem* и *klízhem* «rufen», *svéshem* и *véshem* «binden», *pokáshem* и *káshem* «zeigen»), и в) разными глаголами (*délam* и *sturím* «machen», *lovím* и *vjámem* «fangen», *biem* и *vdarim* «schlagen», *mézhem* и *vershem* «werfen») (с. 307). Так, Копитар констатирует все релевантные способы - суффиксальный, префиксальный и супплетивный - образования видовой пары[500]. При этом перфективными и имперфективными могут быть как приставочные, так и бесприставочные образования.

На инновацию Копитара проливают свет его собственные слова, из которых мы узнаем, что в его распоряжении была вышедшая в Праге (1705) небольшая грамматика чешского языка, в которой перфектные глаголы («Verba perfecta, verba significationis perfectae») противопоставляются имперфектным глаголам («Verba imperfecta, Verba significationis imperfectae»). Значение перфектных глаголов данная грамматика описывает словами «actio perfecta, & res in facto esse», в то время как имперфектные глаголы означают «actionem rei in fieri tantum» (с. 307). Это деление Копитар называет главным делением глаголов («Haupteintheilung») (с. 308).

По всей вероятности, «богемским автором», на которого указывает Копитар, является Вацлав Яндит, составивший «Grammatica linguae boëmicae methodo facili»[501]. Выражения «res in facto» и «res in fieri», как и темпоральные формы Яндита, восходят к Росе (1672: 145). Следовательно, чешский грамматист и чешская традиция в целом приводят Копитара от формоцентрического анализа к мысли о глаголе как носителе видового значения. Иными словами, эпохальная инновация Копитара, в пределах которой происходит переход: «verbum perfectum» - «verbum imperfectum» -> «verbum perfectivum» - «verbum imperfectivum» (с. 309), опирается в первую очередь на чешскую тради-

[499] Как таковые термины и даже греко-словенский пример Копитара использовал Ф. Миклошич (1874/1883: 274-275). Ср. Гонда (1962: 10-11), также не отмечающий роли Копитара.

[500] Ср. сюда Нюман (1976: 39-40).

[501] См. Станкевич (1984: 6).

цию[502]. (Вероятно, Копитару известна была и грамматика Копчинского).
Свою инновацию Копитар обосновывает недостаточно ясным аспектуальным значением и многозначностью терминов античной традиции:

> «Statt Verbum *perfectum* und *imperfectum* möchten wir lieber Verbum *perfectivum* und *imperfectivum* sagen, theils weil verbum perfectum (ῥημα συντελικον) bey den alten Lateinischen und Griechischen Grammatikern bereits etwas andres bedeutet, theils weil uns dieses, nach der Analogie von *Frequentativus* gebildete, *active* Beywort hier richtiger scheint, als das *passive* perfectus» (с. 309).

Однако Копитар несколько ошибается в термине «ῥημα συντελικον», которого, по-видимому, совсем не было в обиходе. Греческий термин Копитара, созданный по модели «verbum perfectum», является как бы контаминацией сочетаний «χρόνος συντελικός» и «ῥημα τέλειον». При создании терминов «perfectivum» и «imperfectivum» Копитар прибегает к известному в античности способу, по которому, в частности, Присциан формирует из причастия «derivatus» посредством элемента *-ivus* термин-прилагательное «derivativus» (с. 427) (ср. *-ικος* в греческой традиции). Процесс связан с квалификацией по определенному признаку всей глагольной лексемы, обусловленной адъективизацией термина, возникшего из причастия.

По мнению автора, перфективный глагол означает во всех формах спряжения свое содержание как завершенное, действие как достигнутое цели («seinen Inhalt in der Vollendung, am Ziele seines Laufs»), в то время как имперфективный глагол выражает его в становлении, в продолжении и в протекании до завершения и без отношения к действительному достижению результата («im Werden, im Fortgange und Laufe, vor den Vollendung, und ohne Rücksicht auf deren wirklichen Erfolg») (с. 309).

Многие из содержательных интерпретаций Копитара сохранились в последующей грамматической литературе. Связь Копитара с чешской традицией сказывается и в толкованиях, причем некоторые являются просто как бы содержательными кальками. Так, экспликация «im Werden» Копитара передает точно «in fieri» традиции Росы. Такую же преемственность можно видеть между «in der Vollendung» и «in facto», и в ряде других категориальных интерпретаций. Совсем новыми являются такие, как «die Handlung am Ziele» 'достигшее цели действие' (с. 309, 310, 314), «Erfolg» 'результат' (с. 309), «der Lauf der Handlung» 'протекание действия' (с. 314), «im Fortgange und Laufe» 'в продолжении и протекании' (с. 309). Обозначение занятости действием - «Beschäftigt-seyn» (с. 306), «Beschäftigung» (с. 307), «beschäftigt seyn mit Heben» (с. 314) - отражает связь с учебником Хайма (1804) (см. приложение). Один раз отличие между имперфективным и перфективным действиями поясняется словами «Moment der *Dauer*, nicht der *Vollendung*» (с. 310).

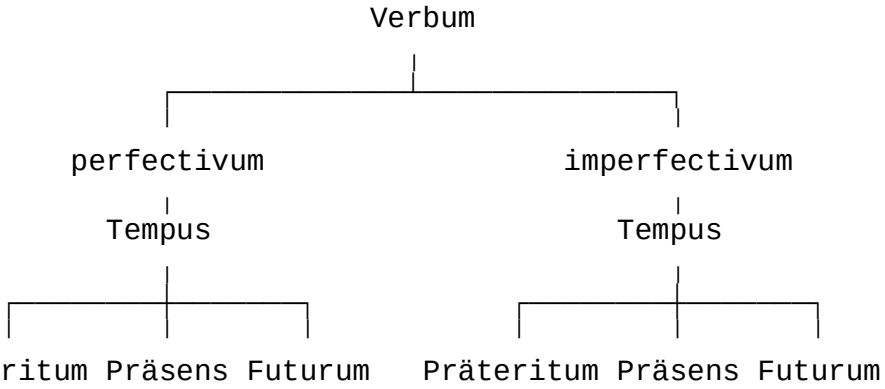
В системе Копитара количественные характеристики не имеют особого статуса, а трактуются попутно внутри основной системы. Например, единичность действия

[502] Ср. Нюман (1976: 40). По словам Маслова (1959: 169), «Копитара следует считать создателем современных интернациональных терминов [«verbum perfectivum», «verbum imperfectivum»], используемых для обозначения совершенного и несовершенного вида».

является как бы параллельным или вспомогательным признаком при основном признаке завершения: *dvignem* «mit dem Nebenbegriffe des Einmahlthuns und des Vollendens» (c. 306), *strelím*, *skózhim*, *vsdignem* «ich werde (*einmal*) schiessen, springen, heben» (c. 311). Ср. также пояснение глаголов на *nem*, которые являются в основном перфективами и, выражая быстрое движение, имеют признак быстроты и внезапности: *máhnem* «eine Art *schnelle* Bewegung machen», *molknem* «*plötzlich* stille werden» (c. 347-348). Однако особого термина для обозначения этого значения Копитар не вводит. Таким же образом только мимоходом указывается на фреквентативность, которая является лишь одной разновидностью имперфективного значения: «die Verba in ujem, die bey weitem meist im *imperfectiver* (und zwar *in specie*, frequentativer) Bedeutung sind» (c. 341).

Объединяя в одно спряжение перфективные и имперфективные глаголы («Verba perfectiva und imperfectiva»), Копитар конструирует систему, в которой все глагольные категории, кроме причастия настоящего времени, которого всегда по природе недостает перфективному глаголу, представлены в удвоенном виде («doppelt») (c. 312).

Схема № 41. Видо-временная система Копитара (1808)[503]



Verbum imperfectivum:
Tempus:
Präsens I - *dvigam ich hebe*
Präteritum I - *sim dvigal ich hob*; *habe gehoben*
Futurum I - *bom dvigal ich werde heben*

Verbum perfectivum:
Tempus:
Präsens II - *dvignem ich hebe*
Präteritum II - *sim dvignil ich hob*; *habe gehoben*
Futurum II - *bom dvignil ich werde heben*

В презентации Копитара двойная видовая система пронизывает все спрягаемые и неспрягаемые глагольные категории. Очень наглядна и поучительна сознательная передача обеих видовых форм в трех временны́х планах одним и тем же переводом, а также указание на два момента времени («zwey Zeitmomente»), протекание действия («der Lauf der Handlung») и достигшее цели действие

[503] См. Копитар (1808: 309-313).

(«die Handlung am Ziele»), которых немецкий язык, согласно автору, не различает (с. 314). Как видно, под словом «Zeitmoment» не понимается темпоральное время.

Перфективный и имперфективный глаголы (*dvignem* и *dvigam*) Копитара являются двумя соотносительными по виду глаголами, находящимися в отношении видовой деривации (суффиксальной или префиксальной) или супплетивизма. Функционально атрибуты «perfectivum» и «imperfectivum» существенно отличаются от темпоральных «tempus perfectum и imperfectum». Однако решающий понятийный сдвиг произошел в переходе «verbum perfectum» -> «verbum perfectivum», причем приглагольный «perfectivum» полностью отделился от категории, обозначенной словом «tempus». Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что в принципе два глагола Копитара являются такими же самостоятельными и одновидовыми, как четыре глагола в системе Таппе (1810).

Думается, что поводом пересмотра аспектуально-темпорального описания могло послужить такое наблюдение Копитара, что, поскольку в словенском языке существуют такие формы, как *sim dvigal* и *sim dvignil*, которые оба переводятся «ich hob» (или «habe gehoben»), различие между формами *dvigal* и *dvignil* должно быть неким иным, чем темпоральным. Особенно поучительной в этом отношении оказывается таблица (с. 313), содержащая в видовых парах все словенские времена.

В изложении словенского филолога выступают почти все существенные аспектуальные характеристики славянского глагола, неоднократно цитированные в аспектологической литературе последующих поколений. Особенно популярным стал критерий, что форма перфективного глагола не пригодна для ответа на вопрос: *Was machst du?* (с. 310) (ср. более поздние варианты: *Was thust du?*, *Was machst du da?*, *Что ты (там) делаешь?*, *What are You doing?*) (ср. тот же вопрос у Караджича 1818). Впоследствии тест Копитара стал известным как вопрос Миклошича («die Miklosich'sche Frage»)[504]. Так, речь идет о тесте выражения актуального настоящего только имперфективной формой глагола. На наш взгляд, память крупного словенского лингвиста требует восстановить тест под названием «копитаров вопрос».

В свете инноваций Копитара можно установить три фазы взаимовлияния термина и содержания: 1. исходный термин («tempus perfectum») - исходное содержание («actio perfecta»), 2. исходное содержание («actio perfecta») -> новый термин («verbum perfectum»), 3. новый термин («verbum perfectivum») -> новое содержание («actio perfectiva»).

С точки зрения нашей темы существенно то обстоятельство, что термины-атрибуты «perfectivum» и «imperfectivum» заняли позицию определения глагольной лексемы; переходя от описания формы к глаголу, Копитар принимает мысль, что категория вида состоит из противопоставления двух по виду соотносительных глаголов.

[504] Миклошич (1874/1883: 274). Ср. слова Э. Кошмидера (1929: 34): «Auf die Frage: was machst du da? kann man nie mit einem perfektiven verbum antworten».

7.7. Данные общей, или универсальной, грамматики

7.7.1. «Побочныя обстоятельства» времени Ивана Рижского (1806)

Изданное в Харьковском университете «Введеніе въ кругъ словесности» профессора Ивана С. Рижского (ок. 1760-1811)[505] содержит некоторые мысли, отражающие осмысление аспектуальных явлений с точки зрения универсальной (философской) грамматики начала XIX века[506].

Среди своих источников Рижский, прекрасно знавший французские направления философии, отмечает Модрю, «сочинителя Россійской Грамматики в Париже» (с. 59). При этом такие термины, как «понятіе и мысль», «сужденіе», «умъ», «вещь» и т. д. указывают на традицию Ломоносова. Словом «видъ» только один раз указывается на чисто наружный облик прилагательного (с. 68). Инфинитив, «неокончательное наклоненїе», означает «способъ, какимъ означаемое имъ [глаголом] измѣненїе предмета рѣчи произходитъ» (там же).

По-видимому, отсутствие установившегося слова для обозначения грамматической категории привело составителя курса словесности к заключению, что самым естественным является «раздѣленіе глаголовъ на *глаголы настоящаго, прошедшаго и будущаго времени*» (с. 67), ср. далее:

> «Находящіеся во многихъ языкахъ *разные роды прошедшихъ и будущихъ временъ, означая сверхъ времени другія побочныя, сопряженныя съ нимъ обстоятельства*, на примѣръ, въ прошедшемъ давность или недавность, совершенное или не совершенное исполненіе дѣйствія или страданія, и проч: суть частныя произведенія тонкаго вниманія и остроумія ихъ изобрѣтателей» (с. 67).

Здесь «разные роды прошедшихъ и будущихъ временъ» Рижского указывают на аспектуальные различия, выражаемые в прошедшем и будущем. Времена различаются, во-первых, по темпоральному признаку «давности - недавности» в прошедшем, и, во-вторых, по собственно видовому признаку «совершенного» или «не совершенного исполненія дѣйствія» (с. 67, 78). Очевидно, что «исполненіе действія» здесь восходит к Академической грамматике (1802: 278).

«Степени» и три «давнопрошедшего», которыми поясняются «давность» и «недавность» времени (с. 77), перекликаются, естественно, с отдаленностью и близостью действия к моменту речи в представлении Ломоносова, а также с «gradus» и «olim» - «modo» римских грамматистов (см. выше). Характеристика определенности - неопределенности не отмечается Рижским.

К Академической грамматике восходит также правильное наблюдение Рижского, что аспектуальные «оттѣни» совершенного исполнения, продолжительности и многократной повторяемости наличествуют также в инфинитивных формах глаголов («въ глаголахъ неокончательнаго наклоненія») (с. 78).

---

[505] Годы жизни Рижского даются по Яхнову (1984: 725). Обстоятельный реферат книги Рижского дает Булич (1904: 525-536). См. также Бидерманн (1981: 108, 123).

[506] Об общем языкознании и философской (универсальной) грамматике в России начала XIX в. см. Булич (1904: 521 и сл.), Бидерманн (1981: 107 и сл.), ЛЭС (1990: 622).

«Общефактическое» значение (или просто многозначность) имперфективной формы (прошедшего и будущего) получило у Рижского интерпретацию: «...въ нашемъ языкѣ...всякое дѣйствїе въ послѣднемъ изъ оныхъ двухъ случаевъ [т. е. без означения совершенного исполнения] иногда бываетъ продолжительное и многократно повторяемое, а иногда совершаемое въ одинъ приемъ» (с. 77).

Содержательную экспликацию «дѣйствіе въ одинъ пріемъ» мы увидим потом у Востокова (1831). Ниже мы увидим также, каким своеобразным образом «побочныя обстоятельства» Рижского (с. 67) связаны с «посторонніми обстоятельствами» Греча (1827: 245).

7.7.2. Вклад философской грамматики Николая Язвицкого (1810)

Несмотря на утверждаемый характер переделки, книга Николая Язвицкого, «преподавателя Петербургской гимназии»[507], привносит в русское грамматическое сознание элементы общей и рациональной грамматики Пор-Рояля. В ней русские термины приспосабливаются к передаче французских понятий, в том числе аспектуальных. Помимо указанной грамматики, Язвицкий использовал в качестве источников грамматики Ломоносова, Борна, Никольского, а также Академическую грамматику (1802, 1809) и Грамматику (1809)[508].

Как уже говорилось, грамматика Пор-Рояля использует, как правило, для разных видов классифицируемых объектов слово «sorte», которое у Язвицкого имеет аналог «родъ». Например, сочетание «deux *sortes* de preterit» Арно и Лансло (1676: 108) Язвицкий (1810: 89) переводит «два *рода* прошедшаго» (ср. «два *вида* претеритов» в книге: Арно и Лансло 1990: 161). Слово «espèces», которое Арно и Лансло (1676: 120) применяют к залоговым различиям глагола, Язвицкий в свою очередь переводит «виды глаголовъ» (с. 100). Ср., однако, перевод «роды среднихъ глаголовъ», при помощи которого Язвицкий (с. 103) передает «sortes de verbes neutres» Арно и Лансло (1676: 123).

Для сопоставимости с предшествующей традицией необходимо рассмотреть «философическую» систему времен, которую Язвицкий, придерживаясь порядка грамматики Пор-Рояля (см. схему выше), переносит на русскую почву, сохраняя при этом часть французских терминов подлинника. Помимо терминов и содержательных экспликаций, для нас интерес представляют русские переводы примеров Арно и Лансло, отражающие восприятие аспектуального содержания отдельной категории.

---

[507] См. Бокадорова в: Арно и Лансло (1990: 244). О судьбах книги Язвицкого, остававшейся почти на два столетия единственным русским переводом грамматики Пор-Рояля, см. Кульман (1917: 70-75), Бидерманн (1981: 134-138).

[508] См. «Предварительное извѣстіе» Язвицкого (1810: 3). По-видимому, в распоряжении Язвицкого было издание 1803 г. грамматики Пор-Рояля, на которое указывается словами «Грамматика Французскаго писателя Порт-Рояля» (с. 4). Ср. Кульман (1917: 72).

Определение трех основных времен «Простыхъ временъ три: *Настоящее*: люблю, amo, j'aime. *Прошедшее*: любилъ, amavi, j'aimai. *Будущее*: полюблю, amabo, j'aimerai» (с. 89) обнаруживает, что в плане прошедшего значения предикатов *любилъ* и *amavi* не обязательно соответствуют друг другу. С одной стороны, в данном случае недостает латинского имперфекта *amabam*, а с другой, - русской формы *полюбилъ*. Аспектуально не соотносительны также в плане будущего примеры *полюблю* и *amabo*. Следовательно, сопоставительные русские и латинские примеры Язвицкого не удачны. См. выше о временах в грамматике Пор-Рояля.

В презентации Язвицкого времена разделяются на «простые» и «времена составленные въ смыслѣ, des temps composés dans le sens» (с. 89-90). Среди простых времен «прошедшее совершенное», «defini» (*я написалъ*, *j' ai écrit*, *я сказалъ*, *j' ai dit*), означающее «вещь, совершенно окончанную», противопоставляется времени, означающему «вещь, не совершенно окончанную» (*я писалъ*, *j' ecrivis*, *я дѣлалъ*, *je fis*) (с. 89). У Язвицкого это время не имеет названия. Как видно, здесь на задний план отодвинут необходимый признак определенности - неопределенности подлинника, но зато отождествляются «совершенное» (*написалъ*) и «defini» (*j' ai écrit*). Однако элемент неопределенности поясняется так: «когда говорится о...предметѣ, которой дѣланъ, но можетъ быть, еще не сдѣланъ» (там же).

Также в другом месте, где говорится о роли вспомогательного глагола *avoir*, Язвиций применяет непоследовательно атрибуты «несовершенное» и «совершенное» к прошедшим «простым» временам: «прошедшее несовершенное» («aoriste») (*j'aimai*, *я любилъ*) и «прошедшее совершенное» (*j'ay aimé*, *я полюбилъ*) (с. 117). Ср. правильные переводы Бокадоровой «прошедшее неопределенное» («indéfini») («аорист»), и «прошедшее определенное» («défini») (Арно и Лансло 1990: 189).

По термину «окончанная» содержательные интерпретации, отчасти также примеры Язвицкого связаны с Грамматикой (1809: 41). Но так как экспликация «не совершенно окончанная» в данной грамматике не выступает, оппозиция «совершенно окончанная» (*я написалъ*) - «не совершенно окончанная» (*я писалъ*) является новаторством Язвицкого (с. 89).

Между тем следует отметить, что по признаку неопределенности истолкование «(вещь) не совершенно окончанная» не соответствует подлиннику, так как действие «*indéterminément faite*» (*j'écrivis*) (Арно и Лансло 1676: 108) может быть перфективным, но неопределенным по отношению к моменту речи, т. е. момент перфективного действия в плане прошедшего не установлен. Ср. перевод «нечто произошло в неопределенном прошлом» Арно и Лансло (1990: 161). Однозначно перфективным и определенным в подлиннике выделяется «la chose precisément faite...défini» (*j'ay écrit*) (Арно и Лансло 1676: 108).

Влед за грамматикой Пор-Рояля соответствующее противопоставление описывается в плане будущего при помощи близкого будущего («paulo-post-futurum») («дѣло скоро случится») и общего будущего, но опять без эксплицитного указания на различие определенности и неопределенности между ними. Примеры *я скоро*

сдѣлаю и *я сдѣлаю*, *полюблю* (вместо ожидаемых *я буду дѣлать*, *буду любить*) совсем не передают мысли подлинника (с. 89).

В отличие от подлинника, Язвицкий описывает только «три рода» «составленных временъ въ смыслѣ»: 1. «прошедшее несовершенное, (неопредѣленное)» (*cum intravit caenabam*, *когда онъ вошелъ, я ужиналъ*), 2. «давно прошедшее, многократное, plusquamperfectum» (*caeneveram* (sic!), *ужинывалъ* (sic!) (с. 90), 3. «будущее совершенное, опредѣленное, perfectum futurum» (*coenavero*, *отъужинаю*, *взгляну*) (с. 91). Четвертое сложное время, т. е. второе будущее, которое в подлиннике составляет логический семантический противочлен перфектному будущему («futur parfait»), Язвицкий оставил без внимания.

В составном термине первого «составленного» прошедшего слово «неопредѣленное», противоречащее мысли подлинника о сущности имперфекта, добавлено под влиянием русской грамматики (см. выше). Согласно автору, это время означает «прошедшее въ отношеніи къ настоящему» и «вещь хотя дѣланную, но не совершенно окончанную, и какъ бы настоящую въ отношеніи къ совершенно окончанной» (с. 90). К русской грамматике восходит также приписываемая этому времени характеристика «[действие] еще продолжающееся и не конченное, совершенно» (там же).

Как уже говорилось, в общей и рациональной грамматике неопределенность не приписывается времени «preterit imparfait», которое там по своим содержательным свойствам соотносится с настоящим временем (с моментом речи), а признак неопределенности - определенности относится к двум простым прошедшим временам, из которых неопределенным («indéfiny») является «аорист» (*j'écrivis*) (Арно и Лансло 1676: 110).

Нетрудно видеть, что «давно прошедшее многократное» с его элементом итеративности восходит к Академической грамматике (1802: 155) или к Грамматике (1809: 41). Чтобы проиллюстрировать многократное значение этого второго «составленного» времени, Язвицкий создает искусственную форму *ужинывалъ* (с. 90). Однако в грамматике Пор-Рояля итеративность не имеет никакого отношения к плюсквамперфекту, не входит в отличное определение этого времени. Там пример *j'avois soupé lors qu'il est entré* освещает таксисное предшествование одного действия («plus que parfait») другому действию в прошедшем (Арно и Лансло 1676: 110).

Несмотря на недостатки книги Язвицкого, важный этап составляют введенные автором наречие «опредѣленно» (с. 89) и особенно атрибут «опредѣленное», возникший своеобразно как калька французского «définy», ср.: «*Третіе* составленное, (composé) время, означаетъ будущее относительно къ прошедшему и называется: *будущимъ совершеннымъ*, *опредѣленнымъ*, perfectum futurum» (*отужинаю*, *coenavero*, *взгляну*) (с. 91). Здесь атрибут «опредѣленное», который Язвицкий добавил от себя, переводит слово «définy», использованное в подлиннике несколько иначе (ср. схему грамматики Пор-Рояля). В пояснении этого будущего «Симъ означаю дѣйствіе моего ужина будущимъ въ себѣ самомъ и *совершеннымъ*, потому что сіе непремѣнно исполню» (там же) слово «совершеннымъ» не соответствует мысли подлинника «future en soy, & comme passée» (Арно и Лансло (1676: 111). В данном случае текст подлинника

стремится показать, что первое («le futur parfait») из двух будущих в предложении *quand j'auray soupé il entrera* предшествует как прошедшее другому будущему действию («comme passée au regard d'une autre chose à venir») (Арно и Лансло 1676: 111).

Для иллюстрации положения дел в русском языке Язвицкий приводит три времени: 1) [«прошедшее»] «*однократное*», которое «означаетъ что либо одинъ разъ произведенное» (*взглянулъ*, *двинулъ*, *шагнулъ*) (с. 90), 2. «будущее *неопредѣленное*», которое «показываетъ продолженіе и учащеніе», и 3) «будущее *однократное*», которое выражает «одинъ разъ совершиться имѣющее дѣйствіе или страданіе» (с. 91). Эти три времени соответствуют описанию времен в Грамматике (1809: 40-41).

7.7.3. Трехчленная система глаголов И. Ф. Тимковского (1811)

В аспектуальном делении глаголов на «однократный», «учащательный» и «неопредѣленный», которое содержится в книге профессора Харьковского университета Ильи Федоровича Тимковского (1772-1853)[509], единственный перфективный класс составляет «однократный» (*закрыть*), которому в качестве имперфективных противопоставляются «учащательный» и «неопредѣленный» (ср. выше трехчленную систему Крижанича)[510]:

> «Въ сложеніи простыхъ глаголовъ съ предлогами особенное вниманіе обращается на однократное, учащательное и неопредѣленное ихъ знаменованіе» (Тимковский 1811: 19).

Любопытно, что в «однократные» Тимковский зачисляет и «малое число» парных глаголов (в основном глаголов движения), которые имеют «особые свои «учащательные» и которые «взаимно съ ними другъ друга дополняютъ»: *быть* - *бывать*, *итти* - *ходить*, *весть* - *водить*, *несть* - *носить*. Эти «особые учащательные» имеют два инфинитива (*ходить* и *хаживать*) и две формы прошедшего времени (*ходилъ* и *хаживалъ*). Вместе с тем они имеют только «будущее время неопредѣленное» *буду ходить* (с. 20).

Заметим здесь, что применение атрибута «однократный» к глаголам движения *итти*, *несть* и т. п. не далеко от истины, но вряд ли автор принимает их за перфективы, равносильные «однократным» *закрыть* и т. п. (с. 23). Атрибут «однократное» Тимковский применяет также к «времени» («однократное будущее время») (там же), а термины «совершенный» и «несовершенный» у него совсем не фигурируют.

«Однократными глаголами», выражающими «опредѣленное однократное знамено-

---

[509] О Тимковском и его книге см. подробнее: Булич (1904: 1004-1010), Бидерманн (1981: 139-145).

[510] Виноградов (1947/1972: 379) указывает на то, что Тимковский различал «однократное, учащательное и неопределенное знаменование глаголов» до Болдырева. Однако до Тимковского и Болдырева аспектуальные глагольные классы выступают у Борна (1808), причем «начинательный» и «учащательный глаголъ» наличествуют уже в традиции Смотрицкого и Ломоносова.

ваніе», являются такие глаголы, как *махнуть*, *свиснуть*, *стукнуть*, *давнуть*, *дунуть*, *коснуться*, которые образуются «перемѣною окончанія» *нуть* от соответствующих «неопредѣленныхъ простыхъ глаголовъ» *махать*, *свистать*, *стучать* и т. д. (с. 22). Примечательно в этой связи утверждение, что «неопредѣленные простые глаголы служатъ равно къ выраженію однократнаго и учащательнаго знаменованія» (там же). Возможно, что здесь имеется в виду «общефактическое» употребление, о котором говорилось выше.

При образовании «однократного глагола» приставка все же присоединяется к форме настоящего времени «неопредѣленного глагола» (*крыть*, *крою*, *крылъ*), которое превращается в перфективное «однократное будущее время» (*закрою*). Вместе с тем глагол «неопредѣленный» становится «однократным» (*закрыть*, *закрою*, *закрылъ*) (с. 23). Для образования (форм) «новаго глагола» с тем же «предлогомъ» необходимо применить «перемѣну окончаній» *иваю*, *ываю* или *аю*, *яю* (там же). Важно то, что автор говорит о «новом глаголе», который возникает в данном процессе деривации. Здесь Тимковский весьма близок к описанию приема суффиксальной имперфективации.

Оригинальным термином «будущее полное» Тимковский обозначает синтетическое перфективное будущее (*войду*, *введу*, *сведу* и т. п.) (с. 21). В данном термине атрибут «полное» объясняется переходом содержательного компонента в компонент составного термина. Ср. «полное или совершенное окончаніе дѣйствія» (Грамматика 1809: 41), «полное совершеніе» уже у Ломоносва и др. Обычным названием перфективного будущего выступает «однократное будущее» (*закрою*) (с. 23). Тимковский - первый русский грамматист, который употребляет термин «*будущее сложное*» (*буду итти*, *буду несть*) (с. 20) для обозначения имперфективного аналитического будущего[511].

Образование «давнопрошедшего» (*игрывалъ*) и глагола типа *игрывать*, выражающего «учащательное состояніе» или «многократность», стало принудительным. Так, особо отмечаются бесприставочные глаголы (*хотѣть*, *желать*, *воевать*, *краснѣть* и т. п.), которые не приобретают «окончаній» *ивать*, *ывать* для обозначения «давнопрошедшего», а выражают это время при помощи слов *было* и *бывало* (*желалъ было*) (с. 20).

Весьма удачно указывается необходимость образования при помощи «окончанія» *иваю*, *ивалъ*, *ивать* имперфективного аналога *ухаживаю*, *ухаживалъ*, *донашиваю*, *донашивать* для перфективных глаголов типа *ухожу*, *отхожу*, *доношу*, которые образуют «полное будущее» приставкой от «учащательного» *хожу*, *ношу* (с. 21)[512]. Таким же образом Тимковский пытается развить деривацию приставочного имперфектива *присудить* -> *присуждать*, *присуживать* и т. п. (с. 23). Вместе с тем указывается роль ударения в различении значений настоящего и будущего: *выхожу́* - *вы́хожу*, *выношу́* - *вы́ношу* (с. 22).

[511] Ср. в качестве общепринятых терминов нового времени «будущее сложное» и «будущее простое», как и «будущее время несовершенного (или совершенного) вида» в книге: А. Н. Гвоздев, Современный русский литературный язык I, М. (1961: 342-344).

[512] Ср. совр. пары с омонимами *отходить*: *отходить* - *отойти*, *отхаживать* - *отходить* (*больного*, *себе ноги*, *пять часов*) (МАС II: 720).

Системная недифференцированность отражается в терминологической полисемии так, что «неопредѣленный» употребляется в трех разных функциях: 1. «наклоненіе неопредѣленное», 2. «глаголъ неопредѣленный», 3. «время неопредѣленное».

7.7.4. «Постороннія опредѣленія времени» Лудвига Якоба (1812)

В своей «всеобщей грамматике для гимназий», составленной по поручению Главного Правления Училищ, Лудвиг Якоб (1759-1827), назначенный в 1807 году профессором политической экономии Харьковского университета, переносит на русскую почву учение об абсолютных и относительных временах, а также некоторые другие идеи «всеобщей или философской грамматики» начала XIX века. Уже в 1809 г. писавший по-немецки Якоб передал свой текст в указанное ведомство для перевода[513]. Свой подлинный текст Якоб издал В 1814 году в Лейпциге.

К системе Якоба следует относиться с оговорками. Без иллюстративных примеров терминологический состав и вся система Якоба оставались недоступными, в частности, учащимся гимназий и не оказывали заметного влияния на дальнейшую русскую традицию[514]. Кроме одного латинского предложения (с. 38), книга Якоба не содержит ни одного примера ни на каком языке. Поэтому и умозрительная система времен, «Форма временъ» («tempora») (с. 60-69) почти невозможна для понимания. Однако пониманию несколько помогает параллельная латинская терминология, которая имеет пункты соприкосновения с Фатером.

Одним из первых в русской традиции Якоб употребляет русское слово «форма» в его современном смысле: «форма глагола» (с. 60), «форма глаголовъ» (с. 62), «простая форма времени» («tempus simplex») (с. 64), «форма словъ» (с. 79) и т. д. При этом такие термины, как «формы времени», а также вся абстрактная темпоральная система, в том числе учение об абсолютных и относительных временах («tempora absoluta» - «tempora relativa») могут восходить к трудам Фатера (1801) и (1805), которые и упоминаются автором (с. 24). Однако система Якоба содержит элементы и непоследовательности, отсутствующие у Фатера.

В общем осмыслении времени мы видим многие идеи, известные из латино-немецкой грамматической традиции: представление действия во времени, «перемѣны глаголовъ называются формами временъ (tempora)» (с. 60), три основных времени: «настоящее (praesens), прошедшее (praeteritum) и будущее (futurum)» (с. 62), уподобление настоящего «точке, раздѣляющей время на прошедшее и будущее», и сочетание презентного действия с минутой мышления, т. е. с моментом речи («когда мыслимъ») (с. 61). При этом прошедшее осмысляется предшествующим, а будущее последующим настоящему (с. 62).

---

[513] Об истории составления и судьбах грамматики Якоба см.: Балицкий (1876: 28), Грунский 1910: 56), Кульман (1917: 70-90, 94-105), Бидерманн (1981: 145-153), Науманн (1986: 288).

[514] См. Кульман (1917: 83). Ср. Бидерманн (1981: 147).

Для нашей темы интересным оказывается также мнение Якоба, согласно которому при всех указанных временах различаются еще «различныя *постороннія опредѣленія времени*», указывающие на то, «представляется ли время не давно прошедшимъ, или давно прошедшимъ, скоро или нескоро послѣдующимъ» (с. 63). Сюда же относятся «слова, выражающія только «*постороннія опредѣленія*», т. е. «нарѣчія» и «предлоги», «союзы» и «междометія» (с. 74), которые вместе с «Nebenbestimmungen» самого Якоба (1814)[515] могут иметь связь с «посторонніми обстоятельствами» у Греча (1827: 245) (см. ниже). Вместе с тем описание Якоба служит примером того, как пространственные означающие «близкое» и «отдаленное» превратились во временны́е «скоро» и «нескоро», т. е. пространственное понятие превратилось в непространственное - в данном случае в темпоральное.

Якоб приводит два принципа классификации, согласно которым все формы времен могут быть разделены на: 1) «времена совершенныя и относительныя» («absoluta et relativa»), и 2) «времена простыя и сложныя» («tempora simplicia et composita») (с. 62). В этой классификации соответствия «совершенное» и «absolutum» не имеют аспектуального значения. Как уже говорилось, в традиции Ломоносова, включая Академическую грамматику, терминами «простой» и «сложный» («сложенный») обозначаются глаголы, от которых времена образуются. «Совершенные времена» называются также «самостоятельными» (с. 67). Ситуация осложняется тем, что «совершенными» (с. 42) называются также непереходные глаголы, не имеющие ничего общего с аспектуальностью. Так, в данном случае «совершенный» Якоба не соответствует ни одноименному глагольному атрибуту Борна, ни «совершенному» традиции Смотрицкого.

«Простыми» являются, по Якобу, такие времена, которые имеют только неосложненное значение прошедшего или будущего, а «сложными» - будущие времена, которые «представляются прошедшими», или же прошедшие, которые «представляются будущими» (с. 62). По-видимому, здесь имеются в виду так называемые «будущее в прошедшем» и «прошедшее в будущем». С другой стороны, термином «простая форма времени» («tempus simplex») (с. 64) указывается лишь на чисто структурную форму времени.

Имперфект («praeteritum imperfectum») Якоб описывает как «продолжающееся», которое еще не полностью миновало («не совершенно прошедшее») или еще не совершилось, до того «какъ началось другое прошедшее» (с. 66). Ср. Фатер (1805: 127).

[515] «In den slawonischen Sprachen finden sich, so wie in der griechischen, mehrere Formen aus ähnlichen Wörtern, oder ähnlichen Dialecten, welche anfänglich synonymisch gebraucht werden mochten, in der Folge aber zur Unterscheidung verschiedener Modificationen angewandt wurden, - um theils eine **Nebenbestimmung**, Vollendung, Anfang u. s. w. anzudeuten, theils das fehlende Tempus zu ergänzen, weil das Verbum derivatum nicht üblich ist, oder gar nicht existirt. Die vier verschiedenen Formen des Infinitivs in der russischen Sprache drücken gar keine Verschiedenheit der Zeit, sondern andere **Nebenbestimmungen** der Handlung aus» (Якоб 1814: 187). Цит. по Рейфу (1821: 116). Ср. также: «Die Lehre von den russischen Conjugationen würden daher sehr an Deutlichkeit gewinnen, wenn man die verschiedenen Verba von einander trennte, und die Formen, welche bloss eine **Nebenbedeutung**, aber keine eigentliche Zeitbestimmung ausdrücken, von einander separirte» (Якоб 1814: 139) (выделено нами. - Р.Р.). Цит. по Рейфу (1821: 124).

Обозначение «будущее совершенное» («futurum perfectum») Якоба (с. 66) имеет параллельный термин «будущее *окончательное*» («futurum exactum») (с. 67), который может иметь связь с «*окончательным*» Орнатовского (1810) и предвосхищать «окончательный» Востокова (1831) (см. ниже). Так, бинарное противопоставление составляют «будущее *несовершенное*» («futurum imperfectum») и «будущее *совершенное*» («futurum perfectum»), называющееся также «будущее окончательное» («futurum exactum) (с. 67).

Содержательная экспликация «уже совершенно прошедшее» («Будущее время, представляемое уже совершенно прошедшимъ») (с. 66) отражает известный и в других источниках способ описания аспектуального признака при помощи темпоральных средств (см. выше). В подобных случаях слово «прошедшее» имеет две функции, обозначая: а) прошедшее действия в его отношении к настоящему и будущему (и вообще к моменту речи), и б) «свое» (полностью) протекшее время самого действия в его отношении к другому действию или к другой точке на оси времени. Разумеется, «совершенно прошедшее» не имеет значения аспектуального перфектива (перфективности). В силу этого приема создаются весьма странные комбинации в описании будущего, в котором время действия описывается «прошедшим».

В латинской терминологии мы видим характерное для немецкой традиции употребление слова «perfectum» вместо «praeteritum», ср.: «Прошедшее простое (perfectum simplex)» (с. 64), «Прошедшее сложное (perfectum compositum)» (там же), «Совершенно прошедшее (perfectum absolutum)» (с. 67).

Для нашей темы интерес представляет собой универсальная система времен Якоба («Система всѣхъ возможныхъ формъ временъ въ какомъ либо языкѣ») (с. 67), в пределах которой сопоставимы русские и немецкие аналоги, возникшие во время деятельности Якоба в России[516]:

«I. **Самостоятельныя времена** (tempora absoluta). (начинающіяся, продолжающіяся, неопредѣленныя, inchoativa, continuativa, indeterminata). Für sich bestehende Zeiten (tempora absoluta). (anfangende, fortgehende, unbestimmte, inchoativa, continuativa, indeterminativa (sic!).
1. **Настоящее** (praesens). Die gegenwärtige (Praesens). 2. **Совершенно прошедшее** (perfectum absolutum). Die absolutvergangene (perfectum absolutum): a) Недавно (proximum). nahe (proximum). b) Давнопрошедшее (remotum). entfernt vergangene (remotum). 3. **Совершеннобудущее** (futurum absolutum). Die absolut künftige (futurum absolutum): a) Приближенно (proximum). nahe (proximum). b) Отдаленно (remotum). entfernt künftige (remotum).

II. **Формы временъ другъ къ другу относящихся** (tempora relativa). Sich auf andere Zeiten beziehende Zeitformen (tempora relativa).
1. **Не совершенно прошедшее** (praeteritum imperfectum). Unvollständig vergangene Zeit (praeteritum imperfectum): a) Относительно къ какому либо другому дѣйствію въ какомъ либо другомъ времени. in Beziehung auf eine andere Handlung in einer anderen Zeit. b) Относительно къ какому либо другому настоящему, или прошедшему времени. in Beziehung auf eine anderen gegenwärtige oder vergangene Zeit. 2. **Совершенно прошедшее** (praeteritum perfectum). Vollständig vergangene Zeit (praeteritum perfectum): a) Простое. einfache. b) Сложное - будущее время въ видѣ прошедшаго (futuro-praeteritum). zusammengesetzte - die

[516] Немецкие аналоги Якоба (1814: 43) заимствованы нами из книги Науманна (1986: 288).

künftige Zeit als vergangen (futuro-praeteritum). c) Относительно къ какому либо другому дѣйствію прошедшее. in Beziehung auf eine andere Handlung vergangen. d) Относительно къ какому либо другому времени прошедшее. in Beziehung auf eine andere Zeit vergangen. 3. **Несовершенно будущее** (futurum imperfectum). Unvollständig künftige Zeit (futurum imperfectum). 4. **Совершенно будущее**. Vollständig künftige Zeit: a) Простое. einfache. b) Сложное - прошедшее въ видѣ будущаго (praeterito-futurum). zusammengesetzte - die vergangene Zeit als künftig (praeterito-futurum)».

Согласно Науманну (1986: 288), это «eine weitere spekulative Differenzierung, wie sie zum Beispiel auch Vater geliefert hat». Ср. сюда: Фатер (1801: 213), Фатер (1805: 126), Фатер (1808: 62). Однако системы Фатера, в частности (1801), где он представил свои идеи об абсолютных и относительных временах, созданы до работы Якоба. Более того, при рассмотрении русских фактов Фатер не делает акцент на абсолютных и относительных временах.

Итак, осмысление системы Якоба в России должно было вызывать серьезные трудности. Развитию представления о глагольном виде книга Якоба вряд ли существенно способствовала.

8. ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ ОПИСАНИЯ

8.1. Видовое противопоставление глаголов в сербской грамматике Вука Караджича (1818). Перевод Якоба Гримма (1824)

1. Составитель первой грамматики на основе сербской народной речи, реформатор и основоположник сербохорватского литературного языка Вук Стефанович Караджич (1787-1864) связывает описание вида с наследием Копитара. Грамматика Караджича является важнейшим источником описания вида в живом южнославянском языке начала XIX в. Для истории описания аспектуальности небезразлично, что Якоб Гримм и Варфоломей Копитар являлись друзьями и покровителями Караджича, - за составление своей грамматики Караджич принялся по побуждению Копитара. Недоступное, к сожалению, нам первое издание под заглавием «Писменица» вышло в 1814 г. в Вене, а «Српска граматика» составляет приложение к известному словарю Караджича, вышедшему там же четыре года спустя[517]. Особую значимость нашему исследованию придает немецкий перевод грамматики, составленный в 1824 г. Якобом Гриммом (Караджич/Гримм 1824), а также его предисловие к переводу (Гримм 1824).

2. В соответствии с инновацией Копитара Караджич вводит бинарное деление глаголов на «verba perfectiva - verba imperfectiva», сербские названия которых («глаголи савршителни - глаголи несавршителни») являются соответствующими кальками латинских оригиналов Копитара. Таким образом, сербские термины Караджича (1818: LIV) оказываются славянскими инновациями, ведь у Копитара словенская терминология не приводится. По способу образования «савршителни» и «несавршителни» отражают «активные» термины «perfectivum» vs. «imperfectivum» Копитара (см. выше). ср. современные сербохорватские «савршени», «несавршени» и русские «совершенный», «несовершенный».

Примечательно, что, по словам автора, в классификации **все глаголы** разделяются на совершенные и несовершенные (с. LIV). Несмотря на ясное бинарное деление глаголов и их весьма разумную содержательную дифференциацию, мы не находим в грамматике Караджича обобщающего термина, которым обозначалась бы категория, которую составляют «савршителни» и «несавршителни» глаголы.

Перфективные глаголы показывают, что действие «сделано» только один раз и завершено или будет «сделано» и завершено («да је посао само један пут рађен и свршен (или да ће се радити и свршити»). Кроме того, перфективным глаголам свойственно, что их действие не имеет ни малейшей длительности («посао савршителнога глагола нема трајања ни мало») (с. LIV). Итак, определение перфективного глагола совмещает количественный признак единичности и неколичественные характеристики завершения и недлительности действия, которым противопоставляется непрерывная длительность действия имперфективного глагола («да посао једнако траје») (там же).

В описании аспектуального противопоставления вид глагола не прикован к внешнему облику слова. В качестве примеров перфективов и имперфективов

[517] В качестве одного из ее источников послужила «Славенска грамматика» А. Мразовича (1794, 1800) (Караджич 1818: LVII). См. также Регнелль (1944: 9) и Станкевич (1984: 94). Однако в области глагольного вида связь Караджича с Копитаром бесспорна.

приводятся как приставочные, так и бесприставочные глаголы. Кроме того, среди перфективов находятся и семельфактивы (*викнути*), которым, однако, не приписывается какого-либо специфического значения, отдельного от других «завершительных» глаголов.

Мы воспроизведем в несколько сокращенном виде абзац, содержащий центральные концепции Караджича:

> «*Сви наши глаголи* (дјејствителни и средњи) могу се опет раздијелити 1) на глаголе *савршителне* (verba perfectiva), који показују да је посао само један пут рађен и свршен (или да ће се радити и свршити), н. п. закопати, записати, доћи, наћи, дати, рећи, викнути, дигнути, метнути, умријети, узданути и т. д. 2) на глаголе *несавршителне* (verba imperfectiva), који показују, да посао једнако траје, н. п. копати, закопавати, писати, записивати, долазити, налазити, тражити, давати, говорити, викати, дизати, метати, умирати, уздисати и т. д. И ово је најважније раздјелење наши глагола: 1) зато, што су ови глаголи различни између себе, како у значењу, тако и у спрезању: зашто а) савршителни глаголи не могу имати полу прошавшега времена ни причастија (или дјејепричастија) садашњег времена...г) будући да посао савршителнога глагола нема трајања ни мало, зато се њим и не може одговорити на питање: *шта чиниш*? него само шта си чинио? и шта ћеш чинити? Може бити да зато ђекоји наши књижевници мисле, да је дођем, закопам, пољубим, речем и т. д. будуће вријеме; али у нашему језику заиста није» (с. LIV).

Сопоставим в сокращенном виде текст Караджича с переводом Гримма, который в семантике перфективного глагола выделяет лишь значение единичности («einzigesmal») и недлительности («keine Dauer») и *упускает признак завершения*, т. е. несколько упрощает определение подлинника. Для имперфективного глагола характерно все еще продолжающееся действие («eine noch immer fortdauernde Handlung»), ср.: «1) *Verba Perfectiva* sind solche, welche ausdrücken, dass eine Handlung nur ein einzigesmal geschieht, oder geschehen wird, z. B. закопати (begraben)...2) *Imperfectiva*, die eine noch immer fortdauernde Handlung ausdrücken, z. B. копати (hacken, graben), закопавати (begraben)...Diese Eintheilung greift nun wirklich in das Förmliche der Conjugation ein, denn a) Perfectiva haben weder ein Imperfectum noch Participium Präsens...d) Weil die Handlung eines Perfectivums *gar keine Dauer hat*, so kann mit ihm niemals auf die Frage: was machst du? sondern nur auf die Frage: was hast du gemacht? und was willst du machen? geantwortet werden» (Караджич/Гримм 1824: 64).

Любопытно, что для пояснения содержания перфективного глагола Караджич использует копитаров вопрос (см. выше), на который нельзя ответить перфективным глаголом, так как его действие не имеет ни малейшей длительности («посао савршителнога глагола нема трајања ни мало») (Караджич 1818: LIV). Слова «шта чиниш?» Караджича (там же) воспроизводят буквально вопрос Копитара (1808: 310). На этот контрольный вопрос указывает также Гримм (1824: LII): «auf die Frage: was machst Du? thust Du? nicht mit dem Präsens eines Perfectivums geantwortet werden kann». Применяя данный вопрос также к немецким глаголам, Гримм там же отмечает, что такие предикаты, как *er verstirbt*, *verreisst*, *durchliest*, *verbleibt* не приемлемы для выражения актуального настоящего, а употребительны только

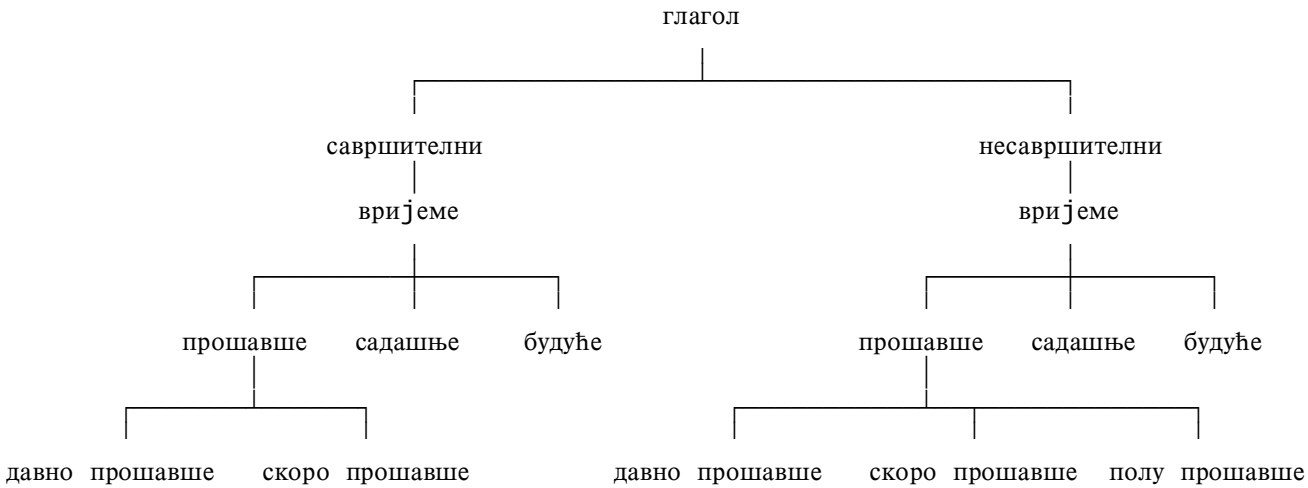
формы *er stirbt*, *reist*, *liest*, *bleibt*.

По мнению Караджича, немцам и другим народностям трудно объяснить, почему в сербском одному немецкому глаголу (*gehen*, *kommen*, *suchen*, *finden* и т. д.) соответствуют два глагола: *доћи* и *долазити*, *наћи* и *налазити*, *дати* и *давати*, *чути* и *слушати*, *рећи* и *говорити*, *узети* и *узимати* и т. д. (с. LV). Следовательно, в концепции Караджича видовые различия представлены двумя рядами глаголов. В последующей традиции грамматисты, и аспектологи, исказив правильное толкование Караджича, начали необоснованно искать и видеть видовые различия в глаголах *suchen* и *finden*.

3. Определив видовое содержание глагола, Караджич дает временам только чисто темпоральные дефиниции, не повторяя при них аспектуального значения глагола, т. е. видовое и темпоральное значения строго различаются. Формы прошедшего времени дифференцируются темпоральными признаками так: «полу прошавше» противопоставляется временам «давно прошавше» и «скоро прошавше», которые в свою очередь различаются по признаку отдаленности - неотдаленности («давно» - «скоро» 'недавно') действия от момента речи:

> «Времена по памети нема више, него само три, т. ј. *садашње* (које је сад), *прошавше* (што је прошло) и *будуће* (што ће доћи у напредак); а глаголи наши имају три проста времена осим будућега, т. ј. *садашње*, и два прошавша (1-во *полу прошавше*, које имају само несавршителни глаголи, н. п. ми купљасмо шљиве, кад он дође; ти пјеваше и т. д. а 2-го *скоро прошавше*, које имају сви глаголи, н. п. ми куписмо шљиве данас ваздан; он донесе, ја му реко и т. д.); ако још узмемо к овима и дјејствително причастије прошавшег времена, које се у нашем језику не говори без помагателног глагола *сам* (или *јесам*), онда ћемо имати три прошавша времена, т. ј. *полу прошавше*, *скоро прошавше* и *давно прошавше* (...). *Будуће вријеме* састави се с помоћу глагола ћу (или оћу), н. п. оћу му дати... ми ћемо купити и т. д.» (с. LV).

Схема № 42. Видо-временная система Караджича (1818)[518]



Глагол савршителни (verbum perfectivum):
Вријеме:
садашње - *ȉзиграм*
прошавше:
скоро прошавше - *изȉгра*, давно прошавше - *ȉзиграо сам*
будуће - *изȉграћу*

Глагол несавршителни (verbum imperfectivum):
Вријеме:
садашње - *ȉграм*
прошавше:
полу прошавше - *ȉграх*, скоро прошавше - *ȉгра*, давно прошавше - *ȉграо сам*
будуће - *ȉграћу*

[518] См. Караджич (1818: LIV-LIX).

В немецком переводе времена Караджича получили следующие эквиваленты: 1. «Präsens» а) *ѝграм*, б) *ѝзиграм*, 2. «Imperfectum» *ѝграх*, 3. «Einfaches Präteritum» а) *ѝгра*, б) *изѝгра*, 4. «Zusammengesetztes Präteritum» а) *ѝграо сам*, б) *ѝзиграо сам*, 5. «Futurum» а) *ѝграћу*, б) *изѝграћу* (Караджич/ Гримм 1824: 75-76).

Так, имперфективное *ѝграм* и перфективное *изѝграм* различаются по виду глагола. Имперфективные глаголы имеют все пять времен, перфективные же не образуют форм имперфекта («вријеме полу прошавше»). Иными словами, за исключением имперфекта, дифференциация двух видов глагола (точнее: различение видовых основ) реализуется во всех формах времени, включая настоящее.

Возможно, что, помимо Копитара, в терминологии Караджича сказывается воздействие грамматики Бандтке (1808). Ср. «вријеме полу прошавше» и «die halbvergangene Zeit». Ср. также термин «скоро прошавше вријеме», который Гримм (с. 74, 75) перевел неточно «einfaches Präteritum» (здесь «einfach» может перекликаться с «simplex») (см. выше). В плане прошедшего «скоро» 'недавно' противопоставляется слову «давно».

4. В своем предисловии Гримм говорит об аспектуальном различии, которое *пронизывает* славянские языки («ein die slavische Sprache so *durchdringende* Unterschied») (Гримм 1824: LII). Гримм прав в том, что формы *диго* и *дигну* означают «levavi» (там же), ибо *дићи* и *дигнути* - перфективные синонимы, а различие между русскими *я двигалъ* и *я двигнулъ* лучше иллюстрировали бы приблизительные латинские эквиваленты *movebam* и *movi* или же *commovebam* и *commovi*. Там же слова «einfach» и «zusammengesetzt» используются в структурном значении для обозначения синтетической и аналитической форм времени (с. LI). Простыми («einfach») являются «Imperfectum» и «Einfaches Präteritum», сложным - «Zusammengesetztes Präteritum» (ср. «давно прошавше вријеме» оригинала).

Так, в конечном счете концепции Караджича и Гримма, канонизирующие перфективные и имперфективные глаголы в славянской традиции, восходят к системе и терминологии двух глаголов Копитара. Выражение «Verba beider Art», которым Гримм указывает однозначно на две видовые группы глаголов (с. LI), является как бы дословным переводом русского «глаголы обоих видов», которого, однако, пока не было в аспектуальном контексте в русской традиции, за исключением «оба вида» у Греча (1811: 12).

8.2. Четырехчленная система «форм» в учебнике русского языка Эрстрёма и Оттелина (1814)

1. Финские составители учебника русского языка, магистр философии Эрик Густав Эрстрём (1791-1835) родом из области Эстерботнии и кандидат философии Карл Густав Оттелин (1792-1864) из Выборга, преподавали русский язык с 1815 года в школе при Кафедральном соборе г. Турку (Schola Cathedralis Aboen-

sis)[519]. В данном учебнике, написанном по-шведски, на скандинавскую почву переносятся элементы как русской, так и немецкой традиции описания русской аспектуальной системы[520].

2. По общему определению аспектуальных разрядов основной единицей - «формой, en Form» - называется совокупность всех тех изменений, которые определяют то, происходит ли действие один или несколько (много) раз («en eller flere gångor»), определенно или неопределенно («bestämdt eller obestämdt») (Эрстрём и Оттелин 1814: 103).

Вслед за Таппе, рассматриваемый учебник описывает четыре основных аспектуальных разряда: 1. «Obestämd Form, Фóрма неопредѣлéнная, Forma Indefinita» (*колóть*, *давáть*, *покупáть* «hålla på att köpa», «försöka att köpa, d. ä. handla»). 2. «Engångsform, Однокрáтная фóрма, Forma Simplex» (*кольнýть* «sticka blott en gång, d. ä. ge ett styng»). 3. «Upprepnings-form, Многокрáтная фóрма, Forma Frequentativa» (*кáлывать* «sticka ofta, d. ä. vara ofta dermed sysselsatt, vara van att göra det»). 4. «Fullkomlig, Bestämd Form, Фóрма совершéнная, Forma Perfecta» (*я уколóлъ* «jag stack och det med verkan», *сдѣлаю* «jag skall visst göra det efter er önskan») (с. 103-104).

Характеризующие эти «формы» содержательные экспликации мы обобщим так: 1. неопределенность («obestämdt»), занятость действием («vara dermed sysselsatt»), продолжение действия («hålla på att» + инф.), намерение и конативность («försöka att» + инф.), 2. единичность («blott en enda gång»), 3. частое повторение и хабитуальность («handlingen sker ofta och nästan är en vana», «vara ofta dermed sysselsatt»), 4. неминуемость (определенность и уверенность) осуществления действия («att något skedde eller ofelbart skall ske, och det med verkan») (с. 103-104).

«Однократная» и «совершенная» «формы» не имеют настоящего, так как мгновенное единичное действие («en ögonblicklig handling»), которое представляется определенно завершенным или будущим («såsom bestämdt slutad eller förestående»), не требует более одного мгновения для осуществления («ett enda ögonblick för att verkställas») (с. 112). Будущее «многократной формы», как правило, не употребляется. Отказываясь от плюсквамперфекта в русском языке, авторы отмечают, что прошедшее время «многократной формы» (*кáлывалъ*) никогда не означает того, что «Plusquamperfectum» в других языках (с. 127, примечание). По-видимому, авторы осмыслили, что итеративное значение формы «Upprepningsformens Präteritum» обусловливается способом действия глагола, что намного чаще эта форма выражает хабитуальность с оттенком «давности», что подобные формы являются своего рода «квазиплюсквамперфектами».

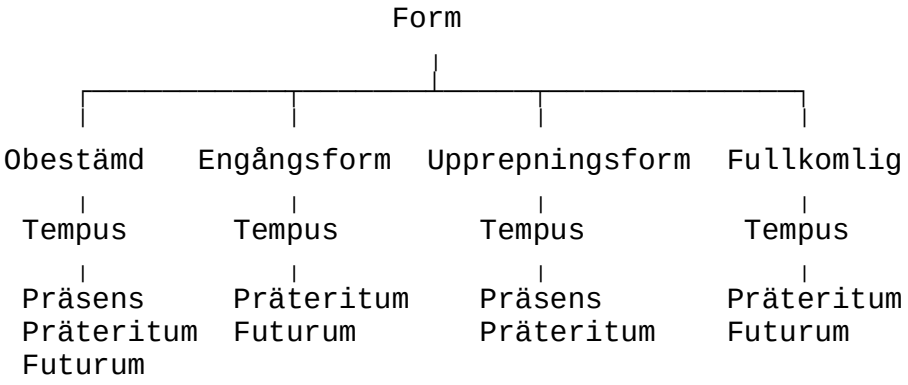
Система «форм» Эрстрёма и Оттелина воспроизводит семантическую классификацию и даже тот же порядок презентации Таппе (1812) (ср. схемы). Структурная же

[519] Подробнее см. Рёнкя (1997).

[520] С весьма похвальными отзывами учебник Эрстрёма и Оттелина (1814) отмечается Гречем (1827: 52), (1828: 38), Балицким (1876: 33), Буличем (1904: 952, 1004) и Станкевичем (1984: 122).

система глаголов с их русскими названиями следует в основном «Опыту» Греча (1811), на которого авторы и ссылаются (с. 105). Однако существенна разница заключается в том, что вместо «Verbum» и «Art» мы находим у финских грамматистов слово «Form, Форма, Forma» в роли главного классификационного слова. Употребление «формы» свидетельствует о том, что к обозначению единой языковой категории, в данном случае аспектуальной, применяется специфический категориальный термин. Схематизируем систему Эрстрёма и Оттелина так:

Схема № 43. Аспектуально-темпоральная система Эрстрёма и Оттелина (1814)[521]



Form, Форма, Forma:
Obestämd, неопредѣлéнная, indefinita:
Tempus: Präsens - *колю*, Präteritum - *кололъ*, Futurum - *буду колоть*
Engångsform, однокрáтная, simplex:
Tempus: Präteritum - *кольнулъ*, Futurum - *кольну*
Upprepningsform, многокрáтная, frequentativa:
Tempus: Präsens - *калываю*, Präteritum - *калывалъ*
Fullkomlig (bestämd), совершенная, perfecta:
Tempus: Präteritum - *укололъ*, Futurum - *уколю*

Каждая из этих «форм» имеет свойства обычного глагола, но не считается отдельной лексемой. Согласно авторам, отдельные «формы» являются флексиями одного глагола («böjningar af *ett och samma ord*») (с. 103), («böjningar af *samma Verbum*») (с. 104) и все «формы» в совокупности составляют один глагол («de alla tillsamman utgöra *ett enda Verbum*») (с. 103, примечание) (курсив наш. - Р.Р.). Иными словами говоря, совокупность флексий составляет одну «форму» и совокупность «форм» составляет одну глагольную лексему. Исходной базой четырехчленной системы служит первая «неопредѣлéнная фóрма». Например, формы прошедшего *кололъ*, *кольнулъ*, *калывалъ* и *укололъ* считаются четырьмя флексиями одного глагола *колоть* (с. 103-104, 127). Следовательно, здесь подход Эрстрёма и Оттелина совпадает с Фатером (1808), но существенно отличается от классификации самостоятельных глаголов Таппе (1810). Из этого вытекает, что Эрстрём и Оттелин оказываются в определенном смысле представителями регресса в описании аспектуальных явлений русского языка.

[521] См. Эрстрём и Оттелин (1814: 103-112, 120-128). Целостных типовых спряжений авторы не приводят.

По всей вероятности, термин «en Form» и его параллели Эрстрёма и Оттелина восходят к словам «Form» и «forma» Фатера, о которых говорилось выше. Так, через Фатера терминология финских грамматистов здесь вписывается в античную традицию Доната. В плане содержания четыре «Формы» Эрстрёма и Оттелина соответствуют четырем «Arten» Таппе и четырем «разрядам» Греча. Так как указанные наименования Таппе и Греча представляют собой специфическое, как бы полутерминологизованное употребление слова, то и «форму» Эрстрёма и Оттелина необходимо считать специфическим термином, имеющим аспектуальный денотат. Нетрудно видеть, что все три термина, имеющие общую содержательную основу, предвещают возникновение собственно русского термина «видъ».

По общей классификации глаголы («Verba») делятся на «несло́жные» («osammansatta») и «сло́жные» («sammansatta»). Из них первые распадаются далее на три группы: 1. «*Fullständiga* Verba, по́лные глаголы», 2. «*Fortsättnings* Verba, глаго́лы учаща́тельные el. rättare продолжительные» и 3. «*Enkla* Verba, простые глаголы» (с. 105-110).

«Полные глаголы» охватывают все четыре аспектуальных разряда (имеют возможность образования этих разрядов) и характеризуются общим семантическим признаком некоторого действия в пространстве («något skeende i rymden») (*шорошѝть*, *шага́ть* и т. д.) (с. 105). В «простые глаголы» входят в основном бесприставочные глагольные пары, которые имеют «неопредѣленную» и «совершенную» «форму» (*брать* - *взять*, *бросать* - *бросить*, *являть* - *явить*), иногда и «многократную форму» [*брасывать*] (с. 109).

Под глаголами «Fortsättnings Verba. Глаго́лы учаща́тельные el. rättare продолжительные» понимаются исключительно глаголы перемещения, означающие движение от одного места до другого («rörelse från en ort till en annan») (с. 107). Ср. во втором издании - движение в пространстве («en framåt fortsatt rörelse i rymden») (Эрстрём и Оттелин 1830: 145). Ср. выше дискуссию о «глаголахъ учащательныхъ» у Греча (1811). Любопытно, что вместе с «движенiемъ» Греча и «Bewegung» Таппе содержательная экспликация «rörelse» финских грамматистов (1814) приобретает весьма длительную историю, ведущую начало от «motus et transitus de loco ad locum» Росы (1672: 320).

В данную ограниченную группу глаголов входит 15 глагольных пар типа *бѣгать* - *бѣжать*, *летать* - *летѣть*, *ѣздить* - *ѣхать*, которые составляют специфическую группу внутри «неопредѣленной формы». Они называются «obegränsad art», «видъ неограни́ченный» (*летать*, *ходить*) и «begränsad art», «видъ ограни́ченный» (*летѣть*, *итти*). Различительным признаком этих двух «видов» является отсутствие цели движения («rörelse utan bestämdt mål») или ее наличие («rörelse till ett visst mål») (с. 108). Позже в приложении к грамматике это различие поясняется так, что «obegränsad art» выражает действие без отношения к времени, цели или к другим обстоятельствам, в то время как «begränsad art», хотя и близок по значению к «совершенной форме», не содержит в себе понятия завершения действия («begreppet af fulländning») (Эрстрём и Оттелин 1822: 210, примеч. 16).

Глаголы данной группы не образуют «однократной формы», но могут иметь «многократную форму» (*хаживать*), образуемую только от «неограниченного вида»

(*ходить*) (с. 108). Следовательно, *хаживать* определяется как «многократная форма» глагола «учащательного или продолжительного» *ходить*. Далее эти глаголы образуют приставочную «совершенную форму» (*вести* -> *повести*, *летѣть* -> *прилетѣть*) и приставочную «неопредѣленную форму» (*прилетать*) (108, 111).

По отношению к системе Греча (1811) два «вида» Эрстрёма и Оттелина обнаруживают определенную инновацию. Так, если у Греча «видъ учащательный» (*ходить*) и «видъ ограниченный» (*идти*) являются подвидами третьего самостоятельного разряда «глаголы учащательные», то «видъ неограниченный» и «видъ ограниченный» Эрстрёма и Оттелина составляют два «arter» «учащательных или продолжительных» глаголов, которые входят в «форму неопредѣленную».

Таким образом, «глаголы учащательные или продолжительные» Эрстрёма и Оттелина *не подчиняются* какой-либо отдельной «форме», а выделяются как особая глагольная группа по признаку движения, имея при этом две разновидности «неопредѣленной формы» («*tvenne arter af Obestämd form*») (с. 107, 108).

Поскольку русский аспектуальный термин «видъ» Эрстрёма и Оттелина заимствован прямо из учебника Таппе (1812: 178), то и шведское слово «art» должно быть калькой соответствующего немецкого термина «Art». Здесь «видъ» употребляется в данной функции третий раз после своего возникновения в «Опыте» Греча.

В системе Эрстрёма и Оттелина аспектуальное и формальное деления трудно совместимы, так как бесприставочный глагол может входить в каждый из четырех аспектуальных разрядов, а приставочный имперфектив входит также в «форму неопредѣленную». С другой стороны, в «сложные глаголы» входят глаголы «неопредѣленной» и «совершенной форм» (с. 111), т. е. приставочные имперфективы и приставочные перфективы. «Сложные глаголы» не противопоставляются аспектуально «несложным», а внутри «сложных» глаголов складывается аспектуальная (фактически видовая) оппозиция, состоящая из глаголов «неопредѣленной формы» (*ски́дывать*) и «совершенной формы» (*скида́ть*) (или *ски́нуть*) (там же). К сожалению, авторы не приводят других примеров, отмечая лишь, что в словаре эти глаголы даются рядом.

Однако предельно сложное описание без какого-либо примера у Эрстрёма и Оттелина раскрывает способ образования приставочных глаголов «слева направо» и вместе с тем системное положение приставочных имперфективов (примеры здесь добавлены нами. - P.P.). Так, приставочные имперфективы (*укалывать*, *прилетать*), образуемые префиксом от «многократной формы» (*калывать*) «полного глагола» (*колоть*) (с. 105) или же от «неограниченного вида учащательного или продолжительного глагола» (*летать*), определяются как глаголы «неопредѣленной формы» («Obestämd form») (с. 111). Аналогичным образом «совершенная форма» («Bestämda formen») (*прилетѣть*) образуется здесь от «ограниченного вида» (*летѣть*) корневого глагола («Stam-Verbum») (там же). Ср. Таппе (1810: 144-145). Это значит, что в учебнике Эрстрёма и Оттелина в «неопредѣленную форму» входят как бесприставочные, так и приставочные имперфективные глаголы (*колоть* и *укалывать*).

Как неоднократно отмечалось, приставочные имперфективные формы не имеют надлежащего статуса в описании аспектуальной системы. Это осложнялось и тем

«техническим» обстоятельством, что они не вводились сразу в первую презентацию аспектуальной системы.

В принципе третья «многократная форма» Эрстрёма и Оттелина (с. 104) является во многих отношениях важной инновацией. От Греча (1811) она отличается как по названию, так и по содержанию. С соответствующей группой Таппе (1812) она совпадает по содержанию, но отличается от нее по русскому термину. Более того, атрибут «многократная» оказывается здесь одним из первых употреблений этого слова в позиции термина аспектуальной глагольной группы (ср. «многократный глаголъ» Борна 1808).

Предлагаемый авторами новый термин «*Bestämd* form» (с. 104) соответствовал бы русскому эквиваленту «определенная», которого, однако, нет до Рейфа (1821). Этот термин, который соответствует экспликации «Bestimmtheit», «bestimmt» у Таппе (1810: 105-106), образован как противочлен термину «obestämd». Латинская параллель «Forma Perfecta» составлена как контаминация терминов Фатера (1808) и Таппе (1812).

3. Подобно Таппе, в учебнике Эрстрёма и Оттелина фигурируют только три (основных) времени: «Präsens, Настоящее время, Präteritum, Прошедшее время, Futurum, Будущее время» (с. 42). К названиям времен не присоединяются атрибуты отдельных аспектуальных разрядов. Специфика русской системы с одним лишь «Präteritum» продемонстрирована в сопоставлении с тремя прошедшими («Imperfectum», «Perfectum», «Plusquamperfectum») в шведском языке (с. 196).

Принципиальное значение имеет то, что *каждая «форма» имеет определенное количество времен*. У «неопредѣленной формы» есть все три времени, «многократной форме» обычно недостает будущего, «однократная» и «совершенная» «формы» имеют только прошедшее и будущее (с. 112). Следовательно, категория времени подчиняется аспектуальной системе четырех «форм», и темпоральная дефектность отдельных «форм» обусловливается их семантическими особенностями. Новый способ различения аспектуальности и темпоральности подтверждается формулировками типа «Obestämda formens Präteritum», «Upprepningsformens Präteritum» и т. п. (с. 127).

Содержательные экспликации отдельных времен обнаруживают некоторые новые (дополнительные) характеристики. Так, помимо единичности, прошедшее и будущее «однократной формы» выражают мгновенность («blott en enda gång och nästan i ett ögnablick») (*я его́ кольну́лъ*) (с. 127) и поспешную быстроту действия («i en hast») (с. 129). Для прошедшего времени «многократной формы» характерно, помимо давности («för längre tid tillbaka», «länge sedan»), частое повторение действия («något har skett ofta») (*я его́ ча́сто ви́дывалъ*) (с. 127). Ср. также пример *я пи́сывалъ къ нему́ пи́сьма* «jag har många gångor förut skrifvit till honom bref» (с. 199). Прошедшее и будущее «совершенной формы» характеризуются определенностью, полным минованием и завершением действия («handlingen är fullkomligen förbi, och slutad såsom den borde») (*я его́ уколо́лъ*) (с. 127), в будущем также необходимостью и определенностью осуществления действия («att något skall ske nödvändigt, bestämdt och snart», «helt

säkert») (*уколю́ тебя́*) (с. 129). Ср. выражение завершения в переводе «jag har redan skrifvit brefvet till slut» примера *я написа́лъ у́же* (sic!) *письмо́* (с. 199).

4. В приложениях ко второй части учебника (хрестоматии)[522], вышедшей восемь лет спустя после грамматики, Эрстрём и Оттелин вносят коррективы и уточнения, заявляя, что «неопредѣленная» и «совершенная» могут считаться *главными* «формами» («hufvudformer»), а «многократная» и «однократная» являются соответствующими их *оттенками* («Upprepningsformen är en nuance af Obestämda, och Engångsformen af bestämda formen»). Вместе с тем проницательно показывается принципиальная разница между «временами» старой системы и «формами» новой системы (Эрстрём и Оттелин 1822: 210, примеч. 16). Принципиальное значение имеет тот факт, что авторы вполне обоснованно разделяют четыре «формы» на два главных класса («två hufvudclasser»), из которых в первый входят «*Obestämda formen*» и «*Upprepningsformen*», и во второй «*Bestämda formen*» и «*Engångsformen*» (здесь небезразличен порядок презентации) (Эрстрём и Оттелин 1822: 319, примеч. 40).

В этом новом ранжире, в котором количественные разряды последовательно подчиняются собственно видовым, отдельные «формы» иллюстрируются примерами: Iа. «Obestämd form» (*я двигалъ камень* «jag rörde, jag höll på eller bjöd till att röra en sten»), Iб. «Upprepningsform» (*я двигивалъ камень* «jag rörde, eller har rört många gångor på stenen»), IIа. «Bestämd form» (*я сдвигалъ* «jag rörde, eller har rört stenen (så att den verkligen blifvit rörd eller flyttad»), IIб. «Engånsform» (*я двинулъ камень* «jag rörde stenen en enda gång, ett enda tag») (1822: 319, примеч. 40). Так, в отличие от своих предшественников, Эрстрём и Оттелин теперь осмыслили тот факт, что такие глаголы, как *сдвигать* и *двинуть* входят в одну категорию перфективности, но различаются по своим акционсартным характеристикам.

Проницательно авторы указывают на то, что, в отличие от «форм» русского языка, шведский глагол (*ropa*, *sticka*, *röra*) означает действие как таковое без дополнительного обстоятельства («omständighet») типа полного завершения («fullkomligt slut») или кратности («en eller flera gångor»). Это обстоятельство освещается латискими примерами *clamare* «ropa» и *clamitare* «ropa många gångor, ropa ofta», которым, по мнению авторов, в финском языке соответствуют *huutaa* и *huutella* (sic!) (1822: 318, примеч. 40).

Основным различительным признаком, которым обладает «совершенная форма» («Bestämda formen»), является полное совершение, сопряженное с завершением и определенностью действия («ett visst och bestämdt skeende, som är fullständigt, fulländadt och fullbordadt»). Вместе с тем указывается на то, что речь идет о единичном действии, которое может состоять и из ряда событий («skeendet består af en enda händelse, men som möjligen kan utgöras af flera tilldragelser»). Составляющий противочлен «неопредѣлен-

[522] Первое приложение «Afhandling om Ryska Språkets Egenskaper» (с. 203-265) - перевод статьи Й. С. Фатера «Von den Vorzügen der russischen Sprache» (Лейпциг 1815), второе - «Några Reflexioner, under hänsigt till Ryska Språkets Studium och Närvarande Arbetes Begagnande» составлено финскими авторами (с. 266-374).

ная форма» просто называет действие («nämner ett skeende»), не указывая его как совершенное («fullständigt eller fullbordadt») и не отмечая, происходит ли действие один или несколько раз («en eller flera gångor») (там же).

При этом «совершенная форма» означает определенность и завершение («bestämdhet och fulländning») (1822: 210, примеч. 16). Иногда препозитивы (особенно *вы*, *по* и *у*) означают почти одну только определенность или завершенность («nästan endast bestämdhet eller fulländande»), однако чаще появляются добавочные значения («nya bibetydelser»), когда один и тот же глагол образует присоединением препозитивов множество определенных «форм» (1822: 211, примеч. 18).

В кругу второстепенных «форм» «многократная» характеризуется множественностью («många gångor»). Помимо единичности, «однократной форме» приписывается значение быстрого или кратковременного (поспешного) события («skeendet består af en enda *snabb eller kort* tilldragelse», «i en hast») (1822: 319). В этом же написанном очень мелким шрифтом замечании второго приложения авторы отчетливо и справедливо указывают на то, что «однократная форма» обладает тем же значением («detsamma») как «совершенная», причем ее собственные признаки единичности и быстроты являются дополнительными (там же). Это весьма важное открытие сказывается и в трактовке отношения «многократной формы» к «неопредѣленной».

Новый ранжир аспектуальных разрядов показан их новой экспозицией, где «многократная» и «однократная» «формы» вынуждены были уступить место повышенным по статусу «неопредѣленной» («несовершенной») и «совершенной» (Эрстрём и Оттелин 1830: 139-144)[523]. Однако «формы» количественной аспектуальности из системы не устраняются, а попадают лишь во второстепенное (подчиненное) положение по сравнению с неколичественными главными «формами».

В дидактических инструкциях приводятся параллельные наименования, предназначенные для учащихся, владеющих латинским языком. Среди них неукоренившийся термин «Forma singularitatis eller Subitanea», предлагаемый вместо «Forma simplex», содержит идею единичного быстрого действия (Эрстрём и Оттелин 1822: 335, примеч. 71). Не укоренился также термин «Forma imperfecta», предлагаемый вместо «Forma indefinita». Там же появляется термин «Forma Definita» (вместо «Forma Perfecta»), который явно переводит «Bestämd form». Для передачи «Obegränsad och Begränsad Art» авторы предлагают аналог «Species illimitata och limitata». Любопытным образом здесь осуществляется последовательное развитие: «видъ» -> «Art» -> «species». Согласно авторам, глагол «Fortsättnings Verbum» мог бы называться по-латыни «Verbum continuationis» (там же). Во втором издании учебника термин «Forma definita» в качестве параллели «совершенной формы» становится официальным наименованием у Эрстрёма и Оттелина (1830: 141).

Во втором издании учебника авторы вносят некоторые дополнения в свою аспектуальную классификацию (Эрстрём и Оттелин 1830: 139-144).

[523] См. замечания Эрстрёма и Оттелина (1830: 153) относительно системы Греча (1827), которую они упрекают в том, что «неопредѣленный» и «опредѣленный» - самостоятельные «виды».

Существенным является новый, установленный в 1822 г. порядок «форм». При вводном описании аспектуальных характеристик выделяются три признака: определенность («bestämdhet»), совершенность («fullkomlighet») и многократность («upprepning») (1830: 139). Там же приводится новый русский термин «*несовершенная форма*», в котором атрибут «несовершенная» заменяет «неопредѣленную». Интересно, что во втором издании латинские и шведские термины подчеркивают неопределенность и определенность двух главных «форм», а русская терминология придерживается обозначения их несовершенности и совершенности. Содержательные экспликации, соответствующие в основном данным первого издания и статей 1822 г., даются нами в приложении.

Признавая заслуги диссертации Шёстедта (1824), авторы применяют его наблюдения к пояснению аспектуальной системы. Так, «несовершенная» и «многократная» «формы» выражают фактическое представление о самом действии («skeendets åskådning»), в то время как «совершенная» и «однократная» «формы» обозначают абстрактное понятие действия («begreppet om en handling») (Эрстрём и Оттелин 1830: 140-141) (ср. ниже «ituitus» и «conceptus» Шёстедта).

Не подлежит сомнению, что в 1822 г. Эрстрём и Оттелин осмыслили собственно видовое различие между «формами», называемыми ими двумя главными классами. Вместе с тем был определен правильно акционсартный статус «многократной» и «однократной» «форм».

Что касается «вида», то после «Arten» Таппе термин «Форма» Эрстрёма и Оттелина предстает как новый этап абстрагирования категориального понятия аспектуальности. Во втором издании (1830: 139, 153) данный термин становится фактическим эквивалентом термина «видъ» в грамматике Греча (1827). Так, сохраняя «видъ» для обозначения глаголов движения, учебник финских авторов и в дальнейшем содержит два функционально различных аспектуальных термина («форма» и «видъ»).

8.3. Интуитивная и концептивная аспектуальность К. Г. Шёстедта (1824)

В своей скромной диссертации «*Observationes in doctrinam grammaticorum de formis verborum linguae Russicae*» (13 с.) финский языковед К. Г. Шёстедт[524] пытается внести ясность в сложные и часто непоследовательные описания русского глагола в грамматиках начала XIX века. Следует учесть, что

[524] Карл Густав Шёстедт (1799-1834) родился в городе Турку в семье столярного мастера, происходившего из старинного финского рода в приходе Весилахти. Двадцать второго августа 1811 г. Карл Густав поступил в Кафедральную школу, где он в феврале 1816 г. начал обучаться русскому языку под руководством финских преподавателей Э. Г. Эрстрёма и К. Г. Оттелина. По окончании школы в июне 1819 г. Карл Густав был направлен в Академию (Academia Aboensis) с похвальным отзывом «egregiae spei». В Академии Шёстедт изучал русский, персидский, древнееврейский и арабский языки, стал магистром с отзывом «primus» 27.6.1823 и был назначен 24.3.1824 учителем русского языка кафедральной школы. Пятого мая того же года состоялась защита его диссертации по русскому языку. После этого Шёстедт сосредоточивается на исследовании персидского языка и назначается 15.7.1826 доцентом восточных языков («Linguarum Orientalium Docens»). Должность профессора экзегетики Хельсинкского университета он занимал с 30.3.1831 (Рёнкя 1997).

диссертация написана всего через десять лет спустя после выхода в свет грамматики Эрстрёма и Оттелина. Через своих предшественников трактат-диссертация Шёстедта вписывается в русско-скандинавскую и далее в общую европейскую традицию описания русского языка[525]. Основными источниками и в то же время предметом критики диссертанта явились в первую очередь учебник (1814) и трактат (1822) Эрстрёма и Оттелина, которые, однако, в трактате не отмечаются, но выявляются нашим анализом.

Единственным грамматистом, на которого Шёстедт ссылается, является «Юганн Негедли» (с. 13). Свидетельством того, что диссертант действительно был знаком с концепциями Неедлого, является указание на квантитативное соответствие звука и значения аспектуальной формы: «Insimul videntur & ipsi verborum soni harum duarum formarum [intuituum et conceptuum] duriores vel leniores mox indicare, in quo mundo, sensibiline, an intellegibili, agens persona sit quaerenda» (с. 9). См. Неедлый (1804: 225).

В отличие от тех, кто исследовал внешний облик глагольных форм, Шёстедта занимали их семантические особенности в целостной системе, его аргументация с часто встречающимися словами «vis», «ratio» и «notio» носит семасиологический характер. Словом «*forma*» в данном исследовании указывается именно на аспектуальный разряд глагола, и «*doctrina de formis*» означает, следовательно, 'учение об аспектуальных разрядах'.

Идея Шёстедта пересмотреть доктрину и сократить количество аспектуальных разрядов исходит из трудности и нелогичности образования отдельных аспектуально-темпоральных форм. По его мнению, рассматриваемые абстрактно названия неопределенной, перфектной, однократной и фреквентативной «форм» («indefinitae, perfectae, simplicis & frequentativae formarum»), не содержат сами по себе никакого противоречия, но их инфинитивы являются весьма непригодными для образования отдельных времен, относящихся к каждой из этих «форм». Поэтому необходимо было бы найти два инфинитива, из которых один содержал бы понятие действия вообще («notionem *actionis in universum*»), а другой - понятие ограниченного действия («notionem *actionis restrictae*») (с. 1).

Как можно видеть, отмеченные здесь четыре глагольных «формы» восходят к грамматике Эрстрёма и Оттелина (1814: 104), тогда как двучленное противопоставление «actio in universum - actio restricta», иллюстрированное шведскими глаголами *tala* 'говорит' и *säga* 'сказать', представляет собой в самом общем виде то, к чему стремится автор диссертации. Ср. об этих глаголах у Эрстрёма и Оттелина (1822: 336, замечание 73).

Ядро аспектуальной концепции автора заключается в том, что глаголы могут выражать действия или интуитивным, или концептивным видом: «Verba enim possunt exprimere actiones, sive sub specie **intuituum**, sive sub specie **notionum**» (с. 3). Это на первый взгляд несколько странное определение автора можно интерпретировать так, что действующее лицо должно иметь в своем распоряжении языковые средства для выражения разных по виду действий. Итак,

[525] Любопытно, что трактат Шёстедта попал и в «Материалы» Балицкого (1876: 39), где он отмечается как «Программа для диспута, на котором обсуждалось учение о русских глаголах».

речь идет о возможности выбора вида, для чего в языке существуют две «формы»: интуитивная («forma intuituum») и концептивная («forma conceptuum») (с. 4).

В исходной аспектуально-темпоральной системе Шёстедта, состоящей из шести времен, названия времен даются на русском языке, к которым присоединяются латинские параллельные наименования и экспликации. В интуитивную «форму» входят: 1. «неопределенное прошедшее время» («Tempus ἀοριστον»), 2. «настоящее время» («Tempus praesens»), 3. «продолжительное будущее время» («Tempus futurum, longissimam actionis moram significans») и 4. «давно прошедшее время» («Tempus, quo actio per longum temporis spatium continuata significetur»). Концептивная же «форма» охватывает: 1. «простое будущее время» («Futurum, quo actio significetur, quae mox praeterlapsura sit») и 2. «совершенное прошедшее время» («praeteritum perfectum») (с. 3). Как можно видеть, здесь времена интуитивной «формы» являются имперфективными, а времена концептивной «формы» - перфективными.

Знаком интуитивного разряда («intuitivae notionis signum») служит аористическое «неопредѣленное» время («tempus ἀοριστον») (напр. *варилъ*), который можно раскрыть путем разложения приставочного «praeteritum perfectum» (*сварилъ*) на свои конститутивные части (*съ* + *варилъ*) (с. 5-6).

Среди редких содержательных экспликаций выделяется противопоставление ограниченного (или законченного) («actio determinata») и неограниченного (или незаконченного) («actio non determinata») действий (с. 2), выражаемое перфектным прошедшим («praeteritum perfectum») и настоящим временем соответственно. Возможно, что здесь атрибут «determinata» является преемником слова «slutad» Эрстрёма и Оттелина (см. выше).

Поясним кратко оригинальные термины Шёстедта. Слово «*intuituum*» восходит к глаголу *intueor* 'пристально смотреть'[526]. Этот термин Шёстедт соотносит с понятием о неопределенности действия, выражаемой аористом («tempus ἀοριστον»), который является знаком (показателем) интуитивного понятия («intuitivae notionis signum») (с. 6). Итак, если здесь слово «intuitus» связано, как нам представляется, со зрительным восприятием, со «взглядом» говорящего на характер протекания действия, то Шёстедт оказался одним из первых, кто видел в аспектуальной системе возможность свободного выбора между видовыми формами. Ср. также замечание: «persona activa ipse determinat suas actiones» (с. 2). Возможно, что поводом данного подхода послужили мысли Эрстрёма и Оттелина (1822: 320) о «представляемом» действии в плане темпоральности.

Термин же «*conceptuum*» связан с глаголом *concipio* 'собирать в одно'[527] и имеет по содержанию некоторое сходство с понятием целостности и совокупности действия (ведь то, что собрано в одно, составляет целостную совокупность). В некотором смысле термин соответствует «совершенному», которое, однако, специ-

[526] Ср. *intuitus* (от глагола *intueor*) «1) взгляд, 2) зрение, 3) точка зрения, отношение» (Дворецкий 1986: 420).

[527] См. это и другие значения у Дворецкого (1986: 172).

фицирует лишь один из шести (затем пяти) членов темпорально-аспектуальной системы Шёстедта, т. е. является семантически у́же, чем более широкий по объему «conceptuum». То же самое касается отношения между «неопредѣленным» и «intuituum». Из учебника Эрстрёма и Оттелина (1814: 108) Шёстедт должен был знать и шведский «art» и русский термин «видъ». Латинский эквивалент «species» он видел в статье Эрстрёма и Оттелина (1822: 335).

Вместе с тем важно отметить, что в составе «форм» Шёстедта отсутствуют однократность и многократность, сосуществующие, в частности, у Таппе и Эрстрёма и Оттелина как равноправные с другими аспектуальными разрядами (см. выше).

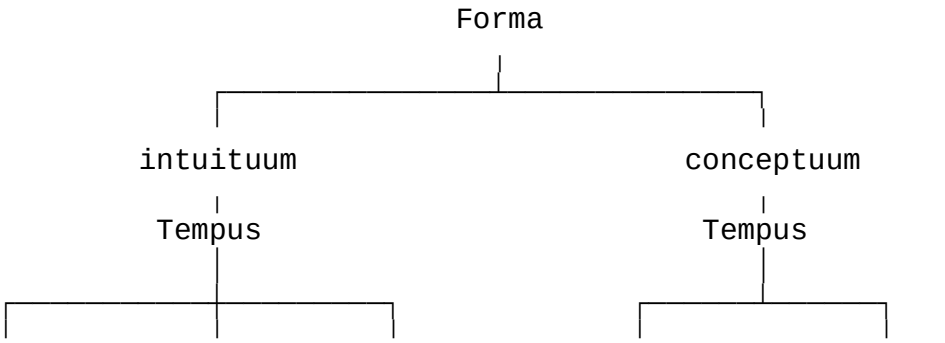
Особенно наглядно аспектуальный подход автора проявляется в том, что под отдельной «формой» перечисляются аспектуально однородные формы, относящиеся к разным временным планам. Например, в концептивную «форму» («ad formam conceptuum») входит только два времени («duo tantum tempora»): «простое будущее» и «совершенное прошедшее время» (с. 4).

Основные результаты своих наблюдений автор изложил так: основание, на которое опирается учение о «формах» русского языка («doctrina formarum linguae Rossicae»), проявляется в том специфическом свойстве («peculiaris indole») русского языка, что в нем друг другу противостоят два претерита, из которых один является знаком интуитивности («intuitus nota»), а другой - знаком абстрактного понятия («notionis abstractae nota») (с. 9). Из этого следует, что фундамент всей системы составляет «неопредѣленное прошедшее время», а «совершенное прошедшее время» (или: «praeteritum formae Совершенной») соответствует абстрактному понятию («notioni abstractae») перфекта («praeteriti perfecti») всех европейских языков. При глаголах, которые имеют интуитивную и концептивную «формы» («formas & intuituum & conceptuum»), интуитивное понятие аористического времени («temporis ἀοριστου») можно всегда раскрыть путем разложения «совершенного прошедшего» на свои конститутивные части («in suas constitutivas partes»). Остальными временами глагола являются: «Настоящее время», «Продолжительное будущее время», «Простое будущее время» и «Совершенное прошедшее время» (с. 10).

Итак, в данной системе, которая состоит из пяти аспектуально-темпоральных форм, наблюдается два чисто аспектуальных (видовых) противопоставления: 1. «неопредѣленное прошедшее» - «совершенное прошедшее», 2. «будущее продолжительное» - «будущее простое». Эту систему мы называем *исправленным вариантом* системы Шёстедта[528]. Вполне логично в ней уже нет «давнопрошедшего», так как в системе аннулирован фреквентатив (ср. устранение плюсквамперфекта у Эрстрёма и Оттелина).

[528] См. подробнее: Рёнкя (1998).

Схема № 44. Аспектуально-темпоральная система Шёстедта (1824)[529]



Forma intuituum:

Время:

1. настоящее - [*варю*]
2. прошедшее неопредѣленное - [*варилъ*]
3. будущее продолжительное - [*буду варить*]

Forma conceptuum:

Время:

4. будущее простое - [*сварю*]
5. прошедшее совершенное - *сварилъ*

Так, пытаясь создать новую теорию аспектуальных разрядов, Шёстедт стремится согласовать ее с обозначением темпоральности (у Эрстрёма и Оттелина нет аспектуально определяемых форм времени). Очевидно, не случайно первым членом в системе является «неопредѣленное» (аористическое) прошедшее, а последним «совершенное прошедшее» («praeteritum perfectum»), составляющие основу учения об аспектуальности («fundamenta doctrinae formarum») Шёстедта (с. 10). Можно думать, что автор здесь идет логично от самого неопределенного члена интуитива (имперфектива) к самому определенному члену концептива (перфектива).

Русским термином «простое будущее время» Шёстедт (с. 4, 10) обозначает перфективное будущее без акционсартных различий (ср. выше). В содержательных экспликациях «давно прошедшего времени» отсутствует элемент повторяемости, но зато указывается, помимо собственно плюсквамперфектного признака отдаленности («per longum temporis spatium»), на длительность действия («actio continuata») (с. 3), («actio longioris morae») (с. 8). Как уже говорилось, представление о долготе и краткости времени действия («longissima actionis mora») (с. 3) и т. п. восходит к чешской традиции (см. выше). Любопытно, что и Шёстедт обратил внимание на то, что «неопредѣленное прошедшее время» может функционировать в роли перфективной формы прошедшего (с. 11). Ср. Эрстрём и Оттелин (1814: 199) и дискуссию выше об «общефактическом».

[529] См. Шёстедт (1824: 3-4, 8), в особенности (с. 9-10), где описан второй исправленный вариант без «давнопрошедшего». Параллельные латинские названия (экспликации) не повторяются здесь. Примеры отдельных времен, кроме «*сварилъ* han kokade af, id est: han hafver kokat», который введен Шёстедтом (с. 6), реконструированы нами на основании текста подлинника.

Приставки, связанные первоначально с физическими понятиями, ограничивают и специфицируют неопределенный аорист, придавая форме значение перфективного прошедшего. По мнению Шёстедта, древнерусские носители языка не могли осмыслить абстрактного понятия перфектного прошедшего («notio abstracta praeteriti perfecti»), а обозначали его аористическим временем и препозитивом (с. 5).

Согласно автору, ряд глаголов (фактически парновидовых) (*вбивалъ - вбилъ*, *вбрасывалъ - вбросилъ*, *взвешивалъ - взвешилъ* (sic!), *выбрасывалъ - выбросилъ* и др.) не образует «прошедшего совершенного» препозитивом (с. 11). По-видимому, эти пары считаются формами собственно приставочных глаголов, которые у Эрстрёма и Оттелина (1814: 110) описаны не совсем удачно. Без препозитива «прошедшее совершенное» образуют *далъ* и *купилъ* (с. 8).

Итак, исправленная аспектуальная система Шёстедта содержит только два аспектуальных разряда под новыми терминами «forma intuituum» и «forma conceptuum». По отношению к временам эти разряды занимают господствующий статус. В основе данная система представляет собой последовательное продолжение идей, выдвинутых Эрстрёмом и Оттелином в статье 1822 года.

8.4. Система «форм» Добровского в применении к русскому языку в пособии Пухмайера (1820)

1. В своем «Lehrgebäude der russischen Sprache» Антон Ярослав Пухмайер (1769-1821), выполняя желание Добровского, переносит на восточнославянскую почву систему глагольных «форм»[530], разработанную на материле западнославянского языка[531]. Следуя рабски своему прообразу, Пухмайер даже копирует целые формулировки Добровского. При выборе языкового материала автор воспользовался и грамматиками Соколова и Хайма.

Применительно к русскому глаголу система «sechs verschiedene Formen» получила следующее оформление, которое мы укажем в виде примеров Пухмайера (1820: 132): I. *мет-ỳ*, *мес-ть*, *вез-ỳ*, *вез-тѝ*, *пас-ỳ*, *пас-тѝ*, II. *двúг-нуть*, *мáх-нуть*, *крúк-нуть*. III. *терп-ѣть*, *терп-лю̀*, IV. *мор-úть*, *мор-ю̀*, V. *коп-áть*, *коп-àю*, *мѣр-ять*, *мѣр-яю*, *выла́в-ливать*, *зала́м-ывать*, *выразум-ѣва́ть*. VI. *слѣд-овать*, *слѣд-ую*.

Деление «форм» обусловливается исключительно морфемным составом (обликом) конечной части глагола, из чего вытекает, что собственно видовые признаки в системе «форм» не играют особой роли. Кроме того, поскольку глаголы всех «форм» могут быть бесприставочными и приставочными, каждая «форма», за

[530] См. Ягич (1910: 119).

[531] См.: Шафарик (1826: 145), Рейф (1821: XIV), Грунский (1910: 57-60). По мнению Греча (1827: 52), Пухмайер - «священник в Раднице, слишком сбивается на природный свой, богемский язык, и не всегда умеет отделить формы общие Славянские от собственно русских». Ср. Греч (1828: 38). Станкевич (1984: 123) оценил грамматику как одну из лучших грамматик русского языка, написанных по-немецки.

исключением пятой, включает как перфективы, так и имперфективы.

Между «формами» существует словообразовательное соотношение, с которым сопрягаются некоторые акционсартные характеристики, возникающие по модели глагол -> глагол. Однако далеко не всегда от одного корневого слова образуется все шесть «форм». Часто существует только один глагол, принадлежащий к той или иной «форме» без какой-либо связи с другими «формами». Лишь глаголам пятой «формы» приписываются последовательно аспектуальные характеристики итеративности и фреквентативности. Собственно видовые характеристики связываются с «формами» только в пределах темпоральной парадигматики.

В применении к русскому языковому материалу классификация Добровского и Пухмайера обнаруживает такую непоследовательность, что по первому лицу настоящего времени глагол *реву́* входит в первую, а по инфинитиву *ревѣть* - в третью «форму» (с. 135). Одинаково принудительно относящиеся к первой «форме» *жую̀*, *сую̀*, *кую̀* и т. п. должны «заимствовать» свой инфинитив и причастие из шестой «формы» (с. 138).

Непригодность «форм» к описанию собственно вида проявляется в том, что в первую «форму» входят как имперфективные (*гребу̀*), так и перфективные глаголы (*погребу̀*, *ся́ду*) (с. 133). И класс глаголов второй «формы» содержит как перфективы *уснỳ*, *прильнỳ*, *плю́ну* (с. 138), *ду́ну* (с. 139), так и имперфективы (*тонỳ*, *тянỳ*) (там же), а также недифференцированно бесприставочные и приставочные глаголы.

Сингулярные глаголы движения («Verba singularia») *идỳ* и т. п. означают единичное имперфективное действие и противопоставляются итеративам («Verba iterativa») (*хожỳ*) со значением повторяемости или более длительного действия («eine Wiederholung oder längere Dauer der Handlung»), а также хабитуальности (*ходитъ въ школу* «pflegt zu gehen in die Schule») (с. 145). По модели Добровского (1809: 138), итеративные глаголы движения четвертой «формы» производятся от сингулярных глаголов первой «формы» (с. 146, 170). В пособии Пухмайера термином «singulare» ни разу не указывается на глагол совершенного вида.

В глаголы *пятой* «формы» входят глаголы типа *клепа́ть*, *клеплю́* и *клепа́ю*, *копа́ть*, *копа́ю* (с. 148), *алка́ть*, *алка́ю* и *а́лчу* и т. д. (с. 149). Финалью *аю* обозначается множество действий («mehrere Handlungen») или одно действие продолжительного времени («eine Handlung von längerer Zeit») (*клепа́ю*, *алка́ю*), тогда как финаль *ю* выражает одно действие краткой длительности («eine Handlung von kurzer Dauer»), которое совершается в точно определенное время («die in genau bestimmter Zeit vollbracht wird») (*клеплю́*, *а́лчу*) (с. 152).

Помимо итеративов на *аю* или *яю* (*коп-а́ю*, *мѣр-яю*), в пятую «форму» входят фреквентативы на *ивать*, *ывать*, *ѣва́ть*: *выла́в-ливать* «ausfischen», *зала́м-ывать* «anfangen zu zerbrechen», *выразум-ѣвать* «vollkommen verstehen» (с. 133). Фреквентативы являются или приставочными (*выла́вливать*, *выса́живаю*) (с. 166), или бесприставочными *си́живаю* (с. 165), *са́живаю* (с. 166). Фреквентативы маркируются формальным элементом *ивать*, *ывать*, *ѣвать* и семантикой хабитуальности («pflegen», «soleo», «ich pflege (oft) zu»)

(ср. аналогично у Добровского). Таким образом, именно пятая «форма» объединяет итеративные и фреквентативные глаголы и служит своеобразной базой для итерации и фреквентизации, составляя предварительную модель имперфективации.

Итеративы пятой «формы», под которыми здесь понимаются приставочные имперфективные образования, образуются по определенным «аналогиям» («nach gewissen Analogien») так, что глагол любой предшествующей формы префигируется и от него образуется формантом *ать* итератив пятой «формы». Мы ограничимся здесь следующими примерами: первая аналогия: *плывȕ* - *оплывȕ* - *оплыва́ю* (с. 153), вторая: *рву* - *вы́рву* - *вырыва́ю* (с. 155), третья: *бу́ду* - *быва́ю* - *выбыва́ю* (с. 156). По третьей аналогии формируются также *фреквентативы* пятой «формы» с формантом -*иваю*, -*ываю*, -*ѣваю*: *вѣю* -> *вѣивать*, *пою̀*, *поить* -> *выпа́ивать*, *стро́ить* -> *достра́ивать* (с. 157). Примечательно, что таким же образом *итеративные* глаголы пятой «формы» на *яю* (*линя́ю*) образуют при помощи элемента *иваю фреквентативы* (*выли́ниваю*), которые также принадлежат к пятой «форме» (с. 158).

Если исходный глагол имеет фреквентативное значение, его фреквентативность усиливается при помощи элемента *ывать* («werden durch *ывать* verstärkt»): *быть*, *быва́ть* -> *бы́вывать* «oft, mehrmal zu seyn pflegen», *дать*, *дава́ть* -> *да́вывать* «oft zu geben pflegen». Для выражения этого состояния времени («Diesen *Zustand der Zeit*») (т. е. фреквентативности) и глаголы шестой формы приобретают аугмент *ывать*: *воевать* - *завое́вывать* (с. 159). Итак, здание «форм» Добровского содержит в зародыше идею о нерасширенном и расширенном (и усиленном «verstärkt») построении языковой единицы, широко использованную позже в индоевропеистике.

В соответствии с системой «форм», в пределах которой глаголы переходят из одной «формы» в другую, приставочный имперфектив образуется следующим образом: (бесприставочный) глагол четвертой «формы» *ломи́ть* -> (бесприставочный) итератив пятой «формы» *лома́ть* -> (приставочный) фреквентатив *прола́мывать* пятой же «формы» (с. 160).

Роль именно пятой «формы» как своеобразной базы для образования необходимых имперфективных элементов проявляется и в том, что данная «форма» предназначена для образования настоящего времени со значением большей длительности («die gegenwärtige Zeit von längerer Dauer») от таких глаголов более кратких форм, которые в силу присоединения приставки получают значение будущего, например: *лїю* -> *воз-лїю* -> *возлї-я́ю* (с. 161). Это правило повторяет текст Добровского (1809: 152) с тем лишь различием, что в чешском языке эту функцию имеет шестая «форма» (см. выше).

За редкими исключениями глаголы шестой «формы» (*дарова́ть* и т. п.), которые, как правило, производятся от других частей речи, имеют итеративное значение (с. 162). (= Добровский 1809: 150).

Несмотря на возможность образования нескольких «форм» от большинства русских глаголов, существуют и многие глаголы, допускающие только одну «форму» (с. 163) (= Добровский 1809: 154). С другой стороны, глаголы шестой формы *волхвова́ть*, *милова́ть*, *ра́доваться* и др. не имеют какой-либо более краткой

формы, и *дари́ть* и *вѣрить* не являются первообразными («Primitiva») глаголов *дарова́ть* и *вѣровать*.

Образование приставочных имперфективов (фреквентативов) типа *выдѣлываю* можно представить так: примитив и итератив пятой «формы» *дѣлаю* -> фреквентатив пятой «формы» *дѣлываю* -> приставочный фреквентатив пятой «формы» *выдѣлываю*, который, однако, употребляется без собственно фреквентативного значения в качестве настоящего времени перфективного глагола (и будущего) *вы́дѣлаю* (с. 163). По словам автора, такие образования, как *выдѣлываю* используются как *глаголы* с некоторой длительностью или с неопределенным (довольно долгим) временем («Zeitwörter von einiger Währung oder von unbestimmter (längerer) Zeit») (там же). Ср. Добровский (1809: 155). Относительно термина «die frequentative Form» (*ко́вываю*, *дѣлываю* и т. п.) (с. 163) ср. Фатер (1805: 135).

Вслед за Добровским, Пухмайер показывает переход глагола из одной «формы» в другую. В целях сопоставимости с чешской традицией мы приведем здесь фрагмент, освещающий «переходы» и связанные с ними экспликации на примере русского глагола (с. 165):

1.	2.	3.	4.	5.	«Frequent.»
ся́ду	тряхну̀	сидѣть	садить сади́ть	сѣда́ть сажа́ть	поси́живать высо́живать

По данному примеру (в котором шестая «форма» отсутствует) перфективами являются только глаголы *ся́ду* первой «формы» и *тряхну̀*, *ста́ну* второй «формы» (с. 165). Одновременно в данные «формы» входят также имперфективы, в том числе инхоативы типа *га́сну*. Вообще, ни одна «форма» не содержит только перфективных глаголов. Зато в пятую «форму» могут входить только имперфективные итеративы и фреквентативы. Глаголы шестой «формы» имеют, как правило, итеративное значение (с. 162).

2. Образование отдельных темпоральных форм следует подробно принципам Добровского. Глаголы кратких «форм», которые в префиксации становятся будущими (точнее: настоящее которых превращается в форму перфективного будущего), «заимствуют» настоящее у более длинных итеративов и фреквентативов пятой «формы», например: *одѣю* - *одѣваю* (с. 168). Соответственно некоторые глаголы (*поглощу̀*, *поражу̀*) четвертой «формы» со значением завершенного будущего («als wirklich vollendete Futura»), от которых совсем нет бесприставочной формы, должны «заимствовать» более длинное будущее (*бу́ду поглоща́ть*, *бу́ду пораżáть*) у более длинных итеративов пятой «формы», ср. процессы: **глощу* -> *по-глощу*; **глощаю* -> *по-глощаю* -> *буду поглощать*, *буду поражать* (с. 173). Так, итеративы типа **ражаю*, **глощаю* были искусственными вспомогательными образованиями, используемыми грамматистами в процессе образования приставочных имперфективных форм. (О «заимствовании» отсутствующих парадигматических форм см. выше).

Краткое перфективное будущее (*укра́ду*, *умру̀*, *презрю̀*, *понесу̀*) образуется все еще приставкой от формы настоящего (*кра́ду* и т. п.), т. е. одна темпоральная форма образуется от другой темпоральной же формы. При этом возникновение перфективного будущего обусловливается большей определенностью, придаваемой

действию префиксом («weil durch die vorgesetzte Präposition die Handlung genauer bestimmt wird») (с. 169).

Простые глаголы, означающие по природе более длительное действие («eine länger währende Handlung») (*спать*), не осуществляемое одним разом («die nicht mit einem Male vollendet wird»), имеют обычно более длинное будущее (*бу́ду спать*). Для выражения короткого момента сна («eine kurze Weile schlafen») у глагола *поспать* «заимствуется» краткое будущее *посплю̀* и для выражения одной единственной лжи «заимствуется» краткое будущее *солгу̀* у глагола *солгать* (с. 169). Ср. то же делимитативное значение у Добровского (1809: 161).

При образовании будущего сингулярные глаголы первой «формы» *идý*, *ѣ́ду*, *женý*, *ведý*, *несý* и др. довольствуются приставкой *по* (*пойдý*), а их итеративы четвертой «формы» могут получить длинное будущее *бу́ду ходи́ть* «ich werde gehen» и т. д. (с. 170).

Неизбежный глагол *дви́гаю* берет краткое будущее («das kurze Futurum») из второй «формы» (*дви́ну*, *дви́гну*) (с. 176). Фреквентативы же (*опи́сываю*) «заимствуют» («entlehnen») краткое будущее (*опишý*) у «своих» первообразных (*пишý*). Следовательно, глагол *опи́сывать* является приставочным фреквентативом пятой «формы», который имеет краткое будущее *опишý* и длинное будущее *бу́ду опи́сывать* (там же).

Вместе с идеями Добровского в русскую грамматику переносится также оригинальное *перфективное итеративное будущее* («ein iteratives Futurum») (*разброса́ю*), возникающее в процессе *броса́ть* -> *броса́ю* -> *разброса́ю* (с. 176). См. выше Добровский (1809: 175).

Специфическое значение внезапности семельфактивных глаголов второй «формы» (*дви́гну* и т. п.) передается тем же сочетанием («plötzlich vorübergehen») (с. 140), как у Добровского. Ср. также «schnell vorübergehende Handlung» и «Handlung ohne Währung» как характеристики будущего глаголов второй «формы» (*боднý*, *кольнý*) (с. 170).

Также у Пухмайера нет однозначного названия для перфективных глаголов, которым они противопоставлялись бы итеративным и фреквентативным глаголам. В основном собственно видовое противопоставление устанавливается в пределах перфективного будущего и настоящего, «заимствованного» у соответствующего итеративного или фреквентативного глагола пятой «формы», имеющего то же лексическое значение, как данное перфективное будущее. Из господствующего формального подхода системы Добровского вытекает, что и у Пухмайера нет единой экспозиции аспектуальности, нет разграничения отдельных акционсартных и видовых характеристик, а разные элементы находятся врассыпную во множестве контекстов разных уровней.

Приводя полное спряжение («Vollständige Conjugation»), Пухмайер (с. 239-241), по-видимому, вслед за Хаймом, использует все еще ломоносовский пример *дви́гать*, который обладает следующими темпоральными формами, в том числе неизбежным плюсквамперфектом: «Präsens» (*дви́гаю*), «Präteritum» (*я дви́галъ*), «Plusquamperfectum» (*я бывало дви́галъ*), «Futurum» (*бу́ду дви́-*

гать) (с. 239). Примечательно, что в этом «полном» спряжении глагола *двигать* совсем отсутствуют перфективные формы.

Вслед за Добровским, у Пухмайера краткость и длина формы, соответствующие краткости и длительности действия, играют значительную роль в описании аспектуальных характеристик, причем любопытно, что «краткость» и «длина», как физические, так и семантические понятия, приобретают функции аспектуальных характеристик в виде атрибутов «kurze», «kürzere», «lange», «längere» и т. п.

«Заимствование» формы как средство деривации применяется при образовании настоящего времени приставочных глаголов (с. 168, 176). Например, когда настоящее *шлю* глагола первой «формы» становится при префиксации кратким перфективным будущим *пошлю*, то необходимое новое настоящее *посыла́ю* «заимствуется» у более длинного итератива пятой «формы» на *аю*. Так, настоящее *посылаю* представляет собой итератив пятой «формы», образованный по второй аналогии: *шлю* -> *пошлю̀* -> *посыла́ю* (с. 155). Соответственно настоящее *достра́иваю* «заимствуется» у фреквентатива пятой же «формы», образованного по третьей аналогии: *строить* -> *достро́ить* -> *достра́ивать* (с. 157). Также ряд бесприставочных перфективных глаголов четвертой «формы» (-*ить*) образует настоящее по пятой «форме»: *скочу̀* -> *скака́ю*, *куплю̀* -> *покупа́ю* (с. 168). На деле здесь речь идет об имперфективации, но система Добровского как бы не сумела трактовать единую видовую серию форм *посылалъ* - *посылаю* - *буду посылать* (как формы одного глагола).

3. В разделе, посвященном употреблению глаголов, высказывается мысль Добровского (1809: 340, 1819: 258), что выбор аспектуальной формы зависит от того, говорится ли об определенном или неопределенном времени (действия): «ob man von einer *bestimmten oder unbestimmten Zeit sprechen will*» (с. 254).

Помимо метаязыковых формулировок, у Пухмайера повторяются почти без исключения те же аспектуальные признаки и содержательные экспликации, которые были проанализированы нами при рассмотрении грамматики Добровского (1809) (см. приложение).

В итоге можно сказать, что образование видо-временных форм обнаруживает несовместимость формальных глагольных классов и отдельных темпорально-аспектуальных форм. Классификация глаголов по системе Добровского касается ряда акционсартных свойств глаголов, но не раскрывает собственно видовой системы (видовой дихотомии) русского глагола. Собственно видовые различия описываются только при темпоральной системе, при образовании отдельных темпоральных форм, в особенности, настоящего и будущего. При этом выявление собственно видовых различий нуждается в сложных добавочных операциях «заимствований» отдельных форм и ряда других приемов в пределах темпоральной парадигматики и глагольных классов. Особенно остро отсутствие видовых различий в глагольной классификации сказывается в описании форм будущего времени, ибо каждая «форма» нуждается в специфических пояснениях по образованию и значению будущего.

Чаще всего признаки короткой или долгой длительности встречаются при аспектуально-темпоральных формах (краткое будущее - долгое будущее), тогда как глаголам приписываются обычно количественные акционсартные признаки (единичности, итеративности, фреквентативности). При этом разные «меры длительности» (также как и отсутствие длительности) оказываются также и при глагольных характеристиках.

Серьезный недостаток системы Добровского и Пухмайера заключается в отсутствии однозначного термина для перфективного действия, перфективной формы и перфективного глагола. Это отражается в чрезмерном акцентировании значений форм будущего («Kurzes» и «Langes Futurum») (с. 241 и сл.), а также в почти полном отсутствии аспектуальных различий в плане прошедшего, где совсем нет термина для перфективного прошедшего; выделяется лишь «Präteritum» (с. 177), а также «Präteritum» и «Plusquamperfectum» (с. 239, 243), но без каких-либо аспектуальных различий. При описании же спряжения глаголов *весть* и *води́ть* краткое (*поведу̀*) и длинное (*бу́ду води́ть*) будущее опять отмечаются (с. 241).

8.5. Применение «форм» Добровского к старославянскому глаголу (1822)

1. В эпохальной работе об основах славянского языка древнего диалекта («Institutiones») научные принципы описания языка, в том числе глагольная классификация, разработанная Добровским с 1799 года, применяются к данным южнославянского языка древнейшей эпохи[532]. Работа состоит из трех основных частей: словообразования, словоизменения и синтаксиса.

В разделе «De vocum formatione» Добровский вводит основные словообразовательные понятия и термины [vox] «simplex - composita» и «primitiva - derivata». Сложные слова («voces compositae») состоят из простых, а простые (бесприставочные) являются или первообразными («primitivae»), или производными («derivatae») (Добровский 1822: 79). Данные принципы деривации освещаются при помощи глагола *пре-избыточество-вати*, который является одновременно производным и композитивным словом («vox derivata et simul composita»), образованным также от композитивного и производного *избыт-ок*. Это слово восходит в свою очередь к первообразному («primitivum») *быт* от инфинитива *быти* (с. 80).

2. Начало необходимой главы «Formae Verborum» содержит ядро аспектуальной концепции Добровского. В ней автор заявляет, что все значения глагольных действий, в том числе аспектуальные, а также ясное осмысление настоящего и будущего, находятся в зависимом отношении к глагольным классам:

> «Verborum formae, a quibus non solum significatus ratione actionis, sive tempore definito absolutae, sive tempore indefinito continuatae aut etiam iteratae, sed etiam Futuri et Praesentis clarior notio dependet, variae sunt» (с. 346).

[532] По мнению П. С. Кузнецова (1958: 38), образцом для «славянской грамматики» Добровского послужила грамматика Смотрицкого.

Так, от разных глагольных «форм» зависит не только значение и осмысление завершенного в определенное время действия или продолжающегося, или даже повторяющегося в неопределенное время действия, но и более яркое понятие будущего и настоящего времени. Согласно данной довольно сложной формулировке, собственно видов два, из которых первый «actio tempore definito absoluta» можно толковать перфективным, а второй - «actio tempore indefinito continuata aut iterata», - неперфективным (с. 346). (Об «actio continuata» см. выше).

Определение перфективной аспектуальности Добровского относится к признаку завершения (конца) действия. При этом важно отметить, что определенность, строго говоря, связана с темпоральным временем, а не с самим действием. Таким образом, противопоставляются: в определенное время абсолютно завершенное действие и в неопределенное время продолжающееся (континуативное) или повторяющееся (итеративное) действие. Причастная форма «absoluta» имеет здесь конкретное значение завершенности.

В построении глагольных классов необходимы как инфинитив, так и форма настоящего времени, так как ни тот ни другой поодиночке не проявляет однозначно экспонента отдельного класса. Например, в инфинитиве *стати* не наличествует показатель *-н-у* второй «формы», и настоящее *вижду*, *видиши* не выявляет экспонента *-ѣ-ти* третьей «формы». Каждая «форма» включает как бесприставочные, так и приставочные глаголы. Префиксы не имеют отношения к классификации «форм».

Классификация шести «форм» глаголов старославянского языка представлена следующими примерами: «Prima»: а) *ꙗ-ти*, *да-ти*; *и-ти*, *би-ти*, б) *пас-ти*, *нес-ти*, *рас-ти*, «Praesens» *пас-у*, *нес-у*, *раст-у*, «Secunda»: *ду-ну*, *ду-нути*, *ста-ну*, *по-мѧ-ну*, *изри-ну*, «Tertia»: *разум-ѣ-ти*, *повел-ѣ-ти*, *вид-ѣ-ти*, *стыдѣтисѧ*, «Quarta»: *та-и-ти*, *ꙗв-и-ти*, *прелом-и-ти*, *суд-и-ти*, «Quinta»: *сї-ѧ-ти*, *гнѣв-а-тисѧ*, *коп-а-ти*, «Sexta»: *куп-ова-ти*, *мил-ова-ти*, *рад-ова-тисѧ* (с. 346-347).

«Формы» Добровского обладают разными акционсартными характеристиками, но не дифференцируются собственно видовой дихотомией двух глаголов или двух рядов форм. Как уже говорилось, в пределах одной «формы» могут быть лишь такие парновидовые образования (глаголы), которые совпадают по облику своей конечной части (финали). С точки зрения собственно вида (в его современном понимании), система Добровского допускает вхождение в одну «форму» только таких образований, которые возникают в префиксации: *дѣлати* - *сдѣлати*, *строити* - *построити* и т. п.

Глаголы первой «формы» (*бїю* и т. п.) (с. 348) не обладают единым формальным или семантическим признаком, для них характерно отсутствие гласного перед элементом *ти* инфинитива (с. 346). Представляя собой исходный класс построения, они, как правило, нейтральны в отношении к акционсартным признакам других «форм», но могут быть (в современном понимании) даже приставочными перфективами («composita») *почїю*, *обую*, *изую* (с. 348). Ср. также замечание о композитивных аористах *воздѣ*, *задѣ*, *придѣ* (с. 349), не обладающих назальной характеристикой моментальности *ѧ* («actionis momenta-

neae characteristica»), называемых также «composita actionis singularis» *задѣх*, *воздѣх*, *придѣх* (с. 563). С другой стороны, в первую «форму» входят и такие бесприставочные перфективы, как *дам*, *паду*, *сѧду*, *лѧгу*, которые называются «Futura primigenia» (с. 375) и «Futurum unitatis» (с. 350).

Вторая «форма» используется для образования *целостного будущего* («Futurum unitatis»), которым выражается мгновенное и вместе с тем определенное, ограниченное временем (во времени) действие («actio momentanea, determinato tempore definita») (с. 356). Так, по концепции Добровского, определенность действия вызывается его временны́м пределом. Для приобретения формы (имперфективного) настоящего времени необходим способ «заимствования». Так, настоящее время (*дерзаю*) глаголов второй «формы» (*дерзну*) заимствуется преимущественно у итеративов пятой «формы» (*дерзати*) (там же).

В глаголы третьей «формы» («Verba formae *tertiae*») входят преимущественно итеративные или континуативные глаголы («Iterativa aut Continuativa») (*сѣдѣти*, *стоѧти*, *имѣти* и т. п.), означающие неопределенное длительное действие («actio indefinita longioris morae») (с. 357). Фактитивами третьей «формы» являются приставочные *повѣдѣти*, *повелѣти* (с. 359), а фактитивами четвертой «формы» - *поити*, *напоити* «potum praebere» от глагола *пити* (с. 360).

Важнейшим фактом традиции Добровского является противопоставление *неопределенного* и *определенного* действий, которое, правда, описано не совсем последовательно. Важно отметить, что это указывается в связи с определением содержания глагола, а не формы времени: глаголами третьей «формы» выражается *неопределенное действие* большей длительности («actio indefinita longioris morae»). Например, *сѧду* означает первый акт действия «сесть», а *сѣдѣти* - продолжение действия «сидеть» («sessionis continuationem») (с. 357). Ср. также глаголы большей длительности («verba longioris morae») *спати*, *знати* и т. п. (с. 563).

В соответствии с чешской традицией церковнославянские итеративы («iterativa») четвертой «формы» (*носити*, *гонити*, *водити* и т. п.) являются производными от глаголов первой «формы» (*несу*, *жену*, *веду* и т. п.) (с. 360). Итератив четвертой «формы» *ходити* производится от гипотетического (сингулярного) *шеду*.

Характерная для Добровского звуковая символика отражается в том, что более короткое окончание («terminatio brevior») *ю* обозначает единичное действие («actionem singularem»), а более длинное окончание («longior») *аю* - продолжающееся или повторяющееся действие («actionem continuatam aut iteratam») (с. 364). Ср. выше *алчу* - *алкаю* у Фатера и др. Ср. также «actio continuata» у Добровского (1799) как экспликация инхоативного значения.

В соответствии со своими предшествующими работами Добровский последовательно указывает на формальный признак *-в-*, *-ваю* фреквентативов. Фреквентативы производятся формантом *в* или *ваю* или от перфективной основы (*оумываю* <- *оумыю*), или «неправильно» от имперфективного глагола (*давати* <- *даю*) (с. 367). С другой стороны, приставочные фреквентативы и итеративы (т. е.

приставочные имперфективы) образуются прямо от бесприставочного глагола: *раздуваю* от *дую* (там же), *оулавлѧти* («Russ. оуловлѧти») от *ловити* (с. 369). Многочисленные производные итеративы пятой «формы» (которые не имеют фреквентативного форманта *ваю*) образуются заменой финали *ити* четвертой «формы» на *ѧти* (*ѩти*), например: *напоити* -> *напаѩти*, *любити* -> *люблѧти* (там же).

Итеративы и фреквентативы («iterativa et frequentativa») пятой «формы» употребляются преимущественно для образования настоящего времени приставочных глаголов («verba composita»). Так, поскольку композитивы *изую*, *претну*, *отрѣшу* и т. п. являются будущими, то «их» настоящее время *изуваю*, *претинаю*, *отрѣшаю* и т. п. обычно заимствуется у итеративов (с. 371). И здесь итеративы и фреквентативы пятой «формы» функционируют как своеобразное средство имперфективации. Сходную роль играют и многие глаголы шестой «формы», употребление которых сопоставляется с фреквентативами. Например, глагол *купити* четвертой «формы», имеющий будущее *куплю*, «заимствует» настоящее *купую* у глагола *куповати* шестой «формы» (с. 374). Этот принцип развивается у Добровского начиная с (1799) (см. выше).

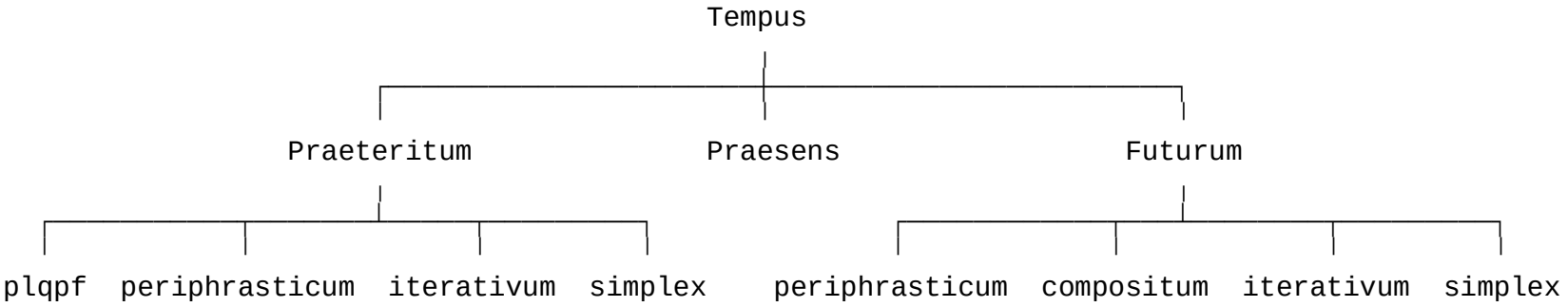
Любопытно следующее обстоятельство. Когда Добровский своими выражениями «forma singularis» *чту* и «forma iterativa» *читаю* (с. 518) должен иметь в виду именно «ви́дъ соверше́нный» и «ви́дъ учаща́тельный» Смотрицкого, то между ними устанавливаются последовательные преемственные аналоги: «видъ» -> «forma», «совершенный» -> «singularis», «учащательный» -> «iterativa». Это, конечно, не значит, что Добровский заимствовал свои понятия и термины прямо у Смотрицкого (ср. дискуссию выше).

Свои «verba singularia futura» и «verba praesentia» Добровский сопоставляет с глаголами «*verba perfecta*» и «*verba imperfecta*» у чешских и польских грамматистов (с. 376). Однако Добровский сохраняет идею Росы, по которой сингулярные глаголы могут быть как перфективными, так и имперфективными.

В свете работ Добровского и других представителей чешской традиции можно установить, что именно для нее, начиная с Росы, характерно обусловленное реальными фактами языка формальное и семантическое различение фреквентативных и итеративных глаголов, отражающееся в последовательном употреблении латинских атрибутов «frequentativum» и «iterativum», а также их иноязычных эквивалентов. Вне чешской традиции атрибут «iterativum» до начала (20-х годов) XIX века не используется (см. приложение). (Как уже говорилось, атрибуты «iterativus» и «iteratus» отражают связь с грамматикой Диомеда). В описание других языков «iterativum» распространяется сравнительно поздно. В русскую грамматику Пухмайера он попадает под непосредственным влиянием Добровского. Далее мы находим «branche itérative» у Рейфа и вслед за ним «the iterative branche» у Хэрда. К южнославянскому языковому материалу «iterativum» применяется, наконец, в грамматике старославянского языка Добровского (1822).

3. Представим систему старославянских времен в изложении Добровского в виде следующей схемы:

Схема № 45. Система старославянских времен в изложении Добровского (1822)[533]



Tempus:
1. **Praesens** - *бїю*, *пїю*, *пою* и т. п. (с. 348 и сл.)
1a. Praesens verbi singularis pro futuro - *иду по тебѣ, аможе аще идеши* (с. 376)
Futurum:
2. simplex - *дам*, *паду*, *сѧду* (с. 374, 375), fut. unitatis - *дам* (с. 350), *дерзну*, *оуспну* (с. 356)
3. compositum - *влїю*, *налїю*, *излїю* (с. 376)
3a. iterativum - *поѥмлет*, *посѣкаетсѧ*, *отвѣщают* (с. 378)
4. periphrasticum (circumscriptum) - *имамь*, *хощу*, *буду* + инф. (с. 379)
Praeteritum:
5. simplex - *дах* (с. 386), *идох* (с. 383), singulare - *ожи* (с. 387)
6. iterativum - *даѧах* (с. 386), continuativum - *живѧах*, *идѧах* (с. 387)
7. periphrasticum (circumscriptum) - *чел ѥсмь*, *чел бѣх* (с. 388), *ѥсмь сътворил* (с. 389)
7a. plusquamperfectum - *изгибл бѣ* (с. 390)

[533] См. Добровский (1822: 348-391).

Наряду с «официальными» терминами выступают вариативные «Futurum unitatis», «Praeteritum singulare» и «Praeteritum continuativum», в которых атрибутом характеризуются как раз аспектуальные признаки действия. Вариантом термина «Praeteritum simplex» выступает «Praeteritum singulare» (*ожи*) (с. 387), а термина «Praeteritum iterativum» - «Praeteritum continuativum» (*живах*, *идах*) (с. 387). Термины «Futurum simplex» и «Praeteritum simplex» с аспектуализированным «simplex» перекликаются с их употреблением у Фатера (1808: 62, 1814: 117). Любопытно, что латинские термины «imperfectum», «perfectum», «aoristum» к старославянским временам у Добровского не применяются; «plusquamperfectum» употребляется в качестве атрибута слова «praeteritum».

Из четырех будущих перфективное действие обозначают простое («futurum simplex», «unitatis»), композитивное («futurum compositum») и даже итеративное будущее («futurum iterativum»), в то время как имперфективное значение имеет только описательное будущее («futurum periphrasticum», «circumscriptum») (с. 379). Среди прошедших времен нет однозначного термина подлинно перфективного действия.

Под «futurum simplex» имеются в виду футуральные формы ряда бесприставочных сингулярных, в данном случае перфективных глаголов первой, второй и четвертой «форм», которые означают быстро минующее действие («actio subito transiens») и которые уже в первообразной «форме» («sub forma primigenia») имеют значение будущего, называемого Добровским вариативно «Futurum primigenium» (с. 374-375). Таковы следующие: *дам* «dabo», *паду* «cadam», *сѧду* «sedebo», *лѧгу* «jacebo», а также *дуну*, *кану*, *плюну* (с. 375), *куплю*, *лишу* (с. 376).

Именно вторая «форма» предназначена для перфективных будущих («forma... quae proprie Futurorum est»): *дуну* «flabo», *плюну* «spuam», *стану* «stabo», *дерзну* «confidam», *двигну* «movebo» и др. (с. 375). Вместе с тем, согласно Добровскому, славяне используют часто настоящее время сингулярного глагола вместо будущего («Praesens pro Futuro»): *иду по тебѣ, аможе аще идеши* «sequar te quocunque ieris» (с. 376).

Перфективное композитивное будущее («futurum compositum») образуется присоединением препозитива к настоящему времени простого глагола. При этом приставка, *определяя* значение глагола, *ограничивает* даже время так, что настоящее простого глагола переходит в будущее приставочного глагола, ср.: «Quaelibet enim praepositio Verbo praefixa hoc ipso, quod significatum ejus vario modo determinet, *ipsum etiam tempus ita restringit*, ut Praesens verbi simplicis in compositis Futurum evadat» (с. 377). Композитивными будущими являются, в частности, *влїю*, *налїю* «infundam», *излїю* «effundam», *разлїю* «diffundam»; *обую*, *изую*, *разую*; *почну*, *начну*, *зачну* «incipiam», *почїю* «quiescam», *оударю* «percutiam», *положю* «ponam» и др. (с. 376-377). Идею об ограничивающей роли приставки Добровский высказал уже в 1799 г. (см. выше). Ср. также выше аналитическое «das Futurum compositum» (*budu milowati*) у Добровского (1792: 16), но синтетическое перфективное «Futurum compositum» (Добровский 1799: 4).

Подытоживая судьбу термина «futurum compositum», мы можем констатировать,

что в течение истории славянской грамматики этот термин использовался в двух противоположных значениях (даже у самого Добровского): 1. будущее перфективное синтетическое им обозначали Статориус (1568: 136), Добровский (1799: 4) и Добровский (1822: 376). 2. будущее имперфективное аналитическое - Ужевич (1645: 48а), Роса (1672: 215), Добровский (1792: 16), Пельцель (1795: 80), Неедлый (1804: 230) и Бандтке (1808: 238).

По мнению автора, приставки, однако, не имеют такой силы, чтобы смогли превратить в будущее настоящее фреквентативных и некоторых итеративных глаголов. Следовательно, обычно только настоящее сингулярных глаголов переходит в будущее в присоединении приставки (с. 378) (ср. это же правило выше).

В глагольном словообразовании препозитивы *определяют* действие глагола («actionem plenius determinant») и *модифицируют* по-разному его значение («significatumque...varie modificant») (с. 401).

Весьма оригинальным оказывается *перфективное итеративное будущее* («Futurum iterativum») (1822: 378), которое мы видели уже выше у Добровского (1809: 175) и Пухмайера (1820: 176). В качестве примеров таких будущих отмечаются *поѥмлет*, *вземлет*, *посѣкаетсѧ*, *отвѣщают* «respondebunt» («Praes.» *отвѣщавают*); *оставлаетсѧ*, *обрѧщу* от *обрѣтати* (настоящее *обрѣтаю*) (с. 378). Различие между итеративным и неитеративным будущим вытекает, по автору, из семантики исходного глагола. Так, неитеративное будущее (*поймет*, *посѣчет*) образуется от глагола первой «формы» (*иму*, *сѣку*), означающего мгновенное, быстро минующее действие («actio momentanea, subito transiens»), в то время как в основе итеративного будущего *поѥмлет*, *посѣкает* лежит глагол пятой «формы» *имати*, *сѣкати* со значением континуативного или итеративного действия («actio continuata aut iterata») (там же).

Добровский упрекает Смотрицкого в том, что он приписывал удлиненным («prolongata») формам имперфекта (*читаах*, *читааше*, *творѧах*, *творѧаше* и т. п.) значение плюсквамперфекта, хотя ими, по мнению Добровского, обозначается (более) частое и долго продолжающееся действие («frequentior et a longiori tempore continuata actio») (с. 388). При этом приводятся также примеры с хабитуальным значением, которое передается имперфектом глагола *soleo*: *идѣаше* «solebat ire», *градѧаху* «gradiebantur frequenter, solebant venire». Согласно автору, отсутствующий глагол *soleo* славяне компенсируют формами «своих» фреквентативов («Frequentativorum suorum formis») (там же).

Несмотря на то, что название имперфекта указывает на итеративность («Praeteritum iterativum») (с. 386), его действие определяется как продолжающееся («actio continuata») (с. 387), ср. параллельное название «praeteritum continuativum» *живѧше* «vivebat». В данном случае имперфект противопоставляется приставочному аористу *ожи* со значением «revixit» (там же).

Наглядно противопоставление «singulare» - «iterativum» проявляется в описании имперфекта («praeteritum iterativum») *даѧше*, *живѧше* и аориста («praeteritum simplex») *да*, *ожи* (с. 386-387). Кстати, как раз в данном примере термин «praeteritum singulare in composito» (*ожи*) заменил «официальный» и более обычный «Praeteritum simplex». Итак, термин «singulare» обладает возможностью выступать атрибутом глагола и времени.

В связи с этим уместно обратить внимание на осмысление видовой пары в рассматриваемой книге. Как известно, глагол *дати - даiати* представляет собой грамматическую видовую пару, в то время как *жити* - это непредельный глагол imperfectivum tantum, а *ожити* - производный приставочный и вместе с тем предельный глагол, равно как и его лат. эквивалент *reviviscere* у Добровского (с. 386). Известно также, что при предельном глаголе *ожити* существует имперфективный дериват *оживати*.

Как уже говорилось, весьма устойчивое выражение *быстрого* (быстро минующего) действия («*schnell* vorübergehende Handlung») Добровский сформулировал первым уже в книге (1792: 18). Ту же формулировку Добровский употребляет в грамматике чешского языка (1809: 163, 1819: 122). По-латыни признак быстроты выражается как *мгновенное* действие («actio *momentanea*») тоже впервые у Добровского (1799: 5). В грамматике старославянского языка мы находим опять экспликацию «actio momentanea» (Добровский 1822: 349), а также «actio *subito* transiens» (с. 375), «actio *momentanea*, *subito* transiens» (с. 378), показывающие, что речь идет о том же признаке быстрого действия. Вместе с тем Добровский указывает на близкий аналог «actio *perfecta*, quae *momento* absolvatur» у «польских и чешских грамматистов» (с. 376)[534].

Собственно видовые различия Добровский описывает в первую очередь в темпоральной системе. За неимением категориального названия для собственно вида будущее («Futurum») и настоящее («Praesens»), их противопоставление с соответствующими атрибутами и другими экспонентами употребляются в роли аспектуализированных выражений. Самое значимое положение будущего среди времен вытекает из того обстоятельства, что его описание в сопоставлении с настоящим выделяет собственно видовые различия (с. 374).

Примечательно, что, в отличие от восточнославянской (русской) традиции, в западнославянских грамматиках слово, обозначающее определенность или неопределенность, ни на каком этапе описания не занимало статуса собственно аспектуального термина.

8.6. «Branches - виды» в русской грамматике Ш. Ф. Рейфа (1821)

1. В формировании аспектуальной мысли русской традиции первой трети XIX века солидная грамматика (296 с.) выдающегося швейцарского русиста Шарля Филиппа Рейфа составляет веху, непосредственно предвосхитившую идеи Николая Греча и

[534] Не случайно точно то же «*schnell vorübergehende Handlung*» фигурирует при описании греческого аориста в ряде грамматик начала XIX века, в частности у Бернхарди (1829: 380), который говорит также о мгновенной быстроте, беглости аористического действия («die *momentane Flüchtigkeit* des Aorists») (с. 383). К аористическому императиву Аполлония Дискола (см. выше), Бернхарди (1829: 393) применяет выражение «die *rasche und augenblickliche Vollendung*». Ср. далее Кюнер (1835: 74): «Das Imperfekt malt die Begebenheit aus und lässt uns bei derselben *verweilen*; der Aorist aber, der oft schon durch die leichtere und gleichsam flüchtigere Form *das Momentane* einer Thätigkeit malend ausdrückt, stellt die minder wichtige und *schnell vorübergehende Handlung* in den Hintergrund und führt sie nur *rasch* vor unserer Seele vorbei» (курсив наш. - Р.Р.).

Александра Востокова[535]. В этой грамматике, явившейся одной из лучших грамматик русского языка, написанных по-французски в начале XIX века, глагол обладает шестью категориями, среди которых особое место занимают аспектуальные группировки глаголов, «les branches» (с. 115).

Слово «*espèce*» используется в общеклассификационной функции описания залогов («*six espèces* que l'on nomme voix зало́ги») (с. 113). В связи с этим инхоативным глаголам («verbes inchoatifs»), («начина́тельные») (*сѣдѣть*, *краснѣть* и т. п.), составляющим по традиции подгруппу глаголов «средних», все еще приписывается значение начала действия («commencement d'une action») (с. 114). Примечательно, что Рейф систематически вводит также параллельные русские термины.

2. Определив залог, наклонение и время, Рейф приступает к рассмотрению шести глагольных «видовъ», которые получили следующее категориальное определение:

> «Ces modes et ces temps présentent plusieurs points de vue sous lesquels leur signification peut être envisagée; delà dans les verbes russes les *branches* (ви́ды), qui sont les différentes formes qui caractérisent ces différentes points de vue. Ces branches sont au nombre de six...» (с. 116).

Одной из интереснейших деталей представляет собой применение здесь к описанию разных аспектуальных характеристик понятия точки зрения, взгляда («*point de vue*»). По-видимому, не случайно применение того же выражения «un point de vue» к производным диминутивным существительным («Les diminutifs, уменши́тельныя»), которые представляют объекты с точки зрения малого размера («sous un point de vue de petitesse») (с. 74)[536].

Изложение Рейфа с параллельными русскими «видами» и с примерами от Греча (1811) показывает, что Рейф систематически развивает дальше идеи Греча и Таппе 1812-1815 гг. «Branches» Рейфа (с. 116) являются преемниками «видов» Греча (1811) и Таппе (1815) с тем существенным различием, что Рейф, расширив объем употребления термина, распространил «два вида» Греча на шесть глагольных «branches», которые все имеют однородный системный статус[537]. Новаторство Рейфа мы видим, в частности, в глагольном разряде

---

[535] Charles Philipp Reiff (1792-1872) был родом из города Невшатель (Neuchâtel). Занимаясь русской и славянской филологией, Рейф много работал в Санкт-Петербурге, где сотрудничал с Николаем Гречем. Об их тесном сотрудничестве говорит то обстоятельство, что русская грамматика для иностранцев (1821), как и двухтомный «Русско-французский словарь» (1835-1836) Рейфа были напечатаны в издательстве Греча. См. Рейф (1821: XV) и Рейф (1835: XV). В 1851 году грамматика Рейфа была переиздана в СПб. и Париже. Польский перевод в издании А.Б. Глебовича (Hlebowicz), которого нам не удалось достать, вышел в Вильно 1823. О деятельности и грамматике Рейфа см. подробнее: Греч (1827: 52), (1828: 39), Балицкий (1876: 37), Булич (1904: 1004), Ягич (1910: 226), Мазон (1913: 358), Регнелль (1944: 10), Бидерманн (1981: 111), Станкевич (1984: 123).

[536] Ср. выражение «Anschauung» Бернхарди (1805: 181), которое как бы предвосхищает толкование аспектуальности как «взгляда» говорящего на протекание действия.

[537] Ср. сюда Мазон (1958: 3, 32), согласно которому Рейф (1821) якобы говорил лишь о «ветвях» русских глаголов, но совсем не об их «виде». При этом Мазон задает вопрос: «Был ли новый термин подсказан ему А. В. Болдыревым, который с 1812 г. классифицировал глаголы по «внешнему их

«многокра́тный видъ», которого еще нет в «Опыте» Греча. Зато у Таппе (1810: 105) отмечается третий разряд глаголов «Verba frequentativa», но без параллельного русского термина «видъ» (см. выше). Некоторое влияние на концепции Рейфа оказывала всеобщая грамматика Якоба (1814), процитированная автором (с. 116).

Так, по всей вероятности, выбор термина «branche» отражает употребление слова «Branche» у Таппе (1812: 178) (и в последующих изданиях его книги). Почему Рейф не прибегал к слову «espèce», может объясняться тем, что его «six espèces» указывает на то, как с давних пор было принято членить глаголы на отдельные семантические разряды, которые группировались вокруг залоговых значений.

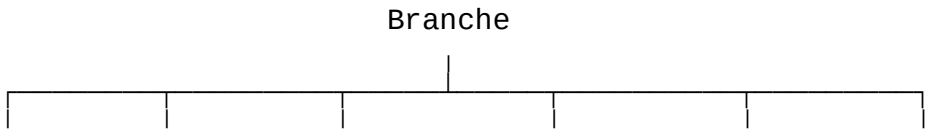
В примерах принципиальная разница проявляется в том, что каждый «видъ» иллюстрируется формами разных временных планов и даже в инфинитиве, чем подчеркивается самостоятельность вида, его отрыв от времени, разграничение вида и времени.

С целью привлечения содержательных экспликаций мы приведем (в сокращенном виде) подлинное описание «видовъ» Рейфа:

> «1. La branche **indéfinie** (неопредѣленный), qui n'exprime que le fait de l'action, sans rapport essentiel à aucune époque déterminée. 2. La branche **définie** (опредѣленный), qui détermine le temps où arrive l'action. 3. La branche **sémelfactive** (однокра́тный), qui exprime l'action avec l'idée accessoire qu'elle n'est arrivée qu'*une fois*, qu'elle n'a été que de peu de durée, ou qu'elle ne s'est pas répétée. 4. La branche **itérative** (многокра́тный), qui exprime une action qui s'est répétée *plusieurs fois*. 5. La branche **imparfaite** (несоверше́нный), qui exprime une action non consommée. 6. La branche **parfaite** (соверше́нный), qui exprime une action entièrement accomplie» (с. 116-118).

Итак, система Рейфа состоит из шести глагольных классов, членимых на три пары, члены которых противопоставляются друг другу по признакам определенности, кратности и совершенности:

Схема № 46. «Branches» - «ви́ды» глаголов Рейфа (1821)[538]



Branche du verbe, **видъ** глагола:

1. **indéfinie неопредѣленный** - *писа́ть*, *ходи́ть*, *я хожу́*, *я ходи́лъ*, *я бу́ду ѣздить верхо́мъ*

виду», или же автором, которого он переводил, Н. И. Гречем?» (там же).

[538] См. Рейф (1821: 116-118).

2. **définie опредѣленный** - *я иду́ тепе́рь въ теа́тръ, она́ шла сего́ у́тра по́ городу, я бу́ду ѣхать за́втра на сѣрой ло́шади*
3. **sémelfactive однокра́тный** - *мо́лнія блесну́ла, вѣтръ ду́нетъ*
4. **itérative многокра́тный** - *я ха́живалъ, въ Пари́жѣ я гу́ливалъ*
5. **imparfaite несовершѐнный** - *я ска́зывалъ, я бу́ду переписывать до семи́ часо́въ*
6. **parfaite совершѐнный** - *я сказа́лъ, я перепишу́ всё э́то до семи́ часо́въ*

Как и у Греча (1811), разряды 1-4 охватывают в основном бесприставочные, а разряды 5-6 - приставочные глаголы. Поясняя неопределенный разряд отсутствием отношения к определенному периоду времени («aucune époque déterminée») (с. 116), Рейф указывает на греческий неопределенный аорист («l'aoriste des verbes grecs»), восходящий к глаголу *ὁρίζειν* «déterminer» (с. 117).

Особенно важно то, что Рейф проводит четкую разницу между собственно аспектуальным разрядом «la *branche itérative*» («многократный видъ») и глаголами «*учащательными*» («les *verbes* appelés proprement *fréquentatifs*» (с. 117, примечание).

Глаголы и формы итеративного разряда (*хаживать*, *хаживалъ*) характеризуются двумя сопряженными семантическими признаками: повторяемостью («plusieurs fois», «souvent») (с. 117, 142, 179) и хабитуальностью («l'habitude», «avoir coutume») (с. 142, 179) и отличаются этим отчетливо от фреквентативных («учащательных») (*ходить*, *итти*). Согласно автору, его итеративам соответствуют глаголы, называемые в латинской грамматике фреквентативами (лат. *cursitare*, франц. *criailler*, *craqueter*, *clignoter* и т. п.) (с. 154).

Постепенное изменение статуса итеративности можно рассматривать и в свете любопытного примера Греча (1811: 8), повторяющегося буквально у Таппе (1812: 176) и Рейфа (1821: 179): «Въ молодости своей *игрывалъ* я въ мячи. Dans ma jeunesse je m'amusais [souvent] à jouer à la paume». Так, если у Греча предикат *игрывалъ* иллюстрирует **время** «прошедшее многократное простого неопредѣленного» глагола *играть*, то у Таппе тот же предикат с переводом «in meiner Jugend habe ich oft Ball gespielt, oder: ich pflegte zu spielen» служит примером прошедшего фреквентативного **глагола** («Verbum frequentativum»), называемого автором по-русски «учащательным». Наконец у Рейфа, который вслед за Таппе добавил в перевод слово «souvent», *игрывалъ* освещает «le prétérit itératif» глагола «многократного **вида**» («la branche itérative)».

Следовательно, как в плане содержания, так и в плане выражения русский термин «**многократный видъ**» как параллель французского «la branche itérative» воплотился в грамматике Филиппа Рейфа (1821: 117). Свое место в указанной эволюции занимает и «многократная форма» Эрстрёма и Оттелина (1814: 104).

Фреквентативные глаголы, называющиеся также «сугубыми» (с. 125), разделяются на два отдельных разряда («deux branches distinctes»): неопределенный или неограниченный («*indéfinie* ou *illimitée*») (*ходить*, *бѣгать*, *читать*) и определенный или ограниченный («*définie* ou *limitée*») (*итти*, *бѣжать*, *честь*) (с. 154). Очевидно, что «illimitée» и «limitée» калькируют «illimitirte» и «limitirte», «неограниченный» и «ограниченный» Таппе

(1812), (1815). Вероятно, инновация «définie» Рейфа создана как противочлен термину «indéfinie». Следовательно, данная глагольная группа Рейфа продолжает традицию глаголов «учащательных» («учащательного и ограниченного вида») Греча (1811: 11) и глаголов «неограниченного и ограниченного вида» у Таппе (1812: 178) (но не его «учащательных»).

В пределах шести «видовъ» фреквентативные глаголы не составляют самостоятельного «вида» («branche»), а как бы отдельную подгруппу глаголов, из которых глаголы типа *ходить* входят одновременно в «неопредѣленный видъ», к которому относятся и другие бесприставочные, например *писать*, тогда как глаголы типа *итти* входят в «опредѣленный видъ» глаголов. Здесь Рейф отличается существенно от Греча (1811: 5), у которого «глаголы учащательные» с двумя подвидами формируют третий самостоятельный класс, который в свою очередь по содержанию полностью отличается от фреквентативного разряда Таппе (1810).

Фреквентативные глаголы обладают двумя семантическими признаками: перемещением с места на место («un changement de place») и продолжением действия («une action continuée») (с. 125, 155). Глаголы определенного разряда означают действие в процессе совершения («l'action comme étant sur le point d'arriver, et détermine le temps où elle arrive»): *я идý въ садъ* «je vais *en ce moment* dans le jardin, ou *je suis en chemin* pour aller dans le jardin», в то время как неопределенный разряд выражает хабитуальность («une action qui arrive habituellement, qui a coutume d'arriver»): *я хожý въ садъ* «j'ai *l'habitude* d'aller dans le jardin» (с. 155).

В эти глаголы входят и такие, которые в современном смысле не являются глаголами движения, ср. неопределенные *блистáть*, *бодать*, *валять*, *бывать*, *мѣрять*, *вѣшать*, *читать* и определенные *блестѣть*, *бости́*, *валить*, *быть*, *мѣрить*, *вѣсить*, *честь* (*чту*) и т. д. См. список с 48 глагольными парами (с. 155-157). Так, Рейф, очевидно, несколько расширил семантический объем этих глаголов. Ср. Греч (1811: 11) и Таппе (1812: 178).

На наш взгляд, специфический термин «сугубый» указывает на то, что в распоряжении Рейфа были материалы будущей пространной грамматики Николая Греча (см. ниже). Возможно, естественно, и то, что «сугубый» является инновацией Рейфа. Вообще о значительном влиянии «Опыта» Греча как на Таппе, так и на Рейфа указывают созданные Гречем (1811: 15) примеры *я сказывалъ*, *я буду переписывать*, *перепишу до семи часовъ* и др., которые дословно воспроизводятся у Таппе (1812: 185, 1815: 186) и у Рейфа (1821: 118).

Несмотря на наличие названий «la branche imparfaite», «видъ несовершенный» (с. 118), «infinitif imparfait» (с. 177) и т. п., у Рейфа как бы случайно нет терминов «verbe imparfait», «глаголъ несовершенный».

Экспликация «une action entièrement *accomplie*» (с. 118) воспроизводит французское выражение совершения (исполнения) действия глаголом «accomplir», которое мы видели еще у Шарпантье и Амоньера (см. выше).

Каким же образом возникли шесть классов Рейфа? На первый взгляд кажется, что Рейф просто повысил статус двух подклассов Греча и Таппе, ставя их на один

уровень с четырьмя главными разрядами. Пристальное внимание, однако, обнаруживает, помимо указанного повышения статуса, по крайней мере следующие фазы развития и процессы изменения.

Преемственность с классификацией Греча и определенная зависимость от ней можно показать сопоставлением русских терминов. Если мы в системе Греча (1811) обнаружили (см. выше) «глаголъ»: 1. «неопредѣленный», 2. «однократный», 3. «учащательный», 4. «ограниченный», 5. «совершенный» и, кроме того, «время»: «многократное», «несовершенное» и «совершенное», то у Рейфа (1821: 116) мы видим шесть глагольных «видовъ» и глаголы шести «видовъ», носящие русские термины: («видъ» и «глаголъ») 1. «неопредѣленный», 2. «опредѣленный», 3. «однократный», 4. «многократный», 5. «несовершенный», 6. «совершенный»[539]. Здесь совершенно новыми терминами оказываются «видъ опредѣленный» (*идти*, *ѣхать*) и «видъ многократный» Рейфа.

Существенным коррективом является термин «sémelfactif», который заменяет многозначный «simple» предшествующей традиции. Обладая однозначностью, инновация Рейфа вносит ясность в длительное употребление неудачного аналога ломоносовского термина. Проницательно Рейф замечает, что слово «simple» совсем не выражает русского «однокра́тного» (с. 117, примечание). У самого Рейфа слово «simple» имеет исключительно структурную функцию в паре «verbe simple - verbe composé». Свой новый термин Рейф создает по славянской модели (*одинъ* + *кратъ* -> «однокра́тный») из латинских слов *semel* и *factus* (там же). Ср. выше «unifactif» у Модрю.

Простые семельфактивные глаголы («les verbes simples *sémelfactifs*») означают физическое действие живого или неживого предмета («action physique produite par un objet animé ou inanimé»), часто мгновенное движение («un mouvement momentané»), например, кратковременный или неитеративный шум («un bruit qui a été de courte durée»). Согласно автору, этот для русского (и славянского) языка характерный разряд переводится на французский язык при помощи наречий или перифраз («par des adverbes, ou par des périphrases»), которые выражают, что действие произошло только один раз («une fois») (с. 146).

Семельфактивные глаголы освещаются примерами *увѝдевъ его́ я кри́кнулъ* «en le voyant j'ai fait un cri», *громъ гря́нулъ* «il y a eu *un* coup de tonnerre, (es erfolgte ein Donnerschlag)» (с. 146), которые Греч (1811: 10) еще использовал при описании «времен однократных». К грамматике Таппе (1812: 175 = 1815: 176) восходит сопоставление семельфактивного действия с математической точкой («un point mathématique») (с. 148). Признак краткой длительности («de courte durée») (с. 146) Рейф добавил от себя. Характеристика физического действия восходит к трактате Греча (1811: 8) и отразится далее у Греча (1827: 254) (см. ниже).

Переводящее «однажды» Ломоносова «une fois» мы видели впервые у Шарпантье (1768: 80), затем оно встречается у Модрю (1802: CXVI), Болдырева (1812:

[539] Все возможные сочетания, вроде «глагола опредѣленного», хотя и бесспорно подразумеваются, во французском тексте Рейфа не перечисляются. Ср. несостоятельное утверждение Виноградова (1947/1972: 382) относительно авторства термина «однократный вид».

73), Анонима (1816: 117) и Рейфа (1821: 117, 125, 146, 148, 178, 180). Ср. аналогичное употребление «einmahl», «nur einmahl» в немецкой традиции ломоносовской грамматики, и далее «en gång», «en enda gång» в скандинавской традиции (Эрстрём и Оттелин 1814: 104). Аналогичным образом, начиная с Модрю (1802: CXIV), выступает «plusieurs fois».

Самым достоверным доказательством нового осмысления специфики русской аспектуальности является до предела последовательное приспособление аспектуальных атрибутов к наименованиям спрягаемых и неспрягаемых форм, в том числе трех времен (с. 177-181) (см. схему).

Все шесть терминов Рейфа, в которых аспектуальный атрибут примыкает к слову «видъ», представляют собой эпохальную инновацию описания глагольной аспектуальности в традиции русской грамматики. Данная инновация Рейфа, осуществленная, по всей видимости, сознательно и в тесном сотрудничестве с Гречем, представляет собой важнейший этап. При этом очевидна и самостоятельность вклада швейцарского лингвиста.

Следовательно, как атрибуты «глагола» названия шести «видов» Рейфа имеют следующие прецеденты: 1. «неопредѣленный» <- Таппе (1815), Болдырев (1812), Греч (1811), 2. «опредѣленный» Рейф (1821), 3. «однократный» <- Таппе (1815), Болдырев (1812), Греч (1811), 4. «многократный» <- Борн (1808), 5. «несовершенный» <- Борн (1808), 6. «совершенный» <- Таппе (1815), Болдырев (1812), Греч (1811), Борн (1808).

В ретроспективе представляет интерес то обстоятельство, что три глагольные пары Рейфа содержат три основных признака ломоносовской системы, которые в новой системе, приобретя себе в ходе эволюции описания противочлены «опредѣленный», «многократный» и «несовершенный», устроились с ними в бинарные аспектуальные отношения. На фоне этой закономерности «опредѣленный» Рейфа объясняется проще всего таким же новым противочленом, как «неограниченный» Таппе, о котором речь шла выше. Ср. «definitum» Хайма (1804) и многие другие описания с элементом определенности, которые, однако, не связываются с новым классом глаголов перемещения, созданным Гречем и развиваемым дальше Рейфом.

Вместе с тем Рейф принимает как самый простой метод классификацию **глаголов** на четыре класса («en quatre classes») (с. 124), использованные в руководстве Борна (1808) и в первую очередь в «Опыте» Греча (1811). В этой связи Рейф ссылается также на предложение Якоба (1814: 139) разъединить отдельные глаголы с их разными добавочными значениями («Nebenbedeutungen»), а также на четыре глагольных разряда Неедлого (1804: 224) (с. 125).

Так, исходя из классификации Греча, Рейф констатирует, что все русские глаголы являются «простыми» («simples») (*писать*) и «сложными» («composés») (*подписать*). Кроме того, «простые» могут быть неопределенными («indéfinis»), когда они имеют только два разряда: неопределенный (*писать*, *ходить*) и итеративный (*писывать*, *хаживать*). «Полными» («*complets*») являются глаголы, имеющие три разряда: неопределенный, семельфактивный и итеративный. «Сугубыми» («*doubles*») являются простые глаголы, имеющие два разряда глаголов с одним лексическим значением: неопределенный (*ходить*) и определенный (*итти*) (с. 124).

Отсюда вытекает деление русских **глаголов** на четыре класса: 1. «Les verbes simples *indéfinis*» («неопредѣлённые»), которые охватывают все простые глаголы, не входящие в «полные» или «сугубые» (с. 124). В этом случае глаголы типа *дѣлать* означают действие общего и неопределенного образа («une action d'une manière *générale et indéterminée*» (с. 126). 2. «Les verbes simples *complets*» («по́лные»), которые означают всегда физическое действие живого или неживого предмета («action physique produite par un objet animé ou inanimé»). Так как только эти глаголы выражают действие, происходящее один раз («l'action arrivée une fois»), они называются семельфактивными («verbes sémelfactifs») («однокра́тные»), 3. «Les verbes simples *doubles*» («суго́бые») имеют два разряда с одним лексическим значением, неопределенный («indéfinie») и определенный («définie»). Так как они означают всегда перемещение с места на место («un changement de place») или продолжительное действие («une action continuée»), они называются фреквентативами («verbes fréquentatifs») («учаща́тельные»), 4. «Les verbes *composés*» («сло́жные»), образуемые посредством препозитивов, означают полностью завершенное действие («une action entièrement consommée») и называются также перфектными («verbes *parfaits*») («соверше́нные») (с. 125).

Заметим, что в этом применении классификации глаголов Греча (1811) отсутствуют термины «несовершенный» и «многократный», которые Рейф применил к своей основной системе шести «branches».

Таким образом, Рейф объединяет четырехчленное структурно-семантическое деление глаголов Греча и свою шестичленную семантическую классификацию «видовъ». Здесь необходимо отметить, что в подлинном виде новая классификация Рейфа (с. 116-118) основывается исключительно на семантических началах «видовъ» (см. схему) и не учитывает структурных элементов, связанных, в частности, с префиксацией глагола. С точки зрения развития описания в этом приеме Рейфа наблюдается принципиально важный процесс изменения статуса ряда аспектуальных понятий и терминов.

Итеративное прошедшее («le prétérit itératif») образуется от итеративного инфинитива («l'infinitif itératif»): *гова́ривать* -> *гова́ривалъ* «j'ai parlé plusieurs fois», *ха́живать* -> *ха́живалъ* «j'avois l'habitude d'aller». Это прошедшее, которое означает действие, повторяющееся (несколько) много раз и имевшее место в отдаленном прошедшем («une action qui s'est répétée plusieurs fois, et qui a eu lieu dans un temps passé éloigné»), называется также «*plus-que-parfait*» («давнопрошёдшее») (с. 142). Итак, неизменный «plus-que-parfait» является вариантом «официального» названия «le prétérit itératif».

Для правильного понимания системы приставочных глаголов («les verbes *composés* ou *parfaits*») необходимо учесть, что композитивными («composés») могут быть как имперфективные, так и перфективные глаголы, но перфектными («parfaits») являются исключительно глаголы перфективные. Ср. выше «сложные или совершенные» глаголы Греча (1811).

Описание препозитивов, выступающих в образовании перфектных глаголов («dans la composition des verbes parfaits»), обнаруживает ряд акционсартных

характеристик. Так, при некоторых глаголах препозитив *возъ*, *взъ*, *взо* означает начало действия («un *commencement*»): *возъимѣть* «commencer à avoir», *возненави́дѣть* «concevoir de la haine», *возлюбить* «concevoir de l'amour» (с. 158). Во втором значении *вы* означает совершение (или совершенство) («une *perfection*»), например, *вы́красить* «peindre tout», *вы́бѣлить* «blanchir entierement», *вы́мыть* «bien laver». Ср. выше «Perfection» Таппе (1812), (1815) и «perfectio» уже у Статориуса. *До* выражает предел или конец («la *borne* ou la *fin*»): *дописа́ть* «écrire jusqu'au bout», *додѣлать* «achever», *доигра́ть* «finir de jouer», *доѣсть* «manger tout» (с. 159).

Приставка *за* выражает начало действия («un *commencement*»): *заговори́ть* «commencer à parler», *засвиста́ть* «commencer à siffler», *закипѣть* «commencer à buillir». *Отъ* имеет значение прекращения («une *discontinuation*»): *отписа́ть* «cesser d'écrire», *отку́шать* «finir de manger», отпла́кать «cesser de pleurer» (с. 161). *Делимитативное* значение префикса *по* передается при помощи экспликаций «un peu» и «le peu de durée», указывающих на краткую длительность действия: *поигра́ть* «jouer un peu», *поговори́ть* «parler un peu», *погости́ть* «être peu de temps en visite», *побы́ть* «être quelque temps» (там же). *Пердуративное* действие («une continuation d'une action») выражается приставкой *про*: *простоя́ть* «rester quelque temps», *пробы́ть* «séjourner» (с. 162). Просто *исполнение* действия («simplement un *accomplissement*») означают приставки *со*, *съ* и *у* в таких глаголах, как *сдѣлать* «faire, avoir fait», *умы́ться* «se laver», *уви́дѣть* «voir», *усмотрѣть* «apercevoir») (с. 163). Ср. «исполненіе» в РГ (1802).

Парный характер состава форм композитивных глаголов проявляется и в том, что они имеют два инфинитива («l'imparfait et le parfait») и другие аспектуально парные формы в отдельных глагольных категориях (с. 165).

Весьма остроумным оказывается способ образования инфинитивов приставочных глаголов, порождающий как бы «правильные» видовые пары, несмотря на направление процесса «слева направо». Так, например, перфектный инфинитив («l'infinitif parfait») *отдѣлать* составляется из препозитива и неопределенного инфинитива («l'infinitif indéfini») *дѣлать*, а соответствующий имперфектный инфинитив («l'infinitif imparfait») *отдѣлывать* образуется приставкой от итеративного инфинитива *дѣлывать* (с. 167). В этих приемах находят отражение два правила РГ (1802: 214) и Амоньера (1817: 245), о которых говорилось выше.

Тут же приводится правило, по которому ряд имперфектных форм («imparfait») возникает из синкопы *ивать* -> *иать* -> *ять* или *ать* (с. 167), ср.: неопределенный инфинитив *любить* -> перфектный инфинитив («parfait») *возлюбить* -> имперфектный инфинитив («imparfait») *возлюблять*, который образуется из сочетания *воз* + итеративный инфинитив *лю́бливать* (с. 129).

Вообще для образования перфектного прошедшего и перфектного будущего простого глагола нужно только добавить препозитив к настоящему или к прошедшему времени данного глагола. Но трудность заключается в том, какой препозитив должен быть выбран в каждом отдельном случае. Простые глаголы, которые имеют соответствующие композитивы, заимствуют перфектные времена у того ком-

позитива, который имеет приблизительно сходное значение с простым (с. 169). Ср. выше РГ (1802).

Глаголы, которые выражают действие, осуществленное внезапно или достигшее высшей степени совершения («une action produite *subitement, ou parvenue au dernier degré d'accomplissement*»), принимают префикс *возъ* или *взъ* для образования перфектных времен («leurs temps parfaits»). Таковы глаголы *алка́ть*, *бунтовать*, *бѣситься*, *волнова́ть*, *гнуша́ться*, *горди́ться*, *лелѣять*, *чу́вствовать* и др. (с. 169). Ср. Фатер, Таппе и Востоков (1831: 144-146).

Некоторые простые глаголы, называемые «verbes *parfaits simples* (соверше́нные просты́е)», образуют перфектные времена («leurs temps parfaits») без препозитива: *броса́ть*, *дава́ть*...*явля́ть* -> *бро́сить*, *дать*, *яви́ть*, «Présent» *броса́ю*, *даю́*, *явля́ю*, «Futur» *бро́шу*, *дамъ*, *явлю́*. См. список (с. 171-172). Ср. Греч (1811: 16).

Приемы «заимствования» отсутствующих форм свидетельствуют о том, что эти формы и глаголы считаются автором как бы соотносительными по виду. Так, «простой совершенный» глагол («verbe parfait simple») *велѣть*, у которого нет неопределенного инфинитива, «заимствует» форму настоящего времени *повелѣваю* у «своего» композитива *повелѣвать*. Аналогичным образом *купить* «заимствует» настоящее время *покупаю* у «своего» композитива (с. 173).

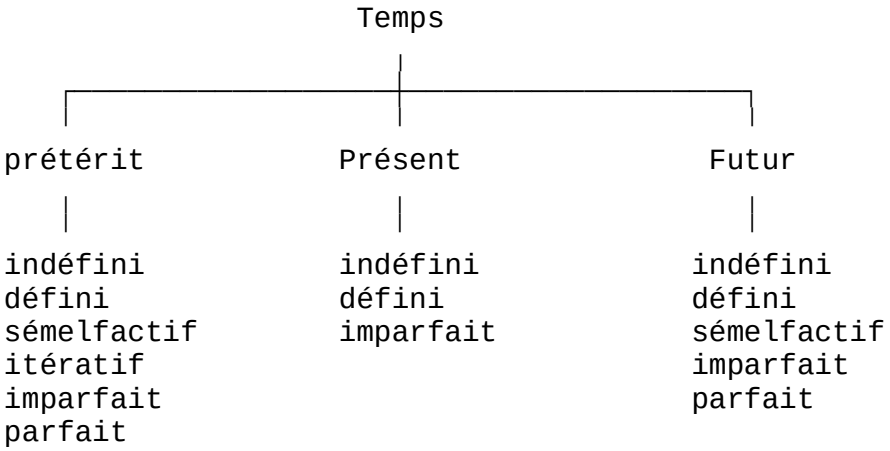
Независимый характер «вида» подчеркивается тем фактом, что каждый разряд имеет свой инфинитив, служащий базой образования наклонений и времен (с. 125). Вместе с тем каждый разряд имеет форму прошедшего на *лъ* (с. 126). Это значит, что каждый «видъ» является самостоятельным и представленным только одним типом глаголов. Из самостоятельности «вида» вытекает, что определенные «виды» являются дефектными по отношению к формам времени (ср. дефектность некоторых «Arten» у Таппе). Например, перфектный разряд обладает прошедшим и будущим, но ему недостает настоящего. Так, все разряды имеют прошедшее, все разряды, кроме итератива, имеют будущее и только неопределенный, определенный и имперфектный разряды имеют настоящее (с. 118) (см. схему № 47).

Это значит, что статус вида стал выше статуса времени, что в грамматическом описании категория времени подчинилось окончательно категории вида глагола как относительно регулярного и целостного аспектуального класса; в системном описании вид занял господствующее положение над временем. В русской традиции окончательная, решающая фаза данной поступательной эволюции происходит в первую очередь в работах: Фатер (1808) - Борн (1808) - Таппе (1810) - Греч (1811) - Таппе (1812) - Болдырев (1812) - Фатер (1814) - Таппе (1815), (1819) - Рейф (1821) - Греч (1827).

3. По мнению Рейфа, русские глаголы имеют только три времени настоящее, прошедшее и будущее, которые выступают в составе разных видов, модифицирующих их значение («qui modifient leur signification»). Следовательно, по мнению Рейфа, отдельные времена выступают при глаголах разных видов и *виды модифицируют значение каждого отдельного времени*. Настоящее время может выступать вместе с неопределенным, определенным и несовершенным видом (с. 177). Говоря, что каждое из трех индикативных времен имеет отдельные

«виды» («L'indicatif énonce l'action avec la distinction des trois temps qui ont chacun différentes branches») (там же), Рейф формулирует эксплицитно мысль о принципиальной самостоятельности категорий времени и аспектуальности.

Схема № 47. Темпорально-аспектуальная система Рейфа (1821)[540]



Temps:
Présent:
indéfini - *онъ ка́ждое у́тро хо́дитъ прогу́ливаться*
défini - *я иду́ домо́й*
imparfait - *онъ берётъ а́рфу, настро́иваетъ, игра́етъ, и ка́ждый изъ насъ поётъ въ свою́ о́чередь*

Prétérit:
indéfini - *онѣ носи́ли во́ду, и моло́ли жёрновомъ*
défini - *сего́ у́тра бы́стро несли́сь корабли́ на всѣхъ паруса́хъ*
sémelfactif - *мо́лнія блеснула́, гря́нулъ си́льный громъ*
itératif - *я ча́сто къ нему́ ха́живалъ*
imparfait - *соединя́сь со Славя́нами, они́ умножа́ли ихъ си́лу*
parfait - *соединя́сь со Славя́нами, они́ умно́жили ихъ си́лу*

Futur:
indéfini - *они́ бу́дутъ ѣздить верхо́мъ*
défini - *я бу́ду ѣхать на сѣрой ло́шади*
sémelfactif - *ли́ра моя́ тро́нетъ ещё ва́ше хла́дное се́рдце*
imparfait - *я бу́ду перепи́сывать до семи́ часо́въ*
parfait - *я перепишу́ всё э́то до семи́ часо́въ*

Данное описание Рейфа показывает, что в принципе любой аспектуальный разряд глагола (любой аспектуальный признак) может выступать в любом (каждом) из трех временных планов. Ограничения касаются только возможности употребления собственно перфектива («sémelfactif» и «parfait») в актуальном настоящем, и итератива, который выступает только в прошедшем. Наиболее полный объем аспектуальных характеристик выступает в прошедшем (с. 177-180).

[540] См. Рейф (1821: 177-181).

Вслед за Гречем (1811: 16), Рейф приводит два перфектных прошедших («deux prétérits parfaits») *столка́лъ* и *столкну́лъ* (с. 180) и два перфектных будущих («deux futurs parfaits») (с. 181) (примеры *столка́ю* и *столкну́* лишь подразумеваются), которые имеют общее значение «l'action entièrement accomplie», но различаются акционсартными признаками «avec plusieurs reprises» и «dans une seule fois» (с. 180). Ср. «въ одинъ разъ» Греча (1811).

Настоящее время неопределенного разряда означает продолжение состояния в настоящий момент («la continuation d'un état»). Здесь актуальное настоящее *онъ безпа́мятенъ* «il est sans mémoire...*dans ce moment*» противопоставляется неактуальному *онъ быва́етъ безпа́мятенъ* «il est parfois sans mémoire», а также итеративному прошедшему («un prétérit itératif») *я бы́вывалъ* «j'ai été plusieurs fois» (с. 121). Сверх этого Рейф различает хабитуальное настоящее («l'état habituel»), выражаемое неопределенным настоящим (*хо́дитъ*), и актуальное настоящее («l'état actuel»), выражаемое определенным настоящим (*иду́*) (с. 177) (см. схему).

В целом содержательные экспликации отдельных темпорально-аспектуальных форм повторяют характеристики, описанные при отдельных глагольных разрядах (см. схему): 1. неопределенность («une action passée dans un temps indéterminé», «un temps futur qui n'est pas déterminé»), 2. определенность («détermine le temps où l'action est arrivée», «détermine le moment où se fers l'action»), 3. единичность («une fois»), краткая длительность («de peu de durée»), отсутствие итерации («ne s'est pas répétée»), 4. многократность («l'action s'est répétée plusieurs fois»), 5. неопределенность и несовершенность («une action indéterminée, qui ne s'est pas accomplie»), 6. определенность и совершенность («une action passée dans un temps déterminé, et qui s'est entièrement accomplie», «entier accomplissement») (с. 178-181).

Упорядочивая материалы и системы предшествующей традиции, в первую очередь Греча и Таппе, Рейф составляет шестичленную классификацию, которая состоит из трех пар, строившихся по трем аспектуальным признакам трех противопоставлений. Они таковы: 1. неопределенность - определенность, 2. единичность - многократность, 3. несовершенность - совершенность. В итоге это сводится к трем основным признакам, а именно к определенности, кратности и совершенности.

В классификации Рейфа достигает кульминации принцип описания, по которому глаголы, сознательно или неосознанно, группируются по возрастающей степени определенности и вместе с тем перфективности от наиболее слабо маркированного «неопредѣленного» («indéfinie») к наиболее сильно маркированному «совершенному» («parfaite»).

Классификация глаголов Рейфа (1821) (с учетом работ Фатера, Борна, Таппе, Греча и Болдырева) и в особенности применение дихотомии двух основных видовых признаков («совершенный» и «несовершенный», «parfait» и «imparfait») к темпорально-аспектуальной системе, а также к неспрягаемым глагольным категориям предвосхитили более глубокое осмысление видовой системы в русской традиции.

По сравнению с классами глаголов Добровского и Пухмайера классификация Рейфа (и Греча) обнаруживает существенные преимущества в том, что она опирается в первую очередь на семантические принципы (которым формальные характеристики как бы подчиняются) и выделяет систематически и обозначает терминологически противопоставление перфективность - имперфективность в сфере глагольных «видовъ».

От традиции Ломоносова и Академической грамматики система Рейфа с ее видимой осложненностью отличается коренным образом тем, что ее исходная база заложена в продуманной глагольной классификации. В определенном смысле аспектуально-темпоральная система Рейфа составляет полную противоположность системе Академической грамматики, в которой совсем нет систематической аспектуальной классификации глаголов[541]. По сравнению с описаниями грамматистов предшествующих поколений (Сойе, Шарпантье, Модрю, Амоньер), не сумевших порвать с традицией родного языка, система Рейфа отличается последовательным выявлением подлинных фактов русского языка.

В метаязыке Рейфа аспектуальные атрибуты примыкают к названиям всех спрягаемых и неспрягаемых форм. Замечательно закономерным образом шесть аспектуальных атрибутов Рейфа завершают последовательный путь развития, начатый тремя атрибутами в грамматике Ломоносова. Наряду с постепенным расширением объема сферы аспектуальности и изменениями статуса отдельных частных характеристик, они в то же время наглядно свидетельствуют о распространении обозначения семантического признака от позиции при форме времени на классификацию глагольных разрядов (лексем) в целом.

8.7. Четыре «branches» в русской грамматике Дж. Хэрда (1827)

Практическая грамматика русского языка, составленная на английском языке Джеймсом Хэрдом (James Heard), интересна в первую очередь тем, что она вышла в свет в том же году, что и пространная грамматика Николая Греча[542]. В

[541] Одним из первых, который говорит об аспектуальном «виде глагола» и «двухъ классахъ» глаголов, явился А. Чаплин (1822). В своей скромной статье он указывает на идеи Болдырева (с. 38), отмечая, что система Фатера якобы основывается на рассуждениях Болдырева. На основании трех инфинитивов Чаплин вводит столько же «видовъ глагола»: 1. «Неопредѣленные», 2. «Многократные, или учащательные», 3. «Однократные, или вообще совершенные» (с. 39). В итоге Чаплин предлагает делить «всѣ наши глаголы на два главныхъ класса» (с. 41). Из них первый охватывает бесприставочные и приставочные глаголы НСВ: *быть*, *забывать*, *разговаривать* и др. Во второй класс входят «всѣ совершенные глаголы»: *забыть*, *обуть*, *слетѣть* и др. (с. 42). Может быть, Чаплин под первым классом подразумевает имперфективный разряд «неопредѣленныхъ глаголов», но термина «несовершенный», на который указывает Виноградов (1947/1972: 381), у него нет. К сожалению, Чаплин, называющий сам свои размышления «незрѣлыми» (с. 45), не сумел развить дальше идею о двух аспектуальных классах. По мнению Булича (1904: 1045), статья Чаплина явилась «последним слабым голосом из лагеря сторонников старой теории глагола» и вместе с тем попыткой примирить деление Академической грамматики и ломоносовскую систему времен «с новым учением о видах». На наш взгляд, однако, важно стремление Чаплина классифицировать глаголы, а не описать темпоральные формы.

[542] Грамматика Хэрда отмечена уже у Балицкого (1876: 41). Ср. Бидерманн (1981: 111). Весьма похвально («excellent livre élémentaire») о ней отзывался Греч (1828: 39). В библиографию Станкевича

предисловии Хэрд (1827: IV) отмечает своими источниками Академическую грамматику, трактат Греча (1811), а также грамматики Рейфа, Фатера и Таппе. К сожалению, мы пока ничего не знаем о биографии автора грамматики, представляющей собой среди наших источников единственную грамматику на английском языке.

При исчислении глагольных категорий слово «*branch*» занимает позицию категориального аспектуального термина. Так, по мнению Хэрда, русский язык имеет четыре глагольных разряда («four branches»), а именно: неопределенный («indefinite»), перфектный («perfect»), семельфактивный («semelfactive») и итеративный («iterative»). Некоторые глаголы имеют еще пятый разряд, называемый определенным («the definite branch») (с. 141).

В основу определения аспектуальности, выражаемой глагольными разрядами, Хэрд положил длительность действия, рассматриваемую от его начала до конца («the duration of an action from the commencement to the end») (с. 141). Ср. «durée» у Рейфа и Амоньера. По мнению автора, многочисленные модификации длительности («a great variety of modifications») в отдельных разрядах, составляющих специфику русского языка, не имеют никакого отношения к времени. В английском языке эти вариативные значения обозначаются обычно приставкой или наречием. Каждый разряд имеет свои формы времени и наклонения, составляющие вместе («collectively») данный разряд глагола («a branch of the verb») (там же).

В основном разряды Хэрда восходят к системе Рейфа, кроме ожидаемого *«imperfect», которого нет у Хэрда. В системе Хэрда основным имперфективным разрядом является неопределенный, в то время как главный перфективный составляет перфектный - «the perfect branch». Атрибутом «perfect» указывается исключительно и однозначно на перфективное аспектуальное значение.

Неопределенный разряд выражает действие неопределенно в его отношении к совершению («indeterminately with regard to its completion»): *онъ трóгалъ* «he moved». Перфектный обозначает полное совершение действия («the thorough accomplishment of the action»): *онъ растрóгалъ* «he moved thoroughly, or has moved»[543]. Семельфактивный разряд выражает внезапное и единичное действие («the sudden and single occurence of an action»): *стрѣльнýть* «to shoot (once)», а итеративный - частое повторение действия («the frequent repetition of the action»): *стрѣливать* «to fire away, or to fire repeatedly» (с. 141). Значение глаголов определенного разряда («the definite branch»), которые по описанию автора и в свете примеров являются в основном однонаправленными глаголами движения, соответствует содержанию английской конструкции *to be + -ing*: *онъ ведéтъ лóшадь въ конюшню* «he is leading the horse to the stable» (с. 221).

книга не вошла.

[543] По-видимому, под влиянием мощного *двигалъ* Хэрд здесь переводит формы *трогалъ* и *растрогалъ* «moved», а в типовых парадигмах - «touched» (с. 151).

Разряды Хэрда относятся к одному глаголу, т. е. они считаются производными «отраслями» одного и того же глагола. Однако не каждый глагол имеет четыре разряда. Наличие или отсутствие отдельного разряда обусловливается природой (семантикой) глагола. Так, например, глагол *шага́ть* имеет семельфактивный разряд *шагну́ть* «to take *one* stride», но глагол *бѣгать* этого разряда не имеет, так как значение повторяемого движения («a repeated motion») неотделимо от природы данного глагола (с. 142). Из этого следует, что и «главные» разряды, неопределенный и перфектный, (как бы отталкиваясь от семельфактивного и итеративного) все же тесно сопряжены в пределах одного глагола.

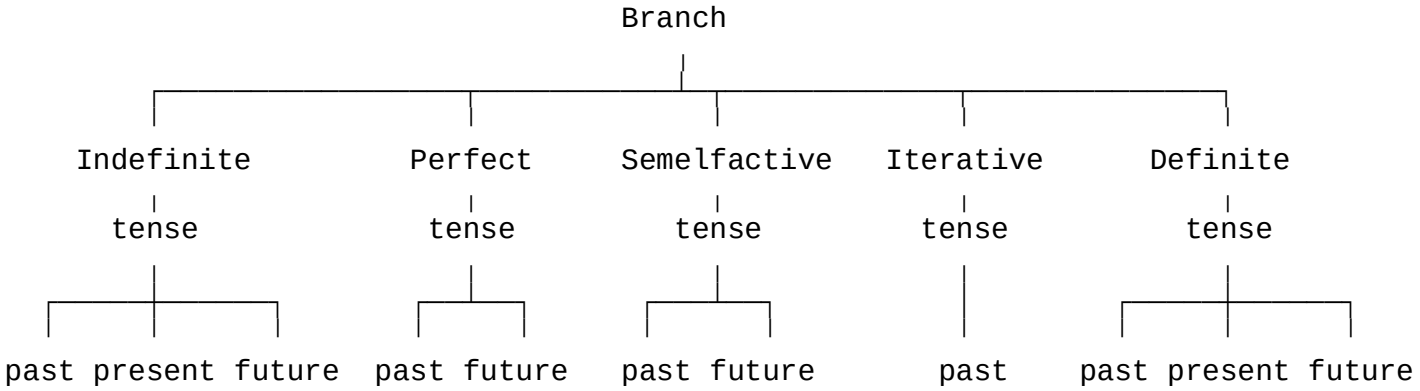
Темпоральная система состоит из трех основных времен: «three principal tenses, the present, the past and the future» (с. 141). Системе Хэрда не свойственны смешанные (комбинированные) аспектуально-темпоральные термины.

Мы представим аспектуально-темпоральную систему Хэрда в двух вариантах, в которых исходную базу построения всегда составляет неопределенный разряд («indefinite branch»). Определенный разряд («definite») касается только ограниченной группы нерегулярных глаголов (движения)[544], составляющих трехчленную систему: «indefinite» (*ходить*, *бѣгать*, *носить*, *мѣрять*, *таскать*) - «definite» (*идти*, *бѣжать*, *нести*, *мѣрить*, *тащить*) - «perfect» (*пойти*, *побѣжать*, *снести*, *смѣрить*, *стащить*) и т. д. (всего 14 троек) (с. 217-226).

[544] Кстати, Хэрд не применяет к данной группе слова, которым указывалось бы на «движение».

Схема № 48. Аспектуально-темпоральная система Дж. Хэрда (1827)

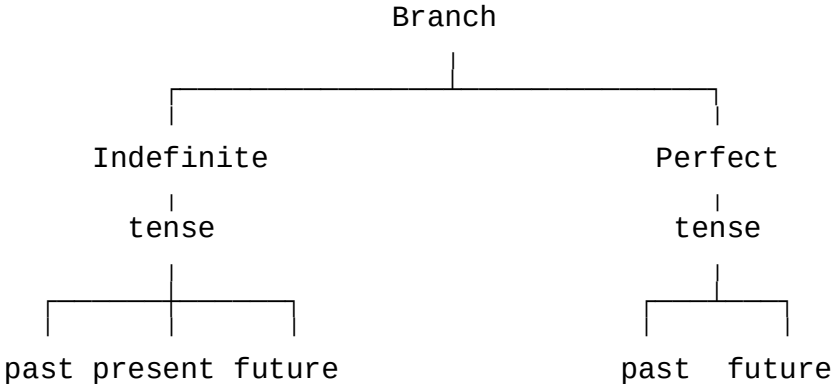
Вариант А.[545]



Branch:
Indefinite:
Tense: **present** - *я трòгаю I touch*. **past** - *я трóгалъ I touched*. **future** - *я бýду трóгать I shall touch*
Perfect:
Tense: **past** - *я растрóгалъ I touched or have touched (thoroughly)*. **future** - *я растрòгаю I shall touch*
Semelfactive:
Tense: **past** - *я трòнулъ I touched (once)*. **future** - *я трòну I shall touch*
Iterative:
Tense: **past** - *я трòгивалъ I touched (repeatedly)*
Definite:
Tense: **present** - *я идý I am going*. **past** - *я шелъ I was going*. **future** - *я бýду идтѝ I shall be going*

[545] См. Хэрд (1827: 150-156, 221-222).

Вариант Б.[546]



Branch:
Indefinite:
Tense:
present - *я грѣюсь*, *я подпи́сываю*, *I undersign*
past - *я грѣлся*, *я подпи́сывалъ*, *I undersigned*
future - *я бу́ду грѣться*, *я бу́ду подпи́сывать*, *I shall undersign*
Perfect:
Tense:
past - *я согрѣлся*, *я подписа́лъ*, *I have undersigned*
future - *я согрѣюсь*, *я подпишу́*, *I shall undersign*

Наш второй вариант, составленный по типовым парадигмам, характеризуется поразительной ясностью бинарного противопоставления неопределенного и перфектного разрядов («indefinite branch - perfect branch»). Идеальную и совсем современную систему форм двух сотносительных по виду глаголов (глаголов двух видов) составляют неопределенный и перфектный разряды приставочного глагола («a compound verb») *подписывать - подписать* (с. 195-197).

Во второй вариант входят также бесприставочные неопределенные и перфектные глаголы, перечисленные попарно в отдельности: *броса́ть - бро́сить*, *встрѣча́ть - встрѣтить*...*явля́ть - яви́ть* (всего 28 пар) (с. 167-168), а также нерегулярные глаголы («irregular verbs»), которые образуют перфектный разряд без препозитива (*брать - взять*, *давать - дать*, *начинать - начать*, *падать - пасть*, *ложиться - лечь*, *спать - уснуть* и др.) (с. 216-217).

Судя по типовым парадигмам, в которых семельфактивный и итеративный разряды не играют существенной роли (они представлены только как бы неизбежные реликты при парадигме глагола *трогать*) (с. 154-156, 181-183), для системы Хэрда характерна бинарность, в которой неопределенный разряд служит во всех случаях противочленом перфектного. В экспозиции всех основных парадигм «indefinite branch» и «perfect branch» стоят подряд и занимают две главные позиции (см. схемы). Мнимое исключение составляет лишь ограниченная группа глаголов (движения) типа *бѣгать - бѣжать - побѣжать*, в которой неопределенный и определенный вместе противопоставляются перфектному разряду, т. е. определенный разряд занимает специфическую, но вполне естественную позицию между неопределенным и перфектным разрядами. От Рейфа система Хэрда

[546] См. Хэрд (1827: 188-191, 195-197).

отличается более ярким стремлением к дихотомии глагольной классификации.

Означая полное исполнение (совершение) действия («the thorough completion of the action»), перфектный разряд не имеет настоящего времени в действительном и среднем залогах (с. 153). Так, характеристика «completed», «completion», «accomplishment» Хэрда относится к типу «совершения». Семельфактивный же разряд не имеет настоящего времени, так как означает единичное и внезапное событие, исполнение которого не поддается описанию во времени («the single and sudden occurence of an action, the performance of which is not supposed to allow time for description») (с. 154). В примерах признак внезапности передается наречиями «suddenly» и «at once»: *Волна́ плесну́ла на па́лубу* «The wave broke (*suddenly*) on the deck», *Ряды́ сомкну́лись и во́йско дви́нулось* «The ranks closed (*at once*) and the army moved (*suddenly*)» (с. 235). Не употребляется в настоящем времени также итеративный разряд глагола (с. 155).

По образованию глагольных разрядов и отдельных форм мы отметим лишь следующее. В образовании приставочного глагола присоединением префикса к простому глаголу происходит модификация или изменение значения исходного глагола, причем здесь наблюдается чисто структурное противопоставление «simple verb» - «compound verb» (*славить* -> *безсла́вить* и т. д.) (с. 194).

Неопределенный разряд сложного глагола («the indefinite branch of compound verbs») образуется препозитивом от итеративного разряда простого глагола (*печатать* -> *печатывать* -> *распечатывать*), а перфектный разряд («the perfect branch») сложного глагола - препозитивом от неопределенного разряда того же простого глагола (*печатать* -> *распечатать*). Приставочный семельфактив образуется от простого семельфактива (*дви́нуть* - *воздви́гнуть*) (с. 195).

Важнейшим обстоятельством в данном процессе образования неопределенного и перфектного разрядов является то, что в нем речь идет о *двух глагольных разрядах*, а не о темпоральных формах, т. е. указанные процессы осуществляются между отдельными разрядами глагола. Фактически в первом процессе применяются суффиксальное образование итератива (*печатать* -> *печатывать*) и его префиксация (*печатывать* -> *распечатывать*). Во втором случае осуществляется только префиксация глагола неопределенного разряда (*печатать* -> *распечатать*), а в последнем (*дви́нуть* - *воздви́гнуть*) не меняется ни вид, ни способ действия. Ср. выше Рейф (1821: 167).

Описание препозитивов, использованных в образовании сложных глаголов, обнаруживает, наряду с пространственными и т. п. значениями, некоторые аспектуальные характеристики. Приставка *воз* вносит в глагол значение начала действия («the commencement of an action»): *возлюби́ть* «to conceive an afection», *возненави́дѣть* «to begin to hate» (с. 198), *вы* имеет значение длительности («duration») и конца: *вы́стоять* «to stand *all the time*», *вы́слушать* «to listen *to the end*». Приставка *до* обозначает предел или достижение определенного момента («the boundary, or termination»): *доходи́ть* «to arrive at a certain point», *дочита́ть* «to read to a certain point» (с. 199). Отметим особо прослеживаемые нами с грамматики Ломоносова приставки *за*, *отъ*, *по* и *про*, за которыми и в грамматике Хэрда сохраняются значения начала, конца (прекращения), делимитативности и пердуративности:

«the commencement of an action»: *заговорить* «to begin to speak» (с. 199), «cessation» *отписать* «to finish writing», *отплакать* «to cease weeping» (с. 201), «the duration of the action»: *поигра́ть* «to play a little», *погости́ть* «to pay a short visit» (с. 202), «duration»: *простоя́ть* «to stand all the time» (с. 203).

В замечаниях по употреблению времен Хэрд совершенно верно проводит четкую разницу между собственно темпоральным плюсквамперфектным значением и хабитуальностью прошедшего действия. В отличие от плюсквамперфектного значения, выражаемого, по автору, формой «the past perfect» *прочиталъ* (т. е. прошедшим временем перфектного разряда) (с. 234), применимой к относительной ситуации отдаленности, прошедшее время итеративного разряда типа *говаривалъ*, *хаживалъ* означает: 1) итерацию («repetition»), 2) отдаленность («the remoteness of the action») и 3) хабитуальность («used to» + инф.), *но без элемента относительности* («correlative») двух действий, необходимой для выражения плюсквамперфекта (там же). Ср. примеры автора: Соло́нъ *гова́ривалъ*: позна́й самаго́ себя́! «Solon *used to* say: know thyself!», Я ча́сто къ нему́ *ха́живалъ* «I used often to visit him» (с. 234).

Ср. также правило и примеры употребления слова *бывало*, которые не указывают на плюсквамперфектное значение: *Я быва́ло бѣгалъ по луга́мъ* (с. 236), *Я быва́ло ха́живалъ по тридцати верстъ въ день* «I used to walk thirty versts a day» (с. 237).

У Хэрда аспектуальные атрибуты уже не выступают при названии инфинитива и других неспрягаемых форм. При временах они употребляются редко: «past indefinite» (с. 233), «past perfect» (с. 234). Обычно времена определяются такими формулировками, как «the past tense of the iterative [branch]» (с. 234), «The future tenses of the indefinite, perfect and semelfactive branches» (с. 235), указывающими на глагольное свойство отдельного аспектуального признака. Это объясняется тем, что в грамматике Хэрда четыре (пять) разновидности аспектуальности стали характеристиками глагола, выступающими регулярно при предикате высказывания. Вместе с тем, установилась сравнительно надежная модель описания регулярного противопоставления двух главных аспектуально взаимосвязанных глагольных разрядов. Одновременно с явным стремлением к неколичественной, более абстрактной дихотомии неопределенного и перфектного разрядов количественная аспектуальность семельфактивности и итеративности отходит на задний план. В системе Хэрда количественная аспектуальность занимает заведомо вторичное положение.

Любопытно, что в итоге «branche» Рейфа (1821) обусловливает «branch» Хэрда (1827) подобно тому, как намного позже «aspect» Рейфа (1828) вызывает появление английского «aspect» и немецкого «Aspekt».

8.8. Конкуренция и разнобой терминов в пособии А. С. Никольского (1830)

В соответствии с традицией Академической грамматики слово «видъ» не исполь-

зуется при описании глаголов в седьмом издании «Основанiй Россiйской Словесности» А. С. Никольского[547]. Не присоединяя аспектуального атрибута к глаголу, Никольской придерживается старой традиции Академической грамматики.

В основном темпоральная система пособия следует Академической грамматике, отмеченной автором (с. 37). Никольской ссылается также на Ломоносова, причем в примерах ощутимо и некоторое влияние грамматики Хайма и Соколова.

Анализ пособия показывает явное стремление к двум аспектуальным (видовым) группам, каждая из которых характеризуется тремя, даже четырьмя синонимически использованными атрибутами. Часть из них разработана после грамматик Ломоносова и Российской Академии.

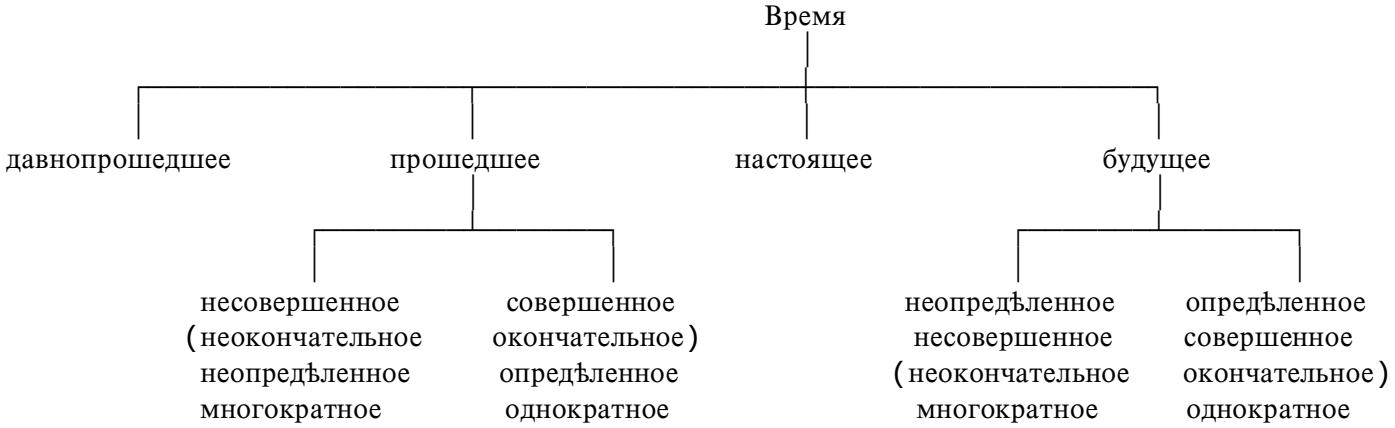
Особого внимания заслуживают термины (время) «*окончательное*» и «*неокончательное*», используемые Никольским в качестве параллельных терминов (дублетов) слов «совершенное» и «несовершенное» (с. 35). (ср. Орнатовский 1810). Возможно, что первым их ввел Никольской в первом издании своего пособия (1807), которого не было в нашем рапоряжении. В первую очередь «окончательное» и «неокончательное» представляют собой вариативные синонимы терминов «совершенное» и «несовершенное». Ср. также обобщающие формулировки «всѣ времена совершенныя или окончательныя» - «всѣ времена несовершенныя или неокончательныя» (с. 35).

Атрибут «опредѣленное» как один из четырех параллельных терминов обусловливает то, что у Никольского впервые в наших источниках фигурирует аспектуальное противопоставление, выражаемое атрибутами «неопредѣленное» и «опредѣленное» в непрезентных временных планах (с. 34-35). Термин «будущее многократное» встречается только у Орнатовского и Никольского (см. выше).

Времена, значения которых определяются по определенности и по отдаленности действия от настоящего момента («какъ опредѣлительно берутся онѣ, или какъ отдаленно отъ настоящаго») (с. 34), мы представим в следующей схеме:

[547] О пособии А. Никольского (первое изд. 1807 г.) см. Греч (1828: 35), Балицкий (1876 А: 41).

Схема № 49. Система времен Никольского (1830)[548]



Время:

1. **Настоящее** - *я пишу, я стою*
2. **Прошедшее:**

а) несовершенное или неокончательное, неопредѣленное, многократное - *читалъ, писалъ, дѣлалъ*
б) совершенное или окончательное, опредѣленное, однократное - *прочиталъ, написалъ, сдѣлалъ*
в) давнопрошедшее - *читывалъ, писывалъ, дѣлывалъ*

3. **Будущее:**

а) неопредѣленное, несовершенное или неокончательное, многократное - *буду читать, буду дѣлать*
б) опредѣленное, совершенное или окончательное, однократное - *прочту, сдѣлаю*

[548] См. Никольской (1830: 34-35).

Среди содержательных экспликаций отчетливо выделяются имперфективное «продолженіе» и перфективное завершение действия, сопряженное с единичностью и внезапностью. Так, «прошедшее несовершенное» характеризуется неизвестностью о завершении действия («кончено ли оно, или нѣтъ») (*я читалъ книгу*), отсутствием внезапности («не вдругъ») и «продолженіемъ нѣкотораго времени» (*громъ гремѣлъ*, *сраженіе продолжалось 6 часовъ*) (с. 61). Отсутствием «окончанія» действия и продолжением «нѣсколько времени» характеризуется также «будущее многократное или несовершенное».

В качестве содержательных экспликаций «прошедшего совершенного или однократного» выделяются: завершение (конец) действия («произшествіе совершенно оконченное») (с. 62), единичность действия («*въ одинъ разъ*», «*однажды*») (с. 60), признак внезапности и неожиданности действия («вдругъ») (с. 60, 61, 62), («произшествіе, случившееся *вдругъ* или нечаянно» (*блеснула молнія, грянулъ громъ*) (с. 62). Ср. Соколов (1806: 205). Иногда это время употребляется вместо будущего (*погибъ я* вместо *погибну*, *пропалъ* вместо *пропаду*). Аналогичным образом «будущее однократное или совершенное» выражает «произшествіе, имѣющее случиться вдругъ, или совершенно кончиться» (*громъ грянетъ*, *я напишу письмо въ Лондонъ*) (с. 62). Ср. признак «вдругъ» уже у Ломоносова, Барсова, Соколова и Болдырева.

Помимо давности («нѣкогда»), «давнопрошедшему времени» приписывается значение «учащательного событія», в котором подразумеваются «нарѣчія нѣсколько разъ или много разъ» (*я читывалъ* (*нѣкогда*) *подобныя книги*) (с. 62).

Название инфинитива («неопредѣленное наклоненіе») приобретает аспектуальные атрибуты: а) «неокончательное», «несовершенное», «многократное» (*писать*, *колебаться*, *быть движиму*), б) «окончательное», «совершенное», «однократное» (*написать*, *поколебаться*, *быть двинуту*) (с. 34).

Отсутствие слова «видъ» вызывает странные сочетания, в особенности при обозначении инфинитива. Неудобна также многозначность слова «неопредѣленное» в качестве аспектуального атрибута времени и неаспектуального атрибута в названии инфинитива. Терминологическая сбивчивость вызывается также громоздкими комбинациями «наклоненіе неопредѣленное неокончательное», «наклоненіе неопредѣленное многократное» (с. 59) и т. п. В принципе для обозначения понятия 'имперфективный инфинитив' было возможно сочетание «*неопредѣленное наклоненіе неопредѣленное». От этого абсурда Никольской избавляется альтернативными атрибутами. К перфективному инфинитиву *написать* применялись соответственно: «неопредѣленное окончательное», «неопредѣленное совершенное», «неопредѣленное однократное» (с. 34).

Таким образом, у Никольского границы аспектуальных характеристик размываются, и мы видим явное стремление объединить в одну категорию (под одной рубрикой) даже *четыре* аспектульных признака, которые были разработаны грамматистами предшествующих традиций и которые, как правило, различались ими: А. «несовершенное», «неокончательное», «неопредѣеленное», «многократное», Б. «совершенное, «окончательное», «опредѣленное», «однократное».

9. КАНОНИЗАЦИЯ ВИДА В ГРАММАТИКАХ НИКОЛАЯ ГРЕЧА И АЛЕКСАНДРА ВОСТОКОВА

9.1. Установление «видовъ» глагола в грамматике Н.И. Греча (1827)

1. Первенство канонизации грамматически аспектуального «вида» принадлежит, бесспорно, Н. И. Гречу. После длительной разработки развитие аспектуального (в том числе видового) содержания термина (все же в представлении Греча) завершилось с выходом в свет «Пространной русской грамматики» и «Практической русской грамматики» Николая Греча в одном и том же 1827 году[549]. При этом следует учесть, что деятельность Греча относится к обстановке, в которой уже зародились новые идеи русских и зарубежных грамматистов, но все еще конвульсивно боролась за жизнь конечная фаза распада ломоносовской системы, отражаемого в Академической грамматике и в трудах ее последователей.

Во введении к грамматике Греч разграничивает «всеобщую Грамматику», рассматривающую с «философической» точки зрения «общіе законы», по которым человек выражает свои ощущения и мысли, и «частную грамматику», в том числе русскую, излагающую «собрание правилъ, коими известный народъ въ известное время...руководствуется въ употребленіи дара слова» (с. 3-4).

Анализ трудов Греча показывает, что в период от первой брошюры 1811 г. до солидных грамматик 1827 г., включая их переводы на иностранных языках, петербургский грамматист серьезно стремится описать правильно русскую видо-временную (шире аспектуальную) систему, которая, как известно, со всеми акционсартными группировками ничуть не славится простотой[550]. Справедливо Греч не довольствуется упрощенным изложением заведомо сложных фактов, а даже под угрозой стать виновным в схоластике[551] развивает в активном и плодотворном сотрудничестве с Филиппом Рейфом подлинно научное описание русской видо-временной системы.

---

[549] О работе над «Российской грамматикой» Греч сообщил уже на собрании Вольного общества любителей российской словесности (1822) (Ягич 1910: 175). Первая тетрадь корректурных листов действительно вышла в следующем году (Греч 1823). В источниках первого варианта числятся: Ломоносов, Академическая грамматика (1802), Борн (1808), Фатер (1814), Никольской (3. изд. 1814), Пухмайер (1820), Рейф (1821), Добровский (1822). См. «Предувѣдомленіе» Греча (1823). За последующие четыре года грамматика существенно усовершенствовалась. В предисловии «Пространной русской грамматики», составленном Ф. Булгариным, сообщается, что теоретическая часть грамматики заимствована преимущественно из трудов А.Ф. Бернхарди («Sprachlehre») (1803), Сильвестра де Саси («Principes de Grammaire générale») (1815) и Ф. Тирша («Griechische Grammatik») (Греч 1827: VIII). Из них, в частности, грамматика Тирша (1826) содержит весьма интересное описание аспектуальных категорий. Там же сам Греч выразил «искреннее благодареніе» А.Х. Востокову и особенно Ф.И. Рейфу, без «дружескаго, неутомимаго содѣйствія» которого грамматика «еще долгое время не была бы напечатана» (с. X). Об источниках по синтаксису грамматики Греча писал обстоятельно Грунский (1910: 63-77). Об изданиях и переводах грамматик Греча см. Добродомов (1987: 58-59), Балицкий (1876 А: 55).

[550] Заметим тут, что первые надежные классификации русских способов действий увидели свет только во второй половине XX века (см. Шелякин 1987).

[551] См. Виноградов (1947/1972: 381).

Из работ, которые бесспорно повлияли на формирование представления о категории вида Греча, следует упомянуть в первую очередь грамматику Рейфа (1821), в которой, в свою очередь, сказывается тесное их сотрудничество с ощутимым отпечатком подготовительных работ Греча. При этом очевидно, что толчком к окончательному формированию «глагольного вида» Греча послужило применение к аспектуальной классификации глаголов системы «branches» Рейфа.

Первое и самое общее противопоставление в *классификации глаголов* составляет отношение: «глаголъ самостоятельный» - «глаголъ совокупный». Так, «глаголъ самостоятельный неопредѣленный» *быть* выражает «существованіе предмета» и «глаголъ самостоятельный начинательный» *стать* выражает «начало существованія или дѣйствія». Все остальные глаголы являются «совокупными», так как они «совокупляют въ себѣ смыслъ причастія и глагола быть» и выражают собственно действие или состояние предмета (с. 239, 242). При этом глагол получил определение, в котором «предметъ» заменил «вещь» предшествующей традиции: «Глаголъ есть часть рѣчи, выражающая *дѣйствіе* или *состояніе* предмета» (с. 242).

2. Одним из первых в русской традиции Греч достаточно детально и однозначно устанавливает зависимость времени от аспектуальной характеристики глагола. Таким образом, принцип подчинения времени виду канонизируется в обстоятельной «Пространной русской грамматике» Николая Греча и распространяется в ее сокращенных вариантах и многих переводах[552].

В определении «времени» ясно и однозначно указывается на то, что «предметы созерцаются нами въ пространствѣ» и «дѣйствія» происходять «*во времени*», а также на возможность существования только «трех разных времен» - «*настоящего*», «*прошедшего*» и «*будущего*», выделяемых словами «нынѣ, «прежде» и «впредь» и выражаемых такими формами, как *читаю*, *читалъ* и *прочитаю* (с. 243)[553]. При этом любопытно, что автор говорит об «обстоятельстве времени», которое «ни мало не измѣняетъ существа подлежащаго или сказуемаго», под которым имеется в виду неизменяемость других категорий под влиянием времени. Итак, «Сіи формы, коими опредѣляются обстоятельства времени, сами именуются *временами*» (там же).

Как бы опасаясь, что потребителям грамматики будет непонятно различие между временем и видом, автор добавил сюда особое замечание, в котором подробно поясняются темпоральные и аспектуальные различия в русском языке. Так, если в некоторых языках «отношенія временъ» выражаются «особенными формами самихъ глаголовъ (т. е. временами давнопрошедшимъ, прошедшимъ, преходящимъ и т. д.)», то в русскомъ языке «всѣ прошедшія и будущія времена выражаютъ только, что дѣйствіе совершилось или совершится, не говоря, прежде или послѣ другаго дѣйствіе сіе происходитъ» (с. 244). При этом особое значение имеет использованное Гречем противопоставление темпорального «обстоятельства времени» и аспектуального «обстоятельства дѣйствія», в которых под словом «обстоя-

[552] Зависимость темпоральной парадигмы от вида отмечена в научной литературе и позже: «Парадигма времени зависит от вида» (Бондарко 1971: 235).

[553] Совершенно неуместно утверждение Калинина (1940: 171), что Греч признал в русском языке только три времени под влиянием Таппе.

тельство» подразумевается что-то похожее на ситуацию или окружение языковых единиц (там же).

Принципиальная важность заключается в указании, что в русском языке нет «давнопрошедшего» (с. 244) (от него Греч отказался уже в «Опыте»). Подобно «преходящему», оно не входит в систему темпоральных форм русского языка. Это, однако, не препятствует выражению в русском языке значений предшествования и следования «нарѣчіями времени» и деепричастиями (там же).

Инфинитив называется «неокончательнымъ наклоненіемъ», так как атрибут «неопредѣленный» занят для категории «вида» (с. 248)[554].

3. Вникая в различие между временем и видом, Греч констатирует, что обе категории сосуществуют «во временахъ *грамматическихъ*», в которых могут быть выражены «еще нѣкоторыя постороннія обстоятельства, коими ближе опредѣляется значеніе и объемъ дѣйствія». Имея в виду аспектуальные характеристики, автор выделяет три основных семантических группы (три семантических противопоставления): а) неопределенность и определенность, б) количественное различие между единичностью и многократностью (итеративностью), в) неколичественное противопоставление завершенность - незавершенность. Эти значения освещаются соответствующими примерами и экспликациями: а) «слово *плаваетъ* означаетъ дѣйствіе плаванія неопредѣленно; показываетъ обыкновеніе, возможность, способность, умѣніе плавать, а словомъ *плыветъ* выражается опредѣленно, что человѣкъ (или другой предметъ) совершаетъ сіе дѣйствіе именно въ то время, о которомъ говорится, б) дѣйствіе совершилось, или совершится одинъ разъ (*толкнулъ*), или совершалось много разъ (*талкивалъ*), в) дѣйствіе кончено (*подписалъ*), или не кончено (*подписывалъ*)» (с. 245).

Используя отмеченное выше «обстоятельство дѣйствія», Греч пишет: «Формы, служащія къ выраженію сихъ обстоятельствъ дѣйствія, именуются *видами*» (с. 245)[555]. Наглядно новый подход виден в том, что «видъ» описывается как свойство глагола, именно глагол обладает «видомъ» или «видами» («Русскіе глаголы имѣютъ шесть главныхъ видовъ») (там же).

---

[554] Неточное сообщение Виноградова (1947/1972: 459) о «неопределенном наклонении» у Греча обусловлено, пожалуй, формулировками типа «неокончательное неопредѣленное наклонение» (Греч 1827: 166), которым автор последовательно обозначает инфинитив «неопредѣленного вида». Ср. также формулировку «Неокончательное многократное наклоненіе» Греча (1827: 165), которую автор позже заменил более точной: «Неокончательное наклоненіе вида многократнаго» (Греч 1834: 153).

[555] В научной и науковедческой литературе рассматриваемая грамматика отмечена неоднократно. О слове и понятии «видъ» у Греча см. Мазон (1913: 360), Виноградов (1947/1972: 381-382). Согласно Б.Н. Головину (1950: 271), (1951: 41), заслуга указания значений определенности и неопределенности принадлежит Гречу и Востокову. Неверно замечание Григоряна (1955: 12), что «виды разграничиваются Гречем по Фатеру и Таппе с небольшими изменениями». О «видах» Греча см. также Андерссон (1972: 19). Об отношении «вида» Греча (1827) к переводу «aspect» (1828) см. Маслов (1978: 4, примечание). Фонтен (1983: 18) приписывает неточно Гречу «длительность» и «кратность». Ср. Бинник (1991: 140). О «тройном аспектуальном противопоставлении» у Греча (1828а: 45) пишет В. Живов (1992: 262). Вместе с тем грамматическая традиция часто относилась неблагосклонно к открытиям Греча. Так, приводя множество просто фальшивых сведений, совершенно несправедливо отзывается об аспектуальных концепциях Греча Крыгин (1889: 505-510).

Под выражением «постороннія обстоятельства дѣйствія», вызвавшим досадное недоумение у критиков[556], Греч имеет в виду аспектуальные значения, которые противопоставляются сосуществующим в одной форме глагола темпоральным «обстоятельствам времени» (с. 245). Данное выражение не возникло случайно. Оно имеет непосредственную связь с «idée accessoire» Рейфа (1821: 117) и Модрю (1802: 218) и перекликается также с добавочными определениями и значениями («Nebenbestimmungen» и «Nebenbedeutungen») Якоба (1814: 187, 139) или же восходит прямо к его «постороннімъ опредѣленіямъ времени» (Якоб 1812: 63). На данную связь указывает ссылка Рейфа на текст Якоба (1814: 187), а также «les différentes *nuances* des temps des verbes russes» у Рейфа (1821: 116). Сюда же относятся «nähere Bestimmungen» приставок у Пельцеля (1795: 73) и далее «побочныя обстоятельства» Рижского (1806: 67), «Bestimmung» у Таппе (1810: 105), «eine modifizirte Nebenidee» (Таппе 1810: 137) и т. д. Однако первым о дополнительных понятиях («Nebenbegriff») говорил уже Добровский (1791: 24). Может быть и так, что «постороннее» в тексте Якоба (1812) является менее удачным выбором слова у переводчика.

Для наглядности мы воспроизводим в сокращенном виде описание «шести главныхъ видовъ» Греча:

> «1. *Неопредѣленный*, выражающій совершеніе дѣйствія просто, неопредѣленно, безъ означенія притомъ, часто ли оное совершается, и совершается ли именно въ то время, о которомъ идетъ рѣчь: *я пишу письмо*; *я хожу*; *онъ бѣгалъ*; *я буду ѣздить*. 2. *Опредѣленный*, означающій, что дѣйствіе совершается именно въ то время, о которомъ говорится: *я иду теперь въ поле*; *онъ бѣжалъ по улицѣ, когда грянулъ громъ*; *я буду завтра ѣхать подлѣ кареты*. 3. *Многократный*, коимъ выражается, что дѣйствіе совершалось нѣсколько разъ: *онъ ѣзжалъ верхомъ*; *ты хаживалъ пѣшкомъ*; *онъ бывалъ въ Петергофѣ*. 4. *Однократный*, означающій, что дѣйствіе совершилось или совершится одинъ разъ: *я тронулъ*; *ты шагнешь*. 5. *Несовершенный*, выражающій, что дѣйствіе несовершенно кончено или кончится: *я подписывалъ*; *ты будешь разсматривать*. 6. *Совершенный*, означающій, что дѣйствіе совершенно кончено или кончится: *я подписалъ*; *ты разсмотришь*» (с. 245-246).

Согласно автору, из этих видов «наибольшее между собою сходство» имеют «неопредѣленный и несовершенный» (с. 246).

В системе Греча «несовершенный» и «совершенный» являются «двумя главными видами» **одного** «предложного» глагола (с. 246), образованного по правилам «начертанія» (с. 310), а также «глаголовъ простыхъ совершенныхъ», выражающихъ эти виды «перемѣною окончанія»: *дать* - *давать*, *кончить* - *кончать*, *лишить* - *лишать*, *пасть* - *падать*, *рѣшить* - *рѣшать*, *явить* - *являть* и т. п. (с. 265, 320).

«Второстепенные виды» («несовершенный неопредѣленный», «совершенный неопредѣленный» и т. п.) являются не отдельными аспектуальными единицами вне основной классификации, а существующими реально в языке более подробными

[556] Шафранов (1852: 43), Крыгин (1889: 510), Калинин (1940: 171), Григорян (1955: 12), Виноградов (1947/1972: 382).

разновидностями основной системы[557]. В пределах «второстепенныхъ видовъ» глагол совмещает в себе значение одного из «двухъ главныхъ видовъ» (с. 246) и один из значений «неопредѣленного», «опредѣленного» или «однократного» видов. Так, например, как имперфективные (*вынашивать*), так и перфективные (*вы́носить*) глаголы могут быть «неопредѣленными». Примечательно, что «многократный» не фигурирует во «второстепенныхъ видахъ» (см. схему).

Бесприставочный «неопредѣленный видъ» соответствует представлению о «чистой» немаркированной имперфективности. При этом «неопредѣленный» не содержит указания на то, «часто ли совершается» действие или совершается ли оно «именно въ то самое время, о которомъ идетъ рѣчь» (с. 245). Содержательная неопределенность и неактуальность действия характеризуется словами «обыкновеніе», «возможность», «способность», «умѣніе» делать что-либо (там же). Так, различительным признаком «неопредѣленного» оказывается отсутствие временной локализованности и актуальности, неизвестность момента завершения действия.

Основным признаком «вида опредѣленного» является локализованность действия во времени и актуальность («именно въ то время, о которомъ говорится») (с. 246). Ср. этот признак у Греча (1811: 12). В представлении Греча определенность действия не ограничено перфективным действием, как у ряда грамматистов предшествующей традиции (ср. «bestimmt»). Для многих граматистов определенность и локализованность оставались непонятными[558].

«Однократный» Греча обозначает перфективное семельфактивное действие без признака быстроты или внезапности.

[557] Ср. сюда Виноградов (1947/1972: 381-382).

[558] О локализованности см. Лейнонен (1982: 149 и сл.).

Схема № 50. Видовая система Греча (1827)[559]

I. **Видъ глагола простого:**
1. Неопредѣленный - *толкать*, *носить*
2. Опредѣленный - - , *нести*
3. Многократный - *талкивать*, *нашивать*
4. Однократный - *толкнуть*, -

II. **Видъ глагола предложного:**
5. Несовершенный:
а) неопредѣленный - *отталкивать*, *вынашивать*
б) опредѣленный - - , *выноси́ть*

6. Совершенный:
а) неопредѣленный - *оттолкать*, *вы́носить*
б) определѣнный - - , *вынести*
в) однократный - *оттолкнуть*, -

[559] См. Греч (1827: 245-248, 253, 255), Греч (1827а: 123-126, 128, 130).

Экспликации «несовершенно кончено» и «совершенно кончено» (с. 246) касаются только «предложных» глаголов и тех бесприставочных, которые функционируют «как предложные», и называются «простыми совершенными глаголами» (с. 320). Вместе признаки завершения и «совершенія» действия составляют основной признак «совершенного вида». Эти признаки не используются в описании четырех первых «видов» бесприставочного образования. Таким образом, содержание «несовершенного» отличается от «неопредѣленного» именно по признаку завершения.

Семантика «совершенного опредѣленного вида» (*вынесъ*, *вынесу*, *вынести* и т. д.), объединяет признак завершения («дѣйствіе кончилось или кончится») и признак темпоральной локализованности (определенности) («именно въ то время») (с.247), («въ опредѣленное время и въ извѣстныхъ обстоятельствахъ») (с. 325). При «совершенном однократном виде» (*оттолкнуть*, *вздрогнуть*, *сдунуть*) признак завершения сопрягается с признаком единичности («однимъ разомъ», «однимъ ударомъ», «однимъ движеніемъ) (с. 247, 324).

Весьма продуманное описание содержательных признаков отдельных видов проявляется в следующих ключевых словах: 1) «неопредѣленно», 2) «опредѣленно», 3) «много разъ», «нѣсколько разъ», 4) «одинъ разъ», 5) «несовершенно кончено» 6) «совершенно кончено» (с. 245-246). Очевидно, что в этих словах различаются аспектуальные элементы, составляющие три противопоставления: 1. определенность - неопределенность, 2. однократность - многократность, 3. завершенность - незавершенность (совершенность - несовершенность). Говоря обобщенно, мы сводим ядро аспектуальность в описании Греча к трем признакам и их противочленам: 1) определенность, 2) кратность, 3) совершенность. Внутри них достаточно ярко выделяется различие между аспектуальной количественностью и качественностью.

Осмысление системного строения «видовъ» Греча невозможно без раскрытия роли «начертанія». В отличие от традиции Смотрицкого, новое «начертаніе» Греча объединяет в целостную систему как суффиксальные, так и префиксальные способы деривации: «Сіе свойство глаголовъ, по коему оные принимаютъ бóльшее или мéньшее число видовъ» (с. 253). Так, в представлении Греча «начертаніе» - это свойство «наружнаго устроенія» и «смысла» глагола, которое регулирует в первую очередь *количество* «видов» (Греч 1827а: 129).

Разработанная Гречем классификация глаголов «по начертанію» на 1. «неполные», 2. «недостаточные», 3. «полные» 4. «сугубые» и 5. «предложные» (порядок здесь небезразличен) базируется на семантических характеристиках, которые предопределяют (допускают или ограничивают) формирование «видов» (с. 254). Именно наличие или отсутствие признаков «дѣйствіе физическое» и «движеніе съ одного мѣста на другое» обусловливает ограничения в видовом образовании «простых глаголов», отражающемся далее на образование «видов» «предложных глаголов»[560].

По определению Греча, отличительным семантическим признаком «полных» глаголов является «*дѣйствіе физическое*, совершаемое человѣкомъ, животнымъ и т. п.». В них входят такие простые глаголы, как *ахать*, *толкать*, *шагать*, *двигать* и

[560] Ср. сюда Маслов (1959: 194-195), которому суть «начертанія» Греча не раскрылась.

др. (с. 254).

Глаголы «сугубые» характеризуются «движеніемъ съ одного мѣста на другое» (с. 254, 303). Их «отличительнымъ признакомъ» является «смыслъ движенія» (с. 305). Термин «сугубый», который встречается уже у Рейфа и вместе с тем заменяет «учащательный» Греча (см. выше), указывает на парность таких глаголов движения, как *итти* - *ходить*, *бѣжать* - *бѣгать*, *нести* - *носить*, *ѣхать* - *ѣздить* и т. д. В эту группу входят и такие глаголы, как *влечь*, *кривить*, *ломить* и т. п. В качестве особых «сугубых», не означающих движения, приводятся *видѣть* и *быть* (см. список с. 304-305). По изложению автора и в свете данных «Опыта» (1811) можно заключить, что, помимо «движенія», «сугубые» отличаются от «полныхъ» глаголов тем, что их семантика не допускает образования «однократного вида».

У «сугубого» глагола есть три «вида»: «неопредѣленный» (*ходить*), «опредѣленный» (*итти*) и «многократный» (*хаживать*) (с. 304). Таким образом, формы трех «видовъ» (*ходить*, *ходилъ*, *хаживать*, *хаживалъ*, *итти*, *иду*, *шелъ* и т. п.) составляют один «сугубый глаголъ» *ходить*. Между тем эти бесприставочные глаголы составляют ограниченную группировку из 28 глаголов (там же). Однако в целом данная группа играет весьма существенную роль, так как противопоставление «опредѣленный» - «неопредѣленный» повторяется в приставочных образованиях, и, кроме того, от «неопредѣленного вида» производится необходимый для композитивов «многократный видъ»: *нести* -> *носить* -> *нашивать* и т. д.

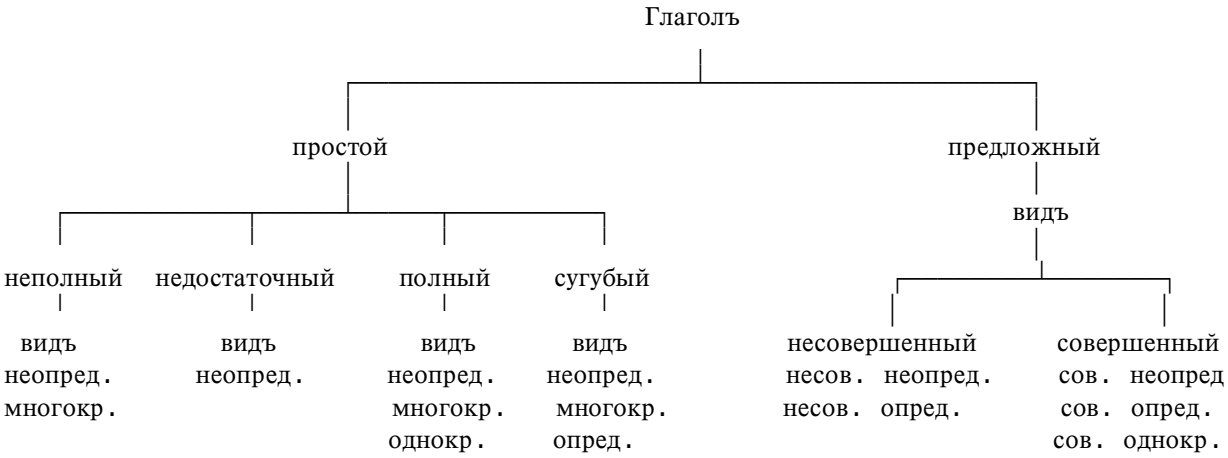
Система «начертанія» Греча проявляет структурные схемы образования глагольных видов с учетом семантических группировок глаголов. Совмещая аспектуально значимые деривационные связи между «простыми» и «предложными» глаголами, «начертаніе» представляет собой формальную и семантическую рамочную систему, в пределах которой система «видов» глагола структурируется. В отличие от всех предыдущих способов префиксации, «начертаніе» Греча служит исключительно для порождения и экспликации «видовой» системы русского глагола (с. 253)[561]. В пределах восстановленного «начертанія» явилось новое структурное и функцио-

[561] На формальном делении глаголов на «простые» и «сложные» Греч (1819: 317) настаивал уже в своей реценции на Академическую грамматику, так как «предлогъ обыкновенно придаетъ глаголу другой, посторонній смыслъ».

нальное противопоставление «глаголъ простой» - «глаголъ предложный» (с. 254), где атрибут «предложный» с новой специфической функцией передает идею приставочного глагола точнее, чем старый «глаголъ сложный», от которого Греч отказался (с. 257) (см. схему)[562].

[562] Впервые термин «предложный» (от «предлогъ») использован Ломоносовым (1755: 412) в сочетании «предложный падежъ» (Г. П. Цыганенко. Этимологический словарь русского языка. Киев 1989: 326).

Схема № 51. Система «видовъ» в «начертаніи» глаголов Греча (1827)[563]



I. Глаголъ **простой**:
неполный: видъ: неопредѣленный - *дѣлать*, многократный - *дѣлывать*
недостаточный: видъ: неопредѣленный - *имѣть*
полный: видъ: неопредѣленный - *толкать*, многократный - *талкивать*, однократный - *толкнуть*
сугубый: видъ: неопредѣленный - *носить*, многократный - *нашивать*, опредѣленный - *нести*

II. Глаголъ **предложный**:
видъ:
несовершенный - *обдѣлывать*
а) несовершенный неопредѣленный - *отталкивать*, *вынашивать*
б) несовершенный опредѣленный - *выноси́ть*
совершенный - *обдѣлать*, *возъимѣть*
а) совершенный неопредѣленный - *оттолкать*, *вы́носить*
б) совершенный опредѣленный - *вынести*
в) совершенный однократный - *оттолкнуть*

[563] См. Греч (1827: 253-255).

Особенно следует отметить тот факт, что экспозиция Греча (впервые после Рейфа) охватывает в сравнительно полном виде всю аспектуальную систему русского глагола с ее формальными и семантическими особенностями. Принципиальная значимость заключается в том, что связи деривации, особенно в образовании «предложныхъ», функционируют без участия форм системы времен.

На наш взгляд, в «начертаніи» Греча речь идет о сознательной градации **потенций** глагола. Во-первых, по чисто формальному принципу глаголы делятся на «два главных разряда»: «простые» и «предложные». Во-вторых, бесприставочные глаголы распадаются как по смыслу, так и по своим видообразующим потенциям на «полные», «сугубые», «неполные» и «недостаточные».

Самым существенным признаком в семантической классификации глаголов является «физическое дѣйствіе» «полных» глаголов. Наименьшей видообразуюшей потенцией обладают глаголы «недостаточные». Фактически «простые» глаголы состоят из двух главных разрядов, ибо «недостаточные» составляют подгруппу «неполных» и «сугубые» в свою очередь обладают частично теми же свойствами, как и глаголы «полные».

Система приставочных глаголов строится над этим базовым построением: «Глаголы предложные различаются въ начертаніи своемъ смотря по тому, отъ какихъ простыхъ оные происходятъ» (с. 254). Итак, в целостном построении «предложные глаголы» находятся в зависимом семантическом отношении от системы «простых».

Образование глаголов и «видов» Греча является первым научным описанием формирования, образования целостной системы аспектуальных форм русского глагола в русской традиции. Рассмотрим некоторые вопросы образования, освещающие аспектуальные концепции Греча. Исходным пунктом образовательного процесса («главной или коренной формой») является «неокончательное наклоненіе опредѣленнаго или неопредѣленнаго вида» простого глагола (с. 256).

По образованию глаголы являются «первообразными» (*садить*), «производными» (*умничать*) и «второобразными» (*сажать*) (256). У Греча значимыми для «вида» являются «первообразные» и «второобразные» глаголы (с. 258-269). В отличие от традиции Смотрицкого, «производные глаголы» Греча, образуемые часто от неглагольных частей речи, не являются релевантными для описания аспектуальности. Нерелевантными в этом отношении являются также глаголы «явнообразованные» (*сор-ить*) и «скрытнообразованные» (*брать*) (с. 258).

Под «второобразнымъ» понимается глагол, образованный суффиксальным или префиксальным способом от «первообразного». Так, например, «второобразные» глаголы *сажать*, *являть*, *расхаживать* «происходятъ от глаголовъ же» *садить*, *явить*, *ходить* (с. 257). В ряде случаев в пределах этого приема деривации возникают и настоящие бесприставочные видовые пары «совершенный» -> «несовершенный» (*лечь* -> *ложиться*, *стать* -> *становиться*, *дать* -> *давать*, *лишить* -> *лишать*, *рѣшить* -> *рѣшать*, *явить* -> *являть* и т. п.) (с. 263, 265). С другой стороны, «простымъ второобразнымъ глаголомъ вида однократнаго» является *толкнуть*, произведенный от простого же глагола *толкать* «вида неопредѣленнаго» (с. 263).

Так, согласно автору, «виды» простых «первообразных» и «второобразных» глаголов находятся в следующих деривационных отношениях: 1. «видъ неопредѣленный <- «видъ опредѣленный» (*носить* <- *нести*) (с. 263), (*сажать* <- *садить*), 2. «видъ многократный» <- «видъ неопредѣленный» (*дѣлывать* <- *дѣлать*, *нашивать* <- *носить*, *бирать* <- *брать*, *плетать* <- *плесть*) (с. 264), 3. «видъ однократный» <- «видъ неопредѣленный» (*толкнуть* <- *толкать*), 4. «видъ несовершенный» <- «видъ совершенный» (*ложиться* <- *лечь*, *давать* <- *дать*, *лишать* <- *лишить*, *кончать* <- *кончить*, *являть* <- *явить*) (с. 265). Так, например, *носить* - это глагол «простой второобразный вида неопредѣленного», произведенный от «простого первообразного» глагола *нести* «опредѣленного вида» (с. 263), глагол *давать* - «простой второобразный вида несовершеннаго», образованный от «простого первообразного» глагола *дать* «вида совершеннаго» (с. 263, 265).

«Второобразными» являются также «предложные глаголы», которые образуются при помощи приставки от «первообразных» (с. 267). При этом выдвигается знаменательный принцип образования «совершенного вида» от «вида неопредѣленнаго» (*писать* -> *подписать*, *гулять* -> *прогулять*, *просить* -> *распросить*, *тереть* -> *вытереть*) и «несовершенного вида» от «вида многократнаго» (*писывать* -> *подписывать*, *гуливать* -> *прогуливать*, *прашивать* -> *распрашивать*, *тирать* -> *вытирать* (там же). Примечательно, что в описании этих процессов «предлогъ» присоединяется именно «къ глаголу» и «къ виду неопредѣленному», «къ виду многократному» (там же).

Здесь следует подчеркнуть, что, несмотря на указанные случаи, в которых образование глагола (в представлении Греча) разным образом связано с «видомъ», отношение «первообразного» и «второобразного» глагола не то же, что отношения «видовъ» в системе «начертанія», посвященной описанию аспектуальной структуры.

В трактовке префиксации важно отметить, что, согласно автору, приставки придают к глаголам значение «совершеннаго» **или** «несовершеннаго вида», но то или другое значение зависит от того, к какому глаголу приставка присоединяется. Иными словами, значение того или другого «вида» префигированного глагола зависит от аспектуальной значимости исходного префигируемого глагола. Этот принцип мы видели уже в чешской традиции Росы. Таким образом, осуществляемая по «начертанію» префиксация порождает как перфективные (*оттолкать*, *оттолкнуть*), так и имперфективные (*отталкивать*) глаголы (с. 255, 267). Префиксация служит одновременно средством словообразования и видообразования, между которыми в системе Греча наличествует продуманная закономерность.

Итак, образование «совершенного вида» и «несовершенного вида» «предложного глагола» происходит следующим образом: 1. *писать* -> *подписать* 2. *писывать* -> *подписывать*. Оба процесса осуществляются в первую очередь путем префиксации «слева направо». В образовании «несовершенного вида» суффиксальная деривация принимает участие только косвенно, через образование «многократного» вида, до образования «несовершенного» (*писать* -> *писывать* -> *подписывать*). Однако идея подлинной суффиксальной имперфективации уже ощутима. Когда имперфективные и перфективные «второобразные предложные» образуются от «первообразных», то «видъ» превращается в «совершенный» (*у-далить*) или в «несовершенный» (*под-талкивать*, *раз-делять*).

Решающий момент заключается в том, что при образовании «совершенного вида» приставка может быть присоединена ко всем другим «видам», кроме «многократного», т. е. к «неопредѣленному», «опредѣленному» или «однократному». В силу этого подчеркивается грамматическая (системная) роль «многократного вида», ставшего необходимым для образования «вида несовершенного».

Подробная система деривации указывает, что глаголы «простые» и «предложные» считаются отдельными лексемами, имеющими свои «виды». При этом формы «простых» и «предложных» глаголов нигде и никогда не трактуются в одном и том же спряжении «наклоненій и временъ» (см. таблицы с. 253, 294, 301, 303, 311, 323, 326). В системе Греча образование «видовъ» является цепочечным процессом, в котором один примитив может быть исходным членом одной или многих цепей. При этом приставочные образования составляют самостоятельные лексемы, но находятся одновременно через надлежащую цепь в соотношении к исходному глаголу и его «виду».

Греч показывает ясно, что имперфективные «виды» «неопредѣленный», «опредѣленный» и «несовершенный» выступают без ограничений в трех временных планах, в то время как перфективные «виды» фигурируют только в прошедшем и будущем. «Многократный видъ» выступает только в прошедшем (с. 248, 271)[564]. Здесь заслуживает внимания сознательный прием описания, подчеркивающий возможность функционирования аспектуальных значений в разных временных планах: «дѣйствіе совершалось, совершается или будетъ совершаться», «дѣйствіе совершилось или совершится» и т. д. (с. 247).

Следовательно, по системе «начертаніе» господствующими и вместе с тем предопределяющими критериями классификации являются: 1. формальное деление глаголов («слева направо») на «простые» и «предложные» и 2. («вертикальное») семантическое распределение глаголов на «неполные», «недостаточные», «полные» и «сугубые». В этих разрядах «полные» характеризуются признаком «действіе физическое» (с. 254, 300), совершаемое живым существом, и «сугубые» - признаком «движеніе съ одного мѣста на другое» (с. 254, 303), в то время как для «неполных» и «недостаточных» глаголов характерно отсутствие указанных двух признаков (с. 294, 299). Данные семантические особенности, кажущиеся на первый взгляд весьма оригинальными, приписываются крупным глагольным классам и реализуются в способности и неспособности образования отдельных «видовъ». Например, только от «полных» глаголов возможно образование «однократного вида», что обусловливает дальнейшее образование «совершенного однократного» (с. 255, 323) (см. схему).

Главная идея признака «дѣйствіе физическое» заключается в том, что он допускает образование «однократного вида» у «полных» глаголов (с. 254), но его отсутствие препятствует образованию (служит запретом образования) «однократного вида» от глаголов «неполных», «недостаточных» и «сугубых» (см. схему). Возможно, что в признаке «дѣйствіе физическое» улавливается значение предельного глагола в его современном понимании. В связи с этим следует подчеркнуть, что характеристики «действие физическое» и «движеніе съ мѣста», выдвинутые

[564] В свете современного науковедческого исследования не соответствует действительности заявление Виноградова (1947/1972: 382), что «понятие вида у Греча откровенно и грубо смешивается с категорией грамматического времени».

впервые в «Опыте» (1811: 9, 11), относятся к глагольным лексико-семантическим классам и имеют поэтому более широкую степень абстракции, чем классификация «более грамматических» «видовъ».

Так как «неполным глаголам» недостает указанных признаков (с. 294), они имеют только два «вида»: «неопредѣленный» (*ловить*) и «многократный» (*лавливать*) (с. 294). Определение Греча «неполных глаголов» (*думать*, *любить*, *говорить*) напоминает непредельность в современной аспектологии, не допускающую перфективных форм.

В «недостаточные глаголы», которые имеют только один «видъ неопредѣленный», входят глаголы типа *блюсти*, все «начинательные», а также глаголы *имѣть*, *умѣть*, *жалѣть*, *радѣть* и т. п. Сюдя же относятся все производные на *ичать* (*полдничать*, *умничать*), а также *блудить*, *гордиться* и др. «Продолжительное дѣйствіе» означают «недостаточные» глаголы *горевать*, *бѣдствовать*, *блистать*, *винить* и т. п. (с. 299-300).

«Полные глаголы» имеют три вида: «неопредѣленный», «многократный» и «однократный» (с. 300). Например, один глагол *толкать*, называемый «полным», имеет «видъ неопредѣленный» с формами *толкать*, *толкаю*, *толкалъ*, *буду толкать*, «видъ многократный» с формами *талкивать* и *талкивалъ* и «видъ однократный» с формами *толкнуть*, *толкнулъ*, *толкну* (с. 301). В категориальной иерархии «полного» глагола *толкать* «виды» занимают вершинное и времена (и наклонения) - подчиненное положение. Количество темпоральных форм зависит от семантики «вида». Среди трех «видов» «неопредѣленный» с его полным составом темпоральных и модусных форм занимает первичную, центральную позицию. Среди всех форм исходную позицию занимает инфинитив *толкать*. Поскольку в данном случае все три вида относятся к одному «полному» глаголу *толкать*, в терминологии Греча форма инфинитива *толкнуть* определяется как «неокончательное наклоненіе однократнаго вида полного глагола» *толкать*.

В связи с образованием «предложных глаголовъ» приставки, присоединяемые к «простому глаголу», разделяются на две группы. В первую специфическую группу входят те семь «предлоговъ» (*за*, *по*, *про*, *до*, *с*, *от*, *раз-ся*), которые придают «наклоненію и времени глагола смыслъ *совершенія или несовершенія дѣйствія*» (с. 305). Здесь формулировка «совершеніе или несовершеніе дѣйствія» и приведенные примеры свидетельствуют о том, что речь идет о перфективности и имперфективности.

При этом приводится целая гамма значений, среди которых, помимо «совершенія» и «учащенія», по-видимому, не случайно выделяются все акционсартные фазы: «начатіе», «продолженіе», «довершеніе», «прекращеніе», «окончаніе дѣйствія», а также делимитативность и пердуративность. Мы укажем их здесь в сокращенном виде: 1. *за* - «начатіе дѣйствія» (*заигралъ*), 2. *по* - «нѣкоторое продолженіе» (*пописалъ*), «начатіе» (*пошелъ*), 3. *про* - «продолженіе дѣйствія въ теченіе извѣстнаго времени» (*проговорилъ цѣлый часъ*), 4. *до* - «довершеніе» (*дописалъ листъ*), 5. *с* - «совершеніе» (*сдѣлалъ*), 6. *от* - «прекращеніе, окончаніе дѣйствія» (*отобѣдалъ*), 7. *раз-ся* - «учащеніе» (*разбѣгался*) (с. 306). Так, не подлежит сомнению, что Греч сознательно выделяет общий признак «совершенія»

именно у данных семи приставок[565].

Вторая группа охватывает 21 приставку, которые «*сверхъ показанія совершенія или несовершенія дѣйствія*» вносят в значение глагола «посторонній смыслъ, заключающійся въ значеніи предлога» (*ходить* -> *входить*, *восходить*, *выходить*, *доходить* и т. д.) (с. 305). Под «постороннімъ смысломъ» (и «постороннімъ понятіемъ») (с. 206) понимается лексическое значение приставки.

«Предложные глаголы», образованные от «простых неполныхъ» имеют два «вида»: «совершенный», который образуется «изъ неопредѣленнаго вида простаго глагола» (*дѣлать* -> *обдѣлать*, *говорить* -> *уговорить*), и «несовершенный», который образуется от «многократного вида» того же простого глагола (*дѣлать* -> *обдѣлывать*, *говорить* -> *уговаривать*) (с. 310, 312)[566]. При «недостаточных» глаголах от одного «неопредѣленного вида» образуется лишь «совершенный видъ» (*имѣть* -> *возъимѣть*) (с. 255) (см. схему).

Обращают на себя внимание формулировки: «несовершенный видъ» глагола **x** образуется от «многократного вида» глагола **y**, причем инфинитив одного «вида» образуется от инфинитива другого «вида» (с. 312). Следовательно, в аспектуальной деривации Греча господствует единый принцип, по которому один «видъ» глагола производится от инфинитива другого «вида» (у бесприставочных глаголов посредством суффиксальной деривации, у приставочных - присоединением префикса к «видам» бесприставочных глаголов). Этот принцип отличается коренным образом от практики предшествующей традиции, по которой одна аспектуально-темпоральная форма образовалась от другой формы времени (см. выше). Этот принцип подтверждается примечанием автора, что *сдѣлаю* представляет собой форму будущего глагола *сдѣлать*, а не глагола *дѣлать*, имеющего свое будущее *буду дѣлать* (с. 270, 311). Итак, аспектуальное и темпоральное формообразование строго разграничиваются.

Основные принципы аспектуальной деривации Греча можно подытожить так. Общее правило построения состоит в структурном процессе «от малого к крупному» в его сопряжении с семантической установкой «от наиболее неопределенного и немаркированного к наиболее определенному и маркированному» (ср. континуум *толкать* -> *оттолкнуть*). Исходным пунктом служит «неопредѣленный видъ» бесприставочного глагола. Внутри бесприставочных глаголов «виды» образуются суффиксальным способом, в то время как «виды» приставочных глаголов образуются от соответствующмх «видов» бесприставочных («неопредѣленного», «опредѣленного», «многократного» и «однократного»). Четыре «вида» «простых» глаголов составляют деривационную и семантическую базу «видов» глаголов «предложных», ср.: 1. *нести* -> *носить*, 2. *носить* -> *нашивать*, 2а. *толкать* -> *талкивать*, 3. *толкать* -> *толкнуть*, 4. *от-талкивать*, *вы-нашивать*, *вы-носи́ть*, 5. *от-толкать*, *вы́-носить*, *вы-нести*, *от-толкнуть* (с. 255).

Поскольку «многократный видъ» необходим в образовании «несовершенного вида», он сохраняет свой статус в целостной системе. Многие «многократные» формы

[565] О «чисто видовых приставках» у Греча см. Виноградов (1947/1972: 344).

[566] Утверждение А.Н. Тихонова (1965: 93), что Греч (1827: 312) объединил в видовую пару *говорить* и *заговорить*, несостоятельно.

были осознанными автором искусственными образованиями, необходимыми для «грамматической» деривации (с. 264). Сам Греч указывает на отсутствие «многократного вида» у простого глагола, вызывающее невозможность образования «несовершенного вида предложного глагола» (с. 320). В частности, роль «многократного вида» отражается в том обстоятельстве, что от «начинательных глаголов», которые «по свойству своему» (т. е. по семантике) не имеют «многократнаго вида», возможно лишь «усѣченное» образование «несовершенного вида» на *ать*: *бухнуть* -> [*разбухнуть*] -> *разбухать* и т. д. (с. 315).

По мнению Греча, «неправильными образованиями» являются такие, как *создать* - *создавать* и др. (с. 316), которые как раз оказываются в современном смысле правильными. Список же «правильных» пар с многочисленными приставками (*внимать* - *внять*, *до-нимать* - *до-нять* и т. д.) (с. 317-319) осложняет образование аспектуальных форм самого Греча.

На двувидовость указывает замечание, что «простые совершенные» глаголы *велѣть*, *женить*, *купить*, *родить*, *рѣшить* не имеют отдельного «несовершенного вида», а «время будущее совершенное» *велю*, *женю* употребляется также в значении настоящего времени, или же «форма для выраженія» настоящего «заимствуется» у «предложного» глагола *покупаю*. Аналогично «форма прошедшаго совершеннаго» (*велѣлъ*, *женилъ*, *родилъ*, *рѣшилъ*) употребляется и для «означенія несовершеннаго вида» (с. 321). «Въ двоякомъ значеніи», т. е. в имперфективном и перфективном, употребляется также глагол *кончить* (там же).

Итак, «опредѣленные виды» «предложных глаголов» образуются от пары «сугубого» *нести* - *носить* (*вынести* - *выноси́ть*), а «неопредѣленные» - от пары *носить* - *нашивать* (*вы́носить* - *вынашивать*). Вне «сугубых» глаголов некоторые образования по определенности - неопределенности отсутствуют. Так, образованный от «полного» глагола *толкать* глагол «предложный» *оттолкать* не имеет «опредѣленных видов» («совершенного опредѣленного» и «несовершенного опредѣленного»), но имеет зато «совершенный однократный видъ» *оттолкнуть* (см. схемы).

Греч приводит исчерпывающий список «сугубых глаголов предложных» (с. 326-328), т. е. «предложных глаголов», составленных приставкой из простых «сугубых», например так: *бродить*, *ходить*, *брести*, *итти* -> «видъ несовершенный опредѣленный» (*выброди́ть*, *выходи́ть*), «совершенный опредѣленный» (*вы́брести*, *вы́йти*), «несовершенный неопредѣленный» (*выбра́живать*, *выха́живать*) и «видъ совершенный неопредѣленный» (*вы́бродить*, *вы́ходить*). В данном списке в качестве вершинных господствуют «*опредѣленный* видъ» и «*неопредѣленный* видъ», которые дублируют соответствующие простые «сугубые» (с. 326). При этом описаны по парам образования со всеми приставками, например, пара «опредѣленного вида» *выброди́ть* - *вы́брести*, *выходи́ть* - *вы́йти* и пара «неопредѣленного вида» *выбра́живать* - *вы́бродить*, *выха́живать* - *вы́ходить* (с. 326) (см. схему).

Прибегая частично к современной интерпретации, мы поясним интересную систему Греча так: простой «опредѣленный» глагол (*итти*, *брести* и т. п.) является «опредѣленным» также в составе «предложного» глагола (*вы́йти*, *вы́брести*), и производный «неопредѣленный» (*ходить*, *бродить* и т. п.) сохраняется

«неопредѣленным» в композитивах типа (*вы́ходить*, *вы́бродить*). Глагол *выходи́ть*, *выброди́ть* и т. п. является «опредѣленным», так как он представляет собой системный дериват «опредѣленного» глагола *вы́йти*, *вы́брести*, возникший в процессе: *вы́йти*, *вы́брести* -> *выходи́ть*, *выброди́ть*. Глагол *выха́живать*, *выбра́живать* «неопредѣленного несовершенного вида» образуется прямо от *хаживать*, *браживать* «многократного вида». Структурная и семантическая последовательность построения Греча состоит в том, что все глаголы «неопредѣленного несовершенного вида» маркированы финалью *ывать*, *ивать* (реже *ать*): *выхаживать*, *выбраживать*, *выбѣгивать*, *проваживать* и *провожать*, *заганивать* и т. п. (с. 326-328). Особую проницательность отражает решение, по которому и соответствующие перфективы (*вы́бродить*) остаются «неопредѣленными».

Со всеми подгруппировками грамматика Греча охватывает множество аспектуальных разрядов. Подробность аспектуальной классификации приводит к множеству «неполных» и «недостаточных» глаголов, на что сам Греч обратил внимание (с. 248, 253). Причиной данного многообразия было, естественно, неразличение вида и способа действия. Как уже говорилось, «глаголъ начинательный» (*белѣть* и т. п.) (с. 263, 269) не составляет своего «вида» и вообще не занимает особого статуса в собственно аспектуальной системе.

Своеобразие описания Греча проявляется в том, что в его метаязыке не фигурируют сочетания типа «однократный глаголъ» и «глаголъ однократнаго вида», «глаголъ совершеннаго вида», но аспектуальный атрибут, как правило, присоединяется к слову «видъ», т. е. применяется формула: «**x**-ный видъ **x**-го глагола». (ср. «неопредѣленный и многократный виды полнаго глагола») (с. 301). Говоря иными словами, у Греча нет и не может быть сочетаний, в которых аспектуальный атрибут примыкал бы к слову «глаголъ». Эта терминологическая последовательность обусловлена тем, что в системе Греча **один глагол** имеет один или более «видов» (максимальное количество три «вида» имеют простой «полный» глагол и простой глагол «сугубый»). Атрибут может выступать также при названии инфинитива: «однократное неокончательное наклоненіе», «неокончательное неопредѣленное» (с. 301), «неокончательное многократное наклоненіе» (с. 312) и т. д. Единственное исключение составляет термин «простые совершенные глаголы» (с. 320). Общей картины не меняет также трехкомпонентный термин «глаголъ самостоятельный неопредѣленный» (*быть*) (с. 242).

Вместе с тем в метаязыке Греча аспектуальные атрибуты, как правило, не присоединяются к слову «время». Для грамматики Греча характерно, что в ней отсутствуют списки отдельных темпоральных форм с терминами «прошедшее неопредѣленное», «прошедшее совершенное» и т. п. Так, аспектуальный атрибут полностью обособился от слова «время».

В описании аспектуальной системы русского языка Николай Греч первым делает серьезную попытку классифицировать глаголы по их абстрактным *акциональным* свойствам («полные» и «неполные» глаголы с их различительным признаком «физического действия» и «сугубые» глаголы «движенія»), которые предопределяют возможность и невозможность образования «видов» отдельных глаголов. Так, необходимо признать, что система образования и структурирования «видов» Греча, с его необходимым «начертаніемъ», свидетельствует о проницательной способности соединить и согласовать сложнейшие структурные и семантические

элементы в пределах целостного построения, охватывающего всю глагольную систему русского языка[567].

Своей бинарной структурой вида «предложного глагола», поддерживаемой «несовершеннымъ» и «совершеннымъ» видом «простыхъ совершенныхъ» (с. 320), система Греча составляет полную противоположность системе Таппе и Болдырева. Примечательно также, что в грамматику Греча более не входят «глаголъ учащательный»[568] и «видъ ограниченный».

Несмотря на существование «вида несовершенного» (глагола **x**), система Греча не знает «несовершенного глагола». Так, одним из парадоксов и несколько неожиданным результатом оказался тот факт, что после значительной инновации Борна (1808) сочетание «несовершенный глаголъ» не нашло места в системах и в грамматическом метаязыке рассматриваемого нами периода.

9.2. «Виды глагола» в представлении Александра Востокова (1831)

1. Ровно сто лет спустя после грамматического очерка Адодурова истинный языковед, будущий академик Александр Христофорович Востоков (1781-1864), принимавший участие уже в составлении учебника Борна и написавший «Разсмотрѣніе» «Опыта» Греча, издал в Петербурге весьма солидную «Русскую грамматику» (408 с.).

В качестве своих источников Востоков (1831: IV-V) упоминает только три грамматики Греча (1827, 1827а, 1828а) и учебник Пухмайера (1820)[569]. Этим и объясняются и некоторые нюансы немецкого описания русской грамматики в аспектуальной терминологии Востокова. В ходе анализа обнаружилось, что определенную связь терминология Востокова имеет также с Орнатовским (1810).

Востоков не употребляет слова «форма», и у него нет термина «части рѣчи». Возможно, что «*разряды* словъ» Востоков (1831: 4) ввел в силу того, что слово «видъ» занято в качестве аспектуального термина. Слова каждого разряда «бываютъ *первообразныя* или *производныя*» (там же). Четвертым «разрядомъ словъ» является «глаголъ», который выражает «дѣйствіе или состояніе» (с. 97). Особую роль в метаязыке Востокова приобретают «перемѣны окончаній», которые

[567] Несмотря на свою полемику, Виноградов (1947/1972: 382) признает роль Греча в утверждении термина «вид» и ряд его инноваций в русской грамматике. Однако нельзя согласиться с мнением, что «взгляды Греча не оказали большого влияния на дальнейшую разработку учения о виде» (там же). В свете одной лишь распространенности в России и интернационального характера его грамматик и пособий на иностранных языках, возникших в сотрудничестве с Рейфом (см. библиографию), взгляды Греча имели весьма большое, недооцененное до сих пор влияние на дальнейшее развитие русской грамматической науки как в России, так и за границей.

[568] Любопытно, что «учащательный видъ» выступает еще у Даля (IV: 528): «Учаща́тельное... означающий повторенье действия: поглядывать, покрикивать и пр.»; и даже у Ушакова (IV: 1036) с пометой «грамм. устар. частое, повторяемое действие (о виде глагола), У. вид».

[569] Грунский (1910: 81) указывает Пухмайера и Добровского в качестве источников Востокова.

служат для выражения отдельных глагольных категорий, в том числе «вида» (с. 6, 100)[570].

2. В первом общем определении основными содержательными признаками «вида глагола» указываются «продолженіе, свершеніе и повтореніе дѣйствій», которые выражаются в первую очередь «перемѣнами въ окончаніяхъ и въ составѣ» глагола (с. 100). Может быть, слова «свершеніе» (там же) и «совершеніе» отражают стремление различить перфективность и общее протекание действия («дѣйствіе въ самомъ совершеніи» (с. 101) (ср. «свершеніе» впервые у Борна).

Не оспаривая самостоятельности русской терминологии Востокова, мы констатируем, однако, что в литературе на немецком языке «продолженіе, свершеніе и повтореніе дѣйствій» имеют точные аналоги «Fortdauer», «Vollendung» и «Wiederholung der Handlungen» (см. приложение). Идея о «начале», «продолжении» и «конце» действия может восходить к «Anfang, Dauer und Ende» во всеобщей грамматике Фатера (1801: 208) и далее к «Anfangspunkt», «Mittelpunkt», «Endpunkt» у Бернхарди (1805: 158 и сл.).

По описанию Востокова, русский «видъ» представляет собой флективную категорию, которая в плане выражения относится к таким же категориям, как и «наклоненіе», «время», «число», «лице» и «родъ» (с. 100). По-видимому, неслучайно в описании глагольных категорий, выражаемых «перемѣнами окончаній», «видъ» занимает первое место. Центральные аспектуальные концепции Востокова заключаются в нижеследующем несколько сокращенном нами тексте: «Виды суть *неокончательный*, *совершенный* и *многократный*» (с. 100).

> «I. **Неокончательный** видъ показываетъ дѣйствіе, безъ означенія начала и конца оному; напр. *хвалить*, *хвалю*, *хвалилъ*, *буду хвалить*, *кидать*, *кидаю*, *кидалъ*, *буду кидать*, *иду*, *хожу*, *пою*. Глаголы сего вида бывают *опредѣленные* и *неопредѣленные*. Въ первомъ случаѣ неокончательный видъ показываетъ дѣйствіе въ самомъ совершеніи онаго; напр. *читаю*, *пишу*, т. е. занимаюсь теперь чтеніемъ или писаніемъ; во второмъ случаѣ оный показываетъ дѣйствіе, какъ бы отвлеченное, разсматриваемое не во время совершенія, также привычку и способность къ дѣйствію; напр. *читаю*, *пишу*, т. е. имѣю обыкновеніе читать или писать, умѣю читать или писать, и пр. *Опредѣленность* и *непредѣленность* вида неокончательнаго различается особыми перемѣнами буквъ въ глаголахъ, означающихъ движеніе съ мѣста и нѣкоторыя дѣйствія, къ зрѣнію и слуху относящіяся. Неопредѣленные глаголы [*ходить*] сихъ значеній производятся отъ опредѣленныхъ [*идти*].
> II. **Совершенный** видъ показываетъ дѣйствіе, съ означеніемъ, что оно начато или кончено. Въ первомъ случаѣ глаголы совершенные называются *начинательными*, каковы суть: *стану хвалить*, *стану кидать*, *пойду*, *запою́*. Во второмъ случаѣ, *окончательными*, каковы суть: *похвалить*, *кинуть*, *дойти*, *пропѣть*. Глаголы совершеннаго окончательнаго вида подраздѣляются на *длительные* и *однократные*. *Длительнымъ* называется глаголъ, показывающий дѣйствіе, конченное въ нѣсколько пріемовъ или въ нѣкоторое продолженіе времени; напр. *похвалить*, *похвалю*, *похвалилъ*; *дойти*, *дойду*, *дошелъ*; *пропѣть*, *пропою́*, *пропѣлъ*. *Однократнымъ* называется глаголъ, показывающій дѣйствіе, конченное однимъ движеніемъ; напр. *кинуть*, *кину*, *кинулъ*.

[570] Заметим кстати, что метаязык Востокова не знает слова «подвидъ». Ср. Андерссон (1972: 21). Выступающее у Крыгина (1889: 512, 515) и получившее в свое время широкую популярность слово «подвид» употребляется еще в учебнике «Современный русский язык», Москва (1971: 241).

> III. **Многократный** видъ показываетъ дѣйствіе, повторенное нѣсколько разъ; напр. *хва́ливалъ*, *ки́дывалъ*, *ха́живалъ*, *пева́лъ*» (с. 100-102).

Под «глаголами опредѣленными» и «неопредѣленными», составляющими «подраздѣленія» «неокончательного вида», подразумеваются в основном современные однонаправленные и неоднонаправленные глаголы движения (*идти* - *ходить*, *ѣхать* - *ѣздить*, *вести* - *води́ть* и т. п.), а также такие, как *вѣсить* - *вѣшать*, *мѣрить* - *мѣрять*, *ви́дѣть* - *вида́ть* (13 пар глаголов). Особым признаком этих глаголов является «движеніе съ мѣста» и обозначение действий «къ зрѣнію и слуху относящихся» (с. 101). Данные группы находятся в словообразовательном отношении *идти* -> *ходить* (там же), моделью которого послужил способ деривации глаголов движения, отмеченный у Добровского, Пухмайера и др.

С другой стороны, оппозиция определенность - неопределенность могла выражаться, в зависимости от ситуации (актуальной или неактуальной), вообще употреблением «неокончательных» глаголов; когда неактуальное и нелокализованное действие означало, в частности, «привычку», «способность», «умение» или вообще хабитуальность: *имѣю обыкновеніе читать*, *умѣю читать или писать* (с. 101). Ср. «способность» и «обыкновеніе» впервые у Греча.

Впервые после Смотрицкого «начинательный», возникший в согласованности с признаком «начала», приобретает статус грамматического «вида» (с. 102). Однако «видъ начинательный» Востокова отличается коренным образом от сравнительно ограниченной группы глаголов Смотрицкого. Фактически «начинательный» Востокова с его ингрессивным значением имеет мало общего с инхоативным значением «начинательного» всей предшествующей традиции (см. выше). Примечательно также, что Востоков единственный грамматист, который трактует аналитическую конструкцию (*стану хвалить*) как целостную акционсартную единицу с довольно высоким грамматическим статусом регулярности[571].

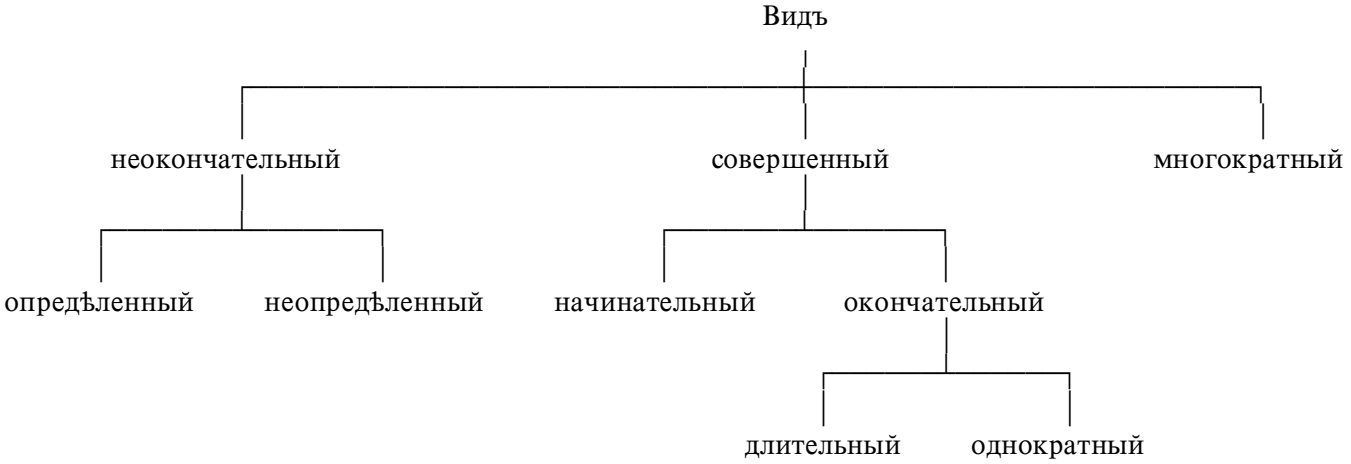
Два перфективных (акционсартных) разряда «начинательный» и «окончательный» представляют собой новшество. При этом выделяются еще два перфективных глагола, «длительный» и «однократный». Здесь новый атрибут «длительный» парадоксально оказывается термином в сфере совершенного вида. Так, при помощи «длительного» одно перфективное действие дифференцируется от другого перфективного - «однократного» - в сфере квантитативной ветви «совершенного окончательного вида». Само собой разумеется, что здесь речь идет об акционсартных различиях внутри перфективного «вида», весьма искусно классифицируемых Востоковым в пределах целостной аспектуальной системы.

И у Востокова мы находим *добавочный аспектуальный атрибут*, который специфицирует первичную характеристику «вида», например: «совершенный начинательный» (с. 206), «совершенный окончательный» (с. 146, 206) и т. д. Все возможные комбинации в тексте не реализуются, но в принципе возможны также «неокончательный неопредѣленный» (*ходить*), «неокончательный опредѣленный» (*идти*) и даже трехкомпонентный термин «совершенный окончательный однократный» (*кинуть*).

[571] За эту особенность Востокова упрекали Крыгин (1889: 513) и Вейсман (1899: 115).

Основная система Востокова состоит из трех «видовъ» глагола: «неокончательный», «совершенный», «многократный». Кроме «многократного», они имеют подклассы, называемые «подраздѣленіями» (см. схему). «Двумя главными видами» считаются «неокончательный» и «совершенный» (с. 203).

Схема № 52. Видовая система Востокова (1831)[572]



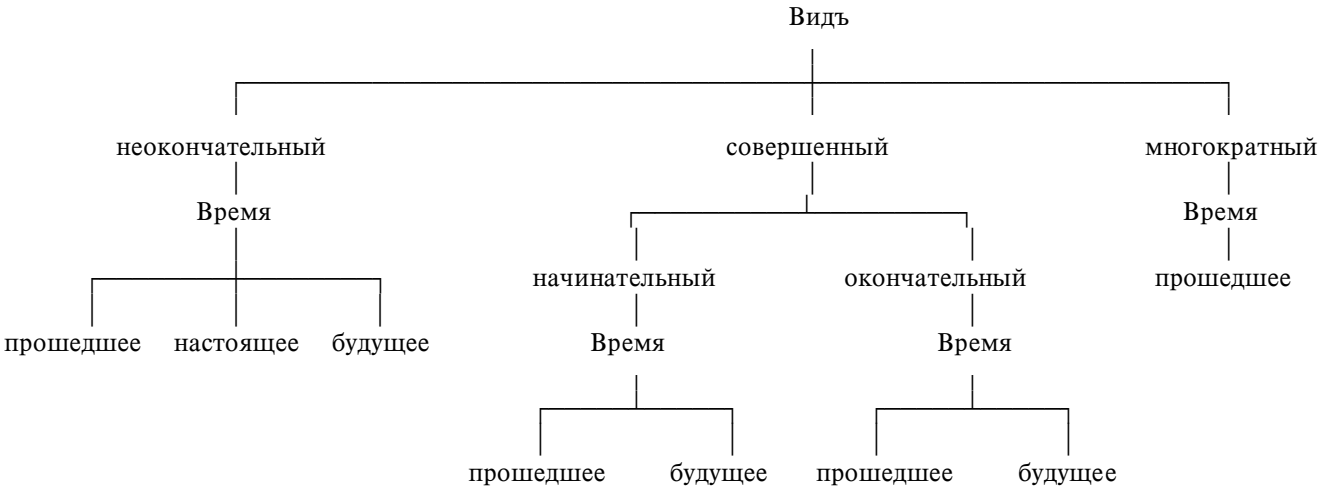
Видъ:
1. **Неокончательный**: - *хвалить, кидать, пребывать*
а) опредѣленный - *читаю, пишу (теперь); идти, ѣхать, вѣсить*
б) неопредѣленный - *читаю, пишу (имѣю обыкновение, способность); ходить, ѣздить, вѣшать*

2. **Совершенный**:
а) начинательный - *стану хвалить, стану кидать, пойду, запою*
б) окончательный:
б1) длительный - *похвалить, дойти, пропѣть, перекида́ть*
б2) однократный - *кинуть, поимать*

3. **Многократный**: - *хва́ливалъ, ки́дывалъ, ха́живалъ, пѣва́лъ*

[572] См. Востоков (1831: 100-102), таблица (с. 206).

Схема № 53. Темпоральная система Востокова (1831)[573]



Неокончательный:
1. настоящее - *читаю*, *говорю*
2. прошедшее - *читалъ*, *говорилъ*
3. будущее - *буду читать*, *буду говорить*

Совершенный начинательный:
4. прошедшее начинательнаго вида - *сталъ читать*, *сталъ говорить*
5. будущее начинательнаго вида - *стану читать*, *стану говорить*

Совершенный окончательный:
6. прошедшее окончательнаго вида - *прочелъ*, *проговорилъ*
7. будущее окончательнаго вида - *прочту*, *проговорю*

Многократный:
8. прошедшее (давнопрошедшее) - *чи́тывалъ*, *гова́ривалъ*

---

[573] См. Востоков (1831: 103-104).

В базовой трехчленной системе Востокова первичное противопоставление составляют «видъ неокончательный» и «видъ совершенный», а «видъ многократный» занимает второстепенный, но все же слишком видный статус, поддерживаемый необходимостью приемов дериваций. Востоков сознательно отказался от дихотомии «совершенный» - «несовершенный», сложившейся постепенно в русской традиции, особенно в период после Академической грамматики. Она ни в каком контексте не употребляется в рассматриваемой грамматике[574]. Однако в основном терминология Востокова, в которой интересным нововведением является «длительный», опирается на сложившуюся русскую традицию.

В непосредственно предшествующей традиции термины «опредѣленный», «неопредѣленный», «совершенный», «начинательный», «однократный» и «многократный» Востокова выступают в грамматике Греча (1827), а термины «неокончательный» и «окончательный» мы видели у Никольского (1830). Единственное нововведение «длительный» может восходить к «Dauer», «Währung», «während» у Пухмайера (1820) и др. (см. приложение). Существенное функциональное различие в употреблении «неокончательного» и «окончательного» состоит в том, что у Никольского данный термин обозначает аспектуальную характеристику формы времени, а у Востокова он является атрибутом слова «видъ» (глагола).

Несмотря на то, что «неокончательное» и «окончательное» выступают у Орнатовского (1810) и Никольского (1830), новые сочетания «неокончательный видъ» и «окончательный видъ» оказываются инновациями Востокова, которые, однако, не привились в русской грамматической традиции[575]. Возможно, что указанные атрибуты Востокова отражают непосредственно «vollendet» и «unvollendet» Добровского и Пухмайера, причем не исключено, что на фоне «неокончательного» фигурирует «unvollendet», выступающий в описании русских языковых фактов начиная с Хайма (1789: 167).

Аспектуальная характеристика Востокова содержит следующие основные элементы: 1. фазовая (фактически акционсартная) аспектуальность начала, продолжения и конца (прекращения) в сопряжении с «свершеніемъ» (с. 100), ср. «начато или кончено» (с. 101). 2. определенность и неопределенность (там же). Помимо них, используются также количественные признаки «повторенія» (с. 100), «многократно», «неоднократно» (с. 104), «въ нѣсколько пріемовъ», единичности «однимъ движеніемъ» (с. 102) и таксисный элемент предшествования одного действия другому (с. 103, 110).

Среди содержательных экспликаций наблюдаются обороты, введенные Гречем: «движеніе съ мѣста» (с. 146), «однимъ движеніемъ» (с. 102), «дѣйствіе физическое», «движеніе физическое» (с. 192) и некоторые другие.

Противопоставление «опредѣленный» - «неопредѣленный» содержит значительный

[574] О «видах» Востокова см.: Мазон (1913: 360-361), Виноградов (1947/1972: 382). На «начало», «середину» и «конец» трех «видов» Востокова указывал еще Б.Н. Головин (1950: 258, 263). Фонтен (1983: 19) отмечает неточно термин «несовершенные» как параллель «неокончательных» глаголов у Востокова.

[575] Однако недавно «окончательный» появился как акционсартный атрибут в книге: H. Mulisch, «Handbuch der russischen Gegenwartssprache» (1996: 180) «Die *egressive* oder *finitive* Aktionsart (оконча́тельный спо́соб де́йствия)», *отобе́дать* «das Mittagessen beenden».

отличительный признак актуальности - неактуальности в сфере имперфективного действия (с. 101).

По способу описания аспектуальных и темпоральных парадигм можно заключить, что такие формы, как *читаю*, *читалъ*, *буду читать*, *прочелъ*, *прочту*, *читывалъ*, а также *сталъ*, *стану читать* (с. 104) являются представителями одной лексемы у Востокова. За исключением случаев дефектности, парадигматика инфинитива включает всегда ряды трех «видовъ»: «неокончательного», «совершенного» и «многократного»: *хвалить*, *похвалить*, *хваливать* (с. 103). Если верно мнение, по которому видовые формы у Востокова соотносительны («принадлежат к формам одного глагола»)[576], то наглядные примеры Востокова *хвалить*, *стану хвалить*, *похвалить* и *хваливать* (с. 100-102) репрезентируют один и тот же глагол *хвалить*.

3. Востоков отчетливо различает три дейктических временных плана, но его определение времен содержит также аспектуальные и таксисные элементы. Времена определяются в сопряженности с аспектуальностью, но не смешиваются с ней. Особо выделяется протекание действия «во времени». Выражение «дѣйствіе начинается или продолжается или прекращается, или предшествуетъ другому дѣйствію» (с. 103), помещенное сознательно в контекст описания времени, содержит лексические экспликации основных аспектуальных признаков в представлении Востокова:

> «Всякое дѣйствіе или состояніе происходитъ во времени и относится либо къ настоящему, либо къ прошедшему, либо къ будущему времени. Въ прошедшемъ и въ будущемъ, дѣйствіе можетъ быть показано *неопредѣленно* или же *съ опредѣленіемъ*, что дѣйствіе начинается или продолжается или прекращается, или предшествуетъ другому дѣйствію. Означеніе всѣхъ сихъ отношеній при глаголѣ называется *временами* глагола» (с. 103).

В системе Востокова каждый глагол определенного «вида» имеет отдельные времена. Однако при темпоральной системе «длительный» и «однократный» отдельно не отмечаются. Таким образом, из классификации «видовъ» вытекает, что в пределах одного глагола (*хвалить*, *похвалить*, *хваливать*) существует как бы множество разных темпоральных форм. Однако, несмотря на то, что сам Востоков указывает на «восемь временъ» (с. 103) и еще «бóльшее число временъ» в страдательном залоге (с. 104), он не использует (его система не допускает) сложных комбинированных темпорально-аспектуальных названий.

Зависимость времени от семантики «вида» указывается особой формулировкой, по которой в пределах определенного залога определенное количество времен существует «для такого-то вида». Например, в нестрадательных залогах «для вида неокончательнаго» есть три времени (настоящее, прошедшее, будущее), «для вида совершеннаго начинательнаго» и «для вида совершеннаго окончательнаго» есть по два времени (прошедшее и будущее), «для вида многократнаго» существует одно лишь прошедшее время (с. 103-104). Следовательно, несмотря на сложность описания и эксплицитное указание количества времен, определение отношения «вида» и «времени» Востокова в принципе не отличается от концепции Греча.

[576] См. Виноградов (1947/1972: 382), который ссылается на восьмое издание (1851, 1852) грамматики Востокова.

По-видимому, выражение «прошедшее **x**-го вида» Востокова отражает как раз отказ от старых терминов типа «прошедшее многократное». Как видно из нашей схемы, и Востоков выделяет только три времени, реализация которых зависит от «вида» глагола. Следовательно, мнение о восьми временах у Востокова без учета подлинной мысли автора ведет к искажению его концепций[577].

Востоков принимает «давнопрошедшее» как вариант «прошедшего многократнаго вида». Согласно автору, это время называется «*давнопрошедшимъ*» потому, что оно употребляется только тогда, когда говорится «о многократномъ дѣйствіи, проходившемъ *давно*, т. е. болѣе, нежели за недѣлю или даже за мѣсяцъ» (*читывалъ*). Вне ситуации давности говорят *читалъ неоднократно* (с. 104)[578]. У Востокова нет термина «прошедшее многократное».

Несмотря на одиннадцать страдательных времен (с. 104), общий принцип трех времен не нарушается, так как их число и значения обусловливаются аспектуальными и залоговыми факторами. Это видно из того факта, что они описываются автором по таким же принципам, как и времена действительного залога. Так, «для вида неокончательнаго» имеется шесть времен, «для вида совершеннаго» - три времени и «для вида многократнаго» - два времени. При этом «дѣйствіе продолжаемое» выражается причастием настоящего времени (*чита́емъ*) и «дѣйствіе прекращаемое» - причастием прошедшего времени (*чи́танъ*, *прочтенъ*, *чи́тыванъ*) (с. 109). Как видно, в данном случае различие форм *чита́емъ*, *прочтенъ* и *чи́тыванъ* вытекает из трех главных «видов» Востокова. Из одиннадцати времен мы приведем здесь в качестве примера только четвертое - «прошедшее прекращаемаго дѣйствія, опредѣленное, въ коемъ показывается дѣйствіе, предшествующее другому дѣйствію» (*чи́танъ былъ*, или *бывалъ*) (с. 110) (см. также приложение). Вообще описание времен страдательного залога свидетельствует о тонком познавательном анализе русских языковых фактов.

Обозначения «прошедшее опредѣленное» *читыванъ, тве́рживанъ былъ* и «прошедшее неопредѣленное» *чи́тыванъ, тве́рживанъ (есть)* «вида многократнаго» (с.110) являются мало обоснованными исключениями в целостной системе Востокова. Подобные сочетания не выступают в описании форм действительного залога.

4. Рассмотрим некоторые вопросы деривации, связанные с описанием аспектуальных характеристик. Когда Востоков производит глаголы, он сперва образует имперфективные, потом перфективные глаголы.

А. Имперфективные приставочные *глаголы* образуются «приставкою предлога» от других имперфективных же *глаголов*. Имперфективы, как бесприставочные (*кидаю*), так и приставочные (*покидаю*) отчетливо называются «глаголами неокончательнаго вида» (с. 141). Так, эти глаголы «сложные неокончательнаго вида» производятся трояким образом в пределах трех «отдѣленій». Глаголы *первого отделения* производятся присоединением приставки к «простому неокончательному виду безъ перемѣны окончанія»: «глаголъ простой» -> «глаголъ сложный» (*быва́ю* -> *пребыва́ю*, *враща́ю* -> *возвраща́ю*, *дѣва́ю* -> *задѣва́ю*, *кида́ю* -> *покида́ю*, *пуска́ю* -> *отпуска́ю*, *даю* -> *издаю*, *ношу* -> *приношу* и т. д.) (там же).

[577] См. Виноградов (1947/1972: 382).

[578] Ср. сюда Виноградов (1947/1972: 431).

Глаголы *второго отделения* производятся «отъ многократнаго вида глаголовъ простыхъ»: «многократный видъ» - «глаголъ сложный неокончательный» (*чи́тывалъ -> вычи́тываю*, *зыва́лъ -> призыва́ю*) (с. 142). В *третьем отделении* глаголы производятся «особенною перемѣною [окончаній] простаго неокончательнаго вида»: *слабѣю*, *слабѣть -> ослабѣваю*, *вѣнчаю*, *вѣнчать -> увѣнчава́ю* и *увѣнчева́ю*, *бѣгаю -> убѣга́ю*, *мѣряю -> измѣря́ю*, *кида́ю -> скида́ю*, *дви́жу*, *дви́гать -> выдвига́ю*, *выдвига́ть*, *кли́чу*, *кли́кать -> откликáю*, *откликáть*, *цѣню -> оцѣняю*, *вожу́*, *води́ть -> провожа́ю*, *провожа́ть* и т. д. (с. 143-144).

У ряда глаголов второго отделения есть еще отдельный «многократный видъ» *призы́вывалъ*, *сти́рывалъ* (с. 143), т. е. *призы́вывалъ* является «многократнымъ видомъ» «сложного глагола» *призывать* «неокончательнаго вида». Может быть, подобный «многократный» возник под влиянием «фреквентативов пятой формы» Пухмайера (1820: 157) (см. выше).

Все три способа образования порождают приставочные имперфективные формы глагола. При образовании приставочного «сложного» глагола «предлогъ» имеет *постоянное* лексическое значение. Два первых «отдѣленія» представляют чистую префиксацию, третье - префиксально-суффиксальный способ образования («перемѣною окончаній»). Во втором «отделении» трудности образования вытекают из отсутствия «многократного вида» у многих глаголов. Особенно в третьем «отделении» показательны трудности, вызываемые «неправильным» направлением деривации. Во всех «отдѣленіяхъ» имперфективные «глаголы сложные неокончательные» производятся от глагола «неокончательного» или «многократного вида» без какого-либо участия перфектива: 1. *быва́ю -> пребыва́ю*, *даю -> издаю*, 2. *зывалъ -> призываю*, 3. *слабѣю -> ослабѣваю*, *мѣряю -> измѣря́ю* и т. д.

Б. Приставочные перфективы «глаголы совершенные начинательные» («совершенный начинательный видъ») производятся двояким образом: 1. аналитическим сочетанием вспомогательнаго глагола *стать*, *сталъ*, *стану* и инфинитива глагола «неокончательнаго вида» (*стану хвалить* и т. д.). 2. присоединением приставок *возъ*, *за* и *по*, означающих «начало дѣйствія», к «простому неокончательному виду» (*дремать -> воздремать*, *задремать*, *играть -> заиграть*) (с. 144 - 146).

При этом Востоков остроумно различает значение «непроизвольного» (т. е. неконтролируемого) действия, выражаемое указанными приставками (*Румянецъ заигралъ на щекахъ*), и значение «произвольного» (т. е. контролируемого) действия, которое «показываетъ *собственную волю* начинающаго» и которое выражается аналитическим сочетанием (*Ребенокъ сталъ играть*). К этому автор применяет меткую характеристику «начинательный видъ произвольнаго дѣйствія» (с. 145).

При образовании «начинательного вида» приставки *возъ*, *за* и *по* соединяются только с глаголами, означающими «тѣлесное и душевное движеніе, слуху, обонянію и внутреннему чувству подлежащее» (с. 145). Исключительно тонко Востоков определяет начинательную функцию «предлога» *по* в соединении с глаголами однонаправленного движения: «Предлогъ *по* показываетъ начало движенія поступательнаго, или движенія съ *мѣста*, въ одномъ направленіи». Ср. «движеніе, простирающееся въ одномъ направленіи» (с. 146). Этими признаками характеризуются глаголы: *брести*, *бѣжать*, *валить*, *везть*, *вести*, *влечь*, *гнать*,

катить, *лѣзть*, *летѣть*, *нести*, *плыть*, *ползти*, *тащить*, *ѣхать*, *мчать*, *мчаться* и т. д. (там же).

В. «Совершенный окончательный видъ» производится или «приставкою предлога къ простому неокончательному виду безъ перемѣны окончанія» (т. е. по «предлогу»), или «перемѣною окончаній простаго или сложнаго неокончательнаго вида» (с. 146) (т. е. по «окончанію»).

В первом случае возникают «чистые» предложные пары: бесприставочный - приставочный: *видѣть* - *завидѣть*, *увидѣть* (с. 155). См. обширный «списокъ глаголовъ совершенныхъ по предлогамъ» (с. 151-191), содержащий подробные сведения об аспектуальных характеристиках «совершенных», ср.: «глаголъ простой» *алка́ть* -> «соверш. начинательный» *взалкать* (с. 151), *а́хать* -> «сов. начин.» *за-ахать* и «сов. оконч.» *по-ахать*, *про-ахать*, *яснѣть* -> «соверш. окончательный» *по-яснѣть* (с. 191). Как видно, список охватывает глагольные пары без вторичной имперфективации, о чем говорилось выше. Во втором случае образуются суффиксальные пары: *ахать* - *ахнуть* (с. 193), *спрашивать* - *спросить* (с. 199), *закидывать* - *закинуть* (с. 201). «Совершенные» глаголы этой группы называются «короче» «глаголами *совершенными по окончанію*». Сюда входят бесприставочные «глаголы однократные» и «глаголы простые совершенные» и приставочные «глаголы сложные совершенные» (с. 192)

При составлении «совершенного окончательного вида» приставка имеет «*временную*» функцию. «Временно приставляемыми предлогами» являются: *вз*, *вы*, *до*, *за*, *из*, *на*, *о*, *отъ*, *пере*, *по*, *подъ*, *при*, *про*, *разъ*, *съ*, *у*: *взволновать*, *вы́сушить*, *докопа́ть*, *заплати́ть*, *изодра́ть*, *написа́ть*, *осѣдла́ть*, *отпраздновать*, *переночева́ть*, *подожда́ть*, *пригоди́ться*, *продли́ть*, *развесели́ть*, *сдѣлать*, *уви́дѣть* (с. 147).

Среди значений этих «предлогов», характеризующих как «глаголы окончательнаго вида», так и «глаголы неокончательные» (с. 147) для нас представляют интерес: завершение действия и достижение цели («приведеніе къ концу или къ цѣли») у приставки *до* (*доконать*, *домыслить*), значение «много» приставки *на* (*накричать*) (с. 148), «окончаніе дѣйствія продолжительнаго» приставки *отъ* (*отслужить*, *отработать*), делимитативное значение приставки *по* («продолженіе дѣйствія чрезъ неопредѣленное время») (*посидѣть*, *походи́ть*, *пораб*о́*тать*), которое отличается от пространственного значения («въ отношеніи къ пространству»), в котором *по* значит «совершеніе дѣйствія» (*поставить*, *показать*) (с. 149). Пердуративное значение «продолженіе дѣйствія до опредѣленнаго конца или чрезъ опредѣленное время» выражает «предлогъ» *про* (*пролежать день*) (с. 150). Любопытно, что значение «совершенія дѣйствія» дается как первичное для приставок *съ* (*состроить*) и *у* (*увидѣть*, *уморить*) (там же).

Вслед за Гречем, «однократные» на *ну*, *нуть* производятся от «неокончательныхъ» глаголов, означающих «дѣйствіе физическое» (точнее: «дѣйствіе, соединенное съ движеніемъ видимымъ или слышимымъ»): *че́рпаю* -> *черпну́*, *колю* -> *кольну*, *дую* -> *дуну* (с. 192). Ср. также «движеніе физическое» (там же). См. список *ату́кать* -> *ату́кнуть*...*ю́ркать* -> *ю́ркнуть*, который содержит 200 с лишним глаголов (с. 193-196). Вместе с тем оговаривается, что «совершенные» глаголы типа *минуть*, *обмануть* не являются «однократными», так как них «буква

н» не относится к окончанию, а к «корню» (там же).

Описывая «простые совершенные глаголы», которые без «предлога» и без «однократнаго окончанія на *нуть*» выражают «дѣйствіе конченное», Востоков, видимо, совершено сознательно составляет довольно объемную группу правильных видовых пар. Это единственный случай и единственная группа глаголов, в которой осуществляется правильная деривация имперфектива в порядке: «простой совершенный глаголъ» -> «простой неокончательный глаголъ» (с. 196). Здесь впервые с указанием способа и средства деривации и сверх того в правильном направлении осуществляется суффиксальная имперфективация, порождающая подлинно соотносительные видовые формы. Описывая процесс внутри образования «глаголов совершенных», Востоков как бы по необходимости нападает на след правильной имперфективации: *благословлю́* -> *благословля́ю*, *бро́шу* -> *броса́ю*, *дамъ* -> *даю́*, *дава́ть*, *дѣну* -> *дѣва́ю*, *ко́нчу* -> *конча́ю*, *куплю́* -> *покупа́ю*, *лишу́* -> *лиша́ю*, *паду́*, *пасть* -> *падаю*, *падать*, *плѣню́* -> *плѣня́ю*, *прощу́* -> *проща́ю*, *пущу́* -> *пуща́ю*, *пуска́ю*, *рожу́*, *роди́ть* -> *рожа́ю*, *рожда́ю*, *рѣшу́* -> *рѣша́ю*, *свобожу́* -> *свобожда́ю*, *скочу́*, *скочи́ть* -> *скачу́*, *скака́ть*, *стрѣлю́*, *стрѣли́ть* -> *стрѣля́ю*, *стрѣля́ть*, *ступлю́* -> *ступа́ю*, *хвачу́*, *хвати́ть* -> *хвата́ю*, *хвата́ть*, *явлю́* -> *явля́ю* (с. 196-197). Ср. сюда Греч (1827: 265), а также порядок образования *бросаю* -> *брошу* в предшествующей традиции. Сюда же относятся три глагола «простые совершенные средняго залога»: *стану* - *становлю́сь*, *ся́ду* - *сажу́сь*, *ля́гу* - *ложу́сь* (с. 197), заимствованные глаголы «совершенный видъ» *атаку́ю* - «неокончательный видъ» *атако́вываю*, *конфирму́ю* - *конфирмо́вываю* и некоторые другие.

По мнению Востокова, значение ряда «простых совершенных» (*бро́сить*, *да́ть*, *дѣть*, *пасть*, *пустить*, *скочить*, *стрѣлить*, *ступи́ть*, *хватить*) является «совершенно сходнымъ» с «глаголами однократными», которые означают «дѣйствіе физическое, однимъ движеніемъ совершаемое» (с. 198).

Посредством «перемѣны окончанія» «сложные глаголы совершенные» образуются двумя способами. Если сложный глагол «неокончательного вида» (*проходить*) содержит глагол «неопредѣленный» (*ходить*), для образования «совершенного вида» (*пройти*) «неопредѣленный» глагол превращается в глагол «опредѣленный» (*итти*) (с. 199). Если же в «сложном неокончательном виде» имеется «производный глаголъ» на *ываю*, *ѣваю*, *аю*, *яю* (*приз-ываю*, *ослаб-ѣваю*, *позн-аю́*, *оцѣн-я́ю*), тогда для образования «совершеннаго вида» (*призвать*, *ослабѣть*, *познать*, *оцѣнить*) «возстановляется первообразный глаголъ, соотвѣтствующій симъ окончаніямъ» (*звать*, *слабѣть*, *знать*, *цѣнить*) (там же). В этой группе некоторые перфективы возникают фактически в двух или более приемах образования. Так, в данном случае «перфективация» (*призвать*) Востокова состоит из следующих процессов: 1. суффиксальная деривация: «первообразный» *звать* -> «производный» *зывать*, 2. приставочное образование «простой» *зывать* -> «сложный» *при-зывать*, 3. «возстановление» первообразного *звать* в форме *при-звать* (там же).

Как видно, здесь серьезные трудности вызываются неправильным направлением деривации от имперфективного к перфективному, которое вместе с тем противоречит отмеченному выше «правильному» способу образования «особыхъ неокончательныхъ» типа *бросаю* (с. 196).

По-видимому, Востоков исходит из того, что почти все глаголы имеют производный (бесприставочный) «многократный видъ», так как он перечисляет отдельно (как исключения) случаи, в которых такие «опредѣленные», как *вести́* «заимствуютъ» «многократный видъ у соответствующего «неопредѣленного» (с. 133). Следовательно, *водить* производится от *вести*, а для глагола *вести* «заимствуется» «многократный видъ» *ва́живалъ*, который является настоящим дериватом от «неопредѣленного» глагола *водить*. Иными словами, *ва́живалъ* - это «многократный видъ» двух глаголов *вести́* и *води́ть*. Аналогичные отношения существуют между *честь* - *читать* - *читывалъ*, *тащи́ть* - *таска́ть* - *та́скивалъ*, *ви́дѣть* - *вида́ть* - *ви́дывалъ*, *слы́шать* - *слыха́ть* - *слы́хивалъ*. Исключения из «заимствования» составляют «опредѣленные» *лѣзть*, *ползти*, *вертѣть* и *кати́ть*, имеющие свои «многократные» *лѣзалъ*, *полза́лъ*, *ве́рчивалъ*, *ка́чивалъ*, как и соответствующие «неопредѣленные»: *ла́зить* - *ла́живалъ*, *по́лзать* - *па́лзывалъ*, *вертать* - *ве́ртывалъ*, *ката́ть* - *ка́тывалъ* (там же).

5. Одно из интереснейших наблюдений Востокова составляет выделение двух акционсартных различий внутри «сложныхъ» глаголов «совершенного вида»: «дѣйствія *въ нѣсколько пріемовъ*» (*сду́ю*, *закида́ю*, *развѣшаю*, *побью́*) и «дѣйствія *въ одинъ пріемъ*» (*вы́валю*, *сду́ну*, *заки́ну*, *развѣшу*, *уда́рю*) (с. 201-202). Ср. «въ одинъ пріемъ» у Рижского (1806: 77), «за одинъ прїемъ» у Соколова (1792: 103), (1806: 109). Здесь заслуживает внимания формулировка автора «для выраженія дѣйствія *въ нѣсколько пріемовъ* [*сду́ю*, *закида́ю*], употребляется окончаніе *неопредѣленное* или *длительное* [*ю*, *аю*], а для выраженія дѣйствія *въ одинъ пріемъ* [*вы́валю*, *сду́ну*, *заки́ну*], окончаніе *опредѣленное* [*ить*, *ю*] или *однократное* [*нуть*]» (с. 201), в которой определяемая по внешним характеристикам форма глагола обозначает внутреннюю характеристику единичного действия. Это определение Востокова имплицирует мысль, что именно глагол приобретает определенную форму для выражения необходимого аспектуального значения.

Новым наблюдением Греча и Востокова является дефектность, обусловленная отсутствием «вида». Так, у Востокова «недостаточными» являются глаголы, которым недостает одного из «двух главных видов». Примерами только имперфективных служат глаголы *обожа́ть*, *обурева́ть*, *долженствова́ть*, *изоби́ловать* и некоторые другие. Только перфективными являются такие глаголы «совершенные», как *рещи́*, *очну́ться*, *хлы́нуть*, *воротя́ть*, *очути́ться* и др. (с. 203).

Вместе с тем указываются по виду непарные глаголы «сложные неокончательные». Так, глаголу *посиживаю*, по автору, не соответствует глагол «сложный совершенный» *посижу́*, образованный прямо от «простого неокончательного» *сижу*. Данное несоответствие Востоков обосновывает явно делимитативным значением «дѣйствіе, имѣющее продолжиться безъ перемежки нѣкоторое время» глагола *посижу* (с. 200).

Установление дефектности «двух главных видовъ» и положение «многократного» вне дефектности свидетельствует о соотносительности глаголов «неокончательного» и «совершенного» видов в системе Востокова. В пределах продуманного иерархического построения (см. схему) для системы Востокова характерно проницательное стремление к дальнейшей, более подробной дифференциации аспектуальной семантики «двух главных видов» - «неокончательного» и «совершенного».

У Востокова аспектуальный атрибут примыкает как к «виду», так и к «глаголу». Чаще всего аспектуальный атрибут Востоков присоединяет к «виду» глагола, характерны такие формулировки, как «глаголъ **x**-го вида» (с. 101), «время **x**-го вида» (с. 104), «наклоненіе **x**-го вида» (с. 109). Реже встречается формула, в которой атрибут составляет сочетание с «глаголомъ»: «неопредѣленные глаголы», «опредѣленные глаголы» (с. 101), «глаголы совершенные» (с. 102), «совершенные глаголы» (с. 121), «глаголъ однократный» (с. 199). Термин «глаголъ многократный» не встречается. Как и у Греча, аспектуальный атрибут, как правило, не присоединяется к слову «время». Атрибут «неопредѣленный» функционирует в качестве атрибута «вида» и «глагола» (с. 101), а «неопредѣленное» - атрибутом «наклоненія» (инфинитива) (с. 103).

Любопытно, что в сравнении с Гречем (и ломоносовской традицией) Востоков как бы поменял местами атрибуты инфинитива и одного из «видов», вследствие чего «неокончательный» стал аспектуальным, а «неопредѣленное» - неаспектуальным атрибутом инфинитива.

За последние десять лет рассматриваемого нами периода в описании вида наблюдается укоренение следующих основных терминов, которые весьма однозначно (но все же с индивидуальными оттенками по содержанию) объединяют Рейфа, Греча и Востокова: «видъ неопредѣленный», «видъ опредѣленный», «видъ однократный», «видъ многократный» и «видъ совершенный». Как уже было отмечено, «видъ несовершенный», также как и «видъ окончательный» и «видъ начинательный» в эту общую группу не входят (см. приложение).

Не желая говорить, наряду с замечательными достижениями, о «заблуждениях» Рейфа, Греча и Востокова, нам остается просто констатировать, что, обособив окончательно аспектуальный признак от формы времени и закрепив его за «видомъ» и «глаголомъ», они не смогли увидеть достаточно ясно принципиальной разницы между грамматической и лексической аспектуальностью.

Говоря вообще о последовательности развития, мы должны учесть тот факт, что описание глагольных разрядов по аспектуальным признакам касается не произвольных характеристик, а охватывает довольно устойчивый, можно сказать даже ограниченный круг глаголов, развивающийся в течение весьма длительного периода грамматической традиции в целом. В этой эволюции наблюдается процесс включения ряда новых характеристик и реже выход из обихода старых понятий и терминов вместе с кристаллизацией наиболее существенных.

10. НЕКОТОРЫЕ ОСНОВНЫЕ ЛИНИИ ОПИСАНИЯ АСПЕКТУАЛЬНЫХ ПОНЯТИЙ

Учитывая сложность прослеживания целостного развития аспектуальной мысли и предваряя выводы заключительной главы, мы представим ниже судьбы ряда ключевых понятий и терминов.

1. Судьба атрибута «*singulare*»

Своим инновативным термином «*verbum singulare*» Роса (1672: 197) обозначил глагол, означающий единичное действие («actio unica»), как имперфективное (*sedím*, *ležím*, *gdu*, *nesu*), так и перфективное (*odnesu*, *odegdu*, *odlehnu*, *odsednu*). Сингулярные глаголы составляют акционсартное противопоставление фреквентативным глаголам («verba frequentativa»), выражающим «actionis iteratio & frequentia». В истории термина «singulare» значительным оказывается момент, когда он перестает означать или имперфективное, или перфективное единичное действие и переходит в термин, обозначающий исключительно перфективный глагол. Такое употребление впервые засвидетельствовано в грамматике Пельцеля (1795).

Становление атрибута «singulare» мы подытожим так: «verbum singulare» (Роса 1672: 140) -> «verbum singulare», «actio singularis» (Долежал 1746: 74) -> «praeteritum singulare unitatis» (Ломоносов 1764: 168) -> «Praeteritum singulare unitatis» (Родде 1773: 78) -> «słowa jednotliwe (singularia)» (Копчинский 1778: 32) -> «Verbum singulare» (Томса 1782: 248) -> «Praeteritum singulare unitatis» (Родде 1789: 79) -> «verbum singulare», «actio singularis» (Бернолак 1790: 73) -> «Verbum Singulare», «Futurum singulare» (Пельцель 1795: 75, 80) -> «verbum singulare» (Добровский 1799: 9) -> «verbum singulare» (Томса 1804: 9) -> «verbum singulare», «futurum singulare» (Неедлый 1804: 35, 340) -> «Verbum singulare» (Добровский 1809: 138), (Добровский 1819: 121) -> «Verbum singulare» (Пухмайер 1820: 146) -> «verbum singulare», «actio singularis», «praeteritum singulare» (Добровский (1822: 357, 364, 563, 387) -> «Forma Singularitatis eller Subitanea» (Эрстрём и Оттелин 1822: 335). С этим развитием должны быть сопоставлены судьбы слов «simplex», «простое» и «однократное».

2. Судьба «*однократного*»

Выражение однократного действия является специфической чертой славянских языков, в которых оно имеет морфологизированное средство выражения. Русский термин «однократное» является инновацией Ломоносова (1755: 480), применявшего аспектуальный атрибут-показатель в составе темпоральной формы: («время») «прошедшее» и «будущее однократное», а также как атрибут инфинитива: «наклонение неокончательное однократное». Особенность термина Ломоносова заключается в том, что под ним, как правило, понимается морфологически маркированное семельфактивное действие совершенного вида.

На возникновение терминов «однократное» и «praeteritum singulare unitatis» Ломоносова повлияла чешская традиция Росы и Долежала. Вместе с

«единственным» слово «однократное» восходит к «singulare» Росы (1672). При этом произошло и изменение роли атрибута. В наших источниках атрибут «единственное» выступает последний раз в сочетании «прошедшее единственное» в связи с причастными формами *колнувший* (КПР 1773: 66), *брякнувший*, *стукнувший*, *двигнувший*, *сверкнувший* (с. 69), *кинутъ*, *тронутъ* (с. 71).

В сочетании со словом «глагол» «однократный» выступает впервые у Борна (1808: 39), затем «однократный глаголъ» засвидетельствован у Греча (1811: 5). Сочетание «однократный видъ» выступает впервые у Рейфа (1821: 116). Наконец, у Греча (1827: 246) закрепляется чисто аспектуальный термин «однократный видъ глагола» (но не «однократный глаголъ»). Историю «однократного» можно подытожить так: «verbum singulare» (Роса 1672: 141) -> время «прошедшее однократное», «будущее однократное» («единственное»), «наклонение неокончательное однократное» («единственное») (Ломоносов 1755: 480) -> «прошедшее единократное», «однократное» (Барсов 1788: 546) -> «verbe unifactif» (Модрю 1802: 222) -> «глаголъ однократный» (Борн 1808: 39) -> «видъ однократный» (Рейф 1821: 116) -> «однократный видъ» глагола (Греч 1827: 246) -> «однократный глаголъ» (Востоков 1831: 102).

Самое значительное изменение на протяжении развития «однократного» (однократности) состоит в том, что в русской традиции данный признак закрепляется исключительно за семельфактивным способом действия СВ, начинает отождествляться с перфективностью, причем иногда затушевывается граница между собственно акционсартной однократностью и семантикой совершенного вида.

3. Судьба атрибута «*simplex*»

Путь аспектуального значения у атрибута «simplex» проходил от обозначения однократного (семельфактивного) будущего и прошедшего у Ломоносова (1764) до семельфактивного глагола Фатера (1808). Как аспектуальный атрибут глагола «simplex» канонизирован в грамматике Таппе (1810), ср. этапы:
1. «verbum simplex» 'простой глагол' *lego* (Донат, Присциан, Статориус и др.), 2. «tempus **x** simplex» 'однократное время **x**', «futurum simplex» *тряхну́*, *глону́*, *бро́шу*, *плесну́* (Ломоносов 1764: 170), «praeteritum simplex» (с. 171), 3. «tems **x** simple», «время **x** простое» *глонулъ*, *бросил*, *брошу* (Шарпантье 1768: 78), 4. «tempus **x** simplex» 'однократное время **x**' *глону̀* (Родде 1773: 79), 5. «tempus **x** simplex» 'однократное время **x**' *двинулъ*, *двину*, 'перфектное время **x**' *покажу* (Хайм 1789: 86, 88, 141), 6. «Futurum simplex» 'перфективное будущее' *przeczytam* (Бадтке 1808: 239). 7. «Verbum actionis simplicis», «Verbum simplex» 'однократный семельфактивный глагол' *стан-* (Фатер 1808: XXVIII), 8. «Verbum simplex» 'однократный семельф. глагол' *дви́нуть* (Таппе 1810: 105).

Ср. «futurum simplex» у Статориуса и Ужевича и опять «futurum simplex» и «praeteritum simplex» у Добровского (1822: 374, 383), где данный атрибут занимает позицию при «tempus». Ср. параллельную судьбу слова «singulare» в чешской и польской традициях.

4. Судьба *быстрого и внезапного* действия

В славянской традиции признак внезапного действия в сопряжении с элементом

быстроты получил следующие отражения: «скорые действия» - «вдругъ» (Ломоносов 1755: 539) -> «вдругъ» Барсов (1788: 544), Соколов (1792: 103) -> «schnell vorübergehende Handlung» (Добровский 1792: 18) -> «actio momentanea» Добровский (1799: 5) -> «скоропостижность действия» (РГ 1802: 176) -> «plötzlich» Копитар (1808: 348) -> «eine plötzlich vorübergehende Handlung» (Добровский 1809: 157) -> «augenblicklich» (Фатер 1808: 102), «das Augenblickliche» (Фатер 1808: 108), (Таппе 1810: 132) -> «ögonblicklig» (Эрстрём и Оттелин 1814: 112) -> «un mouvement momentané» (Рейф 1821: 146), «subitement» (Рейф 1821: 169) -> «actio momentanea, subito transiens» (Добровский 1822: 378).

5. судьба «*учащательного*»

Атрибут «учащательный» имеет следующую линию развития: «forma *frequentativa*», «verbum *frequentativum*» (Донат с. 359, 381) -> «óбразъ *учащáемыи*» (Толмач 1522: 552) [-> «species *frequentativa*», «verbum *frequentativum*» (Присциан с. 429)] -> «*оучащáтелный* видъ» и «глаголъ» (Смотрицкий 1619: 236) -> «вножекрáтна ричúна» (Крижанич 1666: 73) -> «Учащáтелныи» и «Frequentativum» (Лудольф 1696: 3) -> «глаголъ учащательный» (Ломоносов 1755: 483) -> «Verbum frequentativum» (Ломоносов 1764: 176) -> «глаголъ учащательный» (РГ 1802: 151) -> «глаголъ учащательный», «видъ учащательный» (Греч 1811: 5, 11) -> «глаголъ учащательный» (Рейф 1821: 117, 125). Особое значение имеет новая функция «учащательного глагола» у Греча (1811). В грамматике Греча (1827) «учащательный» в обозначении глагола движения заменяется термином «сугубый».

6. Судьба «*многократного*»

Возникновение специфического термина «многократное» и дифференциация от «учащательного» обусловлены потребностью в новом термине с таким же грамматическим статусом, какой имели ломоносовские «однократный», «неопредѣленный» и «совершенный». Термин «многократное» был создан как противочлен понятию и термину «однократное». В этом процессе, проходившем не без воздействия понятия и термина «frequentativum», «многократный» заменил ломоносовские «сомнѣнное» и «учащательное». В конечном счете «многократный глаголъ» стал преемником «многократного времени» и многократной глагольной формы вообще, введенной в грамматике РГ 1802. Так, акционсартный атрибут обобщается как экспонент глагола. Вместе с тем происходит мена согласования по роду: «многократное» (время) -> «многократный» («видъ», «глаголъ»).

Итак, атрибут «многократный» имеет следующую историю развития: «наклоненіе неокончательное сомнѣнное» (Ломоносов 1755: 495, 503), «наклоненіе неокончательное учащательное» (там же с. 519) -> «наклоненіе неокончательное многократное» (РГ 1802: 152), «давнопрошедшее многократное время» (там же с. 155) -> «многократный глаголъ» (Борн 1808: 39) -> «прошедшее многократное» (Греч 1811: 6) -> «многократная форма» (Эрстрём и Оттелин 1814: 104) -> «многократный видъ» (Рейф 1821: 117) -> «многократный видъ» глагола (Греч 1827: 246, 253) -> «многократный видъ», «глаголъ многократнаго вида» (Востоков 1831: 100, 130).

7. Судьба «*непредѣлного времени*»

Значение неопределенного времени сочетания «χρόνος αὅριστος» греческих грамматистов вытекает из исходного конкретного значения неограниченности атрибута «αὅριστος». Прямой славянский перевод «врѣме непрѣдѣлное» появляется в ОЧС (1400: 45) и получает дальнейшее развитие в виде «врéмя непрѣдѣлное» в (ОЧС 1500: 52), в «Адельфотисе» (1591: 68), у Зизания (1596: 53) и «врéмѧ непредѣлное» у Смотрицкого (1619: 239). Последний раз мы видим «время непредѣльное» в грамматике Пауса (1729: 103)

8. Судьба «*неопредѣленного*» и «*опредѣленного*»

История термина «неопредѣленное» начинается со Смотрицкого, но собственно аспектуальное значение в качестве русского термина «неопредѣленное» приобретает в грамматике Ломоносова. Могут быть установлены следующие вехи: «наклонéнїе неопредѣлéнное» (Смотрицкий 1619: 238) -> «прошедшее» и «будущее» «неопредѣленное» (Ломоносов 1755: 480) -> «глаголъ неопредѣленный» (Тимковский 1811: 22, Греч 1811: 5, Болдырев 1812: 70) -> «время неопредѣленное» (Болдырев 1812а: 45) -> «видъ неопредѣленный» (Рейф 1821: 116) -> «видъ неопредѣленный» (Греч 1827: 245) -> (Востоков 1831: 101).

Судьба «неопредѣленного» находится в преемственной связи со словом «непредѣлное», развитие которого завершается в граммативе Смотрицкого. Наряду с «неопредѣленнымъ» развиваются латинский «indefinitum» и немецкий «unbestimmt» (Ломоносов 1764). Первое определение действия в терминах определенности и неопределенности в славянском языке восходит к грамматике Статориуса (1568). В чешской традиции данный признак в сопряжении с уверенностью использует Роса (1672: 201). На содержательную определенность действия перфективного глагола в русском языке первым указывал Лудольф (1696). Русский аспектуальный атрибут «опредѣленное» появляется впервые у Язвицкого (1810: 91) как калька франц. «défini».

9. Судьба названия *инфинитива*

Первое славянское название инфинитива «необавное изложенїе» (ОЧС 1400: 44) калькирует «ἔγκλισις ἀπαρέμφατος» Дионисия Фракийского. У Толмача мы видим с разными вариантами «чинъ некончалныи» («Донатус» 1522: 552), восходящий к «modus infinitivus» Доната (с. 359, 381). В «Адельфотисе» (1591) инфинитив носит названия «ἔγκλισις ἀπαρέμφατος» и «необавное изложенїе». Взамен «изложенїя» Зизаний (1596: 52) вводит «образъ», заменяя атрибут «необавное» на «непредѣлный». Смотрицкий (1619: 238) в свою очередь заменил «непредѣлный образъ» Зизания на «неопредѣленное наклоненїе», но сохранил «непредѣлное время» для обозначения одного из времен (так наз. аориста). В русскую терминологию «неопредѣленное наклоненїе» переносится в грамматике Лудольфа (1696: 3). По всей вероятности, разграничение терминов «*неопредѣленное* наклоненїе» и «*непредѣлное* время» у Смотрицкого обусловливается такой концепцией неопределенности, которая вытекает из отсутствия у формы инфинитива показателей времени и лица (ср. лат. «infinitus» и «infinitivus»), в то время как «непредѣлное время» (т. е. аорист) связано с неопределенностью действия, которое не имеет определенного предела (или пределов) во времени, на оси времени.

Разграничивая сознательно аспектуальную и модальную терминологию, Ломоносов (1755: 480) назвал инфинитив «наклоненіемъ неокончательнымъ». По недосмотру «неопредѣленное» встречается в качестве названия инфинитива в списке наклонений в начале грамматики (с. 415). Основная функция термина «неопредѣленное» у Ломоносова аспектуальная. Вместе с тем «непредѣлное выходит из употребления. Ломоносовское распределение сохраняется и в Академической грамматике 1802 г. «Неокончательное наклоненіе» восходит как бы к термину «неокончателныи» («чинъ») Толмача, но является скорее самостоятельной инновацией Ломоносова. Ср. «случайный» термин «окончательное», т. е. изъявительное наклонение Ломоносова.

Борн (1808: 23) восстанавливает «неопредѣленное наклоненіе» с эквивалентами «die allgemeine Sprechart», «l'infinitif». Ср. «der Infinitiv» или «die unbestimmte Art» («неокончáтельное, oder besser: неопредѣлéнное») у Таппе (1810: 29), по мнению которого, инфинитив наклонением не является. «Неопредѣленное наклоненіе» («infinitivus modus») мы видим также у Орнатовского (1810: 122).

В соответствии с ломоносовской традицией инфинитив Греча (1811: 7), (1827: 127) носит название «неокончательное наклоненіе», определяемое как «прямая форма глагола» в противопоставлении к изъявительному и повелительному как «формам косвенным». Атрибутом «неопредѣленный» характеризуется «видъ». Востоков (1831: 102) опять предпочитает «неопредѣленное наклоненіе», а использует «неокончательный» в качестве аспектуального термина. Правда, у него «неопредѣленный» функционирует и как аспектуальный атрибут (с. 101 и сл.).

10. Судьба «*начинательного*» («*inchoativum*»)

Устанавливается следующая линия развития: «res inchoata» (Варрон IX: 96) -> «forma inchoativa», «verbum inchoativum» (Донат с. 359) -> «inchoativa verborum species» (Диомед с. 343) -> «species inchoativa», «verbum inchoativum», «initium actus» (Присциан с. 427) -> «óбразъ начинателныи» (Толмач 1522: 552) -> «verbum inchoativum» (Статориус 1568: 107) -> «ви́дъ начина́тельный», «глаголъ начинателный» (Смотрицкий 1619: 236) -> «рични́на почина́лна» (Крижанич 1666: 73) -> «глаголъ начинательный», «verbum inchoativum» (Барсов 1788: 539) -> «видъ совершенный начинательный» (Востоков 1831: 102). В славянской традиции инхоативы, как правило, не получили значительного статуса в собственно аспектуальных системах. В этой эволюции исключительное место занимает перфективный «начинательный видъ» Востокова.

11. Судьба *продолжения* действия

История обозначения продолжения имеет следующие существенные фазы: «actus continuatio» (Долежал 1746: 76) -> «нѣкоторое деянія продолженіе» («времени неопредѣленного») (Ломоносов 1755: 480) -> «eine Handlung, die lange fortgesetzet wird» (Ломоносов 1764: 170) -> «Fortdauer einer Handlung» (Хайм 1789: 80), «Fortsetzung» (Хайм 1789: 168) -> «Fortwährung» (Фатер 1805: 114) -> «Fortgang» (Копитар 1808: 309) -> «нѣкоторое продолженїе состоянїя или дѣйствїя» («глагола неопредѣленного»)

(Болдырев 1812: 71) -> «продолженіе дѣйствія» (Востоков 1831: 100). См. также в приложении слова «fortdauern», «fortdauernd», «fortfahren», «fortsetzen», «fortwährend».

12. Судьба *длительности* действия

С судьбой продолжения тесно связано возникновение и развитие длительности (продолжительности), которое мы представим следующим образом: «παράτασις» (Аполлоний Дискол, Синтаксис I. 115) -> «diuturnitatis spatium» (Харисий с. 168) -> «diuturnitas actionis» (Роса 1672: 137) -> «res imperfecta diutius gesta» (Бернолак 1790: 77) -> «Dauer» (Добровский 1791: 24) -> «verbum durativum», «dauern» (Пельцель 1795: 75) -> «Währung», «währen», «während» (Фатер 1801: 216, 218, 220) -> «Währung», «Dauer» (Добровский 1809: 155, 126), (Пухмайер 1820: 163, 152) -> «длительный» (Востоков 1831: 102).

13. Судьба признака «*до конца*»

Обозначение доведения действия «до конца» состоит из следующих этапов: «ἀνύσαι δὲ τό γράφειν» 'соверши/заверши написание' (Аполлоний Дискол, Синтаксис III. 102) -> «ad finem perductum» (Диомед с. 336) -> «lege usque ad finem» (Присциан с. 406) -> «sustinere ad finem» (Статориус 1568: 119) -> «suo fine definitum» (Нудожер 1603: 48а) -> «perficio seu opus ad finem perduco» (Ужевич 1643: 46б) -> «ad finem» (Роса 1672: 310) -> «окончание действия» (Ломоносов 1755: 530) -> «die Endigung einer Handlung» (Ломоносов 1764: 278) -> «Endigung», «zu Ende» (Родде 1773: 145) -> «vollends zu Ende» (Родде 1789: 143) -> «die künftige gewisse Beendigung einer Sache» (Хайм 1789: 82). Однозначное содержательное толкование «völlig zu Ende» встречается впервые у Хайма (1789: 168), также у Хайма (1804: 165), от которого оно перешло в грамматику Фатера, где истолкование перфективности при помощи признака конца действия закрепилось в формулировке «völlig zu Ende gebrachte Handlung» (Фатер 1808: 60, 61).

14. Судьба атрибутов «*verrichtet*», «*vollbracht*», «*vollkommen*», «*vollzogen*», «*vollendet*», «*beendigt*»

В качестве первых аналогов понятия «совершение» Ломоносова (1755) выступают «verrichten», «Verrichtung» Ломоносова (1764: 170), по-видимому, также «vollbracht» Томсы (1782) и «vollzogen» Хайма (1789). Надежное свидетельство русско-немецкой преемственности, воздействия русского описания на немецкий содержится в переводе Хайма (1789: 81): «eine Handlung, welche ...vollzogen werden soll», который передает ломоносовское «деяние... совершится» (1755: 481), ср. «eine einmal vollzogene Handlung» у Хайма (1789: 80).

В передаче семантики «совершения», «исполнения» и «завершения» («конца») наблюдаются следующие немецкие эквиваленты: 1. «*verrichten*», «verrichtet», «geendete Verrichtung» Ломоносов (1764: 170, 171), 2. «*vollbracht*» (Томса 1782: 248) от гл. *vollbringen* интерпретируется нами

как 'совершенный, исполненный'[579], 3. «*vollzogen*» 'совершенный, исполненный' (Хайм 1789: 80) от *vollziehen* относится к признаку «совершения» действия, 4. «*vollkommen*» (Ломоносов 1764: 170), «die vollkommenen/unvollkommenen Zeitwörter» (Томса 1782: 248). Важным аспектуальным наречием является «*vollkommen*» 'совершенно, полностью', 5. «*vollendet*», «*Vollendung*» от гл. *vollenden*. В наших источниках «vollendet» встречается впервые у Добровского (1791: 21). Содержательная экспликация «Vollendung» выступает в качестве перевода слова «совершение» впервые у Ломоносова (1764: 171), 6. «*beendigt*, *geendigt*» (Хайм 1804), «*Beendigung*» (Хайм 1789, 1804), 7. «*völlig zu Ende gebrachte Handlung*» является характерным выражением Фатера (1808: 60).

В немецкой терминологии устанавливается весьма последовательная линия, в которой постепенно верх берет семантика завершения (достижения конца): «vollkommen» (Ломоносов 1764: 170), (Томса 1782: 248) -> «vollbracht» (Томса 1782: 248) -> «vollendet» (Добровский 1791: 21) -> «völlig zu Ende gebrachte Handlung» (Фатер 1808: 60) -> «vollendet» (Фатер 1814, Таппе 1815, Добровский 1819, Пухмайер 1820). С этим развитием согласуется параллельная эволюция экспликаций «zu Ende» и «Vollendung» (см. приложение).

«*Vollendet*» и «*abgeschlossen*» Фатера (1814: 115) могут считаться близкими, но не синонимическими (не тождественными) понятиями, ибо «abgeschlossen» сверх своего собственного значения «закрытия» имплицирует завершение (не-продолжение), тогда как «vollendet» не обязательно содержит указания на «закрытие», «закрытость» действия.

Среди наших данных самый ранний аналог ломоносовского «*совершенное*» (1755: 480) репрезентирует «*accompli*» Шарпантье (1768: 79, 80), в связи с которым устанавливается русско-французское соответствие: «совершить» - «accomplir», «совершиться» - «s'accomplir». Однако позже «accomplissement» Рейфа (1821: 165) соотносится скорее с экспликацией «исполненіе» Академической грамматики и глаголом «accomplir» Амоньера (1817).

15. Судьба «*вида*»

В широком диапазоне процесс терминологизации слова «видъ» охватывает весь рассматриваемый нами период от термина деривации и примитивной классификации в первых трактатах до высокой степени дифференцированного аспектуального термина в грамматиках Греча и Востокова.

Общенаучная классификация у Ломоносова посредством слова «видъ» и аналогичный узус в последующей ломоносовской традиции прекращают на сравнительно длительное время развитие аспектуального компонента в данном слове. Отсутствие категориального аспектуального термина в указанный период русской традиции весьма ощутимо. С другой стороны, это не значит прекращения эволюции аспектуальной мысли у составителей грамматик и пособий. В силу этого вся ломоносовская традиция, включая Академическую грамматику (1802) с ее особой

[579] Ср. истолкования в словаре (БНРС II: 548-549): *vollbringen* 'совершать, осуществлять; исполнять, завершать, заканчивать (работу)', *vollziehen* 'совершать, осуществлять; приводить в исполнение, исполнять (поручение)', *vollkommen* 'полный, совершенный', *vollenden* 'завершать, заканчивать'.

подтрадицией, составляет скрытую фазу в длительной эволюции «вида» как аспектуального термина. Данный период прерывает употребление слова «видъ» в области глагольной деривации, а содержательная терминологическая эволюция проходит в основном в сфере аспектуальных атрибутов форм времени.

Этот путь проходит от первых трактатов и деривационного «вида» Смотрицкого к специфическому аспектуальному осмыслению у Греча и Востокова. До окончательного закрепления за ним специального грамматического признака оно претерпевает фазу колебания и конкуренции, наблюдаемые, в частности, в статьях Болдырева. Так как Болдырев (1812) в качестве аспектуального термина использует «роды глаголовъ», его наблюдения оказывают влияние на историю термина «видъ» только посредством содержательной классификации глаголов.

Когда Греч (1811) вводит новые сочетания «ограниченный видъ» и «учащательный видъ» («глагола учащательнаго»), происходит первая и решающая фаза терминологизации стержневого слова «видъ» данного составного термина. В данном процессе выделяются две подфазы: а) слово «видъ» приобретает себе специфически аспектуальный атрибут «ограниченный», оказывающий влияние на формирование содержания стержневого слова, и б) определение «глагола учащательного» постепенно утрачивается или становится факультативным. Таким образом, в теоретическом плане «видъ» Греча 1811 года можно рассматривать мотивированным самобытным термином, содержание (внутренняя структура) которого развилось из общеклассификационного в специфическое. Однако не исключено, что в момент своего появления «видъ» Греча явился как семантическая калька аспектуального термина «Art» у Таппе (и Фатера). Более вероятным мы считаем параллельное однородное развитие обоих терминов.

Если аспектуальный «видъ» Греча самобытный и «уникальный» термин», обозначающий явление, специфическое для русского языка, то перед нами термин, который развился в процессе «семантической терминологизации слова общеупотребительного языка»[580]. Этот последовательный процесс, состоящий из ряда знаменательных этапов, мы обозначим так: «видъ»$_0$ -> «видъ»$_n$. Возможно и то, что первый раз термин Греча (1811) возник как смысловая (семантическая) калька, в которой «исконное слово получает новое значение под влиянием иностранного со сходным первичным значением у обоих»[581]. Процесс терминологизации «вида» завершается моментом, когда данное слово одно или в составе с определяющим атрибутом способно обозначать однозначно понятие грамматической категории. Этим моментом явился выход в свет грамматики Н.И. Греча (1827).

Итак, на становление аспектуального «вида» Греча никакого непосредственного воздействия не имел греческий «εἶδος», и с глаголом *видеть*, на который иногда указывают аспектологические исследования, «видъ» имеет лишь далекую этимологическую связь.

Первостепенную значимость имеет то обстоятельство, что «видъ» Греча приобрел высокую степень структурной абстрагированности, выявляющейся в модели «видъ глагола **X**», которая не тождественна обозначениям «глаголъ **X**-го вида», «**X**-ный

[580] См. Васильева (1997: 561).

[581] Добродомов (1997: 175).

глаголъ».

Итак, термин «*видъ*» развился по следующим закономерным фазам:
видъ$_0$ = вид общей лексики.
видъ$_1$ = вид как калька. ОЧС 1400.
видъ$_2$ = вид глагола, вид деривационный. Смотрицкий 1619.
видъ$_3$ = вид глагола как его форма. Курганов 1769.
видъ$_4$ = вид как подвид учащательного глагола. Греч 1811.
видъ$_5$ = вид глагола как параллель «branche du verbe». Рейф 1821.
видъ$_6$ = вид глагола как специфический термин. Греч 1827. Востоков 1831.

Конечная фаза формирования термина проходила в сфере общеевропейских культурных и научных взаимоотношений. Наряду с немецким «Arten der Verba» существенное участие в формировании русского «вида глагола» принимал и французский «branches des verbes» Ш. Рейфа. В свете данных нашего исследования мы установим следующие вехи, воздействовавшие на конечном этапе на формирование собственно *русского* «вида»:
«Arten der Verba» (Фатер 1801: 204, 1805: 104, 1808: 54) -> «zwei Verba» (Копитар 1808: 307) -> [vier] «Branchen der Tempora», «eine Branche für sich» (Фатер 1808: XXIII), «zwei Arten der Verba» (Фатер 1808: 60) -> «vier Arten von Zeitwörtern» (Таппе 1810: 104) -> «четыре разряда» и «два вида учащательного глагола» (Греч 1811: 5, 11) -> «vier Arten der Verba» (Таппе 1812: 156), «vier Branchen von Verbis» (Таппе 1812: 157), «zwei Branchen (Arten) von Frequentativis» с сопоставлением «Art» - «видъ» (Таппе 1812: 178) -> пять «родовъ (классовъ) глаголовъ» (Болдырев 1812: 70) -> «Form - Форма - Forma», «art - видъ» (Эрстрём и Оттелин 1814: 103, 108) -> «six branches (ви́ды) des verbes» (Рейф 1821: 116) -> «four (five) branches of verbs» (Хэрд 1827: 141) -> «шесть главныхъ видовъ» и «второстепенные виды» глагола (Греч 1827: 245) -> «aspects des verbes» (Греч, Рейф 1828: 250) -> три «вида» глагола и их «подразделенія» (Востоков 1831: 100).

С точки зрения несколько иных параметров, в терминологизации слова «видъ» выделяются следующие закономерные фазы: 1. Наблюдаемый (осознаемый) внешний вид слова, 2. Виды слова как части речи, 3. Категориальные виды и подвиды отдельных частей речи, 4. Виды глагола как части речи (любые классы глаголов), 5. Аспектуальные классы глагола (видовые и акционсартные), 6. Вид как термин грамматической категории. Терминологизированный «видъ». В данном процессе слово, породившее термин «видъ$_n$», остается в своем общелексическом поле без изменений - «вид$_0$»[582].

16. Судьба «*совершенного*»

Чисто аспектуальное развитие атрибута «совершенный» заключается в следующих этапах: «συντελικός» (стоики) -> «verbum perfectum» (Варрон X: 48) -> «τὸ ἠνυσμένον») (от гл. *ἀνύω*) (Аполлоний Дискол, Наречие с. 124: 19) -> «praeteritum perfectum» (Донат с. 360) -> «минувшее совершен(н)ое» (Толмач 1522) -> «verbum perfectum», «praeteritum/futurum perfectum» (Роса 1672) -> «прошедшее/будущее совершенное» (Ломоносов 1755). См. в

[582] См. Суперанская и др. (1989: 123).

приложении аналогичное развитие экспликации «συντέλεια» (стоики) -> «res perfecta» (Варрон) -> «ἄνυσις» (Аполл. Дискол) -> «perfectio» (Присциан, Статориус, Ужевич, Роса) -> «совершенје» (Крижанич) - «совершение» (Ломоносов).

В составе определяемого слова атрибут «*совершенный*» имеет следующие основные фазы:

0. «εἶδος πρωτότυπον», *«ῥῆμα πρωτότυπον» (Дионисий Фракийский)
1. «видь прьвообразное», *«рѣчь прьвообразна» (ОЧС 1400)
2. «видъ первообразное», *«рѣчь первообразная» (ОЧС 1500)
3. «forma perfecta», *«verbum perfectum» (Донат)
4. «образъ совершеныи», *«слово совершеное» (Толмач 1522)
5. «время минувшее совершенное» (Толмач 1522)
6. «видъ совершенный», «глаголъ совершенный» (Смотрицкий 1619)
7. «время прошедшее и будущее совершенное» (Ломоносов 1755)
8. «глаголъ совершеннаго вида» (Курганов 1769)
9. «глаголъ совершенный» (Борн 1808)
10. «глаголъ сложный или совершенный» (Греч 1811)
11. «видъ совершенный глагола» (Греч 1827)
12. «видъ и глаголъ совершенный» (Востоков 1831).

17. Судьба «*несовершенного*»

Атрибут «несовершенный» имеет следующую историю: «verbum infectum» (Варрон X: 48) -> «praeteritum inperfectum» (Донат c. 360) -> «мину́вшее несовершеное» (Толмач 1522: 554) -> «дѣло несовершенное» (Ломоносов 1755: 180) -> «l'imparfait», «прошедшее не совершенное» (Шарпантье 1768: 78) -> «прошедшее не совершенное» (Курганов 1769: 28) -> «прошедшее несовершенное» (Сырейщиков 1787, Соколов 1792: 102, РГ 1802: 154) -> «глаголъ несовершенный» (Борн 1808: 39) -> «прошедшее несовершенное», «будущее несовершенное», «наклоненіе неокончательное несовершенное» (Греч 1811: 13, 14) -> «видъ несовершенный» (Рейф 1821: 118, Греч 1827: 246). Сочетание «несовершенный видъ», засвидетельствованное впервые у Рейфа (1821: 118), устанавливается в грамматике Греча (1827: 246).

18. Судьба противопоставления «*perfectivum - imperfectivum*»

Становление видовых терминов Копитара состоит из следующих фаз:
«verbum infectum» - verbum perfectum» (Варрон X: 48) -> «praeteritum inperfectum - praeteritum perfectum» (Донат c. 360) -> «verbum imperfectum - verbum perfectum» (Роса 1672: 138), (Яндит 1705) -> «verbum perfectum - verbum imperfectum» (Долежал 1746: 74) -> «Verbum perfectivum - verbum imperfectivum» (Копитар 1808: 309). Решающее значение имеет применение терминов «imperfectum» и «perfectum» к глаголу в грамматике Росы. У Долежала наблюдается перестановка описываемых единиц. Далее инновация Копитара распространяется по линии: (Караджич 1814/1818: LIV) -> (Гримм 1824: XLIX), (Караджич/Гримм (1824: 64).

Шире длительное развитие терминов и содержательных экспликаций зафиксировано нами в приложении.

11. ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ВЫВОДЫ

Проанализировав предполагаемые нашими целями трактаты, грамматики и другие источники и установив основные линии развития славянской аспектуальной мысли, мы подведем основные итоги и представим результаты исследования, выделяющиеся как в плане хронологии, так и в плане содержания рассмотренных систем и ряда категориальных признаков. Здесь мы установим в итоге основные вехи описания (А) и наиболее значительные нововведения отдельных грамматистов (Б).

А. В славянской грамматической традиции описание аспектуальных фактов, обусловленных спецификой самих языков, проходило следующие основные вехи:

1. На древнейшем - церковнославянском - этапе славянской грамматики аспектуальная характеристика, вслед за античной традицией, описывается в первую очередь в связи с темпоральными формами. Вместе с тем наблюдаются первые весьма последовательные приемы дифференциации видовых основ, свойственных славянскому глаголу (ОЧС, «Донатус», «Адельфотис», Зизаний, Смотрицкий). Одновременно, по двум деривационным прообразам, начинают развиваться словообразовательные модели, порождающие акционсартные группы глаголов («Донатус», Смотрицкий). К этому периоду относится первая грамматика польского языка Статориуса, предвещающая бинарное деление глаголов в западной традиции.

2. Второй период характеризуется выделением в западной, а именно в чешской традиции, двух аспектуальных основ (Нудожер) и переход к аспектуальной классификации глагольных лексем с продуманной системой количественного и неколичественного критериев (Роса, Долежал). В западнославянской традиции принцип двойной глагольной классификации прослеживается вплоть до начала XIX века. В этот период включаются также классификация глаголов Крижанича и зародыши аспектуальности в грамматике Ужевича.

В описании русской грамматики начала XVIII в. обнаруживается почти противоположная ситуация с сильным влиянием со стороны латино-немецкой грамматики, акцентирующей темпоральные структуры глагола. Вместе с тем в первых грамматиках русского языка доломоносовской эпохи благоприятное отражение находит способ описания двух аспектуально соотносительных глаголов, разработанный по модели Смотрицкого (Лудольф, Сойе, Адодуров, Грёнинг).

3. В третий период в восточной, в первую очередь в русской традиции, обозначение аспектуальности заново переходит к атрибутам темпоральных форм типа «время прошедшее совершенное» в грамматике Ломоносова. Однако ломоносовская традиция не дублирует модели древнейшей эпохи. Ломоносовым выдвигается продуманная система трех признаков, которые определяются не отношением к моменту речи, а самостоятельностью глагольного действия. Для признаков Ломоносова характерна высокая степень грамматической регулярности.

Наряду с собственно русским наследием ломоносовской грамматики выделяются две крупные подтрадиции, которые ставят грамматику Ломоносова во взаимодействие с другими языками и культурами, в котором ломоносовская аспектуальная терминология попадает в сложнейший процесс передачи средствами иностранного языка:

а) Русско-немецкая линия, которая начинается с перевода грамматики Ломоносова и усиливается в последующих грамматиках Родде и Хайма, сильно опирающихся на идеи Ломоносова. Дальнейшее развитие немецкая подтрадиция получает в грамматике Хайма, составленной с опорой на Академическую грамматику, отражаясь в определенных преобразованиях у Фатера и Таппе.
б) Русско-французская линия, которая, учитывая до некоторой степени результаты грамматики Пор-Рояля и грамматик, в том числе русского языка, написанных по-французски (Сойе), переносит ломоносовскую терминологию на французскую почву (Шарпантье, Модрю, Амоньер). Некоторым образом данная линия отражается и в русской грамматике Рейфа, и в переводе на французский язык грамматики Греча. Позже все это отразится обратно в интернациональную сферу грамматической науки.

В пределах интернационального взаимодействия следует учесть и скандинавскую ветвь русской и славянской грамматики, в которой сравнительно быстро отразился также опыт европейской традиции (Эрстрём и Оттелин, Шёстедт).

На фоне описания существенную роль субстрата и своего рода фильтра играет общая греко-латинская традиция, имевшая значительное воздействие на грамматическое мышление вообще. Немаловажными оказались в этом отношении славянские грамматики, составленные на латыни.

С обнаружением новых семантических признаков тонкая трехчленная система Ломоносова начинает распадаться. Первые симптомы распада видны еще в немецком переводе грамматики Ломоносова; его вершина достигается в описаниях, непосредственно предшествующих трудам Греча и Востокова (Никольской).

Распад ломоносовской традиции породил два сосуществовавших, отчасти конкурирующих направления:
а) **Консервативное** направление, оперирующее аспектуальными атрибутами при отдельных форм времени без классификации самих глаголов. Оно сопровождалось неизбежным увеличением числа времен, вытекающим из принципа: чем больше аспектуальных разрядов, тем больше аспектотемпоральных форм. С этим направлением связано и терминологическое и содержательное размывание ломоносовской системы.
б) **Новое**, модернизаторское направление, исходящее из классификации глаголов, в котором уже давно существовавшие или новые аспектуальные признаки присоединяются в качестве атрибутов к глаголам как к лексической единице в целом. Эта линия развития приводит к возникновению четвертого периода описания.

Авторитет ломоносовской традиции оказывал влияние и на западную грамматическую традицию, в которой до некоторой степени было утрачено разработанное уже в XVII в. великолепное учение о глагольном виде. В частности, этот упадок заметен в ряде учебников чешского языка начала XIX века. В то же время в польской традиции сохраняется и развивается дальше особый тип классификации глаголов, восходящий к исконным принципам Росы (Копчинский, Бандтке).

4. Четвертый, «революционный» период, начинающийся в первое десятилетие XIX века (особенно 1808 г.), характеризуется окончательным переходом от аспектуального определения временно́й формы к классификации глаголов (Борн, Фатер, Таппе, Греч, Болдырев). Это обусловлено открытием ряда новых и перераспре-

делением статуса уже известных семантических признаков. Эпохальными становятся отдельные описания бинарных глагольных систем и такие терминологические обновления, как «verbum perfectivum - imperfectivum» Копитара. С классификацией глаголов связано обособление аспектуальных признаков от темпоральных, четкое разграничение аспектуальности и темпоральности (Рейф).

5. В пятый период происходит установление статуса аспектуального атрибута в грамматиках Греча и Востокова, осмысление аспектуальности как свойства глагола, приведшее к дальнейшим попыткам в классификации глагольных разрядов. Грамматики Греча и Востокова ознаменовываются окончательным обособлением вида и времени, своего рода победой глагольной аспектуальности над темпоральностью.

В самом общем виде в восточнославянской (русской) традиции выделяются следующие последовательные этапы: 1) суффиксальная акционсартность Толмача и Смотрицкого -> 2) грамматически регулярная трехчленная аспектуальность форм глагола (с учетом простого и сложного глагола) Ломоносова -> 3) иерархическая аспектуальность глагольных разрядов грамматистов начала XIX века (Таппе, Греч, Болдырев, Рейф) -> 4) глагольная аспектуальность, «виды» глагола Греча и «виды» Востокова.

Многие занимательные вопросы структуры и семантики содержатся в многогранном взаимовлиянии славянской и неславянской традиций, отражающемся в разных применениях параллельных терминов.

В последующие периоды, выходящие за пределы настоящей работы, видовая соотносительность описывается главным образом как отношение двух или более глаголов, что постепенно приводит к современному методу, который стремится определить видовую пару как соотношение двух равнозначных глаголов («глагол **x**-го вида») или как соотношение двух рядов грамматических форм (двух видовых основ) одного глагола («форма **x**-го вида глагола **y**»).

Б. Вполне закономерно весь прослеженный нами период характеризуется возрастающей семантизацией описываемых категорий и соответственным ростом количества и многогранностью понятий, терминов и содержательных экспликаций.

Из множества частных инноваций, увидевших свет как новаторства отдельных грамматистов, мы выделим здесь лишь следующие: обозначение определенности как признака перфективного действия у Статориуса, Нудожера, Росы и Лудольфа; «учащательный» и «начинательный» Смотрицкого; количественная аспектуальность в грамматике Крижанича и у Росы; противопоставление имперфектного и перфектного глаголов в грамматике Росы; внесение признаков завершения и определенности у Долежала; выделение неопределенности, совершенности и семельфактивной однократности в грамматике Ломоносова; «verba plurativa» Пельцеля; «formae verborum» Добровского; оппозиция «verbe frequentatif» - «verbe unifactif» Модрю; «многократное» в Академической грамматике; «глаголъ несовершенный» Борна; «видъ ограниченный» Греча; «видъ неограничен-ный» Таппе; два главных класса («två hufvudclasser») Эрстрёма и Оттелина; «видъ неопредѣленный» и «видъ опредѣленный» Рейфа; «неокончательный» и «окончательный» Востокова.

Одним из самых значительных семантических признаков, возникших уже в первых трактатах, явилась *неопределенность*, равно как и развившаяся гораздо позднее в качестве ее противочлена *определенность*, которые в последующий за Гречем и Востоковым период отошли надолго на задний план описания.

Наряду с терминологизацией самого «вида» постепенно выкристаллизовывается, как бы выцеживается определенный и сравнительно ограниченный круг грамматически значимых аспектуальных (акционсартных и видовых) признаков при одновременной утрате не прижившихся понятий и терминов.

С именами Рейфа и Греча неразрывно связывается канонизация идеи о совершении действия, в то время как у Востокова преобладает семантика завершения (конца), повлиявшая на установление экспликаций «Vollendung» и «vollendet» в литературе на немецком языке. Несмотря на это, термин «окончательный» Востокова в русской традиции не привился.

Разработанная Добровским система «форм» не смогла согласовать акционсартных и собственно видовых характеристик. С работ Добровского начинается сильное подчеркивание долговременной и кратковременной длительности («Dauer») как основного признака аспектуальной семантики.

Весьма рано, начиная со Статориуса, в славянской традиции появляется прототипическая модель описания суффиксальной имперфективации, вытекающая из сущности самого языка. С именем Статориуса связан также начальный этап описания чисто акционсартной семантики фазовости, выражаемой префиксами со значением начала и конца действия.

Начиная с Нудожера, наблюдаются серьезные попытки описать аспектуальные факты в виде дихотомической системы. Та или иная бинарная трактовка аспектуальных форм и признаков наблюдается у многих грамматистов: Зизаний, Смотрицкий, Роса, Долежал, Копчинский, Томса, Бернолак, Пельцель, Модрю, Бандтке, Фатер, Греч, Караджич, Чаплин, Шёстедт, Хэрд. Наиболее последовательно бинарная (и двойная) глагольная классификация осуществляется в чешской, словацкой и польской традициях от Росы до Копчинского, Бернолака и Бандтке. В самом чистом виде противопоставление перфективного и имперфективного глаголов описано в словенской грамматике Копитара. Непосредственно система Копитара отразилась в сербской грамматике Караджича и в ее переводе Гримма.

Один из важнейших результатов исследования состоит в раскрытии перехода от определения темпоральных форм к аспектуальному определению глагольных лексем. В последующей традиции середины и конца XIX века это само по себе замечательное достижение грамматической науки привело в тупик, из которого не было выхода, пока не были разработаны критерии разграничения вида и способа действия Сигурдом Агреллем.

Заканчивая наше исследование, мы приведем еще один парадокс. Слово «аспект» и его иноязычные эквиваленты к латинскому «aspectus» непосредственного отношения не имеют. В наших источниках это слово не засвидетельствовано.

***

БИБЛИОГРАФИЯ

Словари

Ахманова, Ольга Сергеевна. Словарь лингвистических терминов. Москва. «Советская Энциклопедия» 1966.

Благова, Э., **Цейтлин**, Р.М., **Геродес**, С., **Пацнерова**, Л., **Бауэрова**, М. Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков). Москва. «Русский язык» 1994.

БНРС I-II - Большой немецко-русский словарь. Москва. «Русский язык» 1980.

Вейсман, А.Д. Греческо-русский словарь. Изд. пятое. СПб. Изд. автора 1899. Репр. Москва. Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина 1991.

Даль I-IV - Владимир Иванович Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Набрано и напечатано со второго издания 1880-1882 гг. Москва 1955.

Дворецкий, Иосиф Хананович. Латинско-русский словарь. Изд. третье, исправленное. Москва. «Русский язык» 1986.

ЛЭС - Лингвистический энциклопедический словарь. Москва. «Советская энциклопедия» 1990.

МАС I-IV - Словарь русского языка в четырех томах. АН СССР. Институт русского языка. Москва. «Русский язык» 1981-1984.

Срезневский I-III - Срезневский, Измаил Иванович. Матеріалы для словаря древнерусскаго языка по письменнымъ памятникамъ. СПб. ИАН 1893-1912.

СРНГ 32 - Словарь русских народных говоров. Вып. 32. СПб. «Наука» 1998.

СРЯ 11-17 вв. 1-25 - Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 1-25. Москва. «Наука» 1975-2000.

Ушаков I-IV - Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова. Москва. «Советская энциклопедия» 1935-1940.

ЭСРЯ 1-8 - Этимологический словарь русского языка. Автор-составитель Н.М. Шанский. Вып. 1-8. Москва. Изд. МУ. 1963-1982.

Сокращения, принятые в библиографии

ВЯ - Вопросы языкознания. Москва.
ЖМНП - Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. СПб.
ИАН - Императорская Академія Наукъ
ТОЛРС - Труды Общества любителей россійской словесности при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. Москва.
GL - Grammatici Latini ex recensione Henrici Keilii. Vol. I-VII. Unveränderter reprogr. Nachdruck. Hildesheim. Georg Olms 1961.
SPS - Specimina Philologiae Slavicae. Hrsg. von Olexa Horbatsch und Gerd Freidhof.

I. Источники[583]

*Адамович 1794 - Adamowicz, Aleksander (Wojda, K.F.). Praktische polnische Grammatik für Deutsche...mit einem Wörterbuche versehen. Berlin 1794, 1796.

«Адельфотис» 1591 - ΑΔΕΛΦΟΤΗΣ. Грамматіка доброглаголиваго Еллинословенскаго язы́ка. Соверше́ннаго искуства осмѝ часте́й сло́ва. Ко наказа́нїю многоимени́тому Россійскому ро́ду. Во Лвовѣ. В друка́рни Братско́й. Ро́ку афча [1591]. Репр. Adelphotes. Die erste gedruckte griechisch-kirchenslavische Grammatik. L'viv-Lemberg 1591. Hrsg. und eingeleitet von Olexa Horbatsch. SPS 2. Frankfurt am Main 1973.

Адодуров 1731 - [Адодуров, Василий Евдокимович]. Anfangs-Gründe der Russischen Sprache. - [E. Weismann:] Teutsch-Lateinisch- und Russisches Lexicon, samt denen Anfangsgründen der Russischen Sprache. Zu allgemeinem Nutzen bey der Kayserl. Academie der Wissenschaften zum Druck befördert. Нѣмецко-латинскій и рускій Леξиконъ купно съ первыми началами рускаго языка къ общей пользѣ при Имеператорской Академіи наукъ печатію изданъ. St. Petersburg; gedruckt in der Kayserl. Academie der Wissenschaften Buchdruckerey, 1731. Переизд. в кн.: Унбегаун 1969.

Адодуров 1738 - [Адодуров, В. Е]. Грамматика 1738 г. - Цит. по кн.: Успенский 1975, 92-127.

*Айхингер 1754 - Aichinger, Carl Friedrich. Versuch einer teutschen Sprachlehre. Frankfurt und Leipzig 1753. Репр. Wien 1754.

Академическая грамматика, РГ 1802, 1809 - Россійская грамматика, сочиненная Императорскою Россійскою Академіею. СПб. 1802. Изд. второе, вновь исправленное и дополненное. СПб. 1809. (Третье изд. 1819). (В приложении = RG 1802).

Амоньер 1817 - Hamonière, G. Grammaire russe divisée en quatre parties, Dont la première traite de la prononciation; la seconde, des différentes espèces de mots; la troisième, de la syntaxe; et la quatrième, de l'orthographe, de la ponctuation, de la prosodie et de la versification; Avec un appendice contenant des remarques sur la Langue slavonne, &c. &c. Paris: Chez Théophile Barrois fils, Libraire pour les langues étrangéres vivantes 1817.

*Анастас 1796 - Анастас, Михаил. Грамматика россійская, съ греческимъ переводомъ, въ пользу Грековъ, сочиненная Михаиломъ Анастасомъ. Москва 1796. (2-ое изд. 1804).

Аноним 1816 - Анонимный читатель. Замѣчанія на новую Теорію Русскихъ глаголовъ. - ТОЛРС. 6.1816. 101-111.

Аполлоний Дискол Синтаксис ок. 150 - Ἀπολλώνιος ὁ Δύσκολος. Περὶ συντάξεως βιβλία τέσσαρα. Apollonii Dyscoli quae supersunt. Grammatici Graeci II.2. Ред. R. Schneider & G. Uhlig. Lipsiae 1910. Репр. Hildesheim. Olms 1965.

Аполлоний Дискол Наречие ок. 150 - Ἀπολλώνιος ὁ Δύσκολος. Περὶ ἐπιρρημάτων. Apollonii Dyscoli quae supersunt. Grammatici Graeci II. 1/1. Ред. R. Schneider & G. Uhlig. Lipsiae 1878. Репр. Hildesheim. Olms 1965.

Арно и Лансло 1676 - Arnauld, Antoine & Lancelot, Claude. Grammaire générale et raisonnée. Troisième Edition reveuë & augmentée de nouveau. A Paris. Chez Pierre le Petit, Imprimeur & Libraire ordinaire du Roy. M. DC. LXXVI. Репр. Grammaire générale et raisonnée ou La Grammaire de Port-Royal. Edition critique présentée par Herbert E. Brekle. Tome I. Nouvelle impression en facsimilé de la troisième édition de 1676. Stuttgart-Bad Cannstatt. Friedrich Frommann Verlag (Günther Holzboog) 1966. (В приложении = A & L 1676).

*Арно и Лансло 1803 - Arnauld, Antoine & Lancelot, Claude. Grammaire generale et raisonnée de Port-Royal. Paris 1803.

[583] Пагинация ряда источников дается по более позднему изданию, например: Ломоносов (1755: 409) = (1952: 409).

Арно и **Лансло** 1990 - Грамматика общая и рациональная, содержащая основы искусства речи, изложенные ясным и естественным образом, толкование общего в языках и главные различия между ними, а также - многочисленные новые замечания о французском языке. Написанная Антуаном Арно и Клодом Лансло. С приложением заметок Ш. Дюкло. Перевод с французского, комментарии и послесловие Н. Ю. Бокадоровой. Общая редакция и вступительная статья Ю. С. Степанова. Москва. «Прогресс» 1990. (Перевод с второго изд. 1664 г.).

***Афанасьев** 1725 - Афанасьев, Иван. Грамматіка рускаго і немецкаго языков. Напісана чрезъ трудъ въ Лондоне 1725 году. Ивана Аѳанасьева. Рукопись в Гоутоновской библиотеке Гарвардского университета. См. Успенский 1989.

***Байбаков** 1794 - [Байбаков, Аполлос]. Грамматика руководствующая къ познанію Славенороссійскаго языка. Печатана въ Типографіи Киево-печерскія лавры 1794 года.

Бандтке 1808 - Bandtke, Georg Samuel. Polnische Grammatik für Deutsche, welche die polnische Sprache gründlich erlernen wollen, nebst einem kleinen etymologischen Wörterbuche. Breslau. W. G. Korn 1808. (2-ое изд. 1818, 3-е исправленное изд. 1824).

Барсов 1788 - Барсов, Антон Алексеевич. Россійская Грамматика, сочиненная Профессоромъ Московскаго Университета Антономъ Алексѣевичемъ Барсовымъ [1783-1788]. Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова. Подготовка текста и текстологический комментарий М. П. Тоболовой. Под редакцией и с предисловием Б. А. Успенского. Москва. Изд. Московского университета 1981.

Бернолак 1790 - Bernolák, Anton. Grammatica Slavica Auctore Antonio Bernolák ad Systema Scholarum Nationalium in Ditionibus Caesareo-Regiis introductum accommodata. Editio prima in Pannonia. Posonii, Impensis Joannis Michaelis Landerer, perpetui in Füskut, 1790. Репр. Gramatické dielo Antona Bernoláka. Na vydanie pripravil a preložil Juraj Pavelek. Bratislava. SAV 1964, 113-424.

Бернолак 1817/1849 - Bernolak, A. Schlowakische Grammatik. Aus dem Lateinischen ins Deutsche übersetzt und nach der in k. k. österreichischen Erbländer für die National-Schulen vorgeschriebenen Ordnung eingerichtet. Übers. von Andreas Brestyansky. Budin 1817. Ofen 1849.

Бидерманн и Фрайдхоф 1984 - Texts and Studies on Russian Universal Grammar 1806-1812. I-II. Ed. by Johann Biedermann and Gerd Freidhof. SPS. München. Otto Sagner 1984.

Болдырев 1812 - Болдырев, Алексей Васильевич. Разсужденіе о глаголахъ. - ТОЛРС. 2. 1812. 65-84.

Болдырев 1812а - Болдырев, А.В. Разсужденіе о средствахъ исправить ошибки въ глаголѣ. - ТОЛРС. 3.1812. 30-50.

Болдырев 1816 - Болдырев, А.В. Отвѣтъ на замѣчанія [анонимного читателя]. - ТОЛРС. 6.1816. 112-130.

Болдырев 1817 - Болдырев, А.В. Объ изданіи Словаря. - ТОЛРС. 8.1817. 123-134.

Борн 1808 - Борн, Иван Мартынович. Краткое руководство къ Россійской словесности. СПб. Типографія Ф. Дрехслера 1808.

Варрон ок. 45 до н. э. - Varro. On the Latin language. With an English translation by Roland G. Kent. London & Cambridge, Mass. Harvard University Press 1951.

Вельцын 1816 - Weltzien, Samuel. Neue Praktische Grammatik der Russischen Sprache nach der Meidingerischen Methode. Joh. v. Heyms Russisch Kaiserlichen Statsraths und Ritters Russische Sprachlehre für Deutsche neu bearbeitet von Samuel Weltzien, Russisch Kaiserl. Titul. Rathe. Riga & Leipzig. C.J.G. Hartmann 1816.

Востоков 1811 - Остенек-Востоков, Александр Христофорович. Разсмотрѣніе представленнаго въ собраніе С.П.Б. Общества любителей Словесности, Наукъ и Художествъ, членомъ онаго Н.И. Гречемъ, Опыта о Русскихъ спряженіяхъ съ таблицею. СПб. 1811, с. 24-36 (Напечатано вместе с «Опытом» Греча 1811 г.).

Востоков 1831 - Востоков, А.Х. Русская грамматика Александра Востокова, по начерта-

нію его же сокращенной Грамматики полнѣе изложенная. СПб. ИАН 1831.

Востоков 1831а - Востоков, А.Х. Сокращенная русская грамматика для употребленія въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, составленная по порученію Комитета разсмотрѣнія учебныхъ пособій Александромъ Востоковымъ. СПб. Департам. народнаго просвѣщенія 1831.

Востоков 1848 - Vostokof, Alexander. Ryska Språkets grammatik i sammandrag. Ånyo öfversedd och kortare framställd. Öfversatt ifrån Ryskan af Wilhelm Avellan. Tavastehus, G. Nordenswan 1848.

*__Глебович__ 1823 - Hlebowicz, A. B. Grammatyka rossyyska dla użytku Cudzoziemców napisana przez Ch. Ph. Reiffa przełożona z francuzkiego języka i potrzebnemi dodatkami dla Użytku Polaków zastosowana przez A. B. Hlebowicza. Wilno 1823.

Глинка 1805 - Glinka, Gregor. Elementarbuch der Russischen Sprache zum Gebrauch der Kreisschulen in Lief- Ehst- Kur- und Finnland. Mitau. Joh. Friedr. Steffenhagen und Sohn 1805.

Глюк 1704 - Glück, Johann Ernst. Grammatik der russischen Sprache (1704). Hrsg. und mit einer Einleitung versehen von H. Keipert, B. Uspenskij und V. Živov. Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe B: Editionen N. F. 5 (20). Köln. Weimar. Wien. Böhlau Verlag 1994.

*__Горлицкий__ 1730 - [Горлицкий, Иван С.] Grammaire francoise et russe en Langue moderne accompagnée d'un petit Dictionnaire pour la Facilité du commerce. Грамматика французская и русская нынешняго языка сообщена с малымъ лексикономъ ради удобности сообщества. СПб. 1730.

*__Готтшед__ 1748 - Gottsched, Johann Christoph. Vollständige und Neuerläuterte Deutsche Sprachkunst, nach den Mustern der besten Schriftsteller des vorigen und itzigen Jahrhunderts abgefasset. Leipzig 1748. (1749, 1752, 1756, 1762).

Грамматика 1809 - Россійская Грамматика, изданная отъ главнаго правленія училищъ для преподаванія въ нижнихъ учебныхъ заведеніяхъ. СПб. ИАН 1809.

Грёнинг 1750 - Groening, Michael. Россійская Грамматика. Thet är Grammatica Russica, Eller Grundelig Handledning Til Ryska Språket; Jemte Et tilräckeligit Vocabularium, Ryska och Swenska Samtal, samt efter Ryska Språkets egenskap inrättade små Historier til öfning i Läsande. Utgifwen af Michael Groening, Kongl. Translator. Stockholm, Tryckt uti Kongl. Tryckeriet, Hos Directeuren Pet. Momma, 1750. Переизд. в кн.: Унбегаун 1969.

Греч 1811 - Греч, Николай Иванович. Опытъ о русскихъ спряженіяхъ съ таблицею. СПб. Ф. Дрехслеръ 1811.

Греч 1815 - Греч, Н.И. Сообщение о кн.: Таппе 1815. - Сын Отечества. 23.1815. 162-163.

Греч 1819 - Греч, Н.И. Рецензия на третье изд. Академической грамматики. СПб. 1819. - Сынъ Отечества. 55.1819. 31. 209-228; 32. 241-256; 33. 306-325.

Греч 1823 - Греч, Н.И. Корректурные листы руской грамматики. Первая тетрадь. СПб. Типографія Н. Греча 1823.

Греч 1827 - Греч, Н.И. Пространная русская грамматика. СПб. Типографія издателя 1827.

Греч 1827а - Греч, Н.И. Практическая русская грамматика. СПб. Типографія Имп. Санктпетербургскаго Воспитательнаго Дома 1827.

Греч 1828 - Gretsch, Nicolai. Grammaire Raisonnée de la Langue Russe, précédée d'une introduction sur l'histoire de cet idiome, de son alphabet et de sa grammaire, par Nic. Gretsch. Ouvrage traduit du russe, et arrangé pour la langue française...par Ch. Ph. Reiff. Tome premièr. Saint-Pétersbourg. l'Imprimerie de Nicolas Gretsch 1828.

Греч 1828а - Греч, Н.И. Начальныя правила русской грамматики. СПб. Типографія Имп. Санктпетербургскаго Восп. Дома 1828.

Греч 1828б - Gretsch, Nikolai. Grund-Regeln der Russischen Grammatik, herausgegeben von Nikolai Gretsch. Aus dem Russischen übersetzt von August

Oldekop. St. Petersburg. N. Gretsch 1828.

Греч 1829 - Gretsch, N. Grammaire Raisonnée de la Langue Russe. Tome II. Saint-Pétersbourg 1829.

Греч 1829a - Gretsch, Nicolai. Första Grunderna af Ryska Grammatiken. Öfwersatta från Ryskan af Gabriel Geitlin. Helsingfors. G. O. Wasenius 1829.

Греч 1834 - Греч, Н.И. Практическая русская грамматика. Второе издание, исправленное. СПб. Типографія издателя 1834.

Греч 1848 - Gretsch, N. Praktisk rysk grammatik. Andra förbättrade upplagan. Öfversatt ifrån Ryskan af Wilhelm Avellan. Tavastehus. G. Nordenswan 1848.

Гримм 1824 - Grimm, Jacob. Vorrede. Предисловие к изданию Караджич/Гримм 1824, с. I-LIV.

*__Давыдов__ 1807 - Давыдов, Иван Иванович. Начальныя правила россійской грамматики, въ пользу воспитанниковъ университетскаго благороднаго пансиона. Москва 1807, 1809, 1814, 1818, 1822, 1829, 1833, 1843.

Давыдов 1817 - Давыдов, И.И. О изданіи Русскаго словопроизводнаго Словаря. - ТОЛРС. 8.1817. 114-122.

Диомед ок. 375 - Diomedes. Diomedis Artis grammaticae libri III. - GL I, 297-529.

Дионисий Фракийский ок. 100 до н. э. - Τέχνη Διονυσίου Γραμματικοῦ. Изд. в кн.: Лало (1989: 40-65).

Добровский 1791 - Dobrowsky, Joseph. Ueber den Ursprung und die Bildung der slawischen und insbesondere der böhmischen Sprache. - Franz Johann Tomsa. Vollständiges Wörterbuch der böhmisch-deutsch- und lateinischen Sprache. Prag 1791, 11-32.

Добровский 1792 - Dobrowsky, J. Geschichte der Böhmischen Sprache und Litteratur. Prag. J. G. Calve 1792.

Добровский 1799 - Dobrowsky, J. Slovo Slavenicum, in specie Czechicum. Pragae Bohemorum 1799. Mense Maio.

Добровский 1809 - Dobrowsky, J. Ausführliches Lehrgebäude der Böhmischen Sprache zur gründlichen Erlernung derselben für Deutsche, zur vollkommenern Kenntniss für Böhmen. Prag. J. Herrl 1809.

Добровский 1814 - Dobrowsky, J. Wie und mit welcher Vorsicht soll man die Wurzelwörter und Stammsylben aus den vorhandenen Wörterbüchern aufsuchen und sammeln? - Slovanka. 1814. 27-54.

Добровский 1814a - Dobrowsky, J. Рецензия на кн.: Фатер 1808. - Slovanka. 1814. 200-207.

Добровский 1819 - Dobrowsky, J. Lehrgebäude der Böhmischen Sprache. Zum Theile verkürzt, zum Theile umgearbeitet und vermehrt. Prag. G. Haase 1819.

Добровский 1820 - Dobrowsky, J. Vorrede. Literatur der russischen Sprachlehren. Предисловие к кн.: Пухмайер 1820, IX-XLI.

Добровский 1822 - Dobrowsky, J. Institutiones linguae slavicae dialecti veteris, quae quum apud russos, serbos aliosque ritus graeci, tum apud dalmatas glagolitas ritus latini slavos in libris sacris obtinet. Vindobonae. Anton Schmid 1822.

Долежал 1746 - Doleschalius, Paullus. Grammatica Slavico-Bohemica, in qua Praeter Alia, Ratio Accuratae Scriptionis et Flexionis, quae in hac Lingua magnis difficultatibus laborat, ex genuinis fundamentis, demonstratur, ut et discrimen inter dialectum Bohemorum & Cultiorum Slavorum in Hungaria insinuatur; cum appendice, Quae, tum modum multiplicandi vocabula per Motionem, Derivationem Compositionemque; tum quaedam ad elegantiam sermonis spectantia, cum Catonis Dystichis, exhibet: quae omnia, Partim ex aliis Grammaticis accepta, partim propria industria inuestigata, atque a Viris, linquae huius haud imperitis, examinata, omnibus eiusdem Cultoribus ad usum proponit Paullus Doleschalius, Szakolcza - Hung. Praefatus est Matthias Belius. Posonii, Typis Royerianis, An. 1746.

Донат ок. 350 - Donatus Aelius. Donati Ars grammatica. - GL. IV, «Ars minor» 353-366. Ars Grammatica («maior») 367-402.

«**Донатус**» 1522 - Дона́тусъ си́речь грама́тика и а́збука переведѐнная Дими́трїемъ толмачѐмъ съ латѝнскаго языкà 1522-го, а́ списана 1563-го года. Вы́бранная отъ четырѐхъ кни́гъ учи́теля Алексàндра. - Ягич 1896, 528-585. (В приложении = Tolmač 1522).

Зизаний 1596 - Зїзанїй, Лаврен"тій. Грамматіка Словенска, Съвер"ше́н"наго искоуства осми ча́стїй сло́ва, и иныхъ нуждныхъ. Но́во съставлен"на Л. Z. В Вилни, в дроука́р"ни Брат"ской, року Божого 1596. Репр. Lavrentij Zizanij Hrammatika Slovenska Wilna 1596. Hrsg. und eingeleitet von Gerd Freidhof. SPS 1. Frankfurt am Main 1972.

Капнист 1817 - Капнист, Василий Васильевич. Милостивый государь мой Антон Антонович. - ТОЛРС. 8.1817. 184-185.

*__Караджич__ 1814 - Караџић, Вук Стефановић. Писменица сербскога їезика по говору простога народа. Wien 1814.

Караджич 1818 - Караџић, В.С. Српска граматика. - Српски рјечник, истолкован њемачким и латинским ријечма. Скупио га и на свијет издао Вук Стефановић. Wolf Stephansohn's Serbisch-Deutsch-Lateinisches Wörterbuch. Lupi Stephani F. Lexicon Serbico-Germanico-Latinum. Wien, Viennae. У Бечу 1818, XXIX-LXXI.

Караджич/Гримм 1824 - [Караџић]. Vuk's Stephanowitsch kleine Serbische Grammatik verdeutscht und mit einer Vorrede von Jacob **Grimm**. Nebst Bemerkungen über die neueste Auffassung langer Heldenlieder aus dem Munde des Serbischen Volks, und der Uebersicht des merkwürdigsten jener Lieder von Johann Severin Vater. Leipzig und Berlin. G. Reimer 1824.

*__Кассиус__ 1797 - Cassius, Johann Ludwig. Lehrgebäude der polnischen Sprache. Berlin 1797.

*__Кграматыка__ славеньска языка з газофилакіи славнаго града Острога. Вильно 1586. См. Ягич (1896: 671).

«**Компендиум**» 1731 - Compendium grammaticae Russicae (1731). Die erste Akademie-Grammatik der russischen Sprache. Hrsg. von H. Keipert im Verbindung mit A. Huterer. Bayerische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Abhandlungen. N. F. 121. München. Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften 2002.

*__Копиевич__ 1700 - Kopijewitz, Elias. Latina grammatica in usum scholarum celeberrimae gentis Sclavonico-Rosseanae adornata. Studio, atque opera Eliae Kopiiewitz seu de Hasta Hastennii. Amstelodami MDCC.

Копиевич 1706 - Kopijewitz, E. Руководенїе въ грамматыку. Во славяноросїискую. Или Московскою. Ко оутребленїю оучащыхся Языка Московскаго. Manuductio in Grammaticam. In Sclavonico Rosseanam. Seu Moscoviticam. In Usum discentium linguam Moscoviticam. Stoltzenbergii 1706. Переизд. в кн.: Унбегаун 1969.

Копитар 1808 - Kopitar, Bartholomäus (Jernej). Grammatik der slavischen Sprache in Krain, Kärnten und Steyermark. Laibach. Wilhelm Heinrich Korn 1808.

Копчинский 1778 - Kopczyński, Onufry. Gramatyka dla szkół narodowych. Gramatyka na klasę pierwszą. Przypisi do Gramatyki na klasę I. Warszawa 1778. Изд. также в 1780 г. и в Wilno в 1796 г.

Копчинский 1780 - Kopczyński, O. Gramatyka dla szkół narodowych na klassę II. Przypisi do grammatyki na klassę II. Warszawa 1780.

Копчинский 1783 - Kopczyński, O. Grammatyka dla szkół narodowych na klassę III. Drugi ráz wydana. Przypisi do grammatyki na klassę III. Warszawa 1778.

*__Копчинский__ 1807 - Kopczyński, O. Essai de grammaire polonaise. Warszawa 1807.

Копчинский 1817 - Kopczyński, O. Grammatyka języka polskiego. Warszawa 1817.

КПР 1773 - Краткія пра́вила Россійской Грамматики, собранныя изъ разныхъ россійскихъ грамматикъ въ пользу Обучающагося Юношества въ Гимназіяхъ Императорскаго Московскаго Университета. Москва. Императорскій Московскій Университетъ 1773. Репр. Kratkija pravila Rossijskoj grammatiki. Moskva 1773. Nachdruck nebst einer Aufsatzstudie von M. Schütrumpf. SPS 41. München 1982.

КПР 1784 - Краткія пра́вила Россійской Грамматики, собранныя и вновь дополненныя изъ

разныхъ россійскихъ грамматикъ въ пользу Обучающагося Юношества въ Гимназіяхъ Императорскаго Московскаго Университета. Москва. Университетская типография 1784. Репр. Kratkija pravila Rossijskoj grammatiki. Moskva 1784. Nachdruck besorgt von M. Schütrumpf. SPS 32. München 1980.

Крижанич 1666 - Крижанић, Јурай. Граматѝчно изказанје об рýском језѝку, попá Јýрка Крижáнища. Репр.: Juraj Križanić. Gramatično izkazanje ob ruskom jeziku 1666. Abdruck der Erstausgabe von 1848/59 besorgt von Gerd Freidhof. SPS 10. Frankfurt am Main 1976.

Крижанич 1666/1984 - Križanić, Juraj. Gramatično izkazanje ob ruskom jeziku. Priredio i uvodnu raspravu napisao Josip Hamm. Juraj Križanić. Sabrana djela. Knjiga 2. Zagreb. JAZU 1984.

Курганов 1769 - Курганов, Николай Гаврилович. Россїйская универсальная грамматика, или всеобщее писмословїе, Предлагающее Легчайшїй способъ основательнаго ученїя рускому языку съ седмью присовокупленїями разныхъ учебныхъ и полезнозабавныхъ вещей. Издано во Градѣ Святаго Петра 1769 года.

Курганов 1793 - Курганов, Н.Г. Писмовникъ, содержащїй въ себѣ науку Россїйскаго языка со многимъ присовокупленїемъ разнаго учебнаго и полезнозабавнаго вещесловія. Пятое изданїе вновь выправленное, приумноженное и раздѣленное въ двѣ части. СПб. ИАН 1793. Jal-Reprint. Würzburg 1978.

*__Ланген__ 1811 - Languen, Jacques. Manuel de la langue russe, à l'usage des étrangers; suivi d'un précis historique sur la Littérature russe. Mitau 1811. 3. изд. СПб. 1825. (перевод грамматики Борна 1808).

Ласкарис 1476 - Laskaris, Konstantinos. Grammatica Graeca. Mediolani. Per Magistrum Dionysium Paravisinum 1476. Репр. Constantinus Lascaris Greek Grammar. Facsimile ed. Amsterdam. Hakkert 1966.

*__Лебедев__ 1746 - Лебедев, Василий. Сокращеніе грамматики латинской, въ пользу учащагося латинскому языку Россійскаго юношества. Переведено чрезъ Василья Лебедева, переводчика при Академіи наукъ. СПб. 1746. (цит. по: Успенский 1989: 243).

Ломоносов 1755 - Ломоносов, Михайло Васильевич. Россійская грамматика. СПб. ИАН 1755. Переизд. в кн.: М.В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Том седьмой. Труды по филологии 1739-1758 гг. Москва-Ленинград. АН СССР 1952, 389-578.

Ломоносов 1755а - Ломоносов, М.В. Материалы к Российской грамматике. М.В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. т. 7. Москва-Ленинград 1952, с. 594-760.

Ломоносов 1764 - Lomonossow, Michael. Russische Grammatick verfasset von Herrn Michael Lomonossow Kayserl. Staats-Rath, der Kayserl. Academie der Wissenschafften zu St. Petersburg wirklichem Mitgliede und Professorn der Chymie, wie auch der Kayserlichen Academie der Künste daselbst, der königlichen Academie der Wissenschafften in Schweden und der Academie des Bononischen Instituts Ehrenmitgliede, aus dem Russischen übersetzt von Johann Lorenz Stavenhagen. St. Petersburg: die Kayserl. Academie der Wissenschaften 1764. Репр. Russische Grammatick verfasset von Herrn Michael Lomonossow. Aus dem Russischen übersetzt von Johann Lorenz Stavenhagen. St. Petersburg 1764. SPS 27. München. Otto Sagner 1980.

*__Лубович__ 1778 - Lubowicz, M. Grammatyka rossyiska. Poczaiow 1778. (Польский перевод грамматики Ломоносова).

Лудольф 1696 - Ludolf, Heinrich Wilhelm. Henrici Wilhelmi Ludolfi Grammatica Russica Quae continet Non tantum praecipua fundamenta Russicae Linguae, Verum etiam Manuductionem quandam ad Grammaticam Slavonicam. Additi sunt in forma dialogorum modi loquendi communiores, Germanice aeque ac Latine explicati, in gratiam eorum qui linguam Latinam ignorant. Una cum brevi vocabulario rerum naturalium. Oxonii, E Theatro Sheldoniano, A. D. MDCXCVI. Репр. Henrici Wilhelmi Ludolfi Grammatica Russica. Oxonii A.D. MDCXCVI. Edited by B. O. Unbegaun. Oxford. The Clarendon Press 1959.

*__Максимов__ 1723 - [Максимов, Федор]. Грамматíка Славéнскаѧ въ крáтцѣ собрáннаѧ въ Грекославéнской шкóлѣ яже въ велúкомъ Новѣ грáдѣ при дóмѣ архїерейскомъ. Повелѣнїемъ Всепресвѣтлѣйшаго, Державнѣйшаго Государя нашего Петра Великаго, Отца Отечества, Императора и Самодержца Всероссійскаго. Благословеніемъ же Святѣйшаго Прави-

тельствующаго Всероссійскаго Сѵнода напечатася при Санктъпитербурхѣ въ Троицкомъ Александровскомъ монастырѣ лѣта Рож. Христова 1723.

*Меланхтон 1518 - Melanchthon, Philipp. Grammatica Graeca 1518.

*Меланхтон 1520 - Melanchthon, Ph. Grammatica Latina 1520.

МНР 1811 - Рецензия на кн.: Таппе 1810. - Jenaische Allgemeine Literatur-Zeitung. 4.1811.247. 185-190.

Модрю 1802 - Maudru, Jean-Baptiste. Élémens raisonnés de la langue russe, ou principes généraux de la grammaire appliqués à la langue russe. I-II. Paris 1802.

*Мразович 1794 - Мразовић, Аврам. Руководство къ словенстѣй грамматицѣ. Вѣна 1794, 1800, 1811, 1821, 1840.

НГ 1745 - Немецко-русский список терминов в немецкой грамматике (Шванвиц 1745). Приложение (с. 134-140) к статье: Кайперт 1983.

Неедлый 1804 - Negedly, Johann. Böhmische Grammatik. Mit Tabellen und einem Anhange nach Meidingers Lehrart für Deutsche bearbeitet. Prag 1804. (2. изд. 1809).

Неедлый 1821 - Negedly, J. Practische Böhmische Grammatik für Deutsche. Dritte verbesserte Ausgabe. Prag 1821.

*Никольской 1807 - Никольской, Александр Сергеевич. Основанія Россійской Словесности. Изданы при Государственномъ Адмиралтейскомъ Департаментѣ для Морскихъ Училищъ. Часть 1. Грамматика. СПб. 1807. 1809, 1814, 1822, 1823, 1828, 1830.

Никольской 1830 - Никольской, А. С. Основанія Россійской Словесности. Седьмое изданіе. Часть первая [Грамматика]. СПб. Въ Типографіи Ивана Глазунова 1830.

Нудожер 1603 - Nudozierinus, Laurentius Benedictus. Grammaticae bohemicae, ad leges naturalis Methodi Conformatae, & Notis numerisque illustratae ac distinctae, libri duo. Pragae. Ex officina Othmariana 1603.

Оптат, Гзель и Филоматес 1533 - Optát, Beneš; Gzel, Petr; Philomates, Václav: Grammatyka Česká. Die Ausgabe von 1533 und 1588 (in 2 Teilen). Herausgegeben und eingeleitet von Gerd Freidhof. SPS 7. Frankfurt am Main 1974.

Орнатовский 1810 - Орнатовский, Иван. Новѣйшее начертаніе правилъ Россійской грамматики, на началахъ всеобщей основанныхъ. Харьков. Унив. Типографія 1810. Репр. в кн.: Бидерманн и Фрайдхоф 1984, I.

ОЧС 1400 - Осьмь честии слова, ѥлико глаголѥмь и пишемь. - Ягичъ 1896, 40-46.

ОЧС 1500 - Сто Іоанна Дамаскинà о осми́хь ча́стѣхъ сло́ва, ели́ка пи́шемъ и глемъ. - Ягичъ 1896, 47-54.

*Паус 1729 - Pause, Johann Werner. Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache zum Nutzen Sonderl. der teutschen Nation aufgesetzt. Рукопись Q 192 в собрании иностранных рукописей Библиотеки Академии наук. Москва 1705-1729.

Пельцель 1795 - Pelzel, Franz Martin. Grundsätze der böhmischen Grammatik. Prag. Franz Gerzabek 1795. (2. изд. 1798).

*Поликарпов 1724 - [Поликарпов, Федор]. [«Технология» 1724 г.] Рукопись Центрального гос. архива древних актов. собрание Оболенского, Ф. 201, № 6. (Сведения по Успенскому 1989 и 1992: 114).

*Поликарпов 1725 - [Поликарпов, Ф.]. Технологїа то есть художное собесѣдованїе о грамматїческом художествѣ, собранное вопросоотвѣтами по алфавїту числителному в' пользу люботщательства отроческаго в' лѣто 1725. Рукопись Гос. публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина. (Сведения по Успенскому 1989 и 1992: 114).

Присциан ок. 500 - Priscianus. Prisciani Grammatici Caesariensis Institutionum Grammaticarum Libri XVIII. Ex recensione Martini Hertzii vol. I libros I-XII continens. - GL. II.

Пухмайер 1820 - Puchmayer, Anton Jaroslaw. Lehrgebäude der russischen Sprache. Nach dem Lehrgebäude der böhmischen Sprache des Hrn. Abbé Dobrowsky. Prag. J.G. Calve'sche Buchhandlung [1820]. (С предисловием Добровского).

Рейф 1821 - Reiff, Charles Philipp. Grammaire russe à l'usage des étrangers

qui désirent connaître à fond les principes de cette langue, précédée d'une Introduction sur la langue slavonne. St. Pétersbourg 1821.

Рейф 1835 - Reiff, Ch. Ph. Abrégé de la grammaire russe. - Dictionnaire russe-français, dans lequel les mots russes sont classés par familles; ou Dictionnaire étymologique de la langue russe. Русско-французский словарь, въ которомъ русскія слова расположены по происхожденію. томъ первый. Saint-Pétersbourg 1835, I-LIX.

Рижский 1806 - Рижский, Иван. Введеніе въ кругъ словесности, сочиненное въ Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ, и служившее руководствомъ бывшихъ въ ономъ 1805го года публичныхъ чтеній, предшествовавшихъ наукѣ краснорѣчія. Харьков. Унив. Типографія 1806. Репр. в кн.: Бидерманн и Фрайдхоф 1984, II.

Родде 1773 - Rodde, Jacob. Russische Sprachlehre, zum Besten der deutschen Jugend eingerichtet. Riga. Johann Friedrich Hartknoch 1773. Nachdruck von G. Freidhof und B. Scholz. SPS 38. München. Otto Sagner 1982. (2-ое изд. 1778, 3-е изд. 1784).

Родде 1789 - Rodde, J. Russische Sprachlehre. Vierte vermehrte Auflage. Riga. J. Fr. Hartknoch 1789. (5-ое изд. 1790).

Роса 1672 - Rosa, Wenceslaus Johannes. Czechořečnost. Seu Grammatica Linguae Bohemicae Quatuor Partibus Orthographia, Ethymologia, Syntaxi, & Prosodia constans, In qua, omnia ejus Linguae fundamenta, novo, & facili ad eam discendam modo, per Regulas certas, & universales, explicantur, & omnimodae, Grammaticis accuratis Disquisitionibus, Analogiae deteguntur. Micro-Pragae: Typis Ioannis Arnolti a Dobroslawina [1672].

Смотрицкий 1619 - Смотрицкий, Мелетий. Грамматіки Славе́нскиѧ пра́вилное Сvнтагма. Еве 1619. Репринт: Мелетій Смотрицький. Граматика. Підготовка факсимільного видання та дослідження пам'ятки В.В. Німчука. Київ «Наукова Думка» 1979.

Смотрицкий 1619/1974 - Meletij Smotryćkyj. Hrammatiki slavenskija pravilnoe syntagma. Jevje 1619. Kirchenslavische Grammatik (Erstausgabe). Hrsg. und eingeleitet von Olexa Horbatsch. SPS 4. Frankfurt am Main 1974.

***Смотрицкий** 1621 - [Смотрицкий, М.]. Грамматики албо сложенія письмени хотящимъ ся учити словеньскаго языка, младолетнымъ отрочатомъ. Вильно 1621.

Смотрицкий 1638 - [Смотрицкий, М.]. Грамматіки илѝ писменнича язы́ка Слове́н'скаго тща́телемъ въ кра́тъце издана въ Кремѧнци. Року а,х,ли [1638]. Репр.: Hrammatiki ili pismennica jazyka sloven'skaho. Kremjaneć 1638. Eine gekürzte Fassung der kirchenslavischen Grammatik von Meletij Smotryćkyj. Hrsg. und eingeleitet von Olexa Horbatsch. SPS 11. Frankfurt am Main 1977.

***Смотрицкий** 1648 - [Смотрицкий, М.]. Грамматика. Анонимное издание грамматики Смотрицкого. Москва 1648.

***Смотрицкий** 1721 - [Смотрицкий, М.]. Грамматика въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ: въ лѣто отъ сотворенія мира 7229, отъ рождества же по плоти Бога слова 1721 г. Издание Ф. Поликарпова.

***Смотрицкий** 1755 - [Смотрицкий, М.]. Грамматѝка въ пользу и употребле́нїе отро́ковъ Се́рбски жела́ющихъ основа́телнаго наученія Славе́нскаго дїа́лекта напечата́ся въ Епископїи Ры́мнической. Лѣта Господня [1755].

Сойе 1724 - Sohier, Jean. Grammaire et Methode Russes et Françoises 1724. Факсимильное издание под редакцией и с предисловием Б.А. Успенского. I-II. SPS 69. München. Otto Sagner 1987.

***Соколов** 1788 - Соколов, Петр Иванович. Начальныя основанія Россійской грамматики, въ Пользу учащагося въ Гимназіи при Императорской Академіи Наукъ юношества составленныя. СПб. 1788, 1792 (исправл.), 1797, 1800, 1806 (исправл.), 1808, 1810.

Соколов 1792 - Соколов, П. И. Начальныя основанїя Россїйской грамматики, въ Пользу учащагося в Гимназїи при Императорской Академїи Наукъ юношества составленныя, во многихъ мѣстахъ при семъ новомъ изданїи инымъ порядкомъ разположенныя и изправленныя, многими новыми правилами дополненныя и обогащенныя. Изданїе второе. СПб. ИАН 1792.

Соколов 1806 - Соколов, П. И. Начальныя основанія Россійскія грамматики, въ Пользу учащагося юношества составленныя, во многихъ мѣстахъ противъ перваго изданія инымъ порядкомъ расположенныя, исправленныя и многими новыми правилами дополненныя. Изданіе четвертое. СПб. ИАН 1806.

Статориус 1568 - Statorius, Petrus. Polonicae Grammatices Institutio. In eorum gratiam, qui eius linguae elegantiam cito & facile addiscere cupiunt. Cracoviae. Apud Mathiam Wirzbięetam, Typographum Regium 1568. Nunc iterum edidit R. Olesch. Slavistische Forschungen 26. Köln. Wien. Böhlau 1980.

*__Сырейщиков__ 1787 - [Сырейщиков, Е. Б.] Краткая Россійская Грамматика, изданная для народныхъ училищъ Россійской имперіи. СПб. 1787. Последующие издания: 1790, 1794, 1796, 1801, 1804. 1806.

Таппе 1810 - Tappe, August Wilhelm. Neue theoretisch-praktische Russische Sprachlehre für Deutsche mit Beispielen, als Aufgaben zum Uebersetzen aus dem Deutschen in das Russische, nach den Hauptlehren der Grammatik, nebst einem Abrisse der Geschichte Russlands. St. Petersburg beim Verfasser, in der deutschen Hauptschule zu St. Petri. Riga: I.C.G. Hartmann 1810.

Таппе 1812 - Tappe, A. W. Neue theoretisch-praktische Russische Sprachlehre für Deutsche. Zweite verbesserte und vermehrte Auf. St. Petersburg & Riga 1812.

Таппе 1815 - Tappe, A. W. Neue theoretisch-praktische Russische Sprachlehre für Deutsche. Vierte verbesserte und vermehrte Aufl. St. Petersburg, Riga und Leipzig 1815.

*__Таппе__ 1819 - Tappe, A. W. Neue theoretisch-praktische Russische Sprachlehre für Deutsche. Fünfte Aufl. Riga & Leipzig 1819.

Тимковский 1811 - Тимковский, Илия. Опытный способъ къ философическому познанію Россійскаго языка. Изданный Императорскимъ Харьковскимъ Университетомъ. Харьковъ. Университетская Типографія 1811. Репр. в кн.: Бидерманн и Фрайдхоф 1984, II.

Томса 1782 - Tomsa, Franz Johann. Böhmische Sprachlehre. Prag. im Verlag der k. k. Normalschule 1782.

Томса 1804 - Tomsa, F. J. Über die Bedeutung, Abwandlung und Gebrauch der čechischen Zeitwörter. Mit dreissig čechischen und teutschen Gesprächen und Erzählungen. Prag. Auf Kosten des Verfassers 1804.

Ужевич 1643, 1645 - Ужевич, Иоанн. Граматыка словѣнская написана през Иоанна Ужевича словѧнина, Славной Академіи Парижской в Теологіи Студента в Парижу. Grammatica Sclavonica scripta Per Ioannem Usevicium Sclavonum Celeberrimae Academiae Parisiensis Studiosum Theologum. Parisiis Anno 1643. Аррасская рукопись 1645 г. Факсим. изд.: Граматика слов'янська І. Ужевича. Підг. до друку І. К. Білодід, Е. М. Кудрицький. Київ «Наукова думка» 1970.

Унбегаун 1969 - Unbegaun, Boris O. Drei russische Grammatiken des 18. Jahrhunderts. Nachdruck der Ausgaben von 1706, 1731 und 1750 mit einer Einleitung von B. O. Unbegaun. Slavische Propyläen 55. München. Wilhelm Fink 1969.

Фатер 1801 - Vater, J. S. Versuch einer allgemeinen Sprachlehre. Halle 1801. Faksimile-Neudruck Stuttgart-Bad Cannstatt. Friedrich Frommann Verlag (Günther Holzboog) 1970.

Фатер 1805 - Vater, J. S. Lehrbuch der allgemeinen Grammatik besonders für höhere Schul-Classen, mit Vergleichung älterer und neuerer Sprachen. Halle. Rengersche Buchhandlung 1805.

Фатер 1807 - Vater, J. S. Grammatik der polnischen Sprache in Tabellen, Regeln und Beispielen. Halle. J. J. Gebauer 1807.

Фатер 1808 - Vater, J. S. Praktische Grammatik der Russischen Sprache in Tabellen und Regeln, nebst Uebungstücken zur grammatischen Analyse, einer Einleitung über Geschichte der Russischen Sprache und die Anordnung ihrer Grammatik, und Berichtigungen der Heymischen Sprachlehre. Leipzig. S. L. Crusius 1808.

Фатер 1814 - Vater, J. S. Praktische Grammatik der Russischen Sprache in bequemen und vollständigen Tabellen und Regeln mit Übungsstücken zur

grammatischen Analyse und zum Übersetzen ins Russische. Zweyte vermehrte und umgearbeitete Auflage. Leipzig. Fr. Chr. W. Vogel 1814.

Федоров 1574 - Федоров, Иван. Азбука 1574. Подготовка издания и послесловие Г.В. Карпюка. Москва. «Просвещение» 1974.

Хайм 1789 - Heym, Johann: Russische Sprachlehre für Deutsche [mit einer Chrestomatie]. Moskwa. in der Universitäts Buchdruckerey 1789. (2-ое изд. вышло в Риге 1794).

Хайм 1804 - Heym, J. Russische Sprachlehre für Deutsche. Neue völlig umgearbeitete und vermehrte Auflage. Riga. Carl Johann Gottfried Hartmann 1804, 1805. Ср. Вельцын 1816.

Харисий ок. 375 - Flavii Sosipatri Charisii Artis grammaticae libri V. Ex Charisii Arte grammatica excerpta. - GL. I, 1-296. 531-565.

*__Харрис__ 1751 - Harris, James. Hermes: or, a Philosophical Inquiry concerning Language and Universal Grammar. London 1751.

Хэрд 1827 - Heard, James. A practical Grammar of the Russian Language. St. Petersburg 1827.

*__Целлларий__ и __Геснер__ 1762 - Краткая латинская грамматика, сочиненная Господиномъ Целлариемъ, исправленная и умноженная Господиномъ Геснеромъ; съ нѣмецкаго на Россiйской языкъ переведена при Имп. Моск. Университетѣ Элоквенции профессоромъ Антономъ Барсовымъ. Москва. Унив. Типография чрезъ фактора Гоіера 1762.

Ч. 1812 - Рецензия на кн.: Таппе 1810, 1812. - Санктпетербургский Вестник. 1812. № 3. 339-354.

Чаплин 1822 - Чаплин, А. О раздѣленiи глаголовъ. - ТОЛРС. 21. 1822. Сочинения в прозе и стихах. Часть 1. 37-44.

Шарпантье 1768 - Charpentier. Elemens de la langue russe ou methode courte et facile pour apprendre cette langue conformement à l'usage. A Saint Petersbourg. De l'Imprimerie de l'Academie Imperiale des Sciences MDCCLXVIII.

*__Шванвиц__ 1730 - [Шванвиц, Schwanwitz, Martin]. Нѣмецкая грамматика изъ разныхъ авторовъ собрана и россiискои юности въ пользу издана отъ учителя немецкаго языка при Санктъ Петербургскои гимназiи. Die Teutsche Grammatica aus unterschiedenen Auctoribus zusammen getragen und der Russischen Jugend zum Besten heraus gegeben von dem Informatore der Teutschen Sprache bey dem St. Petersburgischen Gymnasio. [СПб.] 1730.

*__Шванвиц__ 1734 - [Шванвиц, Schwanwitz, M.]. Нѣмецкая грамматiка собранная изъ разныхъ авторовъ и в пользу Санктпетербургскои гумназiи вторымъ тисненiемъ изданная. Teutsche Grammatica aus unterschiedenen Auctoribus zusammen getragen und zum Gebrauch des St. Petersburgischen Gymnasii zum andern mahl herausgegeben. СПб. 1734.

*__Шванвиц__ 1745 - [Шванвиц, Schwanwitz, M.]. Нѣмецкая грамматика собранная прежде изъ разныхъ авторовъ, а нынѣ для употребленiя Санктпетербургской гимназiи вновь пересмотрѣнная и во многихъ мѣстахъ исправленная. Teutsche Grammatica aus unterschiedenen Auctoribus ehmahls zusammen getragen, nunmehro aber von neuen übersehen und viel verbessert zum Gebrauch des St. Petersburgischen Gymnasio herausgegeben. СПб. 1745. (Ср. НГ/NG 1745).

Шёстедт 1824 - Sjöstedt, Carolus Gust. Observationes in doctrinam grammaticorum de formis verborum linguae Russicae. Aboae. Typis Frenckelliorum 1824.

Эрстрём и **Оттелин** 1814 - Ehrström, Erik Gustaf & Ottelin, Carl G. Rysk Språklära för Begynnare. Lärobok i Ryska Språket. Första delen. Grammatik. St. Petersburg. M.C. Iversen 1814. (В приложении = E & O 1814).

Эрстрём и **Оттелин** 1822 - Ehrström, E. G. & Ottelin, C. G. Rysk Läsebok med Ordtolkning. Andra bandet: Ordtolkning. Åtföljd af Afhandling om Ryska Språkets Egenskaper, af J.S. Vater [Öfversättning, с. 203-265] och Några Reflexioner, under hänsigt till Ryska Språkets Studium och närvarande Arbetes begagnande [af Ehrström & Ottelin, с. 265-374]. Lärobok i Ryska Språket. Andra delen. Chrestomatie med lexikon. Åbo. Bibelsällskapets

Tryckeri 1822. (В приложении = E & O 1822).

Эрстрём и **Оттелин** 1830 - Ehrström, E. G. & Ottelin, C. G. Rysk Språklära för Begynnare. Lärobok i Ryska Språket. Första delen: Grammatik. Andra omarbetade Upplagan. Borgå. Christ. Ludv. Hjelt 1830. (В приложении = E & O 1830).

Ягич 1896 - Ягич, И.В. Рассужденія южнославянской и русской старины о церковнославянскомъ языкѣ. Собралъ и объяснилъ орд. акад. И. В. Ягичъ. Codex Slovenicus Rerum Grammaticarum. Ed. V. Jagić. Petropoli 1896.

Язвицкий 1810 - Язвицкий, Николай. Всеобщая, философическая грамматика. СПб. ИАН 1810. Репр. в кн.: Бидерманн и Фрайдхоф 1984, II.

Якоб 1812 - Якоб, Лудвиг Гейнрих. Начертаніе всеобщей грамматики для Гимназій Россійской Имперіи. Издано отъ Главнаго Правленія Училищъ. Курсъ философіи для Гимназій Российской Имперіи. Часть вторая. СПб. ИАН 1812. Репр. в кн.: Бидерманн и Фрайдхоф 1984, II.

***Якоб** 1814 - Jakob, Ludvig Heinrich. Grundriss der Allgemeinen Grammatik zum Gebrauch für Schulen. Leipzig 1814.

***Яндит** 1705 - Jandyt (Jandit), Václav (Wenzel). Grammatica linguae boëmicae methodo facili. Praha 1704, 1705.

II. Исследования

Агрелль 1908 - Agrell, Sigurd. Aspektänderung und Aktionsartbildung beim polnischen Zeitworte. Ein Beitrag zum Studium der indogermanischen Präverbia und ihrer Bedeutungsfunktionen. Lunds Universitets Årsskrift. N. F. Afd. 1. Bd. 4:2. Lund 1908.

Андерссон 1972 - Andersson, Sven-Gunnar. Aktionalität im Deutschen. Eine Untersuchung unter Vergleich mit dem russischen Aspektsystem. I. Die Kategorien Aspekt und Aktionsart im Russischen und im Deutschen. Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Germanistica Upsaliensia 10. Uppsala. Almqvist & Wiksell 1972.

Балицкий 1876 и 1876 А - Балицкій, Иван Иванович. Матеріалы для исторіи славянскаго языкознанія. Литература изслѣдованій о церковнославянскомъ и русскомъ языкахъ на иностранныхъ языкахъ. Съ XVI вѣка по 1872 годъ (въ хронологическомъ порядкѣ). Кіевъ. Тип. Кіевопечерской Успенской Лавры 1876. (Литература на иностранных языках с. 1-60. А. На славяно-русском и русском языках с. 1-83).

Бауманн 1964 - Baumann, Hasso. Die erste in deutscher Sprache gedruckte Russischgrammatik. - Beiträge zur Geschichte der Slawistik. Hrsg. von H. H. Bielfeldt und K. Horálek. Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Veröffentlichungen des Institut für Slawistik NR. 30. Berlin 1964, 183-191.

Бауманн 1969 - Baumann, H. Die erste in deutscher Sprache gedruckte Grammatik des modernen Russischen und die Praxis der zeitgenössischen Literatursprache. - Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich-Schiller-Universität Jena. Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe. 18.1969. 5. 1-6.

Бауманн 1973 - Baumann, H. V. E. Adodurovs Bedeutung für die Entwicklung der russischen Literatursprache. - Zeitschrift für Slawistik. 18.1973.5. 646-652.

Бернхарди 1805 - Bernhardi, August Ferdinand. Anfangsgründe der Sprachwissenschaft. Berlin. Heinrich Frölich 1805. Faksimile-Neudruck mit einer Einleitung von Roswitha Wild-Schedlbauer. Stuttgart-Bad Cannstatt. frommann-holzboog 1990.

Бернхарди 1829 - Bernhardy, Gottfried. Wissenschaftliche Syntax der griechischen Sprache. Berlin. Duncker & Humblot 1829.

Бидерманн 1978 - Biedermann, Johann. Zur Entwicklung der russischen grammatischen Terminologie (Wortarten und Kategorien). - Zeitschrift für slavische Philologie. 40.1978. 77-128.

Бидерманн 1981 - Biedermann, J.: Grammatiktheorie und grammatische Deskription in Russland in der 2. Hälfte des 18. und zu Anfang des 19. Jahrhunderts. Europäische Hochschulschriften. Reihe XVI. Slawische Sprachen und Literaturen 17. Frankfurt am Main. Bern. Peter D. Lang 1981.

Бинник 1991 - Binnick, Robert I. Time and the verb. A guide to tense and aspect. New York. Oxford. Oxford University Press 1991.

Бондарко 1971 - Бондарко, Александр Владимирович. Вид и время русского глагола (значение и употребление). Пособие для студентов. Москва. «Просвещение» 1971.

Бопп 1816 - Bopp, Franz. Über das Conjugationssystem der Sanskritsprache in Vergleihung mit jenem der griechischen, lateinischen, persischen und germanischen Sprache. Frankfurt am Main 1816.

Бругманн 1885 - Brugmann, Karl. Griechische Grammatik (Lautlehre, Flexionslehre und Syntax). - HbAW, hrsg. von Iwan Müller. II. Nördlingen. C. H. Beck 1885, 1-126.

Булич 1904 - Булич, Сергей Константинович. Очерк истории языкознания в России. т. I. Записки Историко-филологическаго факультета Императорскаго С.-Петербургскаго университета. ч. 75. СПб. 1904.

Буттманн 1792/1805 - Buttmann, Philipp. Griechische Grammatik. Dritte, durchaus vermehrte und umgearb. Ausgabe. Berlin 1805.

Ваахтера 1998 - Vaahtera, Jaana. Derivation. Greek and Roman views on word formation. Annales Universitatis Turkuensis. Ser. B. 229. Humaniora. Turku. Turun yliopisto 1998.

Васильева 1997 - Васильева, Н.В. Терминология лингвистическая. - Русский язык. Энциклопедия. Москва. «Большая Российская Эицклопедия» 1997, 560-562.

Вейсман 1899 - Вейсман, А.Д. Замѣтки къ исторіи русской грамматики. - ЖМНП. 324.1899. июль. 106-127.

Виноградов 1947/1972 - Виноградов, Виктор Владимирович. Русский язык (грамматическое учение о слове). Москва. Ленинград. Государственное учебно-педагогическое издательство 1947. Изд. второе. Москва. «Высшая школа» 1972.

Винтер и **Эйхлер** 1984 - Winter, E. und Eichler, E. Johann Severin Vater - ein Wegbereiter der deutsch-slawischen Wechselseitigkeit (Zu Vaters slawistischen Studien im Lichte seiner Briefe an Friedrich Adelung in Petersburg). Berlin. Akademie-Verlag 1984.

Виссеманн 1958 - Wissemann, Heinz. Der Verbalaspekt in den älteren Darstellungen der russischen Grammatik. - Zeitschrift für slavische Philologie. 26.1958. 351-375.

Вондрак 1928 - Vondrák, Wenzel. Vergleichende Slavische Grammatik. II. Band. Formenlehre und Syntax. Zweite Aufl. neubearbeitet von O. Grünenthal. Göttingen. Vandenhoeck & Ruprecht 1928.

Ворт 1983 - Worth, Dean S. The origins of Russian grammar. Notes on the state of Russian philology before the advent of printed grammars. Columbus, Ohio. Slavica Publishers 1983.

Голлинг 1903 - Golling, J. Einleitung in die Geschichte der lateinischen Syntax. Historische Grammatik der lateinischen Sprache. Dritter Band. Syntax des einfachen Satzes. Leipzig. B. G. Teubner 1903, 1-87.

Головин 1950 - Головин, Борис Николаевич. О видовых и внутривидовых грамматических значениях современных русских глаголов. - Ученые записки Вологодского пед. института им. В.М. Молотова. 7.1950. 249-287.

Головин 1951 - Головин, Б. Н. О приставочных формах выражения внутривидовых значений в современном русском глаголе. - Ученые записки Московского гос. пед. института им. В.И. Ленина 64.1951. 37-76.

Гонда 1962 - Gonda, Jan. The aspectual function of the Ṛgvedic present and aorist. Disputationes Rheno-Trajectinae 7. 'S-Gravenhage. Mouton & Co 1962.

Горбач 1964 - Horbatsch, Olexa. Die vier Ausgaben der kirchenslavischen Grammatik von M. Smotryćkyj. Frankfurter Abhandlungen zur Slavistik. Bd. 7. Wiesbaden 1964.

Горбач 1973 - Horbatsch, O. Die erste gedruckte griechisch-kirchenslavische Grammatik aus dem J. 1591. Предисловие к изданию «Адельфотис» 1591/1973, I-XVI.

Горбач 1974 - Horbatsch, O. Die kirchenslavische Grammatik von M. Smotryćkyj, ihre Quellen und Auswirkungen. Предисловие к изданию «Смотрицкий» 1619/1974, I-XXII.

Горбач сборник 1983 - Studia Slavica in Honorem Viri Doctissimi Olexa Horbatsch. Festgabe zum 65. Geburtstag. Hrsg. von G. Freidhof, P. Kosta und M. Schütrumpf. Teil 3. Lomonosov und grammatische Beschreibung im 18. Jahrhundert. München 1983.

Григорян 1955 - Григорян, С. С. Из истории разработки категории вида в русской научной грамматике. - Сборник научных трудов Ереванского педагогического института. 5. 1955. 5-37.

Грунский 1910 - Грунский, Николай Кузьмич. Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков. т. I. СПб. Сенатская Типографія 1910.

Дельбрюк 1874 - Delbrück, Berthold. Das altindische Verbum aus den Hymnen des Rigveda seinem Baue nach dargestellt. Halle 1874.

Дельбрюк 1897 - Delbrück, B. Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen. Zweiter Theil. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen von Karl Brugmann und Berthold Delbrück. IV. Band. Strassburg. Karl J. Trübner 1897.

Дитрих 1973 - Dietrich, Wolf. Der periphrastische Verbalaspekt in den romanischen Sprachen. Untersuchungen zum heutigen romanischen Verbalsystem und zum Problem der Herkunft des periphrastischen Verbalaspekts. Tübingen. Max Niemeyer 1973.

Добродомов 1987 - Добродомов, Игорь Георгиевич. Н. И. Греч - грамматист. - Русская речь. 1987.6. 58-62.

Добродомов 1997 - Добродомов, И.Г. Калька. - Русский язык. Энциклопедия. Москва 1997, 175-176.

Долинина 1989 - Долинина, И.Б. Теоретические аспекты глагольной множественности. - ТИК 1989, 258-269.

Достал 1954 - Dostál, Antonín. Studie o vidovém systému v staroslověnštině. Z prací Slovanského ústavu ČAV. Praha 1954.

Дюрович 1992 - Ďurović, Ľubomír. Грамматика Академической гимназии. - Шёберг, Дюрович и Биргегорд 1992, 171-211.

Елитте 1972 - Jelitte, Herbert. Altrussische Traktate über die Sprache. Thematik, Methodik, Terminologie. - Die Welt der Slaven. 17.1972.1. 27-66.

Живов 1986 - Живов, Виктор Маркович. Славянские грамматические сочинения как лингвистический источник. О книге: D. S. Worth. The Origins of Russian Grammar... 1983. - Russian Linguistics. 10.1986.1. 73-113.

Живов 1992 - Живов, В.М. Из истории русской грамматики: итеративы и имперфективы в структуре глагольной парадигмы. - Шёберг, Дюрович и Биргегорд 1992, 247-270.

Живов 2004 - Живов, В.М. Рец. на изд. «Компендиум» 1731. - ВЯ 2004.1. 145-150.

Живов и **Кайперт** 1996 - Живов, В., Кайперт, Г. О месте грамматики И.-В. Пауса в развитии русской грамматической традиции: интерпретация отношений русского и церковнославянского. - ВЯ 1996.6. 3-30.

Запольская 1998 - Запольская, Н.Н. Модели «общеславянского» литературного языка XVII-XIX вв. - Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Краков, 1998 г. Доклады российской делегации. Москва «Наука» 1998, 267-295.

Исаченко 1962 - Isačenko, A.V. Die russische Sprache der Gegenwart. I. Formenlehre. Halle (Saale). Max Niemeyer 1962.

Кайперт 1983 - Keipert, Helmut. Die Petersburger «Teutsche Grammatica» und die Anfänge der Russistik in Russland. Anhang: Die grammatische Terminologie der «Teutschen Grammatica» (3. Auflage. SPb. 1745). - Горбач сборник 1983, 77-140. Ср. НГ 1745.

Кайперт 1988 - Keipert, H. The Sources of Michael Groening's *Rossijskaja*

grammatika (Stockholm, 1750). - Oxford Slavonic Papers. 21.1988. 89-104.

Кайперт 1992 - Keipert, H. Русская грамматика М. Шванвитца 1731 г. (Предварительные замечания о рукописи БАН F.N. 250). - Шёберг, Дюрович и Биргегорд 1992, 213-234.

Кайперт, **Успенский** и **Живов** 1994 - Keipert, H., Uspenskij, B., Živov, V. Einleitung. Введение к изд.: Глюк 1704, 11-173.

Калинин 1940 - Калинин, И.А. Категория вида в русских глаголах. - Литературный сборник. Под ред. В.Н. Николаева. Труды Горьковского гос. пед. института им. А. М. Горького. 8.1940. 165-210.

Клеменсевич 1980 - Klemensiewicz, Zenon. Historia języka polskiego. Warszawa. PWN 1980.

Кошмидер 1929 - Koschmieder, Erwin. Zeitbezug und Sprache. Ein Beitrag zur Aspekt- und Tempusfrage. Leipzig und Berlin. B. G. Teubner 1929.

Крыгин 1889, 1890 - Крыгинъ, М. Критическій обзоръ литературы вопроса о видахъ и временахъ русскаго глагола. - Гимназія. 21.1889.9. 403-432; 22.1889.10. 491-520. 26-27.1890.2-3. 149-186; 28.1890.4. 305-344; 29-31.1890.5-7. 417-445.

Кузнецов 1950 - Кузнецов, Петр Саввич. М.В. Ломоносов в истории русского языкознания. - Вестник Московского университета. 1950. 7. 115-125.

Кузнецов 1958 - Кузнецов, П.С. У истоков русской грамматической мысли. АН СССР. Отделение литературы и языка. Комиссия по истории филологических наук. Москва. Изд. АН СССР 1958.

Кузнецов 1959 - Кузнецов, П.С. Очерки исторической морфологии русского языка. АН СССР. Институт русского языка. Москва. АН СССР 1959.

Кузнецов 1965 - Кузнецов, П.С. Морфология в кн.: В.И. Борковский, П.С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Изд. второе. АН СССР. Институт русского языка. Москва. «Наука» 1965.

Кукушкина и **Ремнева** 1984 - Кукушкина, О.В. и Ремнева, М.Л. Категория вида и времени русского глагола (исторический аспект изучения). Москва. Изд. МГУ 1984.

Кульман 1917 - Кульман, Николай Карпович. Изъ исторіи русской грамматики. Петроград 1917. Репр. SPS 42. Nachdruck besorgt von Peter Kosta. München 1982.

Кульман 1932 - Koulmann, Nikolai. La première grammaire russe. - Le monde slave. 1.1932. no 3. 400-414.

Курциус 1852 - Curtius, Georg. Griechische Schulgrammatik. Prag. J.G. Calve. F. Tempsky 1852.

Кюнер 1835 - Kühner, Raphael. Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache. Wissenschaftlich und mit Rücksicht auf den Schulgebrauch ausgearbeitet. Zweiter Theil. Syntaxe. Hannover. Hahn 1835.

Лало 1989 - Lallot, J. La grammaire de Denys le Thrace traduite et annotée par Jean Lallot. Sciences du Langage. Paris. Éditions du Centre National de la Recherche Scientifique 1989.

Ларин 1937 - Ларин, Борис Александрович. Генрих Вильгельм Лудольф. Русская грамматика. Оксфорд 1696. Переиздание, перевод, вступительная статья и примечания Б.А. Ларина. Материалы и исследования по истории русского языка I. Ленинград. Изд. ЛНИИЯ при ЛИФЛИ 1937.

Лейнонен 1982 - Leinonen, Marja. Russian aspect, «temporal'naja lokalizacija» and definiteness/indefiniteness. Neuvostoliittoinstituutin vuosikirja 27. Helsinki 1982.

Лескин 1871/1955 - Leskien, August. Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslawischen) Sprache. Weimar 1871. Siebte verbesserte Auflage. Heidelberg. Winter 1955.

Мазон 1913 - Mazon, André. La notion morphologique de l'aspect des verbes chez les grammairiens russes. - Mélanges offerts à M. Émile Picot par ses amis et ses élèves. I. Paris 1913, 343-367.

Мазон 1931 - Mazon, A. La notion de l'aspect chez les grammairiens tchèques avant Dobrovský. - Časopis pro moderní filologii. 17.1931. 82-86.

Мазон 1958 - Mazon, A.: L'aspect des verbes slaves (principes et problèmes). Communication présentée par la délégation française. IV Congrès International des Slavistes. Communications. Moscou. Éditions de l'Academie des Sciences de l'URSS 1958, 3-30. Вид в славянских языках (принципы и проблемы). IV Международный съезд славистов. Доклад, представленный французской делегацией. Москва. АН СССР 1958, 31-63.

Макеева 1971 - Макеева, В.Н. Ломоносов - русист. - Русский язык за рубежом. 1971.1. 52-56.

Маслов 1959 - Маслов, Юрий Сергеевич. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление). - Вопросы грамматики болгарского литературного языка. Под ред. С. Б. Бернштейна. АН СССР. Институт славяноведения. Москва. АН СССР 1959, 157-312.

Маслов 1965 - Маслов, Ю.С. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии. - Вопросы общего языкознания. Сборник статей. Ленинград. Изд. ЛГУ 1965, 53-80.

Маслов 1978 - Маслов, Ю.С. К основаниям сопоставительной аспектологии. - Вопросы сопоставительной аспектологии. Проблемы современного теоретического и синхронно-описательного языкознания. Вып. 1. Ленинград. Изд. ЛУ 1978, 4-44.

Маслов 1984 - Маслов, Ю.С. Очерки по аспектологии. Ленинград. Изд. ЛУ 1984.

Маслов 1990 - Маслов, Ю.С. Аспектология. - ЛЭС 1990, 47-48.

Мечковская 1984 - Мечковская, Нина Борисовна. Ранние восточнославянские грамматики. Минск. «Университетское» 1984.

Миклошич 1850 - Miklosich, Franz. Formenlehre der altslovenischen Sprache. Wien. W. Braumüller 1850.

Миклошич 1874/1883 - Miklosich, F. Vergleichende Syntax der slavischen Sprachen. Vergl. Grammatik der slavischen Sprachen. IV Band. Wien. W. Braumüller 1874. Zweiter Abdruck 1883.

Мякиля 1988 - Mäkilä, Kari. Способы выражения однонаправленности и неоднонаправленности движения в русском и финском языках. Глаголы типа идти - ходить, их финские эквиваленты и контекст. Neuvostoliittoinstituutin vuosikirja 30. Helsinki 1988.

Науманн 1986 - Naumann, Bernd. Grammatik der deutschen Sprache zwischen 1781 und 1856. Die Kategorien der deutschen Grammatik in der Tradition von Johann Werner Meiner und Johann Cristoph Adelung. Philologische Studien und Quellen 114. Berlin. Erich Schmidt 1986.

Некрасов 1865 - Некрасов, Николай Петрович. О значеніи формъ русскаго глагола. СПб. И. Паульсон 1865.

Некрасов 1869 - Некрасов, Н.П.: Объяснения по нѣкоторымъ вопросамъ русской грамматики. - ЖМНП. 145.1869. сентябрь. 1-77.

Нимчук 1979 - Німчук, Василий Васильевич. Граматика М. Смотрицького - перлина давнього мовознавства. Київ «Наукова Думка» 1979.

Новак 1888 - Novák, Jan V. O grammatice české M. Vavřince Benedikta z Nudožer (vyd. r. 1603). - Časopis Musea království Českého. 62.1888. 360-369.

Нюман 1975 - Newman, Lawrence W. The unpublished grammar (1783-88) of A.A. Barsov. - Russian Linguistics. 2.1975.3-4. 283-301.

Нюман 1976 - Newman, L. W. The notion of verbal aspect in eighteenth century Russia. - Russian Linguistics. 3.1976.1. 35-53.

Нюман 1980 - Newman, L. W. The comprehensive Russian grammar of A.A. Barsov. Обстоятельная грамматика А.А. Барсова. Critical edition by L.W. Newman. Columbus, Ohio. Slavica Publishers 1980.

Обнорский 1937/1960 - Обнорский, Сергей Петрович. Русская грамматика Лудольфа 1696 года. - Советское языкознание. 3.1937. 41-58. Репр. в кн.: С.П. Обнорский. Избранные работы по русскому языку. Москва 1960, 144-162.

Обнорский 1940/1960 - Обнорский, С.П. Ломоносов и русский литературный язык. - Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1940.1. 53-64. Репр. в кн.:

С.П. Обнорский. Избранные работы по русскому языку. Москва 1960, 162-176.

Ольховников 1985 - Ольховников, Борис Андреевич. Теория языка и вид грамматического описания в истории языкознания. Становление и эволюция канона грамматического описания в Европе. Москва «Наука». Главная редакция восточной литературы 1985.

Оттен 1978 - Otten, Fred. Materialen zur Vertretung des Verbalsuffixes *-iva-/-yva-* in der russischen Hochsprache des 16./17. Jahrhunderts (an Hand ausgewählter russischer Chroniken). - Zeitschrift für slavische Philologie. 40.1978.1. 9-51.

Падучева 1998 - Падучева, Елена Викторовна. Опыт систематизации понятий и терминов русской аспектологии. - Семантика и структура на словенскиот вид III. Ред.: Станислав Каролак, Људмил Спасов. Скопје. Филолошки факултет «Блаже Конески». Катедра за македонски јазик и јужнословенски јазици 1998, 33-58.

Панцер 1983 - Panzer, Baldur. Grammatische Kategorien und Grammatiktradition in Lomonosovs Beschreibung des russischen Verbums. - Горбач сборник 1983, 141-150.

Петрачкова 1987 - Petráčková, Věra. Význam Rosovy Čechořečnosti pro vývoj českého mluvnictví. - Prace Slawistyczne. 57.1987. 159-168.

Петрухина 2000 - Петрухина, Елена Васильевна. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. МГУ им. М.В. Ломоносова. Филологический факультет. Москва. Издательство МГУ 2000.

Поленц 1939 - Pohlenz, Max. Die Begründung der abendländischen Sprachlehre durch die Stoa. - Nachrichten von der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philologisch-historische Klasse. Fachgruppe I. N. F. III. Nr. 6. Göttingen 1939, 151-198.

Поллак 1960 - Pollak, Wolfgang. Studien zum 'Verbalaspekt' im Französischen. Österreichische Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Klasse. Sitzungsberichte. 233: 5. Wien 1960.

Потебня 1941 - Потебня, Александр Афанасьевич. Из записок по русской грамматике. IV. Глагол. Местоимение. Числительное. Предлог. Отв. ред. И.И. Мещанинов. Москва. Ленинград. АН СССР 1941.

РГ 1980 - Русская грамматика. т. I. Главный ред. Н.Ю. Шведова. АН СССР. Институт русского языка. Москва. «Наука» 1980.

Регнелль 1944 - Regnéll, Carl Göran. Über den Ursprung des slavischen Verbalaspektes. Diss. Lund 1944.

Рёнкя 1997 - Rönkä, Risto. Carl Gustaf Sjöstedt (1799 - 1834) и начальный этап изучения русского языка в Финляндии. К биографии первого финского диссертанта по русскому языку. - Аспект. Aspekti. 2/1997. 36-45.

Рёнкя 1998 - Rönkä, R. Вид и время русского глагола по диссертации (1824) К.Г. Шёстедта. - Аспект. Aspekti. 1/1998. 16-28.

Рёнкя 2000 - Rönkä, R. К 250-летию с выхода в свет Российской грамматики Микаэля Грёнинга. - Аспект. Aspekti. 2/2000. 27-35.

Сёренсен 1943 - Sørensen, Hans M. Om definitionerne af verbets aspekter. - In Memoriam Kr. Sandfeld. København 1943, 221-233.

Станкевич 1984 - Stankiewicz, Edward. Grammars and dictionaries of the Slavic languages from the Middle Ages up to 1850. An annotated bibliography. Berlin. New York. Amsterdam 1984.

Суперанская и др. 1989 - Суперанская, А.В., Подольская, Н.В., Васильева, Н.В. Общая терминология. Вопросы теории. АН СССР. Институт языкознания. Москва. «Наука» 1989.

ТИК 1989 - Типология итеративных конструкций. Отв. ред. В.С. Храковский. АН СССР. Институт языкознания. Ленинградское отделение. Ленинград. «Наука» 1989.

Тирш 1826 - Thiersch, Friedrich. Griechische Grammatik. 3. Aufl. Leipzig 1826. (первое изд. 1812).

Тихонов 1965 - Тихонов, А.Н. Члены видовой корреляции - грамматические формы одного слова. - Научные доклады высшей школы. «Филологические науки». 1965.2.

93-104.

Тоболова 1968 - Тоболова, М.П. Глагольные времена и вид в «Российской грамматике» профессора А.А. Барсова. - Статьи и исследования по русскому языку. Ученые записки Московского гос. пед. инст. им. В.И. Ленина. 292.1968. 280-293.

Тоболова 1973 - Тоболова, М.П. Русская грамматическая терминология в учебниках второй половины XVIII века (на материале трудов А.А. Барсова, Н.Г. Курганова, В.П. Светова, С.В. Сырейщикова, П.И. Соколова). - Вопросы грамматики и лексики русского языка. Сборник трудов. Москва. Московский гос. пед. инст. им. В.И. Ленина 1973, 553-565.

Толстой 1988 - Толстой, Никита Ильич. История и структура славянских литературных языков. АН СССР. Москва. «Наука» 1988.

Трифонова 1967 - Трифонова, Р.М. Истоки русской грамматической терминологии. Автореферат канд. дисс. Москва 1967.

ТФГ 1987 - Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Отв. ред. А.В. Бондарко. АН СССР. Институт языкознания. Ленинград. «Наука» 1987.

Унбегаун 1958 - Unbegaun, B. O. Russian grammars before Lomonosov. - Oxford Slavonic Papers. 8.1958. 98-116.

Успенский 1975 - Успенский, Борис Андреевич. Первая русская грамматика на родном языке. Доломоносовский период отечественной русистики. Москва. «Наука» 1975.

Успенский 1981 - Успенский, Б.А. Предисловие к изданию: Барсов 1788, 3-30.

Успенский 1987 - Успенский, Б.А. Предисловие к изданию: Сойе 1724, III-XXXVI.

Успенский 1988 - Успенский, Б.А. Одна из первых грамматик русского языка (Грамматика Жана Сойе 1724 г.). - ВЯ 1988.1. 94-109.

Успенский 1989 - Успенский, Б.А. Неизвестная русская грамматика петровской эпохи (Грамматика Ивана Афанасьева 1725 г.). - Russian Linguistics. 13.1989.3. 221-244.

Успенский 1992 - Успенский, Б.А. Доломоносовские грамматики русского языка (итоги и перспективы). - Шёберг, Дюрович и Биргегорд 1992, 63-169.

Фонтен 1983 - Fontaine, Jacqueline. Grammaire du texte et aspect du verbe en russe contemporain. Bibliothèque russe de l'Institut d'Études Slaves 66. Paris. Institut d'Études Slaves 1983.

Фрайдхоф 1983 - Freidhof, Gerd. Zum Einfluss von Lomonosovs «Rossijskaja Grammatika» in deutschsprachigen Grammatiken der russischen Sprache (Rodde, Heym und Vater). - Горбач сборник 1983, 19-42.

Фрайдхоф 1990 - Фрайдхоф, Г. К вопросу о значении логики и грамматики в русских всеобщих грамматиках начала XIX в. - ВЯ 1990.3. 11-20.

Храковский 1989 - Храковский, Виктор Самуилович. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация. - ТИК 1989, 5-53.

Шафарик 1826 - Schaffarik, Paul Joseph. Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten. Ofen 1826.

Шафранов 1852 - Шафранов, Семен Николаевич. О видахъ русскихъ глаголовъ въ синтаксическомъ отношеніи. Разсужденіе, написанное для полученія степени магистра. Москва. Университетская Типографія 1852.

Шафранов 1874 - Шафранов, С.Н. Объ употребленіи временъ греческаго глагола у аттическихъ писателей, преимущественно у Ксенофонта. - ЖМНП. 176.1874. декабрь. Отдѣлъ классической филологіи. 93-125.

Шёберг, Дюрович и Биргегорд 1992 - Доломоносовский период русского литературного языка. The Pre-Lomonosov Period of the Russian Literary Language. Материалы конференции на Фагеруде, 20-25 мая 1989 г. Ed. Anders Sjöberg, Ľubomír Ďurović and Ulla Birgegård. Slavica Suecana. Ser. B. Vol. 1. Stockholm. Almqvist & Wiksell International 1992.

Шелов 1990 - Шелов, С.Д. Об определении лингвистических терминов (опыт типологии и интерпретации). - ВЯ 1990.3. 21-31.

Шелякин 1987 - Шелякин, Михаил Алексеевич. Способы действия в поле лимитативности. - ТФГ 1987, 63-85.

Шёпсдау 1978 - Schöpsdau, Klaus. Zur Tempuslehre des Apollonios Dyskolos. - Glotta. 56.1978. 273-294.

Шлейхер 1850 - Schleicher, August. Über böhmische Grammatik, mit Berücksichtigung der vorhandenen ausführlicheren böhmischen grammatiken. - Zeitschrift für die österreichischen Gymnasien. 1.1850. 725-756.

Штайнталь 1890, 1891 - Steinthal, Heymann. Geschichte der Sprachwissenschaft bei den Griechen und Römern mit besonderer Rücksicht auf die Logik. I, II. Zweite Aufl. Berlin. Ferd. Dümmler 1890, 1891.

Шютрумпф 1983 - Schütrumpf, Michael. Verzeichnis der grammatischen Termini der Rossijskaja grammatika Lomonosovs und der deutschen Übersetzung Stavenhagens (Deutsch-Russisch/Russisch-Deutsch). - Горбач сборник 1983, 171-198.

Ягич 1910 - Ягич, И.В. История славянской филологии. Энциклопедия славянской филологии. Под ред. орд. акад. И.В. Ягича. Вып. 1. СПб. ИАН 1910.

Яхнов 1984 - Jachnow, Helmut. Zur Geschichte der Sprachwissenschaft in Russland und der UdSSR. - Handbuch des Russisten. Spachwissenschaft und angrenzende Disziplinen. Hrsg. von Helmut Jachnow & al. Slavistische Studienbücher. Neue Folge 2. Wiesbaden. Otto Harrassowitz 1984, 708-758.

***

ПРИЛОЖЕНИЕ

Хронологический указатель терминов и основных содержательных экспликаций[584]

a little	Heard 1827.
à plusieurs reprises	Boldyrev 1812.
abgebrochen	Dobrowsky 1791.
abgeleitet	Lomonossow (= Lomonosov) 1764, Dobrowsky 1791, Pelzel 1795, Heym 1804, Tomsa 1804, Negedly 1804, Vater 1805, Vater 1808, Bandtke 1808, Dobrowsky 1809, Tappe 1810, Tappe 1812, Vater 1814, Tappe 1815, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820.
abgeschlossene Handlung	Vater 1814.
Ableitung	Lomonossow 1764, Dobrowsky 1791, Negedly 1804, Vater 1808, Dobrowsky 1809, Tappe 1810, Tappe 1812, Tappe 1815, Dobrowsky 1819.
Ableitungswort	Bandtke 1808.
Absicht des Redenden	Dobrowsky 1809, Puchmayer 1820.
absolu	Charpentier 1768.
absolument accompli	Charpentier 1768.
absolument terminée	Charpentier 1768.
absolute	Diomedes 375, Rosa 1672.
absolutio	Statorius 1568.
absolutus	Charisius 375, Diomedes 375, Statorius 1568, Rosa 1672, Doležal 1746, Barsov 1788, Bernolák 1790, Vater 1801, Vater 1805, Dobrowsky 1809, Jakob 1812, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820, Dobrowsky 1822.
Abstammung	Vater 1808, Bandtke 1808.
abundantia	Uževič 1643.
Abwandlung	Lomonossow 1764, Tomsa 1782, Tomsa 1804, Negedly 1804, Born 1808, Tappe 1810, Tappe 1815.
accidentia verbi	Nudožer 1603, Ludolf 1696.
accidents du verbe	Sohier 1724, Maudru 1802.
accidunt verbo	Donatus 350, Charisius 375, Priscianus 500.
accomplir, accompli	Charpentier 1768, Hamonière 1817, Reiff 1821.
accomplishment	Heard 1827.
accomplissement	Reiff 1821.
actio	Priscianus 500, Statorius 1568, Nudožer 1603, Rosa 1672, Ludolf 1696, Jandyt 1705, Kopijewitz 1706, Doležal 1746, Bernolák 1790, Pelzel 1795, Dobrowsky 1799, Vater 1808, Bandtke 1808, Vater 1814, Dobrowsky 1814, Dobrowsky 1814a, Dobrowsky 1822, Sjöstedt 1824.
actio absoluta	Rosa 1672, Doležal 1746, Bernolák 1790, Dobrowsky 1822.
actio certo finienda	Doležal 1746, Bernolák 1790.
actio continuata	Dobrowsky 1799, Dobrowsky 1822, Sjöstedt

[584] Для однородности термины, авторы и сокращения даются в транслитерации. В приложение включены только реально встречающиеся термины. Скобки, напр. (Nudožer 1603), указывают на большую вероятность наличия понятия, что термин просто случайно не попал в текст автора. Особо обозначаются случаи, в которых термин иного языка вводится в качестве примера, напр. Lomonosov 1755 (gre), - термин греческой грамматики у Ломоносова. Обозначения Tolmač 1522 (ср. «Донатус» 1522), Reiff 1828 (ср. Греч 1828) и т. п. учитывают подлинного создателя понятия и термина.

	1824.
actio definita	Dobrowsky 1822.
actio determinata	Sjöstedt 1824.
actio dubia de effectu	Bernolák 1790.
actio exacta	Statorius 1568.
actio finita	Doležal 1746, Bernolák 1790.
actio frequens	Rosa 1672, Doležal 1746.
actio frequentior	Dobrowsky 1822.
actio imperfecta	Nudožer 1603, Rosa 1672, Bernolák 1790, Bandtke 1808.
actio in facto	Rosa 1672.
actio in fieri	Rosa 1672, Jandyt 1705, Doležal 1746, Bernolák 1790, Kopitar 1808.
actio in universum	Sjöstedt 1824.
actio indefinita	Dobrowsky 1822.
actio indeterminata	Ludolf 1696.
actio iterata	Dobrowsky 1799, Dobrowsky 1822.
actio longioris morae	Sjöstedt 1824.
actio momentanea	Dobrowsky 1799, Dobrowsky 1822.
actio non determinata	Sjöstedt 1824.
actio peracta	Rosa 1672.
actio minus perfecta	Statorius 1568.
actio mox praeterlapsura	Sjöstedt 1824.
actio perfecta	Statorius 1568, Nudožer 1603, Rosa 1672, Jandyt 1705, Bernolák 1790, Bandtke 1808, Kopitar 1808.
actio personae aut rei	Bernolák 1790.
actio praesens	Statorius 1568.
actio praeterita	Rosa 1672, Bernolák 1790.
actio proxime finienda	Bernolák 1790.
actio rei	Rosa 1672, Doležal 1746, Bernolák 1790.
actio restricta	Sjöstedt 1824.
actio seu operatio	Rosa 1672.
actio simplex	Vater 1808, Vater 1814, Dobrowsky 1814a.
actio singularis	Doležal 1746, Bernolák 1790, Dobrowsky 1822.
actio subito transiens	Dobrowsky 1822.
actio una	Rosa 1672, Doležal 1746, Bernolák 1790, Bandtke 1808, Dobrowsky 1814.
actio unica	Rosa 1672.
Action	Adodurov 1731, Groening 1750.
action	A & L 1676 (fra), Sohier 1724, Charpentier 1768, Maudru 1802, Hamonière 1817, Reiff 1821, Heard 1827.
action accomplie	Reiff 1821.
action certaine	Sohier 1724.
action consommée	Reiff 1821.
action continuée	Reiff 1821.
action future	Charpentier 1768.
action indetermineé	Sohier 1724, Reiff 1821.
action non consommée	Reiff 1821.
action passée	Charpentier 1768, Reiff 1821.
action physique	Reiff 1821.
action répétée	Reiff 1821.
action terminée	Charpentier 1768.
actiones plures	Pelzel 1795.
actionis complementum	Bernolák 1790.
actionis diuturnitas	Rosa 1672.
actionis frequentia	Rosa 1672.
actionis initium	Statorius 1568, Bernolák 1790.
actionis iteratio	Rosa 1672, Bernolák 1790.

actionis modus	Bernolák 1790.
actionis perfectio	Bernolák 1790.
actionis terminus	Bernolák 1790.
active verb	Heard 1827.
actuellement	Hamonière 1817.
actus	Diomedes 375, Priscianus 500, Rosa 1672, Ludolf 1696, Doležal 1746, Bernolák 1790, Dobrowsky 1799, Dobrowsky 1822.
actus certus	Ludolf 1696.
actus continuatio	Doležal 1746.
actus frequentia	Rosa 1672.
actus imperfectus	Rosa 1672.
actus inchoatus	Bernolák 1790.
actus indeterminatus	Rosa 1672.
actus initium	Priscianus 500.
actus iteratio	Rosa 1672, Doležal 1746, Bernolák 1790.
actus perfectus	Rosa 1672.
actus plures	Rosa 1672, Bernolák 1790.
actus unicus	Rosa 1672, Dobrowsky 1799.
actus unus diuturnior	Rosa 1672, Bernolák 1790.
actus unus diuturnus	Rosa 1672.
- ad actum perducere	Rosa 1672.
- per plures actus	Rosa 1672, Bernolák 1790.
- per unicum actum	Rosa 1672.
- per unum actum	Rosa 1672.
ad terminum	Dobrowsky 1822.
all the time	Heard 1827.
allemal	Rodde 1773, Rodde 1789.
ambiguus	Diomedes 375, Nudožer 1603.
Anfang	Lomonossow 1764, Rodde 1773, Rodde 1789, Heym 1789, Vater 1801, Heym 1804, Negedly 1804, Vater 1805, Tappe 1810, Tappe 1812, Jakob 1814.
anfangen	Lomonossow 1764, Rodde 1773, Rodde 1789, Vater 1801, Vater 1805, Tappe 1810.
anomalum	Statorius 1568, Uževič 1643, Ludolf 1696, Heym 1804, Vater 1808.
anýō, ánysis	Apollonios Dyskolos 150.
Aorist	Vater 1805 (gre), Kopitar 1808 (gre), Grimm 1824 (gre).
aoristъ	NG 1745, Davydov 1817 (gre).
aoriste	A & L 1676 (gre), Jazvickij 1810 (gre), Reiff 1821 (gre).
aóristos	Stoa 300 do n.ė., Dionysios Thrax 100 do n.ė., Apollonios Dyskolos 150, Diomedes 375, Priscianus 500, Laskaris 1476, Adelphotes 1591, Vater 1808 (gre), Sjöstedt 1824.
Aoristus	NG 1745.
aparémphatos	Dionysios Thrax 100 do n.ė., Laskaris 1476, Adelphotes 1591.
arriver	Reiff 1821.
Art, Arten	Lomonossow 1764, Tomsa 1782, Heym 1789, Dobrowsky 1791, Pelzel 1795, Vater 1801, Heym 1804, Tomsa 1804, Negedly 1804, Vater 1805, Glinka 1805, Born 1808, Vater 1808, Kopitar 1808, Tappe 1810, Tappe 1812, Vater 1814, Tappe 1815, Grimm 1824, Karadžić/Grimm 1824.
Arten der Verba	Vater 1801, Vater 1805, Vater 1808, Vater 1814.

Arten der Verborum	Heym 1789.
Arten der Zeitwörter	Negedly 1804.
Arten von Zeitwörtern	Pelzel 1795, Tappe 1810.
art, arter	E & O 1814, E & O 1822, E & O 1830.
arter af Obestämd form	E & O 1814, E & O 1822, E & O 1830.
åskådning	E & O 1822, E & O 1830.
aspect	Maudru 1802, Reiff 1828.
assecutio	Uževič 1643.
assidue	Diomedes 375.
assiduitas	Statorius 1568.
at once	Heard 1827.
atelēs	Stoa 300 do n.ė.
aufhören	Vater 1805.
Augenblick	Tappe 1810, Tappe 1812, Tappe 1815.
augenblicklich	Vater 1808, Vater 1814.
Augenblickliche	Vater 1808, Tappe 1810, Tappe 1812, Vater 1814, Tappe 1815.
Augment	Heym 1789, Heym 1804, Dobrowsky 1809, Tappe 1810, Tappe 1812, Tappe 1815, Puchmayer 1820.
augmentative	Hamonière 1817.
augmentum	Dobrowsky 1799, Dobrowsky 1822.
autre imparfait	Sohier 1724.
autre parfait	Sohier 1724.
auxiliary verb	Heard 1827.
avenir	A & L 1676, Hamonière 1817.
bald zukünfftige	Lomonossow 1764 (gre).
beaucoup	Hamonière 1817.
beendigende	Heym 1804, Vater 1808, Tappe 1812, Vater 1814, Tappe 1815.
beendigt	Heym 1804, Glinka 1805, Tappe 1812, Tappe 1815.
Beendigung	Heym 1789, Heym 1804, Negedly 1804, Tappe 1812, Tappe 1815.
Begebenheit	Vater 1808, Vater 1814.
begin	Heard 1827.
Begränsad art	E & O 1814, E & O 1822, E & O 1830.
begränzte Art	Tappe 1812, Tappe 1815.
begrepp	E & O 1822, E & O 1830.
Begriff	Heym 1789, Dobrowsky 1791, Vater 1801, Heym 1804, Negedly 1804, Vater 1805, Vater 1807, Vater 1808, Tappe 1810, Tappe 1812, Vater 1814, Tappe 1815, Grimm 1824.
begriffen seyn	Vater 1805, Dobrowsky 1809, Tappe 1812, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820.
beide Arten (der Verba)	Karadžić/Grimm 1824.
Beschaffenheit	Dobrowsky 1791, Negedly 1804, Bandtke 1808, Vater 1814.
beschäftigen	Greč 1811, Tappe 1812, 1815.
beschäftigt seyn	Heym 1804, Kopitar 1808.
Beschäftigt-seyn	Kopitar 1808.
Beschäftigung	Kopitar 1808, Dobrowsky 1809, Puchmayer 1820.
beschränktere Bedeutung	Vater 1814.
beskaffenhet	E & O 1822.
bestämd	E & O 1814, E & O 1822, E & O 1830.
Bestämd Form	E & O 1814, E & O 1822, E & O 1830.
bestämdhet	E & O 1822, E & O 1830.
bestämdt	E & O 1814, E & O 1822.
bestämdt och snart	E & O 1814.
bestämma	E & O 1822.
bestimmen	Negedly 1804.

bestimmt	Lomonossow 1764, Rodde 1773, Rodde 1789, Heym 1789, Dobrowsky 1791, Heym 1804, Tomsa 1804, Negedly 1804, Bandtke 1808, Dobrowsky 1809, Tappe 1810, Tappe 1812, Dobrowsky 1814, Vater 1814, Tappe 1815, Tappe 1819, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820.
bestimmtes Futurum	Dobrowsky 1814.
bestimmte Zeit	Tomsa 1804, Dobrowsky 1809, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820.
Bestimmtheit	Tappe 1810, Tappe 1812, Tappe 1815, Tappe 1819.
Bestimmung	Pelzel 1795, Negedly 1804, Vater 1805, Tappe 1810, Tappe 1812, Tappe 1815, Tappe 1819.
Bestrebung nach	Tomsa 1804.
Betrachtungsweise	Vater 1805.
Bewegung	Kopitar 1808, Vater 1808, Dobrowsky 1809, Tappe 1810, Tappe 1812, Vater 1814, 1815.
bewusst	Heym 1804.
bezokoliczny	Kopczyński 1778, Bandtke 1808.
bibetydelse	E & O 1822.
Biegung	Negedly 1804, Vater 1805, Vater 1808, Dobrowsky 1809, Tappe 1810, Vater 1814.
Bildung	Heym 1789, Pelzel 1795, Negedly 1804, Vater 1808, Bandtke 1808, Dobrowsky 1809, Vater 1814, Puchmayer 1820.
bīvát povtârano	Križanić 1666.
blott en enda gång	E & O 1814.
böjning	E & O 1814, E & O 1830.
börja å nyo	Groening 1750.
borne	Reiff 1821.
boundary	Heard 1827.
branch(es)	Heard 1827.
branch definite	Heard 1827.
branch indefinite	Heard 1827.
branch iterative	Heard 1827.
branch perfect	Heard 1827.
branch semelfactive	Heard 1827.
Branche(n)	Vater 1808, Tappe 1810, Tappe 1812, Tappe 1815.
branche(s)	Reiff 1821.
branche définie	Reiff 1821.
branche illimitée	Reiff 1821.
branche imparfaite	Reiff 1821.
branche indéfinie	Reiff 1821.
branche itérative	Reiff 1821.
branche limitée	Reiff 1821.
branche parfaite	Reiff 1821.
branche sémelfactive	Reiff 1821.
boudouščee, boudouščeje	OČS 1400.
boúdouščee	OČS 1500.
buduće	Karadžić 1818.
búduščee	OČS 1500, Tolmač 1522, Fedorov 1574, Adelphotes 1591, Zizanij 1596, Smotrickij 1619, Smotrickij 1648, Ludolf 1696, Kopijewitz 1706, Smotrickij 1721, Maksimov 1723, Sohier 1724, Polikarpov 1725, Afanas'ev 1725, Pause 1729, NG 1745, Lomonosov 1755, Charpentier 1768, Kurganov 1769, KPR 1773, KPR 1784, Syrejščikov 1787, Barsov 1788, Sokolov 1792, Kurganov 1793, RG 1802, Maudru 1802, Heym

	1804, Glinka 1805, Rižskij 1806, Sokolov 1806, Vater 1808 (cslav), Born 1808, Grammatika 1809, Tappe 1810, Jazvickij 1810, Ornatovskij 1810, Timkovskij 1811, Greč 1811, Vostokov 1811, Tappe 1812, Č. 1812, Boldyrev 1812, Boldyrev 1812a, Jakob 1812, E & O 1814, Tappe 1815, Boldyrev 1816, Davydov 1817, Boldyrev 1817, Reiff 1821, Sjöstedt 1824, Greč 1827, Nikol'skoj 1830, E & O 1830, Vostokov 1831.
buduščee edinstvennoe	Lomonosov 1755.
buduščee mnogokratnoe	Ornatovskij 1810, Nikol'skoj 1830.
budušč. neokončatelьnoe	Ornatovskij 1810, (Nikol'skoj 1830).
buduščee neopredělennoe	Lomonosov 1755, Charpentier 1768, Kurganov 1769, KPR 1773, KPR 1784, Syrejščikov 1787, Barsov 1788, Heym 1789, Sokolov 1792, Kurganov 1793, RG 1802, Maudru 1802, Heym 1804, Glinka 1805, Sokolov 1806, Grammatika 1809, Jazvickij 1810, Timkovskij 1811, Greč 1811, Nikol'skoj 1830.
buduščee nesoveršennoe	Greč 1811, Jakob 1812, Nikol'skoj 1830.
buduščee odnokratnoe	Lomonosov 1755, Kurganov 1769, KPR 1773, KPR 1784, Syrejščikov 1787, Barsov 1788, Sokolov 1792, Kurganov 1793, RG 1802, Heym 1804, Glinka 1805, Sokolov 1806, Grammatika 1809, Jazvickij 1810, Ornatovskij 1810, Timkovskij 1811, Greč 1811, Č. 1812, Boldyrev 1812, Boldyrev 1817, Nikol'skoj 1830.
buduščee okončatelьnoe	Ornatovskij 1810, Jakob 1812, (Nikol'skoj 1830).
buduščee okončat. I	Ornatovskij 1810.
buduščee okončat. II	Ornatovskij 1810.
buduščee opredělennoe	Jazvickij 1810, Nikol'skoj 1830.
buduščee pervoe	Adelphotes 1591, Lomonosov 1755 (gre).
buduščee vtoroe	Adelphotes 1591, Lomonosov 1755 (gre).
buduščee po málě	Adelphotes 1591.
buduščee polnoe	Timkovskij 1811.
bud. prekrašč. dějstv.	Vostokov 1831.
bud. prodolž. dějstv.	Vostokov 1831.
buduščee prodolžitelьnoe	Sjöstedt 1824.
buduščee prostoe	Charpentier 1768, Barsov 1788, Maudru 1802, Boldyrev 1812a, Jakob 1812, Sjöstedt 1824.
buduščee složnoe	Charpentier 1768, Maudru 1802, Timkovskij 1811, Boldyrev 1812a, Jakob 1812.
buduščee soveršennoe	Lomonosov 1755, Kurganov 1769, KPR 1773, KPR 1784, Barsov 1788, Sokolov 1792, Kurganov 1793, RG 1802, Glinka 1805, Sokolov 1806, Grammatika 1809, Jazvickij 1810, Ornatovskij 1810, Greč 1811, Boldyrev 1812, Jakob 1812, Nikol'skoj 1830.
bud. soverš. neopred.	RG 1802, Grammatika 1809.
bud. soverš. odnokr.	Sokolov 1792, RG 1802, Sokolov 1806, Grammatika 1809.
bud. soverš. prostoe	RG 1802, Sokolov 1806.
buduščnostь blizka	Jakob 1812.
buduščnostь otdalenna	Jakob 1812.
bylo	Vater 1808, Timkovskij 1811, Vater 1814, Vostokov 1831.

bystrota	Greč 1827.
bytiè	Barsov 1788, Greč 1827.
byvalo	Sohier 1724, Lomonosov 1755, Lomonossow 1764, Charpentier 1768, Rodde 1773, KPR 1773, KPR 1784, Rodde 1789, Heym 1789, Sokolov 1792, RG 1802, Heym 1804, Vater 1805, Glinka 1805, Sokolov 1806, Vater 1808, Ornatovskij 1810, Timkovskij 1811, Vater 1814, Hamonière 1817, Reiff 1821, Heard 1827, Vostokov 1831.
často	Smotrickij 1619, Maksimov 1723, Greč 1827.
často povtorjaemoe d.	Greč 1827.
častotliwé	Rosa 1672.
cease	Heard 1827.
cělь, kъ cěli	Vostokov 1831.
certaine	Sohier 1724.
certissime & revera	Rosa 1672.
certissimo	Rosa 1672.
certo	Rosa 1672, Doležal 1746, Bernolák 1790.
certo fieri	Rosa 1672, Bernolák 1790.
certo finienda	Doležal 1746, Bernolák 1790.
certus	Priscianus 500, Rosa 1672, Ludolf 1696.
cessation	Heard 1827.
cesser	Charpentier 1768.
changement de place	Reiff 1821.
ciągnienie	Kopczyński 1778.
činъ nekončalnyi	Tolmač 1522.
činъ nekončátelnyi	Tolmač 1522.
činъ neoukončálnyi	Tolmač 1522.
činъ neskon'čjatelnyi	Tolmač 1522.
činъ neukončalnyi	Tolmač 1522.
circonstance	Charpentier 1768.
circumlocutio	Statorius 1568.
circumloqui	Statorius 1568.
circumscribere	Nudožer 1603, Rosa 1672, Doležal 1746, Bernolák 1790, Dobrowsky 1822.
circumscribieren	Pause 1729.
circumscriptio	Rosa 1672.
circumscriptus	Nudožer 1603, Rosa 1672, Dobrowsky 1799, Dobrowsky 1822.
class	E & O 1822.
classe	Reiff 1821.
Classen der Verba	Vater 1805.
Classen der Verben	Vater 1814.
classis	Doležal 1746, Bernolák 1790.
commence	Heard 1827.
commencement	Charpentier 1768, Reiff 1821, Heard 1827.
commencer	Charpentier 1768, Reiff 1821.
common verb	Heard 1827.
complementum	Bernolák 1790.
complet	Charpentier 1768.
completa res	Priscianus 500.
complete	Heard 1827.
completion	Heard 1827.
completum	Priscianus 500, Lomonossow 1764, Rodde 1773, Rodde 1789.
complexe	Maudru 1802.
componere	Statorius 1568, Uževič 1643, Rosa 1672, Doležal 1746.
composé	A & L 1676, Sohier 1724, Charpentier 1768,

	Maudru 1802, Jazvickij 1810, Reiff 1821.
compositio	Priscianus 500, Nudožer 1603, Uževič 1643, Rosa 1672, Ludolf 1696, Doležal 1746, Lomonossow 1764, Bernolák 1790, Sjöstedt 1824.
composition	Charpentier 1768, Reiff 1821.
conpositus	Donatus 350, Charisius 375, Diomedes 375, Priscianus 500, Statorius 1568, Nudožer 1603, Uževič 1643, Uževič 1645, Rosa 1672, Ludolf 1696, Adodurov 1731, NG 1745, Doležal 1746, Groening 1750, Lomonossow 1764, Kopczyński 1778, Barsov 1788, Heym 1789, Bernolák 1790, Dobrowsky 1792, Pelzel 1795, Dobrowsky 1799, Heym 1804, Negedly 1804, Vater 1805, Vater 1807, Vater 1808, Bandtke 1808, Tappe 1810, Tappe 1812, Vater 1814, Tappe 1815, Dobrowsky 1822, E & O 1822, Grimm 1824, Sjöstedt 1824.
compositum perfectum	Rosa 1672.
compound verb	Heard 1827.
conatus	Statorius 1568, Doležal 1746.
conceptus	Sjöstedt 1824.
coniugatio	Donatus 350, Charisius 375, Priscianus 500, Statorius 1568, Nudožer 1603, Uževič 1643, Uževič 1645, Rosa 1672, Ludolf 1696, Adodurov 1731, NG 1745, Doležal 1746, Groening 1750, Lomonossow 1764, Rodde 1773, Barsov 1788, Rodde 1789, Heym 1789, Bernolák 1790, Dobrowsky 1799, Heym 1804, Negedly 1804, Bandtke 1808, Tappe 1810, Ornatovskij 1810, Dobrowsky 1822.
conjugaison	Sohier 1724, Charpentier 1768, Maudru 1802, Born 1808, Reiff 1821.
conjugare	Uževič 1643, Rosa 1672, Kopijewitz 1706.
conjugatio imperfecta	Rosa 1672.
conjugatio perfecta	Rosa 1672.
conjugatio verbi imperf.	Doležal 1746.
conjugatio verbi perf.	Doležal 1746.
Conjugation	Adodurov 1731, NG 1745, Lomonossow 1764, Pelzel 1795, Tomsa 1804, Negedly 1804, Vater 1805, Glinka 1805, Vater 1808, Dobrowsky 1809, Tappe 1810, Tappe 1812, E & O 1814, Dobrowsky 1814a, Vater 1814, Tappe 1815, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820, Karadžić/Grimm 1824.
conjugation	Heard 1827.
conjugera	Groening 1750, E & O 1814.
conjugiren	NG 1745, Lomonossow 1764, Negedly 1804, Vater 1805.
consignificare	Uževič 1643.
consignificatio	Uževič 1643.
consommée	Reiff 1821.
continuatio	Doležal 1746, Bernolák 1790, Dobrowsky 1822, E & O 1822.
continuation	Reiff 1821.
continuativum	Bandtke 1808, Jakob 1812, Dobrowsky 1822.
continuatus	Dobrowsky 1799, Dobrowsky 1822, Sjöstedt 1824.
continue	Heard 1827.
continuée	Reiff 1821.
continuing action	Heard 1827.

copia & cumulus	Statorius 1568.
correlative action	Heard 1827.
courte durée	Reiff 1821.
coutume	Reiff 1821.
črezъ neopredĕl. vremja	Vostokov 1831.
črezъ opredĕl. vremja	Vostokov 1831.
cžas	Rosa 1672.
czas, czasy	Kopczyński 1778, Bandtke 1808.
czas przeszły	Kopczyński 1778, Bandtke 1808.
czas przeszły dokonany	Kopczyński 1778, Bandtke 1808.
czas przeszły niedokon.	Kopczyński 1778, Bandtke 1808.
czas przyszły	Kopczyński 1778, Bandtke 1808.
czas przyszły dokonany	Kopczyński 1778, Bandtke 1808.
czas przyszły niedokon.	Kopczyński 1778, Bandtke 1808.
czas przyszły niezłoż.	Bandtke 1808.
czas przyszły złożony	Bandtke 1808.
czas teraźnieyszy	Kopczyński 1778, Bandtke 1808.
czas zaprzeszły	Kopczyński 1778, Bandtke 1808.
czas zaprzeszły dokon.	Bandtke 1808.
czas zaprzeszły niedok.	Bandtke 1808.
czasowanie	Kopczyński 1778, Bandtke 1808.
częste bywanie	Kopczyński 1778.
często	Vater 1807.
częstotliwe	Kopczyński 1778, Bandtke 1808.
czynienie dokonane	Kopczyński 1778.
czynienie niedokonane	Kopczyński 1778.
dann und wann	Negedly 1804.
dans peu	Sohier 1724.
dans un seul moment	Reiff 1821.
dans une seule fois	Reiff 1821.
Dauer	Dobrowsky 1791, Dobrowsky 1792, Pelzel 1795, Vater 1801, Heym 1804, Tomsa 1804, Negedly 1804, Vater 1805, Glinka 1805, Kopitar 1808, Dobrowsky 1809, Tappe 1812, Vater 1814, Dobrowsky 1814, Tappe 1815, Dobrowsky 1819, Dobrowsky 1820, Puchmayer 1820, Grimm 1824, Karadžić/Grimm 1824.
- einige Dauer	Negedly 1804.
- ganze Dauer	Dobrowsky 1809.
- gegenwärtige Dauer	Tomsa 1804.
- keine Dauer	Negedly 1804, Karadžić/Grimm 1824.
- kurze Dauer	Negedly 1804, Dobrowsky 1809, Tappe 1812, 1815, Puchmayer 1820.
- kürzere Dauer	Dobrowsky 1791, Dobrowsky 1792, Negedly 1804, Dobrowsky 1820.
- längere Dauer	Dobrowsky 1791, Dobrowsky 1792, Negedly 1804, Vater 1805, Dobrowsky 1809, Dobrowsky 1814, Dobrowsky 1819, Dobrowsky 1820, Puchmayer 1820.
- mehrere Dauer	Negedly 1804.
- ohne Dauer	Dobrowsky 1792, Pelzel 1795, Negedly 1804.
- unbestimmte Dauer	Dobrowsky 1809, Vater 1814, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820.
- vergangene Dauer	Tomsa 1804.
dauern	Pelzel 1795, Tomsa 1804.
dauernd	Pelzel 1795, Tomsa 1804, Negedly 1804, Vater 1805, Vater 1807.
dauernde zukünftige Zeit	Tomsa 1804.

daveča	Polikarpov 1725.
davno	Smotrickij (Polikarpov) 1721, Polikarpov 1724, Polikarpov 1725, Adodurov 1731, Groening 1750, Sokolov 1792, RG 1802, Sokolov 1806, Greč 1811, Jakob 1812, Vostokov 1831.
davno proisxodivšee	Vostokov 1831.
davno soveršavšeesja	Greč 1811.
davno soveršivšeesja	Sokolov 1792, RG 1802, Sokolov 1806.
davnoe vremja	Barsov 1788.
davnoprošedšee	Lomonosov 1755, Charpentier 1768, Kurganov 1769, KPR 1773, KPR 1784, Syrejščikov 1787, Barsov 1788, Sokolov 1792, Kurganov 1793, RG 1802, Maudru 1802, Glinka 1805, Rižskij 1806, Sokolov 1806, Born 1808, Grammatika 1809, (Tappe 1810), Jazvickij 1810, Ornatovskij 1810, Timkovskij 1811, Boldyrev 1812, Jakob 1812, Boldyrev 1816, Davydov 1817, Boldyrev 1817, Reiff 1821, Čaplin 1822, Sjöstedt 1824, Nikol'skoj 1830, Vostokov 1831.
davnoproš. mnogokr.	RG 1802, Sokolov 1806, Grammatika 1809, Jazvickij 1810, (Ornatovskij 1810).
davnoproš. odnokr.	Ornatovskij 1810.
davnoproš. pervoe	Lomonosov 1755, Kurganov 1769, KPR 1773, KPR 1784, Sokolov 1792, Kurganov 1793, Ornatovskij 1810.
davnoproš. vtoroe	Lomonosov 1755, Kurganov 1769, KPR 1773, KPR 1784, Sokolov 1792, Kurganov 1793, Ornatovskij 1810.
davnoproš. tretie	Lomonosov 1755, Kurganov 1769, KPR 1773, KPR 1784, Sokolov 1792, Kurganov 1793, Ornatovskij 1810.
davnostь	Rižskij 1806.
dawno	Kopczyński 1778.
dawność czasu	Kopczyński 1778.
declinabilis	Rosa 1672, Bernolák 1790.
declinare	Varro 45 do n.ė., Donatus 350, Priscianus 500.
decompositus	Priscianus 500, Statorius 1568, Bandtke 1808, Dobrowsky 1814, Dobrowsky 1822.
defectiv	Grimm 1824.
defectivus	Donatus 350, Charisius 375, Diomedes 375, Priscianus 500, Lomonossow 1764, Rodde 1773, Rodde 1789, Heym 1789, Negedly 1804, Vater 1805, Ornatovskij 1810, Dobrowsky 1822.
défectueux	Charpentier 1768.
définy, définie	A & L 1676, Maudru 1802, Jazvickij 1810, Reiff 1821.
definire	Rosa 1672.
definite	Heard 1827.
definitio verbi	Bernolák 1790.
definitivus	Sjöstedt 1824.
definitus	Statorius 1568, Nudožer 1603, Heym 1789, Heym 1804, Vater 1814, Dobrowsky 1822, E & O 1822, Sjöstedt 1824, E & O 1830.
defunctum una actione	Bandtke 1808.
dějanie	Lomonosov 1755, Kurganov 1769, KPR 1773, KPR 1784, Barsov 1788, Sokolov 1792, Kurganov 1793, RG 1802, Sokolov 1806, Grammatika 1809.
dějanie budušče	Sokolov 1792, Sokolov 1806.

dějanie minuvšee	Sokolov 1792, Sokolov 1806.
dějanie prežnee	Sokolov 1792, Sokolov 1806.
dějanie prošedšee	Sokolov 1792, Sokolov 1806.
dějanie teperešnee	Sokolov 1792, Sokolov 1806.
dějati	Tolmač 1522.
dějstvie	Lomonosov 1755, Kurganov 1769, KPR 1784, Barsov 1788, Sokolov 1792, Kurganov 1793, RG 1802, Sokolov 1806, Rižskij 1806, Born 1808, Grammatika 1809, Jazvickij 1810, Ornatovskij 1810, Timkovskij 1811, Greč 1811, Vostokov 1811, Boldyrev 1812, Boldyrev 1812a, Jakob 1812, Boldyrev 1816, Boldyrev 1817, Greč 1819, Greč 1827, Nikol'skoj 1830, Vostokov 1831.
dějstv. buduščee	RG 1802, Grammatika 1809, Boldyrev 1812a.
dějstv. fizičeskoe	Greč 1811, Greč 1827, Vostokov 1831.
dějstv. ispolnennoe	RG 1802.
dějstv. ispolnivšeesja	Grammatika 1809.
dějstv. končeno	Greč 1827, Vostokov 1831.
dějstv. končennoe	Vostokov 1831.
dějstv. minuvšee	RG 1802, Grammatika 1809.
dějstv. mnogokratnoe	RG 1802, Vostokov 1831.
dějstv. načato	Vostokov 1831.
dějstv. načavšeesja	Vostokov 1831.
dějstv. nad mnogimi	Sokolov 1792, RG 1802, Sokolov 1806.
dějstv. nastojaščee	Boldyrev 1812a.
dějstv. ne končennoe	Jazvickij 1810.
dějstv. neproizvolьnoe	Vostokov 1831.
dějstv. neuměrennoe	Vostokov 1831.
dějstv. odnim razom sov.	Born 1808.
dějstv. odnokratnoe	Born 1808, Boldyrev 1816.
dějstv. okončannoe	RG 1802, Grammatika 1809.
dějstv. okončennoe	Ornatovskij 1810.
dějstv. opredělennoe	Vostokov 1831.
dějstv. otvlečennoe	Vostokov 1831.
děj. peremežajuščeesja	Vostokov 1831.
dějstv. povtorennoe	Boldyrev 1812, Vostokov 1831.
dějstv. prekraščaemoe	Vostokov 1831.
dějstv. prežnee	RG 1802.
dějstv. prodolžaemoe	Vostokov 1831.
děj. prodolžajuščeesja	Born 1808, Jazvickij 1810, Vostokov 1831.
dějstv. prodolžitelьnoe	Vostokov 1831.
dějstv. proizvolьnoe	Vostokov 1831.
dějstv. skoroe	Lomonosov 1755, Barsov 1788.
dějstv. soveršajuščeesja	Nikol'skoj 1830.
dějstv. soveršennoe	Sokolov 1792, RG 1802, Sokolov 1806.
dějstv. učaščaemoe	Vostokov 1831.
dějstv. učaščatelьnoe	RG 1802, Timkovskij 1811.
dějstv. usilennoe	Vostokov 1831.
dějstv. sъ opredělenіemъ	Vostokov 1831.
děj. vъ něsk. priemovъ	Vostokov 1831.
děj. vъ odinъ priemъ	Vostokov 1831.
děistvo, dějstvo	ОČS 1400, OČS 1500, Adelphotes 1591, Zizanij 1596, Smotrickij 1619, Kopijewitz 1706, Maksimov 1723, Kurganov 1769, Kurganov 1793.
dějstvo častoe	Maksimov 1723.

dějstvo grjadúščee	Smotrickij 1619.
dějstvo nastojáščee	Smotrickij 1619.
dějstvo prešédšee	Smotrickij 1619.
dějstvo préšloe	Smotrickij 1619.
dějstvo prošloe	Maksimov 1723.
dělánïe	Zizanij 1596.
dělo nesoveršennoe	Lomonosov 1755, Kurganov 1769, Kurganov 1793.
dělo soveršennoe	Lomonosov 1755, Kurganov 1769, Kurganov 1793.
denotare	Statorius 1568, Rosa 1672, Doležal 1746, Bernolák 1790, Dobrowsky 1822.
derivare	Charisius 375, Diomedes 375, Priscianus 500, Optát & al. 1533, Statorius 1568, Rosa 1672, Dobrowsky 1799.
derivatio	Uževič 1643, Rosa 1672, Doležal 1746, Lomonossow 1764, Dobrowsky 1791.
derivative	Sohier 1724.
derivativus	Priscianus 500, Optát & al. 1533, Nudožer 1603, Ludolf 1696, Adodurov 1731, NG 1745, Doležal 1746, Groening 1750, Lomonossow 1764, Heym 1789, Heym 1804, Vater 1805, Vater 1808, Bandtke 1808, Vater 1814.
derivativum frequentat.	Bandtke 1808.
derivatus	Diomedes 375, Priscianus 500, Nudožer 1603, Uževič 1643, Doležal 1746, Barsov 1788, Bernolák 1790, Pelzel 1795, Dobrowsky 1799, Negedly 1804, Tappe 1810, Vater 1814, Dobrowsky 1822.
derivé	Sohier 1724, Charpentier 1768, Maudru 1802, Hamonière 1817.
derive	Heard 1827.
Desiderativum	NG 1745, Vater 1801, Dobrowsky 1809.
desiderativus	Priscianus 500, Vater 1801, Vater 1805.
designare	Bernolák 1790, Dobrowsky 1822.
désigner	Charpentier 1768, Reiff 1821.
desinere	Diomedes 375.
determinare	Dobrowsky 1822, Sjöstedt 1824.
determinatus	Dobrowsky 1822, Sjöstedt 1824.
déterminer	Sohier 1724, Reiff 1821.
déterminé	Hamonière 1817, Reiff 1821.
determinerad Action	Groening 1750.
determinirte Action	Adodurov 1731.
diaphorá	Dionysios Thrax 100 do n.ė.
diáthesis	Dionysios Thrax 100 do n.ė., Laskaris 1476, Adelphotes 1591, Barsov 1788, Vater 1808.
diesmal	Dobrowsky 1809, Vater 1814, Dobrowsky 1814, Puchmayer 1820.
differentia	Donatus 350, Charisius 375, Diomedes 375, Priscianus 500, Nudožer 1603, Rosa 1672, Doležal 1746.
dijânje	Križanić 1666.
diminutive	Hamonière 1817.
diminutivus	Donatus 350, Priscianus 500.
discontinuation	Reiff 1821.
diutius	Bernolák 1790, Dobrowsky 1822.
diuturnitas actionis	Rosa 1672.
diuturnitatis spatium	Charisius 375.
diuturnus	Rosa 1672.
divisio verbi	Varro 45 do n.ė., Bernolák 1790.
dlitelьnyj	Vostokov 1831.

doctrina formarum — Sjöstedt 1824.
dokonane — Kopczyński 1778, Vater 1807, Bandtke 1808.
dokonanie — Kopczyński 1778.
dokonánj wěcy — Rosa 1672.
dokończone — Kopczyński 1778.
dôlgo — Križanić 1666.
dostiženie — Greč 1827.
doveršenie — Jakob 1812, Greč 1827.
dovolьno — Sokolov 1792, RG 1802, Sokolov 1806.
drévle — Smotrickij 1619.
dritte vorlängstverg. — Lomonossow 1764.
dubius — Lomonossow 1764, Heym 1789, Bernolák 1790.
durare — Dobrowsky 1822.
duration of an action — Heard 1827.
durativ — Negedly 1804, Tappe 1812, Tappe 1815.
durativum — Pelzel 1795, Tomsa 1804, Negedly 1804, E & O 1814, E & O 1830.
durée — Hamonière 1817, Reiff 1821.
dviženie fizičeskoe — Vostokov 1831.
dviženie sъ města — Greč 1811, Č. 1812, Greč 1827, Vostokov 1831.
dviženie vidimoe — Vostokov 1831.
dviženie slyšimoe — Vostokov 1831.
dvukratno proš. — Jazvickij 1810.
eben eingetreten — Vater 1808.
eben erfolgend — Vater 1801.
eben jetzt — Dobrowsky 1809, Puchmayer 1820.
eben und einmal — Vater 1808.
écoulé — Charpentier 1768, Hamonière 1817.
edinokratno — Barsov 1788, RG 1802.
edinokratnoe — Barsov 1788.
edinorjádnyi — Tolmač 1522.
edinoródnyi — Tolmač 1522.
edinoždy — Sokolov 1792, RG 1802, Sokolov 1806.
edinstvennoe — Lomonosov 1755, KPR 1773.
effectus — Diomedes 375, Bernolák 1790.
égklisis aparémphatos — Dionysios Thrax 100 do n.ė., Laskaris 1476, Adelphotes 1591.
ehedem — Rodde 1773, Rodde 1789.
ehemals — Rodde 1773, Rodde 1789, Heym 1789, Heym 1804.
eîdos — Dionysios Thrax 100 do n.ė., Laskaris 1476, Adelphotes 1591, Vater 1808 (gre).
eîdos prōtótypon — Dionysios Thrax 100 do n.ė., Laskaris 1476, Adelphotes 1591.
eîdos parágōgon — Dionysios Thrax 100 do n.ė., Laskaris 1476, Adelphotes 1591.
Ein Verbum — Vater 1808.
ein wenig — Dobrowsky 1809.
einfach — Lomonossow 1764, Rodde 1773, Rodde 1789, Heym 1789, Pelzel 1795, Heym 1804, Tomsa 1804, Negedly 1804, Glinka 1805, Bandtke 1808, Dobrowsky 1809, Tappe 1815, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820, Grimm 1824.
einfach vergangene — Lomonossow 1764.
einfach zukünfftige — Lomonossow 1764.
einfache Singulare — Dobrowsky 1809, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820.
einfaches Präteritum — Karadžić/Grimm 1824.
Einfachheit — Bandtke 1808.
Einheit — Dobrowsky 1809, Dobrowsky 1819, Puchmayer

	1820.
einmahl, einmal	Lomonossow 1764, Rodde 1773, Rodde 1789, Heym 1789, Dobrowsky 1791, Pelzel 1795, Heym 1804, Tomsa 1804, Negedly 1804, Vater 1805, Glinka 1805, Vater 1808, Kopitar 1808, Dobrowsky 1809, Tappe 1810, Tappe 1812, Vater 1814, Dobrowsky 1814, Tappe 1815, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820.
- auf einmal	Rodde 1773, Rodde 1789, Tomsa 1804, Glinka 1805, Dobrowsky 1809.
- nur einmahl	Lomonossow 1764, Heym 1789, Pelzel 1795, Heym 1804, Negedly 1804, Vater 1805, Glinka 1805, Tappe 1812, Puchmayer 1820.
einmalig	Lomonossow 1764, Vater 1805, Vater 1807, Vater 1808, Dobrowsky 1809, Tappe 1810, Tappe 1812, Vater 1814, Tappe 1815, Puchmayer 1820, Grimm 1824.
einmalig vergangene	Lomonossow 1764.
Einmalige	Vater 1808, Tappe 1810, Tappe 1812, Tappe 1815.
Einmalthun	Kopitar 1808.
Eintheilung	Bandtke 1808, Grimm 1824, Karadžić/Grimm 1824.
eintreten	Vater 1808.
einzeln	Pelzel 1795, Tomsa 1804, Negedly 1804, Bandtke 1808, Dobrowsky 1809, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820.
einzige Handlung	Tomsa 1782, Negedly 1804.
einzigesmahl	Lomonossow 1764, Karadžić/Grimm 1824.
éloigné	Hamonière 1817, Reiff 1821.
éloignement	Charpentier 1768.
emprunter	Charpentier 1768, Maudru 1802, Reiff 1821.
en enda gång	E & O 1814, E & O 1830.
end, to the end	Heard 1827.
Ende	Rodde 1773, Rodde 1789, Heym 1789, Vater 1801, Heym 1804, Negedly 1804, Vater 1805, Vater 1808, Tappe 1810, Tappe 1812, Vater 1814, Tappe 1815.
- zu Ende	Rodde 1773, Rodde 1789, Heym 1789, Heym 1804, Negedly 1804, Vater 1805, Vater 1808, Bandtke 1808, Tappe 1810, Tappe 1812, Vater 1814, Tappe 1815.
- zu Ende gebrachte	Vater 1808, Vater 1814.
- zu Ende gegangene	Vater 1814.
- zu Ende gehende	Vater 1814.
- zu Ende kommende	Vater 1808.
- zu endende Handlung	Vater 1808, Vater 1814.
- zu endigende Handlung	Vater 1808, Vater 1814.
Endigung	Lomonossow 1764, Rodde 1773, Rodde 1789, Heym 1789, Heym 1804, Vater 1805.
enestōs	Plato, Aristoteles, Stoa 300 do n.ė., Dionysios Thrax 100 do n.ė., Apollonios Dyskolos 150, Priscianus 500, Laskaris 1476, Adelphotes 1591.
enestōs paratatikós	Stoa 300 do n.ė.
enestōs syntelikós	Stoa 300 do n.ė.
Engångsform	E & O 1814, E & O 1822, E & O 1830.
engere Bedeutung	Vater 1808, Vater 1814.
enkelt Verbum	Groening 1750, E & O 1814, E & O 1822.
entièrement accompli	Hamonière 1817, Reiff 1821.
entièrement consommée	Reiff 1821.

entlehnen — Lomonossow 1764, Negedly 1804, Vater 1808, Dobrowsky 1809, Vater 1814, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820.
Entlehnung — Heym 1804.
ēnysménos — Apollonios Dyskolos 150.
ėpoxi vremeni — Greč 1827.
Ereigniss — Vater 1801, Vater 1805, Tappe 1815.
Erfolg — Kopitar 1808.
erfolgen — Vater 1805, Glinka 1805, Bandtke 1808.
erfolgend — Vater 1801, Heym 1804.
erfolgt — Heym 1804, Glinka 1805, Bandtke 1808.
Erfüllung — Grimm 1824.
erste unbestimte — Lomonossow 1764 (gre).
erste zukünfftige — Lomonossow 1764 (gre).
erste vorlängstverg. — Lomonossow 1764.
espèce — A & L 1676, Sohier 1724, Charpentier 1768, Born 1808, Reiff 1821.
état — Hamonière 1817, Reiff 1821.
état habituel — Reiff 1821.
ett enda tag — E & O 1822.
événement — Charpentier 1768.
exactus — Diomedes 375, Statorius 1568, Vater 1801, Heym 1804, Tomsa 1804, Vater 1808, Dobrowsky 1809.
exequi — Rosa 1672.
express — Heard 1827.
exprimer — Charpentier 1768, Maudru 1802, Hamonière 1817, Reiff 1821.
exprimere — Statorius 1568, Doležal 1746, Bernolák 1790, Sjöstedt 1824.
factitivum — Dobrowsky 1799, Dobrowsky 1809, Dobrowsky 1814, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820, Dobrowsky 1822.
factum — Rosa 1672.
fertig — Lomonossow 1764, Negedly 1804, Grimm 1824.
Fertigkeit — Tappe 1812, 1815.
fieri — Rosa 1672, Doležal 1746, Bernolák 1790.
Figur — Bandtke 1808.
figura — Donatus 350, Charisius 375, Diomedes 375, Priscianus 500, Statorius 1568, Nudožer 1603, Ludolf 1696, NG 1745, Groening 1750, Barsov 1788, Bandtke 1808.
figura simplex — Donatus 350, Charisius 375, Diomedes 375, (Priscianus 500), Statorius 1568, Nudožer 1603, Ludolf 1696, NG 1745, Groening 1750.
figura conposita — Donatus 350, Charisius 375, Diomedes 375, (Priscianus 500), Statorius 1568, Nudožer 1603, Ludolf 1696, NG 1745, Groening 1750.
figura decomposita — Statorius 1568.
figure — Sohier 1724.
figürliche Bedeutung — Dobrowsky 1809.
fin — Charpentier 1768, Reiff 1821.
finienda — Doležal 1746, Bernolák 1790.
finio — Diomedes 375, Doležal 1746.
finir — Charpentier 1768.
finis, ad finem — Diomedes 375, Priscianus 500, Statorius 1568, Nudožer 1603, Uževič 1643, Rosa 1672.
finish — Heard 1827.
finitus — Diomedes 375, Nudožer 1603, Doležal 1746, Ber-

	nolák 1790, Ornatovskij 1810.
flere gångor	E & O 1814, E & O 1822.
flexio	Nudožer 1603, Doležal 1746, Dobrowsky 1822.
Flexion	Dobrowsky 1791, Negedly 1804, Vater 1805.
fois	Charpentier 1768, Maudru 1802, Boldyrev 1812, Hamonière 1817, Reiff 1821.
förbi vara	Groening 1750, E & O 1814.
förbigången	E & O 1822.
förfluten	Groening 1750, E & O 1814, E & O 1822.
förfluten vara	Groening 1750.
Förfluten tid	E & O 1814.
Form, Formen	Dobrowsky 1791, Dobrowsky 1792, Vater 1801, Negedly 1804, Vater 1805, Glinka 1805, Vater 1808, Kopitar 1808, Dobrowsky 1809, Tappe 1810, Tappe 1812, Dobrowsky 1814, Vater 1814, Tappe 1815, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820, Grimm 1824.
Formen der Verba	Vater 1805.
Formen der Zeitwörter	Dobrowsky 1809.
Formen des Verbi	Dobrowsky 1819.
Form, Former	E & O 1814, E & O 1822, E & O 1830.
form	Heard 1827.
forma, formae	Varro 45 do n.ė., Donatus 350, Charisius 375, Diomedes 375, Priscianus 500, Statorius 1568, Nudožer 1603, Uževič 1643, Rosa 1672, Kopczyński 1778, Dobrowsky 1799, Vater 1805, Vater 1808, Bandtke 1808, E & O 1814, Dobrowsky 1822, E & O 1822, Sjöstedt 1824, E & O 1830.
forma conceptuum	Sjöstedt 1824.
Forma Definita	E & O 1822, Sjöstedt 1824, E & O 1830.
forma definitiva	Sjöstedt 1824.
Forma desiderativa	Vater 1805.
forma determinata	Sjöstedt 1824.
forma frequentativa	Donatus 350, Charisius 375, (Statorius 1568), Vater 1805, Vater 1808, E & O 1814, E & O 1822, Sjöstedt 1824, E & O 1830.
forma hitpaëlica	Sjöstedt 1824.
Forma Imperfecta	E & O 1822.
forma inchoativa	Donatus 350, Charisius 375, (Statorius 1568).
Forma Indefinita	E & O 1814, E & O 1822, Sjöstedt 1824, E & O 1830.
forma intuituum	Sjöstedt 1824.
forma iterativa	Diomedes 375, Dobrowsky 1799, Dobrowsky 1822.
forma meditativa	Donatus 350, Charisius 375, Diomedes 375.
forma perfecta	Donatus 350, Charisius 375, Diomedes 375, Vater 1808, E & O 1814, E & O 1822, Sjöstedt 1824.
forma primigenia	Dobrowsky 1822.
forma primitiva	Dobrowsky 1822.
forma quasi diminutiva	Donatus 350.
forma saepius agendi	Charisius 375.
Forma Simplex	E & O 1814, E & O 1822, Sjöstedt 1824, E & O 1830.
forma singularis	Dobrowsky 1822.
Forma Singularitatis	E & O 1822.
Forma Subitanea	E & O 1822.
formae verborum	Donatus 350, Charisius 375, Diomedes 375, Dobrowsky 1799, Dobrowsky 1822, Sjöstedt 1824.

forma, formy	Č. 1812, Boldyrev 1812, Boldyrev 1812a, Jakob 1812, E & O 1814, Greč 1827, E & O 1830.
forma glagola	Boldyrev 1812, Boldyrev 1812a, Jakob 1812, Greč 1827.
forma jazyka	Greč 1827.
forma kosvennaja	Greč 1827.
forma prjamaja	Greč 1827.
forma vremeni	Boldyrev 1812a, Jakob 1812, Boldyrev 1816.
Fórma mnogokrátnaja	E & O 1814, E & O 1830.
Fórma neopredělénnaja	E & O 1814.
Fórma nesoveršénnaja	E & O 1830.
Fórma odnokrátnaja	E & O 1814, E & O 1830.
Fórma soveršénnaja	E & O 1814, Sjöstedt 1824, E & O 1830.
formare	Statorius 1568, Nudožer 1603, Uževič 1645, Rosa 1672, Doležal 1746, Bernolák 1790, Dobrowsky 1799, Dobrowsky 1822, Sjöstedt 1824.
formatio	Rosa 1672, Dobrowsky 1799, Dobrowsky 1822.
formation	Charpentier 1768.
Formation	Vater 1807, Vater 1808.
formativum	Dobrowsky 1822.
forme	A & L 1676, Charpentier 1768, Hamonière 1817, Reiff 1821.
former	A & L 1676, Sohier 1724, Charpentier 1768, Reiff 1821.
förrättning	Groening 1750.
Fortdauer	Heym 1789, Heym 1804, Vater 1805, Vater 1808, Tappe 1810, Tappe 1812, Vater 1814, Tappe 1815.
fortdauern	Heym 1789, Pelzel 1795, Vater 1801, Heym 1804, Bandtke 1808.
fortdauernd	Heym 1789, Dobrowsky 1791, Pelzel 1795, Vater 1801, Heym 1804, Vater 1805, Vater 1807, Vater 1808, Tappe 1810, Tappe 1812, Tappe 1815, Karadžić/Grimm 1824.
fortfahren	Heym 1789, Vater 1805, Tappe 1810.
fortfahrend	Vater 1807.
fortfarande	E & O 1822.
Fortgang, im Fortgange	Kopitar 1808.
fortgesetzt	Lomonossow 1764, Heym 1789, Dobrowsky 1791, Pelzel 1795, Heym 1804, Tomsa 1804, Negedly 1804.
fortsetzen	Lomonossow 1764, Heym 1789, Dobrowsky 1791, Pelzel 1795, Vater 1801, Heym 1804.
fortsetzend	Tomsa 1804.
Fortsetzung	Heym 1789, Heym 1804.
Fortsättnings Verbum	E & O 1814, E & O 1822, E & O 1830.
Fortwähren	Vater 1808, Vater 1814, Grimm 1824.
fortwährend	Dobrowsky 1809, Puchmayer 1820.
Fortwährung	Vater 1805.
fréquence	Charpentier 1768, Maudru 1802.
frequens	Rosa 1672.
frequent repetition	Heard 1827.
fréquentatif	Sohier 1724, Maudru 1802, Hamonière 1817, Reiff 1821.
frequentativ	Negedly 1804, Vater 1805, Vater 1807, Dobrowsky 1809, Tappe 1810, Puchmayer 1820.
Frequentativ	Vater 1808, Vater 1814.
frequentative Form	Vater 1805, Dobrowsky 1809, Dobrowsky 1819,

	Puchmayer 1820.
frequentativisch	Vater 1808, Vater 1814.
Frequentativ-Form	Vater 1807, Vater 1808, Vater 1814.
Frequentativ-Verbum	Vater 1814.
frequentativus	Donatus 350, Charisius 375, Diomedes 375, Priscianus 500, Statorius 1568, Nudožer 1603, Uževič 1643, Rosa 1672, Ludolf 1696, Adodurov 1731, Doležal 1746, Groening 1750, Lomonossow 1764, Rodde 1773, Kopczyński 1778, Tomsa 1782, Rodde 1789, Heym 1789, Bernolák 1790, Dobrowsky 1791, Dobrowsky 1792, Pelzel 1795, Dobrowsky 1799, Vater 1801, Heym 1804, Tomsa 1804, Negedly 1804, Vater 1805, Vater 1807, Vater 1808, Bandtke 1808, Dobrowsky 1809, Tappe 1810, Tappe 1812, E & O 1814, Vater 1814, Dobrowsky 1814, Tappe 1815, Dobrowsky 1822, E & O 1822, Sjöstedt 1824, E & O 1830.
Frequentativum	Rosa 1672, Ludolf 1696, Groening 1750, Dobrowsky 1792, Negedly 1804, Vater 1805, Vater 1807, Vater 1808, Dobrowsky 1809, Vater 1814, Dobrowsky 1814, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820, Dobrowsky 1822.
frequ. act. imperfectae	Bandtke 1808.
frequentat. compositum	Rosa 1672, Bernolák 1790.
frequentat. erste	Tomsa 1782.
frequ. extraordinarium	Rosa 1672.
frequentat. irregulare	Rosa 1672.
frequentat. ordinarium	Rosa 1672.
frequentat. primum	Doležal 1746, Bernolák 1790.
frequentat. proprium	Rosa 1672.
frequentat. regulare	Rosa 1672.
frequentat. secundum	Rosa 1672, Doležal 1746, Bernolák 1790, Negedly 1804.
frequentat. simplex	Bernolák 1790.
frequentat. tertium	Doležal 1746.
frequentat. zweite	Tomsa 1782.
frequenter	Diomedes 375, Statorius 1568, Dobrowsky 1822.
frequentia actionis	Rosa 1672.
frequentia actus	Priscianus 500, Rosa 1672.
frequentia laboris	Rosa 1672.
Frequenz	Bandtke 1808.
früher vergangene Zeit	Dobrowsky 1809, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820.
fulländad	Groening 1750, E & O 1822.
fulländande	E & O 1822.
fulländning	E & O 1822, E & O 1830.
Fulländnings Form	E & O 1822.
fullbordad	E & O 1822.
fullkomlig	E & O 1814, E & O 1822.
fullkomlighet	E & O 1830.
Fullkomlig Form	E & O 1814.
fullkomligen förbi	Groening 1750, E & O 1814.
fullkomligen förfluten	Groening 1750.
fullkomnande	E & O 1830.
fullständig	E & O 1822.
fullständigt Verbum	E & O 1814, E & O 1822.
futur	A & L 1676, Sohier 1724, Charpentier 1768, Maudru 1802, Born 1808, Hamonière 1817, Reiff 1821.
futur absolu	Maudru 1802 (fra).

futur antérieur	Maudru 1802 (fra).
futur complexe	Maudru 1802.
futur composé	Charpentier 1768, Maudru 1802.
futur définy	A & L 1676, Reiff 1821.
futur deuxième	A & L 1676.
futur imparfait	Reiff 1821.
futur indéfiny	A & L 1676, Hamonière 1817, Reiff 1821.
futur indéterminé	Charpentier 1768, Maudru 1802.
futur parfait	A & L 1676, Hamonière 1817, Reiff 1821.
futur parfait indéfini	Hamonière 1817.
futur parfait simple	Hamonière 1817.
futur premier	Sohier 1724.
futur second	Sohier 1724.
futur troiziéme	Sohier 1724.
futur proche	Reiff 1821.
futur sémelfactif	Reiff 1821.
futur simple	A & L 1676 (lat), Charpentier 1768, Maudru 1802, Hamonière 1817.
future	Heard 1827.
future perfect	Heard 1827.
future tense	Heard 1827.
futuro-praeteritum	Jakob 1812.
futurum	Varro 45 do n.ė., Donatus 350, Charisius 375, Diomedes 375, Priscianus 500, Statorius 1568, Nudožer 1603, Uževič 1643, Uževič 1645, Rosa 1672, Ludolf 1696, Glück 1704, Kopijewitz 1706, Pause 1729, Adodurov 1731, NG 1745, Doležal 1746, Groening 1750, Lomonossow 1764, Rodde 1773, Kopczyński 1778, Tomsa 1782, Barsov 1788, Rodde 1789, Heym 1789, Bernolák 1790, Dobrowsky 1792, Pelzel 1795, Dobrowsky 1799, Vater 1801, Heym 1804, Negedly 1804, Tomsa 1804, Vater 1805, Glinka 1805, Vater 1808, Bandtke 1808, Kopitar 1808, Dobrowsky 1809, Tappe 1810, Jazvickij 1810, Ornatovskij 1810, Tappe 1812, Jakob 1812, Vater 1814, Dobrowsky 1814, Tappe 1815, Puchmayer 1820, Dobrowsky 1822, Grimm 1824, Karadžić/Grimm 1824, Sjöstedt 1824.
futurum absolutum	Barsov 1788, Vater 1801, Jakob 1812.
fut. actionis simplicis	Vater 1814.
futurum actionis unius	Dobrowsky 1814.
futurum circumscriptum	Nudožer 1603, Dobrowsky 1799, Dobrowsky 1822.
futurum compositum	Statorius 1568, Uževič 1645, Rosa 1672, Dobrowsky 1792, Pelzel 1795, Dobrowsky 1799, Negedly 1804, Bandtke 1808, Dobrowsky 1822.
futurum cum budu	Rosa 1672.
Futurum der Einheit	Dobrowsky 1809, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820.
futurum dubium	Lomonossow 1764.
futurum durativum	Tomsa 1804.
futurum exactum	Vater 1801, Heym 1804, Tomsa 1804, Negedly 1804, Vater 1805, Vater 1808, Dobrowsky 1809, Jakob 1812, Vater 1814, E & O 1814 (šved), Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820, Dobrowsky 1822 (nem).
futurum finitum	Ornatovskij 1810.
futurum imperfectum	Rosa 1672, Lomonossow 1764, Rodde 1773, Rodde 1789, Vater 1808, Jakob 1812, Vater 1814.
futurum inchoativum	Dobrowsky 1822.

futurum indefinitum — Barsov 1788, Heym 1789, Heym 1804, Vater 1808, Tappe 1810, Ornatovskij 1810, Vater 1814.
futurum infinitum — Priscianus 500 (gre).
futurum iterativum — Dobrowsky 1822.
futurum paulo post — Priscianus 500 (gre), A & L 1676 (gre), Lomonossow 1764 (gre), Jazvickij 1810 (gre).
futurum per periphrasin — Statorius 1568.
futurum perfectum — Rosa 1672, Lomonossow 1764, Rodde 1773, Rodde 1789, Heym 1789, Heym 1804, Negedly 1804, Vater 1805, Glinka 1805, Vater 1808, Dobrowsky 1809, Tappe 1810, Jazvickij 1810, Jakob 1812, Vater 1814.
futurum perf. signif. — Rosa 1672, Dobrowsky 1814.
futurum periphrasticum — Dobrowsky 1822.
futurum plurativum — Pelzel 1795, Negedly 1804.
futurum primigenium — Dobrowsky 1822.
futurum primum — Uževič 1645 (cslav), Lomonossow 1764 (gre).
futurum secundum — Uževič 1645 (cslav), Lomonossow 1764 (gre).
futurum proprium — Doležal 1746.
futurum singulare — Pelzel 1795, Negedly 1804.
futurum simplex — Statorius 1568, Uževič 1645, Lomonossow 1764, Rodde 1773, Rodde 1789, Heym 1789, Heym 1804, Vater 1805, Glinka 1805, Vater 1808, Bandtke 1808, Tappe 1810, Vater 1814, Dobrowsky 1822.
futurum thematis — Dobrowsky 1799.
Futurum — Glück 1704, Adodurov 1731, NG 1745, Dobrowsky 1792, Heym 1804, Tomsa 1804, Negedly 1804, Vater 1808, Kopitar 1808, Dobrowsky 1809, Tappe 1810, Vater 1814, E & O 1814, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820, E & O 1822, E & O 1830.
Futurum mit budu — Pelzel 1795.
Futurum indefinitum — Heym 1804.
Futurum perf. indefin. — Heym 1804.
Futurum perf. simplex — Heym 1804.
Futurum unitatis — Dobrowsky 1792, Dobrowsky 1809, Dobrowsky 1822, Grimm 1824 (cslav).
Futurum I & II — Kopitar 1808.
gång — E & O 1814, E & O 1822, E & O 1830.
ganz — Pelzel 1795, Heym 1804, Negedly 1804, Vater 1808, Dobrowsky 1809, Tappe 1810, Tappe 1812, Tappe 1815.
ganz oder völlig — Tappe 1810.
ganz vergangene — Pelzel 1795.
ganz vollbracht — Pelzel 1795.
ganz zu Ende — Vater 1801, Vater 1805, Tappe 1810, Tappe 1812, Tappe 1815.
ganze Handlung — Dobrowsky 1809.
Ganzes — Tappe 1810.
Gattung — NG 1745, Lomonossow 1764, Pelzel 1795.
gatunek Słòw — Kopczyński 1778.
gednotliwé — Rosa 1672.
geendet — Lomonossow 1764.
geendigt — Heym 1789, Heym 1804, Negedly 1804, Glinka 1805, Tappe 1812, Tappe 1815.
Gegenwart — Vater 1801, Vater 1805, Born 1808, Tappe 1810, Tappe 1812, Vater 1814, Tappe 1815.
gegenwärtig — Lomonossow 1764, Tomsa 1782, Heym 1789, Pelzel 1795, Vater 1801, Heym 1804, Tomsa 1804, Negedly 1804, Vater 1805, Glinka 1805,

	Bandtke 1808, Dobrowsky 1809, Tappe 1812, Tappe 1815, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820.
gegenwärtige Zeit	Lomonossow 1764, Tomsa 1782, Heym 1789, Pelzel 1795, Tomsa 1804, Dobrowsky 1809, Tappe 1812, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820.
génos	Dionysios Thrax 100 do n.ė., Adelphotes 1591.
genus verbi	Varro 45 do n.ė., Donatus 350, Charisius 375, Priscianus 500, Rosa 1672, Adodurov 1731, Groening 1750, Barsov 1788, Rodde 1789, Bernolák 1790, Pelzel 1795, Negedly 1804.
geraume Zeit	Heym 1789, Heym 1804, Glinka 1805.
gern gethan	Tappe 1810, 1812, 1815.
geschehen	Lomonossow 1764, Tomsa 1782, Heym 1789, Dobrowsky 1791, Pelzel 1795, Heym 1804, Tomsa 1804, Negedly 1804, Vater 1805, Vater 1808, Bandtke 1808, Dobrowsky 1809, Tappe 1810, Tappe 1812, Vater 1814, Tappe 1815, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820, Karadžić/Grimm 1824.
geschehend	Negedly 1804, Vater 1808, Vater 1814.
Gestalt	Bandtke 1808.
gestus	Statorius 1568.
gewiss	Lomonossow 1764, Tomsa 1782, Heym 1789, Heym 1804, Negedly 1804, Glinka 1805, Tappe 1810, Tappe 1812, Tappe 1815.
gewiss beendigende	Tappe 1812, Tappe 1815.
Gewohnheit	Greč 1811, Tappe 1812, 1815.
gewöhnlich	Dobrowsky 1809.
Gewohntseyn	Tappe 1812, 1815.
glagol bezlični	Karadžić 1818.
glagol djejstvitelni	Karadžić 1818.
glagol lični	Karadžić 1818.
glagol nepravilni	Karadžić 1818.
glagol nesavršitelni	Karadžić 1818.
glagol pomagatelni	Karadžić 1818.
glagol pravilni	Karadžić 1818.
glagol savršitelni	Karadžić 1818.
glagol srednji	Karadžić 1818.
glagolъ 'slovo'	OČS 1500.
glagólъ	Adelphotes 1591, Zizanij 1596, Smotrickij 1619, Ludolf 1696, Kopijewitz 1706, Maksimov 1723, Sohier 1724, Adodurov 1738, Lomonosov 1755, Charpentier 1768, Kurganov 1769, KPR 1773, KPR 1784, Barsov 1788, Heym 1789, Sokolov 1792, Kurganov 1793, RG 1802, Heym 1804, Glinka 1805, Rižskij 1806, Sokolov 1806, Born 1808, Grammatika 1809, Tappe 1810, Jazvickij 1810, Ornatovskij 1810, Timkovskij 1811, Greč 1811, Vostokov 1811, Tappe 1812, Č. 1812, Boldyrev 1812, Boldyrev 1812a, Jakob 1812, E & O 1814, Tappe 1815, Boldyrev 1816, Davydov 1817, Boldyrev 1817, Greč 1819, Reiff 1821, Čaplin 1822, Greč 1827, Nikol'skoj 1830, E & O 1830, Vostokov 1831.
glagolъ bezličnyj	Smotrickij 1619, Lomonosov 1755, Kurganov 1769, KPR 1773, KPR 1784, Barsov 1788, Heym 1789, Sokolov 1792, Kurganov 1793, RG 1802, Born 1808, Grammatika 1809, Jazvickij 1810, Ornatovskij 1810, Vostokov 1831.

glagolъ buduščego vr.	Rižskij 1806.
glagolъ celyj	Lomonosov 1755.
glagolъ dějstvítelnyj	Smotrickij 1619, Lomonosov 1755, Kurganov 1769, KPR 1773, KPR 1784, Barsov 1788, Sokolov 1792, Kurganov 1793, RG 1802, Heym 1804, Sokolov 1806, Born 1808, Grammatika 1809, Jazvickij 1810, Greč 1811, Boldyrev 1816, Reiff 1821, Greč 1827, Vostokov 1831.
glagolъ dlitelьnyj	Vostokov 1831.
gl. izbýtočestvujuščij	Barsov 1788.
glagolъ izobilujuščij	Lomonosov 1755, Kurganov 1769, KPR 1773, KPR 1784, Heym 1789, Sokolov 1792, Kurganov 1793, RG 1802, Heym 1804, Sokolov 1806, Grammatika 1809, Vostokov 1831.
glagolъ ličnyj	Smotrickij 1619, Lomonosov 1755, Kurganov 1769, KPR 1773, KPR 1784, Barsov 1788, Heym 1789, Sokolov 1792, Kurganov 1793, RG 1802, Heym 1804, Grammatika 1809, Ornatovskij 1810, Reiff 1821, Vostokov 1831.
glagolъ mnogokratnyj	Born 1808, Čaplin 1822.
glagolъ načinátelnyj	Smotrickij 1619, Lomonosov 1755, Kurganov 1769, Barsov 1788, Sokolov 1792, Kurganov 1793, RG 1802, Grammatika 1809, Boldyrev 1812, Reiff 1821, Greč 1827, Vostokov 1831.
glagolъ nastojašč. vr.	Rižskij 1806.
g. nedostátočestvujuščij	Barsov 1788.
glagolъ nedostatočnyj	RG 1802, Boldyrev 1812, Boldyrev 1816, Boldyrev 1817, Greč 1827, Nikol'skoj 1830, Vostokov 1831.
glagolъ neokončatelьnyj	Vostokov 1831.
glagolъ neopredělennyj	Timkovskij 1811, Greč 1811, Vostokov 1811, Tappe 1812, Boldyrev 1812, Boldyrev 1812a, Tappe 1815, Reiff 1821, Čaplin 1822, Vostokov 1831.
glagolъ neperexodjaščij	Greč 1827.
glagolъ nepolnyj	Lomonosov 1755, Kurganov 1769, KPR 1773, KPR 1784, Barsov 1788, Heym 1789, Sokolov 1792, Kurganov 1793, Heym 1804, Sokolov 1806, Grammatika 1809, Ornatovskij 1810, Greč 1827.
glagolъ nepravilьnyj	NG 1745, Lomonosov 1755, Kurganov 1769, KPR 1773, KPR 1784, Barsov 1788, Heym 1789, Sokolov 1792, Kurganov 1793, RG 1802, Heym 1804, Born 1808, Grammatika 1809, Boldyrev 1812, Reiff 1821, Greč 1827, Vostokov 1831.
gl. ne-prexoditelьnyj	Barsov 1788.
glagolъ neslóžnyj	E & O 1814, E & O 1830.
glagolъ nesoveršennyj	Born 1808.
glagolъ óbščij	Smotrickij 1619, Lomonosov 1755, Kurganov 1769, KPR 1773, KPR 1784, Barsov 1788, Sokolov 1792, Kurganov 1793, RG 1802, Heym 1804, Sokolov 1806, Born 1808, Grammatika 1809, Greč 1811, Boldyrev 1816, Reiff 1821, Greč 1827, Vostokov 1831.
glagolъ odinakij	Vostokov 1831.
glagolъ odnokratnyj	Born 1808, Timkovskij 1811, Greč 1811, Tappe 1812, Boldyrev 1812, Boldyrev 1812a, Tappe 1815, Reiff 1821, Čaplin 1822, Vostokov 1831.

glagolъ ograničennyj	Greč 1811.
glagolъ okončatelьnyj	Vostokov 1831.
glagolъ opredělennyj	Vostokov 1831.
glagolъ otnositelьnyj	Jakob 1812.
glagólъ oučaščátelnyj	Smotrickij 1619.
glagolъ perexodjaščij	Greč 1827.
glagolъ pervonačalьnyj	Boldyrev 1812.
glagolъ pervoobraznyj	Maksimov 1723, Lomonosov 1755, Kurganov 1769, KPR 1773, KPR 1784, Barsov 1788, Kurganov 1793, Ornatovskij 1810, Greč 1827, Vostokov 1831.
glagolъ polnyj	Lomonosov 1755, Kurganov 1769, KPR 1773, KPR 1784, Barsov 1788, Heym 1789, Sokolov 1792, Kurganov 1793, RG 1802, Heym 1804, Sokolov 1806, Grammatika 1809, Ornatovskij 1810, Greč 1811, Vostokov 1811, Boldyrev 1812, Reiff 1821, Greč 1827, Nikol'skoj 1830.
glagolъ polnyj složnyj	RG 1802, Grammatika 1809.
glagolъ pravilьnyj	NG 1745, Lomonosov 1755, Kurganov 1769, KPR 1773, Barsov 1788, Heym 1789, Sokolov 1792, Kurganov 1793, Heym 1804, Born 1808, Greč 1811, Boldyrev 1812, Boldyrev 1817, Greč 1827, Vostokov 1831.
glagolъ prexodítelnyj	Smotrickij 1619, Barsov 1788.
glagolъ predložnyj	Greč 1827.
glagolъ prodolžitelьnyj	E & O 1814.
glagolъ proizvedennyj	Timkovskij 1811.
glagolъ proizvódnyj	Smotrickij 1619, Lomonosov 1755, Kurganov 1769, KPR 1773, KPR 1784, Barsov 1788, Kurganov 1793, Ornatovskij 1810, Boldyrev 1812, Davydov 1817, Greč 1827, Vostokov 1831.
glagolъ prošedšego vr.	Rižskij 1806.
glagolъ prostoj	(Smotrickij 1619), Adodurov 1738, NG 1745, Lomonosov 1755, Kurganov 1769, KPR 1773, KPR 1784, Barsov 1788, Sokolov 1792, Kurganov 1793, RG 1802, Sokolov 1806, Born 1808, Grammatika 1809, Ornatovskij 1810, Timkovskij 1811, Greč 1811, Vostokov 1811, Tappe 1812, Č. 1812, Boldyrev 1812, Boldyrev 1812a, Tappe 1815, Boldyrev 1816, Boldyrev 1817, Greč 1819, Reiff 1821, Čaplin 1822, Greč 1827, Vostokov 1831.
glagolъ prostoj neokonč.	Vostokov 1831.
glagolъ prostoj soverš.	Born 1808, Greč 1811, Vostokov 1811, Reiff 1821, Greč 1827, Vostokov 1831.
glagolъ samostojátelnyj	Smotrickij 1619, Barsov 1788, Greč 1827.
glagolъ slóžennyj	Smotrickij 1619, NG 1745, Lomonosov 1755, Kurganov 1769, KPR 1773, KPR 1784, Barsov 1788, Sokolov 1792, Kurganov 1793, RG 1802, Sokolov 1806, Ornatovskij 1810.
glagolъ složnyj	Adodurov 1738, NG 1745, Barsov 1788, Sokolov 1792, RG 1802, Sokolov 1806, Born 1808, Grammatika 1809, Ornatovskij 1810, Timkovskij 1811, Greč 1811, Vostokov 1811, Tappe 1812, Č. 1812, Boldyrev 1812, Boldyrev 1812a, E & O 1814, Tappe 1815, Boldyrev 1816, Boldyrev 1817, Reiff 1821, E & O 1830, Vostokov 1831.

glagolъ složnyj neokonč.	Vostokov 1831.
glagolъ složnyj soverš.	Vostokov 1811, Boldyrev 1812, Vostokov 1831.
glagolъ směšennyj	Jakob 1812, Greč 1819.
glagolъ sostavnoj	Vostokov 1831.
gl. soveršenno-prostoj	Greč 1811.
glagolъ soveršénnyj	Smotrickij 1619, Barsov 1788, Born 1808, Greč 1811, Vostokov 1811, Jakob 1812, Tappe 1812, Boldyrev 1812, Boldyrev 1812a, Tappe 1815, Reiff 1821, Čaplin 1822, Vostokov 1831.
glagolъ sov. dlitelьnyj	Vostokov 1831.
glagolъ sov. načinat.	Vostokov 1831.
glagolъ sov. odnokratnyj	Vostokov 1831.
glagolъ sov. okončat.	Vostokov 1831.
glagolъ sov. složnyj	Greč 1811.
glagolъ sovokupnyj	Greč 1827.
glagolъ srédnij	Smotrickij 1619, Lomonosov 1755, Kurganov 1769, KPR 1773, KPR 1784, Barsov 1788, Sokolov 1792, Kurganov 1793, RG 1802, Sokolov 1806, Born 1808, Grammatika 1809, Jazvickij 1810, Greč 1811, Reiff 1821, Greč 1827, Vostokov 1831.
glagolъ strádatelnyj	Smotrickij 1619, Lomonosov 1755, Kurganov 1769, KPR 1773, KPR 1784, Barsov 1788, Sokolov 1792, Kurganov 1793, RG 1802, Sokolov 1806, Born 1808, Grammatika 1809, Jazvickij 1810, Boldyrev 1812, Boldyrev 1812a, Boldyrev 1816, Reiff 1821, Greč 1827, Vostokov 1831.
glagolъ sugubyj	Reiff 1821, Greč 1827.
glagolъ sugubyj predl.	Greč 1827.
glagolъ suščestvítelnyj	Smotrickij 1619, Adodurov 1738, Barsov 1788, Sokolov 1792, Sokolov 1806, Jazvickij 1810, Greč 1827.
glagolъ učaščátelnyj	Smotrickij 1619, Maksimov 1723, Adodurov 1738, Lomonosov 1755, Kurganov 1769, KPR 1773, Barsov 1788, Heym 1789, Sokolov 1792, Kurganov 1793, RG 1802, Sokolov 1806, Born 1808, Grammatika 1809, Ornatovskij 1810, Timkovskij 1811, Greč 1811, Vostokov 1811, Tappe 1812, Č. 1812, Boldyrev 1812, Boldyrev 1812a, E & O 1814, Tappe 1815, Greč 1819, Reiff 1821, Čaplin 1822, E & O 1830.
glagolъ učašč. složnyj	RG 1802.
glagolъ umenšitelьnyj	Sokolov 1792, Sokolov 1806.
glagolъ uveličitelьnyj	Sokolov 1792, Sokolov 1806.
glagolъ vozvratitelьnyj	KPR 1784.
glagolъ vozvratnyj	Lomonosov 1755, Kurganov 1769, KPR 1773, Barsov 1788, Sokolov 1792, Kurganov 1793, RG 1802, Sokolov 1806, Born 1808, Grammatika 1809, Greč 1811, Boldyrev 1816, Reiff 1821, Greč 1827, Vostokov 1831.
glagolъ vspomogatelьnyj	Lomonosov 1755, Barsov 1788, Sokolov 1806, Born 1808, Tappe 1810, Č. 1812, Boldyrev 1812, Reiff 1821, Greč 1827, Vostokov 1831.
glagolъ vtoroobraznyj	Greč 1827.
glagolъ vzaimnyj	Lomonosov 1755, Kurganov 1769, KPR 1773, KPR 1784, Barsov 1788, Sokolov 1792, Kurganov 1793, RG 1802, Sokolov 1806, Grammatika 1809,

	Greč 1811, Reiff 1821, Greč 1827, Vostokov 1831.
gleich vollbracht	Pelzel 1795, Negedly 1804.
gleichzeitig	Vater 1801.
gradus tres verbi	Donatus 350, Diomedes 375.
grjadúščee	Tolmač 1522, Smotrickij 1619.
Grundbedeutung	Dobrowsky 1809.
Grundbegriff	Dobrowsky 1791.
habitude	Reiff 1821.
habituel	Reiff 1821.
habituellement	Hamonière 1817, Reiff 1821.
habitus	Statorius 1568.
halbvergangene Zeit	Negedly 1804, Bandtke 1808.
hålla på att + inf.	E & O 1814, E & O 1822, E & O 1830.
Handeln	Bandtke 1808, Tappe 1810, Tappe 1812, Tappe 1815.
händelse	E & O 1814, E & O 1822.
Händelseord	E & O 1814.
handling	E & O 1814, E & O 1830.
Handlung	Adodurov 1731, Lomonossow 1764, Rodde 1773, Tomsa 1782, Rodde 1789, Heym 1789, Dobrowsky 1791, Dobrowsky 1792, Pelzel 1795, Heym 1804, Tomsa 1804, Negedly 1804, Vater 1805, Glinka 1805, Vater 1807, Vater 1808, Bandtke 1808, Kopitar 1808, Dobrowsky 1809, Tappe 1810, Tappe 1812, Jakob 1814, Vater 1814, Tappe 1815, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820, Grimm 1824, Karadžić/Grimm 1824.
haploûn	Dionysios Thrax 100 do n.ė., Laskaris 1476, Adelphotes 1591.
härleda	Groening 1750.
häuffend	Lomonossow 1764.
häufig	Vater 1808, Bandtke 1808.
Hauptart	Tappe 1810.
Hauptclass	Bandtke 1808, Vater 1814.
Haupt-Tempus	Glinka 1805.
helt säkert	E & O 1814.
hin und her	Tomsa 1804.
hōrisménos	Stoa 300 do n.ė.
hufvudclass	E & O 1822.
hufvudformer	E & O 1822.
Hülfswort	Lomonossow 1764, Heym 1789, Pelzel 1795, Heym 1804, Vater 1808, Dobrowsky 1809, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820.
Hylfsverbum	Vater 1808, Vater 1814.
hypersyntélikos	Dionysios Thrax 100 do n.ė., Apollonios Dyskolos 150, Diomedes 375, Priscianus 500, Laskaris 1476, Adelphotes 1591.
i en hast	E & O 1814, E & O 1822.
i ett ögnablick	E & O 1814.
iam pridem	Diomedes 375.
icke fullkomligen förbi	Groening 1750.
idée accessoire	Maudru 1802, Reiff 1821.
illimitata	E & O 1822.
illimitée	Reiff 1821.
illimitirte Art, Form	Tappe 1812, Tappe 1815.
illimitirtes Verbum	Tappe 1812, Tappe 1815.
im Allgemeinen	Bandtke 1808, Tappe 1810, Tappe 1812, Tappe 1815.
im Begriff(e) seyn	Vater 1801, Tomsa 1804, Vater 1805.

im Geschehen	Tomsa 1782.
imějuščee bytь dějstvie	RG 1802.
imenno vъ to vremja	Greč 1827.
immer fort	Pelzel 1795, Vater 1814.
imparfait	Sohier 1724, Charpentier 1768, Maudru 1802, Hamonière 1817, Reiff 1821.
imperfectiv	Kopitar 1808.
imperfectivum	Kopitar 1808, Karadžić 1818, Grimm 1824, Karadžić/Grimm 1824.
Imperfectivum	Grimm 1824, Karadžić/Grimm 1824.
Imperfectivverbum	Grimm 1824.
imperfectum singulare	Rosa 1672.
Imperfectum	Glück 1704, Kopijewitz 1706, Groening 1750, Rodde 1773, Tomsa 1782, Barsov 1788, Rodde 1789, Heym 1789, Pelzel 1795, Dobrowsky 1799, Vater 1801, Vater 1805, Vater 1808, Bandtke 1808, Dobrowsky 1809, Tappe 1810, Vater 1814, E & O 1814 (šved), Grimm 1824, Karadžić/Grimm 1824.
Imperfectum indefinitum	Heym 1789.
Imperfekt	Tomsa 1804.
imperfektumъ	Schwanwitz 1730 (nem).
in der Zeit	Vater 1801.
incertus	Priscianus 500, Heym 1789.
inchoata res	Varro 45 do n.ė.
inchoatif	Reiff 1821.
inchoatio	Uževič 1643.
inchoativus	Donatus 350, Charisius 375, Diomedes 375, Priscianus 500, Statorius 1568, Uževič 1643, Rosa 1672, Adodurov 1731, Doležal 1746, Groening 1750, Barsov 1788, Bernolák 1790, Pelzel 1795, Dobrowsky 1799, Vater 1801, Tomsa 1804, Negedly 1804, Vater 1808, Bandtke 1808, Dobrowsky 1809, Tappe 1810, Tappe 1812, Jakob 1812, E & O 1814, Tappe 1815, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820, Dobrowsky 1822.
incipio + inf.	Charisius 375, Diomedes 375, Statorius 1568.
indeclinabilis	Rosa 1672.
indéfiny, indéfinie	A & L 1676, Maudru 1802, Jazvickij 1810, Hamonière 1817, Reiff 1821.
indefinitas temporis	Rosa 1672.
indefinite	Heard 1827.
indefinite simple	Heard 1827.
indefinitivus	Glinka 1805.
indefinitum primum	Lomonossow 1764 (gre).
indefinitum secundum	Lomonossow 1764 (gre).
indefinitus	Statorius 1568, Pause 1729, Lomonossow 1764 (gre), Barsov 1788, Heym 1789, Bernolák 1790, Heym 1804, Vater 1805, Vater 1808, Tappe 1810, Ornatovskij 1810, Tappe 1812, Vater 1814, E & O 1814, Tappe 1815, Dobrowsky 1822, E & O 1822, Sjöstedt 1824, E & O 1830.
indeterminately	Heard 1827.
indeterminatus	Rosa 1672, Ludolf 1696, Jakob 1812.
indéterminé	Sohier 1724, Charpentier 1768, Reiff 1821.
indéterminément	A & L 1676, Charpentier 1768, Hamonière 1817.
indéterminément faite	A & L 1676.
infectum	Varro 45 do n.ė., Nudožer 1603 (lat).
infinitif	A & L 1676, Sohier 1724, Charpentier 1768,

	Maudru 1802, Born 1808, Jazvickij 1810, Hamonière 1817, Reiff 1821.
infinitif défini	Reiff 1821.
infinitif fréquentatif	Hamonière 1817.
infinitif imparfait	Reiff 1821.
infinitif indéfini	Hamonière 1817, Reiff 1821.
infinitif itératif	Reiff 1821.
infinitif parfait	Hamonière 1817, Reiff 1821.
infinitif parfait simple	Hamonière 1817.
infinitif sémelfactif	Reiff 1821.
infinitif simple	Hamonière 1817.
Infinitiv	Tomsa 1782, Pelzel 1795, Vater 1801, Tomsa 1804, Negedly 1804, Glinka 1805, Vater 1808, Dobrowsky 1809, Tappe 1810, Tappe 1812, Vater 1814, Tappe 1815, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820, Karadžić/Grimm 1824.
Infinitiv des perfecti	Vater 1808.
Infi. des Praet. simplex	Vater 1808.
infinitive	Heard 1827.
infinitivum	Statorius 1568, Rosa 1672.
infinitivum imperfectum	Rosa 1672.
infinitivum perfectum	Rosa 1672.
infinitivus	Donatus 350, Charisius 375, Diomedes 375, Optát & al. 1533, Statorius 1568, Nudožer 1603, Uževič 1643, Uževič 1645, Rosa 1672, Ludolf 1696, Glück 1704, Kopijewitz 1706, Pause 1729, Adodurov 1731, NG 1745, Doležal 1746, Groening 1750, Lomonossow 1764, Rodde 1773, Kopczyński 1778, Barsov 1788, Rodde 1789, Heym 1789, Pelzel 1795, Dobrowsky 1799, Heym 1804, Negedly 1804, Glinka 1805, Vater 1808, Bandtke 1808, Born 1808, Kopitar 1808, Tappe 1810, Ornatovskij 1810, Vater 1814, E & O 1814, Reiff 1821, Dobrowsky 1822, Sjöstedt 1824, E & O 1830.
infinitivus definitus	Heym 1789.
infinitivus dubius	Lomonossow 1764, Heym 1789.
Infinitivus frequentat.	Heym 1804, Vater 1808, Vater 1814.
Infinitivus incertus	Heym 1789.
Infinitivus indefinitus	Heym 1789, Heym 1804, Vater 1808, Vater 1814.
infinitivus perfectus	Lomonossow 1764, Heym 1789, Heym 1804, Vater 1808, Vater 1814.
infinitivus perpetuus	Nudožer 1603
infinitivus simplex	Lomonossow 1764, Heym 1789, Heym 1804, Vater 1808.
infinitum	Rosa 1672.
infinitus	Charisius 375, Diomedes 375, Priscianus 500, Nudožer 1603, Jazvickij 1810.
inflectere verbum	Rosa 1672.
inflexio verbi	Rosa 1672.
inflexion	A & L 1676, Reiff 1821.
initium actionis	Statorius 1568, Bernolák 1790.
initium actus	Priscianus 500.
initium conditionis	Bernolák 1790.
initium operis	Rosa 1672.
inperfectum	Donatus 350, Charisius 375, Diomedes 375, Priscianus 500, Optát & al. 1533, Statorius 1568, Nudožer 1603, Uževič 1643, Rosa 1672, Glück 1704, Kopijewitz 1706, Pause 1729,

	(Adodurov 1731), NG 1745, Doležal 1746, Groening 1750, Lomonossow 1764, Rodde 1773, Kopczyński 1778, Tomsa 1782, Barsov 1788, Rodde 1789, Bernolák 1790, Dobrowsky 1791, Dobrowsky 1792, Vater 1801, Heym 1804, Tomsa 1804, Negedly 1804, Vater 1805, Vater 1808, Bandtke 1808, Kopitar 1808, Ornatovskij 1810, Jakob 1812, Vater 1814, E & O 1822, Sjöstedt 1824.
intentio	Rosa 1672.
intensivum	Dobrowsky 1799.
intuitus	Sjöstedt 1824.
intuitivus	Sjöstedt 1824.
irregular verb	Heard 1827.
ispolnenie dějstvija	RG 1802, Rižskij 1806, Vostokov 1831.
ispolnennoe	RG 1802, Ornatovskij 1810.
ispolnitьsja	Sokolov 1792, RG 1802, Sokolov 1806.
ispolnivšeesja	Sokolov 1792, RG 1802, Sokolov 1806, Grammatika 1809.
ispolnju	Jazvickij 1810.
iterare	Diomedes 375.
itératif	Reiff 1821.
iteratio	Diomedes 375, Rosa 1672, Doležal 1746, Bernolák 1790.
iteratio actionis	Rosa 1672, Bernolák 1790.
iteratio actus	Rosa 1672, Doležal 1746, Bernolák 1790.
iteratio frequentior	Doležal 1746, Bernolák 1790.
iterativ	Negedly 1804, Dobrowsky 1809, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820.
iterative	Heard 1827.
iterative Form	Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820.
iteratives Futurum	Dobrowsky 1809, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820.
iterativus	Charisius 375, Diomedes 375, Rosa 1672, Dobrowsky 1791, Pelzel 1795, Dobrowsky 1799, Tomsa 1804, Negedly 1804, Dobrowsky 1809, Dobrowsky 1822.
Iterativum	Rosa 1672, Dobrowsky 1809, Dobrowsky 1814, Puchmayer 1820, Dobrowsky 1822.
iterativum secundum	Negedly 1804.
iteratus	Diomedes 375, Dobrowsky 1799, Dobrowsky 1822.
izloženie neobavno	OČS 1400.
izložénie neobávnoe	OČS 1500, Adelphotes 1591.
izměnenie	Barsov 1788, Sokolov 1792, RG 1802, Rižskij 1806, Sokolov 1806, Born 1808, Jazvickij 1810, Boldyrev 1812a, Jakob 1812, Boldyrev 1816, Greč 1827.
izměnjaemyj	Barsov 1788, Sokolov 1792, RG 1802, Sokolov 1806, Grammatika 1809, Ornatovskij 1810, Reiff 1821.
izobilie	Sokolov 1792, RG 1802, Grammatika 1809.
jam ante	Rosa 1672.
jam olim	Rosa 1672, Bernolák 1790.
jedan put	Karadžić 1818.
jeden krát	Križanić 1666.
jednokrátna	Križanić 1666.
jednotliwe	Kopczyński 1778, Bandtke 1808.
jemals	Dobrowsky 1809.
jetzt	Dobrowsky 1809, Greč 1811, Tappe 1812, Puch-

	mayer 1820.
jetzt eben	Greč 1811, Tappe 1812.
jüngstvergangene Zeit	Tomsa 1782, Tomsa 1804.
kačestvo	Tolmač 1522, Barsov 1788, Greč 1827, Vostokov 1831.
kačestvo glagola	Barsov 1788.
kačestvo slovnoe	Tolmač 1522.
khrónos, khrónoi	Plato, Aristoteles, Stoa 300 do n.ė., Dionysios Thrax 100 do n.ė., Apollonios Dyskolos 150, Diomedes 375 (gre), Laskaris 1476, Adelphotes 1591.
klassъ	Boldyrev 1812, Boldyrev 1816, Čaplin 1822.
Klasse	Tappe 1812, Tappe 1815.
konánj wěcy	Rosa 1672.
končano	Sokolov 1806.
končennoe	Jazvickij 1810, Vostokov 1831.
končeno	Sokolov 1792, Greč 1811, Greč 1827, Nikol'skoj 1830, Vostokov 1831.
končitьsja	Greč 1811, Greč 1827, Nikol'skoj 1830.
konec dějstvija	Vostokov 1831.
konec, do konca	Vostokov 1831.
konec, kъ koncu	Vostokov 1831.
konjugacya	Kopczyński 1778.
koreníčna	Križanić 1666.
koreníka	Križanić 1666.
korennoe slovo	Kurganov 1769, Barsov 1788, Sokolov 1792, Kurganov 1793, Sokolov 1806, Grammatika 1809, Boldyrev 1817, Greč 1827.
korennoe znamenovanie	Rižskij 1806.
korennoj glagolъ	Barsov 1788, Greč 1811, Vostokov 1811.
korenь	Barsov 1788, Greč 1811, Boldyrev 1816, Boldyrev 1817, Greč 1827, Vostokov 1831.
kortare tid	E & O 1814.
krát	Križanić 1666.
- vnóže krát	Križanić 1666.
- vь jeden krát	Križanić 1666.
kratčajšij	Ornatovskij 1810.
krâtko	Križanić 1666.
künfftig, künftig	Lomonossow 1764, Rodde 1773, Rodde 1789, Heym 1789, Pelzel 1795, Heym 1804, Negedly 1804, Glinka 1805, Bandtke 1808, Dobrowsky 1809, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820.
kurze Weile	Dobrowsky 1809, Puchmayer 1820.
kurzes Futurum	Dobrowsky 1809, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820.
kürzere Form	Negedly 1804, Dobrowsky 1809, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820.
kürzeres Futurum	Dobrowsky 1809, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820.
kürzere Zeit	Dobrowsky 1809, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820.
kürzere Zeitbestimmung	Dobrowsky 1809, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820.
labor executus	Rosa 1672.
labor exequendus	Rosa 1672.
labor perfectus	Rosa 1672.
labor perficiendus	Rosa 1672.
lang, lange	Lomonossow 1764, Heym 1789, Heym 1804,

	Dobrowsky 1809, Puchmayer 1820.
langes Futurum	Dobrowsky 1809, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820.
länge sedan	Groening 1750, E & O 1814.
länger dauert	Pelzel 1795.
länger dauernde	Negedly 1804.
länger währende	Dobrowsky 1809, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820.
längere Beschäftigung	Dobrowsky 1809, Puchmayer 1820.
längere Form	Negedly 1804, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820.
längere Zeit	Negedly 1804, Dobrowsky 1809, Puchmayer 1820.
längere Zeitbestimmung	Dobrowsky 1809.
längeres Futurum	Dobrowsky 1809, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820.
längre tid	E & O 1814.
längst	Adodurov 1731.
längst verflossene	Heym 1804.
längst vergangene	Lomonossow 1764, Tomsa 1782, Heym 1789, Tomsa 1804, Negedly 1804, Bandtke 1808, Tappe 1810.
Lauf, im Laufe	Kopitar 1808.
limitata	E & O 1822.
limitée	Reiff 1821.
limitirte Art, Form	Tappe 1812, Tappe 1815.
limitirtes Verbum	Tappe 1812, Tappe 1815.
Linie	Tappe 1812, Tappe 1815.
longus, longior	Dobrowsky 1822, Sjöstedt 1824.
Mahl, Mal, mal	Lomonossow 1764, Rodde 1773, Vater 1808, Dobrowsky 1809, Tappe 1810, Vater 1814.
- auf ein Mal	Tappe 1810.
- ein mahl, ein Mal	Lomonossow 1764, Rodde 1773, Tappe 1810.
- einige mahl	Greč 1811.
- einige Male	Tappe 1812, Tappe 1815.
- in einem Mahle	Heym 1804.
- in vielen mahlen	Lomonossow 1764.
- mit einem Male	Vater 1808, Dobrowsky 1809, Tappe 1810, Tappe 1812, Vater 1814, 1815, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820.
- zu mehreren malen	Rodde 1773, Rodde 1789.
- zu verschiedenen Malen	Dobrowsky 1809.
- zu wiederhohlten malen	Lomonossow 1764, Dobrowsky 1809, Tappe 1810, Tappe 1812, Tappe 1815.
manchmal	Pelzel 1795, Tomsa 1804.
många gångor	E & O 1814, E & O 1822.
manière générale	Reiff 1821.
manière indéterminée	Reiff 1821.
mark	Heard 1827.
marquer	A & L 1676, Charpentier 1768, Maudru 1802, Hamonière 1817, Reiff 1821.
mathematischer Punct	Tappe 1812, Tappe 1815.
med afsigt	E & O 1814.
med verkan	E & O 1814.
meditativus	Donatus 350, Charisius 375, Diomedes 375, Priscianus 500.
medlennostь dviženija	Greč 1827.
mehr als einmahl	Lomonossow 1764, Rodde 1773, Rodde 1789.
mehrere einzelne Momente	Dobrowsky 1809.
mehrere Handlungen	Negedly 1804, Dobrowsky 1809, Puchmayer 1820.
mehrfach	Bandtke 1808.
mehrmal	Heym 1789, Pelzel 1795, Heym 1804, Puchmayer 1820.

mehrmahlen, mehrmalen	Lomonossow 1764, Rodde 1773, Rodde 1789, Dobrowsky 1809.
mehrmahls, mehrmals	Tomsa 1804, Vater 1807, Vater 1808, Bandtke 1808, Vater 1814.
méllōn	Plato, Aristoteles, Stoa 300 do n.ė., Dionysios Thrax 100 do n.ė., Apollonios Dyskolos 150, Laskaris 1476, Adelphotes 1591.
met' olígon méllōn	Adelphotes 1591, A & L 1676, Jazvickij 1810.
Merkmal, Merkmahl	Vater 1801, Negedly 1804, Tappe 1812.
meta	Rosa 1672.
mimošьdьšee, mimošédšee	OČS 1400, OČS 1500, Adelphotes 1591, Zizanij 1596, Smotrickij 1619, Smotrickij 1648, Kopijewitz 1706, Smotrickij 1721, Polikarpov 1725, Afanas'ev 1725, Pause 1729, Schwanwitz 1734 (nem), NG 1745, Vater 1808 (cslav).
minouvьšee, minoúvšee	OČS 1400, OČS 1500.
minúvšee	Tolmač 1522, Sokolov 1792, RG 1802, Sokolov 1806, Grammatika 1809.
minuvšee nesoveršennoe	Tolmač 1522.
minuvšee nesoveršenoe	Tolmač 1522.
minuvšee nesveršennoe	Tolmač 1522.
minuvšee nesveršenoe	Tolmač 1522.
minuvšee nesъveršennoe	Tolmač 1522.
minuvšee soveršennoe	Tolmač 1522.
minuvšee soveršenoe	Tolmač 1522.
minuvšee sveršennoe	Tolmač 1522.
minuvšee sveršenoe	Tolmač 1522.
minuvšee presoveršennoe	Tolmač 1522.
minuvšee presoveršenoe	Tolmač 1522.
minuvšee presveršennoe	Tolmač 1522.
minuvšee presveršenoe	Tolmač 1522.
mnogo	Sokolov 1792, RG 1802, Sokolov 1806, Vostokov 1831.
mnogokratno	Sokolov 1806, Rižskij 1806, Ornatovskij 1810, Vostokov 1831.
mnogokratno povtorennoe	Ornatovskij 1810.
mnogokr. povtorjaemoe	Rižskij 1806.
mnogokratnoe	RG 1802, Heym 1804, Sokolov 1806, Born 1808, Grammatika 1809, Tappe 1810, Ornatovskij 1810, Greč 1811, Vostokov 1811, Č. 1812, E & O 1814, Reiff 1821, Čaplin 1822, Greč 1827, Nikol'skoj 1830, E & O 1830, Vostokov 1831.
mnogokratnostь	Timkovskij 1811, Jakob 1812.
Modalität	Vater 1805.
modification	Heard 1827.
modifier	Reiff 1821.
Modifikation	Dobrowsky 1791.
modify	Heard 1827.
modo	Charisius 375, Priscianus 500.
modus actionis	Bernolák 1790.
modus indefinitus	Bernolák 1790.
modus infinitivus	Donatus 350, Charisius 375, Diomedes 375, Optát & al. 1533, Statorius 1568, Nudožer 1603, Uževič 1643, Ludolf 1696, Adodurov 1731, Doležal 1746, Groening 1750, Lomonossow 1764, Rodde 1773, Pelzel 1795, Dobrowsky 1799, Bandtke 1808, Ornatovskij 1810, E & O 1814, Sjöstedt 1824, E & O 1830.

modus infinitus	Priscianus 500.
moment	Charpentier 1768, Reiff 1821.
moment nierozdzielny	Kopczyński 1778.
Moment	Kopitar 1808, Dobrowsky 1809, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820.
momentané	Reiff 1821.
momentaneus	Dobrowsky 1799, Dobrowsky 1822.
mora longior	Dobrowsky 1799, Dobrowsky 1822, Sjöstedt 1824.
mora longissima	Sjöstedt 1824.
motus et transitus	Rosa 1672.
motus de loco ad locum	Rosa 1672.
mouvement momentané	Reiff 1821.
mox	Priscianus 500, Sjöstedt 1824.
mox praeterlapsura	Sjöstedt 1824.
multo ante	Priscianus 500.
multo post	Priscianus 500.
mutare	Priscianus 500, Nudožer 1603, Rosa 1672, Doležal 1746, Bernolák 1790.
mutuari	Statorius 1568.
načalo	Barsov 1788, Born 1808, Boldyrev 1812, Jakob 1812, Vostokov 1831.
načalo dějstvija	Vostokov 1831.
načalo děla	KPR 1784.
načata	Jazvickij 1810.
načatie dějstvija	Greč 1827, Vostokov 1831.
načatie sostojanija	Barsov 1788.
načato	Vostokov 1831.
načrьtanie prosto	OČS 1400.
načrьtanie složno	OČS 1400.
načrьtanie prěsložno	OČS 1400.
načertánie	OČS 1500, Adelphotes 1591, Zizanij 1596, Smotrickij 1619, Smotrickij 1648, Ludolf 1696, Sohier 1724, NG 1745, Kurganov 1769, KPR 1773, KPR 1784, Barsov 1788, Kurganov 1793, Vater 1808, Greč 1827.
načertanie prosto	OČS 1500.
načertanie složno	OČS 1500.
načertanie presložno	OČS 1500.
načertanie prostoe	Adelphotes 1591, Zizanij 1596, Smotrickij 1619, Smotrickij 1648, Ludolf 1696, Sohier 1724, NG 1745, Kurganov 1769, Kurganov 1793.
načertanie slóžennoe	Smotrickij 1619, Smotrickij 1648, Ludolf 1696, Sohier 1724, NG 1745, Kurganov 1769, Kurganov 1793.
načertanie složnoe	Adelphotes 1591, Zizanij 1596.
načertanie presložennoe	Smotrickij 1619, Smotrickij 1648, Kurganov 1769, Kurganov 1793.
načertanie presložnoe	Adelphotes 1591, Zizanij 1596.
načertanie predložnoe	Greč 1827.
nàčin neokončániь	Križanić 1666.
načináemyj	Smotrickij 1619.
načináema véščь	Smotrickij 1619.
načinaetsja	Vostokov 1831.
načinanie dějanija	Lomonosov 1755, Kurganov 1769, Barsov 1788, Kurganov 1793.
načinanie dějstvija	RG 1802.
načinatelnyi	Tolmač 1522, Smotrickij 1619, Smotrickij

	1648, Lomonosov 1755, Kurganov 1769, Barsov 1788, Sokolov 1792, Kurganov 1793, RG 1802, Grammatika 1809, Boldyrev 1812, E & O 1814, Greč 1827, E & O 1830, Vostokov 1831.
nadpredělјaemoje	OČS 1500.
nadьprědělјemoje	OČS 1400.
naklonénïe	Smotrickij 1619, Ludolf 1696, Kopijewitz 1706, Sohier 1724, Polikarpov 1725, Adodurov 1738, NG 1745, Lomonosov 1755, Kurganov 1769, KPR 1773, KPR 1784, Barsov 1788, Heym 1789, Sokolov 1792, Kurganov 1793, RG 1802, Maudru 1802, Heym 1804, Rižskij 1806, Sokolov 1806, Born 1808, Vater 1808, Grammatika 1809, Tappe 1810, Jazvickij 1810, Ornatovskij 1810, Timkovskij 1811, Greč 1811, Tappe 1812, Č. 1812, Boldyrev 1812, Boldyrev 1812a, E & O 1814, Boldyrev 1816, Boldyrev 1817, Greč 1819, Reiff 1821, Čaplin 1822, Greč 1827, E & O 1830, Nikol'skoj 1830, Vostokov 1831.
nakl. neokončatelьnoe	Lomonosov 1755, Kurganov 1769, KPR 1773, KPR 1784, Barsov 1788, Heym 1789, Sokolov 1792, Kurganov 1793, RG 1802, Glinka 1805, Rižskij 1806, Sokolov 1806, Grammatika 1809, Tappe 1810, Jazvickij 1810, Greč 1811, Č. 1812, E & O 1814, Greč 1819, Reiff 1821, Čaplin 1822, Greč 1827, E & O 1830.
nakl. neok. edinstv.	Lomonosov 1755, KPR 1773.
nakl. neok. mnogokr.	RG 1802, Sokolov 1806, Grammatika 1809, Greč 1811.
nakl. neok. neopred.	Lomonosov 1755, KPR 1773, KPR 1784, Barsov 1788, Sokolov 1792, RG 1802, Sokolov 1806, Grammatika 1809, Greč 1811.
nakl. neok. nesoverš.	Greč 1811.
nakl. neok. odnokratnoe	Lomonosov 1755, KPR 1773, KPR 1784, Sokolov 1792, RG 1802, Sokolov 1806, Grammatika 1809, Greč 1811.
nakl. neok. somněnnoe	Lomonosov 1755, KPR 1773, KPR 1784, Heym 1789, Barsov 1788, Sokolov 1792.
nakl. neok. somnitelьnoe	Lomonosov 1755.
nakl. neok. soveršennoe	Lomonosov 1755, KPR 1773, KPR 1784, Barsov 1788, Sokolov 1792, RG 1802, Sokolov 1806, Grammatika 1809, Greč 1811.
nakl. neok. sov. odnok.	Sokolov 1792, RG 1802, Sokolov 1806, Grammatika 1809.
nakl. neok. učaščat.	Lomonosov 1755, KPR 1773.
nakl. neopredělénnoe	Smotrickij 1619, Ludolf 1696, Sohier 1724, Polikarpov 1725, Adodurov 1738, NG 1745, Lomonosov 1755, KPR 1773, Maudru 1802, Born 1808, Tappe 1810, Jazvickij 1810, Ornatovskij 1810, Timkovskij 1811, Boldyrev 1812, Boldyrev 1812a, Boldyrev 1816, Boldyrev 1817, Nikol'skoj 1830, Vostokov 1831.
nakl. neopred. odnokr.	Lomonosov 1755.
nakl. neopred. somněnnoe	Lomonosov 1755.
nakl. neopred. učaščat.	Lomonosov 1755.
nakl. neopredělnoe	Kopijewitz 1706.
nakl. nesoveršennoe	Vostokov 1811.
nakl. okončatelьnoe	Lomonosov 1755, KPR 1773, KPR 1784, Gram-

matika 1809.

nakl. soveršennoe — Vostokov 1811.

naklonenije — Karadžić 1818.

nakl. neopredjeleno — Karadžić 1818.

naraščénïe — Smotrickij 1619, Lomonosov 1755, Kurganov 1769, Kurganov 1793.

närvarande tid — Groening 1750, E & O 1814, E & O 1822.

nastoješče, nastoeščee — ОČS 1400.

nastojáščee — ОČS 1500, Tolmač 1522, Fedorov 1574, Adelphotes 1591, Zizanij 1596, Smotrickij 1619, Smotrickij 1648, Ludolf 1696, Kopijewitz 1706, Smotrickij 1721, Maksimov 1723, Sohier 1724, Polikarpov 1725, Afanas'ev 1725, Pause 1729, Adodurov 1738, NG 1745, Lomonosov 1755, Charpentier 1768, Kurganov 1769, KPR 1773, KPR 1784, Syrejščikov 1787, Barsov 1788, Heym 1789, Sokolov 1792, Kurganov 1793, RG 1802, Maudru 1802, Heym 1804, Glinka 1805, Rižskij 1806, Sokolov 1806, Born 1808, Grammatika 1809, Tappe 1810, Jazvickij 1810, Ornatovskij 1810, Timkovskij 1811, Greč 1811, Vostokov 1811, Tappe 1812, Boldyrev 1812, Boldyrev 1812a, Jakob 1812, E & O 1814, Tappe 1815, Boldyrev 1816, Davydov 1817, Boldyrev 1817, Greč 1819, Reiff 1821, Sjöstedt 1824, Greč 1827, Nikol'skoj 1830, E & O 1830, Vostokov 1831.

nastojaščee neopreděl. — Boldyrev 1817.

nastojaščee prostoe — Barsov 1788.

nastojáščee soveršénnyxъ — Smotrickij 1619.

nastojáščee oučaščát. — Smotrickij 1619.

ne končeno — Greč 1827.

ne okončannoe — Barsov 1788, Sokolov 1792, Sokolov 1806.

ne soveršenno okončann. — Jazvickij 1810.

ne soverš. prošedšee — Jakob 1812.

ne soveršennoe — Rižskij 1806.

ne točno okončennoe — Ornatovskij 1810.

Nebenart — Lomonossow 1764.

Nebenbedeutung — Jakob 1814.

Nebenbegriff — Dobrowsky 1791, Negedly 1804, Kopitar 1808, Tappe 1812, Tappe 1815.

Nebenbestimmung — Jakob 1814.

Nebenidee — Tappe 1810.

nečajanno — Nikol'skoj 1830.

nedavno — Adodurov 1731, Groening 1750, Ornatovskij 1810, Jakob 1812.

nedavno prošedšee — Ornatovskij 1810.

nedavno prošlo — Jakob 1812.

nedavnostь — Rižskij 1806.

nedělimo — ОČS 1400.

neizměnjaemyj — Barsov 1788, RG 1802, Sokolov 1806, Grammatika 1809, Ornatovskij 1810, Reiff 1821.

neizvestno — Lomonosov 1755, Kurganov 1769, Barsov 1788, Kurganov 1793.

někogda — Nikol'skoj 1830.

nekončena — Jazvickij 1810.

někotoroe prodolženie — Lomonosov 1755, Barsov 1788, Sokolov 1792, RG 1802, Sokolov 1806, Grammatika 1809, Ornatov-

	skij 1810, Boldyrev 1812, Greč 1827, Vostokov 1831.
někotoroe vremja	Sokolov 1792, Sokolov 1806, Vostokov 1831.
nemnogo	Sokolov 1792, RG 1802, Sokolov 1806, Vostokov 1831.
neobavno, neobavnoe	OČS 1400, OČS 1500, Adelphotes 1591, Zizanij 1596.
neodnokratno	Grammatika 1809, Vostokov 1831.
neograničennyj vidъ	Tappe 1812, E & O 1814, Tappe 1815, E & O 1830.
neokončálna	Križanić 1666.
neokončániь	Križanić 1666.
neokončatelьnoe	Lomonosov 1755, Kurganov 1769, KPR 1773, KPR 1784, Barsov 1788, Heym 1789, Sokolov 1792, Kurganov 1793, RG 1802, Heym 1804, Glinka 1805, Rižskij 1806, Sokolov 1806, Grammatika 1809, Tappe 1810, Jazvickij 1810, Ornatovskij 1810, Greč 1811, Tappe 1812, Č. 1812, E & O 1814, Tappe 1815, Davydov 1817, Reiff 1821, Čaplin 1822, Greč 1827, E & O 1830, Nikol'skoj 1830, Vostokov 1831.
neopredělenno	RG 1802, Greč 1827, Vostokov 1831.
neopredělénnoe	Smotrickij 1619, Ludolf 1696, Polikarpov 1725, Afanas'ev 1725, Adodurov 1738, NG 1745, Lomonosov 1755, Charpentier 1768, Kurganov 1769, KPR 1773, KPR 1784, Syrejščikov 1787, Heym 1789, Sokolov 1792, Kurganov 1793, RG 1802, Maudru 1802, Heym 1804, Sokolov 1806, Born 1808, Grammatika 1809, Tappe 1810, Jazvickij 1810, Ornatovskij 1810, Timkovskij 1811, Greč 1811, Tappe 1812, Boldyrev 1812, Boldyrev 1812a, E & O 1814, Tappe 1815, Davydov 1817, Boldyrev 1817, Reiff 1821, Čaplin 1822, Sjöstedt 1824, Greč 1827, Nikol'skoj 1830, Vostokov 1831.
neopredělennoe pervoe	Lomonosov 1755 (gre), Davydov 1817.
neopredělennoe vtoroe	Lomonosov 1755 (gre), Davydov 1817.
neopredělennostь	Vostokov 1831.
neopredělnoe	Kopijewitz 1706.
neopredjeleno	Karadžić 1818.
neotměnno	Boldyrev 1812a.
neprědělnoe	OČS 1400.
nepredělnoe	OČS 1400, OČS 1500, Fedorov 1574, Adelphotes 1591, Zizanij 1596, Smotrickij 1619, Smotrickij 1648, Smotrickij 1721, Pause 1729, Vater 1808 (cslav).
nepredělnoe pervoe	Adelphotes 1591.
nepredělnoe vtoroe	Adelphotes 1591.
nepredělьnoe	OČS 1500.
nepreměnno	Jazvickij 1810, Ornatovskij 1810.
nesavršitelni	Karadžić 1818.
nesklanjáemyj	Adelphotes 1591, Smotrickij 1619.
nesklonjaemyj	Lomonosov 1755.
něskolьko	Sokolov 1792, RG 1802, Sokolov 1806, Vostokov 1831.
něskolьko vremeni	Nikol'skoj 1830.
neslóžnyj	E & O 1814, E & O 1830.
nesoveršenie dějstvija	Greč 1827.

nesoveršénno	Smotrickij 1619, Maksimov 1723, Schwanwitz 1730 (nem), Sokolov 1792, Sokolov 1806, Ornatovskij 1810, Greč 1827.
nesoveršenno končeno	Sokolov 1792, Greč 1827.
nesoveršenno končitsja	Greč 1827.
nesoveršenno préšloe d.	Smotrickij 1619.
nesoveršenno prošedšee	Schwanwitz 1730 (nem).
nesoveršenno prošloe d.	Maksimov 1723.
nesoveršénnoe	Tolmač 1522, Lomonosov 1755, Charpentier 1768, Kurganov 1769, Syrejščikov 1787, Sokolov 1792, Kurganov 1793, RG 1802, Sokolov 1806, Born 1808, Grammatika 1809, Jazvickij 1810, Ornatovskij 1810, Greč 1811, Vostokov 1811, Jakob 1812, Greč 1819, Reiff 1821, Greč 1827, Nikol'skoj 1830, E & O 1830.
nesoveršénoe	Tolmač 1522
nesveršénnoe	Tolmač 1522.
nesveršénoe	Tolmač 1522.
nesъveršennoe	Tolmač 1522.
neuter verb	Heard 1827.
nicht ganz verflossene	Pelzel 1795.
nicht lange	Puchmayer 1820.
nicht längst	Adodurov 1731.
nicht völlig vergangene	Heym 1804, Glinka 1805.
nicht vollkommen verg.	Pelzel 1795.
nicht vorbey seyn	Bandtke 1808.
niedokonane	Kopczyński 1778, Vater 1807, Bandtke 1808.
niedokonanie	Kopczyński 1778.
niedokończona rzecz	Kopczyński 1778.
niezłożone	Kopczyński 1778, Bandtke 1808.
noch immer fortdauernde	Karadžić/Grimm 1824.
nödvändigt	E & O 1814.
non ad finem	Priscianus 500.
non consommée	Reiff 1821.
non determinata	Sjöstedt 1824.
notio	Priscianus 500, Dobrowsky 1822, Sjöstedt 1824.
notio abstracta	Sjöstedt 1824.
notio intuitiva	Sjöstedt 1824.
notio physica	Sjöstedt 1824.
nuance	Hamonière 1817, Reiff 1821, E & O 1822.
nunc	Rosa 1672.
nur ein einzigesmal	Karadžić/Grimm 1824.
nur einfach	Lomonossow 1764.
nyligen	Groening 1750.
Obegränsad art	E & O 1814, E & O 1822, E & O 1830.
obestämd	E & O 1814, E & O 1822, E & O 1830.
Obestämd Form	E & O 1814, E & O 1822, E & O 1830.
obestämdt	E & O 1814, E & O 1830.
obíčno	Križanić 1666.
obiter	Tappe 1810, Tappe 1812, Tappe 1815.
obrazovanie	Greč 1827.
óbrazъ	Tolmač 1522, Zizanij 1596, Lomonosov 1755.
óbrazъ edinorjadnyi	Tolmač 1522.
óbrazъ ljubomudrstvenyi	Tolmač 1522.
óbrazъ načinatelnyi	Tolmač 1522.
óbrazъ nepredělnyj	Zizanij 1596.
óbrazъ poglumjatelnyi	Tolmač 1522.

óbrazъ poučatelnyi	Tolmač 1522.
óbrazъ priléžnyi	Tolmač 1522.
óbrazъ prostyi	Tolmač 1522.
óbrazъ slovnyi	Tolmač 1522.
óbrazъ složnyi	Tolmač 1522.
óbrazъ soveršényi	Tolmač 1522.
óbrazъ učaščáemyi	Tolmač 1522.
obrazь 'lico'	OČS 1400.
obstojatelьstvo dějstv.	Greč 1827.
obstojatelьstvo vremeni	Greč 1827.
obstôjna	Križanić 1666.
obyknovenie	Greč 1811, Vostokov 1811, Greč 1827, Vostokov 1831.
occurrence of an action	Heard 1827.
odmiana	Kopczyński 1778.
odmienny	Kopczyński 1778, Bandtke 1808.
odnaždy	Lomonosov 1755, Kurganov 1769, Kurganov 1793, Sokolov 1806, Grammatika 1809, Ornatovskij 1810, Greč 1811, Nikol'skoj 1830.
odnaždy proizšedšee	Ornatovskij 1810.
odnaždy soveršennoe	Lomonosov 1755, Kurganov 1769, Kurganov 1793.
odnaždy soveršilosь	Greč 1811.
odnaždy soveršitsja	Lomonosov 1755, Kurganov 1769, Kurganov 1793, Greč 1811.
odnaždy soveršitьsja	Grammatika 1809.
odnimъ dviženiemъ	Greč 1827, Vostokov 1831.
odnimъ udaromъ	Greč 1827.
odnokratno	Barsov 1788.
odnokratnoe	Lomonosov 1755, Kurganov 1769, KPR 1773, KPR 1784, Syrejščikov 1787, Barsov 1788, Heym 1789, Sokolov 1792, Kurganov 1793, RG 1802, Heym 1804, Glinka 1805, Sokolov 1806, Born 1808, Grammatika 1809, Tappe 1810, Jazvickij 1810, Ornatovskij 1810, Timkovskij 1811, Greč 1811, Tappe 1812, Č. 1812, Boldyrev 1812, Boldyrev 1812a, E & O 1814, Tappe 1815, Boldyrev 1816, Boldyrev 1817, Reiff 1821, Čaplin 1822, Greč 1827, Nikol'skoj 1830, E & O 1830, Vostokov 1831.
odnokr. opredělennoe	Timkovskij 1811.
odnokratnostь	Jakob 1812.
odno staréе drugago	Lomonosov 1755, Kurganov 1769, Sokolov 1792, Kurganov 1793.
ofelbart	E & O 1814.
offt oder viel	Lomonossow 1764.
öffters	Lomonossow 1764, Heym 1789, Tomsa 1804, Negedly 1804.
oft	Rodde 1773, Rodde 1789, Heym 1789, Heym 1804, Tomsa 1804, Negedly 1804, Vater 1805, Glinka 1805, Vater 1807, Vater 1808, Dobrowsky 1809, Tappe 1810, Tappe 1812, Vater 1814, Tappe 1815, Puchmayer 1820.
oft und viel	Vater 1808, Tappe 1810, Vater 1814.
ofta	E & O 1814, E & O 1822.
oftare uprepning	Groening 1750.
öfter	Dobrowsky 1791, Dobrowsky 1792, Dobrowsky 1809, Tappe 1810, Tappe 1812, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820.

öftere Handlung	Tomsa 1782, Dobrowsky 1791, Negedly 1804.
öftere Wiederholung	Heym 1789, Heym 1904, Negedly 1804.
öfteres Bestreben	Tomsa 1782.
oftmals	Heym 1789.
ögonblick	E & O 1814, E & O 1822, E & O 1830.
ögonblicklig	E & O 1814.
ograničennyj vidъ	Greč 1811, Tappe 1812, E & O 1814, Tappe 1815, E & O 1830.
okoliczność	Kopczyński 1778.
okončanie dějanija	Barsov 1788.
okončanie dějstvija	Lomonosov 1755, Kurganov 1769, KPR 1784, Barsov 1788, Kurganov 1793, Born 1808, Grammatika 1809, Ornatovskij 1810, Greč 1827, Nikol'skoj 1830, Vostokov 1831.
okončanie dlitelьnoe	Vostokov 1831.
okončanie neopredělennoe	Vostokov 1831.
okončanie odnokratnoe	Vostokov 1831.
okončanie opredělennoe	Vostokov 1831.
okončannaja veščь	Jazvickij 1810.
okončannoe dějstvie	RG 1802, Grammatika 1809.
okončatelьnoe	Lomonosov 1755, KPR 1773, KPR 1784, Grammatika 1809, Ornatovskij 1810, Jakob 1812, Nikol'skoj 1830, Vostokov 1831.
okončennoe	Ornatovskij 1810, Nikol'skoj 1830.
okončitьsja	Ornatovskij 1810.
okončivšeesja	Ornatovskij 1810.
omständighet	E & O 1822.
once	Heard 1827.
onogda	Polikarpov 1725.
opětliwé	Rosa 1672.
opredělenno	Jazvickij 1810, Greč 1827.
opredělennoe	Jazvickij 1810, Timkovskij 1811, Reiff 1821, Greč 1827, Nikol'skoj 1830, Vostokov 1831.
opredělennostь	Vostokov 1831.
opus	Statorius 1568, Uževič 1643, Rosa 1672, Doležal 1746, Bernolák 1790.
opus absolutum	Statorius 1568, Rosa 1672.
opus definitum	Statorius 1568.
opus imperfectum	Rosa 1672, Doležal 1746, Bernolák 1790.
opus non factum	Rosa 1672.
opus perfectum	Rosa 1672.
opus praesens	Rosa 1672.
oratio perfecta	Rosa 1672.
oslablenie dějstvija	Jakob 1812.
otdalenno	Jakob 1812.
otdalenno ot nast.	Nikol'skoj 1830.
otdělennyj ot nast.	Ornatovskij 1810.
oučaščátelnyj	Smotrickij 1619.
ouklonenie slovnoe	Tolmač 1522.
pálai	Apollonios Dyskolos 150.
parágōgon	Dionysios Thrax 100 do n.ė., Apollonios Dyskolos 150, Laskaris 1476, Adelphotes 1591, Nudožer 1603.
parakeímenos	Dionysios Thrax 100 do n.ė., Apollonios Dyskolos 150, Diomedes 375, Priscianus 500, Laskaris 1476, Adelphotes 1591.
parasýntheton	Dionysios Thrax 100 do n.ė., Laskaris 1476, Adelphotes 1591.

parátasis	Stoa 300 do n.ė., Apollonios Dyskolos 150.
paratatikós	Stoa 300 do n.ė., Dionysios Thrax 100 do n.ė., Apollonios Dyskolos 150, Laskaris 1476, Adelphotes 1591.
parelēlythōs	Plato, Aristoteles, Dionysios Thrax 100 do n.ė.
parépetai (rhēmati)	Dionysios Thrax 100 do n.ė., Adelphotes 1591.
parépontai	Laskaris 1476.
parfait	Sohier 1724, Maudru 1802, Hamonière 1817, Reiff 1821.
parfait antérieur	Maudru 1802 (fra).
parfait défini	Maudru 1802 (fra).
parfait indéfini	Maudru 1802 (fra).
Parfait simple	Kopitar 1808
parfois	Reiff 1821.
parōikhēménos	Stoa 300 do n.ė., Apollonios Dyskolos 150.
parōikhēmén. paratatikós	Stoa 300 do n.ė.
parōikhēmén. syntelikós	Stoa 300 do n.ė.
passé	A & L 1676, Sohier 1724, Charpentier 1768, Born 1808, Hamonière 1817, Reiff 1821.
passive verb	Heard 1827.
past	Heard 1827.
past perfect	Heard 1827.
past tense	Heard 1827.
paulo ante	Priscianus 500.
paulo post	Priscianus 500.
Pause	Bandtke 1808.
peragere	Rosa 1672.
perducere	Diomedes 375, Uževič 1643, Rosa 1672.
pereměna	Adodurov 1738, Lomonosov 1755, KPR 1784, Barsov 1788, Sokolov 1792, RG 1802, Sokolov 1806, Born 1808, Timkovskij 1811, Greč 1811, Boldyrev 1812, Boldyrev 1812a, Jakob 1812, Greč 1827, Vostokov 1831.
pereměnenie	Lomonosov 1755.
pereměnjatь	Lomonosov 1755, KPR 1784, Barsov 1788, Sokolov 1792, Sokolov 1806, Born 1808, Boldyrev 1812.
perfect	Heard 1827.
perfecte fieri	Rosa 1672, Bernolák 1790.
perfecte vergangen	Vater 1808 (cslav).
perfectio	Priscianus 500, Statorius 1568, Uževič 1643, Rosa 1672, Bernolák 1790.
Perfection	Tappe 1812, Tappe 1815.
perfection	Reiff 1821.
perfectionare	Rosa 1672.
perfectius	Nudožer 1603.
perfectiv	Kopitar 1808.
perfectivum	Kopitar 1808, Karadžić 1818, Grimm 1824, Karadžić/Grimm 1824.
Perfectivum	Grimm 1824, Karadžić/Grimm 1824.
perfectus	Varro 45 do n.ė., Donatus 350, Charisius 375, Diomedes 375, Priscianus 500, Optát & al. 1533, Statorius 1568, Nudožer 1603, Uževič 1643, Uževič 1645, Rosa 1672, (Ludolf 1696), Glück 1704, Kopijewitz 1706, Pause 1729, (Adodurov 1731), NG 1745, Doležal 1746, Groening 1750, Lomonossow 1764, Rodde 1773,

	Kopczyński 1778, Tomsa 1782, Barsov 1788, Rodde 1789, Heym 1789, Bernolák 1790, Dobrowsky 1791, Dobrowsky 1792, Vater 1801, Heym 1804, Tomsa 1804, Negedly 1804, Vater 1805, Glinka 1805, Vater 1808, Bandtke 1808, Kopitar 1808, Dobrowsky 1809, Tappe 1810, Jazvickij 1810, Ornatovskij 1810, Tappe 1812, Vater 1814, E & O 1814, Dobrowsky 1814, Dobrowsky 1814a, Tappe 1815, E & O 1822, Sjöstedt 1824.
Perfectum	Vater 1801, Vater 1814, E & O 1814 (šved), Grimm 1824.
perfectum absolutum	Jakob 1812.
Perfectum act. simplicis	Vater 1814.
perfectum compositum	Doležal 1746, Dobrowsky 1792, Jakob 1812.
Perfectum historicum	Vater 1801.
Perfectum indefinitum	Heym 1804.
perfectum simplex	Rosa 1672, Lomonossow 1764, Dobrowsky 1792, Vater 1805, Tappe 1812, Jakob 1812, Tappe 1815.
Perfekt	Tomsa 1804.
Perfektum	Tomsa 1782.
perfektumъ	Schwanwitz 1730 (nem).
perficere	Diomedes 375, Priscianus 500, Statorius 1568, Uževič 1643, Rosa 1672.
performance of an action	Heard 1827.
periphrasis	Nudožer 1603.
perpetuus	Diomedes 375, Nudožer 1603.
pervobytno	OČS 1500.
pervonačalьnyj	Boldyrev 1812.
prьvoobraznoe	OČS 1400.
pervoobráznoe	OČS 1500.
pervoóbraznyj	Adelphotes 1591, Zizanij 1596, Smotrickij 1619, Smotrickij 1648, Ludolf 1696, Maksimov 1723, Sohier 1724, Adodurov 1738, NG 1745, Lomonosov 1755, Kurganov 1769, KPR 1773, KPR 1784, Barsov 1788, Sokolov 1792, Kurganov 1793, Heym 1789, RG 1802, Sokolov 1806, Vater 1808, Grammatika 1809, Ornatovskij 1810, Timkovskij 1811, Greč 1827, Nikol'skoj 1830, Vostokov 1831.
petit-à-petit	Reiff 1821.
peu de durée	Hamonière 1817, Reiff 1821.
pflegen, pflegte	Tomsa 1782, Heym 1789, Pelzel 1795, Heym 1804, Tomsa 1804, Negedly 1804, Vater 1805, Bandtke 1808, Dobrowsky 1809, Tappe 1810, Greč 1811, Tappe 1812, Tappe 1815, Puchmayer 1820.
Piel	Tappe 1810, Tappe 1812.
pierwotny	Bandtke 1808.
plenum	Ornatovskij 1810.
plötzlich	Kopitar 1808, Dobrowsky 1809, Puchmayer 1820.
pluperfect	Heard 1827 (angl).
plurativum	Pelzel 1795, Negedly 1804.
plusieurs fois	Maudru 1802, Boldyrev 1812, Hamonière 1817, Reiff 1821.
plusieurs reprises	Boldyrev 1812, Reiff 1821.
plusquam imperfectum	Rosa 1672, Doležal 1746.
plusquam praeteritum	Rosa 1672.

plusquamperfectum	Donatus 350, Diomedes 375, Priscianus 500, Optát & al. 1533, Statorius 1568, Nudožer 1603, Uževič 1643, Uževič 1645, Rosa 1672, (Ludolf 1696), Glück 1704, Kopijewitz 1706, Pause 1729, (Adodurov 1731), NG 1745, Doležal 1746, Groening 1750, Lomonossow 1764, Rodde 1773, Kopczyński 1778, Tomsa 1782, Barsov 1788, Rodde 1789, Heym 1789, Bernolák 1790, Dobrowsky 1792, Pelzel 1795, Dobrowsky 1799, Vater 1801, Heym 1804, Tomsa 1804, Negedly 1804, Vater 1805, Glinka 1805, Vater 1808, Bandtke 1808, Kopitar 1808, Dobrowsky 1809, Tappe 1810, Jazvickij 1810, Ornatovskij 1810, Jakob 1812, E & O 1814 (šved), Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820, Dobrowsky 1822, Sjöstedt 1824.
plqpf frequentativum	Heym 1804, Glinka 1805, Tappe 1810.
plqpf primum	Lomonossow 1764, Rodde 1773, Rodde 1789.
plqpf secundum	Lomonossow 1764, Rodde 1773, Rodde 1773.
plqpf tertium	Lomonossow 1764, Rodde 1773, Rodde 1773.
plqpf act. imperfectae	Bandtke 1808.
plqpf act. perfectae	Bandtke 1808.
pluskvamъperfektumъ	Schwanwitz 1730 (nem).
Plusquamperfekt	Tomsa 1804.
plusqueparfait	Sohier 1724, Charpentier 1768, Maudru 1802, Hamonière 1817, Reiff 1821.
plusqueparfait premier	Sohier 1724.
plusqueparfait second	Sohier 1724.
polu prošavše	Karadžić 1818.
po málě búduščee	Adelphotes 1591.
po málě byvájuščee	OČS 1500, Fedorov 1574, Adelphotes 1591.
pomalě byvajuščeje	OČS 1400.
pobočnoe obstojatelьstvo	Rižskij 1806.
pochodny	Bandtke 1808.
počinálna	Križanić 1666.
podrazděnie	Greč 1827, Vostokov 1831.
point	Heard 1827.
point de vue	Reiff 1821.
point mathématique	Reiff 1821.
polně	Barsov 1788.
polnoe bud. soveršenie	Sokolov 1792, RG 1802, Sokolov 1806.
polnoe okončanie dej.	Grammatika 1809.
polnoe okončanie děla	Barsov 1788.
polnoe soveršenie	Lomonosov 1755, Kurganov 1769, Sokolov 1792, Kurganov 1793, RG 1802, Sokolov 1806.
položenie	RG 1802.
ponjatie	Lomonosov 1755, RG 1802, Rižskij 1806, Jakob 1812, Greč 1827.
posao	Karadžić 1818.
poslědoujušča rěči	OČS 1400.
poslědoujutь	OČS 1400.
poslědstvujušča rěči	OČS 1500.
posluduetъ	Adelpohotes 1591.
poslědujušča rěči	OČS 1500.
poslědujúščija glagólu	Smotrickij 1619, Ludolf 1696, Sohier 1724.
poslědujutь	OČS 1500, Adelphotes 1591, Smotrickij 1619.
postoronnee obstojat.	Greč 1827.
postoronnee opredělenie	Jakob 1812.

postoronnee ponjatie	Greč 1827.
postoronnij smyslъ	Greč 1819, Greč 1827.
povelit. nesoveršennoe	Greč 1811.
povtârano	Križanić 1666.
povtorenie	RG 1802, Ornatovskij 1810, Jakob 1812, Vostokov 1831.
povtorennoe	Ornatovskij 1810, Boldyrev 1812, Vostokov 1831.
povtorjaemoe	Rižskij 1806, Greč 1827.
praeponere	Statorius 1568, Doležal 1746, Bernolák 1790.
praepositio	Donatus 350, Diomedes 375, Priscianus 500, Statorius 1568, Nudožer 1603, Uževič 1643, Rosa 1672, Doležal 1746, Groening 1750, Barsov 1788, Heym 1789, Bernolák 1790, Dobrowsky 1799, Dobrowsky 1822, Sjöstedt 1824.
praepositionem addere	Diomedes 375, Rosa 1672.
praepositionem apponere	Rosa 1672.
praepos. conjungere	Sjöstedt 1824.
Präposition	Dobrowsky 1791, Dobrowsky 1792, Pelzel 1795, Negedly 1804, Vater 1805, Vater 1807, Vater 1808, Bandtke 1808, Dobrowsky 1809, Tappe 1810, Tappe 1812, E & O 1814, Dobrowsky 1814, Vater 1814, Tappe 1815, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820, E & O 1822, Grimm 1824, E & O 1830.
praesens	Varro 45 do n.ė., Donatus 350, Charisius 375, Diomedes 375, Priscianus 500, Statorius 1568, Nudožer 1603, Uževič 1643, Uževič 1645, Rosa 1672, Ludolf 1696, Glück 1704, Kopijewitz 1706, Pause 1729, Adodurov 1731, NG 1745, Doležal 1746, Groening 1750, Lomonossow 1764, Rodde 1773, Kopczyński 1778, Barsov 1788, Rodde 1789, Bernolák 1790, Pelzel 1795, Dobrowsky 1799, Vater 1801, Negedly 1804, Vater 1805, Vater 1808, Bandtke 1808, Ornatovskij 1810, Jakob 1812, Dobrowsky 1822, Sjöstedt 1824.
praes. frequentativum	Rosa 1672.
praesens imperfectum	Priscianus 500 (gre).
praes. imp. singulare	Rosa 1672.
praesen pro futuro	Dobrowsky 1822.
Präsens	Tomsa 1782, Heym 1789, Dobrowsky 1792, Heym 1804, Tomsa 1804, Negedly 1804, Vater 1805, Glinka 1805, Vater 1808, Kopitar 1808, Dobrowsky 1809, Tappe 1810, Tappe 1812, Vater 1814, E & O 1814, Dobrowsky 1814, Dobrowsky 1814a, Vater 1814, Tappe 1815, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820, E & O 1822, Grimm 1824, Karadžić/Grimm 1824, E & O 1830.
Präsens indefinitum	Vater 1808.
Präsens I & II	Kopitar 1808.
praeterire	Diomedes 375, Rosa 1672, Bernolák 1790.
praeterisse	Diomedes 375, Rosa 1672, Bernolák 1790.
praeterito-futurum	Jakob 1812.
praeteritum	Varro 45 do n.ė., Donatus 350, Charisius 375, Diomedes 375, Priscianus 500, Optát & al. 1533, Statorius 1568, Nudožer 1603, Uževič 1643, Uževič 1645, Rosa 1672, Ludolf 1696, (Glück 1704), Kopijewitz 1706, Pause 1729,

	Adodurov 1731, NG 1745, Doležal 1746, Groening 1750, Lomonossow 1764, Rodde 1773, Kopczyński 1778, Barsov 1788, Rodde 1789, Heym 1789, Bernolák 1790, Pelzel 1795, Dobrowsky 1799, Vater 1801, Negedly 1804, Vater 1805, Vater 1808, Bandtke 1808, Ornatovskij 1810, Jakob 1812, Vater 1814, Dobrowsky 1814a, Dobrowsky 1822, Sjöstedt 1824.
praet. absolutum	Vater 1805.
praet. act. simplicis	Vater 1808.
praet. circumscriptum	Dobrowsky 1822.
praet. continuativum	Dobrowsky 1822.
praet. indefinitum	Barsov 1788, Heym 1789, Heym 1804, Vater 1805, Vater 1808, Ornatovskij 1810, Vater 1814.
praet. infinitum	Priscianus 500 (gre).
praet. inperfectum	Donatus 350, Charisius 375, Diomedes 375, Priscianus 500, Optát & al. 1533, Statorius 1568, Nudožer 1603, Uževič 1643, Uževič 1645, Rosa 1672, (Ludolf 1696), Pause 1729, Doležal 1746 (lat), Groening 1750, Lomonossow 1764, Pelzel 1795, Tomsa 1804, Bandtke 1808, Ornatovskij 1810, Jakob 1812.
praet. iterativum	Dobrowsky 1822.
praet. perfectum	Donatus 350, Charisius 375, Diomedes 375, Priscianus 500, Optát & al. 1533, Statorius 1568, Nudožer 1603, Uževič 1643, Uževič 1645, Rosa 1672, (Ludolf 1696), Doležal 1746 (lat), Groening 1750, Lomonossow 1764, Rodde 1773, Barsov 1788, Rodde 1789, Heym 1789, Bernolák 1790, Pelzel 1795, Dobrowsky 1799, Vater 1801, Heym 1804, Tomsa 1804, Negedly 1804, Vater 1805, Glinka 1805, Vater 1808, Bandtke 1808, Tappe 1810, Ornatovskij 1810, Jakob 1812, Vater 1814, Sjöstedt 1824.
praet. periphrasticum	Dobrowsky 1822.
praet. plusquamperfectum	Donatus 350, Charisius 375, Diomedes 375, Priscianus 500, Optát & al. 1533, Nudožer 1603, Uževič 1643, Uževič 1645, Rosa 1672, (Ludolf 1696), Bernolák 1790, Pelzel 1795, Dobrowsky 1822.
pr. plusquam imperfectum	Rosa 1672.
praet. prolongatum	Dobrowsky 1822.
praet. simplex	Lomonossow 1764, Heym 1789, Heym 1804, Glinka 1805, Vater 1808, Vater 1814, Dobrowsky 1822.
praet. singulare	Dobrowsky 1822.
praet. singul. unitatis	Lomonossow 1764, Rodde 1773, Rodde 1789.
praet. unitatis	Rodde 1773, Rodde 1789.
Praeteritum I.	Nudožer 1603.
Praeteritum II.	Nudožer 1603.
Präteritum	Dobrowsky 1792, Pelzel 1795, Heym 1804, Negedly 1804, Glinka 1805, Vater 1808, Kopitar 1808, Dobrowsky 1809, Tappe 1810, Tappe 1812, Vater 1814, E & O 1814, Tappe 1815, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820, E & O 1822, Grimm 1824, Karadžić/Grimm 1824, E & O 1830.
Präteritum absolutum	Dobrowsky 1809, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820.
Präteritum definitum	Heym 1804, Vater 1814.

Präteritum frequentat.	Tappe 1810.
Präteritum indefinitum	Heym 1804, Vater 1808, Vater 1814.
Prät. indef. perf.	Heym 1804.
Präteritum perfectum	Heym 1804, Vater 1808, Vater 1814, Grimm 1824.
Prät. perf. simplex	Heym 1804.
Präteritum relativum	Dobrowsky 1809, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820.
Präteritum simplex	Heym 1804, Vater 1808, Vater 1814.
Präteritum I & II	Kopitar 1808.
prâgma	Dionysios Thrax 100 do n.ė., Apollonios Dyskolos 150.
prebyvanie	Timkovskij 1811.
prebyvatь	Nikol'skoj 1830.
precisément faite	A & L 1676.
predbývšee	OČS 1500, Fedorov 1574.
predibývšee	OČS 1500.
prědьbyvšeje	OČS 1400.
prьdьbyvšee	OČS 1400.
predъbývšee	OČS 1500.
predležímoje	OČS 1500.
prědьležimoje	OČS 1400.
prědlogъ, predlógъ	OČS 1400, OČS 1500, Adelphotes 1591, Zizanij 1596, Smotrickij 1619, Ludolf 1696, Sohier 1724, Adodurov 1738, NG 1745, Lomonosov 1755, Charpentier 1768, Kurganov 1769, Barsov 1788, Sokolov 1792, Kurganov 1793, RG 1802, Sokolov 1806, Born 1808, Grammatika 1809, Tappe 1810, Ornatovskij 1810, Timkovskij 1811, Greč 1811, Tappe 1812, Tappe 1815, Greč 1819, Reiff 1821, Greč 1827, Vostokov 1831.
predlogъ soverš. vida	Vostokov 1831.
předlowce	Negedly 1804.
predlóžok	Križanić 1666.
predložnyj	Greč 1827.
prefix	Heard 1827.
prekraščaemoe	Vostokov 1831.
prekraščaetsja	Vostokov 1831.
prekraščenie dějstvija	Greč 1827.
préposition	Sohier 1724, Charpentier 1768, Hamonière 1817, Reiff 1821.
preposition	Heard 1827.
prešédšee	Tolmač 1522, Smotrickij 1619, Smotrickij 1648, Kopijewitz 1706, Smotrickij 1721, Maksimov 1723, Polikarpov 1725, Vater 1808 (cslav).
présent	A & L 1676, Sohier 1724, Charpentier 1768, Maudru 1802, Born 1808, Hamonière 1817, Reiff 1821.
présent absolu	Maudru 1802 (fra).
présent défini	Reiff 1821.
présent imparfait	Reiff 1821.
présent indéfini	Reiff 1821.
présent relatif	Maudru 1802.
present tense	Heard 1827.
préšloe dějstvo	Smotrickij 1619.
preslóžennoe	Smotrickij 1619, Kurganov 1769, Kurganov 1793.

prěsložnoe	OČS 1400, OČS 1500, Adelphotes 1591.
presoveršénnoe	Tolmač 1522, Adelphotes 1591, Zizanij 1596, Schwanwitz 1730 (nem).
presoveršêno	Križanić 1666.
presoveršénoe	Tolmač 1522, Adelphotes 1591.
presveršénnoe	Tolmač 1522.
presveršénoe	Tolmač 1522.
presъveršen'noe	Adelphotes 1591.
prétérit	A & L 1676, Charpentier 1768, Maudru 1802, Hamonière 1817, Reiff 1821.
prétérit composé	Charpentier 1768, Maudru 1802.
prétérit définy	A & L 1676, Reiff 1821.
prétérit fréq. ou plqpf	Hamonière 1817.
prétérit imparfait	A & L 1676, Reiff 1821.
prétérit indéfiny	A & L 1676, Hamonière 1817, Reiff 1821.
prétérit indéfini ou i.	Hamonière 1817.
prétérit itératif	Reiff 1821.
prétérit parfait	Hamonière 1817, Reiff 1821.
prétérit parf. indéfini	Hamonière 1817.
prétérit parf. simple	Hamonière 1817.
prétérit plqpf ou fréq.	Hamonière 1817.
prétérit sémelfactif	Reiff 1821.
prétérit simple	Charpentier 1768, Maudru 1802, Hamonière 1817.
prěvodnoe, prevódnoe	OČS 1400, OČS 1500.
prežde ili poslě	Greč 1827.
prexodjáščee	Smotrickij 1619, Smotrickij 1648, Ludolf 1696, Kopijewitz 1706, Smotrickij 1721, Maksimov 1723, Sohier 1724, Polikarpov 1725, Afanas'ev 1725, Schwanwitz 1734 (nem), NG 1745, Barsov 1788, RG 1802, Vater 1808 (cslav), Greč 1827 (gre, lat, fra, nem).
prexodjaščee prostoe	Barsov 1788.
pribavlenie predloga	Greč 1811.
približenno	Jakob 1812.
približennyj	Ornatovskij 1810.
pridem	Bernolák 1790.
priemъ	Sokolov 1792, Sokolov 1806, Rižskij 1806, Vostokov 1831.
- vъ něskolьko priemovъ	Vostokov 1831.
- vъ odinъ priemъ	Rižskij 1806, Vostokov 1831.
- za odinъ priemъ	Sokolov 1792, Sokolov 1806.
priloženie predloga	Lomonosov 1755, Sokolov 1792, RG 1802, Sokolov 1806, Born 1808, Grammatika 1809.
primigenius	Varro 45 do n.ė., Dobrowsky 1822.
prima positio verbi	Charisius 375, Diomedes 375, Priscianus 500.
primitif	Sohier 1724, Charpentier 1768, Maudru 1802, Reiff 1821.
Primitiv	Vater 1808, Dobrowsky 1809, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820.
primitivus	Charisius 375, Diomedes 375, Priscianus 500, Optát & al. 1533, Statorius 1568, Nudožer 1603, Uževič 1643, Ludolf 1696, Adodurov 1731, NG 1745, Doležal 1746, Groening 1750, Lomonossow 1764, Barsov 1788, Heym 1789, Bernolák 1790, Dobrowsky 1791, Dobrowsky 1799, Heym 1804, Negedly 1804, Vater 1805, Vater 1808, Bandtke 1808, Dobrowsky 1809, Puchmayer

	1820, Dobrowsky 1822.
prinadležnosti glagola	Barsov 1788, Greč 1827.
principal tenses	Heard 1827.
principalis	Diomedes 375, Priscianus 500.
principium	Varro 45 do n.ė., Nudožer 1603.
priraščenie	Lomonosov 1755.
prišêstno	Križanić 1666.
prišêstno drúgo	Križanić 1666.
prišêstno pérvo	Križanić 1666.
pristavka	Vostokov 1831.
pristojáščie	Tolmač 1522.
pristojatъ slovu	Tolmač 1522.
privyčka kъ dějstviju	Vostokov 1831.
priznakъ	Greč 1827.
pročinálna	Križanić 1666.
prodolžaemoe	Vostokov 1831.
prodolžajuščeesja	Born 1808, Jazvickij 1810, Ornatovskij 1810, Jakob 1812, Vostokov 1831.
prodolžatьsja	Ornatovskij 1810, Nikol'skoj 1830, Vostokov 1831.
prodolženie	Lomonosov 1755, Kurganov 1769, Barsov 1788, Sokolov 1792, Kurganov 1793, RG 1802, Sokolov 1806, Born 1808, Grammatika 1809, Jazvickij 1810, Ornatovskij 1810, Vostokov 1811, Boldyrev 1812, Jakob 1812, Greč 1827, Vostokov 1831.
- bezъ prodolženija	Sokolov 1792, Sokolov 1806.
- vъ někotoroe prodolženie	Vostokov 1831.
prodolžitelьnoe	Rižskij 1806, E & O 1814, Sjöstedt 1824, E & O 1830, Vostokov 1831.
prodolžitelьnejšij	Ornatovskij 1810.
proisxoditь	Adodurov 1738, Barsov 1788, Sokolov 1792, RG 1802, Sokolov 1806, Grammatika 1809, Ornatovskij 1810, Greč 1811, Boldyrev 1812a, Boldyrev 1816, Greč 1827, Vostokov 1831.
proisxodivšee	Ornatovskij 1810, Vostokov 1831.
proisxoždenie	Kurganov 1769, Kurganov 1793, RG 1802.
proizšedšee	Barsov 1788, Ornatovskij 1810.
proizšestvie	Boldyrev 1812a, Nikol'skoj 1830.
proizvedená	Križanić 1666.
proizvedenie	RG 1802, Č. 1812, Greč 1827, Vostokov 1831.
proizvedênje	Križanić 1666.
proizvedennyj	NG 1745, Sokolov 1792, (RG 1802), Sokolov 1806, (Grammatika 1809), Timkovskij 1811, Nikol'skoj 1830.
proizvoditi	Smotrickij 1619, Lomonosov 1755, Kurganov 1769, Sokolov 1792, Kurganov 1793, RG 1802, Sokolov 1806, Grammatika 1809, Greč 1811, Č. 1812, Boldyrev 1812a, Greč 1827, Nikol'skoj 1830, Vostokov 1831.
proizvódnyj	Adelphotes 1591, Zizanij 1596, Smotrickij 1619, Smotrickij 1648, Ludolf 1696, Sohier 1724, Adodurov 1738, NG 1745, Lomonosov 1755, Kurganov 1769, KPR 1773, KPR 1784, Barsov 1788, Heym 1789, Sokolov 1792, Kurganov 1793, RG 1802, Sokolov 1806, Grammatika 1809, Ornatovskij 1810, Timkovskij 1811, Boldyrev 1812, Davydov 1817, Greč 1827, Vostokov 1831.

proizvoždenie	Lomonosov 1755, RG 1802.
prolongare	Dobrowsky 1822.
prolongatum	Pelzel 1795, Tomsa 1804, Negedly 1804, Dobrowsky 1822.
promînьeno	Križanić 1666.
promînьeno dôlgo	Križanić 1666.
promînьeno krátko	Križanić 1666.
promînьeno presoveršêno	Križanić 1666.
promînьeno soveršêno	Križanić 1666.
prošavše	Karadžić 1818.
prošedšee	Afanas'ev 1725, Schwanwitz 1730 (nem), Adodurov 1738, Schwanwitz 1734 (nem), NG 1745, Lomonosov 1755, Charpentier 1768, Kurganov 1769, KPR 1773, KPR 1784, Syrejščikov 1787, Barsov 1788, Heym 1789, Sokolov 1792, Kurganov 1793, RG 1802, Maudru 1802, Heym 1804, Glinka 1805, Rižskij 1806, Sokolov 1806, Born 1808, Grammatika 1809, Tappe 1810, Jazvickij 1810, Ornatovskij 1810, Timkovskij 1811, Greč 1811, Vostokov 1811, Tappe 1812, Č. 1812, Boldyrev 1812, Boldyrev 1812a, Jakob 1812, E & O 1814, Tappe 1815, Boldyrev 1816, Davydov 1817, Boldyrev 1817, Greč 1819, Reiff 1821, Sjöstedt 1824, Greč 1827, Nikol'skoj 1830, E & O 1830, Vostokov 1831.
proš. edinokratnoe	Barsov 1788.
proš. edinstvennoe	Lomonosov 1755, KPR 1773.
proš. mnogokratnoe	Born 1808, (Ornatovskij 1810), Greč 1811, Č. 1812, Greč 1819, Nikol'skoj 1830.
proš. neokončatelьnoe	Ornatovskij 1810, (Nikol'skoj 1830).
proš. neopredělennoe	Lomonosov 1755, Kurganov 1769, KPR 1773, KPR 1784, Barsov 1788, Kurganov 1793, RG 1802, Heym 1804, Glinka 1805, Grammatika 1809, Jazvickij 1810, Greč 1811, Sjöstedt 1824, Nikol'skoj 1830, Vostokov 1831.
proš. nesoveršennoe	Lomonosov 1755 (gre), Charpentier 1768, Kurganov 1769, Syrejščikov 1787, Sokolov 1792, Kurganov 1793, RG 1802, Maudru 1802, Sokolov 1806, Grammatika 1809, Jazvickij 1810, Ornatovskij 1810, Greč 1811, Nikol'skoj 1830.
proš. nesov. neopred.	Sokolov 1792, Sokolov 1806.
proš. nesov. odnokr.	Sokolov 1792, Sokolov 1806.
proš. odnokratnoe	Lomonosov 1755, Kurganov 1769, KPR 1773, KPR 1784, Syrejščikov 1787, Barsov 1788, Sokolov 1792, Kurganov 1793, RG 1802, Heym 1804, Glinka 1805, Sokolov 1806, Grammatika 1809, Jazvickij 1810, Ornatovskij 1810, Greč 1811, Boldyrev 1812, Nikol'skoj 1830.
proš. okončatelьnoe	Ornatovskij 1810, (Nikol'skoj 1830).
proš. okonč. odnokr.	Ornatovskij 1810.
proš. opredělennoe	Nikol'skoj 1830, Vostokov 1831.
proš. prekrašč. dějstv.	Vostokov 1831.
proš. presoveršennoe	Schwanwitz 1730 (nem).
proš. prodolž. dějstv.	Vostokov 1831.
proš. prostoe	Charpentier 1768, Barsov 1788, Maudru 1802, Jazvickij 1810, Jakob 1812.
proš. složnoe	Charpentier 1768, Barsov 1788, Maudru 1802, Jakob 1812.

proš. somnitelьnoe	Lomonosov 1755.
proš. soveršennoe	Lomonosov 1755, Kurganov 1769, KPR 1773, KPR 1784, Barsov 1788, Heym 1789, Sokolov 1792, Kurganov 1793, RG 1802, Heym 1804, Glinka 1805, Sokolov 1806, Grammatika 1809, Jazvickij 1810, Ornatovskij 1810, Greč 1811, Boldyrev 1812, Sjöstedt 1824, Nikol'skoj 1830.
proš. soverš. neopred.	Heym 1789, Sokolov 1792, RG 1802, Sokolov 1806, Grammatika 1809.
proš. soverš. odnokr.	Heym 1789, Sokolov 1792, RG 1802, Sokolov 1806, Grammatika 1809, Ornatovskij 1810.
proš. soverš. okonč.	Ornatovskij 1810.
proš. soverš. učaščˇ.	Lomonosov 1755.
prošloe	Maksimov 1723, Pause 1729.
prošloe dějstvo	Maksimov 1723.
prostoe, prostyi	OČS 1400, OČS 1500, Tolmač 1522, Adelphotes 1591, Zizanij 1596, Smotrickij 1619, Križanić 1666, Ludolf 1696, Sohier 1724, Adodurov 1738, NG 1745, Lomonosov 1755, Charpentier 1768, Kurganov 1769, KPR 1773, KPR 1784, Barsov 1788, Sokolov 1792, Kurganov 1793, RG 1802, Sokolov 1806, Born 1808, Grammatika 1809, Jazvickij 1810, Jazvickij 1810, Ornatovskij 1810, Timkovskij 1811, Greč 1811, Boldyrev 1812, Boldyrev 1812a, Jakob 1812, E & O 1814, Tappe 1815, Boldyrev 1816, Boldyrev 1817, Greč 1819, Reiff 1821, Sjöstedt 1824, Greč 1827, Nikol'skoj 1830, Vostokov 1831.
prostotá	Križanić 1666.
protekšee	Greč 1827.
proteženoe	OČS 1400.
proteženьnoje	OČS 1400.
protjažénoe	OČS 1500.
protjáženoe	Fedorov 1574.
protjažén'noe	Adelphotes 1591, Zizanij 1596
prōtótypon	Dionysios Thrax 100 do n.ė., Apollonios Dyskolos 150, Laskaris 1476, Adelphotes 1591.
proximum	Jakob 1812.
prьvobytno	OČS 1400.
przeszły	Kopczyński 1778, Bandtke 1808.
przyszły	Kopczyński 1778, Bandtke 1808.
Punct	Tappe 1812, Tappe 1815
qualitas verborum	Donatus 350, Charisius 375, Diomedes 375.
quelque durée	Hamonière 1817.
rapidement	Reiff 1821.
raz, ieden raz	Kopczyński 1778.
razъ	Lomonosov 1755, Sokolov 1792, RG 1802, Sokolov 1806, Born 1808, Grammatika 1809, Jazvickij 1810, Greč 1811, Boldyrev 1816, Greč 1827, Nikol'skoj 1830, Vostokov 1831.
- edinymъ razomъ	RG 1802.
- mnogo razъ	Jazvickij 1810, Greč 1827, Nikol'skoj 1830.
- něskolьko razъ	Sokolov 1792, Sokolov 1806, Grammatika 1809, Greč 1811, Boldyrev 1812, Greč 1827, Nikol'skoj 1830, Vostokov 1831.
- odinъ razъ	Grammatika 1809, Jazvickij 1810, Boldyrev 1812, Boldyrev 1816, Greč 1827.

- odinъ razъ proizvedennoe	Grammatika 1809, Jazvickij 1810.
- odinъ razъ soveršitьsja	Jazvickij 1810.
- odnimъ razomъ	RG 1802, Born 1808, Greč 1827.
- odnim razom ispolnennoe	RG 1802.
- odnim razom soveršitsja	RG 1802.
- odnim razom soverš.	Born 1808.
- vъ odinъ razъ	Lomonosov 1755, Greč 1811, Greč 1827, Nikol'skoj 1830.
- vo mnogie [razy]	Lomonosov 1755.
razdělénïe	Smotrickij 1619, Kurganov 1769, Kurganov 1793, Greč 1827, Vostokov 1831.
razdjelenije	Karadžić 1818.
razlíčïe	Smotrickij 1619, Kurganov 1769, Kurganov 1793, Greč 1827, Vostokov 1831.
razrjadъ glagola	Greč 1811, Greč 1827.
razrjadъ slova	Vostokov 1831.
recent occurrence	Heard 1827.
rěčь	OČS 1400, OČS 1500, Tolmač 1522.
rěčь prosta	OČS 1400.
rěčь slož(ь)na	OČS 1400.
rěčь prěsložna	OČS 1400.
Reihe	Vater 1808, Vater 1814.
rein	Tomsa 1804.
relatif	Charpentier 1768, Maudru 1802.
relativum	Dobrowsky 1809, Jakob 1812, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820.
remote occurrence	Heard 1827.
remoteness	Heard 1827.
remotum	Jakob 1812.
repeat	Heard 1827.
repeated motion	Heard 1827.
repeatedly	Heard 1827.
répété	Hamonière 1817, Reiff 1821.
répéter	Hamonière 1817, Reiff 1821.
répétition	Hamonière 1817.
repetition	Heard 1827.
res	Varro 45 do n.ė., Charisius 375, Diomedes 375, Priscianus 500, Uževič 1643, Rosa 1672, Jandyt 1705, Bernolák 1790, Kopitar 1808.
res completa	Priscianus 500.
res diutius gesta	Bernolák 1790.
res futura	Charisius 375, Diomedes 375.
res gerenda	Rosa 1672.
res gesta	Rosa 1672.
res imperfecta	Priscianus 500, Bernolák 1790.
res inchoata	Varro 45 do n.ė., Diomedes 375.
res modo inchoata	Charisius 375.
res in facto	Jandyt 1705, Kopitar 1808.
res in fieri	Jandyt 1705, Kopitar 1808.
res perfecta	Varro 45 do n.ė., Priscianus 500.
restrictus	Sjöstedt 1824.
rhêma	Stoa 300 do n.ė., Dionysios Thrax 100 do n.ė., Apollonios Dyskolos 150, Adelphotes 1591, Kopitar 1808 (gre).
rhêma syntelikon	Kopitar 1808 (gre).
richtig	Lomonossow 1764.
ričína	Križanić 1666.
ričína jednokrátna	Križanić 1666.

ričína koreníčna	Križanić 1666.
ričína neskladena	Križanić 1666.
ričína neokončálna	Križanić 1666.
ričína obstôjna	Križanić 1666.
ričína počinálna	Križanić 1666.
ričína pročinálna	Križanić 1666.
ričína prósta	Križanić 1666.
ričína skladena	Križanić 1666.
ričína vnožekrátna	Križanić 1666.
rodъ, rody	Tolmač 1522, Adelphotes 1591, Lomonosov 1755, Kurganov 1769, Barsov 1788, Kurganov 1793, Rižskij 1806, Jazvickij 1810, Greč 1811, Boldyrev 1812, Boldyrev 1812a, Jakob 1812.
rodъ glagola (asp)	Boldyrev 1812, Boldyrev 1812a.
rody glagolovъ (diat)	Tolmač 1522, Adelphotes 1591, Ornatovskij 1810, Nikol'skoj 1830.
rody vremenъ	Barsov 1788, Rižskij 1806.
root of the verb	Heard 1827.
rörelse	E & O 1814.
rozpoczęcie	Kopczyński 1778.
Rücksicht	Dobrowsky 1791, Vater 1801, Tomsa 1804, Bandtke 1808.
rzecz dokonana	Kopczyński 1778.
rzecz niedokonana	Kopczyński 1778.
rzecz niedokończona	Kopczyński 1778.
rzecz skończona	Kopczyński 1778.
sadašnje	Karadžić 1818.
sadášnьe	Križanić 1666.
saepe	Statorius 1568, Rosa 1672.
saepissime	Rosa 1672.
saepius	Varro 45 do n.ė., Charisius 375, Diomedes 375.
säkerhet	E & O 1814.
säkert	E & O 1814.
sammansatt	Groening 1750, E & O 1814, E & O 1822, E & O 1830.
sammansättning	Groening 1750.
samotliwé	Rosa 1672.
satis	Uževič 1643.
savršitelni	Karadžić 1818.
schnell	Dobrowsky 1792, Pelzel 1795, Negedly 1804, Kopitar 1808, Dobrowsky 1809, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820.
schnell vorübergehend	Dobrowsky 1792, Negedly 1804, Dobrowsky 1809, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820.
schnell vorüber geht	Pelzel 1795, Negedly 1804.
selten wiederholend	Pelzel 1795, Tomsa 1804.
seltnere Handlung	Negedly 1804.
semel	Varro 45 do n.ė., Diomedes 375.
sémelfactif	Reiff 1821.
semelfactive	Heard 1827.
semifrequentativum	Rosa 1672.
significare	Varro 45 do n.ė., Donatus 350, Charisius 375, Diomedes 375, Priscianus 500, Statorius 1568, Rosa 1672, Doležal 1746, Bernolák 1790, Dobrowsky 1822, Sjöstedt 1824.
significatio	Donatus 350, Diomedes 375, Priscianus 500, Optát & al. 1533, Statorius 1568, Nudožer

	1603, Uževič 1643, Rosa 1672, Ludolf 1696, Doležal 1746, Barsov 1788, Bernolák 1790, Dobrowsky 1822.
significatio absoluta	Priscianus 500.
significatio frequentat.	Bernolák 1790.
significatio futura	Rosa 1672.
significatio imperfecta	Rosa 1672, Doležal 1746, Bernolák 1790.
significatio iterativa	Rosa 1672.
significatio perfecta	Rosa 1672, Doležal 1746, Bernolák 1790.
significatio praesens	Rosa 1672.
significatio praesentis	Doležal 1746.
significatio singularis	Rosa 1672, Bernolák 1790.
significatio verbi	Rosa 1672, Ludolf 1696.
signification	Sohier 1724, Charpentier 1768, Hamonière 1817, Reiff 1821, Heard 1827.
signif. augmentative	Hamonière 1817.
signif. diminutive	Hamonière 1817.
significationum classes	Bernolák 1790.
significatus actionis	Dobrowsky 1822.
significatus verbi	Rosa 1672, Dobrowsky 1799, Dobrowsky 1822.
signifier	Reiff 1821.
simple	A & L 1676, Sohier 1724, Charpentier 1768, Maudru 1802, Hamonière 1817, Reiff 1821.
simple verb	Heard 1827.
simplex	Varro 45 do n.ė., Donatus 350, Charisius 375, Diomedes 375, Priscianus 500, Statorius 1568, Nudožer 1603, Uževič 1643, Uževič 1645, Rosa 1672, Ludolf 1696, Adodurov 1731, NG 1745, Doležal 1746, Groening 1750, Lomonossow 1764, Rodde 1773, Kopczyński 1778, Barsov 1788, Rodde 1789, Heym 1789, Bernolák 1790, Pelzel 1795, Heym 1804, Negedly 1804, Vater 1805, Glinka 1805, Vater 1808, Bandtke 1808, Tappe 1810, Tappe 1812, Vater 1814, E & O 1814, Dobrowsky 1814a, Tappe 1815, Dobrowsky 1822, E & O 1822, Sjöstedt 1824, E & O 1830.
simpliciter	Uževič 1645.
simultaneitas	Rosa 1672.
single and sudden	Heard 1827.
singular	Negedly 1804.
singulare	Rosa 1672, Doležal 1746, Lomonossow 1764, Rodde 1773, Kopczyński 1778, Tomsa 1782, Rodde 1789, Bernolák 1790, Pelzel 1795, Dobrowsky 1799, Tomsa 1804, Negedly 1804, Dobrowsky 1809, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820, Dobrowsky 1822.
singulare imperfectum	Rosa 1672, Doležal 1746.
singulare mixtum	Tomsa 1804.
singulare purum	Tomsa 1804.
singularitas	E & O 1822.
situation	Hamonière 1817.
ske	E & O 1814, E & O 1822, E & O 1830.
skeende	E & O 1814, E & O 1822, E & O 1830.
skhêma	Dionysios Thrax 100 do n.ė., Apollonios Dyskolos 150, Laskaris 1476, Adelphotes 1591, Vater 1808 (gre).
skhêma haploûn	Dionysios Thrax 100 do n.ė., Laskaris 1476, Adelphotes 1591.
skhêma sýntheton	Dionysios Thrax 100 do n.ė., Laskaris 1476,

	Adelphotes 1591.
skhêma parasýntheton	Dionysios Thrax 100 do n.ė., Laskaris 1476, Adelphotes 1591.
skladená	Križanić 1666.
skladênje	Križanić 1666.
sklanjáemyj	Adelphotes 1591, Smotrickij 1619.
sklanjatь	Kopijewitz 1706.
sklonjaemyj	Lomonosov 1755.
skończona	Kopczyński 1778.
skoro prošavše	Karadžić 1818.
skoro slučitsja	Jazvickij 1810.
skoropostižnostь děj.	RG 1802.
skorostь dviženija	Greč 1827.
skorye děystvija	Lomonosov 1755, Barsov 1788.
slovésnyi	Tolmač 1522.
slóvnyj	Tolmač 1522.
slovo 'rečь'	OČS 1400, OČS 1500, Adelphotes 1591, Zizanij 1596, Smotrickij 1619, Ludolf 1696, Lomonosov 1755.
slóvo 'glagol'	Tolmač 1522.
slovo pervonačalьnoe	Greč 1827.
slovo pervoobraznoe	Adodurov 1738, Kurganov 1769, Barsov 1788, Sokolov 1792, Kurganov 1793, RG 1802, Sokolov 1806, Greč 1827, Vostokov 1831.
slovo proizvodnoe	Adodurov 1738, Kurganov 1769, Barsov 1788, Sokolov 1792, Kurganov 1793, RG 1802, Sokolov 1806, Greč 1827, Vostokov 1831.
slowo	Optát & al. 1533, Rosa 1672, Doležal 1746, Bernolák 1790, Negedly 1804.
slowo častotliwé	Rosa 1672.
slowo gednotliwé	Rosa 1672.
slowo opětliwé	Rosa 1672.
slowo samotliwé	Rosa 1672.
słowo	Kopczyński 1778, Bandtke 1808.
słowo częstotliwe	Kopczyński 1778, Bandtke 1808.
słowo dokonane	Kopczyński 1778, Bandtke 1808.
słowo dok. częstotliwe	Bandtke 1808.
słowo dok. jednotliwe	Bandtke 1808.
słowo jednotliwe	Kopczyński 1778, Bandtke 1808.
słowo niedokonane	Kopczyński 1778, Bandtke 1808.
slovoproizvedenïe	Sokolov 1792, RG 1802, Sokolov 1806, Vostokov 1831.
slovoproizvoždénie	Barsov 1788, Sokolov 1792.
složenie	Adodurov 1738, Lomonosov 1755, Kurganov 1769, Kurganov 1793, Timkovskij 1811.
slóžennoe	Smotrickij 1619, NG 1745, Lomonosov 1755, Kurganov 1769, KPR 1773, KPR 1784, Barsov 1788, Sokolov 1792, Kurganov 1793, RG 1802, Sokolov 1806, Nikol'skoj 1830.
slóženoe	Ludolf 1696, Sohier 1724.
složnoe, slóžnyi	OČS 1400, OČS 1500, Tolmač 1522, Adelphotes 1591, Zizanij 1596, Adodurov 1738, NG 1745, Charpentier 1768, Barsov 1788, Sokolov 1792, RG 1802, Sokolov 1806, Born 1808, Grammatika 1809, Ornatovskij 1810, Timkovskij 1811, Greč 1811, Tappe 1812, Č. 1812, Boldyrev 1812, Boldyrev 1812a, Jakob 1812, E & O 1814, Tappe

	1815, Boldyrev 1816, Boldyrev 1817, Greč 1819, Reiff 1821, E & O 1830, Vostokov 1831.
složnoe nastojaščee vr.	RG 1802.
slúčaj	Smotrickij 1619, Kurganov 1769, Kurganov 1793.
slučitsja skoro	Jazvickij 1810.
slučitьsja	Sokolov 1792, Sokolov 1806, Jazvickij 1810, Boldyrev 1812, Boldyrev 1812a, Nikol'skoj 1830.
slučitьsja vpredь	Sokolov 1792, Sokolov 1806.
slučitьsja vskorě	Jazvickij 1810.
slut, till slut	E & O 1814.
- till fullkomligt slut	E & O 1822.
slutad	E & O 1814.
smyslъ dviženija	Greč 1827.
smyslъ soveršenija	Greč 1827.
snabb eller kort	E & O 1822.
snart förestående	E & O 1814.
sobytie	Nikol'skoj 1830.
sodijanó bít	Križanić 1666.
soleo + inf.	Statorius 1568, Rosa 1672, Doležal 1746, Bernolák 1790, Dobrowsky 1792, Pelzel 1795, Dobrowsky 1799, Negedly 1804, Dobrowsky 1809, Dobrowsky 1822.
soleo frequenter + inf.	Doležal 1746, Bernolák 1790.
soleo saepe + inf.	Rosa 1672.
soleo saepissime + inf.	Rosa 1672.
somněnnoe	Lomonosov 1755, Barsov 1788, Heym 1789, Sokolov 1792.
somnitelьnoe	Lomonosov 1755.
sonst	Heym 1789, Tomsa 1804.
sort of action	Heard 1827.
sorte, sortes	A & L 1676, Charpentier 1768.
sostojanie	Barsov 1788, Sokolov 1792, RG 1802, Sokolov 1806, Grammatika 1809, Ornatovskij 1810, Timkovskij 1811, Boldyrev 1812, Boldyrev 1817, Greč 1827, Nikol'skoj 1830, Vostokov 1831.
souproužestvo	Adelphotes 1591, Zizanij 1596.
souproužьstvo	○ČS 1400.
souvent	Maudru 1802, Reiff 1821.
soveršaemoe	Rižskij 1806.
soveršajuščeesja	Born 1808, Ornatovskij 1810, Nikol'skoj 1830.
soveršatьsja	Lomonosov 1755, RG 1802, Ornatovskij 1810, Greč 1811, Greč 1827, Nikol'skoj 1830.
soveršenie	Lomonosov 1755, Kurganov 1769, Barsov 1788, Kurganov 1793, RG 1802, Sokolov 1806, Greč 1827, Vostokov 1831.
soveršênje	Križanić 1666.
soveršénno	Smotrickij 1619, Schwanwitz 1730 (nem), Sokolov 1792, RG 1802, Sokolov 1806, Vater 1808 (cslav), Grammatika 1809, Jazvickij 1810, Greč 1811, Jakob 1812, Greč 1827, Nikol'skoj 1830.
soveršenno ispoln.	Sokolov 1792, RG 1802, Sokolov 1806, Grammatika 1809.
soveršenno končeno	Greč 1811, Greč 1827.
soveršenno končilosь	Greč 1827.
soveršenno končitsja	Greč 1827.

soveršenno okončannoe	RG 1802, Grammatika 1809, Jazvickij 1810.
soveršenno okončennoe	Ornatovskij 1810.
soveršénno préšloe d.	Smotrickij 1619.
soveršénno prešédšee d.	Smotrickij 1619.
soveršenno prošedšee	Schwanwitz 1730 (nem), Jakob 1812.
soveršennobuduščee	Jakob 1812.
soveršénnoe	Tolmač 1522, Smotrickij 1619, Lomonosov 1755, Kurganov 1769, KPR 1773, KPR 1784, Barsov 1788, Heym 1789, Sokolov 1792, Kurganov 1793, RG 1802, Heym 1804, Glinka 1805, Rižskij 1806, Sokolov 1806, Vater 1808, Born 1808, Grammatika 1809, Tappe 1810, Jazvickij 1810, Ornatovskij 1810, Greč 1811, Vostokov 1811, Tappe 1812, Boldyrev 1812, Boldyrev 1812a, Jakob 1812, E & O 1814, Tappe 1815, Greč 1819, Reiff 1821, Čaplin 1822, Sjöstedt 1824, Greč 1827, Nikol'skoj 1830, E & O 1830, Vostokov 1831.
soveršennoe ispolnenie	Rižskij 1806.
soveršennoe odnokratnoe	RG 1802.
soveršennoe okončanie	Grammatika 1809.
soveršennoe učaščat.	Lomonosov 1755.
soveršenno-prostoj	Greč 1811.
soveršennyj prostoj	Reiff 1821.
soveršénoe	Tolmač 1522.
soveršêno	Križanić 1666.
soveršenó bít	Križanić 1666.
soveršényi	Tolmač 1522.
soveršitь(sja)	Lomonosov 1755, Kurganov 1769, Sokolov 1792, Kurganov 1793, RG 1802, Sokolov 1806, Grammatika 1809, Jazvickij 1810, Ornatovskij 1810, Greč 1811, Jakob 1812, Greč 1827, Nikol'skoj 1830.
soveršitьsja nepreměnno	Ornatovskij 1810.
soveršivšeesja	Sokolov 1792, RG 1802, Sokolov 1806.
spatium temporis	Charisius 375, Priscianus 500, Sjöstedt 1824.
spatium aetatis	Diomedes 375
spatium breve	Priscianus 500.
spatium longum	Priscianus 500, Sjöstedt 1824.
species	Varro 45 do n.ė., Donatus 350, Charisius 375, Diomedes 375, Priscianus 500, Statorius 1568, Nudožer 1603, Ludolf 1696, NG 1745, Groening 1750, Lomonossow 1764, Barsov 1788, Dobrowsky 1799, Kopitar 1808, E & O 1822, Sjöstedt 1824.
species absoluta	Charisius 375, Diomedes 375.
species ambigua	Diomedes 375.
species declinatuum	Varro 45 do n.ė.
species defectiva	Diomedes 375.
species derivativa	Priscianus 500, (Statorius 1568), Nudožer 1603.
species desiderativa	Priscianus 500, Ludolf 1696.
species diminutiva	Priscianus 500.
species exacta	Diomedes 375.
species frequentativa	Priscianus 500.
species illimitata	E & O 1822.
species inperfecta	Charisius 375.
species inchoativa	Diomedes 375, Priscianus 500, Statorius 1568.

species intuituum	Sjöstedt 1824.
species limitata	E & O 1822.
species meditativa	Priscianus 500.
species notionum	Sjöstedt 1824.
species perfecta	Charisius 375.
species plusquamperfecta	Charisius 375.
species primitiva	Priscianus 500, (Statorius 1568), Nudožer 1603, Ludolf 1696.
species temporalis	Varro 45 do n.ė.
species verborum	Diomedes 375, Priscianus 500.
sposobnostь kъ dějstviju	Greč 1811, Greč 1827, Vostokov 1831.
sprezanje	Karadžić 1818.
sprjagatь	Smotrickij 1619, Kopijewitz 1706, Lomonosov 1755, Kurganov 1769, Kurganov 1793, Greč 1811, Boldyrev 1812, Boldyrev 1816, Greč 1827, Vostokov 1831.
sprjaženïe	Smotrickij 1619, Ludolf 1696, Sohier 1724, Adodurov 1738, NG 1745, Lomonosov 1755, Charpentier 1768, Kurganov 1769, KPR 1773, KPR 1784, Barsov 1788, Heym 1789, Sokolov 1792, Kurganov 1793, RG 1802, Maudru 1802, Heym 1804, Sokolov 1806, Born 1808, Grammatika 1809, Tappe 1810, Ornatovskij 1810, Timkovskij 1811, Greč 1811, Tappe 1812, Č. 1812, Boldyrev 1812, Boldyrev 1812a, E & O 1814, Tappe 1815, Boldyrev 1816, Davydov 1817, Greč 1819, Čaplin 1822, Greč 1827, E & O 1830, Vostokov 1831.
sprjaženïe vseobščee	Boldyrev 1812a.
Stamm	Vater 1808.
Stammsylbe	Dobrowsky 1791, Dobrowsky 1809, Puchmayer 1820.
Stammverbum	Vater 1805, Vater 1807, Vater 1808, Tappe 1810, Vater 1814, Tappe 1815.
Stammwort	Bandtke 1808, Dobrowsky 1809, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820.
Stamm-Zeitwort	Lomonossow 1764, Bandtke 1808.
Stamord	E & O 1814.
state of being	Heard 1827.
stepenь	Barsov 1788, Rižskij 1806, Greč 1827.
stepenь vremeni	Rižskij 1806, Ornatovskij 1810.
stradánïe	Smotrickij 1619, Lomonosov 1755, Sokolov 1792, RG 1802, Sokolov 1806, Ornatovskij 1810.
subitanea	E & O 1822.
subitement	Reiff 1821.
subito	Dobrowsky 1822.
sudden and single	Heard 1827.
suddenly	Heard 1827.
sugubyj	Reiff 1821, Greč 1827.
sugubyj predložnyj	Greč 1827.
suproúžьstvo	OČS 1500.
suprúžestvo	Adelphotes 1591.
sur le champ	Sohier 1724.
sveršajuščeesja	Born 1808.
sveršenie	Born 1808, Vostokov 1831.
sveršénnoe, sveršénoe	Tolmač 1522.
svojstvo glagola	Lomonosov 1755, Kurganov 1769, Kurganov 1793,

	Greč 1811.
svršen	Karadžić 1818.
svršiti	Karadžić 1818.
sъvrъšitelnyi	Tolmač 1522.
sydzygía	Dionysios Thrax 100 do n.ė., Apollonios Dyskolos 150, Laskaris 1476, Adelphotes 1591.
syntéleia	Stoa 300 do n.ė., Apollonios Dyskolos 150.
syntelés	Apollonios Dyskolos 150.
syntelikós	Stoa 300 do n.ė., Apollonios Dyskolos 150, Kopitar 1808 (gre).
sýntheton	Dionysios Thrax 100 do n.ė., Laskaris 1476, Adelphotes 1591.
System der Formation	Vater 1808.
sximatísmъ	Smotrickij 1619.
téleios	Stoa 300 do n.ė., Dionysios Thrax 100 do n.ė., Apollonios Dyskolos 150, Priscianus 500, Vater 1808 (gre).
teleíōsis	Apollonios Dyskolos 150.
temps	A & L 1676, Sohier 1724, Charpentier 1768, Maudru 1802, Hamonière 1817, Reiff 1821.
temps absolu	Charpentier 1768.
temps composé	A & L 1676, Charpentier 1768, Jazvickij 1810.
t. composé dans le sens	A & L 1676, Jazvickij 1810.
tems défini	Maudru 1802.
temps déterminé	Reiff 1821.
tems indéfini	Maudru 1802.
temps indéterminé	Reiff 1821.
temps rélatif	Charpentier 1768, Maudru 1802.
temps simple	A & L 1676, Charpentier 1768.
tempus, tempora	Varro 45 do n.ė., Donatus 350, Charisius 375, Diomedes 375, Priscianus 500, Optát & al. 1533, Statorius 1568, Nudožer 1603, Uževič 1643, Uževič 1645, Rosa 1672, Ludolf 1696, Kopijewitz 1706, Adodurov 1731, NG 1745, Doležal 1746, Groening 1750, Lomonossow 1764, Rodde 1773, Kopczyński 1778, Tomsa 1782, Barsov 1788, Rodde 1789, Heym 1789, Bernolák 1790, Pelzel 1795, Dobrowsky 1799, Vater 1801, Heym 1804, Negedly 1804, Vater 1805, Glinka 1805, Vater 1807, Vater 1808, Bandtke 1808, Kopitar 1808, Tappe 1810, Ornatovskij 1810, Tappe 1812, Jakob 1812, Vater 1814, E & O 1814, Tappe 1815, Dobrowsky 1822, Sjöstedt 1824, Grimm 1824, Karadžić/Grimm 1824.
tempora absoluta	Vater 1801, Vater 1805, Jakob 1812, Tappe 1815.
temp. actionis simplicis	Vater 1808, Vater 1814, Dobrowsky 1814a.
tempora composita	Jakob 1812.
tempora continuativa	Jakob 1812.
tempora frequentativa	Rodde 1773, Rodde 1789.
tempora imperfecta	Rosa 1672, Bandtke 1808.
tempora inchoativa	Jakob 1812.
tempora indefinita	Vater 1808, Vater 1814.
tempora indeterminata	Jakob 1812.
tempora infecta	Nudožer 1603 (lat).
tempora perfecta	Charisius 375, Nudožer 1603 (lat), Rosa 1672, Vater 1808, Bandtke 1808, Vater 1814, Dobrowsky 1814a.
tempora relativa	Vater 1801, Vater 1805, Jakob 1812, Tappe

	1815.
tempora simplicia	Jakob 1812.
tempus absolutum	Vater 1801.
tempus ante Perfectum	Rosa 1672.
tempus aóriston	Sjöstedt 1824.
tempus compositum	Dobrowsky 1799.
tempus definitum	Dobrowsky 1822.
tempus determinatum	Dobrowsky 1822.
tempus frequentativum	Rosa 1672.
tempus futurum	Varro 45 do n.ė., Donatus 350, Charisius 375, Diomedes 375, Priscianus 500, Nudožer 1603, Rosa 1672, Ludolf 1696, Groening 1750, Bernolák 1790, Pelzel 1795, Vater 1801, Dobrowsky 1822, Sjöstedt 1824.
tempus indefinitum	Dobrowsky 1822.
tempus infinitivum	Rosa 1672.
tempus infinitum	Rosa 1672.
tempus inperfectum	Diomedes 375, Rosa 1672, Kopijewitz 1706, Doležal 1746, Groening 1750, Bernolák 1790, Pelzel 1795, Vater 1801.
tempus longius	Dobrowsky 1822.
tempus perfectum	Diomedes 375, Uževič 1645, Rosa 1672, Doležal 1746, Groening 1750, Bernolák 1790, Pelzel 1795.
tempus praesens	Varro 45 do n.ė., Donatus 350, Charisius 375, Diomedes 375, Priscianus 500, Statorius 1568, Nudožer 1603, Uževič 1643, Uževič 1645, Rosa 1672, Ludolf 1696, Doležal 1746, Groening 1750, Lomonossow 1764, Bernolák 1790, Pelzel 1795, Vater 1801, Negedly 1804, Dobrowsky 1822, Sjöstedt 1824.
tempus praeteritum	Varro 45 do n.ė., Donatus 350, Charisius 375, Diomedes 375, Priscianus 500, Statorius 1568, Nudožer 1603, Uževič 1645, Rosa 1672, Ludolf 1696, Doležal 1746, Kopczyński 1778, Vater 1801, Sjöstedt 1824.
tempus praet. perfectum	Diomedes 375, Vater 1801.
tempus praet. plqpf	Diomedes 375.
tempus principale	Diomedes 375.
tempus relativum	Vater 1801.
tempus simplex	Jakob 1812.
tense	Heard 1827.
teperь	Greč 1827, Vostokov 1831.
teraźnieyszy	Kopczyński 1778, Bandtke 1808.
terminatio iterativa	Dobrowsky 1822.
termination	Heard 1827.
terminée	Charpentier 1768.
terminus	Rosa 1672, Bernolák 1790, Dobrowsky 1822.
thema	Statorius 1568, Nudožer 1603, Smotrickij 1619, Rosa 1672, Barsov 1788, Pelzel 1795, Dobrowsky 1809, Puchmayer 1820, Dobrowsky 1822.
thema compositum	Nudožer 1603.
thema derivatum	Nudožer 1603.
thema futurum	Nudožer 1603.
thema praesens	Nudožer 1603.
thema praesentis	Rosa 1672.
thema primarium	Nudožer 1603, Rosa 1672.
thema primitivum	Nudožer 1603.

thema primum	Rosa 1672.
thema secundarium	Nudožer 1603.
thématъ	Smotrickij 1619
thorough completion	Heard 1827.
thoroughly	Heard 1827.
Tid, Tider	Groening 1750, E & O 1814.
tilldraga sig	E & O 1814, E & O 1830.
tilldragelse	E & O 1822.
tillkommande	E & O 1822.
Tillkommande tid	E & O 1814.
time	Heard 1827.
točka	Jakob 1812.
tolьko odnaždy	Lomonosov 1755, Kurganov 1769, Kurganov 1793.
totaliter	Uževič 1643.
tout à l'heure	Sohier 1724.
trajati	Karadžić 1818.
trajanje	Karadžić 1818.
transire	Dobrowsky 1822.
transitus	Rosa 1672.
translatio de loco	Rosa 1672.
überflüssig	Lomonossow 1764, Rodde 1773.
učaščáemyi	Tolmač 1522, Smotrickij 1619, Vostokov 1831.
učaščáema véščь	Smotrickij 1619.
učaščátelnyj	Smotrickij 1619, Smotrickij 1648, Ludolf 1696, Maksimov 1723, Sohier 1724, Adodurov 1738, Lomonosov 1755, Kurganov 1769, KPR 1773, Barsov 1788, Heym 1789, Sokolov 1792, Kurganov 1793, RG 1802, Sokolov 1806, Vater 1808, Born 1808, Grammatika 1809, Tappe 1810, Ornatovskij 1810, Timkovskij 1811, Greč 1811, Tappe 1812, Boldyrev 1812, Boldyrev 1812a, E & O 1814, Tappe 1815, Boldyrev 1816, Boldyrev 1817, Greč 1819, Reiff 1821, Čaplin 1822, Nikol'skoj 1830, E & O 1830.
učaščenie	Lomonosov 1755, Kurganov 1769, Barsov 1788, Sokolov 1792, Kurganov 1793, RG 1802, Sokolov 1806, Grammatika 1809, Jazvickij 1810, Timkovskij 1811, Vostokov 1811, Greč 1827.
učaščenie umalitelьnoe	Lomonosov 1755, Kurganov 1769, Kurganov 1793.
- bezъ učaščenija	Sokolov 1792, Sokolov 1806.
udalennyj	Ornatovskij 1810.
umalenie	Lomonosov 1755.
uměnie	Greč 1827.
umenšitelьnoe	Sokolov 1792, RG 1802, Sokolov 1806.
umschrieben	Dobrowsky 1809, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820, Karadžić/Grimm 1824.
umschriebenes Futurum	Dobrowsky 1809, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820.
un jour	Sohier 1724.
un peu	Hamonière 1817, Reiff 1821.
unbeschränkte Art	Tappe 1812, 1815.
unbestimmt	Lomonossow 1764, Rodde 1773, Tomsa 1782, Rodde 1789, Heym 1789, Heym 1804, Tomsa 1804, Negedly 1804, Vater 1805, Glinka 1805, Bandtke 1808, Dobrowsky 1809, Tappe 1810, Tappe 1812, Vater 1814, Tappe 1815, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820.
unbestimmt vergangene Zeit	Rodde 1773.
unbestimmt völlig verg.	Heym 1789.

unbestimmte Bedeutung	Vater 1814.
unbestimmte Fortdauer	Vater 1814.
unbestimmte Weise	Tomsa 1804.
unbestimmte Zeit	Dobrowsky 1809, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820.
unbestimmtes Futurum	Heym 1789, Heym 1804, Glinka 1805.
unbestimmtes Zeitwort	Dobrowsky 1809, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820.
Unbestimmtheit	Vater 1808.
unbezirckte	Adodurov 1731
une fois	Charpentier 1768, Maudru 1802, Boldyrev 1812, Reiff 1821.
ungewiss	Lomonossow 1764, Heym 1789, Heym 1804, Tappe 1810, Tappe 1812.
unicus	Rosa 1672, Dobrowsky 1799.
unifactif	Maudru 1802.
unitas	Lomonossow 1764, Rodde 1773, Rodde 1789, Dobrowsky 1792, Dobrowsky 1809, Dobrowsky 1822.
unrein	Tomsa 1804.
unrichtig	Lomonossow 1764.
Unterarten	Vater 1801, Vater 1814.
unterbrochen	Dobrowsky 1809.
Unterabtheilungen	Glinka 1805.
ununterbrochen	Tomsa 1804, Bandtke 1808.
unvollendet	Heym 1789, Heym 1804, Bandtke 1808, Dobrowsky 1809, Tappe 1810, Tappe 1812, 1815, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820.
unvollendetes Futurum	Dobrowsky 1809, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820.
unvollkommen	Lomonossow 1764, Tomsa 1782, Tomsa 1804.
unvollkommen vergangene	Lomonossow 1764.
unvollkommen zukünfftige	Lomonossow 1764.
unvollkommenes Zeitwort	Tomsa 1782.
unvollständig	Lomonossow 1764, Rodde 1773, Heym 1804.
Upprepningsform	E & O 1814, E & O 1822, E & O 1830.
uprepning	Groening 1750, E & O 1830.
ursprünglich (primit.)	Dobrowsky 1792, Negedly 1804, Vater 1808.
usilenie dějstvija	Jakob 1812.
ustawiczne	Kopczyński 1778.
usugublenie oxoty	RG 1802, Grammatika 1809.
utmärka	Groening 1750, E & O 1822, E & O 1830.
uveličenie oxoty	Sokolov 1792.
uveličitelьnoe	Sokolov 1792, RG 1802, Sokolov 1806.
vana	E & O 1814, E & O 1830.
vara sysselsatt	E & O 1814, E & O 1830.
vdrugъ	Lomonosov 1755, Barsov 1788, Sokolov 1792, Sokolov 1806, Boldyrev 1812, Nikol'skoj 1830.
verb	Heard 1827.
Verba beider Art	Grimm 1824.
verbe	A & L 1676, Sohier 1724, Charpentier 1768, Maudru 1802, Born 1808, Hamonière 1817, Reiff 1821.
verbe abondant	Hamonière 1817.
verbe absolu	Maudru 1802.
verbe abstrait	Maudru 1802.
verbe actif	Charpentier 1768, Hamonière 1817, Reiff 1821.
verbe auxiliaire	Reiff 1821.
verbe commun	Sohier 1724, Charpentier 1768, Hamonière 1817.

verbe complet — Charpentier 1768, Maudru 1802, Hamonière 1817, Reiff 1821.
verbe composé — Charpentier 1768, Maudru 1802, Hamonière 1817, Reiff 1821.
verbe concret — Maudru 1802.
verbe défectueux — Charpentier 1768.
verbe dérivé — Sohier 1724, Charpentier 1768, Maudru 1802.
verbe double — Reiff 1821.
verbe fréquentatif — Sohier 1724, Maudru 1802, Hamonière 1817, Reiff 1821.
verbe impersonnel — Charpentier 1768, Hamonière 1817.
verbe inchoatif — Reiff 1821.
verbe incomplet — Charpentier 1768, Hamonière 1817.
verbe indéfini — Reiff 1821.
verbe irrégulier — Charpentier 1768, Hamonière 1817, Reiff 1821.
verbe neutre — Sohier 1724, Charpentier 1768, Hamonière 1817, Reiff 1821.
verbe parfait — Reiff 1821.
verbe parfait simple — Reiff 1821.
verbe passif — Charpentier 1768, Hamonière 1817, Reiff 1821.
verbe personnel — Charpentier 1768, Hamonière 1817.
verbe primitif — Sohier 1724, Charpentier 1768, Maudru 1802, Reiff 1821.
verbe réciproque — Charpentier 1768, Hamonière 1817, Reiff 1821.
verbe réfléchi — Charpentier 1768, Hamonière 1817, Reiff 1821.
verbe régulier — Charpentier 1768, Hamonière 1817.
verbe relatif — Maudru 1802.
verbe sémelfactif — Reiff 1821.
verbe simple — Charpentier 1768, Maudru 1802, Hamonière 1817, Reiff 1821.
verbe surabondant — Charpentier 1768.
verbe unifactif — Maudru 1802.
verbe unipersonnel — Reiff 1821.
verbum, verba — Varro 45 do n.ė., Donatus 350, Charisius 375, Diomedes 375, Priscianus 500, Optát & al. 1533, Statorius 1568, Nudožer 1603, Uževič 1643, Uževič 1645, Rosa 1672, Ludolf 1696, Kopijewitz 1706, Adodurov 1731, NG 1745, Doležal 1746, Groening 1750, Lomonossow 1764, Rodde 1773, Kopczyński 1778, Tomsa 1782, Barsov 1788, Rodde 1789, Heym 1789, Bernolák 1790, Dobrowsky 1791, Pelzel 1795, Dobrowsky 1799, Vater 1801, Heym 1804, Tomsa 1804, Negedly 1804, Vater 1805, Glinka 1805, Vater 1807, Vater 1808, Bandtke 1808, Kopitar 1808, Dobrowsky 1809, Tappe 1810, Ornatovskij 1810, Tappe 1812, Dobrowsky 1814, Vater 1814, E & O 1814, Tappe 1815, Karadžić 1818, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820, Dobrowsky 1822, E & O 1822, Grimm 1824, Karadžić/Grimm 1824, Sjöstedt 1824, E & O 1830.
verbum absolutum — Diomedes 375, Priscianus 500, Jakob 1812.
verbum abundans — Lomonossow 1764, Rodde 1773, Rodde 1789, Heym 1789, Heym 1804.
verbum actionis imperf. — Bandtke 1808.
verbum actionis perf. — Bandtke 1808.
verbum act. simplicis — Vater 1808.
verbum activum — Donatus 350, Diomedes 375, Priscianus 500, Statorius 1568, Rosa 1672, Adodurov 1731, Doležal 1746, Groening 1750, Lomonossow 1764,

	Kopczyński 1778, Barsov 1788, Bernolák 1790, Pelzel 1795, Negedly 1804, Vater 1808, Bandtke 1808, E & O 1814, Dobrowsky 1822, E & O 1830.
verbum anomalum	Ludolf 1696, Dobrowsky 1799, Heym 1804, Vater 1808, Bandtke 1808, Tappe 1810.
verbum auxiliare	Rodde 1773, Barsov 1788, Rodde 1789, Bernolák 1790, Dobrowsky 1799, Dobrowsky 1822.
verbum commune	Donatus 350, Diomedes 375, Priscianus 500, Lomonossow 1764, Rodde 1773, Barsov 1788, Rodde 1789, Vater 1808, Vater 1814.
verbum completum	Lomonossow 1764, Rodde 1773, Rodde 1789.
verbum conpositum	Donatus 350, Charisius 375, Diomedes 375, Priscianus 500, Statorius 1568, Uževič 1643, Rosa 1672, Ludolf 1696, Adodurov 1731, NG 1745, Doležal 1746, Groening 1750, Lomonossow 1764, Rodde 1773, Kopczyński 1778, Rodde 1789, Heym 1789, Bernolák 1790, Dobrowsky 1791, Pelzel 1795, Dobrowsky 1799, Heym 1804, Negedly 1804, Vater 1805, Vater 1807, Vater 1808, Bandtke 1808, Tappe 1810, Tappe 1812, Vater 1814, Dobrowsky 1814, Tappe 1815, Dobrowsky 1822, E & O 1822.
verbum continuationis	E & O 1822.
verbum continuativum	Bandtke 1808, Dobrowsky 1822.
verbum declinatum	Varro 45 do n.ė.
verbum decompositum	Priscianus 500, Bandtke 1808, Dobrowsky 1814.
verbum defectivum	Donatus 350, Charisius 375, (Diomedes 375), Priscianus 500, Lomonossow 1764, Rodde 1773, Rodde 1789, Heym 1789, Negedly 1804, Vater 1805, Bandtke 1808, Ornatovskij 1810, Dobrowsky 1822.
verbum defunctum	Bandtke 1808.
verbum deminutivum	Diomedes 375.
verbum denominativum	Rosa 1672, Bernolák 1790.
verbum deponens	Donatus 350, Uževič 1643, Adodurov 1731, Groening 1750.
verbum derivativum	Priscianus 500, Ludolf 1696, Adodurov 1731, Doležal 1746, Groening 1750, Lomonossow 1764, Heym 1789, Heym 1804, Vater 1805, Vater 1808, Bandtke 1808, Vater 1814.
verbum derivatum	Priscianus 500, Doležal 1746, Bernolák 1790, Pelzel 1795, Dobrowsky 1799, Negedly 1804, Dobrowsky 1822.
verbum desiderativum	Priscianus 500, Vater 1801.
verbum diminutivum	Priscianus 500.
Verbum dokonane	Vater 1807.
verbum durativum	Pelzel 1795, Tomsa 1804, Negedly 1804.
verbum factitivum	Dobrowsky 1799, Dobrowsky 1822.
verbum finitum	Diomedes 375, Vater 1801.
verbum frequentativum	Donatus 350, Charisius 375, Diomedes 375, Priscianus 500, Statorius 1568, (Nudožer 1603), Uževič 1643, Rosa 1672, Ludolf 1696, Adodurov 1731, Doležal 1746, Groening 1750, Lomonossow 1764, Rodde 1773, Kopczyński 1778, Tomsa 1782, Rodde 1789, Heym 1789, Bernolák 1790, Dobrowsky 1791, Pelzel 1795, Dobrowsky 1799, Vater 1801, Heym 1804, Tomsa 1804, Negedly 1804, Vater 1805, Vater 1807, Vater

	1808, Bandtke 1808, Tappe 1810, Tappe 1812, Vater 1814, Tappe 1815.
verbum futurum	Negedly 1804.
verbum imperfectivum	Kopitar 1808, Karadžić 1818, Grimm 1824, Karadžić/Grimm 1824.
verbum imperfectum	Rosa 1672, Jandyt 1705, Doležal 1746, Kopczyński 1778, Bernolák 1790, Dobrowsky 1791, Tomsa 1804, Kopitar 1808.
v. imperfectum singulare	Rosa 1672.
verbum impersonale	Donatus 350, Diomedes 375, Priscianus 500, Statorius 1568, Adodurov 1731, Doležal 1746, Groening 1750, Lomonossow 1764, Rodde 1773, Kopczyński 1778, Rodde 1789, Heym 1789, Vater 1801, Negedly 1804, Vater 1808, Bandtke 1808, Tappe 1810, Ornatovskij 1810, Vater 1814, Dobrowsky 1822, Karadžić/Grimm 1824.
verbum inchoativum	Donatus 350, Charisius 375, Diomedes 375, Priscianus 500, Statorius 1568, Uževič 1643, Rosa 1672, Adodurov 1731, Doležal 1746, Groening 1750, Barsov 1788, Bernolák 1790, Pelzel 1795, Dobrowsky 1799, Vater 1801, Tomsa 1804, Negedly 1804, Vater 1808, Bandtke 1808, Tappe 1810, Tappe 1812, Dobrowsky 1822.
verbum indefinitum	Tappe 1810, Tappe 1812, Vater 1814, Tappe 1815.
verbum infectum	Varro 45 do n.ė.
verbum infinitivum	Rosa 1672.
verbum infinitum	Priscianus 500.
verbum intensivum	Dobrowsky 1799.
verbum intransitivum	Barsov 1788, Negedly 1804, Vater 1805.
verbum irregulare	Ludolf 1696, NG 1745, Doležal 1746, Lomonossow 1764, Rodde 1773, Rodde 1789, Heym 1789, Heym 1804, Vater 1808, Tappe 1810, Vater 1814.
verbum iterativum	Charisius 375, Diomedes 375, Rosa 1672, Dobrowsky 1791, Pelzel 1795, Dobrowsky 1799, Tomsa 1804, Negedly 1804, Dobrowsky 1809, Puchmayer 1820, Dobrowsky 1822.
verbum iteratum	Diomedes 375.
verbum longioris morae	Dobrowsky 1822.
verbum meditativum	Priscianus 500.
verbum neutrum	Donatus 350, Diomedes 375, Priscianus 500, Statorius 1568, Rosa 1672, Adodurov 1731, Doležal 1746, Lomonossow 1764, Rodde 1773, Kopczyński 1778, Barsov 1788, Rodde 1789, Bernolák 1790, Pelzel 1795, Dobrowsky 1799, Vater 1801, Tomsa 1804, Negedly 1804, Vater 1805, Vater 1808, Bandtke 1808, Vater 1814, E & O 1814, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820, Dobrowsky 1822, E & O 1830.
Verbum niedokonane	Vater 1807.
verbum passivum	Donatus 350, Diomedes 375, Priscianus 500, Statorius 1568, Nudožer 1603, Rosa 1672, Adodurov 1731, Doležal 1746, Groening 1750, Lomonossow 1764, Kopczyński 1778, Barsov 1788, Bernolák 1790, Pelzel 1795, Negedly 1804, Vater 1808.
verbum perfectivum	Kopitar 1808, Karadžić 1818, Grimm 1824, Karadžić/Grimm 1824.

verbum perfectum	Varro 45 do n.ė., Statorius 1568, Uževič 1643, Rosa 1672, Jandyt 1705, Doležal 1746, Kopczyński 1778, Heym 1789, Bernolák 1790, Dobrowsky 1791, Heym 1804, Tomsa 1804, Vater 1805, Vater 1808, Kopitar 1808, Tappe 1810, Tappe 1812, Tappe 1815.
Verbum Perfectum simplex	Tappe 1812, Tappe 1815.
verbum personale	Statorius 1568, Adodurov 1731, Doležal 1746, Groening 1750, Lomonossow 1764, Rodde 1773, Kopczyński 1778, Rodde 1789, Heym 1789, Vater 1801, Ornatovskij 1810, Dobrowsky 1822, Karadžić/Grimm 1824.
verbum plenum	Ornatovskij 1810, E & O 1822.
verbum plurativum	Pelzel 1795.
verbum primigenium	Varro 45 do n.ė.
verbum primitivum	Charisius 375, Diomedes 375, Priscianus 500, Statorius 1568, Uževič 1643, Ludolf 1696, Adodurov 1731, Doležal 1746, Groening 1750, Lomonossow 1764, Heym 1789, Bernolák 1790, Dobrowsky 1791, Dobrowsky 1799, Heym 1804, Negedly 1804, Vater 1805, Vater 1808, Bandtke 1808.
verbum prolongatum	Pelzel 1795, Tomsa 1804, Negedly 1804.
verbum reciprocum	Lomonossow 1764, Kopczyński 1778, Barsov 1788, Pelzel 1795, Tomsa 1804, Negedly 1804, Vater 1808, Bandtke 1808, Tappe 1810, Vater 1814, E & O 1814, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820, E & O 1830.
verbum reflexivum	Vater 1808, Tappe 1810, Vater 1814, E & O 1814, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820, E & O 1830.
verbum reflexum	Barsov 1788.
verbum regulare	Ludolf 1696, Adodurov 1731, NG 1745, Doležal 1746, Lomonossow 1764, Rodde 1773, Rodde 1789, Heym 1789, Heym 1804.
verb. relativum (trans)	Jakob 1812.
verbum semifrequentat.	Rosa 1672.
verbum simplex	Donatus 350, Charisius 375, Diomedes 375, Priscianus 500, Statorius 1568, Uževič 1643, Rosa 1672, (Ludolf 1696), Adodurov 1731, NG 1745, Doležal 1746, Groening 1750, Lomonossow 1764, Kopczyński 1778, Rodde 1789, Heym 1789, Bernolák 1790, Pelzel 1795, Negedly 1804, Vater 1808, Bandtke 1808, Tappe 1810, Tappe 1812, Tappe 1815, Dobrowsky 1822, E & O 1822.
v. simplex imperfectum	Rosa 1672.
v. simplex perfectum	Rosa 1672, Doležal 1746.
v. simplex singulare	Rosa 1672.
verbum singulare	Rosa 1672, Doležal 1746, Kopczyński 1778, Tomsa 1782, Bernolák 1790, Pelzel 1795, Dobrowsky 1799, Tomsa 1804, Negedly 1804, Dobrowsky 1809, Puchmayer 1820, Dobrowsky 1822.
verbum sing. imperfectum	Doležal 1746, Bernolák 1790.
verbum sing. perfectum	Doležal 1746, Bernolák 1790.
verbum sing. mixtum	Tomsa 1804.
verbum sing. purum	Tomsa 1804.
verbum sing. simplex	Rosa 1672.
verbum sing. unvollkomm.	Tomsa 1782.
verbum sing. vollkommen	Tomsa 1782.

verbum substantivum	Statorius 1568, Nudožer 1603, Uževič 1643, Uževič 1645, Rosa 1672, Kopijewitz 1706, Dobrowsky 1799, Vater 1805, Bandtke 1808, Vater 1814.
verbum temporale	Varro 45 do n.ė.
verbum transitivum	Barsov 1788, Negedly 1804, Vater 1805.
Verein der Tempora	Vater 1808.
verflossen	Heym 1789, Pelzel 1795, Heym 1804, Negedly 1804.
vergangen	Lomonossow 1764, Rodde 1773, Rodde 1789, Heym 1789, Pelzel 1795, Vater 1801, Heym 1804, Tomsa 1804, Negedly 1804, Vater 1805, Glinka 1805, Vater 1808, Dobrowsky 1809, Tappe 1810, Tappe 1812, Tappe 1815, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820.
vergangene zukünftige Zeit	Tomsa 1804.
Vergangenheit	Vater 1801, Vater 1805, Born 1808, Tappe 1810, Karadžić/Grimm 1824.
verlängernd	Pelzel 1795.
verlängert	Pelzel 1795, Tomsa 1804, Negedly 1804, Dobrowsky 1809, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820.
Verlängerung	Pelzel 1795, Tomsa 1804.
verrichten	Lomonossow 1764.
verrichtend	Heym 1789, Heym 1804.
verrichtet	Lomonossow 1764.
Verrichtung	Lomonossow 1764.
věščanie	Tolmač 1522.
veščъ, veščь	Tolmač 1522, Zizanij 1596, Smotrickij 1619, Lomonosov 1755, Kurganov 1769, Barsov 1788, Sokolov 1792, Kurganov 1793, RG 1802, Sokolov 1806, Grammatika 1809, Jazvickij 1810.
vidь, vidъ	OČS 1400, OČS 1500, Tolmač 1522, Adelphotes 1591, Zizanij 1596, Smotrickij 1619, Smotrickij 1648, Ludolf 1696, Sohier 1724, (NG 1745), Lomonosov 1755, Kurganov 1769, KPR 1773, KPR 1784, Barsov 1788, Kurganov 1793, RG 1802, Vater 1808 (cslav), Born 1808, Grammatika 1809, Jazvickij 1810, Greč 1811, Vostokov 1811, Boldyrev 1812, Tappe 1812, E & O 1814, Tappe 1815, Boldyrev 1816, Reiff 1821, Čaplin 1822, Greč 1827, (Nikol'skoj 1830), E & O 1830, Vostokov 1831.
vidъ dějstvija	Greč 1827.
vidъ dlitelьnyj	Vostokov 1831.
vidъ glagola (diat)	Born 1808, Jazvickij 1810.
vidъ glagola (asp)	Greč 1811, Vostokov 1811, Tappe 1812, E & O 1814, Tappe 1815, Reiff 1821, Čaplin 1822, Greč 1827, Vostokov 1831.
vidъ glavnyj	Greč 1827, Vostokov 1831.
vidъ mnogokratnyj	Reiff 1821, Greč 1827, Vostokov 1831.
vidъ načinátelnyj	Smotrickij 1619, Vostokov 1831.
vidъ neograničennyj	Tappe 1812, E & O 1814, Tappe 1815, E & O 1830.
vidъ neokončatelьnyj	Vostokov 1831.
vidъ neopredělennyj	Reiff 1821, Greč 1827, Vostokov 1831.
vidъ nesoveršennyj	Reiff 1821, Greč 1827.
vidъ nesov. neopreděl.	Greč 1827.

vidъ nesov. opreděl.	Greč 1827.
vidъ odnokratnyj	Reiff 1821, Greč 1827, Vostokov 1831.
vidъ ograničennyj	Greč 1811, Vostokov 1811, Tappe 1812, E & O 1814, Tappe 1815, E & O 1830.
vidъ okončatelьnyj	Vostokov 1831.
vidъ opredělennyj	Reiff 1821, Greč 1827, Vostokov 1831.
vidъ oučaščátelnyj	Smotrickij 1619.
vidъ pervoobraznoe	OČS 1500.
vidъ pervobytno	OČS 1500.
vidъ prevodnoe	OČS 1500.
vidъ pervoóbraznyj	Adelphotes 1591, Zizanij 1596, Smotrickij 1619, Ludolf 1696, Sohier 1724, Kurganov 1769, Kurganov 1793.
vidъ proizvódnyj	Adelphotes 1591, Zizanij 1596, Smotrickij 1619, Ludolf 1696, Sohier 1724, Kurganov 1769, Kurganov 1793.
vidъ soveršénnyj	Smotrickij 1619, Kurganov 1769, Kurganov 1793, Vater 1808 (cslav), Reiff 1821, Greč 1827, Vostokov 1831.
vidъ soverš. načinat.	Vostokov 1831.
vidъ soverš. neopreděl.	Greč 1827.
vidъ soverš. okončat.	Vostokov 1831.
vidъ soverš. opreděl.	Greč 1827.
vidъ soverš. odnokr.	Greč 1827.
vidъ učaščatelьnyj	Smotrickij 1619, Kurganov 1769, Kurganov 1793, Vater 1808 (cslav), Greč 1811, Vostokov 1811.
vidъ vtorostepennyj	Greč 1827.
vidь prěvodnoe	OČS 1400.
vidь prьvobytno	OČS 1400.
vidь prьvoobraznoe	OČS 1400.
vídi glagolà	Smotrickij 1619.
vidy slova	Zizanij 1596, RG 1802, Grammatika 1809, Nikol'skoj 1830.
vielfach	Lomonossow 1764.
vielmahl, vielmal	Lomonossow 1764, Rodde 1773, Rodde 1789, Heym 1804.
vielmalig	Tappe 1812, Tappe 1815.
vis assidua	Diomedes 375.
vis augendi	Rosa 1672.
vis incipiendi	Diomedes 375, Rosa 1672.
visst	E & O 1814, E & O 1822.
v málě soveršénno prešl.	Smotrickij 1619, Vater 1808 (cslav).
vnóže krât	Križanić 1666.
vnožekrátna	Križanić 1666.
vollbracht	Tomsa 1782, Pelzel 1795, Tomsa 1804, Negedly 1804, Vater 1808, Dobrowsky 1809, Puchmayer 1820.
Vollbringung	Tomsa 1804.
Vollenden	Kopitar 1808.
vollendet	Dobrowsky 1791, Tomsa 1804, Bandtke 1808, Vater 1808, Dobrowsky 1809, Tappe 1810, Tappe 1812, Vater 1814, Tappe 1815, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820.
das Vollendete	Tappe 1810, Tappe 1812, 1815.
vollendetes Futurum	Dobrowsky 1809, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820.
vollendete Handlung	Vater 1808, Vater 1814.

vollendete Verba	Tappe 1812.
Vollendung	Lomonossow 1764, Heym 1789, Dobrowsky 1791, Heym 1804, Tomsa 1804, Vater 1805, Vater 1807, Vater 1808, Bandtke 1808, Kopitar 1808, Dobrowsky 1809, Tappe 1810, Tappe 1812, Vater 1814, Jakob 1814, Tappe 1815, Tappe 1819, Dobrowsky 1819, Grimm 1824 (nem).
völlig	Lomonossow 1764, Rodde 1773, Rodde 1789, Heym 1789, Heym 1804, Negedly 1804, Glinka 1805, Vater 1808, Tappe 1810, Tappe 1812, Vater 1814, Tappe 1815.
völlig beendigte	Tappe 1812, Tappe 1815.
völlig geendigte	Heym 1789, Heym 1804, Negedly 1804.
völlig hinter sich	Vater 1808.
völlig verflossene	Heym 1789, Heym 1804.
völlig vergangene	Lomonossow 1764, Tomsa 1782, Heym 1789, Tomsa 1804, Negedly 1804.
völlig vollbrachte	Vater 1808.
völlig vollendete	Vater 1808, Vater 1814.
völlig zukünfftige	Lomonossow 1764.
völlig zu Ende	Heym 1789, Heym 1804, Vater 1808, Bandtke 1808, Tappe 1810, Vater 1814.
völlig zu endigende	Vater 1808, Vater 1814.
völlige Vollendung	Vater 1808, Vater 1814.
vollkommen	Lomonossow 1764, Tomsa 1782, Pelzel 1795, Tomsa 1804, Negedly 1804, Dobrowsky 1809, Tappe 1810, Tappe 1812, Tappe 1815, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820.
vollkommen vergangene	Lomonossow 1764, Pelzel 1795.
vollkommen zukünfftige	Lomonossow 1764.
Vollkommenes	Tappe 1810.
vollkommenes Zeitwort	Tomsa 1782.
vollständig	Lomonossow 1764, Rodde 1773, Vater 1808, Dobrowsky 1809, Vater 1814, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820.
vollziehende	Vater 1805.
vollzogen	Heym 1789, Heym 1804, Glinka 1805.
vor längerer Zeit	Tappe 1812.
vor Zeiten	Negedly 1804, Dobrowsky 1809.
vorausgehen	Dobrowsky 1791.
vorbey seyn	Bandtke 1808.
vorfallen	Tomsa 1804.
vorher vergangene Zeit	Dobrowsky 1809.
vorlängst	Lomonossow 1764, Rodde 1773, Rodde 1789, Vater 1805, Vater 1808, Vater 1814.
vorlängst vergangene	Lomonossow 1764, Rodde 1789.
vorüber gegangen	Vater 1801.
vorüber sein	Vater 1801.
vorübergehen	Pelzel 1795, Vater 1801, Negedly 1804, Dobrowsky 1809, Puchmayer 1820.
vorübergehend	Dobrowsky 1792, Negedly 1804, Dobrowsky 1809, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820.
Vorwort	Lomonossow 1764, Rodde 1773, Tomsa 1782, Rodde 1789, Pelzel 1795, Tomsa 1804, Negedly 1804, Dobrowsky 1809, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820.
vorzeiten	Lomonossow 1764, Rodde 1773, Rodde 1789.
vozmožnostь	Greč 1827.
vréme	Kopijewitz 1706.
vrěme, vrěmena	○ČS 1400.

vrěme boudouščee ОČS 1400.
vrěme mimošьdьšee ОČS 1400.
vrěme minouvьšee ОČS 1400.
vrěme nadьprědělјemoje ОČS 1400.
vrěme nastoeščee ОČS 1400.
vrěme neprědělnoe ОČS 1400.
vrěme pomalě byvajuščee ОČS 1400.
vrěme prědiležimoje ОČS 1400.
vrěme prědьbyvšeje ОČS 1400.
vrěme proteženoe ОČS 1400.
vrěme prьdьbyvšee ОČS 1400.
vrémja, vremena ОČS 1500, Tolmač 1522, Fedorov 1574, Adelphotes 1591, Zizanij 1596, Smotrickij 1619, Smotrickij 1648, Ludolf 1696, Kopijewitz 1706, Smotrickij 1721, Maksimov 1723, Sohier 1724, Polikarpov 1725, Afanas'ev 1725, Adodurov 1738, NG 1745, Lomonosov 1755, Kurganov 1769, KPR 1773, KPR 1784, Barsov 1788, Sokolov 1792, Kurganov 1793, RG 1802, Maudru 1802, Heym 1804, Glinka 1805, Rižskij 1806, Sokolov 1806, Born 1808, Grammatika 1809, Tappe 1810, Jazvickij 1810, Ornatovskij 1810, Timkovskij 1811, Greč 1811, Tappe 1812, Č. 1812, Boldyrev 1812, Boldyrev 1812a, Jakob 1812, E & O 1814, Tappe 1815, Boldyrev 1816, Davydov 1817, Boldyrev 1817, Greč 1819, Reiff 1821, Sjöstedt 1824, Greč 1827, Nikol'skoj 1830, E & O 1830, Vostokov 1831.
vremja boúduščee ОČS 1500.
vremja buduščee ОČS 1500, Tolmač 1522, Adelphotes 1591, Zizanij 1596, Smotrickij 1619, Ludolf 1696, Kopijewitz 1706, NG 1745, Sokolov 1792, RG 1802, Sokolov 1806, Born 1808, Jazvickij 1810, Ornatovskij 1810, Tappe 1810, Greč 1811, Boldyrev 1812a, E & O 1814, Boldyrev 1816, Davydov 1817, Sjöstedt 1824, Greč 1827, Nikol'skoj 1830, E & O 1830, Vostokov 1831.
vremja buduščee složnoe Boldyrev 1812a.
vremja davno prošedšee Lomonosov 1755, Ornatovskij 1810.
vremja davnoprošedšee Lomonosov 1755, Sokolov 1792, RG 1802, Rižskij 1806, Timkovskij 1811, Boldyrev 1817, Sjöstedt 1824, Nikol'skoj 1830, Vostokov 1831.
vremja glagola Rižskij 1806, Greč 1827, Vostokov 1831.
vremja glavnoe Nikol'skoj 1830.
vremja grammatičeskoe Greč 1827.
vremja grjaduščee Tolmač 1522, Smotrickij 1619.
vremja kosvennoe Lomonosov 1755.
vremja mgnovennoe Rižskij 1806.
vremja mimošedšee ОČS 1500, Adelphotes 1591, Zizanij 1596, Smotrickij 1619, Kopijewitz 1706, NG 1745.
vremja minuvšee ОČS 1500, Tolmač 1522.
vremja mnogokratnoe Ornatovskij 1810.
vremja načinajuščeesja Jakob 1812.
vremja nadpredělјaemoe ОČS 1500.
vremja nastojaščee ОČS 1500, Tolmač 1522, Adelphotes 1591, Zizanij 1596, Smotrickij 1619, Ludolf 1696, Kopijewitz 1706, Adodurov 1738, NG 1745, Lo-

	monosov 1755, Barsov 1788, Sokolov 1792, RG 1802, Sokolov 1806, Born 1808, Grammatika 1809, Jazvickij 1810, Ornatovskij 1810, Tappe 1810, Timkovskij 1811, Greč 1811, Boldyrev 1812, Boldyrev 1812a, E & O 1814, Boldyrev 1816, Davydov 1817, Boldyrev 1817, Greč 1819, Sjöstedt 1824, Greč 1827, Nikol'skoj 1830, E & O 1830, Vostokov 1831.
vremja ne razdělimoe	Rižskij 1806.
vremja nedavnoe	Barsov 1788.
vremja neokončatelьnoe	Ornatovskij 1810.
vremja neopredělennoe	Barsov 1788, RG 1802, Jakob 1812, Boldyrev 1812a, Davydov 1817, Boldyrev 1817.
vremja nepredělnoe	OČS 1500, Adelphotes 1591, Zizanij 1596, Smotrickij 1619.
vremja nesoveršennoe	Greč 1811, Greč 1819, Nikol'skoj 1830.
vremja odnokratnoe	Ornatovskij 1810, Greč 1811, Boldyrev 1817.
vremja okončatelьnoe	Nikol'skoj 1830.
vremja predbyvšee	OČS 1500.
vremja predibyvšee	OČS 1500.
vremja predležímoe	OČS 1500.
vremja prešedšee	Tolmač 1522, Smotrickij 1619, Kopijewitz 1706.
vremja presъveršén'noe	Adelphotes 1591, Zizanij 1596.
vremja prexodjáščee	Smotrickij 1619, Ludolf 1696, Kopijewitz 1706, NG 1745, RG 1802.
vremja prodolžajušč.	Jakob 1812.
vremja prošedšee	(Afanas'ev 1725), Adodurov 1738, NG 1745, Lomonosov 1755, Barsov 1788, Sokolov 1792, RG 1802, Glinka 1805, Sokolov 1806, Grammatika 1809, Jazvickij 1810, Ornatovskij 1810, Tappe 1810, Timkovskij 1811, Greč 1811, Č. 1812, E & O 1814, Boldyrev 1816, Davydov 1817, Sjöstedt 1824, Greč 1827, Nikol'skoj 1830, E & O 1830, Vostokov 1831.
vremja proš. nesoverš.	RG 1802.
vremja proš. soverš.	Sjöstedt 1824.
vremja prostoe	Barsov 1788, Jazvickij 1810, Jakob 1812.
vremja prostoe buduščee	Sjöstedt 1824.
vremja protjažénoe	OČS 1500.
vremja protjažén'noe	Adelphotes 1591, Zizanij 1596.
vremja samostojatelьnoe	Jakob 1812.
vremja slovésnoe	Tolmač 1522.
vremja slóvnoe	Tolmač 1522.
vremja složnoe	Barsov 1788, Jakob 1812.
vremja somněnnoe	Barsov 1788.
vremja sostavlennoe	Jazvickij 1810.
vremja soveršennoe	Barsov 1788, Ornatovskij 1810, Greč 1811, Vostokov 1811, Jakob 1812, Nikol'skoj 1830.
vremja teperešnee	Sokolov 1792, Sokolov 1806.
vremja učaščatelьnoe	Davydov 1817, Boldyrev 1817.
vremja vskorě buduščee	Lomonosov 1755 (gre).
- vo vremeni	Greč 1827, Nikol'skoj 1830, Vostokov 1831.
- vo vremenéxъ	OČS 1500.
- vь vrěmeně	OČS 1400.
- vь koe vrěme	OČS 1400.
- vъ koè vrémja	OČS 1500.

- vъ skoromъ vremeni	Barsov 1788.
- vъ to samoe vremja	Sokolov 1792, RG 1802, Sokolov 1806.
- vъ to vremja	Greč 1827, Nikol'skoj 1830.
vrijeme	Karadžić 1818.
vrijeme buduće	Karadžić 1818.
vrijeme davno prošavše	Karadžić 1818.
vrijeme polu prošavše	Karadžić 1818.
vrijeme prošavše	Karadžić 1818.
vrijeme prosto	Karadžić 1818.
vrijeme sadašnje	Karadžić 1818.
vrijeme skoro prošavše	Karadžić 1818.
vrime	Križanić 1666.
vrime prišêstno	Križanić 1666.
vrime promînьeno	Križanić 1666.
vrime sadášnьe	Križanić 1666.
vsegda	Maksimov 1723.
vskorě	Jazvickij 1810, Boldyrev 1812a.
vtoroobraznyj	Greč 1827.
währen	Vater 1801.
während	Vater 1801, Vater 1805, Dobrowsky 1809, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820.
Währung	Vater 1801, Vater 1805, Dobrowsky 1809, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820.
ohne Währung	Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820.
Weile	Tomsa 1804, Dobrowsky 1809, Puchmayer 1820.
weitere Bedeutung	Vater 1808.
Werden, im Werden	Kopitar 1808, Vater 1808, Tappe 1810, Tappe 1812, Tappe 1815.
widerkommen	Bandtke 1808.
wiederholen	Rodde 1773, Rodde 1789, Pelzel 1795, Vater 1801, Vater 1805.
wiederholend	Heym 1789, Pelzel 1795, Heym 1804, Tomsa 1804, Tappe 1810.
wiederholt	Lomonossow 1764, Rodde 1773, Rodde 1789, Heym 1789, Dobrowsky 1792, Pelzel 1795, Heym 1804, Tomsa 1804, Negedly 1804, Vater 1805, Glinka 1805, Vater 1807, Vater 1808, Bandtke 1808, Dobrowsky 1809, Tappe 1810, Tappe 1812, Vater 1814, Tappe 1815, Puchmayer 1820.
Wiederholung	Heym 1789, Dobrowsky 1791, Heym 1804, Negedly 1804, Vater 1805, Vater 1808, Tappe 1810, Vater 1814, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820.
wirklich vergangene	Bandtke 1808.
Wurzelwort	Heym 1789, Dobrowsky 1791, Negedly 1804.
wzgląd	Kopczyński 1778.
zaimstvovatь	Barsov 1788, Sokolov 1792, Sokolov 1806, Grammatika 1809, Boldyrev 1812, Greč 1827, Vostokov 1831.
zaimstvovanie	Barsov 1788, Sokolov 1792, RG 1802, Sokolov 1806, Grammatika 1809.
zalogъ, zalógъ	OČS 1400, OČS 1500, Tolmač 1522, Fedorov 1574, Zizanij 1596, Smotrickij 1619, Ludolf 1696, Sohier 1724, NG 1745, Lomonosov 1755, Kurganov 1769, KPR 1773, KPR 1784, Barsov 1788, Sokolov 1792, Kurganov 1793, RG 1802, Glinka 1805, Sokolov 1806, Vater 1808, Tappe 1812, E & O 1814, Reiff 1821, Greč 1827, E & O 1830, Vostokov 1831.

zanjatь	Lomonosov 1755, KPR 1784, Sokolov 1792, Sokolov 1806.
zaprzeszły	Kopczyński 1778, Bandtke 1808.
Zeit, Zeiten	Lomonossow 1764, Rodde 1773, Tomsa 1782, Rodde 1789, Heym 1789, Dobrowsky 1791, Pelzel 1795, Vater 1801, Heym 1804, Tomsa 1804, Negedly 1804, Glinka 1805, Vater 1808, Bandtke 1808, Dobrowsky 1809, Tappe 1810, Tappe 1812, Tappe 1815, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820.
Zeitart	Pelzel 1795.
Zeitbestimmung	Vater 1805, Dobrowsky 1809, Tappe 1810, Tappe 1812, Jakob 1814, Tappe 1815, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820.
Zeit-Form, -Formen	Vater 1801.
Zeitlinie	Tappe 1812, Tappe 1815.
Zeitmoment	Kopitar 1808.
Zeitpunct	Tappe 1812, Tappe 1815.
Zeitverhältniss	Vater 1801, Tappe 1810.
Zeitwort	Lomonossow 1764, Tomsa 1782, Heym 1789, Pelzel 1795, Vater 1801, Heym 1804, Tomsa 1804, Negedly 1804, Glinka 1805, Bandtke 1808, Dobrowsky 1809, Tappe 1810, Tappe 1815, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820.
Ziel, am Ziele	Kopitar 1808.
złożone	Kopczyński 1778, Bandtke 1808.
značenie	RG 1802, Greč 1811, Vostokov 1811, Boldyrev 1812, Boldyrev 1812a, Boldyrev 1816, Greč 1827, Vostokov 1831.
značenie soveršennoe	Vostokov 1811.
značenje	Karadžić 1818.
znamenovanie	Tolmač 1522, Smotrickij 1619, Adodurov 1738, Lomonosov 1755, Kurganov 1769, Barsov 1788, Sokolov 1792, Kurganov 1793, RG 1802, Rižskij 1806, Sokolov 1806, Jazvickij 1810, Timkovskij 1811.
znamenováⁿje	Križanić 1666.
znamenovati	Tolmač 1522, Adelphotes 1591, Smotrickij 1619, Križanić 1666, Maksimov 1723, Kurganov 1769, Kurganov 1793.
zu verschiedenen Zeiten	Lomonossow 1764, Rodde 1773, Rodde 1789.
zu Zeiten oft	Negedly 1804.
zugleich vorbey seyn	Bandtke 1808.
Zukunft	Dobrowsky 1791, Vater 1801, Vater 1805, Born 1808, Tappe 1810, Vater 1814.
zukünfftig, zukünftig	Lomonossow 1764, Tomsa 1782, Tomsa 1804, Vater 1805, Glinka 1805, Bandtke 1808, Tappe 1812, Tappe 1815.
zusammengesetzt	Lomonossow 1764, Rodde 1773, Rodde 1789, Heym 1789, Dobrowsky 1791, Pelzel 1795, Heym 1804, Tomsa 1804, Negedly 1804, Vater 1805, Vater 1807, Vater 1808, Bandtke 1808, Dobrowsky 1809, Tappe 1810, Tappe 1812, Vater 1814, Tappe 1815, Dobrowsky 1819, Puchmayer 1820, Grimm 1824.
zusammenges. Futurum	Dobrowsky 1809.
zusammenges. Präteritum	Karadžić/Grimm 1824.
Zusammensetzung	Lomonossow 1764, Rodde 1773, Rodde 1789, Tomsa 1782, Negedly 1804, Vater 1805, Vater

	1807, Vater 1808, Bandtke 1808, Tappe 1810, Vater 1814.
Zustand	Dobrowsky 1791, Vater 1801, Heym 1804, Negedly 1804, Vater 1805, Glinka 1805, Vater 1808, Dobrowsky 1809, Tappe 1810, Vater 1814, Puchmayer 1820.
zuweilen	Tomsa 1804.
zweyfaches Futurum	Dobrowsky 1809.
zweytes Iterativum	Dobrowsky 1809.
zweyte vorlängstverg.	Lomonossow 1764.
zwote unbestimte	Lomonossow 1764 (gre).
zwote zukünfftige	Lomonossow 1764 (gre).

***